От автора

Уже несколько лет я стараюсь найти подходящий ответ на вопрос: «Над чем вы работаете последнее время?» Когда я отвечаю: «Я работаю над историей мира», люди неизменно смеются.

Я действительно пишу историю мира. Но я не отважилась бы на проект вроде этого, если бы представитель издательства «Нортон» Старлинг Лоуренс сам не предложил бы мне этого. Его советы, поддержка и редакторские замечания помогли сформировать этот первый том; немалая доля заслуг в появлении этой книги принадлежит именно ему (в частности, именно его помощь направила меня на дорогу преступной самонадеянности).

Я благодарю также Стара и Дженни за их гостеприимство, которое почти сравнимо с южным по своей доброте и всеохватности.

Мой талантливый литературный агент Ричард умело и результативно помогает мне управляться со всеми вопросами в своей области. Я бесконечно благодарна ему за помощь и дружбу.

Любая общая история, подобная этой, опирается на кропотливые работы специалистов. Я благодарю за открытие перспектив Индии, Гранта Фрейма — за вавилонских царей, Робина Уотерфилда — за переводы с греческого, Бартона Уотсона — за переводы с китайского. Я широко пользовалась собранием электронных текстов шумерской литературы — прекрасным источником, ставшим доступным благодаря институту Востока Оксфордского университета.

Библиотекари и штат межбиблиотечного обмена в моей городской библиотеке, а также в библиотеке Свем Лайбрери колледжа Уильяма и Мэри оказывали огромную помощь и были необыкновенно терпимы. Премного благодарю также Диану Бергман из библиотеки Саклера Оксфордского университета за ее помощь.

Я считаю, что мне чрезвычайно повезло, так как талантливая Сара Парк смогла поработать со мной при создании карт, и я с нетерпением жду, когда мы с ней перейдем к средневековым ландшафтам.

В Пис-Хилл я благодарю Питера Баффингтона за то, что он смог помочь с доступами, посещениями библиотек, е-мэйлами и мириадами других мелочей (а также за его замечание о том, как хорошо я справляюсь со временем каждый раз, когда объявляю ему, что продвинулась вперед еще на пятнадцать лет или около того); Сару Баффингтон — за все подсчеты миль-дюймов и километров-миллиметров, за помощь с каталогами и за дружбу; Чарли Парка — за работу с веб-сайтом, рекламой, за его технические советы и энтузиазм; Элизабет Вебер — за веселую помощь во всем, от отзывов до полотенец. Отдельная благодарность — Нэнси Блант, которая взяла на себя страшную работу, помогая в самом кошмарном деле всего проекта, так как я взяла из университетской библиотеки 364 книги и не отвечала на письма в течение восьми месяцев. Она с добрым юмором наводила в этом хаосе порядок, причем весьма результативно.

Я благодарю историков, профессионалов и любителей, которые поддерживали меня в этом проекте: Джона Вильсона из «Букс энд Калчер», Морин Фицджеральд из колледжа Уильяма и Мэри всестороннюю поддержку, гораздо шире ее обязанностей; и моего отца (и делового партнера), Джеймса Л. Уайса-младшего, доктора медицины, который устроил мне рабочий кабинет в нашем старом курятнике и превратил его в очаровательное место.

Роберт Эрик Фрикенберг, Роллин Фиппс, Майкл Стюард и Марта Дарт добровольно взялись прочитывать первые наброски. Грамотная перепечатка Элизабет Пирсон выявила больше несообразностей, чем я считала себя способной создать.

Благодарю Лорена Уиннера за полные сочувствия подбадривания, а также Грега и Стефанию Смит за то, что не упускали возможности приготовить мне обед — раз в год или

около того. Сьюзен Каннингем до сих пор продолжает напоминать мне, что я должна делать.

Мой брат Боб Уайс проводил фотографическую экспертизу и поддерживал разнообразные контакты. (Боб и Хитер, теперь, когда первый том вышел, я обещаю начать отвечать на телефонные звонки и письма по электронной почте.) Джесси Уайс является и моей уважаемой коллегой по профессии, а также необыкновенной мамой и бабушкой; она научила Эмили читать, пока я продиралась через описание Шумера, и приносила мне плоды из сада — хотя я никогда ничего не сажала.

Мой сын Кристофер стал первым учеником, который использовал эту работу как исторический текст в школе, он принес мне ценный отзыв; Бен, Даниэль и Эмили напоминали мне, что жизнь «просто великолепна!» — даже когда нужно читать корректуру. Также выражаю глубочайшую признательность моему мужу Питеру, который дает мне возможность писать и все-таки еще и жить.

Sumus exules, vivendi quam auditores.

Предисловие

Примерно около 1770 года до нашей эры Зимри-Лима, правителя города-крепости Мари на берегу Евфрата, вывела из себя его младшая дочь.

Десятью годами раньше Зимри-Лим выдал свою старшую дочь Шиматум замуж за правителя другого суверенного города-крепости под названием Иланшура. Это был удачный шаг, отмеченный пышными праздниками и горами подарков — в основном от семьи невесты жениху. Внуки Зимри-Лима со временем должны были встать в очередь на трон Иланшуры, а до того правитель Иланшуры становился союзником, а не еще одним соперником в ряду множества независимых городов, борющихся за территории на плодородных, но ограниченных по площади землях вдоль Евфрата.

К несчастью, внуки не появились так быстро, как хотелось царю. Через три года Зимри-Лим, все еще надеясь образовать вечный союз с Иланшурой, послал правителю вторую дочь — Кирум, младшую сестру Шиматум. Ожидалось, что Кирум, острая на язык и амбициозная, займет свое законное место второй жены и служанки своей сестры. Вместо этого она решила попытаться занять положение первой жены правителя. Она вмешивалась в политику, командовала слугами, используя их лично для себя, глумилась над сестрой и вообще воцарилась во дворце — пока Шиматум не родила двойню.

Бездетная Кирум немедленно перестала что-либо значить в дворцовой иерархии. «Никто больше не спрашивает моего мнения, — жаловалась она в письмах отцу. — Муж забрал у меня всех слуг. Сестра говорит, что она сделает со мной, что захочет!»

Судя по отношению Кирум к сестре в ранние годы ее замужества, не похоже, чтобы слова «что захочет» заключали в себе что-либо доброе; и действительно, в своих письмах Кирум начала просить отца спасти ее. Мольба «Забери меня домой или я умру!» перешла в «Если не заберешь меня назад в Мари, я прыгну с самой высокой крыши в Иланшуре!»

Зимри-Лим надеялся сделать царя Иланшуры своим другом. К несчастью, то, что он оставил Кирум среди его домочадцев, не привело к установлению добрых отношений между двумя семьями. Спустя семь лет после свадьбы Зимри-Лим сдался, совершил путешествие на север и, по словам, записанным при его собственном дворе, «освободил дворец Иланшуры», привезя Кирум домой.[1]

Тысячи лет назад группы охотников и собирателей бродили по просторам Азии и Европы, следуя за стадами мамонтов, которые питались дикой травой. Лед начал медленно отступать, разновидности травы менялись, стада откочевывали на север и уменьшались в численности. Некоторые охотники следовали за ними. Другие, лишившись мяса, которое до той поры было их основной пищей, стали собирать эту дикую траву и со временем начали сажать ее для себя.

Вероятно, так оно и было.

Несмотря на то, что мировая история шаблонно отсчитывается с доисторических времен, я подозреваю, что предыстория — неверная точка начала отсчета для историка. Есть специалисты, которые куда лучше оснащены, чтобы копаться во мраке очень далекого прошлого. Археологи откапывают следы деревень, построенных из костей мамонтов, антропологи пытаются реконструировать потерянный мир этих деревень. И те, и другие строят гипотезы, которые соответствовали бы фактам, пытаются создать линзу, которая показала бы нам группы людей, двигающиеся с востока на запад, отказываясь от мяса мамонтов в пользу ячменя и копаясь в земле в поисках дополнительного зерна.

Но для историка, который надеется не только объяснить, что делают люди, но в некоторой степени и почему они это делают, предыстория — время до того, как люди начали писать и

оставлять рассказы о своих королях, героях и о себе — остается в тумане. Какое бы археологи ни сделали заключение о группе, названной «человеком неолита», я ничего не знаю о днях и ночах гончара неолита, делавшего свои горшки с кольцевым ободком в деревне на юге теперешней Франции. Следы охотников и собирателей (горшки, каменные осколки, кости людей и животных, рисунки на скалах и стенах пещер) показывают образ жизни — но не выстраивают рассказ. В предыстории нет королей и жен. Лишенные индивидуальности, доисторические люди слишком часто представляются в виде меняющихся цветовых пятен на карте: движение на север, движение на запад, создание поля культивированного злака или загона для стада только что одомашненных животных. Истории этих безымянных людей должны рассказываться бесцветным голосом, что ранит слишком многих историков: «Цивилизация возникла в плодородной излучине, где на берегах Евфрата впервые было посажено зерно. Вскоре последовало развитие письма, и были созданы города».

Каждый раз, когда историк вынужден делать слишком общие утверждения о «поведении человечества», он оставляет родную землю и говорит на иностранном языке — обычно с полным отсутствием плавности и изящества. Такой вид обезличенной истории (тяжелый, с пассивными глаголами) оглупляюще скучен. Хуже того — он не точен. Плодородная излучина не держит монопольного права на возделывание земли; по всей Азии и Европе мелкие группки начали сажать зерно, когда климат потеплел, и в любом случае посадки в плодородной излучине чаще всего оказывались досадными затратами впустую.

Антропологи могут рассуждать о поведении человека; археологи — о видах поселений; философы и теологи — о мотивациях «человечества» как неделимой массы. Но задача историка другая: рассмотреть жизнь отдельного человека, что добавляет свежести и одушевленности абстрактным утверждениям о поведении людей вообще.

Нелегко быть мелким царьком на древнем Ближнем Востоке. Зимри-Лим проводит половину своего времени, сражаясь с царьками других городов, а вторую половину — пытагороде Мари, когда ее муж отправляется на очередную войну. Она пишет ему в разгар средиземноморского лета: «Обязательно заботься о себе, когда находишься под солнцем!.. Надевай свободную одежду и плащ, который я сшила тебе!.. Мое сердце сильно тревожится: пиши и сообщай, в безопасности ли ты!» И Зимри-Лим отвечает: «Враг не запугал меня своим оружием. Все хорошо. Пусть твое сердце больше не беспокоится».[2] В тысячах клинообразных табличек, найденных в земле на берегах Евфрата, Зимри-Лим проявляется и как типичный царь Средиземноморского региона, и как отдельная личность — многоженец, испытывающий проблемы с детьми.

Поэтому вместо того, чтобы начинать с пещерных рисунков или анонимных групп кочевников, бродящих по равнинам, я начинаю эту историю в той точке, где живет отдельный человек, а из неразличимых толп предыстории дондосятся отдельные человеческие голоса. Вы найдете в последующих главах немного предыстории, заимствованной у археологии и антропологии (и вместе с нею неизбежно использованные обезличенные голоса). Но там, где появляется эта предыстория, она служит только для характеристики тех персонажей, которые ждут за кулисами.

Я аккуратно использую эпические предания и мифы из этой предыстории. Первые персоналии, которые появляются на поверхности древней истории, кажутся частично людьми, частично божествами — древние короли правили тысячи лет, а первые герои вознеслись на небеса на крыльях орла. С XVIII века (как минимум) западные историки стали подозрительно относиться к таким преданиям. Я воспитывалась в университетской системе, где наука считается практически непогрешимой, и историки тоже часто пытаются поставить себя в положение ученых — изыскивая холодные непререкаемые факты и отметая любой

исторический материал, который кажется отступающим от реальности Ньютоновой Вселенной. В конце концов, любой документ, начинающийся так, как начинается шумерский «Царский список» — «Королевская власть спустилась с небес» — не может с доверием считаться историческим. Много надежнее полагаться на науку археологию и реконструировать самые ранние дни Шумера и Египта, а также поселений долины Инда по материальным физическим свидетельствам.

Но для историка, который озадачил себя вопросом, почему и как ведет себя человечество, черепки и фундаменты домов представляют собой не великую ценность. Они не открывают окна в душу. С другой стороны, эпические повествования показывают страхи и надежды людей, которые излагают их, и это зерно объяснения их поведения. Миф, как говорит историк Джон Кей — это «дым истории». Вы можете долго раздувать костер, прежде чем увидите пламя; но когда вы видите дым, самое мудрое — не делать вид, что его там нет.

В любом случае следует помнить, что все исследователи древних времен сильно зависят от предположений. Предположение, подкрепленное физическими свидетельствами, не более надежно, чем предположение, подкрепленное рассказами, которые решили сохранить люди, чтобы передать их своим детям. Каждый историк, выстраивая картину прошлого, делает выбор между свидетельствами и отбрасывает те, что кажутся ему не относящимися к делу. Свидетельства, даваемые древними легендами, не менее важны, чем свидетельства, оставленные купцами на торговых путях. И те, и другие нужно собирать, просеивать, оценивать и использовать. Сосредоточенность на физических свидетельствах и исключение мифов и преданий служит формированию нашей веры, что человеческое поведение определяется лишь тем, что мы можем увидеть, потрогать, понюхать и взвесить; эта сосредоточенность вызвана механистическим взглядом на человеческую природу и слепой верой в методы науки при объяснении тайн поведения человека.

Тем не менее история, построенная вокруг очень древних рассказов, заключает в себе столько же теоретизирования, как и история, построенная вокруг очень древних руин. Поэтому я попыталась указать точку, на которой письменные свидетельства начинают множиться, делая догадку несколько менее предположительной (с этого начнется вторая часть данной книги). Историки не всегда беспокоятся о том, чтобы дать читателю указания такого рода; многие перепрыгивают от «Человек мезолита приобретает все больше умения в изготовлении оружия» к «Саргон распространил свое правление по всей Месопотамии» без указания, что эти два утверждения основаны на свидетельствах совершенно различного рода и несут совершенно различную степень неопределенности.

В этой книге мы проведем немного времени в Австралии, обеих Америках или в Африке — но по разным причинам. Изустные описания этих культур, какими бы древними они ни были, все-таки не простираются так далеко, как самые древние списки царей Месопотамии или первые памятные таблички египетских фараонов. Однако идея линейного времени, которая дает нам возможность так аккуратно выстроить историю — предыстория, древняя история, средневековая история и далее к будущему — не относится к туземцам Африки или Америки; это абсолютно западное порождение (что никак не умаляет его полезности). Как указывает в своем учебнике по предыстории археолог Крис Госден, архаичные народы, такие, как аборигены Австралии, не имеют своей концепции «предыстории». Насколько мы можем судить, они считали прошлое и настоящее одним целым, пока не прибыли уроженцы Запада, принеся с собой «историю» — в этой точке их предыстория мгновенно пришла к концу. Далее мы встретимся и с ними: приближение не может быть идеальным, но оно избегает насилия над их ощущением времени.

Одно дополнительное замечание: датирование чего-либо из происшедшего до Хаммурапи

(около 1750 год до н. э.), весьма проблематично. Даже дата вступления Хаммурапи на престол варьирует на пятьдесят лет или около того в ту или иную сторону, а когда мы возвращаемся к 7000 году до н. э., фактор ошибки приближается к 500–600 годам. Поэтому до 7000 лет до н. э. определенные даты остаются вежливо открытыми. Описание происшедшего от начала времени примерно до 4000 года до н. э. осложнено тем фактом, что существует несколько различных систем обозначения эр «предыстории», ни одна из которых не согласуется полностью с другими, и по крайней мере одна является полным заблуждением.

Я выбрала для указания дат традиционные обозначения: BC и AD. Я понимаю, почему множество историков в попытке уйти от рассмотрения истории с иудейско-христианской точки зрения используют аббревиатуры BCE и CE— но использование обозначения BCE, хотя все даты отсчитываются от рождества Христова, кажется мне абсолютно бессмысленным.[1]

Часть первая
НАЧАЛО ИСТОРИИ

Глава первая
Происхождение царской власти

Севернее Персидского залива, в самом удаленном районе, шумеры открыли, что города нуждаются в правителях

Много тысяч лет тому назад шумерский царь Алулим правил городом Эриду — обнесенным стеной безопасным местом, отрезанным от долины непредсказуемой и суровой реки; позднее римляне назовут эту местность Месопотамией. Взлет Алу-лима к вершине власти отметил начало цивилизации, и его правление длилось почти тридцать тысяч лет.

Шумеры, которые жили в мире, где сверхъестественное и материальное еще не были разнесены в разные приделы, не задохнулись бы от второй части предыдущего предложения. С другой стороны, они бы с огромным трудом проглотили утверждение, что воцарение Алулима стало «началом цивилизации». С их точки зрения, шумеры были цивилизованными всегда. Царская власть Алулима, внесенного в список шумерских царей (вероятно, самая древняя историческая запись в мире), была «спущена с небес» и уже являлась абсолютной, когда появилась на земле.

Но, оглядываясь назад, мы видим появление первого царя в другой перспективе. Это море перемен в условиях жизни человека, начало совершенно новых взаимоотношений между людьми, на их землях, и их лидерами.

Мы не можем датировать правление Алулима, так как он не упоминается в каких-либо других записях, а также поскольку мы не знаем, сколько лет самому шумерскому царскому списку. Список был нанесен на глиняные таблички примерно в 2100 году до н. э. — но он, без сомнения, отражает гораздо более древние традиции. Более того, хронология, данная шумерским списком царей, не точно соответствует прошлому, как мы его знаем. *«После того, как царская власть была спущена с небес,* — сообщает нам список, — *Алулим правил 28 000 лет как царь; [его наследник] Алалгар правил 36 000 лет».*[1]

Продолжительность этих правлений позволяет предполагать, что оба царя действительно являются полубогами, пришедшими скорее из мифологии, чем из истории; или, быть может, Алулим и его наследник просто правили очень долго. Согласно данным шумеров, ими правили восемь царей, прежде чем в шумерской истории произошла чудовищная катастрофа, и «наводнение уничтожило землю». Каждое правление длилось около 36 000 лет — это предполагает, что царский список заключает в себе какой-то счет, который мы не понимаем.[2]

Что мы можем сделать — это отнести шумерского царя в далекое прошлое. Когда бы он ни правил, Алулим жил на земле, вероятно, полностью отличной от Месопотамии, которую мы знаем сегодня, с ее двумя известными реками — Тигром и Евфратом — впадающими в Персидский залив. Геологи говорят нам, что незадолго до начала истории (датировка 11 000 лет до н. э. хотя и далека от точности, но все же дает нам примерную точку отсчета) с полярных шапок далеко на юг, почти до Средиземного моря, спустился лед. При таком огромном количестве воды, содержавшемся во льду, океаны и моря были ниже; северный край нынешнего залива был, вероятно, равниной с бегущими через нее потоками, и океан омывал берег, который лежал примерно на уровне современного Катара. Регулярно выпадали дожди, так что земля

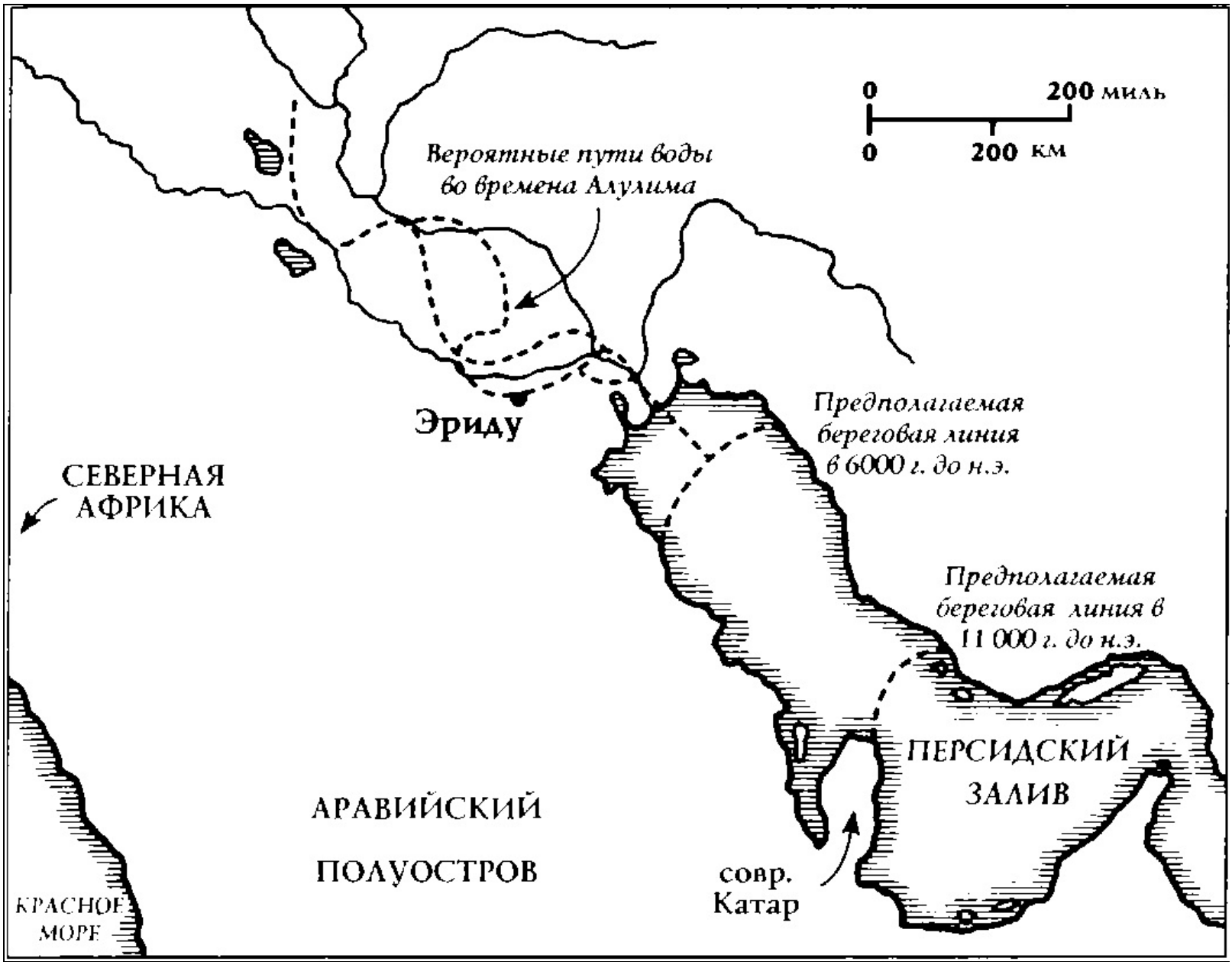
здесь была увлажнена.

Когда началось потепление, и шапки льда начали таять, — процесс, длительность которого геологи оценивают в 5000 лет, между 11 000 и 6000 годами до н. э., — океан перехлестнул Катар и современную территорию Бахрейна. Человеческие поселения постепенно отступали перед поднимающейся водой. К 6000 году до н. э. Британия — ранее полуостров, выступающий из Европы — стала островом, а берег Персидского залива подполз к нынешним южным границам Кувейта. Равнина, которая лежала севернее него, была затоплена — не двумя реками, а комплексом мощных потоков, следы которых все еще видны на спутниковых фотографиях. Книга Бытия описывает одну реку с «четырьмя головами», бегущую через равнину.[2]

Но хотя земля и орошалась этими переплетающимися реками, она становилась суше. По мере того, как лед уходил, температура поднималась. Севернее залива дожди превратились в нечастые легкие дождики, которые имели место лишь в зимние месяцы. Летом над незащищенной равниной дули сухие ветра. Каждый год потоки выходили из берегов и смывали поля, оставляя на них ил. Из ила на берегах потоков образовывались наносы. А залив продолжал отползать на север.

Люди, которые жили на южной равнине, ближе всех к заливу, сражались за выживание на меняющейся и непредсказуемой местности. Раз в год их поля покрывало слишком много воды. Как только наводнение уходило, земля высыхала, становясь твердой. Здесь не было ни камня, ни леса, из которых можно было изготовить инструменты и жилища, ни обширных пастбищ — только тростник, который рос вдоль потоков, но зато было много грязи. Грязь, слепленная и высушенная, перемешанная с тростником и обожженная, становилась основанием их домов, кирпичами, которые образовывали стены их городов, их горшками и блюдами. Это были люди земли.[3]

Язык, на котором говорили в этих поселениях — шумерский — очевидно, не имеет отношения ни к одному другому языку на земле. Но ко времени, когда шумеры изобрели письменность, в их языке было много заимствований из другого языка. Слова шумеров построены на однослоговых корнях, но множество слов в древнейших надписях имеют незнакомые двусложные корни: имена двух самых крупных рек, которые пересекают равнину, обозначения хлебопашца, рыбака, плотника, разносчика, а также десятка других профессий, даже название самого города Эриду.

Древнейшая Месопотамия

Эти корни — семитские, и они доказывают, что шумеры не были одиноки на южной равнине. Семитские слова пришли от людей, чья родина находилась южнее и западнее Месопотамской равнины. Горы на севере и востоке Месопотамии останавливали путников, но путешествие с Аравийского полуострова или из Северной Африки было намного более простым делом. Именно так семиты появлялись в земле шумеров, одалживая им свои слова. И не только слова: семитскими заимствованиями обозначены почти все сельскохозяйственные работы (пахота, боронование) и мирные профессии, которые сопутствуют обработке земли (корзинщик, кожевенник, плотник). Именно семиты, а не шумеры, принесли свое мастерство в Месопотамию.

Итак, как же шумеры научились обрабатывать землю?

Вероятно, это начиналось постепенно, как и у людей, которые жили в Египте и дальше к северу. Может быть, когда ледовый покров отступил, а стада поставлявших мясо животных двинулись на север и стали уменьшаться, люди, которые последовали за этими стадами, прекратили охоту и вместо этого начали сеять дикие злаки, которые хорошо вызревали на более теплых равнинах. Теперь эти люди меняли место своего обитания только тогда, когда менялся климат (как это совсем недавно делали туземцы Северной Америки в современной Канаде до

прихода Жака Картье). Возможно, эти кочевники эволюционировали от собирательства к целенаправленной посадке злаков и уходу за ними — пока наконец не бросили свои перемещения совсем, чтобы осесть на одном месте. Хорошо питавшиеся мужчины и женщины рожали больше детей. Кремневые серпы и каменные жернова, которые находят везде от современной Турции до долины Нила, позволяют предполагать, что когда дети вырастали, они оставляли свои перенаселенные деревни и куда-либо уходили, унося с собой умение обрабатывать землю и обучая этому других.

Древние рассказы добавляют еще один штрих к легенде: когда под влиянием семитов шумеры стали сажать злаки вокруг своих деревень, жизнь стала настолько сложной, что им потребовался царь, чтобы помогать разрешать эти трудности.

Возник Алулим, царь Эриду — и так было положено начало цивилизации.

Легко нанести глянец лирики на «начало цивилизации». В конце концов, цивилизация — это то, что отделяет нас от хаоса. Цивилизованные города ограждены стенами, отделяющими улицы внутри от дикой неразберихи снаружи. Цивилизация, как объясняет археолог Стюарт Пиготт в своем введении к классическому учебнику Макса Маллоуэна о древних шумерах, это результат мужественной неудовлетворенности существующим положением. Пиготт пишет: *«Появились люди, для которых новшества и изменения, а не приверженность традициям, приносили удовлетворение и облегчение: эти обновлявшиеся общества стали теми, кого мы можем считать основателями цивилизации»*.[3]

Фактически цивилизация появляется в результате более сильного побудительного мотива: уверенности в том, что никто не захватит слишком много пищи или воды. Цивилизация началась в плодородной пойме — и не потому, что это было райское место, переполненное природными ресурсами, а потому, что оно было настолько враждебно к населению, что деревне любого размера требовалось тщательное управление, чтобы выжить. Земледельцы вынуждены были объединяться для постройки каналов и резервуаров, необходимых для удержания паводковых вод. Кто-то должен был организовывать это объединение, кто-то — наблюдать за справедливым распределением ограниченного количества воды. Кто-то должен был определять, что зерно, выращенное земледельцами сверх нужд их семей, достанется тем, кто сам зерно не выращивает — корзинщикам, кожевенникам и плотникам. Только в недружелюбных к человеку условиях по необходимости появляется бюрократия — истинное клеймо цивилизации. В плодородных и по-настоящему обетованных землях, где хватает воды, пищи, дичи, минералов и лесов, люди обычно не заботятся о завтрашнем дне.[4]

По мере того, как родившиеся в плодородной пойме деревни перерастали в города, за счет одного и того же участка сухой земли вынуждено было кормиться все большее количество людей. В таких условиях сильная власть стала необходима больше, чем когда-либо. Но человеческая природа требовала от вождей каких-то способов принуждения, а значит создания вооруженной единицы, которая обеспечивала бы выполнение их приказов.

Вожди стали царями.

Для шумеров, которые боролись за выживание на земле, где вода или смывала их поля во время паводка, или отступала совсем, оставляя урожай жариться на солнце, власть царя была даром богов. Для них не первобытные сады, а именно города, защищенные от вторжения вод и голодных разбойников толстыми стенами из глиняных кирпичей, стали первым и наилучшим убежищем человека. Город Эриду, созданный царем-богом Мардуком, в который впервые спустилась с неба царская власть, снова возникает в мифах об Эдеме вавилонян и шумеров:

> Все земли были морем залиты...
> Потом появился Эриду...

Корыто построил Мардук из тростника на поверхности вод.
И грязь создал он и стал разливать ее тем тростниковым корытом...
И еще он создал людей.[4]

Эриду никуда не исчезает, как и Эдем из Книги Бытия. Священный город встал как граница между старым миром охотников и собирателей и новым миром цивилизации.

Но охотники и собиратели не исчезли совсем. С самого начала царств и первых построений городов оседлые земледельцы ссорились с кочевыми скотоводами и пастухами.

Пятым царем в перечне шумеров стоит Думузи[5], который (как с легким налетом удивления сообщает нам список) являлся пастухом. Этот пастух, ставший царем — встреча противоположностей, как становится ясно из «Сватовства Инанны», мифа, где главными героями являются Думузи и богиня Инанна.[6] В этой истории Думузи не только пастух и царь — в нем течет кровь богов. Но несмотря на его принадлежность к богам, Инанна находит Думузи недостойным. «Пастух пойдет в постель с тобой!» — восклицает бог-солнце Уту, но Инанна (которая обычно раздает свои милости без малейших колебаний) возражает:

Пастух! Не выйду замуж я за пастуха!
Ведь так груба шерсть у его одежды.
За земледельца выйду замуж я.
Растит он лен мягчайший для моих нарядов.
Растит ячмень для моего стола.[5]

Думузи настаивает на своем. После долгих споров о том, чья семья лучше, он завоевывает право на постель Инанны, предложив ей свежего молока и сливок. В итоге богиня соглашается, чтобы он «вспахал ее влажное поле», и он принимает приглашение.

Предпочтение Инанной земледельца — это отзвук реально существовавшего противостояния. Так как южная равнина становилась все суше, города группировались возводились вдоль берегов рек. Но пустоши позади городов все еще служили пастбищами для овец и коз, а также домом кочевникам, которые поддерживали живыми древние пути кочевий. Пастухи и земледельцы нуждались друг в друге: пастухи обеспечивали земледельцев мясом, свежим молоком и шерстью в обмен на жизненно важное зерно. Но взаимная нужда не приводила к взаимному уважению. Городские жители насмехались над простоватыми немытыми пастухами; пастухи подшучивали над изнеженными и неумелыми городскими обитателями.

Вот на такой земле городов и царей, земледельцев и бродяг-кочевников правили первые восемь царей Шумера до того, как разразилась катастрофа.

Глава вторая
Древнейшая история

Несколько позже в Шумере произошло очень большое наводнение

В течение многих месяцев не выпало ни одного дождя. На полях возле соленого залива женщина собирает высохшие колосья. Позади нее на фоне свинцового неба поднимаются стены

ее родного города. Земля под ногами тверда как камень. В резервуарах, когда-то наполненных водой ежегодного паводка, на дне всего дюйм жидкой грязи. Ирригационные каналы пусты.

Капля воды ударяет по ее пыльной руке. Она поднимает голову и видит ползущие с горизонта к зениту облака. Она кричит в сторону городских стен, но улицы уже полны мужчин и женщин, выставляющих горшки, миски и пустые раковины на самые открытые места. Слишком часто шквалы проносились через равнины мгновенно.

Но не в этот раз. Капли учащаются, рушась вниз. Вода собирается в лужи, количество ее все увеличивается. Вдалеке усиливается незнакомый рев, земля содрогается.

Древним людям были неведомы глубокие колодцы, мощные плотины или городской водопровод; большую часть своей жизни они проводили в поисках воды, ее транспортировке и хранении, — высчитывая, как долго смогут прожить, если вода не будет найдена. Много времени уходило на отчаянные молитвы, чтобы вода упала с неба или колодцы наполнились влагой из глубины земли.

Но в Месопотамии параллельно с этими жизненно важными занятиями существовал и неожиданный страх воды. В глубокой воде скрывался дьявол и злоба, вода могла нести жизнь — но также в ней таилась и смерть.

История Земли (как рассказывают нам геологи) размечена великими катастрофами, которые время от времени уничтожали целые виды живых существ. Но только одна из этих катастроф сохранилась эхом в преданиях дюжины самых различных народов. У нас нет универсального рассказа, который бы повествовал, как климат начал становиться очень, очень холодным — но давным-давно память человечества зафиксировала, что вода стала угрожать его недолговечному существованию на земле. Историк не может игнорировать Великого Потопа; это самый универсальный миф из всех, какие сохранило человечество.

Кроме краткого упоминания о наводнении в «Царском списке», шумерская легенда о потопе доходит до нас не напрямую, а переведенная через тысячи лет после события на язык аккадцев (семитское наречие, на котором говорили позже в Месопотамии) и сохраненная в ассирийской библиотеке. Энлиль, царь богов, рассердился, потому что громкий шум людей на земле не давал ему спать; он уговорил других богов уничтожить человечество, но бог Эа, который дал клятву защищать людей, тайком сообщил о замысле одному умному человеку по имени Утна-пиштим[7], пока тот спал. И тогда

> поднялись грозные боги бездны,
> обрушили вниз моря ревущие вод,
> семь судей ада подожгли землю своими факелами,
> и превратился день в ночь,
> потому что разлетелась земля, как хрупкая чаша.
> Воды накатывали на людей, как волны сражения.[1]

Предупрежденный Утнапиштим спасся в лодке со своей семьей и несколькими животными, а также с теми, кого смог взять с собой.

Вавилонская версия этого рассказа называется «Повестью об Атрахазисе» (Атрахазис в переводе означает что-то вроде «Великий Умник»). Атрахазис, самый мудрый царь на земле, был предупрежден о грядущем бедствии. Он построил ковчег — и, зная, что может разместить на нем лишь немногих, пригласил остальных своих подданных на пышное торжество, чтобы у них был один, последний, день радости перед концом. Все едят и пьют, благодаря его за щедрость; но сам Атрахазис, зная, что это пиршество — их предсмертная пища, мечется взад-

вперед, страдая от горя и чувства вины.

И ели они от его щедрости,
и пили, сколько могли,
но он не мог, лишь входил и выходил,
входил и выходил,
ни разу не присев,
так мучили его отчаяние
и отвращение к своей беспомощности.[2]

Даже самый лучший царь не земле не всегда в состоянии обеспечить выживание своему народу перед лицом непреодолимого бедствия.

Но самый известный рассказ о потопе — несомненно, тот, что изложен в Книге Бытия. Господь решает очистить свое творение от разврата, поэтому велит Ною, «непорочному среди людей», построить ковчег, который спасет его и его семью от гибели.

Хлынул дождь, разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились, и воды поглотили землю.

Три культуры, три рассказа: слишком много совпадений в деталях, чтобы их не учитывать.[8]

Геологи XIX века, используя Книгу Бытия в качестве руководства, искали следы Великого Потопа и находили их: беспорядочные геологические слои, раковины на вершинах гор. Но медленное продвижение по земле ледового покрова — теория, впервые предложенная Луи Агассизом в 1840 году, — также объясняло многие из геологических явлений, относимых ранее к последствиям всемирного потопа. Вдобавок эта теория созвучна растущей в научной среде уверенности по поводу того, что эволюция мира была постепенной и поступательной, на нее влияли одни и те же последовательные процессы, она гладко двигалась вперед по предсказуемому пути, на котором уникальным и неповторяемым событиям нет места.[9]

И все-таки рассказы о Великом Потопе остались. Исследователи Месопотамии продолжали защищать идею о существовании реального наводнения — не всемирного, так как философски эта теория напрочь отвергается, но локального месопотамского, хотя и достаточно разрушительного, чтобы запомниться на тысячи лет. Археолог Леонард Вулли, известный по раскопкам Ура, написал: «Общего уничтожения человеческой расы, конечно, не произошло, не произошло даже полного уничтожения населения Дельты... но могло быть произведено довольно разрушений, чтобы оставить след в истории и определить лик эпохи».[3] Ища следы наводнения, Вулли (что не удивительно) нашел их — десятифутовый слой осадков, отделяющих ранние месопотамские поселения от более поздних.

Примерно через семьдесят лет Уильям Райан и Уолтер Питман предположили, что рассказы о Великом Потопе отражают не опустошительный общемесопотамский потоп, а память о постоянных наводнениях — «половодье, которое никогда не исчезало ... [которое] выгоняло людей с их родных земель и заставляло находить новые места для жизни».[4] По мере того, как таял лед и поднимался уровень Средиземного моря, там, где еще недавно была твердая земля, образовался пролив Босфор. Черное море вышло из берегов, навсегда затапливая деревни; спасшиеся люди уходили на юг и уносили с собой память о бедствии.

Менее красочные ответы тоже предлагались. Вполне возможно, рассказ о потопе представляет собой обобщенные опасения по поводу наводнений, которые, несомненно, постоянно происходили возле переплетающихся водных потоков, протекавших через

Месопотамию.[5] Или, быть может, рассказ об изменившем землю потопе отразил перемены, произошедшие при наступлении залива на север, когда поднимающееся море одно за другим поглощало целые поселения.

Каждое из этих объяснений имеет свое слабое место. Осадочный слой Леонарда Вулли, как открыли дальнейшие раскопки, слишком невелик, чтобы обозначать конец цивилизации в Месопотамии. К тому же он датируется районом 2800 года до н. э. — то есть самым расцветом шумерской цивилизации. Трудно понять, как несколько эпох подъемов и спадов воды, отступавшей и приходившей снова, могли трансформироваться в одно событие — потоп, который навсегда изменил лицо земли. И хотя подъем уровня залива, вероятно, затапливал деревни, вода наступала со скоростью один фут каждые десять лет или около того — не похоже, чтобы подобное могло вызвать столько страха.

Теория Райана и Питмана, основанная на образцах, взятых со дна Черного моря, более приемлема. Но это наводнение датируется примерно 7000 годом до н. э., что оставляет наш вопрос без ответа. Как рассказы о вселенском потопе пробились в устные предания многих народов, которые при любом подсчете в 7000 году до н. э. обитали очень далеко от Месопотамии?

В Китае, где за время построения шумерами их городов развились две независимые земледельческие культуры — Ян-шао и Луньшань — вероломный военачальник прорывает дыру в небесном пологе, и вода устремляется вниз, покрывая всю землю и затапливая всех вокруг; выживает единственная знатная дама, царица, которая находит убежище на вершине горы вместе с маленькой группой воинов. В Индии рыба предупреждает мудрого царя Ману, что надвигается громадное наводнение, и он должен построить корабль и забраться в него, как только вода начнет подниматься. «Воды смыли все три неба, — говорит нам Ригведа, — и спасся один Ману».[6]

Более захватывающими представляются рассказы о потопе у американских народов, некоторые из них несут черты удивительного сходства с месопотамскими преданиями — но, похоже, возникли задолго до появления христианских миссионеров, принесших с собой Книгу Бытия, хотя этот вопрос исследован в недостаточной мере. В версии майя «четыреста сыновей» выжили при потопе, превратившись в рыб; позднее они отпраздновали свое избавление, напившись вина, после чего поднялись на небеса и стали Плеядами. Внимательный читатель заметит здесь явную параллель с рассказом о Ное, в котором на небе также появляются знаки, а сам Ной напивается до бесчувствия, оказавшись на сухой земле. В Перу домашняя лама отказывается есть, а когда ее хозяин спрашивает, почему, лама предупреждает его, что через пять дней поднимется вода и затопит землю. Человек забирается на самую высокую гору, выживает и снова заселяет землю. При этом женщину он с собой не берет — что выглядит явным недосмотром.

Если все эти американские легенды о потопе сопоставить с месопотамскими мифами, то можно прийти к выводу, что потоп не мог произойти в 7000 году до н. э., как это предполагает историк Джон Брайт. Общее бедствие должно было иметь место около 10 000 лет до н. э., когда охотники перешли через Берингов пролив.[7]

Итак, что же случилось?

Вода ринулась на мир человека; но кто-то предвидел, что бедствие уже на подходе, еще до того, как начался потоп.

После наступления вод земля высыхает. Людям приходится заново обживаться в мире, который стал гораздо жестче, чем был раньше. Многое было утеряно. В Книге Бытия Ною было сказано, что нужно убить животное, чтобы получить его мясо; в легенде о шумерском потопе боги оплакивают уничтожение мира:

Может, это голод уничтожил мир,
А не потоп.
Может, это мор унес человечество,
А не потоп.[8]

Конечно, это не совпадение, что созданные в таком большом количестве стран рассказы начинаются с разгула водной стихии, которая должна отступить, чтобы человек смог начать существование на сухой земле. В легенде, созданной аккадцами и найденной на фрагментах табличек вместе с эпической поэмой о Гильгамеше, первые строки таковы:

Когда не поднялись еще небеса,
И внизу, на земле, еще не возникла равнина,
И даже бездна еще не раскрыла своих границ,
Владычица хаоса Тиамат была им всем матерью.[9]

При создании мира морская суть Тиамат была убита, а половина ее тела заброшена на небо, чтобы смерть, приносящая соленую воду, не покрыла только что просохшую землю.

«Через год и один день сплошных облаков, — начинается легенда микстеков, — мир все еще лежал в темноте. Все было в полном беспорядкеу вода покрывала ил и тину, которые тогда и были землей».[10] «Это правда, — вторит ей индийская Сатапа-та-Брахмана. — Вначале была вода, ничего кроме моря воды». «Вначале у в темноте, не было ничего, кроме воды», — начинается миф африканского народа банту. И, наконец, то же самое повторяют более знакомые тем, кто воспитан в христианстве или иудаизме, слова Книги Бытия: «Вначале земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою».

Невозможно узнать, что же было разрушено водами. Но, подобно многим другим людям, шумеры сохранили миф о потерянном рае. В самой древней шумерской поэме «Энки и Нин-хурсаг[10] этот рай описан как место, где

не убивает лев,
волк не хватает овцу,
нет там дикой собаки, пожирателъницы детей,
тот, чьи глаза болят теперь, не говорит: «Болят глаза мои»;
тот, у кого болит теперь голова, не говорит: «Болит у меня голова».[11]

Но этот мир мечты, полный фруктовых деревьев и орошаемый свежими пресными потоками, оказался потерян для человека.

Мы все еще испытываем страх воды, страшась затопления освоенного нами мира, в котором обитаем. Посмотрите, как выразилась эта фобия в образе «Титаника»: палубы наклоняются, вода наступает, а офицеры, которые наверняка понимают приближение катастрофы, ничего не могут сделать, чтобы предотвратить ее. Рассказы о воде все еще пугают и привлекают нас. Как предполагает философ Ричард Маув: «образы, ассоциирующиеся с „рассерженными глубинами ” имеют устойчивую власть над человеческим воображением вне связи с географией нашего обитания».

Но мы посягнули на территорию теологов и философов. Историки могут только

зафиксировать, что варка пива существует столько же, сколько и землепашество, и что самое древнее вино в мире (найденное во время раскопок в современном Иране) относится к шестому тысячелетию. Потому что столько же, сколько человек выращивает зерно, он пытается вернуть назад, хотя бы временно, более радужный и добрый мир, который более невозможно найти на карте.

Глава третья
Появление аристократии

В Шумере примерно за 3600 лет до н. э. власть царей становится наследственной

После великого потопа шумерский царский список говорит нам, что новым центром царской власти становится город Киш, расположенный в северной части Шумера и окруженный хлебными полями.

Первым царем династии Киша был Гаур; далее власть перешла к правителю с величественным именем Гулла-Нида-ба-Аннапад. Затем, спустя девятнадцать правителей, к власти пришел Энмебарагесси, двадцать второй по исчислению после потопа. Благодаря сохранившимся текстам мы знаем, что правление Энмебарагесси приходилось на 2700 годы до н. э. — для нас эта дата особенно ценна, так как это первая привязка к исторической хронологии.

Это все еще создает для нас проблему при описании шумерской истории между потопом (когда бы он ни был) и 2700 годом до н. э. После потопа цари больше не правили по тридцать шесть тысяч лет. Наоборот, время правления резко сократилось, и становилось все короче и короче. В целом 22 985 лет, 3 месяца и 3 дня прошло от наводнения и до того, как взошел на трон Энмебарагеси — фигура, которая нам не так уж и помогает, как можно подумать, учитывая точность счета. Специалисты по шумерской истории и литературе склонны именовать царей до потопа «мифическими», а царей после него — «полумифическими»; но, признаться, различие между ними ускользает от меня.

Большинство правлений (двадцать одно), прошедших до Энмебарагесси, описаны каждое одной строкой: имя правителя, длительность правления, и не более того. Единственное исключение из этого правила встречается практически на середине списка, когда Этана, тринадцатый царь[11] после потопа, внезапно выделяется из перечня своих бесцветных предшественников.

> Этана, тот, который поднялся на небо,
> Тот, который земли твердыми сделал,
> Он правил 1560 лет,
> А Бали, сын Этаны —
> Он правил только 400 лет.

Тут заложено гораздо больше фактической информации, чем может показаться на первый взгляд.

Ко времени, когда возобновили составление царского списка, географические изменения территория Междуречья практически прекратились, и земли приобрели тот вид, который мы наблюдаем на современных картах. Линия залива переместилась на север. Пересекающие друг друга потоки, некогда орошавшие низменность, оставили после себя наносы осадочных пород;

расстояние между руслами рек увеличилось, и в итоге образовались две реки с впадающими в них извилистыми притоками. Сегодня мы называем эти реки Евфрат и Тигр — названиями, которые дали им греки; в более древние времена западная река называлась Урутту, а более быстрая и бурная восточная, напоминающая стрелу в полете, именовалась Идиглат.[12]

Между этими двумя реками было построено множество городов. Археологи говорят нам, что к 3200 году значительная часть населения деревень изменила свой образ жизни, окончательно перебравшись за стены укреплений. Эти перемещения не всегда происходили мирно. Книга Бытия и рассказ о потопе рисуют нам интригующую картину раскола. Когда Ной начал отстраивать цивилизацию, его потомки разошлись по земле. На Шинаре — семитское название юга месопотамской равнины — строительство городов достигло особо высокого уровня. Увлеченные своим мастерством, горожане решили построить башню, достигающую неба — башню, которая дала бы повод для гордости не только на земле, но и перед самим богом. Этот акт самонадеянности привел к неразберихе с языками, непониманию и в конце концов к войнам.

Вавилонская башня, как и библейский потоп, находится в не поддающемся датировке прошлом. Но сам этот факт становится для нас окном в мир, где глиняные города, обнесенные крепостными стенами, воздвигаются по всей Месопотамии.[1] Дюжина укрепленных городов, каждый из которых был окружен пригородами, растянувшимися радиально миль на шесть, боролись за главенствующее положение: Эриду, Ур, Урук, Ниппур, Адаб, Лагаш, Киш и так далее. По-видимому, в каждом из этих древних урбанистических центров проживало до сорока тысяч населения.

Каждый город находился под защитой бога, чей храм привлекал паломников из округи. И правящая верхушка этих городов протягивала щупальца влияния к округе, стремясь подчинить своей власти все большие территории. Пастухи и скотоводы приходили в город, чтобы принести дары богам, продать и купить товар, а также заплатить налоги по требованию священнослужителей и царей. Людям нужен был город для торговли и отправления обрядов — но город требовал столько же, сколько давал. Уравнительные отношения внутри более ранних групп охотников-собирателей — разрушились. Теперь существовала иерархия: город первичен, сельская местность вторична.

Примерно через десять поколений после потопа иерархия приобрела новую форму. Впервые люди заявили право на власть не благодаря своей силе или мудрости, а по праву крови.

Десятый царь Киша после наводнения, Атаб, стал первым, кому наследовал его сын, а затем внук. Эта династия из трех поколений — самое первое кровное наследование, зафиксированное в письменной истории. Но вслед за этим правителем становится Этана, захвативший трон силой, и в его случае возникают проблемы наследования власти иного рода.

Об Этане царский список говорит нам только то, что он «поднялся на небо» — причем эта деталь дана без разъяснений. Чтобы узнать больше, нужно обратиться к поэме, написанной значительно позже описываемых в ней событий. В этой поэме Этана — благочестивый царь, верующий в богов, но у него огромное горе: нет детей. В своих молитвах он жалуется:

> Я чту вас, боги, я уважаю вас, духи смерти!
> Толкователи снов, вы так старались привести меня в ярость,
> Боги, вы же приняли жертвоприношение из моих ягнят...
> Так смойте же с меня мой позор и дайте мне сына![2]

В страшном сне Этана видит, что его город пострадает, если наследник трона не родится:

Захлебывался город Киш в рыданиях,
Все горожане в траурных одеждах...
Наследника Этана им не дал!

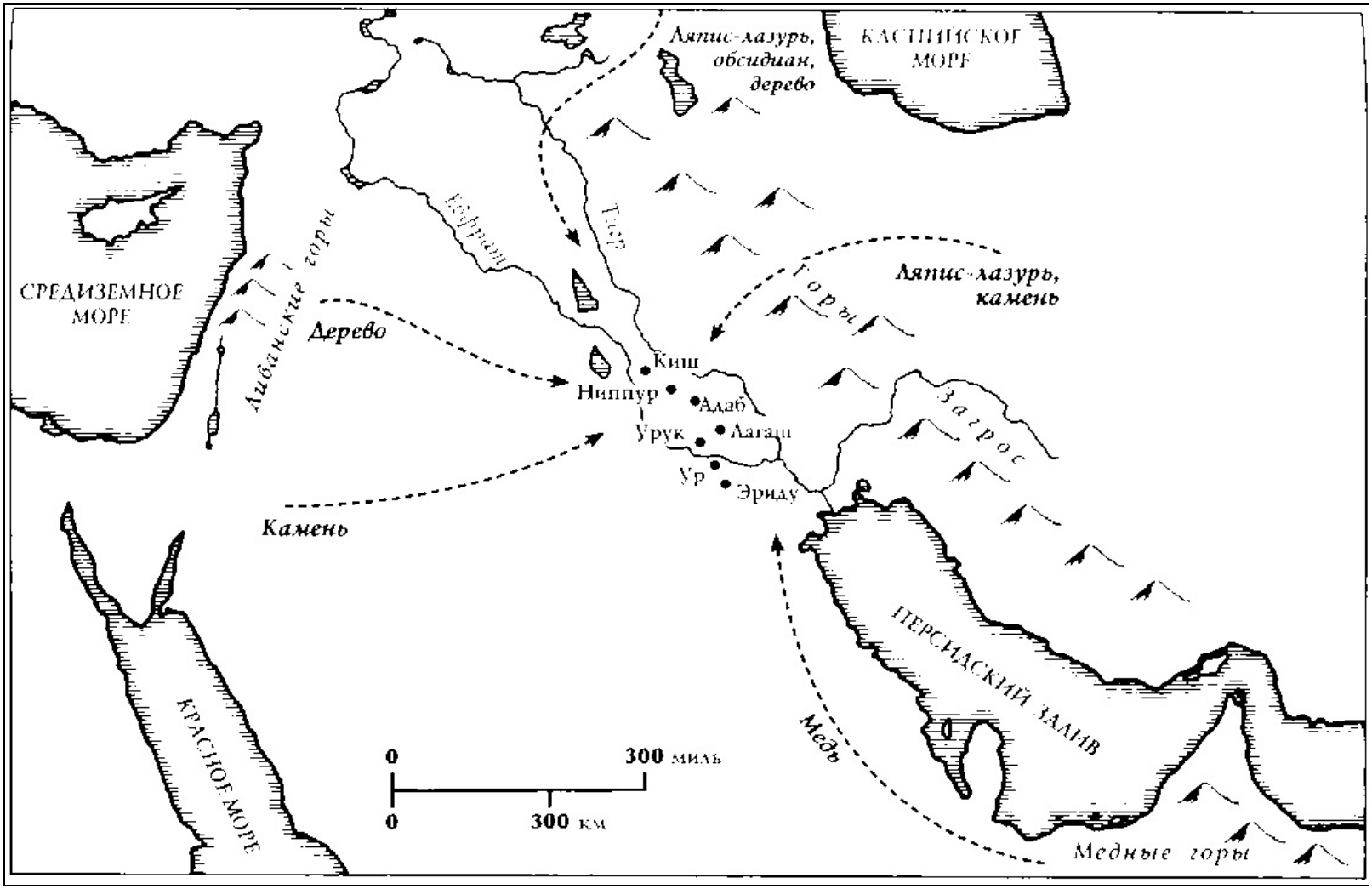
Огромной важности изменение появилось как нечто само собой разумеющееся: царская власть стала наследственной. Лидер, который сам взваливал на себя огромное бремя ответственности за людей, теперь просто рождался для этой задачи по праву крови. Впервые мы видим возникновение аристократии — класса, рожденного, чтобы править.

Боги посочувствовали Этане и явили ему ответ: он должен был вернуться на спине орла назад, на небо, где найдет растение жизни, секрет рождения сына. Далее табличка надколота и конец рассказа утерян. Но царский список говорит нам, что Бали, сын Этаны, правил после смерти отца — отсюда следует, что просьба была удовлетворена.

Неравенство по крови лелеялось. Как и сама идея царской власти, идея урожденной аристократии сохраняется до сих пор.

Следуя из положения, что те, кто рождены править, должны контролировать как можно большие территории, Этана «твердо закрепляет свои земли» за сыном.

Города Месопотамии были независимыми, во главе каждого стоял местный правитель. Но расположение в междуречье Киша стало толчком к утверждению превосходства этого города над остальными. В конце концов, в Шумере не было своего леса — здесь в небольших количествах росли только завезенные пальмы, являющие собой третьесортный строительный материал. Здесь не было камня, не было меди, не было обсидиана — не было ничего, кроме ила, глины, а также нескольких месторождений битума или асфальта, использующегося как масло в светильниках или как связующий материал в строительном растворе. Дерево нужно было доставлять с северо-востока, с гор Загрос, или же привозить с Ливанских гор, расположенных на северо-западе. Медь прибывала с южных Аравийских гор, ляпис-лазурь — из скалистых земель на севере и востоке; камень доставляли из пустыни на западе, а обсидиан — с далекого севера. В обмен шумерские города могли предложить сельскохозяйственные товары: зерно, одежду, кожу, гончарные изделия. Шумерские горшки и сосуды широко использовались и в маленьких поселках, и в городах по всей восточной Европе и северной Азии.

Первые города Шумера

Часть торговых путей пролегала через пустыни на восток и запад, но наибольшее их количество проходило вверх и вниз по Тигру и Евфрату; старое название Евфрата, Урутту, означает «Медная река». Месопотамская низменность, как указывает археолог Чарльз Пеллегрино, представляла собой узкую полосу цивилизации: «оазис в тысячи миль длиной и шириной менее десятка миль».[4] Если город, лежащий ниже по течению, хотел послать караван вверх по течению, в горы Ливана за кедровыми стволами, этот караван неизбежно должен был пройти мимо Киша. Царь Киша собирал свой процент с проходящего мимо его города потока богатств, он мог свить собственное гнездо, выщипывая по перышку у других.

К тому времени, когда сын Этаны унаследовал власть, Киш лишил старый город Эриду, расположенный южнее, статуса самого могущественного владения на равнине. К 2500 году цари других городов стали претендовать на титул «царь Киша» — как будто он превратился в некий почетный ярлык, демонстрирующий власть над остальными шумерскими городами.

Но таможенный сбор — это одно, а реальные завоевания — совсем другое. Этана и его родственники никогда не распространяли свои имперские замашки на другие города Шумера. Трудности при передвижении армий вверх и вниз по всей длине равнины могли удерживать царей Киша от попыток завоевания других городов — а, может быть, они просто не видели связи между размерами владений и статусом царской власти. Первый человек, построивший империю, пришел совсем из другого народа.

Глава четвертая
Создание империи

В долине реки Нил примерно в 3200 году до н. э. царь Скорпион объединяет северный и южный Египты, а Нармер из Первой династии завершает это объединение

Юго-западнее Шумера, южнее берегов Средиземного моря, армия во главе с первым создателем империи пронеслась долиной реки Нил.

Как и первые цари Шумера, царь Скорпион — полумифичен. Он не зачислен в царский список; он существует лишь как образ, вырезанный на рукояти церемониального оружия. Но, в отличие от первых царей Шумера, которых относят к смутному далекому прошлому, царь Скорпион почти попадает в реалии истории, зафиксированной письменно, предприняв попытку завоевать мир примерно в 3200 году до н. э.

Царь Скорпион был выходцем из африканского народа, который когда-то жил в долине Нила, на обоих его берегах. За много веков до его рождения — в дни, когда легендарный Алулим правил в более влажном и прохладном Шумере — долина Нила, скорее всего, была необитаемой. Каждый год сильнейшие дожди выпадали над южными горами, вода собиралась в долине, и устремлялись вниз по Нилу на север, к Средиземному морю, унося с собой верхний слой почвы. Эти наводнения были настолько страшными, что группки охотников и собирателей не осмеливались задерживаться на берегах реки. Они предпочитали селиться на более гостеприимных землях восточнее и западнее: либо на берегах Красного моря, либо в районе нынешней Сахары. В те годы климат на тех землях был более мягким и влажным, Сахара была покрыта травой. Археологи нашли под песками окаменевшие листья, деревья и останки диких животных.

Но более жаркий и сухой климат, который пришел на Месопотамскую равнину, иссушил также и Сахару. Люди из Сахары ушли на восток, к хорошо увлажняемой долине Нила. Благодаря тому, что количество дождей уменьшилось, разливы Нила стали более терпимыми; переселенцы обнаружили, что могут справляться с ежегодными паводками, выкопав резервуары, чтобы удерживать воду, пришедшую с разливом, и каналы, чтобы орошать свои поля в более сухие месяцы. Люди строили на берегах поселки, сажали зерно в черный ил, остававшийся после наводнений, и охотились на дикую живность болот: диких быков, гиппопотамов, крокодилов и птиц, а также ловили рыбу. Постепенно к ним присоединились другие люди, прибывшие с западных берегов Красного моря. Они стали первыми постоянными обитателями долины Нила — первыми египтянами.[13]

В отличие от Шумера, в долине Нила была дичь и рыба, камень, медь, золото, лен, папирус — опять же все, кроме дерева. Египтяне торговали с западом, чтобы получить слоновую кость, с востоком — ради раковин, с севера они везли полудрагоценные камни, но чтобы выжить, им был необходим только Нил.

Нил, главная жизненная артерия Египта, протянулся через долину в пятьсот миль длиной, местами стиснутой утесами, частично — по плоской равнине. Ежегодные паводки начинались в верховьях, там, где теперь находятся возвышенности Эфиопии далее вода мчалась вниз через Второй Большой порог к Первому Большому порогу, делала поворот там, где потом будут хоронить царей, и вырывалась на равнину, где наконец распадалась на множество проток, образуя дельту Нила.

Из-за того, что Нил тек с юга на север, египтянам было ясно, что любая другая река должна течь в обратную сторону. Судя по более поздним иероглифам, они использовали одно слово для обозначения понятий «север», «вниз по течению» и «затылок» — и другое для обозначения «вверх по течению», «юг» и «лицо»[1]; египтянин всегда ориентировался, повернувшись на юг, лицом к течению Нила. Со времен самых ранних поселений египтяне хоронили своих мертвецов на краю пустыни, развернув головами на юг, с лицами, повернутыми на запад, к

пустыне Сахара. Жизнь приходила с юга — но Земля Мертвых находилась на западе, в стороне пустыни, куда люди исчезали, как пропали трава и вода.

Египтяне дали своей стране два различных имени. Земля, где ежегодный паводок оставлял ил, называлась Кемет, Черная Земля; черным был цвет жизни и воскрешения. Но позади Черной земли раскинулся Дешрет, мертвая Красная Земля. Линия между жизнью и смертью была такой четкой, что человек мог наклониться и положить одну руку на плодородную черную землю, а другую — на красную, выжженную солнцем пустыню.

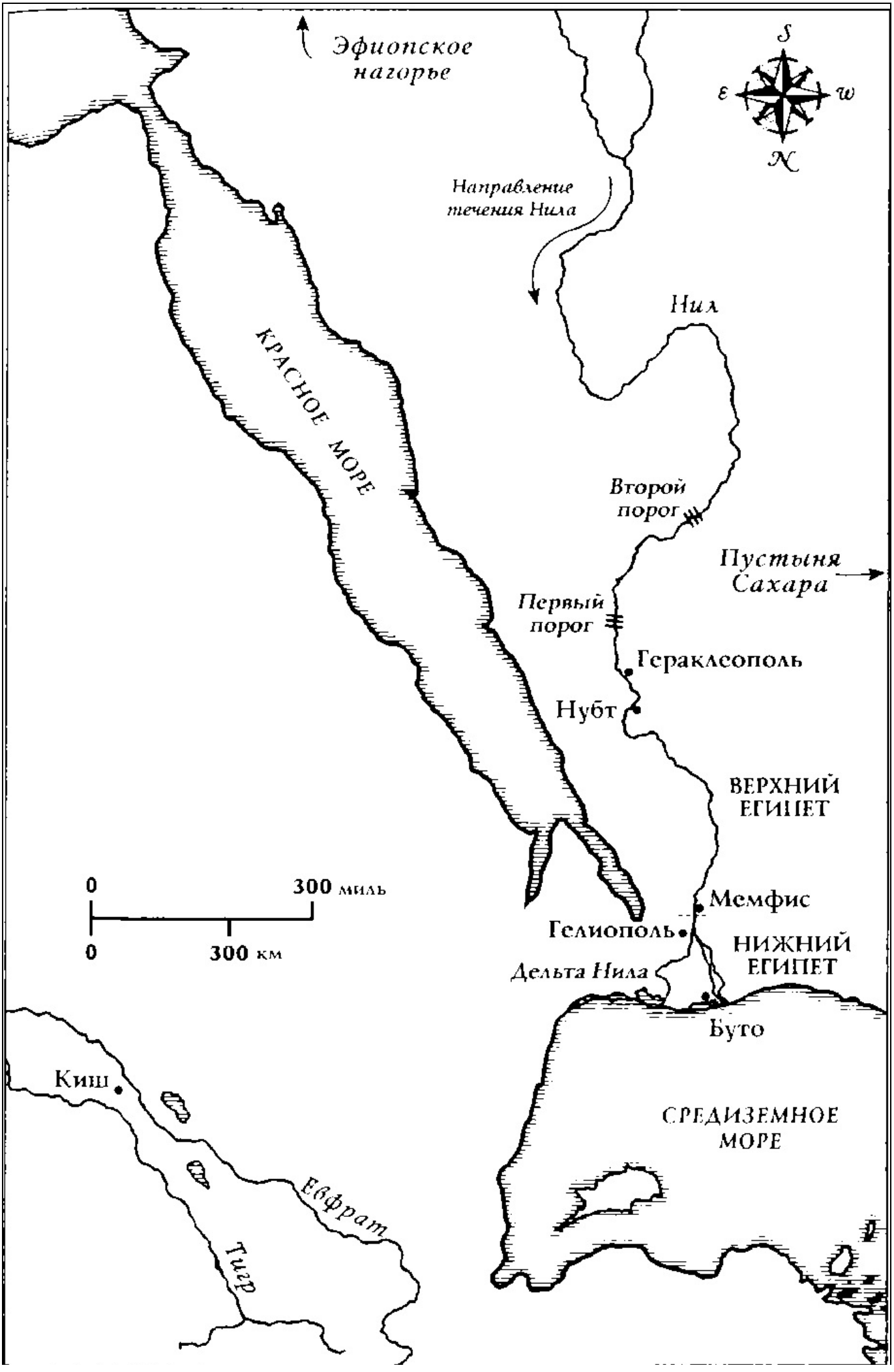
Без сомнения, существование в экстремальных условиях привело к ускоренному развитию египетской цивилизации. Как и города Шумера, египетские города пережили расцвет к 3200 году до н. э. Нубт (который также назывался Надака), лежащий на пути с востока на запад, ведущем к золотым копям, стал самым мощным городом юга; Иераконполис, где обитало не менее десяти тысяч жителей, отставал от него совсем ненамного. Очень рано эти южные города стали восприниматься не как отдельные и суверенные, а частью единого государства. Белое царство (называвшееся также «Верхний Египет», так как оно располагалось выше по течению) управлялось царем, который носил цилиндрическую белую корону. На севере Египта (Нижний Египет) города объединились в союз под названием Красное царство; расположение городов Гелиополис и Буто привело к тому, что они заняли доминирующее положение. Царь Нижнего Египта носил красную корону с изображением свернувшейся клубком кобры (самое раннее изображение этой короны датируется примерно 4000 годом до н. э.)[2], — символизирующим кобру-богиню, плюющую ядом во врагов царя.[3] Белое и красное, как красная и черная земли, отражали основную суть Египта: мир сотворен из сбалансированных и противодействующих сил.

В отличие от шумерского царского списка, который явно стремится отметить начало времен, самый старый египетский царский список не идет вглубь времен до Белого и Красного царств, поэтому имена их царей утеряны. Но о существовании царя Скорпиона есть свидетельство другого рода: головье булавы, выкопанной в храме Иераконполиса. На ней белый царь в четко различимой белой короне празднует победу над побежденными солдатами Красного царства (и держит сосуд для полива земли, демонстрируя свою власть). Справа иероглиф обозначает его имя: Скорпион.[14]

Сам царь Скорпион вполне мог быть уроженцем Иераконполиса — города, который первоначально был двумя отдельными городами, разделенными Нилом: Нехкену на западном берегу покровительствовал бог-сокол, а Некхебу на восточном берегу — богиня-гриф. Вероятно, царь Скорпион, видя объединенными две половины города, впервые пришел к мысли об объединении Белого и Красного царств под властью одного государя.

Его победа, которая, вероятно, имела место около 3200 года до н. э., оказалась временной. Еще одна запись, сделанная примерно через сто лет, говорит об объединении двух царств под властью единого Белого царя. Как и изображение царя Скорпиона на головке булавы, эта запись была найдена в храме Иераконполиса. Сделанная на плоском камне, который послужил «холстом», резьба изображает царя, несущего на голове корону; с одной стороны камня она красная, с другой — белая. Иероглиф обозначает царя Нармера.

Имя Нармер означает «Бешеная каракатица» — или, более мягко, «Свирепая каракатица». Это комплимент, потому что каракатица считалась самым храбрым и агрессивным из морских существ. На оборотной стороне плиты Нармер изображен в роли белого царя, который держит за волосы воина Красного царства. На лицевой стороне Нармер, сняв белую корону и надев взамен красную, проходит парадным маршем мимо обезглавленных тел воинов. Он наконец-то подчинил Красное царство Белому.

Эфиопское нагорье
S
E
W
N
Направление течения Нила
Нил
КРАСНОЕ МОРЕ
Второй порог
Пустыня Сахара
Первый порог
Гераклеополь
Нубт
ВЕРХНИЙ ЕГИПЕТ
0
300 миль
0
300 км
Мемфис
Гелиополь
НИЖНИЙ ЕГИПЕТ
Дельта Нила
Буто
Киш
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Евфрат
Тигр

Верхний и Нижний Египет

Похоже, что Нармер — это еще одно имя Менеса[15], который появляется в списке египетских царей как первый человек — государь Египта.[16] О нем пишет египетский жрец Мането[17]:

Когда пришли [боги] и полубоги
Первой династии из восьми царей,
Первым среди них был Менее.
И повел он армию через границу,
И завоевал он великую славу.[4]

Уничтожение границы между двумя царствами привело к созданию первой империи, к тому же одной из самых долговечных в истории, и это стало великим достижением.

Запись Мането была сделана спустя много сотен лет после свершившегося факта. Мането служил в храме бога-солнца Ра в Гелиополисе двадцатью семью веками позже, примерно в 300 году до н. э. Он взял на себя труд по сведению различных версий списков египетских царей в один документ, используя (среди прочих записей) папирус под названием Туринский Царский канон[18] также определяющий Менеса («Мен») в качестве первого царя Египта.[19] Составляя свой список, Мането поделил перечень египетских правителей на группы (отсчитывая с 3100 года), начиная следующую всякий раз, когда власть переходила к новой семье или цари переносили столицу в другой город. Автор назвал эти группы династиями — греческим термином, обозначающим «власть, господство». Династии по Мането не всегда точны, но именно они разметили традиционную структуру истории Египта.

Первая династия по Мането начинается с времен объединения всего Египта его первым царем. Согласно греческому историку Геродоту, Менес-Нармер отпраздновал свою победу, построив абсолютно новую столицу — город Мемфис, расположенный в центре абсолютно нового царства. Мемфис означает «Белые стены» — его стены были настолько хорошо отштукатурены, что сияли на солнце. Из своего «белого города» правитель объединенного Египта мог контролировать и южную долину, и северную дельту. Мемфис был опорной точкой, на которой балансировали два царства.

Другая сцена, вырезанная на головке булавы, показывает, что на Нармере-Менесе Красная корона, и он участвует в какой-то церемонии, очень напоминающей свадьбу — возможно, победоносный основатель Первой династии женился на принцессе из Красного царства, чтобы объединить оба царства в наследниках Двойной короны.

Вся история Египта демонстрировала в царе двойственность его происхождения, называя его Владыкой Двух Земель, а его Двойная корона была составлена из Красной короны Нижнего Египта, поставленной на Белую корону Верхнего Египта. Северная кобра и южный гриф, одна — ползущая по земле, другой — обитатель неба, бдительно охраняли объединенное царство. Две половины были сведены в одно мощное и сбалансированное целое.

Сам Нармер правил шестьдесят четыре года, а затем отправился на охоту за гиппопотамом, традиционно устраиваемую царем, чтобы продемонстрировать свою мощь цивилизованно запугиваемым врагам. По словам Мането, он был загнан гиппопотамом в угол и убит на месте.

Сравнительная хронология к главе 4[20]

Месопотамия Египет Начало потепления (11 000 лет до н. э.). Смешение шумеров и семитов Возникновение царской власти Потоп Первое египетское поселение в долине Нила Убаидский период (5000–4000 лет до н. э.) Бадарианский период (5000–4000 лет до н. э.)

Урукский период (4000–3200 лет до н. э.) Накадский период (4000–3000 лет до н. э.) Период Джемдат Наср (3200–2900 до н. э.) Атаб Архаичный период (3100–2686 лет до н. э.) Этана Первая династия (3100–2890 лет до н. э.) Бали Менее (Нармер)

Глава пятая
Железный век

В долине реки Инд, в 3162 до н. э. северные кочевники оседают и строят города.

В годы, когда царь Киша собирал дань с кораблей, проходящих вверх и вниз по Евфрату, а белые стены Мемфиса возвышались в центре Египта, третья великая цивилизация древнего мира все еще оставалась чередой крохотных деревушек в долине реки. Больших городов в Индии и не возникнет, а строительства империи придется ждать еще по крайней мере шестьсот лет.

Люди, которые селились вдоль индийских рек, не были горожанами. Не вели они и списков, как делали это шумеры. Они не вырезали на камне образы своих вождей и не фиксировали свои достижения на табличках. Поэтому мы очень мало знаем о первых веках Индии.

Мы можем попробовать покопаться в индийском эпосе, чтобы отыскать ключ к истории этих народов. Хотя индийские эпические произведения записаны очень поздно (через тысячи, даже не сотни, лет после появления первых поселений), они, похоже, сохранили гораздо более древние предания. Но и в этих записях только один царь и одна дата указаны ясно: в 3102 году мудрый царь Ману отметил начало новой эры, и с тех пор его эра все еще тянется, насчитывая уже более четырех тысяч лет.

Задолго до 3102 года в Индию пришли пастухи и кочевники. Некоторые из них явились из Центральной Азии через проход в северных горах, называемый теперь Хайберским проходом[21]. Другие могли напрямую перебраться через Гималаи — находимые время от времени скелеты дают основания полагать, что этот маршрут тогда был таким же трудным, как и сейчас.

На другой стороне гор люди нашли тепло и воду. Гималаи служили барьером для холодов, так что даже зимой температура на их южной стороне редко падала ниже пятидесяти градусов[22]. Летом солнце заливало индийские равнины яростным жаром, но две полноводные реки хранили эту часть континента от превращения в бесплодную пустыню. Тающие снега и льды устремлялись с гор вниз, в Инд, который тек на северо-запад через Индию в Аравийское море; горы также питали Ганг, который тек со склонов Гималаев в Бенгальский залив, расположенный далеко на востоке. В дни, когда Сахара еще была зеленой, пустыня Тар восточнее Инда тоже была зеленой, и еще одна река, теперь уже давно пересохшая, бежала через нее в Аравийское море.[1]

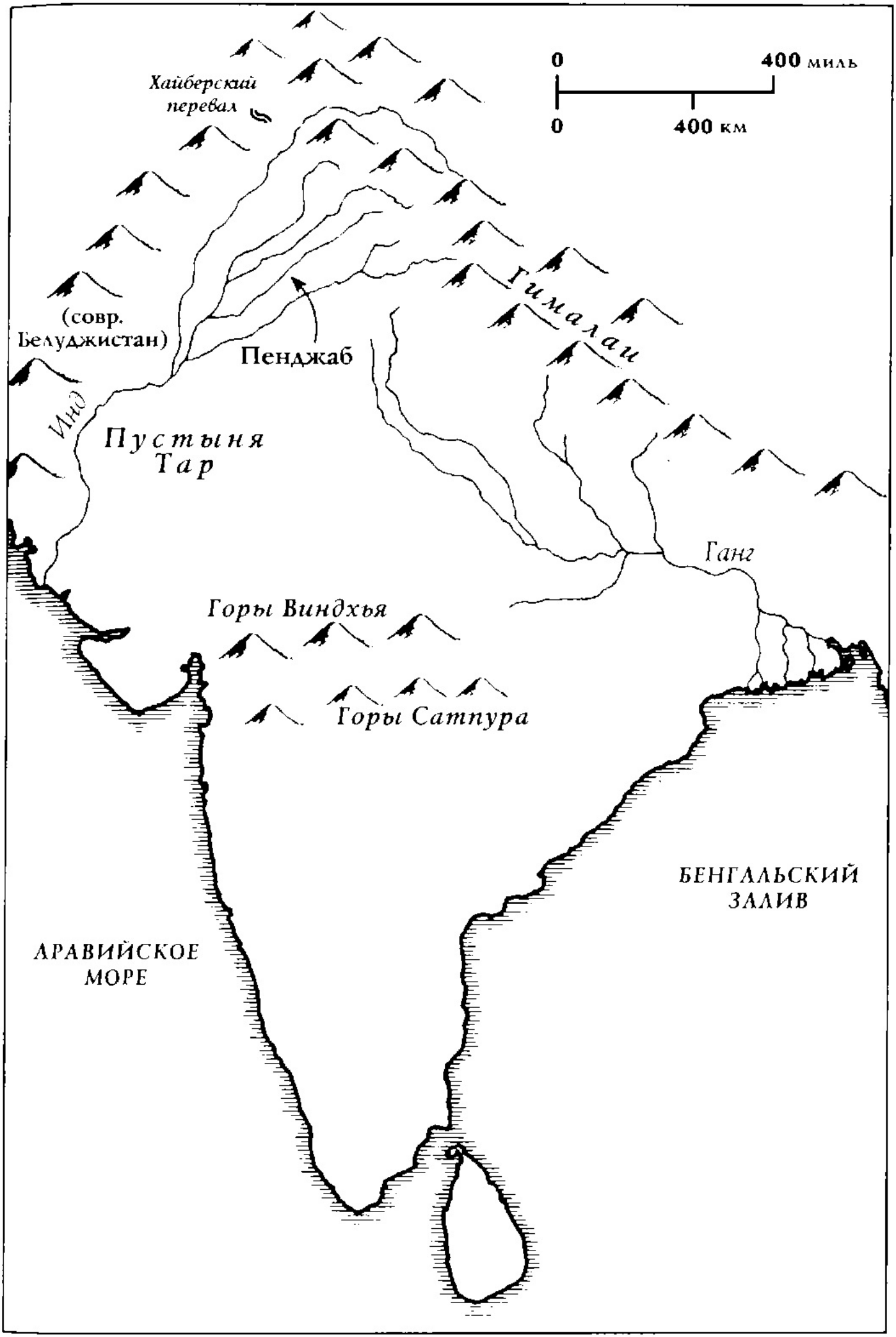
Вероятно, через две тысячи лет после того, как в Месопотамии и Египте были выращены первые урожаи зерна, северные кочевники осели на холмистых землях западнее Инда, которые теперь называются Белуджистаном. Крохотные деревушки располагались по берегам нижнего Инда и вдоль пяти его рукавов в верхней части — в Пенджабе (пандж-абозначает «Пять рек»). Другие деревни возникали вдоль Ганга. Вниз по Инду, к юіу, были найдены орудия труда, очень похожие на те, которыми пользовались в южной Африке; это дает основания предполагать, что несколько отважных душ могли отплыть от берегов Африки, добраться до земель юго-западнее устья Инда и поселиться там.

Но эти три района Индии — юг, восток и северо-запад — были отделены друг от друга огромными природными барьерами. Сотни миль равнин и две гряды гор, Виндхья и Сатпура,

отделяли людей севера от южных, чья известная история начинается гораздо позже. Когда климат потеплел, на этих территориях возникла пустыня в триста миль шириной, ее пески расположились между долиной Ганга и поселениями на северо-западе. С самого начала индийской истории люди юга, востока и северо-запада жили независимо друг от друга.

Деревни на северо-западе, возле Инда, первыми выросли в города.

Первые дома в долине реки Инд строились вдоль реки, примерно в миле от берегов, выше линии паводка — иначе кирпичи из высушенной грязи расползлись бы в воде, а урожай был бы смыт наводнением. Основой жизни в долине Инда, как в Египте и в Шумере, стало то, что вода приносит как жизнь, так и смерть.

0
400 миль
0
400 км
Хайберский перевал
(совр. Белуджистан)
Пенджаб
Гималаи
Инд
Пустыня Тар
Ганг
Горы Виндхья
Горы Сатпура
БЕНГАЛЬСКИЙ ЗАЛИВ
АРАВИЙСКОЕ МОРЕ

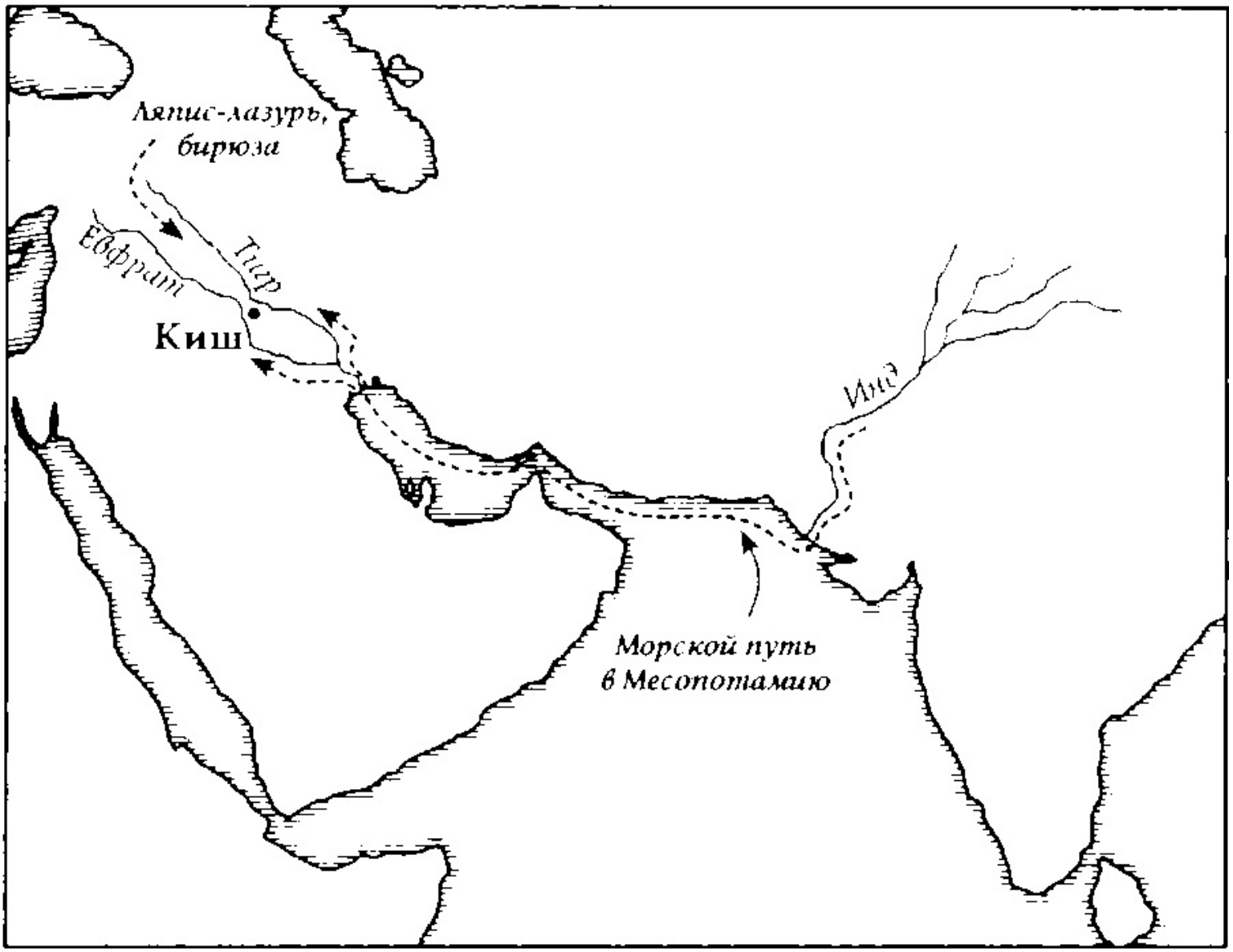
Индия

Первым царем Индии был Ману Вайвасвата. До него, как говорит предание, в Индии правили шесть царей-полубогов. Каждый носил имя-титул Ману, и каждый правил в течении целой Манвантары — эры, превышающей четыре миллиона лет[23].

Тут мы явно вступаем в области мифологии — но, согласно преданию, миф начинает пересекаться с историей во времена правления седьмого Ману. Этот Ману, которого иногда называли просто «Ману», а иногда по его полному имени Ману Вайвасвата, однажды утром мыл руки, когда к нему, извиваясь, подплыла рыбка и попросила защиты от более сильной и крупной рыбы — та охотилась за более слабой, «как было принято в реке». Ману пожалел рыбку и спас ее.

Избежав опасности быть съеденной, рыбка отплатила ему за его доброту, предупредив о надвигающемся потопе, который смоет небо и землю. Поэтому Ману построил деревянный ковчег и взошел на его борт с семью самыми мудрыми мудрецами, известными как Риши. Когда наводнение сошло, Ману причалил свой корабль к горе далеко на севере, сошел с него и стал первым царем в известной историкам Индии; тем временем семь Риши стали семью звездами Большой Медведицы. И был это 3102 год.

Для реконструкции истории Индии этот рассказ представляет собой скорее дым, чем пламя. А сам Ману Вайвасвата еще менее реален, чем царь Скорпион в Египте, хотя они вроде бы относятся к одному и тому же веку. Подозрительно точная дата, 3102 год, является результатом позднейших расчетов, сделанных дотошными учеными не менее двух тысяч лет спустя, когда начали записывать предания, передававшиеся из уст в уста. Но сама эта дата появляется во многих исторических документах Индии. Увы, точные даты в древней истории Индии трудно найти, поэтому историки, которые делают привязку к этой конкретной дате, делают это скорее с облегчением, чем с уверенностью. *«Это первая заслуживающая доверия дата в истории Индии,* — пишет Джон Кей, — *и, будучи одной из таких неправдоподобно точных цифр, она все же заслуживает уважения»*.[2])

Торговые пути Индии

Привязкой к этой точной цифре 3102 является то, что примерно в это же время деревни в долине Инда начали перерастать в города. Люди стали строить двухэтажные дома; в поселениях вдоль Инда начали изготавливать повозки на колесах и делать инструменты из меди. Люди стали рубить лес и обжигать глину в печах. Обожженный в печи кирпич, более стойкий, чем кирпич, высушенный на солнце, был менее уязвим для наводнений. К тому же после 3102 года вода больше не имела такой разрушительной силы.

В руинах самых богатых индийских домов археологи находили бирюзу и ляпис-лазурь, привозимые с равнин на севере Месопотамии. Горожане покидали свою долину, чтобы торговать выше по Тигру и Евфрату с теми же самыми купцами, которые поставляли полудрагоценные камни царям Киша, Ниппура и Ура.

Но, несмотря на растущее благосостояние и досягаемость городов Инда, эпос Индии говорит не о достижениях, а об их падении. Потоп смыл предыдущий век и начал новый; эрой городов стала Кали-Юга, Век Железа. Он начался, когда Ману спустился с гор, и стал веком богатства и промышленности. Но это также век, в котором правдивость, сострадание, благотворительность и преданность уменьшились до четверти их предыдущих проявлений.* В Железный Век, как предупреждали священные письмена, вожди станут распоряжаться добром, принадлежащим их подчиненным, преследуя свои материальные интересы. Сильные будут отбирать имущество у слабых и забирать себе заработанное тяжким трудом. Богатые

предпочтут покинуть свои поля и стада и проводить дни, умножая свое богатство, становясь рабами своих владений, а не оставаться свободными людьми, которые знают, как пользоваться землей.

Сравнительно поздняя дата, в которую были записаны эти ужасные предупреждения, вероятно, отражает беспокойство более зрелого общества, которое уже имеет многочисленную непроизводительную бюрократию, истощающую общественный доход. Но сами рассказчики относят начало этих ухудшений к 3102 году, когда деревни вдоль Инда начали перерождаться в города.

Сам же Ману, опустившись на колени возле воды, которая вскоре смоет предыдущий век и принесет эру упадка, Кали-Югу, разговаривает с маленькой рыбкой, вынужденной просить защиты от более крупного и сильного существа, охотящегося на слабого. В Индии путь к цивилизации только начался — но в Шумере он уже увел людей очень далеко от Эдема.

Сравнительная хронология к главе 5

Египет	Индия
Первое египетское поселение в долине Нила	
Бадарианский период (5000–4000 лет до н. э.)	
	Ранние поселения вдоль Нижнего Инда и в Пенджабе
Накадский период (4000–3000 лет до н. э.)	
	Кали-Юга, Век Железа(с 3102 года по настоящее время)
Архаичный период (3100–2686 лет до н. э.)	

* В индийской космологии перед этим шли века Золота, Серебра и Меди (Сатья-Юга, Трета-Юга и Дуапара-Юга), каждый из них давал уменьшение духовного начала на одну четверть. Железный Век, будучи четвертым, является самым испорченным из всех. (Прим. авт.)

Первая династия (3100–2890 лет до н. э.) Деревни начали разрастаться в города Менее (Нармер) Ману Вайвасвата

Замечание об источниках по индийской истории: Исследователям истории Индии приходится работать с чрезвычайно политизированным материалом. Имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники, включая те, которые упоминают мифологических Ману, а также Золотой, Медный, Серебряный и Железный века, отражают устные предания, записанные гораздо позднее, на языке санскрит. Последователи индийского политического движения, известного как «националисты Хинду» (или «Хиндутва») заявляют, что это последнее предание «Хинду» (или «брахманическое»), по существу, является народным для Индии. Многие академические историки, в особенности Ромила Тапар, считают, что религия, теперь называемая индуизмом, появилась в результате взаимодействия между национальными традициями и более поздними традициями иммигрантов из

Центральной Азии (так называемое «арийское вторжение»: см. главы 25 и 37), и что записи на санскрите представляют собой изложение идей маленькой элитной группы иммигрантов-ариев. В исторических терминах это означает, что предания, рассказывающие о Ману и Железном Веке, практически не имеют отношения к более ранним цивилизациям Индии. Однако история арийского переселения была искажена в конце XIX века расистскими предположениями в угоду политическим требованиям, поэтому «националисты Хинду» теперь рассматривают любую теорию, учитывающую влияние ариев, как оскорбительную расистскую уловку. В ответ ученые, которые считают, что лингвистические свидетельства подкрепляют гипотезу о вторжении извне, часто вешают ярлык «индуистских фундаменталистов» на любого, кто использует более позднюю санскритскую мифологию, чтобы проанализировать раннюю историю Индии. Ману, конечно, фигура мифологическая; его отношение к реалиям Индии четвертого тысячелетия до нашей эры остается абсолютно неопределенным.

Глава шестая
Царь-философ

В долине Хуанхэ реки в период между 2852 и 2205 годами до н. э. жители древних деревень Китая выбирают себе правителей, но отвергают их наследников

Далеко на востоке от Месопотамии и Индии снова проявляется знакомый нам рисунок событий.

На этот раз заселение началось вокруг Хуанхэой реки (Хуанхэ), бегущей на восток с высокого плато — Тибетского нагорья, теперь называемого Цинхай-Сикан, и впадающей в Хуанхэое море. Далее к югу от нее на восток к берегу моря текла река Янцзы.

В дни, когда Сахара была зеленой, а пустыня Тар орошалась водой из рек, широкое пространство между двумя великими реками Китая было, вероятно, всего лишь лоскутом земли с болотами, озерами и поросшей отмелью. Полуостров Шаньдун был почти островом. По болотам могли бродить охотники и собиратели, но людям не было смысла селиться на сочащейся водой земле.

Затем, за счет потепления в Сахаре, разливы Нила уменьшились, а река, когда-то орошавшая пустыню Тар, исчезла. Многорукавный месопотамский поток постепенно стал двумя отдельными реками благодаря тому, что между ними накопились осадочные породы. Междуречье великих рек Китая тоже постепенно высохло.

К 5000 году до н. э. пространство между реками Хуанхэ и Янцзы превратилось в широкую равнину, на возвышенных местах поросшую лесом. Здесь начали селиться кочевники, и выращивать рис на влажных участках вдоль рек. Количество жилищ росло, появлялось все больше деревень. Первые значительные поселения археологи обнаружили возле реки Хуанхэ. В них постепенно складываются характерные обобщающие черты: люди в соседних деревнях приобретают одни и те же привычки, у них появляются одинаковые методы возведения домов, формируется стиль глиняных изделий и, по-видимому, общий язык.

Цивилизация Хуанхэой реки в долине Хуанхэ, которую мы теперь называем Ян-шао, была не единственной в Китае. На юговосточном побережье, ближе к Восточно-Китайскому морю, образовалась еще одна культура с названием Дапенкен; южнее, в долине реки Янцзы, появилась цивилизация Цинляньган.[1] Под гигантской южной излучиной реки Хуанхэ возникла четвертая

группа поселений — Луншань. Раскопки открывают, что руины культуры Луншань иногда располагаются над остатками Ян-шао — отсюда возникает предположение, что культура Луншань могла мирно вытеснить, по крайней мере частично, культуру Хуанхэой реки.[24]

Мы почти ничего не знаем о жизни и обычаях этих четырех культурных групп. Все, что мы можем сделать — это обозначить каждую из них своим термином, потому как им были присущи разные стили гончарного искусства и различные методы ведения сельскохозяйственных и строительных работ: поселения Ян-шао обносилось рвом, в то время как луншаньская деревня могла быть отделена от окружающих ее пустошей земляной насыпью. Но вне самых общих гипотез — быть может, устройство кладбища возле деревни на южном берегу Хуанхэ намекает на очень раннюю форму древнего культа; возможно, погребение пищи вместе с мертвецом свидетельствует о вере в загробную жизнь — у нас нет иных ключей к истине, кроме рассказов, претендующих на записи ранней истории Китая.

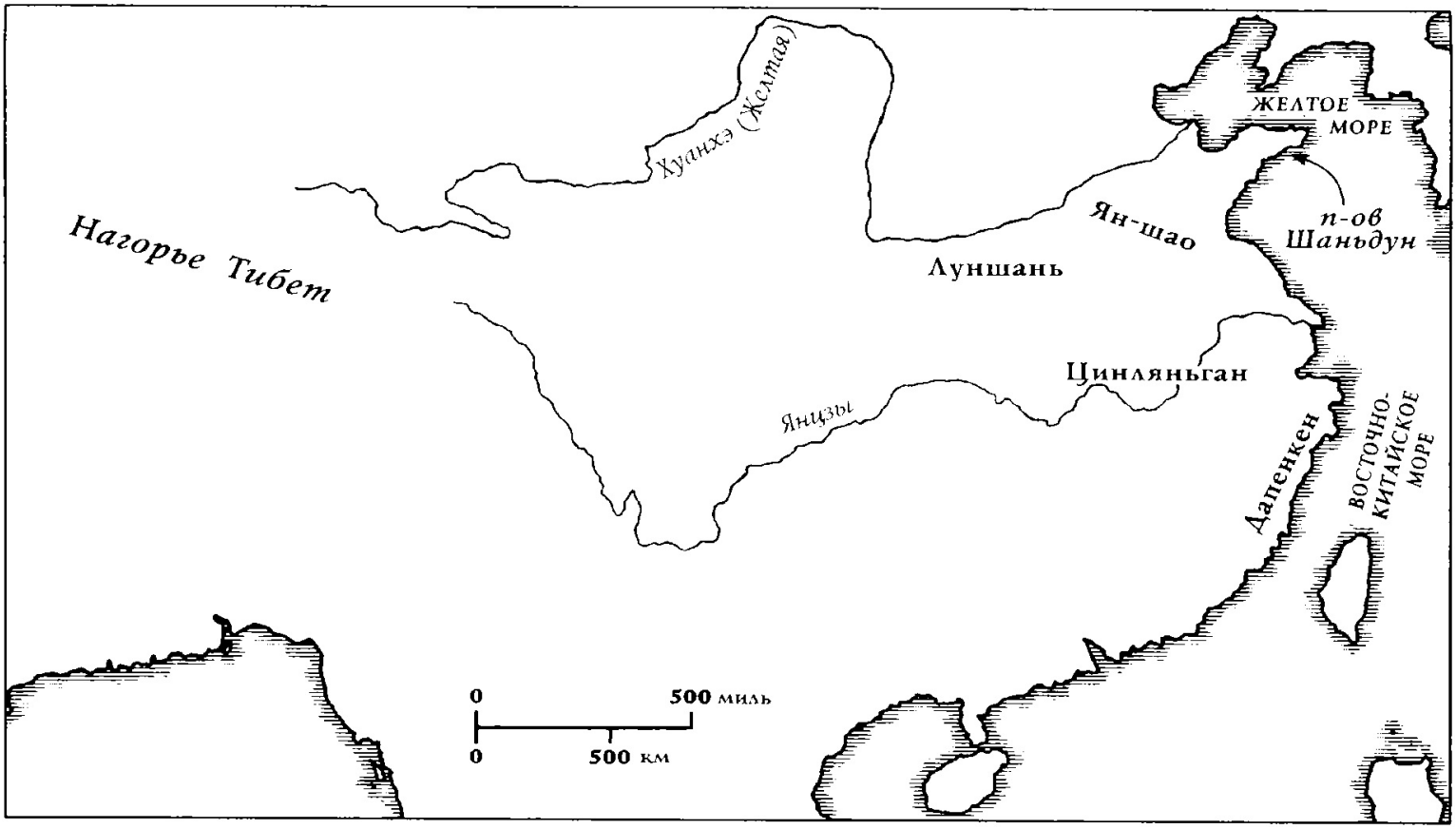
Как и легенды Месопотамии, мифы о раннем Китае были зафиксированы значительно позже событий, которые они описывают. Но до сих пор эти легенды доносят до нас более древние традиции и знакомят с первым царем, который установил во всем необходимый порядок. Его имя — Фу Си. Сыма Цянь, великий историк, который собрал переводы сказаний древнего Китая и превратил их в эпическую историю, сообщает нам, что Фу Си начал свое правление в 2850 году. Он изобрел восьмерку триграмм — рисунок из прямых и прерывающихся линий, используемый для записи и сохранения предсказаний и интерпретации событий. Загадывая на появление птиц и животных, Фу Си

> ответ вытаскивал он прямо из себя,
> не только брал лишь внешние предметы.
> Триграмм восьмерку создал он для нас,
> чтоб передать значение пророчеств,
> определяя суть всего живого.[2]

Восьмерка триграмм создана по образцу отметин на панцире черепахи. Первый китайский правитель не спас своих людей от потопа, не получил свою власть от небес и не объединил две страны в одну. Нет, его великое достижение было для китайцев гораздо более важным. Он нашел связь между миром и человеком, между рисунками, созданными природой, и импульсами человеческого сознания, призванного упорядочить все вокруг.

В китайской мифологии Фу Си следовал за вторым великим императором Шэн Нуном — создателем плуга из дерева и первым пахарем. В «Шу-Цзин»[25] говорится, что он научил людей находить наилучшие почвы, сеять и выращивать зерно, которое поддерживает жизнь, молоть его, есть полезные растения и избегать отравлений. За царем-земледельцем следовал третий великий правитель — вероятно, самый великий из всех. Это был Хуан-ди, Хуанхэый император.[26]

Традиционно считается, что Хуан-ди правил с 2696 до 2598 года до н. э. В свое правление он победил брата, Огненного царя[27], и прибрал к рукам и его земли. Но вскоре военачальник Чжи-Ю, который был предан Огненному царю, поднял восстание против победоносного Хуанхэого императора.

Древние китайские поселения

Чжи-Ю имел скверный характер — он придумал войну, выковал первые металлические мечи, грыз гальку и камни своими несокрушимыми зубами, и собрал армию разбойников и гигантов. Он атаковал армию Хуан-ди на поле, покрытом туманом. Хуан-ди пришлось использовать магическую колесницу, снабженную компасом, чтобы найти дорогу к центру сражения (которое он в итоге выиграл).

Конечно, это анахронизм. В 2696 году в Китае не существовало компаса — волшебного или какого-либо иного. Не было еще и городов. В то время как уже процветали Мемфис и Киш, поселения на Хуанхэой реке были жалкими деревеньками, скоплениями мазанок, лишь иногда окруженных земляными рвами и стенами. Люди, жившие в этих поселениях, научились рыбачить, сажать и собирать зерно и (мы уверены) бороться с вторжениями иноземцев. Хуан-ди, если он и вел войну за создание империи со своими братьями и их военачальниками, завоевал не страну блестящих городов и преуспевающих торговцев, а землю, на которой кучки сельских хижин были окружены рисовыми и просяными ПОЛЯМИ.

Но некоторые изменения в структуре китайского управления после завоеваний Хуан-ди все-таки появились. К этому времени в Шумере уже развивалась идея наследования власти. Очевидно, такая же мысль вскоре зародилась и в Китае. За Хуан-ди, последним из трех великих правителей, следовал император по имени Яо. Яо, которого переполняла мудрость (первый из Трех мудрых царей), по-видимому, правил в то время, когда уже было в обычае передавать верховную власть сыну. Вероятно, он понимал, что его сын не подходит для наследования трона[28]. Поэтому Яо выбрал своим наследником бедного, но умного крестьянина по имени Шан, известного не только своей добродетельностью, но и преданностью отцу. Шан, будучи мудрым и справедливым царем (второй из Трех мудрых царей), повторил модель своего назначе-ни я на царство, в обход сына избрав другого достойного человека — Юя, третьего Мудрого царя, прославившегося в качестве основателя первой династии Китая — Хань.

Сравнительная хронология к главе 6*

Индия	Китай
Ранние поселения вдоль Нижнего Инда и в Пенджабе	Ранние культуры Китая: Ян-шао, Дапенкен, Цинляньган и Луншань
Кали-Юга, Век Железа (с 3102 года по настоящее время)	
Деревни начали разрастаться в города	
Ману Вайвасвата	
	Фу Си (2850 год до н.э)
	Шэи Нун
	Хуан-ди (2696 год до н.э)
	Яо (2598 год до н.э)
	Династия Хань (2205–1766 годы до н.э)
	Юй

Иными словами, в Китае самые ранние сказания об императорской власти демонстрируют не отчаянное стремление утвердить наследника-сына, а, наоборот, лишение прав крови в пользу добродетелей. Власть — это прекрасно, но никто не может взять ее просто в качестве подарка по праву рождения. Мудрость, а не происхождение определяет право на власть. У жителей Киша была причина потребовать смены престолонаследования, потому что их царь Этана оказался бездетен. Но у жителей городов в долине Хуанхэ не возникало такого стремления.[29]

Часть вторая
САМЫЕ ПЕРВЫЕ

Глава седьмая
Первые записи событий

Между 3800 и 2400 годами до н. э. шумеры и египтяне начинают пользоваться печатями и знаками

Письменная история началась около 3000 года до н. э. В начале этого тысячелетия существовали всего две вещи, достаточно важные, чтобы пронестись сквозь пространство и время: деяния великих людей и владение коровами, зерном и овцами. В городах Шумера начала формироваться великая эпическая литература — и сословие бюрократов, чьей задачей была забота об учете имущества.

Люди — это люди. Первым проявлением цивилизации явилась бюрократия. Суть возникновения письменности лежит не в многогранности человеческого духа, а в необходимости сказать с определенностью: «Это мое — а не твое». Но, изобретя искусственный код, позволяющий фиксировать и сохранять сведения об имуществе, бухгалтеры передали этот дар рассказчикам. И это тоже был способ сделать своих героев бессмертными. С тех далеких дней литература остается прочно привязанной к коммерции.

Со времен пещерной живописи люди делали отметки, чтобы зафиксировать счет предметам. Мы можем назвать эти метки зернами письменности, так как метка означает не просто «это метка», а нечто большее. Однако подобные знаки не идут дальше конкретного пространства и времени. Они не имеют голоса, пока тот, кто их сделал, не будет стоять рядом, объясняя: «Эта линия — корова, эта — антилопа; а здесь — мои дети».

Жители Шумера сделали еще шаг вперед. Очень рано обладатели ценного ресурса (зерна, молока и, быть может, масла) начали налеплять на крепко завязанные мешки с зерном глиняный шарик, придавливая к нему свою печать. На печати, квадратной или круглой, был вырезан особый рисунок. Когда глиняный шарик высыхал, метка хозяина («Это мое!») оставалась на глине, олицетворяя собою гарантию владельца и служа залогом неприкосновенности в его отсутствие.

Понимание этих печатей, как и отметок, сделанных пещерным художником, зависело от степени осведомленности окружающих. Каждый, кто видел печать, должен был знать, что она означает чье-то присутствие — еще до того, как она конкретизировала свое послание («Это принадлежит Илшу»). В отличие от меток пещерного художника, печати были не похожи друг на друга. Метка могла означать женщину или овцу, мужчину или корову. Печать же могла представлять лишь одного шумера — Илшу. Самому Илшу больше не нужно было присутствовать лично для такого пояснения.

Таким образом, был сделан первый шаг к преодолению пространства.

Вероятно, одновременно с печатями в обиход вошел еще один тип знака. Как и пещерные художники, шумеры использовали отметины и зарубки, чтобы зафиксировать расчет количестве коров (или мешков зерна), которыми они владели. Зарубки, ведущие подсчет их достоянию, наносились на маленькие глиняные пластинки — счетные таблички. Информация на них сохранялась до тех пор, пока земледельцы владели коровами, и на многие века спустя. Нередко самые богатые шумеры, имевшие много табличек, хранивших сведения об их богатствах, укладывали их на тонкий пласт мягкой глины, оборачивали пласт вокруг таблички и

прикладывали печать к образовавшейся упаковке. Когда глина высыхала, получалось что-то вроде конверта.

К несчастью, единственным способом открыть этот конверт было разбить глину — но в таком случае, в отличие от бумажного пакета, он становился непригоден к использованию. Более удобным способом хранения сведений, стало нанесение снаружи на «упаковку» меток, информирующих о том, сколько табличек находится внутри нее, и с их кратким содержанием.

Теперь отметки на «конверте» рассказывали о табличках внутри — а те, в свою очередь, несли на себе отметки, символизирующие коров. Другими словами, наружные метки стали знаками с двойным абстрагированием от представленных ими объектов. Взаимоотношения между предметом и меткой начали перерастать в абстрактные.[1]

Следующим шагом в развитии письма стал окончательный отказ от простых меток. По мере того как росли шумерские города, собственность принимала все более сложную форму. Можно было владеть большим количеством типов предметов, которые могли передаваться кому-либо другому. Теперь наследники нуждались в чем-то ином, нежели просто отметка о единице собственности. Им требовались пиктограммы — изображения подсчитываемых предметов.

Использовавшиеся первоначально пиктограммы со временем упрощались. Во-первых, их обычно рисовали на глине, которая неудобна для нанесения мелких деталей. Вдобавок было бы пустой тратой времени рисовать реальную корову каждый раз, когда требовалась ее отметка, если все, смотрящие на пластину, и так прекрасно знали, что квадрат со слегка обозначенными головой и хвостом означает корову; так палка-палка-огуречик в исполнении малыша обязательно изображает маму (хотя ее и трудно опознать в этом намеке на человека) — просто потому, что здесь должна быть изображена именно мама.

Все это — система обозначений. Ее еще нельзя назвать письмом. С другой стороны, — это система отметок, которые становятся все более и более сложными.

Затем снова появляется печать — на этот раз передающая совсем новое содержание. Илшу, который когда-то использовал свою печать только для того, чтобы обозначить собственность зерна и масла, мог теперь поставить ее на обороте таблички, пиктографически при сделке. На обороте таблички рисунок Илшу н изображающей продажу коров соседа слева его соседу справа. Не доверяя друг другу, они оба просили его присутствовать при продаже, и он ставил свою печать на табличке как свидетель е говорит больше «Тут был Илшу» или даже «Это принадлежит Илшу». Он говорит: «Илшу, который был тут, наблюдал за этой сделкой и может дать пояснения, если у вас возникнут вопросы».

Это больше не обычная метка. Это развернутое заявление, сделанное читателю.

До определенного момента шумерское «письмо» зависело от хорошей памяти всех участников; оно больше было похоже на нитку, завязанную на пальце, чем на развитую систему символов. Но города торговали, экономика развивалась, и глиняные таблички должны были начать вмещать в себя больше информации, нежели простое указание на количество и вид товаров. Земледельцам и купцам требовалось записывать, когда засеяны поля и каким зерном; какие слуги с какими поручениями и куда посланы; сколько коров было отослано в храм Энлиля в уплату за данные предсказания (на случай, если жрецы просчитаются); сколько податей было отослано царю (на случай его просчета и требований новой дани). Чтобы зафиксировать столько информации, шумерам потребовались знаки, означающие слова, а не просто товары. Им нужна была пиктограмма для обозначения «коровы» — но также знаки для обозначения «послан» или «куплен»; пиктограмма для обозначения «пшеницы» — и знак для указания «посажена» или «погибла».

Нужда в знаках возросла, и развитие «кодов» могло принять одно из двух направлений.

Знаки могли множиться, и каждый бы соответствовал отдельному индивидуальному слову — либо же пиктограммы могли преобразоваться в фонетическую систему таким образом, чтобы знаки означали звуки, части слов, а не сами слова; таким путем можно было построить из ограниченного числа знаков любое количество слов. В конце концов, стоило человеку увидеть пиктограмму «корова» и сложить губы в шумерское слово «корова» — тут же возникал звук. Затруднительно было бы употреблять длинное обозначение понятия «корова», и со временем знак стал представлять собой лишь первый звук в слове «корова». Затем его стало возможным использовать в качестве начального знака во всех сериях слов, которые начинались с того же звука, что и «корова».

В течение как минимум шестисот лет шумерские пиктограммы шли по этому второму пути развития фонетических символов.[30] Символы, нанесенные на мокрую глину палочкой с клинообразным концом, имели четкую форму — расширяясь сверху и сужаясь книзу. Что шумеры называли своим письмом, мы никогда не узнаем. Почти невозможно узнать, как выглядела постоянно эволюционировавшая технология на своей самой ранней стадии, а сами шумеры никак не отметили введенную ими новацию. Только в 1700 году изучавший Древнюю Персию ученый по имени Томас Хайд дал шумерскому письму название «клинопись», которым мы пользуемся до сих пор. Правда, это название ничем не помогало понять суть шумерского письма. Более того, сам Хайд считал, что аккуратные значки на глине были всего лишь некой декоративной каймой.

В Египте пиктограммами начали пользоваться несколько позже, чем в Шумере. Однако ко времени образования единого государства эти значки стали уже привычными. На плите Нармера справа от головы царя помещена пиктограмма, обозначающая каракатицу — что также означает и его имя.

Не похоже, что египетские пиктограммы, которые мы теперь называем иероглифами, развились из системы счета. Скорее всего, египтяне научились технике пиктограмм от своих соседей на северо-востоке. Но в отличие от шумерских клинописных знаков, которые потеряли свое сходство с оригинальными пиктограммами, египетские иероглифы сохраняли узнаваемую форму очень долгое время. Даже после того, как иероглифы стали фонетическими знаками, обозначая звуки, а не предметы, они все еще узнавались как предметы: мужчина с поднятыми руками, пастуший посох, корона, сокол. Иероглифическое письмо представляло собою смесь знаков — некоторые из них оставались пиктограммами, в то время как другие уже превратились в фонетические символы. Иногда знак сокола стоял как звук, а иногда это был именно сокол. Поэтому египтяне создали символ, названный определителем: это был знак, ставящийся возле иероглифа, чтобы показать, чем тот выступает — фонетическим символом или пиктограммой.

Но ни пиктографическое, ни клинописное письмо так и не развились в полноценную фонетическую форму — в алфавит.

Шумерская письменность не завершила своей эволюции, так как была заменена аккадской (язык захватчиков Шумера). В то же время египетские иероглифы просуществовали тысячи лет, не потеряв своего значения в качестве картинок. Вероятно, загадка кроется в особом отношении египтян к письму: у египтян письменность была ключом к бессмертию. Это была магическая форма, в которой сами линии означали жизнь, могущество. Некоторые иероглифы были настолько сильны, что воспрещалось наносить их в магическом месте; их можно было рисовать или вырезать с учетом особых условий, дабы не привести в действие нежелательные силы. Имя царя, вырезанное иероглифом на монументе или статуе, обеспечивало ему присутствие на земле и после его смерти. Стереть такое имя царя означало убить его окончательно.

Шумеры, более практичный народ, не вкладывали столько смысла в свою письменность. Как и египтяне, у них было божество, покровительствующее письму — богиня Нисаба, которая

также была (насколько мы можем судить) богиней зерна. А египтяне верили, что письменность изобретена богом Тотом, божественным писцом, создавшим самого себя силой собственного слова. Тот был богом письменности, но также и богом мудрости и магии. Он измерял землю, считал звезды и записывал деяния каждого человека, приводимого в Зал Мертвых на суд. Он не суетился, считая мешки с зерном.

Такое отношение к письму стало причиной сохранности иллюстративной формы иероглифов, так как сами картинки считались наделенными силой. В действительности далекие от фонетики иероглифы были удобны в том смысле, что не поддавались расшифровке, если у вас не было ключа к их значению. Египетские священнослужители, владеющие информацией, охраняли границы своих знаний, держа этот инструмент в своих руках. Именно тогда умение читать и писать стало признаком силы.

На деле иероглифы были так далеки от ясности, что способность понимать их значение начала пропадать еще тогда, когда Египет существовал как единая нация, мы находим сведения о говорящих по-гречески египтянах. Еще в 500 году н. э., писавших длинные пояснения связей между знаком и его значением. Например, Гораполло в своей «Иероглифике» объясняет различные значения иероглифа, имеющего вид грифа, отчаянно смело (и неверно) пытаясь выразить связь между знаком и его значением:

«Когда они подразумевали мать, зрение, границы или предвидение, они рисовали грифа. Мать — так как у этого вида животных нет самцов... гриф отвечает за зрение, так как из всех животных у него самое острое зрение... Знак означает границы, потому что, когда вот-вот разразится война, он ограничивает пространство, на котором произошла битва, зависая над ним на семь дней. [И] предвидение — потому что... он ожидает много трупов, которыми обеспечит его это кровопролитие»?

Со временем значение иероглифов полностью стерлось, и письменность египтян оставалась непонятной до тех пор, пока однажды отряд наполеоновских солдат, копая землю для закладки фундамента форта, который Наполеон задумал построить в дельте Нила, не наткнулся на 700-фунтовый кусок базальта с тройной надписью, сделанной иероглифами, позднеегипетским письмом, а также по-гречески. Эта скала, теперь известная под названием «Розеттский камень», дала лингвистам ключ, необходимый для начала работы по расшифровке египетской иероглифической азбуки. Таким образом, военные, которые уже и ранее в течение многих веков поставляли ученым материалы, приводившие к открытиям, помогли вернуть возможность прочесть древнейшие поэмы и эпические произведения египтян. Впрочем, великая литература никогда не была независимой от войны — как не может она стряхнуть с себя коммерческую зависимость.

Иероглифы смогли сохранить свою магическую и мистическую природу только потому, что египтяне изобрели для ежедневного пользования новый и более простой алфавит. Иератическое письмо стало упрощенной версией иероглифического написания с редукцией знаков до нескольких быстро наносимых линий (по У. В. Дэвису — «скорописная версия» иероглифического письма). Иератическому письму отдавали предпочтение при ведении деловых записей бюрократы и административные служащие. Его изобретение предварило появление бумаги. Неважно, насколько просты линии — их все равно невозможно быстро писать на глине.

В течение многих веков глина была традиционным материалом для письма и у шумеров, и у египтян. Ее было много, ее можно было использовать снова и снова. Письмо на гладкой поверхности глиняной пластинки, которую сушили на солнце, могло храниться многие годы — но простым намачиванием поверхности можно было стереть запись или изменить ее, исправляя и искажая значение написанного. Записи, которые следовало защитить от подделок, можно

было обжечь в огне, превращая отметки в прочный, не допускающий изменений архивный материал.

Но глиняные пластинки были тяжелыми, неудобными для хранения и трудными для переноски с места на место, они сильно ограничивали количество написанного в любом послании (на досуге можно поразмыслить об этом как о способе противостояния многословию, поощряемом появлением компьютеров). Примерно около 3000 года до н. э. египетские писцы осознали, что папирус, использовавшийся в качестве строительного материала в египетских домах (тростник, уложенный крест-накрест, размягченный и размятый в бесформенную массу, а затем тонкими листами высушенный на солнце), также может служить поверхностью для письма. При наличии кисточки и чернил иератическое письмо можно было очень быстро наносить на папирус.

В Шумере, где подобного материала не было, глиняными табличками продолжали пользоваться еще долгие века. Через пятнадцать сотен лет, когда Моисей привел семитских потомков скитальца Авраама из Египта на сухие просторы Ближнего Востока, Господь вырезал скрижали для них на каменных таблицах, а не на бумаге. Израильтянам пришлось изготовить специальный короб для таких таблиц, чтобы их можно было таскать с собой.

С бумагой же было много проще. Послание можно было скатать в трубку, спрятать под одеждой или положить в карман. Широко расселившиеся по долине реки Нил бюрократы нуждались в простом способе связи между севером и югом; посланец же, который передвигался вверх по Нилу с сорока фунтами глиняных табличек, безусловно, испытывал неудобства.

Египтяне воспользовались новой удобной технологией. Иероглифы продолжали вырезать на стенах гробниц, на памятниках и статуях. Но письма и прошения, инструкции и угрозы писались на папирусе, который сминался, намокая, и ломался, постепенно старея, а через какое-то время превращался в горсть пыли.

Мы можем проследить историю семейных затруднений шумерского царя Зимри-Лима по громоздким глиняным таблицам, которые кочевали взад-вперед между опаленными солнцем городами Месопотамии — но мы очень мало знаем о каждодневной жизни фараонов и официальных лиц страны после начала массового использования папируса. Их печали и срочные послания потеряны; написанные ими или для них истории — все это исчезло без следа, как стертый электронный файл. Таким образом, тысячи лет назад человечество впервые обрело не только возможность писать, но и достигло первого технологического успеха, который со временем обернулся в недостаток, отомстив человеку недолговечностью.

Шумерская клинопись умерла, но иероглифы дожили до наших дней. Более поздняя форма, которую мы называем про-тосинайской, появилась в регионах Синайского полуострова[31], позаимствовала у египетских иероглифов почти половину своих знаков. Потом протосинайское письмо, в свою очередь, отмерла и была похоронена. Но иероглифы дожили до наших дней. Более поздняя форма письма, которое мы называем протосинайским из-за того, что оно появилось в различно несколько букв финикийцам, включивших их в свой алфавит. Затем греки переняли финикийский алфавит, переделали его и передали дальше римлянам — а затем уже и нам. Так что магические знаки египтян на самом деле подошли к бессмертию настолько близко, как никакое любое другое известное нам изобретение.

Е Г И П Е Т С К И Е П Р О Т О С И Н А Й С К И Е Ф И Н И К И Й С К И Е РАННЕГРЕЧЕСКИЕ КЛАСИЧЕСКИЕГРЕЧЕСКИЕ ЛАТИНСКИЕ •у +1 /Л м 'л **- ч Л rs/ N <a> <3> О О О О

Алфавитная таблица. Трансформация трех литер из египетских к латинским. Предоставлено Ричи Ганном

Глава восьмая
Первые военные хроники

В Шумере, около 2700 года до н. э.$_у$ Гильгамеш, царь Урука, завоевывает земли своих соседей

С тех пор как шумеры начали использовать клинопись, они перешли от «жил-был» к обозначению конкретных событий, привязанных к конкретному времени: начали записывать сведения о выигранных битвах, об установлении торговых отношений, о возведении храмов. Царский список мог теперь тщательно фиксироваться на официальных табличках и в надписях.

Эпические повествования, часто передающие суть исторических событий посредством сказочных существ и сверхъестественных сил, остаются полезными для историка Мы и сегодня можем опознать новую информацию, вчитываясь в наиболее правдоподобные из таких рассказов. Это не означает, что данные истории правдивы и удивительно объективны; в конце концов, они создавались писцами, которым платили цари, чьи достижения записывались — а это, естественно, располагало к подаче событий в определенном свете. К примеру, согласно ассирийским надписям, очень мало ассирийских царей проигрывало битвы... И только сравнивая надписи, сделанные двумя царями, победившими в одной и той же войне друг против друга, мы часто можем определить, какой царь победил в действительности.

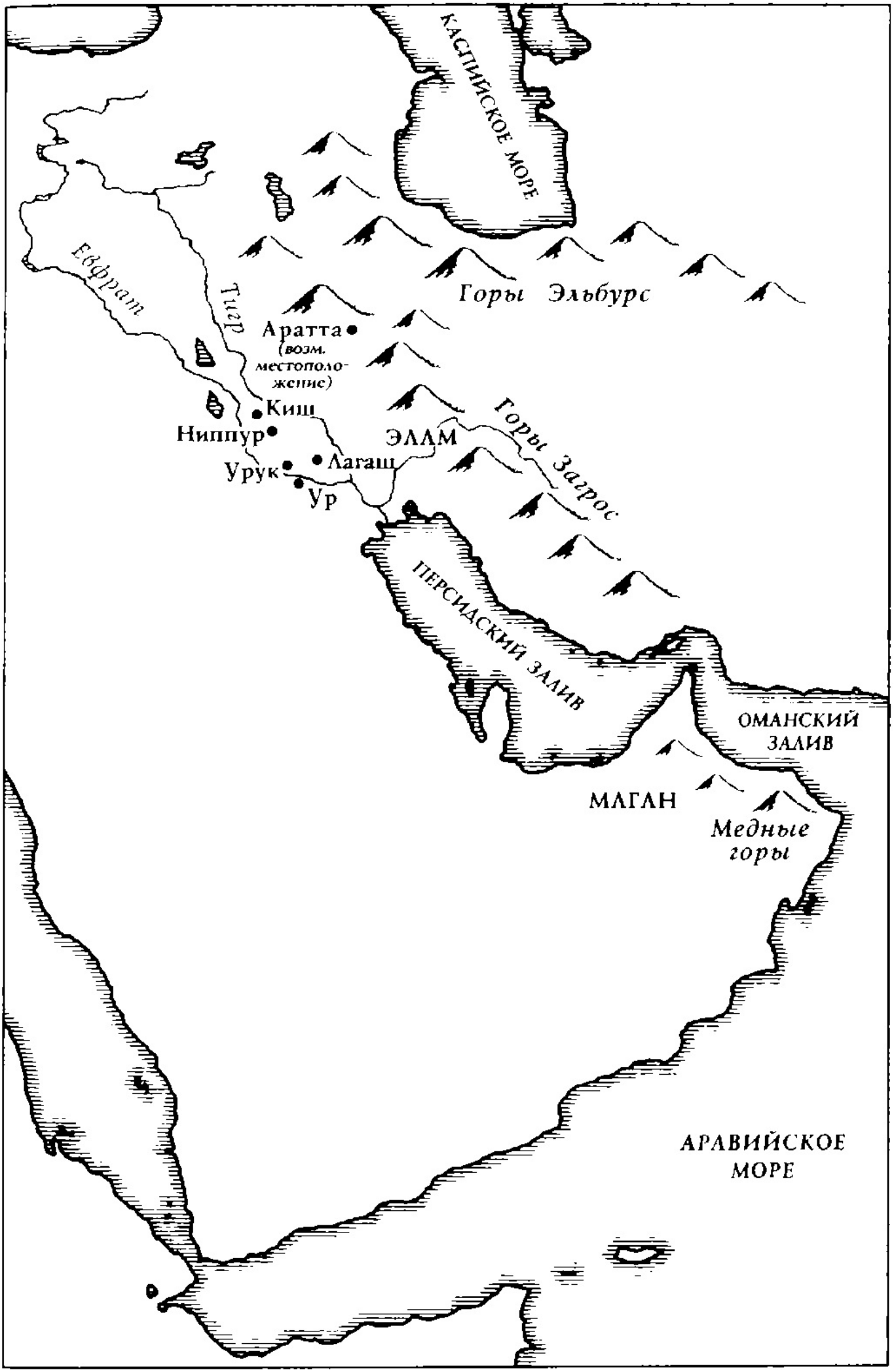
В Шумере, где цивилизация развивалась по принципу отделения имущих от неимущих, битвы между городами спорадически вспыхивали начиная с 4000 года до н. э. Из храмовых записей, Царского списка и набора легенд мы можем сложить историю одной из самых древних в серии битв: первую хронику войны.

В год 2800 до н. э. (относительно точно) шумерский царь Мескиаггашер правил в городе У рук. У рук, известный сегодня как город Варка на юго-востоке Ирака, был одним из древнейших мегаполисов Шумера, заселенным по крайней мере с 3500 года до н. э.[32] При правлении Мескиаггашера он уже являлся (насколько мы можем судить) самым крупным городом на этих территориях. Внутри и вокруг огражденного его стенами пространства диаметром в шесть миль проживало 50 тысяч человек. Два огромных храмовых комплекса располагались за городскими воротами. В храме под названием Куллаб шумеры собирались, чтобы славить далекого и невидимого бога неба Ан; в комплексе Эанна они гораздо более энергично поклонялись Инанне, весьма доступной богине любви и войны.[33]

Мескиаггашера, вероятно, раздражало, что его огромный и богатый город на деле не является самой большой драгоценностью в короне Шумера[34]. Эта честь все еще принадлежала Кишу — городу, чей царь мог заявить формальные права на доминирование в Месопотамии. К этому времени Киш распространил свою защиту (и контроль) на священный город Ниппур, где стояла гробница верховного бога Энлиля, и куда цари всех шумерских городов ездили, чтобы принести жертвы и получить признание. Хотя и не самый крупный из городов Шумера, Киш, похоже, имел непропорционально большое влияние в регионе. Как Нью-Йорк, он не был ни политической, ни военной столицей, но тем не менее символизировал центр цивилизации — в особенности для своего окружения.

Похоже, Мескиаггашер не был тем человеком, который удовольствуется местом во втором ряду. Вероятно, он захватил трон Урука у законного правителя; в шумерском Царском списке он записан как сын бога-солнца Уту — такое происхождение узурпаторы часто использовали, чтобы узаконить свои притязания. И, как сообщает нам Царский список, во время своего правления он «ходил в моря и поднимался в горы». Это кажется более простым делом, чем

подъемы Этаны на небо. Завладев Уруком, Мескиаггашер распространил свое влияние вокруг — не на другие шумерские города (Урук не был достаточно силен, чтобы прямо идти войной на Лагаш или Киш), а на торговые пути, которые вели к морю и через окружающие горы.

КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Горы Эльбурс
Евфрат
Тигр
Аратта
(возм. местоположение)
Кищ
Ниппур
ЭЛАМ
Горы Загрос
Урук
Лагаш
Ур
ПЕРСИДСКИЙ ЗАЛИВ
ОМАНСКИЙ ЗАЛИВ
МАГАН
Медные горы
АРАВИЙСКОЕ МОРЕ

Контроль над этими коммуникациями нужно было установить до войны. Мескиаггашер нуждался в мечах, топорах, шлемах и щитах — но на равнине между реками не было металла. Кузнецы Киша могли доставать сырье с севера, выше по течению от Киша; У руку необходимо было найти на юге источники сырья, которое отсутствовало на равнине Междуречья.

Такие источники были. Легендарные Медные горы находились в Магане — в юго-восточной Аравии, то есть, в современном Омане. Медные горы (хребет Аль-Хаджар) упоминаются в клинописных табличках из Лагаша и других городов; здесь с очень давних времен рыли шахты глубиной до шестидесяти пяти футов и строили печи для плавки металла.

В Маган не существовало легкой дороги через Аравийскую пустыню. Зато в портах Магана шумеры на тростниковых лодках — обмазанных битумом и способных поднимать до двадцати тонн груза — могли торговать зерном, шерстью и маслом в обмен на медь. Первым логическим шагом Мескиаггашера при подготовке к войне было бы обеспечение купцам Урука (или через переговоры, или путем военной экспедиции) свободного доступа через Оманский залив к Магану.

Но шумерские кузнецы нуждались не только в чистой меди. Примерно за триста лет до Мескиаггашера они начали добавлять в медь десять процентов олова или мышьяка. Благодаря этому они получали бронзу более прочную, чем медь, более ковкую и позволяющую острее заточить край после отвердевания.[35]

Поэтому царь Урука отправил царю Аратты послание, заявляя, что Инанна — верховное божество Аратты — предпочитает Итак, для получения бронзы Мескиаггашеру было необходимо олово. При содержании в сплаве мышьяка бронза становится мягче и дает худшую заточку; кроме того, ядовитый мышьяк через какое-то время убивал мастеров, что мешало эффективному пополнению арсенала. Поэтому, скорее всего, поход Мескиаггашера в горы проводился в поисках того олова, которое добывалось у скалистых склонов гор Загрос. Возможно, что он проник еще дальше на север, добравшись до ледяных круч хребта Эльбурс у Каспийского моря. Мескиаггашер завел своих солдат глубоко в горы по перевалам и заставил горные племена поставлять ему металл, необходимый для превращения меди в бронзу.

Теперь У рук был вооружен, но Мескиаггашер не дожил до того, чтобы увидеть победу. После его смерти трон унаследовал его сын Энмеркар.

Энмеркару досталась незавидная участь — жить под гнетом репутации своего отца; трудно превзойти человека, который ходил в моря и поднимался в горы. Мы можем узнать о его потугах ухватить свою долю славы из длинного эпического повествования, написанного много позже и названного «Энмеркар и владыка Аратты».

Аратта не была шумерским городом. Она была расположена в горах немного южнее Каспийского моря. Население города составляли эламиты — люди, говорившие на языке, абсолютно отличном от шумерского, который до настоящего времени еще не расшифрован. У эламитов не было олова или меди, зато у них были драгоценные металлы и камни — серебро, золото и ляпис-лазурь. В течение многих лет они поставляли Шумеру полудрагоценные камни в обмен на зерно.

Энмеркар, будучи в тени славы человека, который ходил в моря и поднимался в горы, решил устроить ссору со своим торговым партнером. У него не имелось подходящей политической причины для этого — но Аратта был слишком лакомой добычей. Если бы Энмеркар смог подчинить город своей власти, он бы поднялся выше властителей Урука, признающих славу Аратты за ее богатства, мастеров по металлу и опытных резчиков камня. Благодаря этому завоеванию возросла бы личная слава Энмеркара.

Урук Аратте, и население Аратты должно признать это безвозмездно, прислав Энмеркару золото, серебро и ляпис-лазурь.

По сути, это было объявление войны. К несчастью, Энмеркар переоценил свои силы. В эпическом повествовании после серии пробных обменов письмами между двумя царями богиня Инанна отправляет послание, в котором заверяет Энмеркара, что хотя она любит Урук больше, но также любит и Аратту, и хотела бы, чтобы он не разрушал город. И в конце повествования эламиты Аратты все еще свободны от правления Энмеркара.[1]

Так как эта история дошла до нас от шумеров, а не от эламитов, подобный двусмысленный конец, вероятно, говорит о полном поражении шумеров. Энмеркар умер бездетным, не расширив империю отца и став последним в династии Мескиаггашера.

Энмеркару наследовал один из военачальников, человек по имени Лугулбанда, в свою очередь ставший героем нескольких эпических сказаний. После Лугулбанды городом стал править другой военачальник — и снова не родственник царя. Похоже, система наследования сыновей отцам была прервана, а в самом У руке больше не предпринимались попытки подчинения других городов.

Затем, быть может, сотней лет позже, была еще одна попытка установления гегемонии Урука над шумерами, с воцарением на троне юноши по имени Гильгамеш.

Согласно Царскому списку, отец Гильгамеша тоже не был царем. Вероятнее всего, он был жрецом высокого ранга в храмовом комплексе Куллаба, посвященном богу Ану, причем обладающим весьма специфической репутацией. Царский список называет его лиллу — словом, обозначающим демонические силы. Хотя цари Шумера когда-то тоже были жрецами, но те времена давно прошли. Задолго до упоминаемых событий церковная и политическая власть в шумерских городах разделились; Гильгамеш мог унаследовать власть священника, но он захватил также и царский трон, на который не имел права.

В эпическом повествовании немного рассказывается о его правлении — мы видим Гильгамеша, объявляющего Лугулбан-ду, военачальника и товарища Энмеркара, своим отцом. Противоречие на поверхности: Лугулбанда занимал трон за несколько десятилетий до рождения Гильгамеша. Но с точки зрения человека, переписывающего личную биографию политика, Лугулбанда являлся прекрасным выбором в качестве родителя. Он добился блестящих успехов и был великолепным воином-царем, человеком с талантом выживания в долгих жестоких кампаниях, готовым сражаться в дальних краях. Ко времени правления Гильгамеша Лугулбанда — вероятно, умерший лет тридцать назад, если не больше — был на пути к достижению статуса легендарного героя. Спустя сотни лет он будет считаться богом. Именно ему и следовало наделить Гильгамеша блеском мирской власти.

Как только первое рискованное предприятие Гильгамеша — захват трона Урука — успешно завершилось, он был готов к новым свершениям. Ведь Киш все еще лежал не завоеванный, его царь защищал священный Ниппур и постоянно раздражал вероятностью превосходства своего статуса.

Когда мы отделим историю молодого царя Гильгамеша от эпического повествования, написаного задолго до него и лишь позднее связанного с его личностью, мы сможем представить себе реального человека. Гильгамеш хотел того, чего хотел бы на его месте любой шумерский политик: лояльности соратников, трона, царского титула, титула «владыка Киша» — и в конце концов бессмертия.

Первой задачей Гильгамеша при подготовке к войне с соседями было возведение собственных укреплений. *«В Уруке [Гильгамеш] построил стены, мощную защиту... —* сообщает нам пролог сказания о Гильгамеше. *— Взгляните на них даже сегодня: внешняя стена... она сверкает от сияния меди; а внутренняя стена не имеет себе равных»*.[2]

Медь — это более позднее преувеличение. Стены Урука в то время не были каменными, а уж тем более медными; они были сделаны из дерева, привезенного с севера. Про экспедицию за материалом для укреплений мы узнаем из эпической поэмы. В ней повествуется о том, как Гильгамеш рискнул отправиться в кедровые леса севера, чтобы установить монумент богам — но прежде он должен был сразиться с великаном лесов[36] «гигантским воином, боевым тараном», известным как Хугенесс (по-шумерски Хумбаба или Хувава).[3] Вероятнее всего, на самом деле Гильгамеш встретил не великана, а племена эламитов, живущих в кедровом лесу и не желающих добровольно отдавать свои самые ценные ресурсы.

Когда же стены были возведены, Гильгамеш был готов найти причину и для личной ссоры с царем Киша.

Царя Киша звали Энмебарагеси, и его правление началось за много лет до того, как выскочка Гильгамеш пришел к власти в У руке.[37] Он был не только царем Киша, но также защитником святого Ниппура. Найденная в городе надпись говорит нам, что Энмебарагеси построил в Ниппуре «Дом Энлиля» — храм главного шумерского бога, покровителя воздуха, ветров и штормов, хранителя Табличек Судьбы — держащего в своих руках власть над судьбами всех людей.

Энлиль, которому приписывалась способность в дурном настроении насылать наводнения, был не тем богом, с которым стоило портить отношения. И так как храм, построенный Энмебарагеси, был почитаем в качестве главного храма Энлиля, царь Киша считался любимцем бога.

Тем временем Гильгамеш мобилизовал силы Урука. Вся урук-ская военная машина была приведена в действие: пешие солдаты с кожаными щитами, копьями и топорами; осадные машины, сделанные из древесины северного леса, влекомые быками и обливающимися потом людьми; огромные стволы кедра, поднятые вверх по Евфрату для использования в качестве таранов при штурме ворот Киша. Война в древнем мире требовала множества различных умений. Еще в 4000 году до н. э. люди высекали на камнях сцены, изображающие копьеносцев и пленников (и живых, и казнимых), разбитые ворота и осажденные города.

Итак, атака началась — и провалилась. Мы знаем об этом, потому что Царский список зафиксировал смерть Энмебарагеси от старости, а также мирное воцарение на троне Киша его сына Агги.[1]

Почему Гильгамеш отступил?

Во всех легендах, которые повествуют о Гильгамеше, центральным местом явно остается одно и то же: это был молодой, агрессивный и импульсивный лидер, обладавший почти сверхчеловеческой активностью. Человек такого типа спит три часа в сутки и выскакивает из постели, чтобы немедленно вновь вернуться к работе. К двадцати пяти годам он открывает новые авиалинии, к двадцати восьми — основывает и продает четыре компании, пишет свою автобиографию до тридцати. В преданиях также постоянно присутствует указание на то, что такая работоспособность доводит окружение Гильгамеша до изнеможения. В эпических поэмах они настолько измотаны постоянными заданиями, что обращаются к богам, прося избавления. В действительности люди, вероятнее всего, просто выдохлись, и, не сумев поднять свое войско на решительный штурм, Гильгамеш вынужден был отступить.

В конце концов, царь шумерского города не был абсолютным правителем. В рассказе об экспедиции Гильгамеша на север упоминается, что перед отправлением он вынужден был искать одобрения совета старейшин. Шумеры, сформировавшиеся как нация в стране, где каждый человек обязан был прижимать локти, чтоб не нарушить права соседа (если хотел выжить), обладали обостренным чувством собственных прав. Они первыми из людей записали

свой свод законов, жестко сформулировав границы свободы личности. Не похоже, чтобы они могли долго и без возражений терпеть покушения царя на их права — а в таком случае вполне были способны отказаться снова идти куда-то воевать.

Но Гильгамеш все еще был полон решимости завоевать Киш. С другой стороны, Агга, царь Киша, стремился сохранить мир. Поэтическое сказание, озаглавленное «Гильгамеш и Агга из Киша» говорит, что царь Киша отправил к Гильгамешу послов — очевидно, чтобы установить дружеские отношения.

Видимо, Гильгамеш воспринял послание скорее как признак слабости, чем искреннего желания мира. Согласно сказанию, он сначала собирает старейшин города и сообщает им о послании Агги. Но, не принимая мира, он предлагает начать еще одну атаку: «Там много богатств, которые можно захватить. Неужели мы подчинимся Кишу? Лучше ударить по нему оружием!»[1]

Совет старейшин отклоняет идею атаковать Киш, посоветовав Гильгамешу лучше управлять собственными богатствами, чем бегать за чужими. Но вместо этого Гильгамеш обращается к другому собранию — собранию молодых («крепких телом») людей. «Никогда прежде вы не подчинялись Кишу!» — заявляет он им. После некоторого обсуждения молодые люди изъявляют готовность поддержать его. «Выполняющий свои обязанности, находящийся на собрании, сопровождающий сына царя [Киша] — кто еще обладает такой энергией? — закричали они ему. — Ты любимец богов, ты одарен с избытком!»

> Не подчинимся Кишу никогда!
> Мы молоды, с оружием в руках.
> Великими богами создан наш Урук,
> чьи стены достигают облаков.
> Немногочисленна там армия, а люди
> не смеют прямо нам смотреть в лицо.[5]

Поддержанный таким образом, Гильгамеш решил атаковать Киш еще раз.

Такой двухпалатный парламент — сбор старейшин (мудрых, но чья боевая молодость осталась в прошлом) и молодых (крепких телом, но с горячими головами) был обычным явлением в шумерских городах. Оно веками практиковалось на древнем Ближнем Востоке; много позже сын великого иудейского царя Соломона, взойдя на трон, расколол свою страну пополам, проигнорировав мирные рекомендации совета старейшин в пользу опрометчивых предложений совета молодых.

Гильгамеш следует тем же курсом — и тоже приносит лишь горе. Опять нападение на Киш захлебывается; снова население Урука протестует, и снова Гильгамеш отступает. Мы знаем это, потому что не Гильгамеш в конце концов покорил Киш и получил титул царя Киша и защитника Ниппура, а совершенно другой властитель — царь Ура.

Ур, расположенный южнее Урука, десятилетиями спокойно набирал силу и мощь. Похоже, что его царь Месаннепадда[38] жил необыкновенно долго. Ко времени, когда второе нападение Гильгамеша на Киш обернулось поражением, Месаннепадда уже сидел на своем троне несколько десятилетий. Он был много старше Гильгамеша — быть может, даже старше умершего к этому времени Энмебарагеси. Он тоже мечтал о Кише; и он не был союзником Урука.

Но он умел ждать, пока придет его время. Когда Гильгамеш отступил, оставив Киш ослабленным, город атаковал Месаннепадда. Одержав победу, именно он, а не Гильгамеш

положил конец Первой династии Киша и взял под свое покровительство священный город Ниппур. Сверхчеловеческая энергия Гильгамеша осталась запертой внутри него, сдерживаемая нежеланием его окружения поддержать еще одну военную кампанию.

Снова в игру вступила система наследования. Киш пал после того, как умер Энмебарагеси, оставив своего сына защищать город; теперь Гильгамеш ждал, пока умрет старый и могущественный Месаннепадда, оставив своего сына Мескиагунна правителем тройного королевства, состоящего из Ура, Киша и Ниппура. Вероятно, к этому времени должны были умереть и старейшины, которые дважды видели поражение царя Урука. И лишь дождавшись этого момента, Гильгамеш напал в третий раз.*

На этот раз он восторжествовал. В жестокой борьбе он сверг Мескиагунна, заявил свои права на его город, а также на другие территории, которые Мескиагунн захватил прежде. Одним последним рывком Гильгамеш наконец-то стал властелином четырех великих городов Шумера: Киша, Ура, Урука и священного Ниппура.

*** Судя по всему, правители городов Шумера следовали в таком порядке:**

	Урук	Киш	Ур
2800	Мескиаггашер		
	Энмеркар		
	Лугулбанда		Месаннепадда
		Энмебараггеси	
2700	Гильгамеш		
		Агга	
			Мескиагуна

После многолетних попыток завоевать Киш Гильгамеш добился своего. Теперь он правил большей частью Шумера, чем любой царь до него. Но это продолжалось недолго. Даже сверхчеловеческая энергия Гильгамеша не могла справиться со старостью. Когда он умер (это случилось вскоре после его победы), четверное царство, титул царя Киша, как и все легенды, окружавшие его неистовую фигуру, перешли к его сыну.

Сравнительная хронология к главе 8

Китай	Месопотамия
Ранние культуры Китая: Ян-шао, Да-пенкен, Цинляньган и Луншань	Урукский период (4000–3200 лет до н. э.)
	Период Джемдат Наср (3200–2900 лет до н. э.)
	Атаб
	Этана
	Бали
	Древняя династия I (2900–2800 лет до н. э.

Фу Си (2850 год до н. э.)
Шэн Нун

Хуан-ди (2696 год до н. э.)

Яо (2598 год до н. э.)

Династия Хань (2205–1766 годы до н. э.)
Юй

Древняя династия II (2800–2600 лет до н. э.)
Гильгамеш

Древняя династия III (2600–2350 лет до н. э.)

Глава девятая
Первая гражданская война

В Египте, между 3100 и 2686 годами до н. э. Первая династия фараонов становится богами, Вторая переживает гражданскую войну, а Третья правит воссоединенным Египтом

Воюющие города Месопотамии не имели государственной идентичности — каждый представлял из себя отдельное царство. В начале третьего тысячелетия в мире наличествовало единственное полноценное государство, которое тянулось от южных берегов Средиземного моря вверх по реке до города Иераконполис. Египет был подобен веревке с навязанными на нее узлами: длиной более четырехсот миль, но местами столь узок, что египтянин мог стоять в пустыне, отмечавшей восточную границу, и видеть сразу за Нилом пустыню, простирающуюся за западной границей.

Столица страны, белый город Мемфис, лежал чуть южнее Дельты, на границе между древними Нижним и Верхним царствами. Равнина в этом месте была настолько сырой, что, по словам Геродота, первым по важности делом для Нармера стало строительство дамбы, чтобы сдерживать воду. Даже через двести пятьдесят лет, добавляет Геродот, «за этим изгибом Нила внимательно следят... они усиливают дамбу каждый год, потому что если река решит прорвать свои берега и вырваться здесь у Мемфис окажется под угрозой полного затопления».[1]

Объединение Нармером страны и основание им Мемфиса, единой столицы, знаменовало конец додинастического Египта. Трон Нармера был унаследован его сыном, а за ним — еще шестью царями, которых Мането относит к так называемой Первой династии Египта; это формальное определение разделяют и современные историки.[39]

Про самих этих восьмерых царей, управляющих на протяжении шестисот лет объединенным Египтом, мало что известно. Но мы видим рост централизации государства: создание царского двора, сбор налогов и возникновение экономики, позволявшей Египту такую роскошь, как содержание горожан, которые не производили пищу; священников, занятых целый день принесением жертв за царя; опытных кузнецов, изготовлявших ювелирные изделия для женщин и знатных людей; писцов, которые служили все более растущему числу чиновников.[2]

Третий царь династии, Джер, послал египетских солдат в первую официальную экспедицию за границы царства Нармера. На скале в 250 милях южнее Иераконполиса, возле второго порога, высечена сцена, которая показывает Джера и его армию торжествующими над пленными; вероятнее всего, это были люди из Нижней Нубии, которые вскоре уйдут на другие земли из-за плохого климата и вторжений египтян. Египетские войска прошли также на северо-восток вдоль берега Средиземного моря, достигнув местности, которую позднее станут называться Палестиной.

Ден, стоящий по хронологии двумя царями позже, снова обратил свои взоры за границы

Египта. Он повел своих людей на Синайский полуостров — треугольник земли между двумя северными заливами Красного моря. Тут Ден, согласно вырезанной на его гробнице сцене, покорил местных вождей и оставил надпись: «Впервые Восток разбит наголову».

Эти завоевания теоретически проводились в интересах всего Египта — и северного, и южного. Но после смерти правители Первой династии возвращались в Верхний Египет. Их хоронили в родной земле: в Абидосе, далеко-далеко на юге от Мемфиса.

У египтян не было обычных кладбищ. Простых египтян могли похоронить на краю пустыни, в песке, развернув лицом на восток. Но знатных египтян погребали в особом месте для захоронения — на высоком пустынном плато Саккара западнее Мемфиса.[40] Царей же, захороненных в Абидосе, погребали в подземных помещениях из кирпича или камня, окруженных огромным количеством подарков. Похороны сопровождались масштабными человеческими жертвоприношениями: почти две сотни мертвых слуг отправились в царство мертвых вместе с Деном, а Джер был похоронен в компании трехсот придворных и слуг.

Эти цари могли не быть уверены в полной лояльности севера — но и в смерти они держали в руках бразды пугающей власти. Человек, способный сделать смерть другого частью ритуала собственных похорон, ушел далеко вперед от той ненадежной власти, которой обладали древние шумерские правители.

Нелегко выяснить точно, почему символом этой власти стали человеческие жертвоприношения. К тому времени, когда стали уходить на вечный покой фараоны Пятой и Шестой династий, египтяне всего лишь вырезали для мертвых на стенах гробниц сцены их загробной жизни: выход из черных как смоль погребальных камер пирамид на небо, пересечение вод, которые отделяют мир живых от мира мертвых, богов, приветствующих попоиптяне еще даже не начинали бальзамировать своих умерших. Царские тела заворачивали в ковры, иногда пропитанные смолой, но это не помогало сохранять их.

Однако мы можем предположить, что в посмертии египетские цари должны были проходить сквозь небо и направляться к солнцу. В захоронениях Абидоса найдены целые флоты деревянных лодок — уложенных вереницами длиной по нелнение в их царстве. Но до этих картин со времен захоронений с жертвоприношениями в Абидосе прошла как минимум половина тысячелетия. Когда хоронили царей Первой династии, несколько сот футов, в длинных углублениях, закрытых глиняными кирпичами. В изображениях Первой династии солнце-бог показан проплывающим по небу в лодке.[3] По-видимому, фараон и души захороненных слуг использовали свои лодки для подобного перемещения. Правда, один из могильных комплексов в Абидосе содержит не лодки, а стадо принесенных в жертву ослов — очевидно, этот царь предполагал, что ему может понадобиться отправиться куда-нибудь по суше верхом.

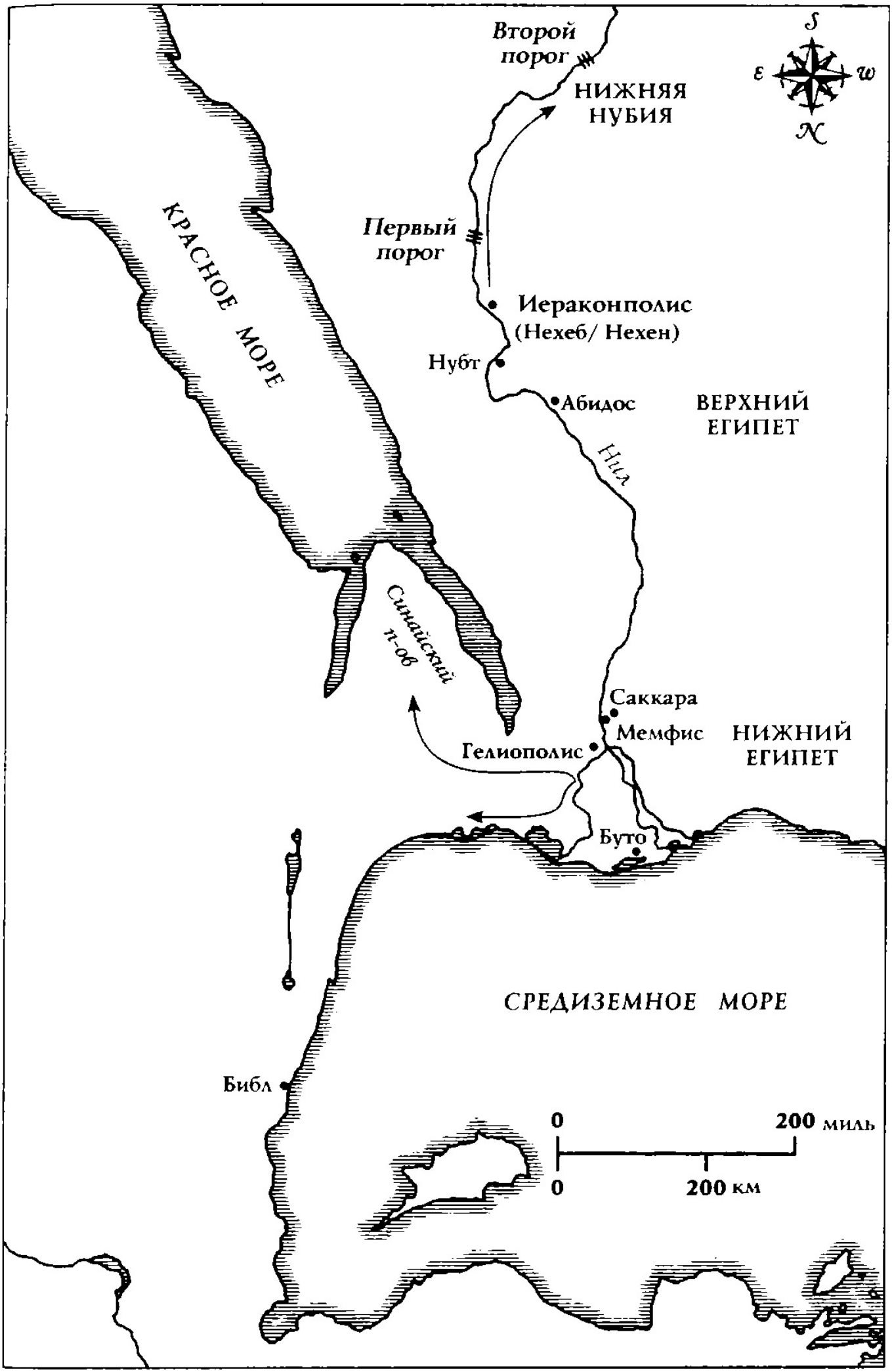
Считалось, что цари приобретали другую жизнь на другой стороне горизонта. Но чем они могли заниматься там?

Возможно, фараон продолжал выполнять свою роль правителя и в загробном мире, но у нас нет доказательств этого предположения, происходящих из Египта — а вот Гильгамеш после смерти присоединился к богам подземного мира, чтобы помогать им править. Если египтяне верили, что древние фараоны продолжают исполнять в загробном мире свои царские функции, жертвенные захоронения приобретают смысл. В конце концов, если власть царя длится только до смерти, ему следует подчиняться только при его жизни — но нет причин следовать за ним в смерти. Если же он все еще ждет тебя по другую сторону мира, его власть становится всеобъемлющей. Путешествие в страну мертвых — это просто переход с одной стадии лояльности на следующую.

Испытывая напряжение между севером и югом, цари Первой династии нуждались в такой

власти, чтобы удерживать единство страны. Теологические подпорки власти царей отразила «Мемфисская теология», высеченная на так называемом «Камне Ша-бака», теперь хранящемся в Британском музее. Сам камень датируется гораздо более поздним периодом египетской истории — но повествование, которое он несет, многими египтологами считается относящимся к самым древним египетским династиям.

Есть много более поздних вариантов этого предания, но суть у всех одна. Бог Осирис правил всей землей, но его брат Сет позавидовал данной Осирису власти и задумал убить его. Сет топит Осириса в Ниле. Жена (и сестра) Осириса, богиня Изида, ищет супруга-брата. Когда она находит его утонувшее тело, она наклоняется над ним и наполовину воскрешает его. Осирис оживает, но не полностью — достаточно, чтобы оплодотворить ее, но недостаточно, чтобы остаться на земле. Он становится царем загробного мира. Изида рождает сына — это Гор, который становится царем всех живущих на земле после того, как его отец спускается в свое новое царство.

Второй порог
НИЖНЯЯ НУБИЯ
Первый порог
КРАСНОЕ МОРЕ
Иераконполис (Нехеб/ Нехен)
Нубт
Абидос
ВЕРХНИЙ ЕГИПЕТ
Нил
Синайский п-ов
Саккара
Мемфис
НИЖНИЙ ЕГИПЕТ
Гелиополис
Буто
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Библ
0
200 миль
0
200 км

Как царя живых, бога Гора ассоциировали с солнцем, звездами и луной: другими словами, он был, как предполагает египтолог Рудольф Антее, «тем божественным телом, которое проявлялось явно днем ли, ночью ли... постоянным правителем неба, который, в отличие от солнца, не исчезает в ночное время»} Сила Гора ни прибывала, ни убывала.

Древние фараоны Египта объявлялись земным, телесным воплощением Гора; они несли ту силу, которая не «исчезала в ночное время» — то есть с их смертью. Тем не менее все цари умирают. Поэтому египетская теология приняла неизбежное. Когда фараон умирал, он больше не считался воплощением Гора, но становился олицетворением Осириса, который был одновременно и царем загробного мира, и отцом Гора, царя всего живого.[41] Теперь земной сын мертвого фараона брал на себя роль воплощения Гора. Это весьма практическое использование существующей теологической системы обеспечивало изящное осуществление законного наследования правителей. Новый царь был не просто сыном прежнего царя, но становился в некотором смысле воплощением своего отца. Фараоны могли умирать, но реальная власть не уменьшалась ни на йоту. Царь Египта не был в первую очередь личностью — ни Нармер, ни Ден, ни Джер. Он был носителем Власти.

Социологи называют такую структуру «позиционным наследованием». Оно объясняет растущую тенденцию египетских царей брать имена своих предков — ведь это были не просто имена, они символизировали особый аспект неумирания царской власти.[5] Другой аспект того же явления — обычай жениться на сестрах (а иногда и на дочерях). Когда фараон наследует своему отцу, его мать (жена предыдущего фараона) в некотором смысле оказывается и его женой тоже; в конце концов он становится (как бы) отцом самому себе.[6] Обратим внимание, что все это происходило за несколько веков до осознания Эдипова комплекса. Для египтян в кругу семьи легче и проще было найти себе жену.

Аджиб, четвертый царь Первой династии, добавил новый наглядный титул к своим прежним царским именованиям: несу-бит. Хотя два этих египетских слова имеют значение «сверху» и «снизу», несу-бит отражает не то, что фараоны правили Верхним и Нижним Египтом. Скорее этот термин относится к верхнему и нижнему существованию. Несу — это божественная власть правителя, верхняя иррская власть, которая переходит от царя к царю; бит — умерший держатель этой власти, царь внизу?

Аджиб, первый царь, который взял этот титул, имел проблемы, упорствуя в своей бит — вероятно, это был первый столь яростный протест в истории. Его могила окружена шестьюдесятью четырьмя принесенными в жертву египтянами — данью его положению держателя высшей царской власти. С другой стороны, его гробница, земной памятник верхнему царю, оказалась самой запущенной в Абидосе. И что еще хуже, его имя оказалось соскоблено с различных памятников, где оно первоначально было высечено.

Человеком, который приказал стереть это имя, был Семер-хет, следующий фараон. Уничтожение имени предшественника стало попыткой переписать прошлое. Если имена, которые фараоны давали себе, выражали вечное удержание верхней власти, их написание «внизу», магическими могущественными знаками иероглифов, вписывало их в структуру загробного мира. Стереть написанное имя фараона означало убрать его из земной памяти.

Попытка стереть имя Аджиба предполагает, что Семерхет в лучшем случае был узурпатором, а в худшем — убийцей. Захват им нижней царской власти, похоже, удался; он выстроил себе прекрасную гробницу, гораздо большую, чем гробница Аджиба; здесь было вылито так много священного ладана, что масло пропитало землю на три фута вглубь и все еще

пахло, когда гробницу раскопали в начале 1900-х годов. [8] Но его усилия заявить права на несу у царскую власть наверху, оказались менее успешными. «В его правление, — записывает Мането, — происходило много чрезвычайных событий, и даже случилось громадное бедствие».

Загадочное замечание не истолковывается ни одним более поздним комментатором. Но изучение земли вокруг Нила открывает, что к концу Первой династии разливы реки катастрофически уменьшились. Ко времени Второй династии подъем воды стал в среднем на три фута ниже, чем был за сто лет до того.[9] Если уменьшение разливов медленно заставляло египетских крестьян уменьшать урожаи, основная причина недовольства могла прийтись как раз на время, когда узурпатор Семерхет был занят обезличиванием памятников Аджибу по всему Египту.

Всей своей жизнью Египет зависел от регулярных разливов Нила — события, которое изменялось от года к году в мелких частностях, но по сути оставалось одним и тем же на протяжении веков. В роли солнца-бога Гор нес с собой одну и ту же комбинацию перемен и стабильности: все восходы и закаты солнца разные, но каждое утро солнце появляется на восточном горизонте. Титул несу-бит предполагает, что царь символизирует собой эту двойственность неизменной вечной силы и ее вариабельных земных проявлений. Похороненный царь возвращается назад в своем сыне — похожим, но другим. Он был как многолетнее растение, которое каждый год вырастает с другими цветками, но от того же корня.

Семерхет, стирающий имя фараона — а случилось это, насколько мы знаем, впервые — неизбежно покушался на всеобъемлющую концепцию царской власти. Это было сродни внезапному открытию, что папа, многие годы авторитетно издающий буллы, был выбран конклавом кардиналов по ошибке.[42] Если затем разливы Нила начали уменьшаться, и предела этим уменьшениям видно не было, одна из основных составляющих царского могущества также давала слабину. А что случится потом — может быть, не взойдет солнце?

Правление Семерхета закончилось переворотом — достаточно кардинальным, чтобы Мането оценил его как начало Второй династии. Самым важным ее отличием от первой стало прекращение жертвоприношений при похоронах.

Не похоже, чтобы египетские цари внезапно начали испытывать неизвестное им до того уважение к человеческой жизни — как это пытаются предположить некоторые историки («Расточительная практика человеческих жертвоприношений закончилась с Первой династией»). Более вероятно то, что вера в притязание на неоспоримую силу Гора резко ослабела. Царь Второй династии не мог более принуждать людей уходить с ним в мир мертвых — вероятно из-за того, что не мог больше гарантировать, что он, и только он, удерживает положение несу-бит. Он больше не мог утверждать, что имеет не подвергаемое сомнению право сопровождать души царского эскорта за горизонт.

В этой Второй династии, которая началась, как обычно считают, около 2890 года, правило неясное количество царей. Следом за засухой (доказательство неумения царя контролировать жизнь и смерть) разразилась гражданская война, которая бушевала несколько лет. Она достигла своего апогея в правление предпоследнего царя, Секемиба — надпись говорит, что южная армия сражалась с «северным врагом в городе Нехеб».[10] Нехеб, древний город богини-грифа, был восточной частью Иераконполи-са. Он лежал на сто миль южнее Абидоса, далеко в глубине земель Верхнего Египта. Проникновение восставших из Нижнего Египта так далеко означает, что во время Второй династии южан власть Верхнего Египта в империи была почти низвержена.

Хотя сам Секемиб был южанином, надписи, несущие его имя, предполагают, что он мог быть незаконным властителем: он симпатизировал северянам, и вероятно даже, что в его жилах текла северная кровь. Вместо того чтобы отмечать свои титулы знаком бога Гора, он помечает

их знаком бога Сета.

Сет, брат и убийца Осириса (и враг сына Осириса Гора), всегда был более популярен на севере. В более поздние годы он изображался с красными волосами и в красном плаще, повторяя цвет Красного царства — Нижнего Египта. Он был богом ветра и штормов; он приносил облака и песчаные бури — единственные силы, достаточно могущественные, чтобы закрыть солнце и отправить его за горизонт в неположенное время.

Ненависть Сета к своему брату Осирису и сыну его Гору была больше, чем простая ревность. В конце концов, Сет был кровным родственником царя богов. Он считал, что тоже имеет право претендовать на управление Египтом. Старинное предание сообщало египтянам, что даже после убийства Сет и Гор спорили о своих правах — кто более силен, зрел и более достоин править на земле. Однажды их споры даже перешли в драку. Сет смог вырвать Гору левый глаз, но Гор поступил со своим дядей еще жестче — он оторвал ему гениталии.

Трудно представить менее сомнительное разрешение проблемы. Эти двое, родственники и враги, борются за право наследования. Гор лишает дядю возможности сделать это и в итоге наследует трон. Но ревность Сета уже заставила его совершить самое страшное преступление древности — убийство брата.

Ненависть между Сетом и Гором — это отражение враждебности между севером и югом, между двумя народами с одной кровью. Верность Секемиба Сету, а не Гору показывает, что спор о том, кто должен властвовать в Египте, еще был жив. Когда же Секемиб умер, на трон сел почитатель Гора по имени Хасехем и снова взял в руки меч. Он восстановил армию южан и в яростной битве одолел северного врага. Две сидячие статуи этого победоносного царя, найденные в Нехене (западная часть Иераконполиса), изображают его только в Белой короне Верхнего Египта; вокруг основания трона горами лежат искалеченные тела поверженных северян.

Египет пережил свою первую гражданскую войну. Под властью Хасехема, царя, который добился наибольшей известности, Египет вошел в Третью династию — время мира и процветания. Именно в эту эпоху строители египетских пирамид смогли развить свое искусство.

Третья династия обязана своим богатством стремлению Хасехема восстановить египетские торговые пути. Военные походы из Дельты были к этому времени забыты, но во время правления Хасехема надписи в прибрежном городе Библос, который вел обширную торговлю кедровыми стволами с близлежащих горных склонов, начали сообщать о прибытии египетских купеческих судов. Это явление обязано своим существованием политической женитьбе Хасехема: он взял в жены Нематап, принцессу из Нижнего Египта, чье имя и происхождение сохранились в истории, поскольку позднее ей была оказана божественная честь как великой матери-основательнице Третьей династии.

Но мир в Египте поддерживался не только благодаря мудрому руководству Хасехема, но и благодаря его разумному разрешению проблем, связанных с Сетом.

После окончания гражданской войны Хасехем изменил имя. Не желая ни принимать северное имя, которое прославля-ло бы Сета, ни добавлять к своему титулу знак, прославляющий бога южан Гора, он выбрал промежуточный путь. Он стал известен как Хасехемуи, «Воплощение двух Могуществ» — имя, которое писалось и с соколом Гора, и с животным Сета одновременно. Со временем две эти силы примирились.

Примирение отразилось также в древних мифах. После битвы между Гором и Сетом Гор забирает свой вырванный глаз у Сета и отдает его отцу, теперь выполняющему роль Владыки Мертвых. Но Сет также получает назад свое — ему возвращают его гениталии.

Конфликт между двумя силами, хотя и сбалансированный таким образом, все-таки не

исчезает окончательно. Гор умудряется удерживать свою власть над Египтом — но Сет, чья способность воспроизводить наследников восстановлена (по крайней мере, теоретически), продолжает плести заговор с целью захвата власти. В целой серии легенд, созданных несколькими веками позже, Гор и Сет продолжают бесконечную битву хитростей, среди которых использование семени Гора и куска салата-латука. Шутки, которые почти всегда касаются органов воспроизводства, отражают реально присутствующую угрозу. Сила Сета не исчезает. Он никогда не уходит совсем. Он всегда тут, ожидая поблизости, угрожая нарушить воплощение порядка несу-бит, осуществив собственные претензии.

В более поздних версиях истории об Осирисе Сет не просто топит своего брата — он расчленяет его и разбрасывает куски по всему Египту, пытаясь уничтожить само его имя. Через много тысяч лет Сет становится египетским Люцифером, красноглазым принцем тьмы — Локи, который грозит обрушить в бездну весь остальной пантеон.

Хасехемуи, царь, воссоединивший север с югом, имеет в Абидосе огромную гробницу, богато украшенную золотом, медью и мрамором. Но в ней нет ни одной человеческой жертвы.

Ни один придворный не последовал за ним. Борьба за трон показала, что фараон не бог — другие люди тоже могут претендовать на его власть.

Сравнительная хронология к главе 9

Месопотамия	Египет
Урукский период (4000–3200 лет до н.э)	Накадский период (4000–3200 лет до н.э)
Период Джемдат Наср (3200–2900 лет до н.э)	
Атаб	Архаический период (3100–2686 годы до н.э)
Этана	Первая династия (3100–2890 годы до н.э)
Бали	Менее (Нармер)
Древняя династия I (2900–2800 годы до н.э)	
	Вторая династия (2890–2696 годы до н.э)
Древняя династия II (2800–2600 годы до н.э)	
	Древнее царство (2696–2181 годы до н.э)
Гильгамеш	Третья династия (2686–2613 годы до н.э)
Древняя династия III (2600–2350 годы до н.э)	

Глава десятая
Первый эпический герой

В Шумере к 2600 году до н. э. Гильгамеш стал легендой

Только спустя сотню лет после своей смерти — за тот же период, в течение которого цари Египта бились, чтобы утвердить свою божественную власть — шумерский царь Гильгамеш превратился в легендарного героя. Он убил великана Хугенесса, разделался с Небесным Быком, отверг романтическое предложение богини Инанны и проложил свой путь в сад богов, где запах его смертности испугал самого солнце-бога. Благодаря «Песне о Гильгамеше» (старейшее эпическое предание, о котором мы знаем) личность исторического Гильгамеша дошла до нас через пять тысяч лет после его смерти.

Связь между литературным и историческим Гильгаме-шем не похожа на связь между шекспировским Макбетом и Маормором Макбедой[43], который в 1056 году заплатил своей жизнью за убийство короля и родственника. Реальная жизнь служит чем-то вроде трамплина для предания, которое гораздо шире, чем жизнь; суть человека сохраняется, возвысившись и исказившись, но по существу оставаясь правдивой.

Значительно проще отделить вымысел от исторических реалий в «Макбете», так как подробности реальной жизни Маор-мора Макбеды описаны в других источниках — в то время как вне эпической поэмы существование Гильгамеша упомянуто по годам только в немногих записях, шумерском Царском списке и в паре поэм. Рассказ о безрезультатной мирной миссии Агги к Гильгамешу, изложенный ранее — одна из таких поэм; она записана в Шумере и, похоже, несколько десятилетий (или веков) передавалась из уст в уста до того, как была записана на глиняных табличках. Найденные нами копии относятся примерно к 2100 году до н. э., когда царь Ура велел писцу записать предания о Гильгамеше. Этот царь по имени Шульги хотел сохранить запись о жизни великого героя, потому что объявил Гильгамеша своим предком (это, по всей видимости, означает, что Шульги был узурпатором, не имевшим вообще никакого отношения к Гильгамешу)[1]. Поскольку указанные поэмы относятся к не столь уж далеким от жизни Гильгамеша временам, мы можем (конечно, с осторожностью) предположить, что они действительно сообщают некоторые исторические факты о деяниях царя. Эпическая поэма делает то же самое, но вычленить из них истину — гораздо более трудная задача.

Просмотрите любое издание эпической поэмы о Гильгамеше в ближайшем книжном магазине, и вы увидите, что она составлена из шести отдельных повествований, точно так же, как связанные содержанием отдельные главы вместе составляют роман. Первым преданием стоит «Повесть об Энкиду», в котором Гильгамеш делает своим другом чудовище, посланное ему богами; вторым — «Путешествие в кедровый лес», в котором он побеждает Хуваву; третьим — «Небесный Бык», в котором Гильгамеш сердит богиню Инанну, а Энкиду расстраивается из-за этого; четвертым идет «Путешествие Гильгамеша», где он достигает земель бессмертного Утнапиштима, шумерского эквивалента Ноя, который живет там с тех пор, как пережил Великий Потоп; пятым — «Рассказ о Наводнении», рассказанный Гильгамешу Утнапиштимом; шестым — «Поиски Гильгамеша», в котором Гильгамеш безуспешно пытается отыскать вечную жизнь (или хотя бы возможность вернуть юность) — и терпит неудачу. Краткий постскриптум оплакивает смерть Гильгамеша.

Эта изящная версия приключений Гильгамеша из шести глав вводит нас в заблуждение, и не слегка. Эпическая поэма множество раз переписывалась на глиняных табличках — которые, как это свойственно глине, легко бьются. Куски, разбросанные по всему древнему Ближнему Востоку, написаны на многих языках, от шумерского до ассирийского, и относятся к периоду времени от 2100 до 612 года до н. э. Самые древние шумерские копии, начиная с работ писцов царя Шульги, содержат только первые два повествования и заканчиваются оплакиванием. Невозможно выяснить, то ли другие четыре главы были частью древнего цикла, а затем оказались утеряны, то ли их добавили позднее. Третье и четвертое предания, «Небесный бык» и «Путешествие Гильгамеша», начали появляться на глиняных табличках вместе с двумя первыми примерно между 1800 и 1500 годами до н. э., переведенные на аккадский — язык, который сформировался после шумерского (на нем говорили люди, занявшие долину реки после падения городов Шумера).

К 1000 году до н. э. или около того, куски всех четырех преданий появляются в Средиземноморье и распространяются по Передней Азии. История о потопе, которая существовала во множестве разных версий задолго до 2000 года до н. э., была вставлена в виде

пятой главы, вероятно, лет через тысячу после смерти Гильгамеша; она явно не связана с остальным эпическим преданием. («Сядь и позволь мне рассказать тебе одну историю», — приказывает Утнапиштим Гильгамешу, а потом заводит свой рассказ, словно у него никогда не было возможности никому рассказать о потопе после того, как он покинул корабль.) А о предании «Поиски Гильгамеша», в котором он находит и теряет Древо Юности, мы можем сказать только то, что его добавили к остальным частям эпической поэмы примерно к 626 году до н. э.

Это дата самой древней копии всех шести эпических песен. Она пришла к нам из коллекции Ашшурбанапала, ассирийского царя с душой библиотекаря. Ашшурбанапал стал царем в 668 году. За тридцать лет своего правления он разрушил Вавилон, убил собственного брата (который был вавилонским царем), разозлился на иудейского пророка по имени Иона, который без конца возглашал, что Ниневея, столица Ашшурбанапала, обречена. Ко времени своей смерти Ашшурбанапал также собрал в первой в мире настоящей библиотеке двадцать две тысячи глиняных табличек. Двенадцать из них содержали эпическую Поэму о Гильгамеше в ее наиболее распространенной форме.

Только первые два предания можно с некоторой долей достоверности отнести к той страшной дали, когда жил Гильгамеш. Обращает на себя внимание то, что необыкновенная энергия Гильгамеша отражается в сюжетах о нем — в его путешествии на север в кедровые леса, и в погребальных оплакиваниях: к ним можно относиться как к отражению, хотя и искаженному, исторической правды. Более того, они служат несомненным источником появления первого в мире эпического повествования, в котором смерть приходит и как опустошение, и как освобождение.

В первом предании, «Повести об Энкиду», царь Урука не считается со своим народом, и тот начинает роптать:

> Война — развлечение для Гильгамеша,
> Надменность его не знает границ,
> и днем он, и ночью верит себе лишь:
> Сыновей отбирает у отцов безутешных,
> хоть обязан, как царь, свой народ он беречь.[2]

Царь, данный Шумеру богами, сильная власть, которая помогала городам выжить, переросла в тиранию. Горожане Урука обратились к богам с просьбой об избавлении. В ответ боги создали из глины существо по имени Энкиду и поселили его в пустынной местности Шумера. Энкиду

> не знает о том, как возделывать землю,
> о том, как живет человек в наши дни,

ничего не знает он о городах, обнесенных стенами, о центрах шумерской культуры. Он выглядит сильным, похожим на бога, но ведет себя как животное — бродит по равнинам, ест траву и живет рядом со зверями; он является карикатурой на кочевников, которые всегда не ладили с горожанами.

Когда Гильгамеш узнает об этом пришельце, он посылает на пустошь проститутку, чтобы та соблазнила Энкиду и приручила его. («Она разделась догола», — повествует нам поэма.)

Побежденный такой довольно прямолинейной стратегией, Энкиду проводит шесть дней и семь ночей в плотских утехах. Когда он наконец поднимается и пытается вернуться к своему образу жизни среди животных, те убегают от него: он превратился в человека.

Меньше стал Энкиду и намного слабее,
и дикие звери умчались вмиг прочь;
но он поумнел, пришла к нему мудрость,
теперь обладал он умом человека.

Теперь, когда Энкиду наделен умом человека, он должен отправиться в город, где ему и положено жить. Проститутка предлагает взять его с собой «за прочные стены Урука, где Гильгамеш правит людьми, как дикий бык».

Когда они прибывают в Урук, Гильгамеш как раз прерывает бракосочетание по праву властителя, которым он широко пользовался многие годы: «Царь Урука требовал права первой ночи с невестой, — сообщает эпическое повествование, — как права, принадлежащего ему по рождению». Энкиду, возмутившись таким злоупотреблением властью, заслоняет вход в комнату невесты. Они борются; это равное соперничество, самое равное из всех, с какими встречался Гильгамеш. И хотя царь победил, он оказался настолько под впечатлением силы Энкиду, что оба дают клятву дружбы навек. Это смягчает тиранические импульсы Гильгамеша. Население Урука вздыхает с облегчением, так как на их улицы приходит мир.

Эта борьба, конечно, гораздо больше, чем просто драка. Сквозь всю эту историю красной нитью проходит неуверенность шумеров в необходимости царской власти. Безусловно, царская власть — это дар богов для выживания человека; предполагалось, что цари принесут справедливость, удержат сильного от того, чтобы ввергнуть слабого в бедность и голод. Понятно, что царь, которому следовало поддерживать справедливость, должен был быть достаточно сильным, чтобы его воля исполнялась.

Но все-таки эта сила была опасна, так как могла привести к тирании. И когда такое случалось, основы шумерского города начинали рушиться, возникал конфликт. В Уруке царь был законом — и если царь оказывался плохим человеком, искажалась сама природа закона.

Достаточно страшно, когда приближается неизвестное. Гильгамеш сражался не с подобным себе, а с существом из-за стены. Борьба у дверей невесты шла с его нецивилизованным зеркальным отражением; Энкиду ведь был сделан

подобным ему, как его отражение,
его вторым «я», с его сердцем горящим:
так пусть же они дерутся,
а городу мир оставят.

Предание о путешествии Гильгамеша в кедровый лес не особо отличается от первого. Снова Гильгамеш демонстрирует стремление упрямо идти напролом, подчиняясь лишь своим желаниям.

Великана Хуваву я покорю
и славу свою навсегда утвержу —

говорит он совету старейшин Урука. Они пытаются сдержать его амбиции:

Ты молод еще — Гильгамеш,
Влечет тебя сердце твое,
Но не смертен гигант, как мы.

Встретив его упорство, старейшины уступили. Гильгамеш и Энкиду отправляются сражаться с великаном — причем Энкиду получает от старейшин наставление оберегать царя.

Путешествие Гильгамеша на север происходит по его желанию, с целью завоевать славу — по тому же самому желанию, которое побудило его вести своих людей на войну. Но опять опасность для мирной жизни Урука представляется некой посторонней силой. Дьявол таится не в душе царя, а в северных лесах.

Там притаилась и еще одна опасность. В самом древнем повествовании Гильгамеша уже посещала мысль о смерти. Еще до отъезда он размышляет о своей смертности. Похоже, он смиряется с неизбежным:

Может, уйду я на небо?
Одни только боги бессмертны,
Человека же дни сочтены.
Если паду я, родится слава,
А слава жить будет вечно.

Но вероятность гибели крепнет у него в мозгу. По пути к Хуваве, к великану Хугенессу, он три раза видит сны, каждый раз просыпаясь в слезах: «Бог исчез, моя плоть дрожит!» Третий сон самый тревожный:

День затихает, тьма расширяется,
Свет гаснет, костер разгорается,
...Смерть разливается.

Он напуган настолько, что готов повернуть назад, но Энкиду убеждает его продолжать путь. Затем, перед самой битвой с Хувавой, Гильгамеш проваливается в такой глубокий сон, что Энкиду едва удается добудиться его вовремя.

Несмотря на предзнаменования, смерть предотвращена. К концу повествования Урук спасен, а великан Хугенесс лежит мертвый. Но признание Гильгамеша, что его дни сочтены, и страх, который возникает из-за осознания своей смертности, становится ядром, вокруг которого строится остальная часть эпической поэмы. Когда бы ни были сложены в единый рассказ остальные истории, каждая показывает рост озабоченности по поводу приближения смерти, растущее желание избежать ее. Гильгамеш отправляется в сад богов в надежде, что как-нибудь сможет вернуть к жизни павшего Энкиду; он узнает о потопе во время поисков причины бессмертия; ему удается найти Долину Молодости и цветок, который отодвигает, если не совсем уничтожает смерть — но затем допускает, чтобы ценную добычу украл водяной змей. Стараясь избежать смерти, он интригует, путешествует, просит, ищет, но так и не достигает

успеха.[44] Все складывается очень хорошо для шумеров. Похоронные стенания, которые заканчивают поэму, являются частью истории древнейших дней. Они не включены в копию Ашшурбана-пала — очевидно, ассирийцы находили такой финал не слишком подходящим для истории о поиске бессмертия. Но стенания облекают тревоги шумеров по поводу царской власти в ряд строчек, приближающих ее более решительно, чем что-либо еще.

Дана тебе царская власть была,
а вечная жизнь — не твоя судьба.
Право имел ты держать, давать волю,
высшую власть над людьми ты имел,
победу в битве тебе даровали.
Но не используй ту власть во зло —
Будь справедлив к своим слугам дворцовым.
Царь сложил с себя обязательства,
когда отправился в горы далекие,
чтобы уже никогда не вернуться.
Враг, ни рук, ни ног не имеющий,
не пьющий воды, не вкушающий мяса,
враг тяжело на него навалился?

В Шумере Гильгамеша стали считать богом поразительно быстро после его смерти. Но его превращение в бога, очевидно, заработанное его огромными усилиями на благо своего города (в конце концов, это было функцией и царя, и бога — защищать города, превращать их в процветающие) ограничено смертью. Подобно Бальдуру в гораздо более поздней норвежской мифологии, Гильгамеш стал божеством — но это никак не соответствует бессмертию.

Именно безмерная энергичность Гильгамеша сделала его смерть еще более существенной. Даже если бы он оставался плохим правителем, его власть все равно пришла бы к концу. Даже самый сильный царь Шумера умирает. «Враг без рук и ног» ограничивает ту пугающую власть, которая может служить на пользу или во вред своему народу. В первой в мире эпической поэме, как и в самом Шумере, царь Гильгамеш или наносил поражение, или отодвигал в сторону, или уговаривал красноречием, но так или иначе убирал со своего пути все препятствия — кроме последнего.

Глава одиннадцатая
Первая победа над смертью

В Египте с 2686 по 2566 года до н. э. Третья и Четвертая династии фараонов строят дома для мертвых снова в Египте, где фараоны Третьей династии начали создавать собственную версию героического поиска победы над смертью

В период относительного мира фараон древней Третьей династии Джосер совершил экспедицию к медным и бирюзовым рудникам Синая.[45] Египетская бюрократия начала формироваться в устоявшуюся структуру; Египет разделили на провинции, каждой из которых управлял наместник, отчитывавшийся перед фараоном. Джосер внес свой вклад в построение империи, отодвинув южную границу Египта до самого Первого порога. Согласно более поздней

традиции, запечатленной в надписи в Асуане, он посвятил часть этой вновь завоеванной земли местному божеству Хнуму[46] в благодарность за окончание семилетнего голода.[1] «Семь лет» может быть лишь традиционным эвфемизмом для «очень долго»; но в любом случае был проделан длинный путь от существовавшего ранее царского статуса, так как уменьшившиеся разливы Нила создали новым фараонам трудности при утверждении в народе своей божественной власти.

Ко времени Джосера роль фараона как воплощения стабильности закостенела в ритуале. На одном из рельефов есть изображение Джосера, принимающего участие в юбилейных празднествах хеб-сед> когда царь совершал церемониальный забег вокруг стадиона. Считалось, что он обязан выиграть это физическое состязание, так как некоторым образом его личная сила связывалась с состоянием всей страны. Победа в беге хеб-сед вновь подтверждала мощь фараона, необходимую для защиты Египта и обеспечении непрерывного регулярного подъема и спада вод Нила.

Тот факт, что египтяне вообще ощущали необходимость в регулярном повторении праздника, позволяет предположить о возникновении определенного страха, что сила фараона может исчезнуть, если ее не подкреплять ритуально. Фараона, без сомнения, все еще обожествляли — но борьба первых двух династий сделала его человеческую суть очень уж очевидной. Когда идея божественности начала постепенно терять свою первичную силу, ее начали окружать ритуалами и некой структурой, поддерживающей впечатление сакральности — чего не требовалось ранее. В этом случае харизматическое обоснование лидерства уступило место обряду и системе наследования. Демонстрация сверхъестественной силы облачалась в форму празднества; смертная суть фараона прикрывалась от взглядов проявлением народной воли.

Когда Джосер умер, он не был похоронен на традиционном кладбище в Абидосе. К этому времени он уже построил собственную гробницу на севере, в Саккаре. Он также отверг традиционный грязевый кирпич гробниц Второй династии. Его гробница будет каменной и сохранится навеки, потому что она не просто место отправки его духа в путь в другой мир. Она станет местом, где фараон все еще жив.

Вокруг гробницы Джосера расположился целый город для его души. Проход хеб-сет уходил на юг, чтобы царь мог продолжать свой восстанавливающий силы бег. Вокруг комплекса гробницы каменные постройки образовывали традиционные египетские строения: стены из камня, вырезанного так, чтобы выглядеть как тростниковые циновки; каменные колонны в форме связок тростника; даже деревянный забор с приоткрытыми воротами был вырезан из камня. Такие тростник и дерево не распадутся; они останутся на земле навечно. И так же сохранится душа фараона. В маленькой камере, называемой сердаб, лицом на восток сидит статуя фараона в натуральную величину, она завернута в белый плащ из известняка. Стена сердаба имела два отверстия для глаз, пронизывающих всю толщу камня, чтобы статуя могла видеть восход солнца. Под отверстиями для глаз находился алтарь, где священники оставляли пищу; дух Джосера мог наслаждаться хотя бы ее ароматами.

Уйдя в далекое царство Осириса (с принесенными в жертву слугами или без них), фараон все еще во многом присутствовал на этой земле: пользовался строениями, питался приношениями, восстанавливал силы для себя и для Египта на стадионе хеб-сед. Не было больше нужды в человеческих жертвоприношениях для его комфорта. Фараона в его городе мертвых вполне могли обслуживать живые.

В центре города мертвых, возведенная над самой гробницей, появилась первая египетская пирамида — ступенчатая пирамида Джосера. Шесть ярусов каменных блоков поднялись уступами на высоту около двухсот футов. Под пирамидой несколько шахт уходили вниз до

саркофагов царской семьи, захороненных на самом нижнем уровне.

Вероятно, это странное сооружение придумал и спроектировал визирь Джосера, Имхотеп, а потом он же руководил строительством. Мането рассказывает нам, что Имхотеп был первым человеком в истории, придумавшим строить здания из обтесанного камня. Мы точно не знаем, что подвигло Имхотепа изобрести этот новый тип гробницы, хотя некоторые археологи предполагают, что форма ступенчатой пирамиды — это просто дальнейшее развитие более ранних форм египетских гробниц. Могилы в Абидосе были прикрыты крышками с каменным бордюром и уложенным сверху квадратом из камня, такие сооружения назывались мастаба. Ступенчатая пирамида по существу является огромной мастабой с пятью меньшими по размеру ма-стабами, поставленными сверху. Предполагается, что Имхотеп задумал сделать огромную гробницу-мастаба центром погребального комплекса Джосера, а затем начал устанавливать другие мастабы на верхушке первой.

Но нет причин, побудивших его складывать мастабы. Поэтому более вероятно, что Имхотеп позаимствовал форму ступенчатой пирамиды у шумеров, которые использовали такую архитектурную конструкцию при строительстве культовых храмов; называлась она зиккурат. С развитием торговых сообщений и увеличением числа караванных путей египтяне, несомненно, могли ознакомиться с этими храмами, врезающимися в небо Шумера.

Функция шумерских зиккуратов не совсем ясна. Они могли возникнуть по необходимости. В самых святых местах Шумера, таких, как древний город Эриду, ветшавшие со временем храмы разрушали и церемониально укрывали слоем утрамбованной земли и глины. Затем сверху строился новый храм. Повторенная несколько раз, эта процедура образовывала серию платформ, похожих на ступени, где каждый новый слой армировался каменной кладкой, чтобы удерживать землю от осыпания. Возможно, что за несколько веков ступенчатая конструкция сама по себе стала общепринятой формой священных зданий: вдобавок на вершине такого зиккурата шумерские жрецы могли проводить неясные для смертных, но близкие небу ритуалы.[47] Вершины зиккуратов могли быть посвящены богам, стать тем местом на земле, куда те могут поставить ногу.[48]

Мы не до конца понимаем, что именно душа Джосера собиралась делать со ступенчатой пирамидой — но изобретение Имхотепа принесло ему громкую славу. На постаменте статуи Имхотепа, созданной во времена правления Джосера, перечислены все его титулы: он казначей царя Нижнего Египта, Первый после царя Верхнего Египта, управляющий дворцом и Верховный жрец Гелиополиса, слуга бога.[2] После смерти он удостоился почестей как верховный жрец и мудрец Египта. Довольно скоро его обожествили, сделав богом медицины — еще одно поле приложения усилий человека, стремящегося избежать смерти.[3]

Ступенчатая пирамида, первая из ряда великих египетских пирамид, вновь демонстрирует нам попытки определения смерти как отсутствия тела, но присутствия духа. Она открывает начало нового Египетского царства — мирного и объединенного, с организованной бюрократией. Джосер правил только девятнадцать лет, это было сравнительно недолго для такого огромного строительного проекта. За эти девятнадцать лет камень нужно было вырубить медным инструментом и перевезти на огромное расстояние; по словам Геродота, камень для пирамид вырубался в горах восточнее Египта и западнее Красного моря.[4] Сама пирамида должна была строиться организованной рабочей силой из сильных мужчин, которых можно было взять только из сельского хозяйства и армии. Построение пирамиды требовало процветания, мира и налогов; титул Имхотепа можно перевести как «визирь» или «канцлер» — это предполагает, что отслеживание налоговых сборов было частью его работы. Таким образом, впервые Египет имел формальный внутренний годовой доход.

Только сильное и состоятельное государство могло собрать рабочих для каменоломен и позволить себе кормить и одевать их. Египет достиг нового уровня процветания и организации. По этой причине начало века пирамид отмечает также начало новой эры в египетской истории — Древнего царства Египта.

Существует девять сохранившихся до нашего времени попыток строительства пирамид в эпоху первых двух династий Древнего царства, одни более, другие менее успешные. Но все они демонстрируют одно и то же мастерство людей и одинаковые ресурсы. Следующий после Джосера фараон Сехемхет попытался достичь того же уровня искусства. Мы знаем о Сехемхете немного — лишь то, что он явно страдал от сложности своего положения: в классическом соревновании «моя больше» пирамида Сехемхета по проекту должна была иметь семь ступеней, а не с шесть, как у пирамиды Джосера. Но пирамиду Сехемхета так и не достроили. Он умер после шести лет правления, и конструкция неоконченной пирамиды завершилась лишь первым слоем.

Четвертый царь Третьей династии, Хаба, также построил пирамиду. Слоистая пирамида Хабы была построена не в Сак-каре, а несколькими милями севернее — по-видимому, чтобы находиться в Нижнем царстве, хотя на этот момент напряжение между севером и югом, судя по всему, снизилось. Она тоже должна была, по всей вероятности, иметь семь ступеней — это сделало бы ее выше пирамиды Джосера. Но амбиции Хабы не соответствовали его возможностям: эта пирамида также осталась незаконченной. Последняя гробница Третьей династии, пирамида Мейдум, также осталась незавершенной; она строилась Хуни, последним царем Третьей династии, и должна была иметь восемь ступеней.

В отличие от двух предыдущих, эта пирамида была закончена первым царем следующей династии. Из нашего далека Четвертая династия отличается для нас от Третьей в первую очередь тем, что цари Четвертой династии наконец-то смогли достроить свои пирамиды.

Снефру начал свое царствование успешно. Прежде всего он закончил пирамиду Мейдум и ввел несколько новшеств. Одно из них — то, что похоронная камера этой гробница находилась в самой пирамиде, а не в земле под нею или рядом, как было в предшествующих — ступенчатой, Слоистой или недостроенной. Он также устроил возле пирамиды Мейдум мостовую — широкую дорогу, ведущую вниз от пирамиды к «погребальному храму», священному строению с восточной стороны пирамиды, развернутому к поднимающемуся солнцу, куда можно было приносить пожертвования. Обе эти нововведения чуть позже стали стандартными.

Самое интересное — это явная попытка Снефру покрыть пирамиду Мейдум неким подобием облицовки. Все четыре первых пирамиды были ступенчатыми подобиями зиккуратов, построенными из блоков дикой каменной породы. Но горы булыжника вокруг пирамиды Мейдум показывают, что рабочие пытались прикрыть ступени ровным слоем облицовочного камня.[5]

Если бы это произошло, Мейдум стала бы первой из ныне известных пирамид с гладкими сторонами. Однако архитектор, работавший у Снефру (и позднее не обожествленный), не имел опыта Имхотепа. — пирамида рухнула. Ее центральная сохранившаяся часть все еще возвышается, как наполовину съеденный свадебный торт, окруженная горами обрушившегося камня.

Никто не был захоронен в рухнувшей пирамиде. А крохотный, без окон храм в конце дорожки не поразил никого эффектностью. Несколькими веками позже какой-то египтянин, проходивший мимо небольшой скучной коробки, написал на ней: «Прекрасный храм царя Снефру» — первый в истории пример саркастического граффити.

Но Снефру не сдался. Мы мало знаем об этом первом фараоне Четвертой династии, записи

дают лишь немного сведений о привычных теперь экспедициях к шахтам Синая и в торговые порты Ливана. Существует также случайно сохранившаяся на Весткарском папирусе[49] история о том, как однажды скучающий Снефру приказал двадцати самым красивым девушкам из своего гарема вывезти его в лодке на середину дворцового озера, при этом будучи облаченными в одни лишь ажурные чулки. Но если этот фараон и не обладал иными выдающимися качествами, он все-таки был весьма упорным. Он забросил неудавшийся эксперимент с пирамидой Мейдум и начал строительство новой пирамиды, на этот раз на новом месте — в Дахшуре[50], немного южнее Саккары.

Первоначально эта пирамида отличалась от других. С самого начала ее предполагали сделать с гладкими покатыми стенами, облицованными известняком, который сверкал бы на солнце.

Вокруг пирамид существует много предположений, но одно из самых захватывающих, почти мистических — почему Снефру, которому не было дано изобрести новую архитектурную форму, придумал все-таки нечто новое, создав пирамиду с гладкими склонами, а не ступенчатую? Имело ли это новшество какое-нибудь религиозное значение? Символизировало ли оно новый способ представления пирамид — скорее как знаков на ландшафте, нежели комплекса, обеспечивающего бессмертие духа?

Мы не знаем ответа. Но новая пирамида Снефру с гладкими склонами приобрела известность как Неровная пирамида — по той причине, что Снефру, к несчастью, так и не смог правильно рассчитать проект, пирамида должна была иметь гладкие и очень крутые склоны — но похоже, что в процессе строительства Снефру и руководитель работ осознали неверность изначальных расчетов. Если бы пирамиду продолжали строить с прежними крутыми склонами, она могла начать осыпаться под собственной тяжестью. Поэтому угол наклона стен был резко изменен, в результате чего эта пирамида оказалась как бы с сутулыми плечами, причем одна из ее граней меняет свой угол с уклоном вправо.

Эта пирамида была завершена, но никогда не использовалась. Снефру не понравился результат, и к концу своего правления он начал работы по постройке третьей пирамиды.

Северная пирамида, которая расположена в миле с небольшим от Неровной, была шире и выше, чем пирамиды, возведенные ранее. Неровная пирамида меняла угол наклона стен с 52, на более умеренные 43 градуса; Северная пирамида создавалась с учетом предыдущего опыта и изначально наклон ее граней составлял 43 градуса. Эта последняя попытка увенчалась успехом — конструкция Снефру оказалась так хорошо спланирована, что даже теперь, через четыре с лишним тысячи лет, на стенах и потолках камер, лежащих под весом двух миллионов тонн камня, не появились ни малейшей трещины.

Северная пирамида также известна как Красная, поскольку облицовочный известняк постепенно начал осыпаться, обнажая красный песчаник, ярко пылающий на солнце. По-видимому, именно она стала окончательным местом захоронения Снефру. Археологи обнаружили в ней тело и отправили его в Британский музей на идентификацию — но оно было потеряно по пути, и его так никогда и не нашли.

Но где бы ни упокоилось тело Снефру, причастность его к трем строительным проектам предполагает, что египтяне еще верили в присутствие мертвого фараона, и эта вера оформлялась в окостеневший ритуал. Снефру был твердо намерен создать себе место окончательного упокоения, которое не только было бы хорошим пристанищем для его души, отправляющейся за смертью, но стояло бы также в стороне от троп, по которым шли фараоны до него. В некотором смысле ему удалось приручить смерть. Фараоны пришли к успокаивающей вере, что они останутся жить со своим народом. Теперь они могли обращать внимание на то, чтобы превзойти

предыдущего правителя. Факт, что Снефру смог завершить одну пирамиду и построить еще две, говорит о том, что Египет теперь был еще богаче, жил в более спокойной обстановке, а власть фараона была даже большей, чем прежде.

Хуфу, сын Снефру, унаследовал его власть и воспользовался ею в полном объеме.[51] Он продолжил военные походы, которые превратились в более или менее обычное дело для египетских царей; он посылал экспедиции на Синай; он торговал, чтобы получить бирюзу — и он проектировал собственную пирамиду.

По свидетельству Геродота, Хуфу правил пятьдесят лет. Египтологи считают, что этот срок следует сократить вполовину, но даже двадцать пять лет — достаточно долгий период, чтобы царь смог осуществил самый крупный строительный проект в истории. Его гробница, Великая пирамида, создавалась как улучшенный вариант последнего проекта Снефру. Она была заложена в составе полного комплекса: сама пирамида, мостовая, ведущая к храму в долине, храм для жертвоприношений к востоку и три более мелкие пирамиды — вероятно, для супруг Хуфу.

Пирамида, возведенная в новом месте, на равнине Гиза, поднялась на 481 фут. Наклон ее стен — 5Г52, что больше, чем у удачной Северной пирамиды Снефру, но все же меньше, чем первоначально планировалось у неудачной Неровной пирамиды. Судя по всему, архитекторы Хуфу извлекли урок из опыта своих предшественников. Стороны Великой пирамиды удивительно ровные; каждая имеет почти точно 755 футов длины, и расхождение с остальными укладывается в 8 дюймов. Северная ось, которая задает положение царского склепа, расположена так, что указывает на Полярную звезду.

Хотя мы знаем очень мало определенного о жизни Хуфу, несколько рассказов о его правлении все-таки дошли до нас. Один из них говорит нам, что для обеспечения водой сотни тысяч рабочих, которые трудились на сооружении Великой пирамиды, Хуфу построил первую в мире дамбу — Садд аль-Кафара, в двадцати милях южнее Каира. Озеро, созданное дамбой, достигало глубины почти восемьдесят футов и стало таким образом первым общественным резервуаром воды. Другие записи говорят нам, что строитель Великой пирамиды насмехался над богами и проводил в насмешках годы, пока не раскаялся и не создал свод священных книг. [6] А Геродот пишет, что ради построения Великой пирамиды Хуфу «опустил Египет до ужасающего состояния... и также заставлял всех египтян работать на него».[7] И строго добавляет: «Он был очень плохим человеком».

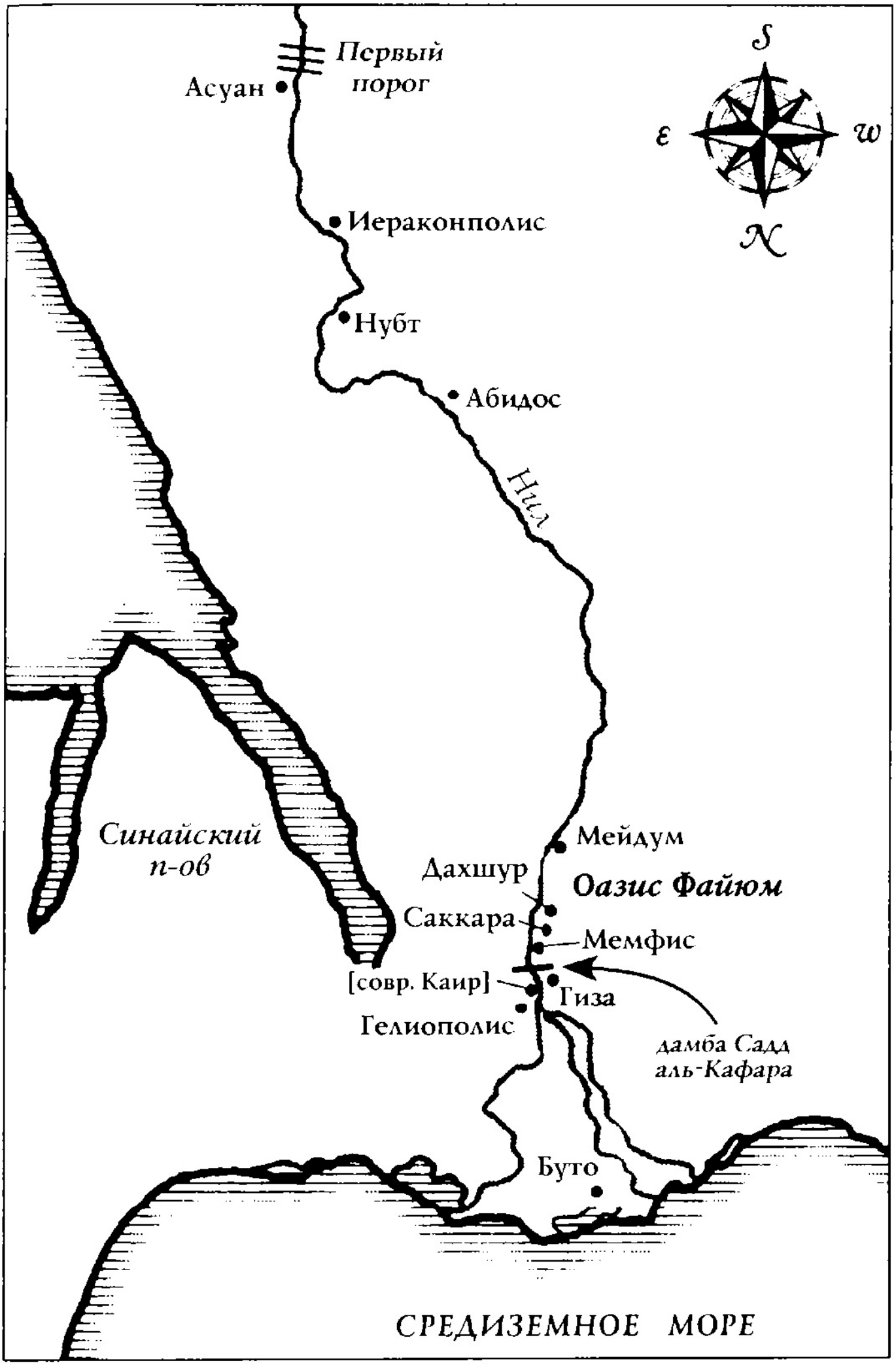
Геродот, который перечисляет всех фараонов в неверном порядке, далеко не всегда является надежным источником в подобных вопросах, а священные книги Хуфу так и не были найдены — возможно, их никогда не существовало. Но по традиции Хуфу считают злым, и это мнение отражено во многих источниках. Чтобы построить свой монумент — каменное сооружение примерно из двух с половиной миллионов блоков, причем вес каждого блока составлял в среднем две с половиной тонны, — Хуфу мобилизовал одну из самых крупных рабочих армий в мире. Пусть даже работники не были сведены до положения рабов, способность царя собрать такое огромное количество рабочих ярко иллюстрировала его умение заставить своих людей подчиняться, пирамиды являются наглядными образцами этой силы.

Рассказы о жестокости Хуфу показывают, что его стремление использовать власть в собственных целях и за счет своего народа все-таки не выходила за разумные рамки. Его амбиции приводили также к отсутствию набожности; он был настолько занят строительством, что закрывал храмы и повелел людям прекратить приносить жертвы. Один особенно ядовитый рассказ, переданный Геродотом, сообщает нам, что Хуфу, оказавшись без средств и нуждаясь в притоке денег, поместил свою дочь в особой комнате, заставив ее принимать любого мужчину,

который захочет ее посетить, а затем отдавать деньги ему; она так и делала — но просила каждого мужчину, когда он уходил, положить за нее камень на месте работ. Результатом стала средняя пирамида царицы, которая стоит возле Великой пирамиды и являет собой, согласно этой легенде, некий памятник мировому рекорду проституции.[8]

Ко временам Хуфу изначальная цель строительства Имхотепом первых некрополей стала уже совсем абстрактной. Великая пирамида и монументы, которые возводились после нее, представляют собой древнейшие сохранившиеся образцы того, что мы называем «монументальной архитектурой» — зданиями, которые гораздо больше развиваются в размерах и дизайне, чем требуется для дела. По словам архитектора Брюса Триггера, «возможность тратить энергию, особенно в виде труда других людей, в неутилитарных целях — это самый основной и повсюду понимаемый признак власти»? Чем меньше необходимость и польза от пирамид, тем больше они свидетельствуют о мощи строителя. Дом души становится сияющим свидетельством власти.

Все, что мы знаем о Хуфу, вращается вокруг его пирамид. Другие его деяния, каковы бы они ни были, потеряны для истории.

Первый порог
Асуан
Иераконполис
Нубт
Абидос
Нил
Синайский п-ов
Мейдум
Дахшур
Оазис Файюм
Саккара
Мемфис
[совр. Каир]
Гиза
Гелиополис
дамба Садд аль-Кафара
Буто
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
S
Э
З
С

Пирамиды Древнего Царства

Великая пирамида оказывалась в центре бурного теоретизирования чаще, чем что-либо другое в истории (возможно, за исключением Стоунхенджа). Рассуждения о пирамидах идут от «рационально-но-трудно-доказать» до полной иррациональности. Среди них: расположение пирамид на равнине Гиза воспроизводит на земле созвездие Ориона (это возможно — но слишком многих звезд не достает); Великая пирамида находится в географическом центре земли (это срабатывает, только если вы используете проекцию Меркатора, которую вряд ли использовали древние египтяне); египтяне пользовались энергией витка, называемого «Caduceus Coil», который врезан в «решетку планетарной энергии», что и позволяло им поднимать блоки на место. Прелестна идея, пусть это и анахронизм, что «главная контрольная панель для решетки — это Ковчег Обетованный».[10] Предполагалось также, что Великая пирамида была построена представителями атлантов, которые приплыли со своего мифического континента в чудесных лодках, чтобы строить пирамиды без всякой видимой причины, а потом покинули их. Другие теоретики настаивают на том, что их математические расчеты показывают, будто Великая пирамида является «масштабной моделью полусферы», и кто бы ни построил ее, «он знал точную окружность планеты и долготу года с точностью до нескольких десятых».[11]

Дедушкой теорий роковых пирамид был Эрик фон Дёни-кен — шведский управляющий отелем, который в начале 1960-х годов переквалифицировался в писателя и опубликовал книгу под названием «Колесница богов». Дёникен утверждал, что пирамиды не могли быть построены египтянами, потому что те не обладали необходимыми технологическими возможностями; более того, пирамиды появились внезапно. А это означает, что, вероятнее всего, они построены инопланетянами.

Это правда, что египтяне не были склонны к математическим абстракциям. Однако провести прямые линии основания пирамиды — не такая уж сложная задача; это требует компетентного расчета, но не понимания более высоких математических законов. Дело передвижения огромных блоков — тяжелая задача, но это опять-таки являлось лишь механической трудностью. Геродот утверждает, что блоки затягивались вверх по земляным насыпям, а эта задача вполне выполнима; эксперименты показали, что сотня мужчин может поднять каменный блок в 2,5 тонны при помощи веревки из папируса[12] — в особенности если для улучшения скольжения подкладывать под блок шарики из твердого минерала доломита.

Что же касается атлантов или инопланетян, то возведение неудачных пирамид, существовавших до Хуфу, довольно ясно демонстрирует, что идея строительства пирамид не появилась готовой из головы какого-то пришельца, пирамиды прошли четко отслеживаемую эволюцию — прямиком от первого города для души фараона Джосера к колоссальному месту упокоения Хуфу. Они стоят как памятник — но не визиту инопланетян, а нежеланию египетских царей выпустить из рук власть перед лицом смерти.

Гильгамеш ушел в горы и не вернулся назад. Но для египтян, которые всегда могли видеть вырисовывающееся вдали жилище духа царя, могущество фараона прибывало с ними всегда.

Сравнительная хронология к главе 11

Месопотамия	Египет
Период Джемдат Наср (3200–2900 годы до н. э.)	
Атаб	Архаический период (3100–2686 годы до н. э.)
Этана	Первая династия (3100–2890 годы до н. э.)

Бали	Менее (Нармер)
Древняя династия I (2900–2800 годы до н. э.)	
	Вторая династия (2890–2696 годы до н. э.)
Древняя династия II (2800–2600 годы до н. э.)	
	Древнее царство (2696–2181 годы до н. э.)
Гильгамеш	Третья династия (2686–2613 годы до н. э.)
	Джосер
Древняя династия III (2600–2350 годы до н. э.)	Четвертая династия (2613–2498 годы до н. э.)
	Снефру
	Хуфу

Глава двенадцатая
Первый реформатор

Примерно в 2350 году до н. э. шумерский царь объявляет войну коррупции и богатству — и теряет свой трон

Трудно вообразить себе шумеров с их обостренным чувством независимости предоставляющими правителям столько власти, сколько было дано фараонам Египта. Шумерские горожане, вероятно, восстали бы, если бы им предложили в течение двадцати лет потеть над памятником величию их правителя. И цари Шумера ни при каких условиях не могли бы добиться такой степени послушания. Объединение четырех городов при Гильгамеше — вот максимальное приближение к объединенному царству, когда-либо достигнутое в Шумере, и то эта коалиция едва сохраняла свое единство после смерти Гильгамеша. Его сын Ур-Лугаль унаследовал от отца царство и смог сохранить его, но все города были ослаблены из-за постоянных сражений. И в то время как Египет не ощущал явной угрозы из-за своих пределов, этого нельзя сказать о Шумере. На востоке ждали своего времени эламиты.

Эламиты жили в собственных небольших городах восточнее залива почти столько же лет, сколько шумеры занимали равнину Месопотамии. Их происхождение, как и происхождение большинства древних народов, неизвестно — однако их города росли не только к югу от Каспийского моря, но также и вдоль южной границы большого засоленного пустынного плато, которое раскинулось к востоку от гор Загрос.

Примерно с 2700 года над эламитами были поставлены свои цари. Города-близнецы Сузы и Аван служили центром эламитской цивилизации. Аван, чье точное расположение нам неизвестно, был более важным из двух. К этому времени царь Авана вершил правосудие во всем сообществе эламитов — в отличие от своего шумерского коллеги, чья власть была ограничена одним Кишем.

Надписи, сделанные спустя два века после Гильгамеша, дают нам возможность увидеть поднявшуюся волну соперничества. Эламиты и мегаполисы шумерской равнины — Урук и Киш, а также города Ур, Лагаш и Умма, теперь значительно усилившиеся — сражались в бесконечной войне за первенство.

Сражающиеся города Шумера и Элама

В шумерском царском списке недостает нескольких имен, а поскольку он старается перечислять правивших одновременно царей различных городов так, как будто они следовали один за другим, нелегко выстроить точную хронологию. Мы точно знаем, что когда-то, после того, как сын Гильгамеша унаследовал царство отца, город Урук был завоеван Уром, а затем Ур был «побежден в сражении и правление им перешло к Авану». Это вроде бы говорит о мощном вторжении эламитов — и действительно, цари Киша следующей династии имели эламитские имена.

Не все шумерские города подпали под правление эламитов. Как-то после вторжения эламитов шумерский царь города Адаб, расположенного почти точно в центре Месопотамской равнины, собрал вокруг себя своих людей и бросил вызов эламитскому доминированию.

Этот царь, Лугуланнемунду, правил около 2500 года до н. э. Чтобы избавиться от эламитов, он сразился с огромной коалицией из тринадцати главных эламитских городов. Согласно его собственной надписи, он победил; он называет себя «царем четырех четвертей» (иными словами, всего мира) и заявляет, что *«заставил все иностранные земли платить ему постоянную дань [и] принес мир народам... [он] восстановил Шумер»*.[1]

Если он действительно совершил эти завоевания, то на какое-то время собрал вместе намного большую империю, чем владения Гильгамеша. Но деяния Лугуланнемунду, которые могли спасти Шумер от эламитов и сохранить его существование в виде независимой культуры

еще на какое-то время, не произвели впечатления на его современников. В связи с этой победой не появилось эпических поэм и царствие его продлилось не дольше, чем царствие Гильгамеша. Следующее письменно зафиксированное происшествие на шумерской равнине — пограничный спор между городами Лагаш и Умма. Эта утомительная и банальная ссора по поводу непримечательного куска земли привела в конце концов к гибели шумерской цивилизации.

Рассказ о начале спора был записан два или три поколения спустя после правления Лугуланнемунду, когда его царство уже распалось. Шумерские цари держались у власти силой оружия и своей харизмы. В их царствах не было чиновников, чтобы поддерживать порядок. Когда корона переходила от динамичного воина к менее талантливому сыну, царства неизбежно разваливались.

Царство Лугуланнемунду распалось так быстро, что его родной город Адаб вообще перестал быть значимым на шумерской сцене. Пока Лагаш и Умма ссорились, другой царь — владыка Киша, который снова поднялся до выдающегося положения — вмешался в игру. Два города, лежавшие примерно в пятидесяти милях друг от друга, начали претендовать на земли друг друга. Тогда царь Киша Месилим вторгся в их владения и объявил, что Сатаран[52], шумерский бог-судья, указал ему верную границу владений обоих городов, чтобы они ее соблюдали. Он установил стелу (камень с надписью), чтобы отметить линию раздела: *«Месилим, царь Киша,* — сообщает памятная надпись о событии, — *замерил согласно указанию Сатарана».*[1] Оба города, очевидно, согласились с таким решением: заявление, что бог говорил непосредственно с вами, тогда было так же трудно опровергнуть, как и сейчас.

Однако согласие долго не продлилось. После смерти Месили-ма новый царь Уммы свалил стелу и аннексировал спорную землю (это предполагает, что временный мир поддерживался скорее страхом перед Месилимом, чем уважением к богу Сатарану). Город Умма владел этой землей в течение двух поколений; затем воинственный царь Лагаша по имени Эаннатум забрал ее назад.

Мы знаем об Эаннатуме больше, чем о многих других шумерских царях, потому что он более всех был склонен оставлять надписи и памятники. Он оставил после себя один из самых известных монументов Шумера — Стелу Грифов. На этой каменной плите ряд сцен изображает победу Эаннатума над городом Умма. Ряд за рядом по телам мертвых маршируют солдаты Эаннатума — в шлемах, вооруженные щитами и копьями. Грифы налетают на валяющиеся трупы и улетают с их головами. «Он разбросал кучи их тел по равнинам, — подтверждает надпись, — и они падали ниц, они молили даровать им жизнь».[3]

Стела Грифов демонстрирует разбушевавшуюся войну. Люди Эаннатума вооружены не только копьями, но также боевыми топорами и серповидными мечами. При этом все они оснащены одинаково — ясно, что уже возникла концепция организованной армии (в противоположность кучкам независимых воинов); солдаты маршируют плотными фалангами, которые позднее докажут свою непобедимость в тех странах, что встретятся на пути Александра Великого; сам Эаннатум изображен едущим в боевой колеснице, которую тянут животные, похожие на мулов.*

* Похожие боевые сцены изображены на Штандарте Ура, шумерском памятнике войны, имевшей место между 3000 и 2500 годами до н. э. Найденный в царских могилах Ура, относящихся к периоду Ранней династии III (2600–2350), Штандарт — все еще сохранивший яркие краски после прошедших тысячелетий — изображает фаланги солдат, боевые колесницы и даже форму солдат: плащи, на которых видны нашитые металлические кружки. Лагаш был не единственным городом, принимавший участие в профессиональных военных действиях. (Прим. авт.)

Эаннатум использовал эту хорошо организованную армию для борьбы не только с Уммой, но практически со всеми городами на шумерской равнине. Он сражался с Кишем; он сражался с городом Мари; попутно он сражался с вторгавшимися эламитами. Проведя всю жизнь в битвах, в одном из сражений он, очевидно, и был убит. Вместо него на трон воссел его брат.

Следующие три или четыре поколения Лагаш и Умма сражались за точное положение своей пограничной линии, эти кровопролитные междоусобные войны время от времени прерывались случайными набегами вторгавшихся извне эламитов. Следующий царь Уммы сжег и стелу Месилима, и гордую Стелу Грифов; это было бессмысленным действием, так как обе стелы были каменными, и могло лишь облегчить его чувства. Брат Эаннатума передал трон Лагаша своему сыну, которого уже затем сверг узурпатор.[4]

Спустя примерно сотню лет после начала конфликта он все еще продолжался. Лагашем теперь правил царь по имени Уру-кагина. Этот Джимми Картер древнего Среднего Востока был первым шумерским царем с социальным сознанием. Но эта великая заслуга была также и его слабостью.

Война с Уммой была не единственной проблемой Лагаша. Серия надписей времени правления Урукагины описывает состояние, в котором находился теперь город. Им правили коррумпированные жрецы и богатеи, а слабые и бедные жили в голоде и страхе. Храмовая земля, которая, как предполагалось, должна была использоваться на благо всего населения Лагаша, была разобрана беспринципными жрецами на собственные нужды, как и национальные лесные угодья, захваченные жадными чиновниками. Простые горожане вынуждены были побираться, а ремесленники не могли получить денег за свою работу и рылись на помойках в поисках куска пищи. Чиновники требовали оплаты за все — от права остричь белую овцу до права на погребение мертвых. Если вы хотели похоронить отца, вам нужно было отдать могильщику семь кувшинов пива и 420 буханок хлеба. Налоговое бремя стало таким невыносимым, что родители были вынуждены продавать детей в рабство, чтобы выплатить свои долги.[5] «От границ до самого моря сборщик налогов повсюду», — жалуется одна из надписей, выражая разочарование, звучащее весьма современно.[6]

Урукагина уволил большинство сборщиков налогов и уменьшил сами налоги. Он отменил плату за основные услуги, запретил чиновникам и жрецам конфисковывать чью-либо землю или собственность в счет оплаты долга и предоставил амнистию должникам. Он сократил бюрократию Лагаша, которая жирела на казенных хлебных местах (сюда относились главный лодочник, рыбный инспектор и «надзиратель за запасами зерна»). Очевидно, он также ограничил права жрецов, отстранив религию от мирских функций — лишившись таким образом той самой власти, которая позволила Месилиму установить свою стелу от имени бога Сатарана. *«Везде от границы до границы,* — говорит нам его хронист, — *никто не говорил больше о жреце-судье... Жрец больше не вторгался в сад простого человека».*[7]

Урукагин намеревался вернуть Лагаш к состоянию справедливости — той, что имели в виду боги. *«Он избавил жителей Лагаша от ростовщичества... голода, воровства, убийств,* — пишет хронист. — *Он установил amagi. Вдова и сирота не были больше оставлены на милосердие могущественных: именно для них Урукагина заключил свой договор с Нингирсу».*[8]

Amagi — это клинописный знак, судя по всему, обозначавший освобождение от страха. Он символизировал веру в то, что жизнью горожан Лагаша может править определенный и неизменный закон, а не прихоть власть имущих. Это, хотя и не бесспорно, первое появление идеи «свободы», записанное на человеческом языке. Слово amagi, образно переводимое как «возвращение к матери», описывает желание Урукагины вернуть город Лагаш в прежнее, более чистое состояние. Лагаш Урукагины стал бы городом, который чтит желания богов — особенно

покровителя города Нингирсу. Это был бы тот Лагаш, каким он являлся когда-то в идеализируемом прошлом. С самых давних времен ностальгия по сияющему, никогда не существовавшему прошлому идет рука об руку с социальными реформами.[53]

Для самого Урукагины в этом не было выгоды. Невозможно на дистанции почти в пять тысяч лет узнать, что было у него на уме — но его действия показывают набожного человека, во имя своей веры отвергающего любую мысль о политической выгоде. Однако именно моральная чистота Урукагины оказалась политически самоубийственна. Борьба со злоупотреблениями в среде жрецов сделала Урукагину непопулярным среди религиозной элиты собственного города. Каждый шумерский царь правил с помощью двойного совета старейшин и молодежи; совет старейшин неизбежно состоял из богатых землевладельцев города. Именно эти люди, лугали («великие домовладельцы») Лагаша, жестоко критиковались в надписях Урукагины за плохое обращение с бедными соседями.[9] Вряд ли они переносили такое публичное поношение без возмущения.

Тем временем трон старого врага Лагаша, Уммы, был унаследован жадным и амбициозным человеком по имени Лугалзагге-си. Он пошел на Лагаш и атаковал его, и город Урукагины пал.

Очевидно, завоевание прошло легко, с очень слабым сопротивлением города. *«Энлиль царь всех земель, отдал царскую власть над этой землей Лугалзаггеси,* — заявляет победная надпись, *— [и] направил на него глаза всех, от земель, где всходит солнце, до земель, где оно садится, [и] бросил всех людей ниц перед ним... Земля возрадовалась под его правлением; все вожди Шумера... склонились перед ним».*[10]

Слог этой надписи предполагает, что жрецы не только Лагаша, но также и Ниппура, священного города Энлиля, действовали заодно с завоевателем.[11] Могущественные жрецы Ниппура наверняка не были в восторге от урезания власти священнослужителей на юге: то был очень дурной прецедент. И если собрание старейшин не помогало свержению Урукагины, оно наверняка не стало энергично бороться на его стороне. Его реформы привели политическую карьеру, а возможно, и саму его жизнь, к прискорбному финалу.

Рассказ, записанный на табличке, уверяет в справедливости Урукагины, обещает, что за доброго царя последует отмщение: «*Умманит разрушил здание Лагаша,* — предостерегает писец, *— но он совершил грех против Нингирсу; Нингирсу отрежет руку, поднятую на него».* Запись заканчивается мольбой к божественной сути лично Лугалзаггеси, прося, чтобы даже эта богиня поразила Лугалзаггеси из-за совершенного им греха.[12]

Воодушевленный легкой победой над Лагашем, Лугалзаггеси занялся дальнейшим расширением своих владений. Он провел двадцать лет в походах, сражаясь по всему Шумеру. По его собственному высказыванию, его владения раскинулись «от Нижнего моря, вдоль Тигра и Евфрата и до самого Верхнего моря».[13] Назвать это империей, вероятно, было бы преувеличением. Хвастовство Лугалзаггеси о правлении землями до Верхнего моря — по-видимому, лишь ссылка на эксцентричный поход, который он совершил к Черному морю.[14] Но не подлежит сомнению, что Лугалзаггеси осуществил самые амбициозные замыслы, чтобы объединить все города Шумера под своей властью.

Пока Лугалзаггеси обозревал свою новую империю, повернувшись спиной к северу, оттуда подоспело возмездие.

Сравнительная хронология к главе 12

Месопотамия	Египет

Период Джемдат Наср (3200–2900 годы до н. э.)	Архаический период (3100–2686 годы до н. э.)
Атаб	
Этана	Первая династия (3100–2890 годы до н. э.)
Бали	Менее (Нармер)
Древняя династия I (2900–2800 годы до н. э.)	
	Вторая династия (2890–2696 годы до н. э.)
Древняя династия II (2800–2600 годы до н. э.)	
	Древнее царство (2696–2181 годы до н. э.)
Гильгамеш	Третья династия (2686–2613 годы до н. э.)
	Джосер
Древняя династия III (2600–2350 годы до н. э.)	Четвертая династия (2613–2498 годы до н. э.)
Снефру Лугуланнемунду (около 2500 года до н. э.)	Хуфу Месилим Лугалзаггеси (Умма) и Урукагина (Лагаш)

Глава тринадцатая
Первый военный диктатор

В Шумере между 2334 и 2279 годами до н. э. виночерпий Саргон строит империю

В городе Киш виночерпий по имени Саргон строил собственные планы, как создать империю.

Саргон был человеком уклончивым и скрытным. В описании, которое фиксирует его появление на свет, голос Саргона говорит:

> Мать мою подменили, отца я не знал,
> Но брат отца любил горы — наверное,
> Мой дом находился в зеленых горах, [54]
> Скрыв тяжесть, мать родила меня тайно.
> Она положила меня в корзину,
> И запечатала крышку смолой. * *
> Затем столкнула корзину в реку, которая нежно меня приняла,
> Вода вынесла меня к Акке, и водонос, спасибо ему,
> Поймал ту корзину, когда наполнял свой кувшин,
> Он принял меня, как сына, заботился обо мне.
> И сделал меня садовником в царском дворце.[1]

Эта история о появлении на свет ничего не говорит нам о происхождении Саргона. Мы не знаем ни его национальности, ни его имени в детстве. Имя «Саргон» никак не помогает нам, так как он сам взял его себе позднее. В первичной форме «Шаррум-кин» означает просто «Законный царь» и (как и большинство торжественных заявлений о законности) лишь показывает, что его носитель, безусловно, не имел никаких законных оснований для притязаний на власть. [55]

Если Саргон пришел с плоскогорий, он мог быть скорее семитом, чем шумером. Семиты с запада и юга смешивались с шумерами на месопотамской равнине с самого начала

возникновения поселений; как мы заметили ранее, десятки семитских заимствованных слов появляются в очень ранних записях шумеров, и самые первые цари Киша имели семитские имена.

Тем не менее существовали реальные различия между шумерами юга и семитами, которые в основном жили на севере — двумя расами, предки которых пришли в Месопотамию давным-давно из различных частей региона. На семитском языке, состоящем в родстве с более поздними языками Израиля, Вавилона и Ассирии, говорили на севере; на юге, в шумерских городах, говорили и писали на шумерском — языке, не связанном ни с одним другим из известных нам. Даже в тех районах, где шумеры и аккадцы перемешались, некоторые расовые различия все-таки существовали. Когда за полтора века до этого Лугуланнемунду из Адаба изгнал эламитов и временно утвердил себя над «четырьмя четвертями» Шумера, тринадцать человек из правителей шумерских городов, которые объединились против него, кичились шумерскими именами.[2]

Но рассказ Саргона никак не подтверждает его семитского происхождения, потому что он был очень аккуратен, делая неясными любые детали своей биографии. Он заявляет, что не знает отца — и это почти устраняет проблему низкого или позорного происхождения. «Подмененная» мать дает уклончивые данные. Вероятно, в какой-то момент она изменила свою личность. Может быть, она отвергла мирскую жизнь ради религиозной (некоторые переводчики останавливаются на слове «жрица»), или смогла подняться из низкого слоя в более высокий, или поселилась среди людей другой национальности.

Каково бы ни было ее место в жизни, подмена матери не отразилась на ее сыне. Опустив его в реку, она оставила ему шанс самоопределения. Факт того, что он был вытащен из воды, несет в себе один и тот же символ и у иудеев, и у христиан: шумеры считали, что река отделяет их от последующей жизни, и прохождение через воду приводит к существенной перемене в судьбе. Вытащенный из воды, Саргон принял статус своего приемного родителя. Акки. Человек, спасший его, имеет семитское имя — таким образом Саргон стал семитом. Акки работал во дворце царя Киша, и он вырастил из приемного сына царского садовника.

Ко времени, когда Саргон стал взрослым, он поднялся еще выше. Согласно шумерскому Царскому списку, он стал «виночерпием Ур-Забабы», то есть шумерского царя Киша.[3]

В древности виночерпий не был простым слугой. Шумерские записи не сообщают нам об обязанностях виночерпия, но в Ассирии, немногим позже, виночерпий был вторым человеком после царя. По словам Ксенофонта, виночерпий не только пробовал пищу царя — он также носил царскую печать, что давало ему право дарить одобрение государя. Он распоряжался приемом у царя — а это означало, что он контролирует доступ к владыке. Виночерпий персидских царей, как пишет Ксенофонт в «Обучении Кира», «имел по должности право на представление... тех, кто мог общаться с [царем] и держать в стороне тех, кого он считал недостойными к представлению».[4] Виночерпий имел так много власти, что его заставляли пробовать царское вино и пищу не для того, чтобы защитить царя от случайных отравителей (виночерпий был слишком важным чиновником, чтобы использовать его в качестве живого щита), а чтобы сам виночерпий не имел соблазна усилить собственную власть, отравив своего хозяина.

Пока Саргон служил Ур-Забабе в Кише, Лугалзаггеси был занят, совершая набеги и добавляя к своему царству кусочки шумерской территории. Пока Саргон подносил царскую чашу, Лугалзаггеси напал на Лагаш и выгнал из него Урукагину; он осадил Урук, бывшее обиталище Гильгамеша, и добавил его к своему царству. Затем, как делал каждый шумерский завоеватель, Лугалзаггеси обратил свой взгляд на Киш, город-жемчужину на равнине.

Фрагмент записи говорит нам, что случилось далее. «Эн-лиль, — заявляет этот фрагмент, — решил переместить процветание дворца». Другими словами, Лугалзаггеси был агрессором, а

Энлиль — его особой божественной сутью. Ур-Забаба, узнав, что армия завоевателя приближается к его городу, так перепугался, что «у него затряслись ноги». Ожидая надвигающегося нападения, он «так боялся, что был похож на рыбу, бьющуюся в грязной воде».[5]

Тревога усугублялась растущими подозрениями Ур-Забабы относительно своего виночерпия. Что-то в поведении Саргона заставило его задаться вопросом: а на его ли стороне ближайшее доверенное лицо? Поэтому он отправил Саргона к Лугалзаггеси с посланием на глиняной табличке. Послание, якобы несущее предложение о мире, вместо этого содержало просьбу, чтобы враг убил подателя. Но Лугалзаггеси не сделал этого и продолжил продвижение к Кишу.

Эта часть рассказа может быть и недостоверной. Рассказы о Саргоне сильно приукрашены более поздними ассирийскими царями, которые объявили его своим великим предком. Следующая часть предания, в которой жена Лугалзаггеси приветствует Саргона, предложив «свою женскую половину в качестве убежища», наверняка уходит корнями в давнюю традицию изображать великих завоевателей сексуально неотразимыми личностями. Однако дальнейший ход кампании против Киша дает основания предположить, что Саргон не был целиком на стороне своего царя. Лугалзаггеси с триумфом вошел в Киш, а Ур-Забабе пришлось бежать. А вот Саргона, предположительно правой руки Ур-Забабы, нигде не оказалось.

Очевидно, пока Лугалзаггеси праздновал свою победу, Саргон собирал собственную армию — быть может, он тщательно отбирал ее из сил Ур-Забабы уже в предыдущие годы. Он направил эту армию к Уруку; мы можем домыслить это, так как из рассказов о битве следует, что Лугалзаггеси отсутствовал, когда Саргон впервые появился возле его столицы, и город этот был неожиданно захвачен. «Он опустошил Урук, — говорит нам надпись о победе Саргона, — разрушил его стены, сражался с людьми Урука и завоевал их».[6]

Лугалзаггеси, получив новости о нападении, оставил Киш и бросился домой, чтобы уничтожить угрозу своей власти. Но теперь Саргон был уже неостановим. Он встретил Лугалзаггеси в поле, разбил его в бою, захватил в плен, надел ярмо ему на шею и привел его, как пленного, в священный город Ниппур. В Ниппуре он заставил побежденного пленного царя пройти через особые ворота, посвященные Энлилю: так бог отблагодарил Лугалзагесси за его победы — тот бог, который дал Лугалзаггеси право «пасти» всю землю. Это была тонкая издевка. Через двадцать лет после завоевания Лагаша проклятие Урукагины наконец-то добралось до самого Лугалзаггеси.

Саргон немедленно принял титул царя Киша. В той же надписи, которая описывает его победу над Лугалзаггеси, он отмечает, что направился на юг, завоевал город Ур, стер с лица земли Умму и сломил все оставшиеся очаги сопротивления Шумера в победном марше на юг, к верхнему краю Персидского залива. Там он «обмыл свое оружие в море» таинственным победным жестом.

Относительно быстрая победа Саргона на всей месопотамской равнине весьма удивительна — она показывает неспособность шумерских царей контролировать область, большую, чем два-три города. Комбинация силы Саргона и слабости шумеров склонили весы в его сторону. Его армия оказалась сильнее, чем остальные шумерские воинства, из-за наличия тяжелых луков и стрел. Из-за отсутствия дерева луки не были распространенным оружием в Шумере; Саргон, похоже, имел запас тиса — наверное, он очень рано добрался до гор Загрос на востоке от Залива. Кроме того, очень похоже, что его солдаты имели более подвижный строй. В то время, как Стела Грифов и Штандарт Ура изображают вооруженных солдат плечом к плечу, двигающихся в строю, похожем на более поздние фаланги, на имеющемся у нас изображении солдаты Саргона легче вооружены и менее нагружены, то есть более мобильны; они свободно

передвигаются по полю боя, чтобы неожиданно атаковать и быстро перестраиваться.[7]

Кроме того, шумеры были, вероятно, подорваны внутренней разобщенностью в своих городах. Шумерские города перед завоеванием страдали от все увеличивающегося разрыва между элитой — правящим классом — и бедными трудящимися. Злоупотребления, которые поклялся исправить Урукагина, были обычны для общества, в котором аристократы, объединившись с духовенством, совместно использовали религиозную и мирскую власть, чтобы завладеть двумя третями земель в любом городе для себя лично. Относительно легкое завоевание этой земли Саргоном[56] (не говоря уже о постоянном упоминании его собственного неаристократического происхождения) могло импонировать угнетаемым членам шумерского общества настолько, что они охотно переходили на его сторону.[8]

Какую бы роль ни сыграла слабость шумеров в успехе завоевания, результат был абсолютно новым и неожиданным. Саргон сделал то, чего еще не смог добиться ни один шумерский царь — он превратил общность независимых городов в империю.*

Но завоеванную территорию необходимо было контролировать.

Частью стратегии управления удаленными окраинными городами стала постройка Саргоном новой столицы — Агаде; на иврите это название пишется как Аккад, отсюда вся империя Саргона получила такое название.[57] Остатки Агаде никогда не были найдены, но вероятно, он стоял на севере шумерской равнины —может быть, неподалеку от теперешнего Багдада, в том узком месте между двумя реками, где теперь лежит Сип-пар. Из этого положения, немного севернее Киша, Саргон мог контролировать движение по реке и держать под наблюдением все свое царство.

В этом царстве шумеры быстро оказались живущими в собственных городах на положении иностранцев. Люди Саргона были шумерами с севера равнины. Их язык, который стал известен как аккадский, относился к семитской группе. Их обычаи и речь оказались совсем не похожими на обычаи и язык южан. Когда Саргон брал новый город, тот становился аккадским оплотом, штаб-квартирой аккадских официальных лиц с гарнизоном из аккадцев.

В отличие от своих предшественников, Саргон хотел управлять, не считаясь с населением. Когда Лугалзаггеси завоевал Киш, он заявил о своем господстве, но не убрал шумерских официальных лиц, лугалей, которые управляли чиновниками Киша. В конце концов, они были его соотечественниками, и он оставлял их на местах, пока они соглашались сохранять лояльность. Саргон не был столь мягким правителем. Когда он завоевывал город, он-заменял всю администрацию своими людьми. «От моря до нижнего моря, — гласит его надпись, — сыны Ак-кады взяли в руки управление его городами». Семиты-аккадцы, с которыми так долго смешивались шумеры, теперь одержали над ними верх. Только Агаде имел гарнизон из пятидесяти четырех сотен солдат, которые «ежедневно ели хлеб» из рук царя. Еще многие тысячи были рассеяны по Месопотамии.

Поставив Месопотамскую равнину под свой контроль, Саргон начал строить империю, которая протянулась за пределы Месопотамии. Он водил своих солдат в один поход за другим .«Саргон, щрь Киша, — гласит одна из его табличек, — победил в тридцати четырех сражениях».[9] Он пересек Тигр и захватил часть земель эламитов; по-видимому, в ответ те переместили центр своего царства из Авана в более удаленные Сузы, которые и осталась столицей. Он с боями продвинулся на север, к городу Мари [58], захватил его, а затем прорвался еще дальше, в земли другого семитского племени, кочующего еще дальше, чем его аккадцы — в земли амореев, которые тянулись на запад от Каспийского моря. Проведя кампанию за земли на Тигре, он добрался до небольшого северного города Ашшур, который стал центром поклонения Иштар не менее, чем за триста лет до рождения Саргона, и завоевал его. После этого он

двинулся еще дальше на север и установил свое правление над таким же маленьким городом в ста милях — Ниневеей. Нине-вея стала самым удаленным форпостом империи Саргона; из этой северной важной точки его сыновья следили за дикими северными завоеванными территориями, в то время как Агаде оставался его глазами, повернутыми на юг.[10]

Саргон, вполне вероятно, завоевал даже Малую Азию. Более позднее предание «Саргон, царь сражения» описывает его бросок к городу Пурушханда, жители которого послали ему письмо с просьбой о помощи против Нур-даггаля, жестокого местного царя. В стихах, которые сохранились, Нур-даггаль сначала издевается над возможностью того, что Саргон появится в этих местах:

Он не пройдет так далеко,
Берег речной и глубокие воды остановят его,
Высокие горы раскинут непроходимые заросли на его пути.
Но едва эти слова слетели с его губ, как Саргон оказался у его городских ворот:
Нур-даггаль даже не пикнул,
Когда Саргон окружил его город,
лишь раскрыл ворота на целых два акра![11]

Дошел ли действительно Саргон до Пурусиханды, как раз и раскрывает наш рассказ. Он, должно быть, казался неостановимой, сокрушительной силой, почти мистически одновременно присутствующей во всем известном мире. Он заявлял, что прошел все земли западнее Месопотамии[12], и даже хвалился, что корабли, идущие из Мелуххи (Инд), Магана (на юго-востоке Аравии) и Дильмуна (на южном берегу Персидского залива), не могут двигаться без его ведома.

Осуществление контроля над такими огромными просторами требовало армии — люди, которые ежедневно «ели хлеб» у Саргона, вероятно, были первыми в истории профессиональными солдатами. Удерживание под своей властью различных людей требовало также определенной религиозной толерантности, которой у Саргона было в избытке. Он приносил большие жертвы каждому важному местному богу, на землях которого находился, строил храмы в Ниппуре, как добрый шумер, и даже сделал свою дочь высшей жрицей бога-луны Ура.

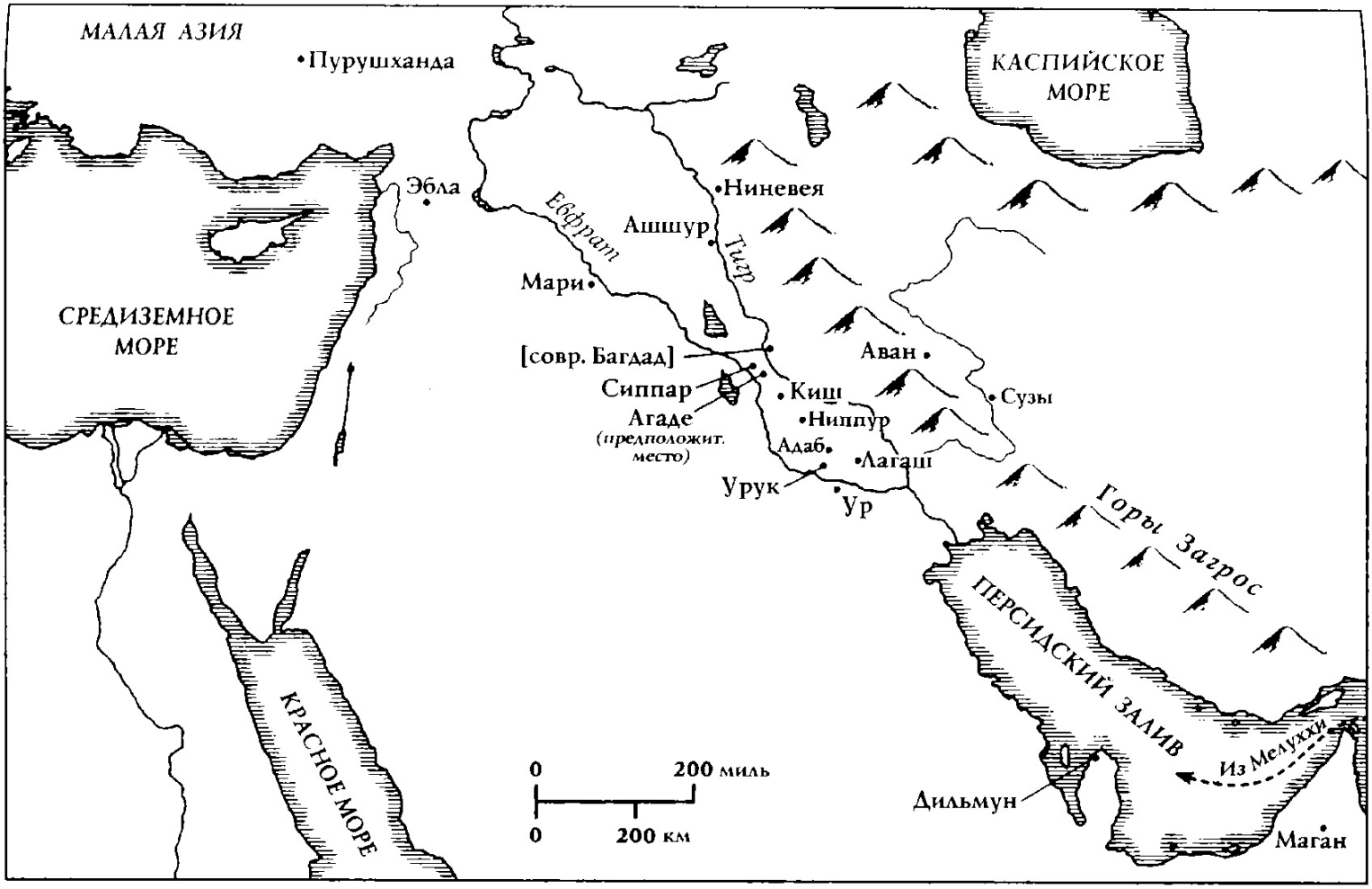
Сохранившиеся записи о дворе Саргона показывают, что его империя управлялась бюрократией, выходящей количественно за все известные до того в Шумере рамки. Внутри своих границ Саргон попытался стандартизировать веса и размеры; он также ввел египетскую систему сбора налогов, проводимую государственными чиновниками, которые управляли финансами империи.[13] Но его политическая стратегия включала в себя больше, чем просто налоги и администрирование. Он держал при своем дворе представителей старых правящих семей, что должно было бы стать стандартом для гораздо более поздних империй; эти представители, формально признаваемые Саргоном из-за их высокого происхождения, были залогом хорошего поведения их городов.[14]

Подобная стратегия свидетельствует о наличии напряжения в его империи. Сильно разросшееся царство постоянно находилось на грани мятежа.

Шумерский царский список отпускает Саргону пятьдесят шесть лет правления. Под конец, когда ему, вероятнее всего, перевалило за семьдесят, разразилось серьезное восстание. Старые вавилонские записи фиксируют, что «старцы страны», лишившиеся теперь своего авторитета, собрались вместе и забаррикадировались в храме Инанны в Кише.

Саргон, естественно, объявил, что немедленно подавил восстание. Но согласно древневавилонским записям (которые, само собой разумеется, относятся к более позднему

периоду и, как правило, антисаргоновские) по крайней мере одна кампания против мятежников шла так плохо, что однажды старику пришлось прятаться в канаве, пока мятежники двигались по дороге.[15] Не стоит даже сомневаться, что почти сразу же после смерти Саргона его сыну Римушу пришлось выступать против коалиции мятежников из пяти городов, в том числе Ура, Лагаша и Уммы.[16] Римуш правил менее десяти лет и умер внезапно. Более поздняя надпись говорит, что его предательски убили слуги.

Империя Саргона

Несмотря на столкновения после смерти Саргона, его наследники удерживали трон Агады более ста лет — гораздо дольше, чем любая другая шумерская династия. Аккадская империя держалась не только на харизме правителя. Бюрократия и администрация Саргона, как и в Египте, наконец обеспечила Месопотамию структурой, которая смогла удерживать империю нерушимой, даже когда трон переходил от великого отца к куда более слабому сыну.

Сравнительная хронология к главе 13

Месопотамия	Египет
Древняя династия I (2900–2800 годы до н. э.)	
	Вторая династия (2890–2696 годы до н. э.)
Древняя династия II (2800–2600 годы до н. э.)	
	Древнее царство (2696–2181 годы до н. э.)
Гильгамеш	Третья династия (2686–2613 годы до н. э.)
	Джосер
Древняя династия III (2600–2350 годы до н. э.)	Четвертая династия (2613–2498 годы до н. э.)
	Снефру
Лугуланнемунду (около 2500 года до н. э.)	
	Хуфу
Месилим	

Лугалзаггеси (Умма) и Урукагина (Лагаш)
Аккадский период (2334–2100 годы до н. э.)
Саргон

Римуш

Глава четырнадцатая
Первые распланированные города

До 2300 года до н. э. деревни вдоль Инда стали городами Хараппана

Меллуха, из которой корабли приплывали торговать с Саргоном Великим, находилась в Индии, где развилась великая цивилизация. Но от этой великой цивилизации не сохранилось ни единого имени.

За семьсот лет, пролегших между Ману Вишну и Саргоном, деревни вдоль Инда превратились в сеть городов. Люди, которые жили в этих городах, состояли в родстве с эламитами, но слишком отдаленном. Как и амореи с аккадцами, которые были ответвлениями одной мигрирующей группы людей, так и первые жители равнины Элам к северу от Аравийского моря, и люди, которые построили города вдоль Инда, произошли от одного и того же корня.

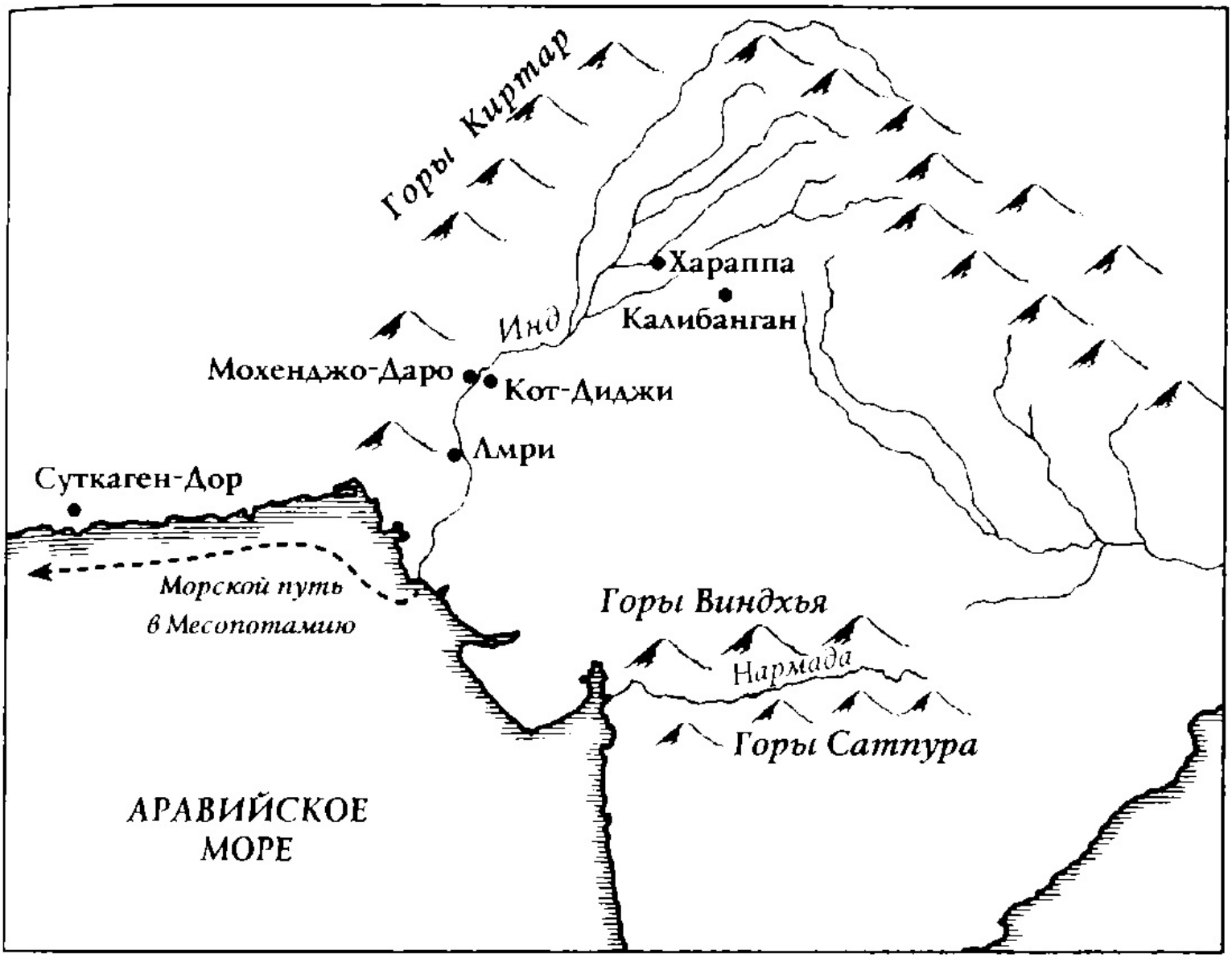
И это почти все, что мы знаем. Все, что осталось от цивилизации городов Инда, обычно называемой «Хараппанская цивилизация» (по городу Хараппа, одному из первых найденных городов) — это руины, набор печатей, использовавшихся для идентификации товаров в торговле, и краткие надписи, которые никто не может прочитать, так как письменность до сих пор не расшифрована. Два самых крупных города Хараппы — это сама Хараппа на северном рукаве Инда и Мохенджо-Даро далеко на юге.[59] Напрягая воображение, мы можем заселить их безликими ремесленниками, купцами и чернорабочими, но Хараппанская цивилизация не оставила нам записей о битвах, осадах, борьбе за власть или сказаний о героях.

Может быть, это не особенно волнует антропологов и археологов, но бесконечно раздражает историков. «[Мы имеем] завершенную историю, когда есть приблизительные даты, города, производство и искусства, — жалуется Джон Кей, — но нет абсолютно никаких записанных событий... [и] за исключением не очень-то помогающих костей каких-то людей»} Мы можем предполагать, что в городах правили цари; один из различимых портретов, обнаруженный в руинах, — это статуя бородатого мужчины в головном уборе и богато украшенном плаще, его глаза полузакрыты, а лицо непроницаемое. Вероятно, это царь Мохенджо-Даро — места, где был обнаружен портрет. Город имеет ряд строений, которые похожи на казармы или помещения для слуг, предположительно, царю или священнослужителю-царю мог требоваться штат, чтобы заниматься его делами.[2] Но, может быть, царя в этой стране и вовсе не было. В развалинах Хараппы не найдено ни глиняных табличек, ни записанных на папирусах текстов или каких-либо иных записей, сохраняющих события, хотя система письма (какова бы она ни была) вполне могла их сохранить.[3] И трудно понять, как жрецы, цари и чиновники вели свои дела, не ощущая необходимости вести записи.

С бюрократией или без, хараппанские купцы торговали своими товарами далеко за пределами родного города. Хараппанские печати, относящиеся ко времени правления Саргона, были обнаружены в развалинах Ура. Возможно, две древние цивилизации встретились в южной Аравии, где обе приобретали медь с шахт в Магане, а затем основали собственную прямую

торговлю. Ур, расположенный ближе к торговым путям на берегу Персидского залива, являлся удобным центром обмена индийскими и аккадскими товарами. Индийские купцы могли избежать гор Киртар, которые перекрывали северную равнину, проплыв по Инду в Аравийское море, вверх по заливу к Оману, на север в Персидский залив, а оттуда в Евфрат. Торговая фактория Хараппы была обнаружена в Суткаген-Доре, который расположен почти на территории эламитов. По-видимому, две культуры поддерживали мирные отношения — по крайней мере, в вопросах торговли.

Некоторое время Хараппа и Мохенджо-Даро считались двумя единственными городами данной культуры. Но теперь открыты более семидесяти хараппанских городов, располагающихся почти непрерывной цепочкой от устья Инда до его северных притоков и от местности восточнее Суткаген-Дора до реки Нармада на востоке. Хараппанская культура занимала, вероятно, полмиллиона квадратных миль.[4]

Хараппанские города

Это были плоские, широко раскинувшиеся города, выстроенные из грязевого кирпича, обожженного в печах. Дома редко были более двух этажей высотой, улицы хорошо спланированы и достигали ширины, достаточной для того, чтобы разъехались две повозки.[5] Складские помещения, вероятнее всего зернохранилища, которые располагались возле крупных городов — Мохенджо-Даро и Хараппа, — вмещали столько, что каждого хватило бы на прокорм примерно тридцати тысяч человек.

Эти люди, видимо, придавали большое значение гигиене. Улицы были снабжены продуманной системой водоснабжения и дренажа для сточных вод; дома обычно имели ванные комнаты; одна из замечательных особенностей самых больших городов — это огромные ванны размером с плавательный бассейн, окруженные небольшими каморками, вероятно, для смены одежды. Никто не может определенно сказать, являлось ли стремление к чистоте в Хараппе религиозным. Руины харап-панских городов и городков не обеспечили археологов ни единым зданием, которое те единодушно определили бы как храм.

Самой характерной чертой городов Хараппы были цитадели — группы высоких зданий, окруженные стенами и наблюдательными башнями. Но обычно большинство домов располагалось вне цитаделей, в основном на восток от них. Вокруг всего города возвышалась вторая толстая стена из грязевого кирпича. Если эту стену проламывали, население могло укрыться в цитадели, в последнем безопасном оплоте.

Чего же настолько боялись жители Хараппы, что им нужны были две стены? Ни шумеры, ни эламиты никогда не посылали свои армии так далеко на восток. Нет также свидетельств наличия в этом районе жестоких кочевых племен. И все-таки двойные стены высокие и толстые, они имеют валы и башни, то есть явно построены, чтобы защищать от врагов.

Может быть, эти укрепления дают нам понятия о характере жителей Хараппы.

Долго считалось, что города с цитаделями — результат естественного развития деревень, которые появились в долине примерно за тысячу лет до того. И все же есть другая версия. В тридцати милях от Мохенджо-Даро, на противоположном берегу Инда, стоит город, известный как Кот-Диджи. Аккуратное вскрытие культурных слоев поселения показывает, что за несколько веков до расцвета Хараппанской культуры стены Кот-Диджи были усилены из-за постоянно повторяющихся нападений. В первые годы существования Хараппанской цивилизации их снова перестраивали. Потом сильнейший пожар стер город с лица земли, уничтожив не только стены, но и дома. Поверх старого Кот-Диджи был выстроен новый город. Этот город имел широкие улицы, каменные сточные канавы, дома с ванными. Это был хараппанский город, не похожий на город, который находился тут прежде.[6]

Кот-Диджи не единственное место, которое демонстрирует насильственный переход от одной культуры к другой в дни существования хараппанских городов. В Амри, на том же берегу Инда, что и Мохенджо-Даро, но на сотню миль южнее, очень древнее поселение было в одночасье покинуто половиной жителей. Поверх старых руин вырос типичный хараппанский город — с широкими улицами, кирпичными стоками и домами с ванными комнатами.

В Калибангане, немного севернее, поблизости от Хараппы, еще один старый и крепкий город был оставлен его жителями. На оставленных руинах вырос хараппанский город — вновь с широкими улицами, стоками и ванными комнатами.[7]

Следы военных действий отыскать трудно. Но общая схема позволяет предполагать, что развитие хараппанской цивилизации не всегда проходило мирно. Поскольку некоторые города были захвачены в результате военных действий, можно предположить, что хараппанцы возводили своли стены, опасаясь ответных нападений.

Захват города военной силой не представляет собою ничего уникального, но хараппанская архитектура — очень специфическое явление. Располагаясь на огромной территории, хараппанские города удивительно одинаковы. Они построены словно по единому плану: цитадель отделена от жилых районов и расположена западнее них. Дома и лавки, или «нижняя деревня», возводились вдоль аккуратно спланированных улиц. В зависимости от напряженности предполагаемого движения их сразу планировали как основные проспекты (строго в двадцать четыре фута шириной), просто улицы (восемнадцать футов шириной или три четверти ширины проспекта), и боковые переулки (двенадцать футов или половина ширины проспекта). Улицы

неизбежно шли прямо с севера на юг или с запада на восток, образуя правильную сетку.

В хараппанских городах использовали стандартизированные меры веса — что было не так уж необычно, так как аккадская империя Саргона и египтяне уже начали двигаться в том же направлении. Куда более необычным стало распространение стандартизации на кирпич-сырец, используемый для строительства, который изготовлялся одного размера: 17,5x15x30 см.[8]

Это было удивительно практично, так как крайне облегчало строительство; но это также свидетельствует о существовании высочайшей степени контроля, достигавшейся каким-то неизвестным нам способом. Джон Кей называет это «навязчивым единообразием» и замечает, что оно распространяется даже на строительный инструмент и ремесленную утварь, которые также существуют в одних и тех же «стандартных наборах» от берегов Аравийского моря на юге до отдаленных районов Пенджаба на севере.

Вероятнее всего, образ повседневной жизни все же варьировался от города к городу. Распространение Хараппанской цивилизации отнюдь не было точным эквивалентом вторжения бортов.[60] Но такая схожесть столь далеко отстоящих друг от друга городов могла поддерживаться только тесными связями (не говоря уже о принуждении) — однако даже об этом до нас не дошло никакой информации, хотя хараппанские документы (о чем бы они ни говорили) также должны были бы являться стандартизированными по форме и, видимо, по содержанию.

И все-таки послание до нас не дошло. Города Хараппы остаются обезличенными, свободными от живых людей. Если они чем-то и похожи на Борг — так отсутствием того голоса, который выбивался бы из коллективного опыта хараппанской цивилизации, отсутствием личности с ее «Я».

Сравнительная хронология к главе 14

Месопотамия	Индия
Древняя династия I (2900–2800 годы до н. э.)	
Сельскохозяйственные деревни появляются вдоль Инда Древняя династия II (2800–2600 годы до н. э.)	Хараппанская цивилизация распространяется по Инду и вверх, в Пенджаб Гильгамеш
Древняя династия III (2600–2350 годы до н. э.)	Лугуланнемунду(около 2500 годы до н. э.) Месилим
Лугалзаггеси (Умма) и Урукагина (Лагаш)	Торговля с Месопотамией Аккадский период (2334–2100 годы до н. э.)
Саргон	Римуш

Глава пятнадцатая
Первый распад империи

Между 2450 и 2184 годами до н. э. неумеренность фараонов вызывает волнения среди жителей Египта, и Древнее Царство завершает свое существование

Тем временем Египет страдал от противоположной проблемы: слишком многие хотели, чтобы их помнили вечно.

Хуфу, строителя Великой пирамиды, сначала сменил его старший сын, который правил недостаточно долго, чтобы построить что-либо выдающееся, а затем его следующий сын, Хафре[61]. По данным Мането, Хафре правил 66 лет, и 56 по — расчетам Геродота.[62] В любом случае он удерживал трон в своих руках очень долгое время.

Хафре, говорит нам Геродот, «продолжал в том же духе», что и его отец. Как и Хуфу, он уделял так много энергии строительству гробницы, что пренебрегал богами и не восстанавливал храмы. «Египтяне ненавидели Хефрена [Хафре] и Хеопса [Хуфу] так, что не хотели упоминать их имена» — добавляет Геродот.[1] Все суровые меры, к которым прибегал Хуфу при строительстве своей пирамиды, повторились в правление его сына. Собственная пирамида Хафре, так называемая Вторая пирамида, была только на тридцать четыре фута ниже, чем Великая пирамида. Но Хафре хитро построил ее на холме, поэтому на первый взгляд казалось, что Вторая пирамида выше.

Хафре также оставил еще один эффектный памятник: Сфинкса, мистическую скульптуру из известняка — наполовину лев, наполовину сокол с человеческим лицом (вероятно, это портрет самого Хафре, хотя все еще идет множество споров по этому вопросу). Огромное существо смотрит на восток. Считается, что это изваяние сделано из «живой скалы», то есть вырезано прямо на месте из выступающего скального образования, а не создано где-то и потом перенесено.

Происхождение фигуры сфинкса абсолютно неизвестно. Позднее греки рассказывали о нем замечательные мифы, не имевшие никакого отношения к третьему тысячелетию до нашей эры. Хафре мог сам изобрести его, так как единственный сфинкс, который, возможно, старше[63] — это небольшая женская фигурка, найденная в развалинах незаконченной гробницы его старшего сына Джедефре. Невозможно узнать, относится ли она ко времени Джедефре или была поставлена там позднее.[2]

Как и Великая пирамида, сфинкс послужил источником ряда интересных теорий: кое-кто датирует его 10 000 годом до н. э. и считает созданием исчезнувшей развитой цивилизации; другие считают, что он воздвигнут атлантами (либо инопланетянами); есть версия, что Сфинкс представляет собою зодиакальный знак или энергетический центр Земли.

Подобные объяснения не имеют абсолютно никакого смысла. Сокол идентифицировался с богом Гором, в то время как лев отождествлялся с солнцем — то есть с солнечным богом Ра и его священным коллегой Амоном (он был местным богом, которого начали соотносить с Ра, иногда в качестве составного бога Амон-Ра). Наличие статуи полу-льва, полу-сокола, охраняющей место, где душе фараона надлежало существовать вечно, обеспечивало ей надежную защиту самых могущественных египетских богов. Предоставление статуе собственного лица означало заявление о тождественности ее конкретному фараону. Название «сфинкс» — это греческое искажение; оригинальным египетским названием фигуры было, вероятно, «ше-сепанх» (shesepankh) или «живой образ».[3]

Возможно, Хафре требовалось новое доказательство его божественности, потому что, как намекает Геродот, египтяне были уже сыты претензиями и амбициями своих правителей. И в самом деле, Хафре ствл последним строителем огромной пирамиды и последним расточителем огромных сил и средств. Его сын Менкауре (Микерин) был вынужден экономить и искать новые способы достичь бессмертия.

Геродот рассказывает нам, что по египетской традиции Менкауре снова открыл египетские храмы и жертвенники, поднял людей из нищеты, в которую погрузили их его предшественники, и правил ими справедливо.[64] пирамида Менкауре стоит как дополнительное доказательство перемен: Третья пирамида имеет высоту только 228 футов — половину от размера пирамиды Хуфу. Она все еще требовала большого использования огромных ресурсов, но несравнимо меньших, чем постройка предыдущих.

Относительное великодушие Менкауре, как объясняет Геродот, происходило из осознания проблем; он «не одобрял того, что делал его отец».[4] Может быть, Менкауре действительно

возражал против монументальной архитектуры своего отца и деда. Однако возможно также, что он просто оказался жертвой обстоятельств, т.е. резкого падения возможностей фараонов Четвертой династии в мобилизации огромной массы египетских рабочих, необходимых для построения Великой пирамиды. Если он опасался восстания, то открытое, публичное сокращение строительной активности выглядело «жестом доброй воли», по сути, являясь вынужденным шагом

Так пошло и далее. Огромные пирамиды Четвертой династии, ставшие не только историческими чудесами, но и частью египетского ландшафта, не превысил ни один более поздний фараон. Фараоны утвердили свой священный авторитет — но тем самым одновременно подорвали его. Менкауре больше не проводил обязательных мобилизаций на строительство, как его отец и дед.

Открытие, что есть предел священной мощи, похоже, привело к нарастающему упадку царского рода, как будто признание Менкауре ограниченности своих возможностей толкнуло Египет вниз по скользкому склону, который закончился в болоте анархии.

Традиционная история о правлении Менкауре, рассказанная Геродоту священниками в Мемфисе, предполагает, что Менкауре ощущал себя неудачником. Боги были так недовольны его правлением, что дали знак: фараон умрет до конца седьмого года своего правления. Менкауре был возмущен этим. Он нашел ужасно несправедливым, что Хуфу и Хафре, которые «прекратили жертвоприношения, игнорировали богов и сломали людям жизнь, жили гораздо дольше, в то время как богобоязненный человек, такой, как он, должен умереть так скоро. Второе послание пришло от оракула; оно разъясняло, что жизнь Менкауре будет укорочена именно из-за его богобоязненности — он не вел себя, как должно фараону. Египет должен был страдать сто пятьдесят лет, и его два предшественника понимали это, а он не понимает».[5]

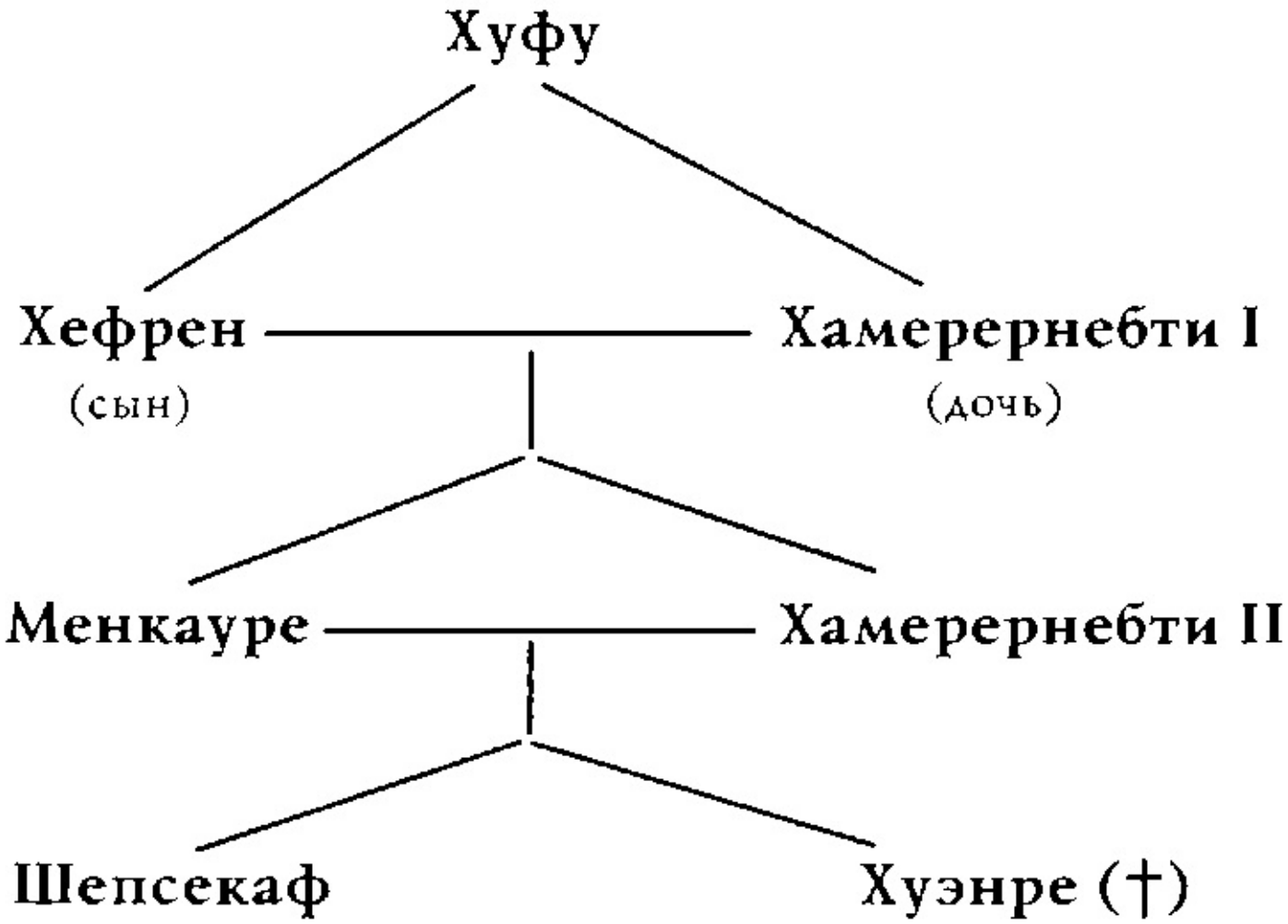
Это предание о необыкновенно странном наказании предполагает, что существовало какое-то изначальное противопоставление между священной личностью и милосердным правлением. Богоравный статус фараонов был в реальности связан с готовностью использовать этот статус. Выказывать жалость означало проявление слабости. В этом случае неограниченная власть богоподобного правителя неизбежно становилась самоограничением; она длилась лишь до того момента, когда или фараон отступал, или люди восставали.

И в действительности именно это и произошло с Четвертой династией. Менкауре вдруг умер и оставил трон своему сыну Шепсескафу, который смог удержаться у власти лишь четыре года и даже не успел спроектировать себе пирамиду; он был похоронен в мастабе, гробнице старого образца на старом кладбище в Саккаре, где лежали его предшественники из Третьей династии. На этом завершилась Четвертая династия.

Тирания может привести к концу династии, но существует еще один возможный вариант развития событий.

Так как царь был священен, то он, безусловно, должен был жениться на столь же священной личности, чтобы поддержать божественность своих наследников. Царская семья не позволяла, чтобы любой другой смертный в Египте приобрел это качество. Поэтому в жены царю предназначались только девушки одной с ним крови.

Следуя примеру своих предшественников, Хафре женился на своей двоюродной сестре, Хамерернебти I. Она родила сына и дочь, Менкауре и Хамерернебти И. Менкауре, унаследовав трон, женился на своей родной сестре, которая одновременно была его кузиной, так как Хамерернебти I, выйдя замуж за своего двоюродного брата, стала теткой своей собственной дочери. (Она также была матерью Менкауре и одновременно его свекровью — трудная роль для любой женщины.) Таким образом, Шепсескаф стал сыном своего отца, правнуком своей бабушки и сыном двоюродного брата своей матери.

Потомство Хефрена (Хафре)

Внимательный читатель в этом месте, вероятно, удивится, почему все эти люди не стали трехголовыми. Брак между близкими родственниками не позволяет пополнить ограниченный генетический запас, поэтому становится более вероятен сбой в генах. В Европе несколько тысяч лет спустя десятки браков царственных персон с кровными родственниками привели к появлению генетических болезней и слабоумия. Фердинанд II Австрийский, чья мать также была его двоюродной сестрой сразу по двум линиям, любил забираться в корзину для выброшенной бумаги и кататься в ней по залу, а его самым разборчивым выражением было, как говорят: «Я император! Хочу клёцок!»

Возможно, что в те далекие времена набор генов был несколько менее хрупким. Может быть, в царской семье происходила своего рода селекция: имея большое количество кровных сестер, фараон выбирал на роль супруги самую сильную и здоровую, что отчасти уменьшало возможность появления «бракованных» генов. С другой стороны, быстрое крушение власти фараонов после Менкауре вполне могло быть вызвано проблемами С царской родословной. На статуях самого Менкауре его голова изображена несколько странноватой формы, а глаза — сильно навыкате, хотя сам фараон, похоже, был вполне здравомыслящим человеком. Однако его старший сын от Хамерернебти И, принц Хуэнре, объявленный наследником, умер от какой-то неизвестной болезни еще до смерти своего отца. Похоже, сам Менкауре тоже умер внезапно, а его второй сын, Шеп-сескаф, правил совершенно незаметно и очень недолго.

Периодически также всплывает рассказ (опять-таки впервые изложенный Геродотом), что Менкауре влюбился в собственную дочь и изнасиловал ее, после чего она от горя повесилась. Геродот замечает: «Но все это, по-моему, чепуха»[6]. Вероятно, так оно и есть: учитывая

традиции инцеста в египетской царской семье, маловероятно, чтобы египетская царевна нашла бы этот акт таким же шокирующим, как он кажется нам. Кроме того, эта история также сообщает, что дочь была единственным ребенком Менкауре — что представляет собой явную неправду. Однако эта легенда об инбридинге [65] — единственная дошедшая до нас версия, убедительно объясняющая конец династии.

Фараоны Пятой династии не были отмечены большим приливом свежей крови. Первый фараон Пятой династии Усеркаф был сыном двоюродного брата Менкауре; он также женился на своей троюродной сестре, дочери Менкауре. Тем не менее, прерывание наследования от отца к сыну сопровождалось иными серьезными изменениями.

Папирус, который, вероятно, появился лет на пятьсот позже времени царствования Усеркафа, но гораздо, гораздо раньше, чем труды Мането, относит изменение династии к пророчеству: Хуфу было сообщено, что его сын и внук будут править, но затем трон перейдет к трем сыновьям высокого священника бога-солнца Ра — жреца, который служил в главном храме бога-солнца в Гелиополисе. Эти дети родятся с золотистой кожей, и при рождении будут сопровождать сами боги.

Другими словами, власть из дворца перемещалась в храмы. Фараоны Пятой династии — их, вероятнее всего, было девять, все более или менее безликие — строили очень маленькие пирамиды, но зато за этот век было построено пять новых храмов бога-солнца. Первый был воздвигнут самим Усеркафом; лодки для использования богом Ра размещены в его дальнем южном конце, а у входа храм может похвастать обелиском — каменной башней, указывающей вверх, на небо, на дом Ра. На самом верху обелиска располагалась крытая золотом миниатюрная пирамида, которая сияла в лучах солнца, будто его маленькая копия.

Во времена Пятой династии фараона стали также более тесно идентифицировать с богом-солнцем. Ранее он был Гором и Осирисом; теперь он был сыном Ра.[8] Похоже, это ставило правителя под контроль высшего духовенства бога-солнца, которое могло передавать ему слова отца.

Вместо земного воплощения бога властитель стал теперь сыном бога — легкое, но существенное понижение. Круги священной власти разширились, фараон не был больше центральной фигурой и непререкаемым проводником божественной воли. Идея непрерываемого присутствия фараона на земле после смерти тоже начала рассеиваться. За время Пятой династии все этапы перемещения духа после смерти в другой мир были впервые изложены письменно. Последний фараон династии, Унис, был захоронен в маленькой пирамиде, на стенах которой были записаны подробнейшие магические формулы — они должны были обеспечить его попадание в пункт назначения. Эти «тексты пирамиды», затем ставшие стандартным украшением похоронных камер фараонов следующей династии, ясно указывают на то, что Унис покидает свой народ.[66] «О, Ра, — начинается абзац 217, — это царь Унис идет к тебе, твой сын идет к тебе». Идентификация царя Униса с Гором и Осирисом упомянута лишь вскользь. Гораздо больше внимания уделено тому факту, что умерший теперь восходит к Ра, поднимается на небо и «идет в вышину», чтобы жить там «в объятиях [своего] отца, высокого и далекого Ра».[9]

Когда Унис оставил свой народ, он, очевидно, сделал это, не имея потомков, и последовала краткая борьба за трон. Следующая династия фараонов, Шестая, еще меньше настаивала на своей божественной сути — теперь правители женились на простых женщинах. Это влило в царскую семью новую силу, но было слишком поздно. Господству царской линии был брошен вызов со стороны других семейств. Примерно через сотню лет правители различных египетских провинций, чиновники, которые всегда назначались короной, во время хаоса в Мемфисе

воспользовались возможностью передавать власть своим сыновьям.[67]

В результате Тети, первый фараон Шестой династии, правил страной, состоявшей теперь по сути, из ряда мелких владений, в каждом из которых была своя «царская семья». Себе Тети взял в качестве имени, связанного с Гором, титул Сехетептаву, который означает «Тот, кто усмиряет Две Земли».[10] Этот означает возвращение противостояния Севера и Юга; оно ушло под поверхность египетского единства, а вот теперь возродилось вновь, раздирая Египет. Кое-какую информацию можно почерпнуть у Мането: он сообщает, что на Тети совершал покушение его собственный охранник. Когда-то божественность фараона делала его неприкосновенным, но теперь это понятие начало трещать по швам. Наследнику Тети, Пиопи I, пришлось подавлять заговор о наследовании в своем собственном гареме.[11] Его старший сын был лишен трона и заменен на шестилетнего ребенка, названного Пиопи II, который явно был подставным лицом в угоду могучей дворцовой группировке.

Пиопи II приписывается девяносто четыре года правления — самый долгий срок царствования в истории Египта. Но этот век не являлся периодом стабильности, он отмечен тем, что фараон правил только номинально. Знать, священнослужители и дворцовые чиновники все больше разделяли царство между собой. Пиопи II, последний царь Древнего Египта, так долго оставался у кормила лишь потому, что имел очень мало реальной власти.

Ко второй половине долгого правления Пиопи II Египет — уже практически разделившийся на более мелкие царства, объединяемый только формальной властью трона в Мемфисе — начал распадаться всерьез. Трудно указать одно определенное событие, приведшее к этому, но почти наверняка разливы Нила прекратились снова, как это случилось к концу Первой династии. Западная пустыня, похоже, придвинулась к самому краю обрабатываемых земель Египта, и это событие должно было вызвать серьезную тревогу.

Задокументированные события, касающиеся конца Шестой династии, скудны. Наш самый лучший источник — это египетский Царский список, в котором, как отмечает Колин Мак-Эведи в своем атласе древнего мира, за Шестой династией следует «явно бестолковая» Седьмая династия с семьюдесятью фараонами в течение семидесяти дней[12] — эти цифры, должно быть, имели символичное значение. Семерка в то время еще не символизировала завершение чего-либо, как позднее в священных записях израильтян; больше похоже на то, что писцы, составлявшие список царей, умножили номер династии на десять, чтобы продемонстрировать общий хаос.*

После расточительной Четвертой династии, промотавшей жизни и средства египтян, и после проявления слабости царской крови постепенное снижение уровня божественности фараонов, а также засуха стали причинами крушения царства. Немногим менее века спустя в различных городах Египта уже правили соперничающие династии, и страна оказалась разделена между сражающимися царствами. Шестая династия была последней в Древнем Царстве Египта; следующие четыре династии принадлежали эпохе хаоса, известной, как Переходный период.

Сравнительная хронология к главе 15

Индия	Египет
	Вторая династия (2890–2696 годы до н. э.)
Сельскохозяйственные дерев- -ни появляются вдоль Инда	

* Бедствия, посетившие Египет как раз перед Исходом, под номером десять, а десятый номер — самый опустошительный: могут также отражать понимание числа десять, как некоего усилителя (см. сноску в конце главы 36, где дан другой пример). (Прим. авт.)

Древнее Царство (2696–2181 годы до н. э.) Третья династия (2686–2613 годы до н. э.) Джосер Хараппанская цивилизация распространяется по Инду и вверх, в Пенджаб Четвертая династия (2613–2498 годы до н. э.) Снефру Хуфу Хафре Менкауре Пятая династия (2498–2345 годы до н. э.) Торговля с Месопотамией Шестая династия (2345–2184 годы до н. э.) Зрелость Хараппанской цивилизации Первый Переходный период (2181–2040 годы до н. э.)

Глава шестнадцатая
Первые вторжения варваров

Между 2278 и 2154 годами до н. э. орды кутиев [68] вторгаются в аккадские земли, но Третья династия Ура выбивает их

Аккадская империя теперь находилась под властью сына Саргона Маништушу, стремящегося к расширению границ. В отличие от Египта, властитель Агаде считал, что самые главные его враги все-таки располагаются за границами.

Надписи Маништушу хвастливо заявляют, что он являлся столь же удачливым военачальником, как и его отец. Он хвалится захватом новых территорий и даже пересекает Персидский залив на корабле, чтобы сражаться против «тридцати двух царей, объединившихся против него», там «он разбил их и разрушил их города».[1] В этом заявлении может быть больше дыма, чем огня. Хотя Маништушу прославляет свои победы, ему платят дань те же самые области, которые уже покорил Римуш. «Тут нет лжи! — заканчивается одна из победных надписей. — Это чистая правда!»[2] — то есть можно предположить противоположное, как и с титулом «Законный царь» применительно к узурпатору.

Четырнадцатилетнее правление Маништушу интересно в основном потому, что он стал отцом Нарам-Суэна Великого, внука великого Саргона и царя, максимально расширившего границы Аккадской империи. Как и его дед, Нарам-Суэн постоянно сражался. Одна из его стел заявляет о девяти победах за один год; другая, незатейливо названная Стелой Победы, изображает победу над одним из племен на территории западного Элама. Аккадские границы расширились настолько, что поглотили Сузы, одну из столиц Элама. Но вторая столица, Аван, оставалась независимой, там был центр сопротивления эламитов растущей угрозе с запада.

Игнорируя независимость царя эламитов, Нарам-Суэн взял себе титул «Царь Четырех Четвертей Мира» и «Царь Вселенной» — самореклама, избыточная даже для древней Месопотамии. Его имя в клинописях появляется рядом со знаком божественности[3] и на месте, которое в более ранних записях занимают боги. Для Нарам-Суэн не нуждался ни в каких богах благословения своих битв — это он мог делать и сам. Насколько мы можем судить, Нарам-Суэн был первым месопотамским царем, который удерживал божественный титул всю свою жизнь; это определенно указывает на весомость его власти.

К правлению Нарам-Суэна сами аккадцы достигли определенной зрелости как народ — Саргон собрал долго воевавшие друг с другом города Месопотамии в одну империю, но аккадская культура так и не стала идентична шумерской. Вы могли жить в аккадской империи, повинуясь аккадскому царю, и все-таки быть шумером. Сыновья и внук Саргона описывали свои победы шумерской клинописью (для побежденных), а также по-аккадски (для себя).

Официальные лица и гарнизонные войска жили в шумерских городах, но также сознавали себя частью культуры, которая отлична от шумерской.

Это растущее чувство культурной идентичности больше всего проявилось во время величайшей опасности для империи. С гор Загрос, скалистого района восточнее Тигра, вниз устремились племена кутиев и напали на границы царства Нарам-Суэна.

Сюжет с борьбой хаоса и порядка был хорошо знаком царствам этой эпохи. Китайское предание описывает борьбу правителей против внутреннего хаоса, сопровождающуюся усилением гнета и жестокой эксплуатацией. Египтяне рассказывали истории о битвах между братьями, когда страна вдоль Нила распадалась на отдельные царства. Гильгамеш борется с дикарем — но этот враг оказывается его собственной тенью.

Но Нарам-Суэн столкнулся с чем-то новым: вторжением варваров извне, чужаков, которые хотели только крушить и ломать. Захват Шумера аккадцами изменил судьбы царств, но у народа Саргона был свой язык и своя письменность. Ко времени правления Нарам-Суэна Аккадская империя стала все более похожа на нацию и все менее — на разбросанную по стране армию, которая время от времени то тут, то там останавливается на привал. Она имела свою собственную историю и своего собственного отца-основателя. Только теперь стало возможным говорить о противоположном социальном устройстве — о «варварах».

«Никто не называет себя варваром, — заметил историк Давид Мак-Каллоу, — только ваш враг именует вас так».[4] Культура аккадцев противоположна хаотичному миру кутиев, которые, хоть и имели разговорный язык, не оставили после себя ни записей, ни традиций, а также никаких мифов. Конечно, ни одна из записей аккадцев не использовала слово «варвар», которое родилось в Греции гораздо позднее. Но аккадцы видели в ордах кутиев внешнюю силу, способную лишь разрушать — а не нести другую культуру вместо их собственной.

Специалист по Ассирии Лео Оппенгейм указал, что чистая ненависть, обнаруженная в аккадских хрониках о вторжении кутиев — нечто новое в древнем мире; это, как он замечает, «сравнимо только с ненавистью египтян к гиксосам»,[5] то есть с явлением, которое имело место двести лет спустя, когда в Египет впервые вторглись извне кочевники. Шумеры называли кутиев змеями и скорпионами, пародией на человека:

> они те, кто Земле не принадлежат:
> Кутии — всадники, люди с уздечкой,
> с умом мужчины, но с собачьей душой
> и чертами обезьяны — вот каковы они.
> Над землей несутся птичьими стаями...
> Ничто не спасется от их когтей,
> никто не спасется от хватки их.

Армии Нарам-Суэна не смогли удержать орды кутиев, и те захватывали город за городом. Оккупация кутиями аккадских городов перевернула законный порядок с ног на голову.

> Посыльный не мог больше двигаться по дороге,
> лодка с курьером не могла плыть по реке.
> Пленные командовали стражей,
> бандиты захватывали дороги...
> Люди разводили огороды внутри городов,
> а не на обширных полях снаружи, как принято было.

Поля не давали зерна, разливы — рыбы,
а фруктовые сады — патоки для вина,
облака не приносили дождя...
Честных людей сбивали с толку изменники,
герои падали замертво на горы мертвых героев,
кровь предателей мешалась с кровью честных людей.[7]

Разрушение установившегося порядка варварами было настолько необычным и непривычным явлением, что несколько позже был создан длинный рассказ с описанием разорения. Боги рассердились на людей — в первый, но не в последний раз, — это и объясняло вторжение варваров.

В «Проклятии Агаде» Нарам-Суэн разрушает великий храм Энлиля в своей столице и крадет храмовое золото, серебро и медь. Этот факт святотатства обрекает его страну на беду; он грузит сокровища на корабли и отправляет их, и «когда корабли отошли от причалов, город потерял свою мудрость».

Город потерял свой разум — т.е. свои отличительные культурные и личностные черты. Энлиль, который решает дать за это ордам кутиев возможность мстить, обрушивается на Агаде, как «шторм, который подчиняет себе всю землю, этому бешеному потопу невозможно сопротивляться». Людские орды стали инструментом божественной ярости. «Я было так, — заканчивается рассказ, — что высокая трава выросла на берегах канала, где когда-то бечевой тянули лодки, трава скорби поднялась на дорогах». Расчищенные площади цивилизации начали исчезать.

Из Царского списка мы знаем, что войско кутиев захватило Урук, ранее наследный дом Гильгамеша. Раз они прошли так далеко на запад, они почти наверняка уничтожили власть аккадцев над южным Шумером.

К моменту смерти Нарам-Суэна в 2218 году орды кутиев смогли сократить его царство наполовину. Нарам-Суэн оставил все эти неприятности своему сыну Шар-кали-шарри, который оказался перед необходимостью противостоять варварам. Увы, он в этом не преуспел: Лагаш тоже пал под натиском кутиев, и к концу правления Шар-кали-шарри южный Шумер безвозвратно исчез. Кутии захватили часть южных городов, другие же, включая города Элама, воспользовались борьбой Шар-кали-шарри с кутиями, чтобы окончательно освободиться от аккадского владычества, которое, вероятно, какое-то время уже было лишь номинальным.

То, что последовало затем в аккадских землях, очевидно, имело вид анархии. После смерти Шар-кали-шарри (примерно в 2190 году) лишь центральное царство все еще оставалось единым. Но шумерский царский список гласит: «Кто был царем? Кто не был царем?», а это подразумевает, что на деле некоторое время никто не мог удержаться у власти. [8] Наконец, трон захватил воин, не являвшийся родственником Саргона. Он смог удерживать его в своих руках в течение двадцати одного года, передав затем правление своему сыну.

Но и эта, не Саргонова династия, о которой мы абсолютно ничего не знаем, была обречена. Надписи стенают по поводу падения самого Агаде около 2150 года до н. э., когда захватчи-ки-кутии низвергли защитные стены. До сих пор не найдено руин столицы, и мы не знаем, был ли город разрушен и сожжен. Вероятно, само отсутствие каких-либо остатков предполагает уничтожение. И так как город не оставил следа на земле, по-видимому, он не был снова заселен позднее. Многие города древнего Ближнего Востока оставляли один культурный слой за другим — но город, считавшийся когда-то проклятым, остался скрытым во тьме веков.[69]

Почти полвека«варвары»-кутии владели всей месопотамской равниной. Они мало что

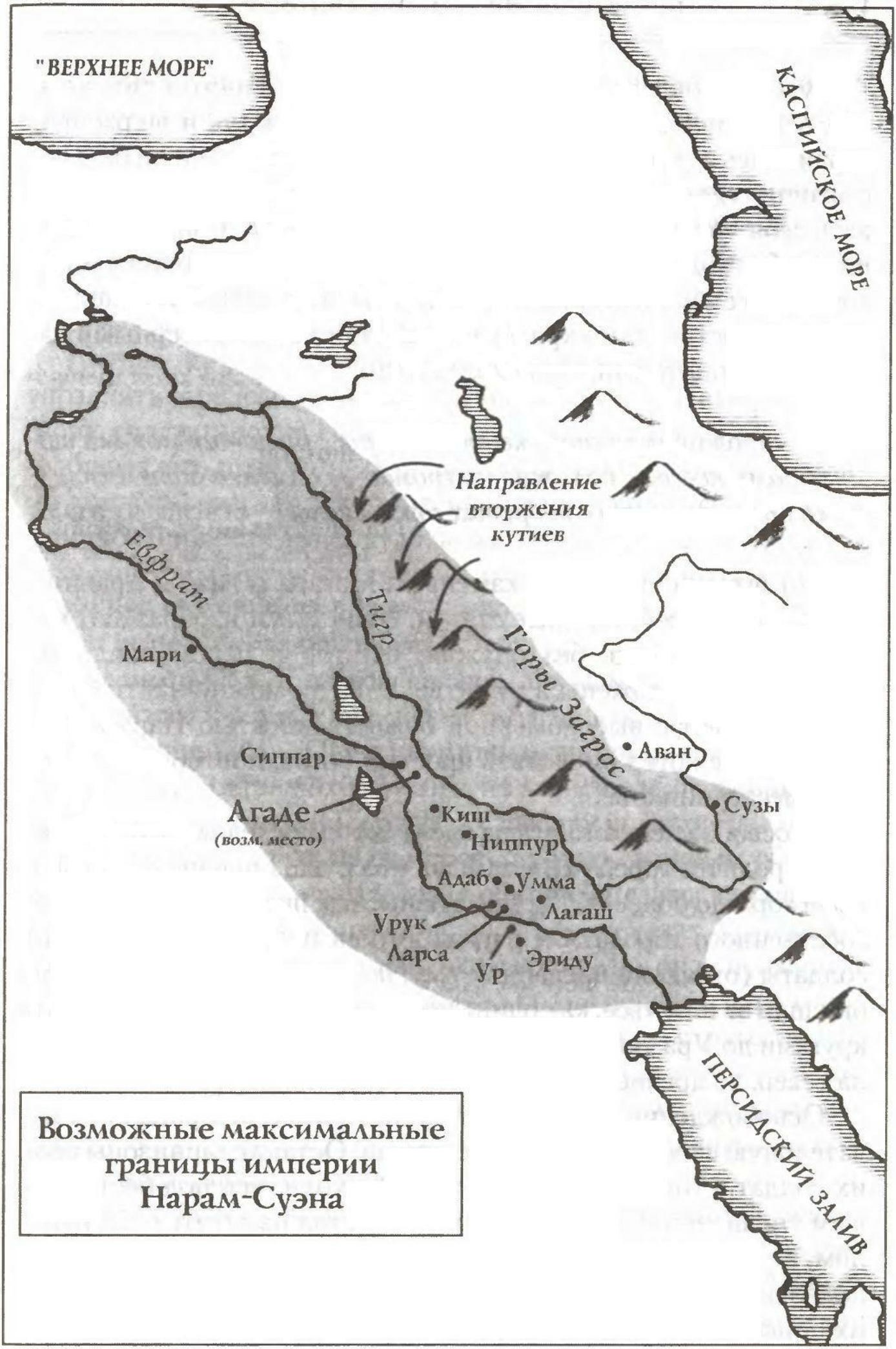
оставили после себя, дабы мы могли судить о возникновении их собственной культуры: ни письменности, ни надписей или статуй, ни культовых центров. Вторжение кутиев привело к концу существовавшую цивилизацию, не создав на ее месте ничего иного.

Царский список проводит решительную черту между правлениями аккадцев и «царями» кутиев, которые явно не имели понятия о том, как создавать порядок наследования. Маништушу правил 15 лет, Нарам-Суэн — 56, даже сын Нарам-Суэна, который столкнулся с проблемой защиты остатков былого царства отца от постоянно вторгавшихся орд, оставался у власти в течение 25 лет. Но кутии, которые захватили Агаде и все города поблизости, были волнующейся, нестабильной массой. Один царь без имени, который следует за двадцатью одним царем, единственный, кто смог удержаться у власти более 7 лет; большинство правило лишь один или два года, а последний — сорок дней.

Древние и могущественные шумерские города, по-видимому, занятые смешанным населением из шумеров, аккадцев и кутиев, недолго терпели правление варваров.

Возрождение началось в Лагаше, городе, находившемся ближе всех к Эламу. Воин Гудеа из Лагаша прогнал кутиев из своего города и утвердился в Лагаше в качестве царя, а затем начал очищать и восстанавливать храмы шумеров — которые, очевидно, были разрушены или аккадцами, или кутиями.

Гудеа вообще не появился в шумерском царском списке, и это, вероятнее всего, означает, что его власть так и не распространилась за пределы собственного города. Однако он был достаточно удовлетворен собственными победами, чтобы называть себя «истинным пастухом» своего народа. В прославляющих себя табличках он также заявляет, что восстановил в горах торговлю с эламитами, которые присылали медь; с Индией, из которой доставляли «красные камни», и даже с северными частями Месопотамии. Он заявляет, что «проложил тропу в кедровые горы... рубил огромными топорами кедры... похожие на громадных змей, а затем сплавлял по воде кедры с кедровых гор, а сосны — с сосновых гор».

Возможные максимальные границы империи Нарам-Суэна

Гудеа также привозил камень из Магана (Оман в Аравии), чтобы делать собственные статуи. Эти статуи изображают его почитателем богов, без оружия, одетым в церемониальные одежды, руки сложены в молитве. Едва ли можно найти больший контраст с высокомерной божественностью Нарам-Суэна. Гудеа не хотел рисковать яростью богов, повторяя ошибки предшественников.

За освобождением Лагаша очень скоро последовало освобождение родного города Гильгамеша — Урука, где царь Утухегаль имел гораздо более обширные планы, чем просто освобождение собственного города. Он изгнал кутиев из Урука, а затем его солдаты (отчаянно преданные ему; по его собственным словам, они шли за ним «все, как один») последовали расширяющимися кругами до Ура, до Уриду к югу от Ура и, вероятно, еще дальше на север, до древнего священного города Ниппур.

Освобождение Ниппура от кутиев символизировало окончательную свободу от орд кочевников. Оставив гарнизоны своих солдат в городах, которые ранее находились под бестолковым управлением кутиев, Утухенгаль стал называть себя титулом, не употреблявшимся многие годы, возможно, со времени правления сыновей Саргона — царь Четырех Четвертей. В своих описаниях побед он «царь, чьи приказы нельзя отменить».[10] Он захватил самого сильного вождя кутиев, человека, которого описал как «змею с гор», привел его в кандалах к себе ко двору и — продемонстрировал позу, ставшую, судя по барельефам, обычной в следующей великой империи, которая поднимется на равнине — «поставил ногу ему на гиею».[n]

Но, хотя Утухенгаль положил конец господству захватчиков, он не прожил достаточно долго, чтобы насладиться своими владениями. В траве завелась настоящая змея, чтобы стать его правой рукой — человек по имени Ур-Намму, который был женат на дочери Утухенгаля.

Выгнав кутиев из Ура, Утухенгаль оставил Ур-Намму управлять городом и войсками. Очень скоро Ур-Намму послал своих солдат против собственного владыки. Царский список сообщает, что правление Утухенгаля освобожденными землями длилось семь лет, шесть месяцев и пятнадцать дней — срок царствования определен куда более точно, чем все, что мы видели ранее. Эта точность говорит о внезапном и неожиданном конце правления Утухенгаля — вероятно, о его гибели в сражении от руки собственного зятя.

Несмотря на кровавое начало, Ур-Намму, взявший под свой контроль Ур и Урук, повел себя не как военачальник, а как настоящий царь. Он время от времени организовывал кампании против оставшихся кутиев, но записи о проведенных переговорах и принесенных клятвах дают основания предположить, что империя Ур-Намму расширялась главным образом за счет дипломатии — хотя, без сомнения, солдаты, стоящие за улыбающимся послом, играли свою роль, успехах Ур-Намму. Там, где Ур-Намму не мог навязать свою волю, он использовал дружеские отношения. Он заключил брак с дочерью царя города Мари (у нас нет сведений о реакции на такую стратегию его первой жены, дочери убитого Утухенгаля). Он строил храмы в городах по всей равнине, в том числе возвел новый храм великому богу Энлилю. Даже- Сузы признали его верховенство, хотя Аван оставался в стороне.

При Ур-Намму шумеры пережили свой последний ренессанс. Его правление новой шумерской империей вкупе с последующими царями известно как Третья династия Ура. Ур-Намму был не только завоевателем равнины, также возрождал цивилизацию. Он восстанавливал дороги и стены, копал каналы, чтобы вернуть свежую воду в города, где стояла солоноватая вода.

«Мой город полон рыбы, — заявляет он, — воздух над ним звенит от птиц. В моем городе сажают медоносные растения»}[2]

Хвалебные поэмы в честь Ур-Намму прославляют не только его строительные достижения, но также восстановление порядка и законов:

Я Ур-Намму,
Я защищаю свой город.
Я разбил обидчиков столицы и заставил их дрожать.
Я считаю Шумер и Аккад стоящими на одной тропе.
Я поставил ногу на горло воров и преступников,
Я прижал грешников...
Я сделал справедливость очевидной, задушив злобу...
В пустынях проложены дороги великолепные,
Все пользуются ими благодаря мне...
Я хороший пастух, число моих овец быстро растет.[13]

Хаос был временно подавлен, утвердилось право закона и порядка. На короткое время города шумерской равнины оказались в безопасности.

Сравнительная хронология к главе 16

Египет	Месопотамия
Вторая династия (2890–2696 годы до н. э.)	
Древнее Царство (2696–2181 годы до н. э.)	
Третья династия (2686–2613 годы до н. э.)	Гильгамеш
Джосер	
Четвертая династия (2613–2498 годы до н. э.)	Древняя династия III (2600–2350 годы до н. э.)
Снефру	
Хуфу	Лугуланнемунду (около 2500 года до н. э.)

Хафре Месилим Менкауре Пятая династия (2498–2345 годы до н. э.) Лугалзаггеси (Умма) Урукагина (Лагаш) Шестая днастия (2345–2184 годы до н. э.) Аккадский период (2334–2100 годы до н. э.) Саргон Римуш Вторжение кутиев Первый Переходный период (2181–2040 годы до н. э.) Падение Агаде (около 2150 года до н. э.) Третья династия Ура (2112–2004 годы до н. э.) Ур-Намму

Глава семнадцатая
Первый монотеист

Аврам покидает Ур немного позднее 2166 года до н. э. и направляется в западные семитские земли в то время, когда усиливается новая шумерская империя

Примерно во времена борьбы шумеров с кутиями житель Ура по имени Фарра собрал своих слуг, домашний скот, жен и сыновей с их семьями и отправился на запад. Среди его домашних находился Аврам (Abram), сын Фарры, и его жена Сараи (Sarai), которая имела несчастье все еще не обзавестись детьми.[70]

Фарра не был шумером — вероятно, он являлся аккадцем или представителем родственного

племени; он отслеживал своих предков до Сима, библейского прародителя семитов.[1] Рожденный примерно в правление Нарам-Суэна, Фарра, по-видимому, никогда не жил в У ре, который не подвергался угрозе нападения кутиев. В его детстве Ур добился выгодного ослабления власти аккадских царей, освободив себя от владычества аккадцев. Ко времени, когда Фарра стал отцом троих сыновей, последний аккадский царь еще пытался защитить свой трон; а пока росла его молодая семья, кутии разрушили Агаде и свободно перемещались по северным равнинам.

Примерно в то время, когда Утухенгаль двигался к Уру, чтобы взять его, а затем снова потерять из-за зятя, Фарра с семьей решил (и это вполне понятно), что лучше уйти из города. Согласно Книге Бытия, они двинулись, к «Ханаану» — на запад, к берегу Средиземного моря, подальше от варваров-кути-ев, мстительных эламитов и высокомерных шумеров.

Теологическое объяснение этого путешествия в Книге Бытия 12 таково, что Аврам услышал голос Бога. Это был не шумерский бог, не аккадский бог, а просто Бог, который дал себе озадачивающее имя, на латинице обозначаемое как YHWH — возможно, это форма глагола «быть»[71]

По-видимому, это было внове для Аврама. Фарра с сыновьями, судя по всему, поклонялись богу-луне Сину и его дочери Инанне, главным божествам города Ура — просто потому, что все уроженцы Ура соблюдали, хотя бы формально, культ луны. Кроме того, имена семьи показывают абсолютно стандартную принадлежность к аккадско-шумерскому пантеону. Имя Фарра обозначает родство с лунным богом Сином. Сараи, жена Аврама, была также его сводной сестрой, дочерью Фарры от другой жены; ее имя — это аккадский вариант имени жены Сина, богини Нингал. Внучка Фарры Милка была, очевидно, названа так в честь дочери Сина Малкату.[2] Само имя Аврам означает «благородный отец». Тем не менее мы можем констатировать, что оба имени, и Аврам, и Сараи, были связаны с поклонением Луне, поэтому позднее Яхве переименовывает обоих, и это одно из условий договора. Новые имена, Авраам (Abraham) и Сара (Sarah), оба содержат новый слог «яй», первый слог условного имени Яхве — имени, которое отлучает их от принадлежности к Уру и передает право собственности на них богу из Книги Бытия.

От бога Аврам получает и обещание, и распоряжение. Обещание того, что от Аврама произойдет великий народ, и будет он благословлен; распоряжение — покинуть свою страну и свой народ (город Ур и смешанное население из аккадцев, шумеров и других семитов) и идти «в землю, которую я укажу тебе»: в землю Ханаан, почти точно на запад.*

Множество народов пыталось проследить свое происхождение до какой-либо особо избранной богами личности — но здесь впервые эта история была записана. По крови Аврам не отличался от окружающих его семитов, и не слишком отличался от людей, которые владели землей, куда он был направлен. По священному приказу он был выделен из остальных, и началось нечто новое: для одного семита из всех один бог поднялся из хаоса политеизма. Аврам стал первым монотеистом.

Вместо того, чтобы двинуться прямиком на запад, по маршруту, ведущему через пустыню, клан направился на северо-запад по более легкому пути вдоль Евфрата. В конце концов, он вывел бы их к северному берегу Средиземного моря. Но люди Аврама прошли на север до реки Билих, впадающей в Евфрат в той точке, где они должны были повернуть налево. Вместо этого они повернули направо, на восток, перешли маленькую речку у крохотного городка Харан и остановились там.

Харан лежал на большом торговом пути; он, как и Ур, был центром поклонения Луне и, вероятно, показался Фарре, который уже старел, достаточно знакомым миром, к тому же Харан

был относительно спокойным местом.

А тем временем южнее Ур-Намму захватил трон своего тестя и расширял область своего правления, создав новую шумерскую империю. Но его рука никогда не протянулась настолько далеко на север, чтобы захватить Харан. Около 2094 года он умер после 18 лет правления; его похоронная поэма славит покойного царя как мудрого и достойного доверия пастыря своего народа, как владыку, который восстановил Шумер, и как человека, достойного в загробной жизни разделить трон с самим Гильгамешем.[3]

* Хронология в Книге Бытия сомнительна. То ли Аврам слышал в У ре голос бога, убеждающий его отца направиться в Ханаан, а затем повернуть в Харан; то ли Фарра направился в Ханаан по другим причинам, а затем повернул в Харан, где Аврам позднее получил божественную команду вернуться на изначальное направление. Оба прочтения текста возможны. Я просто отмечаю это, чтобы не получать больше писем, обвиняющих меня в том, что я не читала Библию. (Прим. авт.) Место Ур-Намму занял его сын Шульги. Вскоре — может быть, в течение четырех-пяти лет — Аврам покинул Харан и возобновил свой путь в землю, которую обещал ему Бог. Он двигался на юго-запад и в конце концов, прибыл в Гесем западнее реки Иордан, на полпути между двумя водоемами, известными позднее как Галилейское и Мертвое море.

Тут он потребовал у бога заверения, что земля эта будет его, потому что, насколько он мог видеть, она были заселена хана-анеями.

«Ханаан» — более позднее название земель, которые станут известны в первом тысячелетии до н. э. как Израиль, у римлян они именовались Палестиной, а крестоносцы называли их Левантом. Самое раннее появление слова «ханааней» пришло из таблички, найденной в Мари, защищенном стенами города Зимри-Лима; она датируется примерно 1775 годом до н.э и содержит нелестное упоминание о бродячих бандитах откуда-то с реки Иордан. [4] В 2090 году до н. э. у земли, которую бог обещал Авраму, не было названия, потому что она не имела ни расовой, ни политической принадлежности.

Люди, которые жили вдоль восточного берега Средиземного моря, были «западными семитами».[72] Мы уже встречали их близких родичей в первой главе, когда семиты смешивались с шумерами в начальный период возникновения шумерских городов. Вместо того, чтобы поселиться на Месопотамской равнине, западные семиты продолжили свой путь. В то время как их родичи учили шумеров работать на земле, западные семиты расселялись вдоль берега и строили свои собственные города.

Аврам — первая личность, которая всплыла на поверхность истории этого конкретного района. Не имея единой развитой культуры, западные семиты не оставили каких-либо хроник, и все, что мы знаем о них, известно лишь благодаря археологическим раскопкам. К 7000 году до н. э. земледельцы разводили одомашненных коз и овец и распространили свои поселения по всему пространству палестинской равнины. Такие места, как Чатал-Гуюк на далеком севере и Иерихон южнее, ближе к Мертвому морю, имеют честь быть одними из самых древних городов в мире. Иерихон стоит на земле, на которую будут со временем претендовать потомки Аврама; большинство поселений западных семитов — это деревни без особых защитных сооружений. Так было раньше, но к 6800 году до н. э. население Иерихона возвело вокруг города поразительно высокую, просто огромную каменную стену. В одном из углов стены поднималась круглая башня тридцати пяти футов высотой, так что караульный мог постоянно следить за окружающим город пространством.

Чьего нашествия ожидали люди Иерихона, не совсем ясно. Это правда, что Иерихон расположен на месте устойчивого и не иссякающего источника свежей воды[5] — но в конце

концов, река Иордан находилась не так уж далеко. Тем не менее жители Иерихона — единственные среди западно-семитских племен, кто построил мощную защиту от какой-то серьезной угрозы извне и постоянно опасался, как бы она не нагрянула неожиданно.

Ко времени, когда сюда прибыл Аврам,[73] города западных семитов наладили свои собственные торговые пути — особенно с Египтом. Город Библ, расположенный на полпути до берега Средиземного моря (известный как Губла аккадцам и как Гебал — шумерам), основывал всю свою экономику на отправке морем в Египет кедра в обмен на египетские ткани и драгоценные металлы. Северный город Эбла собирал дань с караванов, которые проходили через контролируемую им территорию.[6] Город Мегиддо, возникший на пути от Иорданской равнины к равнине Шарон, рос в размерах как минимум с 3500 года до н. э. Сихем, где Аврам впервые попросил Бога подтвердить его просьбу, был как минимум таким же старым и, вероятно, был заселен благодаря расположенному здесь древнему источнику, который редко пересыхал. Первые города западных семитов пополнялись различными мигрантами, которые просачивались с севера и с юга; в большинстве своем это были амореи — кочевники, говорившие на собственном языке семитской группы, которые могли прийти с Аравийского полуострова.

Можно представить себе удивление Аврама: как, эта пестрая страна может стать его владением? Тем не менее, он удивлялся недолго, потому что менее чем через пять лет после прибытия в обещанную землю снова ушел отсюда.

Но теперь он был не одинок. Археологические исследования показывают, что примерно между 2400 и 2000 годами культура западных семитов, которая неуклонно двигалась по пути урбанизации, вдруг повернула назад, к менее организованному и более кочевому стилю жизни, а многие города были оставлены.[74] Сочетание избыточного возделывания земли и цепочки засух уменьшило водные ресурсы и количество плодородных земель; в итоге крупные поселения, которые потребляли большое количество воды, должны были распасться, чтобы выжить.[7] Сюда же стоит добавить падение на юге Древнего царства, с которым западные семиты потеряли не только возделываемые земли, но также своего самого богатого и надежного торгового партнера, страну, которая однажды излила богатства на Библ и дюжину других городов в обмен на товары. Хаос Древнего царства распространился на север. В результате Аврам двинулся на юг.

«В той земле был голоду — сообщает Книга Бытия 12:10, — и Аврам пошел на юг, в Египет, потому что голод был свиреп». В Египте было больше воды и пока еще немного больше порядка. За «бестолковой» Седьмой династией последовала Восьмая — чуть более стабильная, но абсолютно ничем не примечательная; 27 царей правили 146 лет, но не сохранилось имени ни одного фараона.

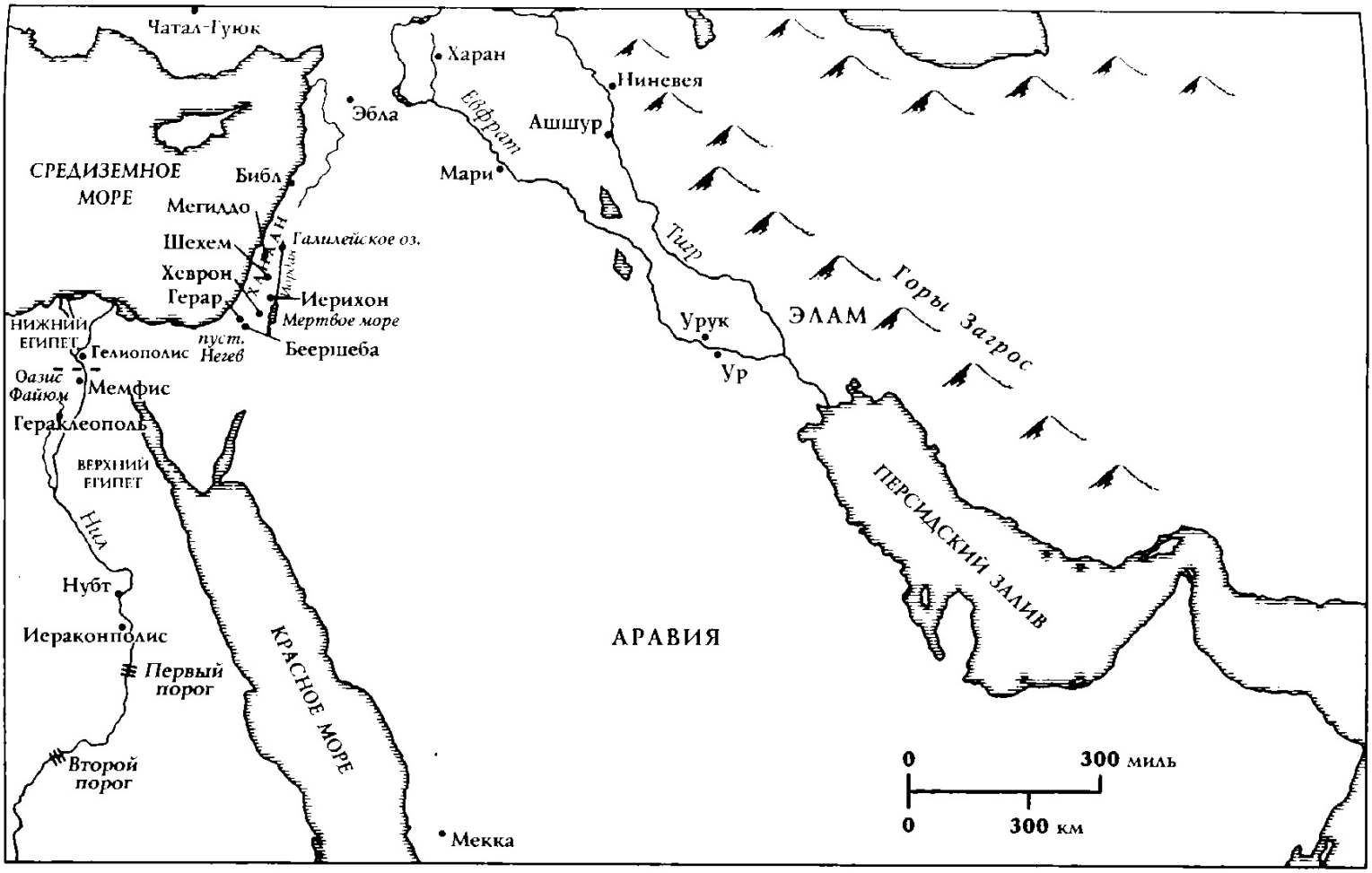
Однако около 2160 года могущественный вельможа из Гера-клеополя по имени Ахтой благодаря своим способностям смог при помощи хитроумных альянсов и грубой силы вновь собрать Египет воедино под своей властью. Мането называет Ахтоя «более ужасным, чем его предшественники» — этот комментарий отражает, вероятно, количество пролитой крови, которая потребовалась для этого временного возрождения единой страны.[8] Следующие сто лет наследники Ахтоя — семнадцать успешных царей, включая Девятую и Десятую династии по хронологии Мането — правили Египтом, который постепенно опять утратил почти все свое былое величие. Он страдал не только от внутренних проблем, но также от невозможности защитить свои границы от вторжений западных семитов, которые постоянно совершали налеты в дельту Нила мелкими кочевыми бандами.

По традиционной датировке Аврам с женой, слугами и скотом прибыл в Египет около 2085 года. Эта дата не очень далеко отстоит по времени от эпохи Ахтоя III из Десятой династии — от

фараона, который написал о налетчиках-западных семитах:

«Подлый азиат! Он не ладит с местом, где находится, там не хватает воды, земля покрыта кустарником... Он никогда не живет на одном месте, но бродит по собственной воле, меряя землю ногами... Азиат — это крокодил на речном берегу: он хватает все на своем одиноком пути.» [9]

Вероятно, эта враждебность к пришельцам с севера объясняет, почему Аврам, оказавшись в Египте, заявляет, что Сараи его сестра, а не жена. Согласно Книге Бытия, Аврам пригляделся к Сараи где-то на пути в Египет и подумал про себя: она красива, поэтому египетский фараон может приказать убить меня, чтобы забрать ее. Это, конечно, предполагает, что семиты имели столь же плохое мнение о египтянах.

Мир Аврама

Опасения Аврама оказались верными. Фараон (один из безымянных, безликих и ничем не примечательных царей Десятой династии) забрал Сараи себе и осыпал Аврама благодарственными подарками за то, что тот привел в Египет свою прекрасную сестру. Аврам остался с египетскими овцами, коровами, ослами, верблюдами и слугами. Тем временем фараон и его домашние не так уж процветали. Книга Бытия 12 сообщает нам, что присутствие Сараи в гареме фараона наложило на последнего божественное проклятие; фараона и всех его домочадцев поразила какая-то напасть под названием neh-ga. Английские переводы склонны вежливо называть ее «чума» — вероятно, потому, что она проявлялась в появлении отвратительных язв, возникавших каждый раз на новом месте. Болезнь совершенно отбила у фараона интерес к женщинам, в результате он оставил в покое и Сараи.

Эта странная история приобретает больше смысла, если поставить ее в один ряд с остальными историями Книги Бытия. Уйдя из Египта (и от фараона, который не убил Аврама, явно боясь дальнейшего божественного возмездия), Аврам вернулся в Ханаан и поселился возле Хеврона, значительно южнее Ше-хема. Обещание, что он станет отцом целой нации, казалось, было неправдой. Пара оставалась бездетной, пока Сараи не стала слишком стара, чтобы сохранялась надежда на зачатие.

Примерно через двадцать лет или около того после первого сообщения от своего бога Аврам решил сам протянуть руку помощи данному ему обещанию. Он взял служанку Сараи Агарь второй неофициальной женой, пообещав Сараи, что любой ребенок Агари будет официально считаться ее отпрыском.

Это не было редкой в шумерских городах практикой — она отражена в наборе шумерских законов под названием «Таблицы Нузи», но у Аврама такой прием не прошел. Обещание бога адресовалось не одному Авраму, но Авраму вместе с Сараи. Аврам должен был стать отцом

новой нации — Сараи же, а вовсе не какой-то другой плодовитой женщине, надлежало оказаться ее матерью. Как и сам единый бог, новая нация должна была походить на то, что существовало до нее — но в то же время быть совершенно другой. Бог Книги Бытия был связан с природой, но находился вне природы и не управлялся ею. Новый народ должен был отличаться от окружающих людей, потому что был создан благодаря обещанию единого бога. Это обещание было дано Авраму и Сараи, а не одному Авраму.

Любой вклад Десятой династии со стороны фараона или египетской служанки (Агарь — египетское имя, которое означает что-то вроде «иммигрант»; эта женщина была одной из служанок, подаренных Авраму перепуганным фараоном) приветствовался не больше, чем единый бог приветствовал бы Энлиля или Иштар, бросившихся ему на помощь. Именно после эпизода с Агарью бог повторяет свою просьбу к Авраму и переименовывает его в Авраама (Abraham), демонстрируя свое священное покровительство этому человеку и его потомкам.

Вскоре Авраам встретил царя «с бегающими глазами». На этот раз царь правил Гераром — городом, расположенным к югу от Хеврона, в местности между Ханааном и Египтом, называемой Негев. И снова, боясь быть просто выселенным, Авраам настоял, чтобы Сара назвалась его сестрой, и снова Сару взяли в царский гарем.

В результате все женщины этого дома стали бесплодными, пока Сару не вернули (и царь, Абимелех, не был «отстранен от прикосновения к ней» — а это предполагает, что женщины были не единственными, кто временно лишился возможности исполнения естественных функций). И снова рассказ касается расовой идентичности народа, который обещал создать бог.

Книга Бытия была написана по любым расчетам много лет спустя после событий, которые она описывает, нарочито анахроничным стилем повествования. Библейские рассказы всегда используют имена, которые были бы знакомы современным читателям, а не те, которыми пользовались в историческом прошлом: «Ур халдеев» — один такой пример использования, так как земля в верховье Персидского залива ранее, до правления Ашшурнаси-рапала II Ассирийского (884/883–859 годы до н. э.), не была известна как земля «халдеев».[75] Авраам имел дело с «амореями»; Абимелех, царь Герара, назван филистимлянином. Эти имена принадлежат куда более поздним политическим образованиям, которые выделились, когда западно-семитские племена обратили внимание на эту территорию и начали сражаться за нее.

И все-таки, даже если имена в тексте умышленно анахроничны, события самого рассказа показывают ясное понимание различия не только между кровью Авраама и египтян, но также между народом Авраама и народом Абимелеха. Впервые стало возможным говорить о западных семитах как о принадлежащих к другому этносу.

В Шумере с древнейших времен не существовало определения его населения как «шумеры». Они были горожанами Ура, горожанами Лагаша, горожанами Урука, и первоначально все они поклонялись различным божествам, зная о существовании и других. Подъем Аккадской империи Саргона с четкой дифференциацией между шумерами и аккадцами запустил новые изменения: два народа в одних политических границах с общим определением («подданные Саргона»). Но тем не менее это не изменило базисного различия. Налеты кутиев еще больше прояснили это: два различных народа могли иметь одно определение цивилизованные, что по контрасту объединяло их и отделяло от третьего.

Теперь Авраам, двигаясь на запад и говоря на языке, так похожем на язык западных семитов, что он мог без труда общаться с ними, оказался отделен от окружающей среды уже более изощренным образом. Он не похож на Абимелеха, другого западного семита, потому что он избранный.

Когда обещание бога наконец-то было выполнено, и родился Исаак, новый народ был создан и получил физическое отличие: бог приказывает Аврааму сделать обрезание своим

сыновьям, себе и членам своей семьи, как знак их обособленности. По-видимому, этот знак должен был в решающий момент напоминать им, что они не должны смешивать свою кровь с кровью других народов. Позднее, когда Авраам захотел найти жену своему сыну, он не позволил Исааку жениться на любой девушке из живущих вокруг западных семитов. Вместо этого он посылает своего слугу назад, на северо-запад Месопотамии, чтобы привести кровную родню — его внучатую племянницу Ребекку, от тех родственников, которые остались в Харане.

Из старого этноса возник новый.

Сын Агари тоже был другим.

С разрешения Авраама Сара отослала прочь беременную Агарь. Та вышла на дорогу, которая вела из Хеврона, мимо Бе-ершебы на юг, к Египту. Она шла домой.

Но сыну Авраама не суждено было снова оказаться поглощенным хаосом Египта Первого Переходного периода. Агарь, согласно Книге Бытия, 16, неожиданно встретила на дороге посланца бога, и ей тоже было дано обещание. Как зеркальное отображение обещания, данного Саре, ребенок Агари также должен был превратиться в народ — такой многочисленный, что его невозможно будет сосчитать.

Тогда Агарь вернулась в дом Авраама, и родившийся ребенок, названный Измаилом, вырос в доме своего отца. От него традиционно ведут свой род арабы. По Корану (написанному много позже описываемых событий, даже позже чем Книга Бытия) Авраам (Ибрагим в арабском написании) был первым почитателем Аллаха, единого бога, а не звезд, Луны или солнца. Став взрослым, Измаил ушел с Ибрагимом в Аравию, в город Мекку на юго-западном конце полуострова, и вместе они построили Каабу, первый дом для почитания Аллаха. К этому дому Коран приказывает поворачиваться всем последователям Аллаха — «Людям Книги»: «Где бы вы ни находились, поверни-тесь лицом в этом направлении... Откуда бы вы ни отправились, поверните лицо в направлении Священной мечети: где бы вы ни оказались, поверните свое лицо туда».{0

А в новой шумерской империи, которую покинула семья Фарры, беспокойство прежних дней подходило к концу.

Шульги, который унаследовал трон Ура, от отца, амбициозного Ур-Намму, первую часть своего правления просто оценивал ситуацию. После двадцати лет на троне — как оказалось, меньше половины срока его правления, — Шульги начал реорганизовывать свои владения.[11] Эта реорганизация включала определенное количество завоеваний; Шульги провел кампанию на севере, дойдя до маленьких городков Ашшур и Ниневея, а затем повернул назад через пограничный Тигр в земли эламитов, вернув назад Сузы. Он никогда не продвигался на север до высокогорий Элама, где эламские цари из долголетней династии Симаш сохраняли свой суверенитет. Но там, где заканчивалась битва, он начинал переговоры. Шульги заключал договоры и соглашения с десятками мелких принцев и военачальников, выдал трех своих дочерей замуж за правителей территорий, которые лежали в землях эламитов. Он разделил свою растущую территорию на ряд провинций с управляющими, которые регулярно делали ему доклады.

Это была империя, управляемая законом и договором, связанная правилами, которые его люди должны были соблюдать. Они были послушны не только потому, что Шульги имел солдат, которые поддерживали его требования, но и из-за того, что он был выбран богами, отобран божеством по особому расположению:

Мать Нинту воспитала тебя,
Голову поднял тебе Энлиль,
Богиня Нинлиль любила тебя...

Шульги, щрь славного Ура.

В особенности он любил богиню Инанну, которая была расположена к нему частично благодаря его сексуальной удали:

Он сдержанность моих объятий разорвал ...
В постели говорил приятные слова...
Поэтому удачную ему я подарю судьбу.[12]

Он также любил бога-луну Нанну. В благодарность за его божественное покровительство Шульги построил самый большой зиккурат в У ре, новошумерский эквивалент Великой пирамиды — огромное строение, олицетворявшее эту эпоху, называли шумерским «Домом, чье основание скрыто в страхе».[13] В своей попытке править добродетельно, как требовали боги, Шульги создал новый свод законов. Они фрагментарны, но эти законы приобрели известность, так как стали первым в истории записанным кодом, предписывающим наказание за обиды.[14]

Пока в У ре правил Шульги, Авраам боролся за безопасное существование своей семьи. То были трудные времена для выживания в Ханаане. Как раз в этот период только стены Иерихона разрушались и восстанавливались семнадцать раз.[15]

Авраам стал отцом не одному, а двум народам; оба его сына были отмечены знаком договоренности, обрядовым удалением крайней плоти, что создавало физическое отличие между ними и остальными семитами, которые бились за суровые земли между берегом Средиземного моря и рекой Иордан.[76] Но это отличие не давало им преимущества в борьбе за территорию. Когда Сара умерла — почти через тридцать лет после рождения Исаака, новый клан все еще имел так мало земли, что Авраам, чтобы похоронить жену, вынужден был купить пещеру у жившего поблизости западного семита.

Сравнительная хронология к главе 17

Египет	Месопотамия
Четвертая династия (2613–2498 годы до н. э.)	III древняя династия (2600–2350 годы до н. э.)
Снефру	
Хуфу	Лугуланнемунду (ок. 2500 года до н. э.)
Хафре	Месилим
Менкауре	
Пятая династия (2498–2345 годы до н. э.)	Лугалзаггеси Урукагина(Умма) (Лагаш)
Шестая династия (2345–2184 годы до н. э.)	Аккадский период (2334–2100 годы до н. э.)
	Саргон
	Римуш
	Вторжение кутиев
Первый Переходный Период (2181–2040 годы до н. э.)	

Седьмая и Восьмая династии (2181–2160 годы до н. э.) Девятая и десятая династии (2160–2040 годы до н. э.) Падение Агаде (около 2150 года до н. э.) Третья династия Ура (2112–2004 годы до н. э.) Ур-Намму ШульгиАвраам идет в Ханаан

Глава восемнадцатая
Первое несчастье в среде обитания

В Шумере, между 2037 и 2004 годами до н. э. Третья династия Ура побеждена вторжением, восстанием и голодом

В новошумерской империи, управляемой Третьей династией Ура, власть закона и порядка была впечатляющей, но просуществовала она недолго.

После чрезвычайно долгого и успешного сорокасемилетнего правления Шульги передал трон своему сыну, который к тому времени сам был уже далеко не молод; после его краткого восьмилетнего правления трон, в свою очередь, унаследовал внук Шульги — Шу-Син. Но при четвертом поколении Третьей династии Ура империя начала распадаться.

Правление Шу-Сина лицом к лицу столкнулось с угрозой, которая возникла уже давно и постоянно усиливалась: то были амореи — западные семиты, кочевники, которые теперь обитали вдоль западной границы, между Ханааном и границами новошумерского царства. Шумеры называли их «Марту» (от «Амурру») и были обречены так или иначе столкнуться с ними в соперничестве из-за ресурса, которого постоянно становилось все меньше и меньше — плодородных земель.

К этому времени уже несколько веков — может быть, тысячелетие — города на равнине благодаря системам ирригации выращивали достаточно пшеницы, чтобы поддерживать массу неземледельческого населения и сложную систему бюрократии: от рек были проведены каналы в специальные водохранилища так, чтобы поднимающаяся вода заливалась в накопительные резервуары, откуда в более сухие месяцы по каналам направлялась на поля.

Но воды Тигра и Евфрата, хотя и достаточно чистые, чтобы их можно было пить, были слегка солоноваты. Оставаясь в резервуарах, вода понемногу испарялась, то есть остаток ее становился еще более соленым. Затем ее направляли на поля под палящим солнцем. Большая часть воды впитывалась в землю, но какая-то ее часть вновь испарялась, оставляя на земле соль — дополнительно к той, что попала туда раньше.

Этот процесс, называемый засаливанием, со временем приводил к такой концентрации соли на поверхности земли, что урожай стал гибнуть.[77] Пшеница же была особенно чувствительна к солености земли. Предания шумерских городов сообщают, что за период времени до 2000 года до н. э. происходил нарастающий переход от пшеницы к ячменю, который более устойчив к соли. Но со временем даже ячмень стал отказываться расти в засоленной почве. Зерна теперь производилось недостаточно. То же самое происходило и с мясом, так как стало не только меньше зерна для людей — его стало меньше и для животных, которых приходилось уводить все дальше и дальше от города в поисках травы.

Как раз во время правления Шу-Сина шумерские писцы отмечают, что земля на некоторых полях «побелела».[1] Даже некоторые шумерские пословицы показывают, что проблема повышения количества соли тревожила умы селян; в сборнике того времени есть вопрос: «Если малый не знает, как сеять ячмень, как может он посеять пшеницу?» Другая пословица отмечает, что только «мужской» (то есть мощный) подъем реки способен вымыть соль из почвы.[2]

Сельское население Шумера не было настолько невежественным в основах сельского

хозяйства, чтобы не понимать сути проблемы. Но единственным решением было не сажать зерновые каждый второй год, что на практике называлось «пахота под траву». Трава с длинными корнями спускала воды вглубь и позволяла им смывать соль ниже пахотного слоя.[3] Но чем бы питались в шумерских городах в непахотные годы? И на кого можно было взвалить все более тяжелое налоговое бремя, превратившееся в жизненную необходимость из-за обширной и сильно структурированной бюрократии, созданной Шульги и сохраненной его наследниками?

При отсутствии севооборота поля засаливались настолько, что их приходилось оставлять вообще — может быть, лет на пятьдесят, чтобы позволить почвам восстановиться. И амореи тоже вторгались на плодородные шумерские поля не ради простого грабежа — для них это тоже был вопрос жизни и смерти. Месопотамская равнина не имела неограниченного количества пахотных земель: то, что антропологи называют «пригодными сельскохозяйственными угодьями», четко ограничивалось окружающими их горами и пустынями.[78]

Растущая нехватка зерна сделала шумерское население более голодным, менее здоровым, более неспокойным и менее способным защищать себя. Из-за снижения сбора налогов администрация Третьей династии Ура не могла платить жалование своим солдатам. Вторгающихся амореев нелегко было выдворить.

В первые три года своего правления Шу-Син понемногу утратил большую часть своих земель. К четвертому году он был уже настолько доведен до отчаяния, что попытался применить совершенно новую стратегию, не использовавшуюся никогда ранее: в безумной попытке удержать амореев он приказал выстроить через равнину от Тигра до Евфрата огромную стену в 170 миль длиной.

В конечном итоге стена оказалась бесполезной. Сын Шу-Сина, Ибби-Син, вскоре прекратил даже попытки защищать поля за стеной. Бедность, беспорядки и вторжения привели к потере значительных территорий его царства, отпадавших не только из-за набегов амореев, но также из-за недовольства его собственного голодного народа. На второй год правления Иб-би-Сина восстал город Эшнунна на севере оставшейся у него империи, отказавшись платить дань, — и у Ибби-Сина не нашлось солдат, чтобы вернуть город назад, под свою власть. Еще через год эламитский царь Аншана — правитель территории, которая теоретически была свободна от шумерского владычества, но пятьдесят лет назад заключила с Шульги союз через женитьбу — расторг полувековой договор и выдворил шумеров из Суз. Спустя еще два года получила независимость Умма; тремя годами позже, на восьмой год правления Ибби-Сина, отказался признавать его власть важный город Ниппур.

Но худшее было впереди. Так как его власть постепенно слабела, Ибби-Син давал все больше и больше власти своим военачальникам. На десятом году его правления один из них, человек семитского происхождения по имени Ишби-Эрра, сыграл свою партию и захватил власть.

Ур страдал от голода из-за засоленных полей и отсутствия зерна и мяса; Ибби-Син послал Ишби-Эрру, своего доверенного командира, на север, в города Исин и Казаллу, чтобы привезти оттуда продовольствие. Несколько сохранившихся на глиняных табличках писем раскрывают стратегию Ишби-Эр-ры. Во-первых, тот сообщил своему царю, что если Ишби-Син отправит больше лодок вверх по реке и даст Ишби-Эрре больше прав, тогда он сможет привезти зерно; в противном случае он просто собирается остаться с ним в Исине.

«Я истратил двадцать талантов серебра на зерно, и я тут, в Исине, с ним. Однако теперь я получил сообщение, что Марту вторглись в центральные земли между нами Я не могу попасть назад к вам с этим зерном, если вы не вышлите мне шестьсот лодок и не поставите меня во главе обоих городов, Исина и Ниппура. Если вы сделаете это, я смогу доставить вам

довольно зерна на пятнадцать лет».[4]

Это было неприкрытое вымогательство, что стало ясно Иб-би-Сину, когда правитель Казаллу также написал ему, жалуясь, что под предлогом сбора зерна для царя Ишби-Эрра захватил Ниппур, ворвался в пару близлежащих городов, утвердил свою власть еще над несколькими и теперь угрожает самому Казаллу. «Пусть мой царь знает, что у меня нет союзника, — патетически жаловался правитель, — никто не стоит на моей стороне».

Ибби-Син был бессилен сделать что-либо против Ишби-Эрры, который распоряжался солдатами и большей частью продовольствия. В его ответном письме правителю Казаллу звучит отчаяние:

«Я дал тебе войска и предоставил их в твое распоряжение. Ты правитель Казаллу. Поэтому как же случилось, что ты не знаешь, что задумал Ишби-Эрра? Почему ты... не выступил против него? Теперь Ишби-Эрра может объявить себя царем. А он даже не шумер. Шумер попран и опозорен перед ликом богов, и все города, находившиеся под твоей ответственностью, сразу перешли на сторону Ишби-Эрры. Наша единственная надежда на то, что Марту захватят его».[5]

Но амореи не захватили Ишби-Эрру, и — как вскоре узнал Ибби-Син — отложившийся военачальник объявил себя первым царем «Династии Исин» со столицей в Исине, а северные земли, принадлежавшие когда-то Уру — своей территорией. Династия Исин устояла от натиска амореев и правила северной частью равнины двести лет. Тем временем под властью Ибби-Сина осталось лишь самое сердце его распавшейся империи — сам У р.

В этот момент и напали стервятники. В 2004 году до н. э. произошло вторжение эламитов — теперь объединившихся в одно, свободное от шумеров царство под управлением царя по имени Киндатту. Эламиты взяли реванш за десятилетия господства шумеров. Они переправились через Тигр, разрушили стены Ура, сожгли дворец, сравняли с землей священные места и привели шумерскую эру к окончательному и бесповоротному концу.

"ВЕРХНЕЕ МОРЕ"
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Евфрат
Тигр
Направление вторжения аморитов
Мари
Стена Шу-Сина
Казаллу
Эшнунна
Горы Загрос
Аван
Киш
Сузы
Ниппур
Адаб
Исин
Умма
Лагаш
Урук
Ур
АНШАН
ПЕРСИДСКИЙ ЗАЛИВ

Распад Шумера

Урожай на полях, которые не стали еще бесплодными от соли, был сожжен, а Ибби-Сина доставили как пленника в Аншан.

Более поздние поэмы стенали по поводу падения Ура — ведь это была смерть не только города, но и всей культуры:

Свалены трупы у гордых городских ворот, на улицах, где проходили празднества, катаются головы, там, где устраивались танцы, кучи тел громоздятся... От берега до берега забита река поверженными, проточная вода не пробивается через город, равнина, заросшая раньше травой, трещит, как печь для обжига.[6]

Падение Ура продемонстрировало не просто слабость Иб-би-Сина, а нечто более угрожающее: бессилие лунного бога Нанны и других божеств, покровителей павших городов. Бессилие богов, которые не смогли защитить свое.

Отец Нанна,
рыдают твои сыновья,
и весь твой город рыдает, как заблудившееся дитя,
твой дом тянет к тебе свои руки,
он вопрошает: «Где ты?»
Надолго ли город ты свой оставил?[7]

Аврам и Фарра ушли из Ура и перестали поклоняться богу-луне, опасаясь, что он не сможет защитить их. В конце концов он не смог защитить даже собственный храм. Старые природные боги потеряли свою силу, как и поля Ура.

Век шумеров окончательно закончился. Семиты, аккадцы и амореи властвовали теперь на равнине, которая никогда уже больше не была такой плодородной, как в дни самых первых царей, когда прохладные воды бежали по зеленым полям.[79]

Сравнительная хронология к главе 18

Египет Месопотамия Пятая династия (2498–2345 годы до н. э.) Лугалзаггеси (Умма) и Урукагина(Лагаш) Шестая династия (2345–2184 годы до н. э.) Аккадский период (2334–2100 годы до н. э.) Саргон Римуш Вторжение кутиев Первый Переходный период (2181–2040 годы до н. э.) Седьмая и восьмая династии (2181–2160 годы до н. э.) Девятая и десятая династии (2160–2040 годы до н. э.) Падение Агаде (ок. 2150 года до н. э.) Третья династия Ура (2112–2004 годы до н. э.) Ур-Намму Шульги (Аврам отправляется в Ханаан) Падение Ура (2004 год до н. э.)

Часть третья
БОРЬБА

Глава девятнадцатая
Битва за объединение

Между 2181 и 1782 годами до н. э., Ментухетеп I снова объединяет разорванный Египет, и начинается Среднее Царство

В течение полутора веков Египтом не правил фараон, достойный сохранения его имени.

Авраам прибыл в страну примерно во время правления Девятой или Десятой династии — двух царских семейств, эпоха которых, скорее всего, не имела четкого рубежа. По Мането Девятая династия была основана фараоном по имени Ахтой, который правил всем Египтом из Гераклеополя далеко на юге. Ахтой, сообщает он нам, был самым жестоким правителем, какого когда-либо видел Египет; он «делал больно всему населению Египта»}

Этот царь, появляющийся в описаниях как Ахтой I, на самом деле был правителем провинции с центром в Гераклеополе; вероятнее всего, корни его жестокости происходят из его вооруженной попытки захватить весь Египет. Почти сразу после смерти Ахтоя (Мането говорит, что он сошел с ума и был сожран крокодилом, что представлялось знаком священной мести), другой «фараон» появился еще дальше к югу. Его звали Интеф, и он объявил себя правителем всего Египта с центром в Фивах.

Мането говорит, что за Девятой династией Ахтоя последовала Десятая, а затем очень быстро — Одиннадцатая. В действительности же случилось так, что Девятая и Десятая, а также Одиннадцатая династии правили почти одновременно. «Править» в данном случае —слишком приличное слово; непокорные военачальники сражались друг с другом за право установить номинальный контроль над Египтом, а остальные правители провинций продолжали поступать, как им заблагорассудится. Хвастливая запись Анхтифи, одного из таких правителей-номархов (территории, управлявшиеся номархами, были известны как номы) показывает полное равнодушие к царским претензиям в Гераклеополе и Фивах.

«[Я] надзиратель над жрецами, надзиратель над пустынными землями, надзиратель над купцами, великий повелитель номов. Я начало и вершина мужчины... Я подавил страхи моих предшественников... Весь Верхний Египет умирал от голода, люди ели своих детей, но я никому не позволил умереть от голода в своем номе... Я не позволил никому испытать желание уйти из этого нома в другой, я ни с кем не сравнимый герой». [2]

По крайней мере, в своих собственных глазах Анхтифи был равен любому фараону.

Аккуратное построение Мането наследственных династий определяется его намерением уложить хаос в рамки системы династических наследований. Даже спустя пятнадцать сотен лет после этих событий Мането не может до конца признать, что авторитет Гора на земле исчез полностью. В этом он не одинок. Сохранившиеся надписи того периода показывают, что египетские писцы или игнорируют реальность распада их царств (другой древний царский список делает вид, что Девятой и Десятой династий никогда не существовало, и отчасти перескакивает через Одиннадцатую),[3] или пытаются играть терминами. Египет впал в анархию? Нет, просто временно возвратилась старая вражда Севера и Юга. В этом противостоянии не было ничего нового, и в прошлом именно фараон всегда поднимался на объединение страны в единое целое.

Итак, мы имеем Интефа I, фиванского претендента, объявившего себя «Царем Верхнего и Нижнего Египта» в надписи, сделанной им самим.[4] Это явное преувеличение, потому что он совершенно точно не был царем Нижнего Египта — и наверняка не контролировал весь Верхний Египет. Тем не менее он претендовал на традиционную власть фараонов. Солдаты Интефа не единожды сражались с войсками владык Гераклеополя, повторяя старые сражения между севером и югом. Тем временем в конфликт вступили другие соперничающие номархи, а западные семиты вторглись в Дельту — и великое прошлое Египта отступило еще дальше. *«Войска бьются с войсками,* — говорит запись того периода. — *Египет сражается на кладбище, разрушая гробницы в мстительном стремлении разрушать*».[5]

Затем, на полпути от Одиннадцатой династии, на трон Фив садится Ментухетеп I.

Ментухетеп, который был назван в честь фиванского бога войны, провел первые двадцать лет своего правления, пробиваясь с боями на север в Нижний Египет. В отличие от Нармера и Хасехемуи до него, на своем пути ему приходилось вести кампанию не только против солдат северного царства, но также против прочих номархов. Одна из его первых крупных побед была одержана в битве с правителем Абидоса; жестокость завоевания видна из одного массового захоронения, содержащего шестьдесят солдат, и все они были убиты в одном бою.[6]

Постепенно солдаты правителя Десятой династии отступали. Когда Ментухетеп дошел до Гераклеополя, царь Десятой династии, который правил там, умер. Претенденты на наследование предоставили оборону самой себе, и Ментухетеп с легкостью вошел в город.

Теперь он владел и Фивами, и Гераклеополем, но Египет был далеко еще не объединен. Номархи не склонны были отдавать власть, которой обладали так долго; сражения с провинциями продолжались много лет. Портреты египетских царских чиновников этого времени изображают их чаще с оружием, чем с папирусом или другими конторскими принадлежностями, предполагая, что административная деятельность той эпохи была неразрывно связана с военной.[7]

К тридцать девятому году своего правления Ментухетеп наконец-то смог изменить написание своего имени. Неудивительно, что его новое имя под покровительством Гора звучало как «Объединитель двух земель». В действительности его сорокалетняя борьба за власть не имела ничего общего с враждой Севера и Юга, но традиционный образ гражданской войны давал ему гораздо лучшую возможность предстать великим фараоном, который снова спас Египет.

Его усилия оказались успешными. Вскоре его имя начинает появляться в надписях рядом с именем самого Нармера. Его восхваляют, называя вторым Нармером, равным легендарному царю, который первым собрал воедино Верхний и Нижний Египет.

Правление Ментухетепа стало концом Первого Переходного периода и началом Среднего Царства — следующего периода усиления Египта. По данным Мането, этот фараон правил сорок лет.

Хотя надписи гробницы указывают как минимум пять различных женщин, бывших его женами, ни одна из задписей, датированных временем его правления, не упоминает сына.[8] Следующие два царя не имели ни с ним, ни друг с другом кровного родства, а третий вообще был не царского рода: Аменемхет I служил у Ментухетепа III визирем. Похоже, что идея священности царской линии, если и чтилась в теории, то ушла из практики.

Аменемхет I — первый царь Двенадцатой династии. Южанин по рождению (согласно надписям его мать была из Элефантины, отдаленной местности в Верхнем Египте), Аменемхет сразу же поставил себя в ряд великих объединителей, основав для себя совершенно новую столицу — точно так же, как сделал Нармер, чтобы отпраздновать сохранение страны. Он

назвал этот новый город в двадцати милях южнее Мемфиса «Владетелем двух земель» (Ити-Тауи).[9] Город должен был служить ему точкой балансирования между севером и югом. Мемфис, все еще остававшийся центром поклонения египетскому пантеону и родным домом для самых священных египетских храмов, не был больше местом, которое считал своим домом фараон.

Аменемхет также поручил писцам написать «пророчество» о нем; этот документ начал циркулировать в Египте почти с самого начала его правления. Это «Пророчество Неферти», отсылающее ко времени правления Снефру пятьюстами годами ранее, начинается с обеспокоенности царя Снефру по поводу вероятности падения Египта при вторжении дикарей с востока — явный пример тревоги, перенесенной на гораздо более ранние времена, так как эта возможность, вероятнее всего, просто не могла прийти в голову Снефру. К счастью, сага Снефру имеет счастливое предсказание:

> Царь с юга придет...
> Он Белую корону возьмет,
> И Красную корону наденет ...
> Склонятся азиаты пред мечом его,
> Мятежники — пред гневом, предатели — перед могуществом...
> [Он] выстроит Стену Правителя, она
> Оградит от азиатов Египет на взлете.[10]

Затем Аменемхет продолжил выполнять пророчество. С помощью сына Сенусерта он организовал поход против «обитателей пустыни», которые просачивались в Дельту. [11] Он также построил в восточной части Дельты укрепление, чтобы оградиться от других захватчиков и назвал его, что неудивительно, Стеной Правителя.

К концу своего правления Аменемхет стал достаточно могущественным, чтобы построить себе пирамиду возле нового города Ити-Тауи. Это была лишь маленькая пирамида — но она символизировала возврат старого порядка. Аменемхет, должно быть, ощущал себя таким же, его великие предшественники — Нармер, Хуфу и Хафре. Могущество фараона снова оказалось на подъеме.

А затем Аменемхета убили.

Сенусерт I вскоре после этого события записал рассказ об убийстве своего отца от его имени.

«Я проснулся, чтобы сражаться, — говорит мертвый Аменемхет, — *и увиделу что это нападает стража. Если бы я быстро схватил в руки оружие, я бы заставил негодяев бежать... Но ночью невозможно сражаться, и никто не может биться в одиночку... я был повержен, когда был без тебя, мой сын».*[12]

Некоторые дополнительные детали содержатся в написанном немного позднее рассказе «Легенда о Синухе». По этому рассказу Сенусерт участвовал в кампании на юге, в «земле ливийцев», в пустыне западнее Нила, там, где жители пустыни без конца тревожили границы Египта. Услышав новость об убийстве отца, Сенусерт оставил армию и полетел, как сокол, назад, на север, в Ити-Тауи, проделав долгий и трудный путь. Когда наследник был уже близко, придворный Синухе сбежал из дворца в азиатские земли, так как был уверен, что его заподозрят в участии в преступлении.

Убежать в Ханаан для любого египтянина было актом по-настоящему безумной отваги. Синухе совершил трудное путешествие: ему пришлось проскользнуть мимо форта Стены

Правителя («*Язалег в кустах из страха, что стражники с форта... могут увидеть меня*») и в течение тридцати дней пересекать пески пустыни. Наконец он достиг Ханаана, который он называет «Яа», и обнаружил там землю, текущую молоком и медом. *«Там были фиги,* — восхищается он, — *и вино; вина было большеу чем воды, обильна та земля медом, сочится маслом».*

Много позже Синухе вернется в родную землю, где будет прощен Сенусертом, который занял место своего отца и сделал Египет и сильнее, и богаче. Однако какое бы хорошее мнение ни сложил слушатель о земле ханаанской, Синухе подчеркивает, что до того, как он снова влился в привычное египетское общество, ему пришлось за годы, проведенные среди чужаков, приспособиться к другой цивилизации; это был долгий процесс, коснувшийся даже бритья, так как жизнь изгнанника среди восточных семитов заставляла его оставаться бородатым.

Сам Сенусерт, отомстив за смерть своего отца казнью стражников, начал свое правление, которое оказалось успешным. За несколько лет до смерти он сделал своего сына соправителем — эта практика стала стандартной для фараонов Двенадцатой династии. Соправительство делало замену одного фараона на другого более легкой и мирной. Оно также было своего рода уступкой традиции; совместное правление соответствовало старой идее возрождения царя после смерти в своем сыне. Но к этому времени фараон был уже куда меньше богом, нежели человеком. Изменение это отражается в статуях царей Двенадцатой династии, которые являются портретами реальных людей и совсем не похожи на неподвижные божественные лица правителей Четвертой династии.

Преемственность сохранялась; Египет пребывал в относительном мире, снова был объединен и почти походил на процветавшее ранее государство. За сыном Сенусерта последовал его внук, Сенусерт III, который запомнился своим огромным ростом (судя по всему, более шести с половиной футов) и своими узнаваемыми статуями, которые изображают его с морщинистым лицом, широко поставленными глазами, с тяжелыми веками и ушами, отставленными от черепа достаточно далеко, чтобы удерживать ими волосы. Он возвел больше фортов в Нубии, чем любой другой фараон — согласно его собственным записям, не менее тринадцати. Эти крепости были огромными, как средневековые замки, с башнями, валами и рвами. Одна из самых крупных — крепость в Бухене, возле Второго порога — имела стены из глиняного кирпича шириной тринадцать футов, пять высоких башен и массивные центральные ворота с двойными дверями и опускающимся через защитный ров мостом. Внутри крепости было достаточно места для целого города, улиц и храма.[13]

Египтяне, которые жили в Бухене, не спали вне крепостных стен, где их могли найти нубийцы. Во время жестоких кампаний Сенусерта египтяне убивали нубийских мужчин, увозили женщин и детей на север как рабов, поджигали факелами поля и разрушали стены. Нубийцы же слишком ненавидели египтян, чтобы жить с ними бок о бок.

Столь жестокие методы египтян на время позволили им подавить всякое сопротивление в беспокойных провинциях. Ко времени, когда Сенусерт III передал Египет своему сыну, на всех землях царства царил мир. Египтяне снова начали торговлю кедром с Библом. Синайские шахты работали на полную мощность, а разливы Нила были самыми высокими за последние годы. Среднее Царство было на подъеме, хотя на троне находился скорее человек, чем бог.

Эфиопское нагорье
S
E
W
N
Направление течения Нила
КРАСНОЕ МОРЕ
Нил
НУБИЯ
Второй порог
Бухен
Первый порог
Элефантина
Иераконполис
Тебес
Нубт
ВЕРХНИЙ ЕГИПЕТ
Абидос
ЛИВИЯ
Гераклеополь
Ити-Тауи
Мемфис
Гелиополис
НИЖНИЙ ЕГИПЕТ
Стена Правителя
(предполож. место)
Буто
Евфрат
Киш
Тигр
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Сравнительная хронология к главе 19

Египет	Месопотамия
Первый Переходный период (2181–2040 годы до н. э.)	
Седьмая и восьмая династии (2181–2160 годы до н. э.)	Девятая и десятая династии (2160–2040 годы до н. э.) Падение Агаде (ок. 2150 года до н. э.) Среднее Царство (2040–1782 годы до н. э.)
Одиннадцатая династия (2134–1991 годы до н. э.)	Третья династия Ура (2112–2004 годы до н. э.)
Интеф I III Ур-Намму Ментухетеп 1-ИЙ	Шульги (Аврам отправляется в Ханаан) Падение Ура (2004 год до н. э.)
Двенадцатая династия (1991–1782 годы до н. э.)	Аменемхет I

Глава двадцатая
Месопотамский котел

Между 2004 и 1750 годами до н. э. цари Ларсы и Агигиура создали царства на юге и на севере. Тем временем Хаммурапи из Вавилона ждет своего шанса

Когда Египет начал свое движение к благополучию, Месопотамская равнина все еще представляла собою хаос.[80] После разграбления Ура и триумфальной доставки Ибби-Сина в Сузы эламиты заняли руины города и укрепили его стены, готовясь использовать его в качестве базы для завоевания более обширных территорий. Но они не учли вероломства и хитрости военачальника Ишби-Эрры, все еще твердо контролирующего город Исин на севере. Ишби-Эрра нуждался в Уре, чтобы осуществить свой замысел по созданию новой шумерской династии — такой же великой, как павшая династия Ура.

У него не было никаких серьезных конкурентов. После разрушения Ура большинство отдельных городов, которые когда-то находились под защитой царей Третьей династии, не смогли отстоять свои права. Существовало лишь три возможных претендента: два древних шумерских города, которые исхитрились сохранить некоторую независимость после падения Ура, и сами эламиты.

Первый из этих городов, Эшнунна, находился далеко на севере, на правом изгибе реки Тигр. Почти сразу же, как только Ибби-Син встретился с трудностями, Эшнунна использовал, преимущество своего далекого расположения от столицы и восстала. Город, безусловно, был угрозой для власти Ишби-Эрры, но он находился далеко от Исина, вдобавок пути к нему стояли амореи. С другой стороны, второй независимый город старого Шумера, Ларса, находился на юге равнины, которой домогался Ишби-Эрра. Он тоже восстал против правления Иб-би-Сина, но на власть в этой земле также претендовали амореи.

Вместо того чтобы ослаблять свои силы борьбой против Ларсы, Ишби-Эрра предпочел укреплять собственный город Исин и тренировать свою армию, готовясь к нападению на алмаз в короне Шумера — на сам город У р.

Он выжидал долго. Почти под конец своего правления — примерно лет через десять после того, как эламиты захватили Ур — он подобрался с севера, пройдя мимо Ларсы, и организовал наступление на захватчиков-эламитов. Весьма фрагментарная поэма описывает его победу над эламитами и то, как он отбил город у врага:

Подобрался тихо Ишби-Эрра к врагу,

никто не спасся от мощи его, там, на равнине Урим.
На колеснице огромной
Въехал он в город с победой,
Забрал его золото и каменья,
И полетела новость... [к] царю Элама.[1]

Ишби-Эрре пришлось довольствоваться только своей короной; он так и не решился атаковать Ларсу или Эшнунну. Вскоре он умер, оставив своего сына во главе царства из четырех городов: Исин, Ниппур, Урук и У р.

Следующие пятьдесят лет Исинская династия Ишби-Эрры и аморейские правители Ларсы боролись друг с другом на юге равнины. Никто не мог взять верх.[2]

Города на севере, когда-то находившиеся под протекторатом Третьей династии Ура, начали возвращать себе независимость. Ашшур, который первым был присоединен Саргоном к владениям аккадцев во времена их экспансии, а затем к царству Ура Шульги, перестроил свои стены и начал торговать с западно-семитскими племенами у берега Средиземного моря; купцы из Ашшура даже построили собственные маленькие торговые колонии на восточном краю Малой Азии.[3] Расположенный на берегах Евфрата западнее Ашшура северный город Мари проводил такую же политику. Между Ашшуром и Мари и между двумя реками находились владения аморейских вождей, владевших в основном небольшими сельскохозяйственными угодьями. Эти царьки кочевали, ссорились и делили границы друг с другом.

Примерно около 1930 года до н. э. баланс сил на юге начал сдвигаться.

Пятый царь Ларсы, аморей по имени Гунгунум, захватил трон после смерти своего брата и стал играть в свою игру, собираясь построить собственную империю. Он занял Сузы и оставил там надпись со своим именем; он с боями дошел до Ниппура и вырвал его из-под контроля Исина; а затем он начал кампанию против Ура, гордости династии Исина. Мы имеем несколько тревожных писем из переписки об этой кампании между царем Исина, Липит-Иштаром (насколько можно судить пра-пра-правнуком Ишби-Эрры), и его военачальком, в которых они обсуждали продвижение войск. Военачальник пишет: «*Подошло войско Гунгунума в шестьсот человек; если мой господин не пошлет подкрепления, они вскоре построят кирпичные крепости; не откладывайте, господин!*» Ответ Липит-Иштара отражает то же отчаяние, которое Ибби-Син оставил в наследство Ишби-Эрре восемьдесят лет тому назад: «*Другие полководцы лучше служат своему царю, чем ты!* — пишет он. — *Почему ты не информировал меня лучше? Я послал тебе в спешке две тысячи копьеносцев, две тысячи лучников и тысячу солдат с топорами. Гони врага из его лагеря и возьми под свою защиту близлежащие города. Это срочно!*»[4]

Подкрепление прибыло слишком поздно или его было слишком мало: войска Ларсы взяли У р. Чуть позже Гунгунум объявил себя святым защитником древнего города и поручил написать поэмы, которые — несмотря на его аморейское происхождение — обещали лунному богу, что он жаждет восстановления древних обычаев: «*Ты, Нанна, любим царем Гунгунумом,* — говорит одна из них. — *Он восстановит твой город для тебя; ты вернешь себе разбросанных жителей Шумера и Аккада; в твоем У ре у древнем городе, городе великой священной силы, дом, который никогда не унижался, дай Гунгунуму много дней жизни!*»[5] Заявка на право восстанавливать чье-то наследие станет любимым приемом многих более поздних завоевателей.

Преемник Гуніунума, унаследовав Ларсу и Ур, решил добавить к своей коллекции город Ниппур. Когда царь Исина (узурпатор; наследники Ишби-Эрры потеряли свой трон после падения Ура) воспротивился этому, между двумя городами ожило их былое соперничество.

Снова Ларса и Исин развязали многолетнюю войну — на этот раз за злополучный Ниппур, в ходе борьбы сменивший владельцев не менее восьми раз. Тем временем другие города равнины — Исин, Ларса, Урук (которым теперь правил еще один аморей), Эшнунна, Ашшур, Мари — несколько лет существовали рядом друг с другом в состоянии глубокой тревоги, но сохраняя вооруженный нейтралитет.

За это время поднялся еще один новый город. Очередной лидер амореев, осев в прибрежной деревушке Вавилон, решил превратить его в свою резиденцию. Этот вождь, Суму-абум, возвел вокруг поселка стены и превратил его в город, объявив себя царем, а сыновей — наследниками. Надписи, которые он оставил после себя, славят его правление и называют его (подобно Гильгамешу древности) великим строителем своего города. Второй год его правления описывается как «Год, в который были возведены стены», а пятый — как «Год, в который был построен огромный храм Нанны».[6]

Ни один другой город не мог похвалиться столь выдающимся лидером, равным Суму-абуму. Мелкие царьки наследовали мелким царькам, не оставляя за собой никаких заметных следов. Исин пострадал от неудачной смены власти, когда его девятому царю, Эрра-имитти, местным оракулом было предсказано, что впереди его ждет несчастье. Эрра-имитти решил отвести приближающуюся катастрофу, совершив известный из более поздней ассирийской практики обряд с козлом отпущения; он назначил временным царем человека из дворцовой челяди. К концу опасного периода ложный царь должен был быть церемониально казнен. Таким образом, предзнаменование было бы выполнено, так как несчастье с царем уже произошло, а реальный царь избег беды, оставшись невредимым.

К несчастью, доносит до нас сохранившая этот случай хроника, как только слуга был временно коронован, Эрра-имитти решил съесть тарелку супа — и умер, как только отхлебнул его.[7] Трудно подавиться супом до смерти; вероятно, здесь хорошо поработал профессиональный отравитель. Раз царь умер, его назначенец отказался оставить трон и правил в течение двадцати четырех лет.

Борьба с Ларсой продолжалась все это время. В итоге Ларса, ослабленная постоянными сражениями, оказалась легкой добычей, когда эламиты частично вернули себе эти земли. Где-то около 1834 года до н. э. военачальник из северо-западного Элама развернул свою армию и напал на город через Тигр. Он взял Л ар-су, а вскоре захватил также Ур и Ниппур, отдав Ларсу своему младшему сыну Рим-Сину, чтобы тот правил от его имени.

Новоявленное владение Рим-Сина стало за время войны весьма убогим. Но Рим-Син решил вернуть городу его былое великолепие. Мы точно не знаем, как он провел первые годы своего правления, но известно, что к 1804 году, через 18 лет после того, как он унаследовал трон, три города уже обеспокоились взлетом Ларсы и объединились против общей угрозы. Царь Исина, аморейский правитель Урука и аморейский глава Вавилона выставили против Рим-Сина объединенную армию.

Рим-Син разгромил ее и двинулся к Уруку, который захватил после недолгой кампании. Цари Вавилона и Исина отступили, чтобы обдумать свой следующий шаг.

Месопотамский котел

При таком раскладе царь Эшнунны решил использовать в свою пользу хаос на юге, дабы расширить собственную территорию на север. Он переправился через Тигр, сбросил с трона аморейского правителя Ашшура и отдал город в управление своему сыну. Но прежде, чем он успел спланировать следующую кампанию, у разрушенных стен Ашшура появился другой захватчик.

Этот военачальник, человек по имени Шамши-Адад, был, вероятно, амореем, как и многие игроки на политической арене тех дней. Ассирийский Царский список (который указывает царя за царем на троне Ашшура так же, как это делает шумерский список) говорит нам, что Шамши-Адад провел несколько лет в Вавилоне, а затем отбыл оттуда и «захватил город Экал-латум» — крепость, которая располагалась севернее Ашшура, на противоположном берегу Тигра, и по-видимому, служила Аш-шуру форпостом.[8] Тут он остался на три года, очевидно, планируя дальнейшие захваты. Затем он направился к Ашшуру, сверг поставленного Эшнунной правителя и сам взошел на трон.[81]

Затем он начал строительство империи, которая станет северным отражением царства Ларсы, растущего теперь к югу под управлением Рим-Сина. Шамши-Адад назначил своего старшего сына Ишме-Дагана управлять Экаллатумом и северо-западными ашшурскими землями, а затем взял под свой контроль территорию между Тигром и Евфратом. Он прошел на запад до самого Мари, взял штурмом стены города и казнил царя Мари: один из чиновников Шамши-Адада чуть позже писал ему, запрашивая, сколько средств следует отпустить на похороны мертвого царя.

Сыновья царя также были приговорены к смерти. Спасся только один из них, самый младший — принц Зимри-Лим. Он бежал на запад, в город западных семитов Алеппо, расположенный к северу от Ханаана; немногим раньше он женился на дочери царя Алеппо и

перед лицом вторжения Шамши-Ададa укрылся у тестя. Шамши-Адад посадил своего младшего сына Ясма-Ададa на трон Мари, чтобы тот был правителем под его началом.

Шамши-Адад не только оставлял обычные записи, фиксируя свои победы, но также отправлял их копии обоим своим сыновьям. Эти письма, найденные в руинах Мари, рассказывают нам, что Шамши-Адад контролировал не только западную равнину, но также некоторые земли на восток от Тигра, вторгаясь во владения эламитов в таких удаленных местах, как горы Загрос. На севере он завоевал оба города, Арбелу и Ниневею. При Шам-ши-Ададе впервые треугольник земель между реками верхний Тигр и Нижний Заб, контролируемый тремя городами Ашшур, Арбела и Ниневея, стал Ассирией — центром новой империи.

Это стало самой крупной экспансией за время правления всех предыдущих царей Междуречья, и Шамши-Адад не медлил, укрепляя собственную значимость и заручаясь благоволением богов, которых он ублажал, благоразумно строя храмы.

«Я, Шамши-Адад, царь Вселенной, — говорит одна из надписей на новом храме, — строитель храма Ашшура, отдаю свою энергию землям между Тигром и Евфратом... Я покрыл крышу храма кедром, а на двери наложил пластины из кедра, покрытые серебром и золотом. Стены этого храма поставил на основания из серебра, золота, ляпис-лазури и дикого камня; кедровым маслом, медом и сливочным маслом смазал я стены его». [9]

Империя Шамши-Ададa находилась под его жестким контролем чиновников. *«Я поставил повсюду своих правителей, —* описывает он сам свое царство, *— и создал везде гарнизоны».*[10] Ему приходилось беспокоиться не только о возможности мятежа подданных; империи угрожали также эламиты, которые собирали войска у его восточной границы. Чиновник, наблюдавший за далекими восточными территориями Шамши-Ададa, неоднократно писал ему, предупреждая, что царь Элама держит 12 тысяч солдат наготове к маршу.[11] Но Шамши-Адад создал из своих подданных хорошо обученную армию. Его отдаленные гарнизоны были сильны, поэтому атаки эламитов удавалось сдерживать довольно долго.

А на юге Рим-Син наконец смог взять Исин, который, уже более двухсот лет являлся южным соперником Ларсы. Покончив с династией Исина, Рим-Син стал безоговорочным правителем юга — таким же, как Шамши-Адад на севере. К 1794 году до н. э. эти два человека поделили между собою почти всю Месопотамскую равнину.

В 1792 году до н. э. предводитель амореев в Вавилоне умер. Ему наследовал сын — Хаммурапи.

Согласно Вавилонскому Царскому списку Хаммурапи является пра-пра-пра-правнуком Суму-абума, того первого аморея, который построил стены вокруг Вавилона. Он мог даже быть очень далеким родственником Шамши-Ададa, так как Вавилонский список, подобно собственному списку предков Шамши-Ададa, содержит двенадцать одинаковых имен, обозначающих «царь, живущий в палатке»; в конечном итоге оба они имели общее происхождение от тех аморейских кочевников.[12]

Огромные владения Рим-Сина и Шамши-Ададa находились по обе стороны от Вавилона — как два гиганта по обе стороны от человека с рогаткой. Но центральное расположение Вавилона давало также и преимущества: город находился слишком далеко на юге от Ашшура, чтобы беспокоить Шамши-Ададa, и слишком далеко на севере от Ларсы, чтобы страшить Рим-Сина. Хаммурапи начал осторожно забирать в руки контроль над близлежащими городами центральной Месопотамии. Вскоре после его вступления на престол мы обнаруживаем, что он взял под свою руку старый шумерский город Киш и Борсир-ру к югу от Евфрата.[13]

Если Хаммурапи хотел еще расширить свои владения, он должен был смотреть или на север, или на юг. Он повернулся на юг, так как после завоевания Исина тамошние защитные

сооружения оставались разрушенными. В 1787 году до н. э., через пять лет после воцарения в Вавилоне, Хаммурапи атаковал Исин и выбил оттуда гарнизон Ларсы. Он также переправился через Тигр и захватил город Мальгиум, который располагался на самом дальнем западе земель эламитов.[14]

Но он еще не пытался атаковать сердце царства Рим-Сина. Хаммурапи пока не был готов бросить вызов северу. На девятый год своего правления он заключил формальный союз с Шамши-Ададом. Вавилонская табличка сохранила клятву, которую дали оба; запись говорит, что хотя оба были связаны договором, Хаммурапи признавал превосходство Шамши-Адада. Прежде всего, он, конечно, знал, что недостаточно силен, дабы захватить царство Ашшур. Возможно, он предвидел будущее. Через два года Шамши-Адад умер — вероятно, от старости, хотя год его рождения (как и происхождение его родителей) остается тайной.

Но даже тогда Хаммурапи не сразу двинулся на север, на ассирийскую территорию. Он дожидался удобного момента, строя каналы и возводя храмы, укрепляя города и усиливая свою армию. Он даже установил более или менее дружеские отношения с сыном Шамши-Адада, Ясма-Ададом, все еще владевшим Мари, а также с царем Эшнунны, расположенной к северу от Вавилона. Он был в довольно хороших отношениях с обоими правителями, отправляя к их дворам официальных лиц в качестве послов (и шпионов). Хаммурапи играл обеими сторонами карт: он также сделал дружеский жест в сторону Алеппо, где находился в ссылке изгнанный законный наследник трона Мари, приняв делегацию от тамошнего царя.[15]

Рим-Син не сомневался в появлении растущей угрозы в центре Месопотамии. Хаммурапи мог вести себя тихо и осторожно, но он был опасен. Рим-Син уже строил союзы. Он засылал послов к эламитам и к царю Мальгиума, что расположен восточнее Вавилона, к царю Эшнунны севернее Вавилона, даже к кутиям, которые жили севернее Элама. Так он надеялся организовать клещи, которые взяли бы Хаммурапи в капкан с севера и с юга.

Тем временем Хаммурапи выжидал в обстановке относительного мира, усиливая ядро своего царства в преддверии грядущего шторма.

Сравнительная хронология к главе 20

Египет Месопотамия Первый Переходный период (2181–2040 годы до н. э.) Седьмая и восьмая династии (2181–2160 годы до н. э.) Девятая и десятая династии (2160–2040 годы до н. э.,) Падение Агаде (ок. 2150 года до н. э.) Среднее Царство (2040–1782 годы до н. э.) Одиннадцатая династия (2134–1991 годы до н. э.) Третья династия Ура (2112–2004 годы до н. э.) Интеф MII Ур-Намму Ментухетеп 1-ІЙ Шульги Аврам отправляется в Ханаан Падение Ура (2004 год до н. э.) Двенадцатая династия (1991–1782 годы до н. э.) Аменемхет I Династия Исин. Цари амореев Ларсы (Ларса) Гунгунум (ок. 1930 года до н. э.) (Ларса) Рим-Син (1822–1763 годы до н. э.) (Ашшур) Шамши-Адад (1813–1781 годы до н. э.) (Вавилон) Хаммурапи (1792–1750 годы до н. э.)

Глава двадцать первая
Падение Ся

В долине реки Хуанхэ, в династии Хань растет продажность, она гибнет, и в 1766 году до н. э. возникает Шан

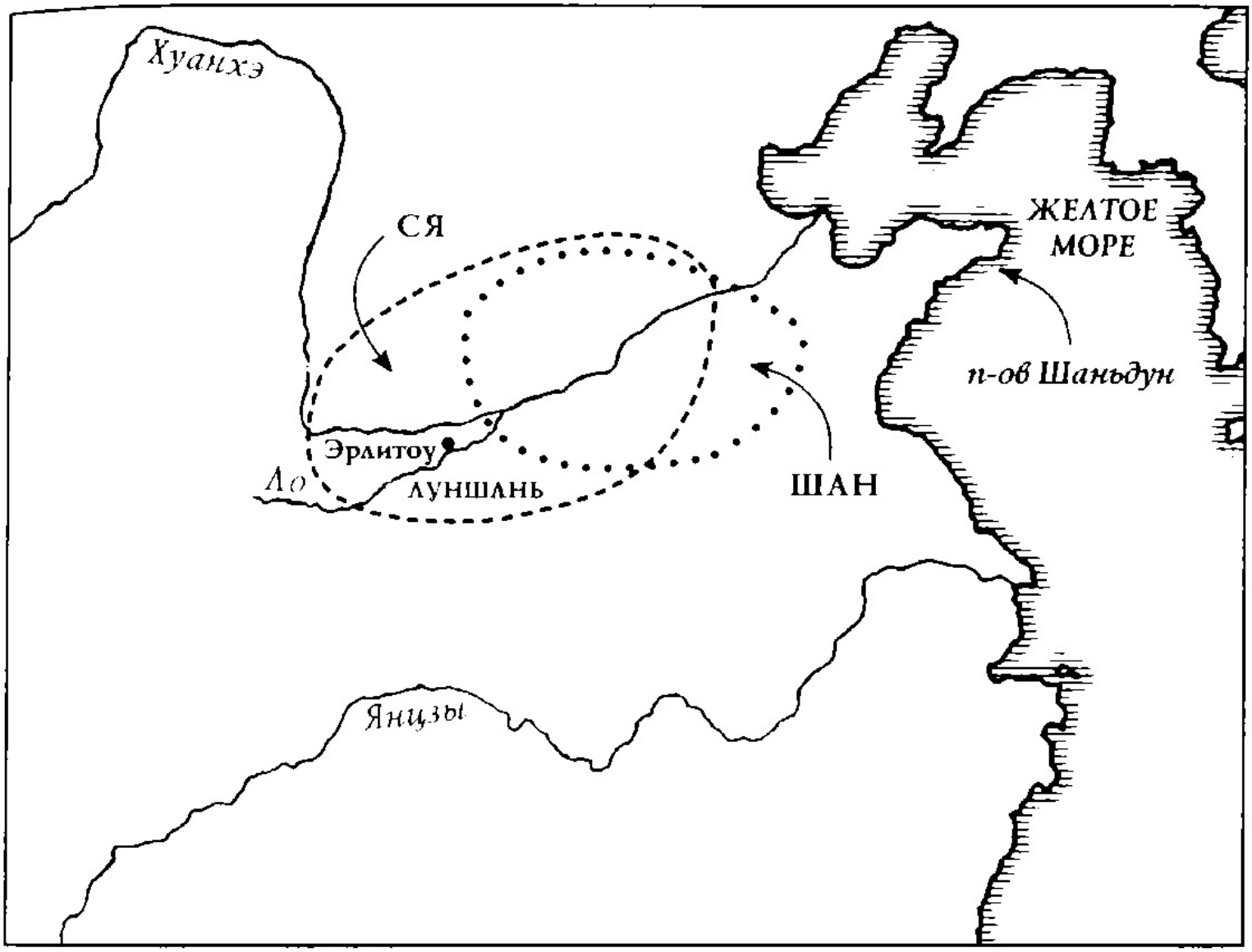
Тем временем цари Китая все еще располагались на краю мифа.[82] Согласно данным Сыма Цяня, великого китайского историка, династия Ся, основанная Юем, удерживала трон четыреста лет. Между 2205 и 1766 годами до н. э. правили семнадцать монархов рода Ся. Но хотя

археологи нашли остатки дворца Ся и сам столичный город, из этих времен у нас нет прямых свидетельств о существовании каких-либо личностей, которых описывал Сыма Цянь спустя более пятнадцати сотен лет.

Известная из устной традиции, которая довольно туманно отражает реальную последовательность правителей, история династии Ся и ее падения демонстрирует, что борьба за власть в Китае весьма отличалась от коллизий на Месопотамской равнине. В Китае не существовало вторжений варваров на территорию цивилизованного народа, не было борьбы между разными нациями. Самая жестокая борьба происходила между добродетелью царя и его слабостями. Угроза трону шла в первую очередь от его собственной природы.

Три Мудрых царя, которые правили перед династией Ся, выбирали своими наследниками не сыновей, а достойных и скромных людей. Юи, третии из этих царей, достиг такого положения благодаря своим выдающимся способностям. Сыма Цянь пишет, что он был специалистом, нанятым Мудрым царем как раз тогда, когда тому требовалось решить проблему наводнений Хуанхэ — таких сильных, что они «вздымались до неба, таких обильных, что охватывали горы и покрывали холмы»} Юй работал тринадцать лет, планируя дамбы и каналы, укрепляя берега и строя плотины, направляя наводнения Хуанхэой реки с помощью ирригационной системы в сторону от населенных пунктов, которым угрожала вода. При этом он показал себя человеком «и старательным, и неутомимым».[2] К концу его работы «мир сильно упорядочился»? Юй не защищал своих людей от внешних сил — лишь от угрозы, которая появлялась на их собственной земле.

Земли, которыми правил Юй, перекрывали земли, ранее занятые додинастической китайской культурой Луншань,[83] люди которой строили окруженные стенами деревни в южной излучине Хуанхэ. Эти деревни, судя по всему, управлялись старейшинами — главами самых сильных семей, объединенными в союз с патриархами других деревень с помощью перекрестных браков, а порой и путем силового подчинения. Рассказы о раннем периоде династии Ся повествуют о «феодальных лордах» или «великих князьях», которые поддерживают или беспокоят царей Хань; для обозначения патриархов Луншаня применяются титулы более позднего времени.[4]

Хань и Шан

Мы не знаем, где мог располагаться столичный город Юя — царя, который боролся с рекой. Но в то же время между 2200 и 1766 годами столица Ся, похоже, была построена ниже южного поворота Хуанхэ, хотя раскопки и не обнаружили здесь значительных строений, похожих на царские дворцы.[84]

Культура Эрлитоу [85], развившаяся ниже южного поворота Хуанхэ, зародилась в долине реки Ло, впадающей в Хуанхэ с юга. Земля там необыкновенно плодородна из-за большого количества осадков, а кольцо гор, окружающее долину с трех сторон, делает защиту этого района от внешних нападений столь легким, что у здешних поселений не было даже стен.[5]

Несмотря на наличие в самом городе Эрлитоу комплекса строений, претендующего на то, чтобы быть дворцом, судя по всему, старейшины поселений вдоль Хуанхэ сохраняли фактическую независимость, ведя собственную торговлю с другими деревнями и содержа свои маленькие армии.[6] Но традиционно считается, что на равнине существовал и некий род царской власти. Возможно, борьба Юя с разрушительными наводнениями была вызвана тем, что на Хуанхэ изменился режим половодий; если это так, то сложности выживания в ставшем более враждебным природном окружении могли заставить деревни согласиться с объединением под началом одного лидера.

Наследование власти началось с Юя, который сделал все от него зависящее, чтобы следовать примеру Мудрых царей. Как и они, он отверг наследование по крови, выбрав своим

преемником достойного человека и обойдя сына. К несчастью, могущественные патриархи деревень не согласились с его выбором и вместо него поддержали сына Юя — Ци; они хотели иметь наследственную династию. Этот мятежный поступок принес поселениям вдоль Хуанхэ новую эру наследования по крови.

Новация не осталась без вызова. Одна деревня, Юху, настолько упорно возражала против отказа от передачи короны от одной семьи к другой, что бойкотировала празднование коронации Ци. Тот не потерпел такого вызова и послал армию разгромить мятежников, сломить любое оказанное в Юху сопротивление и разрушить деревню, заявив, что крестьяне «понесли наказание небес» за свое неповиновение.[7] Военными мерами удалось добиться здравомыслия.

Первые годы наследования по крови не проходили гладко. После смерти Ци пять его сыновей долго соперничали за трон — здесь еще не существовало, как в государстве Ся, правил мирной передачи короны от одного поколения другому. Сын, который ухитрился победить, оправдал все страхи Юя по поводу наследственного монарха. Вместо мудрого правления он немедленно принялся кутить и вести распутный образ жизни. Тогда один из могущественных деревенский старейшин напал на царский дворец и сам занял трон. В свою очередь, он был убит одним из придворных, который объявил себя новым царем.

В отсутствие мудрого выбора царя его предшественником в стране воцарился хаос. Даже наследование по крови было лучше, чем такая цепь узурпаций. Лишь Шао Кан, пра-правнук Ци, смог случайно получить достаточную поддержку, чтобы противостоять узурпатору.

Шао Кан избежал смерти в столичном городе, спрятавшись в деревне. Теперь с группой своих сторонников он вернулся в Эрлитоу, убил захватившего трон чиновника и заявил о своем праве на царство. Династии Ся, едва зародившейся, уже требовалась помощь.

После такого трудного старта наследование в династии Ся продержалось многие века. Но китайские историки рассказывают нам, что право управлять, основанное не на качествах, а на случайности рождения, понемногу развращало тех, кто получал это право. Начался цикл, который снова и снова повторялся сквозь всю историю Китая. Первые цари династии заработали право на управление своей мудростью и добродетелью. Они передали это право сыновьям, но по мере того, как шло время, сыновья становились ленивыми. Лень вызывает упадок, упадок — разложение, а разложение ведет к падению династии. Новый человек, мудрый и могущественный, восходит на трон, поднимается новая династия, и цикл повторяется. В конце каждого цикла тиранов низвергают, и люди нравственные возвращаются к основным принципам; но они не могут долго придерживаться этих принципов. Добрая вера вырождается в безверие, благочестие — в предрассудки, изысканность — в гордыню и пустую показуху. «Год, — пишет Сыма Цянь, — это время цикла, за год он заканчивается и должен начинаться снова».

Сыма Цянь, который унаследовал должность своего отца в качестве старосты Великих писцов во II веке до н. э., мог иметь довольно предвзятое мнение о мире после того, как обидел своего императора парой нелестных замечаний об отце последнего. Ему предоставили выбор между заключением и кастрацией — он выбрал второе, чтобы иметь возможность закончить свой труд: такая преданность работе, возможно, не имела себе равных в историографии. Но его замечание относительно исторических циклов основано на долгой традиции и продолжительном наблюдении. Китайское царство идеально управлялось мудрыми правителями — но как только царь начинал вмешиваться в быт деревень вдоль Хуанхэ, за этим неизбежно следовали продажность, тирания и вооруженный конфликт.

Во время династии Ся этот конфликт достиг своего максимума в годы правления царя Цзе, который постепенно отталкивал от себя своих придворных, опустошая дворцовую сокровищницу, чтобы строить для себя дворцы. Он оттолкнул и народ, взяв себе в любовницы красивую, но не популярную в обществе женщину, жестокую и злую, и тратил свои дни,

развлекаясь и пьянствуя с ней вместо того, чтобы править страной. И он отвратил от себя старост деревень, арестовывая любого, кто мог представлять вызов его власти — он или бросал их в тюрьму, или убивал. Цзе, как подводит итог Сыма Цянь, «опирался не на достойное правительство, а на военную силу».[8]

Одним из патриархов, попавшим в тюрьму из-за произвола, был человек по имени Тан, принадлежавший к роду Шан, имевшему достаточно власти над землями восточнее Эрлитоу, чтобы представлять собою опасность. Однако немного позднее Цзе (вероятно, одурманенный вином и бессонными ночами) забыл свои первоначальные намерения. Он отпустил Тана, который немедленно начал агитацию среди вождей других поселений, которые номинально находились под управлением Ся.

По мере того, как росла непопулярность Цзе, Тан по контрасту вел нарочито добродетельную жизнь; Сыма Цянь говорит, что он «культивировал свою добродетель» (и, вероятно, активно занимался дипломатией). Он даже использовал своих людей для усмирения одного из феодальных правителей, терроризировавшего окрестные селения.

В конце концов Тан объявил о священном праве выступить против дьявола и повел своих последователей против императора.[9] Цзе бежал из столицы, ив 1766 году до н. э. (традиционная дата вступления на престол нового владыки) Тан стал первым императором династии Шан.

Цзе умер в ссылке. Считается, что его последними словами были: «Мне нужно было убить Тана, когда у меня был шанс».[10]

Воцарение императора Шан не было утверждением нового типа правления, а лишь расширением уже существующей власти на столицу в Эрлитоу. Десятилетиями семейство Шан усиливало свое влияние на восток от столицы Ся. Точно так же, как додинастическая культура Луншань распространялась поверх культуры Ян-шао, а Ся росла поверх Луншаня, так и государство Шан выросло на землях Ся. Захват всей страны Таном, получившим титул Тан-Завершитель, был, по сути, внутренним переворотом. Царство Ся боролось само с собой, и когда оно пало, то пало к ногам своего собственного народа.

Цикл начался снова. Правление Тана было моделью справедливости: он припугнул феодальных правителей возможностью наказания, если они «не будут делать для людей добрые дела». Как и его великий предшественник Юй, он тоже энергично взялся за проблему наводнений; Сыма Цянь говорит, что Тан «урегулировал» четыре самых угрожающих потока, создав новые поля и новые места для деревень. Династия Шан началась в трудах и добродетелях: это был цикл, и он должен был повториться.

Сравнительная хронология к главе 21

Месопотамия	Китай
	Династия Ся (2205–1766 годы до н. э.)
	Юй
	Ци
Падение Агаде (ок. 2150 года до н. э.)	
Третья Династия Ура (2112–2004 годы до н. э.)	
Ур-Намму	Шао Кан
Шульги (Аврам идет в Ханаан)	Падение Ура (2004 год до н. э.) Чэн-ди Династия Исин
(аморейские цари Ларсы)	(Ларса) Гунгунум (ок. 1930 года до н. э.) (Ларса) Рим-Син (1822–

1763 годы до н. э.) (Ашшур) Шамши-Адад(1813–1781 годы до н. э.) (Вавилон) Хаммурапи (1792–1750 годы до н. э.) Цзе Династия Шан (1766–1122 годы до н. э.) Тан

Глава двадцать вторая
Империя Хаммурапи

Между 1781 и 1712 годами до н. э. царь Ашшура и его союзники пали перед Хаммурапи из Вавилона, который затем создает законы, чтобы управлять своей империей

После многих лет выжидания своего часа Хаммурапи начал замечать трещины в раскинувшейся к северу от него империи.

Когда 1781 году до н. э., Шамши-Адад умер от старости в корона Ашшура перешла к Ишме-Дагану, который царствовал как соправитель своего отца на территории, состоящей из Экаллатума и завоеванной к северу от него местности. Иш-ме-Даган контролировал теперь всю империю, включая город

Мари, где его младший брат Ясма-Адад правил в качестве его наместника.

Ишме-Даган и Ясма-Адад никогда не были добрыми друзьями. Старший сын был гордостью Шамши-Адада; младший ощущал пренебрежение со стороны отца с самого начала назначения наместником Мари. В каждом письме Шамши-Адад сравнивал братьев — и всегда не в пользу Ясма-Адада.

«Твой брат одержал крупную победу на востоке», — писал Шамши-Адад младшему сыну, *— [а] ты остаешься там, среди женщин. Неужели не можешь вести себя, как мужчина? Твой брат создал себе громкое имя; ты должен сделать те же самое в своей земле.*[1]

Ясма-Адад редко мог угодить отцу; письма Шамши-Адада критиковали его за все — от неумения выбрать распорядителя своими домашними делами («Почему ты не назначил еще человека на этот пост?») до задержки с отсылкой требуемого чиновника. Постоянная критика лишла Ясма-Адада последней уверенности в себе. Мы видим, что он в отчаянии пишет отцу по поводу назначения еще одного второстепенного чиновника:

«Ты просил меня прислать Син-иддинама, чтобы помог тебе, и я сделаю, как ты велишь, — начинает он, *— но когда я это сделаю, то кто останется управлять тут? Я буду рад прислать его тебе, ибо чту своего отца. Но тогда что если ты приедешь сюда и скажешь: „Почему ты не сообщил мнеу что должен будешь оставить его пост незанятым? Почему ты не дал мне знать?" Поэтому я сообщаю тебе, дабы ты мог решить, что ты хочешь, чтобы я сделал».*[2]

Тем временем Ишме-Даган засыпал младшего брата сообщениями о своих победах.

«За восемь дней я стал хозяином города Кирхадата и взял все окружающие города. Радуйся!

Я выступил против Хатки, в один день сравнял город с землей и сделал себя хозяином его. Радуйся!

Я выстроил осадные башни и стенобитные орудия у города Хурара и взял его в семь дней. Радуйся!» [3]

Неудивительно, что Ясма-Адад ненавидел его.

После смерти Шамши-Адада Ишме-Даган написал брату, по-видимому, пытаясь улучшить их взаимоотношения. К несчастью, он унаследовал манеры и тон отца:

«Я взошел на трон в доме своего отца, и я очень занят, иначе послал бы тебе известие раньше. Теперь же я скажу — у меня нет другого брата, кроме тебя... Тебе не следует беспокоиться. Пока я жив, ты будешь оставаться на своем троне. Давай поклянемся в

братской верности друг другу. И непременно сразу же вышли мне полный отчет». [4]

Трудно теперь узнать, насколько дружественным был этот жест примирения. Нерешительный Ясма-Адад вскоре оказался перед угрозой извне: Зимри-Лим, принц Мари, которому пришлось бежать от Шамши-Адада на запад, теперь планировал вернуться. Он упрочил свое положение благодаря войску, предоставленному ему тестем, царем Алеппо. Через шесть лет после смерти Шамши-Адада Зимри-Лим был готов двинуться против Ясма-Адада.

Из Ашшура не прибыло никакого подкрепления. Ясма-Адад в одиночку противостоял осаждавшим и погиб во время одного из штурмов.

Теперь царем Мари снова стал Зимри-Лим. Имея на востоке соседями три больших и ненасытных царства (государство Ишме-Дагана с центром в Ашшуре, государство Хаммурапи в Вавилоне и Рим-Сина на юге), Зимри-Лим понимал, что Мари необходимо заключить союз с самым сильным, дабы выжить рядом с двумя другими.

Но было совершенно непонятно, кто же самый сильный. Одно из писем Зимри-Лима времен его правления говорит по этому поводу:

Нет царя у который является сильнейшим сам по себе. Десять из пятнадцати царей находятся в союзе с Хаммурапи из Вавилона, такое же количество следует за Рим-Сином из Ларсьіу и такое же число идет за царем Эшнунны.

После анализа ситуации он в итоге останавливается на Хаммурапи как на лучшем варианте.

Хаммурапи принял этот союз. Без сомнения, он был осведомлен о силах, собирающихся против него. Ишме-Даган продлил двусторонний договор с царем Эшнунны, независимого города на восток от Тигра, и со страной Элам. Это создавало угрозу, с которой приходилось считаться. Со времени падения Ура Элам был более или менее единой державой: южные его земли в разное время попадали под правление различных месопотамских царей, но северные территории всегда оставались за эламитами. Теперь новая династия Эпарти захватила контроль над всем регионом и была готова присоединиться к борьбе против Вавилона.[86]

А на юге Рим-Син, похоже, решил, что лучше присоединиться к коалиции против Хаммурапи, состоявшей из Ашшура, Эшнунны и Элама. Возможно, теперь он считал, что Хаммурапи невозможно разбить. Но также можно предположить, что он слишком устал и был слишком стар, чтобы присоединяться к борьбе так далеко на севере. Он находился на троне уже почти шестьдесят лет — дольше, чем любой другой известный нам месопотамский царь.

Ишме-Даган и цари Эшнунны и Элама выступили без него. В 1764 году до н. э., через девять лет после того, как Зимри-Лим вернулся на трон Мари, объединенная армия начала свой поход против Хаммурапи.

Хаммурапи, чья армия была усилена солдатами Зимри-Ли-ма, добился успеха в этой войне. Он захватил Ашшур и сделал его частью Вавилона; он взял Эшнунну, и хотя не прошел весь путь на восток, на эламитское высокогорье, захватил Суму и разграбил ее. Он также похитил несколько статуй эламитских богинь и официально поместил их у себя, в Вавилоне, вместе с их жрицами. Это было священным вариантом похищения жен врага и овладения ими.

Через год он выступил против Рим-Сина, которого не спас нейтралитет. Почему Рим-Син не присоединился к нему против северной коалиции? Когда Рим-Син не смог ответить на этот вопрос, Хаммурапи ирригационными методами развернул один из речных потоков прямо на густонаселенную территорию царства Рим-Сина. Вероятно, Рим-Син сдался без слишком большого сопротивления, согласившись присягнуть и, согласно его собственным записям, осушить землю где-либо в другом месте, чтобы быстро переселить крестьян, жилища и участки, которые были затоплены.

Затем Хаммурапи повернулся против собственного союзника.

Очевидно, Зимри-Лим был слишком могущественным воином и слишком сильной

личностью, чтобы Хаммурапи мог чувствовать себя комфортно, имея его за спиной. Хаммурапи не напал на своего союзника — вместо этого он потребовал права проверять и контролировать всю переписку Зимри-Лима с другими царями. Этот особый способ доминирования — право контролировать международные отношения другой страны — позднее стал широко практиковаться в политике, он означал конец настоящей независимости. Зимри-Лим понимал это и с негодованием отказался. Хаммурапи пригрозил жесткими мерами. Зимри-Лим игнорировал угрозы. Хаммурапи осадил Мари и казнил всех пленных, взятых под стенами города. Так как сопротивление продолжалось, Хаммурапи взял город штурмом, разрушил его стены, увел все население в рабство, а сам город сжег.[6]

О дальнейшей судьбе Зимри-Лима записей нет, как нет их о Шипту, его царице и его дочерях. У него было два маленьких сына, но ни один не появился снова в анналах Мари или Вавилона.

Через год после этой кампании Хаммурапи снова вернулся к Ларсе. Мы можем предположить, что Рим-Син выбрал независимость и оказал сопротивление. После шести месяцев осады Ларса пала.

На этот раз Хаммурапи не стал убивать конкурента. Рим-Син был взят в плен, его шестидесятилетнее правление завершилось. Теперь все старые шумерские города — не говоря уже о многих городах западнее и севернее старого Шумера — стали частью империи с центром в Вавилоне. «Пусть все мужчины согнутся в поклоне тебе, — записали писцы Хаммурапи. — Пусть они признают твою великую славу; пусть они принесут послушание к ногам твоей превосходящей силы»[1]

Для единой империи был создан единый закон. Хаммурапи держал в руках свои разрастающиеся благодаря завоеваниям территории частично потому, что устанавил один свод законов во всех областях страны. Единственная сохранившаяся копия этого свода была найдена много веков спустя в Сузах, ее текст вырезан на черной каменной стеле. Ясно, что эти законы декларировали справедливость (верх стелы изображает бога правосудия, передающего власть Хаммурапи) — но присутствие подобных стел в завоеванных городах демонстрировало контроль над покоренными народами. Судя по тексту на стеле, точно такие же законы соблюдались в Ниппуре, Эриду, У ре, Ларсе, Исине, Кише, Мари и других городах.

Хаммурапи не был первым законодателем — Ур-Намму обошел его в этом плане. Но законы Хаммурапи являются самыми целостными и завершенными из всех, сохранившихся с древних времен. Они охватывают удивительно широкий ряд тем: наказание за воровство (смерть), помощь в побеге рабу (смерть), воровство детей (смерть), строительство дома, который рухнул и кого-то придавил (смерть), наказание за плохое исполнение своей службы царю (смерть). Это сопровождается подробным брачным законодательством — брачный контракт требовался обязательно; муж мог получить развод от судьи, но на это же имела право и жена, муж которой опозорил ее. Существовало наказание за нанесение травмы (любой человек, который выбил глаз другому свободному человеку, терял свой собственный, но выбить глаз рабу обходилось лишь в мелкую серебряную монету), были сформулированы законы наследования (вдова может унаследовать землю, но не может продать ее; она обязана сохранить ее для своих сыновей), каралось мародерство (если человек идет бороться с пожаром в дом своего соседа и крадет его добро под прикрытием дыма, он «будет брошен в огонь»).[8]

Все эти законы и правила Хаммурапи, поддерживаемые из центра империи, были необходимы, чтобы убедить завоеванные народы в справедливости правления Вавилона. Но они также служили вожжами этого правления, с помощью которых Хаммурапи контролировал своих подданных.[9]

Жесткие нормы управления пронизывали почти все взаимоотношения Хаммурапи с его царством. Благодаря обширным завоеваниям он контролировал все речные пути от верховий Тигра и Евфрата до самого юга; кедр и ляпис-лазурь, камень, серебро и бронза — все обязано было проходить через его таможни, откуда лишь кораблям с царским пропуском позволялось продолжать путь.[10] Это не только гарантировало полную оплату всех пошлин, но также позволяло царю контролировать поток товаров, направляющийся вниз, на беспокойный юг. Ни один город в империи Хаммурапи не мог тайно вооружиться.

Хаммурапи любил называть себя пастухом своего народа; тем не менее он куда больше был обеспокоен тем, как бы овцы не отрастили волчьи зубы и не вырвались из загона, чем появлением волков извне.

Он прекрасно понимал, что его империя будет удерживаться вместе до тех пор, пока он осуществляет полный контроль над всеми сторонами ее деятельности. В письме, написанном им одному из военачальников, мы видим его после неудачи в битве, когда он пытается решить, как вернуть назад на родную землю статуи увезенных эламитских богинь, чтобы они благословляли его кампании. Он не представляет, как это осуществить, потому что не собирается прорываться в Элам с боем, но одновременно опасается, что если просто передаст их эламитам, те могут увидеть в этом акте проявление слабости.[11]

Империя Хаммурапи

Постепенно на севере и востоке правление Хаммурапи почти полностью превратилось в диктатуру насилия. Менее чем через десять лет после присоединения Эшнунны он вынужден был вновь покорять этот город, устроив осаду, которая длилась целых два года и закончилась тем, что вавилонские солдаты разграбили город, сожгли его и сравняли с землей. Неспокойно было и на восточной границе; войска Хаммурапи подавили попытку восстания в Ниневеи, попытавшейся освободиться от его власти. Почти все время правления своей с трудом

завоеванной империей Хаммурапи приходилось воевать. К концу 1740-х годов до н. э. он был уже старым человеком, здоровье его было подорвано многолетними трудными походами и многочисленными плохо залеченными боевыми ранами. Он умер всего через пять лет после разрушения Эшнунны, и оставил своему сыну, Самсуилуне, очень большие проблемы.

В течение нескольких лет небольшие группы кочевников-касситов бродили по горам Загрос, изредка переправляясь через Тигр и проникая до самого центра Месопотамии. Вавилонские записи время от времени упоминали их как ищущих работы бродяг — дешевую наемную иммигрантскую рабочую силу.

Девятый год правления Самсуилуны известен как год, «в который пришла армия касситов» — бродяги вооружились и начали опустошать северо-восточные границы. Раньше Эшнунна служила барьером против захватчиков. Когда город исчез, пришельцы извне стали вторгаться на окраину империи во все больших и больших количествах

В то же самое время Самсуилуна столкнулся с мятежниками, которых его отец подавлял всю свою жизнь; Урук, Ларса и Ур раз за разом поднимали мятежи, требуя вывода с их территории вавилонских солдат. В процессе этого Ур был разрушен настолько основательно, что население покинуло его, и он оставался пустым несколько веков; чуть позже такая же судьба постигла Ниппур.[12]

Уже сражаясь на несколько фронтов, Самсуилуна обнаружил новую угрозу у себя на востоке. У эламитов появился новый царь — воинственный Кутир-Наххунте I. Через десять лет после первого нападения касситов Кутир-Наххунте с армией переправился через Тигр. Слабые вавилонские силы вынуждены были отступить с эламитских территорий довольно далеко вглубь собственных земель, а затем и в сам Вавилон. Это поражение вавилонской армии произвело такое впечатление, что даже тысячу лет спустя враг Вавилона, Ассирия, все еще потешалась из-за него над вавилонянами.

Сражаясь с многочисленными опасностями, Самсуилуна не смог удержать империю столь твердой рукой, какая была у его отца. К 1712 году, концу своего правления, он потерял весь юг. Без постоянной поддержки военной силой законы Хаммурапи оказались бессильны удержать вместе отдаленные концы империи.

Сравнительная хронология к главе 22

Месопотамия	Китай
Третья династия Ура (2112 -2004 годы до н. э.)	
Ур-Намму	Шао Кан
Аврам идет в Ханаан; Шульги	
Падение Ура (2004 год до н.э)	
Династия Исин Аморейские цари Ларсы "	
(Ларса) Гунгунум (ок. 1930 года до н.э)	
(Ларса) Рим-Син (1822–1763 годы до н.э)	
(Ашшур) Шамши-Адад(1813–1781 годы до н.э)	
(Вавилон) Хаммурапи (1792–1750 годы до н.э)	Цзе Хаммурапи захватывает Ашшур и Эшнунну (1764 год до н.э) Династия Шан (1766–1122 годы до н.э) Тан Самсуилуна (1749–1712 годы до н.э)

Глава двадцать третья
Египет захватывают гиксосы

Между 1782 и 1630 годами до н. э. западные семиты захватывают трон Египта, и Среднее Царство завершается

Процветание Среднего Царства длилось сравнительно короткое время. Правление Аменемхета III, сына Сенусерта III, стало наивысшей точкой расцвета. Когда Аменемхет умер, власть фараона, которая держала страну в безопасности против захватчиков извне и объединяла ее, стала слабеть.

Снова у ног фараона заплескался Нил. После достижения своего наивысшего уровня во время бурного расцвета в правление Аменемхета III наводнения начали год от года уменьшаться.[1] Как всегда в Египте, убыль уровня воды в Ниле и ослабление царской власти шли рука об руку.

Вероятно, кризис был вызван какими-то проблемами с наследованием. Аменемхет III правил страной сорок пять лет; ко времени, когда он умер, его наследник явно был уже немолод и к тому же оказался бездетным. Аменемхет IV, который прождал всю жизнь, чтобы взойти на трон, умер вскоре после коронации, и его место заняла жена, царица Собекнефру. Сохранилось немного подробностей о времени правления царицы — но ясно, что в Древнем Египте женщина на троне была признаком серьезных проблем во дворце.

Мането начинает новую династию сразу после царицы Со-бекнефру, так как у прежнего рода не оказалось мужчины-наследника. Царь, который в итоге унаследовал трон, чтобы начать Тринадцатую династию, был ничтожной и туманной фигурой за ним последовала череда еще более малозначительных личностей.

Тем временем правители Нубии, которые с юга наблюдали за ослаблением царской власти, начинали действовать все с большей и большей независимостью. Нубийские земли, которые Сенусерт III с такой жестокостью завоевал во времена двенадцатой династии, постепенно выходили из-под власти Египта. На севере тоже возникли сложности. Руины показывают, что приграничные крепости на восточной границе между Дельтой и «землями азиатов» постепенно разваливались. Когда-то граница была защищена так хорошо, что придворный Синухе с трудом ушел из Египта. Теперь «азиаты», бродячие кочевники и западно-семитские племена, прибывали в Дельту во все возрастающем количестве. Некоторые из них оседали на земле, чтобы жить бок о бок с египтянами. Другие продолжали вести кочевой образ жизни. Около 1720 года до н. э., примерно через шестьдесят лет после начала Тринадцатой династии, в страну вторглась особенно агрессивная банда кочевников и сожгла часть Мемфиса, старой египетской столицы. В отличие от египтян, кочевники сражались на лошадях и с колесниц — это преимущество компенсировало их малочисленность.

Несмотря на такое унижение, Тринадцатая династия еще какое-то время могла сохранять контроль над страной. Но ее власть в Египте была такой шаткой, что историки традиционно считают Тринадцатую династию концом Среднего Царства и началом Второго Переходного периода. К концу Тринадцатой династии власть фараона так сильно ослабела, что появилась вторая царская семья. Мы почти ничего не знаем об этой «Четырнадцатой династии», кроме того, что несколько лет она существовала совместно с Тринадцатой. В то время, как Тринадцатая династия в столице Среднего Царства Ити-тауи почти ничем себя не проявила, так называемая Четырнадцатая династия заявила свои права на управление восточными областями дельты Нила.

Примерно 30–40 лет спустя рядом с Тринадцатой и Четырнадцатой появилась еще одна династия. Эта Пятнадцатая династия имела свою столицу в городе Аварис, который лежал в пустыне, чуть восточнее Дельты. Первый царь Пятнадцатой династии, человек по имени Шеши, создал сильную армию и начал силой расширять область своего правления на запад и на юг. Около двадцати лет спустя, примерно в 1663 году до н. э., Пятнадцатая династия смогла уничтожить и Тринадцатую, так и Четырнадцатую, и стала править единолично.

Согласно Мането, Шеши был иностранцем; он и его сторонники принадлежали к расе, называвшейся «владыки пустыни» или Hikau-khoswer, «гиксосы».[2] Мането описывает захват Египта гиксосами как внезапное и свирепое вторжение:[87]

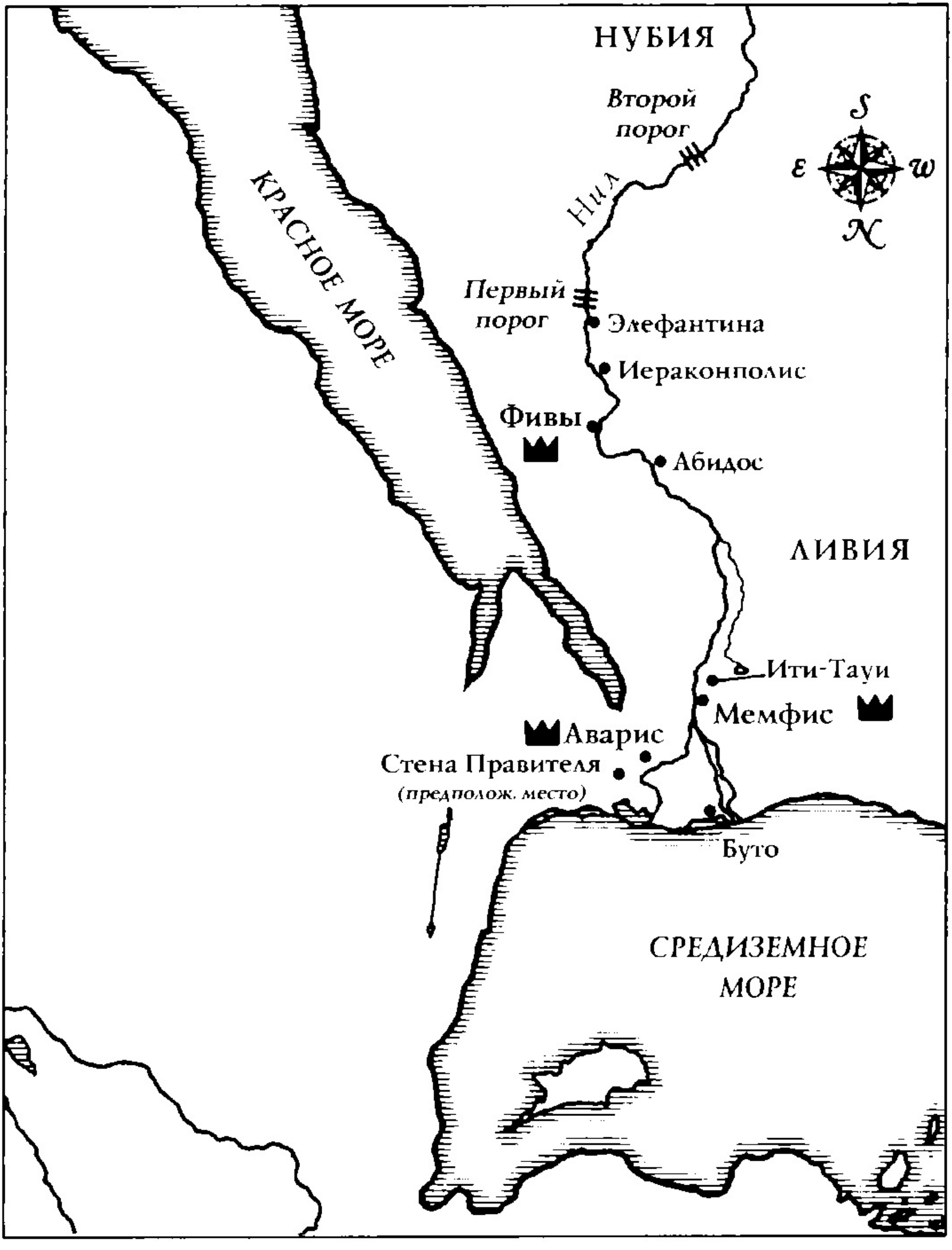
«По какой причине, я не знаю, гнев богов обрушился на нас; неожиданно с восточных областей ворвались завоеватели непонятной расы, уверенные в победе над нашей землей. Большим количеством они легко осилили правителей земель; затем они безжалостно сожгли наши города, сровняли с землей храмы богов и обратились с местным населением с жестокой враждебностью, убивая одних и уводя в рабство жен и детей других, а потом назначили царем одного из их числа»?

Как египтянина, Мането, наверное, можно извинить за то, что он верил, будто его великих предков могло одолеть только внезапное и могучее вторжение извне. Но следы, оставленные правителями Пятнадцатой династии, предполагают, что большинство гиксосов на самом деле уже какое-то время жило в Египте. Семитские имена начали появляться в надписях и текстах Среднего Царства задолго до «переворота» 1663 года до н. э. В городе Аварис (это название означает что-то вроде «Дворец пустыни») поселилось так много западных семитов, что со временем он стал почти что семитским. Когда Тринадцатая и Четырнадцатая династии разделили уже ослабевшую власть в Египте между собой, население Авариса воспользовалось ситуацией, чтобы потребовать свой кусок пирога. Вторжение в Египет иностранцев было реальностью — но это вторжение произошло изнутри.

Отставим в сторону преувеличения Мането: гиксосы (которые были уже скорее египтянами как минимум в течение одного-двух поколений) разрушили не слишком много городов. Хотя имена их были семитскими, они уже переняли египетские обычаи и носили египетскую одежду. Египетский язык оставался официальным языком надписей и текстов; египтяне служили гиксосам в качестве администраторов и жрецов.

Несмотря на крушение Тринадцатой и Четырнадцатой династий, гиксосы никогда не владели страной полностью. На северо-западе правила отдельная царская династия — вероятнее всего, вассальная гиксосам; несколько имен царей сохранилось, и Мането называет их Шестнадцатой династией. Более серьезным было выступление египетских правителей Фив на юге страны: они не признали власти гиксосов и заявили, что настоящая египетская власть сосредоточена теперь в Фивах. Мането объявляет их Семнадцатой династией. Пятнадцатая, Шестнадцатая и Семнадцатая династии — все они существовали одновременно.

Цари-гиксосы, зная о своих ограниченных возможностях, не делали серьезных попыток захватить юг. Правители Фив контролировали Египет до Абидоса; это государство на юге сохраняло преемственность Среднего Царства и оставалось свободным от иностранного владычества. Однако мира между гиксосами и египтянами не было, и Мането пишет: *«Цари Фив и других частей Египта восстали против иностранных владык*[88] *и ужасная долгая война разразилась между ними»*.

НУБИЯ
Второй порог
Нил
S
E
W
N
КРАСНОЕ МОРЕ
Первый порог
Элефантина
Иераконполис
Фивы
Абидос
ЛИВИЯ
Ити-Тауи
Мемфис
Аварис
Стена Правителя
(предполож. место)
Буто
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Три одновременных династии в Египте

Долгая вражда между двумя династиями началась с явной попытки пятого царя гиксосов, Апепи I, который правил приблизительно около 1630 года до н. э., найти повод для войны с царем Фив. Папирус из Британского музея сохранил часть письма, посланного Апепи I в Фивы и адресованного Секен-не-Ра, царю Семнадцатой династии, занимавшему в тот момент дворец в Фивах. «Избавься от гиппопотамов в Фивах, — властно требует письмо. — Они ревут всю ночь, я слышу их даже здесь, в Аварисе, шум от них нарушает мой сон!»[5]

Секенне-Ра (чья мумия находится теперь в Каирском музее) жил в пятистах милях южнее и воспринял эти слова как вызов. Судя по всему, он собрал армию и двинулся на север. По дороге он столкнулся с пограничным отрядом гиксосов, произошло сражение, во время которого Секен-не-Ра был убит — его череп раздробила булава. Пока он лежал на земле, его ударили в спину кинжалом, копьем и топориком. Тело в спешке забальзамировали после того, как оно уже начало разлагаться: видимо, фиванский фараон пролежал на поле боя несколько дней, прежде чем гиксосы отступили достаточно далеко, чтобы солдаты-южане смогли подобрать его.[6]

Стычка все же не переросла в войну. Армии гиксосов и Фив, по-видимому отошли на свои позиции. Старший сын Секен-не-Ра, Камее, сел на трон в Фивах и начал строить планы мести за смерть отца.

Сравнительная хронология к главе 23

Месопотамия	Египет
	Среднее Царство (2040–1782 годы до н. э.)
Третья династия Ура (2112–2004 годы до н. э.)	Одиннадцатая династия (2134–1991 годы до н. э.)
Ур-Намму	Интеф МП
Шульги (Аврам идет в Ханаан)	Ментухетеп I-III
Падение Ура (2004 год до н. э.)	

Двенадцатая династия (1991–1782 годы до н. э.) Династия Исин (Амореи правят в Ларсе) Аменемхет I (Ларса) Гунгунум (ок. 1930 года до н. э.) Аменемхет III (Ларса) Рим-Син (1822–1763 годы до н. э.) Аменемхет IV (Ларса) Шамши-Адад (1813–1781 годы до н. э.) Царица Собекнефру (Вавилон) Хаммурапи (1792–1750 годы до н. э.) Второй Переходный период (1782–1570 годы до н. э.) Хаммурапи захватывает Ашшур и Эшнунну (1764 год до н. э.) Тринадцатая династия (1782–1640 годы до н. э.) Самсуилуна (1749–1712 годы до н. э.) Четырнадцатая династия (1700–1640 годы до н. э.) Захват Египта гиксосами (1663 год до н. э.) Пятнадцатая, Шестнадцатая и Семнадцатая династии

Глава двадцать четвертая
Царь Минос на Крите

На Крите, между 1720 и 1628 годами до н. э., минойцы приносят жертвы богу моря

На север от дельты Нила, в Средиземном море, северо-восточнее безымянного грязного полуострова, не слишком далеко

от Европейского материка лежал длинный гористый остров. Его обитатели пришли сюда из

Малой Азии давным-давно; ко времени гиксосов у них тоже существовало государство, и царь, имени которого мы не знаем, возвел в центре Кносса свой дворец.

Кносс находился в глубине острова, ближе к северному побережью, в стратегическом месте, с которого было удобно следить за восточным и западным концами острова. Вскоре после окончания строительства другие, чуть меньшие дворцы, возникли в других ключевых местах: в Маллии, восточнее Кносса на самом северном побережье, и в Фесте у южного побережья.[1]

Так как эти древние люди не оставили после себя письменности, мы не знаем подробностей жизни в этих дворцах и имен правителей. Но дворцы стояли в центрах крупных городов, в окружении сети дорог и множества домов. Люди этих городов торговали с цивилизациями за морем. Их ярко раскрашенные глиняные кувшины (возможно, предназначенные для перевозки вина или масла) находили не только на окружающих островах, но также на берегах Нила и на востоке Средиземноморья, где жили западные семиты.

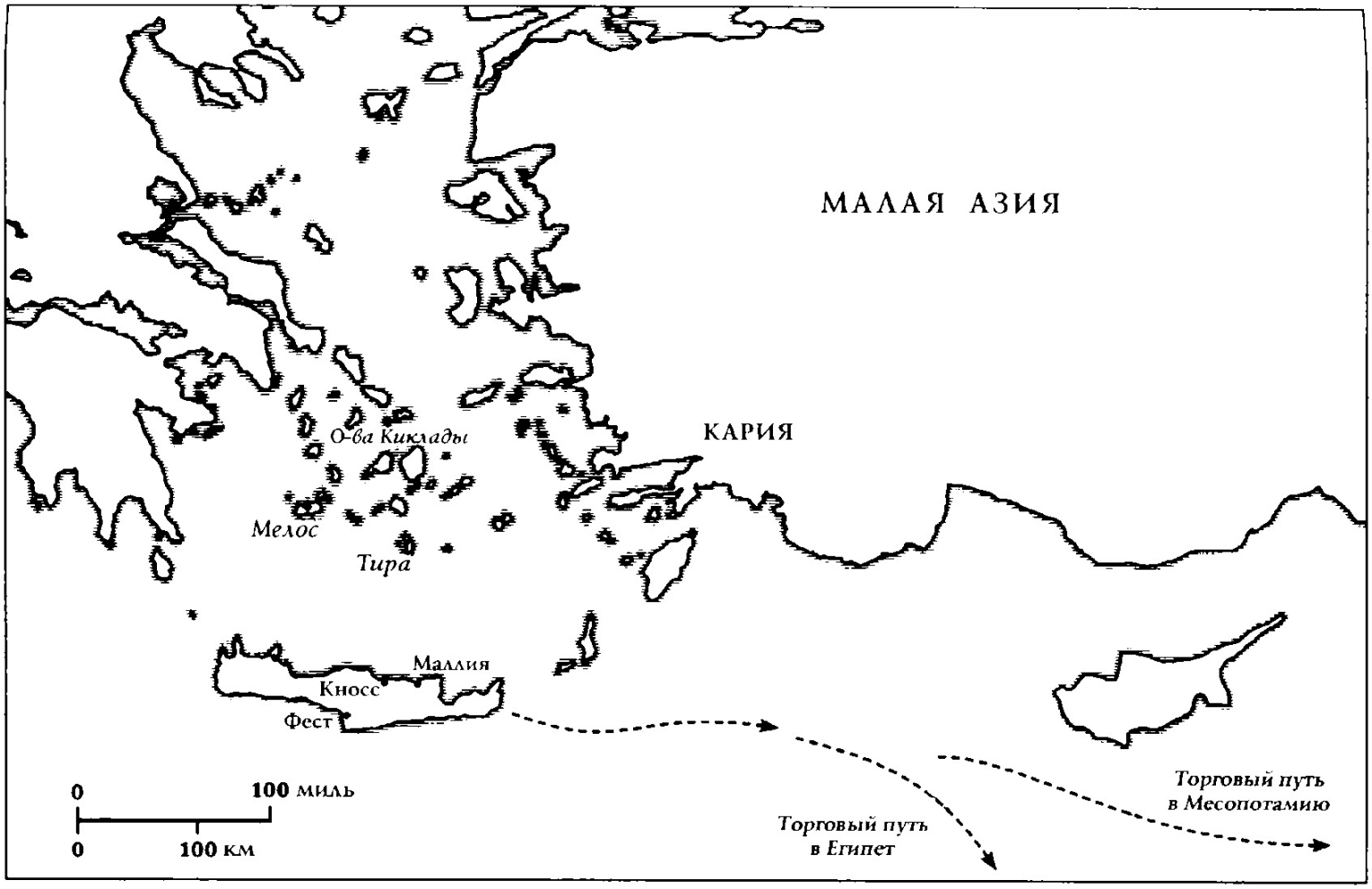
У этого народа также практиковались человеческие жертвоприношения. На гористом острове регулярно случались землетрясения — одно из них разрушило храм, расположенный на горе, называющейся теперь гора Юктас, и смотревший на север, в сторону моря. Скелеты в развалинах пролежали нетронутыми почти три тысячи лет — до того, как археологи открыли эту сцену: связанный молодой человек лежит на боку на алтаре из камня и глины, на его тело брошен бронзовый нож. Перед алтарем — человек лет сорока с церемониальным кольцом и печатью. Лицом вниз в юго-западном углу помещения лежит женщина.[2]

Человеческие жертвы приносились не очень часто. Другие следы подобного жертвоприношения были обнаружены лишь в одном месте — в одном из домов в западной части города Кносс, где два ребенка явно не только были принесены в жертву, но расчленены и приготовлены с улитками во время какого-то ритуального празднества.[3] Развалины не сообщают нам, что означало жертвоприношение или с какой целью оно проводилось.

И любые попытки разгадать это тщетны.

Примерно в 1720 году землетрясение разрушило в Кноссе старый дворец. Поверх него был построен новый с частичным использованием прежних руин. Этот второй дворец имел более продуманную конструкцию. Благосостояние жителей Кносса возросло до такой степени, что их царь стал нуждаться в куда большей роскоши.

Греки, которые назвали этот остров Критом, верили, что в Кноссе в дни «Второго дворца» обитал могущественный царь по имени Минос.[89] Согласно греческому мифу, Минос был пасынком критского аристократа. Желая править страной, он сообщил жителям Крита, что может доказать, будто избран на царство божественным образом, и о чем бы ни попросил богов, они дадут ему это. Люди предложили ему доказать правоту этой похвальбы, и Минос попросил Посейдона прислать ему быка на заклание. Немедленно из моря на критский берег вышел великолепный бык. Он и вправду был таким прекрасным, что Минос не смог заставить себя принести быка в жертву, он отправил животное в свое стадо и взамен принес в жертву другого быка.

Минойская цивилизация

Критяне объявили Миноса царем. Но Посейдон остался недоволен жадностью Миноса и проклял его жену, Пасифаю, заставив ее воспылать к быку страстью. Легендарный архитектор Дедал создал устройство, с помощью которого Пасифая и бык смогли заняться любовью: это была деревянная корова на колесах; позднее Пасифая родила ужасного ребенка с человеческим телом и головой быка. Минос, увидев чудовище, спрятал его в тюрьме под дворцом Кносса. Тюрьма, которую Дедал построил в наказание за помощь Пасифае, была сделана столь запутанной, с массой ходов и закоулков, что сын Пасифаи Астерий (более известный как Минотавр) не мог из нее выбраться. В этой тюрьме, названной Лабиринтом, Минотавр жил до тех пор, пока не вырос. Минос кормил его человечиной; после победы над греками, континентальными жителями, он приказал им каждый год присылать на съедение Минотавру семь юношей и семь девушек.[4]

Эта история появляется в «Библиотеке», греческом сборнике рассказов второго века до н. э.[90] За туманом этого мифа мы можем разглядеть цивилизацию, которая не оставила после себя других свидетельств.

Минос вполне может быть именем не только легендарного правителя, а целой линии царей, правивших в Кноссе и давших свое имя самой ранней критской цивилизации. Распространение истории о Минотавре, а также обмен товарами между городами отражают существование международной морской торговли, осуществляемой минойцами. То же подтверждают остатки предметов периода Второго дворца, которые находят по всему древнему миру. Крышка алебастрового кувшина, найденная в Кноссе, помечена именем третьего царя гиксосов, а дворец гиксосов в Аварисе хранит на своих стенах остатки фресок, написанных в минойском стиле.

Контакт с восточными берегами Средиземного моря был регулярным; возможно, минойцы

торговали даже с Месопотамией. Некоторые живописные изображения Гильгамеша и его сражения с Быком Неба (в основном это рисунки на печатях) — легенда, которая начинает появляться на глиняных табличках между 1800 и 1500 годами до н. э., как раз на взлете минойской цивилизации, — показывают нам Гильгамеша, схватившегося с получеловеком-полубыком, имеющим на себе некое подобие борцовского пояса. У чудовища тело быка и голова человека — это противоположно уродству Минотавра, но сама схожесть между двумя чудовищами предполагает, что минойские и месопотамские моряки обменивались своими легендами, встречаясь в портовых тавернах.[5]

Хотя единая греческая цивилизация, с которой Минос теоретически требовал эту ежегодную дань, является явным анахронизмом (на полуострове в те времена существовали только разбросанные поселения), способность Миноса требовать что-то из-за границы отражает военную мощь Крита в период Второго дворца. «Библиотека» сообщает нам, что Минос был «первым, кто обрел владычество на море; он расширил свое правление почти на все острова». Минойские поселения были найдены на ряде близлежащих островов, включая острова Мелос, Кея и маленький вулканический остров Тира. Эти поселения служили не только торговыми факториями, но и военно-морскими базами. Греческий историк Фукидид пишет, что Минос был первым царем древности, который имел флот:

«Он сделался хозяином того, что сейчас называется Эллинским морем, и правил Кикладами [острова на севере Эгейского моря], на большинство которых он выслал первые колонии, изгнав карийцев [поселенцы с юго-запада Малой Азии] и поставив правителями своих сыновей; и таким образом сделал все зависящее от него, чтобы прекратить в этих водах пиратство — необходимый шаг, который сохранял ему его годовой доход». [6]

По Геродоту, «карийцы остались на островах, но стали подданными Миноса, массой опытных моряков, которые управляли его судами по первому его требованию».[7] Минойская империя складывалась на воде.

Около 1680 года до н. э. она достигла высшего расцвета своей мощи. Пираты всегда были проблемой Средиземноморья — Фукидид объясняет, что Кносс первоначально был построен в глубине суши, вдали от моря именно «по причине распространенности пиратства» — но флот Миноса положил конец морскому разбою, по крайней мере, в водах вокруг Крита. Этот новый мир означал, что народы островов и берега стали «легче контактировать и обогащаться, и их жизнь стала более оседлой».[8] Торговля процветала, возводились новые здания, живопись и скульптура достигли невиданной степени утонченности.

Но в истории царя Миноса существует давнишняя угроза: бык-чудовище под дворцом. Эта неизбывная злоба, лишь упрятанная под землю, является видимым знаком злой воли Посейдона. Она угрожает не только людям, которые платят дань Ми-носу, но и самому Миносу. Эта не поддающаяся приручению голодная сила, литературно говоря, подрывает основание его дворца и требует постоянных жертв.

Дворец в Кноссе был украшен фресками: стенные росписи создавались нанесением ярких красок, сделанных из угля, желтой охры, железной руды и других минералов, прямо на сырой слой известкового гипса. В этих фресках священные быки, угрожая, склоняют рога, а жрецы прыгают через рога на спину быка, а оттуда на землю. Самая известная бронзовая скульптура из руин Кносса показывает такого же танцора на быке, застывшего в самой опасной позе.

Вероятно, участники ритуала были молодыми атлетами, готовыми рисковать своей жизнью. Возможно, история Минотавра сохраняет очень древнюю форму человеческого жертвоприношения, в которой жертвы не убивались на алтаре, а ставились один на один с быком. Раскопки так называемых Бычьих площадей, центральных площадей в Кноссе, где, по-видимому, устраивались танцы с быками, обнаружили много дверей, лестниц и коридоров,

открывающихся на площадку из окружающих зданий — словом, настоящий лабиринт.[9] Есть и другая связь между историей Минотавра и религиозными обрядами Крита. Минотавр пожирал за раз четырнадцать жертв; обнаруженный в Кноссе жертвенник демонстрирует картину ритуального празднования смерти.

Но какой же священный гнев требовал такого рода жертв?

В более поздней греческой версии истории Минотавра Посейдон, бог моря, называется также Властителем землетрясений, и бык — его священное животное. Остров Крит и море вокруг него постоянно сотрясаются от подземных толчков и разрушительных волн, которые следуют за ними. Только постоянные мольбы Властителю землетрясений могут предотвратить опасность, которая идет с моря.

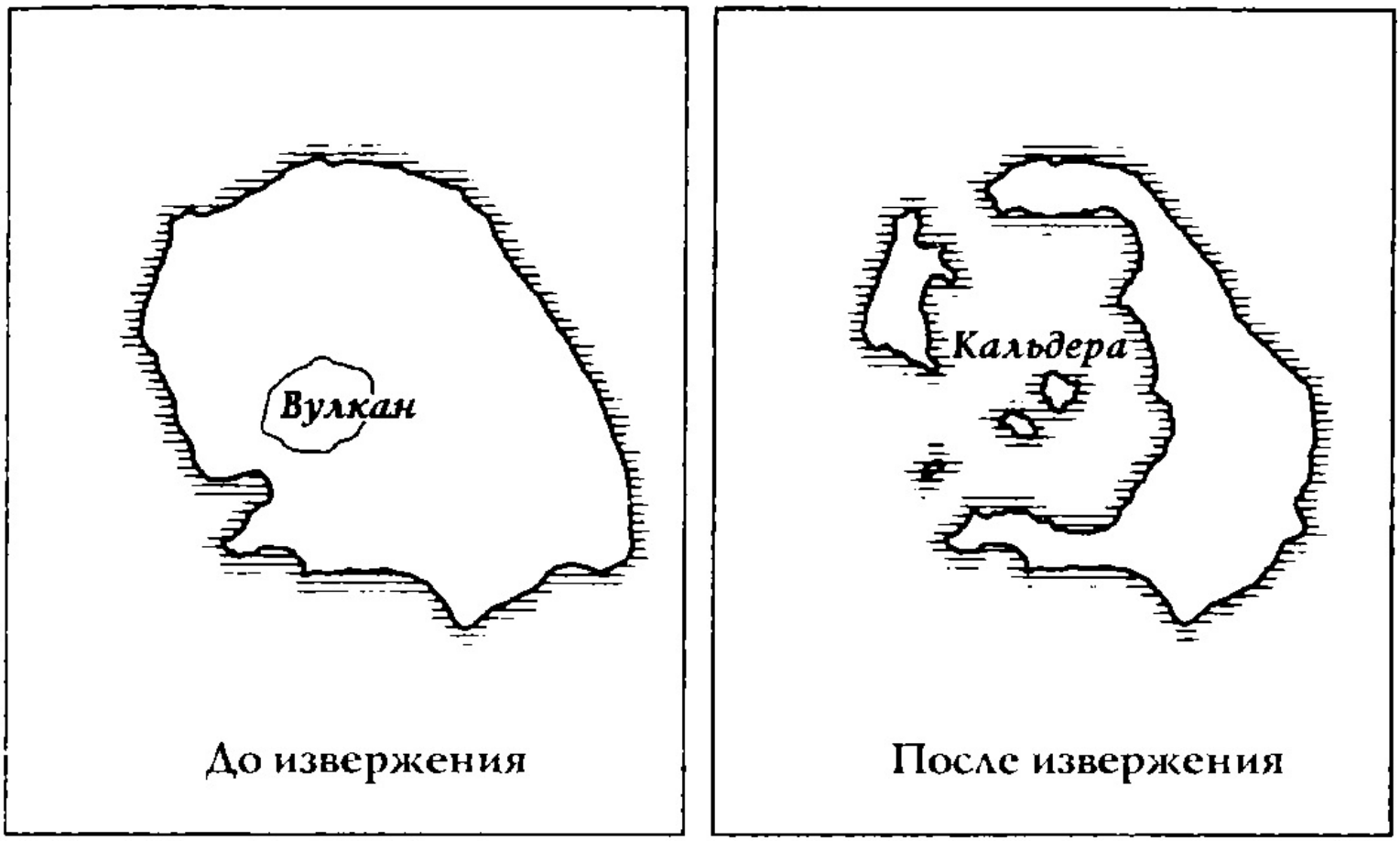
Примерно около 1628 года землетрясения в районе Тиры участились.[91] Остров являлся активным вулканом, и жители его стали свидетелями уже не одного извержения. Но много лет вулкан был настолько спокойным, что единственный большой город Тиры, Акротири, смог вырасти и начать процветать.[10]

Когда извержения участились, население Акротири сначала пыталось восстанавливать стены, разрушенные землетрясениями. Когда же тряска стала более сильной, люди начали покидать город. При раскопках руин не обнаружено человеческих скелетов, и кажется, что из города забрали все ценное — ювелирные изделия и серебро.[11]

Вскоре вулкан в центре острова начал изрыгать пемзу. Судя по всему, пемза, которая покрывает руины, сыпалась на него сверху довольно долгое время — а это означает, что извержение продолжалось достаточно долго, от двух месяцев до двух лет. Сверху пемза покрыта слоем пепла, выброшенным в момент последнего, самого сильного взрыва. Грохот над Тирой раздавался долго, и близлежащие острова с дрожью прислушивались к нему. Два года — достаточный срок для осознания неминуемости грядущей катастрофы; его вполне хватило для принесения жертв в надежде, что беда минует.

А затем вулкан, образно говоря, вывернул остров наизнанку, покрыв город слоем пепла толщиной в пятнадцать футов. Огромные валуны вылетали из глубин вулкана и сыпались на землю, как гигантский град.[12] В боку острова открылась глубокая рана, позволив морю ворваться в кратер вулкана. Когда извержение в конце концов затихло, Тира не была больше круглым островом с вулканом в центре — она стала кольцом земли вокруг огромной затопленной кальдеры.

Это было концом минойского города Акротири, который оставался похороненным под пеплом до того, как в 1960-х годах начались его раскопки. Менее ясно, какой вред это гигантское извержение принесло минойцам Крита. Некоторое время после извержения Тиры минойская цивилизация продолжила существовать как обычно. Потом, по-видимому, население Крита начало сокращаться; дома ветшать, а торговля постепенно сходила на нет.

Тира до и после извержения

Наступивший упадок вполне можно связать с вулканическим извержением.[92] Судя по всему, извержение на острове Тира началось в конце июня или начале июля — как раз перед сбором урожая.[13] Уносимый ветром пепел падал, не достигая западного конца Крита, но покрывал восточную половину острова, уничтожив, вероятно, практически весь урожай. Следы пепла на берегах других островов со стороны Тиры заставляют думать, что взрыв острова вызвал цунами, и волна затопила близлежащие острова. Она могла достигать свыше тридцати футов высотой, когда через двадцать пять минут после извержения обрушилась на берега Крита.[14] Вероятно, огромное облако на какое-то время закрыло солнце. Затем начались грозы с тяжелым оглушительным громом, а потом последовало падение температуры. Многие месяцы закаты солнца сохраняли кровавый цвет.

Даже если падение минойской культуры не было напрямую вызвано извержением вулкана, сами проявления катастрофы были, видимо, очень похожи по воздействию на падение уровня Нила в Египте. Эти знамения ясно показывали, что Посейдон рассержен, и боги больше не покровительствуют царскому дому. Очень похоже, что катастрофа была воспринята как предвестник более сильного проявления божественного гнева.

С Владыкой землетрясений нельзя вести себя легкомысленно — он всегда скрывается в глубинах, готовый положить конец хрупкому благоденствию человека. Лучше убраться подальше от его гнева, и как можно скорее.[93]

Сравнительная хронология к главе 24

Египет	Крит
Среднее царство (2040–1782 годы до н. э.)	

Одиннадцатая династия (2134–1991 годы до н. э.)
Интеф MII
Ментухетеп I-Ш

Протодворцовый период (2000–1720 годы до н. э.)

Двенадцатая династия (1991–1782 годы до н. э.)
Аменемхет I
Аменемхет III
Аменемхет IV
Царица Собекнефру
Второй Переходный период (1782–1570 годы до н. э.)
Тринадцатая династия (1782–1640 годы до н. э.) Новодворцовый период (1720–1550 годы до н. э.) Четырнадцатая династия (1700–1640 годы до н. э.) Минос Захват гиксосам и (1663 год до н. э.) Пятнадцатая, Шестнадцатая и Семнадцатая династии Извержение Тиры (ок. 1628 года до н. э.) Позднедворцовый период (1550–1350 годы до н. э.)

Глава двадцать пятая
Распад Хараппы

В Индии с 1750 до 1575 года до н. э. хараппанские города разрушаются, а на их руинах поселяются северные кочевники

Далеко на востоке от Месопотамии навязчиво однообразные хараппанские города столкнулись со своей бедой.

Примерно между 1750 и 1700 годами до н. э. население Мохенджо-Даро начало покидать свои дома. Не все люди спаслись. При раскопках были обнаружены скелеты, лежащие непогребенными на улицах; целая семья была захвачена и убита в собственном доме, а тела брошены, не преданные земле. Тут и там дом, охваченный огнем, рушился. Спасающееся население бросало ценные предметы (утварь для жизнеобеспечения, ювелирные изделия и серебро), чтобы быстрее убежать.[1] Север Хараппы показывает такую же картину. Раскопки более мелких хараппанских населенных пунктов не дают столь же ясной картины — но, без сомнения, хараппанская цивилизация прекратила свое существование.

Хараппанцы были уничтожены не вражеским вторжением. Развалины не содержат брошенного оружия, вооруженных тел, не показывают систематического разрушения домов, нет никаких признаков борьбы вокруг городских укреплений (которые, в конце концов, строили как раз для такого случая).[2]

Разрушение различного типа зданий, а также пожары (которые могли начаться, когда опрокидывался кухонный огонь) могли быть вызваны землетрясением или наводнением. В случае наводнения вода должна была прийти внезапно, быть может, с необычайной яростью. Слои отложения показывают, что Инд, как и другие реки, бегущие через земли основных древних цивилизаций, регулярно разливался и оставлял после себя плодородную почву, но эти разливы были предсказуемы.[3] Обожженный кирпич крепостей, вероятно, тоже служил защитой

от необычайно высокой воды. Только волна высотой со стену могла вызвать разрушения, найденные в хараппанских городах.

Гидролог Р. И. Рейке предположил, что перемычка из осадков, образовавшаяся выше Хараппы по течению, прекратила на некоторое время наводнения, снизив таким образом плодородность полей и, вероятно, спровоцировав в городе средней тяжести голод; затем она прорвалась под тяжестью скопившейся воды, которая ринулась вниз на город, затопив его. Что-то подобное произошло в 1818 году, когда плотина из осадков в пятьдесят футов высотой остановила Инд почти на два года, образовав скопление воды в пятьдесят миль длиной.[4] Но изучение отложений в двух самых крупных хараппанских городах не указывает на какое-либо наводнение. В любом случае, даже если наводнение и разрушило здания в городах, почему же они не были восстановлены?

Приходится принять версию, что на цивилизацию обрушилось какое-то естественное бедствие, от которого уже пошла внутренняя череда неудач. Изучение скелетов свидетельствует о болезнях, у большинства обнаружены следы сильной анемии — вызванной, вероятно, недоеданием.[5] Берега Инда не были склонны к засолению, но ни одно поле не застраховано от обеднения: без сомнения, растущему населению требовалось все большее и большее количество зерна. Построенные из грязевого кирпича здания требовали много дерева для топки печей. По мере того как города росли, строители должны были расчищать от леса все больше и больше площадей. Возможно, наводнения стали просто последней каплей в кризисе урбанистической цивилизации, и так уже развившейся чрезмерно. А как только города начали распадаться, хараппанская социальная система не смогла остановить этот процесс. Очевидно, чрезмерная унификация настолько лишила ее гибкости, что, вынужденные покинуть свои удобные города из стандартного кирпича и со стандартизованным инструментом, люди просто не смогли жить в неблагоустроенном мире и снова создать цивилизацию.

Население уменьшилось на несколько порядков — но все же города опустели не полностью. Часть людей осталась здесь, часть — вернулась или же пережидала неурядицы в пригородах. Раскопки культурных слоев, лежащих над хараппанскими, показывают низкий уровень благоустроенности быта — об этом свидетельствуют грубо выполненные гончарные изделия, отсутствие попыток восстановить или использовать сложную дренажную и канализационную системы городов. Археологи называют это пост-хараппанской или Джхукарской[6] культурой — по названию деревни, где изготавливались грубые гончарные изделия. Но в ней нет организованного начала. «Культура Джхукар» — это скорее люди, которые жили в хараппанских развалинах, когда хараппанская цивилизация завершилась.

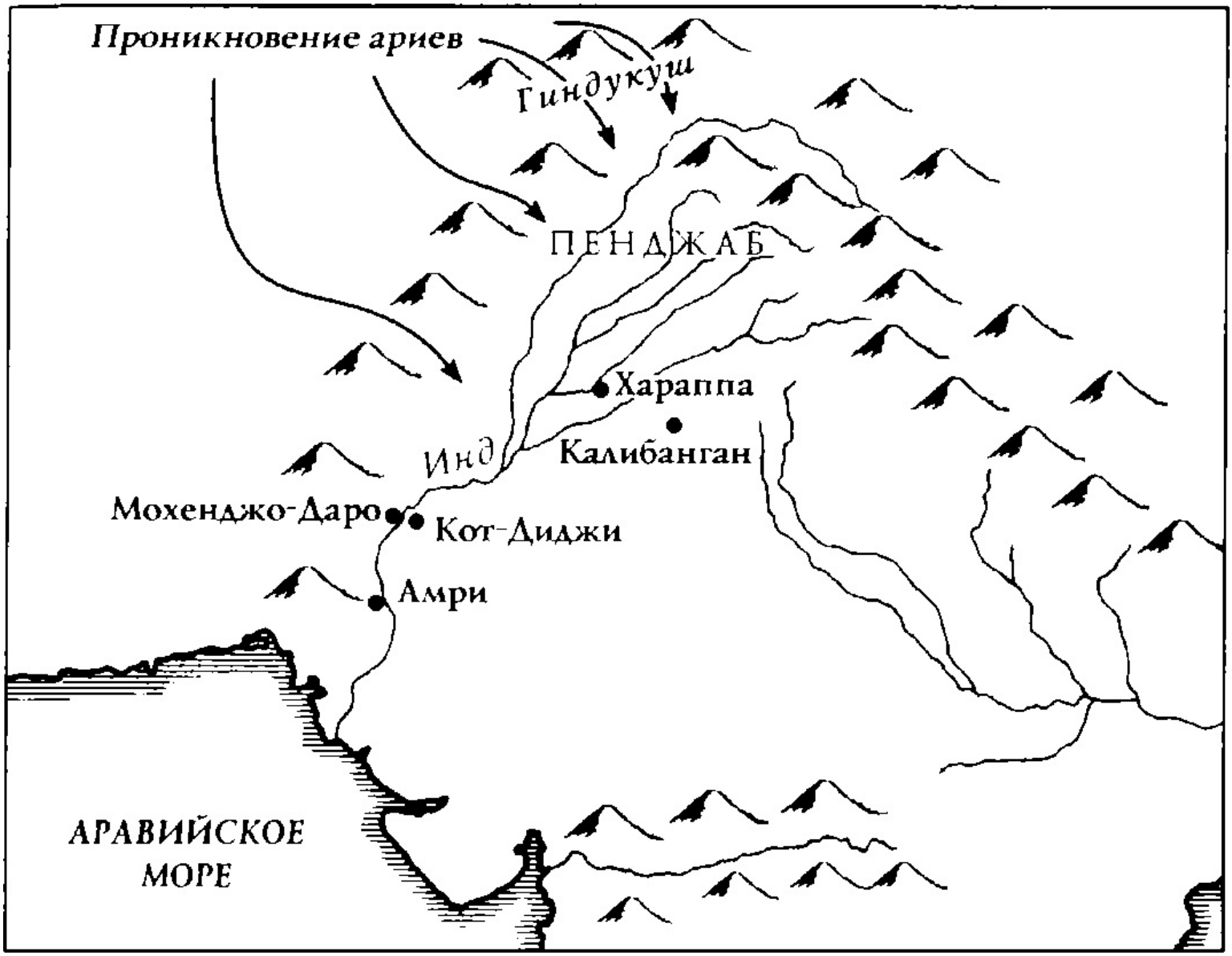
Конечно, завоеватели с севера тоже пришли в Индию — но они не появлялись примерно до 1575–1500 годов до н. э. Это были кочевники, которые бродили восточнее Элама и к северу от гор на западе Индии (теперь их называют горы Гиндукуш). В конце концов они просочились через перевалы в долины, образованные верховьями Инда. Их литература — записанная лишь через тысячу лет — называет их самое раннее место заселения в Индии «Землей Семи Рек». Это означает, вероятно, что они жили в Пенджабе, в верхнем течении Инда, где он ныне начинается шестью истоками, сливающимися в единую реку. Был еще седьмой исток, Сарасвати — но тысячелетием позже он высох.[7]

Цивилизация этих переселенцев сначала едва ли была цивилизацией в прямом смысле этого слова. Они привыкли жить странствующими группами, которыми руководили военные вожди. Поэтому они ничего не строили; насколько мы знаем, они не имели ни письменности, ни искусства; в их языке не было сельскохозяйственных терминов, таких, как «плуг» или «молотьба».

Но вот что они умели делать, так это сражаться. Они располагали самым на то время

совершенным вооружением: не только лошадьми, но также колесницами на колесах со спицами, бронзовыми топорами и большими луками с дальностью стрельбы, превосходящей дальность тех, которыми пользовались хараппанцы.[8] Как и гиксосам в Египте, которые тоже пришли с пустынных равнин, эти новинки военной техники помогали им прорубать путь сквозь вражеские ряды.

Однако они не сразу отправились завоевывать долину Инда, а прожили в Семиречье не менее века, прежде чем двинулись далее на юг и восток. Ко времени, когда они проложили путь вниз, к хараппанским городам, здешняя цивилизация уже погибла и исчезла. Вероятно, пришельцам еще могли противостоять живущие здесь разрозненные группы людей, но организованного сопротивления они не встретили. Переселяясь, они использовали сохранившиеся пустые дома, которые могли найти, так как своих домов не строили, а в их языке вообще отсутствовали слова для обозначения понятия «строительный раствор». Утонченную и высокоорганизованную хараппанскую цивилизацию сменила культура кочевых племен с более низкой технологией, без какого-либо опыта государственного управления, но зато способных куда лучше адаптироваться к незнакомому окружению.

Новые переселенцы в Индию

Позднее потомки этих завоевателей стали называть себя ариями[94] — это прилагательное имеет по меньшей мере семь различных английских переводов, от «уважаемый» до более

высокомерного «чистокровный».[9] Однако поначалу цивилизация ариев была какой угодно, только не чистокровной. Хотя горожане Хараппы и Мохенджо-Даро и утратили управляющую структуру, которая удерживала Хараппанское государство, они едва ли массово переселялись из северной Индии, как это обычно происходило при массовых завоеваниях чужаками. Они покинули города, но выжили. Они смешивались с прибывающими арийцами, давали им такие слова, как «плуг», «молотьба» и «строительный раствор», и, предположительно, учили бывших кочевников, как пользоваться строительными инструментами. Культура ариев, которая распространилась на севере, переплеталась с нитями культуры из мира исчезнувших хараппанцев.

Сравнительная хронология к главе 25

Крит	Индия
Протодворцовый период (2000–1720 годы до н. э.)	
	Начинается уход жителей из хараппанских городов (1750 года до н. э.)
Неодворцовый период (1720–1550 годы до н. э.)	
Минос	
Извержение Тиры (ок. 1628 года до н. э.)	
Позднедворцовый период (1550–1350 годы до н. э.)	Начало расселения ариев

Глава двадцать шестая
Возвышение хеттов

Между 1790 и 1560 годами до н. э. хетты строят империю в Малой Азии, а касситы в это время захватывают власть в Вавилоне

К моменту, когда умер Самсуилуна, примерно в 1712 году, Вавилонская империя его отца Хаммурапи («Старая Вавилония») потеряла большинство своих владений на юге и востоке. Восстал Элам. Древние городские центры Шумера в основном были разрушены и оставались почти пустыми. Земли превратились в покинутые и неплодородные; появившаяся линия царей, о которой абсолютно ничего не известно, так называемая Приморская династия, захватила управление пустыми землями. Царь, сидевший в Вавилоне, обладал властью лишь над территориями на севере и на западе, и то лишь до Мари. Далее царь Алеппо сохранял свою независимость.

После Самсуилуны на наследование вавилонского трона претендовало несколько ничем не примечательных царей. О них нам известно очень мало. Большинство подробных сохранившихся документов, созданных при вавилонском дворе через сто лет после Самсуилуны, представляет собой описания поведения планеты Венера, как она восходит и как садится.

Ослабление одной власти совпало с усилением другой. В те дни, когда семиты явились в

Месопотамию и прошли дальше, в Ханаане еще дальше к северу, между Каспийским и Черным морями, жил другой народ с другим языком. Некоторые группы этих северных людей двинулись в путь на восток и стали наследниками тех ассирийцев, которые, по-видимому, ушли в Индию. А другие пошли на запад, в Малую Азию, и поселились в ряде деревень вдоль берега моря.

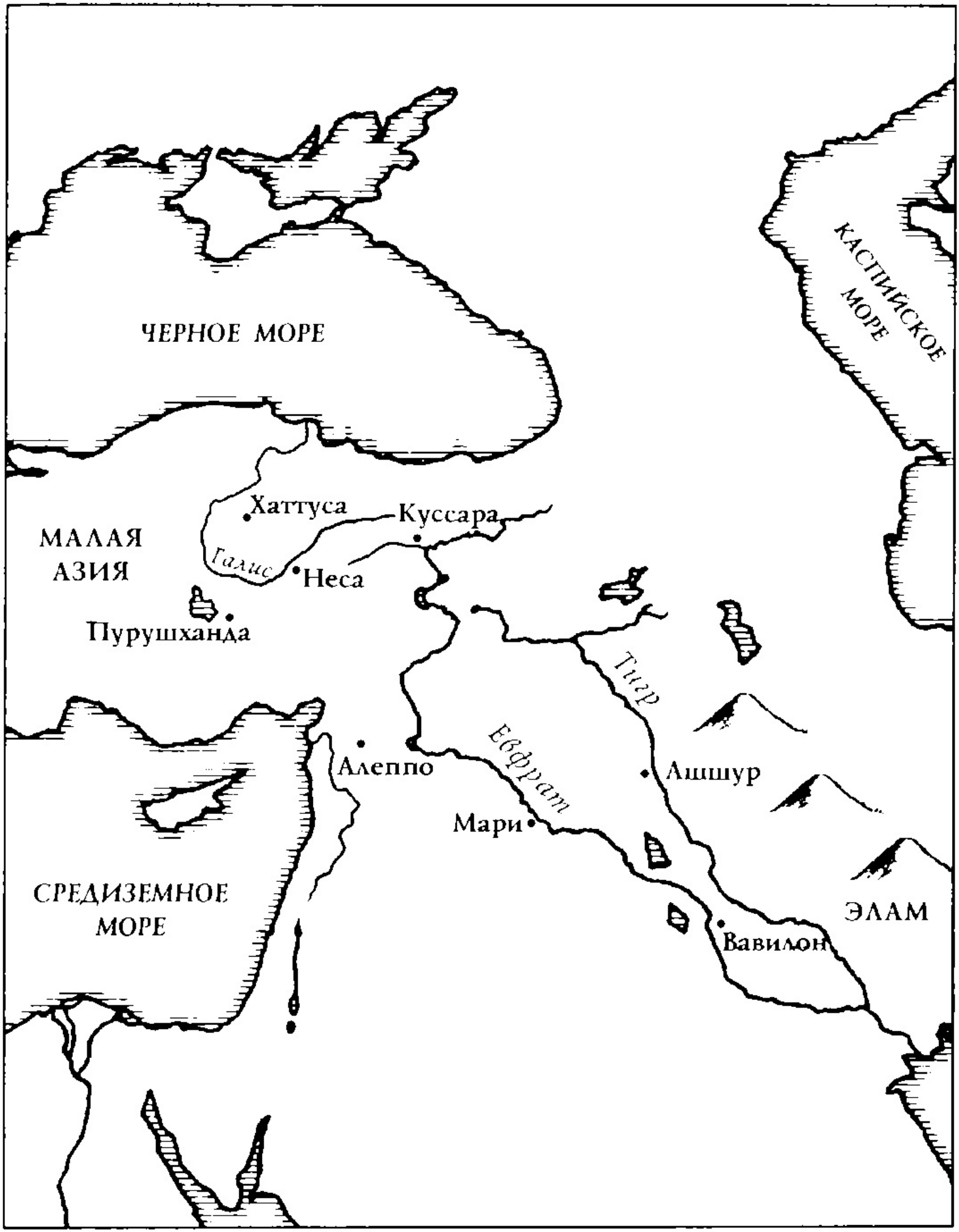
Примерно к 2300 году индоевропейское племя распространилось по всей западной части полуострова Малая Азия и вдоль реки Галис.[95] Оно вело оживленную торговлю с островами на западе и с народами на востоке, в особенности с городом Ашшур; по этой причине купцы Ашшура даже построили здесь свои торговые посты.

Пока Хаммурапи захватывал Месопотамию, силой объединяя ее, деревни индоевропейцев в Малой Азии объединялись в небольшие царства под управлением местных военачальников. Мы не знаем, кто они были, поэтому невозможно описать этот процесс более подробно. Мы знаем только то, что египтяне слышали об этих царствах и считали их население единым народом. Египтяне называли их словом Ht, оно произошло от названия этим народом своих земель — Hatti (хатти), то есть территории хеттов.

Хетты научились письменности у купцов Ашшура, которые жили поблизости; все их ранние надписи и документы сделаны клинописью, используемой древними ассирийцами. К 1790 году до н. э. главный город хеттов Куссара уже оставлял собственные записи. Так хетты вошли в историю.[1]

Один хеттский правитель, Аниттас, унаследовал очень маленькое царство из двух городов от своего отца, который смог завоевать близлежащий (и ничего не подозревавший) город Неса, устроив на него ночной набег и захватив в плен его царя. В дни отца Аниттас, официально служил начальником Смотровой башни; эта работа требовала от него выслушивания отчетов всех дозорных, которые охраняли границы крохотного царства.[2] Когда его отец умер, Аниттас, который в то время называл себя просто «принцем Куссары», начал собственную завоевательную войну. Он провел кампанию против ближайшего сильного города Хаттусы, который в конце концов разграбил, так как тот стал сопротивляться.[3] Кроме того, Аниттас проклял его, так что город разделил судьбу Агаде: «На его месте я посеял зерно, — заявил царь. — Пусть бог Бури ударит по любому, кто станет царем после меня и снова заселит Хаттусу/»[4] Затем он повернул к городу Пурушханда, который занимал среди хеттского населения практически такое же место, какое занимал Ниппур в землях Шумера: это была интеллектуальная столица, город, чей правитель имел моральное преимущество над другими городами. Царь Пурушханды — вероятно, увидев вдали столб дыма, поднимающийся над Хаттусой, — сдался без боя.

Как и его современник Хаммурапи, который в это время сражался на землях между Тигром и Евфратом, Аниттас создал народ. «Я завоевал все земли, где поднимается солнце», — весьма величественно заявил он и начал называть себя не «князь», а «великий царь».[5] Он правил своим царством целых сорок лет — более чем солидный период для любого царя древности,— и умер в один год с Хаммурапи; но нет указаний на то, что эти двое когда-либо обменивались посланиями.

Родина хеттов

Царство, построенное Аниттасом, еще пару поколений сохраняло центр в его родном городе Куссара, пока последний царь не решил игнорировать проклятие и восстановить Хаттусу. Поблизости находились семь ручьев, здесь имелась плодородная земля и утес, на котором можно было построить легко обороняемый дворец. Место было слишком хорошим, чтобы долго оставаться заброшенным.

Как только новый царь перенес свою столицу из Куссары в Хаттусу, он стал известен как Хаттусили I: «тот, что из Хатту-сы».[6] Он начал совершать вооруженные набеги из Малой Азии в царства западных семитов на северо-восточном побережье Средиземного моря и захватил несколько более мелких городов. Аниттас создал хеттскую нацию, а Хаттусили I превратил ее в империю, которая правила более чем одним народом. Он был великим воином — возможно, самым великим в мире в эту эпоху. Хараппанские города гибли, Хаммурапи умер, в Египте цари Фив и Авариса воевали, а правление Миноса осталось в далеком прошлом.

Несмотря на достижения, Хаттусили 1 умер ужасно несчастным, не в Хаттусе, а в своем родном городе Куссара, куда он попросил перенести себя перед смертью. Хеттский документ под названием «Завещание» зафиксировал его предсмертные слова, обращенные к внуку Мурсили. Хаттусили разражается жестокими словами в адрес сына и дочери, которые послушались некого хеттского вельможу и позволили отравить свои головы наговорам против отца. «Им сказали: восстаньте против своего отца, — жалуется Хаттусили, — и они стали бунтовщиками, они устроили сговор».[7]

Он лишил наследства двух взрослых детей, назначив наследником вместо них своего племянника. Но в последние часы Хаттусили отверг и племянника. Согласно «Завещанию», тот был «безжалостный... холодный и без сожаления... не думающий о слове царя». Его характер, очевидно, являлся следствием воспитания со стороны матери; поэтому далее Хаттусили обратился к этой женщине, своей собственной сестре. В ярости смешивая разные метафоры, он называет ее змеей в траве, которая мычит, как корова[8]. Старый царь выбирает в качестве своего наследника другого племянника по имени Мурсили, а затем умирает, пройдя жизненный путь, полной военных побед и семейных разочарований.

Мурсили, которому в то время было лишь 13–14 лет, был окружен не только регентами, которые должны были следить за ним, но также своими кипящими злобой кузенами, дядями и тетями, лишенными права наследования. Несмотря на такое трудное начало, молодой Мурсили смог дожить до вступления на престол (немалый подвиг в те дни). Ему, похоже, повезло с опекунами: один из его регентов, хеттский князь Пимпира, особенно старался, чтобы он стал не просто царем, а справедливым и сострадательным владыкой. <<Дай хлеба тому, кто голоден, — фиксирует хеттская хроника наставления Пим-пиры, — одежду тому, кто гол; приведи тех, кто страдает от холода, в тепло».[9]

Но, оказавшись на троне, Мурсили больше беспокоился о завоевании новых земель, чем о сострадательном управлении империей, которую уже имел. Более поздний договор хеттов с Алеппо и пересмотр предварительных соглашений между двумя договаривающимися сторонами обозначил его следующий шаг: «Идущий следом за Хаттусили, великий царь Мурсили, внук великого царя Хаттусили, разорил царство Алеппо и сам город Алеппо. »[10]

Подстегиваемый успехом в Алеппо, Мурсили двинулся на Вавилон. На своем пути он повстречал несколько племен кас-ситов и либо побеждал их, либо заключал с ними союз. К 1595 году до н. э. он подошел к стенам Вавилона. Последовавшая кампания была больше похоже на унылую суматоху. Вавилон, в котором управлял пра-пра-правнук Хаммурапи, оказал лишь слабое сопротивление. Согласно личным записям Мурсили, он опустошил город, взял его людей в плен и заковал царя в цепи.[11] Окончательная судьба этого последнего наследника Хаммурапи

неизвестна.

Мурсили решил не присоединять Вавилон к своей империи. Он подтвердил свою репутацию: как и его дед, он являлся самым могущественным завоевателем в мире. Вавилон находился слишком далеко от Хаттусы, чтобы можно было эффективно управлять им. Вместо этого Мурсили оставил город разрушенным и с победой направился назад в свою столицу. Когда он отошел достаточно далеко, окрестные вожди касси-тов захватили руины. Власть амореев над Вавилоном закончилась.[96]

Мурсили вошел в Хаттусу, привезя с собой пленных и богатства. Но там, скрываясь за всеобщим ликованием, медленно формировался замысел предательского убийства.

Заговорщиком оказался виночерпий царя, Хантили, доверенное лицо, бывший к тому же его шурином. В отсутствии Мурсили Хантили привык править от имени трона; он не собирался мириться с внезапным ограничением своей власти. Вскоре после возвращения Мурсили из Вавилона Хантили с еще одним придворным убил царя и захватил трон. «Они совершили дьявольское деяние, — говорит нам хроника хеттов. — Они убили Мурсили, они пролили кровь».[12]

Хантили смог удерживать трон почти три десятилетия, во время которых хетты утвердились в своей роли основных игроков на мировой арене. Но он создал неприятный прецедент, ставший своего рода закономерностью. Как только Хантили умер, его придворный убил сына Хантили и всех его внуков и захватил трон. Сам он, в свою очередь, был убит собственным сыном, которого позднее убил узурпатор, сам ставший затем жертвой убийства.

Династическое наследование хеттов превратилось в «охоту на царей». За эти годы вокруг царского дворца в Хаттусе была выстроена стена в двадцать футов толщиной.[13] Для правителей хеттов жизнь внутри границ царства стала опаснее, чем любая военная кампания.

Сравнительная хронология к главе 26

Индия	Малая Азия/Месопотамия
	Анитта (ок. 1790 года до н. э.)
Вымирание хараппанских городов начинается (1750 год до н. э.)	
	Смерть Самсуилуны (1712 год до н. э.)
	Хаттусили I (1650–1620 годы до н. э.)
	Мурсили I (1620–1590 годы до н. э.)
	Хетты завоевывают Вавилон (1595 год до н. э.)
	Хантили
Начало переселения ариев	

Глава двадцать седьмая
Яхмес изгоняет гиксосов

В Египте между 1570 и 1546 годами до н. э. правитель Фив побеждает гиксосов

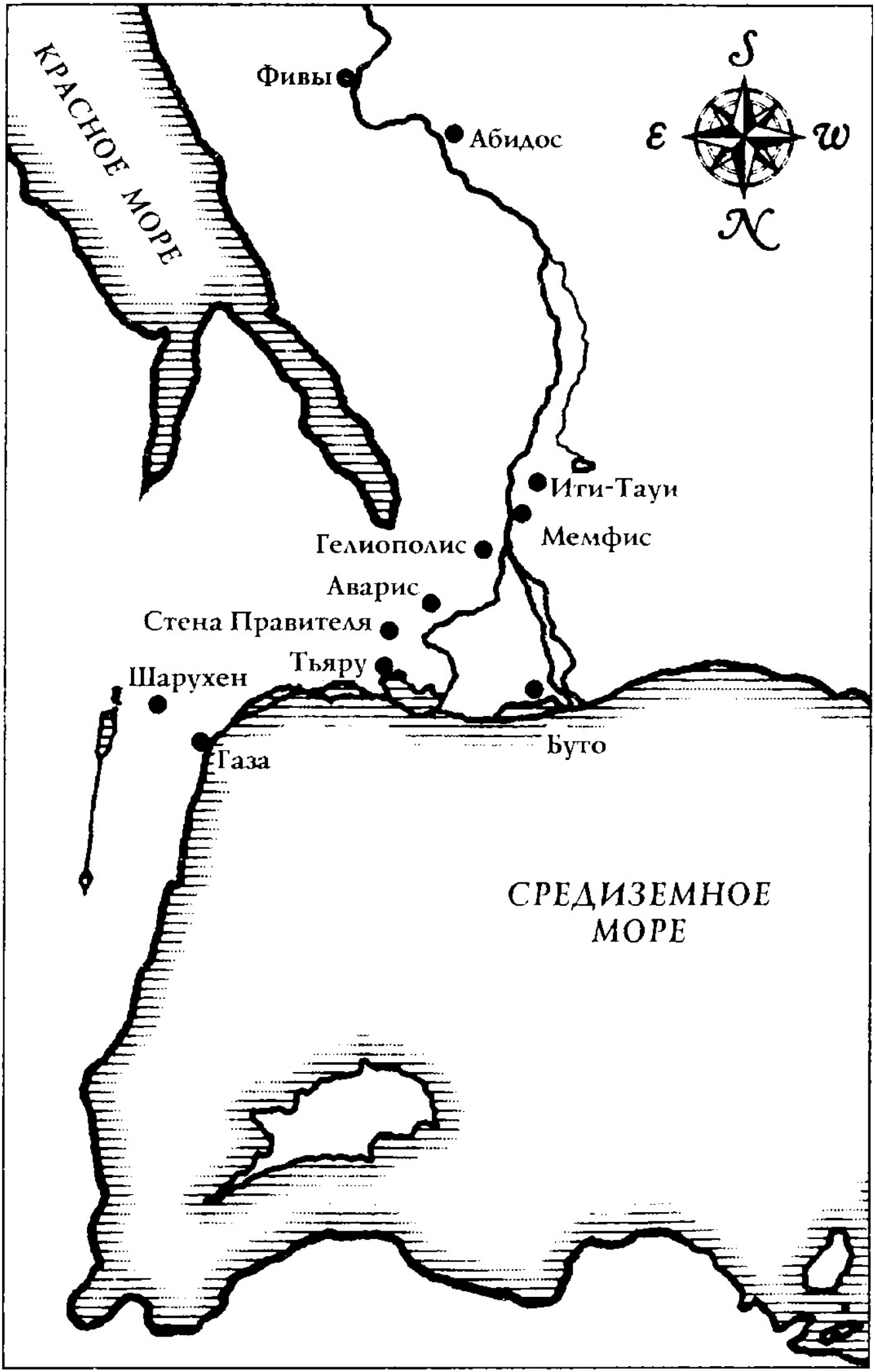
После того, как Секен-не-Ра из Фив пал в битве с гиксоса-ми, трон занял его старший сын

Камее.[97] Апепи I, живший дольше всех других царей гиксосов, все еще находился на троне, и Камесу нужно было отомстить за смерть своего отца.

Ему приходилось согласовывать свои планы с нерадостной реальностью: фиванский дом был зажат между враждебными силами севера и объединенными племенами юга. Во времена хаоса перед захватом гиксосами египетские правители Нубии проводили независимую политику. Местные нубийцы поднялись высоко, и многие годы Нубия вела себя как независимая страна. Вместо того, чтобы пытаться покорить ее, цари гиксосов из Пятнадцатой династии заключили с нею договор. Нубийцы согласились приходить на помощь северу против Египта и Фив, которым пришлось бы в таком случае воевать на два фронта.

Камее из Фив знал об этом. Когда он двинул своих солдат на север вдоль Нила, он также разослал шпионов по всему югу, надеясь пресечь любую попытку гиксосов призвать на помощь их нубийских союзников. По свидетельству самого Камеса, эта стратегия оказалась чрезвычайно успешной. В надписи, посвященной Амону, богу-солнцу, необычайно почитаемому гиксосами, Камее заявляет, что он побеждал всю дорогу до Ава-риса, где гиксосы, испуганные его появлением, «выглядывали из бойниц своих стен, как ящерицы». Тем временем его люди успели перехватить посланца гиксосов на пути в Нубию. Текст письма, которое тот вез, сохранился в записях Камеса: «Камее решил разрушить наши земли, и нашу, и вашу, — сообщал царь гиксосов своему нубийскому союзнику. — Идите на север и не бойтесь. Он уже тут, в моей земле... Я буду изматывать его, пока вы прибудете, а затем вы и я поделим города Египта между собой».[1]

Перехват письма, конечно, стал темой для хвастовства египетской стороны: «.Я заставил, чтобы письмо забрали назад, к Апепи, — хвастал Камее, — чтобы моя победа овладела его сердцем и парализовала конечности».[2] Затем он направился назад в Фивы, трубя всю дорогу о своей победе и подстраивая время своего возвращения под разлив Нила.

КРАСНОЕ МОРЕ
Фивы
Абидос
Иги-Тауи
Мемфис
Гелиополис
Аварис
Стена Правителя
Тьяру
Шарухен
Газа
Буто
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
S
E
W
N

Эта явная попытка напомнить всем, что он полноправный царь всего Египта, ответственный за подъем вод, предполагает, что победа Камеса не была такой уж сокрушительной, как он заявлял. Если он действительно запугал гиксосов своим могуществом, трудно понять, почему он не пошел дальше, возвращать север. В крайнем случае, он мог попытаться занять Мемфис — второй могущественный центр гиксосов, из которого они контролировали южную часть своих владений; Аварис находился слишком далеко на севере, чтобы быть эффективным центром для управления всей страной.

Но Камее ничего такого не сделал, и это позволяет предположить, что его атака на Аварис была не более чем успешным рейдом. У Камеса оставалось мало времени, чтобы довести дело до конца. В том же году он умер, пробыв у власти всего три года — возможно, во время кампании он был ранен и вызванное ранами недомогание подточило его. Так как Камее скончался, не имея сыновей, на трон сел его брат Яхмес. Поскольку он был еще очень молод, его мать Яххотеп правила в качестве регента.

Примерно в то же самое время в Аварисе наконец-то умер долгожитель Апепи I. Трон гиксосов унаследовал другой царь, гораздо менее сильный и харизматичный; о нем нет особых свидетельств в записях современников, а писцы расходятся даже в определении его имени. Очевидно, царица Яххотеп воспользовалась этой слабостью севера, чтобы попытаться повторить рейд сына. В надписях ее называют «той, которая заботилась о своих солдатах... усмирила Верхний Египет и изгнала мятежников»? Ее похоронили с церемониальным топором в гробу, а также с тремя медальонами — египетским эквивалентом медалей за доблесть.

В таких условиях Яхмес, унаследовав трон, смог успешно добраться до Авариса. К двадцатому году своего правления он овладел Гелиополисом (расположенным к югу от Авариса) и восточной пограничной крепостью Тьяру. Имея две таких точки опоры на севере и юге, он был готов зажать Аварис между двумя флангами своей армии.

Мането, цитируемый у Флавия, описывает следующую фазу войны:

[Гиксосы] возвели стену вокруг всего [Авариса], которая была большой и крепкой, чтобы сохранить их имущество и избежать жертв внутри защищенной территории. Но [Яхмес] попытался взять ее силой с участием четырехсот восьмидесяти тысяч солдат, расположенных вокруг. Когда он отчаялся взять город осадой, то пришел с гиксосами к соглашению: они покинут Египет и невредимыми уйдут, куда захотят. После такого соглашения они вышли со всеми семьями и имуществом, не менее двухсот пятидесяти тысяч, и двинулись из Египта через пустыню. [4]

Мы должны принимать этот рассказ с некой долей недоверия, так как египетские рассказы описывают эти события куда более кровопролитными. Надписи в гробнице командующего осадной армией военачальника (которого, как ни странно, тоже звали Яхмесом) описывают как минимум три разных сражения в Аварисе. «Я сражался там, и я отрубил руку, — гордо говорит военачальник. (Египетские писцы использовали ампутированные руки, чтобы подсчитывать вражеские потери.) — Об этом сообщили царскому вестнику, и мне дали награду за доблесть».[5] Египетские скульпторы на барельефах, запечатлевших эти события, изобразили военные корабли, картины сражений и толпы гиксосов, уводимых в плен. Руины свидетельствуют, что Аварис был разграблен. Дворец царя гиксосов сравняли с землей, а новое здание, заложенное по приказу фараона Яхме-са, строили поверх руин.[6] Другие следы присутствия гиксосов были настолько стерты, что вообще чрезвычайно трудно реконструировать детали их правления в Нижнем Египте.

Тем не менее городские руины не обнаруживают признаков того, что в Аварисе имела

место тотальная резня, часто являвшаяся финальной фазой долгой осады. Нет там и большого количества семитских имен в списках слуг следующие пятьдесят лет — то есть не похоже, чтобы много гиксосов стало рабами. Поэтому в самом деле возможно, что конец господства гиксосов в Египте был отмечен их массовым исходом, в первую очередь мирного населения.

Мы лишь знаем, что после сдачи Авариса фараон Яхмес пошел дальше на север, к Ханаану, и остановился только у Шару-хена возле Газы. Тут военачальник Яхмес организовал еще одну успешную осаду. Это вполне могло быть следствием изгнания гиксосов из Авариса — если бы они ушли достаточно далеко, чтобы отсидеться в другой крепости, Яхмес не захотел бы, чтобы те снова собрали силы где-либо поблизости от Египта.[7] Впрочем, Шарухен в любом случае был опасен для Египта. Раскопки на его месте показывают, что он был центром царства западных семитов, самым сильным военным объектом на юге от Ханаана.[8] Захват Шарухена имел большее значение, чем просто обеспечение безопасности Египта от последующих вторжений — он превратил юг Ханаана в египетскую провинцию.

Согласно надписям в гробнице военачальника Яхмеса, осада Шарухена заняла шесть лет.[9] Если это правда, то фараон Яхмес, скорее всего, оставил своего полководца править на покоренной территории, а сам отправился назад, домой, чтобы позаботиться о делах в Мемфисе — поскольку умер он довольно скоро после взятия Авариса.

Яхмес потратил двадцать лет, чтобы вернуть назад Нижний Египет, а Мането и Иосиф Флавий отводят всему его правлению двадцать пять лет. Он недолго радовался своему положению владыки всего Египта. Но за воссоединение Египта и восстановление египетского правления во всем царстве Мането называет его первым царем Восемнадцатой династии. После этого воссоединения Египет входит в новую фазу строительства, мира и процветания, искусства и литературы: эта эпоха именуется Новым Царством.

Сравнительная хронология к главе 27

Малая Азия/Месопотамия	Египет
Ашпта (ок. 1790 года до н. э.)	Второй Переходный период (1782–1570 годы до н. э.)
	Тринадцатая династия (1782–1640 годы до н. э.)
Смерть Самсуилуны (1712 год до н. э.)	
	Четырнадцатая династия (1700–1640 годы до н. э.)

Завоевание гиксосами (1663 год до н. э.) Хаттусили I (1650–1620 годы до н. э.) Пятнадцатая, Шестнадцатая и Семнадцатая династии Мурсили I (1620–1590 годы до н. э.) Камее Завоевание хеттами Вавилона (1595 год до н. э.) Хантили (1590–1560 годы до н. э.) Новое Царство (1570–1070 годы до н. э.) Восемнадцатая династия (1570–1293 годы до н. э.) Яхмес I (1570–1546 годы до н. э.)

Глава двадцать восьмая
Узурпация и реванш

В Египте, между 1546 и 1446 годами до н. э. Тутмос III теряет трон, захваченный его теткой Хатшепсут — но возвращает его и завоевывает земли западных семитов

После смерти Яхмеса его сын Аменхетеп I взял бразды правления в свои руки и стал теснить нубийцев, пока они снова и окончательно не вернулись в лоно Египта. Этим он

закрепил победы своего отца. Но семейная линия на этом закончилась, Аменхетеп не только остался бездетным — большую часть жизни не был даже женат не женат. Его первая жена (которая приходилась ему сводной сестрой) умерла молодой, и Аменхетеп не стал жениться во второй раз.[1]

В те времена фараоны хвастались множеством жен и дюжинами наложниц, поэтому можно предположить, что женщины были не во вкусе Аменхетепа. Но даже в таком случае необычно, что он не женился снова. Большинство древних правителей, которые предпочитали любовь людей своего пола, все-таки производили требуемого наследника для стабильности династии; Аменхетеп I остался, в глубоком одиночестве и назначил следующим царем своего доверенного полководца.

Этот полководец по имени Тутмос был также его шурином. Практически это делало его членом царской семьи, но все-таки коронация этого человека была серьезным нарушением нормального наследования по линии отец-сын. Мумии Яхмеса, Тутмоса I и двух потомков Тутмоса I — его сына Тутмоса II и пра-правнука Тутмоса IV — сохранились так хорошо, что ясно видны черты лица. Фамильное сходство по линии Тутмосов удивительно, и их лица заметно отличаются от черт Яхмеса I.[98]

Тутмос I, поздно ставший царем, правил только шесть лет. Придя к власти, он вскоре стал строить свою гробницу. Некоторое время назад пирамиды царей, которые, как предполагалось, должны внушать трепет, стали едва ли не меньше, чем могилы рядовых египтян. Грабители гробниц проникли почти во все пирамиды в Египте — ведь они отмечали местонахождение огромных богатств, указывая, откуда можно пробраться в камеры захоронений, набитые золотом. Чтобы избежать потери своих загробных сокровищ, Тутмос I распланировал новое, потайное место захоронения: пещеру с разрисованными стенами, украшенную внутри так же, как любая пирамида, но с потайным входом. Долина, где была расположена эта пещера, позднее стала известна как Долина Царей.[99]

В отличие от своих предшественников, Тутмос I женился не менее двух раз. Его самая высокородная жена была сестрой Аменхетепа, дочерью Яхмеса и матерью двух сыновей и двух дочерей. Но он женился также на менее знатной женщине, которая родила ему сына.

Став фараоном, Тутмос назначил первым наследником своего старшего сына, а затем второго. Оба умерли до его смерти. Тутмос не собирался передавать корону доверенному другу, но его единственным живущим наследником мужского пола оставался сын от менее знатной жены. Поэтому, чтобы усилить династическое положение этого сына, Тутмос не просто назначил его наследником, но еще женил на одной из своих дочерей от первой жены — принцессе Хатшепсут. Когда Тутмос умер всего после шести лет нахождения у власти, его сын стал Тут-мосом II; Хатшепсут стала царицей.

Тутмос II всю жизнь страдал из-за слабого здоровья, и эта физическая слабость осложняла его положение царя. Кроме того, его жена настойчиво изъявляла готовность взять на себя любые (или вообще все) царские обязанности. Хатшепсут упоминается как соправительница Тутмоса II с самого начала его правления. По-видимому, это никак не сказалось на их браке; Хатшепсут имела от своего сводного брата только одного ребенка, дочь. После своего героического поступка, во время которого он, вероятно, зажмурил глаза и думал о Египте, Тутмос II больше не имел детей от Хатшепсут. Он предпочитал компанию женщины по имени Исет — на которой, впрочем никогда не женился. Когда Исет родила сына, Тутмос II немедленно объявил незаконнорожденного младенца своим наследником, что являлось пощечиной его жене.

Когда Тутмос II умер, не дожив до тридцати пяти лет, его единственный сын — теперь Тутмос III — был еще ребенком. Хатшепсут немедленно заявила свои права тетки и мачехи

ребенка, чтобы править от его имени как регентша.

Первые три или четыре года регентства она появляется на барельефах, стоя позади молодого Тутмоса III, надлежащим образом исполняя свою роль. Но примерно около 1500 года Хатшепсут начала строить громадный храм. Погребальный храм, место поклонения, когда-то находился у начала дороги к пирамиде, а потом зачастую сам стал служить в качестве предваряющего памятника. Этот храм теоретически был построен в честь бога-солнца Амона. Лицом он смотрел прямо на восток, через Нил, на другой больший храм Амона в Карнаке.[2] На одной стене Хатшепсут приказала вырезать рельеф: Амон в весьма выразительной позе наносит визит матери Хатшепсут. Создавалось впечатление, что Хатшепсут была зачата самим богом.

Разыгрывая обе стороны родительской карты, она также поручила выгравировать надпись, заявляющую, что Тутмос I, ее земной отец, приказал перед смертью короновать ее правительницей Египта. Эта коронация состоялась перед всем двором в Новый год и продемонстрировала, что Хатшепсут имеет право притязать на имя Гора и править как царица Верхнего и Нижнего Египта.

Так как вся история с завещанием Тутмоса I была целиком сфабрикована, можно было ожидать, что кто-либо из придворных запротестует. Но записей о каком-либо протесте нет — это предполагает, что Хатшепсут смогла перетянуть на свою сторону самых могущественных придворных, убедив их, что она будет лучшим правителем, чем Тутмос III, теперь уже подошедший к возрасту вступления на престол. Конечно, она имела сильную поддержку одного из самых могущественных людей Египта — Сенмута, верховного жреца Амона. В течение нескольких лет она одаривала его головокружительной массой титулов. Он стал главным архитектором, распорядителем царской лодки, надзирателем за сеятелями Амона, надзирателем за полями Амона и надзирателем за коровами Амона, садами Амона и ткачами Амона.

Это делало его могущественным — но непопулярным. Сен-мут, шептались люди, был для Хатшепсут гораздо большим, чем просто советчиком. Беглый рисунок, найденный на стене пещеры возле заупокойного храма Хатшепсут, изображает очень маленького Сенмута с поднятым членом, осторожно крадущегося вверх позади очень крупной и мужеподобной Хатшепсут — грубый комментарий по поводу могущественной правительлницы и ее амбициозного фаворита.[3]

Хатшепсут никогда официально не смещала молодого Тутмоса III. Она просто изображала из себя старшего из двух правителей. Далеко не одна из ее статуй показывает ее с царским головным убором и даже с формальной квадратной бородой коронованного фараона. В заупокойном храме ее фигуру вырезали во время празднования хеб-сед, ритуального обновления власти. Тутмос III тоже присутствует на этих рельефах, празднуя вместе с царицей. Но только Хатшепсут изображена действительно исполняющей бег — центральное ритуальное действие обновления при хеб-сед, ритуал, который определяет способность фараона обеспечить возвращение нильских вод.[4]

Собственные надписи Тутмоса III рассказывают нам, где он провел большую часть времени правления Хатшепсут — вдали от Мемфиса, отсылаемый своей теткой сражаться то в одной, то в другой кампании, в основном в новой северной провинции Египта, где западные семиты постоянно угрожали поднять мятеж.

Вероятно, она надеялась, что он погибнет в бою. То, что он не умер от ран и не был предательски убит, говорит об его осмотрительности — а также заставляет предположить, что армия была куда менее очарована Хатшепсут, чем Сенмут и жители столицы. Наверняка Хапшепсут вкладывала почти всю свою энергию в домашние проекты, в особенности в строительство — в древнем мире число строений, которые возвел царь, считалось прямым показателем его успеха, и Хатшепсут желала, чтобы не возникало вопросов о ее величии. Армия

же тем временем не добивалась особых успехов — почти двадцать лет.[5]

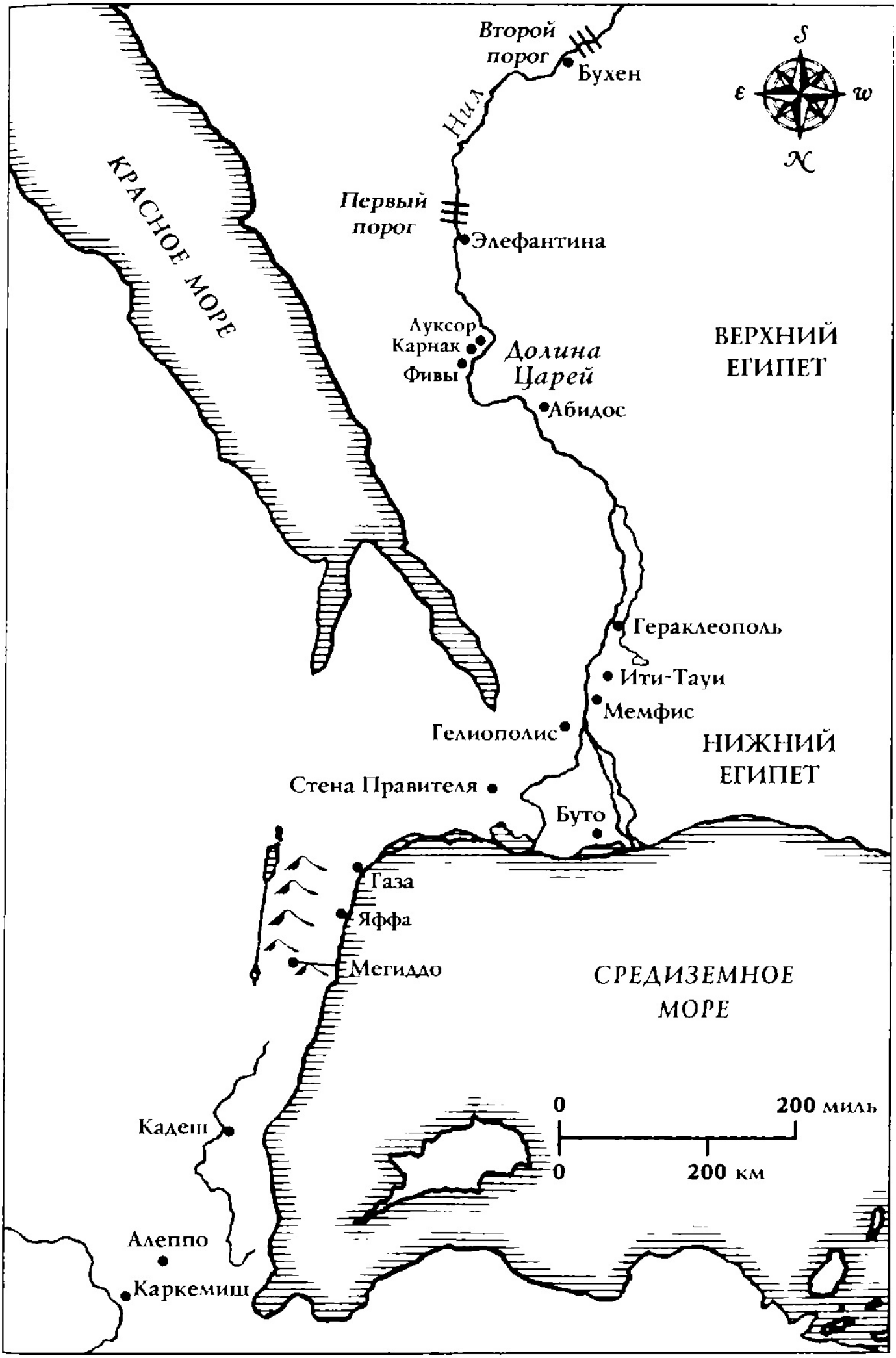
Через двадцать один год после смерти мужа, имея взрослого .соправителя и пасынка, в своей почетной ссылке закаленного годами сражений, Хатшепсут умерла. Ее фаворит и канцлер Сенмут также умер вскоре после нее.

Нет прямых свидетельств того, что Тутмос III был причастен к этим смертям. Но сразу после них он вернулся с фронта и начал беспощадно стирать отовсюду имя своей мачехи. Ее титулы были сцарапаны со всех памятников, какие он только мог найти. Рельефы, демонстрирующие ее божественный статус, были разбиты. Он сбросил ее статуи в расположенную неподалеку каменоломню. Хатшепсут приказала построить обращенные к солнцу обелиски в честь Амона; Тутмос III не разрушил их — вероятно, боясь мести бога, но вокруг них возвели стены, так что их не стало видно.[6] Он также приказал разрушить гробницу Сенмута. Ему исполнилось тридцать лет, и уже давно пора было приняться за работу.

Формально Тутмос III являлся царем Египта уже двадцать два года к тому времени, когда действительно взошел на трон. За все эти годы бездействия он накопил непомерные амбиции. Его кампании в последующие годы по своей интенсивности были воистину наполеоновскими.[100] Он превратился в анти-Хатшепсут, вынеся свои самые крупные стремления в область, которой она пренебрегала.

Тутмос III велел писцам двигаться с армией и описывать его кампании. Эти источники давно пропали — но фрагменты их, скопированные в других записях, показывают нам первые действия фараона. В том же году, когда умерла Хатшепсут, Тутмос III прошел через Ханаан. Царь Кадеша, города, расположенного чуть дальше, чем на полпути вдоль берега, собрал союз для выступления против захватчика. Тутмос встретился с ними у города Мегиддо, который стоял на перекрестке, у перевала через горы, отделяющие Египет от Месопотамии.[101]

Победа была оглушительной. Союзники под предводительством царя Кадеша отступили в город, да так быстро, что солдаты втаскивали друг друга через стены за одежду. Египтяне остановились, чтобы установить снаружи города палатки, что позволило защитникам захлопнуть ворота Мегиддо.

Второй порог
Бухен
Нил
КРАСНОЕ МОРЕ
Первый порог
Элефантина
Луксор
Карнак
Фивы
Долина Царей
Абидос
ВЕРХНИЙ ЕГИПЕТ
Гераклеополь
Ити-Тауи
Мемфис
Гелиополис
НИЖНИЙ ЕГИПЕТ
Стена Правителя
Буто
Газа
Яффа
Мегиддо
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Кадеш
Алеппо
Каркемиш
0
200 миль
0
200 км
S
W
E
N

Самое дальнее продвижение Египта на север

В отличие от ассирийцев, египтяне не имели большого опыта в штурме городских стен; у них не было осадных башен и лестниц.[7] Они должны были добить врага голодом. Через семь жутких месяцев царь Кадеша сдался вместе с военачальниками союзников. Египетская армия вернулась домой с победой, нагруженная сокровищами, вооружением, колесницами, домашним скотом, пленными и зерном: первые трофеи армии, восстановленной после Хатшепсут. Люди, которые в свое время отказались убить Тутмоса III, были теперь вознаграждены за свою верность.

Кампания, похоже, испугала окружающие государства. Семитские военачальники из близлежащих городов начали засылать Тутмосу III подарки, из всех сил стараясь установить мир с суровым молодым человеком на юге. Те города, которые сопротивлялись, были атакованы и разграблены во время египетских кампаний, проведенных в течение нескольких последующих лет. Прибрежный город Яффа попытался поторговаться вместо того, чтобы сдаться без всяких условий. Согласно более позднему изложению, царь этого города согласился нанести визит египетскому командующему, чтобы обсудить условия мира; ему устроили банкет, а затем оглушили и спрятали в задней комнате. Египетский командующий вышел и сообщил вознице колесницы царя, что египтяне решили сдаться Яффе, возница должен поскорее вернуться и сообщить царице Яффы, будто ее муж возвращается с пленными. Вскоре на горизонте появилась процессия пленных египтян, несущих корзины добра из египетского лагеря. Но в каждой корзине сидел вооруженный воин; когда царица Яффы распахнула ворота города, воины выскочили из корзин и заставили город сдаться.[8]

Город Ардата был взят и разграблен более традиционным способом. Солдаты атаковали стены и разбили ворота, и тогда египетские войска, к великой своей радости, обнаружили, что все подвалы города полны вином. Они пьянствовали несколько дней, пока Тутмос III не решил, что пора прекращать веселье. Он приказал сжечь поля и фруктовые деревья и повел своих солдат к следующей цели.[9]

Тутмос III провел в кампаниях на севере почти два десятилетия. Он дошел до Кадеша и заставил город сдаться; он предъявил права на Алеппо; он даже взял Каркемиш, что уже привело его к границам Малой Азии. К последним годам своего правления Тутмос III полностью отплатил за годы ссылки. Его Египет простирался почти до Евфрата, куда северная граница страны никогда больше не доходила.

Сравнительная хронология к главе 28

Малая Азия /Месопотамия Египет Анитта (ок. 1790 года до н. э.) Второй Переходный период (1782–1570 годы до н. э.) Тринадцатая династия (1782–1640 годы до н. э.) Смерть Самсуилуна (1712 год до н. э.) Четырнадцатая династия (1700–1640 годы до н. э.) Завоевание гиксосами (1663 год до н. э.) Хаттусили I (1650–1620 годы до н. э.) Пятнадцатая, Шестнадцатая и Семнадцатая династии Мурсили I (1620–1590 годы до н. э.) Камее Завоевание хеттами Вавилона (1595 год до н. э.) Хантили (1590–1560 годы до н. э.) Новое Царство (1570–1070 годы до н. э.) Восемнадцатая династия (1570–1293 годы до н. э.) Яхмес I (ок. 1570–1546) Хатшепсут + Тутмос III (ок. 1504–1483 годы до н. э.) Тутмос III (в одиночку) (ок. 1483–1450 годы до н. э.)

Глава двадцать девятая
Трехстороннее соперничество

Между 1525 и 1400 годами до н. э. северная Митанни отобрала у хеттов земли на западе и заключила договор с египтянами на юге

Северный край Египетского царства, теперь располагавшийся близ Евфрата, никогда не находился в полной безопасности. Он был слишком далеко от Мемфиса, но слишком близко к хеттам. Он также слишком приближал египетскую границу к другому врагу.

Несколькими веками ранее — около 2000 года до н. э. — горное племя со склонов гор Загрос начало продвигаться на запад. Эти люди, называемые хурритами, пересекли Тигр в центре Месопотамии и расселились мелкими группами между городами. К 1700 году несколько крохотных независимых хуррит-ских царств располагались на северных окраинах Месопотамии, выше Ашшура и Ниневеи, а некоторые хурриты двинулись еще дальше на запад. Хурритские имена появляются в записях купцов из ассирийских торговых постов по всему пути в земли хеттов.[1]

Эти хурриты не являлись организованной нацией и, вероятно, оставались бы в своих отдельных разбросанных деревнях и маленьких городках, если бы новые вторгшиеся племена не внесли в их среду организованное начало. Часть ариев, которые время от времени переселялись в Индию, откололась от основной массы народа незадолго до похода на юг и ушла на запад, в Месопотамию. Радушно принятые хурритами, арии не только поселились среди них и завязали тесные контакты с помощью браков; они со временем вошли в правящую касту хурритов — марианну. Марианну и хурриты стали верхним и нижним классами царства, называемого соседними правителями «Митанни».

Хурриты не особенно стремились использовать письменность, поэтому трудно проследить точно, что происходило в их землях между 1700 и 1500 годами. Но ко времени, когда Тутмос III начал свой поход на север, царство Митанни уже имело собственную официальную столицу Вашукканни, расположенную немного восточнее истоков Евфрата. Парраттарна, первый царь марианну, имя которого нам известно, взошел на престол во время царствования Хатшепсут — вероятно, около 1500 года до н. э.. Под его руководством хурритские войска прошли через Месопотамию до Ашшура. Этот город, поглощенный вавилонским царством Хаммурапи, был потерян Самсуилуной; с тех пор им правил любой военачальник, который мог удержать власть. Теперь он стал провинцией царства Митанни, а его царь сделался вассалом, служащим царю Митанни.[2]

Царство Митанни не достаточно сильно, чтобы противостоять Египту. Перед лицом энергичного натиска Тутмоса III его войска отступили; один из триумфальных монументов Тутмоса III стоит на восточном берегу Евфрата, глубоко на территории Митанни. Но египетское продвижение в эти земли не дало много пленных. Царь Митанни и его войска отступили, увернувшись от стратегического поражения.[3]

В том же году, когда Тутмос III вернулся в Египет, чтобы умереть, царь по имени Саустатар воссел на трон Митанни в Вашукканни.[102] Он начал строительство собственной империи; его войска прошли на восток до дальних берегов Тигра, на запад до Тарса и на юг до Кадеша.

Восточные кампании Саустатара, судя по всему, не обеспокоили никого настолько могущественного, чтобы он стал возражать. Но продвижение на запад привело Саустатара к конфликту с хеттами, а его марш на юг через земли западных семитов вывел его прямо на наследников Тутмоса III.

Хетты, оказавшиеся теперь лицом к лицу с агрессивным царем Митанни и его хорошо организованной армией, вступили в неспокойный век.

Годы вероломных убийств и постоянные перемены во дворце означали, что каждый новый правитель хеттов, который приходил на трон, должен был начинать с самого начала, выстраивая поддержку среди своих чиновников и убеждая население Хатту-сы, что он имеет право на власть. Это поглощало все его силы и оставляло мало времени и энергии на организацию охраны границ империи. Города на краях ее начали отпадать.[4]

За семьдесят пять лет до похода Саустатара на запад к границам хеттов, один из них, по имени Телепин попытался решить эту проблему. Телепин наверняка не принадлежал к царской линии. Его зять, сам человек, не имевший прав на трон, нанял убийц, чтобы провести интенсивную «чистку» царской семьи. Резня уничтожила не только всех принцев, которые стояли в очереди на трон, но также всех наследников другого знатного рода, который мог бы заявить права на власть, если бы текущие правители исчезли с пути. Телепин поначалу отстраненно наблюдал, как его зять планирует свою коронацию, но затем получил сообщение, что будущий царь планирует также убрать самого Телепина как возможную угрозу для себя. Предвосхищая события, Телепин вывез зятя за город и объявил царем себя.[5]

Возможно, это изложение событий представляет Телепина в приукрашенном свете, так как рассказ взят из его собственных записей. Однако в качестве правителя он, по крайней мере, оказался на своем месте и смог понять, почему хеттская империя распадается: внутренняя борьба с убийствами конкурентов отвлекала внимание правителей от управления державой. В самом начале своего правления Телепин попытался остановить это. В документе, известном как «Эдикт Телепина», он длинно и детально изложил правила законной передачи короны от одного правителя к другому. Хетты, объяснил он в предисловии, могут выжить, только если правители законно следуют друг за другом. *«Принц, сын первого уровня [то есть от основной жены царя] должен становиться царем,* — писал он. — *Если нет принца первого уровняу может наследовать принц второго уровня [сын менее знатной жены]. Если совсем нет принца, наследует муж царской дочери первого уровня».*[6]

ЧЕРНОЕ МОРЕ
Галис
Хаттуса
МАЛАЯ АЗИЯ
ХЕТТЫ
Куссара
Неса
Вашукканни
(предпол. место)
Пурушханда
МИТАННИ
Тарс
Каркемиш
Ниневея
Алалах
Угарит
Алеппо
Евфрат
Ашшур
Тигр
Кадеш
Мари
Оронт
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Мегиддо
Галилейское оз.
Вавилон
ЕГИПТЯНЕ
Мемфис

Митанни

Эдикт также предписывал наказания за различные преступления от колдовства до убийства, как сделал Хаммурапи двести лет тому назад. Несмотря на нестандартное начало, Телепин пытался внедрить исполнение закона в царстве, которое работало практически как военный лагерь. Но для начала хеттам следовало стать чем-то похожим на реальное государство.

Ко времени смерти Телепина в 1500 году, как раз перед тем, как Хатшепсут захватила египетский трон, империя оправилась от раздирающих конфликтов прежних лет. К несчастью, Эдикт Телепина, как и Кодекс Хаммурапи, не мог работать без сильной личности для его поддержки. Старший сын Телепина умер раньше него, поэтому Телепин (как и было прописано в его законе) оставил трон зятю, мужу своей старшей дочери. Но этот зять вскоре потерял трон, занятый его убийцей, и за следующие сто лет хеттская империя прошла еще один цикл внутренней борьбы, о которой почти не сохранилось последовательных свидетельств — только отрывочные записи. Шесть безымянных царей занимали и теряли трон, в то время как края империи снова начали отпадать. Хеттская армия, разделенная и дезорганизованная, не имела шанса оказать сопротивление Тутмосу III. Когда египетские войска атаковали Каркемиш, хетты отступили и оставили свою землю.

Вскоре на хеттские территории вторглись войска Саустатара. Хеттская армия не могла одновременно противостоять еще и Митанни; Саустатар двигался на запад к Тарсу без особых трудностей. Алеппо выплатил ему дань. То же самое сделали хеттские города Алалах и Угарит.

Среди всех этих событий жители Ашшура воспользовались возможностью восстать против их митаннийского наместника. Саустатар, не медля, послал туда войска, чтобы напомнить городу, кому тот принадлежит; сделав при этом одновременно и символический, и практический жест, он увез обитые золотом ворота города в свою столицу Вашукканни.[7]

Как только весть о смерти Тутмоса III разлетелась по подвластным Египту землям на севере, города западных семитов восстали. Саустатар делал все от него зависящее, чтобы поддержать мятеж против Египта, включая отправку собственной армии в помощь восставшим в Кадеше. Сын Тутмоса III, Аменхетеп II, который только что взошел на трон, немедленно отправил армию на север. Ко второму году своего правления он уже был у границ Митанни.

Но генерального сражения не произошло. Под властью Саустатара царство Митанни стало достаточно сильным, чтобы создать Аменхетепу II серьезные проблемы. Последний предпочел риску открытой войны заключение договора.

В своей земле он из всех сил старался изобразить это победой: надпись в Карнаке заявляет, что владыки Митанни приползли к нему на коленях, прося мира:

Правители Митанни пришли к нему со своим племенем за спиной искать мира у Его Чести... Знаменательное событие, о каком не слыхивали с древних времен. Эта земля, которая не знала Египта, просила прощения у Его Чести! [8]

Но это было явно сочинено, чтобы спасти лицо фараона: Аменхетеп II просто не решился напасть. Ни одна копия договора не сохранилась, но несколькими веками позднее традиционная пограничная линия между двумя странами по реке Оронт все еще соблюдалась.[9]

В течение двенадцати лет и Аменхетеп II, и Саустатар передали троны своим сыновьям. В Египте на трон взошел Тутмос IV; в Митанни со столицей Вашукканни взял верх Артадама. Примерно около 1425 года до нашей эры два царя продлили мир, в котором поклялись их отцы. Формальный договор тоже имел место — и, что еще более важно, Тутмос IV согласился жениться на одной из дочерей Артадамы.

Письмо, написанное внуком Артадамы несколькими десятилетиями позже, объясняет, что Тутмос IV написал Артадаме «м попросил для себя дочь моего деда... он писал пять-гиестьраз,

ноАртадама не соглашался отдать ее; тогда он написал дедушке седьмой раз, и на этот раз [мой дед] согласился»}[0] Это также не похоже на правду, как и рассказ Аменхетепа об унижениях правителей Митанни в надежде на договор. Египетские фараоны не просили в жены иностранных принцесс. Но договор с Египтом дал Митанни новое ощущение собственного величия. Как и дворец в Мемфисе, царский дом Митанни видел себя суверенным и могущественным, и снисходительно оказывал любезности просящим царям других стран.

Даже если Тутмос IV ничего и не просил, этот союз был для Египта очень полезным, впоследствии он имел влияние на сдерживание хананитов — при помощи обещанного союза со своими добрыми друзьями. Ни один город западных семитов, глядя на громадную империю на юге и такую же громадную на севере, не осмеливался восстать. Последовал мир, основанный на страхе.

Сравнительная хронология к главе 29

Малая Азия/Месопотамия	Епшет
Анитта (ок. 1790 года до н. э.)	Второй Переходный период (1782–1570 годы до н. э.)
	Тринадцатая династия (1782–1640 годы до н. э.)
Смерть Самсуилуны (1712 год до н. э.)	
	Четырнадцатая династия (1700–1640 годы до н. э.)
	Завоевание гиксосами (1663 год до н. э.)
Хаттусили I (1650–1620 годы до н. э.)	Пятнадцатая, Шестнадцатая и Семнадцатая династии
Мурсили I (1620–1590 годы до н. э.)	Камее Хетты завоевывают Вавилон (1595 год до н. э.)
Хантили (1590–1560 годы до н. э.)	Новое Царство (1570–1070 годы до н. э.)
Восемнадцатая династия (1570–1293 годы до н. э.)	Яхмес I (ок. 1570–1546 годы до н. э.)
Телепину (1525–1500 годы до н. э.)	Хатшепсут + Тутмос III(ок. 1504–1483 годы до н. э.)
Парраттарна (Митанни)	Тутмос III (в одиночку)(ок. 1483–1450 годы до н. э.)
Саустатар (Митанни)	Артадама (Митанни)
Тутмос IV (1419–1386 годы до н. э.)	

Глава тридцатая
Перемещающиеся столицы Шан

В Китае между 1753 и 1400 годами до н. э. цари династии Шан переносят свою столицу пять раз и в конце концов останавливаются в Инь

На востоке династия Шан успешно правила территорией, которая ранее принадлежала государству Ся.

От этих ранних времен династии Шан сохранилось мало подробностей. Но руины городов Шан показывают, что в первой половине правления династии — от традиционной даты ее начала в 1766 году до н. э. и примерно до 1400 года — правители Шан не имели единой столицы. Предание говорит нам, что за эти 350 лет столица меняла место пять раз. С полной точностью определить эти места невозможно, но археологи считают, что все они размещались в непосредственной близости от Хуанхэ, восточнее бывшей столицы Ся, в земле, которая, наиболее вероятно была древним владением Тана.

Эти перемещения показывают, что новая династия, хотя и смогла удержать для себя царский титул, еще не могла похвастаться всей полнотой власти. Во время правления

наследников Тана хаос, который отмечал последние годы династии Ся, все еще сказывался на новом режиме.

Самым влиятельным чиновником Тана был И Инь[103] — человек, который поднялся к вершинам власти либо благодаря репутации мудреца, приобретенной во время проведения сельских работ вокруг тогдашней столицы Бо, либо потому, что служил придворным поваром и готовил исключительные блюда (великий историк Сыма Цянь зафиксировал обе истории).[1]

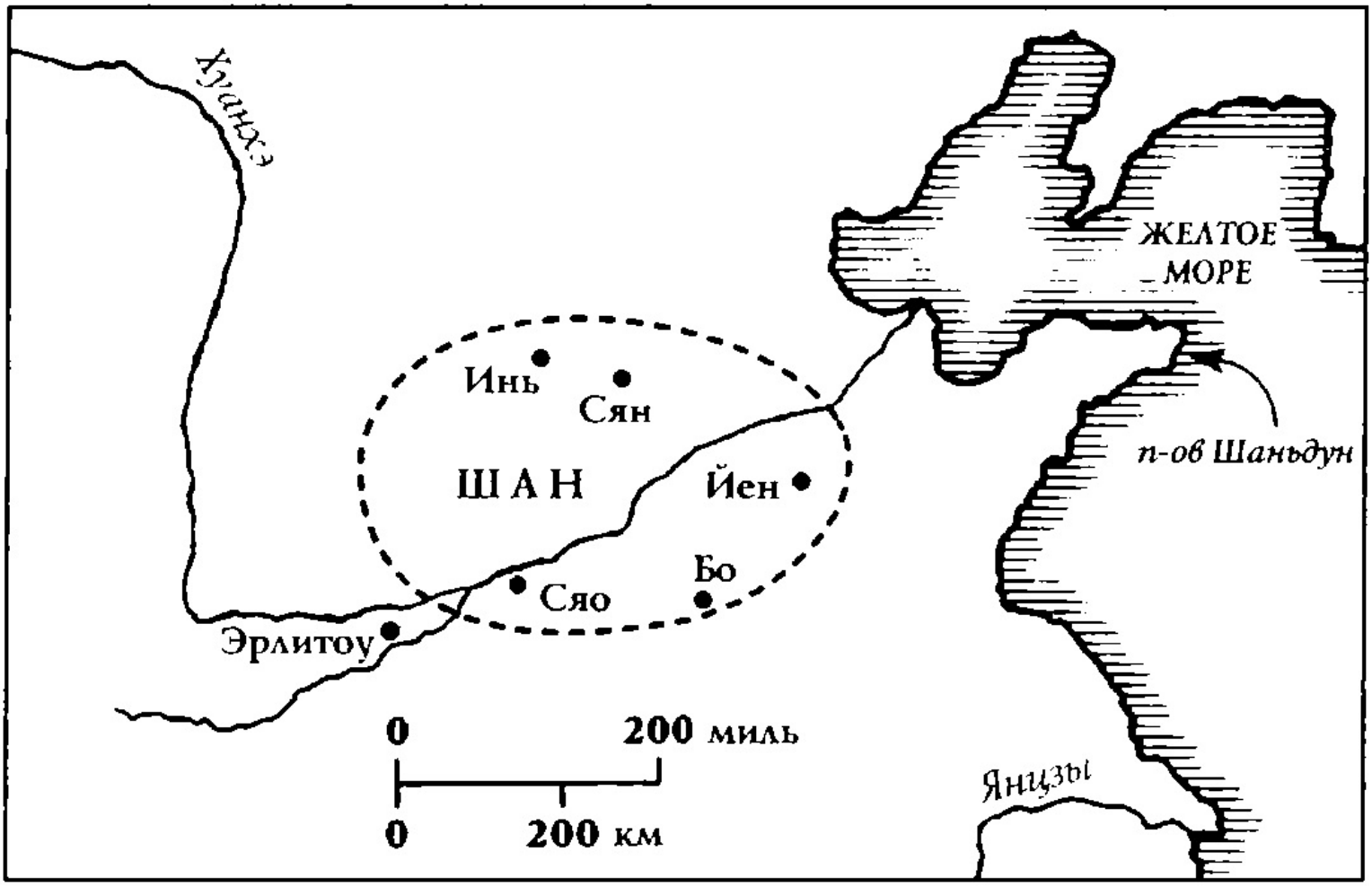
Каково бы ни было его происхождение, И Инь оказался способным администратором, но весьма непредсказуемым человеком при дворе Тана. Более поздний рассказ предполагает, что он временно изменил царю, перейдя на службу к его врагам, но затем вернулся обратно к своему прежнему господину.[2] И что еще важнее — он находился у руля во дворце во время массовой гибели наследников Шан.

Когда Тан умер после довольно долгого тридцатилетнего срока правления, И Инь все еще служил при дворе высшим должностным лицом. Тан назначил своего старшего сына быть его наследником, но молодой человек «умер до того, как его возвели на трон». Второй сын (по-видимому, моложе и более уступчивый) занял трон вместо него — но умер через два года; затем был коронован третий и последний сын, и через четыре года он умер тоже. Если исключить гемофилию или склонность к самоубийству, эта череда смертей выглядит более чем странно.

Сыма Цянь, который рассказывает историю в деталях, не высказывает подозрений относительно И Иня; и правда, тот не делал прямых попыток захватить трон после смерти последнего сына. Вместо этого он поддержал вступление на престол внука Тана — Тай Цзя, ребенка старшего сына, умершего шестью годами ранее. Но этот шаг предполагает хитрость, а не лояльность. И Инь знал, что знать Китая не допустит восхождения на трон бывшего повара (или бывшего крестьянина); он прокладывал путь к фактической, а не формальной царской власти. Благодаря непонятной смерти всех сыновей Тана на престоле теперь оказался ребенок, и этот ребенок находился под руководством И Иня.

Согласно изложению Сыма Цяня, И Инь провел первый год правления Тай Цзя, записывая наставления, которым должен был следовать молодой царь. По-видимому, этим наставлениям не следовали: через три года после коронации Тай Цзя он «показал себя недалеким и тираничным, он не следовал предписаниям Тана и дискредитировал престиж Тана»?Тж как юноша был, вероятно, еще очень молодым, трудно понять, как он мог быть тираничным. Более вероятно, что он просто дергался на веревочках кукловода. В ответ И Инь объявил, что добродетель трона в опасности, и отослал молодого царя под арест во дворец в двадцати пяти милях от города. Следующие три года «И Инь возглавлял администрацию от имени императора и в таком качестве принимал феодальных владык».

Сыма Цянь заканчивает рассказ на радостной ноте. Через три года ссылки молодой император «раскаялся в своих ошибках, понял свою вину и вернулся к хорошему поведению». Предположительно это означает, что он был теперь готов принимать руководство И Иня, который приветствовал его возвращение и вернул ему власть. *«И Инь,* — заключает Сыма Цянь, — *решил, что теперь мальчик прекрасен».*

Столица государства Шан

Другой вариант этой истории, рассказанный в других источниках, может быть ближе к правде: Тай Цзя бежал из дворца, где его охраняли, вернулся в столицу и казнил регента.

Никаких подробных рассказов о правлении следующих четырнадцати царей династии Шан не сохранилось — но мы знаем, что при десятом царе, Чун Дине, династию охватило некоторое беспокойство. Чун Дин перевел свою столицу в Сяо. Раскопки на месте, где предполагалось найти столицу, открыли город, окруженный стеной из утрамбованной земли толщиной до девяноста футов и почти в тридцати футов высотой. Эта стена потребовала, вероятно, восемнадцать лет работы десяти тысяч строителей.[4] Царь из рода Шан не обладал над своими подданными такой безоговорочной властью, как фараоны Египта, но все-таки имел достаточно возможностей, чтобы заставить работать такую массу народа.

Несмотря на огромные вложения труда в эту стену, менее чем через два поколения двенадцатый царь династии Шан снова перенес столицу — на этот раз в Сиань. Его наследник, тринадцатый царь династии Цзу И, переехал в четвертую столицу — Гэн. Когда она была разрушена наводнением, Цзу И перенес центр государства в город Йен, став таким образом единственным царем династии Шан, который за время своего правления сменил три столицы.

Эта постоянная миграция столичного города Шан ставит в тупик. Каждое другое древнее царство (насколько мы знаем) пыталось построить в качестве столицы отдельный город, оставляя его только перед лицом вражеского вторжения или национального бедствия. Перемещение столицы могли бы вызвать разливы или изменения русла Хуанхэ. Но Китай эпохи Шан был еще более изолирован, чем веками ранее был изолирован Египет; там не было торговли по воде с другими народами, не было и внешних сухопутных маршрутов.

Враждебность знати из соседней деревни могла служить ближайшим эквивалентом иностранному вторжению. Сыма Цянь говорит, что были годы подъемов и падений мощи. Во время правления некоторых царей Шан феодалам «приходилось оказывать уважение», а другие монархи находили, что удобнее, когда феодалы остаются в стороне и отказываются посещать столицу с дарами.[5] Власть царя династии Шан не была безусловной. Возможно, громадная стена из утрамбованной земли была построена для защиты от подданных и соотечественников царя.

Примерно около 1400 года царь Пань Гэн решил переместить столичный город на другой берег Хуанхэ. Придворные возражали, сопротивляясь вплоть до мятежа. Но Пань Гэн был непоколебим.

История, сохранившаяся со дней правления Пань Гэн, с лукавой гибкостью сообщает о сохранении короны Шана даже перед'лицом переворота. Три различных древних текста передают ответ Пань Гэна его придворным, когда те заартачились при объявлении, что уже пора освобождать старую столицу:

«Я спросил [оракула] и получил ответ: „Это не место для нас”. Когда предыдущие цари проводили какое-нибудь важное дело, они уделяли почтительное внимание знакам Неба. В случае, подобном этому, они особенно не поддавались желанию постоянного покоя; они не оставались верными одному городу. К нашему времени столица была уже в пяти местах... [Мы должны] следовать примеру тех старых времен... следовать похвальным курсом предыдущих царей». [6]

В этом предании Пань Гэн дает объяснение постоянному перемещению столицы из города в город и подает этот знак слабости как традицию, освященную веками и утвержденную божественным одобрением. Его предки не меняли местоположение своего правительства, потому что не могли контролировать беспорядки вокруг себя. Вместо этого они переезжали сами, потому что отказывались погрязнуть в «постоянном отдыхе». Трудности прошлого преподносятся как доказательство силы.

Стратегия сработала, и резиденцией нового сильного двора стал город Инь. «Правительственный Инь опять процветает, — пишет Сыма Цянь, — и вся феодальная знать прибыла ко двору, чтобы продемонстрировать почтение Пань Гэну, который повторил мудрое поведение Тана»? Сам Пань Гэн, несмотря на то, что принудил своих вельмож к нежелательной миграции, стал объектом народной любви. После него место правителя занял его младший брат, и при этом та самая знать Китая, которая «выказывала сопротивление, не желая переезжать», «вздыхала по Пань Гэну».

Хеттские цари раздирали свое царство на части, борясь за власть. Шанские владыки не сопротивлялись, а гнулись. Вместо того, чтобы бороться с оппозицией, они перемещались и меняли земли — но удерживали трон Китая в течение нескольких веков.

Сравнительная хронология к главе 30

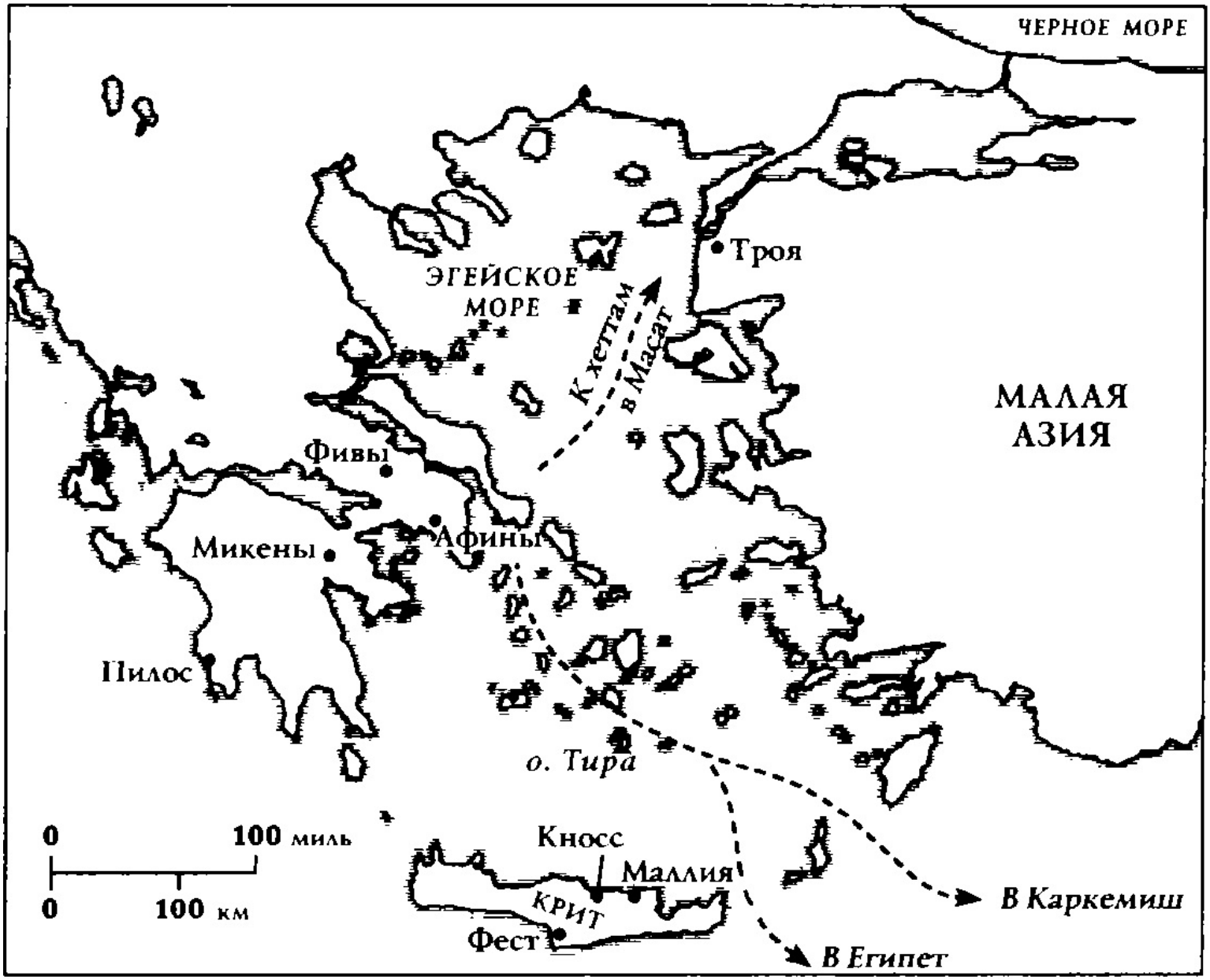
Египет Китай Династия Шан (1766–1122) Тан Тай Цзя Четырнадцатая династия (1700–1640 годы до н. э.) Завоевание гиксосами (1663 год до н. э.) Пятнадцатая, Шестнадцатая и Семнадцатая династии Чун Дин (Сяо) Камее Хэ Дань Цзя (Сиань) Новое Царство (1570–1070 годы до н. э.) Восемнадцатая династия (1570–1293 годы до н. э.) Цзу И (Гэн, Йен) Яхмес I (ок. 1570–1546) Хатшепсут + Тутмос III(ок. 1504–1483 годы до н. э.) Тутмос III (в одиночку)(ок. 1483–1450 годы до н. э.) Тутмос IV (1419–1386 годы до н. э.) Пань Гэн (Инь) (ок. 1400)

Глава тридцать первая
Микенцы в Греции

На Греческом полуострове между 1600 и 1400 годами до н. э. микенские города борются со своими соседями и ведут морскую торговлю

Пока минойцы Крита все глубже погружались в упадок и хаос, города на полуострове к северу от него становились все крупнее.

К 1600 году до н. э. население города Микены начало хоронить своих правителей высоко на холме в могилах, набитых ценностями. Кем бы ни были эти цари, они имели достаточную власть над своими подданными, чтобы и после смерти к ним испытывали почтение. Но их власть распространялась не слишком далеко за стены Микен. Царский дворец в Микенах мог состязаться с дворцом в Фивах на северо-востоке полуострова; третий сходный по масштабам дворец стоял в Пилосе на юго-западном берегу, а четвертый был построен совсем недалеко, в Афинах.[1] Города Греческого полуострова, отделенные друг от друга грядами гор, были независимы друг от друга и имели собственное управление с самых первых дней своего существования.[104]

Микенцы

Несмотря на независимость, города активно торговали между собой, имели общие язык и культуру. Именно по городу Микены, самому крупному на полуострове, эта культура и

получила свое название; по мнению историков, Фивы, Афины и Пилос также были населены микенцами.

Свидетельство, сохраненное для нас греческим историком Плутархом (и подтверждаемое другими историками), говорит о том, что минойцы и микенцы традиционно враждовали друг с другом с очень давних пор. Один из сыновей Миноса, путешествовавший по землям на севере полуострова, был убит микенцами, и в качестве платы за кровь сына Минос приказал городам Микен взять на себя обязательство поставлять живых юношей и девушек в качестве пищи для быка-человека, живущего под дворцом в Кноссе.

По утверждению Плутарха, это обязательство выполнялось городом Афины на юго-восточном берегу. Два года население Афин отправляло Минотавру своих сыновей и дочерей. Но к третьему году афинские родители начали с растущей горечью роптать, обвиняя царя Эгея, который, похоже, был беспомощен против тирании минойцев. Перед лицом их растущего гнева принц Тесей — старший сын Эгея — принял решение: он присоединится к третьей отправляемой партии дани седьмым юношей и попытается сразиться с Минотавром.

Эгей, не особенно надеясь, что его сын вернется, тем не менее, оснастил корабль для отправки дани, несший черный парус, дополнительным белым парусом. Тесей пообещал поднять этот парус, если он одолеет Минотавра и вернется невредимым. Если он вместе с другими падет жертвой человеко-быка, кормчий оставит черный парус, чтобы отец узнал о самом худшем до того, как корабль войдет в порт.

На Крите Тесея и остальных жертв отправили в Лабиринт, чтобы в его коридорах на них охотился Минотавр, пока не съест, или они не умрут от истощения, не в состоянии найти выход. Но Тесей успел переглянуться с дочерью Миноса, Ариадной. Когда его уводили в лабиринт, девушка тайком дала герою клубок ниток. Тезей предусмотрительно привязал конец нити к дверному косяку у ворот подземелья, бросил клубок на землю и шел за ним, когда тот медленно катился вниз, к находящемуся под землей центру Лабиринта. Он достиг логова монстра, убил Минотавра и затем вернулся по нити назад. Затем он собрал остальных узников и повез их домой, сначала «просверлив дыры в днищах критских кораблей, чтобы предотвратить преследование».[2] Но в упоении победой Тесей забыл сменить на корабле парус. Увидев на горизонте зловещий черный знак, Эгей бросился в море со скалы возле Афин. Тесей прибыл с победой в погруженный в траур город — а изумрудное море под стенами Афин с тех пор известно как Эгейское, в память о его отце.

Обрывки реальной истории посверкивают на гранях этого мифа. Мастерство микенцев в мореходстве отражается в просверливании Тесеем дыр в днищах кораблей и в приведении своего корабля домой. В «Илиаде», созданной восьмью веками позже, город Микены хвалится отправкой сотни кораблей в объединенный греческий флот: такое огромное количество кораблей изготовил царь Микен — один из самых могущественных лидеров экспедиции против Трои. Но ко временам Гомера Микены превратились в маленький, обветшалый и бессильный городишко.[3] Список кораблей в Илиаде свидетельствует о гораздо более древней истории морского могущества Микен.[105]

Куда более вероятно, что микенские корабли были нагружены товарами, а не живой данью. Микенские гончарные изделия доходили на восток, до самого Каркемиша, а на северо-востоке — до Масата на севере земель хеттов. Микенские корабли плавали на юг до Египта, где нашли чашу из Микен, закопанную согласно официально принятому при Тутмосе III обычаю.[4]

Но в основном микенцы торговали с минойцами Крита. Царские захоронения Микен, место погребения, называемое Круг царских гробниц, наполнено минойской керамикой, ее раскраска

сделана в минойском стиле, а фигуры микенцев изображены одетыми в минойские платья. Щиты солдат Кносса, сделанные из воловьих шкур, раскрашены пятнами, которые подражают защитной окраске животных; щиты микенцев несут такой же рисунок.[5]

Наконец, именно от минойцев микенцы научились письменности. Письменность минойцев развилась из образцов, возникших тысячи лет назад: из печатей с пиктограммами на товарах, а от пиктограмм — к модернизированному пиктографическому письму. Самая ранняя форма этого письма сохранилась на Крите в россыпях табличек и гравировок на камне, она обычно называется «линейное письмо А», чтобы отличать его от более тонкого последующего «линейного письма Б», варианта минойского письма, которое распространилось на север до микенцев.[6]

Несмотря на некоторые общие черты культур, между двумя народами с древних времен шла война. Победа Тесея — победа ума и культуры над грубостью и невежеством — отражает более позднее пренебрежение греков к другим цивилизациям. Даже Геродот озвучивает эту насмешку, объясняя, что греческий правитель Поликрат был первым человеком, развившим флот и утвердившим свое владычество на море: *«Я не принимаю в расчет Миноса из Кносса и всех остальных ранее Миноса, которые держали море под контролем,* — замечает между прочим Геродот, — *остается лишь Поликрат, он первый, кто сделал это, из тех, кого мы называем человеческой расой».*

Эта неприязнь обострилась соперничеством между двумя народами. Корабли обеих цивилизаций ходили в Средиземное море, и было не похоже, чтобы два флота могли сосуществовать в мире. Торговля с Египтом, имевшим золото и слоновую кость, была слишком прибыльной, любой царь понимал преимущества монополии. Но Крит мог похвастать стратегически выгодным положением, ведь он лежал как раз на торговом пути на юг, к Египту.

Минойские товары, найденные в микенских могилах, говорят о долгом периоде доминирования Крита. Но после извержения Тиры в соперничестве между Критом и Грецией наступил перелом. Теперь уже микенские гончарные изделия и чаши начинают массово появляться в минойских домах, а примерно с 1500 года до н. э. критские гробницы обнаруживают четкий микенский орнамент, который не появлялся на острове прежде.[8] Противостояние между Афинами и Кноссом завершилось: как победоносный Тесей, микенские города простерли властную руку над островом.

Примерно в 1450 году город Кносс был разграблен, хотя его дворец остался на месте. Дворцы Маллии и Феста сравняли с землей. Несколько городов на Крите были покинуты; другие уменьшились в размерах, словно их молодое население, участвовавшее в сражениях, погибло или бежало в страхе.

Впрочем, как показало время, изменения не были такими уж значительными. Мы можем только предположить, что микено-минойские взаимоотношения еще более ухудшились, перейдя от острого соперничества к открытой войне. То, что дворец в Кноссе уцелел, свидетельствует о том, что завоеватели нуждались в существовании центрального минойского правительства; какой бы микенский царь ни осуществил вторжение, он мог использовать Кносс как собственную резиденцию.[9]

Но жизнь на Крите после завоевания, как было сказано выше, не претерпела значительных изменений. Гробницы остались более или менее такими же по конструкции. Писцы и торговцы продолжали пользоваться «линейным письмом Б», гончарные изделия минойцев тоже не изменились мгновенно.[10] Ко времени окончательного покорения Крита захватчики-микенцы стали больше похожи на минойцев. Их прибытие было больше похоже на поглощение, формальный переход лидерства от одной страны к другой, завершивший процесс, длившийся в

течение веков. Цивилизация минойцев изменилась изнутри; в Лабиринте была пробита брешь.

Сравнительная хронология к главе 31

Китай	Греческий полуостров
Династия Шан (1766–1122 годы до н. э.)	
Тань	
Тай Цзя	
Чжун Дин (Сяо)	
Хэ Дань Цзя (Сиань)	
	Царские могилы микенцев (ок. 1600 года до н.э)
Цзу И (Гэн, Йен)	
	Микенское вторжение на Крит (ок. 1450 года до н.э)
Пан Гэн (Инь) (ок. 1400 года до н. э.)	

Глава тридцать вторая
Битва богов

Между 1386 и 1340 годами до н. э. один фараон заключает стратегические союзы, следующий изменяет религию Египта, а пленные иудеи уходят в пустыню

Союз между принцессой Митанни и египетским фараоном Тутмосом IV, скрепивший договор между двумя странами, был, по-видимому, успешным; их сын Аменхетеп стал следующим фараоном.[106]

Судя по сроку его правления, Аменхетеп III был еще подростком, когда взошел на трон в 1386 году до н. э. Его правление было отмечено укреплением мира и ростом богатства египетских городов. Надписи Аменхетепа III не повествуют о битвах; они описывают деяния царя, имевшего в своем распоряжении много свободного времени. Согласно одной надписи, за первые десять лет своего правления он убил 102 львов — это был любимый спорт египетских царей.[1] Другая приписывает ему убийство в один день пятидесяти шести диких быков во время охоты на диких животных. Очевидно, быков запирали в огороженном месте, прежде чем он начинал охоту; это сильно облегчало задачу.[2]

Торговля Египта процветала; среди предметов, найденных в Микенах, есть несколько вещей с нанесенным на них именем Аменхетепа III. И хотя царь совершил обязательное путешествие в Нубию, чтобы подавить еще один мятеж, сражение оказалось незначительным по масштабу. Дворцовая запись кампании говорит нам, что Аменхетеп

«...наследник Ра, сын Ра, возлюбленный Ра... Его величество привел к победе; он завершил дело первой же победной кампанией»?

Эта одна военная кампания осталась единственной у Аменхетепа за все его правление. Хотя он присвоил себе титул «Покаравший азиатов», это было чисто публичным ходом — он никогда вообще не разбивал никаких азиатов. Ему этого не требовалось, так как его отец и дед уже создали царство для него.

Вместо этого Аменхетеп развернул масштабное строительство. Он выкопал озеро в милю

длиной, чтобы его главная жена могла с комфортом плавать по нему на царской лодке с названием «Сияние Атона» — по имени бога-солнца. Он построил для себя самого огромный новый дворец; он добавил строений к храму Амона в Карнаке и построил оригинальный храм богу-солнцу возле города Луксор; он выстроил для себя громадный погребальный храм с двумя огромными сидящими по обеим сторонам фигурами, изображающими его самого. Правая статуя, согласно древним свидетельствам, громко стонала на заре и на закате: «Она издает звуки человеческого голоса, когда ее касаются солнечные лучи», — описывал римский историк Тацит.[4] Это происходило, вероятно из-за того, что камень быстро нагревался и охлаждался, но местное население испытывало при этом священный трепет. Аменхетеп открывал новые каменоломни и шахты, построил для себя резиденцию в Мемфисе и воздвиг усыпальницы в различных местах дальше вдоль Нила, к югу.[5] И он активно женился на всех принцессах, каких только мог найти. По крайней мере, семь дочерей мелких царьков из Месопотамии и земель западных семитов приехали во дворец Аменхетепа III в качестве невест.

Это было весьма целесообразно с политической точки зрения — но, вероятно, соответствовало также и его личным вкусам. Письмо, посланное одному из дворцовых чиновников правителем Газы, который по поручению фараона следил за самыми южными землями западных семитов, говорит:

«Посылаю вам информацию об отправке вам... прекрасных женщин... Все женщины, в количестве сорока, стоят по сорок кусков серебра каждая. Отправляю очень красивых женщин, но проверьте, чтобы ни у одной не было резкого голоса. И тогда царь, ваги господин, скажет вам: „Это очень хорошо». [6]

Как и его отец, Аменхетеп III протянул руку мира царству Митанни, все еще сильному и представляющему собой угрозу на севере. Царь Митанни Артадама — его дед по материнской линии — передал трон своему сыну Сударне II. Когда Аменхетеп III сел на трон, Сударна уже правил империей Митанни 10–12 лет.

Аменхетеп III послал к своему дяде с просьбой о невесте и в ответ получил одну из принцесс (по-видимому, собственную кузину). Она прибыла с 317 слугами,[7] что показывало ее значимость в своем царстве, если не в царстве Аменхетепа; она стала одной из второстепенных жен фараона. Когда Сударну II немного позже сменил его сын Тушратта (брат принцессы), Аменхетеп III снова послал на север предложение о женитьбе. Тушратта согласился на союз, который связывал царские дома Митанни и Египта двойным узлом, и послал на юг собственную дочь. Теперь и сестра, и дочь Тушратты обе находились в египетском гареме, [8] а сам Тушратта стал одновременно зятем Аменхетепа, шурином и кузеном, продолжив таким образом египетскую традицию запутанных генеалогических узлов.

Но, похоже, Аменхетеп III был не прочь сыграть в двойную игру против своего кузена-свекра-шурина и его империи. Он также тайно принимал посланников из города Ашшура, который находился под протекторатом Митанни; вассальный царь Ашшура, Ашшур-надин-аххе II, тайком укреплял стены своего города, готовясь к мятежу.[9]

Аменхетеп III не имел с Ашшуром никаких прямых общих интересов. Вассалы Митанни не должны были торговать с иностранцами напрямую, как независимые государства. Однако фараон не только принял посланцев Ашшура, но отправил их назад со средствами для строительства укреплений, заслужив от Ашшура благодарность — и, вероятно, гарантировав таким образом союз против любой агрессии с севера.

Примерно в то же самое время он заключил тайный договор с новым царем хеттов, заклятых врагов Митанни. Этот царь, энергичный молодой человек по имени Суппилулиума, унаследовал свой титул от длинной цепочки абсолютно незаметных предков, и он тоже

проявлял беспокойство из-за угрожающего могущества Митанни. Когда Аменхетеп III предложил ему союз («Давай строить только самые дружеские отношения между нами», — сказал фараон), хеттский царь согласился.[10]

Но это не стало последним дипломатическим достижением Аменхетепа. Он также женился на дочери касситскош царя Вавилона — человека гораздо старше него; когда же того сменил сын, фараон выслал предложение жениться также и на дочери сына.

Схема была такой же, какую он использовал с царским домом Митанни. Но царь Вавилона выказал неожиданное упрямство и воспротивился воле фараона. В своем письме он возразил, что годами ничего не слышит о своей сестре:

«Ты просишь жениться на моей дочери. Но моя сестра, которую отец дал тебе, уже там, с тобой. И никто не видел ее, никто не знает, жива она или мертва». [11]

Аменхетеп III ответил:

«Разве ты присыпал сюда посла, который знает ее, который мог бы поговорить с ней и узнать ее? Ты присылаешь мне лишь ничтожеств — погонщика ослов вместо посланца!» [2]

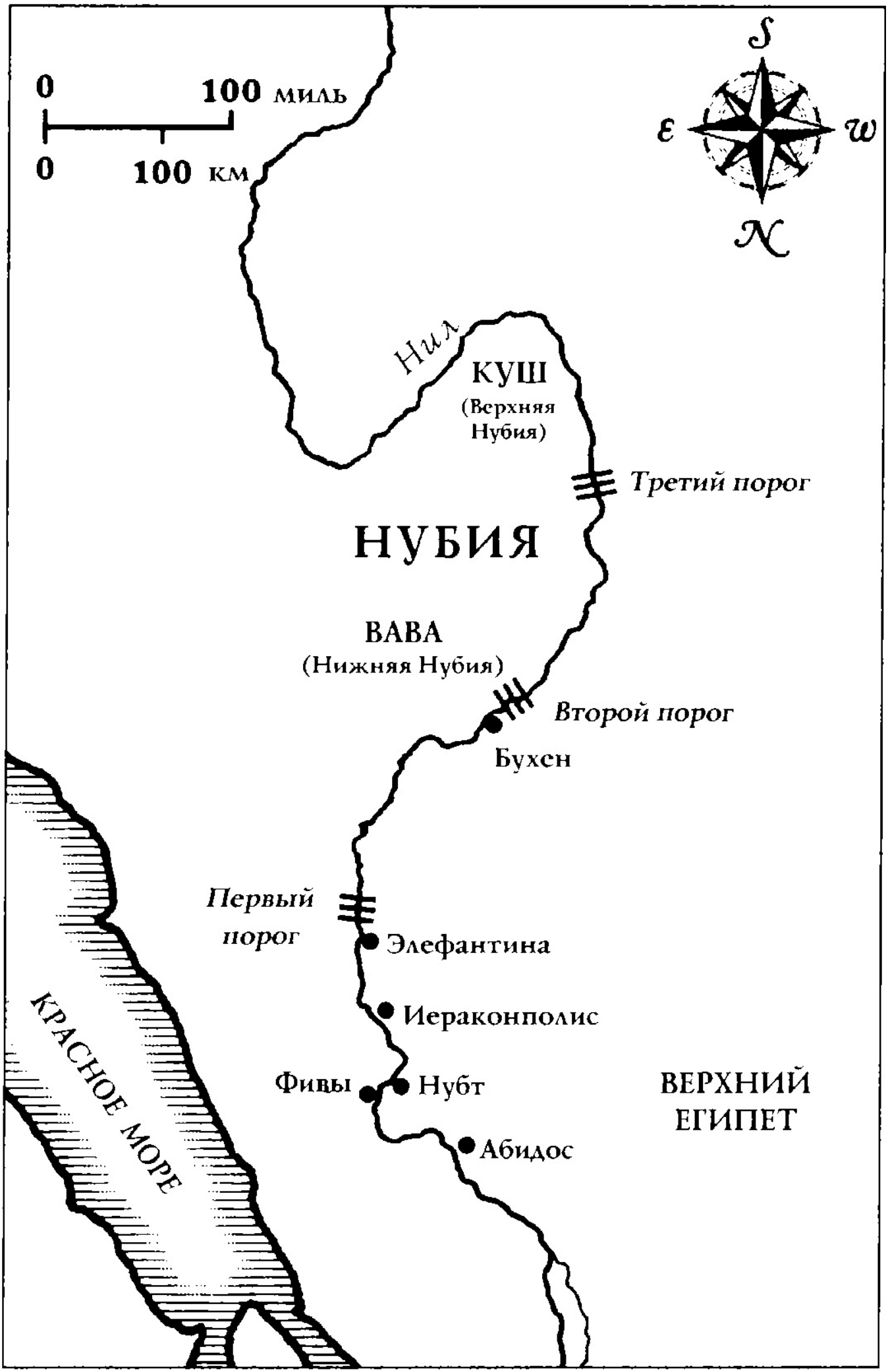
Затем он резко указал, что вавилонский царь имеет репутацию легко отдающего своих дочерей любому, кто взамен предлагает золото.

Грубый намек, что Вавилона заботит лишь выкуп за невесту, был проигнорирован вавилонским царем — похоже, он в любом случае не ожидал от Египта учтивости. В ответном послании он предлагал самому взять в жены египетскую принцессу, но эта инициатива не встретила понимания у Аменхетепа: «С незапамятных времен, — огрызнулся фараон, — ни одна дочь царя Египта никому не отдается». [13] Аменхетеп вел переговоры, планировал браки и женился, чтобы создавать союзы — но он всегда оценивал положение своих союзников как более низкое.

Когда подошло тридцатилетие его правления, Аменхетеп III решил устроить празднование своего первого юбилея, обновления своей власти хеб-сед.

В этот особенный юбилей Нил и его воды чествовались меньше, чем другая божественная сущность — солнце. Солнечный бог Ра был одним из древнейших богов Египта, и с самого начала своего правления Аменхетеп III заявил об особом его почитании. Он взял в качестве одного из царских имен титул «Ра, господин истины», и его надписи обращаются к нему как к «наследнику Ра», «избраннику Ра» и «образу Ра в Двух землях».[14]

Как и матримональная деятельность Аменхетепа, это почитание было удобной комбинацией личного вкуса и политического расчета. После восхождения к власти Пятой династии[107] жрецы Ра лишь немного уступали жрецам Амона, древнего бога-отца, первого из первых в египетском пантеоне. Амон всегда был довольно аморфным божеством; в действительности одним из его образов было отсутствие какого-либо образа, невидимое присутствие. Его называли «Скрывающийся», он был склонен надевать личины, временно заимствуя силу некоторых других божеств, чтобы замаскировать свою мистическую истинную природу.[15] Это давало его клирикам большую степень гибкости. Как показывают титулы визиря Хатшепсут, быть жрецом Амона значило претендовать на владение практически любой частью египетских богатств.[108]

0 100 миль
0 100 км
Ю
З
В
С
Нил
КУШ
(Верхняя Нубия)
Третий порог
НУБИЯ
ВАВА
(Нижняя Нубия)
Второй порог
Бухен
Первый порог
Элефантина
Иераконполис
Фивы
Нубт
Абидос
ВЕРХНИЙ ЕГИПЕТ
КРАСНОЕ МОРЕ

Нубия

Почитанием Ра в качестве своего личного божества Аменхетеп III освободил себя от власти священников Амона — а также избежал передачи храму Амона еще большего количества земель и ценностей. Очевидно, солнце-бог Ра выказал свою благосклонность, пригласив Аменхетепа III в свой пантеон; на рельефе, посвященном празднованию, сын Аменхетепа согнулся в поклоне, выказывая почитание отцу, который стоит высоко на месте солнца.[16]

Это немного необычно: Аменхетеп IV, сын царя, редко появлялся на монументах своего отца, словно Аменхетеп III хотел держать его вне поля зрения своих подданных. Он уже назначил молодого человека на должность наместника царства Куш — это было название далекой южной части Нубии (или «Верхней Нубии»; оно располагалось в районе Третьего порога, в то время как северная часть Нубии, «Нижняя Нубия», была известна как Вават). Отправка наследника трона так далеко предполагает, что Аменхетеп III надеялся держать следующего претендента как можно дальше от трона.

Но он не мог отложить неизбежное навсегда. На тридцать восьмом году своего правления Аменхетеп III начал страдать от болезни, которая мучила его до самой смерти. Его зубы и челюсти, сохранившиеся как часть мумии, были в страшных гнойниках и, должно быть, постоянно болели; вероятно, эта болезнь носила инфекционный характер.[17] Его кузен/свекр/шурин из Митанни прислал ему помощь в виде статуэтки богини Иштар, вывезенной десятилетиями ранее из Ашшура. Аменхетеп III ответил словами благодарности — но, по-видимому, месопотамская богиня не имела силы в Египте; вскоре после того, как Иштар прибыла в Дельту, Аменхетеп III скончался.

Во время его необычайно долгого правления Египет жил в мире и достиг беспрецедентного процветания. Аменхетеп IV, вернувшийся из нубийской ссылки, чтобы занять место отца, имел достаточно богатств для достойной жизни. Он решил превзойти отца в религиозном рвении. Аменхетеп III поклонялся солнцу-богу Ра; Аменхетеп IV положил начало абсолютно новой религии — поклонению самому солнцу.

Сам диск солнца в Египте называли «Атон»; он просто являлся одним из аспектов бога-солнца Ра. Но в руках Аменхетепа IV солнечный диск стал чем-то новым. В отличие от бога в образе смертного, какими были Осирис и Гор, да и сам Ра, диск солнца был абстрактным воплощением божества, демонстрацией чистой власти. В его сиянии другие боги пантеона исчезли.

Солнце не было просто главной силой — оно стало единственной силой. Боги египетского пантеона имели жен и супругов — Атон был единственным и самодостаточным. Боги египетского пантеона появлялись в образе смертных — Атон не имел формы. Боги египетского пантеона имели свои истории — Атон вообще не имел истории.

Аменхетеп IV встал на путь монотеизма.

На пятом году своего правления Аменхетеп IV объявил своим жрецам и придворным, что услышал божественное слово: Атон указал ему место, которое никогда прежде не застраивалось, и там в честь бога должна быть воздвигнута новая столица.

Место было голой и сухой песчаной равниной к востоку от Нила, окруженной полукругом скал. Это была кипящая от жары дыра, где каменные стены вбирали в себя солнечное тепло, а скалы заслоняли от ветров пустыни. Именно тут Аменхетеп IV намеревался построить город Ахет-Атон. Когда строительство началось, он изменил также и собственное имя. С девятого года правления он почти постоянно подписывался Эхнатон — почитатель солнца.[18]

Теперь правитель Египта больше не был просто «любимцем Ра» — он был ребенком Атона, сыном солнца, единственным земным воплощением и представителем этого божества.

Собственная власть Эхнатона происходила напрямую от его знания Единого. Он взял на себя труд объяснить это в длинном кредо, которое написал собственноручно:

«Ты поднимаешься на горизонте Небес, о, живительный Атон, начало жизни... Когда ты садишься на горизонте, земля остается в темноте, будто она умерла... Земля проясняетсяу когда ты появляешься на горизонте. ... Как же много ты делаешь! Деяния твои спрятаны от взора человека, Единственное Божество, похожего на которое не существует. ... Ты в моем сердце, и нет никого другого, кто бы знал тебя так, как знает тебя твой сын, Аменхетеп. Ты сделал его мудрым по своему желанию и своей властью».[19]

Перебравшись в свой новый город, Аменхетеп приказал стереть имя Амона в надписях. Рабочим пришлось замазывать его гипсом и заменять на имя Атон.[20] Амон не являлся настоящим богом; он был искаженной, испорченной версией истинного божества, и его могущественные жрецы больше не были в фаворе. Уничтожение было настолько полным, что едва ли где-то сохранилось хоть одно имя Амона.

Другие боги оказались не в лучшем положении. Эхнатон приказал строить новые храмы Атону, центр которых был открыт сверху, чтобы внутрь могло падать солнце. Прочие храмы были закрыты, жрецов выгнали и запретили вести службы. Их не заменили другими — Атон не нуждался в клириках, в чиновниках от религии, которые могли связать руки фараону. Ни сам бог, ни представитель бога на земле не желали делиться властью.

Несмотря на смену имени, Эхнатон оставался истинным сыном своего отца.

Менее чем через сто лет после правления Эхнатона, когда потомки Авраама ушли из Египта, в стране утвердились другая религия и политическое устройство.

По Пятикнижию, потомки Авраама разрослись до народа: иудеи, которые ранее жили как пастухи и кочевники в землях западных семитов, теперь стали угрозой для египтян. Они пришли сами и привели свои стада в хорошо орошаемый Египет, где поселились на севере и достигли процветания. Библейская история описывает, что коренное египетское население чувствовало себя неуютно рядом с энергичным — и, что гораздо важнее, плодовитым — народом, который старался расширить границы своего расселения и рассыпаться по всей остальной стране.

Египтяне всегда презирали «низких азиатов» на севере, а вторжения со стороны земель западных семитов оставались постоянной угрозой. В недалеком прошлом, еще на памяти живущих, Египет был захвачен западно-семитским народом — гик-сосами, которые (как и иудеи) десятилетиями жили в Египте, прежде чем захватить в нем власть. Поэтому едва ли удивительно, что присутствие еще одних преуспевающих иммигрантов могло заставить египтян нервничать.

Книга Исхода рассказывает нам, что фараон Египта согнал иудеев для принудительного труда на своих строительных объектах, и (когда это не снизило излишков населения) приказал кинуть в реку всех иудейских детей мужского пола. Мать одного из них спрятала своего ребенка. Когда через три месяца она поняла, что младенец стал слишком шумным, чтобы скрывать его дольше, она сделала корзину из папируса, обмазала ее смолой, положила в нее ребенка и поставила в тростнике у берега Нила, как раз возле того места, куда приходили купаться египетские принцессы. Принцесса пришла с толпой сопровождающих и нашла ребенка. Она распознала в нем иудея — но все равно решила взять его. Ребенок вырос во дворце под именем Моисей.

С первого взгляда кажется невозможным, чтобы принцесса взяла иудейского ребенка при существовавшей враждебности. Но мы знаем, что фараоны, начиная с Тутмоса IV, регулярно женились на дочерях восточных царских домов, а это означает, что принцесса вполне могла быть из такой семьи. Она могла знать и историю Саргона, который приплыл младенцем по

Евфрату:

> Скрыла меня мать моя, родив меня тайно.
> Уложила в корзинку, из тростника сплетенную,
> И запечатала крышку ее смолой.
> Столкнула мама корзину в реку, но река пожалела меня.

История рождения Саргона послужила гарантией выбора, доказательством его божественности. Естественно, мать иудейского младенца знала эту легенду и использовала ее, будучи доведена до отчаяния и пытаясь (как оказалось — успешно) поставить своего младенца в один ряд с избранником судьбы.

Реальность пошла навстречу ее маскараду. Выросший Моисей покинул Египет, а затем услышал зов бога, которому поклонялся Авраам: он должен был вернуться в Египет и увести всех иудеев из рабства назад в землю, которую господь обещал потомкам Авраама. Когда Моисей прибыл ко двору, фараон (без сомнения, узнавший иудея-приемыша, который вырос во дворце; вероятно, молодые люди были примерно одного возраста) с возмущением отказал ему. За каждым отказом следовала божественная кара: десять бедствий, каждое последующее суровее предыдущего, пока сопротивление египтян наконец не было сломлено, и фараон согласился позволить иудеям уйти.

Исход стал центральным событием в истории иудеев, определяющим моментом, вокруг которого построена вся история еврейского народа. Но он никак не отражен в египетских хрониках.

Едва ли это удивительно. Исход иудеев был немыслимым случаем, подрывающим не только власть фараона и его двора, но также силу самих египетских богов. Несчастья сыпались, чтобы внедрить в умы тут, дома, мысль о недееспособности египетского пантеона. Нил, кровь Осириса и живая кровь Египта, стал грязным и отравленным; лягушки, священные для Осириса, появились в таком огромном количестве, что обернулись эпидемией; диск солнце скрыла тьма. Ра и Атон — оба оказались бессильными. Ни у одного фараона нет ничего подобного в описаниях событий, которые появлялись в прославляющих их надписях.

Наиболее общепринятая дата Исхода относится к 1446 году до н. э. — это конец правления Аменхетепа II, пра-прадеда Эхна-тона.[109] Другие оценки относят Исход на пару сотен лет позднее, к середине 1200-х годов, более чем на век отстоящих от самого Эхнатона. Большинство историков предполагает, что исход из Египта назад, в земли западных семитов, проходил постепенно, а меньшинство считает, что вообще не было никакого Исхода.

Для нас достаточно того, что иудеи ушли в пустыню и на несколько веков исчезли с международной сцены. Эти годы исторически незаметны, но теологически являются самыми важными. Именно в пустыне родилась их святая книга; в этой книге появляется иудейский бог как единая сила, без каких-либо сопровождающих, божество первого уровня, один-единственный Бог, который приносит жизнь от своего собственного имени.

Несмотря на это описание, иудейское Я есмь и Атон Египта почти не имеют общих черт, кроме своей самодостаточности. Иудейский бог, пусть и не антропоморфен, но четко персонален. Атон — это сила, Атон — это солнце, а иудейский бог никак не идентифицируется с созданным миром, и наверняка никогда не отождествлялся ни с солнцем, ни с луной. Он находится настолько далеко за диском солнца, что невозможно даже начать представлять его. Два монотеистических движения были близки по времени — но не по сути.*

Сравнительная хронология к главе 32

Месопотамия и Малая Азия			Египет
Митанни	Ассирия	Хетгскоецарство	Новое Царство (1570–1070 годы до н. э.)

* По крайней мере, век существовала теория, что Эхнатон обучил Моисея, а затем отправил странствовать в пустыню; она все еще выскакивает время от времени на «Историческом канале» и на радиовещании. Эта версия не имеет никакой исторической основы и на деле необычайно трудно согласуется с любыми другими из более достоверных дат Исхода. Похоже, первым эту версию высказал Фрейдом — который, увы, не был беспристрастным ученым в своем желании объяснить происхождение монотеизма, отрицая при этом уникальность иудаизма. (Прим. авт.)

Восемнадцатая династия (1570–1293 годы до н. э.) Яхмес I (ок. 1570–1546 годы до н. э.) Телепину Хатшепсут + Тутмос III(ок. 1504–1483 годы до н. э.) Парраттарна Тутмос III (в одиночку) (ок. 1483–1450 годы до н. э.) Саустатар Исход (самая ранняя дата) Артадама Тутмос IV (1419–1386 годы до н. э.) Шуттарна II Ашшур-на-дин-аххе II Аменхотеп III(1386–1349 годы до н. э.) Суппилулиума Тушратта Эхнатон (ок. 1349–1334 годы до н. э.)

Глава тридцать третья
Войны и браки

Между 1340 и 1321 годами до н. э., ассирийцы и хетты разрушают Митанни, Тутанхамон ликвидирует религиозную реформу в Египте, а хеттский принц чуть не становится фараоном

В землях Митанни царь Тушратта все больше волновался по поводу хеттов. Их энергичный новый царь Суппилулиума создавал армию по другую сторону гор Таурус, и Тушратта нуждался в помощи, чтобы сдерживать хеттов.

Логичным выбором союзника был Египет. Эхнатон, при всей занятости любимыми делами, все еще был царем самой могущественной империи из всех соседних государств. Он был также племянником Тушратты (а также чем-то вроде внука, так как уже два поколения женщин Митанни выходили замуж за представителей египетской царской семьи). Тушратта предложил фараону еще один брак — отдать за него свою дочь. Эхнатон согласился жениться, и дочь Тушратты отправилась на юг.

Но царь Митанни испытывал все большее раздражение из-за бесцеремонного обращения с ним племянника. В письмах, которыми обменивались владыки, Тушратта жалуется, что золото, отправленное на север в качестве платы за невесту, плохое: «Оно вовсе не похоже на золото, — говорится в одном письме. — Мои люди говорят, что золота в вашей стране больше, чем грязи, и

вероятно, из-за великой любви ко мне ты не захотел послать мне такую распространенную вещь, поэтому отправил вместо него грязь»}

После этого едкого комментария послания Тушратты своему новому зятю становятся все более раздраженными. Он напоминает Эхнатону, что его отец, Аменхетеп III, дорожил дружбой Тушратты (что, учитывая старания Эхнатона превзойти славу отца, было не самым мудрым поступком); он жалуется, что его посланцы томятся возле египетского двора почти четыре года, ожидая, пока фараон обратит на них внимание; вскоре он указывает, что он сам шесть лет ждет ответа на вопрос, отправленный в Египет с гонцом.[2]

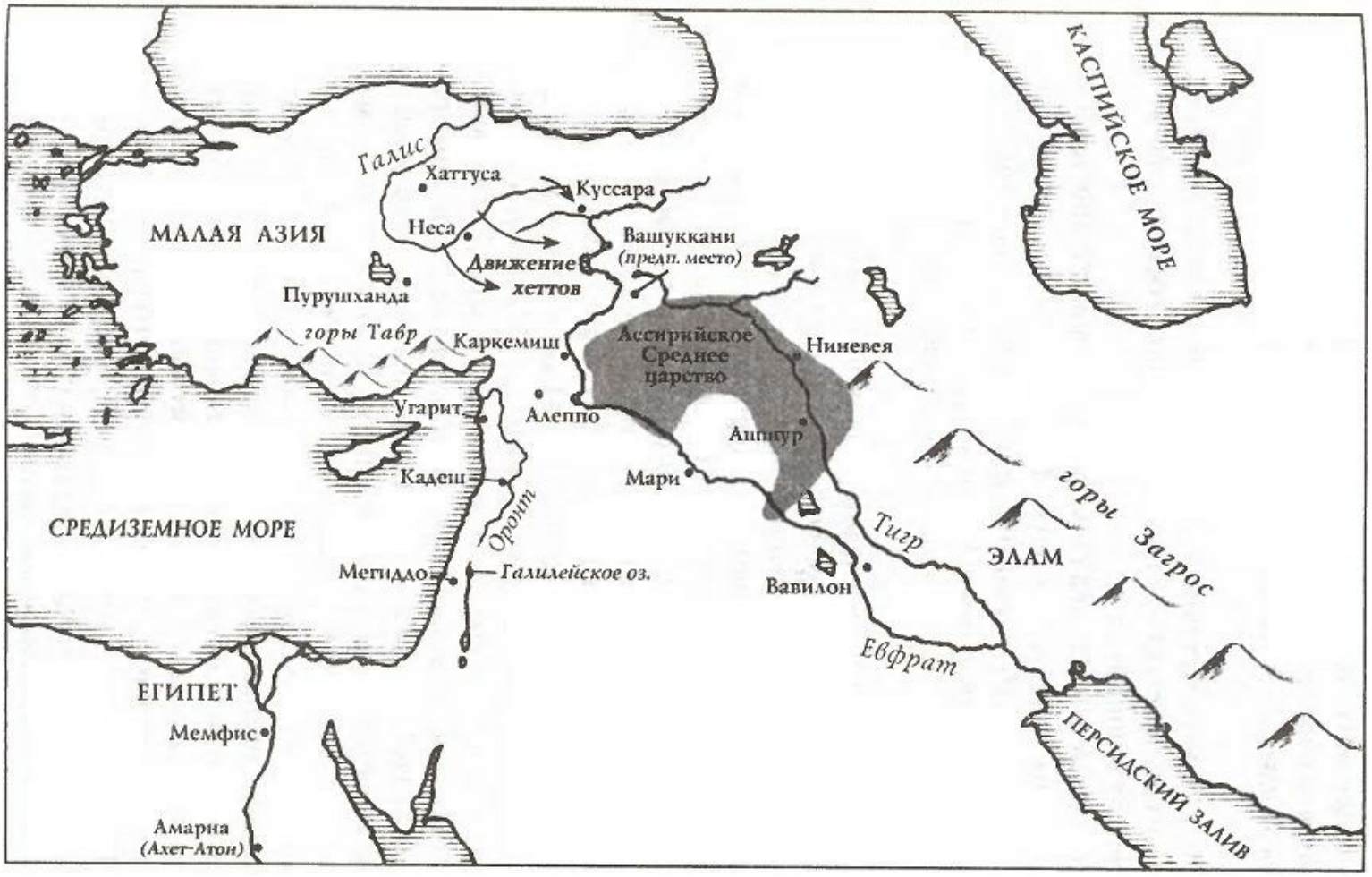
Несмотря на брачные связи, Эхнатон избегал заключения союза с Митанни. Он был достаточно проницателен, чтобы понимать, куда дует северный ветер: хетты вооружались, они были сильны, а Суппилулиума являлся опытным стратегом. Царь хеттов уже посылал новому фараону подарки — сразу же, как только Эхнатон сел на трон. Этот жест доброй воли означал, кроме прочего, напоминание новому царю, что секретный договор между Египтом и Хаттусой все еще действует. «Как твой отец и я стремились к миру между нами, — написал немного позднее Суппилулиума, — так и теперь мы оба, ты и я, будем дружить... Давай помогать друг другу».[3] Поставленный перед выбором между двумя союзниками, Эхнатон выбрал хеттов.

Похоже, Тушратта не знал об этом секретном договоре, но вскоре он увидел его результат: Суппилулиума, уверенный теперь, что Египет не придет защищать Митанни, двинулся на восток, к самой столице Вашукканни. Если Тушратта и смотрел на юг, ожидая помощи, то он делал это напрасно. Двор Эх-натона хранил величавое молчание.

Более того, вскоре у Митанни объявился еще один враг. Аш-шур, который многие годы формально подчинялся Митанни, тайно перевооружался Египтом; теперь эта поддержка дала плоды. Ассирийский царь Ашшур-убаллит (вероятно, внук царя, который первым получил помощь от Аменхетепа III), привел своих воинов и присоединился к хеттам, атаковав Вашукканни с юга.

Тушратта, атакованный и с юга, и с запада, отвел своих людей из северной Месопотамии. Ашшур-убаллит немедленно объявил эту территорию принадлежащей Ашшуру. Впервые после падения династии Шамши-Ададa Ашшур стал царством.[110] И в следующем же своем письме в Египет Ашшур-убаллит употребляет титул Великий Царь (одновременно прося дальнейшего субсидирования): * *

«От Ашшура-убалита, царь Ашшура, Великий Царь, твой брат. Золото в твоей стране подобно грязи; можно просто собирать его. Зачем ты так бережешь его? Я строю новый дворец. Пришли мне золота для строительства. Когда Агигиур-надин-аххе, мой предок, написал твоему отцу, то получил двадцать талантов золота... Если твои намерения относительно меня дружеские, вышли столько же».[4]

Ассирийское Среднее Царство

Это письмо, в отличие от подобного послания от Тушратты, явно не сочли оскорбительным. Вероятно, Эхнатон и не ждал другого от ассирийцев.

Тем временем на западном фронте Тушратте приходилось туго. Хетты подошли к стенам Вашукканни гораздо быстрее, чем он ожидал. Не готовый к осаде, он бежал из города с несколькими придворными. Но он выбрал своих товарищей неудачно: во время бегства один из спутников совершил покушение на него.

Его старший сын и наследник, поняв, что сопротивление бесполезно, вернулся к врагам и сдался. Ему был оказан почет, но у него не было трона. В действительности после падения Вашукканни царства Митанни не стало. Хурриты отступили за Евфрат перед лицом продвигающихся хеттских войск. Тут, на склонах гор Загрос, с которых они пришли, они основали слабое родовое царство, которое крупные силы некоторое время игнорировали.

А Суппилулиума тем временем без особых столкновений продвигался с египтянами вниз на юг вдоль Средиземного моря. Каждый город, который он брал, принадлежал Митанни, а не Египту — хотя на пути он прошел через принадлежавшие Египту земли.[5]

Эхнатон не возражал против образования этой империи. Но его бездействие в это время было не столько проявлением дружбы, сколько вынужденной мерой. Египетская армия мало сражалась под предводительством Аменхетепа IV и еще меньше при его сыне; солдаты отвыкли от войны. По Египту и вверх по берегу Средиземного моря распространилась чума. С чумой пришла нужда. Один второстепенный царек западных семитов писал фараону, извиняясь за нехватку меди, которую он посылал в качестве дани — чума нанесла урон его рабочей силе.

Пострадала даже царская семья. Примерно на четырнадцатом году правления Эхнатона умерла его главная жена, а вскоре за ней — и вторая по положению. Эхнатон, у которого было три дочери и ни одного сына, решил, что самый надежный способ заполучить наследника — это

лично сделать беременными всех трех царских принцесс.

Эта стратегия провалилась. Все дети оказались девочками, а средняя дочь скончалась во время родов.

Эхнатон женил старшую дочь на дальнем родственнике и объявил молодого человека своим наследником. Вскоре принцесса умерла. Старый фараон тоже почувствовал себя плохо и последовал за ней. Наследника короновали и посадили на трон, но всего на несколько дней, а затем он умер тоже. По-видимому, чума добралась и до царского дома.

Придворные выбрали царем девятилетнего мальчика по имени Тутанхатон. Совсем не ясно, был ли он царской крови; но наверняка он не был сыном Эхнатона, хотя, похоже, рос во дворце. В девять лет его забрали от воспитателей и сделали фараоном, его право на власть усилили церемониальной женитьбой на единственной выжившей дочери Эхнатона — самой младшей, которая была старше мальчика и стала уже матерью принцессы (от собственного отца).

Тутанхатон был окружен советниками и придворными, которые наблюдали, как Египет теряет власть над севером, и боролись с чумой, пока Эхнатон строил свои храмы Атону. Мальчик сам видел, как вымирала царская семья, один за другим. Трон должен был казаться ему смертным приговором: теперь его отдали под гнев старых богов.

Поэтому он игнорировал деятельность Суппилулиумы на севере и, наставляемый своими советниками-регентами, начал заниматься более срочными делами. Он отверг имя Тутанхатон и переименовал себя в Тутанхамона, чтобы продемонстрировать свою лояльность древнему богу. Следуя желаниям своих советников, он приказал удалить имя Эхнатона с монументов, снять его надписи с барельефов, разбить его статуи.[111] Великий город Атона стал называться Амарной.

Когда это было сделано, Египту снова пришлось повернуться лицом к остальному миру. Государство Митанни больше не представляло проблемы, но на севере лежало государство гиксосов, огромное и угрожающее; Ашшур-убаллит вел себя в своей столице как император; тем временем в южной части Месопотамии, в Вавилоне, возвысился военачальник касситов Бурна бу-риаш I, который решил заявить протест. Он написал молодому Тутанхамону, предложив новому царю прекратить оказывать уважение Ашшур-убаллиту. Теперь, когда Митанни выпустила Ашшур из рук, заявил Бурнабуриаш, город должен по праву принадлежать Вавилону. Он будет контролировать город, а не Ашшур-убаллит, и совершенно негоже Ашшур-убаллиту называть себя «Великим Царем».[6] Более того, Тутанхамону не следует принимать посланцев Ашшура, будто тот имеет право вести собственные иностранные дела. *«Я не посылал этих ашгиурских вассалов к тебе,* — написал Бурнабуриаш. — *Почему они прибыли в твою страну по собственной воле? Если ты любишь меня, они не будут вести каких бы то ни было дел. Отошли их ко мне с пустыми руками».*[7]

Тутанхамон игнорировал это требование, и ашшурские посланники продолжали появляться при египетском дворе. С Ашшур-убаллитом обращались, как с царем, поддерживали его власть и оснащали его армию; он просидел на своем троне почти тридцать лет.

В конце концов Бурнабуриаш оставил надежду перетянуть Египет на свою сторону против Ашшура и взял другой курс. Он предложил, чтобы Ашшур-убаллит прислал свою дочь в жены вавилонскому наследному принцу, Караиндашу. Аш-шур-убаллит согласился — судя по всему, увидев в этом браке способ обезопасить свою новую империю от нападений с юга. Свадьба была должным образом отпразднована. В свой черед Караиндаш вскоре стал отцом наследника, и два государства, Ашшур и Вавилон, существовали бок о бок в хрупком мире.

Но мир длился только до тех пор, пока не умер Бурнабуриаш. Перед смертью он решил обойти сына в пользу своего полуаш-шурского-полувавилонского внука, оставив несчастного

Кара-индаша в положении царского жеребца-производителя. Вероятно, он надеялся, что мальчик по праву царского наследования будет иметь шанс претендовать и на ашшурский трон — это привело бы Вавилон и Ашшур под одну корону.

Вместо этого он приговорил внука к смерти. Касситы в армии восстали. Они посчитали, что новый царь-полукровка не имеет права на трон Вавилона. Они напали на дворец, убили царя-полуашшурца и поставили на его место военное правительство.[8]

На этом месте в игру вступил Ашшур-убаллит. Фрагменты писем и сохранившиеся надписи не дают возможности подробно восстановить его действия; судя по всему, он казнил убийц своего внука. Был провозглашен новый царь — но невозможно сказать точно, кто был этот новый царь или какую роль играл в коронации Ашшур-убаллит. Мы можем сказать наверняка только то, что ашшурцы не пришли править Вавилоном. Кас-ситский царь, быть может, младший сын Бурнабуриаша, остался на троне города. В какой-то момент во время хаоса Караин-даш, по-видимому, был убит.

Ашшуро-вавилонский союз не был единственным странным браком в этом регионе.

Процарствовав чуть менее десяти лет,- Тутанхамон неожиданно умер; обстоятельства его смерти никогда не станут известны — возможно, его поразила стрела. Он был похоронен с великой помпой. Может, его гробница была и не богаче гробниц его предков — но, в отличие от других, она оставалась не разграбленной до ноября 1922 года.

Тутанхамон не оставил после себя детей. Его жена Анхесе-намон (как и муж, она сменила свое имя в честь Амона) была беременна дважды. Оба раза она рожала преждевременно, и младенцы появлялись мертвыми. Их крохотные тельца были тщательно забальзамированы и похоронены с отцом в царской гробнице.[9]

Теперь, когда ее муж умер, в царской семье не осталось живых родственников-мужчин, и не было ребенка от Тутанхамона, чтобы стать при нем регентшей. Анхесенамон начала беспокоиться о своем будущем. В конце концов, египетский двор не был свободен от амбициозных мужчин, которые были бы рады захватить власть — скорее всего, после ее неожиданной смерти. Главным среди них был ее дед по материнской линии — Эйе. Эйе служил у Эхнатона первым министром, оставался советником при Тутанхамоне и все еще находился во дворце: старый, потерявший терпение человек, который знал, куда прячут тела. Таким же могущественным, хотя и не таким старым, был полководец Хоремхеб, чья служба началась еще при правлении Аменхетепа III. Несмотря на такой долгий срок службы, ему было меньше пятидесяти — он поступил в армию в тринадцать лет.

Анхесенамон, боясь обоих, придумала безумный план. Она написала царю хеттов Суппилулиуме и попросила его прислать одного из своих сыновей в Египет. Если он сделает это для нее, пообещала женщина, то она выйдет замуж за сына царя хеттов и сделает его фараоном.

В Египте не сохранилось копии этого письма, это предполагает, что оно было секретным. Письмо было найдено в развалинах Хаттусы, хеттской столицы:

«Мой муж умеру и у меня нет сына. А у тебя их много. Если ты дашь мне одного из сыновей, я сделаю его своим мужем. Я не могу выбрать никого из слуг и сделать его своим мужем... и я боюсь».[10]

Такой ход был абсолютно неожиданным, и Суппилулиума испугался. Он был в хороших отношениях с Египтом, но не настолько хороших. Согласно его личным записям, он послал на юг несколько шпионов, чтобы выяснить серьезность намерений Анхесенамон.[11] Когда они ответили, что да, действительно, наследника на горизонте нет, Суппилулиума согласился на предложение и подготовил одного из сыновей к путешествию на юг.

Принц, однако, так туда никогда и не попал. Его встретила на границе радушная свита,

организованная Хоремхебом — судя по всему, Анхесенамон вынуждена была открыть военачальнику свой план. Хоремхеб недаром служил в армии несколько десятилетий: он хорошо знал, что лобовые атаки всегда более рискованные, чем нечаянные случайности. Двигаясь через Дельту к своей свадьбе, хеттский принц случайно умер.

Какие переговоры состоялись потом в Египте, неизвестно. Но немедленно после этих событий Эйе женился на своей внучке Анхесенамон и предъявил претензии на трон. Его первым шагом стало письмо Суппилулиуме, где отрицалась какая-либо причастность к смерти принца (и вина ловко переводилась на Хоремхеба). Суппилулиума мог и не поверить в это — но у него не было возможности отомстить за смерть сына. Прежде, чем он успел отправиться со своей армией на юг, в лагере хеттов разразилась чума, и самый великий хеттский царь умер.

Эйе очень скоро тоже умер, просто от старости. Он правил менее четырех лет. Как только его похоронили, Хоремхеб объявил себя фараоном. Что случилось с Анхесенамон, осталось тайной. После брака со стариком египетские записи никогда больше снова не упоминали ее имени.

Сравнительная хронология к главе 33

Месопотамия и Малая Азия		Египет
Митанни	Ассирия Хеттскоецарство	
		Новое Царство (1570–1070 годы до н. э.)
		Восемнадцатая династия (1570–1293 годы до н. э.)
		Яхмес I (ок. 1570–1546)
Телепину		
		Хатшепсут + Тутмос III(ок. 1504–1483 годы до н. э.)
Парраттарна		
		Тутмос III (в одиночку) (ок. 1483–1450 годы до н. э.)
Саустатар	Исход (самая ранняя дата)	Артадама Тутмос IV (1419–1386 годы до н. э.)
Шуттарна II	Апппур-на-дин-аххе II	Аменхотеп III(1386–1349 годы до н. э.) Тушратта
Суппилулиума	Ашшур-убал-лит	Эхнатон (ок. 1349–1334 годы до н. э.) СреднееЦарство
Тутанхамон(ок. 1333–1325 годы до н. э.)	Эйе (ок. 1325–1321 годы до н. э.)	Хоремхеб (ок. 1321 -1293 годы до н. э.)

Глава тридцать четвертая
Величайшая битва древности

Между 1321 и 1212 годами до н. з. начинается Девятнадцатая династия Египта, Рамзее II насмерть бьется с хеттами у Кадеша, а ассирийцы начинают век завоеваний

Хоремхеб смог продержаться на египетском троне двадцать восемь лет. Он закончил

восстановление храма Амона, которое начал Тутанхамон; он приказал сровнять с землей остатки храма Атона; он восстановил духовенство Амона простым назначением на роль его жрецов своих старых армейских товарищей. Так как он имел самый высокий ранг в египетской армии, то мог быть абсолютно уверен, что армейская дисциплина сдержит среди жрецов-офицеров любое намерение узурпировать власть.[1] А затем он умер в возрасте глубоко за восемьдесят, пережив пять правивших фараонов.

У него не было сына, поэтому он назначил своим наследником другого военного. Этот военный стал Рамзесом I — первым фараоном, который не имел никакой кровной связи (реальной или воображаемой) с любой из предшествующих царских линий. Он был ненамного моложе Хоремхеба и умер после года пребывания на троне, не совершив ничего заметного.

Но с этого непримечательного начала берет истоки великая Девятнадцатая династия Египта.[112] Рамзее I передал трон своему сыну Сети (его помнят в основном из-за строительства храмов в любом более-менее подходящем месте); Сети, в свою очередь, оставил корону своему сыну — Рамзесу И. Рамзес II заслужил славу благодаря продолжительности своего правления, количеству строительных проектов, легендарной силе своей армии и тому, что случайно выдержал величайшее сражение в мире.

После убийства сына Суппилулиумы и смерти великого хетгекого царя от чумы хеттско-египетский договор расстроился. Вдоль границы между двумя странами стали обычными вооруженные столкновения. Ко времени прихода на египетский трон Рамзеса II корона хеттов перешла к Муваталли — внуку Суппилулиумы, а Египет потерял свои самые северные владения: город Кадеш, который Египет удерживал больше века, перешел в руки хеттов.

Первый раз новый фараон женился в пятнадцать лет или около того, и к двадцати пяти уже был отцом по крайней мере семерых детей, а также участвовал как минимум в двух военных кампаниях отца в землях западных семитов.[2] Воцарившись в Египте, он недолго выжидал, чтобы атаковать главного противника — хеттов. В 1275 году, примерно через три года после восшествия на трон, он начал планировать кампанию по возвращению назад Кадеша. Город стал больше, чем просто предметом спора; он сделался символом противоборства между империями. Кадеш находился слишком далеко на севере, чтобы египтянам было легко его контролировать, и слишком далеко на юге для управления со стороны хеттов. Та империя, которой он принадлежал, могла хвастаться превосходством в силах.

К концу 1275 года Рамзее II узнал от своих шпионов, что Муваталли нет нигде возле Кадеша. Это создавало прекрасные условия для нападения, поэтому Рамзее II собрал неслыханное число солдат — согласно его собственному рассказу, двадцать тысяч, разделенных на четыре отряда с названиями Амон, Ра, Птах и Сет. Он двинулся на север. Чтобы добраться до Кадеша, потребовалось не менее двух месяцев, но Рамзее II был уверен в успехе, так как им были захвачены и допрошены солдаты из передового отряда хеттов; они сообщили ему, что армия хеттов все еще далеко на своей территории и не может скоро оказаться у Кадеша. Он выстроил четыре свои «дивизии» в боевой порядок, символизирующий иерархию богов: Амон — впереди, Ра — следом, Птах — за ним и Сет — сзади, и двинулся к городу.

Но захваченный передовой пост оказался подсадной уткой. Муваталли находился как раз позади Кадеша с сорока восемью тысячами солдат хеттов и наемников, собранных как раз для этого случая. Почти три тысячи солдат находились на колесницах, каждая из которых имела возницу, лучника и щитоносца, чтобы защищать лучника во время стрельбы.[3] Пока армия Рамзеса разворачивалась у Кадеша, а первая дивизия разбивала осадный лагерь к западу от города, войско Муваталли выкатилось вперед, как сметающий все на своем пути ураган. Хетты обошли дивизию Амон с тыла и ударили по второй дивизии, Ра, отрезав под Кадешем самого

Рамзеса II с пятью тысячами солдат дивизии Амон от оставшихся позади двух дивизий.[4] Почти семьдесят тысяч человек схлестнулись у стен Кадеша.

Возглавляемый Рамзесом авангард египтян был гораздо слабее противника, и его вместе с фараоном ждала незавидная судьба. Но неожиданно хетты столкнулись с проблемой. Дивизия Амон развернулась на относительно небольшом пятачке, пригодном для маневрирования, и когда колесницы атаковали ее, они стали мешать друг другу, потеряли строй и начали сбиваться в кучи.[5] Пехота хеттов по численности многократно превосходила египтян, но к Рамзесу II вовремя подошла помощь. Судя по всему, он заранее послал часть армии морем — вероятно, на случай, если его силы вдруг попадут в трудное положение на суше.[6] Свежие резервы подошли к полю боя с севера — как раз в тот момент, когда дивизия Птах атаковала противника с юга. Такое сражение на два фронта, похоже, привело хеттов в замешательство; их армия, в значительной мере состоявшая из наемников, оказалась менее дисциплинированной, чем менее многочисленные, но сплоченные и организованные египетские войска. Муваталли имел людей в резерве — но отвел их, возможно, подозревая, что у египтян на подходе еще есть подкрепление. Когда темнота спустилась на поле боя, хетты отступили, чтобы перегруппироваться.

На заре сражение началось снова. Но теперь элемент неожиданности был упущен, и опыт египетских солдат дала свой результат. Битва зашла в тупик, и Муваталли предложил перемирие. Рамзее II отклонил предложенный мир — но, по-видимому, согласился уйти домой с пленными и добычей, оставив Кадеш в руках хеттов. Когда он вернулся в Египет, то объявил там о своей победе.

Если эта победа и не стала оглушительным триумфом, она превратилась в таковой несколько позже, когда Рамзее II, приукрашивая рассказы о сражении, приказал вырезать на стенах египетских храмов посвященные ей рельефы (их сохранилось не менее девяти), со множеством детальнейших изображений египтян, убивающих хеттов. Изложение рассказа об этой битве стало школьным упражнением для выработки почерка у детей, как и победы Цезаря над галлами веками позже.[7] Битва при Ка-деше, хотя реально и окончилась вничью, стала символом египетской военной мощи.

Это показывает, насколько далеко ушел Египет от былого могущества. Государство все еще оставалось мощным — но оно стало империей, мировое лидерство которой зависело от репутации не меньше, чем от реальной силы. Если бы египетская армия в действительности оставалась такой непобедимой, какой ее изобразили на рельефах Рамзеса II, он не отступил бы домой, оставив Кадеш в руках хеттов. Вместо этого Рамзее посвятил свою деятельность символам превосходства; он строил на безопасных территориях своих земель больше храмов, статуй и монументов, чем любой другой фараон до него. Так уж сложилось, что Рамзее II приобрел репутацию одного из величайших фараонов в египетской истории — хотя на деле он потерял часть северных владений, приобретенных Тутмосом III двести лет тому назад.

На севере другая великая империя испытывала свои трудности. К этому моменту хетты, похоже, заключили договор с царями Вавилона далеко на юге — по крайней мере, мы можем предположить это, так как Муваталли именно в Вавилон посылал гонцов за врачом, чтобы тот приехал и помог ему в какой-то личной медицинской проблеме. Сохранилось письмо, написанное братом Муваталли после смерти царя, отвечающее на запрос Вавилона о докторе, возвращения которого ждали при вавилонском дворе. «Он женился на моей родственнице и решил поселиться тут, — примерно так говорит письмо, — поэтому перестаньте обвинять меня, будто я держу его в тюрьме; какая мне польза от арестованного доктора ?»[8]

Отношения между хеттами и ассирийцами были менее дружественными. Новый царь

Ашшура Адад-нирари упорно пробивался на север через территории, на которых после ухода Митанни царил хаос, и объявлял их своими владениями. Он также провел минимум одну пограничную войну с Вавилоном на юге, во время которой Ассирия смогла захватить порядочную часть северной вавилонской территории. Победы были настолько впечатляющими для Адад-нирари, что он, обратившись к освященной веками ассирийской традиции, назвал себя Царем Мира:

«Адад-нирари, прославленный владыка, — начинается одна надпись, — любимец богов, господин, посланец земли богов у основатель города, победитель могущественных духов касситов... который побеждает всех врагов и на севере$_y$ и на юге у который топчет их земли... который берет в плен все население и расширяет границы; царь, к ногам которого Ашшур... принес повиновение всех царей и владык».[9]

Тем временем хеттский царь Муваталли умер после многих лет правления. Он оставил трон своему сыну, который немедленно лишил положения при дворе следующего наиболее могущественного человека — брата Муваталли (и собственного дядю), попытавшись отправить его в ссылку. Этот человек, Хаттусили, не пожелал отправляться в изгнание. Он собрал своих последователей, арестовал царя и сам объявил себя царем под именем Хаттусили III. Самый длинный сохранившийся со времени Хаттусили III документ — это прочувствованный текст, известный как «Извинение», в котором он более или менее логично объясняет, что (1) боги дали ему право править и (2) успешный захват им трона доказывает, что боги дали ему право править.[10] Это не совсем убеждало хеттов; отдельные записи из Хаттусы свидетельствуют, что царь провел большую часть своего правления в сражениях, пытаясь одержать верх в гражданской войне.

Очень скоро Хаттусили III понял, что не может справиться одновременно с собственным народом, с египтянами на юге и с нарастающей ассирийской угрозой на юго-востоке. Ассирийского Адад-нирари сменил на троне Салманасар I, который оказался даже еще более агрессивным, чем его предшественник, и запустил процесс захвата остальной территории бывшего царства Митанни. В одной битве против Салманасара хеттские солдаты присоединились к силам арамеев, но были обращены в бегство: «Я убил бессчетное количество побежденных и разбежавшихся воинов, — хвастался Салманасар I. — Я вырезал полчища их, 14 400 из них я уничтожил и взял живыми в плен». Последнее означало, что он взял их в плен и ослепил — этот беспричинный акт жестокости стал стандартной практикой в войнах ассирийцев. Салманасар также заявил, что захватил 180 городов, превратив их в руины: «Армию хеттов и арамеев, а также их союзников, я вырезал как овец».[и]

Ассирия на востоке не предполагала мира, поэтому Хаттусили решил обезопасить свою южную границу, заключив мир с Египтом. Для Рамзеса II это было довольно сложный момент, так как законный наследник трона, сын Муваталли, сбежал от дяди из тюрьмы и объявился при египетском дворе, прося убежища.[12] (Он обращался также к ассирийскому царю Салманасару — но тот, не желая предоставлять убежище, отказал хеттскому беглецу.)

Почуяв прекрасную возможность принять под свое покровительство империю хеттов, Рамзее II тоже отказал ему. Он выпроводил сына Муваталли, согласился на мир с узурпатором дядей и даже закрепил союз с ним, женившись на двух дочерях Хаттусили III. Мир был неизбежен; Рамзее II больше не контролировал большинство территорий западных семитов, которые когда-то принадлежали Египту. Мелкие царьки, живущие вдоль берега Средиземного моря, не имели чести видеть барельефы, разъяснявшие, что битва при Кадеше была великой победой египтян. Они просто знали, что египтяне отошли после тяжелой битвы; сами же эти земли ныне находились в состоянии постоянных мятежей. Для египетской армии не

существовало возможности добраться до земель хеттов без сражений на каждом шагу своего пути.

Египет был вынужден заключить союз с врагом. Но Рамзее II все еще обдумывал возможность разворота. Он имел договор, который обещал, что Египет не будет атакован хеттами, условия договора были вырезаны на стенах храма в Карнаке с предварительным замечанием, говорящим, что хетты явятся к нему просить мира. И он отказался послать свою дочь на север, чтобы она вышла замуж за хеттского принца, хотя дочерей у него было множество. К этому времени Рамзее II, большой любитель женщин, имел больше ста детей; на храмовых рельефах они следуют за ним, как будто он был дудочником-крысоловом. Египетских принцесс не отправляли в иностранные земли.

Версия же хеттов о договоре, опубликованная в Хаттусе, заявляет, что египтяне первыми попросили мира.[13]

Рамзее II умер, когда ему было далеко за восемьдесят. Он оказался вторым по продолжительности правления фараоном в египетской истории. Он оставил свои следы по всему Египту; его храмы Амону и остальным богам египетского пантеона, его монументы и его статуи, его города и его надписи были повсюду. Его бальзамировщики предусмотрительно сохранили выдающийся крупный нос фараона при помощи перца, чтобы тугое бинтование мумии не сплющило его на лице. В результате эта характерная черта его облика видна не только во всех концах Египта, но выделяется также и на мумии.

Сравнительная хронология к главе 34

Месопотамия и Малая Азия			Египет
Митанни	Ассирия	Хеттскоецарство	
			Тутмос III (в одиночку) (ок. 1483–1450 годы до н. э.)
Саустатар			
			Исход (самая ранняя дата)
Артадама			Тутмос IV (1419–1386 годы до н. э.)
Шуттарна II			
	Ашшур-на-дин-аххе II		Аменхотеп III (1386–1349 годы до н. э.)
Тушратта		Суппилулиума	

Ашшур-убаллит Эхнатон (ок. 1349–1334) СреднееЦарствоАссирии Тутанхамон(ок. 1333–1325 годы до н. э.) Эйе (ок. 1325–1321 годы до н. э.) Хоремхеб (ок. 1321–1293 годы до н. э.) Адад-нера-ри I Муваталли Девятнадцатая династия Салманасар I Хаттусили III Рамзее II (ок.1278–1212 годы до н. э.)

Глава тридцать пятая
Битва за Трою

Микенцы нападают на город Трою между 1260 и 1230 годами до н. э. — и сильно страдают

от своей победы

На северо-западному берегу Малой Азии, в самом углу полуострова, куда никогда, даже во времена своего наибольшего величия, не доходила власть хеттов, стоял город Троя.

В годы, когда Вавилон и Ассирия, Вашукканни и Хаттуса сражались за право контролировать земли от Залива до берегов Средиземного моря и севернее, почти до Черного моря, множество горных племен, пустынных вождей и древних городов все еще оставались независимыми, от контроля крупных государств. Троя была одним из таких городов. Она возникла почти за две тысячи лет до описываемых событий, когда ее царь возвел стены вокруг своей крохотной деревушки, чтобы защитить людей от враждебного и алчного окружения. За века город не раз сгорал и вновь отстраивался, дряхлел и обновлялся, уменьшался и затем вырастал снова — опять и опять, оставляя слой за слоем культурные отложения.

В дни, когда Рамзее II и Хаттусили III заключили свой договор, Троя, лежавшая не так далеко на западе от процветающего царства хеттов, переживала свое седьмое возрождение (названное археологами «Троя Vila).* Это был богатый город, не испытывавший особой нужды во ввозе продуктов питания или товаров: Троя стояла на равнине с большим количеством плодородных земель. В ближайших водах водилось много рыбы, на лугах паслись овцы. Кроме того, Троя была знаменита своими табунами лошадей, которые питались излишками зерна.[1]

Но в период между 1260 и 1230 годами до н. э. Троя была уничтожена огнем и войной. Ее стены были снесены, в самом городе имела место резня: непогребенные человеческие кости так и остались валяться на улицах.

История о начале этой войны через пятьсот лет была изложена в «Илиаде».

После снятия с нее кожуры предвзятости суть легенды становится достаточно ясной. Менелай, царь греческого города Спарта, женился на принцессе из Аргоса, города, который лежал севернее его собственного. Эта принцесса, Елена, привлекла блуждающий взгляд Париса, сына царя Трои, довольно храброго воина, но завзятого бабника. Между прочим, в глазах собственных сограждан мужского пола это отнюдь не делало его образцом мужественности и объектом для подражания — что выгодно отличает тогдашних троянцев от наших современников. «Парис, красавчик, — кричит ему брат, — ты волокита и соблазнитель/».[2]

Словом, Парис соблазнил Елену и затем увез ее в Трою. Ме-нелай, супруг Елены, решил отомстить и попросил своего брата Агамемнона помочь ему в войне с Троей.

Агамемнон был могущественным греческим царем (его народ у Гомера именуется ахейцами), поэтому он призвал все греческие города присоединиться к их войску и отплыть единой флотилией к Трое, чтобы отомстить за оскорбление брата (оскорбление Елены при этом не особо учитывалось). Греки прибыли на берег Малой Азии, но не смогли взять город из-за доблести троянских солдат и высоты троянских стен. Войска расположились вокруг города, взяв его в блокаду на долгие десять лет.

Осада — декорация центральной драмы Илиады, а центром истории являются подвиги великого воина Ахилла, который происходил из Фессалии (горного района на севере греческого полуострова). К концу «Илиады» мы очень много узнаем об Ахилле — но греческая армия все еще торчит под стенами Трои, а троянский царь Приам все еще занимает свой трон. Сама война идет где-то за кулисами. К началу второй эпической поэмы, «Одиссеи», осада закончилась, Троя уже разграблена, и греки отправились в долгий путь домой.

История падения Трои к ногам осаждающих греков рассказывается по частям различными греческими поэтами, но появляется в завершенной форме гораздо позднее, во второй книге «Энеиды», созданной римским поэтом Вергилием:

Разрушен войною и сломлен судьбой,
И множество лет утекло с той поры,
Когда хитроумные греки коня сотворили С холм высотой и с сосновыми ребрами...
По жребию воинов отобрав,
Спрятали всех в его чреве глубоком,
Живот до отказа набив храбрецами.[113]

Когда греки шумно продемонстрировали свой уход, троянцы, приняв коня в качестве подарка римской богине войны Минерве, затащили его в город, игнорируя при этом различные страшные предзнаменования ии предупреждения. Они отпраздновали победу, уснули, мертвецки пьяные, и тогда греческие воины вылезли из брюха коня.

Они разбежались по городу, спящему в пьяном угаре,
Убили они часовых всех и распахнули ворота,
Оценив их крепость достойно, и в ряды атакующих влились...
...Город охвачен огнем; греки отныне хозяева тут.[4]

Оба, и Вергилий, и Гомер, описывают эту войну XIII века до н. э., используя язык и речь, вооружение и оружие, политические проблемы и героев своего собственного времени. Но поэма все-таки сохраняет зерна исторических событий. Троя была сожжена, ее жители погибли или спаслись бегством.

Итак, кто же в действительности участвовал в войне против Трои?

Город наверняка пал не во время жизни Гомера, когда бы это ни произошло. Общее научное мнение ориентировочно помещает Гомера примерно в 800 год до н. э. В крайнем случае, он мог жить немного раньше, но невероятно, чтобы он жил в 1230 году до н. э. — а это самая последняя из возможных датировок, которую археологи отводят пожару, погубившему «Трою Vila». Гомер рассказывал историю прошлых лет.

Детали легенды показывают нам автора, создававшего художественно-историческую литературу. Переводчик И. В. Райю указывает, например, что Гомеров Нестор (царь Пилоса, микенского города, которому приписывали отправку в экспедицию против Трои 60 кораблей) пьет из чаши с двумя голубками; идентичная чаша была найдена в руинах Микен.[5]

К 1250 году до н. э., когда пользовались чашей, украшенной двумя голубками, микенские владыки Микен, Фив, Афин и Пилоса уже превратили свои города в маленькие царства, окруженные стенами и связанные гладкой дорогой для колесниц. Кносс на Крите за морем, возможно, некоторое время управлялся микенским правителем, но к 1350 году он был окончательно разрушен.[114] Микены теперь были самым могущественным из греческих царств; Фивы, Пилос и Афины отставали ненамного. Царь Пилоса правил теперь таким количеством земель, что разделил их на шестнадцать районов, каждый со своим правителем и его заместителем, которые каждый год отправляли в Пилос налог в виде бронзы.[6] Эти крупные центры вели активную торговлю с хеттами и египтянами — ни одна из этих империй не делала попыток завоевать города греческого полуострова. Хетты вообще не были моряками, и хотя египтяне пользовались лодками на Ниле, они не любили море, которое называли «Великий Зеленый» и обычно избегали.[7]

Что породило конфликт между микенскими городами и троянцами, мы не знаем. Ссора

действительно могла иметь под собой пленение принцессы. Дипломатические браки, имевшие место по всему древнему миру, показывают, что в таких деликатных переговорах определялся статус договаривающихся: те, кто посылал принцесс, стояли ниже; те же, кто их принимал в жены, демонстрировали тем самым большее могущество.

Геродот, писавший много позже, также рассказывает историю о похищении Елены сыном Приама. В своей «Истории» он заявляет, что слышал эту легенду из независимого источника — от персов, которые считали, что греки переусердствовали.

«Хотя персы считают похищение женщин незаконным действием, они также утверждают, что глупо что-то предпринимать и мстьить из-за женщин, раз уж их уже похитили;разумнее, говорят они, не обращать на это вниманияу потому что очевидно, что женщины являются добровольными участницами своего похищения$_y$ иначе этого не произошло бы».[8]

Это замечание (которое намекает на то, что похищение было произведено отнюдь не без желания женщины, но не развивает эту тему) приводит Геродота к такому объяснению возникшей враждебности между греками и персами:

Греки собрали могучую армию из-за женщины... а затем вторглись в Азию и разбили Приама с его силами. С тех пор персы считали греков своими врагами... Они датируют возникновение своей вражды с греками от времени падения Илиста.[9]

Это еще один анахронизм, так как во время разграбления Трои Vila Персия еще вообще не существовала. И все-таки он показывает, что города Греческого полуострова и Малой Азии долгое время ненавидели друг друга. Роберт Грейвз предположил, что похищение, хоть и реальное, было актом реванша за предшествующий рейд микенцев на троянскую землю.[10] Похищение Елены было вызвано враждой, которая существовала уже много лет.

Из-за чего бы ни началась война, микенцы победили в битве, и Троя пала. Но вскоре сами микенцы начали долгое скольжение вниз с вершины своего могущества. Города уменьшались, ветшали, становились менее безопасными.

Возможно, это началось еще до осады. Фукидид рассказывает нам, что война длилась так много лет, потому что осаждавшие город микенцы не имели достаточно средств, чтобы нормально снабжать себя; так как им не хватало пищи, им приходилось часть времени тратить на ее выращивание и проведение пиратских рейдов в Эгейском море, а не сражаться беспрерывно.[11]

Война с Троей просто ускорила деградацию. Из «Одиссеи» мы узнаем, что победа над Троей была того рода, какая позднее получит имя царя Пирра; победой, которая сокрушила победителя почти так же, как и побежденного. Одиссея проникнута атмосферой печали. В словах Нестора, царя Пилоса, рассказ о ней звучит печально, хоть микенцы и победили:

> Это история о скорби, которую мы испили в той земле,
> мы, сыны Ахеи, необузданные в гневе,
> и вынесшие горя без меры...
> Там пали лучшие из нас... а многие другие заболели,
> мы много страдали там ...
> Когда ж разорили мы город Приама гордый,
> домой направились на кораблях своих...
> Но и тогда определил нам Зевс губительную судьбу.[12]

Микенские герои медленно возвращались домой — чтобы расстраивать уже устоявшийся

там новый домашний уклад, убивать наследников, красть благородных людей, грабить урожаи и уводить жен, принадлежащих другим. Их прибытие принесло много беспокойства: «последний из героев, вернувшийся домой, — рассказывает нам Фукидид, — вызвал немало переворотов и интриг, последовавших повсюду».[13] Пик славы микенцев прошел и никогда больше не возвращался.

Сравнительная хронология к главе 35

Месопотамия и Малая Азия		
Ассирия	Хеттское царство	Египет
Ашшур-убаллит		Аменхотеп III (1386–1349 годы до н. э.)
Среднее Царство		Эхнатон (ок. 1349–1334 годы до н. э.)
		Тутанхамон (ок. 1333–1325 годы до н. э.)
		Эйе (ок. 1325–1321 годы до н. э.)
Адад-нерари I		Хоремхеб (ок. 1321–1293 годы до н. э.)
	Муваталли	Девятнадцатая династия
Салманасар I	Хаттусили III	Рамзее II (ок. 1278–1212 годы до н. э.)

Глава тридцать шестая
Первый царь в Китае

Примерно в 1200 году до н. э. в Китае ремесленники Шана начинают отливать бронзу, жрецы Шан делают рисунки на кости для гадания, а шанский царь правит из города Инь

После переезда столицы государства в город Инь при хитром и гибком Пань Гэне династия Шан погрузилась в относительный покой примерно на век. Следующий правитель, который всплывает как личность — это двадцать второй шанский царь Ву Дин, который правил, вероятнее всего, около 1200 года до н. э.

Ву Динь, согласно древнему своду исторических преданий «Шу Цзин» (созданному через несколько сотен лет после событий, но еще до времен Сыма Цяня, который использовал их как один из своих источников), провел свои юные годы в среде «низких людей», бедноты и крестьян. Затем он начал править, ни говоря ни слова:

«Он не разговаривал три года. И позднее он все еще был склонен не разговаривать — но когда он говорил, его слова были полны гармоничной мудрости. Он не смел позволить себе бесполезной легкости, но был значительным и спокойно руководил районами Инь во всех их вопросах, малых и больших, и никогда не роптал».[1]

Тишина, определяемая молчанием, эта неожиданная добродетель царя, не особенно отличается от заявления Пань Гэна, что перенос столицы есть демонстрация силы, а не слабости. Власть царя Шан в это время явно не походила на ту власть, которой обладали хеттские, вавилонские, ассирийские и египетские правители с их вечным потоком угрожающих

и льстивых посланий, их саморекламой, их хвастовством, их гонцами и дипломатами. Источником авторитета в Шан служило совсем другое.

Но, подобно Ву Дину, история почти совсем молчит о годах, когда государством управляли из города Инь. Шан оставил после себя остатки домов, кости и бронзу. Лишь они рассказывают нам об образе жизни Шана. Но они не так много говорят нам о том, какими были его правители.

Самые знаменитые предметы материальной культуры Шан — сосуды, оружие, прекрасно заточенные сельскохозяйственные инструменты, украшения — сделаны из литой бронзы. Они служат подтверждением власти шанского правителя. Как и строительство пирамид, литье бронзы нуждалось в царе, который мог заставить массу людей заниматься неприятной и трудоемкой работой, в данном случае — добыванием руды из шахт в холмистой местности к северу от реки Хуанхэ.

Работа шахтеров и ремесленников представила, по словам одного из ученых, занимающегося древним Китаем, «великое художественное достижение человечества».[2] Никакой другой древний народ не был способен отливать бронзу в такие утонченные формы.[3] Бронзовые рукояти дротиков были украшены бирюзой и увенчаны лезвиями из белого жадеита; упряжь лошадей скрепляли богато украшенные бронзовые пряжки; бронзовые маски придавали надевавшему их грозный или комичный вид. Сосуды для пищи и вина, самые сложные из всех бронзовых изделий, имели форму драконов, быков или других существ, а завершали их богатые рельефные ручки. На некоторых сосудах выгравированы названия, другие имели знаки, показывающие их предназначение. Иногда надписи указывали год или празднество.

Эта отрывочная информация, какой бы скудной она ни была, свидетельствует, что население Шана все больше привыкало пользоваться письмом. В Китае письмо развивалось по тому же образцу, что и в Месопотамии, и на Крите: оно возникло примерно за 4000 лет до н. э. как отметки владельцев предметов, а затем становилось все более сложным. Но, похоже, китайское письмо развивалось абсолютно независимо от письменности где-либо еще в древнем мире. Самые ранние значки с реки Хуанхэ были изображениями, но письменность Китая стала первой, которая ушла от картинок, начав комбинировать изображения: объединяя изобразительные знаки (так называемые «идеограммы») в «составные идеограммы», которые могли выражать абстракции и идеи.[4]

Ко времени размещения двора Шана в городе Инь эти «составные идеограммы» стали достаточно сложными, чтобы записывать божественные пророчества и священные тексты. В руинах столицы Шан археологи нашли сотни знаков, выгравированных на костях; во многом они служили тем же, чем позднее служили внутренности греческим жрецам. Люди, которые нуждались в совете, приходили к жрецам, чтобы задать им вопрос. Жрецы приносили очищенные и высушенные лопатки коров или овец (или, время от времени, панцири черепах), с вырезанными на них узорами или знаками и надписями, а затем касались кости или раковины нагретым металлическим лезвием. Когда кость трескалась, дорожка трещины по рисунку или надписи «прочитывалась» жрецами и интерпретировалась как послание, направленное предками, которые теперь посылали свою мудрость назад живущим. Священник вырезал результаты запроса ножом на кости или раковине в виде знаков и заполнял канавки краской.[5]

Эти «гадальные кости» показывают, что вопросы, внезависи-мости от того, кто их задавал, всегда подавались от имени царя.

В «Шу Цзин» древние историки хвалят царя Ву Дина за его упорное трудолюбие, за отказ тонуть в роскоши и за покой, который он принес своему народу: во время всего его правления «не было ни одного убийства». В то же самое время древний философский текст «И Цзин» («Книга Перемен») с одобрением описывает, как Ву Дин организовал трехлетнюю кампанию

против восставших племен на северо-западе; через семьсот лет «Ши Цзин» («Книга Песен») приписывает ему управление невероятно огромными землями:

> Даже внутри страны владения тянулись на тысячи ли...
> Но он открывал новые, дальние земли за четырьмя морями.
> Люди из-за четырех морей подходили к нему с почтением,
> Прибывали с почтением к нему, толпы за толпами.[в]

Эти черты — скромного и трудолюбивого человека, сосредоточенного на заботе о подданных, и победителя, требующего почтения — странно сочетаются. Похоже, представление о роли и задачах царя не было однозначным, и хроники не уверены — то ли он духовный лидер, придерживающийся добродетелей прошлого, то ли полководец, заботящийся о будущем страны.

Мы можем без сомнения утверждать, что царь Шана значительно усилил свою власть после переезда в Инь. На царском кладбище, располагавшемся немного севернее столицы, царей хоронили в могилах, являвшихся как бы антиподами египетских пирамид. Вместо того, чтобы устремляться в небо, могилы представляли собою огромные подземелья, уходящие в землю так глубоко, что на их строительство должны были уходить годы. В этих подземельях находятся человеческие жертвы — не тела лояльных подданных, которые уходили со своим мертвым повелителем, веря, что царь поведет их за горизонт в другой мир, а обезглавленные.[115] Одна могила содержит семьдесят три черепа, которые выложены на четырех склонах, уходящих вниз, в могилу, и группу из пятидесяти девяти обезглавленных скелетов на южном склоне.[7] В самом Инь археологи нашли основание алтаря, где, вероятнее всего, и приносились жертвы.

Это предполагает большую степень деспотичной власти со стороны царя — особенно потому что он мог принудить убивать даже после своей смерти. И при этом Сыма Цянь постоянно упоминает придворных чиновников и отдельных феодалов как самостоятельных влиятельных лиц. Вероятно, область, над которой имел власть царь Шан, была довольно небольшой. На окраинах феодалы и чиновники правили от его имени — но действовали более или менее по собственному усмотрению. С расположенных дальше равнин и долин с поселениями население посылало царю дань, чтобы избежать его гнева, или просто зная, что он существует — а может быть, и не зная об этом, пока через их деревню не промаршируют с грохотом вооруженные солдаты, забирая их добро от имени царя.

Два противоречащих друг другу портрета царя могут слиться в одну реальность: царь Шан был духовным главой своего народа, а его реальная и земная власть существовала внутри гораздо меньшей территории. Сам Ву Дин не мог править без помощников. Согласно свидетельству Сыма Цяня, время своего трехлетнего молчания он провел в поисках чиновника, который мог бы служить его правой рукой. Наконецон нашел помощника, которого искал — мудреца по имени Фу Юе, который был простым ремесленником в городе, расположенном восточнее Инь. Только тогда Ву Дин прервал молчание и начал править. Царю, несмотря на все его духовные добродетели, при управлении людьми приходилось полагаться на других — не только на мудрого помощника, но также и на знать, которая контролировала отдаленные провинции царства Шан.

Но это все лишь предположения, так как история о Ву Дине построена вокруг фрагментов костей и бронзы, а легенды записаны через тысячу лет после событий.

Сравнительная хронология к главе 36

Месопотамия и Малая Азия		Китай
Ассирия	Хеттское царство	
Ашшур-убаллит		Династия Шан (продолжение)
Среднее Царство		
Адад-нерари I		
	Муваталли	
Салманасар I	Хаттусили III	
		Ву Дин (ок. 1200 года до н. э.)

Глава тридцать седьмая
Ригведа

Около 1200 года до н. э. арии Индии расселяются по долинам рек и по равнинам

Как и китайская династия Шан, индийские правители остаются для нас безликими, укрытыми под покровом истории. Время от времени под рябью тускло мерцает лицо, но его черты остаются нечеткими.

Племена, которые называли себя ариями, расселялись вдоль Инда, южнее гор, оставаясь почти целиком в западной части субконтинента. По-видимому, они вступали в смешанные браки с местным населением. Теперь они стали гораздо богаче, чем их родственники, которые ушли на запад. Через триста лет после своего прихода арии приняли стиль жизни, который гораздо больше соответствовал исчезнувшей хараппанской культуре, чем их прежней кочевой. Постепенно прошлое начало стираться из памяти; санскритское слово grata, название для оседлых деревень за стенами, изначально означало лагерь кочевников, окруженный повозками.[1]

Арии не оставили заметных следов своей жизни, но примерно к 1200 году они начали осознавать свое новое воплощение в качестве оседлого народа со своими собственными мифами. Самый ранний сборник индийских текстов, появившийся на их языке — это «Ригведа». Как большинство древних поэм, она была записана много позже, чем ее начали рассказывать устно в кругу у костра или очага, но все равно эти стихи дают нам возможность взглянуть на мир, который построили для себя арии.[116] Во-первых, «Ригведа» почти целиком посвящена объяснению законов природы и уложениям индийских богов. Любой народ с развитым пантеоном богов и божественных законов нуждается в жрецах не меньше, чем в военачальниках — ведь он находится на краю образования более сложного общества. Ко времени появления более поздних вариантов «Ригведы» жрецы ариев стали не просто специалистами по общению с богами, а наследственным классом специалистов. Сыновья жре-цоа сами становились жрецами и женились на дочерях других жрецов. Гимны «Ригведы» стали первыми записанными текстами ариев, а жрецы — их первой настоящей аристократией.

Люди, находившиеся в процессе становления индийцами, удерживались вместе общей философией и религией, а не политической организацией или военной мощью.[2] Так, «Ригведа» много говорит нам о поклонении богам, но очень мало — о распространении ариев по земле, которая стала им домом. Собрание поэтических текстов, разделенное на десять циклов, называется мандола? Каждая мандала содержит гимны, славящие богов, и песни, которые следует петь во время жертвоприношений и других ритуалов.

Индийские боги — это боги природы, как свойственно народам, чья жизнь проходит в

тяжелых окружающих условиях или у бурных рек (Яхве Авраама представляет собой заметное исключение из этого правила): Варуна — бог-небо; Ратри — дух ночи; Агни — бог огня; Парджана — бог дождя, который «ломает деревья» и проливает воду на коров, лошадей и людей; Митра — бог солнца и Индра — успокоитель хаоса и главный в пантеоне, тот, «который делает твердой сотрясающуюся землю, который заставляет успокоиться горы, когда их качает... в чьем ведении лошади, деревни и все колесницы».[4] Индра, Варуна и Митра случайно оказываются свидетелями заключения договора между царем Митанни и Суппилулиумой, создателем хеттской империи; это показывает не только то, что митаннийцы были ариями, но что арии поклонялись этим богам задолго до того, как разделились и направились различными путями на запад и на юг.

Книги «Ригведы» с II по VII, самые старые ее гимны, позволяют нам бросить взгляд на политическую и военную структуру общества ариев сквозь мутное стекло ритуалов. Богу огня

Агни отводится задача атаковать «стены его оружием» — это предполагает, что когда арии стали многочисленными и распространялись по большой территории, они сражались со встречавшимися у них на пути деревнями, окруженными деревянными стенами, и сжигали их.[5] Один гимн упоминает битву между «темнокожими» людьми и ариями — лет сто назад некоторые ученые ухватились за это описание как за доказательство того, что стоявшие ниже по развитию туземцы были уничтожены светлокожими «ариями». Но седьмая мандала описывает битву между десятью царями ариев друг против друга. Похоже, что арии сражались друг с другом так же часто, как и с другими жителями речных долин и прилегающих равнин.

Видимо, эпоха первых гимнов «Ригведы» была временем, когда начал формироваться не только клас жрецов, но и класс воинов-аристократов, а также наследственная правящая верхушка, которая передавала власть от отца к сыну.[6] Но далее этого мы не можем продвинуться и пока ни один из этих жрецов и военачальников не имеет имени.

Сравнительная хронология к главе 37

Месопотамия и Малая Азия		
Ассирия	Хеттское царство	Индия и Китай
		Начинается устное создание «Ригведы» (ок. 1400 года до н. э.)
Ашшур-убаллит		Династия Шан (продолжение)
Среднее Царство		
Адад-нерари I		
	Муваталли	
Салманасар I	Хаттусили III	
		Ву Дин (ок. 1200 года до н. э.)

Глава тридцать восьмая
Колесо поворачивается вновь

Между 1212 и 1190 годами до н. э. ассирийцы сражаются с хеттами, вавилонянами и

эламитами, а тем временем рушится Девятнадцатая династия Египта

А немного дальше на западе начинала трещать по швам лоскутная Хеттская империя.

Египетско-хеттский договор все еще поддерживал Египет, который правил землями западных семитов до Кадиша, в то время как хетты притязали на города дальше к северу. Когда Рамзее II умер, пережив свое девяностолетие, на трон взошел его старший сын Мернептах[117]; он был тринадцатым сыном Рамзеса II, так как крепкий старик пережил уже двенадцать своих первых отпрысков мужского пола.[1] При известии о новом фараоне на троне несколько городов в египетских провинциях на севере попытались проверить свою удачу в мятеже, но явились египетские войска и, нимало не церемонясь, разгромили восставших.[2]

Тем временем земли хеттов поразила засуха. Урожай погиб, домашний скот умирал, селяне страдали от голода. Одно из писем из хеттской столицы к египетскому двору предлагает, чтобы, так как фараон организует женитьбу на хеттской принцессе, то лучше бы он приехал за нею сам; так как на хеттских конюшнях нет больше зерна и стада коров исчезают, ее приданое сдохнет с голоду, если его не забрать немедленно.[3]

Хаттусили III сделал своего сына Тудхалию начальником своей стражи; это положение доказывало полное доверие к нему отца, далеко не всегда существовавшее в хеттских царских семьях.[4] Когда Хаттусили III умер, его сын стал царем Тудхалией IV. Он унаследовал не только трон, но и голод, который со временем лишь усиливался.

Тудхалия IV послал за пищей в Египет, и Мернептах, сидящий теперь на троне своего отца, проявил уважение к их союзу: его надписи говорят, что он выслал достаточно зерна, «чтобы поддержать жизнь земли».[5] Письмо от Тудхалии в один из подданных ему городов с указанием выделить корабли, чтобы помочь транспортировать зерно, говорит, что лишь одна отправка составила 450 тонн.[6] Амбары хеттов были пусты.

Царь, который вынужден просить иностраной помощи, чтобы только сохранить жизнь своих подданных, находится не в лучшем положении. Хетты, случайно взлетевшие на вершину вращающегося колеса фортуны, теперь находились на пути вниз. Страна без зерна — это страна без денег. Страна без денег неизбежно задерживает оплату своим солдатам до последнего возможного момента. Безденежные солдаты всегда менее дисциплинированы, чем солдаты хорошо накормленные и довольные. Хеттская армия созрела для того, чтобы потерпеть поражение.

Тудхалия был опытным главнокомандующим и разумным воином, который в возрасте двадцати лет ушел воевать в армии своего отца.[7] Но, кроме голода и нехватки денег, ему приходилось также волноваться и по поводу трона. Ведь его отец узурпировал корону, и в царстве было немало людей с царской кровью. «Потомки Суппилулиумы, потомки Мурсили, потомки Муваталли, потомки Хаттусили — как их много!» — жаловался он в письме.[8]

Чтобы доказать свою власть законного царя, Тудхалия IV организовал самую масштабную строительную программу, какую когда-либо проводил хеттский царь: он построил новые гробницы, дополнения к и так уже большому дворцовому комплексу, новый пригород столицы Хаттуси, который включал двадцать шесть новых храмов и удваивал размер старого города.[9] Именно такие проекты ожидаются от великого царя — может быть, они имитировали действия только что умершего Рамзеса II. Но, хотя новые здания демонстрировали царский авторитет Тудхалии, они также иссушали его казну. Царство и так уже страдало от голода и бедности. Тудхалия IV вкладывал деньги в строительство, и оно оставляло ему еще меньше серебра, чтобы расплачиваться с солдатами.

Покоренные народы, находившиеся под хеттским правлением, ясно видели, как армия

захватчиков слабеет год от года.

Вскоре после начала своего правления Тудхалия получил информацию, что двадцать два города на западном краю его империи объединились в союз против него. Он отправился на запад и разбил коалицию, но грифы уже кружили и над его головой.[10]

На юго-востоке новый царь Ассирии увидел возможность к расширению своих владений. Салманасар I уже поглотил земли бывшей Митанни. Теперь его сын, Тукульти-Нинурта, начал наступление на границы хеттов у себя на западе.[118]

Тудхалия отправил навстречу врагу свои войска, и две армии встретились на равнине Эрбила. Если верить ассирийскому рассказу о битве, Тудхалия вовсе не был уверен, что может победить в сражении. Ассирийский царь написал в письме, посланном союзнику:

«Тудхалия написал мне, сообщив: „Ты захватил купцов, которые были верны мне. Ладно, давай драться; мне приходится выступить против тебя, чтобы сразиться”.

Я подготовил свою армию и колесницы. Но прежде, чем я успел дойти до его города, Тудхалия, царь хеттов, выслал посланца с двумя табличками, полными враждебных слов, и одной с дружескими словами. Сначала он предъявил мне две таблички со словами вызова. Когда моя армия услышала эти слова, она была готова броситься в драку немедленно. Посланец увидел это. Тогда он протянул мне третью табличку, которая гласила: „Я не враг царю Ашшура, моему брату. Почему мы, братья, должны воевать друг с другом?”

Но я повел свою армию. Он стоял со своими солдатами в городе Нихриджа, и я отправил ему послание со словами: „Я осажу город. Если ты действительно друг мне, немедленно оставь город ”. Но он не ответил на мое послание.

Поэтому я немного отвел свою армию от города. Затем из хеттской армии Тудхалии прибежал дезертир и пришел ко мне. Он сказал: „Царь может писать тебе уклончиво, дружелюбно, но его войскам приказано сражаться; он готов выступить”.

Поэтому я призвал свои войска и выступил против него; и я одержал великую победу».[11]

Впоследствии Тукульти-Нинурта хвастался, что он взял в плен 28 800 хеттов — невероятно огромная цифра. Но он определенно захватил тысячи хеттов и привел их в Ассирию. Расселение враждебного народа в чужой земле ослабляло их ощущение себя как нации, оставалось меньше вероятности, что перемещенный народ восстанет.

Завоевание получило достаточно заметный резонанс на древнем Ближнем Востоке, чтобы отразиться в старейших греческих хрониках, где Тукульти-Нинурта (под греческим именем Нинус) появляется по всей Малой Азии как далекий предок правителя Сард; это было далеким и искаженным отражением деяний Тукульти-Нинурты на хеттской территории.[119]

Сам Тудхалия отступил в столицу, оставив окраины своей империи. Военное могущество хеттов быстро блекло. В письме, отправленном вассальному царю Угарита, Тудхалия упрекает его за то, что город не поставил свою квоту солдат для хеттской армии; не вооружается ли Угарит сам для мятежа? Другая табличка перечисляет корабли из города Каркемиша, которые уже не в состоянии больше выйти в море.[12] Окраины царства Тудхалии постепенно отваливались.

Тем временем Тукульти-Нинурта, вернувшись домой, сам оказался перед лицом новой проблемы на юге.

Вавилон многие годы культивировал двусмысленные отношения с Ассирией. В различные периоды каждый город претендовал на право править другим. Вавилон и Ашшур не только были равны по силе — они были близнецами по культуре. Когда-то они были частью одной империи Хаммурапи, и по существу на всем пространстве оставалось видным клеймо Вавилона. Ассирия и Вавилон имели одинаковых богов, хотя иногда с различными именами, и эти боги имели

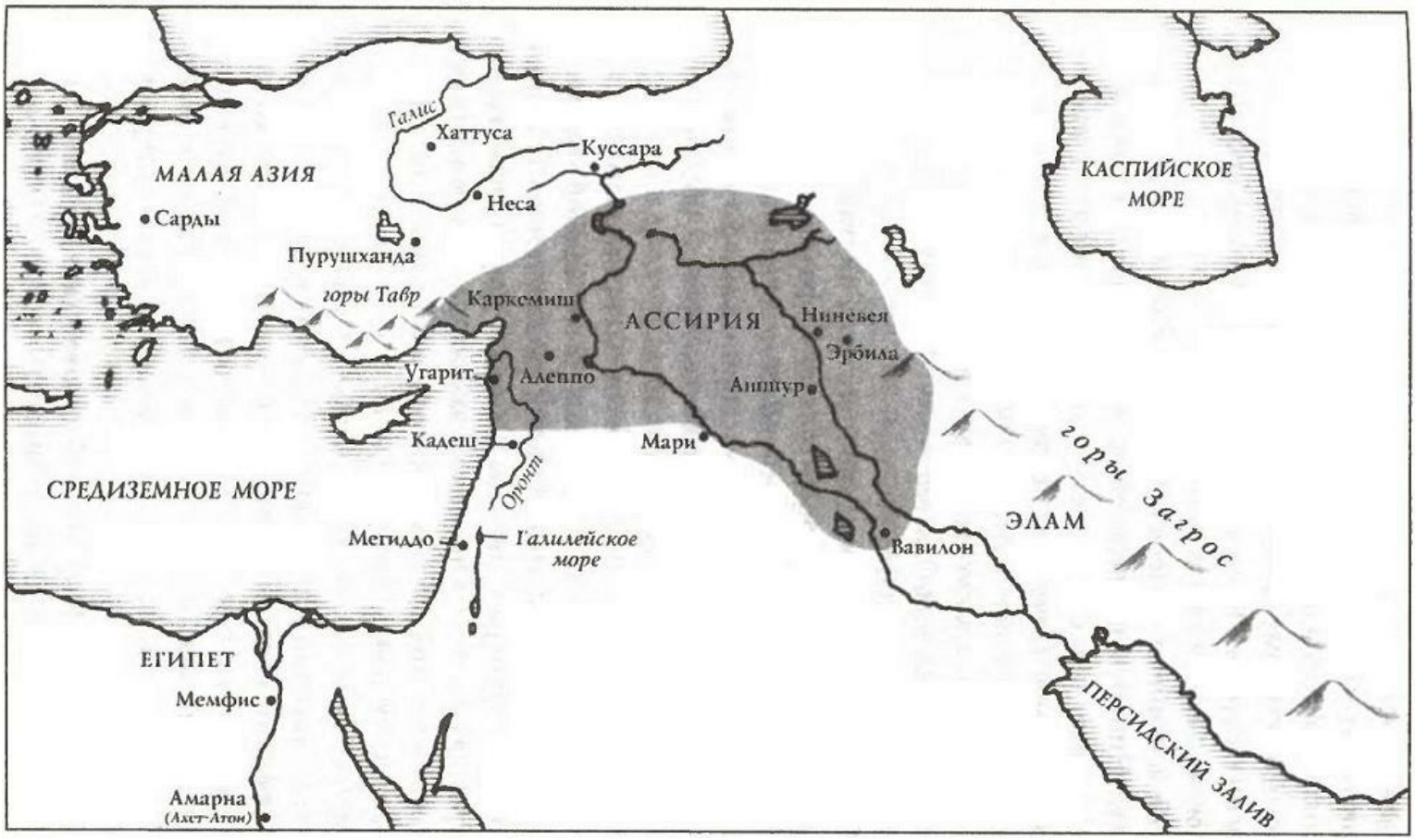
одинаковые истории; ассирийцы использовали вавилонскую клинопись в надписях и летописях.[13]

Из-за этой похожести ассирийские цари обычно неохотно грабили и жгли Вавилон, даже когда имели такой шанс. Но Ту-культи-Нинурта был не особо настроен сдерживаться. В своих надписях он хвастается, говоря о судьбе всех тех, кто не подчинился ему: «Язаполнил пещеры и ущелья гор их трупами. Я навалил горы их трупов, как ссыпают зерно возле ворот; я опустошил их города, я превратил их в кучи руин».[14]

Учитывая занятость Тукульти-Нинурты на севере с хеттами, вавилонский царь попытался захватить немного спорной земли между границами Ассирии и Вавилона. Мы почти ничего не знаем об этом царе, Каштилиаше IV, за исключением того, что он плохо разбирался в людях; Тукульти-Нинурта явился на юг и разграбил вавилонские храмы. Этим он разрушил давнюю ассирийскую традицию уважения святых вавилонских мест. Он даже похитил изображения богов, что было особенно рискованным шагом, так как обычно считалось, что святотатство такого рода раздражает и ассирийских богов тоже. «Он убрал великого господина Мардука с его места нахождения, — рассказывает нам ассирийская хроника завоевания, — и отправил его в Ашшур»}[5] И он лично противостоял в битве вавилонскому царю: «В центре этого сражения, — заявляет его надпись, — моя рука схватила Кагитилиагиа, я поставил свои ноги на его царскую шею, как на скамеечку для ног. ... Шумер и Аккад до его самой дальней границы я привел под свою власть. На нижнем море, где всходит солнце, я утвердил граниу своей земли»Затем он объявил себя царем Вавилона, а также и Ассирии, Во второй раз два схожих по культуре царства слились в одно.

Тукульти-Нинурта привел Каштилиаша назад в Ашшур, голого, в цепях, и поставил Вавилон под власть ассирийского наместника. Это расширило границы ассирийской империи от северной части земель западных семитов до самого юга Месопотамии. Тукульти-Нинурта, теперь единственный великий царь во всем регионе, погрузился в обычные занятия великих царей. Он строил новые храмы, укреплял стены города Ашшур и создавал для себя абсолютно новый царский мини-город, немного севернее основного расположения Ашшура. Там имелась собственная система подачи воды и своя внутренняя рабочая сила, город мог обходиться без снабжения из столицы.

Тукульти-Нинурта заявил, что это бог Ашшура захотел, чтобы он построил новый город там, «где не существовало раньше ни домов, ни другого жилья». Но его стремление спрятаться за крепкие стены, подальше от населения Ашшура, заставляет думать, что не все шло так уж хорошо. Вавилон был шокирован разграблением храмов: «Он заставил вавилонян взяться за меч, — говорит вавилонская хроника, — он богохульно вывез сокровища Вавилона, и он увез великого господина Мардука в Ассирию».[17] К этому разорению плохо отнеслось даже набожное население в его собственной земле. Ассирийская эпическая поэма, которую Тукульти-Нинурта заказал к празднованию победы над Вавилоном, имеет явные интонации оправдания; она включает огромные фрагменты, объясняющие, что в действительности Тукульти-Нинурта хотел мира с Вавилоном и делал все от него зависящее, чтобы быть другом Каштилиашу.

Ассирия Тикульти-Нинурты

Но вавилонский царь продолжал приходить на ассирийскую территорию, чтобы грабить и жечь — вот почему боги Вавилона покинули город и оставили его ассирийцам для наказания.[18] Ясно, что великому царю пришлось объяснять не только то, почему он разграбил Вавилон, но и то, почему он забрал священные изображения в свою столицу.

Объяснение оказалось неубедительным, и святотатство Ту-культи-Нинурты привело его к смерти. Вавилонская хроника рассказывает нам с покорным удовлетворением: *«А что касается Тукульти-Нинурты, который причинил зло Вавилону... его родной сын и знать Ассирии восстали, и они сбросили его с трона [и заключили его в тюрьму в собственном дворцовом комплексе]... и затем зарубили его мечом»*.[19] Он правил как великий царь в течение тридцати семи лет.

После его смерти трон занял его сын. Пытаясь исправить злодеяния отца, он отправил статую Мардука назад в Вавилон[20]— но это не успокоило оскорбленных вавилонян. Вавилон восстал почти немедленно, его ассирийский наместник бежал, некий касситский вельможа захватил трон и объявил город свободным от ассирийского господства.

При таком проявлении слабости Ассирии эламиты (которые на деле никогда не переставали быть угрозой) начали нападения на восточной границе ассирийских земель. Они дошли вплоть до Ниппура и дважды изгоняли с трона назначаемого ассирийцами царя.[21] Они также захватили Вавилон, имея достаточно сил, чтобы промаршировать по улицам города, подняться по ступеням храма и вновь стащить статую Мардука, которую с победой доставили к себе в Сузы. Они забрали также стелу законов Хаммурапи, которая оставалась в Сузах до того времени, когда ее через тысячелетия нашли там археологи. Позднее они захватили вавилонского царя и увезли и его тоже. Он был менее важным объектом, чем статуя Мардука или законы Хаммурапи, и поэтому немедленно исчез из исторических записей.

Сын Тукульти-Нинурты, абсолютно бесцветный ассирийский царь по имени

Ашшурнацирапал, оказался беспомощным перед лицом всей этой суматохи и смог продержаться на троне только три года. Хотя мы мало знаем о его смерти, она пришла, вероятно, до своего естественного времени; ему наследовал не его сын, а его племянник. Этот племянник удерживал трон всего шесть лет перед тем, как потерял его в пользу другого дяди, которого после пяти лет насильственно убрал (и, вероятно, убил) узурпатор, чьим единственным правом на трон было то, что он объявил о своем дальнем родстве с пра-пра-пра-дядей Тукульти-Нинуртой.

В Вавилоне дела шли ненамного лучше. После того, как эламиты увезли прежнего правителя, трон захватила другая семья — так называемая Вторая династия Исина. Первые четыре ее неразличимых царя сменились на протяжении пятнадцати лет. Тем временем на оставшейся хеттской территории умер Тудхалия IV — по-видимому, от старости (редкое явление в то время). Его сыновья и кузены ссорились из-за хеттского трона и крохотного остатка империи.

Даже в Египте шла чехарда вокруг трона. Едва была захоронена мумия пожилого Мернептаха, как наследник, сын Мернептаха и его соправитель Сети II, временно был выдворен с трона своим сводным братом; он получил трон назад только после трехлетнего перерыва. Вскоре он умер, оставив трон своему сыну, который (судя по его мумии) страдал от полиомиелита и умер молодым. В такой удачный момент мачеха умершего молодого царя Твосрет попыталась узурпировать власть, и царский двор погрузился в анархию. Хаос усугублялся налетами диких племен, которые приходили в Дельту всегда, когда защита Египта ослабевала. «Землю Египта терзали извне$_y$ — говорит более поздний папирус, — и каждый человек делал что хотел... земля Египта была в руках начальников и правителей городов; каждый убивал своего соседа».[22] Девятнадцатая династия пришла к своему непримечательному концу.

Колесо истории вихляло; никто не мог удержаться на вершине. После десятилетий военных действий энергия, переливавшаяся в завоеванные территории, иссушила царства.

Сравнительная хронология к главе 38

Месопотамия и Малая Азия Египет Вавилон Ассирия Хеттскоецарство Ашшур-убаллит Аменхотеп III(1386–1349 годы до н. э.) Эхнатон(ок. 1349–1334 годы до н. э.) Бурнабуриаш Тутанхамон (ок. 13 331 325 годы до н. э.) Эйе (ок.1325–1321 годы до н. э.) Хоремхеб(ок. 1321–1293 годы до н. э.) Адад-нерари I Муваталли Девятнадцатая динстия Салманасар I Хаттусили III Рамзее II(ок. 1278–1212 годы до н. э.) Тукульти-Ни-нурта Тудхалия IV Каштилиаш IV Мернептах Ашшурнаци-рапал Вторая династия Исина

Глава тридцать девятая
Конец Нового царства

Между 1185 и 1070 годами до н. э. Рамзее III побеждает «Народы Моря», но Египет приходит в упадок

В какой-то момент во время неразберихи в конце Девятнадцатой династии абсолютно неизвестный царь по имени Сетнехт воссел на трон Египта и восстановил порядок. Может быть, он был внуком Рамзеса II; но он мог быть и просто армейским офицером, которому подчинялась какая-то часть войска. Кем бы он ни был, он разгромил захватчиков-азиатов, которые вторглись в Дельту, и оказался настолько удачлив, что его следующим шагом стал захват короны.

Тот же папирус, который рассказывает о невзгодах в конце Девятнадцатой династии (он дошел до нас со времени правления внука Сетнехта), приписывает Сетнехту временное устранение беспорядков в Египте: не только изгнание обычных «подлых азиатов», но также восстановление закона и порядка, так что местная знать прекратила сражаться друг с другом за контроль над землями, открылись храмы, которые были закрыты из страха или из-за бедности, а жрецы вернулись к своим обязанностям.[1] И он сделал все это, очевидно, всего за три года, так как умер и оставил трон своему сыну.

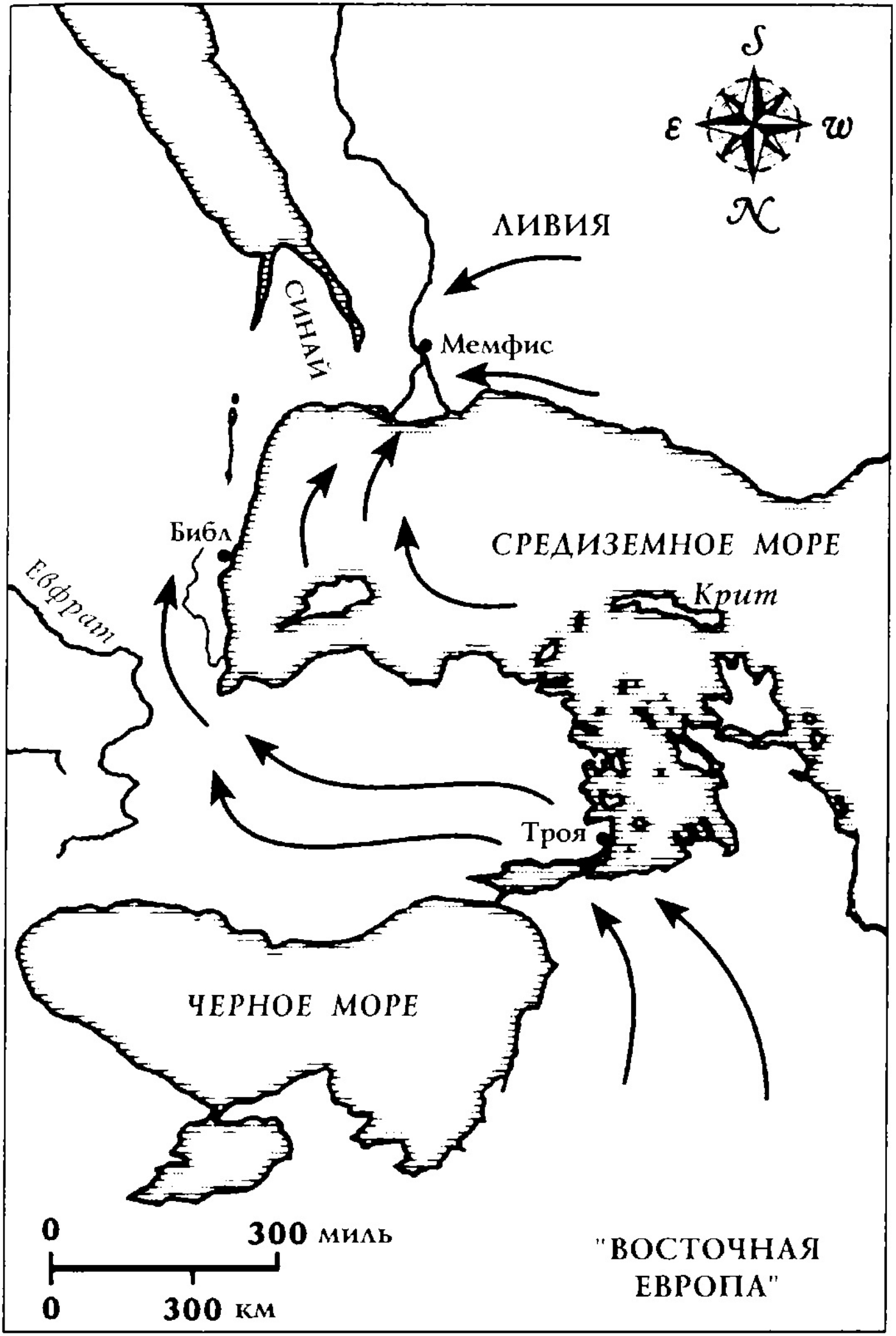
Этот сын принял имя Рамзее III — как у великого фараона, который жил за сто лет до него. Подражая Рамзесу И, он построил такой же погребальный храм; как Рамзее II, он увеличивал количество храмов Амона и дарил их жрецам землю, надеясь на статут избранного богом. «Ты, Амон, посадил меня на трон моего отца, как ты сделал это для Гора, посадив его на трон Осириса, — говорит молитва, составленная Рамзесом III и записанная его сыном. — Поэтому я построил тебе дом с каменными башнями, поднимающимися до небес; я возвел стену перед ним; я заполнил его сокровищницу золотом и серебром, ячменем и пшеницей; его земли и его стада бессчетны, как прибрежный песок».[2]

Подарки Амону не спасли Египет от вторжений. Как и Рамзее II, Рамзее III оказался вовлеченным в крупную кампанию против вторгшихся с севера народов. Но в отличие от Рамзеса И, он сражался не в северных провинциях, в землях западных семитов, а на границе самого Египта.

Рамзее III рано встретился с проблемой вторжений, появившейся на пятом году его правления, когда мирная миграция внезапно переросла в нашествие. Ливийские племена, кочевники-африканцы из западной пустыни, несколько раз появлялись на землях Египта, переселяясь с сухих красных земель на плодородные черные. Со времени несчастья с гиксосами ни одному иностранному племени не дозволялось самоуправления внутри границ Египта. Когда стало ясно, что ливийцы собираются вместе и намерены выбрать себе своего царя, Рамзее III послал солдат, чтобы изгнать зарвавшихся пришельцев. Разбитые вдребезги, ливийцы частично снова ушли в пустыню, а частично были взяты в рабство.[3]

Едва фараон справился с угрозой с запада, как вспыхнул настоящий ад на северо-востоке. Изгнание Сетнехтом «азиатов» оказалось временным. Земли западных семитов превратились в общий бурлящий котел от Трои до самого Ашшура и ниже, до Вавилона, где местные вожди отстаивали свою независимость. Хеттские границы сжались, Ашшур и Вавилон конфликтовали, эламиты буйствовали на восточных границах. Но главное — положение усугублялось массовой миграцией кочевых племен из региона Эгейского и Черного морей, тех мест, которые мы теперь называем материковой Восточной Европой. Со временем эта миграция достигла территории Египта. Кочевники древнего мира занимали окраины организованных царств: «Иноземные племена внедряются и распространяются в ходе борьбы, — написал Рамзее III на стене храма, — ни одна земля не может устоять перед ними. Они протягивают свои руки к странам на краю земли».[4]

Так случилось, что большая часть «всей земли» десятилетиями регулярно страдала от засухи — то есть от того же вызываемого бесплодием земли голода, который, вероятно, гнал ливийцев в Дельту. Для страдающих от жажды кочевников Египет с его всегда орошаемыми землями стал выглядеть драгоценной наградой. Вскоре после начала правления Рамзеса III в страну вторгся организованный союз захватчиков.

S
З
В
С
ЛИВИЯ
СИНАЙ
Мемфис
Библ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Крит
Евфрат
Троя
ЧЕРНОЕ МОРЕ
0
300 миль
0
300 км
"ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА"

Вторжения в Дельту не были чем-то новым. Но на этот раз силы вторгшихся состояли из впечатляющего набора различных племен, которые поклялись друг другу в верности. В их составе были африканские племена и микенские моряки (возможно, наемники, покидающие греческий полуостров по мере того, как микенские города беднели). Довольно трудно найти соответствие названиям, которые Рамзее III использовал для захватчиков, с известными нам именами народов в тех местах. «Вешеши», вероятно, были африканскими племенами; «шекелеши», судя по всему, происходили из Эгеиды; «пелесеты» были морским народом, предположительно тоже эгейского происхождения — вероятно, они пришли через Крит после беспорядков в Микенах. Похоже, именно пелесеты отвечали за вооружение всей армии; на египетских барельефах все атакующие воины изображены в шлемах с гребнем критского образца.[5]

Вместе нападавшие составляли пугающую силу. «Никто не мог устоять перед ними, — записал Рамзее III, — и они двигались с огнем, несущимся перед ними, вперед, к Египту».[G] По-видимому, большинство тревожных новостей поступало от шпионов, которые сообщали Рамзесу III, что армии, продвигающиеся к Египту, сопровождаются воловьими упряжками, заполненными женщинами и детьми. Эти племена не собирались атаковать или совершать набеги. Они намеревались вселиться, осесть и завладеть землями.[7]

Египетские солдаты выступили, чтобы встретить вторжение у границы, и в первом столкновении одержали победу. Барельефы, вырезанные на стенах погребального храма Рамзеса III, приписывают фараону великий триумф. На рельефах празднующие египетские воины окружены кучами кистей; в обычае у египетских солдат было отрубать у мертвого правую кисть и приносить ее писцам, чтобы точно подсчитать и записать число жертв у врага.[120]

Но из-за неприязни египтян к «Великому Зеленому» гораздо большая опасность ожидала их впереди — вторжение с моря.

Эта вторая волна нашествия управлялась опытными моряками — вероятно, из Эгейского моря. Они были настолько хорошими мореходами, что египтяне, у которых было мало опыта мореплавания и вообще не было боевых кораблей, назвали всех людей альянса «Народами Моря».

Египетские рисунки битвы показывают Народы Моря на кораблях, сильно отличающихся от гребных египетских судов, которые строились для рек. Это были парусные суда, влекомые ветром, с носовыми украшениями в виде птичьих голов.[8] Зная, что египтяне не встречались с опытными моряками и не могли сражаться с ними на равных, Рамзее III заполнил свои речные суда солдатами, пока они не «набивались плотно от носа до кормы доблестными воинами», и затем перекрыл ими в Дельте вход в порт, «как мощной стеной». Потом он выстроил пеших солдат вдоль берегов, приказав забрасывать приближающиеся вражеские суда стрелами и копьями. « Стена металла на берегу окружила их», — хвастался он.

Эта тактика сработала. Воины моря были побеждены простым количественным преимуществом солдат, представших перед ними. «Их стаскивали, переворачивали и складывали на берегу, — заключает надпись, — убивали всех и стаскивали в кучи от кормы до носа их галер».[9] Рисунки в храмах изображают ряды связанных пленных, проходящих перед победоносным Рамзесом III. Самая большая угроза со времен Кадеша была отбита.

Прерывистая линия наследования, бегущая через историю Египта, временно залатанная победными рельефами и строительными проектами, все еще вполне могла оборваться в любой

момент. Рамзее III сидел на троне по праву удачливости его отца и не был застрахован от интриг любителей власти.

К концу его правления одна из его менее значимых жен составила план покушения на царя при помощи возмущения черни. Писцы, которые записывали дела во время правления преемника Рамзеса, говорят, что она начала действия по «возбуждению народа и подстреканию к вражде, чтобы поднялся мятеж против их господина».[10] Она явно надеялась, что толпа уберет не только Рамзеса III, но также и назначенного наследника — его сына от другой жены, — чтобы царем стал ее собственный сын.

Гаремный план убить фараона едва ли являлся чем-то новым, но именно этот замечателен количеством вовлеченных участников. Перечень представителей двора отмечает среди других двух царских знаменосцев, дворецкого и главного писца. Надзиратель за стадами был обвинен в изготовлении восковых фигурок царя — очевидно, для использования в египетской форме колдовства[11]; главный распорядитель обвинялся в организации раздоров. Нити заговора явно тянулись в Нубию: «Бенемвезе, бывший капитан лучников в Нубии... был приговорен из-за письма от его сестры, которая находилась в гареме и написала ему$_{y}$ сообщая: „Подстрекай людей к военным действиям"[12]

Записи обвинительных актов по заговору заканчиваются с монотонным постоянствrм: либо «Он покончил жизнь самоубийством», либо же «Смертный приговор приведен в исполнение». Исключение составили три заговорщика, которым просто отрезали носы и уши, и один оправдательный приговор знаменосцу по имени Хори — который, без сомнения, прожил все оставшиеся годы, окруженный недоверием из-за того, что единственный выжил в чистке.[13]

Ко времени, когда судебные разбирательства завершились, намечавшаяся жертва уже сошла со сцены: Рамзее III сам скончался от старости.

Следующие восемьдесят лет правили восемь царей по имени Рамзее — большинство в таком мраке и хаосе, что сохранились только фрагменты записей и настенных надписей. Египет все еще удерживал свои нубийские территории, но прочие земли отпадали одна за другой. Шахты на Синае замерли. Очевидно, нубийские золотые прииски тоже были покинуты рабочими. К 1140 году Египет перестал даже пытаться защищать удерживаемые ранее территории западных семитов; пограничные форты остались лишь на востоке Дельты.[14] Гробницы в Долине Царей были обнаружены и разграблены ворами. Ливийцы возле Дельты нападали на египтян, которые еще оставались у западной границы. На придворного чиновника по имени Вена-мен, который пытался проехать вдоль берега, чтобы сторговать хорошую цену за кедровые бревна из Библа, напали и отобрали деньги; воры больше не боялись ответных мер со стороны египтян. Венамен все-таки попал в Библ, но его миссия провалилась: царь Библа не собирался принимать египетские обещания, доброго имени Египта на севере больше не существовало. «Я не твой слуга, — ответил он Венамену, — и не слуга тому, кто послал тебя. Бревна останутся тут, на берегу»}[3]

Тем временем жрецы Амона все богатели. Повторное возведение на престол Амона в качестве главного бога при Тутан-хамоне означало, что фараон за фараоном делали богатые пожертвования храму Амона. Рамзее III подарил Амону столько земель, что ко времени его смерти священнослужители Амона контролировали почти треть всей плодородной земли Египта.

Назначение Хоремхебом в жрецы военных — сделанное, чтобы быть уверенным в их лояльности трону, — со временем привело к обратному. Примерно на двенадцатом году правления Рамзеса XI военачальник по имени Херихор смог занять место верховного жреца Амона. Теперь он контролировал не только армию, но и величайшие богатства Египта. Когда он

начал предъявлять свои требования, Рамзее XI, похоже, сдался без борьбы. Менее чем через пять лет Херихор стал наместником царя в Кише; через непродолжительное время после этого он начал именовать себя визирем Египта; еще десятью годами позднее его имя начало появляться в качестве соправителя всей страны. Его портрет был вырезан на храмовой стене возле портрета Рамзеса XI — двое мужчин были равными по размеру портретов и по масштабам власти.[16]

Когда оба умерли с интервалом в пять лет, причем ни один не оставил сына и наследника, их зятья начали гражданскую войну. Зять Рамзеса XI взошел на трон на севере, а зять Херихора заявил о своем священном праве править югом из города Фивы.

За все это время на горизонте не появился ни один великий объединитель. Новое Царство закончилось. Египет остался разделенным и вскоре утонул в путанице несчастий и военных действий: настал Третий Переходный период.

Сравнительная хронология к главе 39

Месопотамия и Малая Азия Египет Вавилон Ассирия Хеттскоецарство Муваталли Девятнадцатая династия Салманасар I Хаттусили III Рамзее II(ок.1278–1212 годы до н. э.) Тукульти-Нинурта ТудхалияIV Каштилиаш IV Мернептах Ашшурнаци-рапал Вторая Династия Исина Сетаехт (ок. 1185–1182 годы до н. э.) Рамзее III(ок. 1182–1151 годы до н. э.) Вторжение Народов Моря Рамзесы с IV по XI Херихор (ок. 1080–1074 годы до н. э.) Третий Переходный период (1070–664 годы до н. э.)

Глава сороковая
Темные века Греции

Между 1200 и 1050 годами до н. э вторжение дорийцев приносит в Грецию темные времена

После разрушительной победы в землях Трои микенские корабли медленно, на веслах или под парусами, направились к греческому материку — чтобы обнаружить свои дома обедневшими и отягощенными заботами. Одиссей сражался десять лет, чтобы попасть домой и увидеть, что его дом кишит врагами; Агамемнон вернулся к жене и был убит в собственной ванной ею и ее любовником.

И это оказалось только началом будущих несчастий.

Около 1200 года до н. э. по полуострову пронесся вихрь пожаров. Микенский город Спарта сгорел дотла. Сам город Микены отбивался от неизвестного нам врага; крепость выдержала, хотя и была повреждена, но от домов вне стен остался только пепел, они никогда не были отстроены заново.[1] Город Пилос был стерт огнем с лица земли. Выжившие города были уничтожены другими бедствиями.

Археология предполагает, что города были заселены новыми людьми, которые не знали письменности (ее нет в руинах их домов), не умели строить из камня и кирпича, не знали производства бронзы.[2] Эти новые поселенцы пришли с северной части полуострова и теперь двигались к югу. Позднее историки назовут их дорийцами.

Оба наших источника, и Фукидид, и Геродот, приписывают взятие микенских городов сильно вооруженным дорийцам. Геродот говорит о четырех вторжениях дорийцев в Аттику (земли вокруг Афин); первое из них произошло в дни, когда «Кодрус был царем Афин».[3] Позднее греческий писатель Ко-нон сохранит для нас традиционный рассказ о самом раннем нападении: оракул в лагере дорийцев предсказал беспощадным завоевателям, что они победят в битве Афины, если не убьют афинского царя Кодруса. Когда Кодрус услышал об этом, он

переоделся обычным жителем Афин, оставил город и ушел в лагерь дорийцев, где вступил в сражение с вооруженными дорийскими воинами. В буйной стычке он был убит и, выполняя таким образом предсказание оракула, спас город.[4]

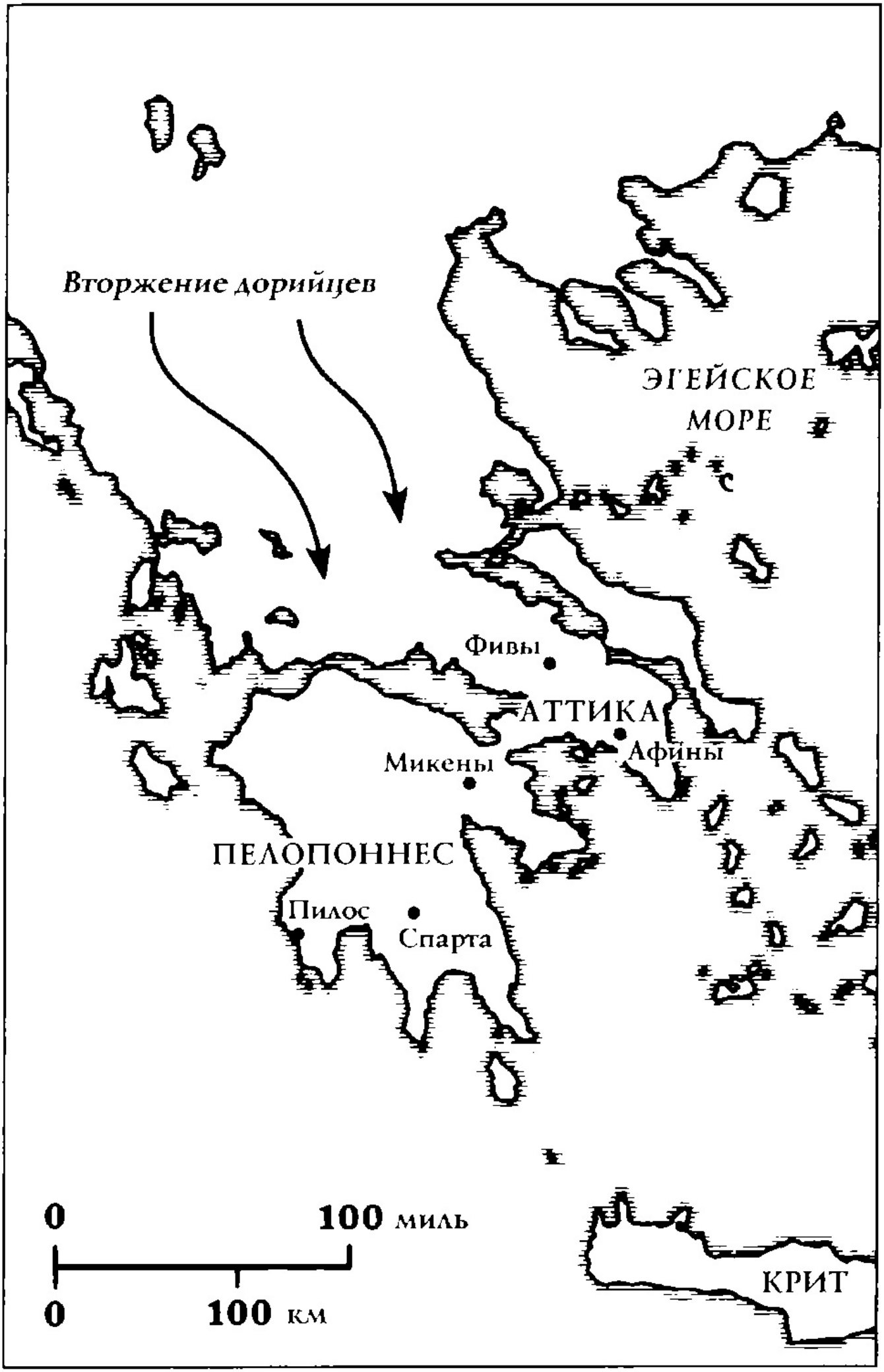
Дорийцы, удивленные таким благородством, сняли с Афин осаду — но отошли только временно. Ко времени, когда вторжение закончилось, как сообщает нам Фукидид, дорийцы были уже «хозяевами Пелопоннеса» (самая южная часть Греческого полуострова).[5]

Фукидид и Геродот оба писали о жестоком набеге, который распространился по земле героев и разрушил ее. Подобно египетским историкам, которые писали о вторжении гиксосов, они не могли придумать другой причины, почему их великие предки потерпели поражение, кроме превосходства в военной мощи. Но руины микенских городов говорят нам несколько о другом. Пилос и Микены сгорели с интервалом в девяносто лет — это означает, что внедрение дорийцев на полуостров происходило медленно, в течение века. Вряд ли это было неожиданным нападением; микенские греки имели много времени, чтобы организовать какое-либо сопротивление.

Но оборона, которую организовали эти опытные солдаты, была слишком слабой, чтобы защитить их — даже против дорийцев, которые не были ни искушенными, ни закаленными в боях воинами. В некоторых городах совсем нет свидетельств борьбы. Легенды о сопротивлении Афин (среди микенских городов не только Афины хвастались тем, что отразили атаки нападавших) не подтверждаются археологическими данными: никто не нападал на Афины, раскопки здесь не показали ни слоя разрушений, ни следов от пожаров.[6]

Но даже в таком случае население Афин катастрофически сократилось. К 1100 году, через полтора века после войны с Троей, северо-восточная сторона афинского Акрополя (высокая скала в центре города, его самая безопасная и защищаемая точка) была мирно покинута. Спарта, которую сожгли дорийцы, уже была пуста; ее население ушло за несколько лет до этого.[7] Северяне отступили на юг уже ослабленными и дезорганизованными.

Война с Троей, конечно же, имела отношение к медленному распаду микенских городов, о чем Фукидид написал так:«позднее возвращение эллинов из Трои вызвало такие сильные раздоры, что многие микенцы были изгнаны из собственных городов». Но должны были сработать и другие факторы. Плохая погода, стоявшая подряд каждые два лета из трех, уменьшила урожай как раз в то время, когда старые источники зерна из Египта и Малой Азии также были уничтожены войнами. Это заставило микенские города бороться за пищу; голод мог разжечь войны между городами и отправить жителей в ссылку. И действительно, кольца ирландских дубов и некоторых других деревьев из Малой Азии показывают признаки общевропейской засухи, которая наступила около 1150-х годов.[8]

Вторжение дорийцев
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
Фивы
АТТИКА
Афины
Микены
ПЕЛОПОННЕС
Пилос
Спарта
КРИТ
0
100 миль
0
100 км

Дорийская Греция

К микенцам также мог подкрасться и другой, более страшный враг.

В сценах Илиады троянский жрец Хрис просит бога Аполлона наслать болезнь на напавших греков в ответ на кражу греческим воином Агамемноном дочери Хриса. Аполлон сочувствует своему священнику и посылает на греческие корабли стрелы с болезнью. Результат ужасен:

> ...Наслал он сжигающий ветер
> чумы, что вспыхнула в армии: и офицер, и солдат
> падали и умирали за зло, сотворенное их вождем.[9]

Очень похоже, что микенцы, базировавшиеся на берегу, действительно были поражены чумой — которая, вероятно, оказалась бубонной.

Троянцы не больше, чем другие древние народы, были осведомлены о том, как распространяется бубонная чума Но они знали, что болезнь как-то связана с грызунами. Аполлон, который разносил болезнь, почитался в Трое по имени, известном в Малой Азии: он назывался Аполлоном Сминтианом, «Господином мышей».[10] «Илиада» также рассказывает нам, что стрелы Аполлона Сминтиана уносили не только людей, но и лошадей, и собак; это сообщение о распространении болезни через животных постоянно в рассказах древних о бубонной чуме. «Этот мор бушевал не только среди домашних животных, но даже среди диких зверей», — написал Григорий Турский пятнадцатью веками позднее.)[11]

Микенские герои, вернувшись на родину, принесли с собой смерть. Корабль даже без больных людей на борту, приставший к незараженному берегу, мог все равно иметь в трюме несущих чуму крыс. В действительности чума могла следовать за голодом; корабли с зерном из одной части света в другую перевозили крыс из одного города в другой, распространяя болезнь на недостижимые другим способом расстояния.

Чума, засуха и война: трех этих факторов было достаточно, чтобы нарушить баланс цивилизации, которая была построена в скалистых сухих местах, на грани возможности выживания. Когда выжить становилось трудно, сильные уходили прочь. И так делали не только микенцы, но и критяне, и жители Эгейских островов. Они уходили малыми группами из родных земель, ища новые места проживания и поступая там в наемники. Невозможно сказать, какая часть «морского народа», сражавшегося против Египта, была наемными солдатами. Но египетские рассказы свидетельствуют, что в годы, предшествовавшие вторжению Народа Моря, фараон нанимал солдат из эгейцев, чтобы те сражались за Египет против ливийцев Западной пустыни. К середине XI века до н. э. дорийцы, а не микенцы, были хозяевами Юга, и микенские солдаты были доступны только самым обеспеченным нанимателям.

Поселенцы-дорийцы не имели царя и его двора, налогов и дани, не вели заморской торговли. Они занимались сельским хозяйством, они выживали, и у них не было нужды что-либо записывать. Их явление погрузило полуостров в то, что мы называем «темными временами»: мы не можем глубоко вглядеться в них, потому что от них не осталось никаких письменных свидетельств.[121]

Сравнительная хронология к главе 40

Египет Греческий полуостров

Девятнадцатая династия (ок. 1278–1212 годы до н. э.)

Рамзее II (ок. 1278–1212 годы до н. э.)

Микенцы нападают на Трою VIIA (ок. 1260 года до н. э.) Мернептах (1212–1202 годы до н. э.) Дорийцы втекают с севера Двадцатая династия (1185–1070 годы до н. э.) Сетнехт (ок. 1185–1182 годы до н. э.) Начало греческого «темного времени» Рамзее III (ок. 1182–1151 годы до н. э.) Вторжение Народа Моря Рамзесы IV-XI Херихор (ок. 1080–1074 годы до н. э.) Третий Переходный Период (1070–664 годы до н. э.)

Глава сорок первая
Темные века Месопотамии

Между 1119 и 1032 годами до н. э. хетты терпят крах, а процветание Ассирии и Вавилона заканчивается

Пока микенцы уходили из своих городов, а дорийцы вливались в них, кризис распространялся на восток, мимо Трои (теперь небрежно отстроенной вновь, но заселенной лишь с тенью ее прошлого величия) и далее на восток — в земли, все еще удерживаемые хеттами.

К этому времени Хеттская империя была немногим большим, чем тенью государства. Бедность, голод и общая смута при правлении Тудхалии IV размыли ее прежние границы, а борьба за трон все еще продолжалась. В то время, пока закатывалась микенская цивилизация, младший сын Тудхалии IV отобрал корону у старшего брата и заявил, что страна принад-лежит ему. Он назвал себя Суппилулиумой II, пытаясь оживить дух великого создателя хеттской империи полуторавековой давности.

Надписи Суппилулиумы II хвастают его победами над Народом Моря. Он провел несколько морских боев у берегов Малой Азии, отбив микенских беженцев и наемников, и смог какое-то время удерживать свой южный берег от вторжения. Но он не смог вернуть золотые дни хеттского могущества, когда его тезка умудрился почти посадить сына на трон самого Египта.

Те же кочевники, которые рвались к Египту, — люди, бегущие от голода или чумы либо перенаселенности или войны в их землях, — стремились и в Малую Азию. Некоторые приходили со стороны Трои, через Эгейское море в хеттские земли. Другие являлись с моря; Кипр, остров южнее хеттского побережья, очевидно, служил им перевалочным пунктом. «Против меня суда с Кипра трижды выстраивались в линию для сражения посреди моря, — записывает Суппилулиума II. — Я разбивал их, я захватывал суда и в середине моря сжигал их... [И все-таки] враг во множестве нападал на меня с Кипра»} Другие враги пересекали узкий пролив Босфор севернее Греческого полуострова, в местности, называемой Фракия — эти племена были известны как фригийцы.

Их было слишком много, а хеттская армия была слишком мала. Пришельцы прошли прямо сквозь войска Суппилулиумы, разбросав защитников, и ворвались в самое сердце царства. Столица хеттов сгорела полностью; ее население ушло; царский двор рассыпался, как пыль.

Хеттский язык сохранился в нескольких отдельных городах на южном конце старой империи; самым крупным из них был Каркемиш. В этих последних форпостах Хеттского царства задержались хеттские боги. Но культура, которая поклонялась им, исчезла.

Упадок трех цивилизаций в западном серпе — хетты, микенцы и египтяне — совпал с внезапным усилением востока. За несколько недолгих лет, пока кочевники и Народы Моря были заняты, изводя запад, Ассирия и Вавилон расцвели.

В Ассирии царь Тиглатпаласар был коронован вскоре после разграбления Хаттусы. Его прадед, дед и отец по очереди правили Центральной Ассирией — перевернутым треугольником с Ашшуром в нижней точке, вверху протянувшимся за Эрбилу на западе и Ниневею на востоке. Это был небольшой уютный регион, процветающий и легко защищаемый, с самыми высокими урожаями зерна во всей Месопотамии. Все три царя довольствовались обладанием этой землей и прежде всего заботились о ее безопасности.

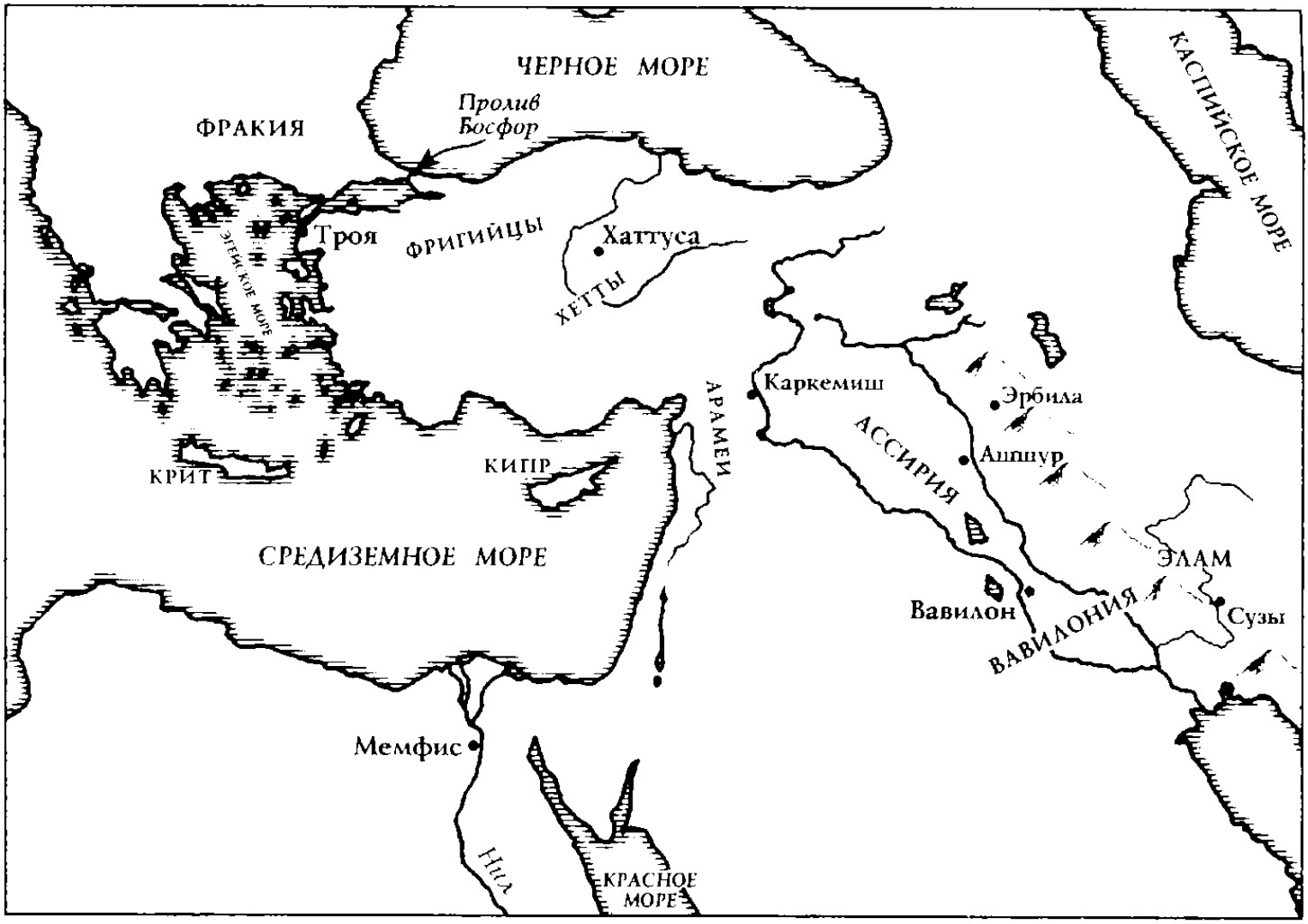
Тиглатпаласар захотел большего. Он стал первым воинственным царем после Салманасара, жившего восемь поколений и сотню лет тому назад. Он выступил против захватчиков и использовал их нападения, чтобы захватить больше земли для себя. В результате на короткое время — немногим менее сорока лет — Ассирия восстановила подобие былого величия.

Фригийцы, пройдя с боями через хеттскую территорию, приближались к Ассирии с северо-запада. В одной из своих самых ранних битв Тиглатпаласар разгромил их. Его надписи хвастают, что он разбил армию из двадцати тысяч фригийцев: «Я сделал так, что их кровь стекала в ущелья и хлестала с вершин гор, — повествует он. — Я сносил им головы и сваливал в кучи, как зерно».[2]

А затем царь отправился пробивать путь на северо-запад, следуя прямо в лоб надвигающейся волне. Позднее он написал в своей летописи:

«[Я отправился] в земли далеких царей, которые находились на берегу Верхнего моря, которые никогда не знали подчинения, Я повел свои колесницы и своих воинов через обрывистые горы, по их изнурительным тропам, я вырубал путь кирками из бронзы; я делал проходимыми дороги для моих колесниц и войск. Я пересек Тигр... Я рассеял воинов... и заставил литься их кровь»?

Тиглатпаласар сражался тридцать восемь лет. Расширился список городов, покоренных царем, посылавших дань и рабов в ассирийский дворец и страдавших под властью ассирийских правителей.[4] Среди них был и Каркемиш; Тиглатпаласар взял его (по крайней мере, согласно его личным надписям) за «один день».[5] Другие города сдавались без борьбы, их цари приветствовали приближение Тиглатпаласара, выходя навстречу и падая ниц, чтобы целовать ему ноги.[6] Тиглатпаласар сам прошел весь путь до берега Средиземного моря, где он участвовал в охоте с острогой на дельфинов с лодки, на которой гребли его люди. [7] Фараон Египта — один из восьми Рамзесов — послал ему в качестве подарка крокодила, которого Тиглатпаласар взял с собой для участия в играх, устраиваемых в Ашшуре.[8] Он строил усыпальницы, крепости и храмы, каждое строение свидетельствовало, что наконец-то Ашшур приобрел еще одного великого царя.

Конец хеттов.

Южнее Ассирии Вавилон тоже стал свидетелем взлета великого царя.

Вавилон и окружающие его земли никем не управлялись со времени Бурнабуриаша, который правил в эпоху Тутанхамона, то есть правил двести лет тому назад. Через три-четыре года после восшествия на престол в Ашшуре Тиглатпаласара, ничем не выдающаяся линия Второй династии Исина вдруг выдала генетический парадокс по имени Навуходоносор.[122]

Пока Тиглатпаласар сражался, пробивая себе путь на запад и на север, Навуходоносор повернул на восток. В конце концов, статуя Мардука все еще находилась в руках эламитов в Сузах; со времени ее захвата сто лет тому назад ни один царь Вавилона не обладал достаточной мощью, чтобы вернуть похищенное назад.

Первое вторжение Навуходоносора в Элам было встречено стеной эламитских солдат. Тогда царь Вавилона приказал своим войскам отступить и составил для второй попытки хитрый план. Он решил привести своих солдат в Элам на самом пике лета, когда ни один разумный командир не заставит армию идти куда-либо. Вавилонские солдаты, придя к эламским границам, стали сюрпризом для пограничных патрулей и достигли города Сузы, прежде чем кто-либо успел поднять тревогу.

Они совершили набег на город, взломали двери храма, схватили статую и с триумфом направились назад, в Вавилон.

Не ожидая, пока жрецы Мардука прославят его, Навуходоносор нанял писцов и поэтов, чтобы те сочинили легенды о спасении статуи, а также гимны в честь Мардука. Легенды, песни и жертвоприношения текли из царского дворца в храм Мардука, пока бог стоял на вершине

вавилонского пантеона; именно в правление Навуходоносора I Мардук стал главным богом вавилонян.[9] А согласно классическому циклическому доказательству, Навуходоносор доказывал, что раз он спас главного бога Вавилона, главный бог Вавилона распространил святость на него. Незаметное начало Второй династии было забыто; теперь Навуходоносор имел данное богом право править Вавилоном.

При этих двух могущественных царях Вавилон и Ассирия более или менее сохраняли баланс сил. Отдельные пограничные столкновения время от времени усиливались до настоящих сражений. Два ассирийских приграничных города были разграблены вавилонскими солдатами, и Тиглатпаласар ответил на оскорбление, дойдя до Вавилона и спалив дворец царя.[10] На бумаге это описание звучит более серьезно, чем произошло на самом деле. Вавилон находился так близко к ассирийской границе, что большая часть вавилонских правительственных чиновников были уже переселены куда-нибудь. Город оставался разграбленным и больше не был центром власти. А Тиглатпаласар, сделав дело, отправился назад, оставив Вавилон. Он не хотел начинать полномасштабную войну. Два царства были равны по силе, и перед ними стояли более серьезные угрозы.

Перемещение людей с севера и запада не останавливалось. Тиглатпаласар постоянно участвовал в пограничных стычках с прибывающими кочевниками, которые все более проникали в страну, как амореи почти тысячу лет тому назад. Эти люди обитали на северо-западе земель западных семитов, пока их не подтолкнул поток пришельцев с дальнего запада. Ассирийцы называли их арамеями. По свидетельству самого Тиглатпаласара, он создал на западе около двадцати восьми отдельных военных лагерей с целью противостоять вторжению арамеев.

Вавилон и Ассирия также не были застрахованы ни от голода и засух (урожаи здесь тоже падали), ни от эпидемий, захлестнувших всю Ойкумену. Дворцовые записи говорят о последних годах правления Тиглатпаласара как о несчастных и голодных, времени, когда ассирийским жителям пришлось рассеяться по окружающим горам, чтобы находить там пищу.[11]

Вавилон тоже был в трудном положении, и страдания города стали еще больше, когда двадцатилетнее правление Навуходоносора пришло к концу. Городские проблемы описаны в «Эпосе об Эрре»[123] — длинной поэме, где бог Мардук жалуется, что его статуя не отполирована, его храм разрушается, но он не может оставить Вавилон надолго, чтобы исправить это, потому что каждый раз, когда он покидает город, в нем случается что-нибудь ужасное. Постоянный ужас наводят безобразия находящегося поблизости другого бога, Эрры, который из-за своей природы не может не причинять страдания городу: «Я прикончу землю и буду считать ее руинами, — говорит Эрра. — Я повалю скот, я свалю людей». Сам Вавилон, ссохшийся под ветром, стал как «дикий фруктовый сад», чьи фрукты засохли, не успев созреть. «Рыдайте по Вавилону, — стонет Мардук, — я наполнил его зерном как кедровую шишку, но семя не дало урожая»}[2]

Засуха и пропавший урожай предполагают голод людей и скота, повторяющуюся кару стрел Аполлона Сминтиана. Болезнь и голод не могли не ослабить защиту города. Ко времени, когда сын Тиглатпаласара сменил на троне отца, арамейская проблема стала такой острой, что ассирийский царь был вынужден заключить договор с новым царем Вавилона. Вместе два царства надеялись победить общего врага.

Попытка провалилась. Вскоре арамеи неистовствовали во всей Ассирии, захватив все, кроме самого центра империи. Они ворвались и в Вавилон. Сын Навуходоносора, великого царя, потерял свой трон, уступив его арамейскому узурпатору.

Арамеи, как и дорийцы, не имели письменности. И так же, как Египет впал в хаос

переходного периода, а темнота разлилась по Греческому полуострову, мрак растекся со старых хеттских земель и накрыл Месопотамию. Земли между двумя реками вступили в свое темное время — и на сто лет или около того в этой мгле не проступают очертания истории.

Сравнительная хронология к главе 41

Месопотамия и Малая Азия Греческийполуостров Вавилон Ассирия Хеттскоецарство Салманасар I Хаттусили III Микенцы нападают на Трою VIIA (ок. 1260 года до н. э.) Тукульти-Нинурта Тудхалия IV Каштилиаш IV Дорийцы приходят с севера Ашшурнацирапал Суппилулиума II Вторая Династия Исина Хаттуса разграблена (ок. 1180 ок. 1260 года до н. э.) Начало греческого земного Времени Навуходоносор I(1125–1104 ок. 1260 годы до н. э.) Тиглатпаласар(1115–1076 ок. 1260 годы до н. э.) Ашшур-бел-кала(1074–1056 ок. 1260 годы до н. э.) Захват арамеями

Глава сорок вторая
Падение Шан

В Китае между 1073 и 1040 годами до н. э. династия Шан падает к ногам Чжоу

Далеко на востоке Ву Дин после шестидесяти лет правления передал трон своему сыну. Царство Шан несколько раз более или менее мирно переходило от брата к брату или от отца к сыну. Центром империи Шан была река Хуанхэ, и столица Шана оставалась в Инь.

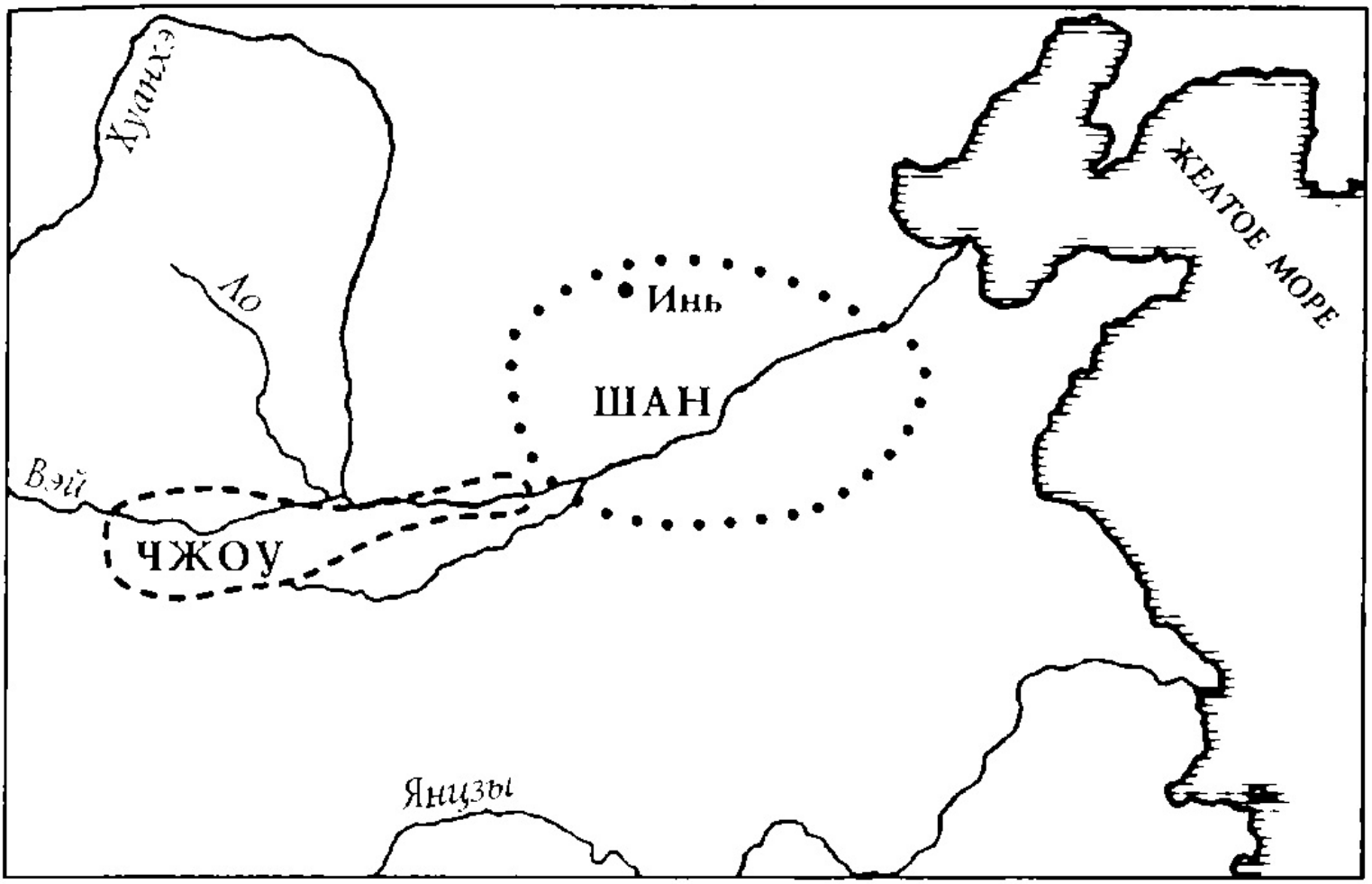
Ко времени, когда царства Месопотамии начали разваливаться, китайское царство также находилось в кризисном состоянии.

То был совсем иной кризис, нежели тот, с которым столкнулись Навуходоносор и Тиглатпаласар. Владыки Шан и их народ не подвергались вторжениям неизвестных иностранных племен — врагами шанского царя стали двоюродные братья его собственного народа.

Западнее земель Шан в долине реки Вэй жило племя Чжоу. Они не были подданными царя Шана, хотя их глава — «князь Запада» — признавал власть шанской короны целованием. В конце концов, их земля лежала почти в четырехстах милях от столицы. Кости оракула путешествовали туда и обратно между «князем Запада» и дворцом Шан, поддерживая открытой тропу одного языка и одинаковых обычаев. Но знать Чжоу в первую очередь была верна своему собственному господину, а не далекому монарху Шан. Когда вспыхнуло восстание, они ждали приказов только от «князя Запада».

Древние хроники поясняют, что цари Шана сами вызвали к жизни этот мятеж. Они отбросили мудрость — а именно мудрость (а не военная мощь, как на западе) была основанием их силы.

При императоре Ву И, пятом правителе после Ву Дина, проявились первые признаки распада. Императора, по словам Сыма Цяня обвиняли, в основном в том, что он был против богов: он создавал идолов, «называл их именами небесных богов» и много играл с ними. Когда он победил, то высмеял богов как паршивых игроков.

Шан и Чжоу

Это было серьезным нарушением его царских обязанностей. При все возрастающем весе ритуала костей-оракулов царский двор стал центром пророческих откровений предков для живущих. Все вопросы к праотцам направлялись от имени царя; он был проводником посланий от божественных сил, и для него издевка над этими силами была недопустима.

Вскоре последовало наказание за преступление: Ву И ударила молния, когда он находился на охоте. Ему наследовал его сын, а затем его внук, при котором, по словам Сыма Цяня упадок в стране еще более усилился. Затем трон унаследовал его правнук Чжоу[124], и власть в Шане пошатнулась.

Чжоу была дарованы многие достоинства — Сыма Цянь отмечает его силу, интеллект, четкую речь и быстрый разум. Но новый царь использовал все эти дары во зло. «Его знаний было достаточно, чтобы противиться увещеваниям, — пишет Сыма Цянь, — а его речь была убедительной, чтобы прикрывать дурные дела... Он считал всех ниже себя. Он обожал вино, был неумеренным в удовольствиях и безумно любил женщин». Любовь Чжоу к вину и удовольствиям привела к росту налогов, чтобы он мог содержать свои охотничьи угодья и парки для игр и развлечений; его любовь к женщинам привела его под власть жестокой и деспотичной куртизанки по имени Да Цзи, чьи слова стали единственными, которые он слышал. Его любовь к зрелищам стала такой всепоглощающей, что он выкопал пруд и наполнил его вином, развесил вокруг мясо, имитируя лес, и «заставлял голых мужчин и женщин гоняться друг за другом» вокруг пруда в этом лесу.[2]

Причудливые фривольности обернулись жестокой тиранией. Знатных вельмож, заподозренных в нелояльности, укладывали на раскаленную решетку. Чжоу зажарил одного своего придворного, а другого завернул в полосы мяса и подвесил сушиться. Когда его дядя стал

увещевать его, царь ответил, что, так как сердце умного человека имеет семь камер, ему нужно глянуть на сердце дяди, прежде чем воспринять его совет — и привел свою угрозу в исполнение. Его жестокость все усиливалась, так что «уже не знала края». Аристократы — «семьи сотни фамилий», к тому же знатных — были «переполнены негодованием и ненавистью».

Наконец он превзошел сам себя. Вэнь, правитель Чжоу, «князь Запада», находился в столице по делу, и царь приставил своих шпионов, чтобы следовали за ним. Когда шпионы сообщили, что «князь Запада» «тайно вздыхает» из-за поведения царя, тот арестовал Вэня и бросил его в тюрьму.[125]

Услышав, что их господин в тюрьме, племена Чжоу принесли царю нечто вроде дани, чтобы смягчить его сердце: ценные предметы и прекрасных женщин. Тронутый Чжоу освободил Вэня. Но «князь Запада» отказался возвращаться домой, не попытавшись защитить подданных Чжоу от жестокостей их царя. Он сказал Чжоу, что у него есть предложение — если тот пообещает прекратить пользоваться раскаленной решеткой, Вэнь подарит ему плодородные земли Чжоу вокруг реки Ло, которая течет на юг и впадает в реку Вэй. Чжоу, который очень выгодно использовал заключение Вэня в тюрьму, согласился на сделку, завладел землей и отправил Вэня домой.

Это оказалось ошибкой. Вэня очень любили в его землях как вождя, который был и хорошим (что видно из его готовности пожертвовать собственными землями для людей), и умелым (более поздний китайский историк и философ Мэн-цзы утверждает, что Вэнь имел рост десять футов).[3] Оказавшись у себя на западе, Вэнь начал быстро собирать оппозицию царю. «Многие из феодальной знати восстали, — пишет Цянь, — и повернулись лицом к владыке Запада». Их поддержали предсказатели, которые читали гадальные кости и божественные пророчества: шанские придворные жрецы, забрав свой ритуальный инструмент, покинули царский двор и тоже ушли на запад.

Вэнь, к этому времени совсем пожилой человек (по словам Мэн-цзы, ему было сто лет) умер до того, как смог возглавить поход своих последователей на столицу Шан. [1] Но его сын Ву подхватил знамя. Восемьсот феодалов встали за ним, каждый со своими солдатами. Армия Чжоу из пятидесяти тысяч направилась ко дворцу Шана в Ине. Царь приказал своим войскам встретить наступающих — он выставил семьсот тысяч человек.

Две армии встретились в двадцати милях от Иня, в битве при Муе. При любых расстановках имперская армия должна была сокрушить крошечные силы восставших, но Чжоу имели два преимущества. Первое заключалось в тактике: знать Чжоу выставила триста боевых колесниц, в то время как царская армия не имела их вообще.[5] Но имелось и второе преимущество — солдаты Чжоу обладали высоким моральным духом, — которое и повернуло битву против царя. Люди царя, испытывавшие отвращение к жестокости своих военачальников, были склонны к дезертирству. Когда линия Чжоу обрушилась на них, солдаты передней линии шанского войска развернулись и атаковали стоявших позади них, заставив обратиться в бегство всю армию.[6]

Увидев тень неминуемого поражения, Чжоу сбежал во дворец, где взял оружие из нефрита, приготовившись к последнему бою. Но ворвавшиеся силы Чжоу подожгли дворцовые помещения вокруг него, так что ему обжигало уши. Он умер в пламени — символичный конец для человека, который использовал огонь для того, чтобы пытать и убивать людей.

В этой истории чувствуется сильная нота неправдоподобия в том, что касается мятежа Вэня. Древние историки не прославляют свержение тирана, и сам Ву не хвастается, что правит землями от горизонта до горизонта или тем, что кучами наваливает головы врагов у ворот. Его славят не за умение сражаться, а за восстановление правильного порядка.

Мятеж Чжоу — это не совсем непослушание подвластных людей. Еще до мятежа царь Шан имел над Чжоу сомнительную власть. Вэнь был царем со своими правами, но царь Шана мог заключить его в тюрьму и вынудить платить выкуп. С другой стороны, когда Вэнь предложил Чжоу подарить землю, царь с радостью воспринял это как подарок, а не ответил с негодованием, что он уже и так правит ею.

Но древние историки все-таки вынуждены как-то оправдывать неповиновение правителей Чжоу. Чжоу и Шан имели одинаковые культуры, и сражения между ними так же приводят в замешательство, как вражда между Сетом и Осирисом в ранние годы Египта. Несомненно, необходимо, чтобы первый царь Чжоу не являлся бы узурпатором, а был добродетельным человеком, который поднялся над пороками и начал цикл заново. По этой причине правление царя Чжоу датируется не с победоносного Ву, а с его отца, который был несправедливо заключен в тюрьму и по собственному желанию пожертвовал землю за своих людей. Он, а не его воинственный сын, считается первым царем Чжоу.

Получается, что правление династии Шан закончилось не у ворот горящего дворца, а тогда, когда знать и оракулы собрались под предводительством «князя Запада». И захват Чжоу не был вторжением врагов. Собственная необузданность царя Чжоу стала причиной его смерти. По мнению китайских хроникеров, гниение всегда шло изнутри.

Несмотря на все свои добродетели, Ву, заявив о своем новом титуле, водрузил обожженную голову Чжоу на пику и выставив ее на колу у ворот города Инь на всеобщее обозрение. Старый порядок погиб в огне; утвердился новый порядок.

Сравнительная хронология к главе 42

Месопотамия и Малая Азия Китай Вавилон Ассирия Хеттскоецарство Салманасар I Хаттусили III Тукульти-Нинурта Тудхалия IV Капггилиаш IV Апппурнацирапал Суппилулиума II ВуИ Вторая династия Исина Хаттуса разграблена (ок. 1180 года до н. э.) Навуходоносор I(1125–1104 годы до н. э.) Тиглатпаласар(И 15–1076 годы до н. э.) Чжоу Династия Чжоу (1087–256 годы до н. э.) Апплур-бел-кала(1074–1056 годы до н. э.) Западное Чжоу (1087–771 годы до н. э.) Захват арамеями Вэнь Ву

Часть четвертая
ИМПЕРИИ

Глава сорок третья
Мандат Неба

Между 1040 и 918 годами до н. э. китайские цари Чжоу приходят с желанием строить империю и обнаруживают ее недостатки

Хотя Ву был первым царем Чжоу, именно Вэнь (который умер до окончательного покорения Шан) очень скоро стал символом начала новой династии. Много позднее Конфуций заметит, что музыка, под которую император Вэнь праздновал свои победы, была прекрасной и безупречной — а вот музыка победы императора Ву, «хотя и была прекрасна, не была безупречной»} Дикое опустошение столицы Шан было опасным нарушением императорской божественной власти.

Никто не желал возвращения Шана, но новой династии Ву требовалось тактичное и осторожное оправдание. В начале своего правления, говорит нам Сыма Цянь, Ву приносил жертвы небесам, чтобы загладить злодеяния последнего правителя Шана; он «отложил в сторону щиты и боевые топоры, сложил оружие и распустил солдат, чтобы показать всему миру, что больше не будет пользоваться ими»? Установившийся мир должен был компенсировать агрессию при его вступлении на престол.

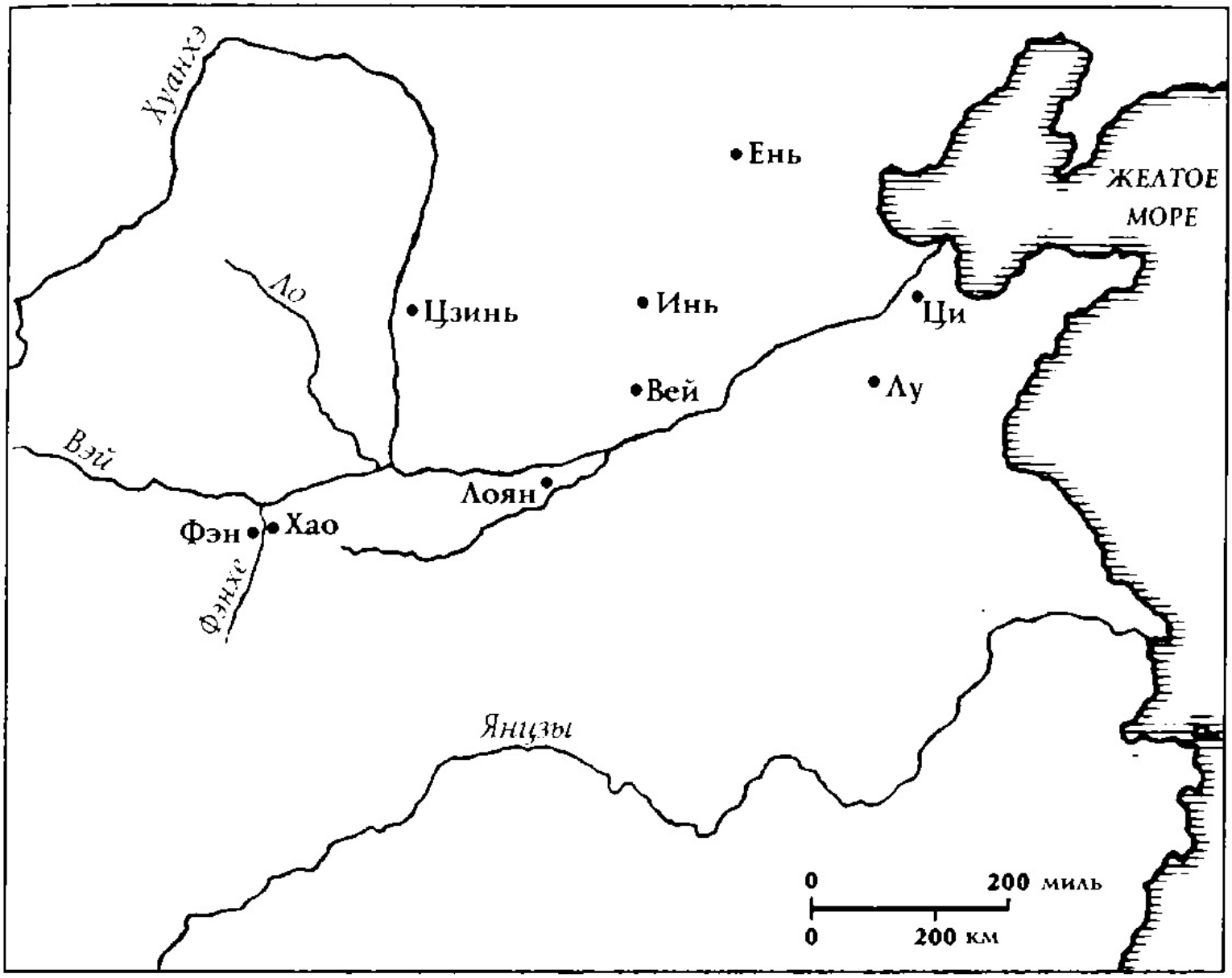
Кроме этических соображений, это было обусловлено также и практической необходимостью. Ву приходилось править, используя влияние и такт. Царь Шана не смог победить объединенные силы феодалов, и Ву также должен был считаться с фактами: он правил царством, полным сильных личностей, которые были бы против автократического правления. Сыма Цянь говорит о «Правителях Девяти Земель» — знати, которая правила собственными территориями, сохраняя лишь лояльность царю. Но знати было гораздо больше, чем девять человек. «Книга церемоний», написанная несколькими веками позднее[126], насчитывает в начале периода Чжоу 1763 отдельно управляемые территории. [3]

Надписи на вручаемых подарках, свидетельствующих о лояльности, демонстрируют сложную пирамидальную структуру государства с пятью официальными рангами. На самом верху стоял царь Чжоу, затем шел второй ранг — владетельные феодалы, контролировавшие отдельные княжества, за ними следовали еще три ранга знати, обладавшие меньшими территориями и силой.[4]

Многие историки называют этих знатных господ «феодальными владетелями». Царь Чжоу все-таки обладал некими правами во всей стране; он не «владел» китайской землей, как владели ею средневековые феодалы, но он обладал правом правильно ею управлять. Это право администрирования он передавал своей знати в обмен на ее лояльность — и (когда необходимо) военную поддержку. Когда царь Чжоу делал феодала своим «ленником», тому не давалась земля в подарок; вместо земли ему давали подарки, символизирующие, что царь Чжоу награждает его долей священной власти. Чаще всего эти подарки были бронзовыми сосудами с надписями. Подарок из бронзы символизировал и богатство, и власть: достаточно власти, чтобы контролировать шахтеров, которые добывали из земли металл, ремесленников, которые отливали металл в форму, и жрецов, которые надписывали сосуд.[5] Положение на самом верху властной лестницы Чжоу определялось церемониальными сосудами — Девятью Котлами,

которые всегда перевозились в новую столицу Чжоу.

Существует большая разница между таким видом «феодальных» отношений и феодализмом, возникшим в более поздние времена. Во-первых, более поздние феодальные лорды действительно владели землей, а не просто обладали моральной властью над нею. Моральная власть могла исчезнуть необычайно быстро. Сам Ву вынужден был опираться на расположение своего двора, чтобы тот поддерживал его власть. « Чтобы обеспечить поддержку Неба, — говорит он одному из своих младших братьев вскоре после получения трона, — ... мы должны выявить плохих людей и убрать их... День и ночь должны мы награждать и ублажать людей, чтобы обезопасить свои западные земли».[6]

Западное Чжоу

Ву также делал все, чтобы выказывать уважение религиозной власти, которую до него имел Шан. Он перевел свою столицу в двойной город Фэн и Хао, разделенный рекой Фэнхэ; но он назначил сына свергнутого Чжоу одним из своих вассальных князей, отдав ему властью центром старой территории Шан. Согласно Сыма Цяню, этому сыну, Лу-фу, были отданы под управление старая столица Инь и окружающие ее земли, потому что «Инь уже была успокоена, а [ситуация] не была еще ясна». Ву также назначил двух своих младших братьев «помогать» экс-принцу, дабы быть уверенным, что Лу-фу правильно себя ведет.[7]

Как только Ву умер, сразу стала явственной шаткость его власти. Сын Ву был еще мал,

поэтому его брат Тань стал править в качестве регента. Почти сразу же два брата, которые, как предполагалось, будут присматривать за Лу-фу, организовали вооруженное восстание на территории старого Шана. Они намеревались посадить на трон Лу-фу в качестве своей марионетки.

Тань заручился поддержкой армии и подавил восстание превосходящими силами. Лу-фу погиб во время сражения, как и один из братьев; затем Тань сделал все, чтобы сломить оставшееся сопротивление Шан, выслав наиболее непослушных жителей Инь в другие части империи.[8] Довериться духовной власти Шан было попросту слишком опасно.

Древние летописи рассказывают нам, что после семи лет правления Тань добровольно отошел в сторону, снял с себя обязанности регента и вернул бразды правления теперь уже взрослому царю Чэну. Вероятно, он действительно это сделал. С другой стороны, такая передача короны еще более запутала проблему утверждения власти в Чжоу[127]. Молодой царь Чэн получил власть только потому, что его отец был цареубийцей. Когда Тань, человек, которого славили по всей стране как за мудрость, так и за добродетель, добровольно передал ему власть, положение Чэна получило другую основу.[9] Добродетельный человек отдает власть только еще более добродетельному человеку — и этим человеком оказался Чэн.

Тань оставался рядом на должности одного из министров молодого царя. Как «князю Чжоу» ему приписывают организацию в китайском государстве действенной административной системы — вероятно, возникшей впервые. Задачи этой системы включали правильный надзор за землей, сбор налогов, назначение чиновников и организацию других государственных мероприятий. Но самым важным делом «князя Чжоу» было сведение всех церемоний, принятых при царском дворе, в единую книгу ритуалов. Если царю Чжоу удавалось править без постоянного использования своей армии, позволявшей держать мятежников в узде, его священное право все равно нуждалось в постоянной демонстрации. Ритуалы, которые окружали его, были внешним проявлением его моральной власти, видимой тенью, отбрасываемой его незримым правом править.

Установив свою власть в центре царства, Чэн теперь должен был заботиться о его окраинах. Ведь никакая книга ритуалов не могла убедить людей, которые жили в дне или больше езды верхом от столицы, что царю Чжоу следует подчиняться. Это могло быть достигнуто только силой.

Восточная часть империи, вероятно, являлась самой неспокойной — туда были переселены остатки недовольных сторонников Шан, за которыми требовалось постоянно следить. Поэтому «князь Чжоу» построил на востоке, в стратегической точке, крепость; она должна была также охранять переправу через реку Хуанхэ, которой могла воспользоваться неприятельская армия, и защищать с востока подходы к столице Чжоу.[10] Эта крепость стала центром нового города Лоян.[128]

Затем Чэн послал своих братьев строить подобные укрепления на других концах своих владений. Это имело дополнительное преимущество — убирало родственников царя из столицы, подальше от попыток отобрать у него корону. В результате внешние земли царства Чжоу превратились в кольцо владений, каждое из которых управлялось царским родичем. Самыми крупными из них были Цинь, Вэй, Лу, Ци и Ень; древняя столица владения Ень располагалась на месте современного Пекина.

Чэн вел нескончаемые войны, чтобы удерживать границы своей империи в безопасности от племен, которые жили за ее пределами и не признавали его власти. Но он тщательно увязывал применение этой силы со своим священным правом на царствование. «На Мандат Неба не следует слишком полагаться», — говорит он своим последователям, готовясь к завоевательной

кампании на востоке; быть может, он и получил право царствовать благодаря своим добродетелям — но небо не позволяло ему расслабиться и ждать, пока все узнают об этом.

Насколько мы знаем, Чэн был первым китайским царем, который использовал это выражение — «Мандат Неба».[11] Мандат Неба давал Чэну право применять оружие; его успех в борьбе продемонстрировал реальность Мандата Неба Еще один пример циклического доказательства, которое мы уже встречали раньше.

Чэн умер примерно в 996 году до н. э., после тридцати лет правления; трон занял его сын Кан. Под руководством его главнокомандующего северная граница царства была отодвинута еще дальше. Армия Чжоу выступила против северного племени, известного как гуйфан, и силой подчинил его себе. «Я захватил 13 081 человека, — хвастался генерал, — лошадей, 30 колесниц, 355 волов и 38 овец».[12]

Это звучит больше похожим на ассирийское хвастовство, чем все, что мы слышали до сих пор — судя по всему, так оно и есть. Но на окраинах империи Мандат Неба должен был поддерживаться вооруженной силой. Сын Кана, Чжао, который взошел на трон примерно в 977 году до н. э., последовал примеру своего отца и запланировал еще одну военную кампанию — на этот раз на юге. Видимо, его вдохновила на это комета, которую посчитали счастливым предзнаменованием.

Но комета обманула. «Шесть его армий были потеряны, — сообщают нам «Бамбуковые Анналы», — и царь умер».[13] Запись Сыма Цяня немного более осторожна:

«Во время царя Чжао зависимость правительства от царя ослабела, царь Чжао предпринял инспекционную поездку на юг и не вернулся... О его смерти не было сообщено феодальным владетелям; было запрещено говорить об этом. Они возвели на трон сына Чжао».[14]

Едва ли это может удивить: смерть Чжао предполагала, что в итоге Мандат Неба его не защитил, и лучше было скрыть это от подвластных ему князей.

С исчезновением «шести армий» (основное царское войско, располагавшееся в столице) сын Чжао, Му, вскоре обнаружил, что ему нужно как-то продемонстрировать свой Мандат, чтобы править от его имени. Он планировал использовать оставшиеся силы против еще одного северного племени, Чуань-Цзун[129], но аристократы внезапно запротестовали. Му был извещен, что Мандат Неба не распространялся настолько широко, а империю следует рассматривать как луковицу с пятью слоями:

«Внутри царства — это территория на содержании, сразу за территорией на содержании расположена предупредительная территория; за ней находится подчиненная территория; затем укрепляющая территория; а затем уже начинается дикая территория».[15]

На каждой из этих территорий действие Мандата последовательно снижалось; эта зависимость отражалась в роде приношений, отсылаемых в столицу жителями этих земель. Центральная область, «территория на содержании», должна была поставлять ежедневную дань, предупредительная область поставляла ежемесячную дань, подчиненная область — сезонную дань. Два внешних кольца царства имели еще меньшую зависимость: укрепляющая территория отсылала взнос раз в год; дикая территория оказывала уважение каждому царю лишь однажды — на его похоронах. Племя Чуань-Цзун находилось на дикой территории, и Мандат не указывал, что с ними нужно обращаться так же, как с людьми в центре царства. Нападение на них аристократы посчитали бесполезным.

Му принял это к сведению и «помирился» с Чуань-Цзун — вместо того, чтобы вести против них кампанию, он предпринял царское путешествие на север и привез назад подарки:

«четырех белых волков и четырех белых оленей». Но на хвосте этой истории есть жало: «Сэтого времени, — заканчивает Сыма Цянь, — все, жившие на дикой территории, прекратили приезжать для демонстрации уважения царю».[16]

Циклическая суть Мандата вернулась и обвилась вокруг ног Му. Мандат оправдывал войну: царь имел священное право защищать свою богом данную власть. Но поражение в битве сеяло сомнение по поводу самого Мандата. Чтобы сохранить его, монарх мог только идти на войну с абсолютной уверенностью, что он победит. Поступив так, как поступил, Му усилил свою власть в центре царства, где его двор выполнял ежедневные ритуалы, определявшие его освященный статус — но ценой за это было ослабление окраин своей империи до того, как они оторвутся совсем.

Сравнительная хронология к главе 43

Месопотамия и Малая Азия			Китай
Вавилон	Ассирия	Хетгскоецарство	
		Суппилулиума II	ВуИ
ВтораяДинастияИсина		Хаттуса разграблена (ок. 1180 года до н. э.	
Навуходоносор I(1125–1104 годы до н. э.)			
	Тиглатпаласар (1115–1076 годы до н. э.)		Чжоу-Синь
			Династия Чжоу (1087–256 годы до н. э.)
	Ашшур-бел— кала (1074–1056 годы до н. э.)		Западное Чжоу (1087–771 годы до н. э.)
Захват арамеями			Вэнь
			Ву

Тань (регент) Чэн Кан (ок. 996–977 годы до н. э.) Чжао Му

Глава сорок четвертая
Война Бхарата

На севере Индии, около 950 года до н. э. идея царства вызывает большую войну между кланами

Пока цари Чжоу договаривались с окружающими племенами, народ Индии просачивался сквозь северные, уже освоенные земли. Смешанный народ ариев-хараппанцев уходил все дальше и дальше от Инда и теперь жил в земле, расположенной восточнее современного города Дели, между северным течением Ганга и его притоком, известным как Джамна. В «Махабхарате», более позднем собрании мифов, которое, вероятно, сохранило более ранние традиции,

царь Сантуну безумно влюбляется в богиню Ганга и женится на ней; это очень похоже на эхо прихода ариев в долину реки Ганг.

Мы немного знаем о людях, которые жили тут до появления ариев. «Ригведа» ссылается на народ, называвшийся даса, который жил в укрепленных городах, разоренных наступающими ариями; на людей, которые стали слугами завоевателей. Даса иногда интерпретируют как намек на хараппанцев, но это сомнительно, так как хараппанские города распались до продвижения ариев. И если «дасью» имеют отношение к местному населению долины Ганга, укрепленные города являются анахронизмом; они были деревенскими жителями.

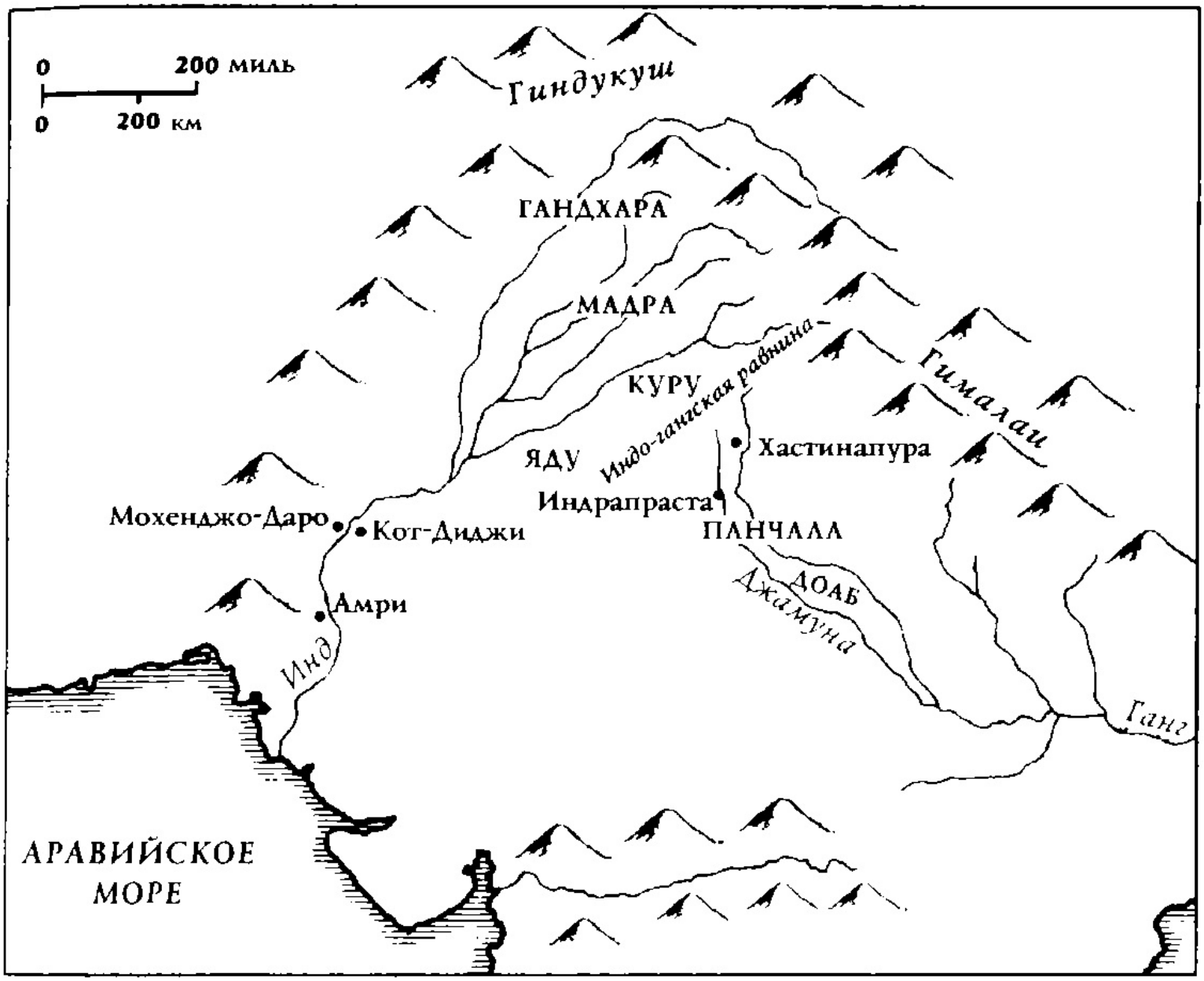
Наиболее вероятно, что даса — это общее название для других племен, столкнувшихся с ариями во время их расселения; некоторые даса могут даже быть ариями, которые мигрировали отдельно в другие части Индии.[1] Арии сражались с даса так же, как те сражались друг с другом. Похоже, что арии также время от времени женились на их девушках, так как родственные формы даса и даха всплывают в именах легендарных арийских царей. Тут нет простого расового разделения между ариями и другими народами — просто воинственные кланы, двигающиеся на восток, неизбежно требуют себе земли, зачастую за счет других ее жителей.

Между 1000 и 600 годами до н. э. плодородные земли вокруг Ганга были заняты тропическими лесами и болотами и покрыты густой спутанной зеленью.[2] Самые ранние легенды об этих лесах населяют их злобными демонами — но это не обязательно означает, что племена, жившие там, оказывали яростное сопротивление вновь прибывающим ариям. Лес был врагом сам по себе. Деревья надо было вырубать людям, непривычным к такой работе. Корни, толще и глубже, чем они видели когда-либо, нужно было выкапывать из земли. Ядовитые змеи и незнакомые животные таились в темных чащобах.

Но воинственные кланы продвигались вперед. Железо, ранее использовавшееся преимущественно для изготовления оружия (клинков и наконечников стрел), теперь оказалось полезным для топоров и плугов. В «Сатапата Брахмана» (одном из прозаических комментариев к поэтической «Ригведе», сборнику священных поэм, появившемуся между 1000 и 700 годами до н. э.), мы находим живое описание бога огня Агни, распространяющего на восток пламя, поедающее леса; более чем вероятно, что это описание активной очистки от толстых деревьев при помощи огня.[3]

За несколько веков леса были уничтожены. В долине, где когда-то находились нетронутые леса, медленно создавалась оседлая земледельческая жизнь, которая стала нормой в долине Инда, она концентрировалась вокруг деревень и малых городов с окружающими их полями.

А затем разразилась великая война. Она шла на территории между северным участком Ганга и самым восточным участком Инда, как раз южнее гряды гималайских гор, на равнине, известной географам как Индо-Гангская равнина.

Арийские кланы Индии

Хотя исторические подробности этой войны затерялись во времени, более поздние поэмы отразили ее в «Махабхарате» как эпическое событие — точно также, как Гомер обессмертил Троянскую войну, переслоив древнюю правду приметами и обычаями своего собственного времени.[4] Согласно Махабхарате, война вспыхнула из-за очень сложного клубка генеалогических противоречий.[130] Царь клана Куру умер без потомства — это означало, что царская линия почти пресеклась. Остававшимися членами царской семьи были только царица-мать, две бездетные жены умершего царя и его старший брат Бхисма. От Бхисмы, однако, толку не было, так как несколько лет назад он дал торжественную страшную клятву оставить все претензии на трон брата, а также вторую торжественную клятву — сохранять целибат.

При таком раскладе царица-мать решилась на радикальные меры, чтобы сохранить семейную линию. Она вызывает великого аскета и святого по имени Вьяса — мистического мудреца, который известен также как Кришна, «из-за его темной кожи».[5] Когда Вьяса приходит, царица-мать просит его об одолжении: она хочет, чтобы он сделал беременными обеих ее невесток, чтобы они могли родить царских наследников.[131]

Вьяса согласился переспать со старшей невесткой. («Если она не возражает против моего тела, моей внешности, моего одеяния и моего запаха», — заметил он между прочим.) Принцесса

закрывает глаза, покоряется, и «в должное время» рожает сына и наследника трона. Но младенец, которого назвали Дхритараштрой, оказывается слеп.

Царица-мать, вовсе не желающая получить слепого царя, посылает Вьясу ко второй невестке; в должный срок та тоже рожает ребенка, сына по имени Панду. Чтобы обеспечить резерв, царица-мать попросила старшую невестку пойти к Вьясе во второй раз, чтобы она имела еще одного сына для поддержки царской линии. Но принцесса, помня «отвратительный запах» Вьясы, посылает вместо себя свою служанку. Девушка беременеет и рожает третьего ребенка Вьясы — мальчика по имени Видура.

Теперь есть уже три сводных брата, продолжателя царской линии. Все трое выращены их дядей, принявшим обет безбрачия Бхисмой, который учит их управлять царством. Видура вырос и стал одним из великих мудрецов; Панду преуспел в стрельбе из лука; а Дхритараштра, несмотря на слепоту, вырос необычайно сильным, и именно его назначают наследником трона Куру.

Этот миф описывает индийский клан Куру в момент перехода от кочевой жизни, при которой сообщество воинов следило за благополучием клана, к иерархической идее наследования, где один человек в клане может настаивать на своем преимущественном праве на власть перед остальными. Переплетенная генеалогия трех братьев показывает культуру, в которой присутствует идея прямого царского наследования, но она еще беспорядочная. Структуры царского рода только еще начинают разбивать старые кровные взаимоотношения внутри бывших кочевых племен, и переход власти от отца к сыну — как в дни Этаны — был еще достаточно нов, чтобы требовать сверхестественного вмешательства, как показывает следующая глава этой истории.

Дхритараштра, слепой старший сын, женится на преданной красавице по имени Гандхари, принцессе из клана Гандхара на севере. Она хочет иметь сто сыновей, чтобы царская линия ее мужа навсегда осталась в безопасности. Поэтому она обращается к своему свекру Вьясе, который опять появляется на сцене и использует свое влияние, чтобы получить сверхъестественную беременность, которая продлилась бы два года. Когда ребенок Гандхари наконец рождается, он оказывается гигантом; Вьяса разрезает его на сто кусков, и все они становятся детьми. Практически эти сыновья одного возраста, но признанным «старшим сыном» и очевидным наследником становится Дурьодхана.

Тем временем второй брат, Панду, тоже женится. Идя дальше старшего брата, он женился сразу на двух принцессах из двух различных соседних кланов, Яду и Мадра. Его старшая жена родила сына Юдхиштру. Из-за двухгодичной беременности Гандхари этот сын родился до гиганта Гандхари; так что Юдхиштра также может претендовать на звание старшего царского наследника в семье.

К несчастью, Панду чуть ранее был наказан импотенцией через проклятие вспыльчивого мудреца. Это предполагает, что кто-то еще тайно вошел к его жене — и много раз, так как позже она родила еще двух сыновей, а младшая жена Панду обзавелась двумя близнецами.

Другими словами, в клане Куру оказалась не одна четкая линия наследования по крови. Понятно, что вся идея наследственного царствования оказалась полна всевозможными неопределенностями.

С неопределенностями пришел конфликт. Оба, и Дхритараштра, и Панду, привели свои семьи жить в царский дворец. И вскоре разразилась гражданская война между сотней сыновей Дхритараштры (клан Кауравов под предводительством старшего принца Дурьодханы) и пятью сыновьями Панду (клан Панда-вов под предводительством их старшего брата Юдхиштры).

Территория, по поводу которой они спорили, концентрировалась вокруг Хастинапутры,

столицы Куру, располагавшейся на верхнем Ганге. Сначала Кауравы приобрели верхние земли, взяв под контроль город. Тем временем, согласно «Махабхарате», пять сыновей Панду женились на одной женщине (редкий случай многомужия) — прекрасной Драупади, дочери царя Панчалы, клана, который обитал на востоке.[6]

Драупади описана «темнолицей, с глазами как лепестки лотоса»[7] — эти физические детали в совокупности с восточным расположением ее родины предполагают, что она была дочерью местного царя. Так как Вьяса также описан темнокожим, это означает, что «темный» клан Панчала имел какие-то отношения с ариями. Ясно, что арии и местные кланы десятилетиями заключали смешанные браки.[8]

Похоже, что восточные кланы имели больше местной и меньше арийской крови. Арии имели отдельное название для речи людей, которые жили в восточной части долины Ганга — мелекча, искаженный язык.[9] Клан Панчала был одним из этих местных кланов. Братья Кауравы связали себя с другими кланами ариев, а братья Пандавы заключали стратегические альянсы с местным населением.

Через несколько лет после заключения альянса с Панчала-ми Пандавы выстроили дворец в Индрапрасте, на южном краю земли, принадлежащей Кауравам. Они также короновали царем своего старшего брата Юдхиштру, бросив явный вызов авторитету царя Кауравов, который правил в Хастинапутре.

Это, конечно же, взбесило Кауравов, в особенности учитывая великолепие этого дворца: он был заставлен золотыми колоннами, которые сияли, как луна, а зал собраний представлял собой как бы огромный аквариум, «украшенный лотосами... и заполненный различными птицами, а также черепахами и рыбами».[10] Царь Кауравов Дурьодхана посетил дворец своего кузена, сравнил со своим и был смущен его великолепием; когда он попал в зал с зеркальным полом, то решил, что это вода, и задрал одежду до пояса, прежде чем понял свою ошибку. А затем, подойдя к пруду, он подумал, что тот исполнен из стекла — и упал в него. «Слуги смеялись над ним», — сообщает «Ма-хабхарата». Смеялись и все братья Пандавы, их двоюродный дед Бхисма и «все, все, все... И Дурьодхана не смог простить их насмешек».[11]

Но открытая война между кузенами еще не разразилась, и Дурьодхана решился на более тонкий вызов: он пригласил Панда-вов посмотреть его дворец, а затем поиграть в кости. Юдхиштра согласился сыграть от имени всех братьев — и потерял сначала свои драгоценности, потом все свои богатства, затем армию, и затем свою царицу Драупади. Наконец он проиграл территорию, согласившись, что — если он окончательно проиграется — он и его братья оставят Индрапрастху и уедут в ссылку на двадцать лет.

Судя по текстам «Ригведы» («Покинутая жена игрока рыдает! В долгах, в страхе, нуждаясь в деньгах, мечется игрок всю ночь/..»), игорная лихорадка не была чем-то неизвестным для индийцев первого тысячелетия до нашей эры.[12] И вот сейчас она оказалась фатальной для короны Юдхиштры. Не найдя в себе силы прекратить игру, когда от него отвернулась удача, Юдхиштра потерял все. Его братья неохотно последовали за ним в ссылку, а Дурьодхана с остальными Кауравами забрали себе их дворец и земли.

Ссылка отбывалась в лесах на востоке, в мистическом и необжитом месте. Но во время этой двадцатилетней ссылки Пандавы окрепли для битвы. Их новые луки и стрелы, согласно рассказу, было невозможно сломать, так как их сверхъестественно благословили; больше похоже на то, что они были изготовлены из нового, зеленого дерева, незнакомого прежде жителям Инда.[13]

Через тринадцать лет, когда Пандавы вернулись, Дурьодхана отказался отдать им их дворец и земли. Из-за этого вражда между кузенами переросла в открытую войну — Войну Бхарата.

Братья Пандавы собрали различных родственников и местные кланы, включая клан Панчала; то же сделали и Кауравы, которые сумели сработать лучше, добившись лояльности тех колеблющихся, что находились в одинаковом родстве с обоими кланами и метались между ними. Это сделало армию Кауравов немного больше (одиннадцать «дивизий» против семи «дивизий» Пандавов). Судя по традиционной численности «дивизий», силы Кауравов имели примерно 240 000 колесниц и такое же количество боевых слонов, еще 700 000 кавалеристов и более миллиона пехотинцев, а армия Пандавов имела 750 000 пехотинцев, 460 000 кавалеристов, 153 000 колесниц и такое же число боевых слонов. Эти цифры совершенно неправдоподобны — но, конечно же, когда обе армии встретились, поднялся невообразимый грохот.

Рассказ «Махабхараты», как и рассказ Гомера о Трое, несомненно, имеет налет более позднего времени, черты более современной войны, нежели примитивный конфликт, имевший место в те времена. Согласно эпическому повествованию, сражение велось по продуманным правилам справедливой игры: на одного солдата не могла навалиться группа, мог иметь место только бой один-на-один между мужчинами с одинаковым оружием; было запрещено добивать раненых воинов и потерявших сознание бойцов, а также нападать на солдат сзади; каждое оружие имело свои четкие правила использования, обязательные для соблюдения.

Такой тип изысканных правил придавал войне вполне цивилизованный вид — но они родились из сверхзанятости мужчин, которые жили на много веков позже. И правда, самый знаменитый раздел «Махабхараты», «Бхагавад-Гита» или «Песнь Господина», развивается вокруг дилеммы, которая вряд ли беспокоила мифических бойцов. В нем сам Кришна, переодетый возницей Арджуны, принца из клана Пандавов (третий брат, самый прославленный за свои таланты), помогает ему преодолеть этическую дилемму. Так как слишком многие родственники выступили против него в этой гражданской войне между кузенами, должен ли он атаковать — или правильнее будет позволить быть убитым самому?

Но битва древности велась между кланами, которые еще совсем недалеко были единым племенем воинов-кочевников. Несмотря на все этические концепции, вложенные в уста бойцов, «Махабхарата» иногда дает нам взглянуть на свирепость нравов. Бхисма, великий дядя обоих кланов, и Пандавов, и Кауравов, сражается на стороне Кауравов; убив принца Пандавов Душасана, который являлся его собственным кузеном, он пьет его кровь и исполняет танец победы прямо на поле брани, завывая, как зверь.[14]

Победителями в великой битве стали братья Пандавы, обеспечившие себе союз с местным населением. Но Пандавы завоевали победу неимоверной для себя ценой. Почти все их солдаты были потеряны в ходе резни до того, как Кауравы сдались.

Сама «Махабхарата» стенает из-за такого кровавого исхода войны. В конце летописи принц Пандавов Юдхиштра, направляясь в загробный мир, окунается в священный божественный Ганг и выныривает, смывая свое человеческое тело. «При помощи этого омовения, — говорит нам рассказ, — он избавляется от ненависти и печали». Он находит в небесном царстве своих братьев и кузенов, тоже очищенными от ненависти. Там они и остаются, Пандавы и Кауравы, «герои, свободные от человеческого гнева», наслаждаясь обществом друг друга, без раздоров, в мире, далеком от амбиций царей.[132]

Сравнительная хронология к главе 44

Китай	Индия
Ву-и	

Арии и люди Хараппы начинают движение на восток

Чжоу-Синь

Династия Чжоу (1087–256 годы до н. э.)

Западное Чжоу (1087–771 годы до н. э.)

Вэн

Ву

Тан (регент)

Чэн

Кан (ок. 996–977 годов до н. э.)

Чжао

Му

Война Бхарата

Глава сорок пятая
Сын Давида

Между 1050 и 931 годами до н. э. иудеи создают свое царство, а Египет восстанавливает могущество

На краю земель западных семитов, возле Средиземного моря, осело одно из кочевых племен, принимавших участие в набеге Народов Моря на Египет. Их поселения разрослись в города, города образовали достаточно рыхлый союз. Наиболее могущественными городами этого союза, именуемого греками Пентаполисом (то есть Пятиградьем), были Газа, Ашкелон, Ашдод, Гат и Аккарон. Египтяне называли этот народ пеласги, их соседи — филистимлянами.

Филистимляне не имели письменности — это означало, что их история дошла до нас через хроники их врагов; долгое время их репутация подавалась в виде набора плохих манер, грубости и полного отсутствия цивилизованности. Оставленные же ими после себя следы предполагают, что их культура и в самом деле была в основном заимствованной у соседей. Гончарные изделия филистимлян были микенскими по стилю, их родной язык представлял собой скорее ханаанский диалект, и даже неудавшееся вторжение в Египет оставило свой аромат в филистимлянском супе. Они хоронили своих мертвецов в гробах, вырезанных по форме египетских саркофагов, с глиняными крышками, увенчанными лицами и непропорциональными руками — слишком короткими, чтобы сгибаться. Псевдоегипет-ские гробы даже были украшены иероглифами, нарисованными кем-то, кто часто видел эти знаки, но не имел понятия, что они означают; эти иероглифы бессмысленны.

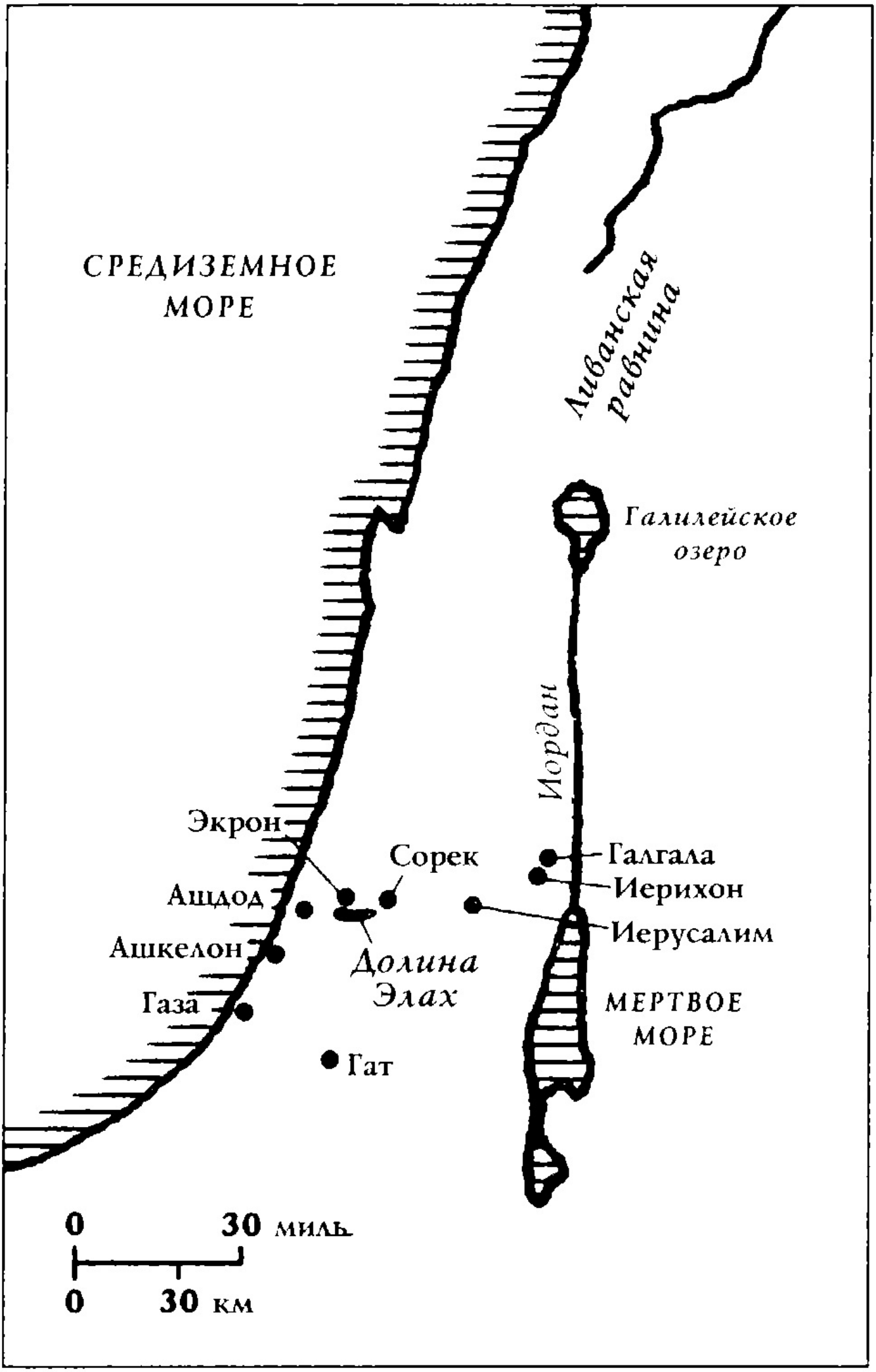
При всем своем могуществе пять городов Пентаполиса не имели безоговорочной власти над южными территориями западных семитов. Почти с самого момента их возникновения потомки Авраама боролись с ними за право обладать этой землей.

Покинув Египет, иудеи на десятилетия исчезли с международной арены. Согласно их собственным записям, они бродили в пустыне сорок лет — тот срок, за который вырастает новое поколение. Эти годы, которые исторически невидимы, теологически были решающими. Книга Исхода говорит, что бог собрал иудеев вокруг горы Синай и дал им десять заповедей, вырезанных на двух каменных скрижалях — по одной копии каждой из договаривающихся сторон: богу, как главной, и иудеям, как менее значимой.

Это стало краеугольным камнем национальной идентификации иудеев и привело их народ

к политической реорганизации. Иудейский народ неофициально прослеживает свои древние корни в глубь веков до Авраама и его двенадцати внуков. Теперь, под божественным управлением, их лидер Моисей сделал перепись и перечислил все кланы и семьи. Их разделили на двенадцать колен, каждое из которых стало известно по имени великого внука, ставшего его прародителем. Племя Иуды оказалось самым крупным и насчитывало почти семьдесят пять тысяч мужчин боеспособного возраста; самым маленьким племенем было Манассе.[133]

Формальным знаком завершения формирования двенадцати племен была подготовка к следующему передвижению. Теперь иудеи двигались к южной границе земель западных семитов. Моисей умер, новым вождем стал Иисус[134], его помощник и заместитель. Под руководством Иисуса иудейские племена заняли земли вдоль берега, «от Ливана до Евфрата, всю страну хеттов, все расстояние до Великого моря на западе»}.

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Ливанская равнина
Галилейское озеро
Иордан
Экрон
Сорек
Галгала
Ашдод
Иерихон
Иерусалим
Ашкелон
Долина Элах
Газа
МЕРТВОЕ МОРЕ
Гат
0 30 миль
0 30 км

Израильтяне и филимстимляне

Иисус со своими последователями прошел до восточного берега Мертвого моря, затем обошел его с севера и переправился через реку Иордан — формальную границу западно-семитских царств. Затем он приказал всем взрослым мужчинам иудеев совершить обрезание, так как этим ритуалом часто пренебрегали в течение четырех десятилетий, проведенных в пустыне. Это отнюдь не выглядело хорошим началом кампании, рассчитанной на энтузиазм множества последователей — но Иисусу нужно было, чтобы его люди понимали, что они собираются сделать: завоевание Ханаана было исполнением обещания, данного Аврааму, первому еврею и первому, кто обрезал своих сыновей шестьсот лет тому назад.

Главной военной целью израильтян был Иерихон — первый укрепленный город западнее реки Иордан, обнесенный огромной стеной со смотровыми башнями. Согласно библейской легенде, изложенной в Книге Иисуса, битва закончилась после того, как иудеи прошли вокруг стен Иерихона шесть раз, по разу в день. На седьмой день они обошли его, семь раз подряд дуя в трубы, и стены пали. Иудеи хлынули через разрушенные стены и уничтожили все живое в городе: мужчин, женщин, детей, коров, овец и ослов.

Когда город был разрушен и разграблен, Иисус проклял его. Через двести лет Иерихон все еще оставался необитаемым.[2] Шесть тысяч лет жители Иерихона наблюдали с городских башен, ожидая, когда на горизонте появится неотразимый враг и пробьется сквозь огромные стены Иерихона.

Враг наконец прибыл — но стены рухнули сами.

Иисус умер старым человеком после долгой жизни, проведенной в походах. Ко времени его смерти иудеи уже занимали территорию от Беершебы на юге до самого Киннерета на северном берегу небольшого озера, которое позднее станет известно как Море Галилейское, а на западе — до Рамот-Гилеада. Захваченная территория была разделена между племенами. Иисуса сменил не царь, а серия верховных судей и пророков, которые сообщали иудейским племенам — теперь нации Израилевой — требования их бога.[135]

Но огромные территории Ханаана оставались незанятыми. Во-первых, филистимляне теперь владели землями от Экрона вниз, вдоль берега Средиземного моря, и они не хотели уступать ни пяди территории вновь прибывающим. Все те годы, что Израилем управляли судьи, он вел сражение за сражением против филистимлян.[3]

Невозможно точно датировать «Завоевание» — вторжение иудеев под руководством Иисуса в земли западных семитов. Поэтому невозможно также определить дату, когда судьи иудеев повели израильских воинов против армии Пентаполиса.[136] Но можно предположить, что самый известный из судей, обладавший сверхъестественной силой Самсон, являлся вождем иудеев примерно около 1050 года — во время Третьего Переходного периода в Египте, владычества арамеев в Месопотамии и правления Чжоу дальше на востоке.

В дни Самсона филистимляне не только не были побеждены, но даже отвоевали часть израильской территории. Далее к юiу два народа начали смешиваться; Самсон даже женился на филистимлянке — к огромному неудовольствию своих благочестивых родителей («Что? Неужели нет подходящей женщины среди своего народа? Почему ты пошел и взял жену из необрезанных?»)

Жена-филистимлянка подтвердила правоту этих родичей; после ссоры с тестем Самсон предал огню огромные виноградники филистимлян и их хлебные поля, испугав этим своих соотечественников, озабоченных мыслью об ответных мерах. «Разве ты не понимаешь, что

филистимляне правят нами? — потребовали они ответа. — Что ты себе позволяешь?»[4]

Это, похоже, указывает, что филистимляне, а не израильтяне владели инициативой в очень нелегких взаимоотношениях между двумя народами. Но на деле они не управляли израильскими землями. В течение двадцати лет Самсон решал в Израиле все вопросы. За это время он в различных ситуациях убил сотни филистимлян — но те никогда не были достаточно сильны, чтобы развязать против него настоящую войну. Вместо этого они наняли куртизанку по имени Далила — женщину, которая жила «в долине Сорек» или, другими словами, прямо на границе между палестинской территорией и израильской землей. Обманутый Далилой и взятый в плен, Самсон был ослеплен своими врагами и притащен в Газу, самый мощный город Пентаполиса. Здесь, выведенный филистимлянами напоказ во время праздника их главного бога Дагона (бога-рыбы, отражающего их происхождение от морского народа из Эгеиды), он воспользовался своей огромной силой, чтобы обрушить храм Дагона на себя и на три тысячи врагов. «Я так — говорит нам Книга Судей, — он убил много больше народу, когда погиб, чем когда жил»?

Подобный тип пирровой победы над филистимлянами отражает тупик. Филистимляне нападали на израильские деревни, израильтяне сжигали поля филистимлян, обе стороны похищали случайных охотников, обнаруженных вне границ, и ни одно царство не побеждало. Политически обе нации страдали от одинаково нерешительного руководства. Военачальник филистимлян не мог собрать армию от всех пяти городов Пентаполиса, а судьи Израиля с их теологической идеей непротивления имели еще меньше сил: «5 те дни не было царя в Израиле, — вот повторяющийся рефрен книги Судей, — и каждый в Израиле делал то, что казалось правильным ему самому».

Вдоволь нахлебавшись безвластия, израильтяне потребовали царя, чтобы стать как «другие страны». По-видимому, они имели в виду Египет — единственную страну, чей царь победил филистимлян. Они хотели сделать царем и военачальником впечатляющего высоким ростом человека из колена Вениаминова по имени Саул, чтобы он мог повести их к военной победе.

Саул был должным образом помазан на должность первого царя Израиля последним судьей, старым и усталым человеком по имени Самуил, который считал, что введение царского звания станет огромной ошибкой. «Он призовет ваших сыновей в солдаты в свою армию, — предупредил он израильтян, — он заберет их пахать свои поля, делать оружие для своих войск; он заберет ваших дочерей работать в своем дворце; он заберет лучшую часть вашего урожая, лучшие ваши вина, десятую часть вашего зерна, десятую часть вашего стада, лучших из ваших слуг и коров; вы будете рыдать, прося избавления от царя, которого избрали».[6]

Несмотря на его предупреждение, Саул был провозглашен царем и военачальником. Он немедленно занялся организацией военных действий против филистимлян.

К несчастью, филистимляне усилили свой контроль над Израилем до такой степени, что ввели эмбарго на оружие: «Нигде в Израиле не найти было кузнеца, — рассказывает нам Первая Книга Царств, — потому что филистимляне знали, что иначе израильтяне изготовят мечи и копья».[1] Поэтому лишь филистимляне имели право работать с железом. Любой израильтянин, нуждавшийся в заточке сошника или топора, должен был отправляться в землю филистимлян и платить их кузнецу за работу.[137]

В результате, когда Саул собрал всех боеспособных мужчин из племен под свое царское знамя, он и его сын Ионафан оказались единственными обладателями мечей. Все остальные были вооружены заступами и вилами. С другой стороны, филистимляне собрали три тысячи колесниц с шестью тысячами солдат (один правил колесницей, другой сражался), а простых солдат настолько много, что их было невозможно сосчитать: «столько, сколько песчинок на

морском берегу». Силы израильтян, гораздо меньшие по количеству и отвратительно вооруженные, разбежались и попрятались. Саул остался в Галгале, севернее Иерихона, всего с шестью сотнями воинов. Оставшееся время его правления противостояние израильтян филистимлянам состояло в партизанских рейдах и мелких стычках.

В одном из таких ничего не решающих боев, произошедшем на этот раз в долине Элах, на западном краю территории колена Иуды, сражение длилось так долго, что филистимляне предложили другой способ боя, чтобы решить его исход. Пусть бьются два избранных, по одному с каждой стороны — и победитель возьмет страну побежденного.

Конечно филистимляне ожидали ответа на вызов от нового израильского лидера Саула. Боец филистимлян был гигантом в три метра высотой — роста необычного, но не совсем невозможного (к тому же случайный манускрипт называет его рост равным семи, а не девяти футам), Саул и сам был известен своим выдающимся ростом. Выбор Голиафа, который был вооружен до зубов и тому же с юности являлся воином, означал открытый жест превосходства.[138]

Саул не стал сражаться с таким гигантом, и вызов принял другой израильтянин — Давид, младший из трех братьев из колена Иуды, которые присоединились к армии Саула. Давид, уверенный, что бог с ним, вышел с пращей, сбил Голиафа с ног удачно пущенным в голову камнем и отрубил гиганту голову своим мечом. «Когда филистимляне увидели, что их герой мертв, — говорит Первая книга Самуила, — они развернулись и побежали. Тогда люди Израиля и Иуды бросились с криком вперед и преследовали филистимлян до входа Гафа и до ворот Аккарона. Их мертвецы устилали дорогу до Гафа и до Аккарона».[8] Эта победа сделала Давида таким популярным, что Саул решил избавиться от него, как от возможного претендента на трон.

Чтобы спасти свою жизнь, Давид бежал на территорию филистимлян. Тут он действовал как двойной агент: грабил отдаленные поселения филистимлян и возвращался к своим нанимателям-филистимлянам с добычей, живописуя разграбление несуществующих израильских поселений, которые пали под его напором. Когда Саул был убит в особенно жаркой схватке с филистимлянами, Давид вернулся к своему народу и взял корону.

Давид был намерен спаять двенадцать племен не просто в нацию, а в царство. Одной из его первых инициатив стала осада города Иерусалима. Этот город оставался незавоеванным и находился под контролем западных ханаанцев, которых библейское повествование называет «иевуситы» — смешение западных семитов и иммигрантов с Аравийского полуострова.[139] Давид завоевал город, проникнув через канализацию, прорубленную в скале ниже городских стен, и отстроил его заново, уже как свой собственный.

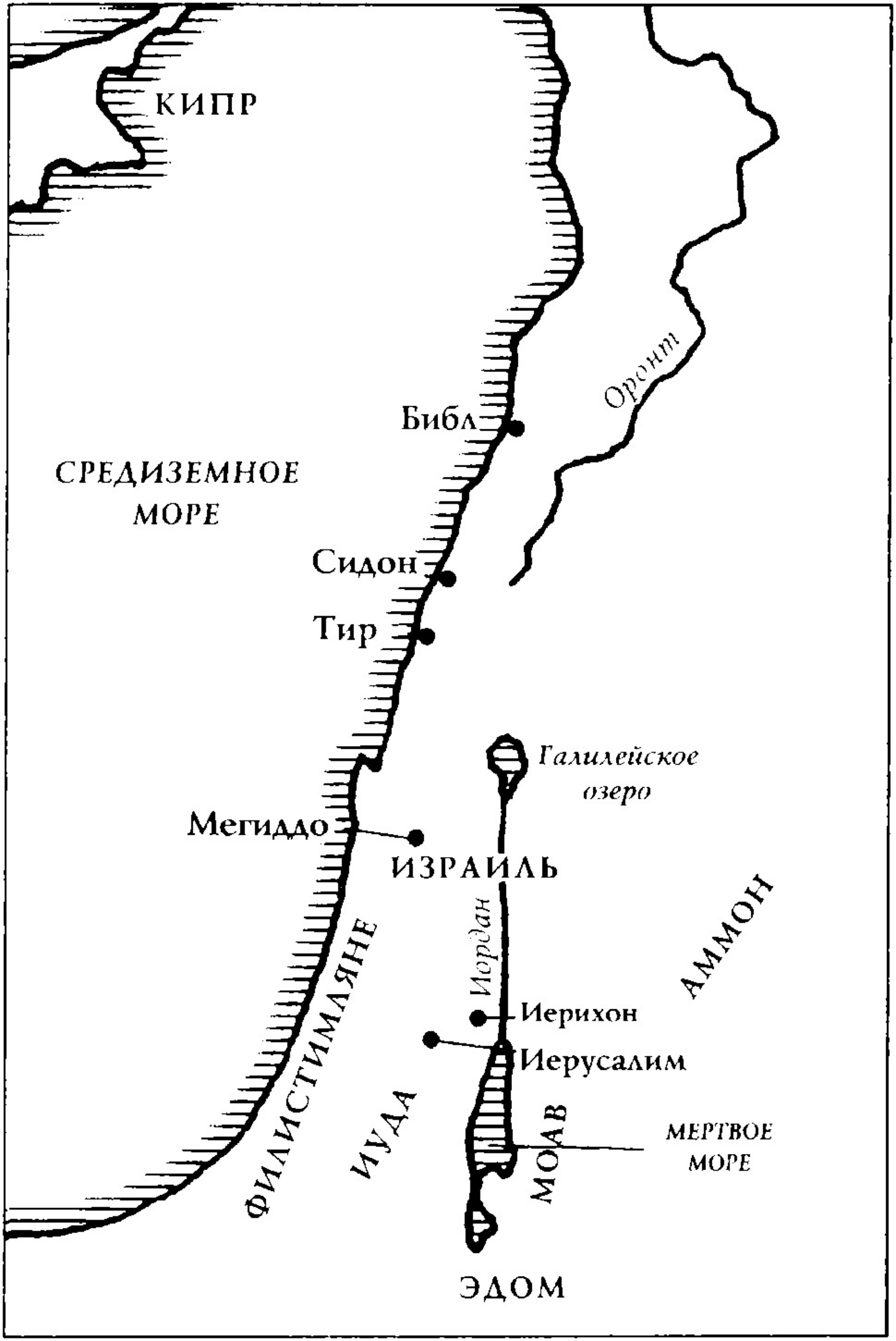
Имея под своим началом двенадцать племен, он расширил границы израильских земель, затем отправился на юго-восток и разбил эдомитян — народ, который контролировал земли у Красного моря. Затем он победил племена моавитян на другой стороне Мертвого моря и аммонитян на севере, сразу за Иорданом. Потом Давид нанес решительное поражение филистимлянам, которые двинулись на Израиль, как только услышали, что он набирает силу. Филистимляне, несомненно, были более чем раздосадованы тем, что их двойной агент смог обманывать их так долго. То был конец государства филистимлян; расцвет их могущества длился чуть более века.

Царствование Давида было отмечено не только установлением контроля Израиля почти над всеми землями западных семитов, но также и таким моментом, которого предыдущие лидеры иудеев не смогли добиться установлением дружественных отношений с лидерами других стран.

Самый полезный союз был заключен с царем Тира, известным как Хирам. Расположенный севернее по берегу Средиземного моря, на территории современного Ливана, Тир был

превращен в крепость своими жителями, одним из западно-семитских племен, которое переселилось сюда из города Сидон еще выше по берегу, когда Народы Моря разграбили его на своем пути к Египту. Эти сидоняне поселились в Тире вместе с небольшим количеством представителей Народов Моря; в храмах Тира, как и в храмах филистимлян, чтили бога-рыбу Дагона, изменяя тем самым общим предкам. Ко времени правления Давида Сидон был снова заселен. Тот же народ заселял древний торговый город Библ. Эта особая смесь западных семитов и людей с Эгеиды позже стала известна как финикийцы.[9]

Не существовало страны, называемой Финикия, как не существовало и единого финикийского царя. Независимые города вдоль берега объединялись одной культурой и языком: их система письма была первой, которая использовала алфавит. Финикийцы фактически имели торговую монополию на один из самых ценных местных ресурсов — кедровые стволы, которые рубили на близлежащих холмах и посылали в Египет или еще дальше. Давид передал царство своему сыну Соломону — эта передача произошла с некой долей кровопролития, прежде чем Соломон утвердил свою власть, так как у Израиля еще не было в обычае наследование монархии. Торговля с Тиром позволила Соломону начать самую крупную строительную программу, когда-либо проводимую в землях западных семитов.

КИПР
Оронт
Библ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Сидон
Тир
Галилейское озеро
Мегиддо
ИЗРАИЛЬ
АММОН
Иордан
ФИЛИСТИМЛЯНЕ
Иерихон
Иерусалим
ИУДА
МОАВ
МЕРТВОЕ МОРЕ
ЭДОМ

Израиль и окружающие царства

Соломон, которого библейские предания именуют выдающимся мудрецом, реорганизовал царство Давида, подразделив его на двенадцать административных районов, которые не всегда совпадали с традиционными границами племен. Он хотел сломить старое племенное деление и любое сопротивление, могущее возникнуть на племенной основе. Соломон перестроил налоговую систему и отодвинул границы царства на максимальное расстояние от центра. Он также построил сказочно огромный храм высотой сорок пять футов, возведенный из карьерного, привезенного издалека, камня, украшенный резным кедром, покрытый золотом и наполненный сокровищами. Бог Израиля нуждался в храме, и Соломон таким образом изъявил свое почтение Господу.

Это был обычный стиль действий Соломона. В этом он был совсем не похож на своего отца. Давид был жестким и грубым воином, харизматическим лидером, который убил сотни человек собственными руками, отказывался наказывать предателей, пока их предательство не становилось слишком очевидным, чтобы его игнорировать, играл на арфе и прямо на публике бросался в исступленные танцы на грани приличия. Грубая сила его личности вдохновлялась безумной ненавистью и поддерживалась культовой преданностью соратников: однажды трое его воинов рисковали жизнями и свободой, пробиваясь на удерживаемую филистимлянами территорию, чтобы достать Давиду воды из колодца возле деревни, где он родился.

Соломон был совсем другим человеком. Он был созидателем, зацикленным на величии, человеком, намеренным делать все крупнее и лучше, чем его знаменитый отец, а также превратить завоеванное кровью царство в крепкую и хорошо организованную империю. В более близкие к нам времена Давид стал бы американским миссионером, который говорит на многих языках и подвержен видениям и обморокам; Соломон же — популярным проповедником в провинциальной церкви, завлекающим на свои проповеди огромную и все более растущую паству, убежденным, что масштаб и богатство его предприятия одобрены благословением Господа. Ни один царь после Соломона никогда не имел столько власти над израильтянами — но также никто никогда не рисковал своей жизнью из любви к Соломону.

Конюшни Соломона славились тем, что содержали двенадцать тысяч лошадей, а его огромный двор съедал 185 бушелей муки в день.[10] Он был столь же могущественным, как любой фараон. На деле его царство теперь поглотило все земли западных семитов, которые когда-то принадлежали Египту, и Соломон даже смог жениться на египетской принцессе — для Египта давно минули те дни, когда фараон мог презрительно отвечать, что дочери царского дома не уезжают в другие царства.[11]

Соломон расширял установленные Давидом связи с другими государствами. Пообщавшись с Хирамом из Тира, он организовал в Библе постройку собственных морских кораблей. Он заключил брачный союз с далеко расположенным народом ханаанцев, который не смог завоевать. Он даже принял делегацию из Аравии: эту делегацию возглавляла самая знаменитая царица древнего мира.

«Когда царица Савская услышала о славе Соломона, — говорит нам Первая Книга Царств, — она пригила$_y$ чтобы испытать его мудрость; она прибыла с караваном благовоний, золота и драгоценных камней".

Царица Савская стала первым человеком, который пробился к нам сквозь песчаные бури древней истории Аравийского полуострова — и почти единственным сохранившимся до наших дней именем из Аравии тех древних времен. Торговые караваны оттуда все чаще прибывали в царства западных семитов, и царица смогла привести одну такую экспедицию; она не только прибывает с благовониями, золотом и драгоценными камнями, но и уезжает со «всем, чего ни

пожелала, данным ей от царской щедрости».[12]

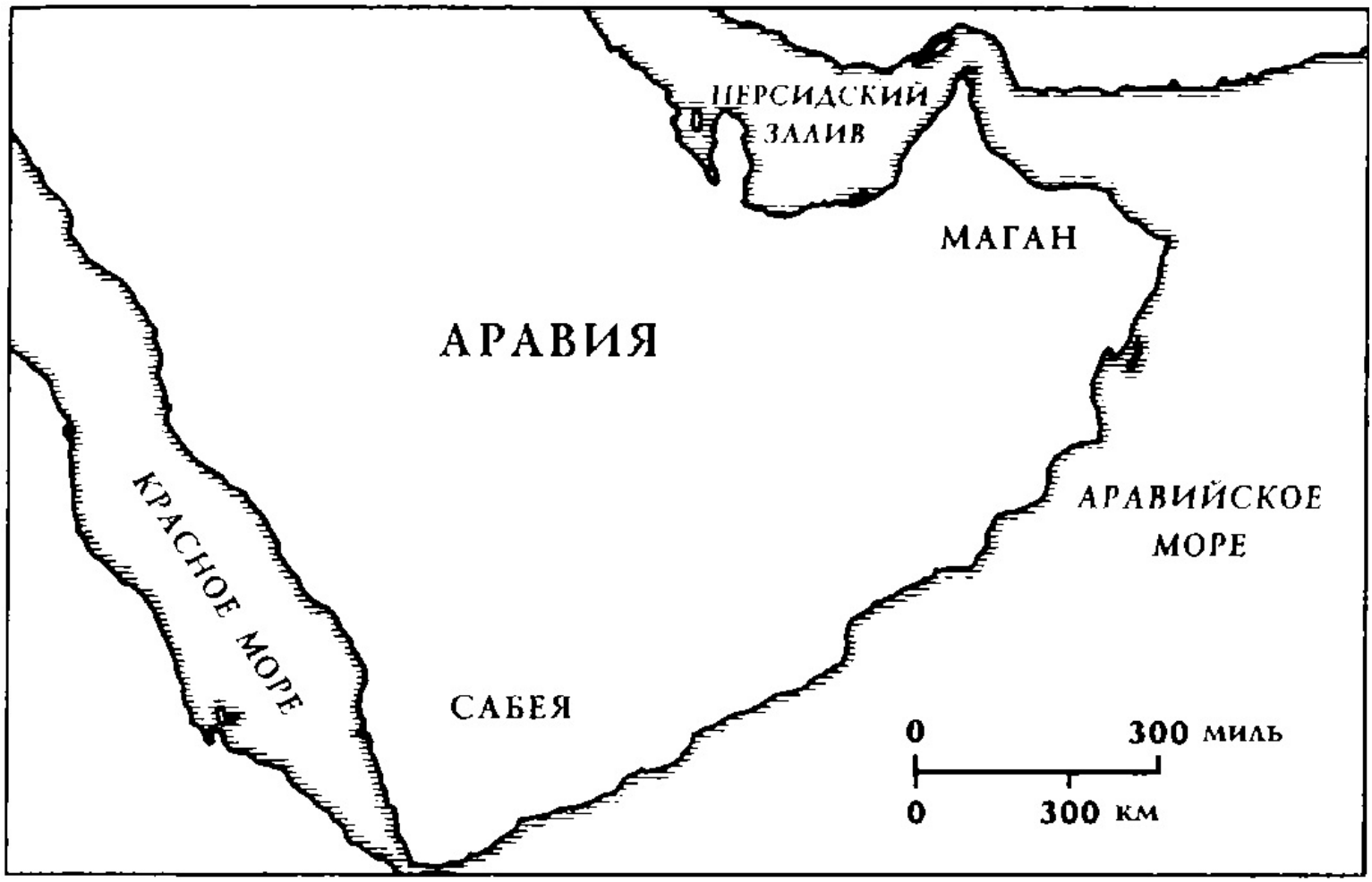
Конечно, товары и изделия, металлические предметы и ткани поступали на окраины Аравийского полуострова уже в течение очень долгого времени. В конце концов, месопотамские цари путешествовали от Залива к Медным горам Маган на юго-востоке Аравии еще за две тысячи лет до описываемых событий. Дальше к северу Аравийское побережье служило промежуточным пунктом, через который шел путь из Месопотамии в порты Индии; появившиеся здесь торговые поселения постепенно вырастали в города.[13]

Куда меньше знаем мы о южной части Аравии, так как древние надписи, найденные здесь, не могут быть датированы с полной определенностью. Очень вероятно, что в южной Аравии существовало Сабейское (Савское) царство, которое и отправило одного из представителей правящей семьи ко двору Соломона. Торговля между Израилем и Аравией продолжилась, по-видимому, и после ее визита — древний алтарь, найденный западнее реки Иордан, имеет надпись арабскими буквами.[14] Но все легенды, окружающие загадочную фигуру царицы Савской, которая в принципе могла быть царицей сабейских племен, относятся к гораздо, гораздо более поздним временам, они ничего не говорят нам о жителях самой Сабеи.

Создание империи Соломона привело к тому, что его царство дало трещину, которая со временем расколола его на части.

Чтобы выстроить свой храм и дворец, Соломон призвал на работы тридцать тысяч мужчин-израильтян. Этим наемным рабочим платили за их службу, но они не имели выбора — они были обязаны проводить один месяц из каждых трех, работая на царя. Тем не менее им необходимо было также поддерживать в порядке собственные поля и виноградники. Каждый район царства должен был кормить огромный двор (а также тысячи царских лошадей, коров, овец, коз, оленей, газелей и кур) в течение месяца в году. Так как царский двор рос, срок отработок и объем выплат постепенно увеличивался. В некоторых областях люди работали почти по полгода, чтобы выполнить обязательства перед царем, и лишь остальные полгода — чтобы содержать себя.

Громадный двор вырос отчасти из-за стремления Соломона заключать свои политические союзы через браки; согласно записям хрониста, семьсот невест «царского рода» были отосланы ему, чтобы закрепить союз с различными царями. Менее извинительно наличие наложниц — трехсот женщин без каких-либо политических целей; эта масса просто отражает непомерные аппетиты Соломона.

Аравия

Его стремление к большим размерам, которое превратило Израиль в царство, достаточно важное для посещения владыками издалека, также и разрушало его. Строительная программа Соломона ввергли его в громадные долги — в первую очередь Хираму, финикийскому царю Тира. Не имея достаточно денег, чтобы заплатить за строительный кедр, сосну и золото, Соломон погашает свой долг, отдав Хираму «двадцать городов в Галилее»[15] — большую область северной части своего царства.

Сложилась безнадежная ситуация для всех. Хирам, отправившись посмотреть города, называет их «ни к чему не пригодной землей». Однако при этом северный Израиль пришел в ярость. Соломон был южным царем из большого и сильного племени Иуды; что же касалось группы маленьких северных племен, он их непомерно эксплуатировал, облагая налогами и мобилизуя людей для своих нужд — а теперь попытался решить свои проблемы, отдав двадцать северных городов и не тронув при этом свои родные земли.

Мятеж вспыхнул под предводительством одного из чиновников Соломона, северянина по имени Иеровоам. Когда пророк из Ефраима объявил Иеровоама царем, и Соломон почувствовал опасность, он послал к главарю мятежа группу убийц. Иеровоам сбежал в Египет и оставался там, пока старый Соломон — который находился на троне уже сорок лет — не умер, оставив после себя огромную, богатую, могучую, поделенную на провинции и несчастную страну.

Иеровоам немедленно вернулся и возглавил делегацию к наследнику Соломона Ровоаму, прося некоторых изменений, снижения налогов и уменьшения трудовой повинности. Ровоам в ответ попросил совета у двойного собрания, которое помогало ему править, как оно помогало царям со времен Гильгаме-ша. Собрание старейшин, осторожное и опытное, посоветовало ему изменить политику Соломона, быть меньше монархом и больше пастырем; собрание же молодых посоветовало доказать свою силу. «Покажи им, — посоветовали молодые, — что твой

мизинец толще, чем пенис их отца».

Ровоаму понравился последний совет — который, вероятно, совпал с его желанием решить проблему снижения доходов. Когда делегаты явились к нему на аудиенцию, он произнес, очевидно, самую бестактную политическую речь в истории. «Мой отец наложил на вас тяжелое ярмо, — сказал он им, — но я сделаю его еще тяжелее». Политический результат последовал незамедлительно: северные племена, и так недовольные, отделились и провозгласили царем своего лидера Иеровоама.

Только племя Иуды, древнее колено самого Давида, а также крохотное соседнее племя Вениамина остались верны внуку Давида. Объединенное царство Израиль едва просуществовало два поколения.

Ослабление царства не прошло незамеченным египтянами, которые испытывали кратковременный ренессанс.

С началом Третьего Переходного периода, примерно в 1070 году до н. э., Египет расколола гражданская война. Высшие жрецы Амона во главе с Херихором утвердились в Фивах на юге, в то время как фараоны Двадцать первой династии правили северной частью из города Танис в Дельте. Фараоны Таниса сохраняли принадлежность к царской линии по крови, но высшие жрецы владели большей частью средств благодаря количеству земли, переданной храму Амона предыдущими фараонами. Их богатство было таким огромным, что отразилось даже в Илиаде — Ахилл заявляет об Агамемноне, когда тот отказался присоединиться к нападению на Трою:

«Я ненавижу его подарки», и мне наплевать на него. Пусть предлагает и десять, и двадцать раз что угодно... Пусть обещает хоть все сокровища... Фив египетских, богатейшего города в мире во всем, как известно, потому что имеет сто врат, и через каждые двести мужчин въехать могут на колесницах и лошадях одновременно>.[16]

Фиванские жрецы использовали часть этих богатств, чтобы сохранять контроль над югом; они нанимали солдат из Ливии поддерживать их власть. Эти ливийские «полицейские силы» были известны как «Мешвеш».[17] Примерно в 950 году до н. э. или около того «Великим начальником Мешвеш» стал ливиец по имени Шешонк, имевший собственные амбиции. Хотя он возглавлял полицию Севера, он смог также создать союз с Югом путем женитьбы на одной из дочерей правившего в Та-нисе фараона Псусеннеса И, о четырнадцатилетием царствовании которого нам почти ничего не известно. Когда Псусеннес II умер, Шешонк благодаря этой женитьбе унаследовал его право на трон Египта в Танисе. Так как к этому времени он достиг выдающегося положения, став главной опорой власти жрецов в Фивах, теперь у него не заняло много времени утвердить свою власть и над второй столицей Египта.

Относительную стабильность этого временного объединения Египта можно видеть по следующим действиям Шешонка: он попытался вновь захватить некоторые из тех земель, которые принадлежали Египту в дни его славы. А поскольку Израиль и Иудея теперь разделились на ослабленные и враждующие друг с другом государства, он положил свой глаз на земли западных семитов.

Шешонк двинул армию через земли слабых филистимлян и осадил Иерусалим. «На пятом году правления царя Ровоама, — говорит Первая Книга Царств, — Шегионк, царь Египта, напал на Иерусалим. Он увез сокровища храма Господа и драгоценности царского дворца. Он забрал все, включая золотые щиты, изготовленные Соломоном. И царь Ровоам сделал бронзовые щиты, чтобы заменить их».[18]

Однако стены Иерусалима остались нетронутыми. Иными словами, Ровоам откупился от нападавших храмовыми сокровищами. Все ценности, кроме Ковчега Завета, ушли в Египет. Похоже, Ровоама также заставили принести вассальную клятву, что формально сделало его

подданным царя Египта.

Надписи Шешонка говорят нам, что затем он пошел дальше на север, чтобы покорить и северное царство. Иеровоам, который провел в Египте многие годы, прячась от приказа Соломона убить его, теперь оказался по другую сторону от людей, которые когда-то предоставили ему убежище. Ему крайне не хватало сил: Шешонк смог собрать двенадцать сотен колесниц и шестьдесят тысяч солдат — в основном из Ливии и Куша на юге.

Иеровоам отступил, отложив сражение на потом. Шешонк прошел сквозь Израиль до самого Мегиддо и остановился там. Он достиг города, завоеванного Тутмосом III500 лет тому назад; он достиг своей цели — Египет расширился до прежних границ, и можно было отправляться домой. Когда Шешонк умер, его наследники удерживали север и юг вместе еще несколько лет.

Вторжение Шешонка оставило позади дрожащее и совершенно деморализованное разделенное царство. Следующие века оно существовало в двух вариантах: в южном царстве, Иудее, правили наследники Давида; северное царство, известное как Израиль, находилось под властью сменявших друг друга царских династий. Династии менялись каждые два-три поколения, когда очередной харизматичный военачальник объявлял себя новым царем.

Сравнительная хронология к главе 45

Египет	Земли западных семитов
	Первые города филистимлян
Мернептах (1212–1202 годы до н. э.)	
Завоевание (предположительно) Двадцатая династия (1185–1070 годы до н. э.) Сетнехт (ок. 1185–1182 годы до н. э. Рамзее III (ок. 1182–1151 годы до н. э.) Вторжение Народа Моря Рамзесы IV-XI Херихор (ок. 1080–1074 годы до н. э.) Третий Переходный Период (1070–664 годы до н. э.) Самсон Двадцать первая династия (Фивы) Саул Давид Двадцать вторая династия (945–712 годы до н. э.) Соломон Шешонк (945–924 годы до н. э.) Ровоам (931 год до н. э.) — Иудея Иеровоам — Израиль	

Глава сорок шестая
От Западного к Восточному Чжоу

В Китае между 918 и 771 годами до н. э. бедствия, пришедшие изнутри и извне, заставляют царя Чжоу двигаться на восток

За годы с тех пор, как внук царя Вэня Доброго отослал своих братьев на окраины царства, чтобы они были там наместниками Чжоу, оплоты их власти выросли и превратились в маленькие царства. Люди, которые теперь правили ими, потомки тех первых царских братьев, являлись двоюродными, троюродными и четвероюродными родственниками монарха; кровные узы были уже такими далекими, что стали лишь простой формальностью.[1]

Земли теперь управлялись не правителями царской крови, а администраторами (в лучшем случае) и мелкими царьками (в худшем); они платили дань преданности царю не по зову крови, а по долгу.

«Господа Девяти Земель», укрепляя свою власть на окраинах, действовали все более и более независимо. В остатках их столичных городов археологи нашли бронзовые сосуды,

отлитые и надписанные самими хозяевами земель; император Чжоу потерял контроль над производством бронзы, которое было когда-то царской монополией.[2] Надписи свидетельствуют, что местные правители начинали отмечать свои собственные праздники и ритуалы. Они не ждали царя, чтобы тот выступил как оракул небес.

В ответ администрация Чжоу, похоже, начала медленно становиться все более и более упорядоченной и менее зависимой от личной преданности чиновников, сковывая их все более жесткими правилами. Придворные, которые раньше назывались просто «господами» и выполняли общую функцию укрепления царской власти, теперь получали более конкретные титулы: Инспектор Земель имел один набор обязанностей, Инспектор Лошадей — другой набор, Инспектор наблюдения за работами — совсем иные обязанности. Эта растущая бюрократия, как и сам Мандат Небес, должна была защищать царскую власть — но одновременно она снижала ее значимость, все яснее проявляя тот факт, что царь может не получать от окружения искреннее послушание благодаря одной только силе своего духа.[3]

Вскоре начались распри между царем и «господами» (называемыми во многих переводах «князьями»). Кун, сын царя Му, по словам Сыма Цяня, предпринял путешествие, чтобы посетить правителя маленького государства с названием Ми. Владетель Ми взял в свой гарем трех прекрасных девушек из одной семьи. Даже его мать находила это неподобающим: «Три девушки из одного клана — слишком роскошная вещь! — бранила она его. — Цаже царь не считает себя достойным такого, а ты тем более у маленькая деревенщина!»

Она предложила, чтобы он отдал девушек царю. Князь отказался, и царь Кун, вероятнее всего, отправился с миром домой. Но через год он пришел с армией и уничтожил Ми.[4] Он не собирался позволять какому-то князьку его земель иметь возможность купаться в большей роскоши, чем сам царь.

Во время правления его наследника Йи царская власть оказалась также под угрозой извне. «Бамбуковые Анналы» рассказывают нам, что варварские племена извне земель Чжоу напали на саму столицу. Они так никогда и не приняли законов ни Шан, ни Чжоу, и не хотели этого.[5]

Варваров отбили, но внешнюю угрозу сменило предательство изнутри. Сяо, брат правителя Йи, смог захватить трон. Рассказ об этом перевороте неясен, но «Бамбуковые Анналы» говорят, что царь быстро покинул столицу, когда его наследником стал его брат Сяо, а не сын И, существующий законный наследник.

Прежний правитель умер в изгнании; очевидно, узурпатор Сяо умер тоже, и наследник И смог взять трон назад с помощью коалиции князей, которые (по словам Сыма Цяня) «посадили его на трон». Но после этого короткого акта взаимопонимания он тоже столкнулся с трудностями в отношениях с владетельными князьями. Предметом его особой ненависти стал князь земли Ци на севере реки Хуанхэ, владения которого понемногу превращалась в сильное государство со своими порядками. Конфликт дошел до стадии открытого неповиновения; согласно существующим записям, И в конце концов снарядил армию и начал кампанию против Ци. «Бамбуковые Анналы» добавляют, что он захватил князя Ци и сварил его в бронзовом котле.[6]

Через год после этого И умер, оставив трон своему сыну Ли. Распри между царем и знатью продолжались, не единожды перерастая в настоящие сражения. Ли, вынужденный постоянно бороться против вызовов, бросаемых его власти, все больше превращался в тирана. Сыма Цянь пишет, что собственный народ начал его критиковать, и в отчаянии царь приказал некоему подобию Великого Инквизитора («шаману») ходить и подслушивать нелояльные речи. Виновных арестовывали и казнили. «Критика стихла, — говорит Сыма Цянь, — но феодалы перестали являться во дворец... Царь стал еще суровее. Никто в столице не осмеливался сказать

ни слова$_{у}$ лишь смотрели друг на друга, встречаясь на дороге».[1]

Вскоре к репрессивной политике царя присоединилась новая беда: засуха, перемежающаяся проливными, затапливающими все дождями, уничтожала один урожай за другим. Песнь, созданная во времена правления Ли, оплакивает состояние царства:

Убийственные ливни с небес и возросший хаос захлестнули царя и трон его, черви обгладывают корни и стебли, подбираясь к зерну, горе в Срединные Земли несут ящур и плесень. [8]

Другие песни, дошедшие из тех лет, говорят о голоде, недовольствах и бунтах.[9]

Князья, которые все еще оставались верны царю, предупреждали Ли, что приближается взрыв: «Затыкать рты людям много хуже, чем перегораживать реку, — сказал своему царю князь Чжао. — Когда запруженная река прорывает свои берега, она наверняка калечит огромное число людей».[10]

Не изменивший своего мнения Ли отказался отозвать Верховного цензора. Бунт разразился; вокруг дворца собралась толпа и начала ломать ворота, но Ли успел сбежать из столицы в сельскую местность. Его молодой наследник оказался менее удачливым. Запертый в городе, мальчик нашел убежище у преданного советника отца, князя Чжао. Чтобы спасти наследника трона, князь Чжао «подменил наследника... на своего сына».[11]

По-видимому, подменный «царь» был убит; и преданный советник, который пожертвовал своей семьей ради царя, вырастил принца в своем доме. Управление царством Чжоу перешло в руки регентов, пока Ли не умер в изгнании, и наследник Сюань не сел на трон.

Для Сыма Цяня цикл движется по своему обычному кругу. От Му и далее правители Чжоу медленно мельчают. По всей вероятности, засухи, вспышки голода и постоянные вмешательства князей в дела царя превратили столицу в несчастливое место — но Сыма Цянь находит абсолютно естественным то, что Ли был эгоистичным и жестоким, а его сын и наследник Сюань упрямым и слепым к мудрым советам своих советников.

Упрямый или нет, Сюань тоже оказался перед лицом массового вторжения варваров.

Эти вторжения стали постоянным раздражителем. Через гряды гор на севере и западе проникали племена кочевников. Вероятно, они были индоевропейцами, поэтому вряд ли являлись потомками первых обитателей долины реки Хуанхэ; они жили кочевой жизнью, пересекали высокие плоскогорья верхом, охотились на дичь при помощи луков. Когда они начинали голодать, то спускались с гор, устраивая налет на поля и амбары сельских жителей Чжоу.

Во время правления Сюаня самые агрессивные племена находились на западе.[12] Чжоу называли их «сянь-юнями[140]»; вероятно, это было не название конкретного племени, а просто обозначение коалиции различных кочевых групп, которые объединялись в попытке захвата богатств Чжоу.[13]

С пятого по двенадцатый года правления царя Сюаня его армии выступали против племен Сянь-юнь, защищая центр царства от этих пришельцев. Они оказались куда большей проблемой, чем все варварские племена, которые вторгались раньше — отчасти потому, что использовали в бою колесницы. Войны против кочевников продолжались и продолжались. Одна поэма из «Грустных Од» («Сянь-юнь») в составе «Ши Цзин» («Книги Песен») сетует на вторжения; солдат, стоящий на границе, жалуется:

«Нет у нас дома, дома нет,
Ивсе из-за сянь-юней;
Отдохнуть мы не можем, нет сил терпеть,

Ивсе из-за сянь-юней...
Год убегает прочь,
Но не кончается царская служба;
Нельзя уйти и нет сил терпеть,
Горечь в сердцах у нас».

В конце концов сянь-юни отступили перед лицом сопротивления Чжоу и на время исчезли из исторических записей. Но победа Сюаня над варварами никак не усилила его авторитет у населения. Вскоре он уже опять сражался со своими феодалами, и удача покидала его: «Многие князья бунтовали против царских отрядов»$_{y}$ — замечает одна хроника.[14]

Через сорок шесть лет своего правления Сюань умер. Ему наследовал его сын Ю, и падение Чжоу неумолимо приближалось. Почти сразу после того, как Ю захватил власть, столицу поразило землетрясение; в результате подвижки земли, очевидно, были уничтожены каналы от реки, которые поставляли в город свежую воду. «Когда источники речной воды блокируются, — стенает один из придворных советников, — государство неминуемо гибнет».

«Если нет способа дать земле и людям то, что им требуется каждый день у тогда государство быстро погибает!.. Теперь дела Чжоу как у [Ся и Шан] в их последние годы, и реки с истоками... заблокированы... Оползни и высохшие реки — признак того у что государство гибнет. И когда реки сухие у оползни последуют наверняка».[15]

Достаточно достоверно, как пишет Сыма Цянь, что «в эти годы высохли три реки, и точно были подвижки земли».

Параллель между действиями деда Ю, Ли, который перекрыл рты своим людям, как перекрывают реку, и землей, которая соскальзывает к истокам реки и отрезает столицу от воды, безошибочна. Демоны Чжоу перешли в саму землю, и в ответ Небеса забирают у Чжоу свой мандат, чтобы не давать больше жизни людям.

Сам Ю оказался безнравственным правителем, ищущим лишь удовольствия. Произведя сына и наследника от старшей жены, Ю увлекся гаремной женщиной и попытался сменить царицу и кронпринца на наложницу и ее незаконного сына. Его советники восстали против этого, но Ю настаивал, и в конце концов советники отступились. «Бедствие обрело форму, — заметил в отчаянии великий историк, — и мы ничего не могли с этим поделать».[16]

Эта наложница, теперь ставшая царицей, разрушила царскую семью; не удивительно, что разрушение доставляло ей основное удовольствие. Она любила слушать, как рвется шелк, и поэтому приказывала приносить во дворец огромные куски дорогого материала, чтобы их рвали, развлекая ее.[17] Несмотря на такое дорогостоящее занятие, она редко улыбалась и никогда не смеялась.

Ю пытался придумать, как развлечь ее, и решил, что зажжет для нее все сигнальные огни и ударит в барабаны боевой тревоги. Это был сигнал, предупреждающий о вторжении варваров; придя в волнение, жившие близко князья вывели свои армии и направились к стенам города. По прибытии они не обнаружили варваров. Их удивленные лица были такими комичными, что наложница громко рассмеялась — едва ли не впервые.[18]

Но варвары также прибыли, и довольно скоро. Их земли располагались на севере и западе от земель Чжоу. Они перелились через границу и осадили столицу. Кроме того, с ними шли родственники первой жены царя Ю, разозленные, что ее отодвинули в сторону. Внешняя и внутренняя угрозы объединились в одном натиске, потрясшем династию.

Царь Ю приказал зажечь сигнальные огни и бить в барабаны — но феодалы пожали

плечами и вернулись к своим делам. Они не хотели во второй раз становиться дураками, только ради того, чтобы развлечь предмет увлечения императора. В сражении с варварами Ю был убит. Варвары разграбили дворец, взяли в плен наложницу и вернулись домой.

Падение дома Чжоу, которое имело место в 771 году до н. э., стало концом господства Западного Чжоу. Но это не стало концом династии Чжоу. Несколько князей были еще верны старшему сыну Ю, Пину наследнику, который был отстранен в угоду незаконному сыну от наложницы. Собравшись вместе, они объявили его царем.

Но столичный город Хао не был подходящим местом для Пина. Варвары, быть может, и ушли домой, но западная граница не была безопасной, и Хао находился слишком близко к ней. Царь Пин решил переехать на восток, в более безопасный город Лоян, который был построен за много веков до того князем Чжоу.

Чтобы он мог безопасно переправиться в новую столицу, глава Цинь — маленького государства, князь которого официально не признавался троном — выслал солдат, чтобы те сопровождали Пина. В благодарность, согласно «Ши Цзин», Пин сделал главу правителем, князем Цинь, и «дал ему также довольно земли, чтобы поддержать его новое положение; главный город этой земли являлся старой столицей, только что покинутой»}[9] Теперь от государства Чжоу осталось куда меньше провинций: Пин правил вновь съежившимся царством из своей новой восточной столицы, опираясь на поддержку князей, которые оставались лояльными, пока это было в их интересах.[20] Эра Западного Чжоу завершилась, началось время Восточного Чжоу.

Сравнительная хронология к главе 46

Земли западных семитов	Китай
	Династия Чжоу (1087–256 годы до н. э.)
Самсон	Западное Чжоу (1087–770 годы до н. э.)
	Вэн
	Ву
Саул	Тан (регент)
	Чэн
Давид	
	Кан (ок.996–977 годы до н. э.)
Соломон	
	Чжао
Ровоам (Иудея, 931 год до н. э.) Иеровоам (Израиль)	
	Му
Гун Сяо И Ли Сюань Вторжение сянь-юней ю Восточное Чжоу (771–221 годы до н. э.) Пин	

Глава сорок седьмая
Ассирийский ренессанс

Между 934 и 841 годами до из. Ассирия превращается в новую империю, а западные

семиты начинают терять свою независимость

Арамеи, племена, чье вторжение в Месопотамию разрушило привычный уклад жизни в Ассирии и Вавилонии, теперь осели на этих землях пятнышками крохотных независимых государств. Самое сильное из них имело центром город Дамаск, расположенный в центре равнины, которая тянулась от Ассирии через Евфрат. Царь Давид смог поставить арамеев Дамаска (по крайней мере частично) под свой контроль: его летописец хвастает, что израильская армия с Давидом во главе «разбила двадцать две тысячи арамеев», и потом Израиль регулярно получал с них дань.[1]

В том же году ассирийцы назвали всю область западнее Евфрата «Арам» — общим термином для городов, управляемых арамейскими вождями, и были почти беспомощны против них.

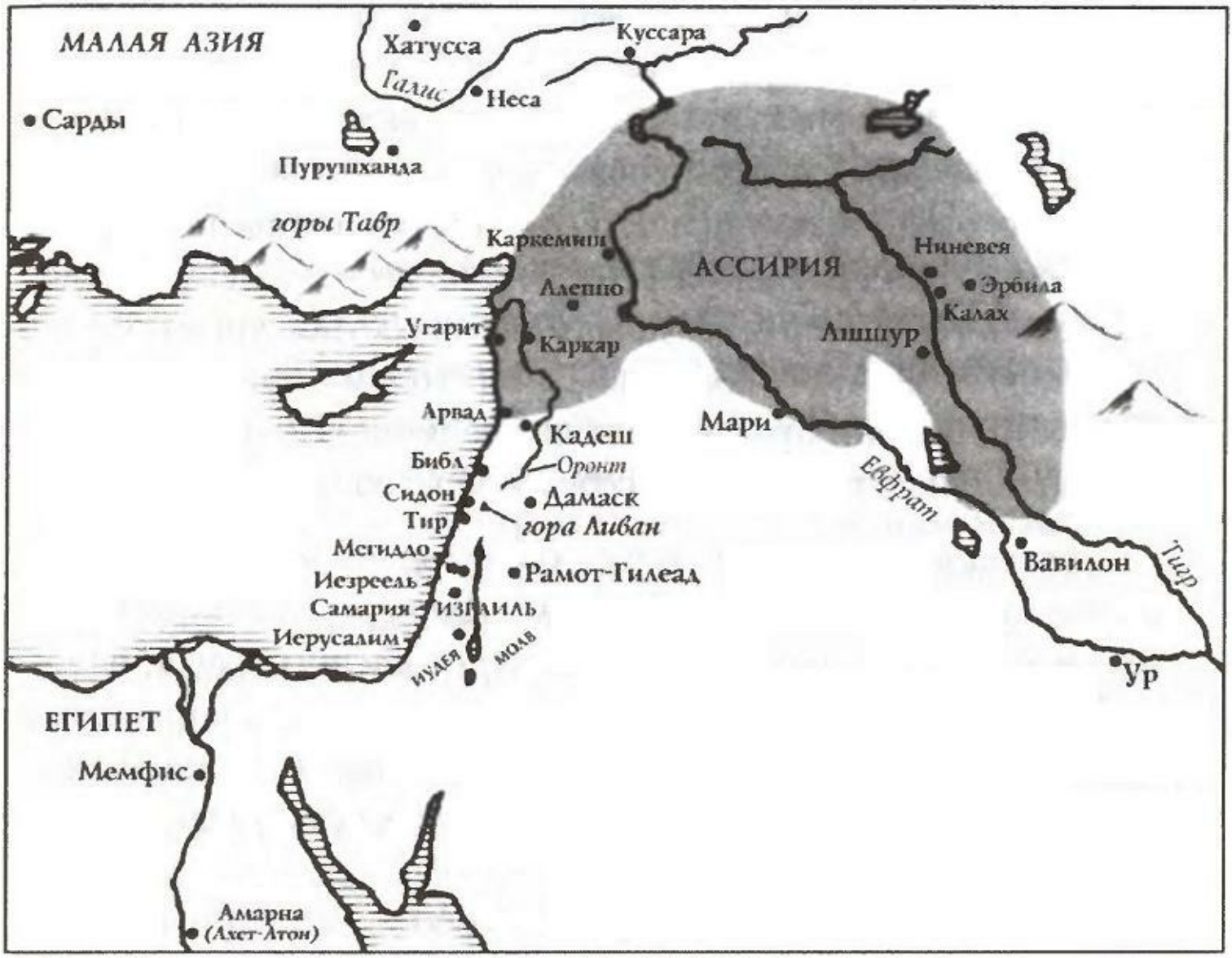
Только с приходом к власти Ровоама, внука Давида, и распадом Израиля на два государства ассирийский правитель смог собрать свои войска, чтобы бросить их против арамейского вторжения. Его имя было Ашшурдан II, и он был первым великим ассирийским царем, который снова вывел Ассирию из тьмы веков в новый (и последний) ренессанс.

Надписи времен Ашшурдана хвалятся, что он отомстил кочевникам, которые «разрушали и убивали», спалив арамейские города, построенные на землях, принадлежавших когда-то Ассирии. На деле он нигде не приблизился к границам старой Ассирийской империи. Он смог замкнуть в кольцо войсками сердцевину Ассирии и обеспечить ей безопасность; он вернул с гор назад ассирийцев, которые были выгнаны из своих городов «нуждой, голодом и бедствиями», поселив их на своей земле.[2] Но он не отодвинул границы дальше на север или на восток, где арамеи все еще удерживали власть в своих руках.

А на юге рваные остатки Вавилонской империи сохраняли свою независимость, как было ранее. На вавилонском троне сменялись семья за семьей, царская столица перебиралась из города в город, а тем временем арамеи проникали на старые вавилонские территории в таких количествах, что их язык, западно-семитский диалект, известный как арамейский, начал замещать древний аккадский, который когда-то служил вавилонянам в качестве общего языка.[3]

Лишь через три поколения следующий великий ассирийский царь подкрепил свою заявку на этот титул. Праправнук Ашшурдана Ашшурнасирапал II наконец-то снова превратил Ассирию в империю.[141] Он сражался на северо-западе от Ниневеи и сделал этот город своим северным форпостом.[4] Он перешел на восточный берег Тигра и построил себе новую столицу на месте старой деревни Кальху:

«Я обновил место жительства, — заявил он. — Прежний город Каллах, который построил Салманасар, ассирийский царь у князь у который предшествовал мне — этот город пришел в упадок и лежал в руинах, превратился в холм, в груду мусора. Этот город я отстроил заново... Я разбил вокруг него фруктовые сады, фрукты и вино я посылал в Ашшур, своему Господу... Я докопался до воды... Я обвел его стеной; от начала и до самого конца я возвел и завершил его».[5]

Новая Ассирийская империя

С этого момента Кальху станет местом нахождения его правительства; Ашшур остался чисто церемониальным городом. В Кальху он построил не только официальные здания, но и дворец, украшенный рельефными изображениями воинов и царей, которые сдались ему; на пороге в зал приемов он установил статуи стражей — огромных крылатых быков с человеческими головами, чьи лица были идеализированным портретом самого Ашшурнасирапала.[6]

Когда дворец был закончен, Ашшурнасирапал устроил грандиозный пир, чтобы отпраздновать это событие; его праздничная надпись сообщает, что гостям скормили тысячу быков, тысячу местных коров и овец, четырнадцать тысяч привезенных и откормленных овец, тысячу ягнят, пятьсот штук птицы, пятьсот газелей, десять тысяч рыб, десять тысяч яиц, десять тысяч буханок хлеба, десять тысяч мер пива, десять тысяч сосудов вина и так далее. По подсчетам Ашшурнасирапала за столами присутствовало 69 574 гостя, все они праздновали его величие. На празднике он публично заявил о присвоении себе императорского титула: *«великий царь, царь мира, доблестный герой, который движется вперед при поддержке Ашшура; тот, который не имеет противника во всех четырех частях света, благородный пастырь, могучий поток, которому никто не может противостоять... тот, который победил всех людей на земле... чья рука покорила все земли и одолела все горные гряды»*[7]

Отставив высокопарность, видим, что Ашшурнасирапал все-таки завершил одно дело,

которое не завершили его предки. Он пробился к Евфрату и затем пересек его. «Я пересек Евфрат во время половодья на кораблях, сделанных из шкур, — записывает он. — Я прошел вдоль Ливанских гор и... омыл свое оружие в Великом море».[8] Это был тот же самый жест победы, который продемонстрировал Саргон в Персидском заливе так много лет тому назад.

Путь повел его прямо через северную границу Израиля, который находился под управлением царя по имени Омри. Омри не занимает много места в библейском рассказе, который уделяет больше внимания его равнодушию к законам бога: все, что мы узнаем из Первой книги Царств — то, что Омри отобрал трон севера у другого претендента и был более порочным, чем любой царь до него.[9] Но если выражаться в политических терминах, Омри был великим воином и строителем (он построил Самарию, новую столицу Севера), первым израильским царем, которого с почтением упомянули в надписях другой страны: надпись царя Меши на камне, найденном за рекой Иордан на территории племени, известного как моавитяне, печалится, что

Омри «много лет смирял Моав».[10]Он был достаточно сильным правителем, чтобы Ашшурнасирапал, который подчинил довольно много мелких государств по пути к берегу и даже требовал дань с финикийских царей Тира и Сидона, не рискнул напасть на него.

Теперь территория Ашшурнасирапала простиралась до Евфрата, оттуда узкой полосой до берега Средиземного моря и вниз, доходя до портового города Арвад. Он никогда не заявлял права ни на Тир, ни на Сидон, чьи цари были дружественны к Израилю; он также не нападал на Вавилон. Он прошел вдоль Евфрата на юг, до принятой тогда границы между Ассирией и Вавилонией, и там разграбил приграничный город, чтобы устрашить вавилонян — однако не пошел дальше.

Несомненно, его репутация следовала впереди него. В словах и действиях Ашшурнасирапале в полной мере проявилась радость, доставляемая жестокостью, которая была присуща почти каждому ассирийскому царю, следовавшему за ним. «Я воздвиг колонну у городских ворот, — объясняет Ашшурнасирапал, записывая свои деяния в городе, который восстал и убил своего ассирийского намест ника, — ия содрал кожу с главарей мятежа против меня и обтянул колонну их кожей. Я замуровал остальных в центре колонны, а некоторых я посадил на колы и установил их вокруг колонны. Внутри города я содрал кожу еще с многих других и покрыл их кожами стены. Что касается представителей царской семьи, я отрезал им члены».[11]

Эти действия каждый раз варьировались: в других случаях он наваливал груды отрезанных носов и ушей, выдавленных глаз, привязывал головы к виноградным лозам во всех садах захваченных городов, как грязные гниющие фрукты. «Я сделал одну колонну из живых, — говорит он об одном особо гнусном ассирийском изобретении, когда живых пленников укладывали друг на друга и покрывали глиной, чтобы образовалась колонна. — Я отрезал им уши и пальцы, у многих выдрал глаза... их юношей и девушек я сжег»}[2]

После двадцати пяти лет царства террора Ашшурнасирапал II умер и оставил трон своему сыну Салманасару, третьему правителю с таким именем. Салманасар III продолжил кампанию по захвату земель западных семитов, расположенных западнее Евфрата. Как и его отец, Салманасар пересек Евфрат «во время паводка» (это, похоже, стало моментом гордости) и двинулся «к берегу моря, где восходит солнце», там он «омыл в море оружие». [13] Однако, в отличие от отца, он не отклонился от северного Израильского царства.

Парадоксально, но к этому времени Израиль выглядел сильнее, чем когда-либо. Сын Омри Ахав унаследовал трон отца и, видя нарастание угрозы со стороны Ассирии для его востока и

севера, заключил стратегический брак с дочерью финикийского правителя Сидона. Эта принцесса, Иезавель, стала не просто женой, но его главной царицей, которая значительно усилила финикийско-израильский союз против ассирийской армии.

При осуществления своих политических соображений Ахав совершил несколько весьма глупых поступков. Он выказал практическое желание чтить, кроме иудейского бога других богов, включая Ваала — главного бога финикийцев и ряда других западно-семитских племен и городов. Это завоевало ему симпатии не только Тира и Библа, но также городов, которые лежали между Израилем и приближающимися ассирийцами. Но вместо того, чтобы успокоить собственный народ, продолжая по-прежнему поклоняться Яхве, он позволил своей финикийской жене собрать и убить всех жрецов Авраамова бога. Около сотни из них спаслись и спрятались в горах на востоке; из этого убежища они стали призывать израильтян восстать против своего неверного царя.

Главным среди жрецов, выступающих против Ахава, был пророк Илия — неистовый человек, облаченный в шкуры животных, который избежал попытки Иезавели убить его и делал все, чтобы скинуть нечистого монарха. Для этого он помазал молодого израильского воина по имени Иегуда быть избранником бога в качестве следующего царя и дал ему божественное разрешение убить Ахава, Иезавель и всех членов царского дома.

После возникновения такого накала ненависти израильтян к собственному царю (и, что еще более опасно, к его жене-ино-странке)[142] не удивительно, что арамейский царь Дамаска решил использовать этот внутренний разлад в качестве благоприятной обстановки для осуществления своего нападения на Израиль. Он собрал людей тридцати двух арамейских кланов и с этими огромными объединенными силами вышел навстречу относительно малым силам Израиля: «Израильтяне расположились напротив них, — описывает нам автор I Книги Царств, — как два крохотных стада коз, в то время как арамеи занимали всю округу».

Несмотря на подавляющее превосходство арамеев, армия Израиля, ведомая Ахавом — который, не будучи особо набожным, был тем не менее чрезвычайно опытным командиром — смогла заставить арамеев отступить. Царь Дамаска заключил с Ахавом договор о сохранении мира между арамейским и израильским царями в течение трех лет.

На третий год Салманасар выступил к израильской границе.

Израиль был готов. Ахав вел в бой своих израильских солдат (включая очень важную кавалерию), финикийские войска союзников с берега и людей, посланных царем Дамаска, который не хотел оказаться следующей жертвой ассирийской экспансии. К ним присоединились египтяне; пятый фараон Двадцать второй династии Осоркон II явно боялся, что Ассирия, преодолев земли западных семитов, захочет двинуться вниз, вдоль берега Средиземного моря, в Египет.

Войска столкнулись у города Хархар в 853 году.

Трудно узнать точно, что произошло затем. Салманасар III заявил о своей победе: «Я заставил кровь своих врагов литься в долину, их трупы устилали землю», — хвастал он в надписи, известной как Монолитная Надпись.[14] Но ассирийские барельефы, изображающие битву, показывают очень необычные сцены: вражеские солдаты, рвущиеся вперед по телам мертвых ассирийцев.[15] Обычно ассирийские изображения показывают мертвых врагов и живых своих воинов — здесь же рисунки намекают на совсем другой исход.

Вдобавок, несмотря на заявление Салманасара, он не продвинулся дальше в земли западных семитов в течение оставшихся тридцати лет своего правления. Финикийские города, израильские земли и Дамаск оставались свободными от ассирийской экспансии.

Вероятнее всего, битва стала затяжной и настолько тяжелой для Ассирии, что Салманасар

решил отступить. Вожди западных семитов вернулись в свои города, а египетские войска направились назад, в родную землю, которую вскоре опять охватила гражданская война. Египет, занятый внутренними проблемами, на несколько лет исчез с международной сцены.

Однако Ахав не остановился. Вероятно, воодушевленный сверх всякой меры своим успехом при защите страны, после битвы при Хархаре он решил, что наступил подходящий момент для выступления против своего союзника — царя Дамаска. Ахав обратился на юг, к Иосафату, царю Иудеи, и попросил его прибыть к нему на север и присоединиться при нападении на пограничный город Рамот-Гилеад, который лежал сразу за израильской границей, на арамейской территории, защищенной договором.

Иосафат, пра-пра-правнук Соломона, правил территорией, которая состояла из земель большого племени Иуды и малого племени Вениамина — землей, известной собирательно как «Иудея». Он не обладал большой военной мощью, но так как Рамот-Гилеад лежал почти точно на границе севера с югом, союз с Иосафатом позволил бы Ахаву совершить двойной охват города.

Иосафат согласился посетить Ахава, чтобы обсудить это дело. Но, оказавшись при дворе Ахава — который, благодаря ввезенным Иезавелью пророкам и придворным слугам из Тира, выглядел скорее как финикийский, чем израильский — он занервничал. Финикийские советники, финикийские же предсказатели и толкователи предрекали победу над арамеями, но Иосафат спросил, собирается ли Ахав спросить у иудейского пророка, что думает Яхве об этом плане.

«Да, — ответил Ахав, — есть один пророк, которого я могу спросить, но я не люблю его; он никогда не говорит ничего хорошего для меня».

Иосафат настаивал, тогда был вызван пророк Михей. Когда его спросили, что он думает, тот ответил: «Иди на арамеев, и Господь даст тебе победу».

То было расчетливый, но не правдивый ответ, и Ахав знал это. Он сказал: «Сколькораз нужно мне приказать тебе, чтобы ты сказал мне правду ?» — на что Михей заметил, что не только нападение не удастся, но и сам Ахав будет убит.

«Видишь ? — спросил Ахав Иосафата. — Я говорил тебе, что он никогда не говорит ничего хорошего для меня».

Несмотря на предсказание, Иосафат согласился присоединиться к нападению. Последовавшие события говорят, что он мог иметь собственные договоренности с арамейским царем. Когда битва началась, командиры арамейских колесниц заметили царские одежды Иосафата и направились прямиком к нему, но тот отозвался: «Я царь Иудеи, не царь Израиля/» После этого враги изменили направление и оставили его.[16]

Ахаву, который сражался переодетым, не так повезло. Стрела, выпущенная наудачу из вражеского лука, попала ему в стык доспехов, и он погиб.

Двенадцатью годами позже его сын Иорам снова попытался завоевать Рамот-Гилеад. И снова армия арамеев оказалась слишком сильной для него. Раненый в неудачной битве, он отошел через реку Иордан к израильскому городу Иезреель, чтобы оправиться от ран. Израильский пророк немедленно отправился на поиски Иегуды — молодого офицера, помазанного Илией убить семью Ахава почти пятнадцать лет тому назад, — чтобы сказать ему, что его время наконец пришло.

Иегуда спрятался; пророк наконец нашел его в землянке, и не где-нибудь, а в самом Рамот-Гилеаде это предполагает, что он скрывался там от врагов. Едва услышав новость о недомогании Иорама, он запряг свою колесницу, перекинул лук через плечо и во весь опор помчался в Иезреель.

Вместо того, чтобы переодеться, как сделал Ахав во время битвы при Рамот-Гилеаде,

Иорам надел царские одежды, запряг собственную колесницу и выехал навстречу, чтобы встретить прибывающего солдата. Иегуда пронзил его стрелой и продолжил путь в Иезреель.

Ко времени, когда он достиг Иезрееля, Иезавель, царица-мать — которая, очевидно, находилась со своим раненым сыном — услышала о смерти Иорама и приближении его убийцы. Она надела свои царские одежды и ждала у окна его приближения. То ли она готовилась объединить вокруг себя двор, то ли увидела приближение своей смерти, понять невозможно; но когда Иегуда остановился перед царской резиденцией, она наклонилась из окна и окликнула его: «Благополучно прибыл, ты, убийца своего господина?»

Иегуда, надеясь на антимонархические настроения, которые возникли за спиной у Иорама в среде его придворных, закричал, прося помощи; три евнуха из собственного дома царицы-матери подошли сзади к старой женщине и выбросили ее из окна. Она упала на землю, и Иегуда переехал ее тело. Полудикие собаки, которые рыскали вокруг каждого древнего города, съели ее, всю целиком, кроме рук, ног и черепа.

Согласно Второй Книге Царств Иегуда стер с лица земли остальных членов семьи Ахава и убил всех финикийских жрецов Иезавели.[143] Это единственные два события, которые характеризуют его правление: но в его дни «Господь начинает уменьшать размеры Израиля». [17] Правда, в хрониках з афиксирована лишь одна конкретная неприятность — арамейский царь Дамаска отказал в поддержке, потребовавшейся Иегуда, как только тот оказался на израильском троне, и отобрал у него все земли восточнее реки Иордан.

Более серьезные беды в библейском повествовании вообще не упоминаются. Однако память о них, увековечена на победном монументе Салманасара III — так называемом Черном обелиске. На нем десятки побежденных царей приходят к Салманасару с данью; на панно с одной из сторон обелиска Иегуда Израильский касается лбом земли перед ассирийским царем. Салманасар стоит, глядя на него сверху вниз, его голову заслоняет от солнца зонт, который держит над ним подобострастный слуга.

Салманасар III ввел свою армию в Израиль и установил свое изображение на израильской территории. Это был первый из ассирийских царей, которые захватили Израиль, но вовсе не последний.[18]

Иегуда потерял старых союзников Ахава. Арамеи были против него, а финикийцы — обозленные убийством принцессы (их царского дома) Иезавели, ее двора, жрецов, которые служили ее богам, и ее потомков — больше не желали сражаться на его стороне.[19] Избранный для очищения дома Израиля, очистил его от. У него не оставалось выбора, он мог только подчиниться.

Сравнительная хронология к главе 47

Земли западных семитов	Ассирия	Египет
	Апппур-бель-кала(1074–1056 годы до н. э.)	
	Захват арамеями	
		Третий Переходый период
Самсон	Двадцать первая династия (Танис)	Саул
Давид	Двадцать вторая династия (945–712 годы до н. э.)	Шешонк I(949–924 годы до н. э.)
Соломон	Ашурдан II(934–912	

годы до н. э.) Ровоам (Иудея) Иеровоам (Израиль) Ашшурнасирапал II(911–850 годы до н. э.) Омри (Израиль) Осоркон II(870–850 годы до н. э.) Ахав (Израиль) Иосафат (Иурея) Салманасар III(858–824 годы до н. э.) Охозия Иорам Йегуда

Глава сорок восьмая
Новые народы

В течение пятидесяти лет после 850 г. до н. э. Ассирия нападает на своих соседей, пока три греческих царя не изобретают общее прошлое

Вскоре после захвата земель Иегуды старый царь Вавилона умер. Два его сына перессорились из-за трона, что дало Салманасару в Ассирии прекрасный шанс напасть на своего южного соседа.

Вавилон пал. Официально ассирийские солдаты явились, чтобы помочь старшему принцу вернуть свой трон. «На восьмом году моего правления, — говорит надпись Салманасара III, — младший брат поднял мятеж против Мардук-закир-шуми... Чтобы отомстить за Мардук-закир-шуми, я вышел в поход». При приближении ассирийцев восставший младший принц бросился наутек, «как лиса через дыру в стене», и исчез. Ассирийцы бросились в погоню и поймали его: «Восставших офицеров, которые были с ним, я зарубил мечом», — заключает Салманасар.[1]

После подавления мятежа Салманасар посетил Вавилон с подарками и устроил брак одной из дочерей Мардук-закир-шуми со своим вторым по старшинству сыном. В своем дворце он вырезал рельеф, который изображает, как он пожимает руку Мардук-закир-шуми: два царя стоят бок о бок, как равные правители.[2]

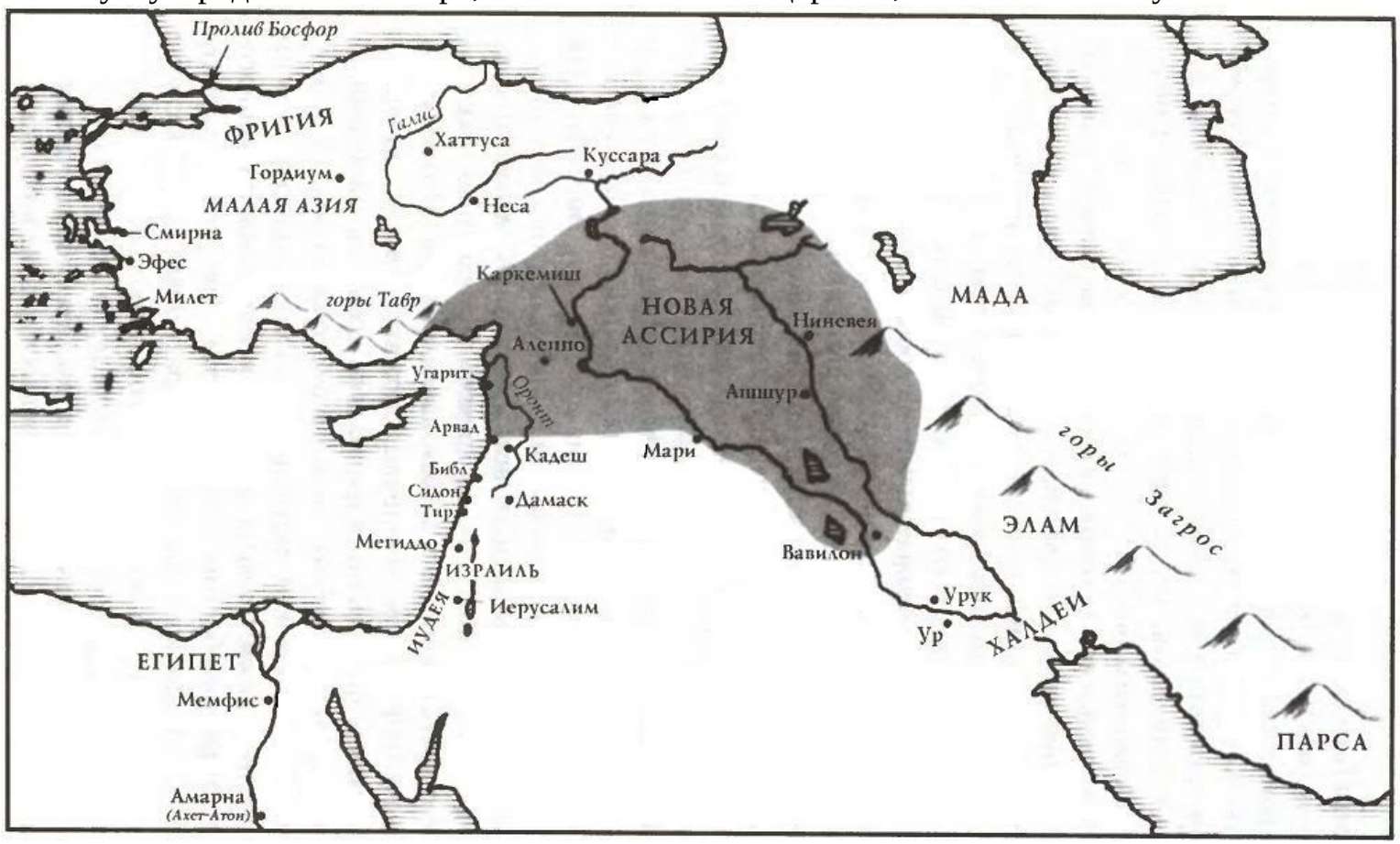
Нежелание нападать на Вавилон не имело ничего общего со слабостью большую часть своего времени правления Салманасар провел в военных кампаниях. Цари ассирийского ренессанса очень неохотно нападали на знаменитый старый город, особо беспокоясь, чтобы не обидеть Мардука, главного бога Вавилона. Не тронув город, Салманасар III прошел мимо Вавилона и послал войска на восток, северо-запад и далее на юг, где три новых народа вскоре были вынуждены платить Ассирии дань.

У оконечности Персидского залива пять семитских племен заняли земли, которые когда-то образовывали дальний южный край Шумера. Племя бит-амуканни владело территорией возле старого шумерского города У рук, бит-даккури располагалось немного севернее, ближе к Вавилону, а племя бит-уакин господствовало в У ре и на болотистых землях, прилегающих к Заливу.[3] Два меньших племени находились под защитой третьего.[144] Все эти племена вместе ассирийцы называли халдеями. Они платили царю Вавилона номинальной верностью, но лишь условно находились под контролем вавилонян.

Оказав Мардук-закир-шуми помощь в возвращении трона, Салманасар III направился вниз, к южной границе Вавилона, и обложил данью халдейские племена. Дань была немалой: халдеи посылали в Ассирию золото, серебро, слоновую кость и шкуры слонов — это предполагает, что они торговали по Заливу с купцами на востоке до самой Индии.[4] Поход Салманасара теоретически был организован в помощь Вавилону, так как халдеи с радостью присоединились к мятежу младшего брата — но он не принес вреда и самому Салманасару III. Может быть, ассирийский царь и уважал Вавилон, но теперь он контролировал его северные и южные границы, а это означало, что рост Вавилонского царства был жестко ограничен.

Затем, примерно в 840 году до н. э., Салманасар прошел на север до Евфрата и повернул на запад, чтобы пересечь верхние земли, находившиеся под властью арамеев. Тут, в северо-

восточном углу Средиземного моря, лежало маленькое царство, называвшееся Куэ.

Противники Салманасара

Куэ была страной новой, но населенной старым народом. Триста лет тому назад хеттская столица Хаттуса была сожжена, и хетты рассеялись по окрестным землям. Центр их старого царства был занят завоевателями из южной Европы, которые пересекли пролив Босфор — поселившись в Малой Азии, они построили себе столицу Гордиум и стали известны как фригийцы. Хетты потеряли также большую часть своей береговой линии. Микенцы, изгнанные из своих домов наплывом дорийцев, расселялись вдоль западного края Малой Азии, а также вниз, на юг вдоль берега.

Рассеянные хетты собрались на единственном клочке земли, который они еще могли называть своим -- на юго-востоке своей старой родины. Тут они поклонялись хеттским богам и жили в крохотном независимом неохеттском царстве, собравшемся вокруг городов со стенами. Каркемиш в северном течении Евфрата был самым сильным их городом.

Куэ, еще одно нео-хеттское царство, имело меньше военной мощи, но занимало стратегическое положение на перевале через горы Тавр, лучшие ворота в Малую Азию, а также на пути к серебряным шахтам к северу от гор. Салманасар напал на Куэ, дошел до его столицы и объявил серебряные копи своей собственностью.[5]

Затем он повернул на восток. Как всегда, эламиты на другом берегу Тигра оставались постоянной опасностью. Цари эламит-ских городов видели, что Ассирия стала гораздо большей угрозой, чем относительно маленький Вавилон, поэтому они стремились заключить союз с вавилонскими царями. Салманасар тоже был другом Вавилона — но на древнем Ближнем Востоке друг вашего друга больше был похож на вашего врага. Союз между Вавилоном и Эламом вполне мог угрожать ассирийской мощи.

Салманасар не пытался формально добавить Элам к своей империи, но он потребовал дань от эламитских городов. Пара ассирийских рейдов на эламитские земли убедила города, что им

лучше откупаться. Салманасар также усилил свои позиции, совершив быстрый бросок через Загросские горы, чтобы покорить народы, которые жили на северном краю Элама. Как и в случае с Вавилоном, он мог заявить теперь о контроле обеих эламских границ.

Эти жители северных гор, вероятно, может быть, тысячу лет назад, отделились от таких же кочевых народов, которые затем ушли на юго-восток в Индию. Собственные анналы Салманасара упоминают два племени: парса, расселившихся сразу за горами Загрос западнее Элама, и мада, которые все еще кочевали по всему северу.[6]

Ни парса, ни мада не оказали значительного сопротивления Салманасару, и он вернулся домой, хвастая лояльностью двадцати восьми вождей кочевых племен. Он не накладывал определенного объема дани на эти завоеванные территории; парсы и мада были просто буферами, защищавшими от мощи эламитов. Пройдет век или около того, прежде чем греками им были даны другие названия, более привычные для нас: персы и мидяне.

Салманасар III умер в 824 году, во время мятежа, поднятого его собственным сыном. На смертном одре Салманасар лишил своего наследника прав наследования и назначил на его место второго сына, Шамши-Адада, мужа вавилонской принцессы. Он умер, не успев закончить подавление мятежа; Шамши-Адад, пятый царь с таким именем, был теперь официально царем Вавилона — но у его брата сторонников оказалось больше, и Шамши-Адад вынужден был бежать из собственной страны.

Это было мощное восстание, как обнаруживается из рассказа самого Шамши-Адада:

«Там, где [мой брат]Ашшур-дан при жизни Салманасара, его отца, действовал безнравственно, занимаясь подстрекательством, организовывая мятеж и разрабатывая грязные планыу чтобы заставить землю подняться и восстать, готовясь к войне, привело население Ассирии, на севере и на юге, на его сторону; его бесстыдные речи привели города к мятежу, от его лищ начались раздоры и стычки... 27 городов со своими укреплениями... восстали против Салманасара, царя четырех сторон света, моего отца, и... перешли на сторону Ашшур-дана».[7]

Единственным царем, который способен был одолжить ему достаточно солдат, чтобы встретить вызов такой мощи, был его зять, царь Вавилона. Поэтому Шамши-Адад бежал в Вавилон и попросил помощи у Мардук-закир-шуми. Вавилонский царь согласился и дал войска, чтобы помочь ассирийскому наследнику вернуть собственную столицу.

Но Мардук-закир-шуми совершил губительную ошибку. Он не до конца верил своему зятю, поэтому заставил Шамши-Адада подписать договор в качестве условия получения вавилонских войск. Этот договор сохранился лишь во фрагментах, но, очевидно, требовал от Шамши-Адада признать превосходство Вавилона. Формулировка не давала Шамши-Ададу титула царя, который принадлежал только одному Мардук-закир-шуми, а сопровождающие клятвы были даны только перед лицом вавилонских богов, игнорируя ассирийский пантеон.[8]

Шамши-Адад подписал договор, подавив свое негодование ради получения трона. Он взял предложенных солдат и повел атаку на собственные города, захватив назад Ашшур, когда разрушил его стены.

Как только Шамши-Адад V вернул себе трон, он выполнил договор с Мардук-закир-шуми. То ли он был человеком слова, то ли испытывал страх перед божествами, наблюдающими за заключением соглашения. Но когда Мардук-закир-шуми умер, и его сын Мардук-балассу-икби сел на трон в его дворце, Шамши-Адад начал планировать кампанию, которую ни один ассирийский царь не проводил несколько поколений: вторжение в Вавилон.

Спустя не слишком много лет после воцарения Мардук-ба-лассу-икби этот план начал приносить плоды. Шамши-Адад собрал армию и направился на юг — не напрямую, а вдоль Тигра, неторопливо, демонстрируя, что он не особенно озабочен, сможет ли его зять успеть

подготовиться к сражению. В своих хрониках он пишет, что по пути не только разграбил несколько деревень, но и на довольно долгое время остановился для охоты на львов, во время которой убил трех хищников.[9]

Мардук-балассу-икби вышел ему навстречу, имея подкрепление из союзников, халдеев и эламитов. Этот союз был вскоре разгромлен — согласно анналам Шамши-Адада:

«Он выдвинулся против меня, предлагая сражение и бой... С ним я сражался. Его поражение я завершил. Пять тысяч его солдат я зарезал, две тысячи я пленил живыми, взял 100 его колесниц, 200 лошадей его конницы. Его царскую палатку, его походную кровать я взял у него...»[10]

Это означает, что ассирийские солдаты пробились к самому центру вавилонской стороны. Среди взятых в плен при походе на Вавилон был и сам царь. У нас нет записей о том, что сказала ему царица Ассирии, его сестра, когда он прибыл.

На его место Шамши-Адад V поставил марионеточного царя, бывшего вавилонского придворного, который должен был вести себя как вассал, а не как царь. Но он оказался ненадежным ставленником и немедленно начал планировать мятеж. Менее чем через год Шамши-Ададу V пришлось вернуться и увести этого человека как пленного в Ассирию.[11]

С этого момента Шамши-Адад V объявил себя, в древней и анахроничной манере, «царем Шумера и Аккада».[12] Это вовсе не означало то же самое, что и «царь Вавилона». Скорее он отрицал, что такой объект, как Вавилон, вообще существует — утверждая, что есть лишь Ассирия, истинный хранитель вавилонской культуры и вавилонских богов. Оскорбление, нанесенное тестем, было отомщено.

Вскоре Шамши-Адад, теперь царь Вавилона и Ассирии, умер молодым. Шел 811 год; он провел на троне около десяти лет, и его сын, Адад-нирари III, был еще ребенком. Поэтому царица Шамши-Адада, вавилонская принцесса Шаммурамат, заступила на престол. Женщина на ассирийском троне — такого никогда не бывало прежде, и Шаммурамат знала это. Стела, которую она поставила для себя — это попытка как-то привязаться доступными средствами к ассирийским царям. Она названа не только царицей Шамши-Адада и матерью Адад-нирари, но также «невесткой Салманасара, царя четырех концов света».[13]

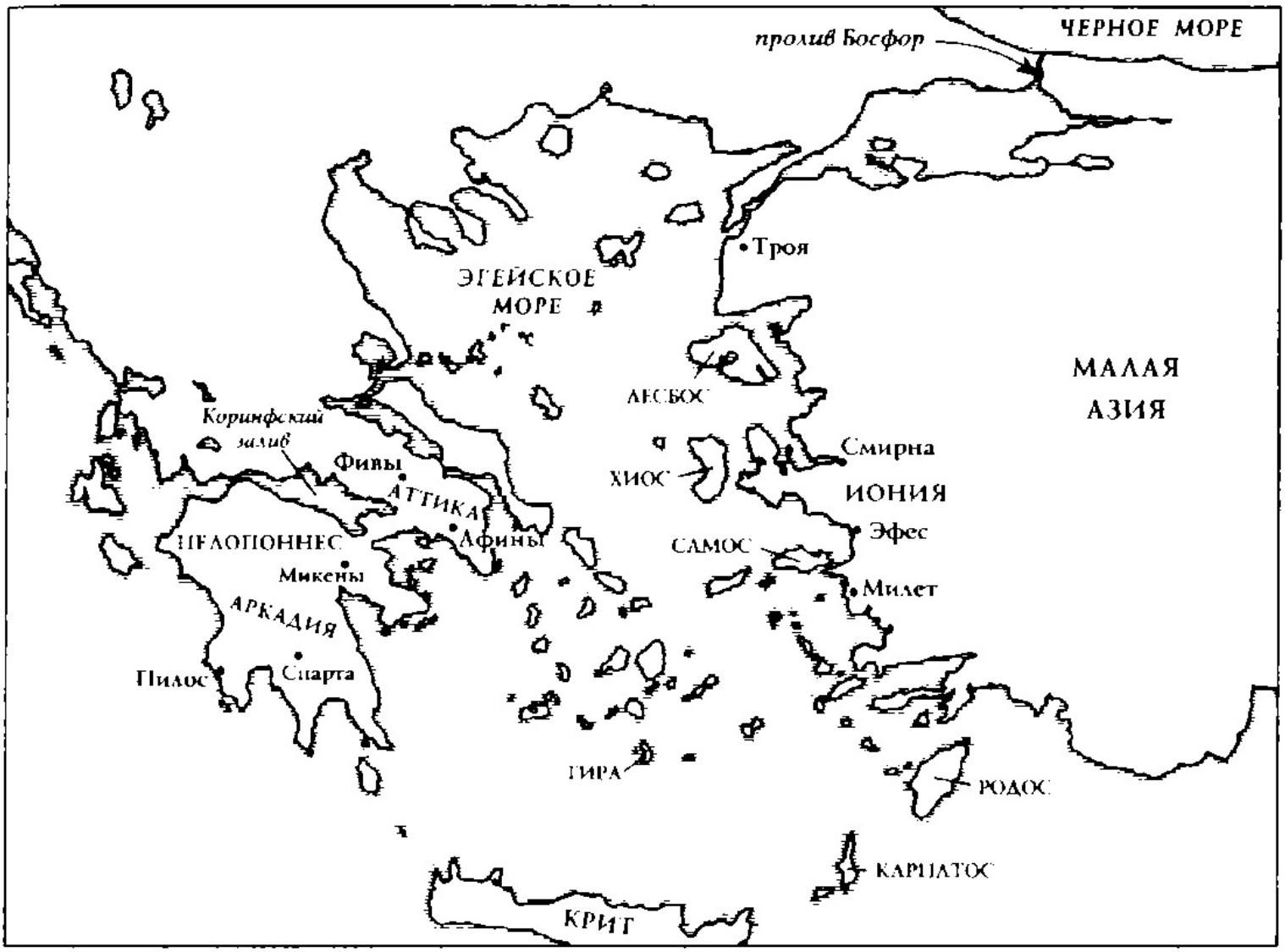
Захват власти Шаммурамат оказался таким событием, которое эхом отразилось в исторической памяти людей. Греки помнят царицу по греческой версии имени — как Семирамиду. Греческий историк Ктесий говорит, что она была дочерью богини-рыбы, воспитанной голубями, вышла замуж за царя Ассирии и родила сына по имени Нин. Когда ее муж умер, Семирамида вероломно захватила его трон.[145] Древняя история сохраняет рассказ о Нине, сыне легендарной царицы, и намекает, что Шаммурамат захватила власть не совсем честно. Другой греческий историк, Диодор, рассказывает нам, что Семирамида убедила своего мужа передать ей власть лишь на пять дней, чтобы посмотреть, как хорошо она может справиться с управлением государством. Когда он согласился, она казнила его и захватила корону навсегда.

К этому времени греческие города объединились в три отчетливых группы. Микенские города на материке триста лет тому подверглись набегу прибывающих дорийцев, но они не исчезли полностью. Выжившие остатки микенской цивилизации располагались в области, известной как Аркадия. Она располагалась в центре южной части Греческого полуострова, Пелопоннеса, ниже залива, который врезался в полуостров с восточной стороны, почти разделяя его надвое — позднее он станет известен как Коринфиакос Колпос, Коринфский залив.

Мигрируя, микенские греки переправлялись через море, внушая беспокойство Египту. Они проплыли также через Эгейское море к берегам Малой Азии. Тут они расселились вдоль берега

в деревнях, которые постепенно выросли в города: Смирна, Милет, Эфес и другие. Смесь микенской и азиатской культур постепенно сложились в отдельную культуру, которую мы теперь называем ионической. Затем ионические греки стали проникать назад, через соседние острова, на занятые дорийцами территории, занимая острова Лесбос, Хиос и Самос, а также другие, и, наконец, захватив восточный берег самой Греции.

Тем временем дорийцы создавали свои собственные укрепления на юге и востоке Пелопоннесского полуострова; они также распространились на Крит и даже на восточные острова Родес и Карпатос. Дорийский диалект явно отличается от микенского языка, и оба разнятся с ионическим диалектом.

Микенцы, дорийцы и ионийцы

Все три этих национально-культурные группы принадлежали более или менее к одной и той же расе. Ионийцы были микенцами изначально, а микенцы и дорийцы шли из одного и того же индоевропейского рода — и те, и другие происходили от кочевников, которые явились на юг Греческого полуострова много веков тому назад. Позднее греки будут обосновывать свое единство, заявляя, что дорийцы произошли от сыновей Геракла, который был силой уведен с родины в Микены, а затем вернулся, чтобы потребовать назад свою территорию.[14]

Но «греков» тут все еще не было — только микенцы (для отличия от предков мы будем именовать их «аркадийцами»), ионийцы и дорийцы. Греческий полуостров, как и земли западных семитов до расцвета Израиля и арамейских царств, был землей независимых царей и вождей.

Когда раскол дорийцев отошел в далекое прошлое, города Греческого полуострова вступили в период относительного мира. В течение этого времени они, вероятнее всего, действовали как союзники, а не как враги, и обменивались обычаями и языками.[146]

Примерно в 800 г. до н. э. — очень неточная, лишь оценочная датировка, — это растущее чувство культурной идентичности привело к переплетению ряда различных исторических повествований (многие из них микенские) в двух родственных эпических поэмах, которые вскоре были объявлены собственным наследием каждым городом на полуострове: это были «Илиада» и «Одиссея».

Согласно более поздней греческой традиции, составителем этих поэм был иониец по имени Гомер, который происходил или из города Смирна в Малой Азии, расположенного в сердце ионических поселений, или с острова Хиос, недалеко от ионического берега. До сих пор идут споры, кем был (или не был) Гомер; существующие теории включают в себя все возможные варианты — от гения-одиночки до целой школы поэтов, пишущих под одним именем. Сами поэмы несут все признаки устного рассказа: двухсловные сочетания, которые повторяются снова и снова (винно-темный, быстро-ногий, бело-лицый, дивно-волосый), давая поэту прямую возможность сохранять ритм произносимой строки; формальные фразы, которые замыкают каждую сцену («так сказала она крылатыми словами», «они долго сидели неподвижно, молча»);[15] и так называемые кольцевые композиции, в которых поэт создает себе удобный мысленный якорь для эпизода, начиная его с середины, затем возвращаясь назад, к началу, а потом уже доводя вперед и до конца.[147]

Никто не знает наверняка, когда были записаны эти песни или поющиеся легенды. Во время Темных веков Греции только микенцы сохраняли некий род письма, но и они очень мало им пользовались. Но вне зависимости от того, когда были записаны поэмы, они четко отражают мир до 800 года до н. э. Не только «Илиада» и «Одиссея», но и вся греческая мифология, как считает классицист Кен Доуден, «написана на Микенской географической карте»; [16] детали вооружения (шлем с кабаньим клыком) и драгоценности отражают мир до прихода дорийцев.[17]

С другой стороны, эпические поэмы демонстрируют также знания о заморских поселениях, невозможные в Микенскую эру.[18] Язык поэм — это язык VIII века. Даже имя Приама, царя Трои, относится к новохеттскому языку, на котором говорили обитатели Куэ и других разбросанных осколков хеттской империи.[19]

Истории о Трое и героях, которые сражались против нее, знакомят с дорийским, аркадским и ионийским мифическим общим прошлым. В Илиаде каждый город немедленно посылает свои корабли в ответ на призыв Агамемнона; такого единения действий греки никогда не смогли достигнуть. Но история отражает начало роста понимания идентичности между греческими городами, которая отделяла их от других людей.

В Илиаде мы впервые находим упоминание о тех, кто живет вне племенного круга греков — Гомер называет их barbaro-phonoi, «странно говорящие».[20] Это было простым делением людей на тех, кто говорил на греческом диалекте, и на тех, кто на нем не говорил.

Это было также зерном идеи, которая продолжит все более и более туго сплетаться в умах греков. Человеческая природа той эпохи являлась бинарной; человек был или греком, или не греком, и идентификация грек становилась стержнем его само-осознания.

Сила этой идентификации имеет свои корни, как ни парадоксально, в разделенности греческих царств в ту эпоху, в 800-е годы до н. э. Они не имели ни политического единства, ни общности цели, достаточно мало было общего и в их образе жизни. Они жили в различных городах, имели различных царей, различные природные условия — но они все говорили на неких вариантах греческого языка. Сходство их речи и их воображаемое общее прошлое были

теми нитями, что удерживали их вместе.

Сравнительная хронология к главе 48

Ассирия	Египет	Греческий полуостров и Малая Азия
		Образуются новохеттские царства
Ашшур-бель-кала(1074–1056 годы до н. э.)		
Захват арамеями		
	Третий Переходный период	
	Двадцать первая династия (Танис)	
	Двадцать вторая династия (945–712 годы до н. э.)	

Шешонк I (945–924 годы до н. э.) Ашурдан II (934–912 годы до н. э.) Ашшурнасирапал(911-859 годы до н. э.) Аркадская, дорийская, ионийская культуры (ок. 900 года до н. э.) Осоркон II (870–850 годы до н. э.) Салманасар III(858–824 годы до н. э.) Шамши-Адад V(823–812 годы до н. э.) Шаммурамат Гомер (ок. 800 года до н. э.)

Глава сорок девятая
Торговые посты и колонии

Между 800 и 720 годами до н. э. в Греции начинаются Олимпийские игры, а в Италии строятся греческие города и город Рим

Гомеровская флотилия кораблей была знакомой картиной для любого грека, который жил возле воды:

> Вот появляется толпа, идущая по полю...
> Звучит все громче поступь ног тяжелая
> По рыхлому песку; к волне у мола
> Ведут обоз под гомон нарастающий,
> К судам, давно товары ожидающим.[1]

Греческие купцы плавали через Эгейское море с острова на остров, на берега Малой Азии, на Крит и назад на материк. Ко времени Гомера корабли из греческих городов совершали также регулярные заходы на юго-западное побережье полуострова, чтобы торговать со здешним населением.

До 1200 года до н. э., когда микенцы все еще находились на вершине своей мощи на востоке, Италийский полуостров[148] был занят мелкими, сильно разбросанными поселениями, которые располагались вдоль него, от «каблука» до верха «сапога». Несмотря на большие расстояния между ними, они изготавливали однотипные глиняные изделия — это предполагает,

что культура этих людей имела одно происхождение. Из-за того, что эти поселения лежали вдоль Апеннинской гряды, археологи причисляют их жителей к «Апеннинской культуре».[2]

В течение Темных веков Греции Апеннинская культура дала несколько ветвей. Различия начали появляться не только в гончарных изделиях, но и в оружии и доспехах. Железные инструменты и оружие медленно распространялись по полуострову. Население росло, теперь в одном поселении могло жить больше тысячи человек.[3] До 1200 года «италийцы» все еще закапывали своих мертвецов. Теперь же значительное число деревень на севере начало сжигать трупы.[149]

Ко времени, когда греческие корабли начали прибывать сюда для торговли, население полуострова уже обрело различные обычаи, которые археологи используют как способ отличия ранних италийцев друг от друга. Деревни, которые все еще закапывали своих мертвецов, распались на три группы: фоссау которая тянулась вдоль нижнего западного побережья и в носок Италийского «сапога»; апулиан, как раз над «каблуком», и средне-адриатическая группа, вдоль гряды Аппеннин.[4] Северные деревни, которые теперь кремировали покойников, делились на четыре группы: группа голасецца на западе, которая хоронила вместе с воинами колесницы и доспехи; эсте на востоке, где изготавливали прекрасную бронзу; вилланова на юге, которые не только сжигали мертвых, но затем хоронили пепел в урнах; и группа латиаль — южнее племени вилланова, отделенная от него рекой Тибр.

Племя латиалей укладывало пепел умерших не просто в урны, но в крохотные хижины, которые были копиями домов живущих, сделанными как место для проживания мертвого. Их собственные хижины были простыми, а поселения — незащищенными; римский историк Варрон говорит нам, что они «не знали назначения стен и ворот». Крохотные деревушки, для безопасности выстроенные на вершинах холмов, объединялись общим наречием. Они говорили на непонятном языке, называемом латынь — одном из минимум сорока различных языков и диалектов, использовавшихся на полуострове.[150]5

Греческие корабли подходили к берегам Южной Италии и покупали здесь металл и зерно; они также заходили на крупный южный остров, названный позднее Сицилия. Эта выгодная торговля приводила к созданию укрепленных торговых факторий, где греческие купцы не только останавливались, но также жили как минимум часть года.[6]

Около 775 года до н. э. северо-западный греческий город Халкида и восточный город Эретрия послали объединенную торговую экспедицию, чтобы построить факторию дальше на севере, в районе современного Неаполитанского залива. Эта фактория находилась на территории виллановановов, которых греки называли тирренцами. Вскоре греческие мотивы начали появляться в украшениях и орнаментах виллановановов.

Халкида и Эретрия, взаимодействуя к общей пользе, лидировали в контактах греков за пределами мира, в котором говорили на греческих диалектах. Как раз в это же время храм Зевса и Геры[151] в греческом городе Олимпия начал расти в размерах благодаря прибытию издалека паломников-греков. Дальше на север, в Дельфах, паломников привлекал другой род жречества — оракулы, то есть предсказатели, которые советовались с богами, чьих подсказок и пророчеств жаждали люди. На острове Делос вырос храм Аполлона и воинственной богини Артемиды. Эти священные места быстро становились общеэллинскими, принадлежащими не только ближайшему городу, но всем, говорящим на греческом языке. Они также дали рождение первому греческому союзу. Города соединялись в amphictyonys — объединения, которые совместно поддерживали какой-либо храм или священное место; так зарождалась кооперация.

Самое примечательное, что греческие города объединялись для проведения единого праздника в честь бога Зевса. Первый из этих праздников, ставших потом традиционными, был

проведен в 776 году — не позднее, чем через год после объединенной экспедиции Халкиды и Эретрии. Почитатели бога собрались в Олимпии.

Олимпия много веков была религиозным центром, здесь проводили свои жертвоприношения и ритуалы многие народы.[152] В 776 году царь Элиса, крохотного городка к северу от Олимпии, отправился к оракулу в Дельфах спросить его, как можно прекратить войны между греческими городами. Оракул велел ему превратить обряды в Олимпии в официальный праздник, во время которого должно было объявляться перемирие. С этого момента, согласно самым старым источникам, каждые четыре года в Олимпии проводились официальные игры. Во время игр по всему греческому миру объявлялось Олимпийское перемирие; оно длилось сначала месяц, а позднее его продлили до трех месяцев, чтобы греки с дальних концов могли благополучно приехать в Олимпию и вернуться назад.[7]

Но на деле игры никогда не приносили мира, как надеялся царь Элиса. Они лишь напоминали греческим городам, что те объединены не только единым языком, но и поклонением одним и тем же богам, и война — не единственный возможный способ взаимоотношений между ними.

Согласно римской надписи, в 776 году царь по имени Нуми-тор правил двумя латинскими городами на Италийском полуострове, оба располагались немного южнее Тибра. Первый (и более древний) город назывался Лавиниум, второй, возникший как колония, когда Лавиниум стал перенаселенным, назвали Альба Лонга, он располагался у гряды Альбанских холмов.

Амулий, младший брат Нумитора, напал на земли царя и прогнал его. Нумитор бежал в одиночку, даже не сумев защитить свою семью. Амулий захватил трон, убил сыновей брата и отдал распоряжение, чтобы дочь брата, принцесса Рея Сильвия, навсегда осталась девственницей, тем самым прекратив возможность появления притязающих на трон внуков Нумитора.

Несмотря на этот запрет, принцесса забеременела; римский историк Ливий сообщает, будто она заявила, что была изнасилована богом Марсом, и что «может быть, она и верила в это, а может быть, просто надеялась, что такой обман смягчит ее вину».[8] Во всяком случае, ее мальчики-близнецы, родившись, стали явной угрозой для власти узурпатора, так как по прямой линии были наследниками изгнанного царя. Греческий биограф Плутарх добавляет, что они были «больше, чем человеческого размера и красоты», что еще больше всполошило Амулия.[9]

Амулий приказал бросить своих внучатых племянников в реку. Так как на Тибре как раз было половодье, слуга, посланный бросить детей в воду, просто оставил их возле берега и ушел. Тут, согласно легенде, их нашла волчица и начала кормить, а потом их нашел царский пастух и принес на воспитание к своей жене.

Пастух назвал их Ромул и Рем и воспитывал у себя, пока они не выросли; Плутарх говорит, что Нумитор из изгнания посылал средства на их образование. Когда близнецы выросли, они свергли своего гнусного двоюродного деда, и Нумитор получил назад свое царство.

С дедом на троне близнецы — теперь признанные царскими наследниками — были, как подает это Ливий, «внезапно охвачены страстным желанием образовать новое поселение на месте, где их оставили младенцами, чтобы они утонули».[10] Царь одобрил эту идею — ведь Альба стала таким же крупным городом, как и Лавиний, и третий город все равно был необходим. Но соперничество братьев, которое в свое время возникло между Нумитором и Амулием, возродилось во внуках Нумитора; они не могли решить, кто окончательно станет правителем в новом поселении, и попросили богов послать им знак. С этого момента дела у подножия холмов шли следующим образом:

«С этой целью Ромул занял холм Палатин, а Рем холм Авентин в качестве подходящих

мест, с которых удобно наблюдать. Рем получил знак первым — шесть грифов; и как только об этом сообщили людям, тотчас же появилось двойное количество птиц как знак для Ромула. Сторонники каждого провозгласили своего владыку царем: одни основывалась на первенстве, другие — на количестве. Последовали сердитые слова, за ними очень быстро посыпались удары, и в пылу ссоры Рем был убит».[11]

Ливий излагает другое, более простое объяснение: якобы Рем издевался над попыткой брата построить вокруг своего нового поселения стену, прыгая через нее, и Ромул убил его в дикой ярости. Но в любом случае, новый город был назван по имени Ромула, который укрепил Палатинский холм и сделал его центром нового города Рима. Согласно принятой традиции, это был 753 год до н. э.

Эта обстоятельная легенда трещит и просто рассыпается под напором известных нам фактов. Археологи утвреждают, что в действительности местные жители строили дома на месте Рима уже между 1000 и 800 годами до н. э. Но римские писатели были сороками, собиравшими куски самых разных легенд: история о Ромуле и Реме содержит явные фрагменты из греческих мифов, не говоря уже о намеках на истории Саргона и Моисея.[153] Ливий, писавший примерно в 30 году до н. э., начинает свой рассказ замечанием: « События до рождения Рима или около того дошли до нас в старых легендах скорее с налетом поэтического духа, чем как исторические записи»}[2]

Вероятно, единственное историческое эхо, которое мы можем слабо расслышать в этой истории, доходит через повторяющуюся борьбу братьев. Тысячу лет тому назад борьба Осириса и Сета за Египет отразила истинную борьбу за наследование между кровными родственниками. В истории о Ромуле и Реме мы можем также разглядеть войну между родными людьми. Древние находки говорят нам, что Рим начался с двух поселений — одно на Палатинском холме, другое на Эсквилинском; холмы эти принадлежали различным племенам латинов.[13] Возможно, одно племя пришло с Альбанских холмов — быть может, Ромул привел сюда людей, чтобы прокормить растущее население зерном с плодородной равнины Тибра.

Очень может быть, что другая группа пришла с Сабинских холмов. Согласно Ливию, получив контроль над Палатинским холмом, Ромул построил большой город («быстрое расширение замкнутого пространства не было пропорционально реальному населению», — замечает Ливий) и затем встретился с проблемой заполнения этого пространства людьми. Он открыл ворота для всех беженцев и кочевников. Ливий, добрая душа, демонстрирует некоторый личный интерес, стремясь доказать, что основавшие Рим горожане были «сбором», и именно они оказали «первую реальную помощь в усилении Города, сделали первый шаг к его будущему величию»).[14] Эта мера помогла населить город, но Ромул получил другую проблему: римское величие, «похоже, длилось всего одно поколение», так как в городе почти не было женщин.

Это усугублялось племенным эквивалентом «братской ненависти»: соседние деревни, населенные тем же народом, что обитал в Риме, отказывались отдавать своих женщин, так как они «презирали новую общину, и в то же самое время боялись... роста этой новой силы среди них»}[5] Поэтому Ромул устроил огромный праздник Нептуна и пригласил соседей — сабинян из самого большого поселения поблизости. На пике празднования, когда мужчины отвлеклись, римляне похитили всех молодых женщин и увезли их.

Женщины, по Ливию, «со временем перестали возмущаться», так как их новые мужья «говорили ласковые слова» (удивительный образ женщины рисует римский историк) — но армия сабинян пришла к Риму, чтобы отомстить, и прорвалась в крепость, вытеснив защитников. Римляне, вынужденные теперь атаковать собственный город, забрались на стены; когда две армии схлестнулись, вождь сабинян, великий воин по имени Меггий Курций закричал

своим бойцам: «Ну-ка, покажите им, что утаскивать девушек — это совсем другое дело, чем сражаться с мужчинами!» В этот момент Ромул бросился к нему во главе группы сильнейших римских воинов, и Меттий Курций в панике убежал прочь.

Вероятно, сражение должно было достигнуть пика — но сабинянки высыпали на поле боя и встали между сражающимися племенами, умоляя армии прекратить бой, так как их мужья и их отцы погибли бы, если бы он продолжался. Как пишет Ливий:

«Мудрый результат их мольбы последовал незамедлительно. Наступила тишина, ни один мужчина не шевельнулся. В следующий момент вожди соперников выступили вперед, чтобы заключить мир. На деле они пошли еще дальше: два государства были объединены под одним правительством, Рим стал местом нахождения власти».

Ромул, потомок царей Альба Лонги, и Тит Таций, царь сабинян, правили совместно — хотя и не очень долго; Тит Таций был убит во время мятежа несколькими годами позднее, и Ромул, «как говорят, выглядел менее подавленным, чем было прилично».^

Эти легенды, как бы на них ни повлияли греки, вполне могут представлять реальный древний Рим, основанный на двух холмах, один из которых был населен латинянами с Сабинских холмов, а другой латинянами с Альбанских холмов. Более того, миф показывает изначальную враждебность, из которой рождался город. Как в Верхнем и Нижнем Египтах, эти люди — из одной этнической группы, с одинаковыми обычаями, языком и богами — тем не менее в глубине души были врагами. Греки пытались найти общее: латиняне отказывались признавать других принадлежащими к их собственному народу. В самом древнем воплощении город Рим имел два полюса, и его люди жили, повернувшись друг к другу спиной.

Рим был не единственным городом, выросшим на плодородных равнинах полуострова. Греческие купцы, крепко укоренившиеся в своих торговых колониях, доказали народу у себя дома, что Италийский берег — хорошее место для греческих колоний. Вдобавок греческие города испытывали сильное демографическое давление. Их население росло (вероятно, увеличившись в шесть раз между 800 и 700 годами до н. э.), и всем этим людям всего требовалось больше: больше металла, больше камня, больше зерна и больше пастбищ.[17]

И в особенности — больше земли. Греческие города ограничены естественными барьерами: горными грядами, утесами, скалистой землей или водой. Как и Месопотамская равнина, Греческий полуостров испытывал «недостаток в сельскохозяйственных землях». Земля традиционно разделялась поровну между сыновьями в семье — то есть любой участок неумолимо сокращался, и тем быстрее, чем больше рождалось сыновей.

Греческий поэт Гесиод из региона Беотия родился примерно в середине VIII века до н. э. В поэме «Труды и дни» он описывает свое неизбежное будущее: когда его отец умрет, земля будет поделена между ним и его старшим братом Персесом, но по-видимому, Персес посчитал, что ему достанется слишком мало земли, чтобы содержать себя и свою семью, поэтому он подкупил судей, которые были назначены разрешать споры такого рода, чтобы получить всю землю.

«Наше наследство было разделено; но ты захватил и растащил почти все на громадные взятки хапугам царям и дуракам, ставшим судьями в подобных судебных делах».[18]

Это было еще одной, менее значимой, но все же серьезной проблемой, возникшей перед греческими городами: соперничество за ограниченные ресурсы вело к отчаянным актам, и коррупция среди землевладельцев и чиновников была убийственна, как чума.[19]

Гесиод мечтал о днях, когда люди будут получать выгоду от своего труда, а не наблюдать, как их труд крадут более сильные, чтобы они

«не знали ни голода, ни разрухи, наслаждаясь в праздники плодами труда своего. Им дарит земля урожаи богатые; и для них покрывается дуб желудями и привечает пчел. Кудрявые овцы

отягощаются шерстью прекрасной, а женщины рожают детей, похожих на своих отцов».[20]

Это предполагает, что богатство определялось не только землей.

Гесиод уделяет дюжины строк пояснениям, что те, кто тяжело работает, должны получать заслуженное; что селяне, которые в поте лица выращивают урожай, должны иметь свое зерно, что деньги должны сразу же выплачиваться, а нечестные судьи должны помнить о суде божественном. Ничего подобного не происходило. И это, судя по всему, не давало городам возможности развиваться.

Единственным решением проблемы была колонизация, а не реформы. Около 740 года вожди греческих городов начали отсылать своих младших братьев осваивать новые земли. Самые ранние колонии образовали те же самые два города, которые организовали первые фактории в Италии; Халкида и Эретрия отправили колонистов в Неаполитанский залив, где те начали строить новый греческий город Кумы. Примерно в 733 году город Коринф назначил главой экспедиции в Сицилию аристократа Архия, который основал там колонию под названием Сиракузы. В порядке конкуренции Халкида и Эретрия в течение следующих двадцати лет создали не менее четырех колоний: Наксос, Леонтины, Катана и Регий. К 700 годы до н. э. города на южном побережье Италии были почти такими же греческими, как и в самой Греции.

Сравнительная хронология к главе 49

Греческий полуостров и Малая Азия	Италийский полуостров
	Культуры фосса, апулиан, средне-ад-риатическая, голасецца, эсте, вилланова, латиаль
Культуры аркадцев, дорийцев и ионийцев (ок. 900 года до н. э.)	
Гомер (ок. 800 года до н. э.)	
Создание греческих торговых фортов в Италии	
Первые Олимпийские игры (776 год до н. э.)	Основание Рима (753 год до н. э.)
Ромул	В Италии создаются греческие колонии

Глава пятидесятая
Старые враги

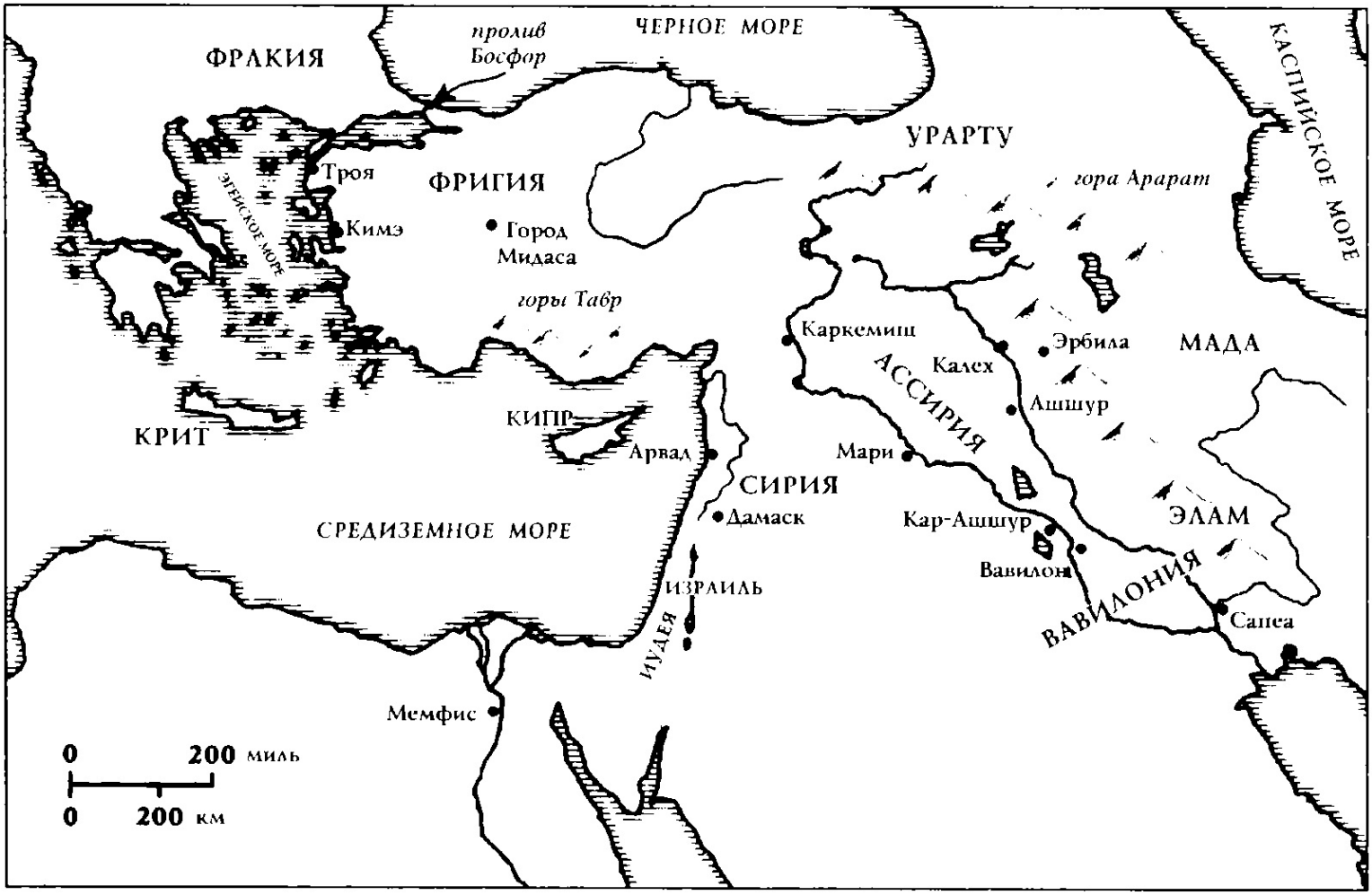
Между 783 и 727 годами до н. э. происходит падение Ассирийской империи — но Тиглатпаласар III восстанавливает ее

В 783 году Саламанасар IV пришел на трон Ассирии и правил девять лет. Очень не по-ассирийски он похвастался всего несколькими триумфами. Лишь небольшая горсточка надписей о победах и покоренных врагах, которая сохранилась до нашего времени, заставляет предположить, что большую часть своего времени он проводил, пытаясь сдерживать вторжения в Ассирию.

Тем временем Дамаск вырос в столицу Арамейского царства, называвшегося в самых

древних повествованиях «Сирия», и сирийцы были достаточно сильными, чтобы нападать на границы Ассирии, предпочитая этот способ действий другим.[1] В одной из таких последних битв с сирийцами Салманасар IV вынужден был даже заключить союз с царем Израиля Иеровоамом II, чтобы отбиться от них.[2]

Он также получил новую проблему в лице врага на севере. В горах над Ассирией хурриты, которые когда-то принадлежали к старой империи Митанни, построили маленькое племенное царство. После падения Митанни ассирийцы совершали рейды в лесные пограничные хурритские районы, добывая здесь металл, лес и рабов. За несколько веков до того Салманасар I хвастался, что разграбил пятьдесят одно хурритское поселение, украл товары и похитил юношей: «Их юношей я отобрал и взял на службу — самая тяжелая из всех дань за все время, что я налагал на них».[3]

Ассирия и ее противники

Перед лицом этих постоянных вторжений с равнины люди гор были вынуждены организовать коалицию. Они заимствовали ассирийскую письменность для своих записей и ассирийские царские обычаи для своих царей; вражеская империя дала им образец для их собственной.[4] Ассирийцы называли их страну Урарту; имя это все еще сохраняется в названии высочайшей горы на древней территории этого народа — горы Арарат.

По сравнению с ассирийскими войсками солдаты Урарту были мошкарой, роящейся вокруг слона. Но ассирийские нападения на укрепления, охранявшие горные проходы в Урарту, оказались безуспешными.

Застряв на обоих фронтах, западном и северном, Салманасар IV испытывал все большие трудности, постепенно теряя власть над Вавилоном. Город изъявлял все меньше желания подчиняться ассирийскому правителю. Теперь кучка халдейских военачальников билась за его

трон, а ассирийский наместник, похоже, сбежал.

В других провинциях на далеких флангах Ассирийской империи правители начали действовать самостоятельно, как мелкие царьки, не согласовываясь с Кальху; правитель Мари в своих анналах даже датирует события в его владениях годами своего правления, вовсе не упоминая «центрального» царя.[5] При правлении сына Салманасара IV несколько правителей поднимали мятежи, заставляя ассирийские войска выступать к своему городу. А во времена внука Салманасара царь Урарту хвастал в своих надписях, что он «завоевал землю... Ассирии».[6]

Урарту действительно сумел расширить свою власть не только на юг, в земли, когда-то удерживаемые Ассирией, но и далеко на запад. В этих землях жители строили свои укрепления на самых высоких вершинах — они были горцами, и не были счастливы, если не могли стоять высоко и видеть все вокруг. Теперь границы Урарту включали в себя большую часть древней хеттской территории, а Сардури I, царь Урарту, отправил послов на восток, чтобы заключить союз с племенами мада и парса против Ассирии.

Имея против себя такие силы, внук Салманасара IV, Аш-шур-нирари V, мог лишь пытаться поддерживать безопасность высокогорья. И даже в этом он не преуспел. Внутренние стены Ашшура, последняя линия защиты города от вторжения, начали разрушаться и осыпаться из-за отсутствия надлежащего ухода. Ни один чиновник или правитель, даже царь, не издало приказа о восстановлении стен; население Ашшура собирало упавшие камни и строило из них собственные дома.[7]

Немногим лучше обстояли дела в Кальху, имперской столице: семь лет своего правления наместник Кальху, человек по имени Пул, организовывал мятежи против царя. Он, вероятно, приходился каким-то кузеном царю, так как ему доверили управлять самой столицей. Но если Ашшур-нирари V надеялся пользоваться его лояльностью благодаря кровному родству, то он просчитался. Пул использовал слабость венценосного родича, чтобы собрать собственных сторонников и убить не только Ашшур-нирари V, но и его семью. Он совершил переворот в начале мая 746 года. Взойдя на трон, он взял себе новое имя, которое напоминало о былой славе Ассирии: Тиглатпаласар, третий царь с таким именем.[154]

Почти одновременно новый и сильный царь взял трон в Вавилоне.

Набопаласар был халдеем. Однако он смог взять под контроль Вавилон, затем подавил мятежи и успокоил недовольства. Историческое предание, сохраненное греками, настаивает, что мощь Вавилона во время его правления позволила расцвести науке астрономии. На деле греки были настолько уверены в халдейских знаниях, лежащих в основании их собственной астрономической науки, что имели склонность использовать слова «халдейский» и «астрономия» как взаимозаменяемые — эта тенденция распространилась по всему древнему миру. Именно по этой причине библейская книга Даниила сообщает, что Навуходоносор II, правивший Вавилоном двести лет спустя, созывал своих «халдеев» вместе с другими мудрецами царства, когда ему требовался совет.

В течение всего его пребывания на троне вавилонские писцы составляли и хранили таблички, фиксировавшие астрономические наблюдения и соотносившие их с ежедневными данными о погоде, уровнем Тигра и Евфрата, с ценами на зерно и другими важными товарами: это было признаком не только мирного существования города, но также увеличения его богатства.[8]

Взяв Ассирию под свой контроль, Тиглатпаласар III сразу же направился на юг, к Вавилону, и предложил себя в союзники Набопаласару. У него были проблемы на севере, востоке и западе, и ему не нужен был враг еще и на юге. Набопаласар принял альянс, и Тиглатпаласар III послал ассирийских солдат, чтобы помочь новому царю Вавилона подавить

халдейское и арамейское сопротивление его правлению.

Но вожди халдеев и арамеев перестали платить дань и Тиглат-паласару, и Набопаласару. «Города Вавилонии на берегу Нижнего моря я присоединил, — хвастался Тиглатпаласар в своих анналах, — я присоединил их к Ассирии, я поставил над ними своего евнуха в качестве правителя».[9] Севернее Вавилона, там, где арамеи были подавлены, Тиглатпаласар построил новый город и назвал его Кар-Ашшур, или «Стена Ашшура». Предполагалось, что этот город должен был помогать защищать Вавилон от кочевников, пытающихся проникнуть в земли Набопаласара. В действительности он стал ашшурским форпостом в Вавилонии, набитым ассирийским чиновниками, охраняемым ассирийскими солдатами и населенным ассирийскими переселенцами. «Я назвал его Кар-Ашгиур, — объясняют анналы Тиглатпаласара. — Я вселил туда людей из заграничных земель, завоеванных мною, я обложил их данью, и я стал считать их жителями Ассирии».[10] Когда Тиглатпаласар вернулся домой, он объявил себя (как Шамши-Адад V до него) «Царем Шумера и Аккада».

Набопаласар на юге держал свое слово. До тех пор, пока ассирийский царь не претендовал на его корону, он, похоже, не слишком беспокоился о том, какими титулами хвастает союзник.[11] Тиглатпаласар, в свою очередь, был склонен оставить прямое управление Вавилоном Набопаласару. У него было другое занятие.[155] Он намеревался заменить мятежных правителей далеких провинций вновь назначенными чиновниками, от которых требовалось высылать ему регулярные отчеты; он создал для этой цели прообраз «пони-экспресса», системы почтовых станций, через которые сменявшиеся всадники могли доставлять отчеты во дворец в должное время.

Затем, приведя в порядок собственные владения, он повернул свой взгляд на север, где государство Урарту укрепляло свои провинции, которые некогда принадлежали Ассирии. Они проложили свои пути на юго-запад до Каркемиша. Даже город Арвад дальше на юге, официально связанный с Ассирией договором, теперь присоединился к Урарту в качестве союзника.[12]

Тиглатпаласар осадил Арвад. Борьба была продолжительной и кровавой с обеих сторон. Через два года город пал окончательно.

Записи Тиглатпаласара говорят, что он провел 740 год в Арваде — царь устроил в завоеванном городе временную резиденцию, используя его как базу для продолжения войны с Урарту. К 735 году ассирийцы достигли центра государства Урарту, и урартский царь Сардури I с его солдатами был оттеснен к своей столице. «Ущелья и кручи гор забил я [их телами/, — хвастал Тиглатпаласар III на языке, который теперь известен как «правительственный диалект». Он добавляет в описание и особую нотку: — Сардури, чтобы спасти свою жизнь, сбежал ночью, и больше его не видели... до моста через Евфрат, до границы его земель у преследовал я его».[13]

Тут Тиглатпаласар остановился. Сардури смог удержать оставшиеся земли и власть в области, которая когда-то была северной частью его царства. Юг остался в руках Ассирии.

Перекраивание Тиглатпаласаром III политической карты привело к созданию новой страны. Его новая провинция включила в себя земли восточных фригийских племен в центре Малой Азии. Теперь западные племена собрались в коалицию, объединившись перед лицом врага на востоке во Фригийское царство. Таким образом, Тиглатпаласар III совершенно непреднамеренно создал новую нацию, чей первый зафиксированный в надписях царь звался Мидасом.

Кем бы ни был Мидас, история о его вступлении на политическую арену стала известна лишь во времена Александра Великого, то есть на четыреста лет позднее. Прибыв во Фригию, Александр обнаружил там древнюю телегу с парой волов, привязанных к дышлу телеги

огромным узлом. Это, сказали ему, была повозка первого царя Фригии. Фригийцы, не имея вождя, спросили оракула, кто должен стать их царем; оракул ответил, что первый человек, который приедет сюда на телеге, и будет избранником богов. В это время в деревне появился крестьянин по имени Мидас, прибывший именно на этой телеге.[156] Его немедленно короновали царем и в благодарность посвятили телегу Зевсу.[14]

Согласно Геродоту, Мидас послал предложение Дельфийскому оракулу занять его трон — один из нескольких негреческих правителей, которые поступили так.[15] Согласно другой легенде, Мидас женился на греческой женщине из Кимэ. Обе эти истории показывают, что фригийцы много торговали с ионическими городами и побережьем Малой Азии. Их столицей стал город Мидас, названный по имени царя, а само имя «Мидас» стало традиционным царским именем.

Эта торговля сделала Фригию очень богатой. Старое греческое предание о Мидасе, в котором ему даруется волшебное умение превращать в золото все, до чего он дотронется, хранит трепет ионических купцов перед богатством фригийских царей; ужасный финал, в котором золотое прикосновение Мида-са превращается в проклятие, отражает их зависть по поводу этого богатства.

Пока Фригия росла, Тиглатпаласар вел кампании против своих традиционных врагов. Он двинулся на восток и снова завоевал мятежные племена парса и мада. Одержав эту победу, он выступил против беспокойного Запада. Когда царь Израиля, некто Менахем, увидел на горизонте ассирийские войска, он выслал им навстречу сорок тонн серебра, чтобы купить уход врагов.[16] Иудея пошла на еще большее: царь Ахаз обобрал храм Соломона и отослал все священные предметы Тиглатпаласару в качестве жеста покорности, а затем предложил ассирийцам стать союзником против Израиля.

В битве, которая последовала вслед за этим, Израиль потерял большинство своих северных районов в пользу Ассирии. Теперь Тиглатпаласар правил Сирией и контролировал как Израиль, так и Иудею; Запад его больше не тревожил.

До сих пор Тиглатпаласар обращал мало внимания на Вавилон, но теперь Набопаласар умер, и город погрузился в хаос гражданской войны. Тиглатпаласар, который только что завоевал Дамаск, обратил внимание на беспорядок и решил, что пришло время наконец-то сделать Вавилон частью своего царства.

Когда Тигларпаласар пересек северную границу земель Вавилона и направился вдоль Тигра к столице, страна разделилась надвое. Пока он продвигался, вавилонские города спорили друг с другом: должны ли они признать власть ассирийского монарха или же подняться на борьбу (возможно, бесполезную) за свою независимость? Северные города склонялись принять ассирийское владычество. Это был благоразумный шаг для тех, кто жил прямо возле южной границы Ассирии — но их готовность подчиниться Тиглатпаласару предполагает, что местные жители больше симпатизировали обычаям и богам ассирийцев, чем семитских халдеев, которые сражались за вавилонский трон.

Зная это, Тиглатпаласар послал перед собой в Вавилон чиновников с инструкцией добиться от горожан Вавилона изъявления покорности. Они отослали Тиглатпаласару свой отчет о ходе кампании в письме, обнаруженном в Кальху в 1952 году:

«Царю, моему господину, от его слуг Самас-бунаи и Набу-итера. Мы прибыли в Вавилон двадцать восьмого и остановились у ворот Мардука. Мы говорили с вавилонянами и сказали: „Почему вы действуете против нас, на пользу халдеям? Их место с их халдейскими соплеменниками. Вавилон, оказывающий честь халдеям! Наш царь утвердит ваши права как

горожан Вавилона". Горожане нам ответили: „Мы не верим царю, который далеко ", — но они покорятся прибывшему царю».[17]

Самас-буная и Набуитер разыграли национальную карту, и Вавилон предпочел Ассирию халдеям.

Халдейский царь, который занимал вавилонский трон, бежал, и Тиглатпаласар прошел мимо Вавилона дальше на юг. Он задержался только у Сапеа — города, укрытого тремя концентрическими стенами. Внешняя, самая низкая, была пятнадцати футов высотой, остальные поднималась выше и выше. Ассирийский рельеф изображает осаду и разграбление города. Лучники, стреляющие со стен города; штурм города ассирийцами; тела убитых, сваленные в окружающий город ров; рыдающие женщины и дети, которых угоняют в рабство.[18]

Затем Тиглатпаласар вернулся в Вавилон и с триумфом вступил в город. Он объявил себя царем и поклялся в верности великому вавилонскому богу Мардуку на праздновании Нового, 728 года. Халдеи со всей страны, пришедшие в ужас от падения Сапеа, поспешили в Вавилон приветствовать своего нового царя.

Среди них был местный военачальник по имени Меродах-баладан. Тиглатпаласар особо отмечает, что он являлся «царем прибрежных земель, который не подчинялся ни одному из царей, моих отцов, и не целовал их ноги». Но теперь он поклялся в верности ассирийскому владыке — и принес в качестве дани чудесные подарки: золотые ожерелья, драгоценные камни, бревна ценного дерева, разноцветные одеяния и домашний скот.[19]

Меродах-баладан поклялся в верности Ассирии, скрестив пальцы позади спины, но Тиглатпаласар III тогда этого не знал.[20] Он был переполнен эмоциями — царь Вавилона и Ассирии одновременно; чтобы продемонстрировать свою власть, он приносил жертвы богам Вавилона в каждом большом городе:

«В Сиппареу Ниппуре, Вавилоне, Борсиппе, Куту у Кише, Дилбате и Эрихе, — записал он, — я принес чистые жертвы ...великим богам... и они приняли мои приношения. Широкую землю [Вавилонию] я принял под свою власть, и установил над ней свое управление».[21]

Он стал первым ассирийским монархом, который появился в списке собственно царей Вавилона — первым, кого жители Вавилона признали в качестве собственного царя. Однако все формулы приветствия монарху умудрились четко зафиксировать тот факт, что он не имеет права на трон.

Сравнительная хронология к главе 50

Италийский полуостров Ассирия Соседние страны Культуры фосса, апу-лиан, средне-адриатиче-ская, голасецца, эсте, вилланова, латиаль Ашшурнасирапал II(911–859 годы до н. э.) Создание греческих торговых факторий в Италии Салманасар III(858–824 годы до н. э.) Шамши-Адад V(823–812 годы до н. э.) Шаммурамат Адад-нирари III Аргишти (Урарту) Салманасар IV(782–770 годы до н. э.) Ашурдан III(771–754 годы до н. э.) Основание Рима (755 год до н. э.) Ашшур-нирари V(753–746 годы до н. э.) Набопаласар(Вавилон) Ромул Создание греческих колоний в Италии Тиглатпаласар III Сардури I (Урарту) Мидас (Фригия)

Глава пятьдесят первая
Цари Ассирии и Вавилона

Между 726 и 705 гг до н. э. Египет вновь объединяется, а Израиль рассыпается, когда Саргон II завоевывает почти весь мир

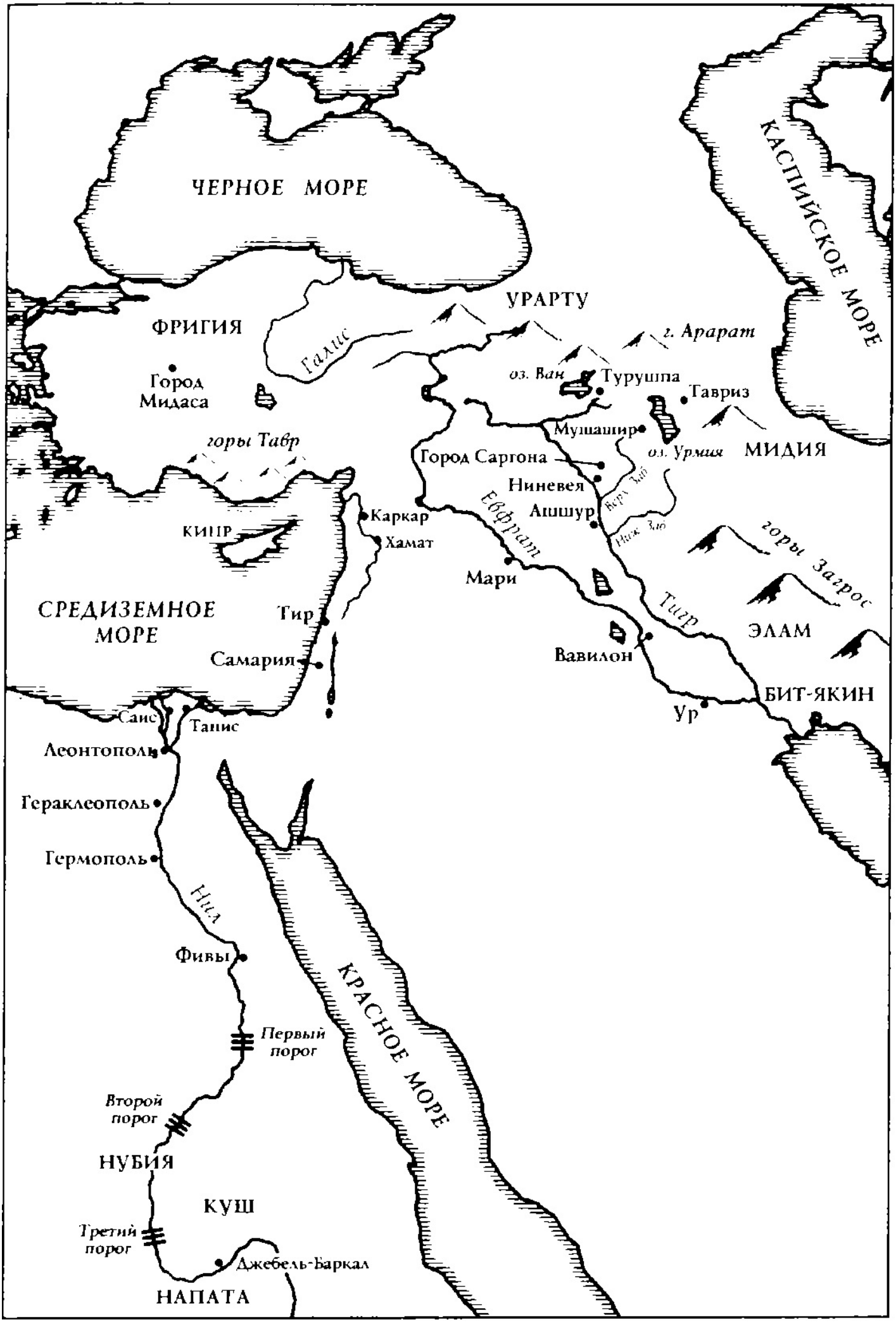
В 726 году, спустя два года после «принятия Мардука», Тиглатпаласар III умер, пробыв на

ассирийском троне почти двадцать лет.

Он оставил своего сына, Салманасара V, управлять объединенными Ассирией и Вавилоном с хорошо защищенными границами. Но тем временем у Залива непокорный халдейский вассал Меродах-баладан тайком собирал вокруг себя сторонников.

Правление Салманасара V отличается почти полным отсутствием надписей, но даже из наличествующих источников видно, что он, похоже, долго не замечал этой растущей халдейской угрозы, так как был занят на «западном фронте». Его кампании демонстрируют страстное желание привести Запад под свой контроль; конечно, этого желал бы и его великий отец, который получал дань от финикийцев и израильтян, но Тиглатпаласар III обращался с ними скорее как с вассальными государствами, а не как с ассирийскими провинциями. Согласно Иосифу, Салманасар V провел почти пять лет, осаждая финикийский город Тир, который посылал дань Тиглатпаласару.[1] И это было не единственное место, пользовавшееся преимуществами внутренней автономии во времена его отца. Тиглатпаласар лишь низвел Израиль до положения вассального государства; Салманасар V стер его с лица земли.

У него было на то некоторое оправдание. Теперешний царь Израиля, бывший военный по имени Иосия, «больше не платил дани царю Ашшура, как он делал раньше год за годом».[2] Шпионы Салманасара V докладывали ему также, что Иосия посылал послов вниз, «к господину, царю Египта». Израиль планировал войну против Ассирии и искал союзников.

ЧЕРНОЕ МОРЕ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
УРАРТУ
ФРИГИЯ
Галис
г. Арарат
оз. Ван
Турушпа
Тавриз
Город Мидаса
горы Тавр
Мушашир
оз. Урмия
МИДИЯ
Город Саргона
Ниневея
Верх. Заб
Евфрат
Ашшур
Нижн. Заб
Каркар
Хамат
КИПР
горы Загрос
Мари
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Тир
Тигр
ЭЛАМ
Самария
Вавилон
БИТ-ЯКИН
Ур
Саис
Танис
Леонтополь
Гераклеополь
Гермополь
Нил
КРАСНОЕ МОРЕ
Фивы
Первый порог
Второй порог
НУБИЯ
КУШ
Третий порог
Джебель-Баркал
НАПАТА

Египет и Ассирия

Повторное вхождение Египта в союз с западными семитами было затруднительно, поскольку страна в это время оказалась разделена. В течение века со времени битвы при Каркаре Египет снова распался — не только на Северное и Южное, но также на Восточное и Западное царства, произведя головокружительное множество фараонов и три отдельные столицы: Фивы, Танис и город Леонтополь в Центральной Дельте. Короткое время независимые цари были также в Гераклеополе и Гермополе; еще не менее пятнадцати других семей претендовали на какой-нибудь титул правителя, от «царя» и «владыки» до кланового титула «вождь».[3] Мането попытался систематизировать эту массу в некое подобие порядка, организовав царей в Двадцать вторую, Двадцать третью и Двадцать четвертую династии — но все три «династии» в действительности правили одновременно из различных городов, и местная власть Двадцать второй Династии влачила жалкое существование до установления Двадцать пятой.

Во время всей этой кутерьмы южные земли по обеим сторонам Нила (африканскую страну Нубию, ее управляемую Египтом часть, египетские повелители обычно называли «Куш») извлекли пользу из погруженности Египта в собственные проблемы. Теоретически считалось, что этой областью управляют египетские наместники, но на деле никто не обращал на них внимания. Ко времени возникновения множества параллельных династий Египта нубийцы, которые были теперь смесью местных африканских племен и поселенцев-египтян, уже управлялись не наместником, а своим собственным царем. Это царство, которое местные жители называли Напата, управлялось из нубийского дворца в Джебель-Баркале. Оно несло явные следы египетского владычества: люди в нем поклонялись богу Амону, а его нубийские правители сохраняли древнюю традицию жениться на своих сестрах.[4]

В 727 году до н. э., за год до того, как Салманасар V унаследовал трон отца, царем Напаты стал нубиец по имени Пианх. Он находился на троне уже двадцать лет, когда узнал, что цари Саиса, Таниса, Гераклеополя, Гермополя и Леонтополя, обеспокоенные возвышением Напаты, организовали союз, чтобы отодвинуть египетскую границу назад, на нубийскую территорию.

Он сразился с коалицией, победил, изложив детали кампании на тщательно вырезанном рельефе: бог Амон благословляет Пианха, истинного царя Египта, в то время как остальные военачальники и цари униженно приближаются к нему.

Пианх не пытался стереть своих врагов с лица земли. Вместо этого он выбрал форму существования Египта в виде набора царств, над которыми он был бы Верховным царем. Как написал он в другом месте:

«*Амон Напаты назначил меня правителем этой земли, я могу сказать кому-нибудь: „Будь царем” — и вот он царь, или: „Не будешь царем ”, — и вот он не царь. Амон Фив назначил меня управлять Египтом... И защищаемый мной не увидит свой город взятым, но если только я захочу помочь*».[5]

Именно к этому Египту обратился Израиль с просьбой о заключении союза против страшной угрозы со стороны Ассирии.

«Господин Египта», к которому обратились израильские послы, может быть, и не был именно Пианхом. Египет был теперь напичкан местными «царьками», служащими Пианху в роли наместников. По всей вероятности, израильтяне явились ко двору царька Дельты по имени Осоркон IV. Хошеа мог и не знать точно, кто конкретно правит в Египте, политическая сцена которого оказалась настолько сложной, что даже египтяне этого зачастую не понимали. Вполне возможно, Пианх даже и не узнал, что израильские послы прибыли к его двору.

Но если кто-нибудь и услышал призыв, он не ответил; Хошеа тем временем был свергнут.

Путешествие вниз, к Египту, оказалось огромной ошибкой: Салманасар V, уже раздраженный длительной осадой непокорного Тира, не был настроен прощать какое-либо сопротивление со стороны городов, которые уже покорились его отцу. «Царь Ассирии, овладевший всей землей, — читаем мы в IV Книге Царств 17:5, — подступил к [Израильской столице] Самарии и держал ее в осаде три года».

На этом моменте ассирийский рассказ о событиях прерывается. Когда наступает продолжение, Салманасар V — находившийся на троне только пять лет и ведший две осады одновременно — уже мертв. Трон занимает новый царь под царским именем Саргон II.

Если бы Салманасар V умер в сражении, писец, записывающий царей, наверняка рассказал бы об этом. Наиболее вероятно, что его наследник, Саргон II, был более молодым сыном Тиглатпаласара, использовавшим слабость своего брата, чтобы захватить власть. Все эти долгие и, по-видимому, бесплодные осады не могли быть популярными в армии — а кроме того, Салманасар V сделал себя еще более непопулярным дома, пытаясь ввести обязательный принудительный труд для населения Ашшура. Это плохо закончилось.[6]

Саргон II пообещал горожанам в Ашшуре освободить их от налогов, если ему удастся уговорить их забыть о внезапной смерти брата. Как написано в его официальной хронике:

«Салманасар не боялся царя Вселенной. Он поднялся на злое дело против этого города; он наложил на его людей суровые повинности и оброки, и считал их своими солдатами, в то время как главный бог с гневом в сердце отверг его правление. Меня, Саргона, мою голову поднял он высоко... Я восстановил свободу Ашшура от поборов... от призыва к оружию, от произвола надсмотрщика, от налогов, пошлин и дани всем храмам Ашшура, я освободил их».[7]

Саргон II также завершил бессмысленные осады. В первый год своего правления (721 год до н. э.) в своих хрониках он сообщает о завоевании Самарии, о быстром завершении затяжной осады штурмом. А затем с жестокостью, какой не проявлял ни один из его предшественников, Саргон II стер с политической карты государство Израиль. Он взял Иосию в плен, посадил его в тюрьму, а затем приступил к депортации израильтян — что было типичным ассирийским ответом вассальному государству, которое цепляется за независимость. Депортация превратилась в некий род геноцида — уничтожение не личностей, но национального самосознания. Собственные надписи Саргона говорят, что он переместил с родной земли 27 290 израильтян и расселил их по всему пути от Малой Азии до территории Мидии.[8] Эти израильтяне стали известны как «десять потерянных племен» — не потому, что погибли, а потому, что их идентичность как потомков Авраама и почитателей Яхве растворилась в новых местах, где они теперь были вынуждены строить свой дом.[157] Рассеянные израильтяне, которые все еще оставались в Северном царстве, теперь оказались растворены в среде переселенцев из других мест. «Людей из земель, завоеванных моей рукой, я поселил тут», — записывает Саргон II.[9] Эта мешанина из израильтян и других народов, очевидно, в итоге создала собственную культуру, состоявшую из такой смеси различных религий и традиций, что в I веке до н. э. здешних евреев называли «самаритянами» и презирали как полукровок.

Но это еще не было концом. Арамеи из Сирии и города Ха-мат объединились, чтобы оказать сопротивление ассирийскому царю, и войско Саргона II встретилось с их объединенной армией у города Каркар. На этот раз, через сто лет после первого великого сражения у Каркара, неясности в исходе битвы не было. Царь Хамата был приведен в Ашшур в цепях, сирийский вождь «сбежал один, как пастух, чьих овец увели», а Саргон разграбил и сжег Каркар.[10]

Полностью держа под контролем Запад, Саргон по Средиземному морю дотянулся до острова Кипр, занятого потомками ионических греков и финикийских поселенцев, и заставил их платить ему дань. Он также построил себе новую столицу, Дур-Шаррукин («Город Саргона»)

— северо-восточнее Ниневеи, как раз позади гор Тавр, где все еще существовала угроза со стороны Урарту.

Солдаты Урарту легко могли спуститься со своих гор, атаковать и уйти назад по перевалам, над которыми возвышались их крепости; преследовать их в горах было гораздо более трудным делом. А тем временем Урарту развилось в культурное и хорошо обороняемое царство. Собственные записи Саргона выражают восхищение, говоря о царе Урарту Русе, о сети каналов и колодцев, которые тот построил в защищенных долинах; о табунах хорошо объезженных лошадей, так необходимых для войны; о великолепной системе связи с помощью смотровых башен, построенных на вершинах гор — заранее подготовленные костры должны были зажигаться в момент замеченной опасности. Один такой маяк служил сигналом для следующего поста на такой же башне, где зажигался новый костер. Они сияли «как звезды на вершинах гор», по выражению Саргона, и распространяли известие о вторжении быстрее, чем мог скакать посланец.[11]

К 714 году Саргон был готов к вторжению в горы — к опасной и рискованной кампании, которую он решил возглавить лично. Вместо того, чтобы направиться прямо на север, на территорию Урарту, что привело бы его армию к встрече с самыми мощными силами страны, он двинул армию на восток, к Загросским горам, намереваясь достичь относительно плоских земель на другой стороне гор и подойти к более слабой восточной границе Урарту.

Саргон сам изложил рассказ об этой кампании в форме официального царского письма богу Ашшура и его коллегам, информируя их обо всех произошедших в их честь битвах — несомненно, такое письмо громко зачитывалось богам в присутствии толпы ашшурских горожан. Армия выступила в начале лета, перешла Верхний и Нижний Заб и вскоре подошла к Загросским горам.[12]Тут жители низин встретились с грозными, незнакомыми им склонами, покрытыми густыми лесами, где их поджидали неизвестные враги:

«[Затем мы пришли] к крутым горам, где, переплетаясь, росли всевозможные деревья, и попали в центр горного хаоса. Здешние тропы наводили страх; везде царил полумрак, как в кедровом лесу; невозможно было ходить по их тропам, не видя ни лучика солнца».[13]

Кедровые леса на горных склонах, как и те, в которые много лет тому назад отважился зайти Гильгамеш, служили убежищем для врага, который был еще страшнее из-за своей невидимости.

Саргон заставил своих людей прорубать путь сквозь лес медными топорами, пока армия не достигла плоских земель на востоке. Тут мидяне, связанные договором (и страхом), предоставили ассирийским ордам воду и зерно.

Саргон повел восстановившую запасы армию на север, чтобы встретиться с армией Урарту на склонах гор, как раз южнее современного города Тавриз.[158] Он хорошо выбрал место для сражения: оно располагалось далеко от внушительной линии крепостей, которые охраняли южную границу Урарту. Но чтобы дойти до него, ассирийская армия должна была пройти более трехсот миль — летом, через влажные леса с удушающими испарениями, по крутым дорогам между скал, с недостаточным количеством воды и еще меньшим количеством пищи. Войско было измотано и находилось на грани бунта:

«Изнуренные войска Ашшура, которые прошли долгий путь, очень измотанные и уставшие, которые не раз преодолевали бессчетные отвесные склоны, необычайно трудные для подъема и для спуска, начали уже проявлять недовольство. Я не мог облегчить их состояния и дать им отдых, у меня не было воды, чтобы утолить их жажду».[14]

Саргон попался; он достиг своей цели — и оказался бессильным. Тем временем армия Урарту под командованием самого Русы собралась, чтобы противостоять ему.

Армия Саргона отказалась повиноваться. Тогда он собрал вокруг себя личную гвардию и повел ее в безумную, самоубийственную атаку на ближайшее крыло армии Русы. Вражеское крыло отступило перед лицом его отчаянной свирепости; после этого, согласно записи самого Саргона, его армия, увидев, что он сам кинулся вперед в первой линии, набралась мужества и бросилась за ним. Армия Урарту заколебалась, ее строй нарушился, и она начала отступать.

Отход превратился в беспорядочное бегство. Ассирийская армия погнала рассыпавшегося врага на запад, мимо озера Урмия и дальше, на его собственную территорию. Руса оставил всякие попытки удержать свою столицу Турушпу и сбежал в горы.

На этом месте рассказ Саргона очень резко меняет свое течение и заявляет, что ассирийская армия повернула к дому. Может быть, он начал подозревать, что войска поднимут мятеж, если он будет настаивать на дальнейшей погоне за царем в неизвестные, покрытые лесами глубины царства Урарту.

Вместо преследования армия повернула назад, на юг, и по пути разграбила город Муцацир, где находился храм главного бога Урарту. [15] Когда эта новость дошла до Русы в его изгнании, тот пришел в отчаяние. «Блеск Ашшура потряс его, — говорит надпись Саргона, — и своим железным кинжалом он ударил себя в сердце, как свинью у и так закончил он свою жизнь».[16]

Опасное царство на севере было покорено, и Саргон с победой направился домой. Стоял уже ноябрь, и он не смог преследовать остатки войск Урарту дальше в горах, не рискуя попасться в ловушку погоды, которая могла закрыть горные проходы льдом и снегом. Завоевание Урарту заняло менее шести месяцев.[17]

Теперь Саргон был почти на вершине мира. Он принимал послов из Египта и Эфиопии; подарки и делегации появлялись даже от «царя Дилмуна», который, согласно надписям Саргона, «живет, как рыба».[18] Под этим он, вероятно, подразумевал сабейские племена Аравии, чья царица посетила Соломона два века тому назад. Он был признан господином почти всего известного мира, за исключением земель, расположенных строго на юге.

А в Вавилоне разыгрывалась своя драма. Меродах-баладан, халдейский вождь бит-якинов, собирал своих последователей в городе У р. Почти сразу после смерти Салманасара V Меродах-баладан пошел на Вавилон, выгнал соперников и стал здесь царем.[159] Он видел в Ассирийском царстве три перемены менее чем за десять лет, и был уверен, что сможет пересидеть Саргона И. Чтобы сделать это более вероятным, он отправил на восток послов с большей частью своего незначительного личного богатства, чтобы купить поддержку эламитов против Ассирии.[19]

Он нуждался во внешнем союзнике; даже новая страна Меро-дах-баладана не целиком была на его стороне, особенно на севере, где вавилоняне явно проявляли про-ассирийские симпатии и недолюбливали халдеев. Меродах-баладан попытался решить эту проблему при помощи такой же стратегии, какую Наполеон применит три тысячи лет спустя: он объявил, что является освободителем страны, восстановителем древних вавилонских традиций, давно затоптанных ногами северных завоевателей. Если бы ассирийцы немедленно прибыли извне к стенам города, это заявление могло бы не сработать. Но Саргон был занят на западе со средиземноморскими, египетскими и аравийскими данниками, а также со своим врагом в Урарту. Сначала у него просто не было времени на Меродах-баладана — в результате почти десять лет халдейский царь мог заниматься установлением своего контроля над Вавилоном и окрестными землями.

К 710 году Саргон наконец-то освободился, чтобы повернуть на юг. А в Эламе опытный царь-военачальник, который согласился быть союзником Меродах-баладана, только что умер; на троне находился его молодой и неопытный племянник Шутрук-Наххунте. Поэтому Саргон II начал кампанию против Вавилона, направившись сначала на восток, в Элам.

Шутрук- Наххунте почти сразу же бежал под прикрытие гор; Саргон, отрезав любую возможность помощи Меродах-балада-ну со стороны эламитов, двинулся на юг и подошел к Вавилону с юго-востока. Эта хитрая стратегия имела двойное действие, отрезая Меродах-баладана от его эламитских союзников и делая очень опасным отступление к его родным землям у Залива, так как солдаты Саргона теперь находились ближе к родине бит-якинов, чем к Вавилону. Не мог противник пойти и на север; северные города Вавилонии с облегчением приветствовали Саргона, открыв для него свои ворота «с великой радостью».[20]

Анналы Саргона сообщают, что Меродах-баладан, хорошо понимая, что битва проиграна, еще не начавшись, решил сбежать в Элам с маленькой группой людей, доверившись лошадям и прикрытию темноты, чтобы проскочить мимо лагеря ассирийцев:

«Когда Меродах-баладан... услышал в Вавилоне о победе Ашшура... страх за собственную жизнь настиг его прямо во дворце. С воинами, которые поддерживали его, он бежал ночью и направился к ...Эламу, чтобы просить милости у Шутрук-Наххунте, эламита, которому он посылал в качестве подарков свою царскую мебель: серебряную кровать, трон, стол, царский кувшин для омовения, собственное ожерелье. Негодяй эламит принял его дары, но убоялся моей военной мощи; поэтому он перекрыл дорогу Меродах-баладану и запретил ему въезжать в Элам»?[21]

Шутрук-Наххунте, может быть, и был подлецом, но в этом столкновении он поступил удачно, забрав большинство сокровищ Меродах-баладана и при этом избегнув наказания ассирийского царя.

Лишившись убежища, Меродах-баладан был вынужден развернуться и отправиться в опасный путь назад, к бит-якинам. Тут его подстерегла именно та судьба, которой он и боялся: его осадили в родном городе. Он изо всех сил сопротивлялся; рассказ Саргона говорит, что его противник «поднялся выше» стен, защищая их, и «вырыл ров... и окружил город морской водой».[22]

Но защитный ров не надолго обезопасил город. Ассирийская армия преодолела его и прошла дальше, разметав защитников города. «Я испепелил его огнем, — хвастает Саргон II, — и даже его фундаменты были вырваны из земли».[23]

Затем Саргон II сам разыграл наполеоновскую карту, проведя праздник в честь Мардука и «взяв руку» бога как настоящий царь Вавилона. По его собственному заявлению, он восстанавливал город до самых корней; он был их освободителем, победителем захватчиков-халдеев, которые ничего не смыслили в общем наследии двух городов. Вавилоняне, которые, вероятно, в этот момент перестали понимать, кто же на деле восстанавливает их наследие, безропотно подчинились.

На этом этапе поведение Саргона по отношению к халдейскому воину-вождю представляло собой удивительный контраст с его отношением к Израилю. Не казнив Меродах-баладана, Саргон II принял его капитуляцию и оставил вассальным вождем бит-якинов. По-видимому, Саргон не был до конца уверен, что халдеев так же легко устрашить, как израильтян, и предпочел не настаивать на полном контроле далекого юга.

Несмотря на нетвердое присутствие на юге, Саргон мог теперь праздновать полную победу над своими врагами. Рельеф в его новом дворце в городе Саргон изображает его величие; громадная фигура царя оттесняет на задний план даже богов. Он стал вторым Саргоном, вторым основателем империи, царем второй Ассирии с новыми границами, новой столицей и новой пугающей мощью.

Сравнительная хронология к главе 51

Ассирия и окружающие земли	Египет, Израиль и Иудея
Апппурнасирапал II(911–859 годы до н. э.)	
	Осоркон II (870–850 годы до н. э.)
Салманасар III (858–824 годы до н. э.)	
Шамши-Адад V (823–812 годы до н. э.)	

Шаммурамат Адад-нирари III Двадцать третья и Двадцать четвертая династии Аргишти (Урарту) Салманасар IV (782–770 годы до н. э.) Ашур-дан III (771–754 годы до н. э.) Ашшур-нирари V (753–746 годы до н. э.), Набопаласар (Вавилон) Двадцать пятая династия (Нубийская) Пианх (747–716 годы до н. э.) Тиглатпаласар III, Сардури I (Урарту) Мидас (Фригия) Салманасар V, Меродах-баладанВавилон) Ахаз (Иудея) Саргон II (721 -704 годы до н. э.) Хошеа (Израиль) Хизкия (Иудея) Падение Израиля

Глава пятьдесят вторая
Впечатляющее поражение

С 704 до 681 год до н. э. Синаххериб Ассирийский побеждает почти всех врагов, но помнят его из-за одной неудачной осады

Спустя пять лет после победы над Вавилоном Саргон II умер и оставил трон сыну, который ненавидел его. Ни в одной из своих надписей, ни в каких анналах Синаххериб даже не упоминает о том, что его отец существовал.

Саргон, по-видимому, не скрывал своего мнения о сыне за границей. Когда Синаххериб взошел на трон, провинции, убежденные, что наследник является слабым и бесхребетным, праздновали свое освобождение от власти Ассирии. Старые города филистимлян на западе начали планировать мятеж, а в землях у Залива Меродах-баладан стал готовиться к независимому правлению.

Однако не все считали, что Синаххериб слаб. Умные люди в Иерусалиме посоветовали своему царю не присоединяться к восстанию, которое разгоралось немного дальше к югу. «Скипетр, который ударит по ним, может разломиться, — предупреждал иудейский пророк Исайя, — но филистимляне не возрадуются; змея порождает дракона».[1]

Вавилоняне были менее осмотрительны. Синаххериба не волновало прохождение ритуала «взять руку Мардука» с формальной покорностью богу; он просто объявил себя царем Вавилона без всякой церемонии, что было оскорблением и самого города, и его главного божества.[2] Почти сразу после того, как церемонии коронации закончились, сын некого вавилонского чиновника объявил себя царем Вавилона.

Он занимал трон целый месяц. Старый Меродах-баладан явился, чуть задержавшись, из своих южных болот со своими родичами и сверг нового царя — с помощью восьми тысяч лучников и всадников, присланных на помощь царем Элама, который всегда был готов поспособствовать неприятностям для Ассирии.[3]

И опять Меродах-баладан объявил, что он является истинным восстановителем древних вавилонских традиций: «Великий господин, бог Мардук, — говорит одна из его надписей, — ... взглянул с благосклонностью на Мардук-апла-иддина II [160] царя Вавилона, князя, который почитает его... Царь богов сказал: „Это истинный пастух, который соберет рассеянный народ”».[4]

Синаххериб в гневе послал одного из своих военачальников, чтобы восстановить порядок в

Вавилоне. Меродах-баладан быстро заключил договоры с другими халдейскими племенами, apaiC&ями на западе от него и эламитами на востоке. Он выступил во главе объединенных сил, чтобы встретиться с ассирийцами у Киша и отогнать их.

Это было последней каплей. Синаххериб лично метнулся на юг, как ярость самого Ашшура. Его войска смяли объединенное войско противников, едва задержавшись. Меродах-баладан бежал с поля боя и скрылся в приморских топях, которые он хорошо знал, чтобы спрятаться там. Синаххериб прошел остальной путь до Вавилона, который благоразумно открыл свои ворота, как только увидел на горизонте войско ассирийского царя. Синаххериб вошел сквозь открытые ворота — но решил сделать Вавилону предупреждение: он обыскал город, взял почти четверть миллиона пленных и уничтожил поля и урожаи тех, кто присоединился к альянсу против него.

Кроме того, он провел почти неделю, охотясь в болотах за Меродах-баладаном, но поймать старого лиса ему не удалось.

Тем временем старый город филистимлян Экрон, не вняв предупреждению в виде судьбы Вавилона, решил поднять полномасштабный мятеж, сверг и заковал в цепи своего лояльного к Ассирии царя. Финикийские города Тир и Сидон также восстали, но царь Хизкия из Иудеи все еще не решался на решительные действия, учитывая предостережение пророка Исайи.

Синаххериб приготовился покинуть Вавилон и пойти на мятежников. Он назначил править вместо себя в Вавилоне наместника — этот новый правитель, Бел-ибни, вырос при ассирийском дворе. «Он жил как щенок в моем доме», — замечает Синаххериб в одном из своих писем, употребив сравнение, которое подразумевает как минимум лояльность, если не жесткий контроль над своим ставленником.[5]

Потом ассирийская армия двинулась на тревожный запад. Анналы Синаххериба сообщают, что он завоевывал и разграблял все города по пути через западно-семитские земли, если те не подчинялись ему сразу. Однако немалое время, которое ушло у него на прокладывание пути сквозь восставшие земли, заставляет предположить, что «западный фронту оказался для него более трудным вызовом, чем царь ожидал.[161]^,

А затем на горизонте вдруг появилась неожиданная угроза. «Синаххериб получил известие, — сообщает Вторая Книга Царств, 19:9, — что Тиргак, царь Египетский, вышел сразиться с ним».

На самом деле Тиргак еще не был фараоном. Он был младшим сыном фараона Пианха, который умер примерно пятнадцать лет назад. Брат Пианха, Шабака, сел на трон, несмотря на то, что у Пианха имелось два живых сына; это был нубийский обычай, когда братья обходят сыновей при наследовании царю.[6] После смерти Шабаки трон унаследовал его старший сын; Тиргак служил у него начальником и был также назначенным наследником.

Когда Тиргак с египетской армией появился на горизонте, Хизкия, похоже, решил связать свою судьбу с анти-ассирий-ской коалицией. Меродах-баладан обхаживал его некоторое время, рассылая письма из своего укрытия. Когда Хизкия заболел фурункулезом, Меродах-баладан «отправил Хизкии письмо и подарки, потому что услышал о болезни Хизкии».[7]

Хизкия, который великолепно знал, что являлось истинным мотивом этого жеста доброй воли, принял подарки и предложил показать халдейским послам свой дворец: «В его дворце не было ничего, — говорит Вторая Книга Царств, — чего бы Хизкия не показал им». Осмотру подверглось и оружие с доспехами; Хизкия рассказал послам, как он сможет принять бой.

Придворный пророк Исайя был в ужасе. « Что ты им показал?» — спросил он царя. Когда Хизкия ответил: «Я показал им все» у — Исайя предсказал ему гибель:«Все в твоем дворце, — сказал он, — и все, что накопили твои отцы, и твои собственные потомки в том числе, будет утрачено».

Хизкия не обеспокоился. «Это хорошо, — ответил он Исайе, и автор Книги Царств добавляет: — Он думал: „по крайней мере, мир сохранится, пока я жив”». Поддерживаемый этой близорукой надеждой, Хизкия согласился в качестве своего первого ан-ти-ассирийского шага позаботиться о плененном царе Экрона. Вожди мятежа в Экроне боялись, что постоянное присутствие царя в подземной тюрьме города может вдохновить другие про-ассирийские силы в городе на контрмеры. Устрашающая репутация Ассирии означала, что каждый замысел против нее обязательно встречал оппозицию, предполагавшую, что было бы лучше не навлекать беду на собственные головы.

Царь Экрона был препровожден в Иерусалим и посажен под стражу. Когда Синаххериб услышал об этом акте открытого неповиновения, он — от стен города Лахиса, где руководил осадой, — послал к Хизкии гонцов. Это не были простые послы, Синаххериб отправил своего военачальника, высшего офицера и еще одного командира; они прибыли во главе огромной армии. Три чиновника двора Хизкии вышли встретить их.

Очевидно, Синаххериб проинструктировал своих представителей, как оказать на противника психологическое давление до проведения атаки. Ассирийские офицеры остановились на траве перед стенами Иерусалима, на которых собралась половина жителей города, чтобы слышать, что происходит. Они громко заявили на иврите:

«Скажите Хизкии, что царь Ассирии прислал ему послание: „Тебе не на что уповать; нет у тебя стратегии и войска. Может быть, ты надеешься на египетские колесницы и конницу, но Египет, это трость надломленная, которую ты пытаешься использовать как посох. Она проткнет твою руку, если ты обопрешься на нее”».[8]

При этих словах три представителя Хизкии попросили командира говорить с ними не на иврите, а на арамейском — они понимали язык арамеев, как и большинство ассирийцев, которые служили во внешних частях империи. «Не говори с нами так, чтобы понимали люди на стенах», — попросили они. Но ассирийский командир отказался в резких и грубых выражениях: «Послание предназначено и для них тоже. Как и вам, им придется жрать свое дерьмо и пить собственную мочу».

Люди на стенах, предупрежденные царем не отвечать ни на какие угрозы, хранили молчание. Но предупреждение, сообщенное всему населению Иерусалима и подкрепленное ощетинившимися ассирийскими копьями, поколебало Хизкию. Он «порвал свои одежды» и — менее поэтично — отослал Синаххерибу в Лахис одиннадцать тонн серебра и почти тонну золота в качестве дани. Он также снял цепи с царя Экрона и отпустил его; вероятно, несчастный пошел в ассирийский лагерь, где должен был ответить на несколько очень трудных вопросов о том, как он позволил знати Экрона взять над ним верх.

На время это ликвидировало кризис. Синаххериб не простил Хизкию — но сейчас ему приходилось иметь дело с египтянами. Две армии встретились у Элтекея; детали битвы не сохранились, но, хотя египетская армия позднее отступила домой, Синаххериб не преследовал ее — что предполагает чрезвычайно тяжелую победу.

Однако теперь он мог, не отвлекаясь, уделить внимание восставшим городам на западе. Он осадил Экрон, который быстро пал, а затем вернулся назад к Иерусалиму.

Последовала осада, которая внезапно закончилась по какой-то непонятной причине, без победы ассирийцев. Синаххериб сделал все, что мог, чтобы заявить о победе — даже указал в своих надписях на подтверждающие ее детали, что ассирийские цари обычно делали только в случае малоуспешных кампаний.[9]

«Что касается Хизкии, еврея, я сравнял с землей города вокруг него при помощи боевых таранов и осадных машин, я отдал их царю Экрона; я взял двести тысяч его народа и животных без числа. Самого его, как птицу в клетке, я запер в Иерусалиме, его царском городе.

Я возвел земляные укрепления вокруг города и вверг его назад в его беды. И ужасающее великолепие моего величия подавило его».[10]

Но все обстояло не совсем так. Когда Синаххериб ушел домой, в Ашшур, сняв осаду, иерусалимские стены все еще стояли, и город еще был жив.

Согласно Второй Книге Царств, ангел Господень ночью поразил смертью 185 000 солдат Синаххериба: «Когда люди поднялись на следующее утро, — говорит нам автор, — вокруг лежали мертвые тела. Поэтому Синаххериб, царь ассирийский, снял лагерь и ушел. Он вернулся в Ниневею и остался там». Геродот передает несколько другую версию событий — то, что по его словам слышал от жрецов Египта: Синаххериб решил все бросить и отправиться домой, потому что ассирийский лагерь был переполнен мышами, которые «грызли колчаны, и луки, и рукояти щитов».[11]

Войско Синаххериба страдало от нашествия грызунов и умирало в своих палатках. Это сочетание предполагает, что под стены Иерусалима явилась чума, и царь Ашшура ушел перед лицом нарастающего числа смертей.

Оказавшись дома, Синаххериб избрал своей столицей город Ниневею — положение, которое она удерживала весь остаток ассирийской истории. Здесь он построил новые дворцы, украсив их стены огромными рельефами с изображениями выигранных битв и осажденных городов. Город Иерусалим на рельефах не появился.

Годом позже в поле зрения ассирийского владыки опять попал Вавилон. Халдеи вскоре поняли, что марионеточный правитель Бел-ибни — это не Синаххериб, и управляли югом, как хотели. После того, как один-два ассирийских чиновника отправились проверить ситуацию, Синаххериб сам прибыл туда исправлять положение дел.

К своему огромному разочарованию, он обнаружил, что Меродах-баладан снова деятельно пытается собрать силы, чтобы вернуть себе трон. При приближении Синаххериба Меродах-баладан бежал в приморские земли. Но на этот раз ассирийские солдаты стали прочесывать болота в поисках старика. Когда его укромное место оказалось в опасности, Меродах-баладан собрал союзников и направился к морю, чтобы уплыть в Элам. Это не принесло удовлетворения Синаххерибу, который хотел лично отрубить Меродах-баладану голову — но, по крайней мере, временно он прогнал его со сцены: «Он удрал в при-морье, — говорят нам анналы Синаххериба, — с костями своих предков, которые жили до него, он забрал их из их гробов, и со своими людьми он погрузился на корабли и переплыл на другой берег Горького моря [то есть Персидского залива7».[12]

Синаххериб отозвал Бел-ибни из Вавилона и назначил править городом своего старшего, самого любимого сына — Аш-шур-надин-шуми. Затем он начал готовиться к походу через море в Элам, следуя шилу в известном месте. Он нанял финикийских судостроителей, чтобы те построили ему несколько кораблей, а также доставил сюда наемных матросов из Тира, Сидона и с Кипра. Затем ему пришлось перегнать их корабли вниз по Тигру до Залива. Но, опасаясь встретить войска Элама на берегах Тигра, он вел корабли вниз по Тигру, лишь пока они не поравнялись с каналом Арахту, который нес воды к Евфрату. Здесь царь приказал вытащить корабли на сушу и протащить волоком на катках до канала, где на них снова погрузились и продолжили путь до Персидского залива по Евфрату. При этом сам Синаххериб предпочитал постоянно оставаться на земле.[13]

Путь до Элама оказался успешным, как сама кампания в целом. Ассирийские корабли захватывали каждый город, куда причаливали. Но когда после всех титанических трат людской силы и денег Синаххериб прибыл в город, где скрывался Меро-дах-баладан, он узнал, что его давний враг умер от старости как раз перед его прибытием.

Синаххериб направился домой, в Ниневею, ощущая смесь чувств — торжества и гнева. Но он заложил основание для грядущей беды. Теперь эламиты знали, где находится ассирийский наследник, и планировали реванш за города, которые разграбил Синаххериб, и за мирных жителей, которые он убил.

Планирование ответной кампании заняло некоторое время. Нужно было внедрить агентов-эламитов в Вавилоне. Но через шесть лет, когда Ашшур-надин-шуми находился немного севернее города, эламитский отряд под командованием энергичного царя Кахллушу пересек границу и захватил его в плен. Принца увезли в Элам — прежде чем Синаххериб успел в ярости появиться на юге, эламиты ворвались в сам Вавилон и силой оружия возвели на трон нового претендента.

Синаххерибу потребовалось почти три месяца, чтобы появиться на сцене. Когда он наконец прибыл, его армия разбила вавилонян вне города и пленила нового царя. Но в самом городе халдей по имени Мусезиб-Мардук успел захватить трон, разбить золото из храма и нанять еще эламитов.

Это привело к полномасштабной войне между Ассирией, Вавилоном и Эламом. Кампания длилась четыре года. Синаххериб дважды вторгался в Элам; сам эламитский царь прибыл, чтобы организовать ответную атаку на берегах Тигра.

Рассказ самого Синаххериба о сражении является единственным более-менее подробным описанием военных действий ассирийцев:

«В пыли от ног, закрывшей широкое небо, как мощный шторм... они выстроились в боевой порядок передо мною... на берегу Тигра. Они заблокировали мне проход и предложили сразиться... Я натянул панцирь. На голову я надел свой шлем, знак победы. С гневом в сердце я быстро поднялся на свою большую боевую колесницу, которая гнет врага. Я схватил в одну руку мощный лук$_y$ который дал мне Ашшур; копье, пронзающее жизнь, я сжал в другой... Я остановил их продвижение и смог окружить их. Я уничтожал войско врага стрелой и мечом. Я пробивал их тела... я резал им горло, перерубал их жизни, как рубят веревку. Как штормовые воды, я заставлял содержимое их глоток и кишок вываливаться на широкую землю. Мой гарцующий конь, управляемый моей рукой, бросался в потоки их крови, как в реку. Колеса моей боевой колесницы, которая подминает под себя все дурное и злоеу были забрызганы грязью и кровью. Телами их воинов я заполнил равнину у как травой. Я отсекал им яйца и отрывал им члены, как огурцы в июне».[14]

Вавилонские хроники односложно сообщают, что проиграли ассирийцы.

Синаххериб вернулся в Ниневею, оставив Вавилон в руках халдейского царя и его эламитских союзников. Армия Синаххериба сражалась на всех фронтах его империи, и число солдат, которых он мог бросить на решение вавилонской проблемы, было ограничено. Синаххерибу требовалось решить проблемы на других театрах, прежде чем он смог бы отбить Вавилон обратно.

Этот поворот наступил в следующем году. Из Элама стали приходить известия о том, что царь, который ввел свои войска в Вавилон, сражен болезнью; он больше не может говорить и отдавать команды. Вероятно, с ним случился удар.

Синаххериб использовал эту возможность — отсутствие эламитов — для новой попытки. На этот раз он преуспел, и ворота Вавилона были разбиты. Синаххериб захватил в плен самозванца-халдея и отослал его в цепях в Ниневею, а затем приказал разрушить проблемный город до основания:

«Я разрушал, я разорял, я жег огнем. Главную и внешнюю стены, храмы и статуи, храмовые башни из кирпича и земли —, все, какие были, я разрушил и низверг в канал Арахту. В пыли от города я прорыл каналы и затопил место, где он находился, водой... Чтобы в

последующие дни местонахождение этого города с его храмами и богами не могли вспомнить, я стер его окончательно потоками воды и превратил это место в луг... Я собрал пыль Вавилона в качестве подарков самым далеким народам, и в храме новогодних торжеств я установил ее в закрытом ларе».[13]

Превращение Вавилона в озеро — покрытие культурных земель водой, возвращение города Мардука в первобытный хаос — было оскорблением бога. Синаххериб еще более осложнил ситуацию, приказав снова присоединить государство Мардука к Ассирии. Вдобавок пыль Вавилона стала страшным предупреждением богам других народов.

Наконец-то вавилонская проблема была решена. Но вот о принце Ашшур-надин-шуми ничего больше слышно не было. Эламиты не потребовали выкупа — похоже, они предпочли замучить его до смерти просто из ненависти к Ассирии. Охота за халдеями, которые осмеливались открыто пренебрегать царем, обрекла на смерть старшего царского сына.

С остальными детьми Синаххерибу не повезло. Через семь лет, в 681 году до н. э., два младших сына убили его во время жертвоприношения богу Набу, покровителю писцов и каллиграфии, в его храме в Ниневеи.[16]

Синнахериб умер царем Ассирии и Вавилона, правителем Ассирийской империи, на вершине славы. Но, несмотря на все его победы, на усилившееся положение империи, на города, которые он разорил, на взятых в плен и на завоеванные сокровища, Синаххериб оказался гораздо более известен в древнем мире провалом осады Иерусалима. Благодаря лорду Байрону именно это единственное поражение, а не бессчетные успехи в его военной карьере, помнит большинство англоговорящих студентов.

Ассирияне юли как на стадо волки,
В багреце их и в злате сияли полки,
И без счета их копья сверкали окрест,
Как в волнах Галилейских мерцание звезд.

Ангел смерти лишь на ветер крылья простер
И дохнул им в лицо, и померкнул их взор,
И на мутные очи пал сон без конца,
И лишь раз поднялись и остыли сердца.

И Ассирии вдов слышен плач на весь мир,
И во храме Ваала низвержен кумир,
И народ, не сраженный мечом до конца,
Весь растаял, как снег, перед блеском Творца![162]

Сравнительная хронология к главе 52

Ассирия и окружающие земли	Египет, Израиль и Иудея
Шамши-Адад V (823–812 годы до н. э.)	
Шаммурамат (Семирамида)	
Адад-нирари III	Двадцать третья и двадцать четвертая династии
Аргишти (Урарту)	

Салманасар IV (782–770 годы до н. э.)
Ашурдан III (771 -754 годы до н. э.) Набопаласар (Вавилон), Ашшур-нира-ри V (753–746 годы до н. э.) Двадцать пятая династия (Нубийская) Пианхи (747–716 годы до н. э.) Тиглатпаласар III, Сардури I (Урарту) Мидас (Фригия) Ахаз (Иудея) Салманасар V, Меродах-баладан (Вавилон) Саргон II (721–704 годы до н. э.) Иосия (Израиль) Хизкия (Израиль) Шабака (падение Израиля) Синаххериб Тирхака (690–664 годы до н. э.)

Глава пятьдесят третья
Падение правителя

В Китае с 771 по 628 год до н. э. гегемон получает царскую власть, изгнав варваров

Пин, выживший наследник рода Чжоу, сбежал на восток и поселился в Лояне. Этот город был своего рода двойником столицы. Князь Чжоу, который создал город триста лет тому назад, строил дворцы Лояна и его храмы на западной стороне; ссыльные из Шан, которых отправляли сюда, чтобы убрать их из центра царства Чжоу, селились в основном в восточных пригородах.[1]

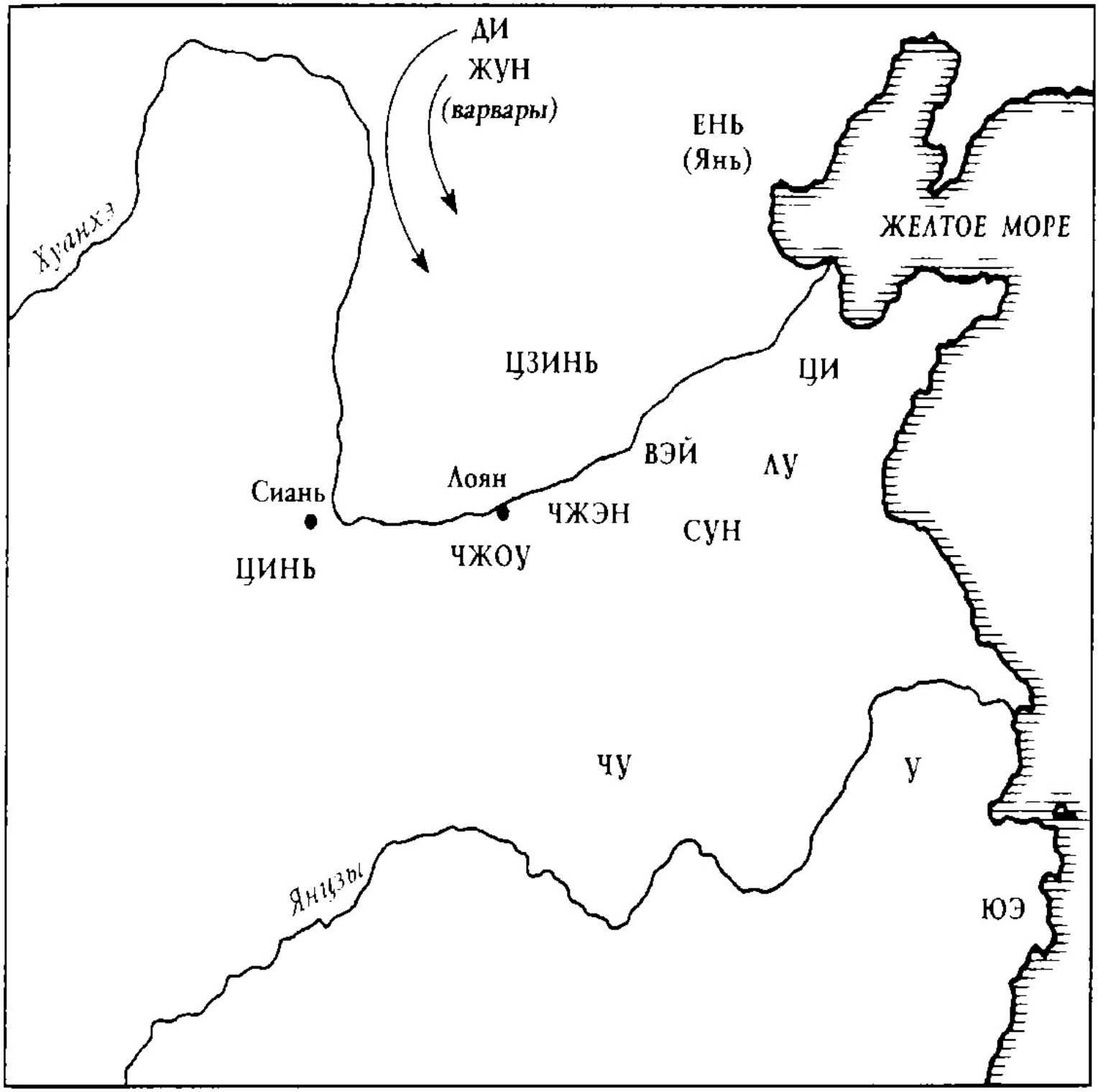
В царском комплексе на западной стороне Пин думал о вставших перед ним проблемах. Его западная граница трещала под натиском постоянных вторжений варваров. Внутри знатные люди с амбициями были не прочь отхватить себе кусочек страны — или даже ее всю.

Пин нейтрализовал угрозу с запада, уступив старую территорию царства государству Цинь. Этот шаг может показаться поражением — но на самом деле Пин ловко взвалил ответственность за взаимоотношения с варварами на князя Цинь и его армию. Скинув с плеч внешние проблемы, он смог заняться внутренними.

Материалы, относящиеся к первому веку после возникновения Восточного Чжоу, крайне скудны,[163] но сохранившиеся записи дают нам возможность увидеть, как аристократы кружат друг вокруг друга, обманывая один другого и не спуская настороженных глаз с царя. Тем не менее за пятьдесят лет своего правления Пин практически не вмешивался в ссоры знати. Это стремление избежать внутреннего конфликта дало ему прозвище «Пин Мирный».

Почти немедленно могущественные владыки начали осторожно забрасывать сети на близлежащие, более мелкие царства. «Во время правления царя Пина, — пишет Сыма Цянь, — среди феодалов сильный присоединял слабого. Ци, Чу, Цинь и Инь разрослись как основная сила, и национальная политика осуществлялась местными владетелями».[2]

На полтысячи лет ранее Китай состоял из 1763 отдельных территорий. Теперь государства сливались вместе, как капли воды на гладкой поверхности, образовав в конце концов двенадцать основных центров власти: Ци, Чу, Цинь и Инь, которые упоминает Сыма Цянь, а также семь других государств — Янь, Лу, Вэй, У, Юэ, Сун и Чжэн, а также земля Чжоу вокруг Лояна. Предположительно их окружали 160 более мелких владений, каждое из которых гордилось собственным городом [164] со стеной и военачальником.[3]

Государства Восточного Чжоу

От Пина царский венец перешел к его внуку — своего сына он пережил за долгое и мирное правление. За пятьдесят с лишним лет пребывания Пина на троне никто не бросил вызов его правлению, но теперь становилось ясно, что знать окружающих Чжоу земель не намерена долго терпеть церемониальное царствование.

Первое проявление недовольства пришло со стороны лидера мелкого государства Чжэн на восточном конце Чжоу. «Князь Чжуан из Чжэн пришел ко двору, — пишет Сыма Цянь, — и царь Хуань обошелся с ним не по этикету».

Чжуану следовало быть лояльным по отношению к Чжоу; как он, так и правитель государства Цинь, чьи земли теперь окружали земли Чжоу с трех сторон, происходили из того же клана, что и правители Чжоу.[4] Но правитель государства Чжэн оказался очень обидчивым.

Требования «этикета», по-видимому, включали признание силы князя и его права — а Хуань не стал оказывать своему дальнему родичу должного уважения.

Князь Чжуан ответил на обдиду, захватив для собственного пользования одну из царских резиденций; она располагалась на территории Су, маленького и неопасного государства южнее и Чжэна, и столицы Чжоу. Но то был дворец, где царь поклонялся богам — это означало, что захват Чжуана являлся заявкой на власть и над Су, и над отправлением религиозных обрядов царя. А ведь религиозно-церемониальная роль была одним из немногих проявлений власти, оставленных царю!

Царю Хуаню потребовалось целых восемь лет, чтобы подготовить себя к возмездию — или привести в нужную форму солдат. «Через тринадцать лет, — повествует Сыма Цянь, — царь атаковал Чжэн».[5]

Нападение оказалось неудачным. Сам царь Хуань был ранен стрелой во время битвы и вынужден был отступить, оставив княжество Чжэн ненаказанным, а Су в руках своего врага. Но хотя Чжэн игнорировало царский авторитет, его князь не стал продвигаться дальше. Слабая, но все же осязаемая идентичность, которая связывала государства Китая в один народ, зависела в большой степени от их желания принимать номинальное господство Сына Неба. Без его объединяющего правления, наброшенного, как сеть, на все владения страны, они бы рассыпались — и тогда северные и западные варвары двинулись бы на них и порознь разбили отдельные государства одно за другим.

В правление внука царя Хуаня, царя Си, вернулась угроза нападения варваров.

Враждебные племена в Китае называли И и Ди. Большей частью эти кочевники жили на высокогорьях и никогда не признавала власти других господ или царей. Армия Чжоу была не в той форме, чтобы противостоять их нападению: «[Положение] Сына Неба стало смиренным и слабым, — говорит «Гуань-г^зы», книга исторических эссе, написанная минимум на двести лет позже и собранная еще через триста лет после того). — Феодалы тратили силы, нападая [друг на друга/. Южные И и северные Ди вовлекали Срединные Земли в борьбу, и дальнейшее существование Срединных Земель у казалось, [висело] на тонком волоске».[6]

«Срединными Землями» были Чжэн, Вэй, Цинь, а также земли самого Чжоу — исторический центр Китая. Видя угрозу поглощения своих земель на западе, новый князь Ци приступил к действиям. «Он хотел оставить жить то, что умирало, — рассказывает Гуань-цзы, — и сохранить то, что прекращало свое существование».[7]

Князь земли Ци, молодой человек, который только что унаследовал власть, вполне мог хотеть сохранить существование Срединных Земель во имя общности их культуры — но его, вероятно, мотивировали более практичные заботы. Ци занимало северо-восточный край равнины, включая устье реки Хуанхэ, и тянулось до полуострова Шаньдун. Беспорядки вдоль длинной западной границы Ци были бы несчастьем для князя.

Но, похоже, молодому князю ясно представлялось, что царь Си не был способен сохранить безопасность Срединных Земель. Через три года после возведения на трон Си князь объявил себя новым единым военачальником Китая: «На третий год правления царя Си, — без прикрас рассказывает нам Сыма Цянь, — князь Хуань из Ци[165] был признан первым гегемоном».[8] Шел 679 год до н. э.

Притязание на титул гегемона или «высшего правителя» было заявкой на власть над окружающими государствами. Но князь Ци намеревался использовать эту власть для объединения враждующих земель с целью обороны от вторжений племен И и Ди, не говоря уже о других кочевых народах, которые странствовали по высокогорьям и с завистью смотрели вниз,

на плодородные земли Восточного Чжоу. Ведомая князем и его министром Гуань Чжуном, армия Ци заставила другие государства подчиниться ради общего дела. Враждующие владетели, столкнувшись с военной мощью Ци, согласились на некоторое время перестать драться друг с другом, чтобы отправить своих солдат в армию коалиции, которая отправится к границам и отобьет вторжение варваров.

Князь Ци никогда не пытался претендовать на титул царя; он был склонен оставить его представителю Чжоу. Но «царь» больше не означало «правитель», как это было на западе; князь Ци мог править всем Китаем, не нося самого этого титула. С другой стороны, царь Китая все еще имел некую духовную власть, которую даже гегемоны не могли просто так игнорировать. Когда царь Си безвременно умер после коротких пяти лет правления, трон Восточного Чжоу перенял его сын, официально утвердивший ту власть, которую князь взял себе сам: «он присвоил князю Хуаню из Ци статус гегемона».[9]

Снова князь Хуань — который, по-видимому, успешно руководил силами коалиции и отбил вторгшихся варваров — был признан верховным военачальником китайских государств. Он действовал в этом качестве уже многие годы. Но теперь положение гегемона было формализовано и признано самим царем: Китай смог превратиться в «двухголовую» страну, имея и военного, и религиозного лидера.

В год, когда на трон Восточного Чжоу взошел внук Си, царь Сян, гегемоном все еще был князь Хуань из Ци, который теперь провел уже несколько десятилетий в борьбе за Китай. Неожиданно он обнаружил, что теперь вынужден бороться совсем с другим типом вторжения.

Вторжение началось как спор между братьями. Шу Тай, сводный брат царя Сяна, хотел сесть на трон сам; чтобы получить солдат для своего переворота, он послал людей к племенам варваров Ди и Жун, пытаясь договориться о союзе. По его плану солдаты Ди должны были вторгнуться в Цинь, государство, которое лежало между варварами на севере и землями Чжоу. Тем временем второе племя, Жун, пройдет в столицу Чжоу через землю Цинь, пока тамошние войска будут заняты отражением вторжения Ди. Войска Жун захватят дворец, убьют Сяна и вместо него посадят на трон Шу Тая.

Когда царь Сян узнал об этих секретных переговорах, он приказал арестовать и убить брата. Шу Тай почуял угрозу ареста и сбежал к гегемону, прося убежища.

Для гегемона ситуация оказалась щекотливой. Если он откажет в защите Шу Таю, то признает этим, что боится власти царя. Если, с другой стороны, он предоставит ее, то заявит этим о враждебности царю и может навлечь неожиданные неприятности на собственную голову.

Он выбрал середину. Проигнорировав вероломство Шу Тая, гегемон послал двух своих министров заключить договоры между Чжоу и племенем Жун, а также между княжеством Цинь и вторгшимися Ди. Вероятно, переговоры оказались успешными. Атаки были отбиты; Шу Тай, по-видимому, сделал все от него зависящее, дабы показать, что он никогда не участвовал в этой интриге; таким образом, беду предотвратили.

То был вид борьбы за власть, весьма отличный от столкновений, идущих на дальнем западе. Цари древнего Ближнего Востока были пойманы в заколдованный круг; любой царь, который не отбывал немедленно с завоеванной территории, рисковал потерять часть своей собственной земли — лакомого куска для другого противника, который, вероятнее всего, и говорил на другом языке, и поклонялся другим богам. Конфликты же между китайскими государствами были больше похожи на стычки между двоюродными братьями, когда на летние месяцы все в конечном итоге собираются на одной и той же даче, вне зависимости от того, как сильно враждуют остальное время. Китайские правители проявляли много амбиций, пытаясь

объединить другие земли под своей властью — но значительно более утонченных, а не звенящих мечами и оружием, как это происходило на западе. Строители империи добивались лучших результатов, когда могли выказать себя радетелями Китая на фоне остального мира, объединяя государства в борьбе против угрозы варваров извне.

Через шесть лет после переговоров о безопасности земель Чжоу и Цинь от варваров гегемон умер, не передав власть наследнику. В вакууме власти, оставленном после ухода гегемона, царь Сян совершил пробную попытку перехватить его военный авторитет и вернуть полноту власти назад, в царский дом.

Почти сейчас же он получил наглядную отповедь; маленькое государство Чжэн продемонстрировало свое недопонимание и бросило одного из царских послов в тюрьму. Царь Сян решил жестко наказать это оскорбление царской власти.

К несчастью, он выбрал совершенно неверную стратегию. Он предложил вождю племени Ди жениться на его дочери и сделать ее царицей, если варвары Ди помогут ему войти в Чжэн и наказать его.

Хроника «Вёсны и Осени», составленные не менее чем через триста лет после события, вкладывает в уста одного из советников Сяна ужасное предсказание. С Ди нельзя заключать союз, предупреждает советник, они не такие, как Чжоу, они другие как минимум по четырем аспектам. «Те, чьи уши не могут слышать гармонию пяти звуков, глухи, — объясняет он, — те, чьи глаза не различают пяти цветов, слепы; те, чьи умы не подкреплены стандартами добродетели и праведности, капризны; те, чьи рты не выговаривают слов преданности и доверия, просто глупые болтуны. Ди подтвердили все эти четыре греха».[10]

Сян не обратил на предупреждение никакого внимания. По словам Сыма Цяня, «через пятнадцать лет царь послал силы Ди атаковать Чжэн и стал готовиться сделать принцессу варваров Ди своей царицей».[11]

Что случилось потом, Сыма Цянь подробно не описал — но, очевидно, вторжение провалилось. Государство Чжэн осталось, а через год после вторжения Сян решил выставить новую жену прочь.

Тогда Ди развернулись и вторглись в столицу самого Чжоу. Сян сбежал. Шу Тай, его сводный брат, ставший старше, но не умнее, снова появился на сцене и предложил короновать себя. Ди, которые первоначально были призваны в это дело именно Шу Таем, с энтузиазмом согласились; Шу Тай женился на отвергнутой сводным братом принцессе варваров и провозгласил себя царем. Он также построил новый царский дворец в Вэне, в тридцати милях от старой царской резиденции брата на реке Хуанхэ.

Однако стратегия Шу Тая по созданию империи оказалась не более удачной, чем у брата. Царь Сян инкогнито прибыл в Цинь, появился при дворе правителя Цинь, князя Вэня, и попросил помощи для борьбы с варварами. Теперь у правителя Циня появилась возможность повторить ловкий ход князя Ци; он собрал своих солдат, послал их выдворить Ди из дворца Чжоу и убил Шу Тая собственными руками. Что произошло с принцессой Ди, осталось неизвестным.

Затем он использовал своих солдат, чтобы восстановить на троне царя Сяна. Не удивительно, что Сян согласился потом признать циньского князя Вэня гегемоном, наследником власти Верховного владыки. Вдобавок Сян передал Циню большой кусок плодородной земли.

Новый гегемон применял свою власть так активно, что, в отличие от своего предшественника, почти почти добился императорской власти. Через три года после того, как его объявили гегемоном, он посылал царские приказы Сяну: «В двадцатом году, — пишет Сыма Цянь, — князь Вэнь из Цинь вызвал царя Сяна. И царь Сян поехал увидеться с ним». В анналах

Сянь это записано обтекаемо: «Небесный Царь провел инспекционную поездку».[12] Он действительно проверил власть гегемона — и обнаружил, что власть царя — фикция.

А на юге огромное княжество Чу строило свои планы по устранению варваров, которые носились туда и сюда по землям Цинь и Чжэн, а также в столицу и из столицы Чжоу. Князь Чу* приказал воздвигнуть вдоль своей северной границы огромную, так называемую «Квадратную Стену». Это была стена, которая защищала его не только от варваров, но также от амбиций нового гегемона. Квадратная Стена блокировала возможный путь армии Циня, если бы направилась прямиком на восток из земли Чжоу на территорию Чу.

Теперь Чу и Цинь смотрели друг на друга с севера и с юга от робкого царя Чжоу, через его голову. С востока и с запада княжества Цинь и Ци также смотрели друг на друга; Ци ослабело по сравнению со своим прежним выдающимся положением земли гегемона, но ни в коем случае не лишилось внутреннего порядка, а Цинь владело старыми землями Западного Чжоу. Баланс власти в Восточном Чжоу изменился: теперь она сосредоточилась в этом треугольнике мощных государств — с номинальным царем Чжоу, съежившимся в его центре.

Сравнительная хронология к главе 53

Ассирия и окружающие земли	Китай
Ашурдан III (771 -754 годы до н. э.)	Восточное Чжоу (771–221 годы до н. э.)
	Пин
Апппур-нирари V (753 -746 годы до н. э.) Набопаласар (Вавилон)	
	Князь Чжуан из Чжэна
Тиглатпаласар III, Сардури I (Урарту)	
Мидас (Фригия)	

* Не преминем заметить, что название племени Чу автор пишет в транскрипции пиньинь (Chu), а княжества Чжэн — в транскрипции Уэйда-Джайлса (Cheng). (Прим. ред.)

Салманасар V, Меродах-баладан(Вавилон) Саргон II (721–704 годы до н. э.) Хуань Синаххериб Чжуан Си, князь Ци Сян Князь Вэнь из Цинь

Глава пятьдесят четвертая
Ассирийцы в Египте

Между 681 и 653 годами до н. э. Фригия падает к ногам варваров, а ассирийцы заново отстраивают Вавилон и теряют Египет

Со смертью Синаххериба в храме Набу, в Ассирии разверзлись двери ада.

Два претендента сбежали согласно записям, сохранившимся в книге Исайи, «в землю Арарата».[1] Вероятно, это означает, что они бежали на север, в горы Урарту. Это царство снова собралось вместе после самоубийства Русы I; новый царь, его внук Руса II, начал перестраивать свою армию. Он благополучно вытеснил отсюда ассирийцев и предложил гостеприимство

убийцам Синнахериба.[166]

Тем временем соревнование между оставшимися сыновьями Синаххериба вылилось в полномасштабную войну за престол. Окончательный победитель, младший сын Асархаддон, написал на призме (каменная колонна с шестью или десятью гранями), найденной в руинах его дворца:

> О, старшие братья, я моложе вас был,
> но по выбору Ашшура и Шамаша, Бела и Набу
> отец мой выделил из остальных братьев меня.
> Он спросил Шамаша: «Это ли мой наследник?»,
> и боги ответили: «Этот и есть Я второе твое»...
> А потом с ума сошли мои братья:
> Выхватили мечи свои нечестивые, прямо в Ниневеи,
> Но Ашшур, Шамаш, Бел, Набу и Иштар,
> все боги взглянули с гневом на деяния подлецов,
> сил их лишили и поставили ниже меня.[2]

Очевидно, что Асархаддон победил в споре за корону — но рассказ об его признании отцом до убийства старика звучит очень похоже на сказку, придуманную ради соблюдения законности. И мягко говоря, странно, что Асархаддон не имеет прямого отношения к убийству Синаххериба. Но он явно не хотел, чтобы дело рассматривали слишком внимательно.

Оформив должным образом свое восхождение на трон, Асархаддон получил империю, окраинные области которой уже начали откалываться. Официальные письма показывают, что пят-надцать-шестнадцать основных городов, центров ассирийских провинций, перестали платить дань, а Синаххериб никак не побеспокоился востребовать с них долги.[3] И что еще хуже — как только весть о смерти Синаххериба дошла до руин Вавилона, там началось восстание халдеев под предводительством не кого иного, как сына старого Меродах-баладана. Звали его Набу-зер-кетти-лишер, и он правил бит-якинами у берегов Залива уже несколько лет. Теперь он собрал своих соплеменников и направился завоевывать город Ур — первый шаг на пути к осуществлению претензий на старую вавилонскую территорию.[4]

Асархаддон, который, должно быть, почувствовал, что дух Меродах-баладана собирается постоянно терзать царей Ассирии, послал солдат, чтобы подавить беспорядки. Набу-зер-кетти-лишер бежал в Элам, но там к великому своему удивлению обнаружил, что новый царь Элама не имеет намерения провоцировать нового правителя Ассирии. Он был арестован и, все еще в состоянии сильного удивления, казнен.[5]

Асархаддон почти срезу же начал инвестировать в Вавилон денежные и людские ресурсы.

Разрушение Синаххерибом города в гневе не прошло гладко и не было воспринято с восторгом многими придворными, а также большинством его собственного народа: боги Вавилона были слишком близки ассирийцам, и свержение статуи Мардука в Вавилоне многими воспринималось как оскорбление, которое просто вопияло о священном возмездии. Личные записи Асар-хаддона говорят, что он хотел восстановить Вавилон из любви к Мардуку. Это поставило перед ним проблему; если он потратит слишком много времени и сил, заглаживая оскорбление Мардука, то тем самым признает вину своего отца — то есть отсутствие у него благочестия, потенциально ставящее под сомнение его собственные претензии на избранность богами.

Он блестяще обошел этот казус, исхитрившись описать разрушение Вавилона без

упоминания имени отца. Его рассказ о затоплении Вавилона предполагает, что ничья человеческая рука не сыграла роли в этом разрушении:

> В правление царя предыдущего дьявола знаки в Вавилоне стали являться.
> Расцвели преступления, ложь и бесчестие,
> дурно жители обращались с богами,
> не несли подношений им и не молились,
> сокровища храма ушли в подношенья Эламу,
> туда перешли Вавилона богатства.
> Воды Арахту -канала в руинах оставили город,
> пустошью стал Вавилон, бывший ранее садом,
> тростники с тополями заполнили город заброшенный,
> и оставили боги с богинями милые сердцу места,
> разбежались и жители в поисках крова надежного.[6]

Это было насилием над историей, но блестящим пропагандистским ходом: повторение «до меня» снимало обвинение с Асархаддона, не привязывая его к отцу; объяснение, что боги покинули Вавилон, пылая священным гневом, а не были вывезены на ассирийских телегах; предположение, что Мардука особенно взбесил союз с Эламом; скромная ссылка на «предыдущего царя»; главное же — горестные стенания в адрес «вод Арахту» (в противоположность куда более правдивому: «Ассирийские солдаты запрудили его кусками разбитых вавилонских стен»).[1]

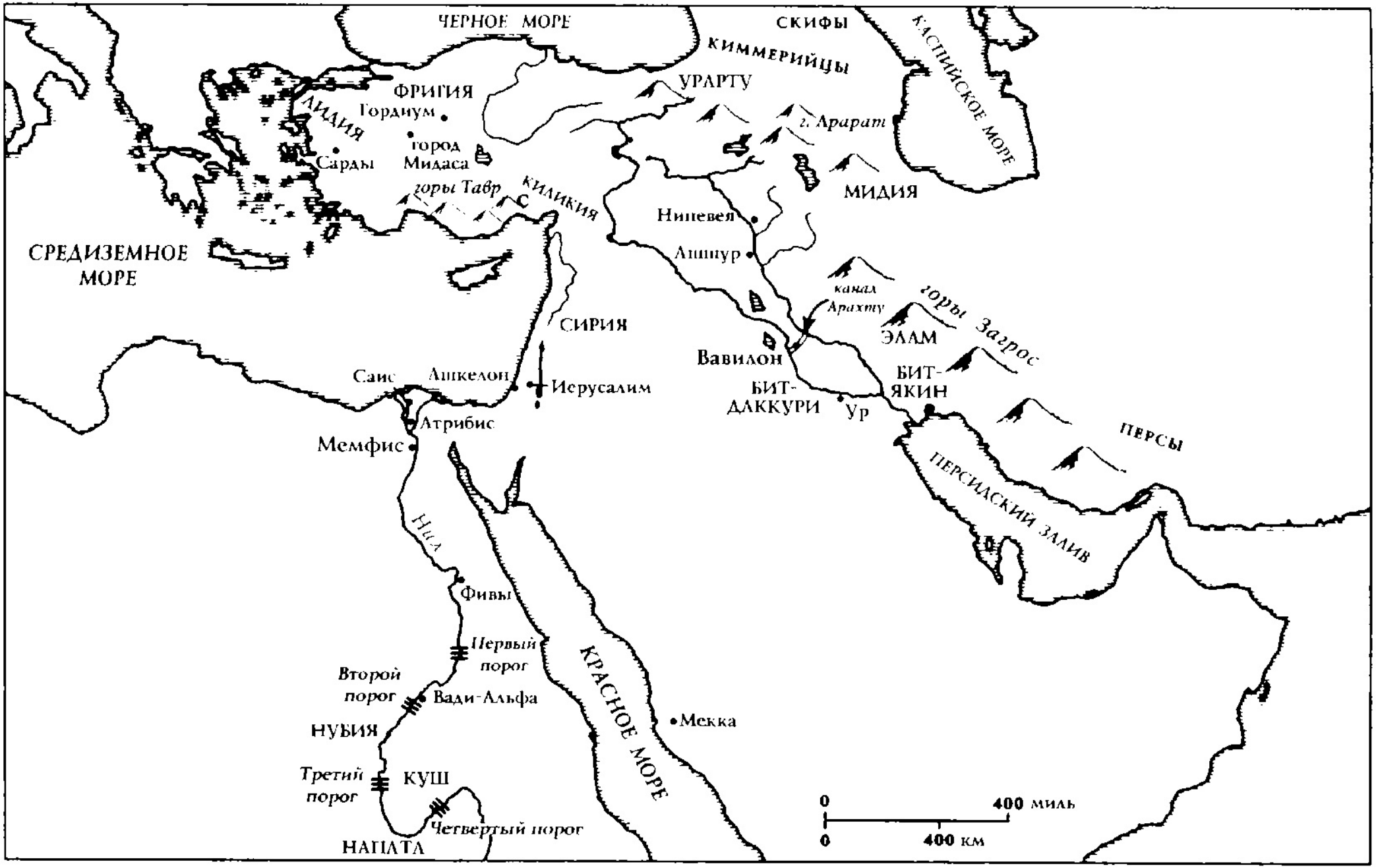
Статуя Мардука осталась в Ассирии, как напоминание горожанам, что их бог живет теперь с правильным царем Вавилона. Но Асархаддон, действуя как представитель бога, перестраивал храмы и дома и заново прокладывал улицы. Он вписывал похвалы себе прямо в дорожное покрытие: на кирпичах, которыми был выложен подход к громадному храмовому комплексу Эсагила, было выложено: «Для бога Мардука Асархаддон, царь мира$_{y}$ царь Ассирии и царь Вавилона, создал дорогу к Эсагилу, и Вавилон сияет обожженным кирпичом из ритуально очищенной печи»?

Халдейское племя бит-даккури, родственное племени бит-якинов Меродах-баладана, решило теперь подружиться с Вавилоном. Его вожди послали в Вавилон письмо, предлагая союз, но Асархаддон, который не был намерен верить халдеям, ответил им резко. Его «Слово царя не-вавилонянам» начинается кратко:

«...настоящим я возвращаю вам ваше бессмысленное письмо ко мне с нетронутыми печатями. Вероятно, вы спросите: „Почему он вернул его нам?”Когда жители Вавилона, мои слуги, любящие меня, пишут мне, я открываю их письма и читаю их. Но правильно ли с моей стороны принимать и читать письмо от рук преступников?»[9]

За возвращенным письмом последовали войска: Асархаддон послал ассирийских солдат вытеснить халдеев с южных земель Вавилонии, назад в их болота.

Тем временем на северо-востоке разрасталась новая опасность. Кочевые племена, которые давно уже бродили по берегам Каспийского моря, стали собираться вместе возле земель мидян и персов. Ассирийцы называли вновь прибывавши «ги-мирраи»; позднее они стали известны как киммерийцы.

ЧЕРНОЕ МОРЕ
СКИФЫ
КИММЕРИЙЦЫ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
УРАРТУ
г. Арарат
ФРИГИЯ
Гордиум
ЛИДИЯ
Сарды
город Мидаса
горы Тавр
КИЛИКИЯ
МИДИЯ
Ниневия
Ашшур
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
канал Арахту
горы Загрос
ЭЛАМ
СИРИЯ
Вавилон
БИТ-ЯКИН
Саис
Ашкелон
Иерусалим
БИТ-ДАККУРИ
Ур
Атрибис
ПЕРСЫ
Мемфис
ПЕРСИДСКИЙ ЗАЛИВ
Нил
Фивы
Первый порог
Второй порог
Вади-Альфа
КРАСНОЕ МОРЕ
Мекка
НУБИЯ
Третий порог
КУШ
Четвертый порог
НАПАТА
0
400 миль
0
400 км

Киммерийцы, как множество других горных племен, лучше всего умели сражаться.[167] Их походы вдоль северной ассирийской границы доходили до Киликии на краю Малой Азии они также подружились с царем Урарту Русой II (все еще, вероятно, прячущим принцев-отцеубийц где-то в своих горах).[10] Это заставляло Асархаддона опасаться альянса киммерийцев с Урарту.

Пытаясь усилить свою северную столицу, Асархаддон заключил пробный союз со скифами — второй группой кочевников, которые просачивались с Кавказских гор на севере Черного моря. Это обеспечило ему дополнительные силы, чтобы сдерживать киммерийцев и Урарту, но царь не до конца доверял новым союзникам. Гадальные таблички времени правления Асархаддона, на которые были занесены его официальные запросы богу-солнцу Шамашу, чтобы представить их в храме, фиксируют беспокойство царя:

«Шамаш, великий Господин, может Руса, царь Урарту, идти со своими войсками, к киммерийцам (или любым их со-юзникам), чтобы вести войну, убивать, грабить и унести добычу?

Шамаш, великий Господин, если я отдам одну из своих дочерей в жены царю скифов$_y$ будет ли он говорить слова доверия мнеу правдивые и честные слова о мире? Будет ли он соблюдать договор со мной и делать то$_9$ что нужно мне?

Шамаш, великий Господин, нападут ли войска киммерийцев, или мидян, или любого другого врага? Будут ли они пытаться захватывать города при помощи подкопов, штурмовых лестниц, досок и таранов, и не простая ли это уловка — договор о мире?»[11]

На все эти вопросы не было дано ясного ответа.

Асархаддон оказался втянут в войну в 676 году, когда кочевники-киммерийцы прошли так далеко на запад, что достигли границ Фригии.

Процветающие фригийцы не были беспомощными. Их поселения — каменные здания, расположенные на вершинах холмов, основания которых все еще видны через тысячи лет — были изначально приспособлены для обороны. Их самые характерные памятники, «фасадные монументы», все еще усеивают пейзаж: каменные башни, поднимающиеся в небо, с глухой передней стеной и фальшивой дверью в ней. Монумент Мидаса в городе Мидас развернут к восходу, как почти все другие аналогичные строения. Каждый день на заре его серая поверхность на несколько мгновений ярко освещается солнцем, а ложная дверь сверкает.[12]

Но скорость и ярость киммерийского вторжения застали фригийцев врасплох. Их армия отошла к столице Гордиум, а беженцы из сельской местности влились в город, надеясь на защиту его стен. Однако киммерийцы преодолели стены и подожгли город. Фригийский царь Мидас, внук того Мидаса, который правил во времена Тиглатпаласара, понял, что поражение неизбежно. Он покончил с собой в цитадели; римский географ Страбон, живший шестью сотнями лет позднее, говорит, что Мидас совершил самоубийство, выпив кровь быка.[13] Очень странная и безрассудная смерть.

Асархаддон двинул вперед собственную армию, чтобы встретить опасность на чужой территории. Две армии сошлись в Киликии, и Асархаддон объявил о победе. Он собственными руками убил киммерийского царя Теушпу, как хвастался в надписях.[14]

Атака Асархаддона остановила вторжение киммерийцев и спасла запад Малой Азии от хаоса. Но Фригия пала. Разбросанные по полуострову деревни никогда больше не собрались воедино, а торговые пути, где раньше господствовали фригийские купцы, теперь контролировались поселениями, расположенным гораздо западнее. Их жители были известны

как лидийцы. После разорения равнины на востоке лидийский царь Гигес стал самой мощной силой во всей Малой Азии.

К этому времени Египет был более или менее объединен под властью нубийских фараонов Двадцать пятой династии, процарствовавшей примерно восемьдесят лет. Тирхака, который «вничью» сразился с Синаххерибом много лет тому назад, был теперь царем Египта. Асархаддон намеревался завершить завоевание, которое начал проводить его отец: «Шамаш, великий Господин, — начинается его следующий вопрос, — следует ли мне идти на Египет и развязывать войну против Тирхаки, царя Куша, и его войск; и будет ли мое оружие и моя армия в этой войне сильнее?»[15] Вероятно, ответ был положительным, потому что ассирийские хроники сообщают: «На седьмом году правления Асархаддона ассирийская армия пошла на Египет».[16]

Тирхака долго ждал своей очереди на трон, и он не собирался спокойно сидеть в Дельте, ожидая, пока прибудет Асархаддон. Египетские силы вышли вперед, чтобы встретить ассирийцев у города филистимлян Ашкелон, где к ним присоединилось мужское население этого города. Уже уставшие и ослабленные люди Асархаддона прибыли к Аскалону и увидели объединенного врага. В долгом марше на юг они были вынуждены сражаться с кочевниками аравийских племен, которые видели в длинной ассирийской колонне богатый источник пищи и оружия.

Последовавшее сражение было коротким — армия Тирхаки победила. Асархаддон отступил из Дельты. Тирхака вернулся в Египет, где развернул по всей стране строительные проекты (включая огромный храм Амона в Нубии), чтобы в традиционной египетской манере увековечить свое величие.[17]

Но Асархаддон не ушел. Он только отступил, чтобы снова собрать свои силы. Через два года, в 671 году, он прибыл с отдохнувшей армией, отбросил внешних защитников Египта и прошел вниз через Дельту до самого Мемфиса, где его встретил Тирхака со своей армией. Когда стало ясно, что ассирийская армия одержит победу, Тирхака бежал с поля боя на юг, в свои древние земли. Асархаддон захватил его сына и жену, большую часть остальной семьи и очень много придворных, и увел всех в Ниневею как пленных. Помимо семейства Тирхаки, он взял в плен сыновей различной египетской знати (включая сына царя Саиса, западного города Дельты) и увел их в плен в Ниневею, чтобы воспитать из них ассирийцев.

Ассархадон оставил Египет под контролем правителей, которые дали клятву верности Ассирии.[18] Но их лояльность продлилась лишь до момента, когда Асархаддон оказался в Ниневеи. Лишь правитель Саиса, человек по имени Нехо, остался верным (его сын был заложником в Ниневеи), правители же других городов прекратили следовать приказам ассирийцев почти сразу же, как только хвост ассирийского войска скрылся из виду.

Асархаддон дошел до Ниневеи, развернулся и снова двинулся в Египет, но не достиг его. Он умер на марше к югу.

Асархаддон оставил ассирийский трон Ашшурбанапалу, старшему и любимому сыну; младшего принца Шамаш-шум-укина он назначил правителем Вавилона, суверенным князем под присмотром старшего брата. Через год после коронации Ашшурбанапала Шамаш-шум-укин был официально коронован в Вавилоне. При вступлении в город его сопровождал бог Мардук, который наконец-то возвращался домой. Как заявил Ашшурбанапал в надписи в Вавилоне:

> «Во время моего правления,
> великий наш бог, господь наш Мардук

вошел в Вавилон среди праздничных толп
и занял там дом, ему предназначенный,
вернул Вавилону я его привилегии
и назначил любимого брата, Шамаш-шум-укина
править тут, в Вавилонском царстве».[19]

Затем он поднял меч своего отца против Египта. Тирхака уполз назад на север и попытался вернуть себе трон; Ашшур-банапал прошел сквозь Египет на юг до самых Фив, убивая каждого царя, который забыл о верности Ассирии, но пощадив проассирийски настроенного Нехо из Саиса. На места уничтоженных вассальных царей Ашшурбанапал назначал тех воспитанных в Ассирии египетских принцев, которых его отец когда-то забрал заложниками в Ниневею. Сын Нехо, молодой человек по имени Псамметих, был привезен назад из Ассирии и поставлен царем в восточный город Атрибис, по другую сторону от города его отца. Вместе отец и сын осуществляли верховное руководство всеми остальными городами.[20]

Однако Тирхака уцелел. На этот раз он бежал на юг, в Верхнюю Нубию, и обосновался в Напате, почти у Четвертого порога. Он заявил, что его наследником будет его двоюродный брат — по-видимому, его собственный сын был казнен в Ниневеи. Когда он умер, его кузен Таитамани унаследовал виртуальный титул — само царство находилось под твердым ассирийским контролем. Но затем Таитамани приснился сон:

«В год первый его коронации в качестве царя... Его величество увидел ночью сон: две змеи, одна справа от него, другая слева. Затем его величество проснулся и не нашел их. Его величество спросил: „.Почему я видел это?”Ему пришел ответ: „Южные земли твои; возьми себе также и Северные земли. Две богини сияют над твоими бровями, земля дана тебе по всей ее длине и ширине. Никто не делит ее с тобой».[21]

Тантамани поднялся с постели с пророчеством, звучащим в ушах: возьми назад Египет от ассирийцев и их вассальных царей.

Его ранние победы были легкими; ассирийцы опять ушли, а местные жители не были счастливы под ассирийскими правителями. Тантамани прошел на север вдоль Нила, приветствуемый городами, которые он проходил, собирая за собой союзников. В Мемфисе он встретил первое реальное сопротивление — Нехо из Саиса, который торопился на юг с ассирийской усиленной армией, чтобы остановить нубийского завоевателя.

В последовавшей битве Нехо погиб. Его сын Псамметих взошел на трон, но немедленно обнаружил, что ужасно непопулярен у аристократии Дельты, которая предпочитала нубийское правление ассирийскому; Геродот говорит, что в какой-то момент Псамметиху пришлось даже прятаться в болотах от одиннадцати других правителей Дельты, жаждущих его крови. Его упорно выталкивали назад в Саис, где он мог укрыться за спиной стоявшего там ассирийского гарнизона.[22]

Тем временем Дельта праздновала независимость, и Танта-мани вырезал на памятных стелах победные молитвы Амону («Тот, кого ведет Амон, не может сбиться с пути!»).[23]

Но затем Ашшурбанапал вернулся — на этот раз с большим войском. В 663 году он соединил свои силы с боеспособными войсками Псамметиха, и вместе две армии принялись опустошать Дельту. Тантамани второй раз сбежал на юг, а Фивы впервые за свою историю оказались разграблены и сожжены. Храм Амона был разрушен. Его сокровища были украдены, стены снесены, а два серебряных обелиска, которые стояли в дверях, отвезены в Ниневею.[21] Разрушение Фив было настолько полным, что стало притчей во языцех на древнем Ближнем

Востоке, демонстрацией того, что может произойти с теми, кто пренебрегает ассирийским могуществом. Десятилетиями позднее еврейский пророк Наум попробовал описать случившееся в деталях:

> Фивы на Ниле-реке, водами обнимающей,
> Город рекой, как стеной, защищенный,
> с Кушем, силой его и союзником —
> был все же в плен взят и выслан,
> младенцев его рубили в куски на улице каждой,
> знати Фив судьба тоже бросила вызов:
> все до единого были закованы в цепи.[25]

Затем Ашшурбанапал избавился от всех вассальных царей и назначил Псамметиха единственным фараоном Египта. Египет находился слишком далеко от Ассирии, чтобы держать там огромный гарнизон. Если Ашшурбанапал хотел держать страну в подчинении, он нуждался в полностью лояльном вассальном царе.

Несмотря на ассирийскую идеологическую обработку, Псам-метих оказался не таким. Его желание воевать на стороне армии Ашшурбанипала было уловкой, стратегией человека, который провел всю юность в окружении врагов, оказавшись беспомощным и бездомным, с жизнью, висящей на волоске. Едва заняв трон, он стал медленно выходить из подчинения Ассирии. Он начал переговоры с различными правителями Египта, обещая поделиться с ними властью при новом режиме.

Довольно быстро ассирийский военачальник, стоящий в Сирии, послал Ашшурбанапалу в Ниневею сообщение о растущей независимости поведения Псамметиха; ассирийский наместник медленно, но верно очищал свои города от ассирийских солдат, стоящих там. Ашшурбанапал ознакомился с письмом, но не отдал команды на расправу. Его люди были заняты в другом месте.[26]

К 658 году Псамметих посылает тайные послания Гигесу, царю Лидии, теперь единственному могущественному суверенному правителю в Малой Азии. Симпатизируя положению Египта (все, что уменьшало угрожающую мощь Ассирии, делало его счастливее), Гигес выслал солдат вдобавок к имевшимся у Псамметиха в Египте. Они оставили здесь свой след: ожидая, пока начнется война, и скучая, они нацарапали граффити, которые все еще можно прочитать на стенах храма Вади-Альфа.[27]

К 653 году Псамметих был готов подкрепить свое будущее успехом мятежа. Он удалил всех ассирийских солдат, стоявших в Дельте, выведя их из своей страны на земли западных семитов. Затем он сделал Саис своей столицей, а выдав дочь замуж за самого знатного аристократа в Фивах, распространил свою власть почти до Первого порога.

Дальше к югу Нубия оставалась под меняющимся калейдоскопом местных правителей, постепенно становившихся все более независимыми от египетского влияния. Но севернее Первого порога Египет снова оказался под единым самостоятельным фараоном (пусть пока что номинально все еще подчиненным Ассирии), который претендовал на титул Объединителя Двух земель и благословение главного египетского бога.[28] Впервые за много лет маат — священный порядок — вернулся в Египет. Двадцать шестая династия, Династия Сайте, с центром в Саисе, родном городе Псамметиха, начала отсчет своей эпохи.

Мятеж в Египте оказался не очень удачным для Гигеса. В это время киммерийцы опять

собрались в орду и двинулись на запад. На этот раз ассирийцы отказались вмешиваться; Ашшурбанапал имел зуб на Гигеса из-за лидийских солдат в Египте. Киммерийцы под предводительством своего царя Дугдамме атаковали лидийскую армию, разбили ее, убили Гигеса и разграбили Сарды. Затем Дугдамме двинулся на юг. Это привело его слишком близко к территории Ассирии. Ашшурбанапал хотел, чтобы киммерийцы преподнесли урок другому народу — но не хотел получить их на собственных землях.

Он начал организовывать экспедицию на север, но был напуган затмением, которое его придворные жрецы истолковали как очень дурной знак: «На твою землю совершится нападение, — сказали они своему царю, — и земля будет разорена».[29] К счастью для Ашшурбанапала, вскоре после разграбления Сард Дугдамме заболел отвратительной болезнью, которая вызвала рвоту кровью и гангрену яичек.[30] Болезнь унесла его, и Ашшурбанапал с облегчением смог отменить экспедицию на север.

Сравнительная хронология к главе 54

Ассирия и окружающие земли	Египет, Израиль и Иудея
Ашшурбанапал III (771- 754)	
Апппур-нирари V (753–746 годы до н. э.), Набопаласар (Вавилон)	Двадцать пятая династия (Нубийская)
	Пианхи (747–716 годы до н. э.)
Тиглатпаласар III, Сардори I (Урарту)	
Мидас (Фригия)	
	Ахаз (Иудея)
Салманасар V, Меродах-баладан(Вавилон),	Осия (Израиль)
Саргон II (721–704 годы до н. э.)	Езекия

Шабака, Падение Израиля Синаххериб (704–680 годы до н. э.) Тирхака (690–664 годы до н. э.) Асархаддон (690–668 годы до н. э.) Двадцать шестая династия Ашшурбанапал, Шамаш-шум-укин (Вавилон) Нехо I Фригия пала перед киммерийцами Псамметих I Гигес (Лидия)

Глава пятьдесят пятая
Мидяне и персы

Между 653 и 625 годами до н. э. Агишурбанапал собирает библиотеку и разрушает Элам, а мидяне и персы становятся нациями

Невозможность для Ашшурбанапала поставить на место Псамметиха привела к потере территории, и эта потеря оказалась не последней. Во время его правления границы Ассирии изменились, немного прогнувшись внутрь. Ашшурбанапал был опытным царем — но не Саргоном, он не мог держать всех своих врагов в состоянии постоянной войны, понемногу увеличивая свою империю. Вдобавок он оказался чрезвычайно занят другими приобретениями.

Он был не первым ассирийским царем, который собирал глиняные таблички, но он стал первым, кто считал их собирание важнее самой империи. Он начал заниматься этим организованно: рассылал офицеров по всему царству, чтобы проверяли каждую библиотеку по всей империи и собирали копии каждой найденной таблички: заклинания, пророчества,

астрономические наблюдения, рассказы и сказки (включая компиляции историй тысячелетней давности о древнем герое Гильгамеше), все вместе.[1] По-видимому, библиотека в Ниневеи насчитывала почти тридцать тысяч табличек.

Что касается Ашшурбанапала, его библиотека была прекрасным собранием свидетельств его правления:

«Я, Ашшурбанапал, царь Вселенной, кому боги даровали могучий разум, который достиг глубокой проницательности в самых трудных науках (ни один из моих предшественников не проникал в такие материи), разместил эти таблички в библиотеке Ниневеи для будущего, для радости моей жизни и моей души, для поддержания основания моего царского трона».[2]

Может быть Асархаддон и смог удержать Египет — но интеллектуальная деятельность Ашшурбанапала останется навсегда.

Его земное царство было более хрупким. Царь эламитов готовил вторжение в Вавилон, а к северу от Элама опять объединялся и превращался в угрозу новый враг.

В том же году, когда произошел мятеж Псамметиха, царь эламитов Те-Умман со своей армией начал поход к Вавилону. Вероятно, Те-Умману обещали там теплый прием. Между Ашшурбанапалом и его младшим братом Шамаш-шум-укином, наместником в Вавилоне, со временем нарастала враждебность. Ранние надписи Шамаш-шум-укина вежливо называют Ашшурбанапала «моим любимым братом» и «царем четырех частей света», желают Ашшурбанапалу хорошего здоровья и грозят врагам бедствиями.[3] Но надписи, оставленые в Вавилоне самим Ашшурбанапалом, предполагают, что он годами контролировал дела города.[4] Армия эламитов могла помочь Шамаш-шум-укину освободиться от опеки Ашшурбанапала.

Когда Ашшурбанапал получил известие, что эламиты выступили в поход, он посоветовался с придворными пророками. Они заверили его, что предзнаменования благоприятны, поэтому он предпринял наступление: пересек Тигр и встретил эламитов на их земле. Его армия отогнала их назад до Суз, нанеся им большой урон. «Я запрудил реку телами людей Элама, — хвастается

Ашшурбанапал в надписях, вырезанных на рельефах в Ниневеи, — и когда Те-Улшан, царь Элама, увидел поражение своих войск, он бросился бежать у спасая свою жизнь».

«Те-УммаНу царь Элама, был ранен; старший сын взял его за руку у и они направились к лесу. Но рама его царской колесницы развалилась и упала на него [поймала его в капкан]. Те-Умман в отчаянии сказал сыну: $_{y>}$Возьми лук [и защити нас]!" Но шест$_y$ который придавил Те-Уммана$_y$ царя Элама, также придавил и его сына. С помощью Ашшура я убил их; я отрезал одному голову на глазах у другого».[5]

А рельефы дают еще одну подробность: Ашшурбанапал, очевидно, привез головы с собой и вывесил их в своем саду, где он и его жена обедали под украшенными деревьями. Тем не менее Шамаш-шум-укин сохранил трон. По-видимому, не осталось доказательств, что он переписывался с покойным Те-умманом. Почти немедленно другой враг нацелился на саму Ниневею. Несколькими годами ранее племена мада смогли организоваться в Мидийское царство. Еще до вступления Ашшурбана-пала на престол один местный судья по имени Деиоцез приобрел репутацию справедливого и прямого человека, и она распространилась по всем племенам мидян, пока они не объявили его своим общим вождем. «Как только власть оказалась в его реках, — пишет Геродот, — Деиоцез настоял, чтобы мидяне построили один-единственный город и поддерживали это место».[6] Этим центральным городом стала Экбатана, и когда племена сошлись сюда, она оказалась центром формирующейся нации.

Этот один из самых удивительных городов древности был построен на восточных склонах горы Оронт. Экбатану окружили семью круговыми стенами, каждая следующая от центра располагалась ниже по холму и так далее, так что верх каждой стены был виден за впереди

стоящей.[7] Из стены в виде клиньев выступали оборонительные бастионы, на которых могли размещаться лучники. Бастионы были выкрашены в яркие цвета: на внешней стене — в белый, на следующей — в черный, затем в красный, голубой и оранжевый; бастионы предпоследнего круга были позолоченными с серебром, а внутреннего круга, внутри которого располагался сам царский дворец — покрывались золотом. Экбатана была одним из самых впечатляющих городов в древнем мире: расположившись на высоте шесть тысяч футов над уровнем моря, она сияла на вершине горы как огромная и грозная детская игрушка.

В 675 году сын Деиоцеза Фраорт унаследовал место отца в качестве вождя. Из Экбатаны Фраорт атаковал близлежащую Парсу. Персов, которые были свободным союзом, вел их вождь Ахемен. Персы были завоеваны и стали подчиненным государством. С этого момента, замечает Геродот, Фраорт «с двумя сильными странами под его рукой» решил начать завоевание Азии, «племя за племенем». Он стал царем.

К 653 году Фраорт смог также заключить союз с дикими киммерийцами. Все вместе, мидяне, персы и киммерийцы, решили извлечь выгоду из проблем Ашшурбанапала в Ассирии, чтобы выступить на саму его столицу.

Это оказалось просчетом. В войну вступили скифы, ставшие союзниками Ассирии благодаря династическому браку — сестра Ашшурбанапала вышла замуж за царя скифов. Они поддержали защищавшихся ассирийцев. Войско киммерийцев, мидян и персов было отогнано от стен Ниневеи. Фраорт погиб; скифский военачальник Мадий объявил себя Мадием Скифским, царем мидян и персов.

Через год негодование Шамаш-шум-укина на брата вырвалось наружу. Он повел вавилонских солдат против города Куты, ассирийского аванпоста к северу от Вавилона, в открытой попытке выдворить войска брата из страны. Ашшурбанапал развернул свою армию для сражения; его беспокойство отражено в вопросе богу-солнцу Шамашу, который сохранился с того времени. «Шамаш, великий Господин, — говорит один из ранних вопросов, — присоединятся ли эламиты к войне?» Ответ был утвердительным — и действительно, эламские солдаты вскоре прибыли, чтобы поддержать мятеж Шамаш-шум-укина. После смерти Те-Уммана никто не смог взять трон в Эламе, и армия, по-видимому, пришла сама по себе.

Шамаш-шум-укин засел под прикрытием вавилонских стен, чтобы вести борьбу до конца. «Покинет ли армия Шамаги-шум-укина Вавилон?» — вскоре спрашивает Ашшурбанапал своего бога. Затем же он, демонстрируя некое недоверие к предсказаниям, повторяет: «Одержит ли ассирийская армия победу над Шамаги-шум -укином ?»[8]

Ассирийская армия одержала победу — но лишь после трехлетней осады, которая закончилась голодом и ужасом («Они ели тела своих сыновей и дочерей из-за голода»). Когда город наконец пал, солдаты Ашшурбанапала не проявили никакого милосердия к мятежникам, защищавшим его. Собственная запись Ашшурба-нипала вскользь оправдывает разрушение города Синаххерибом: Вавилон стал слишком большой проблемой. «Оставшихся в живых я убивал на месте, где был убит мой дед Синаххериб, — записал он, — а их разрубленные тела я скормил собакам, свиньям, волкам, орлам, поднебесным птицам, рыбам глубин».[9]

Сам Шамаш-шум-укин погиб не от руки человека, а в огне собственного дворца. Он сам покончил с собой, чтобы избежать мести брата.

Ашшурбанапал приказал похоронить его тело с почестями, посадил на трон своего человека по имени Кандалану и правил Вавилоном через эту марионетку. Кандалану играл эту роль более двадцати лет; на отсутствие у него власти указывает отсутствие в Вавилоне царских надписей с его именем.[10]

А затем Ашшурбанапал начал еще одну войну, которая расширила границы его государства. На востоке разразилась гражданская война за наследование эламского трона; Ашшурбанапал с армией дважды пересекал Тигр, действуя каждый раз с растущей жестокостью, пока не привел всю область напрямую под ассирийское правление. Горели эламитские города. Храмы и дворцы Суз были разграблены. Без какой-либо иной причины, лишь из чувства мщения, Ашшурбанапал приказал вскрыть царские гробницы и забрать в плен кости царей:

> Я забрал их кости в Ашшур,
> Я отобрал у их духов покой,
> Я лишил их питья и пищи.[11]

Он увел в Ниневею в цепях всех, кто мог претендовать в будущем на трон Элама, а также переселил огромное количество горожан Элама далеко от их родных земель; очень много их было расселено на старой территории Израиля, севернее маленькой стойкой Иудеи.

Но это не уничтожило национальной идентичности эламитов настолько, насколько он хотел. Через двести лет правитель этой области писал своему царю, перечисляя все группы, находившиеся под его надзором: среди них он упомянул «эламитов Суз и других, кого великий и благородный Ашшурбанапал переселил, разместив в городе Самария и в других местах Транс-Евфрата»}[2] Даже в ссылке потомки пленных Ашшурбанапала помнили и свои имена, и свои родные города.

Но после почти двух тысяч лет существования страна Элам исчезла. Ашшурбанапал знал лишь два способа разрешения проблемных моментов в своей империи: полное разорение или полное пренебрежение. Египет находился достаточно далеко, поэтому удостаивался второго способа, Элам же расположился слишком близко для пренебрежения, поэтому удостоился первого.

Это был не мудрый шаг. Ашшурбанапал не восстановил страну после разрушения. Он не поставил сюда правителя, он не переселил никого в опустошенные города, не сделал попытки образовать новую провинцию Ассирии. Осталась только пустая земля — Элам лежал открытый и незащищенный.

Первое вторжение было осторожным; вождь персов Теушпа занял старое эламитское поселение Аншан и объявил его своим. Ашшурбанапал ничего не предпринял, чтобы остановить его. Ничего не сделал и более сильный, чем Теушпа, Мадий Скифский, теперь занявший место верховного царя Мидии и Персии. Даже когда Теушпа начал именовать себя «царем Аншана», возмездия не последовало. Видимо, титул «царь» сопровождался достаточно верноподданическим поведением и выплатами дани, хотя племена персов и стали распространяться по земле эламитов. Именно эта земля, а не земли, которые они занимали в свои ранние дни, стала известна по их названию: Персия. Именно тут они приняли одежду эламитов — длинные церемониальные хламиды, которые позднее стали считаться национальной персидской одеждой.[13]

Через три или четыре года Теушпа умер и оставил труды по управлению Персией своему сыну Киру. Как и его отец, Кир осуществлял власть над персидскими племенами под рукой Мадия Скифского; и, как и его отец, он называл себя царем Аншана. Мадий Скифский продолжал править из Экбатаны, а Аншан был второстепенным городом.

Последние годы правления Ашшурбанапала были отмечены усиливающимся хаосом, надписи стали фрагментарными, хроники неполными. Но если судить по его отношению к Эламу, царь становился все более беззаботным в управлении своими провинциями. Может быть,

он заболел или состарился; с 630 года и до самой смерти в 627 году империей от его имени и в его интересах правил его сын Ашшур-этил-илани.

Разумеется, соседние государства делали, что хотели, поскольку не боялись больше вмешательства Ассирии. Мидяне и скифы начали проводить вооруженные экспедиции в Урарту, закрывая один горный проход за другим, блокируя одну крепость, а затем другую; в стенах цитаделей Урарту, откопанных двумя тысячелетиями позднее, были найдены скифские наконечники стрел, впившиеся в них, как мушкетные пули.[14] На северной границе Урарту были обнаружены обрушенные деревянные крыши города Тейшабаини (теперь Кармир-Блур), усыпанные закопченными наконечниками скифских стрел. Горящие стрелы, засылаемые в город, поджигали его.[15]

В землях западных семитов царь Иосия из Иерусалима наведывался в бывшие израильские земли, ставшие теперь ассирийской провинцией, разбивая святыни и оскверняя алтари людей, поселившихся тут во время ассирийской депортации, разбрасывая на них человеческие кости.[16] Тем временем скифские войска прошагали мимо Иудеи вниз, к Египту, угрожая тому вторжением, пока Псамметих не вышел навстречу и не договорился с ними. «Сочетая дары и мольбу, он уговорил их не идти дальше», — пишет Геродот. А внизу, у оконечности Персидского залива, все еще действовало проклятие Меродах-баладана; халдейский вождь Набопаласар, внучатый племянник старого мятежника, потихоньку продвигал своих людей к стенам Вавилона.[168]

На все это Ниневея никак не отвечала.

Когда Ашшурбанапал наконец умер в 627 году, беспорядки охватили почти все части империи. Ашшур-этил-илани стал царем Ассирии, но его брат немедленно пошел на Вавилон и взял его себе. А Набопаласар шел наверх с юга, чтобы самому попытаться сесть на вавилонский трон. Следующие шесть лет шло трехстороннее сражение между ассирийцами в Ниневее, ассирийцами в Вавилоне и Набопаласаром, который не смог взять сам Вавилон, но осаждал один за другим ближние города.

В разгар этой неразберихи мидяне ударили по своим скифским владыкам, которые теперь правили ими уже двадцать восемь лет. Скифы, которые были воинами, а не администраторами, делали все, чтобы как можно сильнее разозлить подвластные земли. «Не было такого, чтобы они пользовались определенными налогами от своих подданных, — замечает Геродот, — но если налог оказывался по их мнению недостаточным, они просто носились верхом вокруг и отбирали у людей их имущество».[18]

Мидяне, раздраженные таким обращением, использовали жадность скифов во благо себе. Сын умершего Фраорта Киарк-сес все еще жил в имении своего отца (скифам, по-видимому, не приходило в голову, что, может быть, стоит убрать его). По Геродоту, Киарксес пригласил скифского правителя и его охрану на банкет в их честь, сильно напоил и убил всех: «Так мидяне вернули себе империю, — заключает Геродот, — и снова приобрели контроль над некоторыми народами, как прежде». Киарксес стал великим царем над мидянами и персами. Он сразу же реорганизовал армию, чтобы сделать ее сильнее. Он разделил ее на роды войск (пехота с копьями, кавалерия и лучники) и начал тренировать их до совершенства.

На западе не было ничего, кроме хаоса, неорганизованных кочевых племен воинов и умирающего царства Урарту. Мидяне и персы обдумывали, как их подмять.

Сравнительная хронология к главе 55

Мидия	Персия	Ассирия и Персия	Египет и Иудея

Ахаз Салманасар V Саргон II (721 704 годы до н. э.) Езекия Деиоцез Шабака Ахемен Синаххериб(704–680 годы до н. э.) Тирхака(690–664 годы до н. э.) Фраорт Асархаддон(680–668 годы до н. э.) Двадцать шестая династия Ашшурбанапал(668–626 годы до н. э.) Нехо I Мадий Скифский Теушпа, Кир I Псамметих I Иосия Ашшур-этил-илани Киарксес

Глава пятьдесят шестая
Покорение и тирания

В Греции, между 687 и 622 годами до н. э Спарта и Афины пытаются уничтожить порок

К моменту смерти Ашшурбанапала греческие колонисты уже основали десятки городов на западе и востоке от своего полуострова. Они построили на азиатском берегу новый город на месте четырехсотлетних руин Трои. Греческие города Халкида и Эретрия, заложившие не менее девяти поселений на Италийском полуострове, также организовали свои поселения к северу от Афин; Халкида послала туда так много людей, что вся область севернее Афин стала известна как Халкидики.[1] Афинский берег был окаймлен греческими городами; греки собрались здесь, по остроумному сравнению Платона, «как лягушки вокруг болота».[2]

Поселенцы, которые отваживались селиться в этих новых греческих поселениях, должны были оставлять свои городские привычки и дома в метрополиях, или «материнских городах», из которых они пришли.[3] Их идентичность как греков заключалась в их способности создавать греческую обстановку на новой земле. Они брали с собой корзины греческого зерна, чтобы сажать его на далеких землях, и горшки с греческими головешками, чтобы разжигать очаги далеко от дома. Поддерживаемые греческой пищей и согреваемые родным огнем, строя свои храмы, рассказывая греческие предания и посылая своих представителей на общегреческие игры, плетя греческие сети, то есть сохраняя образ жизни родного полуострова, они осваивали далекие части света.

Нехватка земли на Греческом полуострове заставляла каждую метрополию отсылать колонистов в дальние земли еще до того, как родной город достигал полного развития. Колонии, окруженные другими народами, росли вместе с родными городами. С самого начала быть греком означало также обладать элементами азиатской, италийской, финикийской и африканской культур. Греческие поселенцы заселили Фракию, землю к северу от Черноморских проливов, где фригийцы давным-давно наладили путь по воде в Малую Азию.[169] Греческие искатели приключений прошли через пролив Босфор в Черное море, вокруг которого люди из Милета — ионического города, который сам был заселен микенскими колонистами более века тому назад, — основали не менее семидесяти колоний. Колонисты, посланные из Мегар (западнее Афин, на полоску земли, которая соединяла Пелопоннес с северной частью Греческого полуострова), заняли два ключевых пункта по обеим сторонам Босфора и построили на его берегах двойники своего города — Византий на западном берегу и Халкедон на восточном.

На острове Тира, где жизнь постепенно возрождалась вокруг кратера вулкана, нехватка земли была особенно сильной. К концу периода колонизации, вероятно, около 630 года до н. э., жители Тиры отобрали одного из каждых двух сыновей и отослали их в Ливию — на африканский берег.

По свидетельству самих выходцев с Тиры, экспедиция высадилась сначала на острове возле

африканского берега, но затем были присланы дополнительные поселенцы («одного из двух братьев... кого отсылали, решало большинство»), чтобы расширить тирскую колонию на материк. Это греческое поселение в Северной Африке стало известно как Кирена.* Но сами жители Кирены запомнили эту историю в куда более неприглядном виде. Они заявляли, что первые колонисты испытывали столь сильный голод и нужду, на своем бесплодном острове, что попытались вернуться на Тиру. Однако:

«жители Тиры отказались пустить их... они стреляли по ним каждый раз, когда их лодки подходили ближе к берегу, и велели плыть назад в Ливию. Так как у них не было выбора, они вернулись».[4]

Через пятьдесят шесть лет после правления двух первых царей Кирены Геродот говорит, что «население Кирены стало много меньше, чем оно было при начале колонизации Ливии».[5] Другими словами, условия жизни на ливийском берегу были такими трудными, что колония едва выживала. Но, несмотря на лишения, на Тире дела обстояли еще хуже. Враждебность жителей Тиры к возвращающимся колонистам, которые снова переполнили бы остров, показывает, что отправка греческих семей в колонии была, литературно говоря, делом жизни и смерти.

Город Спарта в центре Пелопоннеса показал пример другого подхода к проблеме перенаселения.

* Кирена оставалась ничем не примечательным городом вплоть до IV века до н. э., когда она расцвела в крупный центр науки и культуры; она также стала домом для множества сосланных евреев и приобрела славу в средневековых жизнеописаниях святых как родина Симона Ки-ренского, одного из свидетелей, которого заставили нести крест Иисуса, а также родина отца святой Руфи Римской. (Прим. авт.)

ЧЕРНОЕ МОРЕ
пролив Босфор
ФРАКИЯ
Византий
Халкедон
ХАЛКИДИКИ
Троя
г. Парнас
МАЛАЯ АЗИЯ
Халкис
Эретрия
Мегара
ПЕЛОПОННЕС
Афины
Милет
АТТИКА
Мессена
горы Тайгет
Спарта
о. Тира
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Кирена
ЛИВИЯ
0
200 миль
0
200 км

Распространение греческого мира

Жители Спарты были дорийцами, которые поселились на микенских руинах и построили здесь свои города. Спарта располагалась в долине, на восточном берегу реки Эврот, которая текла вниз с гор на севере. Река являлась источником воды, но была мелкой, каменистой, на ней было невозможно судоходство, поэтому у спартанцев не было кораблей. В то время как греческие города на морском берегу посылали кораблями товары в колонии на востоке и западе, спартанцы вооружились, пересекли гряду гор Тайгет на своей западной границе и атаковали город Мессена, который лежал по другую их сторону. Мотивация спартанцев была абсолютно практической: примерно через семьдесят лет спартанский поэт Тиртей, писавший о войне, называет эту страну так: «широко раскинувшаяся Мессена... годная для пахоты и удобная для посевов».[6]

Завоевание не было легким; Тиртей говорит, что спартанцы и мессенцы воевали двадцать лет. Но к 630 году Мессена стала спартанским владением. Теперь Спарта не была простым греческим городом: она стала маленьким царством. В этом царстве завоеванные мессенцы стали сословием рабов, которые производили пищу для своих хозяев, обитая в таких же условиях, какие мы находим повсюду в средневековом феодализме: «как ослы, измотанные ношей, — говорит Тиртей, — из-за тяжкой повинности они несут своим хозяевам половину всей продукции, которую дает земля».[1] Сами спартанцы стали аристократией — народом воинов и матерей воинов.

Спартанское государство было особенным, в древнем мире такого больше не существовало нигде: оно имело двух царей, потомков легендарных братьев-близнецов, которые правили Спартой несколько поколений тому назад, тратя «всю свою взрослую жизнь на ссоры друг с другом».[8] Спартанский народ предпочитал двух ссорящихся царей одному, сосредоточившему в своих руках все полномочия власти.[170]

Система с двумя царями, хотя и порождала свои трудности, предотвращала утверждение монархии месопотамского типа. Спартанцы, в отличие от ассирийцев, не считали святым установлением, что боги выбирают одного человека, который бы правил ими. Утверждение Ашшурбанапала, что он царь «по постановлению великих богов», что он назначен ими для «осуществления верховного руководства», было не только инородным, но и отталкивающим.[9] Страх шумеров перед унаследованной, неограниченной царской властью, кончающейся лишь со смертью, который однажды нашел свое выражение в древних преданиях, активно вернулся в Спарте.

Но даже с двумя царями, играющими в перетягивание каната власти, спартанцы удерживались от полной концентрации управления в руках монарха. Любое древнее царство имело три основных власти: военная, чтобы объявлять войну и руководить армией; судебная, чтобы создавать законы и контролировать их соблюдение; и власть жрецов, чтобы устанавливать добрые отношения с богами. Израиль стал одной из самых ранних наций, которая объединила эту трехстороннюю власть в своих законах, официально объединив роли пророка, священника и царя.

В Спарте цари тоже держали в своих руках все три ветви власти — но со значительными ограничениями. Они были жрецами Зевса и получали прорицания от богов, но четыре иных государственных лица также имели право слышать предсказания. Цари не могли игнорировать дурные приметы без того, чтобы о них не узнали люди. Цари имели право самостоятельно объявлять войну — но от них требовалось быть первыми в бою и последними при отступлении, что, без сомнения, удерживало их от отправки войска в ненужные битвы. Ко времени Геродота

юридическая власть царя сократилась до двух достаточно странных и своеобразных ролей. Ему позволялось принимать в одиночку решение о том, «кто женится на наследнице, отец которой умер, не успев ее ни с кем обручить, и выносить решение в случаях, касающихся общественных торговых путей». Остальная судебная деятельность ложилась на совет двадцати восьми старейшин.[10]

Но реальной властью в Спарте были не царь, не жрец и даже не Совет Двадцати восьми. Спартанское государство управлялось жестким неписаным сводом законов, который определял каждый аспект существования Спарты.

Содержание большинства этих законов дошло до нас от Плутарха, который жил несколькими веками позднее. Но, даже допуская возможность вольного или невольного их искажения, мы можем констатировать, что эти законы, судя по всему, управляли любой четью жизни спартанцев — от самой большой до самой крохотной. Дети принадлежали не своим семьям, а городу Спарта; совет старейших имел право проверить каждого ребенка и дать ему разрешение на жизнь или приказать предать его смерти на Апофетаи, «месте выставления на вид» — пустоши в горах Тай-гет. В возрасте семи лет мальчики приписывались к «стаду мальчиков», где они бегали с полной военной выкладкой, учились бороться и добывать себе пищу. Мужчина мог выбрать любую женщину, которую пожелал сделать беременной, или предложить свою жену другому мужчине, если это решение шло на пользу господствующей расе:

«Предположим, более старшему мужчине с молодой женой нравился молодой человек знатного происхождения и добродетельный... если молодой человек оплодотворит его жену своим знатным семенем, он может принять ребенка как своего собственного. Или... если человек высокого положения желал женщину, бывшую замужем за кем-то другим, из-за ее скромности и хороших детей... он мог уговорить ее мужа позволить ему спать с его женой, чтобы он мог посеять свое семя ву так сказать, богатую и плодородную почву».[11]

Более мелкие законы регулировали личные потребности. По закону спартанцы ели в основном в общих «столовых», чтобы не допустить жадности: «Это не давало им проводить время за столом дома, раскинувшись на богатых диванах, — объясняет Плутарх, — раскармливая себя в темноте, как ненасытные животные... и разрушая себя морально, а также физически, наслаждаясь каждым капризом и объедаясь». Девушки, которые были будущими матерями спартанских воинов, должны были танцевать обнаженными перед толпами молодых людей — это давало им дополнительную мотивацию оставаться стройными.

Плутарх добавляет, что этот закон компенсировался другим, который давал девушкам возможность «высмеивать молодых людей одного за другим и с пользой критиковать их ошибки».[12] Двери и крыши домов могли делаться только топором и пилой, использовать более совершенный инструмент было незаконно. Это означало невозможность появления желания иметь хорошую мебель и ткани, так как они выглядели бы нелепо рядом с грубо обработанным деревом.[171]

Эти законы были неписаными. Один из устных законов объявлял, что записывать законы противозаконно. Закон работает, только если он записан в душах и сердцах горожан, если он — «упорное стремление$_y$ которое подстегивает появление законодателя в каждой отдельной персоне». Спартанцы постоянно следили друг за другом, чтобы не нарушались неписаные правила:«Богатому человеку невозможно было сначала поесть дома, а потом пойти в столовую с полным желудком, — замечает Плутарх, — потому что каждый был настороже, ожидая такую ситуацию, и они обычно следили за людьми, которые не пили и не ели с ними, и издевались над ними за отсутствие самоконтроля».[13]

Несколькими поколениями позже спартанец Демарат попытался объяснить персидскому царю Ксерксу, как это постоянное законотворчество повлияло на характер спартанцев:

«Хотя они были вольными, они были не полностью свободны. Их хозяином был закон, и они гораздо больше боялись его, чем ваши люди боятся вас... Они исполняли все, чего требовал закон, и его команды никогда не менялись: например, они никогда не должны были поворачиваться спиной в битве, независимо от того, сколько врагов находилось перед ними; они были обязаны удерживать свою позицию и или победить, или умереть».[14]

«Они боятся закона гораздо больше, чем ваши люди боятся вас». Государство Спарта, созданное, чтобы уйти от абсолютизма восточной монархии, намного превзошло ее.

Тем временем на севере, на участке земли, который соединял Пелопоннес с остальным полуостровом, Афины также выросли в нечто большее, чем просто город, и пошли дальше, чем Спарта, совсем избавившись от своего царя.

В очень древние времена микенский город Афины управлялся мифологическим Тесеем, чей дворец стоял на высокой скале — Акрополе в центре Афин, что «на самой высокой точке города». В дни упадка микенской цивилизации многие жители Афин либо ушли отсюда, или умерли от голода или чумы. Но кто-то все-таки остался и сохранил город живым.

Через два-три века Афины стали медленно оправляться от катаклизмов, которые вымыли из города население. Когда началась колонизация заморских земель, Афины отправили своих горожан заселять Ионическое побережье Малой Азии.[15]

Описаний событий тех лет, примерно до 650 года до н. э., сохранилось очень немного, и то в рассказах, написанных много времени спустя. Примерно в 310 году н. э. Евсевий, епископ города Кесария в Палестине, собрал хронологическую таблицу событий древней истории, которая охватывает семьсот лет наследования афинских царей, начиная примерно с 1500 г. до н. э.:

«Теперь мы перечислим царей афинян, начиная с Секропа... Общая длительность правления всех [его потомков]... была 450 лет».[16]

Этот список содержал столько же исторической правды, как и биография греческого бога Диониса, который по легенде родился из бедра Зевса во время правления пятого афинского царя.[172] Но он сообщает нам, что когда-то в Афинах существовали цари. Однако постепенно власть монарха таяла. После четырех с половиной веков эта должность была переименована: правление Афинами все еще переходило от отца к сыну и было пожизненным, но теперь правитель назывался архонт — главный судья. Другое официальное лицо, полемарх, контролировал военные дела, а третий человек выполнял жреческие функции.

Тринадцатью годами позднее афиняне проголосовали за то, чтобы давать архонтам власть на десять лет; еще через семьдесят лет институт судей был преобразован снова, а их правление стало одногодичным. «Первым архонтом на год, — пишет Евсевий, — стал Креонт в год 24-ой Олимпиады», другими словами, в 684 году до н. э.

Это все, что мы узнали от Евсевия, который затем переходит к бесконечному списку олимпийских чемпионов в различных видах спорта в 249 последовательных Олимпийских Играх. Но другие отрывочные рассказы, сложенные вместе, показывают нам медленный и извилистый путь от монархии к олигархии — некой разновидности аристократической демократии. К 683 году до н. э. функции архонта уже выполнял совет из девяти землевладельцев. Они были избраны другими землевладельцами, но сбор всех афинян — экклезия — должен был подтвердить кандидатуры избранных. Экс-архонты становились членами городского совета — Ареопага, который собирался под западной стеной Акрополя на небольшой возвышенности, называемой «Холм Ареса».[17]

Эта система была более сложной и менее эффективной, чем спартанская. Но афиняне не нуждались в постоянном давлении на подвластные им народы, и им не нужно было бороться за расширение своей территории. К 640 году Афины уже покорили всех ближайших соседей, но, судя по всему, этот процесс происходил более или менее мирно — отдаленные деревни видели преимущества нахождения под защитой Афин. Маленький «лоскуток земли» к югу от города, район, известный как Аттика, почти полностью находился под контролем Афин. Окаймленные с востока, запада и севера низкими горами, они не пытались распространять свой контроль много дальше.

Однако в 632 году швы квазидемократической практики начали трещать. Олимпийский чемпион по имени Силон (он упомянут в перечне Евсевия как победитель диаулос, или «двойных гонок», бега на 400 метров на Олимпийских Играх, состоявшихся за восемь лет до этого)[18] предложил превратить систему архонтов в нечто другое.

«СидоНу — пишет Фукидид, — запрашивал оракула в Дельфах, и бог сказал ему захватить Акрополь в Афинах на большом празднике Зевса». Дельфийский оракул представлял собой жрицу, которая сидела на трехногом стульчике рядом с видимой трещиной на вершине горы Сибиллы, на крупном валуне обнажения горы Парнас. Верующие взбирались на скалу и подавали вопрос жрице, которая затем спрашивала ответ у богини земли Геи и получала его через трещину. Затем она в трансе передавала ответ нескольким помогавшим жрецам, которые перелагали его в стихи гекзаметром и передавали назад вопрошавшему. Трещина, транс и гекзаметр в соединении друг с другом обычно производили загадочное пророчество, открытое для массы интерпретаций — что также не давало возможности обвинить оракула в ошибке.

Сидон, обдумав полученный ответ, решил, что «великий праздник Зевса» должен относиться к приближающимся Олимпийским Играм. Какое другое время подошло бы для победителя и Олимпиады, чтобы захватить власть? Он одолжил группу вооруженных воинов у своего тестя, собрал друзей и занял Акрополь, заявив о намерении «сделать себя тираном».[19]

«Тиран» был в греческой политике техническим термином — так называли политика, который перепрыгивал нормальную процедуру получения власти (выборы с последующим утверждением) и силой устанавливал контроль над городским правительством. Тираны не обязательно были жестокими, хотя они стремились к автократическому правлению, чтобы удерживать власть. Различные греческие города, разбросанные по всему полуострову, часто управлялись тиранами (например, тесть Сидона был тираном города Мегара недалеко от Афин, на востоке, что объясняет, почему он имел личные отряды вооруженных солдат и мог одолжить их зятю).

Но Сидон неверно выбрал «великий праздник Зевса». Очевидно, оракул имел в виду более позднее празднество, которое происходило вне города; Сидон выбрал плохое время для захвата власти.

Это предполагает, что он не был опытным заговорщиком; любой вовлеченный в такую политическую интригу должен понимать, что захват был бы более эффективным, когда все мужчины вышли на празднование за стены города. В итоге большинство афинян были возмущены его акцией и не подчинились.

«Как только афиняне осознали [захват власти], они... рас-положились вокруг цитадели, осадив ее. Но по мере того, как время шло... ответственность за охранение [была] оставлена на девять архонтов с неограниченной властью предпринимать всеу что угодноу по своему усмотрению... Тем временему Сидон и его осажденные товарищи начали страдать от отсутствия пищи и воды. Тогда Сидон с братом сбежали; но остальные, в подавленном состоянии, причем некоторые уже умирали от голода$_y$ расселись, как просители$_y$ у алтаря в

Акрополе».[20]

Заговорщики просили пощады во имя Афины, у алтаря которой сидели. Архонты согласились сохранить им жизнь, но когда люди, шатаясь, вышли, архонты приказали убить их. Несколько человек бросились к алтарям богинь Деметры и Пер-сефоны, но все равно были убиты — страшнейшее нарушение обычая, так как предполагалось, что каждый, кто просит защиты у бога возле его алтаря, освобождается.

За это преступление афиняне выслали архонтов, приказавших совершить резню. Когда те попытались вернуться, их выдворили снова, на этот раз более жестко, а тела их жертв были выкопаны и брошены им вслед.[21] Сам Сидон предусмотрительно исчез насовсем и никогда больше не появлялся в истории Афин.

Но эта стычка и последовавшее общее беспокойство показали, что мира в Афинах при архонтах не было. В большинстве случаев архонты делали то, что устраивало их самих. В своей истории устройства Афин, написанной несколькими веками позднее, Аристотель указывает, что афинская демократия на деле была привилегией нескольких обладавших властью человек. Как и спартанцы, которые считали себя свободными, но были порабощены своими законами, афиняне были свободны лишь очень условно: «Бедняки, а также их жены и дети на деле являлись рабами богачей». Аристотель пишет:

«Их называли арендаторами одной шестой, так как это была рента, которую они платили за обрабатываемую ими землю богачей, а вся страна находилась в руках нескольких человек. И если когда-либо они не платили ренту, то они сами и их дети подлежали аресту... Таким образом, для основной массы людей большая часть горя и горечи в общественных делах происходила из рабства; но в чем еще они чувствовали неудовлетворенность, так это фактическое отсутствие у них в чем-либо своей доли».[22]

В ответ на возрастающий политический хаос афиняне сделали именно то, что отказались делать спартанцы: они решили, что для законов Афин, которые всегда были устными, пришло время стать писаными. Суждения аристократов перестали годиться для управления городом; Афины нуждались в своде законов.

Человеком, который взялся за работу по обработке массы устных традиций и систематизации их, дабы превратить все это в записанный свод законов, был член Ареопага по имени Дракон. Составленная им версия афинских законов была замечательна не столько списком караемых преступлений (убийство, воровство, прелюбодеяние), сколько тем, что за большинство проступков расплатой служила смерть. Как и свод Хаммурапи, законы Дракона ничего не знали о большем и меньшем проступке: «Наказание смертью было зафиксировано почти для всех преступлений, — говорит Плутарх, — это означало, что даже люди у осужденные за то$_y$ что не работали, приговаривались к смерти, и укравший овощи или фрукты нес такое же наказание, как и ограбивший храм или убивший человека».[23]

Сам Дракон, когда его спросили, почему набор наказаний такой радикальный, как говорят, ответил: «Даже мелкие преступления заслуживают смерти — но я, увы, не могу найти более серьезного наказания для более крупных преступлений». Именно эта строгость заключена для нас в английских словах драконовский и чрезвычайный [173] — а в ожидании греков, что человек может стать идеальным, кроется отзвук спартанских представлений о преступлении.[174] Плутарх пишет, что спартанцы, когда другие греки спрашивали их, как наказывается прелюбодеяние в Спарте, заявляли: «Ему придется заплатить штраф — быка из своего стада, достаточно большого, чтобы протянул голову через гору Тайгет и попил из Эврота». «Как же может бык быть таким большим»? — удивлялся гость, в ответ на что спартанец отвечал: «А как может иметь место в Спарте прелюбодеяние?»[24]

Спартанские законы должны были уничтожить все грехи, потому что они были написаны прямо в сердцах спартанцев. В Афинах, совершенно другом греческом городе, правители также верили, что в справедливом обществе, где горожане воспитаны правильно и предупреждены, преступлений не будет. Оба города избавились от власти своих царей; оба нашли необходимым иметь другой метод сохранения законности вместо монархии.

И в обоих случаях желание дать каждому горожанину возможность достичь совершенства привело к появлению системы, при которой граждане были обязаны следить за жизнью друг друга. Стела, открытая в руинах Афин, сообщает, что смертный приговор Дракона мог осуществляться самими горожанами

Афин: любой человек мог убить похитителя ребенка, прелюбодея или ночного грабителя, пойманного на месте преступления.[25] Законы, которые должны были дать равенство, сделали из каждого горожанина убийцу.

Примерно в 600 году до н. э. проявился афинянин по имени Солон, пожелавший внести свой вклад в создание справедливого свода законов. Он был молодым человеком из хорошей семьи, но его отец истратил почти все состояние семьи на ложно понимаемое благородство, что заставило сына заниматься торговлей. Отец был любителем роскоши, хорошей пищи и выпивки, и был необыкновенно любвеобильным: «Он не мог пропустить мимо хорошенького юношу», — аккуратно фиксирует Плутарх.[26]

Дело Солона процветало, и как многие более поздние светила бизнеса, он вовлекся в местную политику. Плутарх, от которого мы получили большую часть подробностей о жизни Солона, пишет, что как только Афины очутились на грани гражданской войны, «взоры самых чувствительных афинян обратились к Солону», потому что он был респектабельным представителем среднего класса. «Он не участвовал в дурных делах богатых и не был также уличен в причинении бед бедным... Богатые находили его приемлемым благодаря его богатству, а бедные — из-за его честности».[21]

Солон, выбранный архонтом, отменил законы Дракона (кроме наказания за убийство) и принялся за собственное законотворчество. Он создал новые законы, которые охватывали все — от норм содержания общественной канцелярии до соблюдения приемлемых границ при плаче по умершему (горе — это хорошо, но принесение в жертву коровы, раздирание себе груди или посещение гробниц людей, которые не были членами семьи — это уже слишком).

Но самый трогательный пункт относился к наведению справедливости в материальном положении в городе, что заведомо было неблагодарной задачей. «Обе стороны лелеяли большие надежды», — указывает Плутарх; это означает, что Солон обязан был кого-то разочаровать. Что он и сделал почти сразу же, отменив навалившиеся на бедняков долги и перераспределив землю так, чтобы сельский житель, который несколько поколений обрабатывал эту землю, теперь владел ею.[28]

Это не понравилось афинской аристократии. Не понравилось это и беднякам, которые надеялись не просто на отмену долгов — они хотели перераспределения земли всем поровну, а самые бедные опять не приобрели своей земли. «У нас есть его собственные слова о том, что он обидел большинство жителей Афин, не исполнив их ожиданий»у — пишет Плутарх и приводит цитату из поэмы, относящейся к Солону: « Однажды их умы наполнились глупыми надеждами, но теперь / Все косо, с гневом смотрят на меня, как будто их враг я».

Такой ход дел был предсказан знакомым Солона, чужа-ком-иностранцем, который недавно приехал в город и видел, что Солон занимается написанием законов. Гость рассмеялся: «Эти твои декреты не отличаются от паутины паука, — заявил он по словам Плутарха. — Они будут обуздывать слабых и ничего не значащих, которые попадутся в сети, но будут разорваны в

лоскуты людьми могущественными и богатыми».[29]

Солон не согласился. Никто не нарушит законов, настаивал он, если они правильны и соответствуют нуждам каждого горожанина. Это был идеалистический взгляд на человеческую природу, и Солон подверг его проверке, уехав из Афин на десять лет, как только его законы были введены в силу, дабы позволить им работать вне зависимости от его персоны. «Он заявил, что отправляется посмотреть мир, — пишет Геродот, — но на деле поездка была организована, чтобы избежать возможности отменить хоть какой-то из законов, которые он создал».[30] А также, возможно, из-за банальной досады:

«Как только его законы вошли в силу, — пишет Плутарх, — не проходило дня, дабы к нему не приходило несколько человек, чтобы высказать одобрение или неодобрение, или порекомендовать вставить в законодательство несколько каких-либо пунктов, или убрать из него что-либо... Они расспрашивали его о законах и просили объяснить в деталях значение и цель каждого отдельного пункта».[31]

И как же оно работало?

Когда Солон уехал, афинские политики вскоре снова увязли в своих старых разногласиях и перебранках. «Результаты законов, — говорит Плутарх с сожалением, — скорее, подтвердили предположения гостпя, чем ожидания Солона». Афинский эксперимент снова не смог принести справедливости, а тем более — мира. Вновь небольшая группа афинян начала строить планы установления тирании.

Сравнительная хронология к главе 56

Мидия Персия Ассирия и Персия Греция Салманасар V Греческие колонии распространились по всей Малой Азии, Эгейскому региону, Африке и в землях вокруг Черного моря Саргон II (721 704 годы до н. э.) Деиоцез Ахемен Синаххериб(704–680 годы до н. э.) Креон Афинский Спарта завоевывает Миссену Фраорт Асархаддон(680–668) Ашшурбанапал(668 -626 годы до н. э.) Афины контролируют Аттику Мадий Скифский Теушпа, Кир I Мятеж Сидона (632 год до н. э.) Ашшур-этил-илани Киарксес Законы Дракона Солон(600 год до н. э.)

Глава пятьдесят седьмая
Начало и конец империи

Между 650 и 605 годами до н. э. Рим становится этрусским, а Вавилон превращается в царя мира

Тем временем поселение на реке Тибр, когда-то расположившееся на двух холмах, сильно выросло. Мифологический сабинянин, соправитель Ромула Тит Таций, погибший во время бунта, не был заменен; Ромул с тех пор правил один. В смешанном населении племен латинян и пришельцев-сабинян теперь преобладали латиняне.

Рост Рима не прошел незамеченным для его соседей. Вскоре после смерти Тита Тация люди из города Фидены, лежащего выше по Тибру, разграбили римские фермы вдоль реки. Затем люди из города Вейи на другом берегу реки тоже начали жечь римские поля. Ромул отразил одних и договорился о мире с другими. Но эти атаки были предвестниками еще больших проблем. «Вейи, — замечает Ливий, — как и Фидены, был этрусским городом».[1]

Сообщество этрусских городов раскинулось свободной сетью к северу от Рима. Этруски и латины когда-то разделяли общие обычаи, но постепенно поселян севернее Тибра заменили новоприбывшие. Киммерийцы, проникшие в Малую Азию, заставляли фригийцев и лидийцев

пробираться во Фракию через узкие водные преграды пролива Босфор и Геллеспонта. Это начало цепную реакцию движения людей на запад: племена, приходящие на север Италии, проникали в земли виллановановв, где они торговали и ассимилировались, заключая смешанные браки.[2] К ним присоединялись беженцы непосредственно из Малой Азии, уходившие из захваченных и разрушенных городов. Римская легенда рассказывает нам о троянском герое Энее, вынесшем отца на спине из разбитого города, проделавшем путь в качестве изгнанника через Фракию, затем отправившемся в Сицилию, а оттуда уже прибывшем на италийский берег. Здесь Эней поселился, женился, произвел сыновей и стал по праву царем: мифологическое отражение реальной иммиграции с востока.[3]

Это слияние виллановановв и пришельцев, сочетавшее местные традиции и восточную приспособляемость, дало новый народ — этрусков, опытных строителей и богатых купцов, которые не позволяли латинским выскочкам свободно проникать на юг.

Враждебность этрусков не была единственной тучей на горизонте Ромула во время его сорокалетнего правления. «Как бы ни был велик Ромул, — замечает Ливий, — его больше любили простые люди, чем сенат, но больше всех — армия».[4] Первые цари Рима имели власти не больше, чем греческие монархи; использование Ливием термина «сенат», вероятно, анахронизм — но какой-то совет старейшин действительно контролировал действия царя. Даже полусвятой Ромул должен был считаться с ним, что проясняют и обстоятельства его смерти: Ливий пишет, что Ромул однажды инспектировал войска, когда

«разразилась буря с диким громом. Его окутало облако, такое густое, что спрятало от глаз всех присутствовавших; и с этого момента его никогда больше не видели на земле... Сенаторы, которые стояли возле царя... объявили, что его поднял наверх смерч... Каждый человек приветствовал его как бога и сына бога, и молился за него... Однако даже в таком великом деле появилось несколько несогласных, которые тайком утверждали, что царь был разорван на куски сенаторами».[5]

Был или не был Ромул убит сенаторами, но они недолго продержались у власти. Они взяли трон под свой контроль и объявили о коллективном правлении. Но горожане сабинян-ского происхождения шумно запротестовали: они не были у власти со времени смерти соправителя Ромула несколько десятилетий тому назад, и хотели царя-сабинянина.

Сенаторы согласились на такой вариант, если они сами смогут выбрать правителя. Сабинянином, которого они выбрали, оказался Нума Помпилий. Он не являлся выдающимся полководцем, но был мудрым человеком, известным своей справедливостью. «Сначала Рим был основан силой руку — заключает Ливий, — теперь новый царь приготовился дать общине второе рождение, на этот раз на твердой основе закона и почтения к религии»[6] Как и Ромул, Нума Помпилий, скорее всего, является персонажем легендарным, но его правление говорит о переходном периоде: Рим двигался от состояния колонии, созданной войной, к устойчивому и зрелому существованию в качестве независимого города. Под властью Нумы Помпилия врата в храм Януса, бога войны, впервые были закрыты, символизируя, что Рим находится в мире со своим окружением.

Рим и его соседи

Но город продолжал ссориться сам с собой. Дионисий Галикарнасский (греческий историк, который прибыл в Рим во время правления Цезаря и посвятил двадцать два года написанию истории города) рассказывает нам, что прибывшие из Альбы люди, которые вместе с Ромулом основали колонию, потребовали прав «на... оказание им больших почестей... Новые поселенцы считали, что они не должны... находиться в подчиненном положении. Это особо ощущалось теми, кто принадлежал к народу сабинян».[7]

Никто из живших в Риме не думал о себе как о римлянине — все они жили за одними стенами, но это было их единственной точкой соприкосновения. Это оставляло «дела государства», по яркому выражению Дионисия, «в бурлящем море беспорядков».

Вдобавок перемирие с окружением было только временным. Следующие два царя после Нумы — латинянин Тул Гастилий и сабинянин Анк Марций, оба назначенные Сенатом, — вели кампании против соседних городов, силой увеличив владения Рима вдвое. Если Рим когда-либо и имел спокойное время, оно было очень коротким — как правило, он являл собой вооруженный лагерь, угрожающий мирному существованию своих соседей.

Однако соседи не были беспомощными. Этрусский город Тарквинии на северном берегу выше по Тибру тоже имел виды на контроль над Римом.

Человек по имени Лукумо был по рождению полукровкой. Его мать была из этрусков, а отец по имени Деметр являлся греком из Коринфа, которого (по Ливию) «политические преследования заставили покинуть свою страну».[8] Лукумо столкнулся с презрением окружавших его «чистокровных» этрусков, поэтому они с женой решили уйти в Рим, где национальная принадлежность значила меньше, чем случай: «Всегда найдутся возможности для активного и мужественного человека там, где успех приходит быстро и зависит от способностей», — пишет Ливий. В конце концов, далеко не один сабинянин поднялся над латинянами до положения царя; иностранная кровь не являлась препятствием для умного человека.

Поселившись в Риме, этруск Лукумо энергично принялся за работу. Он разбрасывал вокруг деньги, пока не стал правой рукой самого царя. Анк Марций даже назначил Лукумо охранять царских наследников. Когда царь умер, оба принца были еще слишком молоды: «один был еще ребенком, — записывает Дионис, — а у старшего только начала расти борода».[9] Лукумо отослал принцев из города («на охоту», уточняет Ливий) и сразу же начал собирать голоса. Он был объявлен царем огромным большинством и в 616 году взошел на трон Рима. Позднее историки узнали его под именем Луция Тарквиния Приска или Тарквиния Древнего.

После почти сорока лет правления его сменил его зять, Сервий Туллий, которому было предначертано стать царем еще в детском возрасте, когда голова его внезапно полыхнула огнем. Он в то время спал; слуга предложил плеснуть на голову водой, но тут ребенок сам проснулся, и огонь исчез. «Сэтого времени, — объясняет Ливий, — с ребенком обращались как с принцем крови... он вырос в человека с истинно царской натурой». Тарквиний Древний выдал за него свою дочь и сделал его наследником.

Сервий Туллий, как и его тесть, был этруском. Эти два царя олицетворяли историческую правду: город Рим, то скандальный, то набожный, постоянно находящийся в состоянии войны с соседями, раскинувший свои стены уже и на ближайшие холмы, сам был поглощен более великой, более сильной и более древней культурой северных соседей. Этрусские города тем временем уже распространились до самой Бездонной реки — старое название реки По, текущей за Апеннинами. На северо-западе этрусские города контролировали медные, железные и серебряные копи в так называемых Рудных горах.[10] Отсюда металл продавался в греческие колонии вдоль Италийского побережья, и связь с греческими торговыми городами столкнула этрусков с греческой системой письменности. Этруски начали использовать греческий алфавит,

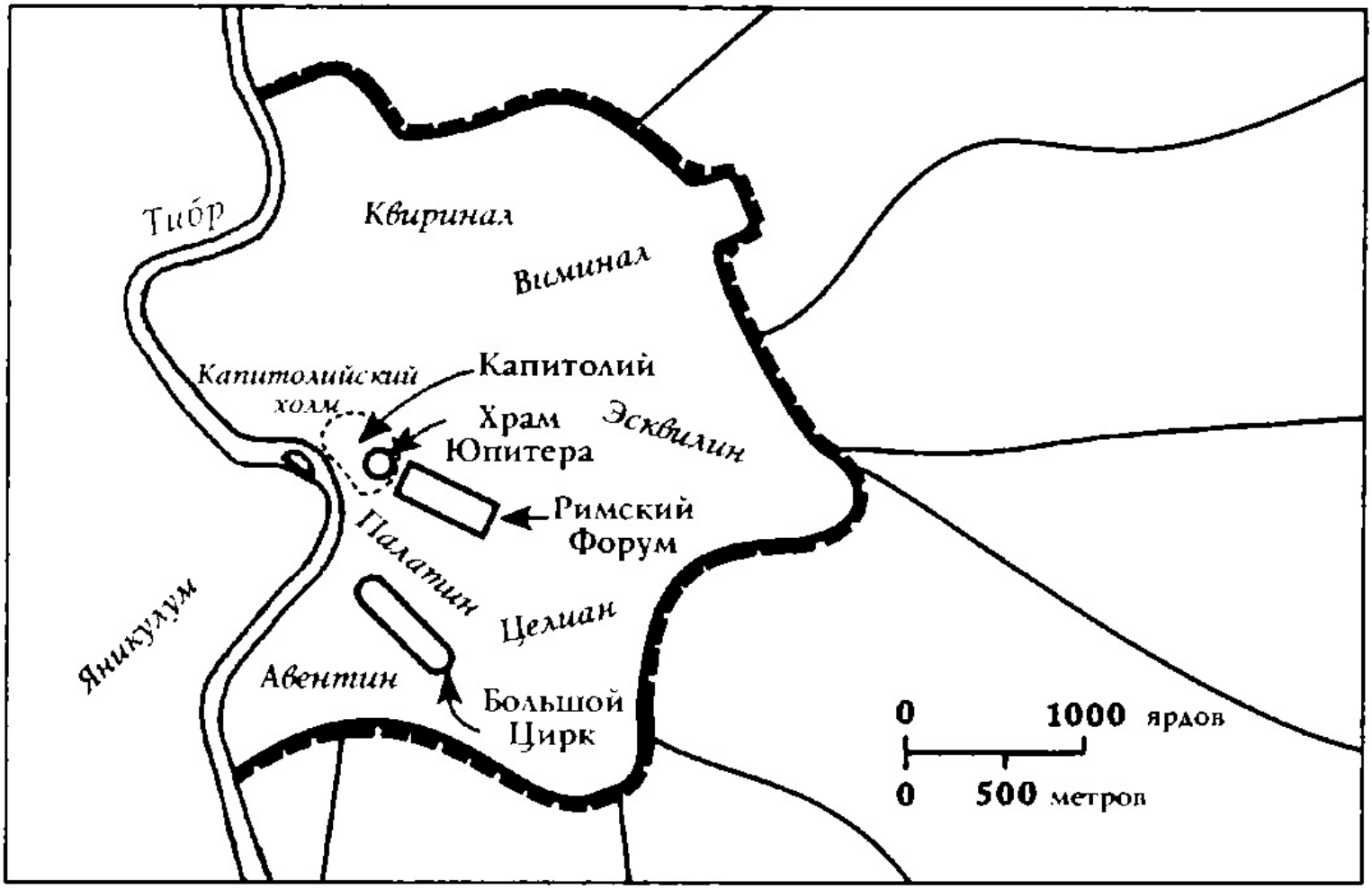
чтобы помечать собственные товары, используя свой язык, записанный греческими значками. Несмотря на узнаваемость букв, сам язык до сих пор остается головоломкой: он почти целиком отразился в кратких надписях, которые еще не расшифрованы.[11]

Рим не стал частью единого культурно-политического пространства, называвшегося Этрурией. «Этрусской империи» не существовало — был лишь набор этрусских городов, имевших один язык и общие обычаи, иногда они были союзниками, иногда врагами. Перемещение этрусков в Рим было внедрением еще одной группы в город, занятый уже несколькими другими национальными группами — лишь более влиятельной, чем другие.

Ливий приписывает этруску Тарквинию Древнему планирование Большого цирка — огромного римского стадиона, который располагался между холмами Палатин и Авентин, а также закладку фундамента храма Юпитера на Капитолии; Дионисий добавляет, что он спрямил стены и начал копать сточные канавы для отвода городских отходов — достижение менее впечатляющее, но наверняка более полезное. Этруску Сервию Туллию приписывается заселение холмов Квиринал и Виминал, создание рвов и проведение земельных работ для укрепления римских стен.

Все эти реальные стройки действительно были осуществлены этрусками. Римляне не умели строить, а в Этрурии при основании городов, закладке стен и выборе расположения ворот руководствовались религиозными ритуалами.[12] Раскопки этрусских городов открывают распланированные улицы, проложенные сеткой — то, чего римляне еще не придумали. Как и давние города хараппанских индийцев, этрусские города демонстрируют стандартную ширину улиц и три их типа: главные, вторичные и самые маленькие.

В самом Риме раскопки показывают, что около 650 года хижины, в которых жило большинство горожан (сделанные из переплетенных ветвей, затем обмазанных глиной), начали заменяться каменными домами. Хижины на западе города были снесены, открытое пространство вымощено так, чтобы служить городским местом сбора: позднее эта площадь стала известна как римский Форум.[13]

Город Рим

Даже атрибуты Рима несли на себе этрусский штамп. Дионисий пишет, что Тарквиний Древний предъявил Риму этрусские символы царских прав: «корону из золота и вышитую пурпурную мантию... [он] сидел на троне из слоновой кости, держа в руке скипетр из слоновой кости». Когда он выходил к публике, его сопровождали двенадцать телохранителей (известных как ликторы) — каждый нес топор, обернутый пучком розг-фасций$_y$ что олицетворяло власть царя при наказании правонарушителей и казни серьезных преступников.[11]

Под властью Сервия Туллия «размер города сильно увеличился», а сам он правил сорок четыре года — этрусский монарх при смешанном населении из этрусков, латинян и сабинян. А Рим продолжал воевать: воины города сражались с городами сабинян и латинян и отражали нападения других этрусских царей, которые восставали против римского контроля над важной переправой через реку Тибр. И Дионисий, и Ливий рассказывают о войне за войной между Римом и Коллатией, Римом и Фиденами, Римом и коалицией пяти этрусских городов, Римом и Эретией. Шла бесконечная война.

В то время как Рим боролся за свои начала, на востоке рушилась до основания старая империя.

Трехсторонняя война в Ассирии продолжалась. Наследник Ашшурбанапала в Ниневеи, Ашшур-этил-илани, мобилизовал ассирийскую армию на борьбу против своего брата Син-шарри-ишкуна, возглавлявшего теперь смешанные силы ассирийцев и вавилонян в Вавилоне. Тем временем халдейский царь На-бопаласар прокладывал путь навстречу вавилонским силам с юга, один за другим беря древние шумерские города.

Через несколько лет борьбы (сколько — не совсем ясно, так как различные вавилонские

царские списки говорят разное) Син-шарри-ишкун сдал Вавилон, и Набопаласар вошел в город. Но рассказы об исходе этой битвы смущенно предполагают, что Син-шарри-ишкун сдал город южанам только для того, чтобы уйти на север и захватить трон брата. С этого момента Ашшур-этил-илани исчезает из всех повествований. В центральной части страны царила полная неразбериха, и теперь на трон Вавилона сел халдей.

Как только Набопаласар утвердился на троне, он бросился в сражение снова — против самой Ассирийской империи. Он уже распланировал стратегию борьбы, наметив первым делом пройти до реки Евфрат, «освобождая» одну провинцию за другой, а затем повернуть и проложить путь до Тигра на восток, к самой Ниневии.

В этом он получил помощь. Киарксес, царь Мидии и Персии, не упускал возможностей, когда видел их. Он предложил Набопаласару свою дружбу, и тот ее принял. Они договорились поделить ассирийские провинции, когда Ассирия падет и Набопаласар женил своего сына, вавилонского наследника (и самого доверенного полководца) Навуходоносора на мидий-ской принцессе Амутис, дочери Киарксеса.[15]

Мидяне и персы сражались вместе с вавилонянами против одряхлевшей империи, которая так долго доминировала в мире. Вавилонские хронисты описывают медленное падение Ассирии: «На десятом году, — начинается надпись, — Набопаласар в месяце айару мобилизовал армию и направился к берегу Евфрата. Люди... не нападали на него, а выставляли перед ним дань».[16]

Десятый год — через десять лет после того, как Набопаласар сам короновал себя царем халдеев сразу после смерти Асархаддона — был 616/615 годом до н. э. Месяц айару был весенним месяцем, концом апреля — началом мая; и люди, плывущие по Евфрату, видели надпись на стене.

После еще одного года битв Набопаласар дошел до Ашшура и осадил его. Всего через месяц ему пришлось отойти и отсиживаться все лето в ближайшей крепости. По-видимому, мидяне вернулись на свои земли, но затем опять пришли, чтобы помочь своим ассирийским союзникам. Не желая присоединиться к Набопаласару, они прошли прямо к сердцу ассирийской земли. Киарксес пересек Тигр и тоже осадил Ашшур, причем преуспел там, где потерпел неудачу Набопаласар. Он захватил город и перевернул его вверх дном в поисках пленных и добра; потом он позволил войскам мидян перебить всех оставшихся. Набопаласар со своей армией прибыл лишь после того, как город был целиком разрушен.[17]

Два царя совместно спланировали окончательный штурм Ниневеи. Несколько месяцев было потрачено на подготовку; армия мидян вернулась домой для восстановления вооружения, а Набопаласару потребовалось несколько месяцев, чтобы привести к покорности различные восставшие города вдоль Евфрата. Но к 612 году армии были готовы к штурму. «На четырнадцатом году, — говорит вавилонская хроника, — царь Вавилона собрал свою армию, а царь Мидии прибыл туда, где стояли лагерем вавилоняне. Они прогили вдоль берегов Тигра до Ниневеи. С месяца мая до месяца июля они штурмовали город. И в начале августа город был взят».

Между маем и августом произошло некое драматическое событие, которое не описывает вавилонская хроника, но которое сохранено Геродотом. Киаксар, согласно «Историям», был уже готов разрушить Ниневею, когда его осаду прервала «громадная скифская армия, ведомая их царем Мадием»,[8]То был, вероятно, внук первого Мадия Скифского, который владел Мидией около пятидесяти лет назад. Скифы хорошо выбрали момент для атаки — но войска мидян и персов, натренированные и организованные Киаксаром, прервали осаду и рассеяли скифов.[19]

Затем солдаты вернулись назад к Ниневее. Приток Тигра бежал через город под стенами,

обеспечивая жителей водой и затрудняя осаду. Судя по всему, атакующие построили дамбу, чтобы повернуть большую часть Тигра в город, разобрав основания стен и разбив их. Диодор Сицилийский, греческий историк, работавший через шестьсот лет, говорит, что жители

Ниневеи доверились «священному предсказанию, данному их отцам, что город никогда не будет взят или сдан, пока поток, бегущий через город, не станет его врагом; и царь предполагал, что этого никогда не произойдет». Это предсказание послесо-бытийное — но, вероятно, оно отражает какое-то действительное событие.[20]

Вавилоняне разрушили стены, ворвались в город и разграбили его. «Была устроена великая резня, — рассказывает нам хроника, — а знать и Син-гиарри-ишкун, царь Ассирии, сбежали... Город превратили в могильный холм и руины». [21] Иудейский пророк Наум, празднуя падение империи, которая опустошила северную часть его страны, предлагает взглянуть на этот ужас:

> Речные ворота распахнуты, дворец обваливается.
> Отдано распоряжение: жителей выселить, город снести...
> Ниневея как море$_{у}$ и воды его несутся мимо...
>
> Она разграблена, растащена, ободрана,
> сердца ослабели, колени дрожат,
> тела трепещут, лица бледнеют...
> Множество раненых, горы убитых,
> бессчетны тела, спотыкаются люди о трупы...
> Ничто не может залечить твою рану :
> твоя рана смертельна.
> Но все у кто узнают о твоем падении,
> хлопают в ладоши, потому что
> есть ли те, кто не испытал твоей безграничной жестокости?[22]

Ассирийцы затопили Вавилон сто лет тому назад; теперь вавилоняне вернули долг.

Ассирийский царь сбежал в город Харран. Победоносная Мидия заявила претензии на восточные территории, включая земли, которые некогда принадлежали скифам; Вавилон взял старые западные провинции. А где-то между Ниневеей и Хар-раном умер или был убит Син-шарри-ишкун. Ашшур-убаллит, военачальник и двоюродный брат царя, принял его титул.

С новым царем и новой столицей обескровленная ассирийская армия сделала еще одну попытку собраться. Но Набопаласар не оставил Харран надолго в покое. После покорения нескольких ассирийских городов, которые попытались использовать преимущества хаоса, заявляя о своей независимости и от Ассирии, и от Вавилона, Набопаласар в 610 году повернул к Харрану, встретился с Киаксаром и во главе объединенных сил направился к городу. Когда Ашшур-убаллит узнал об этом новом фронте, он со своими людьми исчез из города еще до того, как силы мидян и вавилонян показались на горизонте. «Страх перед врагом овладел ими, — говорит вавилонская летопись, — и они оставили город». Набопаласар пришел в не обороняемый город, разграбил его и вернулся домой.

Но с Ашшур-убаллитом еще не было покончено. Он отправил на юг послание, прося помощи у фараона Египта.

Воспитанный в Ассирии Псамметих I из Двадцать шестой династии умер в очень почтенном возрасте, пробыв у власти более пятидесяти лет. Теперь на троне сидел его сын, Нехо II.[176] Несмотря на борьбу его отца против ассирийцев несколько десятков лет тому назад,

Нехо II теперь не возражал против помощи им. Он хотел сделать Египет более значимой фигурой в мире. Нехо II уже нанимал греческих моряков, чтобы подкрепить свою армию флотом, а одной из его любимых идей было прокопать канал, который соединил бы реку Нил с Красным морем, облегчив Египту торговлю с востоком по воде.[23] Но если Египет собирался снова обрести влияние за пределами своих границ, логичным местом для экспансии были земли западных семитов вдоль Средиземного моря. Появление сильной Вавилонской империи не позволило бы египтянам взять под контроль эти средиземноморские территории. В любом случае, если Ассирия падет, исчезнет еще один барьер от скифов (которые однажды уже показывались на египетских границах в детские годы Нехо И).

Поэтому он согласился. Ашшур-убаллит предложил, что город Каркемиш послужит отличным местом для встречи и организации объединенных сил для выступления, и Нехо II двинулся маршем на север.

Он не прошел мимо Иерусалима незамеченным. «Когда царем был Иосия, — пишет Вторая Книга Царств, — фараон Нехо, царь Египта, приходил на Евфрат помогать царю Ашшура»}[4]

Иосия из Иудеи использовал выгоды от распада Ассирии, чтобы восстановить собственную независимость: он возглавил возрождение религии, избавившись от всех следов ассирийских святынь и мест поклонения. Он не хотел видеть воскрешение Ассирии, и также не хотел, чтобы Нехо II заменил Ассирию в качестве господина и хозяина Иерусалима. Поэтому, вместо того, чтобы дать Нехо пройти мимо, он вышел навстречу и напал на египтян, когда они близко подошли к Мегиддо.

Нехо не имел намерения принимать вызов армий Иерусалима так скоро. Он выслал к Иосии посланцев, предлагая перемирие: «Какая кошка пробежала между тобой и мной? Не тебя собираюсь я атаковать на этот раз, а дом, с которым я в состоянии войны»} [5] Иосия игнорировал это обращение. «Царь Иосия вышел навстречу ему, — говорит Вторая Книга Царств, — но Нехо умертвил его в Мегиддо, когда увидел его». Вторая Книга Паралипоменон, 35 добавляет, что Иосию неожиданно подстрелили лучники. Его охрана унесла раненого царя с поля боя, но он умер в колеснице на пути назад, в столицу. Ему было тридцать пять лет.

Нехо II не остановился, чтобы насладиться победой. После отступления иудеев он продолжил путь навстречу ассирийцам под командой Ашшур-убаллита. Объединенное войско попыталось снова взять ассирийскую крепость в Харране, которая была теперь занята вавилонским отрядом. «Они перебили гарнизон, который Набопаласар оставил там, — сообщает вавилонская хроника, — но город они взять не смогли».[26]

Обе армии отошли. Набопаласар не был склонен повторять попытку; его здоровье пошатнулось, он был уже немолодым человеком, а Ашшур-убаллит не являлся такой уж страшной угрозой. Нехо II решил вернуться назад и решить вопрос с Иерусалимом. Он снова послал своих солдат к Иерусалиму и с легкостью взял в плен сына и наследника Иосии Иоахаза. Нехо II увел Иоаха-за с собой в Египет, где тот и умер позднее в плену. Затем Нехо отобрал одного из младших сыновей Иосии, Елиакима, чтобы сделать его своей марионеткой. Он изменил Елиакиму имя на Иоаким — традиционная демонстрация власти — и наложил на евреев тяжелую дань из золота и серебра (которую Иоаким выплатил, силой собрав новые налоги с людей).[27]

В 605 году Набопаласар снова решил оказать сопротивление. Египтяне и ассирийцы разбили свой лагерь у Каркемиша, но Набопаласар постарел, его болезнь прогрессировала. Вместо себя во главе своих войск он послал на юг сына Навуходоносора, наказав тому избавиться от остатков ассирийцев.[28]

Возле города Каркемиш две армии встретились. В упорном сражении египетская армия

потерпела поражение, Нехо II начал отступать вниз, к Дельте, опустошая земли западных семитов. Поражение Нехо воспел придворный пророк Иудеи, Иеремия:

«Это донесение об армии Нехо, царя Египта, разбитого при Каркемише на Евфрате Набопаласаром... Что же я вижу? Они в ужасе, они отступают, их воины потерпели поражение».[29]

Ни в одних древних записях о битве нет упоминания об отступлении ассирийцев: по-видимому, ассирийские силы были уничтожены полностью, выживших не осталось. Ашшур-убаллит пал где-то на поле боя, и, должно быть, его труп затоптали до неузнаваемости.

Навуходоносор последовал за арьергардами отступающего Нехо И, очевидно, намереваясь поймать и убить фараона. Но преследовавшую армию перехватили более быстрые гонцы, которые принесли новость: Набопаласар умер, пока Навуходоносор сражался у Каркемиша. При этом известии Навуходоносор немедленно бросил погоню и повернул к Вавилону. Трон Вавилона был тем мячом, который следовало ловить сразу же, прежде чем кто-либо еще не перехватил его.

Тем временем Нехо II спустился на юг. Он больше не делал попыток утвердить власть Египта на Средиземноморском побережье. Вместо этого он сконцентрировал свои усилия на защите от дальнейших нападений любых претендентов на старую корону Двадцать пятой династии.[30]

Итак, две величайшие древние империи перестали быть мировой силой. Египет был посажен в клетку, а Ассирия вообще не существовала. Вавилонская корона стала самой могущественной в мире.

Сравнительная хронология к главе 57

Греция Рим Вавилон Греческие колонии распространяются по Малой Азии, Эгейскому региону, Африке и на землях вокруг Черного моря Ромул Тиглатпаласар III Салманасар V Меродах-баладан Нума Помпилий Креон Афинский Саргон II Спарта завоевывает Мессену Синаххериб Тул Гастилий Шамаш-шум-укин Афины контролируют Аттику Анк Марций Кандалану Мятеж Сидона (632 год до н. э.) Син-шарри-ишкун Законы Драконта Тарквиний Древний Набопаласар Падение Ниневеи (612 год до н. э.) Солон (600 год до н. э.) Навуходоносор(605 год до н. э.) Сервий Туллий(578 год до н. э.)

Глава пятьдесят восьмая
Недолговечная империя

Между 605 и 580 годом до н. э. Египет создает армию, Вавилон разрушает Иерусалим, а Навуходоносор II сходит с ума

А в Вавилоне принц Навуходоносор берет трон под именем Навуходоносора II [177] и собирается завоевать мир, который уже был однажды ассирийским.

В течение нескольких лет у него не имелось серьезных противников. Нехо II, ослабленный поражением при Каркеми-ше, был оттеснен в пределы собственных границ. Лидийцы из Малой Азии были слишком маленьким народом, чтобы представлять собой угрозу; кочевые воинственные скифы были дезорганизованы; греческие города раздирались собственными внутренними потрясениями. Самый сильный возможный вызов вавилонской власти могли бросить мидяне, которые командовали армией персов, как своей собственной. Но Киарксес, царь мидян, был также тестем Навуходоносора; его дочь Амитис (муж которой участвовал в постоянной кампании, которая проходила вне стен Ниневеи) жила теперь во дворце в Вавилоне.

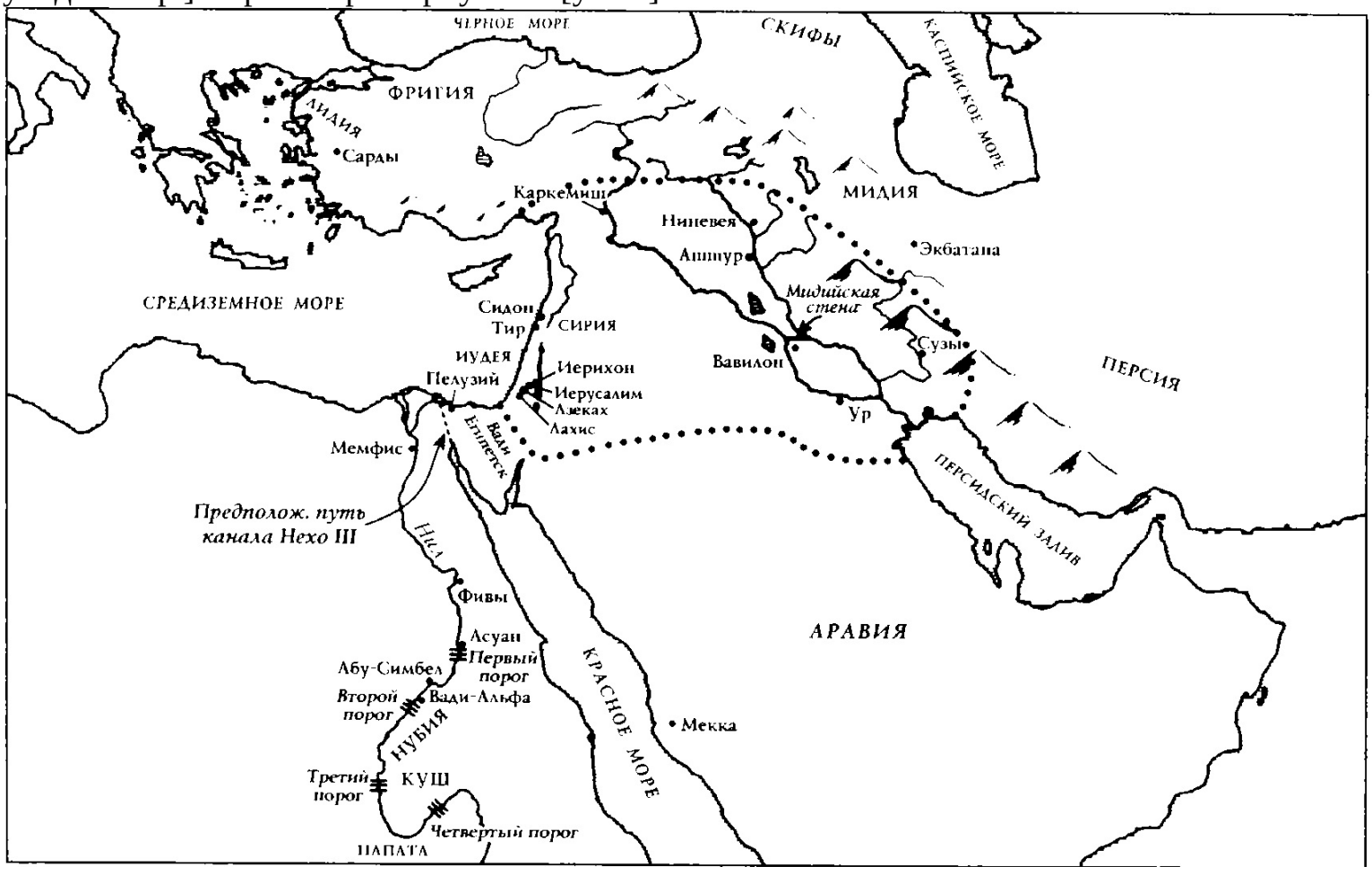
Завоевания Навуходоносора начались с земель западных семитов. Он расположил гарнизон у стен Иерусалима, после чего Иоаким Израильский быстро поменял союзника — с Нехо II (который посадил его на трон) на Вавилон. «На три года, — говорит Вторая Книга Царств, 24:1, — Иоаким стал подвластным Навуходоносору, царю Вавилона». А Иосиф добавляет: «Царь Вавилона перешел Евфрат и взял всю Сирию, кроме Иудеи... и Иоаким, испугавшись идущей от него у грозы, купил себе мир за деньги».[1]

Несмотря на завоевание Каркемиша, Вавилон все еще не считался мировой силой. Но Иеремия, придворный пророк Иоакима, предупредил царя, что завоевание страны Навуходоносором не только неизбежно, но и предопределено Господом: «Царь Вавилона наверняка придет и разорит эту землю, и вырежет ее мужчин и животных».

Это было такое же предупреждение, какое Исайя дал о Си-наххерибе Ассирийском сто лет тому назад. Иоаким не захотел услышать его; когда ему прочитали свиток, содержащий предупреждение Иеремии, он разрубил его на кусочки ножом и бросил в жаровню рядом с троном.[2] Он начал составлять планы восстания в союзе со своим старым господином Нехо II за спиной Навуходоносора. Это также не понравилось Иеремии: «Фараон и его люди будут пить из той же чаши унижения», — пообещал он и добавил, что тело Иоахима будет «выброшено и выставлено на дневную жару и ночной холод».[178]

Страшное предзнаменование не произвело впечатления, и Иоаким открыто восстал против Вавилона, как только Нехо подготовился к нападению. Он перестал посылать дань в Вавилон; Нехо выступил из Египта, и Навуходоносор направился на юг, чтобы встретить угрозу.

В 602 году Нехо II и Навуходоносор встретились в сражении — и две армии бились до очевидной ничьей. Вавилонская хроника (которая в этой части слегка касается правления Навуходоносора) говорит нам, что через год, в 601-м, состоялось еще одно сражение. « Они бились на поле боя, — говорит запись 601 года, — и обе стороны понесли ужасные потери... [Навуходоносор] с армией развернулся и [ушел] в Вавилон».[3]

Но Навуходоносор не был единственным проигравшим. Нехо II потерял слишком много людей, чтобы удерживать в руках земли западных семитов. «Царь Египта не выступал больше из своей страны, — говорит Вторая Книга Царств, 24, — потому у что царь Вавилона забрал все его территории, от Вади Египетского до реки Евфрат».

Вместо этого Нехо II вернулся к проблемам своей страны. Он занялся строительством канала, который протянулся от восточного Нила до Красного моря. То было огромное предприятие: «Длина канала такова, что требуется четыре дня, чтобы проплыть его, — пишет Геродот, — ион прокопан достаточно широким, чтобы две триремы могли идти рядом».[4] Трирема имела ширину только пятнадцать футов — и все равно даже тридцатифутовый канал, протянувшийся до самого Красного моря, стал громадным предприятием.[179] Для охраны его входа в Нил фараон построил крепость Пелузий.

Он нанял две группы моряков, чтобы они помогли ему обучить египетских матросов. Это были греческие мореплаватели из ионических городов с Эгейского моря,[5] а также, по свидетельству Геродота, финикийские мореходы — вероятно, из одного из финикийских городов (Тира или Сидона, а может быть, из построенного финикийцами города Карфаген на северо-афри-канском берегу, основанного Элиссой, внучатой племянницей Иезавель, и быстро растущего). Иностранные специалисты помогли ему построить флот, который в основном состоял из примитивных трирем — весельных боевых кораблей, построенных так, чтобы они могли таранить вражеские корабли. Они стояли на якоре вдоль берега Красного моря.[6] Геродот настаивает даже, что одна команда финикийских матросов, которой Нехо II поручил изучить Красное море, продолжила плавание далее на юг. К удивлению многих, тремя годами позднее они оказались у Геркулесовых Столбов, в проливе, ведущем в Средиземное море из Атлантики. Египтяне прошли через Средиземное море и вернулись к дельте Нила. Таким образом, они обошли вокруг Африки.[7] Все это было огромным прорывом в традиционной ненависти египтян к морю — но Нехо И, смотревший вперед, видел, что торговля способна усилить империю куда лучше, чем война.

Пока в Египте осуществлялись эти эпохальные проекты, Иудея была отрезана от всего мира. Иоаким рассчитывал на помощь Египта; теперь он остался один. «Он был разочарован в своих надеждах, — замечает Иосиф, — потому что Египет на этот раз не посмел сражаться».[8]

Но Иоакиму, тяжело придавленному выплатами Вавилону, оставалось ждать еще четыре года, пока Навуходоносор реорганизовал свою армию, а затем занимался другими делами (согласно Вавилонским хроникам — воевал с кочевниками в северных пустынях Аравии).[9] Что происходило в городе в это время, мы не знаем. Но возможно, некоторые иерусалимские чиновники согласились с мнением Иеремии о нецелесообразности сопротивления Вавилону; Иоаким умер в 597 году, в относительно молодом возрасте (тридцать шесть лет), и Навуходоносор немедленно направился к городу.

В Иерусалиме тем временем взошел на трон Иехония, совсем юный сын Иоакима. Как только Навуходоносор достиг Иерусалимских стен — всего через несколько недель после смерти Иоакима, — царь, его мать, его двор, знать и все официальные лица капитулировали. Вероятно, им была предложена неприкосновенность в обмен на покорность. Хотя они были уведены в плен, обращались с ними хорошо; хроники Вавилона сообщают, что Иехония провел следующие сорок лет, живя в Вавилоне на царском обеспечении, предоставляемом ему за счет Вавилонской казны.[10]

Армия Иерусалима была также отправлена в Вавилон, но не распущена; казна и храм

Соломона подверглись опустошению, но сами строения не разрушили и не сожгли. Навуходоносор даже не увел с собой всю царскую семью. Он назвал Матфанию, дядю Иоахима и брата умершего царя, новым именем Седекия и посадил его на трон; Иосиф мягко именует это «союзом»,[11] но на деле Седекия был не более чем вавилонским наместником. Тем не менее Иерусалим отделался сравнительно легко.

Навуходоносор был озабочен отнюдь не контролем над третьесортной силой у себя на западе, а совсем другими вещеми. Он имел свои представления о том, как великий царь должен поддерживать и укреплять свое положение, и делал это так, как делали все месопотамские цари в течение двух тысяч лет: развернул масштабное строительство. Его надписи сообщают о реставрации и постройке храма за храмом в самом Вавилоне. Вавилон был домом бога Мардука, и преданность Навуходоносора Мардуку также символизировала вавилонский триумф. «О, Мардук, — гласит одна из надписей Навуходоносора в память об удачной кампании по подавлению мятежа на западе, — можно мне навсегда остаться законным правителем от тебя; можно мне служить тебе, пока я не удовлетворюсь результатом ... можноу чтобы мои отпрыски правши вечно».[12]

Его благочестие в виде преданности Мардуку осталось почти в каждой древней записи его проектов: «Он чрезвычайно ревностно украшал храм Бела и остальные святые места», — пишет Берос.[13] Он построил церемониальную дорогу для праздника Мардука, тропу семидесяти футов шириной от центрального храмового комплекса до церемониальных ворот Иштар на северной стороне города, чтобы бог мог двигаться по ней во время празднования Нового года. Стены по обеим сторонам были покрыты голубой глазурью и украшены резными львами[180].[14] Остатки ворот Иштар и дороги, которая вела к ним, стали одними из самых известных образов древнего Вавилона, хотя и дошли до нас от самого конца существования этой цивилизации.

Навуходоносор построил себе также как минимум три дворца, украшенные глазурью, золотом и серебром. В одном из этих дворцов он разбил сад.

Остатки этого сада не удается полностью идентифицировать (судя по всему, ими является громадное строение со сводчатыми потолками, обнаруженное в главном царском комплексе на берегах Евфрата), но их слава отражается в рассказах различных авторов более позднего времени. Наиболее известное описание сада дает Диодор Сицилийский в третьей книге своей «Исторической библиотеки»:

«То был царь старых времен, который ради своей дамы создал сад$_y$ как вы узнаете. Эта повелительница$_y$ которую он так неясно любил$_y$ родилась в Персии, и, по природе той страныу очень любила с высоких холмов оглядывать мест-ность вокруг. Поэтому она упросила своего господина разбить ей сад с увитой растениями беседкой, искусно созданной опытными мастерами.

Вход в сад находился у основания холма, он располагался терраса за террасой, поднимающимися на удивительную высоту у так что оттуда можно было видеть далеко и широко. Под землей были созданы своды, которые держали вес этого сада; один свод был устроен над другим$_y$ и чем выше располагалось строение, тем выше был свод... На самых высоких сводах были поставлены стены этого сада, толщиной в двадцать два фута... В пол были встроены цистерны воды. И в этом саду находились все сорта деревьев, приятных для глаза, и свежие$_y$ зеленые лужайки. Более того, там был трубопроводу через который при помощи устройства вода подавалась для полива почвы».[15]

«Рожденная в Персии дама», скорее всего, являлась вообще не персиянкой, а мидянкой — судя по всему, это Амитис, дочь Киаксара, известного мидийского царя.

Слава этих садов, обычно называемых «висячими» благодаря сделанному Диодором

описанию их ступенчатой многоуровневой конструкции (зиккурат), преодолела не только время, но и пространство. Почти каждый древний историк, который описывает Вавилон, упоминает их, и из этих описаний мы можем составить картину этих самых знаменитых садов древности — Эдема военачальника. «Он создал высокие каменные террасы, которые производили видимость гор, засаженных всевозможными деревьями, — описывает Берос. — Он сконструировал и сделал то, что назвали Висячими садами, для своей жены, которая любила горы, так как выросла в Мидии».[181]16

Это были гражданские сооружения. Но Навуходоносор имел в своих планах и более серьезные объекты. Он начал возводить двойные стены Вавилона, усиливая их, пока внутренняя не достигла толщины в двадцать один фут, а внешняя стена не ощетинилась смотровыми башнями через каждые шестьдесят футов. Частично выкопанный ров уже защищал одну сторону города; Навуходоносор прокопал оставшуюся часть вокруг стен, и теперь Вавилон был окружен сорокафутовым кольцом воды.[17] А затем он возвел в восточной части города еще одну стену — позднее греческий солдат Ксенофонт назвал ее «Ми-дийской Стеной». Она протянулась от Евфрата до Тигра, напоминая о стене, давным-давно построенной шумерским царем Шу-Сином, чтобы отражать набеги амореев.[182] Но эта стена предназначалась для другой цели: «Он ставил стены, — пишет Берос, — чтобы те, кто вознамерится осадить город, не смогли бы развернуть течение реки».[183] Недавнее разрушение Ниневеи привило царю осторожное отношение к воде.

При Навуходоносоре город Вавилон необычайно вырос; Аристотель замечает: «говорят, что когда Вавилон был взят, значительная часть города узнала об этом лишь через три дня», — из-за размера города.[19] Несмотря на все это строительство, можно предположить, что Навуходоносор не был столь силен, как казался. В 595 году ему пришлось подавлять восстание в собственной столице; у него ушло два месяца на то, чтобы победить мятежников — это говорит о вовлечении в события армии (вероятно, уставшей от бесконечных сражений).[20]

И еще существует свидетельство из Египта, на которое стоит обратить внимание.

Нехо II, который дважды безуспешно выступал против Навуходоносора, теперь был мертв. Он умер в 595 году, через два года после сражения вне Дельты, и трон Египта принял его сын Псамметих II. Псамметих унаследовал и всю военную машину Египта, которая теперь включал в себя и флот. Он использовал водную мощь не для торговли, а для того, чтобы вернуть Египту былую власть. Он совершил экспедицию вверх по реке, в Нубию, давно уже не подчиняющуюся египетским фараонам, и привел с собой два войковых соединения: египетское под командованием египетского полководца Амасиса и греческое, которой командовал другой военачальник. Сам фараон остался в Асуане, но два его корпуса пробили путь на юг.[21] Эта армия осталась в истории благодаря граффити, которые греки, не испытывавшие особого благоговения к египетскому прошлому, нацарапали на ноге огромной статуи Рамсеса II в Абу-Симбеле: «Это написано теми, кто приплыл с Псамметихом, — гласит надпись, — [кто] прогиел за Керкис, насколько позволяет река. Тех, кто говорит на иностранных языках, ведет Потасимто, а египтян ведет Амасис».[12]

Напата была предана огню, 4200 нубийцев погибли или были взяты в плен.[23] Седекия, услышав об этих победах, послал сообщение Псамметиху II: если Египет захочет атаковать Навуходоносора, Иерусалим присоединится. Он «кинулся к египтянам, — пишет Иосиф, — в надежде с их помощью преодолеть вавилонян».[24]

Похоже, Навуходоносор не воспринимался всесильным, потому что Псамметих II согласился прийти на помощь Иерусалиму. Он вывел свою армию из Дельты и двинул объединенные силы египтян и греческих наемников традиционным путем на север. В ответ

вавилонская армия, которая уже прибыла к стенам Иерусалима, чтобы выяснить, почему запаздывает дань от Седекии, сняла осаду и направилась на юг, навстречу врагу.

Пророк Иеремия, все еще предсказывая гибель, предупреждал Седекию, что худшее еще впереди.

«Армия фараона, которая идет к тебе на поддержку, уйдет в свои земли. Тогда вавилоняне вернутся... Не обманывай себя, считая, что вавилоняне покинули нас. Они не ушли! Даже если ты перебьешь всю вавилонскую армию, и лишь раненые останутся в их палатках, они вернутся и сожгут город».[25]

Это был убедительный глас судьбы, но Седекия в своей самонадеянгности не услышал его, и Иеремия окончил дни в подземной тюрьме, где никто больше не мог его слышать. («Он лишает солдат мужества!» — жаловался один из офицеров не без некоторого основания.) Тем временем Навуходоносор «встретился с египтянами, вступил с ними в сражение и разбил их; и когда он заставил их бежать, то преследовал до тех пор, пока не выгнал вообще из Сирии».[26] Псамметих II вернулся домой. Неделей позже, в феврале 589 года, он умер; наследовал ему его сын Априй. Если Седекия и продолжал посылать на юг за помощью из Египта (как предполагают отрывки, написанные позднее пророками Иеремией и Езекиилем), его послания оставались без ответа. Априй вынес урок из ошибки отца и не собирался игнорировать великого царя.[184]

Затем Навуходоносор пробился назад к стенам Иерусалима. Армия Седекии контролировала города-крепости Азеках и Ла-хиш, которые стали форпостами защиты от вавилонского вторжения; но эти города пали один за другим. Хронику медленной агонии можно восстановить по записям на кусках гончарных изделий, найденных в Лахише, посланных туда в качестве писем солдатами, которые находились на границе обороняемой территории. Первым был атакован Азеках.

«Пусть знает мой господин, — сообщает один фрагмент, — что мы больше не видим сигналов из Азекаха».[27] Город пал. Его огни погасли; вскоре темная вавилонская волна поглотила также и Лахиш, а затем заплескалась у стен Иерусалима.

Осада длилась два года. Она сопровождалась, по Иосифу, «голодом и отвратительной болезнью», и именно голод привел к окончанию осады. В 587 году Седекия решил, что довольно. Он попытался бежать — очевидно, уже не думая об остальных людях, остававшихся перед лицом вавилонской ярости. «Голод стал таким жестоким, что людям совсем нечего было есть, — фиксирует Вторая Книга Царств. — Затем городские стены были разрушены, и вся армия бросилась ночью по дороге к воротам между двумя стенами, что подле царского сада, хотя вавилоняне окружали город. Они бежали к долине Иордана, но вавилонская армия погналась за царем и настигла его на равнинах Иерихонских. Все войско его разбежалось от него, и он был взят в плен»'[28]

Навуходоносор, обычно не отличавшийся излишней жестокостью, свойственной царям Ассирии, был разъярен и жаждал мести. Когда Седекию приволокли и поставили перед ним в его армейском лагере, он приказал убить сыновей царя — еще мальчиков — у него на глазах. А затем Седекии вырвали глаза, чтобы последним, что он видел, была казнь его семьи.

Седекию в цепях привели в Вавилон; все его главные чиновники и жрецы были казнены рядом с армейским лагерем; Навуходоносор приказал своим командирам поджечь Иерусалим. Стены были разрушены, городское население выселено, дворец царя, дома, казначейство, храм Соломона — все было в огне. Евреев расселили по Вавилонии, кому-то удалось бежать в Египет. Именно они положили начало диаспоре, которая просуществовала два тысячелетия. «И после этого цари колена Давида закончили свое существование», — заключает Иосиф.[29]

Тем временем союзники Навуходоносора, мидяне, под управлением его тестя Киарксеса успешно продвигались в Малую Азию. Ко времени падения Иерусалима они достигли границ владений лидийцев.

Лидия, которая была покорена киммерийцами сто лет тому назад, собралась с силами. Некоторые лидийцы бежали во Фракию и, вероятно, оттуда дальше на запад; но другие остались. Теперь их царем был Алиатт, праправнук Гигеса. Под его руководством лидийская армия выступила вперед, чтобы встретить мидян, и сражалась с ними, пока не остановила их продвижение.

С 590 по 585 год две армии смотрели друг на друга через реку Галис, но ни одна из сторон не могла добиться преимущества. Геродот замечает, что во время этих пяти лет, «хотя множество сражений оканчивалось в пользу мидян, столько же завершалось в пользу лидийцев».[30] Поэтому в 585 году Навуходоносор взялся за разрешение этого тупика. Он послал вавилонского полководца по имени Набонид, чтобы тот помог добиться прекращения противостояния двух армий. Похоже, Набонид достиг успеха: два царя согласились на мир, который был закреплен браком Ариени, дочери Алиатта, с сыном Ки-арксес, мидийским принцем Астиагом.[31]

Для Навуходоносора, возможно, имело бы больше смысла послать сюда армию, чтобы помочь мидянам завоевать лидийцев, чем возиться с мирным договором. Но Киарксес был царем Мидии и Персии уже в течение сорока лет. Он был старым и больным человеком, готовым прекратить воинственные действия. Сразу же после скрепления договора клятвой и царской свадьбы он слег в постель и вскоре умер. Астиаг стал царем Мидии и Персии вместо него. Но он не горел желанием воевать; забрав жену, он отправился назад домой.

Возможно, Навуходоносор не послал вавилонскую армию, поскольку, что сам тоже страдал от болезни.

Правление Навуходоносора — в особенности его конец — отмечено мистическими штрихами довольно зловещего характера. Самый полный рассказ об этих трудных днях обнаруживается в Книге Даниила, которая описывает судьбы четырех еврейских пленных, угнанных в Вавилон и воспитанных слугами Навуходоносора как вавилоняне. Один из этих пленников, сам Даниил, был вызван для толкования тревожного сна Навуходоносора: царь увидел ночью огромное дерево с прекрасными листьями и множеством плодов, дающее приют животным под ним и птицам в его ветвях. А затем он увидел дерево срубленным, ободранным, с обрубленными ветвями, и пень в бронзовых узах. И ассирийские, и вавилонские цари разделяли поклонение священному дереву, как источнику их силы. Сон поразил Навуходоносора, будучи воспринят как зловещий. Даниил, которого попросили интерпретировать сновидение, подтверждает его отрицательную природу, предсказывая, что царя поразит сумасшествие, и он на время потеряет свою власть. И действительно, Навуходоносор лишается разума: «Отлучен он был от людей, ел траву, как вол. Орошалось тело его росою небесной, волосы выросли, как у льва, а ногти у него — как когти у птицы», — в таком состоянии он пробыл семь лет.[32]

Эта история, естественно, была сильно преувеличена более поздним еврейским комментарием библейских книг в попытке извлечь смысл из такой трансформации — для библейской мифологии вообще не характерно превращение человека в животное в качестве наказания. Гораздо более позднее сочинение, «Жизни пророков» — анонимный рассказ о жизни различных иудейских пророков, написанное, вероятно, около 100-х годов н. э. — трактует эту трансформацию как символ тирании Навуходоносора. «Жизни пророков» описывает Навуходоносора как здравомыслящего, но при этом приписывает его облику черты животного:

«Голова и передняя часть были как у вола$_y$ ноги и задняя часть — как у льва... Это характерно для тиранов, что... в свои более поздние годы они становятся дикими зверями».[33]

Здесь можно увидеть трансформацию образа из эпической поэмы о Гильгамеше, в которой дикое существо Энкиду выглядит человеком, но бродит в полях, питаясь травой, как животное. В поэме о Гильгамеше Энкиду — деспотичный, нецивилизованный, хватающийся за власть, он — тень царя, тот, с которым нужно бороться и приручить прежде, чем царство станет процветать. В предании о Гильгамеше и Энкиду человек становится хорошим царем (а его тень — более человечной) именно тогда, когда противостоит искушению сделать свою власть безграничной. Но Навуходоносор идет другим путем — деспотичность его увеличивается, и в итоге он опускается от положения великого царя до животного существования.[34]

Несмотря на место, занятое им в истории и в воображении соседей, Вавилон оставался центром империи очень короткое время. Хаммурапи был первым его великим царем, первый

Навуходоносор — вторым. Навуходоносор II был лишь третьим его великим царем, и оказался последним. Вавилон не привык к императорам.

Вот так сложное древнешумерское отношение к существованию царя воскресло в предании о судьбе Навуходоносора. Навуходоносор также был захвачен зверем внутри него. Даниил, рожденный в нации, которая много веков тому назад выбрала своих царей против воли собственного бога, дает теологический комментарий к завершению этой истории: люди боятся института царей, потому что каждый человек жаждет власти и, завладев ею, ею же разрушается.

Сравнительная хронология к главе 58

Рим	Вавилон	Персия	Мидия
	Саргон II		
	Синаххериб		
Тул Гастилий	Шамаш-шум-укин		
		КирI	
Анк Марций	Кандалану		
			Киаксар
	Син-шарри-ишкун		
Тарквиний Древний	Набопаласар		
	Падение Ниневеи (612 год до н. э.)		
	Навуходоносор(605–562 годы до н. э.)		
	Падение Иерусалима (587 год до н. э.)		Астиаг
Сервий Туллий(578 год до н. э.)		Камбис I	

Глава пятьдесят девятая
Кир Великий

Между 580 и 539 годами до н. э. Кир завоевывает мидян, персов и, наконец, вавилонян

К востоку от Навуходоносора царю Астиагу, владыке Мидии и Персии, приснился дурной сон. Его лидийская жена Ариени несколько лет тому назад родила дочь по имени Мандата, и теперь та приближалась к возрасту замужества. «Ему приснилось, — пишет Геродот, — что она так много писает, что не только залила его город, но затопила всю Азию»} Этот сон был и неприятным, и тревожным, и царский мудрец, когда с ним посоветовались, предсказал, что ребенок Манданы вырастет и заберет царство в свои руки.

У Астиага, по-видимому, не было сына, и его внук вполне мог стать его наследником, поэтому такая интерпретация не обязательно была плохой новостью. Однако царь прекрасно понимал, что отец ребенка Манданы может не пожелать спокойно смотреть, как корона напрямую переходит от деда к внуку.

Поэтому он тщательно выбирал мужа для дочери: не из амбициозной знати мидян, которая окружала его в Экбатанах, а человека, находящегося в большей зависимости -- и более удаленного. Он отослал Мандану в Аншан и выдал ее замуж за своего персидского вассала Камбиса, сына Кира I, наследника персидского правителя. Камбис поклялся в верности своему мидийскому сюзерену, а Астиаг, по-видимому, невысоко оценил уровень его честолюбия.

Мандана почти немедленно забеременела (Камбис, может, и не был честолюбив, но наверняка был плодовит). В это время Астиаг увидел еще один сон, противоположный сну Навуходоносора о срубленном священном дереве; из его дочери выросла виноградная лоза и обвилась вокруг всей его территории. На это его мудрецы ответили, что сын его дочери не просто унаследует ему, но будет править на его месте.

Поэтому Астиаг пригласил дочь в гости в Экбатану, чтобы она жила во дворце в роскоши, ожидая рождения ребенка. А сам задумал избавиться от будущего наследника. Казалось, у Камбиса не было выбора — лишь выпустить жену с нерожденным сыном; да и Мандана не могла отказаться от визита.

Мандана родила сына, которого назвала Кир в честь отца мужа. Астиаг, желавший и избежать греха убийства кровного родственника, и сохранить собственное положение, вызвал своего двоюродного брата и видного чиновника Харпага, приказав ему покончить с ребенком. Наверное, Астиаг надеялся, что они смогут сделать вид, будто ребенок родился мертвым. Тогда Мандана вернется домой, и угроза его трону исчезнет.[2]

Харпаг также не захотел совершать того, что позднее обрушилось бы на его голову. Подобно Астиагу, он тоже решил передать исполнение дела кому-нибудь другому: «Ребенок должен умереть, — заключил он, — но убийство должен совершить один из людей Астиага, а не из моих».

Поэтому он вручил сына Манданы одному из пастухов Астиага. Тот немедленно забрал ребенка домой и передал своей жене, которая только что разрешилась мертворожденным младенцем. Пастух положил на горном склоне собственного ребенка и доложил Харпагу, что дело сделано. Так Кир вырос в хижине пастуха.

Эта история, пересказанная Геродотом, представляет собой традиционный сюжет и символизирует опасность, подчеркивающую божественное предназначение героя: чудом спасшийся ребенок вырастает, чтобы стать великим лидером благодаря сверхъестественному провидению, знаком которого отмечено уже самое начало его жизни. Но в случае Кира легенда Геродота демонстрирует также трудные политические взаимоотношения между мидянами и персами. Мидяне были правящей нацией — но сын вассального царя-перса не мог быть убит открыто, даже собственным верховным царем.

Неизбежное произошло: Кира, достигшего десятилетнего возраста, обнаружил его дед,

который увидел, как тот играет на деревенской площади и руководит другими мальчиками деревни. Было уже слишком поздно убивать его, так как никто не поверил бы в несчастный случай. Использовав сложившуюся ситуацию наилучшим образом, Астиаг признал родство с мальчиком. Его мудрец заверил его, что игра молодого Кира в царя исполнила предзнаменование виноградной лозы, поэтому

Вавилон	Мидия	ЛидияГигес1АрдисСелиатті	Персия
Набопаласар	Киарксес	1Алиатг	Теиспес
	/ \	/ \	1
Навуходоносор-	Амитис Астиаг	-—Ариенис Крез	Кир!1
	(дочь) (сын)	(дочь) (сын)	
	Мандана ---		1-Камбис I
Кир II (Великий)Камбис			

Генеалогическое древо Кира. Через браки Кир был связан с царскими семьями Вавилона, Мидии, Лидии и Персии. Предоставил Ричи Ганн.

Астиаг отправил Кира назад в Аншан, в дом родителей, которые никогда его не видели.

Затем он послал за Харпагом. Уличенный в невыполнении указания, Харпаг признался, что передал дело другому. Астиаг повел себя так, будто готов принять извинения своего кузена. «Все сложилось великолепно, — заверил он Харпага. — Я был весьма раздражен враждебностью дочери по отношению ко мне [сильное преуменьшение, предположили бы мы] и вовсе не испытывал удовлетворения от того, что сделал. Пришли своего сына во дворец познакомиться с братом, и мы отпразднуем вместе».

Харпаг отправил во дворец младшего сына. Астиаг убил мальчика, зажарил его и подал как главное блюдо этим вечером на празднике. «Решив, что Харпаг наелся, — пишет Геродот, — Астиаг спросил его, понравилась ли тому еда. Харпаг сказал, что очень понравилась. Тогда слуги принесли голову мальчика, его руки и ноги». Харпаг, увидев останки сына, «сохранил контроль над собой». Он сказал Астиагу, что «царь не может поступить неправильно. Затем он забрал то, что осталось от тела его сына, и вернулся домой».[3]

Если вся эта литературщина основана на действительных событиях, мы можем признать, что в традиции мидян было подавление любых эмоций. Читая между строк, мы можем увидеть более зловещую и сложную картину: царь мидян, все глубже и глубже погружаясь в некий безобразный параноидный психоз, при наличии деспотической власти мог заставить своих телохранителей выполнять жуткие приказания, направленные против других мидян; мидянин-чиновник, окруженный солдатами его царственного кузена, понимал, что его сын отправляется на ужасную смерть; персидскую царскую семью, которая обязана была повиноваться царским приказам, не могли оскорбить публично; а с персидскими низшими слоями приходилось обращаться с осторожностью, чтобы не вспыхнул протест.

Астиаг все еще считался владыкой Мидии и Персии. Он все еще был шурином царя Вавилона и вторым (или хотя бы третьим) величайшим правителем в известном мире. Но в Аншане, в доме Камбиса, подрастал Кир, властелин Персии, воспитываемый женщиной, которая ненавидела своего отца-мидянина. В самом дворце Харпаг, все еще внешне спокойно служивший своему кузену, планировал будущую месть — блюдо, которое надо подавать холодным.

Астиаг не оставался в неведении обо всех этих обидах. Он расставил охрану на всех дорогах, ведущих из Аншана в Экба-таны, так что никто не мог тайно провести армию к его дворцу.

Навуходоносор умер после сорока трех лет правления владыкой огромной территории. Но мы даже не знаем, где было закопано его тело. То, что проясняется из фрагментов записей — это лишь шестилетний период хаоса. Очевидным наследником царя являлся его сын, Амель-Мардук[185]; но, похоже, между отцом и сыном не все было гладко. Определенное противостояние отражается в библейском повествовании об освобождении Амель-Мардуком Иоакима после смерти старого царя — без сомнения, против воли Навуходоносора.

«В год, когда Эвил-Меродах стал царем Вавилона, — говорит нам Вторая Книга Царств, — он вывел Иоакима из дома темничного в двадцать седьмой день двенадцатого месяца. И говорил с ним дружелюбно и дал ему почетное место... И Иоаким снял тюремные одежды и остаток дней регулярно ел за столом царя».[4]

Гораздо более позднее предание, переданное иудейским историком XII века Иерахмиилом, говорит, что Навуходоносор заключил Амель-Мардука в тюрьму за предательство, и когда после смерти Навуходоносора Амель-Мардук был освобожден, он выкопал тело отца из могилы и бросил его на съедение грифам.[5] Если мы готовы взять информацию отсюда, это означает, что Навуходоносор с сыном были в более чем нелюбезных отношениях.

Вавилонские хроники фрагментарны, но Берос, хроникер фараонов, сохранил драматическую легенду: Амель-Мардук «правил, руководствуясь своими капризами, не соблюдая законов», так что муж его сестры организовал его убийство и взял власть после его смерти. Однако новый царь правил всего четыре года; и когда он умер, его сын, Лабаши-Мардук, «тогда еще ребенок, сел на трон и правил девять месяцев. Из-за его дьявольских выходок его друзья сговорились против него и забили его до смерти».[6] Другие писатели того же времени рассказывают примерно такую же историю: Амель-Мардук был «убит своим родственником» согласно греческому историку Мегасфену, Лабаши-Мардук «также принял мученическую смерть».[7]

Человеком, который в конце концов принял корону Вавилона, стал Набонид, армейский офицер, помогавший заключить договор между Мидией и Лидией тридцать лет тому назад. Ему было уже далеко за пятьдесят, а его сыну за тридцать, он имел десятки лет военного и придворного опыта.[8] Но в нем не было царской крови. Вероятно, он происходил из города Харран, так как его долго жившая мать, Аддагупи, много лет была там жрицей бога-луны Сина. Надпись в Харране упоминает о ней так: «Царь Вавилона, сын и росток моего сердца, сто четыре благополучных года в присутствии Сина, царя богов, для меня основа и причина жизни»?

Это было почетное, но отнюдь не законное наследование, как признавал сам Набонид. В своей самой известной надписи, нанесенной на колонну и описывающей реставрацию им храмов в городах Харран и Сампар, Набонид пишет: «Я Набонид, который не имел чести быть кем-то; ничего царского нет в моей крови».[10]Теы не менее его вступление на престол, похоже, поддержали и армейские офицеры, и государственные чиновники. Вавилонская хроника не описывает начало его правления, но его надписи говорят нам:

«В центр дворца принесли они меня, и бросились к моим ногам, и целовали мои ноги, оказывая почтение к моей царской власти... Что до Навуходоносора, который предшествовал мне$_y$ я [его]умелый представитель... войска вверили в мои руки».[11]

Вавилон, над которым взял власть Набонид, был ослаблен шестью годами неурядиц, и

новый правитель больше не имел сил, чтобы двинуться на юг против Египта, как делали его предшественники. Но он все еще оставался царем очень большой империи, и у него было не слишком много врагов. На востоке Астиаг все еще являлся царем мидян и персов и по-прежнему оставался его верным союзником. Камбис, царь Персии, умер в 559 году, за три года до этого, и молодой Кир стал правителем персов. «Кир стал царем персов в начинающемся году пятьдесят пятой Олимпиады, — говорит нам греческий историк Диодор Сикул и добавляет, что все историки соглашаются с этой датой.[12] Но Кир пока не демонстрировал дурных намерений по отношению к деду и не вспоминал попытки убить его во младенчестве. Он оставался верным к своему верховному царю-мидянину — и таким образом, также верным Вавилону.

На северо-западе могущественными лидийцами Малой Азии правил теперь Крез, сын Алиатта, который расширил свою империю еще дальше; фригийцы теперь являлись вассалами Лидии, а лидийцы заключили союзы с греко-ионическими городами вдоль побережья. «Сарды находились на вершине своего процветания, — замечает Геродот, — их посещали ... все образованные греки, жившие в то время, включая Солона Афинского». Солон тогда находился в десятилетнем изгнании, высланный из своего города. Торговые пути через Малую Азию приносили Крезу столько же дохода, сколько и его предшественнику Мидасу двести лет тому назад; и, подобно Мидасу, Крез приобрел репутацию одного из богатейших людей мира.

Набонид уговорил Креза заключить формальный союз между Вавилоном и лидийским престолом. Он находился также в мире с Египтом. Судя по всему, в течение какого-то короткого периода он вообще не имел врагов.

Но то был очень короткий период.

Кир не забыл обид на своего деда; очень вероятно, что его мать помогала ему помнить о них. По словам Геродота, он был «самым храбрым и самым любимым в своем поколении». Его семья, Ахемениды, принадлежала к племени пасаргадов, самому крупному и самому могущественному из всех персидских кланов. Эти люди уже были на его стороне, если бы он решил восстать против господства мидян, и он начал уговаривать другие племена, одно за другим, присоединиться к нему. Правление мидян становилось все более тягостным для персов, и Кир находил уши, желавшие услышать его слова: «Освобождайтесь от рабства... вы, по крайней мере, равны Мидии во всем, включая военное искусство/»[13]

Кроме того, на его стороне был старый Харпаг. «Кир по очереди встречался со всеми наиболее важными мидянами, — говорит нам Геродот, — и пытался убедить их в необходимости утвердить его своим лидером, чтобы положить конец правлению Астиага». По-видимому, поведение Астиага становилось все более и более отвратительным, потому что мидяне стали один за другим поворачиваться в сторону плана Харпага.

Когда все было готово, Кир и его персы начали марш к Экба-тане. Дозорные Астиага подняли тревогу. Старый царь находился еще в достаточно здравом уме, чтобы помнить прошлое — он приказал посадить на кол вне стен Экбатаны мудреца, который истолковал его сон как уже исполнившийся. Затем он созвал свои войска и поставил во главе армии Харпага, который великолепно играл свою роль уже много лет. Харпаг повел мидян против персов — и быстро перешел на их сторону вместе с большинством командиров. Вероятно, это был самый счастливый момент его жизни.

Горстка верных Астиагу солдат разбежалась. Астиага взяли в плен, Кир занял Экбатану, объявив себя царем мидян и персов. «Вот как пригила к концу власть Астиага после правления в течение тридцати пяти лет, — заключает Геродот. — Из-за его жестокости Мидия стала провинцией Персии после господства в течение 128 лет в той части Азии, которая лежит за рекой Галис».[и] Кир продемонстрировал то же нежелание проливать царскую кровь, которое сохранило его собственную жизнь — он не убил деда, но держал его в комфортном заключении

до тех пор, пока старик не умер естественной смертью.

Теперь персидская семья Ахеменидов правила землями на востоке. Кир не собирался захватывать Вавилон, своего старого союзника, но он намеревался править империей. Как только Астиаг умер, он счел договор между лидийцами и мидянами аннулированным и направился к владениям своего двоюродного деда Креза.

Две армии встретились у реки Галис и долго бились без результата. В итоге Крез отступил, намереваясь послать в Вавилон за помощью, но Кир ворвался в Лидию и в конце концов блокировал лидийскую армию у самой столицы Сарды. Он разгромил лидийскую кавалерию, бросив в бой верблюдов, которые напугали лошадей, затем обложил город и взял его после всего лишь четырнадцати дней осады.[15]

Кир посчитал, что его люди заслужили награду, поэтому позволил им ворваться в город и растащить его баснословные богатства. Тем временем Крез, взятый в плен и приведенный к Киру, наблюдал за этим со стены, стоя рядом с захватчиком. Он не произнес ни слова, поэтому Кир спросил его, почему он не подавлен, видя, как исчезают его богатства. «Те богатства, что они грабят, — ответил Крез, — уже не мои, а ваши». На это Кир немедленно приказал прекратить грабеж.[16]

Кир, законченный прагматик, награждал других с великой щедростью до тех пор, пока это сулило ему преимущества.[186]

Даже более поздние писатели, которые идеализировали его, — такие, как греческий полководец Ксенофонт, сражавшийся некоторое время на стороне персов, и написавший «Образ Кира», где попытался объяснить, как сдержанность, справедливость и «щедрость души»[17] Кира помогали ему создавать самую великую империю в мире, — неумышленно открывают, что стратегией Великого Царя были сила, страх и подавление. «Человеку легче, — начинает Ксенофонт, — управлять любыми зверями, чем править человеческими существами».

Однако, *«Киру, персу... владевшему очень многими людьми, очень многими городами и очень многими народами, послушными ему... охотно подчинялись даже некоторые далекие от него люди, жившие на расстоянии многих дней пути; и люди, жившие на расстоянии месяцев пути, которые никогда его не видели; и даже такие, которые прекрасно знали, что никогда не увидят его. Тем не менее они охотно подчинялись ему, настолько он превосходил других царей».*[18]

Несмотря на справедливость и щедрость души, он превосходил других царей прежде всего в организации террора. «Он мог распространить страх по отношению к себе так широко по миру, что устрашал всех, — сообщает Ксенофонт перед тем, как перейти к восхвалению справедливости Кира, — и никто не пытался совершить что-либо против него».[19] То, чего он не мог сделать страхом, он покупал; он был достаточно щедр в случаях, когда расходы давали перспективу большего приобретения. Как пишет Ксенофонт много позднее:

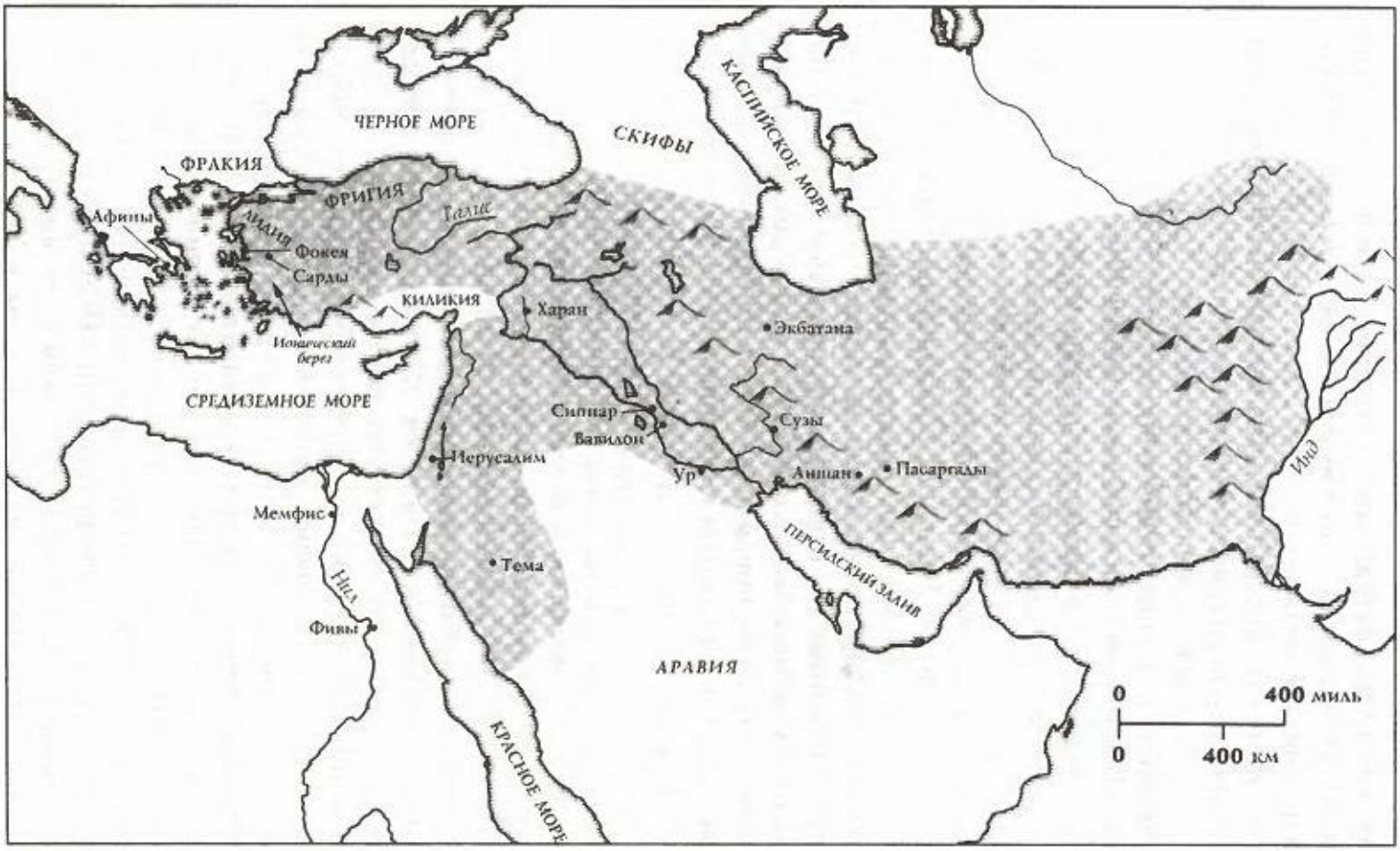
«Он превзошел всех в угощениях... он превзошел все человеческие существа еще больше при раздаче даров.

Кто еще у как говорят, по щедрости даров, заставлял людей предпочитать его брату, отцу и собственным детям? Кто еще был способен отомстить врагам, которые находились на расстоянии многих месяцев пути так, как царь персов? Кого еще, кроме Кира, уже после распада империи, называли „отцом”, когда он умер?»[20]

Этот титул «отец» бросает в дрожь и еще более вызывает мурашки, когда Ксенофонт продолжает рассказывать, что «Отец Кир» использовал свои подношения, чтобы уговаривать людей по всей империи становиться «так называемыми Глазами и Ушами царя» и отчитываться ему обо всем, *«что может принести царю выгоду... Существует много Ушей царя и*

множество Глаз, и люди повсюду боятся сказать что-либо не в пользу царя, как будто он слушает, и боятся сделать нечто, что не на пользу ему, как будто он присутствует тут».[21]

Тем не менее Ксенофонт настаивает на том, что видит в Кире нечто новое: нового царя или императора. Он ошибается, думая, что «новизной» были правосудие, великодушие и справедливость царя. Кир, как и каждый другой великий царь до него, удерживал свою империю силой и страхом. Но его империя действительно была «новой» по числу различных народов, которые она смогла объединить в одно целое под единым правлением. Теперь мидяне, лидийцы (включая Фригию) и северные провинции Ассирии, завоеванные его дедом — все стали частью Персии. Кир дал задание Харпагу завоевывать дальше ионические города вдоль побережья, а сам вернулся к кампании на востоке территории Мидии; надписи и упоминания в древних текстах предполагают, что он прошел в сражениях почти весь путь до Инда, хотя и не смог войти в долину этой реки.[22] И он также не рискнул выйти в море — персы еще не обладали морской мощью.

Империя Кира Великого

Оставались независимыми всего три царства: разбросанные владения скифов на севере, египтяне далеко на юге и — наиболее мощные из всех — вавилоняне на западе.

Набонид не обращал особого внимания на дела в своей империи. На самом деле он сделал своего сына Бел-шар-уцура соправителем, отдал ему Вавилон и отправился на юг, в Аравию, где создал себе резиденцию подальше от центра собственной империи.

Так что же все-таки Набонид делал в Аравии?

История падения Вавилона, составленная сразу же после его правления, «Поэма о Набониде», была написана его врага-ми-персами, которые имели цель показать его неспособность править, и поэтому его следовало проглотить с ложкой соли. Но «Поэма» неумышленно говорит нам правду, когда обвиняет Набонида в поклонении другому богу, а не Мардуку. «Поэма» называет этого бога Нанна и говорит, что он был неизвестен людям в

Вавилоне: бога, *которого никто никогда не видел в стране, вознес он на пьедестал, обращался к нему по имени Нанна и короновал тиарой, а выглядел бог как затуманенная луна.*[23]

Этот бог не мог быть известен персам — но он, без сомнения, не был незнакомцем для вавилонян. Это был не кто иной, как древний бог-луна Син старого города Ура.

Набонид определенно поклонялся Сину; его мать, жрица луны, упоминает о набожности сына. Но поклонение Набонида привело его к проблемам. Хотя его собственные надписи относят его восшествие к власти (и падение наследников Навуходоносора) к благословению Сина, это поклонение увело его от трона, который он получил с таким трудом. Он почти сразу же столкнулся с проблемами во взаимоотношениях со жрецами Мардука, которые во время правления Навуходоносора приобрели огромное влияние и посчитали свою враждебность к Набониду вполне достаточной, чтобы сделать Вавилон непригодным для его жизни там: «Они игнорировали обряды [Сина], — жаловался Набонид в своих надписях, — ...и [Сип]заставил меня покинуть мой город Вавилон и отправиться к Тейму. ... Десять лет я... не входил в мой город Вавилон».[24]

Его решение было “простым: он передал город Вавилон своему сыну Бел-шар-уцуру, которого сделал соправителем, и оставил избранный Мардуком город. Он уехал далеко в Аравию и остановился в пустынном городе Тейм, как говорит «Поэма»:

Он позволил всему идти своим путем, вверил царство сыну, и, забрав с собой армию, направился к Тейму далеко на западе, прибыв туда, в битве убил он принца Тейма, вырезал толпы и горожан, и сельских жителей, и устроил себе в Тейме резиденцию.[25]

То не было только поступком отчаяния. Тейм располагался в центре торговых путей, через город постоянно шли ценные товары — золото и соль. Из него Набонид мог держать руку на пульсе вавилонской торговли, и его переписка с Бел-шар-уцуром свидетельствует, что на самом деле он во все не «позволял всему идти своим путем». Его сын, который был в лучших отношениях с Мардуком, чем с отцом, в действительности правил под его руководством.

Тем не менее Набонид оказался перед дилеммой, возникшей из-за религиозных убеждений. Его греческие и мирские обязанности столкнулись, и так как он должен был принести в жертву одно или другое, он пожертвовал мирскими обязанностями. Он не возвращался в Вавилон даже на новогодние празднества, в которых царь должен был сопровождать Мардука во время его торжественного шествия через Ворота Иштар, чтобы подтвердить собственное право на трон. Набонид, удерживаемый любовью к собственному божеству, не мог заставить себя сделать это.[187]

В конце концов это ослабило Вавилон и предоставило Киру шанс захватить его.

К 540 году Кир начал выдвигать войска к западной границе, где начались периодические стычки с вавилонянами. Вторжения персов становились все более серьезными, так что Набонид приготовился отправиться на север, обратно в сердце своей империи.[26]

Ко времени, когда он прибыл, Кир уже подготовил атаку на сам Вавилон. Набонид, бывший теперь снова у власти, приказал вавилонским войскам выступить навстречу врагу. Они пересекли Тигр и встретили персидские войска под предводительством Кира у Описа.

«Вавилоняне вступили в бой, — без обиняков сообщает Геродот, — но они проиграли битву и были загнаны назад в город»,[27] где немедленно забаррикадировались под руководством Набонида. По словам Ксенофонта, у них было достаточно пищи и воды, чтобы продержаться двадцать лет.[28] Подъем Кира к власти был достаточно плавным для вавилонян, чтобы хорошо подготовиться к осаде (действие благоразумное — но очевидно предполагающее, что Набонид не питал особых надежд на способность его армии противостоять Киру).

Кир, понимая, что у него уйдут месяцы, если не годы, чтобы дождаться голода среди

защитников такого огромного и хорошо оснащенного города, составил другой план. Ксенофонт описывает его так: Тигр, который протекал через самый центр Вавилона, был глубже, чем два человеческих роста. Город невозможно было легко затопить благодаря укреплениям Навуходоносора, но Кир собирался использовать другую стратегию. Он выкопал вокруг Тигра рвы выше по течению от города, и однажды темной ночью его люди открыли все рвы одновременно. При отведении от основного течения во многих направлениях уровень Тигра, который тек через город, немедленно упал до уровня, достаточного, чтобы персидские солдаты смогли пройти по илистому руслу реки под стены города. Ядро наступающего отряда выбралось наверх со дна реки внутри города; ночью, перемазанные в иле, они мчались по улицам, крича, будто пьяные кутилы, пока не достигли дворца и не взяли его штурмом. Ксенофонт указывает, что в данное время как раз проходило несколько религиозных празднеств, это и помогло замаскировать вторжение. Книга Даниила соглашается с этим, говоря, что Бел-шар-уцур, соправитель, праздновал во дворце с сотнями знатных горожан и был уже пьян, когда персы ворвались во дворец.

Набонид, по-видимому, был где-то в городе; его схватили и пленили без ран. Но Бел-шар-уцур был убит в последовавшей схватке. Ворота открыли изнутри. Остальные персы вошли внутрь, и город пал. Произошло это 14 октября 539 года до н. э..

Несомненно, до Кира доходили слухи, что Набонид пренебрег Мардуком, и тот наказывает город за такое оскорбление. Кир немедленно продемонстрировал себя избранником Мардука. Он въехал в город, чтобы «взять руку Мардука» в традиционной религиозной церемонии. В конце концов он был по браку внучатым племянником Навуходоносора, а троны наследовались и при меньшей связи по крови. Он поручил своим писцам объяснить, в традиции Меродах-баладана и Наполеона, что по сути он — освободитель Вавилона, реставратор его древнего величия.

> Он спас Вавилон от претензий Набонида,
> царя, который не чтил Мардука,
> и которого Мардук отдал в руки Кира.
> Народ распростерся ниц и целовал Киру ноги,
> люди возрадовались его верховной власти, и просияли их лица.
> Я, Кир, освободил жителей Вавилона от их ярма.
> Я восстановил их дома, я убрал руины,
> Мардук, Великий Господин, возрадовался моим деяниям.
> Я вернул богов на должные их места
> по указанию Мардука, Великого Господина.[29]

Точно таким же образом Кир объявил евреям, что восстановит честь их бога Яхве. Это сделало его очень популярным среди ссыльных евреев. «В первый год Кира, царя Персидского, — начинается книга Ездры, говорящая о первом годе господства Кира в Вавилоне, — возбудил Господь дух Кира, царя Персидского, сделать заявление: все царства земли дал мне Господь, Бог небесный, и Он повелел мне построить Ему дом в Иерусалиме, что в Иудее. Кто есть из вас, из всего народа Его, пусть идет в Иерусалим, что в Иудееу и строит дом Господа, Бога Израилева»?[0] Кир также вернул ценности из храма Соломона, которые нашел в сокровищнице Вавилона. — еще один пример использования им богатств (в данном случае захваченных другими) для подкрепления собственной позиции. За это он заработал себе от евреев титул «Помазанник Господень».

Чуть позднее чем через год после начала возвращения в Иерусалим, во время великого празднования, вернувшиеся ссыльные заложили основание Второго Храма. Священники облачились в ризы, которыми не пользовались со времени взятия города Навуходоносором; звучали трубы, цимбалы и пение. Но новое творение, убогое и неустойчивое, возведенное среди валунов, было так не похоже на предыдущее великолепие, что более взрослые наблюдатели не могли вынести этого отличия. Когда молодые ссыльные кричали, «священники в летах... и главы семей, которые видели предыдущий храм, рыдали в голос, видя основание этого храма... Невозможно было отличить крики радости от рыданий, но шум был слышен далеко».[31]

Победа Кира не привела к изменению системы правления. Он сделал огромный дворец Навуходоносора одним из своих царских дворцов и оставил дворец в Экбатане летней резиденцией; высоко в горах дворец был блокирован снегом большую часть зимы, но в нем было намного приятнее, чем на жаркой персидской равнине в летние месяцы. Его дворец в Аншане оставался еще одним его домом. Но для администрации своей новой империи Кир выстроил новую столицу, Пасаргады.

В Персидской империи завоеванные народы имели возможность вести повседневную жизнь без излишнего давления со стороны власти. Новое в империи Кира заключалось в том, что населяющие ее народы не считались единой персидской нацией, а люди не обязаны были становиться персами. Кир рассматривал свою империю как набор различных народов под управлением персов. В отличие от ассирийцев, он не пытался разрушить национальную идентичность и индивидуальность. Вместо этого он изображал себя в виде великодушного пастыря всех этих индивидуальностей — а тем временем продолжал платить своим Ушам и Глазам, чтобы знать о возможных неприятностях.

Сравнительная хронология к главе 59

Рим Вавилон Персия Мидия Саргон II Синаххериб Тул Гастилий Шамаш-шум-укин КирI Анк Марций Кандалану Киаксар Син-шум-ишкун Тарквииий Древний Набопаласар Падение Ниневеи (612 год до н. э.) Навуходоносор(605–562 годы до н. э.) Падение Иерусалима (587 год до н. э.) Астиаг Сервий Туллий(578 год до н. э.) Камбис I Амель-Мардук Лабаши-Мардук Кир II(Великий) (559 годы до н. э.) Набонид(556–539 годы до н. э.) Падение Вавилона (539 год до н. э.)

Глава шестидесятая
Римская республика

Между 550 и 501 годами до н. э. кельты и карфагеняне выходят на историческую сцену, в то время как Рим изгоняет своих царей

Победоносный Кир оставил Харпага в Малой Азии, чтобы тот завершил завоевание Лидии взятием расположенных вдоль берега ионических городов, которые были ее союзниками.

По Геродоту кампания Харпага вызвала эффект домино. Он начал операцию с Фокеи — города в центре побережья, жители которого были «самыми первыми греками, которые совершили дальнее путешествие через море». Осадив город, Харпаг начал энергично проводить земляные работы возле его каменных стен. Тогда жители сообщили Харпагу, что готовы вести переговоры о сдаче, если он отойдет на день и даст им спокойно обсудить это дело. Он сделал, как его просили, и тогда фокейцы «спустили на воду свои пентеконтеры[188], погрузили на борт всех женщин и детей и все свое личное имущество... сели на суда сами» и уплыли прочь. «Так

персы взяли Фокею, в которой не было людей».

Фокейцы уже построили себе торговую факторию под названием Алалия на острове Кирн — греки называли его Корсикой. Половина фокейцев, мучимая тоской по дому, решила вернуться в свой пустой город и довериться персам. Другая половина уплыла в Алалию.[1]

Поселившись на Корсике, фокейцы создали собственную торговую империю. Пентеконтеры прекрасно подходили для торговли: они имели многочисленную команду (как минимум пятьдесят гребцов плюс палубная команда и капитан), при необходимости все могли сражаться, что делало пентеконтеру гораздо более опасной для пиратов, чем простое купеческое судно, которое часто имело на борту всего пять-шесть человек.[2] Фокейцы планировали установить господство на западных торговых путях Средиземного моря, на которые другие греческие города еще не обращали особого внимания. В качестве своих передовых постов на западе они основали колонию на современном южном побережье Франции. Этот новый город, Массалия, связал сеть греческой торговли с торговой сетью племен, которые были еще едва известны. Это были дикие кочевые племена, пришедшие из глубин необжитых земель далеко от берега. Они приносили с собой золото и соль, янтарь, мех и — самое ценное — олово.

Так фокейцы встретились лицом к лицу с кельтами.

«Кельты» — это анахроническое название племен, которые бродили на западе центральной Европы между 600 и 500 годами до н. э. И греки, и римляне немного позднее стали называть этих людей «галлами» или «кельтами», но между 600 и 500 годами до н. э. они еще не имели «этнической идентификации»,[3] будучи просто разбросанными племенами.

Все эти племена имели индоевропейское происхожение, то есть давным-давно пришли из тех же земель между Каспийским и Черным морями, что и народы, позднее известные как хетты, микенцы и арии.[4] Сходство в языках этих четырех индоевропейских народов предполагает, что они пришли из общего места, чтобы расселиться в четырех различных областях: хетты ушли на запад, в Малую Азию; микенцы — на запад, а затем на юг, на север греческого полуострова; «кельты» — на север Альп; арии — сначала на восток, а потом на юг, в Индию.

Но индоевропейцы, известные позднее как кельты, не имели письменности, поэтому мы можем изучать только их погребения и вещи, которые они оставили после себя. Ко времени, когда была построена Массалия, примерно в 630 году до н. э., один и тот же обычай захоронения распространился из района современной Австрии к южному течению реки Луары. Мы называем этот период Хальштаттской культурой — по самому известному ее памятнику, кладбищу и соляной шахте к югу от Дуная.[189]

Хальштаттские племена наполняли свои могилы золотыми ювелирными изделиями, мечами и копьями, пищей и питьем — согласно ритуалу, все это полагалось мертвым для жизни в загробном мире. Могилы умерших вождей были окружены могилами воинов, которых хоронили с длинными железными мечами, их самым ценным имуществом.[5] Купцы из племен Халыитатта водили свои обозы с янтарем, солью и оловом до Массалии издалека — даже из шахт, расположенных на месте современного Корнуолла. Все это были ценные и редкие товары, и торговля превратила Массалию в стремительно растущий город.

Прибыльная торговля фокейцев, ведущаяся из Массалии, быстро разрасталась, что было невыносимо для этрусков. Города самой Этрурии занимались тем, что основывали другие города все дальше и дальше на север. Теперь же агрессивные греки вторглись на территорию, которую этруски считали подходящей для разработки в собственных интересах. Греческие колонии появлялись вдоль южного берега современной Франции; Монако, Ницца и Сент-Тропе

— все эти пункты возникли как греческие торговые фактории.[6]

Давление подталкивало города Этрурии — такие же непримиримо независимые, как и греческие, — к объединению в ассоциацию. Пять этрусских городов Италии за век до описываемых событий уже объединялись в союз против Рима. Теперь двенадцать этрусских городов были готовы связать свои судьбы в коалицию, образованную как имитация греческого амфик-тиониса (amphictyonys) — союза, когда города объединялись лишь для самых простых целей, сохраняя свою политическую независимость. Этрусская Лига, созданная около 550 года до н. э., включала города Вейи, Тарквинии и Вольсинии.[7]

Однако, даже после объединения Этрусская Лига не могла надеяться успешно бороться с вторгающимися фокейцами, поскольку те могли вовлечь в развязанную войну сотни судов объединенных греков. И тогда, продолжает Геродот, этруски вступили в союз с карфагенянами.

Карфагену, который располагался на северном берегу Африки, к 550 году было уже триста лет. Два старейших города вольной финикийской федерации, Тир и Сидон, теперь попались под власть Кира. Но Карфаген, находившийся много дальше, стал центром собственного маленького царства. В 550 году его царем был Магон — первый карфагенский монарх, о котором у нас имеется исторические свидетельства.[8]

К дням Магона Карфаген уже рассеял свои торговые колонии по Средиземному морю. Карфагеняне оказались ничуть не удачливее этрусков и тоже увидели, как греки деловито колонизируют окружающие территории. Поэтому они легко объединились для борьбы с фокейцами в Алалии.[190] Историческая запись об альянсе сохранилась в «Политиках» Аристотеля, где упоминается, что «этруски и карфагеняне» однажды объединились «для обеспечения безопасности торговли и для деловых взаимоотношений

Греки в Алалии (современная Корсика), уловив их замысел, подготовились к войне: «Фокейцы подготовили шестьдесят кораблей, — пишет Геродот, — и вышли встретить врага в Сардинское море». В последовавшей битве было потоплено сорок фокейских кораблей, а оставшиеся двадцать были так сильно повреждены, что больше не могли сражаться, но оставались еще на плаву. Поэтому фокейцы вернулись назад на Корсику, снова погрузили своих женщин и детей, и отправились к Рению — греческому городу на «носке» Италийского сапога.

Морская битва у Алалии была второй из известных великих морских битв (первой стала битва Рамсеса III с «морским народом». Прямым ее результатом стало то, что этруски захватили главенство в этом районе. Они завладели Корсикой и, не донимаемые более перемещавшимися на пентаконтерах фокейцами, сами возводили торговые колонии, выдвинув их далеко на запад, до самого испанского берега (во всяком случае, так сообщает Стефан Византийский). Они были на вершине своего могущества, став хозяевами Италийского полуострова к северу от Тибра.[10]

У Массалии связи с Алалией прервались, но этруски не разрушили ее. Стерев с лица земли материнский город, они не особо беспокоились о далеком ребенке. Возможно, Массалия боролась за существование какое-то время, но, не погибнув, город смог дожить до XXI века и называется теперь Марсель.

Исход битвы также предоставил Карфагену поле для экспансии. Заключив договор с этрусками, он утвердил свою власть на Сардинии. Карфагеняне распространили свое влияние до испанского побережья, не опасаясь греков в западной части Средиземного моря.

Пока греки отошли, а карфагеняне и этруски плавали по Средиземному морю, Рим рос и в размерах, и в мощи. Чем больше занималось пространства, тем сильнее становились внутренние проблемы. Как мог царь одного народа править обществом из людей, настолько враждебных друг другу, что они отказывались даже от смешанных браков? И как мог этот царь иметь дело с

аристократией, такой самоуверенной и независимой, что ее даже подозревали в убийстве первого, полусвятого правителя?

В дни этрусского правления римский правитель и римский народ, похоже, попытались выработать некий компромисс между монархическим абсолютизмом в стиле Кира и народным правлением, какое бытовало в Афинах. История компромисса запутана ранними римскими историками, которые, похоже, приписывали более ранним временам структуры, сложившиеся много позднее. Но, судя по всему, даже в дни царей римлянам уже было дано право голоса в городских делах.

0
200 миль
0
200 км
Рейн
Хайнебург
ХАЛЬШТАТТСКИЕ ПЛЕМЕНА
Дюрнберг
Хальштатт
Ла Тэн
Дунай
Гальское вторжение
Альпы
Трентo
Бергамо
Виченца
Ди Комо
Брешия
Тицин
По
Верона
Медиолан
(Милан)
Рона
Аудр
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
Массалия
(Марсель)
Клюзиум
Тибр
ЭТРУРИЯ
Вольсинии
Алалия
Тарквинии
Рим
КИРН
(Корсика)
Вейи
Ардеа
Испанский берег
САРДИНИЯ
САРДИНСКОЕ МОРЕ
Регium
СИЦИЛИЯ
Карфаген
мыс Фаир

Римляне, карфагеняне и галлы

Римский историк Варрон упоминает раннее деление римлян на три своеобразных «племени», которые могли представлять собою три национальные группы — сабинян, латинян и этрусков (хотя самые ранние рассказы о Риме ничего об этом не сообщают).[11] С другой стороны, Ливий приписывает Сервию Туллию разделение людей Рима на «классы», основанное не на происхождении, а на богатстве. Считалось, что самые богатые римляне должны защищать город в бронзовом шлеме, со щитом, в ножных латах и нагруднике, с мечом и копьем; от беднейших требовалось только принести пращи и камни.[12] Даже под властью царей от горожан Рима ожидалось, что все они будут защищать свой город — и, предположительно, сами решать вопросы обороны и нападения. Однако, имея столько веса в своем городе, римляне не хотели терпеть далее правление царя.

В конце сорокачетырехлетнего правления Сервия Туллия монархия рухнула.

Виновником случившегося оказался племянник Сервия Туллия, Тарквиний Младший. Он был не только амбициозным, но и дурным человеком; его испорченность вскоре привела к тому, что он завел роман с женой младшего брата Туллией — которая тоже оказалась нехорошим человеком. «В зле заключена магнетическая сила, — замечает Ливий, — подобное стремится к подобному». Сам Тарквиний Младший тоже был женат, но, не давая событиям идти своим путем, любовники замыслили убить обоих своих супругов, а затем пожениться.

«С этого дня, — пишет Ливий, — Сервий, теперь старик, жил в атмосфере нарастающей опасности». Туллию, предшественницу леди Макбет, переполняло желание, чтобы ее новый муж стал царем, и «вскоре оказалось, что одно преступление неизбежно ведет к другому ... она не давала своему мужу отдыха ни днем, ни ночью...» «Я не хочу рядом мужчину, который удовлетворен лишь тем, что он мой муж, — твердила она ему, — я хочу рядом мужчину, который стоит короны!»

Толкаемый к действию, Тарквиний Младший проник в тронный зал, когда Сервия Туллия там не было, уселся на трон и объявил себя царем. Сервий, услышав о таком вторжении, вбежал в тронный зал, чтобы встать лицом к лицу с узурпатором, но Тарквиний, который «зашел слишком далеко, чтобы отступать», собственными руками вышвырнул старого царя на улицу, где нанятые им убийцы прикончили старика. «Со смертью Сервия, — пишет Ливий, — царство пришло к концу; никогда больше не было римского царя, правящего человечно и справедливо».[13]

Тарквиний Младший, захвативший теперь трон, быстро заработал себе прозвище: «Тарквиний Гордый». Он создал специальную охрану, чтобы силой держать римлян в послушании; он казнил преданных Сервию сторонников; он обвинял невинных людей в наказуемых смертной казнью преступлениях, чтобы конфисковать их деньги.

«Он силой узурпировал трон, для которого у него не было никакого титула», — сообщает нам Ливий. — Люди не выбирали егоу Сенат не санкционировал его восшествие. Без надежды на любовь своих подданных он мог править только при помощи страха... Он наказывал смертью, ссылкой или конфискацией имущества людей, которых начинал подозревать в заговоре или просто невзлюбил; он нарушил сложившуюся традицию совета с Сенатом по всем общественным делам; он заключал и расторгал договоры и союзы с кем хотел, не считаясь ни с народом, ни с Сенатом».

Все это были серьезные оскорбления, нанесенные римлянам. Но последняя капля упала тогда, когда его сын, предполагаемый наследник римского трона, изнасиловал знатную римлянку по имени Лукреция, жену одного из своих друзей. Опозоренная, Лукреция покончила с собой. Ее тело лежало на городской площади, а муж кричал, прося своих земляков помочь ему

отомстить за смерть жены. Не потребовалось много времени, чтобы возмущение по поводу изнасилования Лукреции переросло в возмущение против тиранических поступков всей семьи. Сам Тарквиний Гордый находился в это время вне Рима, ведя войну против соседнего города Ардея. Когда новость о мятеже дошла до него, он бросился в Рим; но ко времени, когда он прибыл, восстание было в разгаре. «Тарквиний нашел городские ворота закрывшимися перед ним, — пишет Ливий, — и было объявлено о его высылке». Армия с энтузиазмом присоединилась к мятежу, и Тарквиния с сыном заставили уехать на север, в Этрурию.

Овдовевший муж Лукреции и один из его доверенных друзей были выбраны лидерами города свободным голосованием армии: но голосовать позволили только членам отрядов, которые были образованы Сервием Туллием. Двоим избранникам было делегировано царское право объявлять войну и издавать декреты — но с одним отличием: их власть длилась лишь один год, вдобавок каждый имел право вето на декрет другого. Теперь они стали консулами, что было самой высокой должностью в римском правительстве. Рим освободился от монархии, началось время Римской Республики.[191]

Ливий, наш самый полный источник информации о той эпохе, придает этой истории прореспубликанский глянец. Согласно ему, как только Тарквиния Гордого изгнали из города, вся история Рима делает резкий поворот: «Моей задачей отныне будет следить за историей свободной нации, — заявляет Ливий, — управляемой ежегодно избираемыми служителями государства и с подданными, подчиняющимися авторитету закона, а не капризам отдельных личностей».

Изгнание Тарквиния Гордого имело, вероятно, историческую основу — но не похоже, что римляне внезапно осознали недостатки монархии. Скорее, высылка этрусского царя означает освобождение от этрусского господства.

Этруски правили Римом со времени восшествия на престол Тарквиния Древнего, то есть за сто лет до описываемых событий. Но со времени победы на море у Алалии в 535 году на этрусков оказывали сильное давление, им приходилось бороться за свою власть.

События, последовавшие за изгнанием Тарквиния Гордого, показывают ослабление сил этрусков. В Этрурии Тарквиний двигался от города к городу, пытаясь собрать антиримскую коалицию. «Мы с вами одной крови», — был его самый сильный аргумент. Люди Вейи и Тарквинии отозвались на призыв. За Тарквинием к Риму двинулась армия двух городов в попытке вновь утвердить власть этрусков над самым важным городом юга Этрурии.

Римская армия встретила их и разбила в яростном сражении. Это была почти лотерея: Ливий замечает, что римляне победили, потому что потеряли на одного человека меньше, чем этруски. Затем этруски начали планировать второй поход на Рим, на этот раз под командованием Ларса Порсены, царя этрусского города Клузий.

Сведения о надвигающемся нападении вызвали в Риме что-то близкое к панике. Римляне едва смогли отбиться от Вейи и Тарквинии, а Ларе Порсена завоевал себе репутацию жестокого воина. В ужасе селяне с окраин города бросали свои наделы и укрывались за стенами.

Особенной чертой обороны Рима было то, что город с трех сторон защищали стены, а с четвертой, восточной, — только Тибр. Обычно реку считали непреодолимой, но существовал один способ пересечь Тибр и попасть прямо в город: деревянный мост, ведущий через реку с восточных земель извне города прямо в самое сердце Рима и известный как Яникул.

Первый раз Ларе Порсена подошел именно с этого направления, отказавшись от штурма стен в пользу Тибра. Этрусская армия налетела, как шторм, и без труда взяла Яникул; римские солдаты, стоявшие там, побросали оружие и, спасаясь, помчались по мосту.

Кроме одного — солдата по имени Гораций, который занял оборону на западном конце моста, готовый защищать город в одиночку: «видимый среди хаоса отступающих, — пишет

Ливий, — меч и щит, готовые к действию».[14]

Согласно римскому преданию, Гораций удерживал этрусков достаточно долго, чтобы прибыли силы римлян для разборки моста. Игнорируя их крики отойти назад, прежде чем мост рухнет, он продолжал сражаться, пока распиливали опоры. «Про-движение этрусков внезапно было остановлено падением моста и одновременным криком триумфа римских солдат, которые исполнили свою работу вовремя», — пишет Ливий. Гораций, отрезанный теперь от города, бросился в полном вооружении в реку и поплыл. «Го была замечательная работа, — заключает Ливий, — может быть у это и легенда, но достойная празднования в грядущих веках».

Так же, как и уход Синаххериба от стен Иерусалима, оборона моста Горацием стала второстепенным военным эпизодом, который остался в памяти благодаря стихам; в данном случае — «Балладам древнего Рима» Томаса Бабингтона Маколи, в которой Гораций превращается в образец отважного британского патриота:

> Говорит тогда храбрый Гораций,
> Капитан при воротах отряда:
> «К человеку каждому на этой земле
> Раньше ли, позже приходит смерть.
> И нет для мужчины почетней ухода,
> Чем, глядя в лицо шансам неравным
> Пасть за пепел отцов своих
> И богов своих храмы!»[15]

Как бы доблестно ни звучала эта легенда, обороной моста наступление этрусков не завершилось. Порсена рассредоточил свои силы у Ианикула, перекрыл реку так, что корабли не могли снабжать Рим пищей, и осадил стены. Осада, дополняемая незначительными стычками, продолжалась, пока Порсена наконец не согласился отойти в обмен на уступки римлян. Два города заключили мирный договор, который почти не привел к переменам в их взаимоотношениях, но, по крайней мере, погасил враждебность.

Договор показывал, что этруски и римляне теперь были равны по силам. Учитывая, что этруски столько десятилетий доминировали в регионе, это стало поражением для городов Этрурии. И в том же году Рим заключил собственный договор с Карфагеном, который признавал морской берег к югу от устья Тибра не этрусской, а римской территорией.

Полибий описывает этот договор в работе «Взлет Римской империи». Как он понимает это, Рим и Карфаген согласились на дружбу на определенных условиях, причем самое важное то, что римские корабли не должны были заплывать дальше на запад, чем «мыс Фаир», современный мыс Бон. [192]

Если римский мореход сбился с курса, и его прибило к запрещенной территории, то он должен был починить свой корабль и отплыть в течение пяти дней, не покупая и не увозя «ничего, кроме требуемого для починки своего корабля или для принесения жертвы». [16] Любая торговля, которая имела место восточнее мыса Фаир, должна была проводиться в присутствии городского чиновника (по-видимому, чтобы не дать римлянам торговать оружием вблизи территории Карфагена). В ответ карфагеняне согласились оставить в покое все латинское население, не строить возле них фортов и воздерживаться от прихода на латинские территории с оружием. Ясно, что римляне были более озабочены своей будущей политической экспансией, в то время как карфагеняне заботились прежде всего процветании своей торговой империи.

С другой стороны, этрусков тут совсем не было видно. Они вот-вот могли потерять

контроль над землями вокруг реки По; группы кельтских воинов как раз переходили Альпы, направляясь в северную Италию.

Согласно Ливию, ими двигало взрывное увеличение населения; Галлия стала «такой богатой и густонаселенной, что эффективный контроль за столь большим населением стал представлять серьезные трудности». Поэтому царь кельтов в

Галлии выслал двух своих племянников с двумя группами сторонников найти новые земли. Один племянник пошел на север, в «южную Германию», а другой пошел на юг с «огромной толпой», к Альпам. Они пересекли горы и, «разбив этрусков возле реки Тицин... основали город Медиолан» — тот, что позднее станет Миланом.

Но это еще не был конец вторжения. Ливий описывает по крайней мере четыре успешные волны галльского нашествия. Каждое приходящее племя отодвигало этрусских жителей, обитавших в городах южнее Альп, и строило в долине реки По собственные города. Четвертая волна прибывших кельтов нашла «всю страну между Альпами и По уже занятой», поэтому «пересекла на плотах реку», изгнала этрусков с территории между По и грядой Аппеннин и поселилась там.[17]

Кельты производили устрашающее впечатление, направляясь с горных склонов к стенам этрусских городов. Слово «кельт», данное этим племенам греками и римлянами, происходит от индоевропейского корня, означающего «удар»; оружие, найденное в кельтских могилах — семифутовые копья, железные мечи с острым концом и режущим краем, боевые колесницы, шлемы и щиты — свидетельствует об их военном искусстве.[18]«Они спали на соломе и листьях, — повествует Полибий, — ели мясо и практиковались только в занятиях войной и сельским хозяйством».[19]

Особо крупное вторжение, которое началось примерно в 505 году до н. э., являлось частью более глобального изменения во всей кельтской культуре. Как раз примерно в это время новый обычай начал шествие по старым поселениям Хальштатта: это была культура, которая использовала узлы, кривые и переплетенные линии в орнаменте, и хоронила своих вождей не с повозками, как в халыитаттских могилах, а с двухколесными боевыми колесницами. Это не был мирный захват: кладбище, найденное в Хайнебурге на юге Германии и принадлежащее культуре Халыитатт, было абсолютно разорено, а халынтатт-ская крепость на Дунае сожжена.[20]

Археологи дали этой следующей фазе в кельтской культуре название «Ля Тен» («La Тепе») по одному из самых ее обширных районов на запад от Южного Рейна. В некоторых местах области культуры Ля Тен лежат южные области Хальштатта или перекрывают их (как Хайнебург или Дюрнберг), но в основном они лежат немного севернее.[21] Этот стиль в искусстве, которое мы теперь определяем как «кельтское», и характеризует культуру Ля Тен, которая сменила культуру Хальштатта. Это было не иностранное вторжение, а смена внутренних стадий развития: одна кельтская культура выдавила другую.

Внутренняя борьба за доминирование одной группы над другой породила подъем внешней экспансии и увеличение числа вторжений на юг, в Италию; эта реальность сохранилась в более позднем рассказе римского историка Юстина:

«Причиной, по которой кельты пришли в Италию и искали новые области, чтобы там поселиться, были внутренние разногласия и непрерывная братоубийственная борьба. Когда они устали от этого и проложили путь в Италию, они согнали этрусков с их земель и основали Милан, Ди Комо, Брешию, Верону, Бергамо, Тренто и Виченцу».[22]

Разлад мог гнать некоторых кельтов до западного берега Европы и, вероятно, даже через воды на остров Британия. Она уже несколько веков была населена людьми, о которых мы ничего не знаем, кроме того, что они возводили огромные кольца из стоящих камней с целью, имевшей

какое-то отношение к астрономии. Постройка Стоунхенджа, самого знаменитого из этих громадных монументов, началась, вероятно, около 3100 года до н. э. и продолжалась более двух тысяч лет [193] Но к этим людям вскоре проникли такие же воинственные кельты, как и те, которые двигались на юг против этрусков. Около 500 года до н. э. могилы в Британии впервые начали содержать те же боевые колесницы, что и могилы Ля Тен в Южной Германии.

*** * ***

Римская республика ответила на вторжения на севере сменой формы своего правительства. «В этих обстоятельствах нарастания тревоги и напряжения, — пишет Ливий, — впервые было внесено предложение назначить диктатора». Шел 501 год, прошло всего восемь лет с начала Республики.

Ливий фиксирует пожелания голосующего населения (которое, надо сказать, одновременно являлось и армией) отнести это предложение ко всем ситуациям крайних военных нужд: войнам с различными близлежащими городами, враждебности сабинян, возможности нападения других латинских городов, беспокойствам из-за «черни». Но, конечно, волнение из-за перемещений с севера, отдающееся на юге, поставило весь полуостров в критическое положение.

Должность диктатора в римском понимании этого слова не давала права на неограниченную власть. Римские диктаторы сохраняли власть только в течение шести месяцев и должны были назначаться правящими консулами. Их задачей было охранять безопасность Рима перед лицом экстраординарных внешних угроз, но они имели также необычные права внутри города. Консулам позволялось приговаривать римлян к смертной казни вне стен Рима в связи с военными экспедициями — но внутри Рима они были обязаны отдавать преступников для наказания на волю народного голосования. А вот диктатору позволялось применять власть над жизнью и смертью внутри самого Рима без обязательного совета с людьми.[23]

Этот первый диктатор мог быть назначен, чтобы иметь дело с мародерствующими галлами, латинянами и этрусками, но частью его работы, как поясняет Ливий, было также взятие под контроль неримского населения. «Первое назначение диктатора в Риме, — пишет он, — и торжественный его проход по улицам вслед за церемониальными быками производили пугающее действие на народ, приводя его в более управляемое состояние... Диктатор не принимал просьб, он не помогал ни в чем, подразумевалось лишь послушание».[24]

Безоговорочное послушание — первая оборона Рима. Республиканское правление было приостановлено в пользу целесообразности. Так произошло впервые, но не в последний раз.

Сравнительная хронология к главе 60

Персия	Мидия	Рим
		Тарквиний Древний
	Астиаг	
Камбис I		Сервий Туллий
Кир II (Великий) (559 год до н. э.)		
		Этрусская Лига
		Тарквиний Гордый (535 год до н. э.)

Начало Римской Республики (509 год до н. э.)
Вторжение кельтов
Первый римский диктатор

Глава шестьдесят первая
Царства и реформаторы

Между 560 и 500 годами, до н. э. Индия распадается на царства и союзы, а в царстве Магадха начинается быстрый подъем

Между мифической битвой из «Махабхараты» и серединой VI века до н. э. воинственные кланы Индии сражались, торговали и прокладывали свой путь к полустабильным образованиям типа царств.

Шестнадцать из этих царств упомянуты в легендах, сохраненных буддийской устной традицией и позднее записанных.[194] Среди них государства Куру, Гандхара и Панчала — царства, выросшие на корнях древних кланов, которые сражались в войне

Бхараты, далекое южное государство Ашуака, ниже горных гряд Виндхья и Сатпура, на сухом плато, известном как Декан, и государство Магадха ниже излучины Ганга.[195]

Шестнадцать царств назывались «махаджанапада»; это слово уходит корнями в гораздо более древние времена. Древние арийские кочевые воинственные кланы называли себя «джана» ("на санскрите — «племя»,); воинственные кланы, которые поселились в долине реки Ганг и объявили земли своими, удлинили это слово и стали называть себя «джанапада» — то есть «племена с землей». Шестнадцать махаджанапада или «великих джанапада» были племенами с землей, которые поглотили другие племена и стали царствами. В этих царствах царь, его родичи и его воины оставались правящим кланом. Родившийся в правящем клане становился «кшатрием» и по праву принадлежал к элите, обладающей властью.

Кшатрии имели политическую власть, но жрецы обладали могуществом иного рода. Службы и жертвоприношения были частью ежедневной жизни ариев после их перемещения на юг в Индию: «Индра оказывает свою помощь тому, кто совершает жертвоприношения, — говорит один из древнейших гимнов в «Ригведе», — тому, кто исполняет гимны, кто готовит принесенную в жертву пищу, кто укрепляется святыми словами... и дарами совершающим богослужение священникам. Это, о люди, сам Индра»} Перемешанные с элементами обычаев хараппан-цев и других местных племен, древние арийские практики стали ядром большинства древних форм религиозных практик, впоследствии сформировавших индуизм. Жрецы, которые приносили жертвы, стали первой аристократией индийского общества и продолжали сохранять свое влияние в шестнадцати махаджа-напах. Подобно правящим кшатриям, жрецы образовывали собственные кланы: родиться в семье священника означало быть «брахманом» и унаследовать привилегию осуществлять жертвоприношения.

Это разделение общества на три части — священники, военачальники и все остальные (таковые назывались «вайшьями», то есть «обычными людьми») — не было редким в давние времена. Но в Индии священники господствовали над остальными. В большинстве других древних обществ на вершине управляющей структуры находились цари и воины; даже тот, кто разглагольствовал о важности богов, мог бросить своих пророков и жрецов в тюрьму или казнить их. И почти в каждом другом древнем обществе царь мог осуществлять определенные жреческие функции, а иногда даже занимать самую высокую религиозную должность в своих землях.

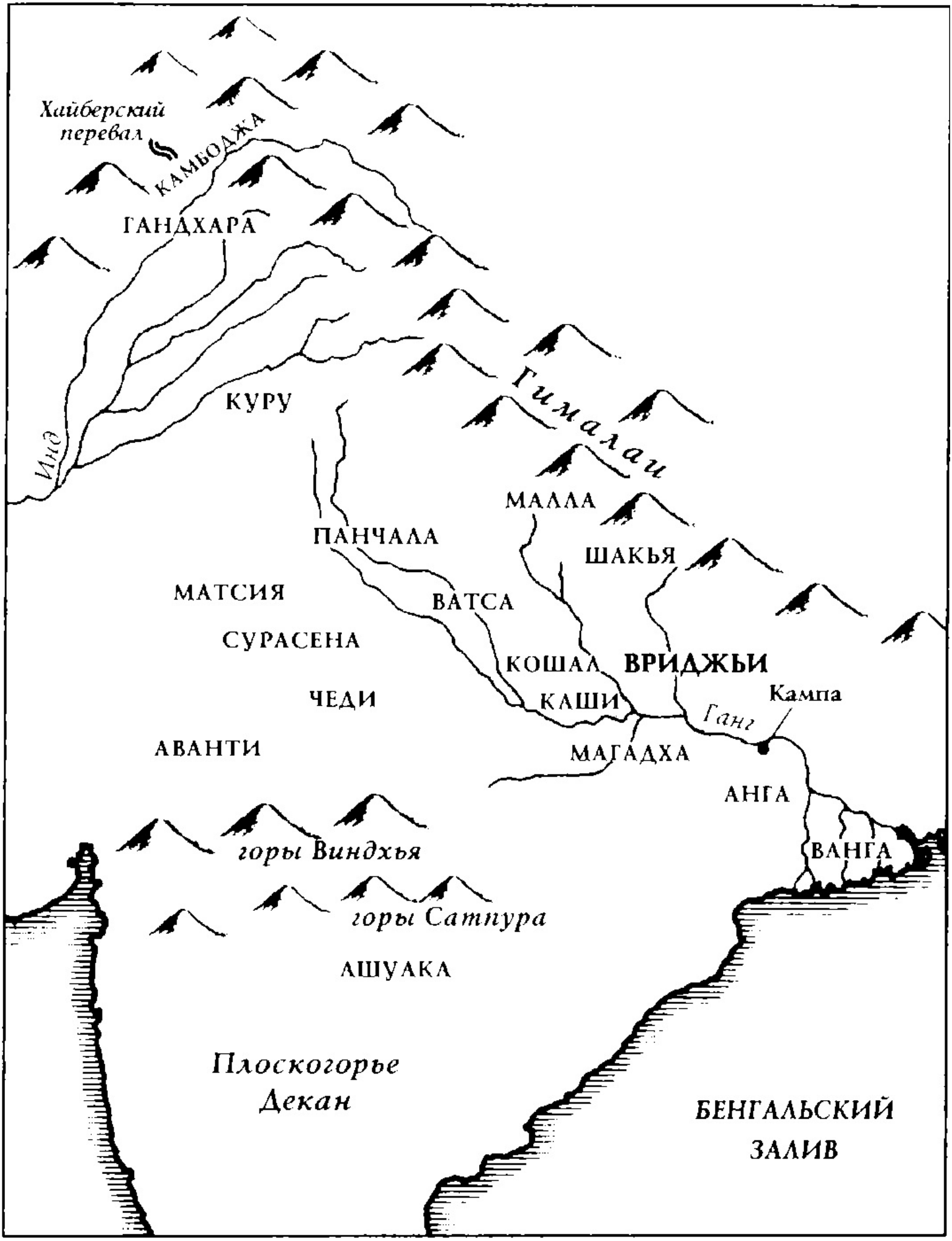
Но брахман имел неограниченную власть. В дни Шестнадцати царств человек, который не был рожден кшатрием, еще мог стать царем, если священники проводили ритуал передачи ему священной власти — но никто из тех, кто не был рожден брахманом, не мог исполнять работу жреца.[2] Согласно более позднему тексту на хинди, именуемому «Законы Ману», брахман был «господином» вообще всех созданных порядков, самым прекрасным из людей: «он рожден как самый высокий на земле господин над живыми существами, для защиты целостности закона; все, что существует в мире, — собственность брахмана... да$_{y}$ брахман имеет право на все»?

Ко времени Шестнадцати царств приношение в жертву животных, которое было так важно у передвигающихся кочевых племен, с ростом городского населения Индии понемногу вышло из моды. Но власть, сосредоточенная в руках «рожденных как самые благородные на земле», едва ли могла ограничиться. Важность священников была так встроена в сознание кланов военных, что брахманы — далекие от потери своей работы — сохраняли центральную роль. Не принося жертвы, они стали руководить правильностью проведения бескровных ритуалов, которые теперь заняли место жертвоприношений: ритуалы проводились в честь пламени домашнего очага, чтобы допустить приход сумерек, в честь святых, что заключалось в заботе об их виде, чтобы отмечать свадьбы и похороны.[4]

Судя по всему, вокруг Шестнадцати государств располагалось кольцо племен, которые все еще сопротивлялись присоединению к одному из шестнадцати махаджанапад. Вместо включения в царства эти племена образовали независимые союзы, называвшиеся гана-сангха.

Похоже, что племена гана-сангха сначала не были потомками ариев — скорее их корни уходят к жителям долины Ганга, которые обитали там до прибытия воинственных кланов. Перекрестные браки между вновь прибывшими и племенами (как показал союз клана Пандавов с Панчалами в истории о войне Бхарата), вероятно, быстро разрушили жесткое расовое разделение. Но есть одно сильное доказательство того, что гана-сангха были в подавляющем большинстве случаев не арийскими; они не разделяли ритуальную практику, что было так важно в жизни индийцев в махаджанападе.

В гана-сангха существовало лишь два типа людей: правящие семьи, которые владели большей частью земли, и нанятые слуги и рабы, которые работали на них. Решения (отправляться на войну, торговать с другим кланом, отключать воду в ирригационной системе отдельных полей) принимались главами правящих семей, и в этих решениях работники не имели голоса вообще.[5]

Индийские царства

Махаджанапада тоже имели слуг без голоса. Это были люди четвертого сорта: не правящие кшатрии или жрецы брахманы, не даже простые вайшьи, которые работали как крестьяне, работники, гончары, плотники или каменщики. Более поздняя песнь «Ригведы», описывающая мифическое происхождение каждого предписания, определяет гордое место брахмана, который рожден изо рта доисторического космического гиганта Пуруши, чья смерть дала начало всей Вселенной:

Брахманом стал его рот, две его руки стали кшатриями, два бедра его — вайшьи, а из ног его произошел шудра.[6]

Шудры были рабами и слугами, четвертым и второстепенным классом людей. Они не имели ни голоса, ни прав, не могли освободиться от рабства, закон позволял убить или сослать их по любому капризу хозяев, им запрещалось даже слушать, когда читались священные веды (как наказание в оскорбившие уши заливали расплавленный свинец).[196] Они не были частью общества махаджанапада; они были чем-то другим, отличным. Их происхождение не ясно — но, вероятно, шудры[197] первоначально были завоеванным народом.[7]

В таком сильно расслоившемся обществе кто-то обязательно оставался неудовлетворенным.

Первые возражения против всех этих иерархий появились со стороны гана-сангха. Примерно в 599 году до н. э. среди гана-сангха на северо-востоке долины Ганга, в конфедерации племен, известных как вриджьи, родился реформатор Натапутта Вардхамана.[8] Он происходил из племени джнатрика и был принцем и богатым человеком, сыном правителя.

По свидетельству последователей Вардхаманы, его реформы начались в 569 году, когда ему было тридцать лет. Сначала он отказался от богатства и привилегий по праву рождения, лишив себя всего имущества, кроме единственного платья, и провел двенадцать лет в молчании и медитации. В конце этого периода он достиг видения жизни, свободной от жрецов: в его вселенной не было брахманов. Целью человеческого существования была не связь с богами через посредство священников. Не нужно было также ублажать богов, выполняя обязанности, для которых человек рожден, как учили предписания индуизма.[198] Человеку нужно освободиться от цепей материальности, отвергнув страсти (жадность, вожделение, чревоугодие), которые привязывают его к материальному миру.

Примерно в 567 году он начал путешествовать босиком по Индии, уча пяти принципам: «ахисма» — отказ от насилия над всем живым (первый пример борьбы за права животных); «сатья» — правдивость; «астея» — воздержание от воровства любого рода; «брахмакхарья» — отказ от сексуального наслаждения; и «апариграха» — отрешенность от всех материальных вещей (положение, которое он проиллюстрировал, сняв свое единственное платье и отправившись дальше нагим). Вокруг него собрались последователи, и в качестве великого учителя Натапут-та Вардхамана стал известен как «Махавира» (Великий Герой).[9]

Ни одна из его идей не была новой. Основная линия индуизма тоже учила освобождаться от материального мира различными путями. Махавира был скорее не новатором, а реформатором уже существовавших практик. Но его объяснения необходимости экстремального самоотрицания и обязательности уважения ко всему живому были достаточно убедительны, чтобы собрать массу последователей. Его доктрина стала известна как джайнизм, его последователи — как джайны.[199]

Несколькими годами позже появился еще один новатор, на этот раз вне махаджанапад, но также рожденный в гана-сангха. Как и Натапутта Вардхамана, он появился на свет для власти и денег. Но он также отказался от привилегий своей жизни примерно в возрасте тридцати лет и ушел в добровольную ссылку. Он тоже пришел к заключению, что истинная свобода может быть найдена лишь теми, кто в состоянии отвергнуть свои страсти и желания.

Этим новатором был Сидхартха Гаутама, принц рода шакья, обитавшего севернее родной общины Махавиры — вриджьи. Согласно традиционным легендам о его просветлении, первые годы он жил окруженный семьей и комфортом: у него были жена и маленькая дочь, а его отец, царь, содержал его в роскоши внутри стен огромного дворца, отрезанным от жизни обычных людей.

Но однажды Сидхартха приказал вознице своей колесницы вывезти его на прогулку в парк. Там он встретил древнего старика, «со сломанными зубами, седого, согбенного, опирающегося на посох, дрожащего». В шоке от такой глубокой старости он вернулся во дворец: «Позор рождению, — подумал он, — так как ко всему, что рождается, приходит старость». Он отогнал от себя эту мысль, но при следующей прогулке в парк он увидел мужчину, пораженного болезнью, а потом узрел труп человека. Это погрузило его в еще более тяжелое состояние духа.

Но завершающее открытие произошло немного позднее, на приеме. Его принимали прекрасные женщины, певицы и танцовщицы, но к концу вечера они устали, расселись и уснули. Принц оглядел комнату, *«и почувствовал спящих женщин с разбросанными повсюду на полу вокруг них музыкальными инструментами — у некоторых тела были влажными от струек пота и слюны; некоторые скрежетали зубами, бормотали что-то или разговаривали во сне; некоторые спали с открытым ртом; а с некоторых одежда сползла так, что явно раскрыла их неприятную наготу. Эта огромная перемена в их облике еще больше усилила его антипатию к сексуальным удовольствиям. Для него великолепные апартаменты... показались кладбищем, наполненным мертвыми телами, пронзенными и оставленными гнить».*[10]

Пораженный этим чувством, он отправился в добровольную ссылку. Традиционно считается, что шел 534 год до н. э.[200] Сидхартха провел несколько лет, путешествуя, пытаясь примириться с неизбежностью распада и развращенности. Он пытался медитировать, но когда время его медитации заканчивалось, он оказывался лицом к лицу с реальностью неизбежных страданий и смерти. Он испробовал джайн, метод аскетизма, голодал, пока совсем не ослабил свою связь с землей; как говорит нам более поздний текст, его «позвоночник торчал, как узловатая веревка», его ребра выступали, как «стропила старого коровника без крыши», а его глаза так провалились в глазницы, что напоминали «мерцание воды в глубоком колодце». [11] И все-таки это самоотвержение ни на дюйм не сдвинуло его от состояния обычного человека.

Наконец он пришел к ответу, которого искал. Не желания ловят людей, а само существование, которое «связано со страстным аппетитом» и всегда чего-то желает: «жажда сексуальных удовольствий, жажда существовать, жажда несуществующего». [12] Единственная свобода от желания — это свобода от самого существования.

Реализация этой правды стала просветлением для Сидхарт-хи, и с этого момента он стал известен не как Сидхартха Гаутама, а как Будда: тот просветленный, который достиг нирваны — знания о правде, которое вызвано ничем, не зависит ни от чего и ведет в ничто, путь существования, невозможный для определения словами.[201]

Это было не просто духовным откровением, но — невзирая на требование отрешенности — политической позицией. Оно было и анти-брахманским, и антикастовым. Акцент в брахманском индуизме на перерождении означал, что большинство индийцев стоят перед лицом будущей трудной жизни после земной трудной жизни, после еще прежней трудной жизни, без надежды избавиться от своих строго предписанных воплощений, кроме как через перерождение — которое, однако, может поставить их перед другим длительным существованием с такими же или еще худшими страданиями. То было существование, которое, по выражению Карена Армстронга, не столько обещало надежду при перерождении, сколько запугивало «ужасом этого перерождения... достаточно плохого, чтобы стойко вынести процесс

становления дряхлым или хронически больным и перенести пугающую, болезненную смерть один раз. Но необходимость проходить это снова и снова казалась невыносимой и абсолютно бессмысленной».[13] В мире, где смерть не была освобождением, необходимо было найти другой способ спасения.

Буддийское учение оказалось равно анти-брахманским и анти-кшатрийским, так как, согласно Будде, каждый человек должен был полагаться только на себя, а не на мощь одного сильного лидера, который разрешит все твои проблемы. Много позднее буддистский учитель IX века отчеканил формулу: «Если встретите Будду, убейте Будду!» — дабы заострить внимание учеников на том, сколь важно не подчиняться одной авторитетной личности, даже такой, которая заявляет о своем священном мандате, царю или священнику.[14]

Вскоре Будда тоже приобрел своих последователей, учеников, пришедших из всех каст.

Пока Махавира и Будда проповедовали отказ от материального, цари махаджанапад сражались за приобретение как можно больших территорий. Каши и Кошал севернее Ганга и Магадха на юге были ярыми врагами в войнах за земли. Они сражались за долину Ганга, их объединяли в этом соревновании гана-санг-ха Вриджьи, семейная конфедерация Махавиры.

Каши и Кошал мерились силой друг с другом, и ни одно государство не доминировало в течение долгого времени. Но царство Магадха, расположенное ниже по течению Ганга, устойчиво становилось все сильнее. Царь Бимбисара сел на трон Магадхи в 544 году до н. э. и стал первым индийским строителем империи, хотя и печальным образом. Когда Будда достиг просветления, Бимбисара вел свои армии против царства Анга в дельте Ганга, контролировавшего выход реки в океан (через Бенгальский залив) и владевшего важным городом Кампа — основным портом, из которого корабли отправлялись торговать, а также уходили вдоль берега на юг.[15] Он выступил против этого царства, завоевал его и смог удержать.

Это не было великим завоеванием. Но Анга было первым из Шестнадцати царств, навсегда поглощенным другим, что стало предзнаменованием грядущих событий. К тому же военные кампании не были единственными победами Бимбисары. Он успешно проводил свою линию через браки — с помощью одного взяв под контроль часть Кошалы, а другим установив дружбу с гана-сангха на своей западной границе.[16] Он построил через свое царство дороги, так что мог легко путешествовать по нему и собирать всех деревенских вождей на встречи. Эти дороги также сделали возможным собирать налоги по всей стране и доставлять их в столицу.

Бимбисара приветствовал Будду, который пришел сюда с севера: царь считал нужным оказать поддержку любой доктрине, которая уменьшала власть брахманов. Он был на пути превращения Магадхи из набора ссорящихся воинственных кланов в маленькую империю. Индию, так долго находившуюся на совсем другом пути развития, в отличие от империй Запада, теперь тянуло в ту же сторону.

Сравнительная хронология к главе 61

Рим	Индия
	Шестнадцать царств в долине реки Ганг
Тарквиний Древний	
	Рождение Махавиры (традиц. 599 год до н. э.)
Сервий Туллий (578 год до н. э.)	
	Рождение Будды (традиц. 563 год до н. э.)
Этрусская Лига	Бимбисара из Магадхи

Тарквиний Гордый (535 год до н. э.)

Смерть Махавиры (традиц. 527 год до н. э.)

Начинается Римская Республика (509 год до н. э.)

Вторжение кельтов Первый римский диктатор Смерть Будды (традиц. 483 год до н. э.)

Глава шестьдесят вторая
Могущество долга и искусство войны

В Китае между 551 и 475 годами до н. э. философ и военачальник пытаются создать из хаоса нечто осмысленное

Когда началась эпоха Восточного Чжоу, четыре мощных государства — Инь, Ци, Чу, Цинь — окружали его земли. И еще пятое набирало силы, чтобы присоединиться к ним: Юэ на юго-востоке. Более поздняя история называет это время периодом Пяти Гегемонов — но на деле существовало еще четыре государства, которые включили в свои границы достаточно более мелких территорий, чтобы соревноваться с самыми могущественными. Это были Лу и У, оба простиравшиеся до моря, Чжэн, граничащее с землями Чжоу, и Сун к востоку от него.[1]

Чжоу располагалось в середине, удерживая власть, которая стала уже почти целиком церемониальной. Государствами правили автономные князья, и их армии отражали врага на границах. Княжество Инь находилось в состоянии постоянной войны против северных племен варваров, известных под общим названием Ди. Война продолжалась десятилетиями и постепенно продвигала границы Инь все дальше и дальше на север.

Некоторое время этой лоскутной стране удавалось удерживать внутренний мир. Царь Сян умер после долгого пребывания на церемониальном троне, престол унаследовал его сын (который правил шесть лет), а затем его внук (который правил семь лет). Внука, слишком юного, чтобы иметь собственных детей, в 606 году до н. э. сменил его младший брат Дин.

Эти быстро меняющиеся правления, похоже, указывают на трудности в столице. Владыкой, который воспользовался ситуацией, стал князь Чу.

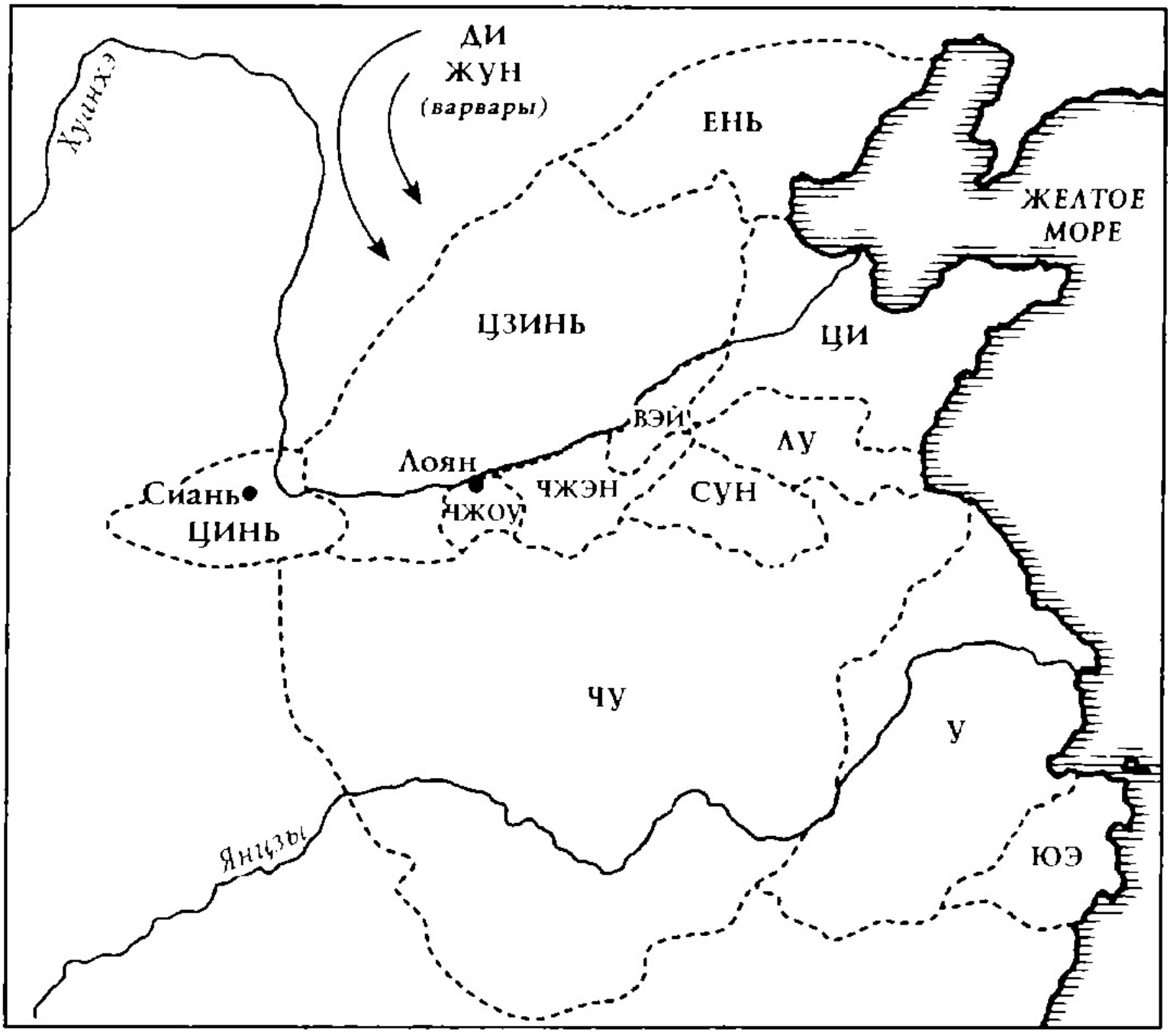
Южное государство Чу не было частью первичного «центрального Китая», и государствами Инь и Чжэн оно все еще считалось полуварварским. Однако варварское или нет, Чу было сильным. Два с половиной века после выхода Чжоу на политическую арену солдаты Чу упорно продвигались на север и восток, захватывая и поглощая владение за владением. «В древние времена, — пишет историк XVIII века Гай Ши-ци, — было много государств-ленников, которые располагались плотно, как шахматные фигуры или звезды». Он перечисляет несколько государств, теперь навсегда исчезнувших с карты, которые когда-то лежали между границей Чу и Чжоу. «После падения Ден, — объясняет он, — присутствие войск Чу ощутили Шэнь и Си, а после падения Шэнь и Си присутствие войск Чу ощутили Цзян и Хуан, после падения Цзян и Хуан присутствие солдат Чу ощутили Чжэнь и Цай. Когда Чжэнь и Цай не смогли больше сдерживать их, солдаты Чу впрямую подошли к самому двору».[2]

Вторжение Чу в земли Чжоу имело место вскоре после того, как царь Дин занял трон Чжоу. Это не было прямой атакой на дворец; предполагаемой целью Чу было связать жунов, северных варваров, которые восемь лет назад заключили союз против трона со сводным братом царя Сяна. С тех пор от них отбивались по всему Китаю. Армии Инь вытолкнули их в земли Цинь, армия Цинь быстро направила их дальше к югу, и теперь они находились на западной границе Чжоу.

Чу атаковал этих варваров не с целью защиты повелителя; когда князь Чу выступил против них, жуны не угрожали Чжоу. И в записях Сыма Цяня есть намек на то, что князь Чу не был

полноценным монархом: «В первый год царя Дина, — пишет он, — гщрь Чу напал на жунов»? Никогда прежде князю не давали царского титула. Вероятно, для владыки княжества Чу было незаконно называть себя царем — но, похоже, правитель Чжоу был не в состоянии что-либо возразить.

Кампания царя Чу против варваров была в лучшем случае вялой. Едва достигнув севера, он отправил послание — но не жунам с требованием сдаться, а во дворец Чжоу со зловещей в некотором роде просьбой. «Он послал человека с требованием от Чжоу Девяти треножников», — пишет Сыма Цянь; речь идет о Девяти треножниках Чжоу, которые полтысячи лет служили в Китае символом царской власти.[202]

Пять гегемоний

Мы не знаем, почему царь Чу потребовал Девять треножников — но, вероятно, его мотивом не было пустое любопытство. По Сыма Цяню, царь Дин послал придворного с заданием уйти от прямого ответа на этот запрос; а царь Чу вскоре двинулся назад на юг. Что предотвратило нарастающий кризис, неясно. Возможно, царь Чжоу согласился не возражать на использование князем титула «царь», так как царь Чу с этого времени именует себя только царским титулом.

Само государство Чу продолжало расти. «Цзо Чжуань» (дополнительные записки к «Анналам Вёсен и Осеней» Конфуция) сообщают, что когда Чу захватило маленькое княжество Цзай, царь Чу заживо сжег наследника его престола. Через десять лет после нападения на Чжоу царь Чу вторгся в Чжэн. Вероятно, боясь тоже быть сожженным, князь Чжэн согласился стать его вассалом: «Не уничтожай наши алтари, — просит он в „Цзо Чжуань", — позволь мне изменить свой курс, чтобы я мог служить вашей светлости».[4]

Царь Чу согласился. Теперь его владения окружали Чжоу, представляя собою большую угрозу по обеим сторонам.

Тем временем царя Дина сменили на троне его сын, внук и правнук. Правнук, царь Цзин, получил трон в 544 году и правил более или менее спокойно в течение двадцати лет. Но, хотя он намеревался назначить своим наследником любимого сына (младшего принца), он умер до того, как сделал формальное назначение. Шел 521 год до н. э.

Старший сын Цзина немедленно захватил трон. Младший принц, придя в ярость, напал, убил старшего брата и сам захватил трон, став царем Дао. Остальные братья бежали из столицы.

Один из них, принц Гай, добрался до государства Инь на севере и взмолился о помощи. Князь Инь согласился помочь Гаю всем весом большой и опытной армии Иня. Он также провел церемонию коронации и объявил Гая законным царем в изгнании; Гай взял имя Цзин II, будто бы подтверждая свои законные притязания на трон, которые были на деле очень шаткими. Затем с армией Инь он направился назад к стенам города Чжоу.

Царь Дао упорно оборонялся. Три года братья вели гражданскую войну; на четвертый год Цзин II ворвался в столицу и в итоге понизил царя Дао до вассала, заставив поклясться в верности себе.

Ко времени, когда все это окончилось, авторитет Восточного Чжоу был почти полностью уничтожен анархией и кровопролитием. Мандат Небес рассыпался, и даже казалось, что может начаться более крупная война между окружающими государствами, так как они яростно теснили друг друга, чтобы подхватить падающий авторитет Чжоу.

В ответ на эту эпоху беспорядков в государстве Лу появился реформатор. Звали его Кун Фу-цзы, и в качестве учителя он приобрел массу последователей, а учение его просуществовало тысячелетия. Миссионеры-иезуиты, прибыв в Китай через две тысячи лет, записали имя Кун Фу-цзы как Конфуций, и под этой латинизированной версией своего имени он стал известен во всем мире.

Как и современные ему индийские философы, Конфуций происходил из аристократической семьи — он был непрямым наследником старшего сводного брата последнего царя Шан. Но, в отличие от индийских философов, он развивался в благополучной и богатой обстановке.

Ко времени, когда ему исполнился двадцать один год, он женился, произвел на свет сына и служил чиновником, ответственным за перевозки зерна на государственных судах.[5] Эта работа требовала точности, внимания к деталям и четкого ведения записей. Молодой Конфуций считал, что идеально подходит для нее. С самого детства он был аккуратным и организованным мальчиком, и по мере взросления ему все больше нравились ритуалы, исполняемые в честь предков и святых, церемонии, окружавшие рождение, смерть и браки, которые проводились при дворе государственных правителей и при дворе самого царя Чжоу.

Все это сопровождалось стихами и песнями, описывавшими порядок проведения ритуала. Эти стихи передавались изустно со времен до появления письменности и служили как бы «шпаргалками» всей церемонии. Конфуций, от рождения отличавшийся хорошей памятью, знал их на память сотни.

Примерно лет десять или около того Конфуций оставался правительственным регистратором. Постепенно он приобретал все больший авторитет как великолепный знаток обрядов и ритуалов. Двор Лу призывал его всегда, когда было необходимо проверить, по правильному ли ритуалу принимаются посетители при дворе. Постепенно Конфуций начал обрастать учениками, которые желали обучаться в «библиотеке», сложившейся в его голове.

Ко времени, когда Конфуцию исполнилось тридцать с небольшим, князь Лу уже регулярно консультировался у него. Он также ушел с должности регистратора, став преподавателем у сыновей одного из высших чиновников Лу.[6] И как раз когда он вошел в эту новую фазу своей профессиональной деятельности — в которой знание церемоний, ритуалов и правильного выполнения обязанностей стало бы ключевым для всей его служебной жизни, — в землях Чжоу вспыхнула гражданская война.

При отсутствии на престоле влиятельного лица роль царя Чжоу давно уже стала ритуальной, поддерживаемой лишь неким условным соглашением среди князей окружающих государств. Если он в действительности уже не правил всей страной, то по крайней мере находился в центре какого-то космического порядка, который стараются не тревожить без нужды. Пришедшее от властителя Чу требование Девяти Треножников явилось, очевидно, первой явной трещиной в этом соглашении. Кровавые сражения между двумя коронованными царями — причем каждый хвастал, что его авторитет дан ему через ритуал и церемонию, — показали, что трещина проходит теперь через всю власть Чжоу.

Конфуций был человеком, который ценил порядок — и он начал обучать своих учеников, как обеспечить порядок и стабильность в мире, где ни того, ни другого в обозримом пространстве не наблюдалось.

Его учение пыталось сохранить лучшие черты прошлого — по крайней мере, того прошлого, которое существовало в его представлении. Он собрал древнейшие поэмы и песни Китая в «Ши Цзин» классический сборник поэзии, антологию, предназначенную для использования в будущем. «Из них, — замечает Конфуций, — вы узнаете больше о прямых обязанностях по служению своему отиу> и о более далеких обязанностях по служению своему князю».[1] Ему также приписывают собрание массы ритуалов и церемоний в текст, первоначально названный «Ли Цзин»[203]. Этот сборник регулировал все — от правильного поведения присутствующих на похоронах («Когда человек нанес визит соболезнования, он не должен в тот же день выказывать проявления радости »)[8] до правильного исполнения монарших обязанностей («Во второй месяц осени... должно возводить городские и пригородные стены, создавать города, копать подземные туннели и хранилища зерна, и чинить амбары».)[9] Его высказывания были собраны последователями в третью книгу, названную «Лунь Юй», или «Литературный сборник».

Конфуций так же не был создателем философии, заложенной в «Литературном сборнике», как и Махавира не являлся создателем джайнизма. Его новаторством был возврат к прошлому с тем, чтобы найти путь вперед. «Я не тот, кто с рождения обладает знанием, — говорил он последователям, — я тот, кто интересуется днями минувшими и внимательно всматривается в них»}[0] Изучение прошлого показало ему, что в непокорном Китае и спокойствие, и добродетель состоят в правильном исполнении своих обязанностей. «Именно правилами пристойности создается характер, — объяснял он. — Без правил пристойности почтительность становится утомительной суетой, аккуратность — робостью, смелость — строптивостью, прямота — грубостью».[11]

В мире, где сила оружия была, похоже, единственным связующим звеном, которое удерживало государство, Конфуций предложил людям другой путь контролировать общество,

которое их окружало.[204] Человек, понявший свои обязанности по отношению к другим и живущий ими, становится якорем страны — вместо царя, военачальника или аристократа. «Того, кто обучает правительство посредством своих добродетелей, — говорит «Литературный сборник», — можно сравнить с северной полярной звездой, которая остается на месте, а все звезды поворачиваются к ней... Если людей будет вести добродетель... они станут хорошими»}[2]

До того, как Конфуцию исполнилось сорок, ему пришлось бежать из Лу, когда его князя свергла соперничающая аристократическая семья. Конфуций последовал за высланным правителем в соседнее государство Ци, где обеим пришлось отдать себя на милость его владыки, не всегда бывшего дружелюбным к своему южному коллеге.

Однако князя Ци в данный момент устраивала роль доброго хозяина: он предложил свое гостеприимство сосланному правителю Лу. Но Конфуций, наоборот, нашел для себя приглашение ко двору перечеркнутым ревностью придворных, которые сплотились, чтобы перекрыть ему доступ к князю Ци.[13] Оказавшись без работы, Конфуций покинул Ци и вернулся назад в Лу, где ясно продемонстрировал, что намерен оставаться в стороне от политики. Это было мудрое решение, так как Лу было разделено между тремя ссорящимися семьями, ни одна из которых не имела надежной руки наверху. (В конце концов Конфуций мог бы на какое-то время вернуться на гражданскую службу — но большую часть последних лет он посвятил написанию истории Лу, теперь известной как «Анналы Вёсен и Осеней».)

Немного дальше на запад у Цзина II, теперь номинально контролирующего дворец Чжоу, росли собственные проблемы. Его вассал-брат, когда-то царь Дао, двенадцать лет создавал видимость повиновения, а затем восстал вместе со своими сторонниками (вероятно, недовольными вмешательством Инь в их дела). Они снова атаковали столицу и вернули брата назад. Цзин II вернулся в Инь и попросил у князя помощи. На следующий год армия Инь опять «успешно возвратила царя Цзина [II] назад в Чжоу».[14]

Это была последняя крупная победа Инь. Вскоре уже князь Инь столкнулся с проблемами. В постоянной кампании против варваров несколько больших кланов Инь усилились: одна семья стала претендовать на то, что имеет наследственное право командовать армией; другая не только предъявила права на огромное количество земель варваров, но также заключила союз и подписала договор с другим варварским племенем. Члены этих и нескольких других семей толкали друг друга, чтобы добиться больше влияния при дворе Инь. К 505 году раздоры стали достаточно серьезными, чтобы затруднить ход действий Инь против варваров; согласно «Анналам Вёсен и Осеней», армия Инь, по-видимому, разделенная внутренними распрями, вынуждена была снять безуспешную осаду с города варваров.[15]

В 493 году Чжэн и Инь вступили короткую яростную войну друг с другом; в 492 Ци, Лу и Вэй согласились присоединиться к одному из аристократов и направились в Инь, чтобы уничтожить другой тамошний клан.

Теперь Л у было разделено, Инь — раздроблено, а Чжоу — ослаблено. Чу, которое в течение века господствовало на юге, вынуждено было отражать вторжение У и Юэ на юго-восточном фланге. Княжество У временно одержало верх и объявило себя гегемоном всего юга, на что Юэ развернулось против своего союзника и атаковало его.[16] Монарх Чжоу перестал быть даже тенью на политической арене.

Период между 481 и 403 годами до н. э. оказался настолько запутанным, что историки даже не пытаются дать название этим смутным годам. Они лишь делят период, когда Чжоу занимал свою восточную столицу (период Восточного Чжоу, 771–221 годы до н. э.) на период Вёсен и Осеней (771–481) и период Воюющих Царств (403–221), определяя промежуток между ними как

что-то вроде междуцарствия.

В течение этих лет еще один философ сделал попытку изложить принципы, по которым Китай может найти какое-либо единство. Сунь-цзы, один из полководцев князя У [205], не имел иллюзий по поводу того, что постоянные войны делают с его страной: «Нет примера страны, выигравшей от продолжительных военных действий», — пишет он.[17] Его книга «Искусство войны» говорит о том, как победить врага, всеми силами избегая масштабных сражений. «Высшее достижение состоит в том, чтобы сломить сопротивление врага без боя, — пишет Сунь-цзы.[18] — Ведь когда вы вовлечены в настоящий бой и победа далека, тогда действия людей становятся вялыми, рвение их будет угасать... Искусность никогда не ассоциировалась с задержками». Осады, этот основной вид войн на Среднем Востоке, им не рекомендовались: «Не берите город в осаду, — учит Сунь-цзы. — Если вы осадите город, вы измотаете собственные силы... Появятся другие вожди, чтобы воспользоваться преимуществом над вами. Тогда никто, как бы он ни был умен, не сможет предотвратить последствий».™

Это слова человека, который знает, что недруги в собственном государстве так же опасны, как враги из соседнего государства. В стране, где ваши друзья с той же вероятностью замышляют против вас, как и ваши враги, обман становился образом жизни: «Война основана на обмане, — писал Сунь-цзы. — Когда мы способны атаковать, мы должны делать вид, что не способны; когда используем свои силы, мы должны казаться бездействующими; когда находимся рядом, мы должны заставить врага поверить, что мы далеко; когда мы далеко, должны заставить его поверить, что мы рядом».[20] Хороший военачальник не только сам обманывает, но и предполагает, что враг всегда обманывает его. «Смиренные слова и растущая подготовка — это знаки, что враг готов выдвинуться, — объясняет Сунь-цзы. — Грубые слова и выдвижение вперед, будто для нападения, — это знаки, что он отступит... Предложения мира, сопровождаемые клятвенными заверениями, указывают на тайный умысел».[2']

Оба, и Конфуций, и Сунь-цзы, были примерно современниками, оба они излагали философию порядка, путь рациональных отношений в разобщенной стране — стабильность через правильное исполнение социальных обязанностей или стабильность через страх. Метод Сунь-цзы не менее систематический и всеохватывающий, нежели Конфуция. И на какое-то время он обрел доминирование. Государства Восточного Чжоу были, как написал китайский историк I века Ли-у Сян, «прожорливыми и бессовестными. Они соревновались без конца... Наверху не было Сына Неба и не было местных господ внизу. Все достигалось через физическую силу, и победителем была знать. Военные действия не прекращались, обман и вероломство гили рука об руку»}[2]

Китайские властители превратились в военных вождей, каждый удерживал свою власть постоянной войной с соседями. Без войны, которая нужна была, чтобы расширить границы государства за счет границы соседнего, государства схлопну-лись бы, как проколотый шарик; они должны были оставаться наполненными горячим воздухом сражения.

Сравнительная хронология к главе 62

Индия	Китай
	Дин
Шестнадцать царств в долине реки Ганг	Князь(«царь») Чу
Рождение Махавиры (традиц. 599 год до н. э.)	

Рождение Будды (трад.563)	
	Рождение Конфуция
Бимбисара из Магадхи	Цзин
Смерть Махавиры (трад. 527 год до н. э.)	Дао
	Цзин (II)
	Сунь-цзы («Искусство войны»)
Смерть Будды (трад. 483 год до н. э.)	Заканчивается период «Вёсны и Осени» (481 год до н. э.)
	Смерть Конфуция

Глава шестьдесят третья
Расширение Персидской империи

Между 539 и 514 годами до н. э. Кир Великий терпит поражение в битве, Камбис завоевывает Египет, а Индийское царство Магадха крепнет

После завоевания Вавилона Кир Великий правил своей империей немногим меньше девяти лет, а затем оказался в трудной ситуации, которая была связана с некой неизвестной царицей.

Он пробивался на север на совсем новую территорию через реку Оке [206] и еще выше, в дикую Центральную Азию к востоку от Аральского моря. Горные племена, жившие в этом районе, были боковой ветвью скифов: Геродот называет их массагетами, свирепыми бойцами, которые используют стрелы с бронзовыми наконечниками и копья, поклоняются солнцу и «не обрабатывают землю, но живут, питаясь крупным рогатым скотом и рыбой».[1]

Сначала Кир попытался покорить массагетов путем переговоров. Он послал царице Томирис предложение, предлагая выйти за него замуж. Однако она не только отклонила предложение, но послала своего сына возглавить нападение на арьергард персидской армии. Атака провалилась, и сын Томирис был взят в плен.

Не в состоянии перенести позора, он покончил с собой. Тогда Томирис послала Киру письмо, поклявшись: «Клянусь солнцем, что утолю твою жажду крови». Затем она повела остальных своих людей на продвигающихся вперед персов. Две армии встретились в 530 году до н. э., и произошло второстепенное столкновение, вызвавшее эпическую реакцию. «Я считаю эту битву самой жестокой битвой между не-греками из всех, когда-либо состоявшихся», — отмечает Геродот, а это (обращая внимание на определение «не-греки») могло означать, что битва считалась самой яростной из всех известных.

Массагеты использовали луки и стрелы, а также кинжалы и копья. Но им удалось то, чего не смогли сделать ассирийцы: они уничтожили почти все персидское войско. Сам Кир, сражаясь пешим среди своих людей, пал в пылу сражения. Когда массагеты одержали верх, Томирис отправилась на поиск трупа царя и нашла его среди тел персов, лежавших в лужах собственной крови. Отыскав тело Кира, она отсекла ему голову и засунула ее в мех для вина, наполненный кровью: «Я предупреждала тебя, что утолю твою жажду крови», — сказала она.[2]

Отомстив за сына, Томирис позволила оставшимся в живых персам забрать тело великого царя с поля боя. Они смыли кровь с его лица и повезли труп в похоронной процессии побежденных назад, в Пасаргады.

Кир заранее построил себе гробницу: каменное здание с двускатной крышей, кажущееся деревянным благодаря богатой резьбе. Здание стояло на вершине семиступенчатого зик-курата.

Тело царя обрядили в царские одежды и украшения, дали оружие и уложили на золотые носилки. Гробницу запечатали, и группе персидских священников поручили жить в маленьком домике рядом, охраняя место упокоения.

Персия и Центральная Азия

Камбис, старший сын царя, был коронован как его преемник, Камбис II. Он несколько лет служил офицером в армии отца и находился с Киром как раз перед переправой через Оке, но царь отослал сына назад в Пасаргады, чтобы тот следил за делами в городе, пока Кир сразится в битве, которая, по-видимому, представлялась ему весьма незначительным делом.

Осмотрев империю отца, Камбис, похоже, испытал тот же самый импульс, что и множество других сыновей великих людей: он захотел превзойти родителя. Это не было желанием мщения — как раз северо-восточную границу, где погиб Кир, Камбис оставил нетронутой. Вместо этого он сначала передвинул свой дворец и центр администрации империи из столицы отца Пасаргады в старую столицу эламитов — Сузы, ближе к центру империи. А затем положил глаз на Египет.

* * *

Тем временем далеко в Египте фараон Априй повел свои армии прямо в пасть громадного

несчастья.

Западнее Дельты греческое поселение Кирена — колония, основанная на северном африканском берегу людьми Феры, — наконец начала расширяться и крепнуть после почти шести лет пребывания на грани выживания. Ее третий правитель, Батт Удачливый, уже имел возможность предложить греческим городам прислать сюда дополнительных поселенцев, обещая каждому прибывшему надел земли. Вскоре в Кирене собралось «значительное количество» людей, прибывших в основном из материковой Греции и занявших всю землю вокруг города.

Это не прошло спокойно для местных жителей, которых Геродот называет «ливийцами». Они отправили в Египет просьбу о помощи, «ставя себя под защиту египетского царя Априя». Поэтому Априй отправил египетскую армию оказать помощь североафриканским друзьям против греческого вторжения. К несчастью, египетская армия была уничтожена греками: по словам Геродота, египтяне были «целиком истреблены, так что едва ли хоть кто-то нашел дорогу назад, в Египет»?

Эта беда отвратила египтян от Априя, который, очевидно, и так уже испытывал серьезный недостаток популярности. «Они верили, что Априй намеренно послал их на верную смерть», — пишет Геродот. Уцелевшие в битве и вернувшиеся домой из Кирены, «объединились с друзьями тех, кто погиб, и подняли открытый мятеж».[4]

Априй послал на подавление мятежа Амасиса, крупнейшего египетского полководца.

Это оказалось ошибкой. Фараон «получил» Амасиса в наследство от своего отца, Псамметиха II — это означало, что Амасис находился при дворе и при власти дольше, чем Априй был царем. Лицом к лицу с вооруженными восставшими египтянами, которые хотели избавиться от Априя, Амасис уступил искушению и позволил всем узнать, что если восставшие пожелают, они могут взамен сделать царем его.[5]

Новость о предательстве дошла до Априя, и царь послал чиновника своего двора с требованием, чтобы Амасис немедленно вернулся во дворец в Саисе и дал отчет о своих действиях. «Амасис, — пишет Геродот, — в этот момент был верхом на коне; он поднялся в седле, пукнул и велел передать этот ответ Априю».[6]

Априй, получив послание, отрезал нос и уши курьеру — что не прибавило ему популярности среди египтян. Было ясно, что он собирается бороться за трон — но солдаты, на которых он мог рассчитывать, были наемниками из ионических греков и кариев (обитатели юго-западного берега Малой Азии греческого происхождения), вместе их было примерно тридцать тысяч.

Две армии встретились на полпути между Мемфисом и Саисом, на поле под названием Момемфис. Египетская армия превосходила силы наемников, а Амасис был умным полководцем; египтяне выиграли битву, и Априй оказался взят в плен. Его отвезли во дворец в Саисе как пленника, но не убили.

По-видимому, позже Априй спасся, потому что через три года фрагментарная надпись из Элефантины упоминает, что Амасис находился в своем дворце в Саисе, когда получил известие о том, что Априй плывет к нему с севера с «греками бессчетно», которые «опустошают весь Египет», следуя за армией Амасиса, которая бежит перед ними.[7] То есть Априй отправился на север, чтобы вновь обзавестись пополнением для армии.

Надпись слишком разрушена, чтобы узнать точно, как протекала битва, но она заключает: «Его честь [Амасис] сражался, как лев, он устроил им резню... множество кораблей подбирало их, падающих в водуу когда они тонули, как рыбы». [8] Среди выловленных с тонущих греческих кораблей был и Априй, который умер от ран.

Итак, на троне в Саисе восседал Амасис, когда до Египта дошло известие, что Камбис, новый царь персов, готовится к нападению.

Камбис должен был начинать с освоения мореходства. Персы не имели опыта морского боя но Кир обеспечил сына империей, которая тянулась вдоль берега Средиземного моря, и Камбис считал ионических моряков побережья Малой Азии своими подданными. Он потребовал, чтобы они построили корабли и набрали команды; того же самого он потребовал от финикийских городов, находившихся под его контролем. Оперившийся персидский флот объединил опыт греков и финикийцев — двух культур, которые искони жили «на воде».

Через четыре года после коронации Камбис начал наступление на Египет. Его флот отправился вдоль берега, а армия пересекла пустыню. Камбис в сопровождении своего копьеносца Дария выступал в авангарде. Дарий, офицер его личной охраны, был сыном персидского вельможи, управлявшего завоеванной областью под названием Парфия в северо-восточной части империи.[9]

Амасис подготовил свои силы, чтобы встретить персов. Но ему было за семьдесят, и он прожил долгую и очень насыщенную жизнь. Еще до того, как Камбис подошел, он просто скончался от старости.

Это было большой удачей для Камбиса, так как обязанности по защите Египта опустились теперь на плечи сына Амасиса, Псамметиха III, который не был талантливым полководцем. Псамметих III выстроил свои силы на северо-восточной границе Египта, центр его обороны опирался на приграничную крепость Пелузий, которая была построена еще Нехо II для охраны его канала. В этом расположении не было ничего плохого — но когда египтяне начали понемногу терпеть неудачу, Псамметих III оттянул войска назад, до самого Мемфиса.

Это дало персам почти свободный доступ к водным путям Дельты и позволило им осадить Мемфис и с суши, и с моря. У нас нет подробностей последующего хода войны, но Псамметих III вскоре был вынужден сдаться. Он пробыл фараоном Египта менее года.

Теперь Камбис называл себя фараоном Египта, «царем Верхнего и Нижнего Египта, Камбисом, возлюбленным богини Нейт» — это была богиня-кобра Нижнего Египта, чье изображение появилось на Красной Короне в далекие дни объединения.[10] Видимо, он также приказал выкопать и расчленить тело Амасиса, но мумификация сделала его таким крепким, что Камбису пришлось прибегнуть к сожжению.

Геродот (который не любил Камбиса) сообщает, что то был акт беспричинного святотатства. Более вероятно, что Камбис пытался представить себя перед людьми преемником смещенного Априя, и осквернение им трупа Амасиса было попыткой объявить старого генерала узурпатором, чье правление благополучно закончилось. Он сообщил жителям Египта, что «любим Нейт» и пришел освободить их, — знакомая стратегия.

«Возлюбленный Нейт» недолго пробыл в своей новой стране; Камбис поставил наместника управлять Египтом и вернулся в свою империю, чтобы заняться другим делом. Но его пребывание в качестве Великого Царя было коротким. Через три года после завоевания Египта и через восемь лет после смерти Кира правление Камбиса закончилось внезапно и таинственно.

Похоже, Геродот, который оставил самый детальный рассказ о времени правления Камбиса, собрал и повторил каждую когда-либо прозвучавшую анти-камбисовскую историю: если верить ему, Камбис был сумасшедшим, который наобум казнил своих чиновников, когда они возражали ему, убил своего брата, женился на двух своих сестрах и убил одну из них, и, как-то, вспылив, отправился завоевывать Эфиопию, не позаботившись собрать провизию для своих людей. Но мы хорошо помним, что Камбис умудрился провести целую армию через Аравийскую пустыню и благополучно достичь Египта. Вряд ли такой успех был по силам взбалмошному истерику. Замечание Геродота о том, что его источниками для этих историй

являются в основном египетские документы, вероятно, объясняет его враждебность к завоевателю. Очевидно, попытка Камбиса представить себя освободителем была менее чем успешной: он не стал популярным фараоном.

Но умер Камбис действительно внезапно и не оставив по себе наследников.

Самые старые источники говорят, что Камбис, начиная египетскую кампанию, оставил своих домочадцев на попечение человека, которого Геродот называет Патизейфес. Камбис взял младшего брата Бардию с собой участвовать в походе — но после завоевания отослал назад в Персию, чтобы тот проверил, как идут дела в столице.

Где-то между Египтом и Персией Бардия исчез.

Случилось так, что управляющий Патизейфес имел младшего брата по имени Смердис, который был так похож на Бардию, что одного принимали за другого.[207] Получив через быстрого курьера новость об исчезновении Бардии, управляющий сообразил, что может сохранить ее в тайне. Он убедил младшего брата выступить в роли пропавшего принца, посадил его на трон, а затем отправил гонцов, объявляя Бардию, законного царского сына Кира, царем вместо Камбиса.

Камбис находился в Сирии, проверяя западные пределы своей империи. Согласно Геродоту, когда Камбис узнал, что его трон украден, он побежал к лошади, вскочил на нее и, выхватывая меч из ножен, задел собственное бедро. Рана оказалась серьезной: через три недели великий царь умер от гангрены.[11]

После смерти Камбиса самозванец смог продержаться на персидском троне семь месяцев — достаточно долго для того, чтобы вавилонские документы начали датироваться годом его восшествия на престол.[12] Все это время он избегал чужих глаз, никогда не покидая дворцовой территории в Сузах и не вызывая к себе персидскую знати, которая хорошо знала семью царя.

Однако тайна не могла существовать вечно, и вскоре не один персидский аристократ спрашивал, почему его никогда не вызывают в тронную комнату. Среди них были некто Отан, опытный солдат и, на беду, отец одной из жен Камбиса, а также Дарий, копьеносец Камбиса во время завоевания Египта, который после египетской кампании вернулся в Персию и теперь находился в Сузах по неизвестной истории причине.

Все вместе семь персидских аристократов согласились организовать попытку убить самозванца и его старшего брата*. Похоже, Отан был лидером заговора, но Дарий предложил провести группу мужчин с оружием, спрятанным под одеждой, мимо дворцовой стражи; сам он должен был заявить, что только что прибыл от отца, правителя Парфии, с посланием для царя.[13]

Все шло по плану до того момента, пока семь человек не оказались почти у дверей царской комнаты, и тут царские евнухи отказались впустить их. Тогда заговорщики выхватили оружие, убили евнухов, отрезали головы и самозванцу, и его брату, и выставили их перед остальными персидскими аристократами доказательство что человек, который называл себя Бардией, на деле был вовсе не сыном Кира.

Теперь персидская империя балансировала на лезвии ножа. У нее не было царя, а оба сына Кира сошли со сцены. Каждый из семи заговорщиков мог иметь собственные амбиции. Геродот пишет, что число семь звучало разумно для греков, но очень непохоже, чтобы проходили дебаты о справедливом способе выбора одного из семи кандидатов или о том, не стать ли Персии демократией. Но в итоге естественным выбором стал Дарий. Он был молод и энергичен (вероятно, во время заговора ему было лет тридцать), он являлся доверенным лицом Камбиса, а по рождению происходил из рода Ахеменидов; вдобавок его отец уже имел власть над солдатами в большой части империи. В 521 году шестью другими заговорщиками Дарий был провозглашен царем Персии и начал ликвидировать неурядицы, вызванные смертью

наследников Кира.

В этой истории остается множество вопросов.

Удобная смерть Камбиса, вероятно, есть вопрос под номером один. Что в действительности случилось с великим царем? Версия Геродота не невозможна, но демонстрирует нехарактерную небрежность со стороны человека, который провел большую часть жизни возле острых предметов. Греческий историк Ктесиас, который не считается слишком надежным, говорит, что царь от скуки что-то строгал ножом и задел бедро.[14] Египетский папирус просто сообщает, что Камбис умер «на тюфяке» (странное выражение, предполагающее, что он какое-то время провел в постели, болея), не добравшись до своей страны, и затем царем стал Дарий.[15] Запись Дария по восшествии на престол, «Бехистунская Надпись», говорит без уточнений следующее: «Камбис умер собственной смертью», — эта фраза обычно подразумевает какую-то природную причину.

Конечно, возможно, что смерть от гангрены была естественной, но появление раны может таким и не быть; молчание Дария по поводу этого не обязательно говорит в его пользу. Ему было выгодно, чтобы Камбис умер своей смертью, также как ему было на пользу открыть, что человек на троне Суз самозванец.

Остается и вторая тайна: что именно позволило опознать «Бардиюи», который умер в руках семи персов? Действительно ли возможно, чтобы самозванец мог почти год удерживать власть в городе, где каждый знал царя в лицо? Вероятно, реальный Бардия не исчез в пустыне; может быть, он благополучно прибыл в Сузы, а затем поднял мятеж против брата, и эта новость привела Камбиса в ярость, что гораздо больше поддается пониманию.

В этом случае Дарий получается негодяем. Человек, которого он убил в Сузах, вовсе не был самозванцем, скорее, он был последним законным сыном Кира Великого. Отрубленную голову нелегко идентифицировать с уверенностью, особенно, если при отсечении от тела она была исковеркана ударом.

Характер Дария — тоже большой вопрос в этом сценарии. Не помогает и мотив, из которого мы знаем об истории самозванца Бардии, так как он взят в основном из «Бехистунской надписи» и выявляет Дария в наилучшем свете: «Люди страшно боялись [самозванца/, — настаивает он, — так как тот убивал людей в огромных количествах, всех, кто знал Бардию раньше... Никто не осмеливался ничего сказать... пока не пришел я... Тогда я с несколькими товарищами убил [его]. Я восстановил Персию, Мидию и другие земли».[i6]

С другой стороны, повествование Дария о ложном Бардии могло быть и правдой. Не так уж невозможно, чтобы молодой человек, который вырос при дворе Кира, смог добиться поразительного сходства с одним из законных сыновей правителя, и если Бардия в Сузах действительно был самозванцем, как заявляет Дарий, реальный Бардия действительно мог исчезнуть.

Это приводит нас к третьей тайне: что случилось с младшим братом Камбиса?

Сам Дарий приписывает смерть Бардии Камбису: «Камбис убил Бардию, — пишет он, — и не стало известно людям, что Бардия убит». Но эта версия максимально выгодна Дарию: один наследник Кира убил другого, а затем случайно умер сам. Таким образом династия прервалась, и он может начать новую династию.

Если история о сходстве правдива, и «Бардия» в Сузах был самозванцем, то злодеями в этой истории не являются, вероятно, ни Камбис, ни Дарий. «Cui Ьопо» («кому выгодно?»): управляющий Патизейфес нашел наилучший выход из ситуации с исчезновением Бардии. Случайная похожесть его собственного брата на преемника трона могла стать причиной возникновения замысла избавиться от младшего сына Кира.

Но теперь Патизейфес был мертв — так же, как и все его последователи (Дарий казнил их), и Камбис, и Бардия. Дарий женился на вдове Камбиса, от которой больше ничего не было

слышно о смерти первого мужа. Все, кто что-то подозревал, были умерщвлены или хранили молчание, и тайна осталась неразгаданной.

Тем временем несколько удаленных территорий начали планировать мятеж.

Дарий немедленно отправился на войну, чтобы сохранить безопасность своей новой империи. Судя по «Бехистунской надписи», восстание поднялось среди вавилонян, скифов на севере, мидян на востоке и даже в Парфии, где родной отец Дария потерял контроль над армией. По всей империи вспыхнули разрозненные мятежи, большие или меньшие.

Но за удивительно короткое время правитель вернул отколовшиеся территории обратно в империю. Когда Дарий оказывался в ситуации, где все решала сила, он демонстрировал выдающиеся успехи. Он был силен не искусной тиранией, как Кир до него, а сокрушительным уничтожением врагов.

Армия Камбиса была собрана из большого числа мобилизованных солдат разных народов, посланных ему в качестве дани. В такой армии большинство солдат обычно «одноразовые» — масса, которую бросают на вражеские линии в надежде преодолеть сопротивление простым большинством. Это была стратегия, которая работала у Камбиса из-за неопытности его противника, но вовсе не помогла Киру в его сражении со скифскими племенами.

Дарий видел свое войско иначе. Вместо войска из наемников и многочисленного «пушечного мяса» он задумал создать профессиональную армию, которая была бы меньше, но лучше накормлена, лучше обучена и более лояльна. Она должна была иметь ядро из десяти тысяч профессиональных пехотинцев и десять тысяч кавалерии (все — набранные только из персов и мидян), и быть более маневренной, чем громадные и неуправляемые армии его предшественников.[17]«Армия из персов и мидян, которая находилась под моим управлением, была небольшой», — пишет Дарий в своей надписи.[18] Войска были связаны национальным чувством и таким мощным «командным духом», что десять тысяч солдат пехоты называли себя товарищами и ревниво следили за поступлением в их ряды новичков.

Одно из подразделений этой новой армии ликвидировало мятеж на востоке, в Мидии, пока Дарий во главе другого отряда подавлял мятеж в Вавилоне, а еще один отряд был отправлен в Малую Азию. Новые войска — немногочисленные, быстрые, гибкие и хорошо обученные, — оказались очень эффективными. Чуть больше чем за год с восстаниями было покончено. Радость, испытанная Дарием, нашла отображение в рельефе на скале, смотрящей в сторону дороги в Сузы (где никто не мог миновать его). Он представляет царя с ногой на груди распростертого самозваного претендента на трон, ложного Бардии, а также стоящих перед ним связанными, закованными в цепи царей Вавилона, Скифии, Мидии и шести других земель.

Дарий оказался таким же талантливым администратором, как и полководцем — редкое сочетание. Он реорганизовал восстановленную империю, создав стройную систему провинций, именуемых сатрапиями. Каждая управлялась доверенным сатрапом, и каждому из них приписывалась дань, которую необходимо было отсылать в Сузы ежегодно. Сатрапы, которые не отсылали намеченное количество дани или не могли содержать свои территории в порядке, подлежали казни. Похоже, эта система Дария работала очень хорошо, перенося работу по устрашению завоеванных народов с царя на правителей, которым приходилось быть гораздо более усердными, следя за своими землями куда эффективнее, чем могли бы Глаза и Уши Кира.

Мы нашли сведения по этому предмету в библейскоц Книге Ездры. Сатрап, который наблюдал за Иерусалимом, заметил, что построение храма (и его защитных стен) продвигается с пугающей скоростью. Поднимающееся здание выглядело подозрительно — как ядро крепости, — и тогда сатрап, человек по имени Таттенай, совершил специальную поездку, чтобы выяснить у строителей, что, по их мнению, они строят.

Евреи запротестовали, ссылаясь на то, что Кир разрешил им строить храм, но Таттенай не

намерен был верить их словам. Он приказал остановить строительство до тех пор, пока он доложит об их деятельности Дарию. «Царь обязан знать, — говорит отчет, — что люди строят из крупного камня и закладывают в стены стволы; работа продвигается быстро».™ Дарий приказал просмотреть царские архивы. Очевидно, копия декрета

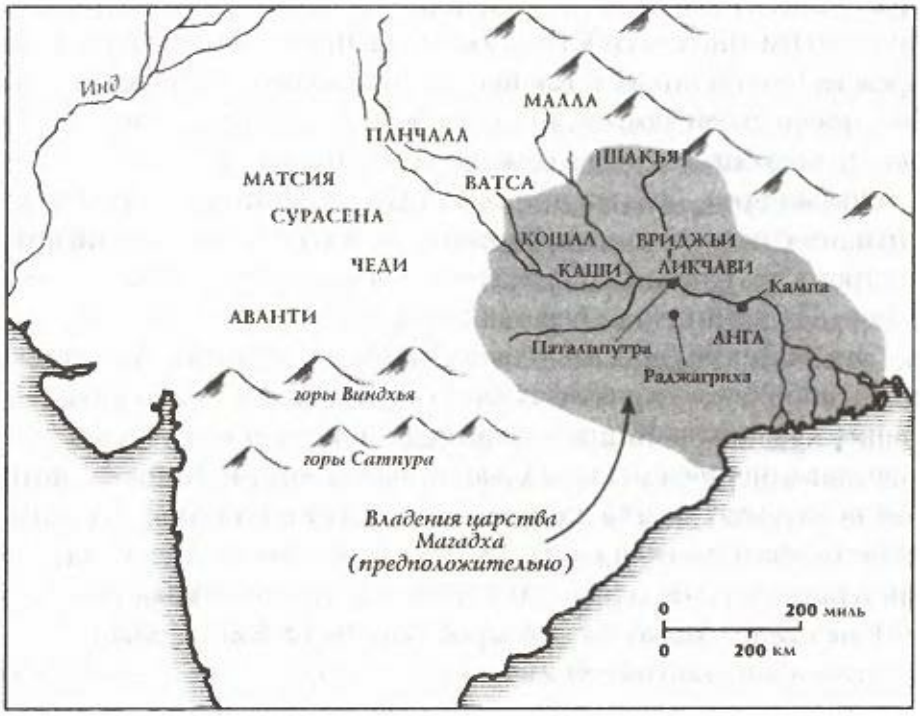
Кира была найдена (из всех возможных мест) в библиотеке в Экбатане, и Дарий дал разрешение на продолжение строительства. Библейский рассказ не симпатизирует Таттенаю — но этот человек, без сомнения, волновался, как бы не пропустить начало мятежа и не потерять своей головы.

Обеспечив стабильность империи, Дарий смог обратить внимание на новые территории. Он рассчитывал направить свою армию в сторону Индии.

Индия не была для персов странной и незнакомой землей, какой нашел ее полтора века спустя Александр Македонский. Ведь северные индийцы были потомками тех же ариев, что значились и в персидском фамильном дереве. На языке персов имена знати Дария звучали схоже с именами индийских принцев, которые правили махаджанападами: Утана, сын Тукры; Видафарнах, сын Ваяспары; Багабукса, сын Датувахьи.

Пока персы расширяли свои владения на восток и запад, индийское царство Магадха пыталось поглотить своих соседей. Амбициозный Бимбисара, который завоевал Ангу и объявил часть Кошала приданым своей жены, произвел такого же амбициозного сына. Не желая ждать своей очереди править, этот сын, Аджаташатру, поднял мятеж против отца, бросил его в тюрьму и позволил ему умереть там от голода: «Бимбисара был заключен в тюрьму в башню собственным сыном», — говорит легенда «Ревность Девадатты».[208]

Его мать так сильно горевала по потере мужа, что умерла. Тогда ее брат, царь Кошала, вернул себе землю, которая была ее приданым, и Аджаташатру пошел на него войной, чтобы вернуть землю себе.

Экспансия Магадхи

Сначала войска Кошала отогнали его солдат, но у царя Кошала возникли свои внутренние проблемы. Его наследник, столь же амбициозный, как и Аджаташатру, воспользовался военными неурядицами, чтобы предъявить свои претензии на трон и выгнать отца из Кошала.

Затем он начал собственную войну против гана-сангха Шакьи, племенного союза, в котором родился Будда. Он стер их с лица земли, и с этого момента они исчезли из исторических записей.[20]

Тем временем лишенный трона отец направился к столице Аджаташатру — городу Раджагрих. Это был особенно хорошо защищенный город благодаря естественным укреплениям — пяти холмам, что окружали его.[21] Подъехав к городу, он попросил убежища. Это могло показаться немудрым решением, но он был дядей Аджаташатру и мог претендовать на некоторые привилегии по родству. Он был пожилым человеком, и ко времени, когда оказался у стен, уже был так измотан путешествием, что умер раньше, чем успели открыть ворота.[22]

Это дало Аджаташатру еще одно оправдание для войны с Ко-шалом. Громко и публично оплакивая смерть дяди, он снова собрал силы, чтобы отомстить за него — и неважно, что к трагедии привело именно его собственное нападение на земли Кошала. Но прежде, чем он попал в Кошал, ему пришлось вернуться и разобраться со своей семьей. Его брат, который служил у него вицерегентом в завоеванном царстве Анга, попытался стать полноправным царем. Он готовил союз против Аджаташатру, объединившись с гана-сангха из Ликчави у себя на севере. Аджаташатру построил два форта, один на границе между двумя территориями, и форт Паталипутта на берегах Ганга, и отправился на войну.

Эта война продлилась двенадцать лет. В итоге Аджаташатру освободился от необходимости одновременно сражаться со своим кузеном в Кошале благодаря случайности. Нахлынувшее наводнение смыло большую часть армии Кошала, которая неразумно встала лагерем в русле реки (позднее подобная катастрофа затопила часть лагеря сторонников Александра во время одной из его кампаний на востоке). Когда вражеской армии не стало, Аджаташатру просто вошел и взял Кошал.[23]

Двенадцатилетняя война с братом, отдельные подробности которой сохранились в буддийских рассказах, заставили Аджаташатру сделать ряд военных нововведений. Во-первых, ему приписывают изобретение двух новых типов оружия, включая огромную катапульту, бросающую громадные валуны, а также новый тип боевой колесницы. Кроме того, двенадцать лет войны потребовали создания профессиональной армии, где человеку платили деньги именно за то, что он сражается: так появилась первая индийская регулярная армия.[24]

Армия Аджаташатру не была единственным его оружием. Когда Будда умер по пути на север в царстве Мала, Аджаташатру сразу же заявил, что Магадха имеет право охранять святое наследство Будды. Он приказал держать в своей столице Раджа-грихе совет, чтобы тот собрал и записал высказывания Будды — его сутры. Этот первый буддистский совет следил за изначальным составом тех высказываний, которые стали Пали Каноном, и работал под пристальным вниманием Аджаташатру.

Создание империи, приспособление религиозных традиций для политических целей, неурядицы в царской семье, профессиональная армия — все это сделало цивилизацию Северной Индии крайне похожей на цивилизации Западного мира.

*** * ***

Вероятно, персидские солдаты под командованием Кира уже доходили до реки Инд, хотя мы можем это только предполагать. Но Кир наверняка не сталкивался ни с одним из индийских племен и не прокладывал с боем путь в долину реки Инд. Дарий лишь знал, что где-то в этом районе находится великая река, но где точно — это было ему неведомо.

Поэтому он нанял моряка — карийца по имени Скилакс, грека из юго-западной Малой Азии, — чтобы сопровождать экспедицию по реке и составлять карту того, что он увидит. По Геродоту отправной точкой экспедиции стала земля, которую он называл Пактис и которая располагалась на севере Инда: вероятно, оба, и Кир, и Дарий, доходили до Инда, пройдя через Хайберский проход. За перевалом экспедиция Дария должна была построить на берегу реки Инд лодки и затем плыть вниз, через территории махаджанапады — Гандхару. Персы пересекли пустыню Тар, прежде чем достигли моря. Затем они поплыли на запад, вдоль южного берега Аравийского полуострова, и вернулись в Красное море. Дарий приказал расчистить уже затянувшийся илом канал от Нила до Красного моря, чтобы суда экспедиции могли затем выйти через Дельту в Средиземное море.

«После этой успешной круговой экспедиции, — говорит Геродот, описавший это трехлетнее путешествие, — Дарий завоевал индийцев»?[ъ] Завоеваны были, конечно, не все «индийцы», но Дарий проложил путь в Пенджаб, подчинив, вероятно, царства Гандхара и Камбоджа. В надписи в Сузах он перечисляет золотые изделия из Египта, лидийский камень и дерево из Гандхары как материалы, привезенные из отдаленных частей его империи для строительства нового дворца. Еще одна надпись называет его далекое восточное завоевание «Индийской сатрапией». Она стала двадцатой сатрапией в его царстве, с обязательством присылать в Сузы ежегодную дань золотым песком.[26]

Примерно в эти годы неизвестный писец в Вавилоне составил самую раннюю сохранившуюся карту мира. На глиняной табличке изображен Вавилон на Евфрате, Ассирия на востоке и другие города из окруженных «горькой водой» — Персидским заливом. Еще восемь земель лежат позади, невозможно далеко — но тем не менее достаточно близко, чтобы впервые поместить их на карту.

Именно в эти же годы одна из вавилонских надписей упоминает женщину из Индии, Бусасу, которая держала гостиницу в городе Киш. Вероятно, она прибыла морем по Инду и Персидскому заливу — скорее всего, не сразу из Индии в Вавилон, а постепенно перебираясь из одной части империи Дария в другую.[27] Персия стала мостом между Индией и людьми, живущими далеко на западе.

Сравнительная хронология к главе 63

Индия	Персия	Египет
Шестнадцать царств в долине реки Ганг		Псамметих II
Рождение Махавиры (трад. 599 год до н. э.)	Астиаг (Мидия)	Априй
	Камбис I	
Рождение Будды (трад. 563 год до н. э.)		Амасис
	Кир II (Великий) (559 год до н. э.)	
Бимбисара из Магадхи		
Смерть Махавиры (трад. 527 год до н. э.)	Камбис II (510 год до н. э.)	
		Псамметих III
	Дарий I	
Аджаташатру из Магадхи		
Смерть Будды (трад. 483 год до н. э.)		

Глава шестьдесят четвертая
Персидские войны

Между 527 и 479 годами Дарий оказывается не в состоянии нанести поражение Афинам, и города Греции объединяются против его сына Ксеркса

Персидская империя, разросшись почти во всех направлениях, мало продвинулась на северо-запад, где жили скифы.

«Скифия», которую Геродот и другие древние историки воспринимали как нечто естественное и конкретное, имеющее свое определенное место на карте, вовсе не была таковой. Скифы представляли из себя множество племен и целый набор царств, более двухсот лет кочуя по довольно обширному региону. В 516 году до н. э. центр их родных земель располагался между двумя великими реками, которые текли в Черное море: Дунаем на западе и рекой Дон на востоке.

Эти скифы были кочевниками еще до 700 года до н. э., когда они впервые появились в записях ассирийцев, и все еще не осели на земле к 516 году. «Если бы у нас были города, мы бы волновались, что их могут захватить, — сказал Дарию один из скифских царей, когда впервые ощутил угрозу персидского вторжения, — и если бы у нас были возделанные поля, мы бы беспокоились, что их опустошат... но у нас нет ни того, ни другого».[1]

Скифские обычаи были свирепыми. Они делали чаши из черепов павших врагов и сдирали кожу с правой руки («вместе с ногтями», — уточняет Геродот), чтобы использовать для натягивания на колчан для стрел; они сохраняли мертвые тела своих родичей непогребенными до того момента, как отпразднуют сорок дней после их смерти, предлагая трупам пищу и питье; они бросали семена конопли на раскаленные камни и вдыхали испарения, «крича от наслаждения дымом» (хотя вообще-то привычка к марихуане неизбежно делает человека мечтательным и неагрессивным).[2]

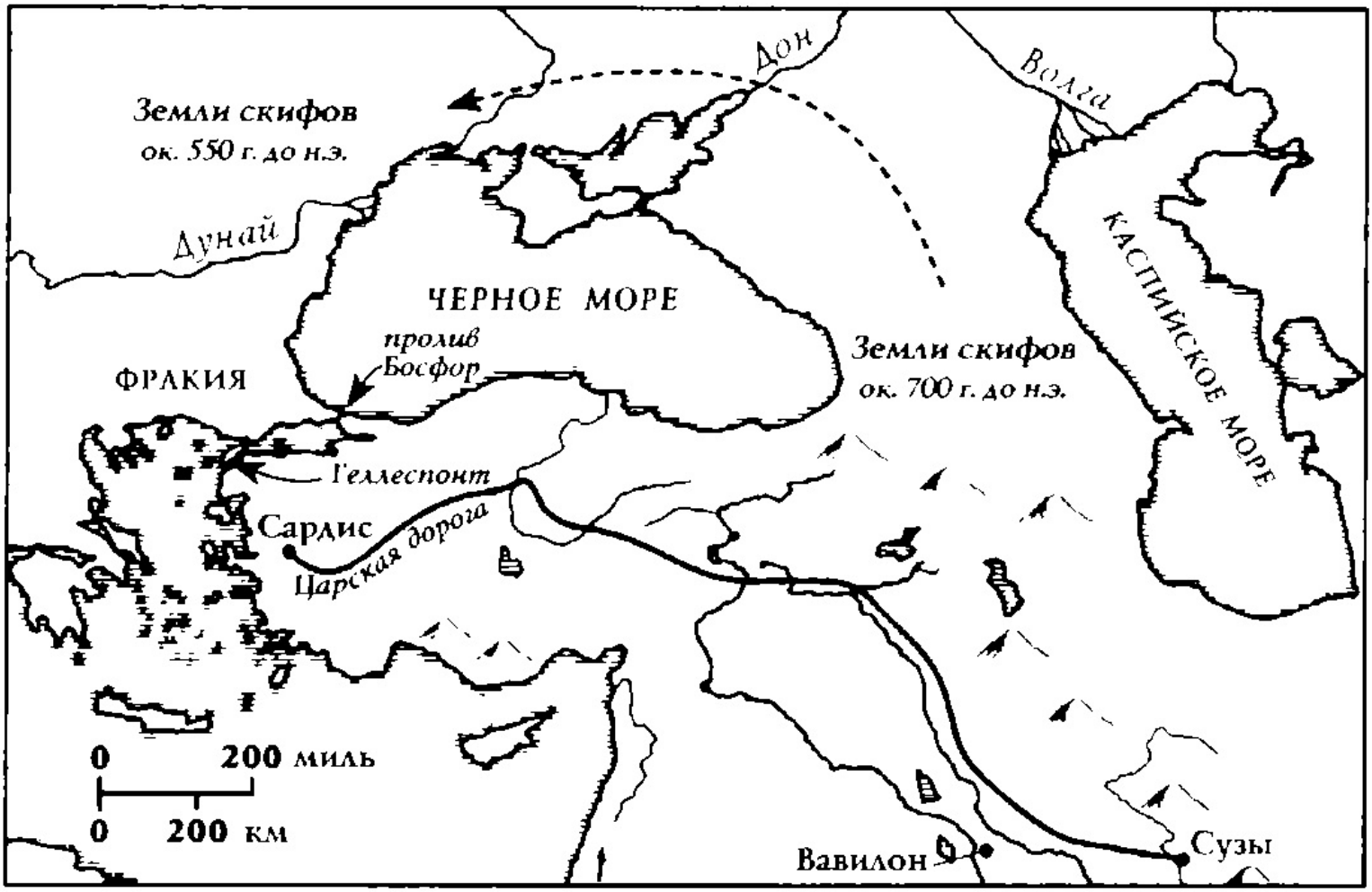
К 516 году Дарий начал планировать кампанию против скифов. Он уже уделил достаточно внимания своей северо-западной границе, сделав город Сарды в Малой Азии вторым административным центром империи. Чтобы обеспечить себе легкое попадание в Сарды, Дарий построил новую дорогу от Суз до самой Малой Азии. Эта Царская дорога была усеяна путевыми станциями для смены лошадей, чтобы гонец мог быстро передвигаться с запада в столицу и назад.

Теперь сам Дарий отправился по Царской дороге в Сарды, а затем из Сард на край своей территории. Чтобы напасть на скифов, он хотел привести свой флот к берегу Малой Азии через проход, известный как Геллеспонт [209], в пролив Босфор. Оттуда они отправились бы в Черное море, а затем двинулись бы вверх по реке Дунай (которую Геродот знал как Истр) вдоль южного края скифской территории.[3]

Тем временем его наземные силы пересекли бы пролив, который отделял Малую Азию от земель, называемых нами теперь Европой. Это было не особо впечатляющее водное пространство, но ни одна восточная империя еще не пересекала его. Дарий поручил работу по возведению моста через Босфор одному из своих греческих инженеров, ионийцу по имени Мандрокл. Затем он послал за своими людьми.

Персидская армия начала долгий марш по Царской дороге к городу Сарды. Войска двигалось настолько плотно, что дрожала земля, когда они проходили один покоренный город за другим. Тем временем инженер Мандрокл измерил пролив. В его самой узкой части он имел ширину примерно 650 метров или 720 ярдов (длина семи американских футбольных полей) —

гораздо шире, чем длина традиционного моста. Поэтому вместо обычного моста Мандрокл придумал построить плавучий настил на барках: низкие суда с плоской палубой связывали вместе, чтобы они образовали плавучее основание для настилаемой дороги, покрытой землей и камнями. Это был первый понтонный мост в истории, «связанная льном дорога», по словам греческого поэта Эсхила.[4] Она будет служить образцом для армейских саперов и много веков позднее.

Прародина скифов

Тысячи персов, пехотинцев и всадников, переправились через мост, направляясь к узкому месту через Дунай. Там им предстояло встретиться с морской частью экспедиции и построить еще один понтонный мост — уже на территорию скифов. Города Фракии на другой стороне пролива не попытались препятствовать продвижению персов. Большинство фракийцев боялось скифов, а персидская армия могла послужить защитой от них.

Однако скифы не оказали открытого противодействия. Вместо этого их племена отходили перед персами, заваливая колодцы и источники воды, поджигая деревья и зеленые поля по мере отступления. Персы, следуя за ними, обнаруживали, что идут по диким пустошам, им приходилось постоянно искать пищу и воду. Они не могли навязать противнику сражение и использовать в нем свое военное мастерство, которому были столь хорошо обучены. «Поход тянулся бесконечно, — пишет Геродот, — ...и ситуация стала оборачиваться не в пользу Дария»?

Как это ни было обидно, но в итоге Великий Царь повернул назад. Вся персидская армада проследовала обратно на юг, через понтонный мост на Дунае, оставляя незавоеванных скифов позади. Персидский придворный историк, а позднее персидский царь, решил эту проблему, когда описывал историю земель южнее Дуная. Из практических соображений земля на другой

стороне реки вообще перестала существовать. Если персы не могли захватить ее, она просто не должна была их заинтересовать.[6]

Но Дарий не ушел без добычи. Он направился к Сардам и там оставил армию под командованием самого доверенного военачальника, перса Мегабаза, с приказом завоевать Фракию.

Фракийские города, которые надеялись на избавление от скифской угрозы, сдавались теперь один за другим, принимая персидское господство. Мегабаз был опытным военачальником, а персидские солдаты — умелыми воинами. Их задачу облегчила разрозненная полтическая структура Фракии: каждый город имел своего военачальника и свою армию. «Если бы фракийцами управлял один человек, или они имели общую цель, — замечает Геродот, — то быть бы им непобедимым и самым могущественным народом в мире... Невозможно, чтобы это когда-либо осуществилось, вот почему они так слабы»?

Мегабаз превратил Фракию в новую персидскую сатрапию — Скудру. [8] Затем он повернул на юг и положил глаз на следующее царство — Македонию.

Македония, которая располагалась между Фракией и городами-государствами греческого полуострова, отличалась и от фракийцев, и от греков. Города Македонии принадлежали к единому царству, которым правил один царь.

Первые македонские цари пришли из военачальников клана Аргеадов. Аргеады первоначально прибыли с юга и в основном, судя по всему, были греками. Поэт Гесиод приписывает македонцам мифологическую древность, делая их кузенами греческих героев и потомками Зевса — отражая, по-видимому, реальные древние взаимоотношения.[210]

Двигаясь на север, Аргеады завоевали земли вокруг залива Термаик и еще немного дальше на север, построили столицу (Эги, возле древней крепости Эдесса), организовали армию и стали собирать налоги. Македония была первым государством в Европе, которое достигло такого уровня организации.[9]

Но это было примитивное и беспорядочное государство. Цари Македонии опирались не на религию, как традиционно делали восточные правители, а на военную силу. И хотя центр Македонии твердо находился под их контролем, их власть над северными частями Македонии являлась гораздо более шаткой. На западе лежал союз свободных племен, называемых иллирийцами (вероятно, мигранты с северо-запада, так как оставленные ими археологические памятники явственно напоминают следы кельтского Западного Халыптагга к северу от Италии); более северные фракийские племена известны под общим названием «пэонийцы».

В год, когда Мегабаз с персами появился на горизонте с завоеванной Фракией за спиной, царем Македонии был Аминта I (по общепринятому счислению —девятый царь Аргеадов). Персы направлялись к сердцу Македонии, сжигая города пэо-нийцев. Аминта, увидев на горизонте дым, немедленно решил, что сопротивление бесполезно.

Когда семь персидских парламентеров под предводительством сына Мегабаза пересекли границу Македонии с посланием, Аминта принял их в своем дворце в Эгах с почетом. «Они потребовали для царя Дария землю и воду», — рассказывает нам Геродот; [10] этот персидский обычай символизировал господство над землей и морем захваченной страны. Аминта сразу же согласился. Он также предложил свою дочь в жены сыну Мегабаза, делая его тем самым особо желанным родственником.

Этот союз оказался очень выгодным для Македонии; ни иллирийцы, ни оставшиеся пэонийцы не беспокоили больше ее северных границ, потому что, поступив так, они рисковали бы вызвать гнев персов.

Тем временем греков на юге быстро охватила паника. После того как на севере Аминта Македонский заключил союз с персами, преград между экспансией персов и греческими владениями почти не оставалось.

К несчастью, греческие города давно уже жили раздельно, как и фракийские племена, вдобавок два самых могущественных из них, Афины и Спарта, страдали от внутренних противоречий.

Реформы Солона не обеспечили мира в Афинах.

Знаменитый кодекс реорганизовал городское правительство. Высшими официальными лицами в Афинах все еще были архонты, но существовало два других вида правительства нижнего уровня. Совет Четырехсот, выбираемый большинством из нижнего и верхнего классов афинян, обсуждал законы и решал, какие из них предоставлять на голосование. Все население Афин, имеющее право голоса, составляло последний уровень правительства — Ассамблею[211].

Каждый гражданин Афин принадлежал к Ассамблее, но она не являлась такой уж демократичной. Чтобы считаться жителем Афин, вы должны были владеть имуществом.[11] Однако

Солон также узаконил, что сыновья горожан наследуют гражданство, даже если их отцы обеднели и потеряли свою землю. Предполагалось охранять право голосования от концентрации его в руках все сокращавшейся группы богатых аристократов.

Как и сами юридические реформы, это не удовлетворяло две трети жителей Афин. Богатые хотели иметь больше влияния, чем им давала Ассамблея, а самые бедные афиняне были ограничены членством в самой низшей ветви афинского правительства.

По поводу реформ Солона афиняне разделились на три конфликтующих группы, каждая из которых имела свое название. Жители Берега хотели сохранить реформы Солона, жители Равнины (старейшие семьи, основа Афин) хотели вернуть всю полноту власти в руки самых богатых афинян, а жители Холмов требовали полной демократии, с предоставлением бедным и безземельным таких же привилегий, как и остальным. Они были самой многочисленной группой, и их лидер Писистрат являлся, по словам Аристотеля, «крайним демократом».[12] Во-первых, он был ранен в сражении против врагов Афин, что создавало ему популярность (военная служба всегда была на пользу мужчине, который хотел привлечь простой люд на свою сторону), а во-вторых, он, похоже, был очень привлекательной личностью: «Было что-то утонченно-обаятельное в том, как он говорил, — замечает Плутарх. — Он был настолько хорош, прикидываясь обладающим способностями, которых у него, естественно, не было, что его наделяли ими больше, чем тех, кто их действительно имел».[13] Писистрат также жаловался, что находится в постоянной опасности, что враги хотят убить его — это было не паранойей, а чрезвычайно умным шагом, обеспечив ему повод собрать вокруг себя мощную и постоянно растущую охрану.

Растущее вокруг Писистрата окружение из вооруженных людей беспокоило большинство консервативных афинян, и даже Солон, вернувшись из путешествия в дикие земли, был озадачен. Но теперь Солон был очень стар, его голос дрожал и авторитет ослабел. Он уже плохо мог оценивать ход разворачивающихся событий.

В 560 году Писистрат со своими телохранителями ворвался в Акрополь и объявил, что берет город под свой контроль. Однако мятеж оказался столь же успешным, как и у Силона. Писистрат переоценил силы своих сторонников: жители Берега и Равнины, забыв свои разногласия, объединились и изгнали лидеров Холмов из Афин.

В ссылке Писистрат решил прибегнуть к другой тактике. Ранее он пытался действовать

голой силой, теперь же намеревался использовать политические средства. Он заключил тайный союз с аристократом Мегаклом, лидером жителей Берега, пообещав жениться на его дочери в ответ на помощь при избавлении от жителей Равнины — очевидно, победившие партии вновь перессорились, когда не были больше объединены против бедноты.

В итоге Писистрат вернулся в Афины. На этот раз, при двойной поддержке своих сторонников и сторонников Мегак-ла, он смог продержаться у власти немного дольше. Но вскоре он опять оказался в беде. На этот раз он вывел из себя жену «не имея с ней близости обычным образом, — как преподносит это Геродот, — и позднее она рассказала все своей матери, которая, может быть, и не спрашивала ее об этом».[и] Мегакл, информированный о таком повороте событий (и, по-видимому, сожалевший уже о союзе с пронырливым лидером Холмов), решил снова поменять сторону и опять объединился с жителями Равнины, чтобы вновь выгнать Писистрата.

Но Писистрат не успокоился. Он стремился найти политический союз, однако его единственным путем назад во власть было купить ее, и эту тропу он тоже испробовал. Он провел около десяти лет, работая на серебряных рудниках, а затем в 546 году собрал армию наемников и вернулся в Афины с вооруженными людьми за спиной. Он приказал им отобрать у афинян все оружие (право носить оружие, очевидно, не числилось в его демократической программе), и с этого момента стал править как тиран.[15]

По его мнению, он властвовал над афинянами для их же собственной пользы. И действительно, он стал весьма популярен: снизил для бедных налоги, «давал деньги беднейшим, чтобы помочь им в их трудах»[16] и обычно вел себя как мягкий и человечный благодетель — до тех пор, пока его никто не злил.

Когда он умер в 528 году, его старший сын Гиппий (от предыдущего брака, до нерегулярного общения с дочерью Мегак-ла) унаследовал его должность тирана, совсем в манере царей.

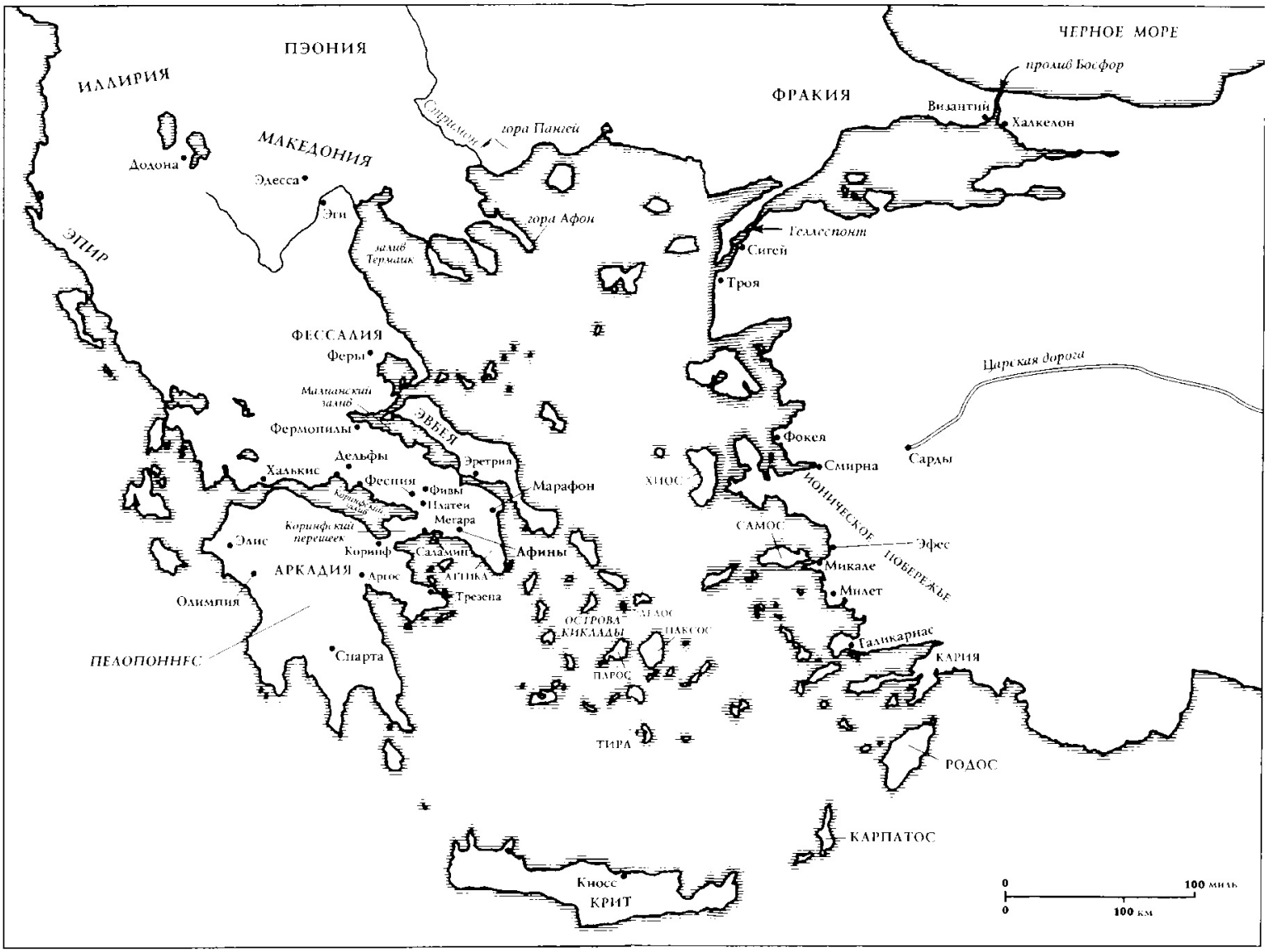
Это не вызывало в Афинах особого недовольства, пока не разразился семейный кризис. По Аристотелю, младший брат Гип-пия, Гиппарх, безумно влюбился в хорошенького юношу по имени Гармодий, который отказался иметь с ним какое-либо дело. Получив презрительный отказ, Гиппарх публично заявил, что Гармодий дегенерат.

Гармодий разозлился. Он подговорил своего друга, вдвоем они напали на Гиппарха в разгар религиозного праздника, и убили его. Они надеялись, что шум и веселье скроют их действия, но царская охрана убила Гармодия и арестовала его сообщника.

Убийство брата привело Гиппия в дикую ярость. Он приказал пытать молодого сообщника до тех пор, пока юноша, сойдя с ума от боли, не обвинил всех афинян в заговоре против Гиппия и всех его домочадцев — после чего смерть наконец освободила его от мучений.

«Вследствие мести за брата, — пишет Аристотель, — «казней и высылки большого числа людей Гиппий лишился доверия и озлобился».[17] Он начал уничтожать всех, названных юным сообщником, и всех, кто попадался на его пути.

Афинян избавил от этой напасти неправдоподобный спаситель — старый царь Спарты. Этому царю, Клеомену, прорицатель из Дельф постоянно твердил, что его священная обязанность — сбросить тиранию в Афинах. В 508 году царь встряхнулся и направился к Афинам во главе спартанской армии.[212] Дельфийский оракул едва ли был беспристрастным (афинские аристократы, понимая параноидальное состояние Гиппия, оплатили строительство великолепного мраморного храма на месте старого и тесного каменного дома оракула); к тому же весьма вероятно, что Клеомен не горел желанием видеть в Афинах равного себе.

Греция во времена Персидских войн

На практике расширение Спарты за счет центра Пелопоннеса привело к появлению в спартанском обществе серьезных классовых противоречий. На вершине находились урожденные спартанские граждане. Под ними располагалась огромная масса завоеванных народов, которым нельзя было доверять так, как гражданам: илоты, рабы и чернорабочие. Спартанцам нравилось такое положение дел. Единственное равенство в Спарте объединяло граждан-мужчин в возрасте старше тридцати лет, которым позволялось голосовать в общегородской ассамблее. Но даже там спартанцам не разрешались дебаты. Обсуждение идей в правительстве не считалось полезным. Юноши проводили детские годы, как рассказывает нам Плутарх, тренируясь в готовности к молчаливому послушанию.[18] Споры не были частью этих тренировок, вот почему старое греческое название Спарты — Лаконика — превратилось в наше английское слово «лаконичный».[19]

Поход Клеомена к Афинам был вызван не стремлением вернуть демократию, а страхом перед надвигающейся сокрушительной персидской силой. Если Афины распадутся на ссорящиеся друг с другом группировки, они не смогут противостоять движению персов на юг — а они были самым значительным барьером, оставшимся между Спартой и Персией. Клеомен надеялся выгнать Гиппия, остановить раздоры и восстановить мощь Афин.

Спартанская армия прогнала Гиппия и помогла афинянам провести выборы. Однако она отказалась устраниться от внутренних афинских дел и всем своим весом встала за одного их

кандидатов.[213] Афиняне, которые увидели в этом попытку спартанцев сделать Афины вассальным городом, сплотились в мощный союз, чтобы избавиться от господства южан.

Кто-то из Ассамблеи (Геродот не указывает, кто именно) предположил, что спартанскую спесь можно сбить, если афиняне заключат союз с какой-нибудь подавляющей военной силой... такой, как персидская. И в Сарды отправилась делегация — просить тамошнего правителя (сводного брата Дария Артаферна, который был оставлен управлять западом империи, когда Дарий направился назад в Персеполь) заключить союз против Спарты.

Похоже, афиняне переоценили свою роль на международной арене. Их просьба казалась им совершенно разумным предложением, но Геродот пишет, что делегация «находилась в процессе передачи своего послания, когда Артаферн... спросил, кто они такие и откуда пришли». Без сомнения, он знал ответ — но это был великолепный повод сбить спесь с парламентеров. За ним последовал краткий ультиматум: персы придут помочь афинянам, только если они согласятся послать Дарию землю и воду как символ полной подчиненности.

Делегаты, окруженные персами, согласились, что, в конце концов, позволило им уйти невредимыми из Сард, хотя по возвращении им пришлось выслушать немало неприятных слов на родине, в Афинах. «Это доставило им множество проблем по возвращении домой», — сообщает Геродот.[20] Афиняне не намерены были поступаться ни одной из своих свобод. Поэтому они сами энергично взялись решать спартанскую проблему и в яростной схватке сумели вышвырнуть оставшихся вооруженных спартанцев из своего города.

Когда спартанцы исчезли со сцены, афинянам потребовалось некоторое время, чтобы перевыбрать свое правительство, ранее подчинявшееся тирану. Когда пыль от реформ осела, население города оказалось разделенным на десять «племен», причем их границы были проведены поперек старых семейных союзов в попытке разрушить древнюю сеть власти высокорожденных. Совет Четырехсот стал Советом Пятисот — с пятьюдесятью представителями от каждого племени.

В попытке окончательно избавиться от господства аристократических семей сам город был разделен на тридцать географических районов, названных «демами», и афинянам внутри каждого дема было велено использовать его название вместо своих фамилий.[21] Идея была интересная, но она не сработала; большинство афинян со временем вернулись к своим старым фамилиям.[214]

Был также введен новый обычай. Любой гражданин Афин мог быть выслан из города, если шесть тысяч соотечественников напишут его имя на глиняных обломках, используемых в качестве избирательных бюллетеней. Такой обломок назывался «остракон» — именно из этого обычая десятилетняя ссылка стала известна как «остракизм». Это стало еще одной защитой от тирании. «Если кто-либо... забирает больше власти, чем положено... — пишет Аристотель, — такое избыточное превосходство ведет к правлению одного человека... Учитывая это, некоторые государства вводят остракизм».[22]

Согласно Аристотелю, первыми афинянами, пострадавшими от остракизма, стали друзья Гиппия, которых заставили последовать в ссылку за экс-тираном.

Тем временем еще один греческий город также решил попросить помощи у персидской армии.

Это был ионический город Милет, расположенный на краю управляемой персами Малой Азии. Лидером Милета являлся амбициозный военный по имени Аристагор, который многие годы властвовал в своем городе как тиран. Теперь он пожелал раскинуть свою сеть шире. Он отправился к персидскому правителю в Сарды и предложил завоевать в интересах Персии

греческие острова Киклады — если только персы дадут ему корабли и солдат.

Правитель Артаферн согласился на этот план, и Аристагор, обрадованный возможностью стать тираном целой островной мини-империи, соединил войска для вторжения и отплыл к своей первой цели — Наксосу.

К несчастью, греческий город на Наксосе оказалось не так-то просто захватить. Жители, не сражаясь, просто собрали в городе все продукты и весь скот и заперли ворота. После четырехмесячной осады Аристагор истратил все деньги персов, и Артаферн, разочарованный в военном искусстве тирана, отказался поддерживать его дальше. Аристагор вынужден был отплыть назад в Милет опороченным и с разбитыми амбициями.

Однако он кое-чему научился, наблюдая через воды за греческой политикой, и, как любой хороший афинский стратег, изменил свою политику. Он решил переключиться с про-персидского союза на анти-персидский, причем без всякой материальной выгоды. Он поведет греческие города Малой Азии на мятеж против господства Персии — и со временем, может быть, объединит их под своим началом.

Несколько ответов на сделанные им осторожные запросы показали, что другие ионические тираны тоже хотели бы присоединиться к мятежу. Но из своего провала у Наксоса Аристагор вынес, что войны — дорогое удовольствие. А для начала войны с Персией нужна была еще большая поддержка.

Очевидно, первым союзником в таком проекте должна была стать воинственная Спарта. Спарта была главным и самым могущественным городом в свободном альянсе греческих городов-государств, именовавшихся Пелопоннесской Лигой — ассоциацией, образованной для взаимной защиты от врагов. Если Спарта присоединится к войне против Персии, ее примеру последуют и другие города Лиги. Поэтому Аристагор поехал в Спарту увидеться с Клеоменом. Но тот не только отказался кольнуть «персидского зверя» булавкой — он сначала посмеялся над Аристагором, а затем силой выдворил его из своего города.

«После того, как его выставили из Спарты, — пишет Геродот, — Аристагор решил поехать в Афины, потому что после Спарты они были самым могущественным греческим государством».[23] Тут он нашел более благодарного слушателя.

Гиппий, изгнанный афинский тиран, собирался вернуться. Он уехал из Греции, пересек Геллеспонт и явился к персам в надежде, что персидская армия поможет ему снова завоевать Афины. Артаферн выслушал его план и понял, что Гиппий мог бы стать идеальным персидским «клином», вбитым в Грецию.

Он послал в Афины письмо, требуя от афинян принять назад Гиппия — или приготовиться к вторжению; едва это письмо успело прибыть, как появился Аристагор с предложением мятежа против персов.[24]

Афины, негодующие по поводу персидского ультиматума, согласились послать двадцать кораблей в помощь Аристагору; их союзник, прибрежный город Эретрия, выслала еще пять.[25] Итак, в 500 году до н. э. началась война.

Греко-персидская война, которая продолжалась чуть более двадцати лет, редко упоминается в персидских документах. Но в Греции она находилась в центре жизни каждого гражданина более двух десятилетий. Все наши рассказы о ней идут от греков: Геродота, которому было пять лет, когда война закончилась, но который разговаривал с очевидцами, чтобы восстановить события; Фукидида, родившегося примерно на двадцать лет позднее, который использовал рассказы Геродота, но поправлял некоторые его интерпретации, основываясь на других источниках; и от греческого драматурга Эсхила, который был старше обоих историков и сам принимал участие в войне. Его пьеса «Персы» — это произведение

очевидца, но ударение в ней сделано на мужестве греков, а не на ходе кампании.[26] В глазах этих людей персидская война — центральное событие в истории цивилизации. С персидской же точки зрения она была серией небольших стычек, которые, когда они проходили неудачно, просто игнорировались.

Ионические города, присоединившиеся к мятежу, начали на высокой ноте, конфисковав триста кораблей из флота Дария и укомплектовав их командами из греков.[27] Дарий немедленно послал свою быструю и хорошо обученную армию, чтобы подавить ионический мятеж. Прежде чем она прибыла, Аристагор с союзниками смог удивить Сарды, ворвавшись в город. Персидский правитель Артаферн заперся в цитадели, но ионийцы растеклись по всем Сардам, намереваясь пограбить. К несчастью, город почти сразу же начал гореть. Был подожжен один дом, и так как здания в городе в основном были построены из тростника, огонь очень скоро распространился по всем строениям.

«Пожарище в Сардах», как называет это событие Геродот,[28] разозлило персов до неистовства. Когда персидская и ионическая армии встретились у Эфеса, ионийцы были разбиты. Они рассеялись, и афиняне, видя, что после этого боя не предвидится ничего хорошего, решили выйти из игры. Но у ионийцев теперь не было другого выбора, кроме как продолжать сражаться. Они сожгли Сарды, и возврата не существовало. Теперь невозможно было отступить, избежав ужасных последствий.

И они продолжали сражаться на море. Объединенный флот Ионических островов прошел через Геллеспонт и выбил гарнизон персов, стоявший недалеко от Византия. Затем корабли пошли вниз вдоль берега, собирая союзников по мере продвижения.[29] Мятеж становился настолько обширным и серьезным, что на многие годы втянул персов в изматывающие сражения.

В 494 году персы нанесли ответный удар, когда их флот из шестисот кораблей подошел к ионическим судам в открытом море, как раз напротив Милета. Персы готовились к огромному сражению, и они хорошо знали ионический флот. В результате было захвачено 300 из 353 кораблей греческого флота — из бывшего флота Дария, захваченного греками в самом начале войны.[30]

Множество ионических кораблей с людьми затонуло. Так как военное счастье обернулось против греков, часть кораблей просто исчезла. Командир ионического флота бежал на Сицилию и стал пиратом — хотя захватывал только карфагенские и этрусские корабли и «не трогал греческие».[31] Аристагор сбежал в Малую Азию, а позднее оказался во Фракии, где был убит при попытке захватить фракийский город.

Победившие персы высадились на берег возле Милета, города Аристагора, причины всех бед. Они осадили его, отрезали от любой помощи снаружи, прокопали проход под стены и в итоге взяли город штурмом. «Большинство мужей было убито, — говорит Геродот, — их женщин и детей... обратили в рабство... Те, кто остался в живых, были забраны в Сузы». Дарий поселил их в болотах в устье Тигра, где когда-то обретались халдеи.[32] Афины, наблюдавшие за кампанией издали, были шокированы, хотя война пока не докатилась до них. Милет был когда-то дочерним городом Афин, и его разрушение стало для греков серьезным ударом.

Но худшее ждало впереди. Дарий не забыл первоначального участия афинян и эретрийцев в мятеже. В 492 году он поставил своего зятя, крупного полководца Мардония, во главе сил вторжения. Эти силы были разделены на две части.

Сухопутное войско шло через Малую Азию, пересекало Босфор по понтонному мосту и двигалось далее на юг через Фракию и Македонию. Морские силы следовали через Эгейское море и должны были объединиться с наземными на подходе к северным греческим городам.

Первый персидский набег на Грецию был отбит. Персидский флот почти достиг цели, когда разразился шторм и выбросил почти все корабли на скалы возле горы Афон. Не имея приказа на дальнейшие самостоятельные действия, сухопутная часть экспедиции повернула обратно.

На восстановление персидскому флоту потребовалось два года. Но к 490 году все было готово к выходу, и Мардоний (который был вызван в Сузы для выговора) вернулся к работе.

Геродот говорит, что эти новые силы насчитывали шестьсот кораблей. Даже если это преувеличение, морское вторжение было таким мощным, что персы даже не побеспокоились отправить для его усиления сухопутные войска. На одном из кораблей находился Гиппий, пообещавший, что сможет снова стать тираном Афин, когда персы уничтожат оппозицию.

Персидские войска начали свой поход против Греции с разрушения Наксоса. Выяснилось, что Аристагор в самом деле был некомпетентным полководцем: персы взяли Наксос в течение нескольких дней, а затем осадили Эретрию. Следующей целью были Афины — «царица Аттики», ключ к господству над Грецией.

Защитники Эретрии отступили. Афиняне, оказавшись перед лицом персидского нашествия, послали гонца в Спарту с просьбой о помощи. Этим гонцом был Фидиппид, «обученный бегун», который, как говорят, покрыл 24 мили между Спартой и Афинами всего за двадцать четыре часа — поразительное проявление выносливости. Похоже, Геродот сильно преуменьшает время, потребовавшееся для преодоления этого расстояния, но нет причин сомневаться, что оно было пройдено.[215] Однако спартанцы отказались ответить на призыв. Они праздновали религиозный праздник и не могли отправиться в путь до наступления полнолуния.

Спартанцы действительно были религиозны (если не сказать суеверны) — но очень вероятно, что они просто попытались избежать открытой войны с персами. Персы прибыли наказать Афины, их гнев был направлен на те греческие города, которые присоединились к ионическому мятежу, а Спарта его не поддержала.

Тем временем у Афин не оставалось выбора — лишь встать лицом к лицу с персами без какой-либо помощи.

Геродот рассказывает нам, что афинский командующий Мильтиад выстроил своих пехотинцев — афинских гоплитов — в несколько необычный боевой порядок, ослабленный в центре и усиленный по обоим флангам. Гоплитов называли так из-за их щитов, афинских гоплонов, которые имели ручку сбоку, а не в центре. Это позволяло оставлять правую руку полностью свободной для использования копья. При этом правый бок воина оставался не прикрытым, но гоплон выступал достаточно далеко налево, чтобы прикрыть правую сторону следующего гоплита. Другими словами, такой тип вооружения заставлял воинов сражаться в плотно сдвинутом строю, именуемом фалангой. Одиночный гоплит был чрезвычайно уязвим. Только сохраняя сомкнутый строй, гоплиты обеспечивали себе защиту.

Эта вынужденная дисциплина плюс безумная храбрость возместили меньшую численность афинян. «Афиняне, — рассказывает нам Геродот, — вынудили захватчиков обратиться в бегство» — персы решили, что они все, видимо, сошли с ума.[33] И действительно, центр афинского войска был прорван почти сразу же. Однако мощные фланги охватили персов и заставили их отступить, чтобы увернуться от смертельных клещей. Когда персы бросились назад, к своим кораблям, они попали в болото, и многие увязли в нем под весом своего оружия.

Часть персов, успевших достичь кораблей, спаслась. Но афиняне захватили семь кораблей и убили громадное количество врагов. Цифры, названные Геродотом — 6400 убитых персов против 192 погибших афинян — являются (как и расчеты Генриха V после битве при Азинкуре) пропагандистским преувеличением. Но Марафонская битва была поразительной победой для афинян. Они бились против настоящего монстра.

Спартанцы прибыли как раз вовремя, чтобы помочь пересчитать мертвых.

Люди, которые сражались при Марафоне, стали позднее известны как марафономахи (Marathonomachoi), их почитали в Афинах, как много веков спустя почитались в Соединенных Штатах ветераны Второй мировой войны за их роль в отстаивании свободы. Но победоносный полководец Мильтиад не удостоился благодарности он закончил жизнь, отстраненный от командования за то, что не захватил остров Парос, который был верен Персии. Мильтиада, страдающего от гангренозной раны, полученной во время неудачной кампании, даже доставляли на судебное разбирательство, и вскоре он умер.

Тем временем Дарий готовился возобновить войну с Грецией. В 486 году, спустя четыре года после Марафона, он поднял налоги — вероятно, чтобы переформировать и увеличить армию. Египет восстал почти немедленно, по-видимому, отреагировав на это. Но у Дария не было времени разбираться с египтянами. К концу 486 года он заболел и скончался еще до наступления зимы.[34]

Его место занял старший сын Ксеркс.

Ксеркс хорошо усвоил опыт своего отца. Как и Дарий, он сначала послал армию подавить вспыхнувшие мятежи, которые всегда сопровождали перемены в царском доме. На неизбежный мятеж в Вавилоне он ответил разделением вавилонских владений на две более мелкие сатрапии, тем самым внеся раскол в ряды недовольных. Египет он вновь покорил простой военной силой, а затем взял себе титул «Властитель Двойной Страны», который вырезал в надписях и в Египте, и в Персии.[35]

Потом он обратил взор в сторону Греции. В 484 году в гаванях по всей его империи массово строились корабли. 320 были изготовлены наемными греческими мастерами, 200 прибыли из Египта. Египтяне также помогли Ксерксу построить новый понтонный мост, на этот раз немного дальше к югу, чем мост Дария; он протянулся через Геллеспонт, связанный египетскими льняными веревками.[36]

Афины тем временем тоже строили флот. Он состоял из трирем — длинных узких кораблей, примерно 120 футов длиной и только 15 футов шириной[216]. Эти суда имели места для 170 гребцов, они могли резать воду как ножом и на высокой скорости таранить другие корабли.

В 481 году Афины и тридцать других греческих городов объединились в новый союз — Эллинскую Лигу, созданную специально для обороны Греции от персов. Спартанцы, которые присоединились к анти-персидскому объединению, были самыми опытными в этой объединенной армии.

В конце того же года Ксеркс лично повел свои войска в Сарды, где они зазимовали, восстанавливая силы и оправляясь от перехода. Затем весной 480 года, Ксеркс двинулся через Геллеспонт.

У греков было мало надежды, что север выстоит долго. Они решили обороняться сразу за Малианским заливом, а сама армия разместилась в Фермопилах, где горы расходились и оставляли проход. Это было единственное место, через которое Ксеркс мог пройти в южную часть полуострова (хотя существовала тайная горная дорога, которую он вряд ли способен был найти). Греческий флот был поставлен у северной оконечности острова Эвбея. Тут он ждал персов.

Тем временем вся Греция полным ходом готовилась к беде. Афиняне решили ждать самого худшего; до нашего времени дошла копия декрета, изданного Советом Пятисот:

«Решенное Советом и народом... Вверяя город Афины богине Афине... Афиняне и иностранцы, которые живут в Афинах, отсылают своих детей и женщин в безопасный город Трезена... Они отсылают стариков с их движимым имуществом в безопасный город Соломин.

Сокровища и жрицы остаются в Акрополе как охраняемое имущество богов. Остальные афиняне и иностранцы годного для войны возраста помещаются на 200 кораблей, которые готовы, и защищаются от варваров во имя собственной свободы и свободы остальных греков».[37]

Затем Ксеркс начал наступление. Перед лицом вторжения Фракия сдалась сразу же, затем один за другим капитулировали города Македонии. Ксеркс вошел на Греческий полуостров, и если бы он смог пройти сквозь горы, города к югу оказались бы обречены. Войска из Аттики должны были на всякий случай не сводить глаз с тайной горной дороги. Но самый важный проход через Фермопилы был доверен спартанским войскам — семи тысячам бойцов под предводительством спартанского царя Леонида, наследовавшего престол после Клеомена.

Этого было бы достаточно для удержания узкого прохода даже против многократно превосходящего войска, если бы греческий предатель не явился к Ксерксу и не поведал ему про окольную дорогу через горы. Ксеркс послал пробраться по ней самого опытного командира с наиболее хорошо подготовленными бойцами из «Десяти тысяч» — персидской военной элитой бойцов, которых Геродот называет «Бессмертными». Они пересекли горы, спустились по другую их сторону и атаковали спартанцев с тыла.

Леонид, видя, что его силы оказались в ловушке, понял, что битва уже проиграна. Он приказал всем своим людям, кроме трехсот человек, отойти назад, на юг. С этими последними тремя сотнями и с несколькими отрядами из греческих городов Фивы и Феспия, которые отказались отступить, он вступил в бой, чтобы задержать Ксеркса. Аттика была обречена — но если его отходящие спартанцы успеют достичь Коринфского перешейка, они еще смогут удержать Пелопоннес и Трезену, где находились женщины и дети, а также Саламин — все, что останется от Греции.

Спартанцы бились, пока не были уничтожены все. В этой битве Бессмертные тоже понесли огромные потери: погибли два родных брата Ксеркса.[38] Позднее битва при Фермопилах станет одним из самых знаменитых актов героизма в мировой истории. Но на Ксеркса сражение не произвело впечатления. Он приказал обезглавить тело Леонида и прибить его к кресту, как казненного преступника.

Плутарх рассказывает нам, что греческие лидеры, встревоженные и доведенные до отчаяния, имели между собой краткую и бурную ссору по поводу плана дальнейших действий. Афиняне требовали от остальных оставаться в Аттике, чтобы защитить Афины, но остальные лидеры не верили, что смогут удержать огромное пространство на севере от громадной персидской армии. На этот раз они победили. Все греческие силы отошли к югу, на Пелопоннес, где могли собрать свои корабли в водах вокруг острова Саламин, а также организовать оборону на узком Коринфском перешейке, который связывал Пелопоннес с Аттикой. Афиняне подчинились, протестуя: «разозленные таким предательством, — пишет Плутарх, — а также напуганные и подавленные тем, что их союзники не поддержали их».[39]

Ксеркс во главе своих солдат с триумфом вошел в великие Афины и разрушил их. Персидские солдаты сожгли Акрополь; афиняне на противоположном берегу залива вынуждены были сидеть сложа руки и смотреть, как над их городом поднимается дым.

Следующие события описаны драматургом Эсхилом, который был их очевидцем. В своей пьесе «Персы» он описал, как персидский глашатай возвращается в столичный город Сузы, доложить царице-матери, что ее сын Ксеркс решил немедленно атаковать греков на Пелопоннесе:

Появился грек из лагеря врага, чтобы шепнуть твоему сыну, что под покровом ночи каждый грек, до единого человека, схватится за свое весло и начнет бешено грести во всех направлениях, спасая свою шкуру.[40]

Этот посланец был направлен греческим предводителем Фе-мистоклом, который понимал, что время играет на персов. Греки, запертые на Пелопоннесе без союзников, легко могли быть уничтожены медленной войной на измор. Наилучшей возможной стратегией для Ксеркса было бы организовать осаду и послать свой флот для выстраивания кольца блокады вокруг

Пелопоннеса, чтобы ни один из окружающих островов не мог оказать ему помощь. После этого он постепенно мог собирать силы для последней атаки.

Поэтому Фемистокл послал к Великому Царю письмо, предлагая поменяться сторонами. В письме говорилось, что если персы атакуют сразу же, измотанные и пришедшие в уныние греки рассеются. Ксеркс, уверенный в себе, не побеспокоился блокировать полуостров с моря. Вместо этого он отправил свои корабли в узости, приказав атаковать находящиеся там афинские триремы.

Твой сын немедленно,
обманутый хитростью греков и ревностью
богов, дал знать всем своим
капитанам, что когда
солнце спустится за горизонт, и
тьма покроет купол неба,
они должны разделить флот на три группы
и перекрыть грекам возможность спастись в открытом море,
пока другие корабли окружат и замкнут остров в кольцо.[41]

Это было именно то, чего хотел Фемистокл. Триремы, быстрые и маневренные, могли эффективно сражаться в тесных водах вокруг Саламина, в то время как более мощные персидские корабли не были в состоянии увернуться от таранного удара.

Корабль ударялся в корабль,
тараня бронзовым носом,
разрезая корабль надвое.
Греки начали это.
Люди на палубе роняли свои копья,
Мы сопротивлялись, пытаясь удержать свои;
но вскоре наши корабли, так сильно стиснутые,
стали в лоб врезаться друг в друга в узком проливе,
бронзовый клюв рушил бронзовый клюв,
разбивал весла и скамьи.
Тогда греки окружили нас в полном
порядке и ударили, и корпуса наши накренились
опасно, и море вскоре не было больше
видно под обломками и плавающими телами.
И вдоль всего берега бились трупы о камни.[42]

Персы, выросшие на суше, не умели плавать. У того, кто упал за борт, не было шанса спастись.

Ксеркс, который сидел на золотом троне на высоком холме, чтобы наблюдать за сражением, все больше впадал в ярость. Это поражение не должно было стать концом для Ксеркса, но ярость добила его. Он приказал командирам своего флота — финикийцам — карать моряков смертью за трусость. Это отвернуло от него всех до единого финикийских матросов. Финикийцы, которые выросли на море, точно знали, почему их атака провалилась.

Тем временем Вавилон восстал снова, и Фемистокл опять поступил согласно своему плану. Он отпустил пленного перса, который вернулся к Ксерксу, снабженный информацией, что

греческий флот намерен отплыть к Геллеспонту и разрушить понтонный мост до того, как Ксеркс со своей армией успеет попасть к нему.[43] При этом известии Ксеркс решил возвращаться домой.

Он объявил, что будет выдана большая награда тому, кто схватит Фемистокла (бесполезный жест), и затем направился назад через Македонию и Фракию с большей частью своей армии, оставив часть солдат под командованием своего зятя Мардония. Таким образом Ксеркс оставил Мардония на гибель, спасая себя от позора беспорядочного отступления. Афиняне перешли Коринфский перешеек и встретили Мардония с его слабыми силами возле селения Платеи. Греческим войском командовал Павсаний, племянник героя Леонида, унаследовавший его пост (а также ставший регентом при юном сыне Леонида, теперь новом царе Спарты). Он атаковал персов и добился победы, а Мардоний погиб на поле боя. «Его труп исчез через день после битвы, — пишет Геродот, — «и никто не знает, где он захоронен».[44]

Греки атаковали на суше и на море: одновременно они послали свой флот против остатков персидского флота, который отошел через Эгейское море к берегам Малой Азии. Персы, увидев греческие корабли, решили не рисковать, ввязываясь еще в одну морскую битву. Вместо этого они пристали к берегу Малой Азии немного западнее города Микале и выстроились для сухопутного сражения.

Традиционно считается, что обе битвы, и при Платеях, и у Микале, имели место в один день 479 года. У Микале персы понадеялись на ионических воинов в своих рядах, поставив их прикрывать тыл. Но когда греки приблизились, ионийцы растаяли, исчезнув в своих городах, и оставили персов одних. Объединенные афинские и спартанские силы гнали персов весь путь до столицы, убивая их на ходу. Лишь некоторые достигли стен города Сарды.

Победы греков у Платей и у Микале покончили с персидскими войнами. Потери не слишком отразились на состоянии Персидской империи, хотя персы позволили своему флоту стать меньше, не ремонтируя его.[45] Но греческие города от Спарты до самого ионического побережья объединились в добровольном союзе, чтобы защищаться от общего врага. То был первый шаг по объединению, предпринятый всем греческим миром. Их мир связался в одно целое не политическими границами, а общими обычаями и языком.

Сравнительная хронология к главе 64

Персия	Греция
Кир II (Великий) (559 год до н. э.)	
	Писистрат из Афин
	Аминта I Македонский
Камбис II (530 год до н. э.)	
Дарий I	Клеомен из Спарты
	Дамарат из Спарты
	Марафонское сражение (490 год до н. э.)
Ксеркс I (486 год до н. э.)	Леонид из Спарты
	Битвы при Фермопилах и Саламине (480 год до н. э.)
	Битвы при Платеях и Микале (479 год до н. э.)

Часть пятая
ИДЕНТИЧНОСТЬ

Глава шестьдесят пятая
Пелопоннесская война

Между 478 и 404 годами до н. э. Ксеркс умирает, а Афины и Спарта заключают «Тридцатилетний мир», который длится только четырнадцать лет

Когда персы ушли, заново объединенные греки должны были решить, что делать с ионическими городами. Воссоединившись с греками, ионийцы публично бросили вызов Персидской империи. Поэт Эсхил воспел их новую свободу:

> И теми, кто живет на Азиатском берегу,
> больше не будут управлять
> персидские законы,
> они не будут платить дань
> по приказу из империи,
> не будут бежать на восток
> из страха перед царством,
> чья сила теперь умерла.[1]

Но силе персов было еще далеко до смерти, и персидские войска все еще занимали «широкие азиатские земли». Эгина лежала между Персией и греческим материком, и для ионийцев потрепанный вояка все еще стоял по другую сторону их городских стен.

Спартанцы предложили, чтобы ионийцы просто эвакуировали свои города и оставили землю персам, так как те не смогут «поставить охрану ионийцам навсегда».[2] Афиняне тут же возразили. Большинство колоний, о которых говорили спартанцы, предлагая оставить их (точно так же, как они оставили сами Афины во время вторжения, довольствуясь лишь спасением Пелопоннеса), были афинскими. «Они убедительно выстроили свои возражения», — говорит Геродот. После яростных споров между городами афиняне смогли убедить большинство остального греческого контингента присоединиться к ним, чтобы выдворить персов с Ионического побережья.

Проигравшие спор спартанцы согласились остаться в коалиции: они не горели желанием сражаться с персами, но также не хотели, чтобы афиняне набирали вес как лидер Эллинской Лиги. Оставшись, они потребовали, чтобы их собственный командир — Павсаний, победитель в битве при Платеях, все еще служащий регентом у юного сына Леонида, погибшего у Фермопил, — остался главнокомандующим объединенных военных сил Эллинской Лиги.

Итак, Павсаний со своим флотом отправился к осажденному Византию, который снова был занят персидскими войсками. Афинский флот под командованием собственного флотоводца Ксантиппы тоже направился к Босфору. Осада оказалась успешной, и персидский Византий снова стала греческой.

В последний раз Афины и Спарта действовали как союзники.

Дальше этого Геродот не идет; его история оканчивается сразу после битвы при Микале.

Для рассмотрения следующего этапа событий мы должны перейти к Фукидиду, который писал свою историю примерно семьюдесятью годами позднее, и Плутарху, чья «Жизнь Фемистокла» добавляет некоторые детали.

По Фукидиду, пока солдаты Афин и Спарты вместе осаждали Византий, афиняне и спартанцы ссорились дома. После поражения Мардония у Платей афинские солдаты под командой Фемистокла вернулись в Афины. Город лежал в руинах; стены были разрушены, храмы на Акрополе осквернены и сожжены, а священное оливковое дерево, которое росло в храме Афины, было срублено, пень его обуглился. Но с течением дней из пня показались зеленые ростки.[3] Афины продолжали жить, и возвращающиеся афиняне приступали к долгому делу по восстановлению разрушенных стен.

Весть об их восстановлении долетела до Спарты. Через несколько дней делегация Спарты прибыла в Афины. Спартанцы не только потребовали остановить стройку, но и заявили, что афиняне должны «присоединиться к ним в снятии остатков стен городов вне Пелопоннеса».[4]

Это была очевидная попытка Спарты застолбить свое доминирование по всей Греции. Афиняне, у которых оставалось совсем немного вооруженных мужчин и не было стен, оказались не в состоянии воспротивиться требованию. Но Фемистокл, никогда не говоривший правду в затруднительной ситуации, составил план. Он сказал спартанцам, что, естественно, приедет в Спарту с группой афинских официальных лиц, чтобы обсудить эту проблему. И он отправился в Спарту, двигаясь очень медленно, оставив наказ остальным афинским официальным лицам задержаться в Афинах, пока стены не будут подняты хотя бы на минимальную высоту. Каждый афинянин, способный ходить, должен был бросить все свои дела и работать на стенах, разбирая, если необходимо, дома, чтобы получить строительный материал. Как пишет Фукидид:

«До настоящего дня [афинская стена] демонстрирует знаки спешки при ее возведении; основание сложено из различных камней, в некоторых местах необработанных или не подходящиху но уложенных в том порядке, как их подносили разные руки; многие колонны из гробниц и камни с барельефами были уложены в стену вместе с остальными камнями».[15]

Раскопки и в самом деле обнаруживают эти не соответствующие друг другу камни и колонны, уложенные в тело древней стены Афин.

А в Спарте Фемистокл тем временем громогласно удивлялся, почему еще не прибыли его коллеги, и ханжески высказывал надежду, что они не попали в какую-нибудь беду. Ко времени, когда они все-таки прибыли, стена была уже поднята, и Фемистокл смог сказать спартанцам, что теперь Афины защищены и не собираются получать разрешение у Спарты на ведение собственных дел. Спартанцы проглотили это поражение, не будучи в состоянии сражаться с городом, имеющим стены, и Фемистокл отправился домой.

В Византии же ионийцы постепенно начали жаловаться на свое спартанское командование. Они пришли к афинскому командиру Ксантиппу и рассказали, что спартанский военачальник Павсаний ведет себя как тиран — и, что более серьезно, затеял секретные переговоры с Ксерксом. Этим обвинением едва ли можно было пренебречь, и когда спартанская ассамблея узнала об этом, Павсаний был вызван домой, чтобы предстать перед судом. Таким образом Ксантипп занял вместо него пост главнокомандующего — что стало очком в пользу афинян.

В Спарте Павсания оправдали, но его карьера уже рухнула под влиянием этого скандала. Взамен спартанцы послали в Византий другого командира, но Ксантипп отказался сложить свои полномочия. Теперь Афины, а не Спарта, стояли во главе объединенных сил. Спартанцы почувствовали себя задетыми, сняли свои лагеря и отправились домой. То же самое сделали войска всех остальных городов Пелопоннеса.

Это прозвучало похоронным звоном для всей Эллинской Лиги. Но афиняне объявили об

образовании нового союза — Делосской Лиги, с Афинами во главе. В ответ Спарта заявила о лидерстве в Пелопоннесской Лиге, которая включала только Пелопоннесские города и никакие другие.

Павсаний все еще находился под все возрастающим подозрением. Он стал мишенью для недоказанных обвинений в предательстве (питавшихся в основном тем фактом, что его время от времени видели в Византии в персидской одежде) и со временем понял, что он неизбежно будет снова арестован и допрошен. Он укрылся во внутреннем помещении святилища одного из спартанских храмов. В ответ официальные спартанские лица попросту замуровали его там, сняли с помещения крышу и оставили внутри голодать до смерти.[6] Человек, спасший Пелопоннес, умирал, а соотечественники спокойно наблюдали за ним.

Греция и Пелопоннесские войны

Но на этом история не заканчивается. В Афинах Фемистокл начал осуществление своих

планов по обеспечению безопасности города — они включали в себя сожжение кораблей других греческих городов, дабы Афины стали монополистом в торговле между мелкими греческими островами.[7] Фемистокл являлся прагматиком и был готов пожертвовать честью ради осуществления своей цели. Когда другие военные критиковали его предложения, Фемистокл начинал произносить публичные речи о великом долге Афин перед ним, утверждая, что афиняне должны делать все, о чем бы он ни попросил. После целого ряда таких выступлений он стал раздражать уже такое большое число горожан (которые, в конце концов, тоже сражались при Микале), что его подвергли остракизму. «Это, — замечает Плутарх, — было их обычной практикой... Остракизм не был средством наказания за преступление, а лишь способом облегчить душу и смягчить зависть — эмоцию, которая находит удовольствие в унижении выдающегося человека»?

Это было теневой стороной греческой демократии. Греки не были добры к своим великим людям, если эти люди не были достаточно удачливы, чтобы уйти с политической арены при помощи собственной смерти. Марафон не спас Мильтиада, Платеи ничего не сделали для Павсания, а Саламин не помог Фемистоклу. После введения остракизма спартанцы послали в Афины письмо, сообщив им, что расследование случая Павсания выявило «в процессе допроса» некие доказательства того, что Фемистокл тоже имел про-персидские симпатии. Афиняне подослали к своему изгнанному полководцу убийцу — но Фемистокла оказалось не так-то легко выследить. Он отправился в длительное путешествие, постоянно избегая эллинских кораблей и портов, и наконец (как истинный прагматик) прибыл к персидскому двору и предложил себя в советники по греческим вопросам — на условиях, что Ксеркс согласится заплатить ему обещанную награду за его поимку.

К его счастью, Ксеркс, похоже, развеселился от такой наглости. Он сделал Фемистоклу подарок в виде обещанной награды и попросил его «рассказать о состоянии дел в Греции». Фемистокл согласился, но его информация о Греции, судя по всему, явилась скорее произведением искусства, нежели изложением фактов. Его откровения, замечает Плутарх, не дали персам никакого военного преимущества — они касались в основном одежды греков, их литературы и пищи.[9] В итоге Фемистокл умер в ссылке в возрасте шестидесяти пяти лет — либо от болезни, либо приняв яд, когда больше не смог выносить свое изгнание.[10]

Тем временем солдаты Делосской Лиги с афинскими командирами во главе отправились отвоевывать у персов различные острова и города. Персы ввязывались в бои, но не очень активно. Персидскую империю начинали разъедать внутренние язвы. Высокомерный отказ Ксеркса принять на себя ответственность за поражение при Саламине демонстрирует личность, не выносящую никаких огорчений. Рассказы из нескольких различных источников представляют человека, все глубже и глубже увязающего в роскоши и утехах. Библейская Книга Эсфири рассказывает нам о недельной оргии, устроенной Ксерксом в его дворце в Сузах, в финале которой Ксеркс (который, как и его гости, не трезвели еще несколько дней) приказал своей любимой жене выйти и пройтись перед всеми мужчинами, чтобы они смогли полюбоваться ее красотой. Она отказалась; Ксеркс в ярости передал ей, что она никогда снова не покажется в его присутствии, и решил «заменить» ее. Он разослал ко всем сатрапам просьбу прислать ко двору самых красивых девушек. Когда они оказались при дворе, он провел несколько приятных месяцев, приглашая их в свою спальню на одну ночь, чтобы опробовать их всех перед выбором новой фаворитки.[11] Жадность Ксеркса до женщин упоминается и Геродотом, который говорит, что он испытывал великую страсть сначала к жене брата, а затем к дочери брата.[12]

Эти истории писались недругами. Однако совершенно точно, что к моменту смерти Ксеркс

не был популярен ни в государстве, ни в собственной семье. Греческий историк Ктесий, который провел какое-то время при персидском дворе примерно пятьюдесятью годами позднее, рассказывает, что Ксеркс спал, когда его главный евнух, доверенный человек, руководивший его спальней, позволил персидскому армейскому командиру по имени Артабан (он был хилиархом, то есть командовал тысячей элитных персидских бойцов) войти к царю. Несколькими минутами позднее Ксеркс был мертв. Шел 465 год до н. э..

Когда тело царя было обнаружено, Артабан обвинил в деянии старшего сына Ксеркса, Дария, и обратился к младшему сыну, восемнадцатилетнему сорвиголове Артаксерксу, убеждая его отомстить убийце отца. «Дарий громко кричал, — говорит Ктесий, — он протестовал, что не убивал своего отца, но его приговорили к смерти».[13]

Это сделало Артаксеркса очевидным наследником, так как средний брат, Гистасп, был назначен сатрапом северной провинции Бактрия и отсутствовал при дворе. Диодор Сицилийский продолжает этот рассказ: как только Артабан остался один на один с новым царем, он отбросил притворство и напал на Артаксеркса. Молодой человек дал отпор, и, хоть и был ранен, смог убить вероломного капитана.[14] Как только новость докатилась до Бактрии, Гистасп явился, чтобы попытаться отобрать трон, но Артаксеркс встретился с ним в бою и оказался удачливее. Во время яростной схватки разразилась песчаная буря, и за ее завесой Артаксеркс убил своего второго брата и вышел победителем.[15]

Как обычно, хаос в царском доме привел к мятежам по всей империи. Самый серьезный разразился в Египте, где новость о смерти Ксеркса убедила одного из выживших сыновей фараона Псамметиха III, Инароса (переступившего теперь уже за средний возраст и живущего в Гелиополисе), образно говоря, вытащить из клозета свое царское наследие. Инарос послал за афинянами, которые были счастливы протянуть ему руку помощи в мятеже и привести в Египет свой флот.[16]

Эти объединенные партизанские силы потребовали у Артаксеркса одиннадцать лет, чтобы справиться с ними. Когда персидские войска смогли, наконец, захватить Инароса, который вел себя уже больше десяти лет как доблестный египетский Зорро, Артаксеркс приказал распять его.

А в Греции большая часть афинских войск вела свои битвы. Делосскую Лигу нелегко было удерживать вместе, и Афины вдруг обнаружили, что задействуют все больше и больше военных сил против собственного альянса. В 460 году остров Наксос заявил, что больше не хочет принимать участия в Лиге (то есть «следовать афинским приказам»), за чем последовала война: «Он был обязан вернуться [в Лигу] после осады, — пишет Фукидид. — Это был первый случай, когда конфедерация заставляла подчиниться союзный город».[17] Однако, данный случай оказался не последним. Другие города Делосской Лиги запротестовали против афинских требований по количеству дани и кораблей, и Афины вновь ответили силой. Они вошли во Фракию; афинский флот атаковал силы города Эгина и захватил шестьдесят кораблей; когда город Мегара, член Пелопоннесской лиги, громко пожаловался на приграничные споры с Коринфом (еще один город Пелопоннеса), афиняне не только пригласили Мегару в Делосскую Лигу, но и помогли мегар-цам построить новые защитные стены, а также (уже без всякой просьбы) отправили афинские войска занять город. «Они превратились в нападающих, — заключает Фукидид. — ...афиняне не были старыми правителями, добившимися популярности, они устанавливали владычество здесь впервые».[18]

Казалось, Афины и Спарта поменялись местами; афиняне стали главными задирами Эгейского региона. Делосская Лига все еще называлась Делосской, но стала гораздо больше походить на Афинскую империю.[217] Прекрасный город начинал все больше напоминать

крепость. Сын Ксантиппа Перикл, избранный военным командующим, предложил построить стены от Афин до порта Пирей длиной восемь миль, чтобы товары и солдаты могли добираться до воды без угрозы нападения.[19] В 457 году началось строительство этой «Длинной стены».

Сразу же после того, как стены были построены, произошла стычка между афинянами и спартанцами. В 457 году спартанская армия вошла в область, называвшуюся Беотия, севернее Аттики, под предлогом, что их пригласили жители города Дорис, расположенного еще дальше на северо-запад. Это не было их единственной мотивацией. «Тайное одобрение было выказано им одной партией в Афинах, — говорит Фукидид, — которая надеялась положить конец правлению демократии и постройке Длинной стены».[20]

Афиняне тоже вошли в Беотию с 14-тысячным войском. Когда пыль осела, спартанцы заявили о своей победе — и, прежде чем отправиться домой, срубили все фруктовые деревья, какие только смогли найти. Но поскольку афиняне всего через два месяца вновь вернулись в Беотию и объявили область своей, победа спартанцев вряд ли была решительной. На деле силы сторон были более или менее равными. Афины, которые поначалу имели заметное превосходство, потеряли много людей в неудачной кампании в Египте, и баланс сил выровнялся.

В 446 году афиняне предложили мир. Сам договор не сохранился, но замечания различных греческих политиков предполагают, что афиняне ставили условием прекращения войны сохранение за ними ряда земель, которые они захватили на Коринфском перешейке и вдоль берега Пелопоннеса. Оба города согласились не вмешиваться в союзы друг друга. Предполагалось, что эти условия продлятся тридцать лет, и поэтому договор стал известен как Тридцатилетний мир.

Вскоре после этого Геродот покинул Афины. Он посчитал постоянное безумие политиков чуждым себе по духу и предпочел уехать в Фурии, новую общеэллинскую колонию, которая принимала к себе граждан со всей Греции.

Несмотря на столь раздражавшее Геродота безумие, Афины процветали. Военный вождь Перикл, который все больше приобретал популярность как публичный оратор, организовал возведение нового храма Афине на вершине Акрополя. Этот храм, Парфенон, был украшен резными каменными фризами, изображавшими легендарные греческие победы над полулюдьми-кен-таврами — символ греческого триумфа над врагами не греческого происхождения. Сорокафутовая сидящая статуя Зевса была вырезана из слоновой кости и установлена в храме в Олимпии, где она стала так известна, что позднее вошла в число семи чудес древнего мира. Философ Сократ проводил свои дни в рассуждениях и нравоучительных речах, привлекая множество последователей, совсем как Будда. Он создал и развил понятную и весьма авторитетную философию, не написав ни единого слова — вся его мудрость дошла до наших дней в записях его учеников.

Но вся эта красота оказалась гнилой изнутри. Ненависть между Афинами и Спартой не исчезла. Тридцатилетний мир продержался лишь четырнадцать лет, а затем рассыпался на куски.

Первое столкновение произошло между Афинами и одним из союзников Спарты, городом Коринф. В 433 году до н. э. коринфская колония под названием Керкира попыталась отсоединиться от коринфского правителя и попросила помощи у Афин.

Сама Керкира формально не принадлежала ни к Пелопоннесской, ни к Делосской Лиге, поэтому афиняне могли ответить на просьбу, не нарушая мира. С другой стороны, так как

Керкира была колонией Коринфа, а тот являлся союзником Спарты, последние, несомненно, оказались бы недовольны, если бы Афины выступили против Коринфа.

Афиняне не могли упустить такой шанс ослабить мощь Коринфа. После двух дней публичных дебатов Ассамблея решила послать в Керкиру десять кораблей.[21] Она также предупредила командира этого небольшого флота, чтобы он не атаковал, пока коринфяне действительно не высадятся в Керкире или не станут угрожать ее кораблям.[22]

Коринфские суда, прибыв в месту конфликта, направились напрямую к кораблям, принадлежащим Керкире. Афинский капитан, пытаясь следовать полученным приказам, держался в стороне, пока коринфяне не отрезали корабли Керкиры и не атаковали их. Бой был яростным; по словам Фукидида, коринфяне «рубили людей у оказавшихся в воде, не желая брать пленных».[23]

Тогда корабли афинян не только присоединились к битве, но послали за подкреплением. Так Афины оказались в состоянии войны с Коринфом, союзником Спарты. Тридцати летний мир закончился.

Эта морская стычка, битва при Сиботе, стала первой в веренице второстепенных сражений в течение следующих полутора лет. В 431 году этот период вялотекущих боевых действий закончился, когда город Фивы (союзник Спарты) напал на Пла-теи — город в Беотии, являвшийся местом знаменитой битвы с персами и находящийся теперь под защитой Афин. Это была первая атака, угрожавшая стенам самого города, и Фукидид говорит, что этот «неприкрытый акт войны» окончательно и бесповоротно разрушил договор. «Афины сразу же стали готовиться к войне, — пишет он, — как и Спарта$_{у}$ и ее союзники»[218].[24]

Спартанцы неистово подстегивали себя («Афиняне рвутся править остальным миром!»), они сосредоточили войска на перешейке, готовые войти в Аттику. Афины спешно заключили союз с царем Македонии. Перикл и внук Аминты, Пердикка И, дали распоряжение сельскому населению Аттики укрыться от врага внутри афинских стен. Перикл произнес в честь первых погибших в бою афинян торжественную погребальную речь, в которой перечислил преимущества афинской цивилизации: афинскую свободу, афинское образование (которое дает людям «знания без изнеженности»), постоянную войну афинян против бедности, способность граждан Афин понимать общественные дела. Он закончил выступление патриотическим призывом, еще не звучавшим в истории до сих пор:

«Вы должны сами реализовать мощь Афин. Наполняйте свои глаза каждый день городом, пока любовь к нему не заполнит ваши сердца; и тогда, когда все его величие снизойдет на вас, вы должны будете отразить это в своем мужестве, чувстве долга и в страстном чувстве чести, действуя так, чтобы никто не мог победить эти чувства».[25]

Это был призыв к преданности не царю, а идее; он апеллировал к самоидентификации не по национальной принадлежности, а на основе добровольного принятия общей идеи.

То был волнующий призыв, но смерть большинства афинян, погибших в первые два года Пелопоннесской войны, была куда менее славной и патриотической: в 430 году в Афинах разразилась чума.

Фукидид, живший в городе в то время, выжил и оставил нам описание эпидемии:

«[Люди] вполне здоровые, внезапно были атакованы дикой жарой в голове, и краснотой, и воспалением глаз, а также внутренних органов, таких у как горло и язык они начинали кровоточить, люди приобретали ненормальное, зловонное дыхание. За этими симптомами следовали чихание и хрипота, после чего вскоре появлялась боль в груди, сопровождаемая тяжелым кашлем... Внешне тело было... красноватым, синеватобагровым и покрыто мелкими прыщиками и язвочками.

...Они в основном умирали на седьмой или восьмой день от внутреннего воспаления... Но если они проходили эту стадию, то болезнь далее спускалась в кишечник, включая дикие язвы

сопровождаемая страшным поносом, что приводило к слабости, она обычно оказывалась роковой... Болезнь... появлялась в скрытых частях, на пальцах рук и ног, и многие спаслись лишь с их потерей, некоторые потеряли глаза».[26]

Кроме потери боеспособных мужчин («Они умирали как овцы»)у эта трагедия стала невыносимым ударом по моральному состоянию людей, и так уже полных страха за свое будущее. «Намного более ужасной чертой в болезни было уныние, которое овладевало человеком, когда он чувствовал себя заболевшим, — говорит Фукидид, — потому что отчаяние, которое он чувствовалу отнимало силу к сопротивлению и делало его гораздо более легкой добычей для недуга».[27]

Недуг усиливался бедственным санитарным состоянием города. Жители сельской местности Аттики все еще искали приюта в Афинах. Но когда они прибывали, временные убежища, построенные для них вдоль внутренней стороны стен, оказывались ловушками для мертвецов: «душными каморками, где смерть свирепствовала без стеснения. Тела умирающих лежали одно на другом... священные места, в которых они тоже разместились, были полны трупов умерших там людей».[28] Тела умерших сжигались в громадных кучах дни и ночи напролет; мелкие воришки свободно проникали в опустевшие дома; никто не приносил жертв и не соблюдал никаких ритуалов. Расстояние между священным и мирским сократилось из-за необходимости выживания.[219] Среди жертв оказался и Перикл, великий афинский полководец, от которого так зависел город.

Война, неудачно начавшаяся, так же и продолжалась. После выздоровления Фукидида поставили командовать афинскими силами, участвовавшими в защите Фракии. Но его солдаты вынуждены были отступить, и полководец в качестве наказания был отправлен в ссылку. Греческие корабли, занятые дома, не смогли прийти на помощь греческим городам на Италийском полуострове, когда племена с Апеннин (выгоняемые, вероятно, кельтскими волнами с севера) спустились со склонов и атаковали их. Греческие поселенцы были изгнаны, и эллинскому присутствию на Италийском полуострове практически пришел конец.

Персидские имперские силы на востоке в основном игнорировали греков, рвущих друг друга в клочки. В 424 году после не особо запоминающегося правления Артаксеркс умер странной смертью. Его жена умерла в тот же день (у нас нет подробностей это события, но само по себе совпадение выглядит весьма подозрительно). Их единственный сын, Ксеркс II, тоже правил всего сорок пять дней. По Ктесию (который был приближен ко двору и обычно находился в курсе самых интересных подробностей), однажды вечером Ксеркс II напился до бесчувствия и, когда храпел на своей кровати, был убит незаконнорожденным сводным братом, который затем объявил себя царем. Этот сводный брат был неистов, нетерпелив и непопулярен. Должно быть, от домочадцев шли отчаянные послания к единственному возможному претенденту на трон — еще одному незаконному сводному брату. Он был женат на своей сводной сестре, но, по крайней мере, был опытным администратором и какое-то время вполне компетентно управлял одной из сатрапий.

Этого сатрапа звали Охус, он находился в хороших отношениях с сатрапом Египта, который выслал ему на помощь войска. Охус вошел в Сузы, пленил узурпатора и приговорил его к смерти. Вступив на трон, он взял себе подходящее царское имя, заменившее имя внебрачного ребенка — Дарий И.[29] Его правление началось в конце 424 года до нашей эры — того самого, в котором умерли и его отец, и его сводный брат. В этом году Персидская империя сменила трех разных Великих Царей.

* * *

К 421 году афиняне и спартанцы обнаружили себя в том же самом положении, в каком они пребывали, когда клялись в Тридцатилетием мире. При этом они несли постоянные потери и находились перед угрозой голода, если немедленно не займутся восстановлением разрушенного военными экспедициями сельского хозяйства. Ни у одного из противников не было надежды на решительную победу. Они снова согласились на мир, известный как мир Никия — по имени афинского лидера, который взял на себя инициативу организации переговоров.

Мир продлился шесть лет. Соратник Никия в афинском правительстве, Алкивиад, не был намерен позволять спокойствию длиться так долго; он жаждал славы.

Алкивиад слыл любителем вина и вообще экстравагантным человеком, которого в юности сопровождала репутация красавца и повесы. Он вел распутный образ жизни и легко вступал в связи с людьми обоего пола. Юн держится жеманно со своей свитой, которая следует позади него, склоняет голову на бок и говорит манерным шепотом», — замечает Плутарх.[30] Алкивиад любил шумные общественные мероприятия, что совсем не вязалось с окружающими обстоятельствами. Афины нуждались в восстановлении сил и прекращении борьбы против Спарты, но Алкивиад понимал, что в этом славы ему не найти. В 415 году он ухватился за возможность разыграть героя.

Греческое поселение на Сицилии под названием Эгеста попросило афинский флот поддержать его в войне против двух других греческих городов на Сицилии — Селина и Сиракуз. Сиракузы (первоначально коринфская колония) были одним из самых богатых греческих городов на западе Адриатики, они поддерживали тесную связь с материнским городом. Помощь Эгесте представлялась способом переиграть войну с Коринфом — и, возможно, добиться триумфа.

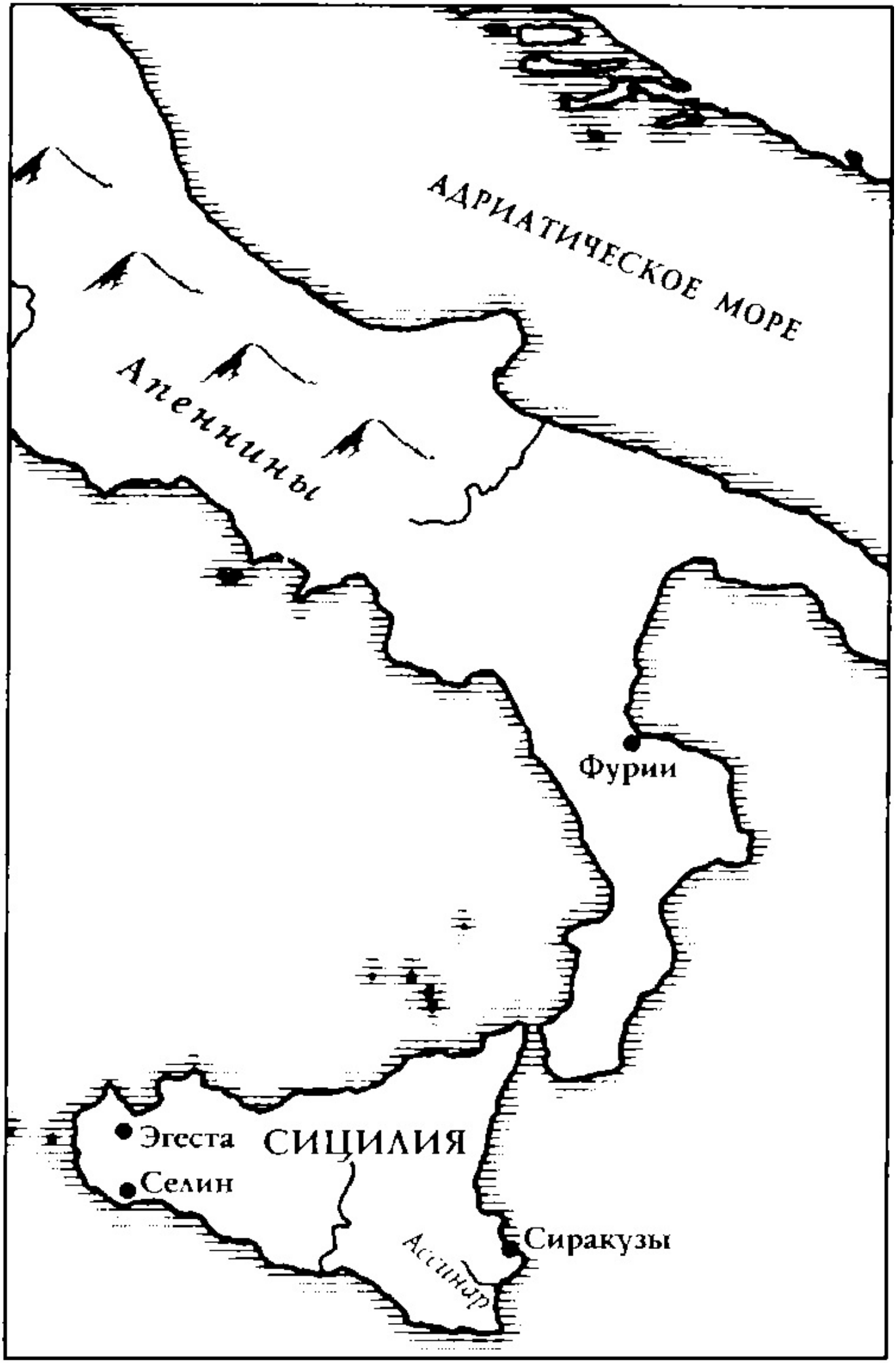
Алкивиад уговорил афинян отправить огромный флот к этой далекой и бессмысленной цели: 25 000 солдат, более 130 трирем и такое же количество судов с припасами.[31] Непристойная выходка перед самым отплытием флота (кто-то в конце длинного пьяного вечера испортил все священные изображения) чуть не задержала экспедицию, так как многие афиняне восприняли это как дурное предзнаменование. Но наконец корабли получили разрешение и, на свою неминуемую беду, отплыли к Сицилии.

Алкивиад и Никий возглавляли экспедицию, третьим руководителем был опытный полководец. Почти сразу же три лидера перессорились по поводу того, где и как атаковать. Затем они получили из Афин послание: в осквернении священных изображений заподозрили Алкивиада (вероятнее всего, он и был виноват в этом детском вандализме), и афиняне решили вернуть его назад в Афины, чтобы он предстал перед судом.

Ничего хорошего из этого требования не вышло, потому что Алкивиад взял корабль и оставил флот. Он прибыл в Спарту, где сменил сторону и предложил помочь спартанцам закончить их проблемы с Афинами раз и навсегда. Если нельзя заработать славу одним способом, он попытается сделать это другим.

А у берегов Сицилии Никий — который был нерешительным человеком, хотя и хорошим миротворцем, — откладывал атаку до тех пор, пока Сиракузы не собрали свои силы, включая подкрепления, полученные от союзников из Пелопоннесской Лиги. К этому времени стало слишком поздно побеждать, хотя афиняне смогли уговорить этрусков присоединиться к ним.[32] Никий отправил в Афины донесение, прося разрешения уйти; узнав размеры противостоящих сиракузских сил, он сообщал, что победить могут только силы, вдвое превосходящие те, которыми он командует.

Афиняне не имели представления о сути проблемы. Они быстро собрали и отправили Никию подкрепление, достаточное, чтобы удвоить его силы.[33]

АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
Апеннины
Фурии
Эгеста
СИЦИЛИЯ
Селин
Сиракузы
Ассинар

Война за Сицилию

Никий с ужасом смотрел на подкрепления, показавшиеся на горизонте — ведь он планировал получить разрешение на то, чтобы отступить. Но Сиракузы воспользовались сложившейся ситуацией и, по словам Фукидида, «еще больше, чем прежде, возжелали наказать афинян, которые теперь уже и сами понимали, что они больше не превосходящие силы, ни на море, ни на земле, так как иначе они никогда бы не уплыли».[34] Сиракузские корабли блокировали афинянам отход. Тогда сорок тысяч афинских солдат попытались спастись через остров пешком, перейдя на другую его сторону. Их ужасающий бросок под летним солнцем, с врагом позади, закончился плачевно: они надеялись достичь реки Ассинар и перейти к обороне на другом берегу, но, когда они вышли к берегу, *«подгоняемые усталостью и жаждой... они бросились вперед, и весь боевой порядок рухнул, каждый рвался пересечь реку первым... В это время крутой противоположный берег ощетинился сиракузцами, которые обрушили метательные снаряды на афинян, большинство которых до того безудержно напилось, что валилось друг на друга... и в бездонную реку. Пелопоннесцы спустились, чтобы добить их, особенно тех, кто находился в воде, которая так внезапно испортилась, но которую они все равно продолжали пить вместе с илом, кровавую, многие даже дрались за нее. Наконец, когда мертвые уже лежали грудами в потоке один на другом, и часть армии была уничтожена в воде, а те немногие, кто спаслись из воды, были отрезаны кавалерией, Никий сдался».*[35]

Несмотря на обещания сиракузских вождей, Никий был убит, как только сложил оружие. Пленных афинян отправили в каменоломни, где они умирали от жары и грязи, выжившим приходилось жить среди куч тел тех, кто умер прежде. Несколько человек из тех, кому удалось уцелеть, вернулось домой — и обнаружили, что спартанцы с помощью Алкивиада уже заняли Аттику и распространились до самых ее границ.

Но спартанцы все еще не могли заставить афинян сдаться. Восемь лет спустя война все еще продолжалась. Большинство греков устало от борьбы со спартанцами. В эти годы драматург Аристофан написал комедию «Лисистрата», в которой женщины Афин заявляют, что отказываются от близости до тех пор, пока их мужья не закончат воевать. «Нам нужно только сидеть в дверях с накрашенными щеками, — восклицает их предводительница Лисистрата, — и встречать супругов в накинутых прозрачных одеждах... они вздернут свой инструмент и кинутся возлечь с нами. В этот момент последует отказ, и они поторопятся заключить мир. Я уверена в этом!»[36]

Но и такой способ борьбы за мир не дал результата. Вместо этого в борьбу оказались вовлечены персы, и конфликт между двумя городами окончательно запутался.

Персов вывел на арену не кто иной, как Алкивиад, который умудрился сбежать и из Спарты. Пока Агис, спартанский царь из младшей линии, находился вне города, сражаясь на войне, Алкивиад завел скандальные отношения с его женой — и умудрился сделать это так явно, что о них знал весь город: «Она понесла от него ребенка, — замечает Плутарх, — и даже не отрицала этого».[31] Агис, который умел считать, вернувшись домой, понял, что ребенок не от него. Алкивиад, не пожелавший рисковать дальше, сбежал в Сарды. Там он явился к сатрапу Тис-саферну, правителю Малой Азии, и предложил персам идею поддерживать бесконечную войну между Афинами и Спартой, чтобы обессилить оба города.

План, созданный Алкивиадом и Тиссаферном (который при этом не сносился с царем в Сузах) оказался необыкновенно успешным. Тиссаферн послал спартанцам ноту, предложив финансировать их войну на условиях, что как только Афины падут, спартанцы уступят Персии ионические города. Спартанцы согласились, и это сыграло на руку Тиссаферну: он заставил их положиться на персидские денежные ресурсы, а затем начал задерживать обещанные выплаты.

«Тиссаферн, — говорит Фукидид, — разрушал их флот оплатами, которые поступали нерегулярно, и даже когда он платил, то платил не в полной мере».[38]

Тем временем Алкивиад написал в Афины, предлагая вернуться в город — и не просто так, а имея полные руки персидского золота. Взамен он потребовал восстановить его прежний статус. То, что афиняне пошли на это, показывает меру их отчаяния.

Вероятно, предполагалось, что все закончится масштабной морской битвой, в которой афиняне и спартанцы уничтожат флоты друг друга. В 407 году Алкивиад действительно вернулся в Афины с достаточным количеством золота, чтобы помочь им отремонтировать флот и к концу того же года он повел сотню афинских кораблей на флот Спарты.

Тем временем произошли две смены командования. Дарий II узнал о несанкционированных переговорах, отозвал Тисса-ферна назад в Сузы и послал в Сарды своего младшего сына Кира с жесткими инструкциями: оказывать персидскую помощь только спартанской стороне. В свою очередь спартанский флот был поставлен под командование нового адмирала, человека по имени Лисандр. Плутарх рассказывает нам, что Лисандр, поддержанный персидскими силами и персидскими деньгами, заплатил своим войскам на треть больше, чем афиняне получили от Алкивиада, и что Алкивиаду «задерживали даже ежедневное содержание».[39]

Без денег и без людей флот афинян был обречен. В серии битв между концом 497 и 495 годами большинство афинских кораблей было потоплено или захвачено, матросы погибли или утонули. В августе 495 года до н. э. в финальной решающей битве афинский флот потерял 171 корабль в одном бою.

Алкивиад предусмотрительно исчез; немного позднее он оказался при дворе сатрапа Фригии, где с ним обращались, «как с уважаемым членом двора».[40] Его удача изменила ему чуть позже, когда Лисандр (который оставался в добрых отношениях с персами) попросил фригийского сатрапа убить его. Сатрап согласился и послал человека поджечь дом Алкивиада, Алкивиад проснулся и спасся из пламени — но лишь для того, чтобы получить удар копьем.

Лисандр продолжил уничтожение флота афинян, сжигая их корабли где только мог, а затем отплыл в Афины. Он достиг города в октябре и осадил его. Афиняне, видя, что сопротивление ведет только к голоду, сдались: «Осажденные с земли и с моря, — пишет греческий солдат и историк Ксенофонт, — они не имели ни кораблей, ни союзников, ни пищи».[41] Война была окончена.

Лисандр приказал афинянам снести Длинную стену —, условие было выполнено под звуки праздничной мелодии флейт. Афины также должны были прекратить оказывать влияние на города, которые когда-то принадлежали «Афинской империи».[42] Это не были такие уж суровые условия: у Афин оставались основные городские стены, город не был разграблен и сохранил свободу избирать собственное правительство. К несчастью, афиняне сразу же начали страшную внутреннюю распрю о том, как это сделать. В конце концов Лисандр был вынужден вернуться и создать хунту из тридцати аристократов, позднее известную просто как «Тридцатка».[43] Это правительство получило позорную известность из-за кровавой бани, устроенной горожанам — оно хватало и приговаривало к смерти каждого афинянина, которого подозревали в желании реставрации демократии. Лисандр закрыл на все это глаза и даже отправил спартанских пехотинцев помочь новому режиму избавиться от оппозиции.

Вскоре смертные приговоры вышли за рамки просто политических: «Они задались целью устранить всех, кого могли опасаться, — написал позднее Аристотель, — а также тех, чье имущество они хотели захватить. За короткое время к смерти приговорили не менее пятнадцати сотен человек»:[44]

В отчаянии оставшиеся афиняне сплотились, послали в Фивы за помощью и напали на

«Тридцатку» и спартанский гарнизон, который ее защищал. Это могло спровоцировать новую войну со Спартой — но спартанский царь, видя беспорядки, аннулировал действия Лисандра и вывел из Афин гарнизон. Дарий II только что умер, а характер его сына и наследника, Артаксеркса II, был неизвестен; Спарта не могла снова полагаться на золото персов.

Члены «Тридцатки», не погибшие во время сражения, бежали. Следующий 403 год до н. э. был встречен афинянами как начало новой эры, в которую демократия смогла наконец вернуться в Афины. Но сам город был разрушен, разорен и находился в глубоком кризисе.

Сравнительная хронология к главе 65

Персия	Греция
Камбис II (530 год до н. э.)	
Дарий I	Клеомен из Спарты
	Дамарат из Спарты
	Марафонская битва (490 год до н. э.)
Ксеркс I (486–465 годы до н. э.)	Леонид из Спарты
	Битва при Фермопилах и Саламине (480 год до н. э.)
	Битва при Платеях и Микале (479 год до н. э.)
Артаксеркс (465–424 годы до н. э.)	
	Пердикка II из Македонии
	Перикл из Афин
	Пелопоннесская война (началась в 431 году до н. э.)
Дарий II (424–404 годы до н. э.)	
Артаксеркс II (404 год до н. э.)	

Глава шестьдесят шестая
Первое разграбление Рима

В Риме между 495 и 390 гг. до н. э. патриции и плебеи ссорятся, а галлы сжигают город

Первый диктатор Рима, назначенный, чтобы отбросить нападающих от стен города, преуспел в своей задаче. Однако его усилия не принесли реального мира. В сельской местности вокруг Рима, пишет Ливий, «не было ни гарантированного мира, ни открытой войны»; скорее здесь шло постоянное противостояние между растущей агрессивной силой и окружающими городами, не до конца уверенными, бросить вызов Риму или оставить его в покое.[1]

Пока этруски больше не вызывали серьезных опасений — они соединили свои ослабленные силы с афинянами во время атаки на Сицилию и пострадали за это. Но у Рима назревали другие проблемы. «Страна была так глубоко разделена своими политическими различиями, — говорит Ливий, — что многие люди, в отличие от своих притеснителей в правящем классе, с радостью приветствовали перспективу вторжения».[2]

Рим раскинул свои сети на народы во внешнем мире и начал перестраиваться в империю — при этом оказавшись перед той же проблемой, что и персы или спартанцы: как объединять

обладателей силы (в данном случае завоевателей) с теми, кто бессилен (завоеванные и поглощенные) в единое гармоничное целое.

В Спарте завоеватели являлись гражданами, а завоеванные были илотами. В Риме две социальные группы тоже имели несколько различное происхождение. Патриции (от латинского слова pater — «отец») традиционно были потомками римского Совета, который служил старым царям. Все остальные являлись плебеями. Этот термин печально известен трудностью для перевода или определения, потому что он фактически являлся отрицанием: «не-патриции». Он охватывал как представителей завоеванных народов, живущих теперь в Риме, так и людей, корни предков которых уходили в римское прошлое вплоть до скромных обитателей изначального города.

Плебеев было больше, чем патрициев, но первые владели непропорциональным количеством земли и богатств. В ранние дни Республики плебеи даже могли на законных основаниях выбирать из своего числа одного из консулов — но римскими магистратами и жрецами, феодалами и полководцами являлись исключительно патриции.

Как и в Афинах, острой стала проблема долгов. Плебей, который одалживал деньги во время голода или находясь на войне, чтобы прокормить свою семью, должен был ставить в качестве залога свою жизнь: если деньги не возвращались, он и его семья становились рабами.[3] Таким образом патриции приобретали не только землю и деньги, но также завладевали самими гражданами Рима, причем во все возрастающем количестве. Плебеев особенно раздражало то, что они часто оказывались в долгах и в рабстве, отправляясь воевать за Рим.

В 495 году до н. э. их недовольство привело к открытому мятежу, когда старый солдат, знаменитый когда-то своими подвигами, приковылял на Форум. «В грязной и потрепанной одежде, — пишет Ливий, — ужасающе бледный, с изможденным телом... со свалявшимися волосами и бородой... он производил жалкое зрелище». Его узнали, и по толпе прошел ропот; все больше и больше людей собиралось вокруг, чтобы услышать \ его. Он разорвал рубаху и показал грудь в шрамах от ударов меча, полученных на службе Риму, его спина была покрыта рубцами от плети, которой его избивал богатый хозяин. «Пока я был на службе, — рассказал старик, — во время Сабинской войны, мой урожай был уничтожен налетевшим врагом, а мой дом был сожжен. Все, что я имел, было отнято, вплоть до скота. Затем от меня потребовали отдать налоги, когда я никак не мог сделать это, и я, естественно, попал в долги».[4]

После этого рабы, проданные за долги (некоторые из них даже были в цепях) со всего города заполнили улицы, крича, чтобы Сенат немедленно решил, как освободить их от рабства. Сенаторы в основном отсутствовали, потому что попрятались от черни. Однако консулы были твердо намерены избежать ненужного насилия, поэтому они обошли сенаторов и вытащили их из потайных мест в Сенат, чтобы те начинали искать решение проблемы. Во время дебатов, возникших между сенаторами, разозленные долговые рабы толпились вокруг Сената, ломились в двери и свисали из окон, чтобы услышать, как Сенат разрешит ситуацию.

Обстановка для разумных дебатов по вопросу долгов была не из лучших. Сенат ни к чему не пришел, когда на горизонте появилась своеобразная помощь: прибыло известие, что на город идет соседнее племя вольсциев, которое жило к югу от Рима. Сенат срочно издал закон о том, что в будущем ни один человек не может быть забран в рабство за долги, если он находится на действительной военной службе. При этом практически все находящиеся на улицах вступили в армию и ушли сражаться с вольсциями. Атакующие были полностью разбиты, так как армия должников, которая подошла, чтобы встретить их, по словам Ливия, «рвалась в бой».

Но еще большая проблема дисбаланса власти пока была не решена. Риму, пишет Ливий, нужно было найти «решение конфликта интересов двух групп людей в государстве: справедливыми ли способами, бесчестно ли, но страна должна была восстановить внутреннюю

гармонию».[5] Это «или бесчестно» звучит не особенно вдохновляющее — оно означает, что до дней Ливия с тех древних сенаторских обсуждений жива была идея «давайте-просто-избавимся-от-проблемы». И действительно, когда после отбитой угрозы со стороны вольсциев солдаты-плебеи вернулись в город (не могли же они навсегда оставаться на военной службе), они вскоре увидели, что им не предложено никакого постоянного решения.

Их единственной силой в Риме было их число, и они воспользовались этим. В 494 году они вышли на первую в мире зарегистрированную забастовку: «они ушли к Священной Торе в трех милях от города... — говорит Ливий, — и там... устроили себе лагерь»? Это событие стало известно как «Исход плебеев», внутри Рима оно повергло в панику как патрициев (которые потеряли своих рабов и большую часть армии), так и оставшихся плебеев (которые потеряли большую часть своих сил). Город притих, уязвимый для атаки, ежедневная работа замерла.

Наконец Сенат и консулы предложили решение. Теперь плебс будет участвовать в правительстве через специальных магистратов, названных трибунами, которые всегда будут назначаться из рядов плебеев и будут находиться «над законом» — то есть получат неприкосновенность от давления, прилагаемого Сенатом и консулами, так как Рим все еще не имел писаных законов. Задачей трибунов будет защита плебса от несправедливостей. Так был создан первый римский властный орган, закрытый для патрициев, тогда как огромное количество институций было заблокировано для плебса.

Первые два трибуна были назначены в 494 году — том же самом, в котором состоялся «Исход плебеев». Кризис временно был отведен.

В течение следующего полувека борьба за власть между консулами, сенаторами, жрецами и трибунами вылилась в четкое понимание, что Риму нужен писаный закон, который действовал бы как дальнейшая защита плебеев. Римские послы, посетившие Афины, вернулись и рассказали о письменных законах Солона, созданных в попытке снизить напряжение между афинскими аристократами и демократической массой. Послы даже привезли с собой копию законов. Теперь Рим был слишком большим и слишком разнообразным, чтобы полагаться на неписаные традиции. Город нуждался в законах, «по поводу которых каждый отдельный гражданин чувствовал бы, что... согласен их принять»?

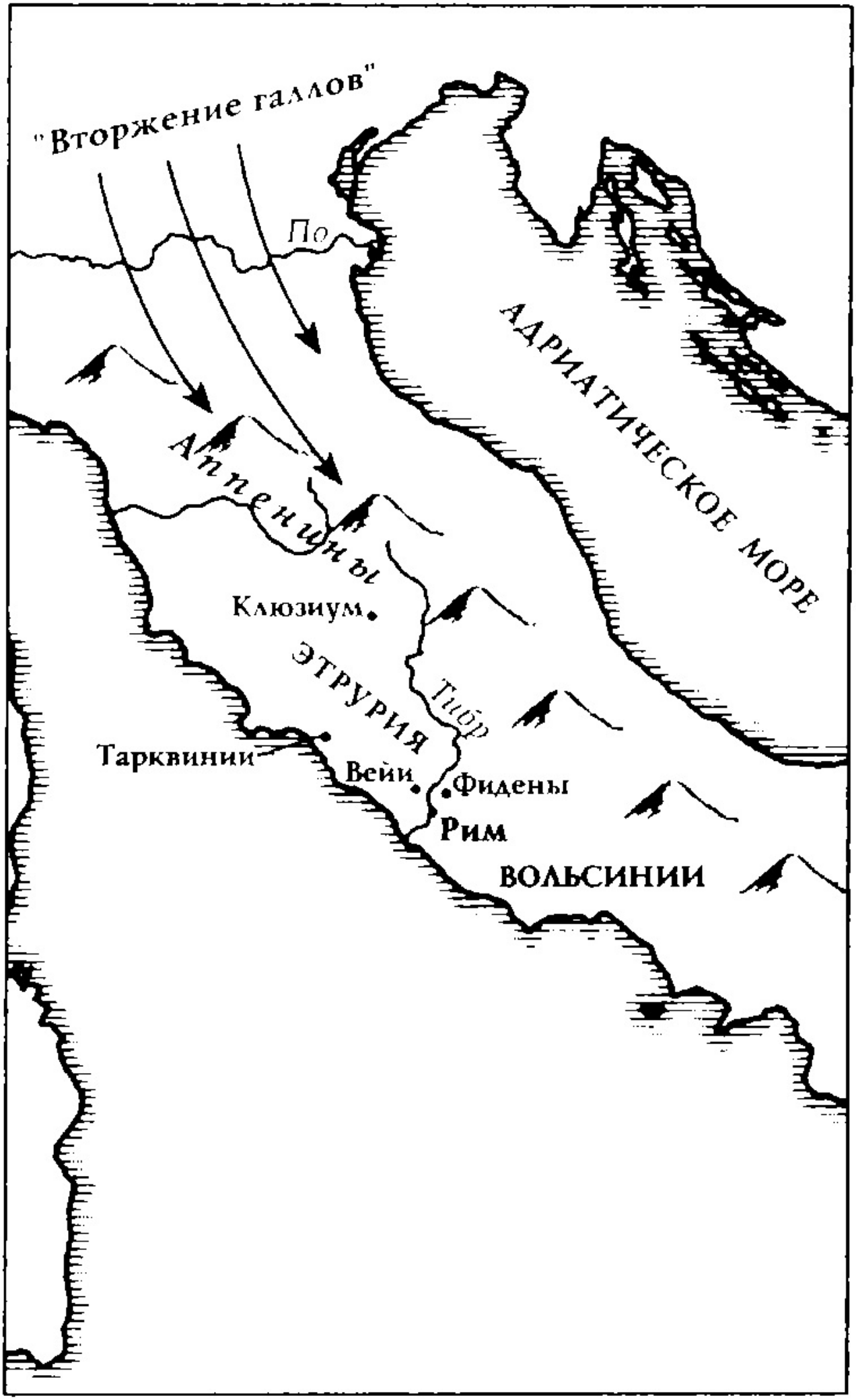
Поэтому в 451 году была назначена комиссия из десяти юристов — «децемвиров», назначенных помимо обычных римских должностных лиц. Они работали в течение 450 года. Их задачей было не только управление городом, но и создание законов для управления Римом. Назначение прошло не без возражений: «Существовалряд аргументов, что нельзя ставить на эту должность не-патриция по рождению», — сообщает Ливий.[8] Многие римляне все еще не желали видеть плебеев в правительстве. Но как только этот вопрос разрешился, децемвиры на весь год засели работать над законами, а затем представили их людям для публичного обсуждения. После обсуждений в законы внесли поправки и собрали ассамблею всего населения, чтобы одобрить десять составленных законодателями таблиц. Собрание пришло к выводу, что требуется еще некоторая доработка законов, поэтому децемвиров оставили на следующий год, в течение которого были созданы еще две таблицы.

В результате Двенадцать таблиц были записаны на дереве и выставлены на Форуме, где все могли их видеть. Ливий говорит, что в его дни они все еще являлись основой для римского права. К несчастью, к нашему времени Таблицы оказались утеряны, и все, что мы знаем об их содержании, собрано из отрывков в различных римских документах.

Заново собранные, неполные, Таблицы содержат ожидаемые положения, обеспечивающие сохранение мира между двумя римскими классами. «Eris confessi rebusque iure iudicatis XXX dies iusti sunto» — говорит Таблица III: «Ты, кто признает или признан судому что должен деньги, имеешь тридцать дней, чтобы заплатить их». После этого должник может быть приведен

в суд, и если у него нет поручителя или дохода, он может быть закован в цепи, но его обвинитель обязан оплатить его питание (что может оказаться в конце концов дороже, чем простить долг). Любой, кто подаст ложное обвинение, согласно Таблице XII может быть поставлен перед тремя судьями: если они решат, что податель лжет, ему придется заплатить существенный штраф. Краеугольный камень всего законодательного механизма — Таблица IX: «Privilegia пе irroganato»: «Не может существовать никаких личных законов». Патриции больше не могли навязывать свою волю плебеям без их согласия.

Одновременно были зафиксированы постановления касательно нанесения травм и вреда, восходящие еще к законам Хаммурапи: человек, который сломал другому кость, должен заплатить штраф, но штраф уполовинивается, если ущерб нанесен рабу; если дороги плохо содержатся теми, кто владеет землями, через которые они проходят, пользователям позволяется нарушить правило и провести свой скот рядом с дорогой; сын, которого продали в рабство три раза, может объявить себя освобожденным от своего отца.

"Вторжение галлов"
По
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
Апеннины
Клюзиум
ЭТРУРИЯ
Тибр
Тарквинии
Вейи
Фидены
Рим
ВОЛЬСИНИИ

Вторжение галлов

Но хотя законы Двенадцати таблиц стали важным шагом по пути эволюции государства и права, в них по-прежнему существовало множество несправедливостей. Некоторые несправедливости были следствием древних обычаев: «Ущербный ребенок должен быть убит», — без обиняков говорит Таблица IV, а Таблица V объясняет: «Женщины, из-за их легкого нрава, всегда должны иметь попечителя, доже когда о/ш взрослые». И другие, относящиеся к самому Риму. «Никто не может проводить встречи в городе ночью», — читаем в Таблице VIII; это указание обеспечивает защиту патрициев от тайных замыслов плебеев. Возможно, самое позорное — это Таблица XI, в которой сказано: «Брак между патрицием и плебеем запрещен». Этот особый закон был в конце концов аннулирован в 445 году после яростных дебатов в Сенате. Но далеко не все были уверены, что Рим останется процветающим городом, если смешается кровь знатного человека и простого римлянина.[9]

Трибуны и Таблицы не сгладили полностью внутренние римские конфликты, но эти реформы обеспечили достаточную консолидацию населения, чтобы город направил взгляд за свои границы. В 437 году Рим начал долгую войну со своим старым врагом — городом Фидены выше по течению Тибра. Этрусские Фидены первым атаковали латинский город-выскочку еще в давние дни Ромула; Ромул в свое время сражался с Фиденами и с Вейями, но ни один не разрушил. Теперь война с Фиденами началась снова и тянулась до 426 года.

Следующие два десятилетия были наполнены незначительными стычками — вплоть до 405 года, когда Рим осадил Вейи. Это превратилось в еще одну затяжную кампанию; пять лет спустя римляне еще стояли лагерем под стенами города, когда пришло известие об угрозе с севера. Кельты, которых римляне знали как «галлов», продвигались на юг в течение целого века. Они оказывались все ближе и ближе к Риму, но римляне, занятые захватом окружающих территорий, не выказывали пока особого волнения.

В 396 году город Вейи наконец пал; борьба оказалась тяжелой и разорительной для обеих сторон, так как это был самый богатый, самый перспективный среди всех этрусских городов.[10] Но город Вейи, пишет Ливий, «принес нам худшие потери, чем те, от которых пострадал сам» — это означает, что осада значительно ослабила римскую армию. Однако город не был единственной рыбкой, которую ловила армия; римские солдаты распространились по всей сельской местности, терроризируя крестьян и захватывая деревни, чтобы добавлять их земли к растущей римской территории.

Измотанная сверх всякой меры, армия едва успела вздохнуть, когда плебей по имени Кадиций явился к трибунам с мрачным предупреждением. Он слышал «в тишине ночи» нечеловеческий голос, произнесший: «Передай магистратам, что идут галлы». Предупреждение «осмеяли, частично потому, что Кадиций был незначительной личностью»[и]: Рим все еще страдал «комплексом патрициев».

Но прямо по пятам этого видения пришло послание из города Клузия на севере — того самого, которым когда-то правил страшный Ларе Порсена. Тысячи галлов внезапно появились у его ворот, размахивая оружием. «Ситуация была безнадежной, — сообщает Ливий, — и, несмотря на то, что жители Клузия не имели официальных связей с Римом и не было причин ожидать дружелюбия с его стороны... они послали делегацию просить у Сената помощи».[12]

Для Клузия опасность должна была быть чрезвычайной, раз его жители преодолели былую ненависть между двумя городами. Но галлы были врагом, который мог объединить весь полуостров. Если бы Риму удалось выставить войска, он мог рассчитывать на победу. Но после тридцать лет постоянных войн у Сената просто не оказалось сил.

Вместо этого римляне отправили послов попробовать уговорить галлов мирно расселиться

на окружающих землях, а не брать Клузий силой. Эти переговоры могли бы достигнуть успеха, если бы римские послы не потеряли терпение, когда галлы заупрямились. Римляне схватились за мечи; галлы, которым требовалось совсем немного, чтобы взорваться, восприняли это как вызов. «Они впали в неконтролируемую ярость, которая характерна для этой расы, и бросились с дикой скоростью вперед, по дороге к Риму, — пишет Ливий. — ...Ииз всего необъятного войска, быстро покрывающего мили дороги пешими и верхом, рвался крик „На Рим!”»[УЛ]

Римские командиры торопливо выстроили свою армию вдоль Тибра, но их линия была такой жидкой, что галлы сначала отпрянули назад, подозревая какую-то хитрость в том, что римских солдат так мало. Но когда стало ясно, что это все, что Рим смог собрать, галлы бросились на передние ряды римлян. Это было просто избиение, а затем последовал разгром. Римские солдаты бежали и тонули в Тибре, их тянул вниз вес вооружения. Часть уцелевших отошла в Вейи и заперлась там. Остальные бежали в Рим, но их число оказалось недостаточным, чтобы защитить городские стены, поэтому все население отступило в Капитолий, оставив город открытым.[220]

Галлы хлынули в Рим, сжигая дома и без разбора убивая всех, кто не успел скрыться в Капитолии. Тем временем римляне *«едва верили своим глазам и ушам, когда смотрели вниз на врагов, варваров, шайками бродящих по знакомым улицам... то тут, то там дикие крики триумфа, женский крик, плач детей, рее пламени или долгий грохот разбиваемой каменной кладки... не находящиеся более в своем городе, а изгнанные из него, они наблюдали, как все, что они любили, оказывалось во власти их врагов».*[14]

Запертые в Капитолии, они не имели возможности драться с противником. С другой стороны, кельтские воины не могли атаковать их снизу. Вероятно, достаточно долгая осада могла уморить осажденных голодом, но кельты не знали, сколько пищи и воды находилось внутри Капитолия. И хотя условия внутри Капитолия становились тяжелыми, обстановка внизу, в городе, вскоре стала такой же непростой. Количество пищи было ограничено, кельты разбили лагерь на равнине, в месте, плохо продуваемом ветрами. Облака пепла и пыли от пожаров горящего Рима тянулись к ним, смешиваясь с болотными низинными миазмами, вызывая лающий кашель и заболевания легких. По-видимому, скученность в лагере привела к болезням. Осаждающие начали умирать десятками, затем сотнями, пока трупов не стало слишком много, чтобы успевать закапывать все; вместо этого живые начали собирать их кучами и сжигать.[15]

И когда римляне предложили откупиться золотом, если осада с римских стен будет снята, кельты согласились. При этом римлян поддержало предложение помощи из неожиданного источника. Жители Массалии, старой греческой колонии на южном побережье Европы тоже имели столкновение с кочующими кельтами, которые вдруг оказались рядом и встали лагерем у стен их города. Массалийцы откупились от них, и кельты ушли. По словам римского историка Помпея, после этого массалийцы послали послов к усыпальнице в Дельфах поблагодарить Аполлона за избавление: Массалия сохраняла связи с общеэллинскими священными местами родной земли.

Послы отправились в обратный путь, когда услышали новости об осаде Капитолия.[16]Они доставили известие в Массалию, где городской глава решил обеспечить будущие добрые отношения с Римом. Массалийцы собрали собственные сокровища, уговорили богатых горожан сделать частные взносы и добавили к римскому выкупу свое золото.

Кельты забрали все и ушли назад на север, где горная прохлада подходила им больше, чем жаркий юг Италийского полуострова. Римляне покинули Капитолий и спешно отстроили город на случай, если враг вернется. Как отмечает Ливий,

«Все работы делались в спешке, и никто не следил, чтобы улицы были прямыми... здания

поднимались там, где для них было место. Это объясняет, почему... общая планировка Рима больше похожа на разбросанное поселение, чем на распланированный город».[17]

Первое разграбление Рима варварами не только легло пятном на имперские амбиции Рима, но и оставило постоянную память в самом облике города.

Сравнительная хронология к главе 66

Греция	Рим
Клеомен из Спарты	
Дамарат из Спарты	Начало Римской республики (509 год до н. э.)
	Вторжение кельтов
	Первый римский диктатор
	Исход плебеев (494 год до н. э.)
Битва при Марафоне (490 год до н. э.)	
Леонид из Спарты	
Битва при Фермопилах и Саламине (480 год до н. э.)	
Битва при Платеях и Микале (479 год до н. э.)	Пердикка II из Македонии
Законы Двенадцати таблиц	Перикл из Афин
Начало Пелопоннесской войны (431 год до н. э.)	
	Рим сожжен кельтами (390 год до н. э.)

Глава шестьдесят седьмая
Возвышение Цинь

В Китае между 403 и 325 годами до н. э. государство Инь распадается, и доминирующим, оказывается Цинь

После десятилетий бесконечных сражений против соседей, варваров и собственной знати друг с другом северное государство Инь наконец распалось. Его падение Сыма Цянь записывает загадочными выражениями: «В двадцать четвертом году царя Вэй-Ли, — пишет он в год, который можно определить как 403-й до н. э., — Девять Треножников тряслись. Царь назначил Хань, Вэй и Чжао самостоятельными владыками».[1]

Хань, Вэй и Чжао были тремя враждующими семьями государства Инь, каждая из которых претендовала на часть его территории. Когда они потребовали, чтобы монарх Восточного Чжоу признал их правителями трех вновь выделеных земель, он не имел власти отказать им. Девять трясущихся треножников — очень нехорошая метафора; царь Восточного Чжоу теперь потерял свой авторитет даже в собственных жреческих обязанностях.

Таким образом государство Инь перестало существовать. Реконструкция карты Китая начала IV века до н. э. показывает, что тринадцать государств периода Весен и Осеней стали теперь девятью — с территорией Чжоу, все еще неудобно размещенной в центре. Чу захватило два государства у себя на востоке, почти удвоившись в размерах, Сунь и Ци выжили, как и государство Лу, хотя последнее сократилось в размерах. Три новых государства, Чжао, Вэй и Хань, поделили старую территорию Инь и поглотили старые государства Сю и Чэн, а также

старое Вэй; Янь потеряло часть своих западных территорий, но восстановилось за счет распространения на восток вдоль берега.

Но государством, которое оказалось самым крупным победителем, стало Цинь: оно увеличило свои первоначальные размеры по меньшей мере вчетверо. В итоге восточная граница Цинь протянулась от реки Хуанхэ вплоть до Янцзы.

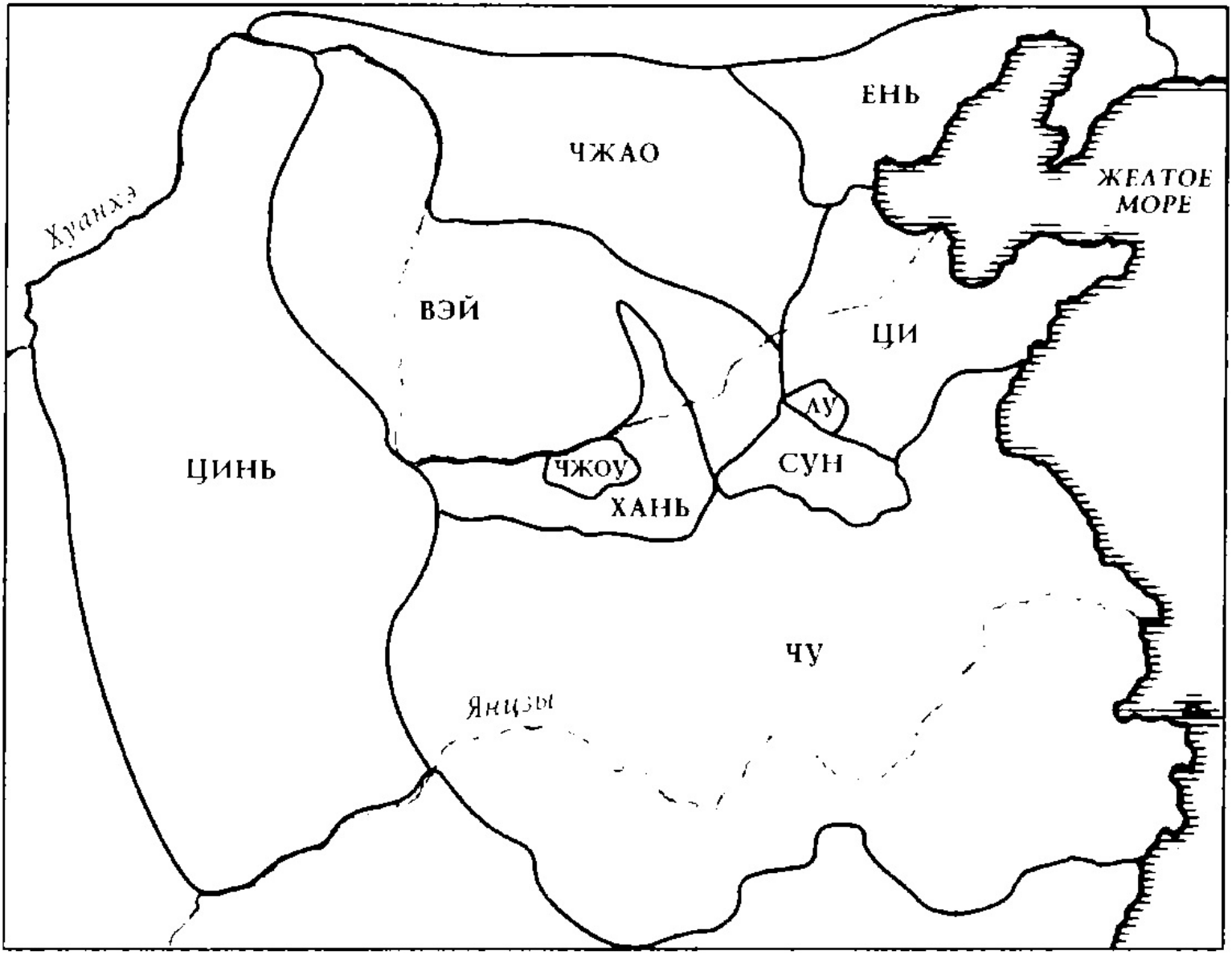
Период Воюющих Царств, начавшийся у этих девяти государств, протекал, как ясно из названия, в постоянных войнах. Утомительно было бы перечислять их все в деталях, но между 403 и 361 годами бесконечные межгосударственные раздоры медленно привели эти девять государств к голоду. К 361 году самые сильные державы на равнине лежали тремя полосами с востока на запад: Ци, Вэй и Цинь. Крупное царство Чу на юге временно было отвлечено на войну с двумя восточными государствами, У и Юэ. Оно собиралось их поглотить, а они, в свою очередь, отчаянно сопротивлялись.

Государство Ци было наиболее благополучным: у него оказались на удивление компетентные правители, которым удалось наладить регулярный сбор налогов, а также установить монополию на соль.[2] Государство Вэй было ограничено в военной силе. Цинь на западе имело огромную территорию, но оно было отсталым и далеким от центра власти; гряда высоких гор отделяла его от более старых китайских государств.[3] Остальн-ные смотрели на Цинь как на полуварварскую страну. «Властители Центральных государств... обращались с Цинь как с нецивилизованными людьми И и Ди», — комментирует Сыма Цянь.[4] Даже через несколько сот лет аристократы из Вэй могли отзываться о Цинь с издевкой. «Они жадные, ненадежные, не знающие политических норм, этикета и честного поведения».[5]

Ситуация начала меняться в 361 году, когда вельможа по имени Шан Ян прибыл ко двору Цинь, предложив правителю помочь сделать Цинь могущественной страной.

Шан Ян родился в новом государстве Вэй, он был сыном царской наложницы и, таким образом, не имел возможности стать правителем. Но он считал, что заслуживает права обладать большей властью, чем позволяло его рождение, поэтому, когда на восток дошли известия, что новый владыка Цинь, князь Сяо, разослал приглашения всем умным людям приехать к нему, чтобы сделать Цинь сильнее, он оставил родину и отправился на запад.[221]

На князя Сяо идеи Шан Яна произвели такое впечатление, что он предоставил ему свободу действий в осуществлении любых перемен, какие тот сочтет необходимыми. Шан Ян немедленно стал устанавливать новые законы, введя строгие наказания за измену и кровную месть; даже личные ссоры наказывались законом. Чтобы усилить действие законов, он приказал разделить все населенные пункты Цинь на кварталы; каждый состоял не более чем из десяти дворов, и каждый двор отвечал за извещение о любом нарушении, совершенном другими. Жители Цинь, по словам биографа Шан Яна, «взаимно контролировали друг друга и разделяли наказания друг с другом. Кто бы ни донес, вина делилась пополам»? Также никому не позволялось спастись от наблюдения чиновников и соседей, исчезнув с глаз, уехав далеко; владельцам постоялых дворов запрещалось предоставлять комнаты путешественникам, если у них нет официального разрешения.

Воюющие Царства

Таким механизмом контроля на местах Шан Ян внедрил в Цинь систему, где положение человека определяется его способностями. Вместо того, чтобы подражать рангам и привилегиям знати других восточных государств, княжество Цинь предпочло превратить свою слабость — отсутствие аристократии и неопределенность наследования — в силу. Титулы отныне давались князем только на основе «военных заслуг», а аристократы, которые не могли воевать, переставали быть аристократами: «Те из царской семьи, кто не имеет военных заслуг, не могут считаться принадлежащими к царскому клану».[7] Стремясь доказать, что знатное рождение не дает привилегий, Шан Ян настоял даже на том, чтобы собственный сын князя

Гуй-Вэнь был наказан, когда совершил незначительное нарушение нового закона. Похоже, это вызвало тревогу во дворце: в итоге Шан Ян признал, что это плохая идея — налагать уголовное наказание на наследника князя, и вместо этого согласился наказать одного из учителей Гуй-Вэня и опозорить другого (согласно некоторым рассказам, ему отрезали нос).[8]

Более того, отныне ни одному гражданину Цинь не было позволено уклоняться от выполнения работ, идущих на пользу государства. Что касалось Шан Яна, по его мнению купцы были паразитами, которые продавали товары, сделанные другими людьми, забирая себе часть не заработанной стоимости. «Каждый должен помогать в основных занятиях по возделыванию земли и ткачеству, — пишет о реформах Шан Яна Сыма Цянь, — и лишь тот, кто производит большое количество зерна или шелка, освобождается от труда на общественных работах.

Тот, кто занимается торговлей, осуждается вместе с тунеядцами и лентяями».[9]

С другой стороны, те, кто тяжело трудился, могли ждать вознаграждения в виде участка земли. Это было новой идеей — и, вероятно, первым официально санкционированным частным владением земли во всем Китае.[10] Это новое владение было подкреплено своим набором законов: никто теперь не мог переехать в новый дом без официального разрешения, а это значило, что крестьяне не имели права истощить свою землю и затем переехать на новое место. Они должны были правильно обращаться со своей землей, иначе оставалось только голодать.[11]

Не все были довольны реформами. Биограф Шан Яна замечает, что протестующие, которые «приходили в столицу и сразу заявляли, что новые законы плохи, насчитывались тысячами». [12] Но важное значение, отведенное в них сельским работам, означало, что большая часть земель Цинь, лежащая без обработки, теперь могла давать урожай. Несмотря на жесткость наказаний Шан Яна, его политика (которая также позволяла преступникам заработать себе свободу обработкой невозделанных земель) привлекала все больше и больше крестьян из других государств Китая. В Цинь они наконец получали возможность подняться по ступеням социальной иерархии через военную службу. Через сто лет философ Сюнь-цзы посетил Цинь и заметил: « Человек, который возвращается с битвы с пятью головами врага, становится главой пяти семей своих соседей».[13]

Древние китайские историки недолюбливали Шан Яна, но даже Сыма Цянь должен был признать, что его законы создали некую стабильность в государстве, не имевшем ранее законов. Он пишет, что после десяти лет нового режима «не было больше грабителей в горах, семьи сами обеспечивали себя, а люди имели много... четкого порядка, действовавшего как в городах, так и по всей сельской местности».[14]

Несмотря на это, Сыма Цянь считал деспотическое государство Цинь плохим местом для жизни. Люди были закабалены, хоть и обеспечены. Страх воров и мятежей сменили другие тревоги «Никто не смеет обсуждать указы, — замечает он, — так как Шан Ян приказал изгонять недовольных».[15] Музыка и поэзия были упразднены как непродуктивные занятия; философия презиралась. Как часть своей кампании по усилению Цинь Шан Ян сжег все работы Конфуция, какие только смог найти.

В 344 году Цинь стало достаточно сильным, чтобы князь Сяо заявил претензии на одну из привилегий гегемона — созвать к себе других феодальных владык. Сыма Цянь, который сообщает об этом событии, не говорит нам о реакции других князей. Он лишь добавляет, что в 343 году царь Восточного Чжоу формально признал князя Сяо гегемоном. Впервые за целый век князь смог претендовать на титул, и впервые в истории его завоевал владыка Цинь.[16]

Теперь конечный результат реформ Шан Яна стал очевиден. Новые законы обеспечили народу хорошее питание, дали прирост населения и сделали военную службу одним из самых привлекательных вариантов карьеры для молодых мужчин Цинь. В 340 году Цинь начинает войну за завоевание соседей.

Первой целью Шан Яна стало княжество Вэй. Оно пало к ногам армии Цинь без особого сопротивления. Но эта победа оказалась последним триумфом Шан Яна. Князь Сяо умер, и ему наследовал его сын Гуй-Вэнь, который наблюдал, как за его провинности наказывали и позорили его учителей двадцать лет назад. С тех самых пор он ненавидел Шан Яна. Как только власть оказалась в его руках, новый князь приказал арестовать чиновника.

Лишенный убежища, Шан Ян вскоре был арестован людьми Гуй-Вэня и привезен в столицу Цинь. Там его приговорили к смерти: он был привязан к четырем колесницам, которые рванулись в разных направлениях, разорвав его на части.

Как только исчезло раздражающее присутствие Шан Яна, Гуй-Вэнь постановил не

отменять никаких реформ министра. В конце концов, они сделали Цинь более могущественным государством, чем оно было когда-либо — настолько могущественным, что в 325 году Гуй-Вэнь официально объявил себя царем.

Другие князья отреагировали так, как можно было ожидать: «После этого, — пишет Сыма Цянь, — все феодальные владетели тоже назвались царями». Распри Воюющих Царств продолжались, как прежде, только теперь их вели цари, а не князья.

В этом бесконечно разрываемом мире учителя-философы продолжали попытки понять жизнь и задавали главные вопросы своего времени: как может человек оставаться цельным в мире, постоянно раздираемом на части?

Учение Конфуция, которое Шан Ян находил таким разрушительным для своих целей, продолжало жить благодаря его самому знаменитому ученику Менцию (как и Конфуций, это латинизированная форма имени Мэн-цзы). Работы Менция обращали особое внимание (что едва ли удивительно) на взаимоотношения между правителем и его народом. Правитель правит по воле Небес, писал Менций, но так как Небеса «не говорят», правитель обязан взвешивать, правильно ли на деле он выполняет волю Небес, прислушиваясь к мнению людей.[17] Если бы он слушал достаточно внимательно, он бы знал, что война никогда не была волей Небес. «Можно угадать, каковы ваши основные амбиции — пишет Менций, адресуясь к воображаемому царю. — Расширить вашу территорию, радоваться уважению Цинь и Чу, править Центральными землями... Стараться осуществить такие амбиции [силой оружия] — все равно, что искать рыбу, взобравшись на дерево».[18] Такая философия не приветствовалась царями, которые предпочитали «взбираться на дерево»; Менций, который предложил себя в советники князьям нескольких различных государств, был отвергнут ими всеми.

Но Менций был не только голосом, предлагавшим решения. Его письменные работы давали конфуцианскую трактовку способности человека к совершенствованию: необходимость доброты и соблюдение должных форм как путь нахождения мира в тревожные времена. Многие в Воюющих Царствах находили это абсолютно неприемлемым. Они ежедневно видели доказательства существования эгоизма и страстного желания власти; они жили в таком ежедневном хаосе, что соблюдение форм казалось бессмысленным.

В течение этих лет новая философия, абсолютно отличная от философии Менция, выстраивала мистические связи из более древних времен. Окончательно эта философия появилась в письменной форме кзкДао-Дэ-Цзин. Дао — это Путь. Даосисты верили, что путь к миру лежит в пассивном приятии обычного хода вещей, что должно было казаться легко выполнимым.

Даосист не создает законов. Все декларации об этичном поведении неизбежно делаются недействительными, становясь отражениями собственной врожденной порочности человека.[19] Любых позитивных заявлений нужно избегать, наряду с агрессией и амбициями. Вот как объясняет Дао-Дэ-Цзин:

Тао неизбежно ничего не делает,
и все-таки нет ничего невыполненного.
Если бы цари и князья могли сохранить это,
все дела пошли бы через их преображение...
Отсутствие желаний привело бы к покою;
Мир сам по себе нашел бы свое равновесие.[20]

Чтобы выйти из хаоса, нужно ждать с верой — что будет, то будет: вот практическая философия для тяжелых времен. Вероятно, самым знаменитым даосистом был Чжуан-цзы, который родился в том же году, в котором князь Сяо унаследовал трон Цинь и пригласил Шан Яна в свою страну.

«Достоинства императоров и царей излишни, когда дело касается мудрости, — писал он, — а не средств, позволяющих поддерживать тело в целости и заботиться о жизни. И все-таки как много мужей грубого мира сегодня ввергают себя в опасности и отбрасывают жизни прочь в погоне просто за вещами! Невозможно помочь им, сожалея!»[21]

Сам Чжуан-цзы изложил это метафорически так:

«Однажды Чжуан-цзы приснилось, что он порхающая бабочка, он доволен собой и делает, что хочет. Он не знал, что он Чжуан-цзы. Внезапно он проснулся и вспомнил, что он во плоти и, несомненно, является Чжуан-цзы. Но он не мог понять: тот ли он Чжуан-цзы, которому приснилось, что он бабочка, или он бабочка, которой снится, что она — Чжуан-цзы».

В такие дни даосист находил наиболее приемлемым способом существования отрешиться от материального мира. Следующая военная кампания, которая разразилась у его дверей, следующий закон, выпущенный князем, чтобы ограничить его возможности — все это лишь отдельные раздражители, а не истинная природа вещей. Неважно, сколько барьеров поставлено вокруг него — он остается безучастным, как бабочка.

Сравнительная хронология к главе 67

Рим	Китай
Исход плебеев (494 год до н. э.)	
	Окончание периода «Весен и Осеней» (481 год до н. э.)
	Смерть Конфуция
Законы Двенадцати таблиц	
	Начало периода Воюющих Царств (403 год до н. э.)
Рим сожжен галлами (390 год до н. э.)	
	Князь Сяо из Цинь
	Шан Ян
	Гуивен из Цинь(325 год до н. э.)

Глава шестьдесят восьмая
Македонские завоеватели

Между 404 и 336 годами до н. э. десять тысяч греков бегут из Персии, а Македония принимает на себя задачу создания греческого единства

Война между Афинами и Спартой была окончена. Афины остались в одиночестве, поверженные и озлобленные; Длинная стена была снесена, семьдесят тысяч афинян умерли от чумы, войны или политических чисток.[1] Ни у кого не было планов на будущее, город был полон вдов и женщин, которые никогда уже не выйдут замуж, потому что погибло слишком много мужчин. Горький голос звучит у Аристофана в пьесе о том времени «Законодательницы»: «Ситуацию егце можно спасти, — заявляет одна из афинянок. — Я предлагаю передать управление Афинами в руки женщин!»[1] Среди других их решений по поводу городских проблем — закон, говорящий, что любой мужчина, который захочет переспать с молодой

женщиной, должен «сначала удовлетворить более зрелую».[3]

Спарта, номинальный победитель в Пелопонесской войне, едва ли находилась в лучшем состоянии. График посадок и сбора урожая был полностью нарушен, сельским хозяйством практически не занимались. Армии, проносящиеся по Пелопоннесу, вытаптывали виноградники, вырубали оливковые деревья и убивали стада животных. Все больше и больше спартанцев отчаивались прокормить себя дома и становились наемниками.

Тысячи этих спартанцев пошли работать на персов. В 404 году Артаксеркс II унаследовал трон своего отца Дария II. Но в Персии шла жестокая борьба за наследование. Кир, младший сын Дария, бывший теперь сатрапом в Сардах, планировал захватить корону себе. Он был амбициозным и энергичным молодым человеком — а вот Артаксеркс не являлся внушительной фигурой. Он был неважным наездником,[4] и Плутарх, который описывал его жизнь, говорит, что у него был «уступчивый и мягкий» характер.[5]

Чтобы получить поддержку, Кир «разослал приказы командирам своих гарнизонов в различных городах, чтобы вербовали войска по всему Пелопоннесу, сколько возможно и наиболее годных» (взято из рассказа, записанного Ксенофонтом, о молодом наемнике, который ответил на этот призыв).[6] Очевидно, Кир нанимал этих солдат для обороны персидских владений в Малой Азии. Но в 401 году из его войск, составлявших более десяти тысяч наемников-греков, пришло тревожное известие. Персидский сатрап Лидии, некий Тиссаферн, ранее ведший переговоры с Алкивиадом, спешно отправился на восток, чтобы предупредить царя.

Когда тайна открылась, Кир направился со своей армией к Евфрату, пересек его и затем повернул на юг, идя к Вавилону, оставляя реку справа: вероятно, он планировал использовать Вавилон как базу для атаки на сердце Персидской империи. Похоже, большая часть персидской армии находились в Экбатане.[7] Артаксеркс II должен был собрать свое громадное войско, снарядить и отправить в поход, что заняло неожиданно долгое время (Плутарх говорит, что его тормозила «естественная медлительность»).[8] Поэтому Кир прошел почти всю дорогу до Вавилона, прежде чем царская армия догнала его; долгое путешествие заставило его выдать дополнительное жалование греческим наемникам, так как они громко жаловались на расстояние.[9]

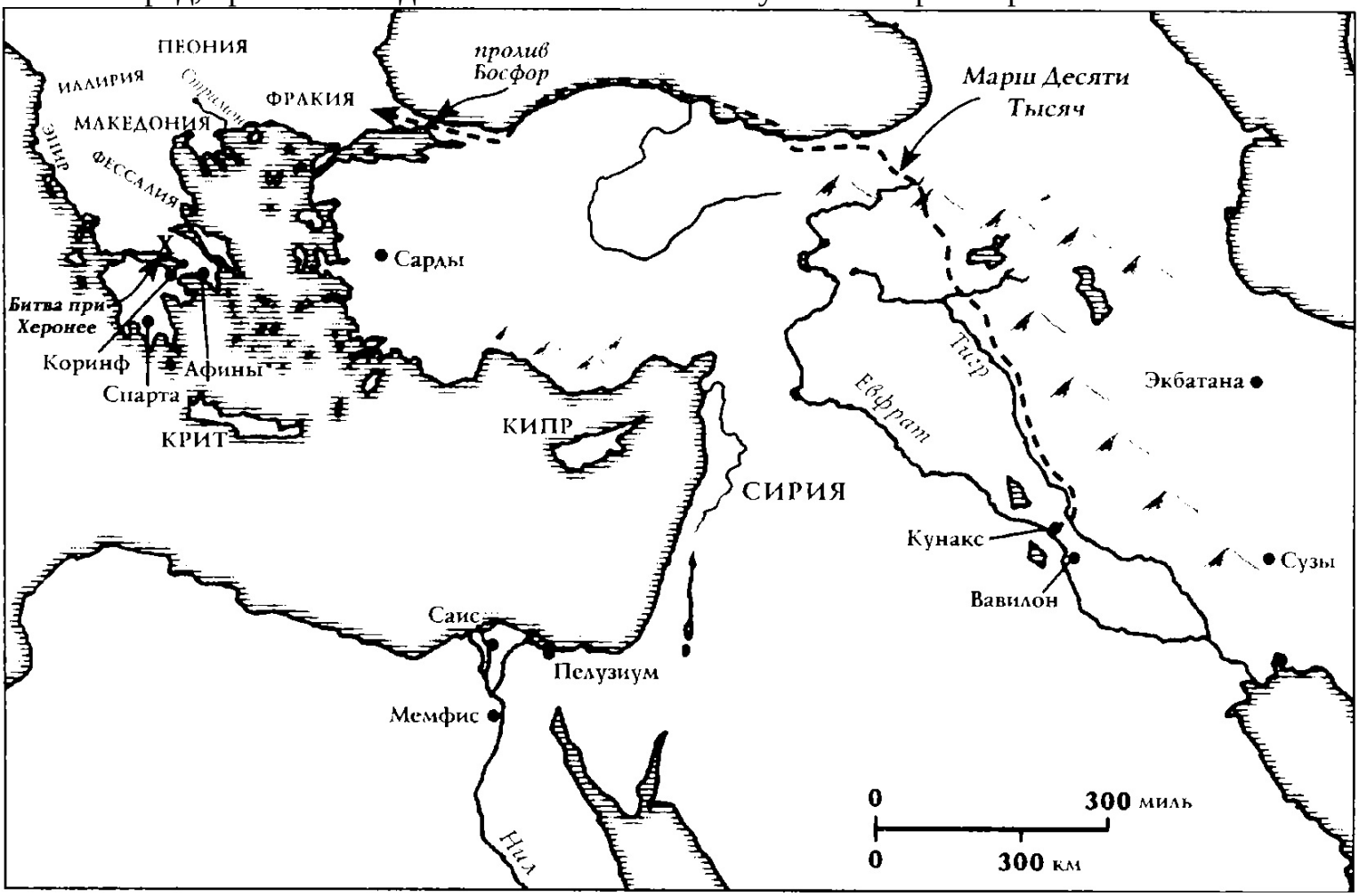
Армия мятежников встретилась с царским войском у Ку-накса, примерно в сорока милях к северу от Вавилона.[222] Ксенофонт, маршировавший при полной выкладке в центре греческих рядов, так описывает его приближение:

«Ранним полуднем на горизонте появилась пыль, как белое облако, и через какое-то время вдали на равнине появилось что-то черное. Когда они подошли ближе, внезапно засверкали вспышки на бронзе наконечников копий, и формирования врага стали видны... кавалерия в белых доспехах... солдаты с плетеными щитами... гоплиты с деревянными щитами, доходящими до самых ступней (говорят, то были египтяне)... еще кавалерия и лучники... Впереди... двигались колесницы, считавшиеся скифскими. С них под углом свисали худые скифы, часть их пристроилась под сиденьем возницы, повернувшись лицом к земле, чтобы срезать все помехи на пути. Идея заключалась в том, чтобы вогнать колесницы в греческие ряды и прорубить их».[10]

То были огромные силы; армия Кира была и меньше по размеру, и недостаточно вооружена.

Несмотря на это, Кир смог прорубиться сквозь ряды персов, где лицом к лицу встретился с братом и ударил его в грудь копьем, сбросив с лошади. Телохранители царя унесли его с поля боя на маленький холм, где Стезий перевязал рану; копье прошло сквозь броню, но не достало до сердца. Киру, оттесненному в драке назад, показалось, что он победил; он пришпорил коня,

послав его вперед, крича о победе — и в этот момент случайная стрела пронзила его висок.

Марш Десяти тысяч

Персидская армия удержала строй, а потенциальный узурпатор погиб. Многие греческие офицеры были взяты в плен.

Артаксеркс II послал оставшимся греческим наемникам предложение сдаться, но они отказались. Вместо этого десять тысяч греков перегруппировались и стали отходить от Кунакса тем же путем, которым пришли. Молодой Ксенофонт был избран одним из их лидеров похода.

Путь, начавшийся примерно в сентябре 401 года, длился несколько месяцев. Греки брели вдоль Тигра, не хватало еды и воды, сзади их постоянно атаковали персидские отряды, которым было предписано изводить их, а с боков и спереди угрожали враждебные представители проходимых земель. Пустыня была преодолена с невероятными трудностями; греки пробирались по горам, шли сквозь зимние шторма и шестифутовые снежные сугробы. Они умирали от голода и жажды, от холода и боевых ран. Их ступни коченели в обуви; тех, кто терял пальцы на ногах, бросали на верную смерть.[11] Они отчаялись дойти хоть когда-нибудь до берега, с которого могли бы вернуться в Грецию.

Почти через год после начала своего путешествия они все еще пробивались через горы, когда Ксенофонт, шедший замыкающим, услышал крики впереди идущих. Он подумал, что пронзительные крики возвещают об очередной атаке. Но «крики становились все громче и ближе, — пишет он, — и те, кто едва продвигались вперед, бросились бежать к передним, а те продолжали кричать, и чем больше их там становилось, тем громче становились вопли»}[2] Наконец слова стало можно разобрать. Они кричали: «Море! Море!»

Марш Десяти тысяч был подвигом выносливости — убедительным, но вовсе не экстраординарным. Невероятным же было то, что персидская армия под предводительством

Артаксеркса не смогла сделать больше, нежели докучать отступающим грекам, которые смогли спастись из самого центра могучей Персии[224]. «Все попытки [Артаксеркса] захватить в плен греков, которые пришли с Киром, — заключает Плутарх, — «... оказались безуспешными, и те, хоть потеряли и Кира, и своих командиров, тем не менее спаслись практически от самого его дворца».[13]

Персидская империя Артаксеркса II оказалась слабой и вскоре лишилась власти над Египтом. Египетский вельможа из Саиса по имени Амиртай объявил себя фараоном и персидский сатрап не смог получить достаточно поддержки от занятого другими проблемами Артаксеркса II, чтобы подавить мятеж.

Амиртай не был первым египетским «борцом за свободу», организовавшим сопротивление, но он стал первым за долгое время, кто набрал достаточно сил, чтобы объявить себя первым фараоном новой династии — Двадцать восьмой. Псамметих III был последним правителем Двадцать шестой династии. Мането записывает персов Двадцать седьмой династией. Амиртай, который продержался четыре года, оказался единственным фараоном Двадцать восьмой династии.

Мы очень мало знаем о Египте при его правлении, хотя арамейские документы того времени предполагают, что по крайней мере часть страны все еще оставалась под персидским правлением. Сохранившиеся надписи показывают, что после смерти Амиртая власть захватил другой мятежник по имени Неферит I и объявил себя основателем еще одной династии, Двадцать девятой; после шести лет правления он был убит узурпатором по имени Ахорис.[14] Через три года после того, как Ахорис объявил себя фараоном Египта, он послал гонца в Грецию и попросил Афины о помощи против попыток персов снова захватить его страну.

Тем временем греки вернулись к выяснению отношений друг с другом. Афины не далеко продвинулись в восстановлении своего разрушенного мира; город все еще страдал от политических распрей, вызванных чистками «Тридцатки». В 399 году, через год после благополучного возвращения «Десяти тысяч», афиняне признали философа Сократа виновным в неопределенном, но однозначно анти-афинском преступлении. Сократ был другом и Алкивиада, и самого жестокого из «Тридцатки», аристократа по имени Критий, который погиб в сражении, завершившем ужасное правление этого диктатора.

Приговоренный к смерти, Сократ с презрением отверг бегство и вместо этого выпил яд из болиголова[225]. Смерть философа была описана его учеником, молодым человеком по имени Платон.

А Спарта тем временем пересматривала свои отношения с Персией. В конце Пелопоннесской войны спартанцы пообещали оставить ионические города в обмен на персидское золото. Но теперь они изменили своему обещанию и послали своих чиновников управлять этими городами. Это было наглой имперской выходкой, и другие греческие города не собирались терпеть такое нахальство. Тридцать лет борьбы едва закончились, когда Афины, Фивы, Коринф и Аргос объединили вместе все, что осталось от их армий, чтобы заставить Спарту оставить свои претензии.

Противостояние, называемое Коринфской войной, началось в 395 году. После трех лет бесплодных сражений Спарта пошла на попятный — но не для греков, а для персов, предлагая оставить ионические города, если персы встанут на сторону Спарты.

Артаксеркс II согласился и прислал на помощь персидские корабли. Это заставило Афины оказать поддержку Ахорису Египетскому, чтобы тот смог отразить персов; египетско-афинский альянс стал своеобразным противовесом персидско-спартанскому.

К несчастью, афинских солдат оставалось слишком мало; впрочем, спартанцы вскоре

обнаружили, что их солдаты также измотаны. В 387 году Артаксеркс II (удовлетворенный тем, что его потенциальные противники снова истощают друг друга) заявил, что если два города не согласятся на мир, то в дело вступят персы: «Если любая из вовлеченных сторон не примет этого мира, — объявил он (согласно данным Ксенофонта, который изложил текст договора в своей «Эллинике»), — я, Артаксеркс, пойду на нее войной... на земле и на море, и воюющим с ней окажу поддержу кораблями и деньгами»}[5]

Афины с сожалением вышли из союза с египтянами, оставив Ахориса вести антиперсидскую войну в одиночку; Спарта разоружилась. На короткое время все вернулись к восстановлению своих городов. Вступил в действие так называемый Царский мир. «Так получилось, — пишет Ксенофонт, — что спартанцы и афиняне вместе со своими союзниками оказались в мире впервые со времен... сноса афинских стен».[16]

Требование получить обратно под свою власть греческие города в Малой Азии было высшей точкой ничем другим не примечательного правления Артаксеркса И. Египетские надписи сообщают, что время от времени он посылал небольшое и не очень решительное войско «пощекотать» Ахориса в его логове, но когда Ахорис (который смог уговорить несколько греческих наемников поступить на египетский регулярный флот) ответил решительным боем, персы отступили.

Когда Ахорис умер, и власть над Египтом принял никому не известный военный по имени Нектанеб I, основатель Тридцатой Династии, Артаксеркс II сделал еще одну попытку вернуть Египет. На этот раз он попробовал побить противника его же оружием, наняв афинских наемников и двинувшись на войну морем, причем войдя в Дельту на западной ее стороне, а не мимо крепости Пелузий на востоке, как обычно.[17] Нектанеб отбил эти объединенные силы, которые были мощнее его войск, при помощи великолепной стратегии. Он поставил отряд в каждой протоке Дельты; эти отряды оказывали небольшое сопротивление, прежде чем отойти на юг, затягивая нападавших все дальше и дальше. Нектанеб точно знал то, о чем не имели понятия афиняне и персы: когда на Ниле произойдет наводнение. Фараон смог удерживать вторгшиеся объединенные силы до того момента, когда воды вокруг них начали стремительно подниматься. После этого он быстро отошел на юг; а испуганные и сокрушаемые наводнением персы и афиняне покинули Дельту. [18] Нектанеб просидел на троне восемнадцать успешных лет, и Артаксеркс II не делал новых попыток завоевать Египет.[226]

Руины Греции убедили по крайней мере одного афинянина, что города этой державы выживут только в случае, если смогут собраться вместе под одним знаменем греческой тождественности. Пан-эллинизм, а не построение империи при помощи силы, был единственной надеждой для греческого мира.

Этим афинянином был Исократ, оратор и учитель риторики, который родился до того, как началась Пелопоннесская война, и наблюдал, как его город постепенно впадает в нищету. В 380 году, через семь лет после установления Царского мира, он опубликовал «Панегирик» — речь, обращенную ко всем греческим городам с призывом признать их общее наследие.[227] Афины должны стать лидером в этой попытке, пишет Исократ, потому что «этот город сделал слово „грек” не только названием народа, но способом мыслить; и люди называются греками, потому что они разделяют наше образование, а не происхождение».[19]

Это было воскрешение призыва к добровольной культурной самоидентификации, изначально высказанного Периклом, но в условиях изнурительных войн приобретшего иную форму и ставшего средством объединить Афины и Спарту против негреческого мира. «Панегирик» выразил первый призыв к пан-эллинскому единству, но он также призывал эллинов добровольно сплотиться против тех, кто не был воспитан в греческом духе — против

персов и их царя Артаксеркса И, который правил «не по согласию» отдельных частей его империи, а по принципу обладания большей армией.[20]

На этот призыв к пан-эллинизму последовал ответ с совершенно неожиданной стороны.

В 359 году одновременно обновились два трона. Старший сын Артаксеркса И, Дарий, решил убить отца, подозревая, что тот может объявить своим наследником младшего сына, Оха. Артаксеркс узнал об этом плане и в ночь запланированного убийства поджидал мятежника с охраной. Когда появился Дарий, телохранители царя схватили его. Дарий был осужден и казнен путем перерезания горла.

Вскоре Артаксеркс умер от старости, Ох отравил остальных братьев и, обезопасив трон, стал Артаксерксом III.

А севернее, в Македонии, в том же году на трон также сел новый царь. Его звали Филипп II, и он стал тринадцатым царем после того, как Аминта I занял трон при Дарии Великом сто лет тому назад. Тринадцать царей за век означает в среднем менее восьми лет на каждого; выполнять обязанности царя Македонии оказалось небезопасной работой.

Пожилой отец Филиппа, Аминта IV, будучи в возрасте, женился на гораздо более молодой женщине, чтобы получить законного наследника (он уже был отцом по крайней мере трех незаконнорожденных детей, которые поглядывали на трон).[21] Эта женщина, Эвридика, родила требуемых наследников — трех сыновей, Александра II, Пердикку и Филиппа. Затем она завела роман с придворным по имени Птолемей; согласно македонским повествованиям, старый царь однажды поймал их в постели, но, будучи почти восьмидесятилетним, решил не поднимать из-за этого шума.

Когда старый Аминта умер, царем стал Александр И. У него возникли проблемы на северо-западе, где племена иллирийцев угрожали вторжением. Союз Македонии с Персией обеспечивал царству некоторую защиту от врагов на севере и юге, но ко времени правления Александра II персы уже не отбрасывали такую длинную тень. Историк III века Юстин говорит нам, что Александру II пришлось откупаться от иллирийцев, чтобы избежать нашествия, и послать младшего брата Филиппа (которому было лишь десять лет) в Иллирию в качестве заложника.

Возможно, Филиппу позволили вернуться домой, но его старший брат был обречен. Эвридика, мать Александра, организовала его убийство, чтобы власть мог захватить ее любовник Птолемей. Как только Александр II скончался, Птолемей объявил себя регентом законного наследника — второго сына, Пердикки. Филипп, которому было уже пятнадцать лет, снова был отослан в качестве заложника; на этот раз он оказался в южном греческом городе Фивы, который угрожал Македонии вторжением.

Пердикка подождал какое-то время, а когда достиг возраста наследования, с помощью македонской знати, не любившей Птолемея, сверг любовника матери с трона и казнил его. О том, что случилось с Эвридикой, исторических свидетельств нет. Затем Пердикка сам занял трон и сделал, что мог, чтобы восстановить царскую семью: он договорился об освобождении Филиппа из Фив, женился и обзавелся наследником. Потом он развернулся к иллирийцам, которые снова угрожали вторжением.

На шестом году своего правления он сделал младшего брата Филиппа регентом при своем сыне и повел македонскую армию на войну против иллирийцев. Сражение оказалось несчастливым: Пердикка погиб вместе с четырьмя тысячами македонских солдат.[22] Филипп в возрасте двадцати четырех лет остался защищать царство от северо-западной угрозы.

Он принял командование армией как регент при младенце, но (как говорит Юстин) «опасности войны пугают, и оставалось слишком долго ждать помощи принца, который был еще так мал, [поэтому]люди заставили его взять управление на себя».[23] Это могло быть так — а

могло прикрывать простую узурпацию власти. В любом случае руководство Филиппа было совершенно необходимо. Иллирийцы являлись не единственной угрозой на горизонте, Афиняне делали теперь попытки посадить на македонский трон своего кандидата, чтобы иметь возможность добавить Македонию к зависимым от Афинами территориям.

Филипп, ввиду невозможности присутствовать на обоих фронтах, иллирийском и афинском, отвел афинскую угрозу, отдав под афинский контроль пограничный город. Затем он реорганизовал македонскую армию, обучив неумелых македонских солдат искусству сражаться в греческой фаланге (знание, которое он приобрел за годы пребывания в Фивах).[24] На следующий год македонская армия победила иллирийцев.

К этому моменту македонцы стали слишком сильными для афинского вторжения. А вместо того, чтобы вести оборонительные войны, Филипп предпочел сам начать строить империю. Он сражался и заключал браки (пять раз), чтобы образовывать союзы или обеспечивать себе доминирование на территориях вдоль побережья, на границе между Македонией и Фракией, а также на северных и северо-восточных границах Македонии. Его третья жена, семнадцатилетняя Олимпия, была дочерью царя Эпира. Олимпия, согласно древним записям, была поразительно красива, но имела склонность к страшным эмоциональным взрывам и эксцентричным выходкам; она держала в качестве домашних животных огромных змей и позволяла им ползать по всей спальне. Ее отец считал, что этим браком он защитил Эпир; но когда он умер, Филипп просто присоединил Эпир к своей державе.

В 356 году Олимпия родила Филиппу первого сына и наследника. Ребенка назвали Александром — в честь погибшего брата Филиппа.

Теперь Филипп обратил свой взгляд на юг. Когда был убит правитель греческого города Феры, Филипп двинулся вниз, восстановил порядок и установил контроль над городом. Он провел кампанию во Фракии и захватил золотые и серебряные рудники у горы Пангей, что позволило ему финансировать следующие кампании. Он забрал назад город, который отдал Афинам при воцарении, и проложил путь еще дальше на юг и на восток. Во время одной из таких кампаний через его правый глаз прошла стрела; ранение нашло отражение в скульптурном изображении царя.

Организованного греческого ответа на действия Македонии не последовало. Спарта находилась слишком далеко на юге, чтобы беспокоиться, а Афины в это время страдали от жестокого голода и не могли вести еще одну войну. Филипп начал открыто захватывать греческие территории. Его продвижение на юг было направлено скорее не против греков, а против Греции, которую он хотел поглотить. Его пехота, его кавалерия, сам его двор были полны эллинов.

История с греческим конем — фессалийским жеребцом по имени Буцефал — публично продемонстрировала не по годам развитый интеллект его сына Александра. Плутарх говорит, что Филипп заплатил безумную сумму за этого коня, но обнаружил, что тот совершенно неуправляем. Он приказал отослать его назад, но Александр запротестовал; Филипп приказал ему мотивировать свой протест и доказать, что он может ездить на этом коне: «Александр подбежал к коню, — пишет Плутарх, — взялся за уздечку и развернул коня головой к солнцу — очевидно, потому что заметил, как конь начинал нервничать при виде падающей от него тени, резко дергающейся перед ним».[25] Это позволило царевичу сесть на коня. Инцидент стал известен по всей Македонии (и позднее Греции). Даже в юном возрасте Александр показал себя стратегом.

Он оставался единственным законным сыном Филиппа. Одна из наложниц Филиппа родила сына, немного моложе Александра, тоже названного Филиппом, но ребенок оказался слабоумным. (Плутарх говорит, что ответственной за это была Олимпия, так как дала ребенку

снадобье, разрушившее его мозг, но других доказательств этому нет.)

Македонский двор был достаточно опасным местом, и Филипп поступил бы правильно, произведя «запасного» наследника — но, судя по всему, он стал всеми способами избегать Олимпию. Местные сплетни говорили, что к этому имели отношение змеи в ее постели. «Однажды змею видели лежащей, вытянувшись вдоль тела Олимпии, когда та спала, — пишет Плутарх — и говорят также, что именно этот инцидент, больше, чем что-либо другое, охладил страсть и любовь Филиппа к собственной супруге».[26] Свои надежды как на наследника он возлагал на Александра. В 343 году греческий философ Аристотель был приглашен приехать на север, в Македонию, в качестве учителя Александра. Ученый охотно принял эту хорошо оплачиваемую должность.

К 340 году до н. э. Филипп стал достаточно сильным, чтобы объявить войну Афинам.

Его вторжение в Грецию оказалось легким, так как немало греческих городов предпочли поменять сторону, а не сражаться. Греческий философ Исократ, теперь уже девяностолетний, оставил свои надежды на добровольное взаимодействие греков; но он следовал своему «Панегирику» в речи, названной «К Филиппу», в которой просил македонского царя принять лидерство.

«Ты получил богатство и власть, такие, какими не обладает ни один грек. И то, и другое, естественно, подходит и для уговоров, и для принуждения. То, что я хочу предложить, потребует, как я думаю, и того, и другого — потому что я собираюсь посоветовать тебе встать во главе Греческого союза и вести греческую кампанию против варваров».[27]

Ассоциация греческих городов, которые следили за усыпальницей в Дельфах, последовала совету Исократа и пригласила Филиппа в Грецию. Афины попросили Спарту о помощи против вторжения, но Спарта не захотела иметь ничего общего с бывшим врагом. Поэтому когда армия Филиппа пришла, наконец, с севера, Афины смогли выставить совсем немного союзных сил — в основном из Фив и из городов Беотии.

Армии встретились жарким летом 338 года на равнине у Херонеи. Самое полное описание этой битвы донес до нас Диодор Сицилийский:

«Обе армии теперь подготовились; они были равны по мужеству и личной доблести, но по числу и по военному опыту огромное преимущество было за [Филиппом]. Потому что он провел множество битв, выиграл большинство их, и таким образом многое узнал о войне, а лучшие афинские полководцы теперь уже умерли...

На восходе солнца две армии выстроились для сражения. Царь приказал сыну Александру, который только что вошел в возраст... вести одно крыло, хотя придал ему несколько своих лучших полководцев. Сам Филипп с отборными войсками возглавил другое крыло и расставил различные отряды в таких местах, где требовала ситуация. Афиняне выстроили свою армию... По всей длине линии, занятой войсками, началась жестокая битва. Она длилась долго, оказавшись очень кровавой, но победа так и не была определена, пока Александр, желавший доказать отцу свою доблесть — со следовавшим за ним мужественным отрядом - первым не прорвался сквозь основную массу врага прямо напротив себя, положив многих, но преодолев сопротивление. Его люди, следовавшие по пятам, рассекли порядки врага, и после того, как землю завалили телами, заставили сопротивляющееся крыло отступить».[28]

На самом деле битва при Херонее была не слишком кровопролитной по количеству жертв. Погибло около тысячи афинян — немалое число для одной битвы, но незначительное по сравнению с потерями за все годы войны. Она замечательна еще по двум причинам: во-первых, Херонея стала первым опытом Александра в качестве главнокомандующего, во вторых, знаменовала конец греческой эры. Греческие города-государства никогда больше не были снова свободны от власти империи.

Филипп, который, без сомнения, понимал, что не может вечно сражаться за лояльность остальных греческих городов, теперь сменил тактику. Он обращался с Афинами с большим уважением, освободил пленников и даже выделил почетный караул, чтобы доставить погибших афинян в город.[29] Афиняне, строя хорошую мину при плохой игре, сделали вид, что Филипп стал теперь другом Афин.

На следующий год Филипп произнес в Коринфе речь, говоря, что подчинение греков его царству было бы благом для Греции.[30] Спарта все еще отказывалась иметь какие-либо дела с Филиппом — но остальные греческие города согласились (естественно, оглядываясь на армию Филиппа, стоящую тут же) объединиться в еще одну греческую лигу. Ее назвали Коринфской Лигой. Подобно старой Делосской Лиге под водительством Афин, она имела официальной целью войну против персов. Но в отличие от Делосской Лиги, теперь ее лидером был царь Македонии.

В этот момент Персия была уязвима, находясь в процессе очередной хаотичной смены власти. Артаксеркс III правил уже девятнадцать лет, самым крупным достижением его правления было повторное завоевание Египта, завершенное в 343 году (шесть лет тому назад) после победы над последним местным египетским фараоном Нектанебом II. Теперь Египет снова находился под контролем персидского сатрапа, и им правил персидский царь (Мането называет этот период Тридцать первой династией).

В том же году когда состоялась Херонейская битва, Артаксеркс умер. Подробности этого события скудны, но хотя царь слегка занемог перед своей смертью, почти наверняка он умер не от болезни, а от яда, данного ему под видом лекарства евнухом по имени Багой. Багой был одним из командиров Артаксеркса III при завоевании Египта, и он все больше стремился к власти.

Со смертью Артаксеркса III Багой стал управлять царством самолично — как визирь. Два молодых принца тоже «неожиданно» умерли из-за проблем с животом (Багой явно беспокоился о своем благополучии). Выжил лишь один принц, юноша по имени Арсес. Похоже, визирь планировал сделать его марионеточным царем, но когда Арсес выказал знаки неповиновения, Багой отравил и его тоже.

Филипп замышлял атаку на империю, ведомую евнухом, когда над ним разразилась катастрофа.

В основном она была спровоцирована им же самим. Сразу после создания Коринфской Лиги в 337 году Филипп решил жениться снова. Эта женитьба не давала ему никаких политических преимуществ и была, по-видимому, вызвана исключительно страстью. Невеста царя была урожденной македонянкой, прекрасной племянницей придворного по имени Аттал. На этой свадебной церемонии все македонцы безобразно напились (добрая традиция на македонских празднествах), и Аттал предложил тост: он поднял свою чашу и заявил, что теперь боги могут послать Македонии законного наследника трона.

Александр был, конечно, юридически законным, но так как его мать Олимпия была гречанкой, он был только наполовину македонцем. Тост Аттала стал прямым вызовом его положению наследного принца, предположением, что трон Македонии должен принадлежать только чистокровному македонцу (и ясным указанием на то, что любовь Филиппа ко всему греческому не разделяется всеми македонцами).

Александр, который тоже был пьян, бросил в Аттала чашу и назвал его мерзавцем. Филипп (вероятно, самый пьяный из всех) выхватил меч, чтобы атаковать Александра — и вдруг упал лицом вниз.

«Господа, — с усмешкой заявил Александр, стоя над пьяным отцом, — вот лежит человек,

который был готов пройти насквозь весь мир от Европы до Азии, но сбился с пути по дороге от одной постели до другой/»[31]

Но худшее было еще впереди, и Аттал увяз в этом по самую шею. Согласно Диодору, некоторое время тому назад Филипп имел в любовниках некого красивого молодого человека, бывшего также другом Аттала. (Македонцы, как и греки, обращали больше внимания на механику полового акта, чем на пол партнера; вы ли проникаете или в вас — было важно, но кто был на противоположной стороне, оказывалось менее существенным.) К несчастью, этот красивый юноша вытеснил предыдущего любовника Филиппа, одного из его телохранителей по имени Павсаний. Павсаний, умиравший от любви, публично оскорбил сменившего его юношу, назвав того «гермафродитом», то есть не настоящим мужчиной. Опозоренный юноша в одной из битв бросился впереди Филиппа, чтобы погибнуть, и умер от вражеского меча.

Аттал, желая отомстить за самоубийство своего друга, пригласил Павсания на обед, напоил его и затем передал компании друзей-сообщников, чтобы те группой изнасиловали его, — наказание под стать вине: быть пользуемым в глазах македонцев считалось быть покорным, женоподобным, то есть обладать именно теми качествами, которыми Павсаний наделил своего соперника, желая его опорочить. Протрезвев, Павсаний бросился к Филиппу, в ярости от оскорбления, и пожаловался ему. Но Филипп не захотел наказывать Аттала, который был доверенным лицом и ценным военачальником. Вместо этого он попытался успокоить Павсания, повысив в чине и одарив подарками.

Однако возобновлять отношения царь не собирался, и Павсаний лелеял этот отказ и свое оскорбление до 336 года. Филипп организовал пышный праздник, чтобы отметить начало наступления на Персию; торжество должно было открываться парадом, который возглавлял сам Филипп, в театре, забитом веселящимися македонцами. Когда Филипп ступил на порог театра, Павсаний подошел сзади и воткнул нож ему в ребра.

Убийца помчался к своей лошади, однако по пути споткнулся и упал, вслед за чем немедленно был зарублен телохранителями.[32] Но Филипп был уже мертв.

Многие люди подозревали, что Александр, презиравший отца, каким-то образом оказался причастен к убийству. «Александр не вышел незапятнанным из этого дела», — говорит Плутарх, хотя не указывает на изобличающие его детали.[33] Но Павсаний был убит, не было доказательств измены, никто не осмелился выдвинуть обвинения. В любом случае Александр был популярен в армии, которая объявила его царем на следующий же день.

Он унаследовал, как говорит Плутарх, царство, «окруженное со всех сторон горькой обидой, глубокой ненавистью и опасностями». Завоеванные северные территории были несчастны под управлением македонцев; греки на юге не настолько сердечно принимали свое членство в Коринфской Лиге, чтобы Александр мог позволить себе полагаться на них; а персы тем временем ждали нападения македонцев.

Но у Александра было одно срочное дело, которое требовало заботы. Аттал был послан вперед, в Малую Азию, чтобы подготовить маршрут, которым македонские силы вторжения проследуют в Персию. Александр так и не забыл оскорбления. Он послал вслед Атталу убийцу, и месть свершилась.

Сравнительная хронология к главе 68

Китай Греция Битва при Марафоне (490 год до н. э.) Леонид из Спарты Конец периода «Весен и Осеней» (481 год до н. э.) Битва при Фермопилах и Саламине (486 год до н. э.) Смерть Конфуция Битвы при Платеях и Микале (479 год до н. э.) Пердикка II из Македонии Перикл из Афин Пелопоннесская война (началась в 431 год до н. э.) Начало периода Воюющих Царств начался (403 год до н. э.) Марш «Десяти тысяч» (401 год до н. э.) Коринфская война (395 год до н. э.) Князь Сяо из Цинь Филипп II из Македонии(359–336 годы до н. э.) Шан Ян Битва при

Херонее (338 год до н. э.) Александр III из Македонии(336 год до н. э.) Гуй-Вэнь из Цинь (325 год до н. э.)

Глава шестьдесят девятая
Рим усиливает хватку

Между 367 и 290 годами до н. э. Карфаген воюет с Сиракузами, а Рим сражается со всеми соседями

Пока Греция осуществляла бесполезные попытки объединения — Пелопоннесская Лига, Эллинская Лига, Делосская Лига и пародия на Коринфскую Лигу — города на старой территории латинян также объединились в союз — в Латинскую Лигу. Римляне называли эту лигу «Nomen Latium» и уже более века поддерживали достаточно дружеские отношения с ее городами — первый мирный договор между Римом и Лигой был, вероятно, подписан около 490 года до н. э. Но сам Рим к ней не присоединился. Он не намерен был становиться одним из равных.

Через тридцать с лишним лет после того, как галлы сожгли Рим, римляне восстановили стены, отбили несколько атак соседей, послали войска на восток к реке Анио, чтобы снова сразиться с галлами (римские солдаты приблизились к их лагерю «в великом страхе, — говорит Ливий, — но многие тысячи варваров были убиты в сражении»)[1] и пережили еще одно противостояние патрициев и плебеев. Оно закончилось в 367 году уступкой патрициев: должность консула формально открывалась для плебеев, и первый консул-плебей вступил в должность в том же году.

Сенат объявил, что этот компромисс нужно отпраздновать дополнительным праздничным днем, и сам Ливий называет этот год «знаменательным годом», в который «после долгого обсуждения два сословия примирились и наконец пришли к согласию».[2] «К согласию» — сказано слишком громко, так как патриции и плебеи продолжали раздражать друг друга; однако новое государственное устройство, похоже, действовало как смазка в трениях между двумя классами. Следующие десять лет внутри римских стен сохранялся мир, так что город смог вернуть свое внимание к идее построения империи.

В 358 году Рим уговорил Латинскую Лигу обновить старый мирный договор.[228] Как и прежде, обе стороны были обязаны защищать друг друга при нападении. Но отныне все трофеи общих кампаний должны были делиться поровну между сторонами; Рим будет получать от каждой победы столько, сколько все остальные города объединенной Лиги.[3] Рим больше не был еще одним городом на полуострове; он стал силой, такой же мощной, как сама Лига.

В 348 году римляне обновили другой договор, с Карфагеном. Римские корабли все еще не могли плавать на запад дальше мыса Фаир, а карфагеняне все еще обещали не строить никаких укреплений на территории латинян. Новые условия несколько изменили это соглашение. «Если карфагеняне захватят какой-либо город в Лациуме из тех, что не являются подданными Рима, — определялось в нем, — они могут удерживать товары и людей, но должны отдать город»[A] Теперь карфагеняне были партнерами по завоеваниям; Рим строил планы по контролю окружающей местности, хотя ее лидеры и клялись в дружбе Латинской Лиге.

В течение следующих пятидесяти лет агрессия Рима приведет к четырем войнам и мятежу, а пятая война разгорится прямо у его берегов.

За рекой Лири располагался союз племен, известных под общим названием «самниты».

Они пришли с южных Апеннин и жили вперемешку с другими племенами отдельными хозяйствами и деревнями ниже Рима и восточнее прибрежного районе, называемого Кампания.[5] Помимо всего прочего, их знали как беспокойных воинов, «сильных и по ресурсам, и по вооружению» — так сообщает Ливий.[6]

Несмотря на более раннее соглашение, что Лири будет служить взаимной границей, в 343 году до н. э. Рим пошел войной против самнитов. Римские рассказы не слишком подробно говорят об этом событии: римляне, сообщает Ливий, просто ответили на отчаянный призыв о помощи, потому что самниты «несправедливо напали» на народ, который жил в Кампании, на юго-западном берегу. Но даже в версии, изложенной Ливием, выходят на свет амбиции Рима: «Мы достигли точки... когда Кампания должна быть поглощена друзьями или врагами, — говорят послы от подвергшихся притеснениям. — Вы, римляне, должны ее занять, чтобы не позволить [самнитам] взять ее, это доброе деяние с вашей стороны и злое — с их... Римляне, тени вашей помощи будет довольно, чтобы защитить нас и все, что у нас есть... мы считаем себя вашими».[1]

Вне зависимости от того, насколько сильным было давление на Кампанию, трудно поверить, чтобы кто-либо из соседей Рима просил захватить их. Эта «Первая Самнитская война» стала следующим шагом в имперской игре Рима.

Вторая война, Латинская, разразилась сразу же за первой. Города Латинской Лиги, наблюдая за достижениями Рима на юге, решили наконец, что никакой договор не остановит экспансию Рима. Сложные политические маневры привели к тому, что латинские города атаковали Рим; самниты присоединились к Риму, чтобы предотвратить распространение латинских сил дальше на юг.

Эта война, пишет Ливий, была особенно трудной для римской армии, потому что латиняне, выступившие против них, «были такими же, как они — по языку, обычаям, типу вооружения, и, кроме всего прочего, по образу ведения войны». Это беспокоило консулов, которые командовали римской армией. Опасаясь, что римские солдаты не смогут определить, кто друг, а кто враг, они «издали приказ, что никто не должен покидать свое место, борясь с врагом»}

Латинские солдаты и римско-самнитские войска сошлись в свирепой схватке возле Капуи. Римляне «прорвали строй неприятеля с такой жестокостью, что оставили в живых едва ли четверть врагов», в то время как «вся армия» римлян «понесла огромные потери... перед штандартами и за ними образовались одинаковые кровавые озера»? Но даже после такого кровопролития обе армии перегруппировались и сцепились снова. На этот раз победителями остались римляне.

ГАЛЛИЯ
По
АПЕННИНЫ
УМБРИЯ
Сентин
Тибр
ЭТРУРИЯ
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
КОРСИКА
Рим
Анио
Аппиева дорога
ЛАТИУМ
САМНИУМ
Аскулум
Капуя
КАМПАНИЯ
Тарент
САРДИНИЯ
СИЦИЛИЯ
Сиракузы
Карфаген
мыс Фаир
0
100 миль
0
100 км

После капитуляции латинян римляне заявили, что империи нужны Италийские земли: не только латинские, но и территория Кампани, на севере и бывшая Этрурия на юге.[10] С разными народами, втянутыми в сферу завоеваний, римляне обращались соответственно их лояльности. Латиняне, говорит Ливий, «были лишены прав на браки с римлянами и на взаимную торговлю, а также права проводить совещания друг с другом», — что нарушало связи между латинскими городами. Жителям Кампании, которые сражались на римской стороне, «было даровано гражданство без права голоса», как и постоянным жителям нескольких других союзных городов.[11] То была странная привилегия, «civitas sine suffragio»; новые полуграждане были защищены законами Двенадцати таблиц, но у них не было голоса при принятии Римом решений.

Рим также начал ускоренно создавать новые колонии, расширяя свою сферу влияния наряду со своими границами.[12] Однако юную неопытную империю никак нельзя было назвать стабильной; Ливий использует выражение «худой мир», чтобы описать взаимоотношения со вновь завоеванными и еще не завоеванными соседями.

В 326 году пришел конец даже шаткому миру: самниты опять взялись за оружие. И опять войну спровоцировала римская сторона; римляне пересекли старую границу, реку Лири, чтобы построить колонию на самнитской земле.[13] Вторая Самнитская война тянулась более двадцати лет в виде серий повторяющихся столкновений между двумя армиями.

Пока римляне сражались с самнитами, вдали от берега произошло другое сражение. Амбициозный сицилиец по имени Ага-фокл использовал шанс построить свою собственную империю. Агафокл, бывший сиракузский горшечник, удачно женился и смог нанять себе армию. В 317 году он силой захватил Сиракузы и объявил себя их тираном, использовав старое доброе оправдание Меродах-баладана — Наполеона — Саргона II — Кира. «Он заявил, что восстанавливает их автономию», — пишет Диодор Сицилийский.[14] Естественно, это заявление оказалось пустыми словами, когда затем он начал завоевание остальной Сицилии.

Это привело к вытеснению с острова карфагенян, поэтому Карфаген не мог оставить без внимания вызов своему могуществу на Средиземном море. В 310 году карфагенский флот блокировал Сиракузы. В ответ Агафокл послал сиракузские силы напасть на сам Карфаген.[15]

Карфагеняне так всполошились из-за этого неожиданного нападения, что в городе поднялась паника. Чтобы быть уверенными в победе, жрецы Карфагена (которые все еще следовали варианту старой ханаанской религии, привезенной из Тира несколькими веками ранее) принесли в жертву карфагенским богам пятьсот детей.[16] «Они решили, что пренебрегли почтительностью к богам, которые были установлены их отцами», — рассказывает нам Диодор. Карфагенские жрецы постарались исправить недоработку, которая привела к вторжению к ним Агафокла. «В их городе находилось бронзовое изображение Крона,[229] вытянувшего наклоненные к земле руки ладонями вверх, и каждый ребенок, уложенный на них$_y$ скатывался вниз и падал прямо в специальную узкую шахту, наполненную огнем».[17]

Ужасный ритуал не принес победы.[230] Хотя Карфаген не пал, Сиракузы продолжили войну, и к 306 году обе стороны подписали договор. Агафокл остался у власти, а Карфаген сохранил контроль над западной частью острова.[18]

Сразу после этого, в 304 году, римляне наконец снова помирились с самнитами. Тем временем они начали еще один проект, который должен был укрепить создаваемую империю. Кир проложил Царскую дорогу, чтобы связать сердце своей родины с завоеванной территорией

— римляне же, следуя его примеру, начали строить государственный тракт, чтобы связать город с окраинными землями. Консул Аппий Клавдий Цекус начал эту стройку в 312 году[231]. В окончательном своем виде дорога пролегла вдоль берега от Рима до самой Капуи в Кампании, и по его имени была названа Аппиевой.

Мир с самнитами продлился целых шесть лет. В 298 году, как раз после выбора консулов, как пишет Ливий, по Риму распространились слухи: «этруски и самниты собирают огромные армии... Враги Рима готовятся к войне, используя все свои возможности и ресурсы своих союзников».[19] Антиримская коалиция, собиравшаяся пересечь реку Лири, включала не только самнитов и остатки этрусков, но также контингент галлов с севера. К ней присоединились и умбрийцы — союз племен с Апеннин на северо-востоке Этрурии. Все эти совершенно различные народы пожелали объединиться, чтобы противостоять натиску Рима — явный знак растущего ощущения кризиса из-за продолжающейся римской экспансии.

Римская кампания против этой федерации, Третья Самнитская война, началась с трех лет тяжелых сражений. Кульминацией ее стала грандиозная битва при Сентине, расположенной в Умбрии, сразу за склонами Апеннин. По всей видимости, это было самое удаленное место, куда доходила к этому времени римская армия, а многие римляне вообще впервые пересекли горы.

«Велика слава этого дня, в который произошла битва в Сентине», — говорит Ливий. «Был назначен день для битвы, самниты и галлы были отобраны для участия в ней, а во время сражения этруски и умбрийцы должны были атаковать римский лагерь. Эти планы расстроили три перебежчика... которые тайно ночью пришли к [консулу] Фабию и рассказали ему о намерениях врага».[20]

Римляне, которые серьезно уступали по численности противостоящему им четверному альянсу, послали отряд провести рейд по этрусской и умбрийской землям. Узнав об этом, этруски и умбрийцы бросились домой, чтобы защищать свои семьи и хозяйства. Поэтому, когда битва началась, римляне противостояли лишь галлам и самнитам. Они были «равны по силам», говорит Ливий, но римская кавалерия в ужасе рассеялась, когда появились галлы на колесницах, которых многие римляне никогда не видели прежде. Один консул был убит; галлы, в свою очередь, погибали в таких количествах, что для очистки поля от гор тел потребовалось несколько дней. Потери с обеих сторон были огромны, достигая многих тысяч убитых. Но в конце концов боевой порядок галлов и самнитов был прорван, их лагерь захвачен и путь к отступлению отрезан.

Теперь римляне контролировали окружающие земли, но в регионе «мира все равно не было», как заключает Ливий. Самое тяжелое сражение состоялось в 295 году в Сентине, но рейды, столкновения и мятежи продолжались еще пять лет. В итоге лишь договор 290 года положил конец Третьей Самнитской войне. Но даже позднее римские солдаты каждый год отправлялись на дозорную службу на севере и в центре Италийского полуострова: римский кулак, нависший над регионом, был бронированным.

Сравнительная хронология к главе 69

Греция	Рим
Битва при Марафоне (490 год до н. э.)	Исход плебеев (494 год до н. э.)
Леонид из Спарты	
Битва при Фермопилах и Саламине (480 год до н. э.)	
Битвы при Платеях и Микале (479 год до н. э.)	

Пердикка II из Македонии Законы Двенадцати таблиц
Перикл из Афин
Начало Пелопоннесской войны (431 год до н. э.)Марш Десяти тысяч (401 год до н. э.) Коринфская война (395 год до н. э.) Рим сожжен галлами (390 год до н. э.) Филипп II из Македонии(359–336 годы до н. э.) Первая Самнитская война (343 год до н. э.) Битва при Херонее (338 год до н. э.) Латинская война (340 год до н. э.) Александр III из Македонии(336 год до н. э.) Вторая Самнитская война (326 год до н. э.) Третья Самнитская война (298 год до н. э.)

Глава семидесятая
Александр и войны диадохов

Между 336 и 272 гг. до н. э. Александр Великий делает большую часть мира одной империей, которую военачальники его затем делят

После смерти Филиппа Македонского его сын Александр занял место царя Македонии и главы Коринфской Лиги. Но когда Филиппа не стало, несколько греческих городов заявили о выходе из Лиги, Среди них были Фивы и Афины; Афины даже устроили поспешный праздник и посмертно наградили золотой короной Павсания.[1]

Александр с македонскими войсками пошел прямо к мятежникам, по пути снова покоряя греков. Когда он прибыл к воротам Фив, то предложил просто передать город под свое управление, если жители Фив передадут ему двух знатных персон, возглавивших борьбу за отделение города. Фивы отказались, и Александр приказал своим людям разбить ворота. «Сам го-род, будучи взят штурмом, — пишет Плутарх, — был разграблен и разрушен до основания, Александр надеялся, что суровый пример способен запугать и привести к послушанию остальную Грецию... Тридцать тысяч человек были проданы в рабство... свыше шести тысяч преданы мечу».[2]

Затем такое же предложение он сделал Афинам, которые согласились очень быстро. «То ли как лев, когда страсть его уже удовлетворена, — добавляет Плутарх, — то ли после примера чрезвычайной жестокости его ум склонился к милосердию, что обернулось добром для афинян, так как он... простил им все прошлые обиды»? Афиняне сделали все, чтобы сохранить его доброе о себе мнение, отправив в ссылку всех мужчин, которые были против присоединения к Коринфской Лиге.

После этого остатки Коринфской Лиги сдались в течение двух месяцев. Александр прошел до Коринфского перешейка и там провел собрание Лиги, на котором (его солдаты стояли рядом) делегаты Лиги торопливо избрали его лидером вместо его отца.

Эта демонстрация демократии, поддерживаемая силой, станет характерной для всех деяний Александра. Почти все, что он сделал, он выполнял силой оружия — и все же где-то в нем присутствовало страстное желание получать признание по свободной воле завоеванных. Старая идея завоевания силой и новая идея, что человека можно сдерживать без принуждения, верностью или осознанием идентичности, с трудом уживались в нем.

Теперь Александр был царем всей Греции, чего не удавалось добиться ни одному спартанскому или афинскому герою. За плечами у него стояли отборные македонские бойцы, плюс примерно сорок тысяч греческих войск; он был готов бросить вызов персидским львам.

А в Персии евнух Багой в итоге закончил плохо. После смерти принца Арсеса Багой выбрал свою следующую марионетку, человека, имевшего внушительную внешность (шесть с

половиной футов роста), но, по общему мнению, мягкотелого — дальнего родственника Артаксеркса III по имени Кодоман.

Багой не рассчитывал встретить сильное сопротивление со стороны Кодомана, который не имел придворного опыта. Но он недооценил этого человека. Как только Кодоман был коронован под царским именем Дарий III, он пригласил Багоя в тронный зал и преподнес ему чашу вина. Багой, который знал, к чему все идет, попытался отговориться, сказавшись больным, и царь сказал, что в таком случае пусть пьет лучше свои лекарства. Часом позже Багой был мертв, в результате Дарий III стал самолично контролировать Персию.[4]

В 334 году Александр явился во владения Дария с тридцатью двумя тысячами солдат; Диодор говорит, что почти четырнадцать тысяч из них являлись македонцами, остальные были собраны с подчиненных городов.[5] Он двигался быстрее, чем ожидали персы, и персидская армия не смогла вовремя перехватить их и помешать преодолеть Геллеспонт.

Потеряв первые преимущества, персидские командиры объединились для новой стратегии. Дария III с ними не было — он только что избавился от Багоя и, похоже, не хотел слишком скоро покидать Сузы. Персидский генерал Мемнон решил избегать сухопутного сражения. Вместо этого персы должны были отходить, сжигая за собой все запасы и завлекая армию Александра на земли без пищи и воды. Тем временем следовало выслать корабли, чтобы они атаковали земли Македонии с моря.[6]

Это был хороший план — комбинация римской стратегии в войнах против «альянса четырех» в Италии и скифской стратегии, которая принесла победу над первым Дарием. Но поддержки этот план не получил. Вместо этого персидская армия двинулась к берегам реки Граник и остановилась невдалеке от старой Трои.

Не послушавшись совета своего командующего Пармени-она, Александр остановил войска и атаковал персидские порядки через реку. Первые македонцы, которые вышли из воды, были убиты, но натиск атаки Александра вскоре оттеснил персов. Греческий военный историк Арриан приписывает это опытности людей Македонского и «преимуществу длинного кизилового копья [232] над легкими пиками персов»[7] — но присутствие Александра, несомненно, также имело отношение к стойкости его воинов. В отличие от Дария, он находился в самом центре первой схватки и сражался на передовой до самого конца. Он уцелел, хотя получил удар копьем в нагрудную пластину и потерял шлем от удара топором сзади. Его спас от потери головы один из его командиров, Клит Черный, который успел отсечь нападавшему руку у плеча, прежде чем тот смог поднять свое оружие для второго удара.[8]

Греческие источники утверждают, что македонские потери составили 200 человек, в то время как персы потеряли примерно 4 тысячи; среди убитых оказались сын Дария, его зять и шурин. Выжившие персы бежали, и Александр объявил, что ионические города освобождены (это означало, что теперь они находятся под его управлением). Он направился к Сардам, но Арриан говорит, что он находился еще в «восьми-девяти милях», когда правитель города вышел, чтобы сдаться.[9] Малая Азия теперь принадлежала царю Александру.

Во время триумфального марша сквозь Малую Азию он остановился в городе Гордиум, старой столице Мидаса. Там, в храме Юпитера, он увидел повозку, которой, как говорят, отец Мидаса Гордий пользовался, когда впервые прибыл в эту страну. «Замечательным было ярмо, — свидетельствует римский историк Квинт Курций Руф, — завязанное несколькими узлами, такими туго спутанными, что невозможно было понять, как их развязать». У местных жителей ходила легенда, что человек, который развяжет их, станет царем Азии: невыносимый вызов Александру. «Какое-то время Александр безуспешно боролся с узлами, — говорит Руф. — Затем он сказал: «Неважно, как они развязываются»_y и разрубил все ремни мечом, избегнув

таким образом предсказания оракула — или, наоборот, выполнив его».[10]

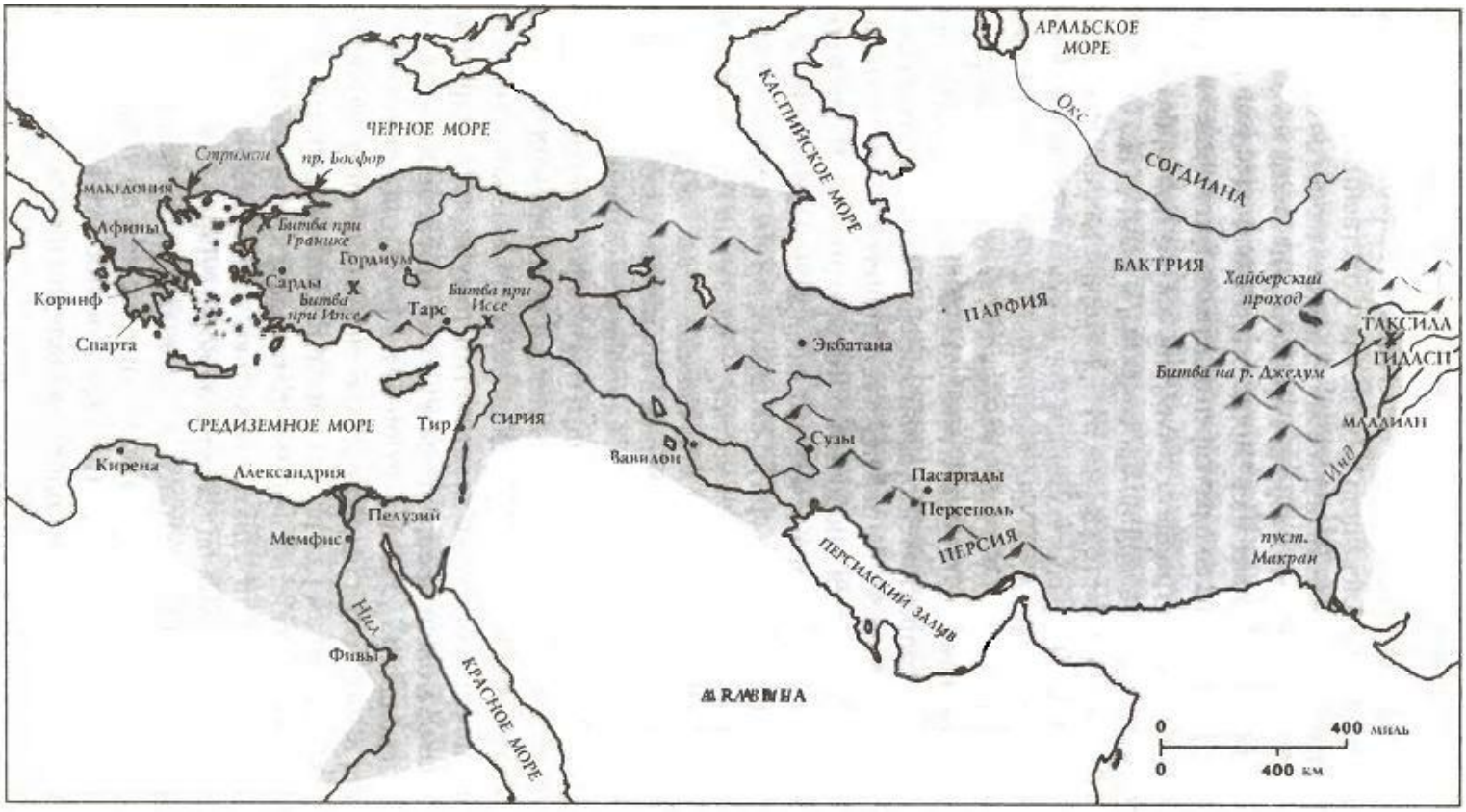
Тем временем Дарий отправился (с женами, детьми и большей частью двора) в Вавилон, желая сделать его центром операций против завоевателя. Тут он собрал поистине гигантскую армию: более четверти миллиона персов, мидян и воинов племен из различных частей своей империи, если верить Руфу. С этой армией, от которой дрожала земля, он вышел из Вавилона на открытую местность в сердце старых ассирийских владений, где персидские силы могли развернуться и сокрушить македонцев.

Но Александр заболел лихорадкой и задержался в Тарсе, дожидаясь, пока болезнь пройдет. Дарий, раздраженный долгим отсутствием врага, решил (игнорируя совет македонского дезертира, который появился в лагере персов) идти прямо в Малую Азию. В результате армии встретились на реке Исс в Сирии, где численное превосходство персов не давало им никаких преимуществ; все войско просто не могло поместиться на поле боя.[11]

И снова македонские силы прорвали боевые порядки персов.[233] Дарий, видя, что битва разворачивается не в его пользу, сверкнул пятками: «Он даже опустился до того, что оставил на месте свои царские регалии, дабы они не выдали его бегства», — говорит Руф.[12] Багой не до конца ошибался в мягкотелости Дария: царь был напуган настолько, что бросил свою жену, пожилую мать и всех своих детей. Когда Александр прискакал с победой в центр персидского лагеря, он обнаружил их всех в царской палатке, пленниками македонцев, ожидающими его прибытия. «Они все спрашивали, на каком фланге стоял Дарит, — сообщает Руф; они были убеждены, что Дарий погиб, раз он не явился защищать свою семью. Новость о его бегстве оказалась шоком.

Александр, который обычно был добр с пленными, если они не оказывали сопротивления (что всегда приводило его в дурное настроение), помиловал их. Когда Дарий оказался достаточно далеко, чтобы разбить безопасный лагерь, он послал Александру письмо, предлагая стать его союзником и прося также назначить выкуп за жену и детей.

В ответном письме Александр отказался заключать какие-либо договоры — разве что Дарий сдастся в плен и будет обращаться к нему как к «Владыке всей Азии». «В будущем, — заканчивалось его письмо, — пусть любое общение, которое вы пожелаете со мной установить, будет адресовано Царю всей Азии. Не пишите мне как равный»}[3]

Империя Александра

Это означало конец любых переговоров. Дарий остался восточнее Евфрата; Александр обеспечил родственникам Дария комфортабельную жизнь под охраной, а затем начал поход в Сирию. В 332 году он достиг города Тира, который отказался сдаться и продержался семь месяцев. Когда осада наконец закончилась, Александр был настолько разъярен задержкой, что позволил своим людям вырезать тридцать тысяч человек внутри города.

После этого он совершил бросок вниз, к Египту, где был объявлен фараоном вместо Дария III — который взял себе этот титул как само собой разумеющийся, когда занял персидский трон. А затем, в 331 году, Александр вернулся разобраться с Дарием. Дарий сделал еще одну попытку избежать войны; он снова предложил выкупить свою семью и опять пообещал Александру, что тот может без сопротивления занять всю землю западнее Евфрата, а также взять в жены персидскую принцессу — если только Александр согласится заключить договор о дружбе. Парменион, полководец Александра, счел это прекрасной возможностью, которая позволит всем вернуться домой. «Я бы принял предложение, если бы был на твоем месте», — сказал он Александру, на что Александр возразил: «Ия бы принял — если бы был тобой».[14]

И опять две армии встретились в сражении, на этот раз у Гав-гамел, в верхнем течении Тигра. Снова персы были разбиты, снова Дарий бежал. Люди Александра с триумфом вошли сначала в Сузы, а затем в Персеполь. Тут Александр обнаружил огромное количество военнопленных греков, некоторые из которых были захвачены еще несколько десятилетий тому назад в старых войнах; все они были превращены в рабов. Чтобы не дать им спастись, персидские хозяева отрубили им руки или ноги, не нужные для выполнения их работ. Александр снова впал в ярость и велел своим воинам разграбить город; им было позволено жечь, убивать, брать в рабство, но он запретил насиловать женщин.[15] У нас нет возможности узнать, насколько точно следовали этому приказу, но город был опустошен, а дворцы Дария сожжены.

Дарий сбежал в Экбатану. Александр последовал за ним с небольшим быстрым отрядом, но, прежде чем он успел захватить персидского царя, против Дария поднялись его собственные

люди. Командир персидской кавалерии и один из сатрапов

Дария ранили его и оставили умирать в обозе на горячем июльском солнце.[16]

Теперь Александр стал Великим Царем, и его люди надеялись, что их поход закончился. [17] Но Александр не мог оставить незавоеванных земель — а северо-восточные сатрапии, среди них Бактрия и Согдиана, не находились еще в его руках. Он продолжил кампанию дальше, вознамерившись пересечь высокую горную гряду, что отделяла Индийский субконтинент от земель Центральной Азии. В следующие три года боевых действий преданностьлюдей Александра, на которую он дотоле мог полностью положиться, постепенно начала таять. Первым за покушение на жизнь Александра был осужден сын Пармениона, который был замучен до смерти. Затем царь приказал казнить и его отца — жестокая, но обычная в Македонии практика.

Затем он сыграл свадьбу с принцессой Согдианы, прекрасной Роксаной. Это был необыкновенно поздний первый брак для человека его лет; как и его отец, он общался с обоими полами, однако тратил большую часть своей энергии в битвах, секс же для него был второстепенным удовольствием. Теперь его царицей становилась девушка из племени, которое македонцы воспринимали лишь как рабов или варваров. Наряду с этим росло и недовольство подданных Александра, возмущенных его растущим пристрастием к персидской одежде и персидским обычаям. В этом отношении по мере захвата все большей территории он все меньше и меньше оставался македонцем.

Это сопротивление выплеснулось на пьяном обеде в конце 328 года, когда тот же Клит, который спас Александру жизнь у Граника, обвинил его в присвоении себе побед, завоеванных кровью преданных македонцев. Александр вскочил, намереваясь схватиться за меч. Друзья Клита, которые были пьяны немного меньше, чем он, вытащили того из зала, но он настаивал на возвращении через другую дверь, чтобы проучить царя. Александр выхватил копье у телохранителя и пронзил соотечественника.[18]

Когда он протрезвел, то ужаснулся — но не оставил плана продолжения кампании дальше на восток, хотя его люди следовали за ним уже без того радостного обожания, которое испытывали раньше. Были ли они целиком на его стороне или нет, он все равно намеревался завоевать Индию.

На другом берегу реки Инд прямые потомки царя Аджаташатру из Магадхи (который так много лет тому назад покорил окружающие царства, чтобы сделать Магадху великой) тем временем потеряли свой трон. В 424 году до н. э. незаконный отпрыск царского рода по имени Махападма Нанда захватил корону Магадхи и отправился на войну.

Этот человек родился и жил, чтобы стать великим завоевателем. В возрасте 88 лет он все еще сражался, а когда наконец, умер после многих десятилетий трудов по возведению империи, территория Магадхи была расширена до самого Декана (северная часть сухого плоскогорья на юге полуострова). Он оставил царство своим сыновьям и внукам. Когда Александр через перевал Хайбер пришел в Индию, на троне Магадхи сидел один из потомков Махападма Нанды — Дхана Нанда.

Прежде, чем попытаться захватить это самое богатое и самое могущественное из индийских царств, Александр должен был преодолеть земли, которые лежали между ними. Но он никогда не продвинулся настолько далеко, чтобы встретиться с Дхана Нандой в сражении.

Первым индийским государством, которое отделяло его от северных царств Индии, оказалась Таксила, управляемая правителем по имени Таксил. Он принял Александра с подарками (и солдатами в виде отступного), как только тот пересек Инд — вероятно, использовав понтонный мост, хотя детали этой переправы нам неизвестны.[19] Таксил надеялся

заключить союз с Александром против соседнего царства Гидасп, которое лежало на реке Джелум и управлялось царем Пором, знаменитым своим ростом в семь футов.

Александр взял подарки и солдат и согласился помочь Так-силу в борьбе с его врагом. Объединенные силы индийцев и македонцев прошли до реки Джелум, на другом берегу которой обнаружили армию Пора (которая, согласно Арриану, включала «отряд слонов»)[20]. Александр с четырьмя личными телохранителями (Птолемей, Пердикка, Лисимах и Селевк) перевел армию через реку и атаковал семифутового Пора вместе с его слонами.

И македонцы, и их лошади были несколько обескуражены видом этих чудовищ, но бросились вперед и теснили войско Пора до тех пор, пока его слоны не начали топтать его же пехоту. Наконец, Пор вынужден был сдаться; Александр, под впечатлением от проявленного им мужества, подарил ему жизнь.

Но одержавшее победу войско Александра понесло ощутимые потери. Солдатам стало понятно, что Александр намеревается продолжить путь через реку Ганг (которая была еще шире, чем Инд), а на другом ее берегу тем временем собралась еще большая вражеская армия со слонами. И тогда армия Александра отказалась идти вперед.

На этот раз ни ярость Александра, ни его обаяние не смогли уговорить солдат. Наконец, свидетельствует Плутарх, он «закрылся в своем шатре и лежал там, погрузившись в мрачный гнев, отказавшись проявить благодарность за то, чего уже достиг без того, чтобы переходить Ганг».[2'] Он оставался в своей палатке, злясь, два дня. А затем, поняв, что проиграл это последнее сражение, на третий день вышел и согласился повернуть назад.[22]

Но, не пойдя обратно через Хайберский перевал, он повел солдат вдоль Инда на юг, к морю, а затем на запад. Эта семимесячная дорога обернулось несчастьем, смертью для тел и душ. На пути к берегу моря войску пришлось пробиваться сквозь враждебные прибрежные города; в одной из таких атак (на город Маллиан) Александру в грудь вонзилась стрела, и несколько часов казалось, что он умирает. Когда войско продолжило марш, царь едва сидел на лошади; эта рана никогда полностью не зажила.

Добравшись до берега, Александр повернул на запад через соленую пустыню: «сквозь необжитую страну, — говорит Плутарх, — чьи жители едва могли существовать, владея несколькими овцами, и сквозь земли несчастных, чья плоть была отвратительной, отталкивающей из-за постоянного питания одной морской рыбой».[23] Жара стояла непереносимая. Вся вода была соленой. Люди начали умирать от голода, жажды и болезней. От армии в 120 000 пехоты и 15 000 кавалерии домой добралось не более 30 000. То был ужасный конец блестящей кампании.

Оказавшись в Сузах, Александр, насколько смог, выбросил индийскую кампанию из головы и сосредоточился на своих обязанностях властителя, а не завоевателя. Он снова женился — на этот раз на дочери Дария III, принцессе Статире, которая была выше него не менее чем на полфута[234]. Он также организовал массу странных браков между македонской знатью и знатными персидскими дамами. Гефестиону, своему ближайшему другу, доверенному военачальнику и, вероятно, любовнику в юности, он оказал честь, отдав ему в жены вторую дочь Дария, младшую сестру Статиры — Дрипетиду.

Свадебные торжества были попыткой Александра справиться с нарастающей враждебностью между персами, которые считали македонцев неотесанными варварами, и македонцами, которые находили персов изнеженными бездельниками. Он также собрал несколько тысяч персидских юношей и поставил их под командование македонских офицеров, чтобы обучить их македонскому стилю боя. Оба эксперимента неожиданно привели к обратному результату. Большинство браков вскоре распалось, а македонские солдаты

ненавидели персидскую молодежь так горячо, что грозили вернуться в Македонию. «Они мечтали, чтобы Александр уволил их всех, — пишет Плутарх, — раз он теперь так хорошо обеспечен танцующими мальчиками, с которыми при желании может пойти и завоевать мир».[24]

Таким образом, мысль о том, что эллинская идентичность может каким-то образом сплотить всех подданных Александра вместе, почти истаяла — хотя и не насовсем. Тогда Александр обратился к персам («Хоть вы и иного племени, я делаю вас признанными членами своих войск, вы и мои сограждане, и мои солдаты»)> а другое воззвание обратил к своим македонским товарищам {«Всему свое место: для персов не зазорно копировать македонские обычаи, как для македонцев — перенимать персидские. Те, кто должны жить под властью одного царя, должны иметь одинаковые права».)[25]

Решив, что он наконец-то смог уговорить и македонцев, и персов сосуществовать рядом, Александр отправился из Суз в Экбатану, где намеревался устроить большой праздник в греческом стиле. Он надеялся, что это поможет сгладить противоречия в его царстве. Но в Экбатане в самый разгар праздника Гефестион вдруг заболел. Вероятно, это был тиф; товарищ Александра уже начал выздоравливать, когда, вопреки совету врача, съел огромный кусок курицы, запив его вином. Такая пища оказалась непосильной для его желудка, и часом позже он умер.

Александр никогда полностью не оправился от смерти Ге-фестиона. В глубокой печали он покинул Экбатану и отправился в Вавилон. Тут он тоже заболел. Плутарх говорит, что в восемнадцатый день месяца у него началась лихорадка, и ему становилось все хуже. Через десять дней Великий Царь скончался. Шел 323 год, то есть ему было 33 года.

Его тело пролежало в спальне непогребенным несколько дней, пока командиры спорили, кто будет управлять империей: Александр не назвал преемника, а так как недавно узнал, что Роксана беременна, то вообще не счел нужным делать это. «Во время разногласий межу командирами, которые длились несколько дней, — пишет Плутарх, — тело оставалось чистым и свежим, без признаков пятен и разложения, хотя оно лежало, брошенное, в душном помещении».[26] Некоторые приняли это за сверхъестественный знак. По всей видимости, на самом деле Александр находился в глубокой коме два или три дня, прежде чем умер. Эта задержка сохранила тело в целости до того момента, когда наконец-то был начал процесс бальзамирования.

Завоевания Александра, совершенные на его исключительной энергии, создали удивительную империю — без единой центральной администрации, без бюрократии, без организованной системы налогов, без общей системы коммуникаций, без национальной идентичности и без столичного города. Сам Александр, живший в постоянных странствиях, умер в полевом лагере. Империя была создана удивительно быстро — и столь же быстро она совершила то, что сделали и другие древние империи, удерживаемые вместе только личной энергией правителя, то есть распалась.

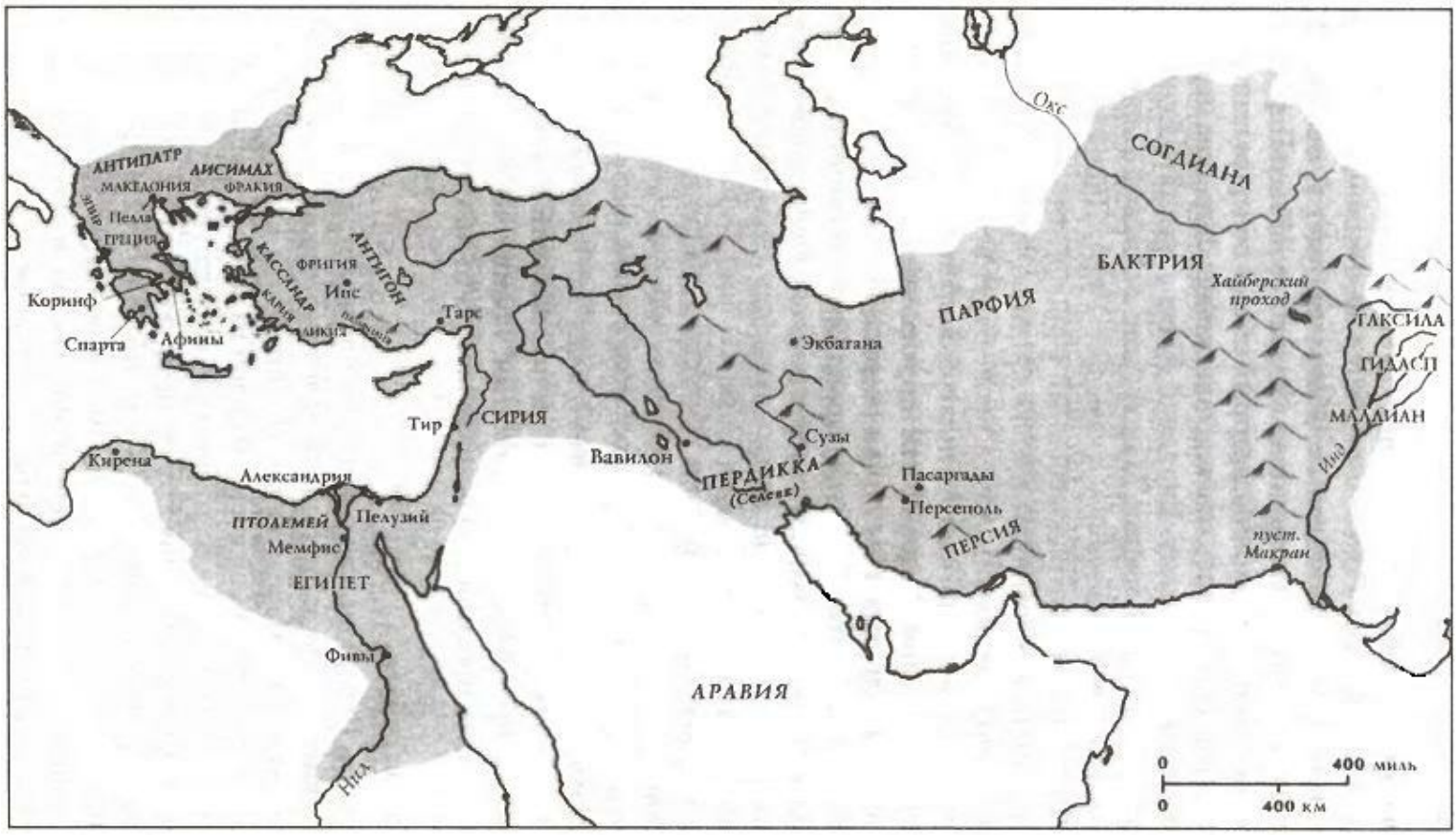
Распад начался с Роксаны. На пятом месяце беременности, в чужой стране, достаточно знакомая с персидскими обычаями, чтобы не чувствовать себя в безопасности, она услышала, что персидская жена Александра Статира, все еще находящаяся в Сузах, также ожидает ребенка. Она, вероятно, к тому же слышала замечание Птолемея, что ее ребенок, даже если это окажется мальчик, будет наполовину рабом, и ни один македонец не пожелает подчиняться ему. [27] С другой стороны, Статира была дочерью Великого Царя.

Роксана написала ей письмо почерком Александра и с печатью Александра, приглашая ее в Вавилон. Когда Статира прибыла с сестрой Дрипетидой, вдовой Гефестиона, Роксана подала

гостьям чашу отравленного вина. Обе были мертвы до наступления ночи.[28] Теперь единственным наследником Александра должен был остаться ребенок Роксаны.

Но еще не рожденный ребенок не мог править, даже через регента. Империя нуждалась в царе до того, как новость о смерти Александра распространится по всем столь трудно контролируемым землям. Македонская армия, которая собралась вокруг спальни Александра, ожидая, пока он умрет, не хотела видеть никого кроме кровного родственника, наследующего титул Александра. Было названо имя сводного брата Александра, слабоумного Филиппа, сына старой любовницы царя Филиппа, известного под именем Филипп Арридей. Этого юношу, которому теперь было двадцать с небольшим лет, было легко обмануть, легко уговорить, им было легко управлять. Он также находился в Вавилоне, куда Александр, который его обожал, привез его ради безопасности.

Когда армия начала кричать о нем, один из генералов Александра бросился в палатку Филиппа и вывел его к солдатам с короной на голове. Армия провозгласила его царем. «Яо судьба уже готовила гражданскую войну, — пишет Квинт Курций Руф. — Трон не должен быть разделен, и несколько человек уже добивались его».[29] Люди, желавшие получить кусок от завоеваний Александра, были теми, кто провели последние десять лет, сражаясь с ним бок о бок: Птолемей — македонец, который по слухам, был бастардом самого старика Филиппа; Антигон — один из доверенных полководцев Александра; Лисимах, один из его товарищей по Индийской кампании; и Пердикка, который служил командиром в кавалерии и затем, после смерти Гефестиона, стал заместителем командующего.

Раздел империи Александра

Понимая, что армия настроена против того, чтобы один из них стал главой империи Александра, эти люди пошли на компромисс. Слабоумный Филипп останется номинальным царем, и если ребенок Роксаны окажется мальчиком, Филипп и младенец будут соправителями. Обоим им будет нужен регент, и человеком, который возьмется за эту работу, станет Пердикка.

Он останется в Вавилоне, который станет центром империи. Остальные согласились занять

положение сатрапов, имитируя персидскую систему. Птолемей будет управлять Египтом, Антигон — большей частью Малой Азии («,Ликией, Парфией и большей частью Фригии— указывает Руф); Лисимах получит Фракию; Антипатр, доверенный офицер, который служил у Александра наместником в Македонии во время отсутствия царя, продолжит править там, а также будет вести наблюдение за Грецией; Кассандр, сын Антипатра, получит Карию (южное побережье Малой Азии). Пяти другим офицерам доверили контроль над другими частями империи.

Это деление территории Александра на сатрапии («Раздел Вавилона») было прямой тропой к войне. «Люди, которые недавно были соратниками царя, захватили самостоятельный контроль над огромными царствами, — пишет Руф, — якобы как администраторы империи, принадлежащей совсем другому, и любой повод к конфликту должен был сниматься, так как они относились к одному народу... Но трудно оставаться довольными тем результатом, к которому привел счастливый случай».[30]

Ни общность народа, ни общая преданность к Александру не могли предотвратить неизбежные драмы. «Войны диадо-хов» (то есть преемников) разразились почти немедленно.

Сцена первая

Власть Пердикки, как регента, возросла, когда благополучно родившийся ребенок Роксаны оказался мальчиком — младенцем Александром IV Македонским. Но потенциал Египта позволял ему стать самой мощной военной силой из всех «сатрапий»; Птолемей изначально имел всего две тысячи солдат, но когда распространился слух, что он предлагает щедрую оплату, к нему рекой потекли греческие наемники. Когда его силы стали достаточно велики, Птолемей открыл свои намерения, выкрав тело Александра, которое было отправлено в Македонию, и захоронив его в Египте, как будто Александр был его предком.

Пердикка понимал, что это шаг к контролю над всей империей. Он собрал свою армию и двинулся на юг, чтобы сразиться с Птолемеем. Экспедиция оказалась неудачной: войско Пердикки было разбито. После отхода командиры под предводительством молодого офицера Селевка (который также был с Александром в Египте) связали Пердикку и убили его.

Так один из преемников сошел со сцены. Птолемей приказал и Филиппа, и младенца Александра IV отправить из Вавилона назад в Македонию, где они были бы под защитой Антипатра. Он наградил Селевка, который помог избавиться от Пердикки, отдав ему Вавилон в управление — но как сатрапу, а не как регенту.

Сцена вторая

Спустя небольшое время, в 319 году, Антипатр Македонский умер. Он оставил Македонию не своему сыну Кассандру (который уже владел Карией), а другому македонцу. Поэтому и Птолемей, и Антигон согласились на союз с Кассандром, чтобы помочь ему захватить территорию отца.

Но свирепая старая Олимпия, мать Александра, все еще была жива и полна сил. Она заставила привезти своего внука Александра IV вместе с его матерью Роксаной в собственный дом в Пелле, царской столице Македонии. Затем она собрала своих сторонников и приказала им установить контроль за Македонией. Победа Кассандра означала бы установление нового царского дома, а Олимпия слишком хорошо знала, каково это — быть матерью царя и

наблюдать, как рушится его род.

Олимпия не смогла долго сопротивляться трем могущественным сатрапам, но прежде чем они захватили Македонию, она все-таки успела наложить свою руку на слабоумного Филиппа. Она всегда ненавидела его и не выносила мысли, что он будет соправителем ее внука. Олимпия зарезала Филиппа, прежде чем Кассандр с союзниками смогли прийти и спасти его. Когда Кассандр наконец занял Пеллу в 316 году, он арестовал Олимпию и приказал забить ее камнями за преступление. Он посадил Роксану и юного Александра (теперь уже девятилетнего) под домашний арест (теоретически для их собственной безопасности) в замке с названием Амфиполь, что стоял на реке Стримон.

Теперь карта империи перекроилась на пять царств: Кассандр в Македонии, Лисимах во Фракии, Антигон (по прозвищу Одноглазый, так как он потерял один глаз в битве) в Малой Азии, Селевк контролировал Вавилон и центр Персии, а Птолемей — Египет.[235]

Сцена третья

В Месопотамии, в замке Амфиполь, Роксана с самой смерти своего мужа в страхе ждала, когда придет ее черед. Примерно в 310 году чаша с вином, поданная к обеду, оказалась отравлена. Роксана и наследник умерли. Единственному сыну Александра было двенадцать лет — примерно столько же, сколько было его отцу, когда он приручил Буцефала.

Несомненно, убийцей был Кассандр, который действовал теперь как царь Македонии. Остальные четыре военачальника точно знали, что случилось. Но следующие полдесятилетия никто об этом не упоминал. Никто не объявлял себя царем; никто не отбросил титула «сатрап». Они все поддерживали видимость того, что, как они прекрасно знали, было ложью: молодой Александр все еще жив, находится в крепости на македонской реке, и все они правят от его имени. Никто из пяти не хотел первым присваивать себе титул царя. Кто бы ни сделал этого, он тут же обнаружил бы, что остальные четыре заключили против него союз.

Сцена четвертая

Баланс нарушил Антигон, но только после двух побед, одержанных его сыном Деметрием. Они ясно продемонстрировали, что он является самым могущественным из пяти. Первым состоялось вторжение в Афины в 307 году. Кассандр, как и Антипатр до него, был не только царем Македонии, но также и повелителем Греции. Деметрий вошел в Афины и выгнал из города людей Кассандра, а затем возглавил морское сражение против кораблей Птолемея. У Саламина флот Птолемея был разбит.

После этого Антигон — победив и Кассандра, и Птолемея — принял титул царя. Лисимах (все еще во Фракии) и Селевк (в Вавилоне) решили не сердить одноглазого монстра. Вместо того, чтобы заключать против него союз, они также объявили себя царями. То же сделали Птолемей и Кассандр. Смерть Александра IV, все еще не объявленная, теперь принималась за само собой разумеющееся.

Сцена пятая

Теперь все пять царей начали бороться друг с другом. Противостояние достигло своего

апогея в битве при Ипсе в 301 году до н. э. Птолемей, чья власть была сконцентрирована на юге, на этот раз остался в стороне. Но Кассандр, Лисимах и Антигон начали трехстороннюю битву, исход который оставался нерешенным до прибытия из Вавилона Селевка с несметным войском. Селевк бросил свои силы на сторону Лисимаха и Кассандра.

Антигон, уже восьмидесятилетний старик, сражался до последнего и был убит. Его войска оказались рассеяны, сын Деметрий бежал в Грецию и провозгласил себя царем там, оставив земли Малой Азии, которые когда-то были центром империи его отца. Лисимах взял себе западную часть Малой Азии, добавив ее к Фракии; Селевку досталась большая часть остального. Кассандр, который сделал грязную работу по избавлению от Александра IV, получил в результате очень мало — он почти не добавил к Македонии земель. Вновь осталось пять царей (Птолемей, Лисимах, Кассандр, Селевк и Деметрий), но границы их владений сильно изменились.

Сцена шестая

Сражаясь с другими преемниками, Селевк вел также переговоры с индийским царем по имени Чандрагупта.

Этот царь пришел к власти примерно между 325 и 321 годами до н. э. в своем крохотном царстве Маурья. Вскоре после воцарения он развязал войну с последним царем Нанда в Магадхе. Жестокость династии Нанда давно сделала этих царей непопулярными, и Чандрагупта получил серьезную поддержку. Захват им Магадхи превратил его маленькое царство в империю.

Подъем его мощи частично произошел благодаря хитроумию его ближайшего советника по имени Каутилья. Каутилье традиционно приписывают написание древнего политического трактата «Артхашастра» — многое в этом тексте, вероятно, было добавлено позднее, но принципы Каутильи в нем сохранились. У правителя, учил Каутилья, должны быть две задачи. Он должен усиливать внутренний порядок, заставляя подданных правильно соблюдать кастовую систему:

«Исполнение собственных обязанностей ведет человека к сварге [то есть к Небесам] и к вечному блаженству. Если это нарушается, мир придет к концу из-за неразберихи в кастах и в обязанностях. Следовательно, царь никогда не должен позволять людям отклоняться от их обязанностей; потому что кто бы ни поддерживал свой долг, но всегда придерживаясь обычаев ариев и следуя правилам каст и велениям религиозной жизни, он будет наверняка счастлив и здесь, и в потустороннем мире».[31]

Кроме того, царь был должен сохранять внешний порядок, подозревая каждого соседа в планировании завоевания и предпринимая нужные меры предосторожности.[32]

Планировали или нет завоевание соседи Чандрагупты, но сам он наверняка это делал. Желание распространить свои владения за Ганг свело его с Селевком, который заявил права на индийские территории Александра вместе с другими его приобретениями.

Чандрагупта предложил сделку: он предоставит Селевку боевых слонов, если Селевк отдаст ему индийские территории. Селевк, каким бы могущественным он ни был, понимал, что не будет в состоянии защитить и дальние восточные, и дальние западные границы своего царства. Он согласился, и в 299 году оба царя провозгласили мир.

Сцена седьмая

В том же самом году Деметрий занял Македонию. Кассандр Македонский год назад умер, и его сыновья соперничали за право наследования, пока один из них не обратился к Деметрию в Греции за помощью. Это оказалось ошибкой; Деметрий направился на север, выдворил обеих наследников Кассандра и присоединил Македонию к Греции. Вместо пяти царей стало четыре: Птолемей, Лисимах, Селевк и Деметрий на месте своего отца.

Для Деметрия победа оказалась временной. Появилось «лицо из прошлого» — Пирр, внук царя Эпира, чье царство Филипп поглотил несколько десятков лет назад. Пирр был сыном брата Олимпии и, таким образом, являлся кузеном самого Александра Великого. Как член царской семьи в ссылке, он имел несчастное детство (постоянно преследуемый, передаваемый от родича к родичу в попытке уберечь его от беды) и обладал жутковатой внешностью. Плутарх говорит, что в нем было «больше ужасного, чем величественности доброжелательной власти», так как «у него не было обычного набора верхних зубов, на их месте была одна сплошная кость с мелкими линиями на ней в виде намека на ряд зубов».[33] Говорили также, что Пирр является чуть ли не магом и может лечить селезенку, дотронувшись правой ногой до живота больного человека — магической силой был наделен его большой палец правой ноги.

Несмотря на свою ущербность, Пирр удачно женился на падчерице самого Птолемея. Он попросил тестя помочь ему получить назад его старое царство Эпир. Птолемей был более чем счастлив напасть на Деметрия, который теперь владел и Грецией, и Македонией. С египетскими силами за плечами Пирр отобрал Эпир. К 286 году он управлял уже и остальной Македонией, вытеснив из нее Деметрия.

Деметрий бежал в Малую Азию и там, переоценив свои силы, решил атаковать Селевка на востоке. Похоже, к этому времени он стал алкоголиком, страдавшим галлюцинациями и проявлявшим склонность к суициду. Селевк без труда разгромил его[236], взял в плен и посадил под домашний арест, где Деметрий вскоре умер от пьянства.[34]

Правление Пирра в Македонии продлилось два года, затем из Фракии пришел Лисимах и выбил его из этих земель (Лисимаху, говорит Плутарх, «больше просто нечего было делать»). Пирр ушел в Эпир, которым Лисимах — может быть, из уважения к кузену Александра, — позволил ему владеть.

Теперь из четырех царей осталось трое: Птолемей, Селевк и Лисимах. Сатрапии превратились в три царства: Птолемида, Се-левкия и, гораздо меньшая, объединенная область Фракия-Маке-дония.

Отзвуки Войн диадохов имели место и в Италии. Рим, проводя свои затяжные ежегодные кампании против соседей, атаковал город Тарент, греческую колонию на юге полуострова. Тарент послал извещение в Грецию, прося о помощи; на призыв откликнулся Пирр, который был заперт в своем Эпире без возможности расширить свою власть или завоевать хоть какую-нибудь славу.

Пирр отплыл в Тарент. Оказавшись там, он частично купил, частично одолжил для защиты города боевых слонов (вероятно, у Карфагена) и наемников (в основном самнитов). Когда римляне, никогда прежде не видевшие слонов, пошли в атаку, Пирр нанес им тяжелое поражение. Затем он двинулся вперед и оказался менее чем в сорока милях от самого города Рима.

В следующем 279 году Пирр попытался повторить свой успех в новом энергичном сражении, на этот раз при Аускулуме. Он опять разбил своего противника в схватке, но битва была крайне тяжела, и Пирр потерял столь же много людей, как и римляне[237]. Когда какой-то солдат поздравил его с победой, он ответил: «еще одна такая победа полностью уничтожит меня».

«Он потерял огромную часть сил, которые привел с собойу — говорит Плутарх, — почти всех своих личных друзей и основных командиров; других солдат набрать было больше неоткуда... С другой же стороны, как из постоянно бьющего фонтана, римский лагерь быстро пополнялся множеством свежих бойцов».[35]

К 275 году Пирр прекратил кампанию против Рима. Он покинул Тарент из личных соображений и вернулся в Грецию.*

Тремя годами позднее римляне смогли, наконец, завоевать и разграбить Тарент. В том же году Пирр — все еще ищущий славы — ввязался в опасную маленькую гражданскую войну в Спарте. Во время боя какая-то старуха бросила в него кусок черепицы был убит солдатами противника, а его труп сожгли. Остался только магический большой палец его ноги.

Сравнительная хронология к главе 70

Индия	Греция	Рим
	Пердикка II из Македонии	Законы Двенадцати таблиц
	Перикл из Афин	
	Начало Пелопоннесской войны (431 год до н. э.)	
Махападма Нанда из Махадхи		
	Марш Десяти тысяч (401)	\
	Коринфская война (395)	Рим сожжен галлами (390 год до н. э.)
	Филипп II из Македонии(359–336 годы до н. э.)	
Дхана Нанда из Магадхи		Первая Самнитская война (343 год до н. э.)
	Битва при Херонее (338 год до н. э.)	Латинская война (340 год до н. э.)
	Александр III из Македонии (336 год до нэ.)	

Чандрагупта из Маурьи Вторая Самнитская война (326 год до н. э.) Филипп Арридей/Александр IV Войны диадохов Битва при Ипсе (301 год до н. э.) Третья Самнитская война (298 год до н. э.) Птолемей (Египет) Селевк(империя Селевкидов) Лисимах(Фракия и Македония) Битва при Аускулуме (279 год до н. э.)

Глава семьдесят первая
Религия государства Маурьев

В Индии, между 297 и 231 гг. до н. э. царь больше обращает внимания на дхамма, чем на завоевания, и его царство распадается

В 297 году Чандрагупта Маурья отрекается от трона в пользу своего сына, маурийского принца Биндусары. Чандрагупта стал последователем джайнизма; по традиции, он присоединился затем к группе монахов и замучил себя голодом до смерти при экстремальной демонстрации апариграха — отрешения от всего материального.

Похоже, Биндусара стал строить религиозную империю. Единственные записи, которые у нас есть о его завоеваниях, пришли из буддистских текстов, написанных несколькими сотнями лет позднее. Но один из этих текстов говорит, что Биндусара завоевал «земли между двумя морями» — это предполагает, что империя Маурьев могла продвинуться вниз, на юг, в Декан, вплоть до Карнатаки. [238] Кроме этого, о двадцати пяти годах правления Биндусары мало что известно — только лишь то, что греки называли его Амитрокатес, то есть «убийца врагов», имя, применяемое к успешным завоевателям.[1]

Империя Маурьев собиралась на севере. На юге лежали другие царства: Калинга на юго-востоке, Андхра в центре юга полуострова, Чера на западе и немного южнее. На самой верхушке субконтинента располагалось царство Пандья.[2]

Нам ничего не известно об их истории примерно до 500 года до н. э.. Но мы все-таки знаем, что в то время как язык Калинги связывал его людей в более северных царствах (Шрутайе, царю Калинги, в Махабхарате приписывается борьба на стороне Кауравов), более южные царства говорили на языке с другими корнями. [239] Никто не знает, откуда пришли эти южные народы — хотя их предки, вероятно, отличались от предков северных индийцев. Возможно, они были потомками отважных моряков, которые пересекли Аравийское море, прибыв из Африки тысячелетия тому назад.

Царство Калинга сопротивлялось распространению правления Маурьев на юг. Когда Биндусара умер (примерно в 372 году до н. э.), Калинга все еще не была завоеванной. Задача покорить ее осталась сыну Биндусары Ашоке.

Царь Ашока знаком нам в основном по описаниям, которые он приказал вырезать по всей империи, прежде всего на скалах («Скала указов») и позднее на колоннах из песчаника («Колонна указов»). Эти указы дают представление о ранних годах Ашоки. Когда он был еще очень молодым человеком, отец отослал его в Таксилу, теперь ставшую частью империи Маурьев, чтобы подавить мятеж. После этого его послали в другую часть империи, называемую Уджаин, чтобы править там одним из пяти «джанапада» или районов, на которые была разделена империя Маурьев.[3]

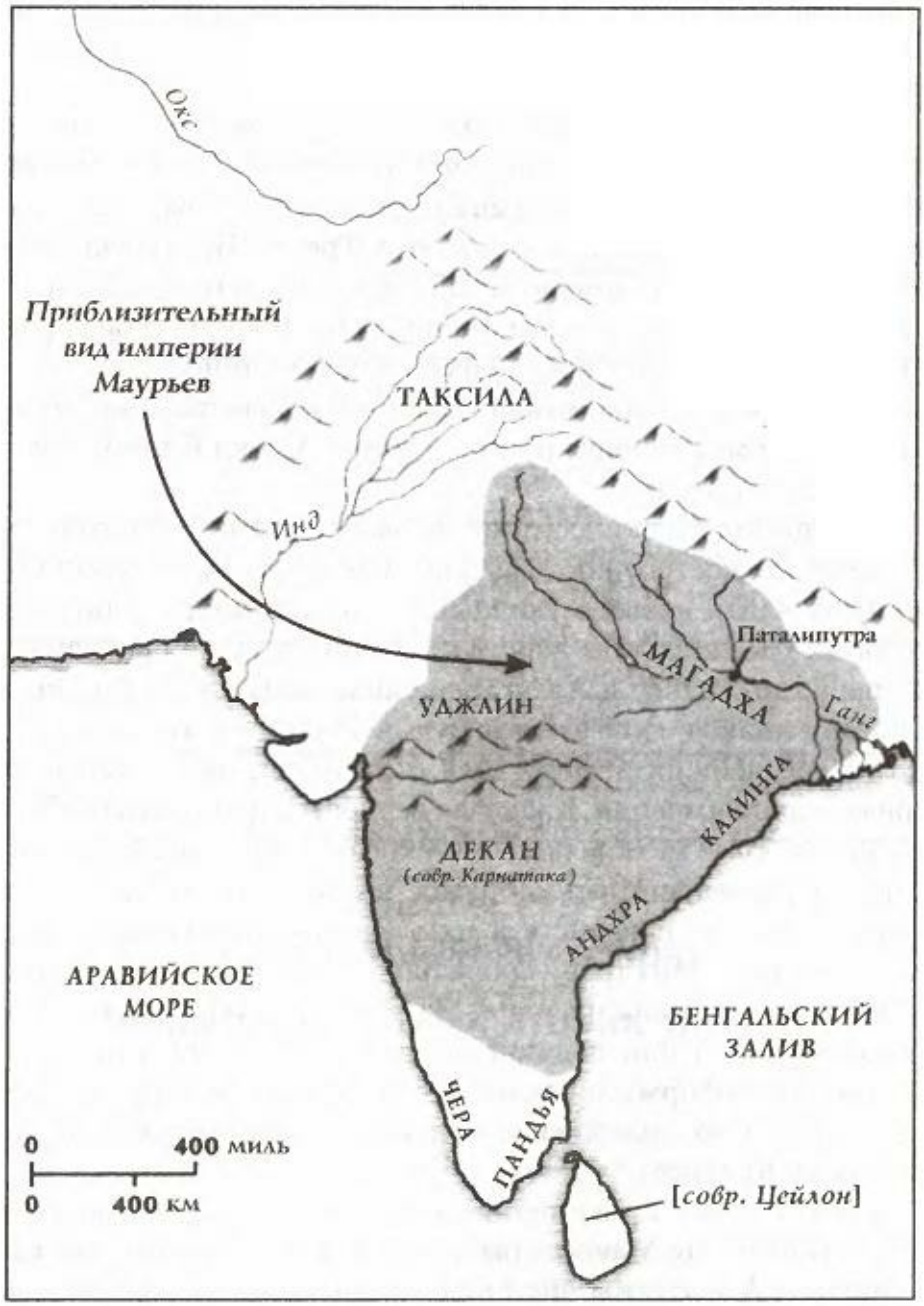
Там он влюбился в красавицу по имени Дэви, дочь купца. Он не женился на ней, хотя позже был отцом двоих ее детей; ее сын стал буддийским миссионером, который предложил Дэви тоже стать буддисткой. [4] Но если она и объясняла Ашоке принципы буддизма, они не задержались в его сознании. Ранние годы его правления не показывают стремления к миру.

Когда Биндусара умер, Ашоке пришлось бороться с братьями за трон. После четырех лет борьбы он разделался со своими соперниками. У нас нет доказательств, что он убил их — но лишь один из братьев позднее упоминается снова.[5]

Ашока правил в одиночку еще восемь лет, поддерживая завоевательные традиции своего отца. Затем в 260 году он повел армию на юг, начав кампанию против сопротивляющейся Калинги.[6]«Указ Ашоки» — надпись, которая сообщает итоги битвы — рисует мрачную картину его жестокости к людям Калинги: «Сто пятьдесят тысяч были переселены, — говорит надпись, — сто тысяч убиты, и во много раз больше умерло»? Похоже, эта жуткая жестокость терзала сознание Ашоки и сильно на него повлияла. «Позднее, — продолжает текст надписи, — я почувствовал угрызения совести. Кровопролитие, смерть и высылка людей — необычайно

печальные явления... и ложатся тяжестью на сердце»?

С этого момента стиль его правления меняется и становится странно аполитичным. Похоже, Ашока отныне проводит свое время не в административной работе, а в занятиях дхаммой (эта концепция чрезвычайно трудна для определения и включает понятия Пути, Справедливости, Долга и Добродетели). «Я очень честно практиковал и изучал дхамму», — говорит «Надпись Калинги», а немного позднее, в упомянутом выше «Указе», значится: «Даже сыновья внуков, которых я могу иметь, не должны думать о новых завоеваниях... радость дхаммы должна быть их полной радостью, потому что это ценность и этого мира, и следующего»?

Индия Маурьев

Это был посмертный наказ всему царскому роду, не виданный нигде на Западе. Там наследники должны были следовать завоевательной политике своего отца и делать все возможное, чтобы превзойти его в войне; здесь же они, напротив, должны были воздерживаться от войны и выбрать взамен небесные радости.

«Пока будут оставаться Солнце и Луна, — говорят последние слова «Указа Ашоки», — [до тех пор] люди могут следовать дхамме».[10]

Самыми крупными достижениями Ашоки после завоевания Калинги были преобразования в религиозной и политической сферах. Он организовал созыв буддийского собора, чтобы переутвердить принципы дхаммы; этот Третий Буддийский собор, проведенный примерно в 245 году до н. э. в городе Патали-путра, породил одну из книг Паликанона. В конце собора сын Ашоки Махендра был послан на большой индийский остров у южного берега (современный Цейлон) в качестве миссионера.[11] Другие миссионеры при поддержке Ашоки были направлены даже в Грецию.

Но занятие Ашоки дхаммой не было полным отключением от забот по построению империи. Он совершил искреннюю попытку найти новый, отличный от силы, принцип единства, который удерживал бы царство.[12] Это была та же проблема, с которой столкнулся и Александр, лишь слегка в другом виде. Систему кланов, существовавшую в Индии долго, как пережиток древнейших кочевых дней, было не так легко разрушить при создании империи. Клановая верность стремилась разбить страну на более мелкие политические объединения, каждое из которых договаривалось о дружбе с близкими соседями или культивировало ненависть к ним. Завоевания Маурьев временно объединили страну кровопролитием — но теперь Ашока отошел от принципа насилия. На место старой системы клановой верности или подчинения силе Ашока попытался поставить иную форму лояльности — через общую веру, которая сделала бы всех индийцев его «детьми» (как представила это надпись в Калинге).[12]

Но этот план также провалился. После смерти Ашоки в 231 году империя Маурьев распалась почти так же быстро, как и империя Александра. Действие указов приостановилось, никакие другие законы не заменили их, и на следующие десятилетия на Индостан опустилась тень. Под покровом этой тьмы сыновья и внуки Ашоки потеряли власть над царством, и это снова отразилось в борьбе за мелкие территории.

Сравнительная хронология к главе 71

Греция	Индия
	Дхана Нанда из Магадхи
Битва при Херонее (338 год до н. э.)	
Александр III Македонский (336 год до н. э.)	
Филипп Арридей/ Александр IV	Чандрагупта из Маурьев
Войны Диадохов	
Битва при Ипсе (301 год до н. э.)	
Птолемей (Египет), Селевк (Империя Селевкидов), Лисимах (Фракия-Маке-дония)	Биндусара из Маурьев (297 год до н. э.)
	Ашока из Маурьев (272 год до н. э.)
	Третий Буддийский Собор (245 год до н. э.)

Глава семьдесят вторая
Первый император, вторая династия

Между 286 и 202 годами до н. э. царство Цинь уничтожает Чжоу у а его правители становятся первыми правителями объединенного Китая и в свою очередь терпят крах

А в Китае, где все князья стали царями по общепризнанному декрету (не так, как сатрапы старой империи Александра), продолжалось эпоха Воюющих Царств. После быстрого подъема государства Цинь и казни Шан Яна новым царем циньская армия продолжала сражаться. То же делали и все остальные. Ци нанесло серьезный царству урон Вэй, после чего то ослабело;

Чу, которое наконец-то поглотило Чу и Юэ, заняло место Вэй в качестве одного из Большой Тройки.[1] Теперь Цинь, Ци и Чу казались готовыми поделить между собой остальной Китай.

Несколько лет ни одно государство не видело ясного пути на самый верх. Но армия Цинь, созданная Шан Яном, была самой сильной из трех. В 260 году Цинь захватило новое царство Чжао (одно из трех государств, образовавшееся при распаде Инь), чем проявило нежелательные признаки зарождения имперских амбиций. На широких равнинах Китая могли размещаться большие массы войск, чего никогда не могло произойти на горных перевалах Греции или Италийского полуострова. Десятки тысяч человек погибли в битве между двумя государствами. Когда армия Чжао сдалась, пленных убивали в громадных количествах.[2]

Четырьмя годами позднее Цинь вторглось на территорию Чжоу и положило конец вековому правлению священного царя. «Цинь истребило Чжоу, — прямо говорит Сыма Цянь, — и жертвоприношения Чжоу прекратились»? Это была плата за общее упущение, за бессмысленность существования Чжоу, которое никто уже не замечал. Подобно Александру IV, царь Чжоу многие годы оставался просто именем.

При вторжении случилась катастрофа. Девять Треножников были захвачены победителями, взяты с их священного места и с триумфом отправлены по реке в столицу Цинь — но один из треножников свалился в воду, и все попытки достать его окончились неудачей. Осталось лишь восемь треножников. Символ царской святости, дававший власть, был искажен и навсегда стал неполным.[4]

В 247 году на трон Цинь взошел новый царь: это был молодой Чжэн. Его отец, Чжуан-сянь, умер преждевременно, после двух лет правления, когда Чжэну было только тринадцать лет. Страной за него правили командующие, канцлер, советники и различные военачальники.

Однако он оказался более удачливым в опекунах, чем другие молодые цари. Эти официальные лица серьезно относились к своей задаче; в интересах Чжэна они отразили все нападения соседей Цинь до того, как тот повзрослел. В двадцать два года Чжэн вступил в полновластное управление Цинь.[5] Он планировал завоевание не только соседей, но и всего Китая. К

232 году он собрал армию большую, чем возникала когда-либо раньше; к 231 году он впервые приказал, как пишет Сыма Цянь, «записывать возраст мальчиков» — что наверняка указывает на всеобщий набор в армию. И с 230 года другие государства Китая начинают рушиться одно за другим. Хань сдалось в 230 году. Чжао — двумя годами позднее. Наследник престола царства Янь, обеспокоенный увеличением мощи Цинь, засылает ко двору Чжэна убийцу, переодетого послом, надеясь избавиться от западной опасности до того, как она достигнет его границ. Чжэн разоблачает реальную цель ложного посла и приказывает разорвать его на части. На следующий год он вошел в Янь, пленил его наследника и отрубил ему голову.

Эта жестокость характеризовала все правление Чжэна. Она привела его на такой пик власти, на какой не взбирался еще никакой другой царь Китая. Царства продолжали падать перед ним: Вэй в 225 году, Чу в 223, Ци в 221, хоть и неохотно. К концу 221 года, через четверть

века после смерти отца, Чжэн стал владыкой огромной страны. «Через двадцать шесть лет Чжэн, царь Цинь, был возведен на престол, — пишет Сыма Цянь, — он впервые объединил весь мир».[6]

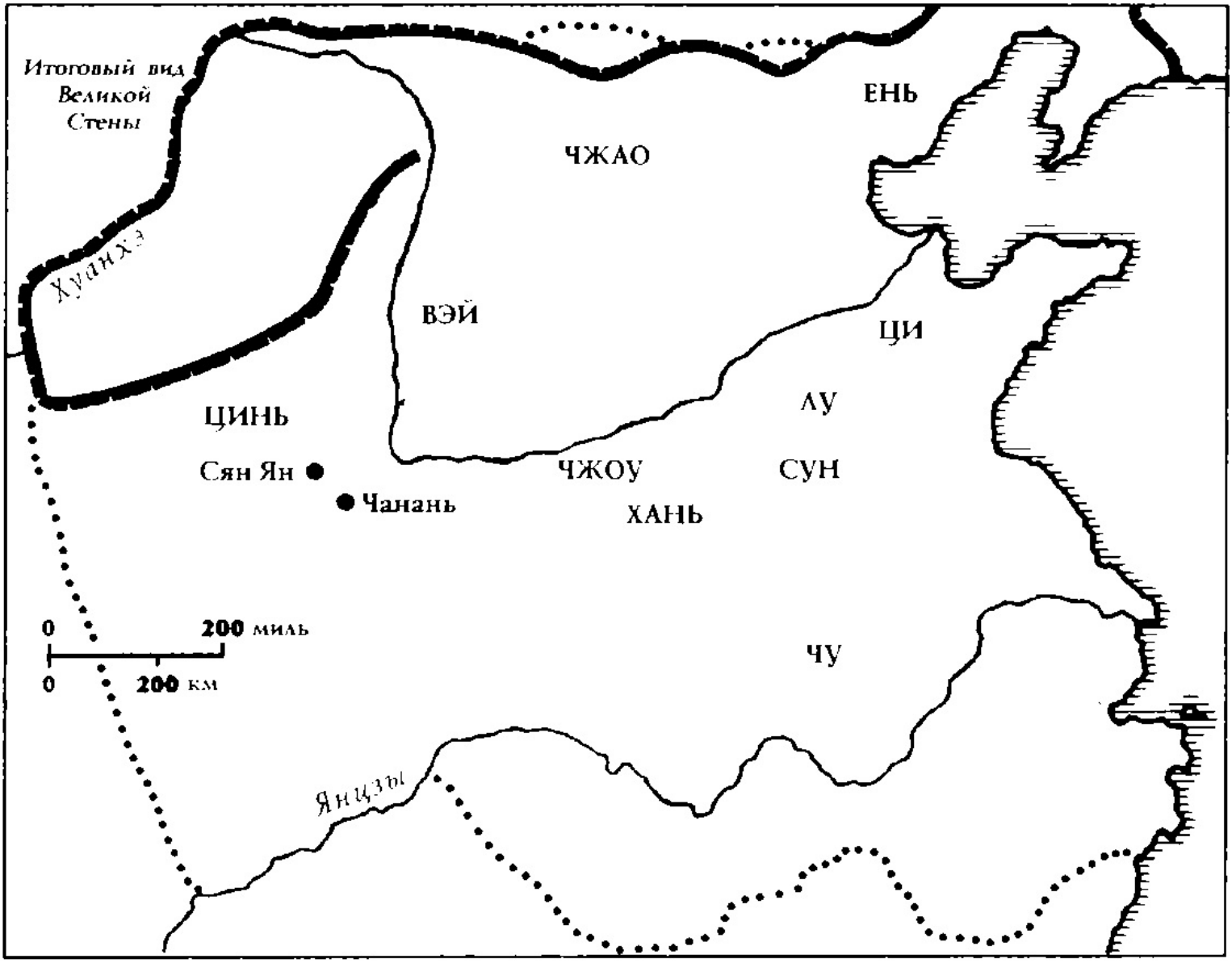
Чжэн был теперь больше, чем царь; он был императором. Он сменил свое имя на Ши Хуан-ди, «Первый Император». С этого времени мы можем действительно говорить о собственно Китае — стране, которая носит это название со времен того первого объединения государством Цинь.

Новая страна никогда прежде не была одним государством; это означает, что Ши Хуан-ди должен был создать единое правительство не на случайной основе (что было бы относительно легко), а из массы существующих обычаев и совершенно разных бюрократических систем.

Переделка старого и обваливающегося дома — ночной кошмар по сравнению с простой закладкой нового фундамента на пустом месте. Это задача, которая требует непреклонной дееспособности — как раз такой, какой обладал Ши Хуан-ди. Он разрушил старые роды, наследующие семейные богатства и клановую верность, поделив свою империю на легко управляемые области: тридцать шесть щюней («jun» — район командования[240]), а каждый цзюнь делился на сяни (это в общих чертах напоминает американскую систему штатов, разделенных на округа). Каждым цзюнем управляла пара, состоявшая из военачальника и гражданского администратора, а правительственный инспектор следил за управляющими.[7] Никакие родственники официальных лиц не могли занимать доходное место: Первый император не дал государственной службы даже своим сыновьям, следуя очень старой идее, что наследственное царствование вредит здоровью страны. Кроме того, он приказал прежней знати каждого государства переехать к нему в столицу и поселиться в новых домах. Тут они жили очень комфортно — и очень близко к надзирающему оку.[8]

Затем последовали другие реформы. Император построил дороги до самых окраин Китая, прорыл транспортные и ирригационные каналы, основал новый календарь, чтобы каждый в его владениях придерживался официальной единой системы ле-точисления. «Поднимая сельское хозяйство и подавляя несущественные отрасли, — гласит хвалебная надпись, сделанная через два года после его воцарения, — он обогатил [народ]... Что касается инструментов, то замеры были унифицированы, в письме знаки были стандартизированы. Всюду, где всходили солнце и луна, повсюду, куда достигала лодка или повозка, все люди проживали отпущенное им время, и каждый был удовлетворен».[9]

Эти реформы оказались более чем эффективными. Они представлялись почти что мессианскими, как путь к новой счастливой жизни для подданных Ши Хуан-ди.

Циньский Китай

Как и Шан Ян, Первый император терпеть не мог заповеди Конфуция и неопределенности любого рода. Четкие и эффективные правила сверху донизу, а не метафизические размышления, были ключом к богатству страны. Поэтому он пошел на шаг дальше, чем сжигание книг Шан Яном. Его премьер-министр объявил его новое постановление:

«Теперь Император, объединивший и удерживающий мир, распознал белое и черное и стал единственным авторитетом. Но [некоторые подданные]стремятся приобрести собственные знания и объединяются, чтобы критиковать законы и обучение... При дворе они критикуют в своих сердцах, а снаружи обсуждают законы на улицах. Дискредитировать правителя означает... показать свое превосходство... Если подобное не запретить, власть правителя сверху уменьшится, и снизу возникнут раздоры. Запрет этого необходим. Я предписываю сжечь все летописи в конторах писцов, которые не идут от правителя Цинь... Каждый, кто рискнет обсуждать песни и документы, будет наказан на рыночной площади».[10]

Единственными книгами, освобожденными от декрета об уничтожении, были книги по гаданию и справочники по сельскому хозяйству.

Это решение было крайне отрицательно воспринято более поздними поколениями («Первый Император избавился от документов, чтобы сделать людей глупыми», — резко замечает Сыма Цянь),[11] однако оно было исполнено глубокого здравого смысла для человека, который создавал новую страну из целого набора старых. Государства были полны старых

записей о том, как велись дела раньше: Ши Хуан-ди намеревался создать новый Китай, который «не [мог] бы стать отражением настоягцего через прошлое». Александр сражался, греки устраивали празднества, Ашока пытался создать общую религию; Ши Хуан-ди сделал все от него зависящее, чтобы стянуть свою империю в одно, стерев доказательства, что когда-то страна была фатально разделена. «В свои двадцать восемь лет, — говорит одна из его собственных надписей, — великий Император закладывает начало»}[2]

Вероятно, это настойчивое стремление дать новые начала породило традиционное представление о том, что это Ши Хуан-ди построил Великую Китайскую стену. В действительности, она не была совершенно новым барьером; государства Китая строили стены от варваров (и друг от друга) уже несколько поколений. Новация Ши Хуан-ди заключалась в решении, что все стены должны быть увязаны вместе, — проект, который он поручил одному из своих чиновников, генералу Мэн Тяню.

Стены строили разные западные цари, в разные времена, против ожидаемых набегов с наиболее опасной для них стороны. Но никто никогда не попытался отгородить стеной целую империю.[13] Великая Стена Ши Хуан-ди, возведенная из земли и камня, была воплощением его представления о Китае: единая цивилизация, удерживаемая вместе связями сильнее строительного раствора. Все, что внутри стены, принадлежит Китаю, а все, что по другую сторону, — просто кочующие варвары без корней.

Но воплощение идеи стоило двадцати тысяч жизней китайцев. Соединяющие укрепления стены строились из всего, что подходило и было под рукой (камень в горах, утрамбованная земля на равнинах, песок и галька в пустыне); строителями были военнопленные, солдаты и крестьяне — все были мобилизованы и отправлены на трудовой фронт в пользу государства.[14]

*** * ***

Ши Хуан-ди оставил свою след на земле Китая еще при жизни; он планировал сделать похожую отметину и после смерти. Он построил себе последний дом — такой, какого нигде не видели, кроме Египта. Сыма Цянь дает нам описание гробницы, которую, согласно его рассказу, Ши Хуан-ди, готовясь к своей посмертной судьбе, начал возводить сразу же, как только получил императорскую власть:

«После того, как он объединил мир, более семисот каторжников... были посланы туда. Они копали три весны, заливали жидкой бронзой и закрепляли саркофаг... Он приказал ремесленникам сделать арбалеты со спусковыми механизмами. Каждый проходящий перед ними был бы немедленно застрелен. Они использовали ртуть для создания рек... и огромных озер, где она механически циркулировала. На потолке находились астрономические тела, а на земле были отражены географические карты. Свечи были сделаны из жира дюгоня, который, как считалось, долго не прогорает».[15]

Но самым удивительным было то, что император заполнил свою могилу глиняными солдатами и лошадьми, изготовленными в полный рост, поместив туда почти семь тысяч таких фигур. Они были вооружены настоящим бронзоцым оружием и скопированы с живых людей — в огромной глиняной армии нет ни одного похожего лица.[16]

Как и первые фараоны Египта, Первый Император был вынужден держать в одном кулаке разбросанную и разделенную страну; как и им, ему приходилось принуждать к послушанию различные царства. Но III тысячелетие до н. э. давно прошло. Он не мог применить свою силу, чтобы принудить сотни придворных последовать за ним в его могилу, и ее заполнили глиняные

солдаты — ошеломляющая замена.

Ши Хуан-ди ушел в эту гробницу в 210 году до н. э., после того, как тридцать семь лет был владыкой Цинь и одиннадцать — императором Китая. Он был тщательно захоронен в своей роскошной могиле; гробницу засыпали землей, над ней высадили деревья, чтобы ее расположение было навсегда скрыто, архитекторы же, создавшие ее, были преданы смерти, чтобы ее место никогда не было обнаружено.

Династия Ши недолго существовала после его смерти. Наследником Первого императора стал его 21-летний сын Ху-хай, Второй император. Корона, однако, плохо сидела на нем; империя его отца слишком недавно была раздробленной, чтобы за короткое время стать полностью подчиненной центральной власти. «Вассалы не подчиняются мне, — жаловался он своему канцлеру, — чиновники все еще могущественны, а вся знать наверняка будет бороться со мной»}[1]

Канцлер предложил, чтобы Второй Император продемонстрировал свою власть силой, казнив всех командиров цзюней и всю бывшую знать, которая каким-либо способом сопротивляется его авторитету. Ху-хай принял это предложение с удовольствием, начав ликвидировать всех, кого он подозревал в нелояльности. Чистка, сопровождаемая массовыми убийствами (включая даже женщин, десять из которых были четвертованы прилюдно), потрясла страну. Второй император, почувствовав еще большую опасность, чем прежде, привел армию из пяти тысяч первоклассных солдат и расположил ее вокруг столицы.

Всего семью месяцами позднее армия, располагавшаяся на бывшей территории Чу, восстала. Мятеж распространялся от округа к округу, поддерживаемый всеми, кто «пострадал от чиновников Цинь» — их было «слишком много, чтобы сосчитать». Армия Второго императора не смогла подавить вспыхнувший мятеж. Одна за другой знатные семьи выходили из администрации Цинь, чтобы потребовать обратно свое право на управление: первым объявил себя царем вельможа из Чжао, затем — из Вэй, а потом третий объявил себя царем Ци. Старые государства вновь начали возникать на гладкой поверхности Цинь.

Гражданская война началась и бушевала в течение следующих трех лет. Второй император становился все более и более необузданным в своем гневе, и даже канцлер прекратил появляться в его дворце из страха, что царь в порыве гнева убьет и его. Чтобы этого избежать, канцлер заявил о своей болезни и уехал в собственный дом, откуда и организовал мятеж при дворе, возглавленный его зятем; намечалось, что мятежники уберут Ху-хая и заменят его другим принцем крови, племянником Второго императора.

Последовавшие события предполагают, что канцлер рассчитывал на страх зятя, который подтолкнул бы того к мятежу. Чтобы заставить зятя Янь Ло совершить нападение на тронный зал, канцлеру пришлось выкрасть мать Янь Ло и держать ее заложницей. Тем временем сам он оставался в стороне, сохраняя видимость лояльности.

Янь Ло, пойманный в сеть, атаковал дворец во главе группы солдат и прорвался в тронный зал, где привлек внимание Второго императора, выпустив стрелу в занавес прямо над его головой. Император, брошенный дворцовыми телохранителями, потребовал к себе канцлера; Янь Ло, должным образом проинструктированный своим кукловодом, отказался. Тогда Второй император стал торговаться. Он пообещал отречься, если его оставят командиром цзюня; затем он предложил стать простым военачальником, а после выразил желание быть простолюдином в обмен на жизнь. Янь Ло отказался, а затем, прервав молчание, заявил императору, что канцлер уже утвердил его смертный приговор. Солдаты двинулись к императору, чтобы исполнить этот приговор — но Ху-хай покончил с собой до того, как попал в руки мятежников.[18]

Тут на сцене снова появился канцлер совершил акт передачи трона племяннику Второго императора по имени Цзу Йин. Но новый император не доверял тому, кто сделал его царем. Как

только его короновали, он пригласил канцлера в тронный зал и убил его собственными руками.[241]

Цзу Йин, Третий император, продержался у власти всего сорок шесть дней, прежде чем Сян Юй, полководец из царства Чу, не прибыл ко дворцу во главе коалиционных сил, чтобы положить конец претензиям Цинь. Войска взяли дворец; Сян Юй убил Цзу Йина, вырезал всех придворных, сжег дворец и забрал царские сокровища для союзников. Три военных вождя предъявили права на территорию Цинь, разделив ее на три новых царства и объявив себя царями. «Государство Цинь, — подытоживает Сыма Цянь, — было полностью истреблено».

В течение пяти лет Китай оставался в прежнем состоянии, разделенным на много воюющих царств. Затем появился новый лидер и пробил свой путь к вершине власти. Его звали Лю Бао, и он по-своему извлек пользу из реформ Цинь: он происходил из крестьянской семьи и стал младшим офицером (полицейским в охране заключенных), а при старом порядке даже это место было бы для него недоступно.[19]

Он присоединился к армии Сян Юя в начале мятежа. После полного уничтожения двора Цинь Сян Юй захватил территорию старого Чу и остался там править. Он наградил Лю Бана за его службу другой, более удаленной территорией в Хань. Сян Юй убил человека с гораздо большими правами на титул князя Чу, поэтому был заинтересован в возвышении тех, кто не имел отношения к старой аристократии.

Это дало Лю Бао шанс. Он выступил против Сян Юя с собственной армией, заявив о своей обязанности наказать убийцу царя.[20] Первая атака на Сяо Юя не увенчалась успехом, но Лю Бао смог установить свое правление в городе под названием Сянь Ян на реке Хуанхэ. Отсюда он вел бесконечные сражения против других претендентов на царствование, награждая своих командиров захваченными землями.

К 202 году он смог с боями взять контроль почти над всеми старыми царствами Китая; и Сян Юй, который оставался его самым крупным (и теперь единственным) врагом, понял, что сражаться уже бесполезно. Он становился все более непопулярным из-за своей жестокости — то, что он вырезал весь двор Цинь, не было забыто, он заслужил репутацию негодяя, оставляющего позади себя лишь разрушение и смерть, куда бы он ни шел. Загнанный в угол в финальной битве, когда его армия была разбита, Сян Юй избежал плена и поражения, покончив с собой.

Лю Бао взял себе титул императора, принял царское имя Гао Цзу и объявил об основании династии под названием Хань — по имени первоначальной территории, выделенной ему Сян Юем.

Свою столицу он устроил в Чанань.[242] Династия Хань станет первой долгой династией объединенного Китая; она продержится четыреста лет на том фундаменте, который был заложено государством Цинь во время своего краткого, но эффектного возвышения.

Сравнительная хронология к главе 72

Индия	Китай
Дхана Нанда из Магадхи	Гуй-вен из Цинь
Чандрагупта из Маурьев	
Биндусара из Маурьев (297 год до н. э.)	
Лшока из Маурьев (272 год до н. э.)	

Третий Буддистский Совет (245 год до н. э.)

Падение Чжоу (256 год до н. э.)
Чжуан-сянь из Цинь
Чжэн из Цинь
Династия Цинь (221 год до н. э.)
Чжэн становится Ши Хуан-ди
Второй император (209 год до н. э.)
Династия Хань (202 год до н. э.)
Гао Цзу

Глава семьдесят третья
Войны сыновей

Между 285 и 202 гг. до н. э. преемники Александра передают свои царства, а Ганнибал переводит слонов через Альпы

Старый Птолемей, в свое время полководец Александра, а теперь царь Египта, в восемьдесят два года решил наконец уйти на отдых. В 285 году он сложил полномочия и передал трон своему младшему сыну, Птолемею И.[243] Он провел свои последние годы, мирно занимаясь написанием истории кампаний Александра, которая выставляла самого Птолемея в наилучшем свете.[244]

Последствия были значительными. Его старший сын, Птолемей Керавн, возмущенный, сразу же покинул египетский двор. В тот же год, позднее, он показался во Фракии, посетив там родную сестру Арсиною, которая была замужем за Лисимахом.[1]

Этот особый брак был своего рода страховкой Лисимаха. Он хотел закрепиться во Фракии, Македонии и на своих территориях в Малой Азии, несмотря на все растущую активность Селевка у него на востоке. Заключение этого брачного альянса с Птолемеем на юге было хорошим способом подстраховаться: Селевк дважды подумает, нападать ли на него. Этот брак был вторым у царя (Арсиноя была как минимум на тридцать лет моложе, чем старый армейский приятель ее отца), и наследником Лисимаха являлся его самый старший сын от предыдущего брака, Агафокл.

Нарушающее спокойствие пребывание Птолемея Керавна воодушевило Арсиною, которая хотела, чтобы царство унаследовали ее сыновья. Вместе они обвинили Агафокла в сношениях с Селевком и замышлении плана убить Лисимаха и отобрать у него трон Фракии и Македонии.

Лисимах, теперь старый параноик, был легкой целью. Через год после прибытия Птолемея Керавна он поддался своим подозрениям и попытался отравить сына. Когда попытка провалилась, Лисимах бросил Агафокла в тюрьму, где — в темноте, без света, — тот скончался. Более поздние историки считают, что убил его Птолемей.

А тем временем Керавн продолжил активную деятельность. Немного позднее он оказался при дворе Селевка, прося того объединиться с ним против злобного Лисимаха, отравителя собственного сына,[2] Селевк, которому к этому времени было под восемьдесят (против семидесяти одного у Лисимаха), собрал свои силы и двинулся к его владениям.

Лисимах вышел встретить его и пересек Геллеспонт, чтобы сражаться на земле Малой Азии. В битве оба старика — знавшие друг друга уже сорок лет, со времени, проведенного в походах Александра, — встретились в рукопашной. Селевк нанес окончательный удар; Лисимах умер на поле боя, и его тело лежало там несколько дней, прежде чем младший сын прибыл,

чтобы забрать разлагающийся труп домой.

Селевк был готов пересечь Геллеспонт и предъявить претензии на Македонию. Но прежде, чем он успел существенно продвинуться, Птолемей Керавн, до тех пор находившийся в его лагере, играя роль союзника, опять сделал свой ход — убил старого царя. Таким образом, он лично устранил две трети оставшихся преемников Александра.

Затем Птолемей Керавн предъявил претензии на трон Фракии/Македонии и женился на собственной сестре Арсиное. Это был египетский, а не греческий обычай, и брак этот не добавил ему популярности в его новой стране. Как и следующий поступок — убийство двух сыновей Арсинои, представлявших угрозу его правлению. Новоиспеченная жена оставила его и уехала в Египет к своему другому брату, Птолемею II, — и вышла также замуж и за него. Это заработало ему греческое прозвище «Птолемей Филадельф», то есть «Братская любовь», которое отнюдь не являлось комплиментом.

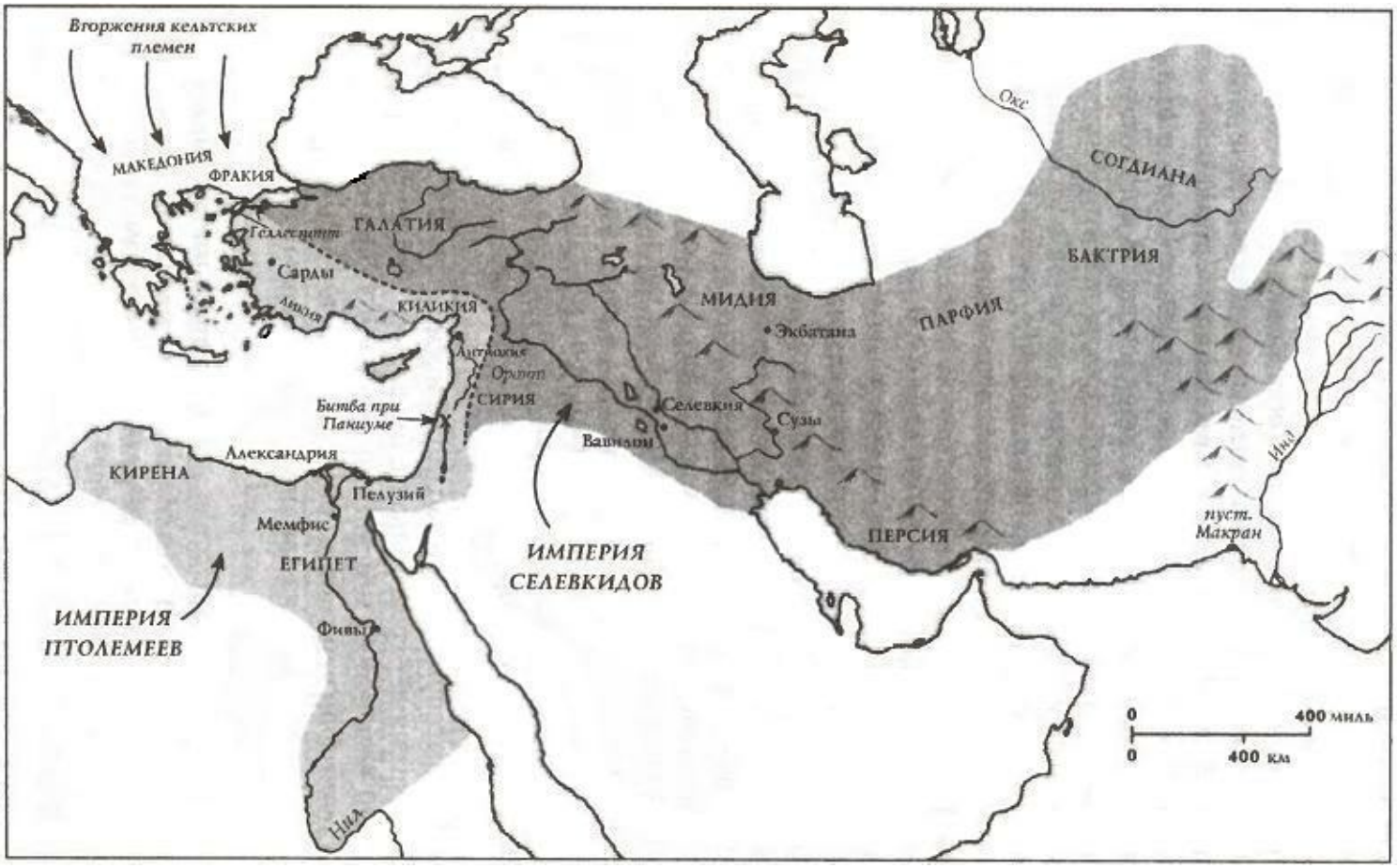
Тем временем старый Птолемей мирно умер в своей постели — чуть ли не единственный из преемников Александра, кому удалось это сделать.

Птолемей Керавн удерживал свой кровавый трон два года. В 279 году движение кельтов, которое тревожило Италийский полуостров, достигло Малой Азии. Галлы хлынули в Македонию: Птолемей Керавн вышел сразиться с ними и погиб в битве, окончив карьеру как большинство переоценивших себя злодеев древнего времени.[245] Его трон оказался в руках внука Антигона Одноглазого, Антигона И.[3]

Сын Селевка Антиох I принял власть над царством своего отца. Антиох являлся наполовину персом — Селевк был одним из тех молодых людей в войске Александра, которых женили на персидских аристократках во время массовой свадебной церемонии. Таким образом империя, которую он теперь возглавил, переняла у персов модель государственной структуры. Провинции контролировались сатрапами, и империя управлялась из нескольких царских столиц, каждая из которых располагалась так, чтобы наблюдать за различными частями империи. У персов это были Сузы, Экбатана, Сарды и Вавилон; Селевк пользовался Сардами и Вавилоном, но выстроил себе два новых города, служащих дополнительными резиденциями. Город Антиохия лежал на реке Оронт, в землях, на которые претендовали Птолемеи. Однако его самым крупным и самым любимым городом была Селевкия, которую он построил на восточном берегу Тигра и связал с Евфратом каналом.

В год смерти Птолемея Керавна галлы пересекли Геллеспонт и начали угрожать границам империи Селевка. Антиох I отогнал их, заработав себе прозвище «Антиох Спаситель». Оттесненные галлы осели в Малой Азии, где со временем стали известны как «галаты».

Десятилетием позднее римские солдаты отплылиь от берега Италийского полуострова и направились к Сицилии. Это был исторический момент, говорит нам Полибий. То был «первый случай, когда римляне пересекли море в сторону от Италии», а Сицилия стала «первой страной вне берегов Италии, на которую они поставили ногу»} Рим вошел в следующую фазу своей истории: он начал первое заморское завоевание.[246]

Мир Селевкидов

Как и большинство строителей империй, римляне имели извинительную причину на это вторжение. Сицилия все еще была разделена между Сиракузами и Карфагеном, и сицилийский портовый город Мессана, первоначально греческая колония, попал под власть Сиракуз. Но группа перебежчиков, италийских наемников из Кампании, прибыла на Сицилию и захватила город. Мессанцы отправили послов и в Карфаген, и в Рим, прося помощи в выдворении агрессоров.

Так как Рим и Карфаген теоретически находились в мире, подобный шаг не был совсем уж неблагоразумным. Но он, однако, зажег спичку под давно складываемым костром. Карфагеняне получили послание первыми и обнаружили, что тиран Сиракуз, Гиерон II (Агафокл умер двадцать лет тому назад), уже принялся за дело; он не одобрил обращение мессанцев за помощью к другим силам, так как город предположительно принадлежал ему. Чем начинать трехстороннюю войну, карфагеняне объединились с Гиероном II и заняли Мессану, изгнав предыдущих захватчиков.

Римляне, прибыв вторыми, решили не отступаться от своего проекта осадить Мессану и просто атаковали карфагенские силы, уже занявшие город. Затем римские завоеватели распространились по острову, предъявив притязания на контролируемые Карфагеном земли и заодно обложив осадой Сиракузы.[5]

Карфагеняне отреагировали, буквально распяв командира, который возглавлял мессанский гарнизон, и приготовившись сражаться. Они ясно понимали, что это рискованное предприятие, осуществляемое из-за моря, — лишь первый пробный бросок римлян на земли вне границ Италии. Следующие двадцать три года две силы будут сталкиваться в Первой Пунической войне (264–241 годы до н. э.).

«Так как они видели, что война надвигается, — пишет Полибий, — [римляне] в первую очередь принялись строить корабли... Они столкнулись с большими трудностями, потому что их

кораблестроители были совершенно неопытными».[6] Это было второе начало Первой Пунической войны. Чтобы попасть на Сицилию, римские консулы одолжили корабли у союзников Рима и подчиненных ему морских городов (эти силы назывались «socii navales»).[7] Но вскоре стало ясно, что Рим не может положиться на флоты других городов. Поэтому когда один карфагенский военный корабль выбросило на римский берег, кораблестроители разобрали его на части и начали строить на его основе собственные суда; команды тренировались в гребле на земле. Когда корабли построили, новый римский флот вышел в море — но вскоре был захвачен карфагенским флотом.[8]

Римляне снова построили и оборудовали корабли, и снова вышли в море. Двумя годами позднее, как рассказывает Полибий, оба флота были уже «равны по мощи». Римляне тщательно отбирали из других культур лучшие образцы для своей стратегии, своих законов, своего правительства и даже для своей мифологии, а учились они быстро.

К 247 году, после семнадцати лет почти постоянных сражений, римляне добились некоторого преимущества. Римские войска высадились в Северной Африке и заняли здесь плацдарм, хотя атаковать Карфаген было выше их возможностей. К этому времени Сицилия уже оказалась почти полностью в их руках. Руководители Карфагена сместили своего командующего за некомпетентность и отдали армию под начало новому офицеру, человеку примерно двадцати пяти лет по имени Гамилькар Барка.

Гамилькар имел под своим командованием смешанные силы карфагенян и мессанцев — всего около десяти тысяч человек, а также семьдесят слонов. Он захватил базу на Сицилии, с которой начал набеги на италийский берег, а также одержал несколько нелегких побед на суше. Но этого оказалось достаточно, чтобы избавить карфагенян «от состояния абсолютного отчаяния, в которое они впали».[9]

К 242 году до н. э. война — продолжавшаяся уже двадцать второй год — привела оба народа в озлобленное состояние. «Они были измотаны напряжением непрерывных кампаний с тяжелыми боями, — говорит Полибий, — их ресурсы... высасывались налогами и военными расходами, которые продолжались год за годом». [10] Отряд наемников Гамилькара и карфагенян на Сицилии сражался более трех лет без существенных потерь — но так и не сумел отбить весь остров. Римляне не могли добиться успеха из-за карфагенских сухопутных сил, но карфагенянам из-за действий римского флота было все труднее и труднее осуществлять снабжение солдат Гамилькара на Сицилии.

Карфагеняне первыми предложили прекратить военные действия. В 241 году из столицы Гамилькару прибыло послание: отцы города не хотят оставлять его, но уже не имеют возможности снабжать его продовольствием и оружием. Гамилькару предлагалось действовать по своему усмотрению. Но в таком положении у него не оставалось иного выхода, кроме капитуляции. «В горе и ярости»[11] он спустился с войсками с базы, расположенной на склоне горы Эрике, и, скрепя сердце, согласился на заключение договора, по которому Карфаген отдавал римлянам всю Сицилию, соглашался освободить всех пленных римлян и выплатить в течение последующих десяти лет огромную контрибуцию.[12]

Война была окончена. Сенат приказал закрыть двери храма Януса, что символизировало мир во всех землях, принадлежащих Риму. Сицилия стала теперь одной из таких земель — первой Италийской провинцией.

Заключенный мир, однако, содержал семена гораздо более значительного конфликта.

А на востоке шли другие сражения. Птолемей II в Египте, теперь женатый на собственной сестре и Антиох I (сын Селевка) бились за границу между своими территориями в Сирии и

передали этот конфликт сыновьям. Но, независимо от этого, наследование следующим поколением прошло без больших перемен. Птолемей II умер в 246 году, и ему наследовал его сын, Птолемей III; Антиох I, следуя старой персидской традиции, приговорил старшего сына к смерти за предательство и оставил трон второму сыну, Антиоху II.[247] Тем временем в Македонии Антигон II, внук Одноглазого, умер в возрасте восьмидесяти с лишним лет после почти пятидесяти лет царствования, и ему также наследовал его сын.

На юге, в Египте, Птолемей III успешно правил двадцать два года. Царствование Антиоха II было не столь благополучным. Через шесть лет после воцарения на престоле он потерял сатрапию Бактрия, где восстал греческий правитель Диодот, объявивший себя независимым царем. Бактрия находилась далеко от всех столиц Антиоха II, за необжитыми землями, и царь не смог покорить ее снова. Вскоре в Парфии местный персидский вельможа по имени Арсас тоже объявил о своей независимости. Антиох II в это время был занят на своей западной границе — он сражался с Египтом за контроль над старыми землями западных семитов, включая старые финикийские, израильские и иудейские территории, и не мог защищать два противоположных рубежа своей громадной империи одновременно.[248]

Наконец он смог заключить временный мир с Птолемеем III, и два царя закрепили сделку царским браком; дочь Птолемея III уехала на север и вышла замуж за Антиоха И, став его второй женой. Но сделка не вернула Парфию и Бактрию назад, а возмущенная первая жена Антиоха II отравила его, так что мир повсюду оказался неудачным.

Ему наследовал его сын от первой жены, Селевк II, который тоже не смог вернуть две восставшие сатрапии, а вскоре погиб, упав с лошади. Старший сын Селевка II тоже пробыл у руля всего три года, пока не был убит собственными командирами. После этого трон перешел к младшему сыну, Антиоху III.

Ему было лишь пятнадцать, когда в 223 году он стал царем династии Селевкидов. После восшествия на трон мальчика и Мидия, и старые центральные земли Персии присоединились к Бак-трии и Парфии, подняв мятеж. Но Антиох III был сделан из более крепкого материала, чем три царя до него. Он собрал армию и покорил одно за другим все края своих владений, которые начали отпадать. Началось с Малой Азии; Мидия и Персия вынуждены были сдаться Антиоху, когда он лично повел свою армию против них уже в возрасте восемнадцати лет. Через некоторое время Бак-трия и Парфия тоже согласились на мир. Эти две последние территории он больше не пытался поглотить. Заключение мира с царями Бактрии и Парфии обезопасило его восточную границу и позволило обращать больше внимания на запад.[249]

Это был хороший ход, так как прочность хватки Египта на собственных границах ослабевала. В 222 году Птолемея III сменил его сын Птолемей IV, которого дружно не любили все его биографы. «Он был распутным, сладострастным и изнеженным принцем, — замечает Плутарх, — ...одурманенным женщинами и вином»}[3] «Он правил так, будто это был бесконечный праздник, — с неодобрением говорит Полибий, — пренебрегая делами государства, сделав себя недоступным, он обращался с презрением или равнодушием к тем, кто отстаивал интересы его страны за границей»,[14] Как только его отец умер, он отравил собственную мать, чтобы та не строила планов против него, и следовал по тому же пути, обварив до смерти младшего брата Магуса, так как Магус был пугающе популярен в армии.[15]

Дела Птолемея IV в основном вели его любовница, ее брат Агафокл («этот сводник», как называет его Плутарх) и один из его советников, грек по имени Сосибий, который, похоже, принял для себя решение быть с Птолемеем, пока тот отдавал все свое время «бессмысленному и беспрерывному пьянству».[16] Птолемей IV умер в 204 году (вероятно, отказала печень), оставив трон пятилетнему сыну Птолемею V. Сосибий и «этот сводник», по-видимому,

подделали документы, сделавшие их регентами при ребенке.

Сосибий умер через несколько месяцев, оставив Агафокла, его сестру и их мать на вершине египетской власти. Вскоре это трио сделалось настолько непопулярным, что толпа, ведомая армией, взяла штурмом дворец, выволокла правителей на улицу, раздела догола и в ярости разорвала на куски: «Кто-то [из толпы] начал рвать их зубами, — рассказывает Полибий, — другие кололи ножами, выдавливали глаза. Как только кто-то из них падал, из тела вырывали конечность за конечностью, пока не разорвали, потому что жестокость египтян действительно ужасна, когда разбужены их страсти»}[1]

Юный Птолемей V был возведен на трон в Мемфисе с полагающимся набором советников. Но когда ему исполнилось двенадцать лет, Антиох III перешел северную границу Египта. Иосиф записывает, что Антиох, которого он называет царем «всей Азии», «захватил Иудею».[18] Вторжение закончилось в 198 году битвой при Паниуме, когда армии селевкидов и египтян сошлись у истоков реки Иордан. Когда сражение закончилось, Египет потерял земли западных семитов в последний раз. Никогда больше он не заходил так далеко на север. Правление Птолемея V описывается почти всеми древними историками как конец величия Египта. Ренессанс древней страны под управлением греков завершился.

Дальше на западе Гамилькар Барка все еще страдал под тяжестью навязанных римлянами условий мира. Величие Карфагена было подорвано; карфагеняне потеряли средиземноморские острова, которые образовывали их империю, а римляне прочно утвердились на них.

Гамилькар решил восполнить потерю, продвинув Карфагенскую империю немного дальше на запад. Он планировал направить солдат и поселенцев в Иберию (современная Испания) и организовать там еще одну карфагенскую колонию, чтобы возместить потерю Сицилии. Эта иберийская колония должна была стать новым центром карфагенского могущества — а также служить прекрасной базой, с которой удобно наносить ответные удары по Риму. Его унижение на Сицилии превратилось в ненависть, которую он, как мог, передавал своему юному сыну, согласно записям Полибия:

«В то время, когда его отец готовился отправиться с армией в экспедицию в Испанию, Ганнибал, которому было тогда около девяти лет, стоял у алтаря, где отец приносил жертву... Затем [Гамилькар] подозвал к себе Ганнибала и нежно спросил его, хочет ли тот присоединиться к экспедиции. Ганнибал с бурной радостью принял приглашение и, как любой мальчишка, стал просить, чтобы ему позволили отправиться с отцом. Тогда отец взял его за руку, подвел к алтарю, велел положить руку на [животную] жертву и поклясться, что он никогда не станет другом римлян».[19]

Получив вечную клятву ненависти, Гамилькар отплыл с сыном и солдатами в поход.

Карфагенская экспедиция достигла Иберийского полуострова в 236 году до н. э., там она высадилась и отвоевала себе новое крохотное царство. Из этого оперативного центра, получившего название Гадес (современный Кадис), Гамилькар успешно расширял свою новую колонию. Именно тут Ганнибал вырос, наблюдая, как его отец руководил, запугивая окружающие народы, заставляя их повиноваться: «/Гамилькар] провел в стране почти девять лет, — рассказывает нам Полибий, — за это время от привел множество племен под власть Карфагена, некоторые силой оружия, а некоторые при помощи дипломатии».[20] Гамилькар также заслал шпионов через Альпы на север Италийского полуострова, чтобы разведать возможный путь для вторжения.[21] Ганнибал повзрослел, так и не побывав более в родном городе Карфагене.

Тем временем римляне первый раз прибыли в Грецию, куда их пригласили для защиты

острова Керкира [250] от двойной угрозы — вторжения других враждебных греков и нескончаемых атак северных галлов. Когда опасность была устранена, римский гарнизон остался на острове — теоретически в качестве защиты; Рим не был еще готов атаковать своего греческого соседа.

Мир Пунических войн

В том же самом 229 году Гамилькар Барка погиб в сражении во время осады кельтской крепости. Ганнибал, теперь уже восемнадцатилетний, не считался еще достаточно взрослым, чтобы принять пост отца. Управление иберийской колонией перешло вместо него к старшему шурину — который, похоже, не разделял семейной ненависти к римлянам; следующие восемь лет он провел, управляя колонией (и основав город, пышно названный Новым Карфагеном [251]), игнорируя римлян на востоке. Вероятно, он мог бы построить новое прочное царство на Иберийском полуострове, но один из его рабов убил его в 221 году, и руководство испанскими владениями пало на двадцатишестилетнего Ганнибала.

Ганнибал повернулся спиной к Новому Карфагену и немедленно начал готовиться к сухопутному вторжению на римскую территорию. Он начал с боями пробиваться вдоль берега, чтобы расчистить безопасный коридор к Альпам. Когда он близко подошел к Массалии, этот город (который был в добрых отношениях с Римом с тех пор, как помог римлянам откупиться от вторгшихся галлов) обратился к Риму за помощью.

Римляне послали в Карфаген сообщение, предупреждая, что если Ганнибал дойдет до города Сагунт, они будут считать это военным вторжением. Ганнибал немедленно осадил и разграбил Сагунт, на что римские посланники прибыли в Карфаген, чтобы представить карфагенскому сенату окончательный ультиматум: или капитуляция Ганнибала, или Вторая Пуническая война.[22] Карфагеняне возразили, что Сагунт, который был кельтским поселением, не является римским союзником; послы ответили, что Сагунт однажды, много лет тому назад, обращался к Риму за помощью, поэтому теперь Рим может заявлять, что город находится под римской защитой.

Но на дне переговоров таилось желание обоих городов начать новую войну. «С римской стороны была ярость из-за неспровоцированного нападения побежденного ранее врага, — говорит Ливий, — [а] со стороны карфагенян — горькое чувство обиды на действия у которые ощущались как захват и тираническое отношение со стороны их победителей».[23] Когда старший римский посол закричал, что он привез в складках своей одежды и мир, и войну, и позволит выпасть войне, если оппоненты не будут вести себя аккуратно, карфагенские сенаторы закричали в ответ: «Мы принимаем ее!»[24]

Итак, в 218 году Ганнибал направился к Альпам. Он оставил своего брата Ганно[252] управлять Иберийской колонией и взял с собой армию, которая состояла в общей сложности из более ста тысяч пехотинцев, примерно двадцати тысяч всадников и тридцати семи слонов.[253]

В ответ римляне отправили два флота: один — к северо-афри-канскому берегу, а другой, под командованием консула Публия Корнелия Сципиона, — к Иберийскому полуострову. Корнелий Сципион, встав на якорь в устье Роны, намеревался перехватить Ганнибала с армией до того, как они успеют пересечь реку — но войско Ганнибала двигалось намного быстрее, чем ожидалось, так что Сципион прибыл к месту переправы на три дня позднее. Ганнибал находился уже на пути к горам.[25]

Там его люди встретились с большей проблемой, чем могли бы римляне. В большинстве своем солдаты Ганнибала выросли в Африке, и испанский берег был самым холодным местом, которое они знали; их ужасала мысль о спусках по крутым неразведанным склонам, а первый их взгляд на Альпы никак не помогал успокоиться. «Пики, подобные башням, — говорит Ливий, — покрытые снегом вершины, парящие в небе, грубые хижины, прилепившиеся к скалам, звери и рогатый скот, дрожащие, тощие от холода, люди со встрепанными, грубыми волосами, вся природа, живая и неживая, застывшая от мороза, — все это, а также другие ужасные картины, которые нельзя выразить словами, дали свежую пишу их опасениям».[26] Вдобавок им постоянно угрожали дикие местные племена; в первой такой атаке карфагенские лошади запаниковали на узких горных тропах, солдаты с лошадьми скользили и падали за край тропы, разбиваясь на скалах в сотне футов внизу. Когда армия поднялась выше, ледяная корка под слоем снега отправила на смерть еще часть людей и животных.

Переход, рассказывает нам Ливий, занял пятнадцать дней, и сам Ганнибал подсчитал, что потерял при переходе тридцать шесть тысяч человек, а также тридцать четыре слона. Он спустился на равнину возле реки По с деморализованной и сократившейся армией, дабы встретить Сципиона, который с максимальной скоростью приплыл в Италию с частью своих сил, чтобы предстать перед Ганнибалом. Известие об успешном переходе Ганнибала вскоре дошло до Рима, и Сенат немедленно отозвал войска из Северной Африки, чтобы усилить оборону родной земли.

Корнелий Сципион и Ганнибал встретились у реки Тицин в ноябре 218 года до н. э. Измученная походом, карфагенская кавалерия все эе смогла почти сразу же прорваться сквозь римскую линию. Римляне рассеялись; Сципион был тяжело ранен. «Это показало, — говорит Ливий, — что... карфагеняне обладали преимуществом».[21]

Войско Сципиона отступило, чтобы соединиться с войсками из Северной Африки, которые вернулись в Рим под шумное ликование толпы: Рим страдал рискованным несоответствием между энтузиазмом публики и реальной ситуацией. «Уверенность людей в конечном успехе римской армии оставалась неизменной, — пишет Полибий. — Таким образом, когда Лонг [командир северо-африканского контингента[254]] и его легионы достигли Рима и прошли через город, люди верили, что эти войска тут лишь для того, чтобы появиться на поле и положительно решить исход битвы».[28] Это было далеко от правды. Когда через месяц армии снова встретились

у реки Треббия, в сражении погибла треть римского войска.

Известие о том, что объединенные силы двух консулов разбиты, прибыла в Рим и вызвала панику. «Люди гадали, не появится ли Ганнибал в любую минуту у ворот города», — пишет Ливий.[29] Рим перешел в состояние полной боевой готовности, снабдив острова гарнизонами, вызвав подкрепления союзников, снарядив новый флот. К 217 году до н. э. Ганнибал упорно продвигался к югу, опустошая сельскую местность, он шел через Этрурию к самому Риму. Консул Гай Фламиний с усиленной римской армией встретил карфагенян у Тразименского озера в совершенно неподходящих условиях для сражения, в густом тумане. Пятнадцать тысяч римлян погибло, а Фламиний был раздавлен в толчее бегства; его тело так и не было найдено. И снова в Рим пришло известие о поражении. «Люди бросились на форум, — говорит Ливий, — женщины бродили по улицам, спрашивая у всех встречных о причине этого ужасного бедствия, которое нахлынуло так внезапно... Никто не знал, на что надеяться, чего бояться. Несколько следующих дней толпа у городских ворот состояла больше из женщин, чем из мужчин, они ждали и надеялись увидеть любимое лицо или, хотя бы, узнать новости».[30]

Хороших новостей не было. Армию Ганнибала, казалось, остановить невозможно. Он продолжал продвигаться на юг, временно пройдя мимо Рима, чтобы перетянуть на свою сторону земли южнее города. «Римляне все время следовали за арьергардом карфагенян, — пишет Полибий, — сохраняя один-два дня марша за ними, но стараясь не подходить ближе и не привлекать внимания врага».[31]

На следующий год два новых избранных консула, Павел и Варрон, объединились в попытке остановить Ганнибала. Римляне смогли собрать армию больше ста тысяч солдат, чтобы встретить силы карфагенян, которых насчитывалось пятьдесят тысяч. 2 августа 216 года до н. э. армии встретились у города Канны.

Судя по всему, римляне рассчитывали использовать свой огромный численный перевес и сокрушить захватчика количеством. Они выстроились плотной массой, которая должна была двинуться вперед с неодолимой силой. В ответ на это Ганнибал выставил для встречи римской атаки тонкую фронтальную линию, которая совершенно не могла бы сдержать атакующих. Но позади нее, на обоих дальних флангах, он расположил две группы самых сильных и отчаянных воинов, наемников из Африки. Сам он занял место на передней линии фронта. Если бы он не стал подвергаться той же опасности, что и войска, он не мог ожидать, что они выполнят то трудное дело, которое им былот поручено.

Когда римляне приблизились, тонкий передовой фронт вступил в яростное сражение, при этом медленно отступая, в то время, как передние ряды римлян рвались вперед. Римское постро-енире начало приобретать форму угла — латинской V. А затем наемники по обоим концам карфагенской линии начали атаку, обойдя обе стороны римской «V». Римляне не ожидали подобного, их войска не были достаточно обучены, чтобы сражаться на три фронта одновременно. В последовавшем хаосе погибло пятьдесят тысяч римлян. Из шести тысяч всадников спаслись только семьдесят, они умчались под предводительством Варро-на, опозоренного и поражением, и бегством, в Венузию.

Когда сообщения о битве при Каннах дошли до Рима, почти каждая семья в Риме обнаружила, что потеряла или брата, или отца, или сына. «После этого поражения, — говорит Полибий, — римляне оставили надежду сохранить превосходство над всеми италийцами и начали бояться за свою родную землю, да и за само свое существование»?[2]

Ситуация ухудшилась, когда карфагенские послы прибыли в Грецию и предложили царю Македонии, теперь Филиппу V (пра-пра-внуку Антигона Одноглазого), поддержать его при выдворении римских «миротворцев» с Греческого полуострова. Филипп V принял предложение,

и македонцы вместе с карфагенянами выступили против римских оккупантов и их греческими союзниками, к которым относились и Спарта, и города «Этолийской Лиги» (союз городов в центре полуострова, южнее Македонии и севернее Коринфского залива). Так началась Первая Македонская война, частично совпавшая со Второй Пунической, и римляне потерпели поражение сразу на двух фронтах.

Как и Первая Пуническая война, Вторая затянулась надолго.[255] В 211 году до н. э. римляне смогли отвоевать часть Сицилии, захватив после двухлетней осады Сиракузы; греческий математик Архимед, который жил в этом городе, погиб при его разграблении. Менее успешны были действия на Иберийском полуострове. Римские силы, ведомые членами семьи Сципиона, братьями Публием и Гнеем, вторглись туда и встретились с братом Ганнибала, Гасдрубалом, который был оставлен удерживать земли Ганнибала. Оба Сципиона погибли в последовавшем сражении, но Гасдрубал не смог полностью выдворить захватчиков со своей земли.

Так у одного из римских офицеров, сына Публия Сципиона, более поздним поколениям ставшего известным просто как Сципион Африканский, родилась личная ненависть к Карфагену — подобная той, какую Ганнибал давно испытывал к Риму. В 209 году до н. э. Сципион подошел к Новому Карфагену, чтобы отомстить за отца. Его осада города оказалась успешной. Гасдрубал ускользнул и последовал по пути брата — к Альпам и через них.

Это было на руку карфагенянам, так как Гасдрубал вел с собой не только свои силы, но и восемь тысяч призванных на военную службу кельтов, да еще собирал людей по пути от Нового Карфагена к Альпам. Он послал Ганнибалу письмо, рассчитывая встретить его и объединить силы в Умбрии.

Письмо было перехвачено римлянами и прочтено. Немедленно ближайшие римские силы развернулись, чтобы неожиданно напасть на Гасдрубала, прежде чем он сможет дойти до Умбрии. Союзники Гасдрубала оказались ненадежными («У галлов никогда не было выносливости», — замечает Ливий).[33] Пало более пятидесяти тысяч людей Гасдрубала, а сам он, видя, что обречен, поскакал прямо на скопление римлян перед собой и погиб в бою. Римляне отрезали ему голову и, тщательно сохраняя, взяли с собой; когда они дошли до аванпоста Ганнибала, то перебросили голову в лагерь Ганнибала.[34]

Ганнибал потерял и брата, и иберийскую колонию, которая стала теперь римской провинцией. Весы начали медленно склоняться в сторону Рима. Римляне еще более надавили на свою чашу весов, ликвидировав второй фронт в Македонии, чтобы сконцентрироваться на Карфагене. В 207 году, том же, когда погиб Гасдрубал, римские солдаты прекратили бесполезные сражения на Греческом полуострове и начали покидать его. И греческие города, и Филипп V, по выражению Ливия, «устали от долгой и скучной войны», а сами римляне видели, что их войскам нужно быть ближе к дому. Сципион предложил, чтобы новый театр военных действий был открыт в Северной Африке. Римляне должны перейти в наступление и атаковать сам Карфаген — лишь эта стратегия могла выдворить Ганнибала из Италии.

В 205 году Филипп V подписал с греческими городами у себя на юге соглашение о Фойникском мире [256]. Этот мир оставлял римлянам контроль над несколькими более мелкими городами, отдавая другие территории Македонии, и прекращал все военные действия между Македонией и Этолийской Лигой. Высвободив своих солдат для нападения в Северной Африке, Сципион собрал воедино все силы для вторжения. В 204 году он высадился на африканском берегу с объединенной армией из римлян и северо-африканских наемников.

Его вторжение произвело ожидаемое действие: карфагеняне послали Ганнибалу тревожное сообщение с просьбой о помощи. И Ганнибал направился домой. Он действовал из патриотических соображений — но то был неохотный и вынужденный патриотизм; полководец

не посещал страну, где родился, с девяти лет, и оставил большую часть своих людей в Италии — вероятно, надеясь скоро вернуться. Он еще не полностью выполнил пожелания своего отца; Рим по-прежнему стоял. «Редко из ссылки возвращаются на родную землю с таким тяжелым сердцем, как Ганнибал, когда он покинул страну своего врага, — говорит Ливий. — Снова и снова оглядывался он на берега Италии... призывая проклятия на собственную голову за то, что не повел свои армии прямо на Рим»?[5]

В Карфагене он набрал себе армию из не горящих желанием сражаться карфагенян и африканских наемников, добавив их к ветеранам, которых привез с собой. Затем, в 202 году, Ганнибал и Сципион встретились для мирных переговоров в Заме южнее мыса Фаир. Вероятно, разговоры о мире были искренними — но Сципион послал за подкреплением и ждал его прибытия. Поражение у Канн четырнадцать лет назад все еще было свежо в памяти Рима; молодым сыновьям погибших было теперь около двадцати, они были в ярости и ждали битвы.

Римское подкрепление прибыло, и мирные переговоры неизбежно прервались; римляне схватились с карфагенянами в окончательном сражении. Сципион все хорошо распланировал. На открытой территории Италии, всегда исполняя роль нападающего, Ганнибал был непобедим. Но теперь условия оказались совсем иными, и не теми, в которых он мог сражаться успешно. Он вел оборонительную войну на незнакомой скалистой местности, коандуя армией, «составленной из людей, не разделявших ни язык, ни обычаи, ни законы, ни оружиеу ни одежду у ни даже причину службы».[36] Его солдаты сражались лишь за деньги и за долю в добыче; когда армия Сципиона ударила по ним, очень многие покинули линию и в страхе бежали.

Сражение при Заме закончилось полной победой римлян; Ганнибал вынужден был отступить в сам город Карфаген. Тут он сообщил сенату, что не может привести страну к победе. Мир с Римом остался единственным вариантом. Карфагенский сенат согласился, и Карфаген согласился на условия Сципиона. В качестве награды Сципион получил от соотечественников титул Африканский.

Карфагеняне вынуждены были сдать Риму свой флот, что положило конец их морской экспансии. По приказу римлян пятьсот кораблей были отбуксированы от берега и подожжены, там они сгорели до ватерлинии и потом были затоплены.[37] Вторая Пуническая война закончилась.

Ганнибал, бросивший кампанию в Италии для защиты города, который едва помнил, остался в Карфагене и вошел в сенат, пытаясь помочь карфагенянам восстановить их растоптанный мир. За это он не получил благодарности. Через шесть лет после битвы при Заме он случайно узнал о неком замысле: его соотечественники планировали выдать его римлянам в качестве жеста доброй воли.

Он немедленно сел на корабль и отплыл из Карфагена. Пробыв на родной земле всего семь лет, он больше не возвращался туда.

Сравнительная хронология к главе 73

Рим Китай Преемники Александра Птолемей(Египет) Селевк(империяСелевкидов) Лисимах (Фракия-Македония) Битва при Аскалоне (279 год до н. э.) Птолемей II(287 год до н. э.) Первая Пуническая война (264 год до н. э.) Антиох I ПтолемейКеравн Падение Чжоу (256) Антиох II Антигон II Чжуаи-сянь из Цинь ПтолемейIII (246 год до н. э.) Чжуан из Цинь Селевк II Деметрий II АнтиохВеликий Династия Цинь (221 год до н. э.) Птолемей IV(222 год до н. э.) Филипп V Вторая Пуническая война (218годдон.э.) Ши Хуан-ди(ранее Чжэн) Битва при Каннах(216 год до н. э.) Второй Император (209 год до н. э.) Битва пр Заме (202 год до н. э.) Династия Хань (202 год до н. э.) Птолемей V(204 год до н. э.) Фойникский мир(205 год до н. э.) Гэн-ши Битва при Паниуме

Глава семьдесят четвертая
Римские освободители и завоевания Селевкидов

Между 200 и 168 годами до н. э. римляне и селевкиды сталкиваются, Греческая Бактрия устремляется в Индию, а латынь становится официальным языком Рима

В возрасте пятидесяти лет Антиох III правил империей Селевкидов уже тридцать второй год. Он отодвинул границу своих владений за старую египетскую границу и усмирил Парфию с Бактрией — это достижение позднее принесло ему титул Антиоха Великого. Теперь он решил начать новую кампанию: отплыть на запад и захватить кусок Малой Азии, а далее, возможно, пересечь Геллеспонт и захватить также Фракию.

Он знал, что если не продвинется на запал, то ощутит на своей шее дыхание римлян. Вдохновленные своей победой над карфагенянами, римские войска уже оглядывались назад, на восток. Самой мощной силой в мире теперь была империя Селевкидов, и после победы над Ганнибалом Антиох III неизбежно стал следующим врагом для Рима.

А между этими двумя силами оказался зажат Филипп V Македонский, сумевший выйти из Первой Македонской войны с прибылью. Римские войска все еще оставались в Греции, но Македония увеличила свои владения при заключении Фойникского мира. И пока римляне занимались Карфагеном, Филипп V заключил тайный договор с Антиохом III, чтобы поделить египетские территории, которые когда-то принадлежали Птолемеям.

Римляне были абсолютно уверены, что Филипп V все еще планирует вторжение в Грецию. Они не хотели, чтобы полуостров оказался под контролем союзного Селевкидам властителя: Греция должна была оставаться буфером между Римом и сильным Антиохом III. В 200 году, незадолго до заключения мира с Карфагеном, римские войска выступили против Филиппа V.

Этолийская Лига вслед за Афинами снова переметнулась на сторону Рима. Вторая Македонская война продолжалась до 197 года. В заключительной битве при Кинокефалах войска Филиппа V потерпели настолько жестокое поражение, что царь Македонии всерьез рисковал лишиться трона.[1] Но римляне, не желавшие еще несколько десятилетий сражаться с упрямыми греческими городами, предложили мир, который позволял Филиппу V остаться в Македонии. Филипп должен был забыть все планы завоевания греческих городов, сдать все свои военные корабли, заплатить контрибуцию и отвести всех своих солдат с греческой территории. Римскому консулу Фламинию, который командовал войсками в Македонии, было позволено разыграть карту, которую в свое время разыграли Меродах-баладан, Наполеон, Саргон II и Кир: он объявил, что римляне наконец-то освободили греков от македонского гнета. «Все остальные греки и в Азии, и в Европе должны быть свободными, чтобы жить по собственным законам», — гласил его декрет.

Полибий отмечает, что при этом раздалось несколько скептических голосов; отдельные этолийские лидеры указали на то, что «грекам не была предоставлена свобода, а произошла лишь смена хозяина».[2] Но римляне настаивали на отсутствии своих интересов и на своей благожелательности к грекам. «Это была действительно превосходная акция... которую избрал римский народ со своим полководцем: перенести бесконечные опасности и расходы, чтобы обеспечить свободу Греции», — так объяснял Полибий.[3] Города Ахейской лиги, куда входил и Карфаген, были облагодетельствованы заключением проримского договора, который также был и анти-македонским.

Как только все договоры были подписаны, на севере появился Антиох III. К 196 году он сломил неорганизованное сопротивление, которое встретило его в Азии, пересек Геллеспонт,

вторгся во Фракию и начал посматривать на новых римских союзников. Он склонялся к идее начать войну с Римом — отчасти потому, что теперь у него был новый военный советник: при дворе Селевкидов появился Ганнибал, покинувший Карфаген.

Ганнибал оставил свой родной город, испытывая горечь и ярость; его любовь к Карфагену ушла, но ненависть к Риму — осталась. Его прибытие ко двору Антиоха III, единственной силы, достаточно крупной, чтобы бросить вызов римлянам, было продолжением навязчивой идеи всей его жизни: «Он внушил Антиоху, — сообщает нам Полибий, — что пока политикой царя будет ненависть к Риму, он безоговорочно может полагаться на Ганнибала и считать его своим самым искренним помощником... потому что нет ничего из того, что в его власти, чего бы он не сделал, чтобы навредить римлянам[257] ».[4]

Отвоевание Греции, несомненно, повредило бы Риму. Греческие города, зажатые между старой военной угрозой у себя на северо-востоке и новой силой на западе, разделились в выборе. Города Эгейской Лиги сохраняли свой договор с Римом, а Этолийская Лига согласилась заключить союз с Антиохом III. На юг Греции прибыли дополнительные римские войска, а армия Антиоха (в сопровождении союзных македонцев и слонов) двинулись на юг с севера.

Две армии встретились в 191 году до н. э. у перевала Фермопилы. Римские легионы их консул поддержал словами, которые подтверждали самые худшие подозрения этолийских лидеров: «Вы сражаетесь за независимость Греции, — проревел консул, — чтобы освободить от этолийцев и Антиоха страну, которую вы ранее освободили от Филиппа. И после этого вы откроете для римлян возможность властвовать в Азии, Сирии и всех богатых царствах, простирающихся до того места, где восходит солнце. Вся человеческая раса будет почитать имя римлянина сразу после богов!»[5] В таком контексте слова об освобождении звучали не очень убедительно, но речь сыграла свою роль. Римляне оттеснили армию Антиоха, который потерял тысячи солдат и вынужден был оставить полуостров.

Поражение стало началом конца для Антиоха Великого. Вследствие этого поражения он также потерял часть своих завоеваний в Малой Азии; примерно в 190 году до н. э. Артаксий I, сатрап провинции под названием Армения, объявил себя царем. Затем римские войска под предводительством еще одного представителя семьи Сципионов[258] вторглись непосредственно во владения Селевкидов. Антиох отдал Ганнибалу под начало морские силы, а сам командовал сухопутными войсками, но оба потерпели поражение. Флот Ганнибала сдался у южного берега Малой Азии, а армия Антиоха снова была разбита, на этот раз у Магнезии. Сципион заработал себе за эту победу титул Азиатского, а Антиох был вынужден подписать Апамейское соглашение, которое лишало его большей части флота, а также территории к северу от гор Тавр.

Не спасся и Филипп V. Он был наказан за дружбу с Антиохом потерей своего флота, своих приграничных городов и сына Деметрия, которого забрали в Рим в качестве заложника, чтобы отец вел себя хорошо.

Поражение Антиоха вдохновило других сатрапов на мятеж. В следующем, 187 году, Антиох Великий был убит в незначительном сражении против одного из сатрапов на востоке. Его сын Селевк IV унаследовал трон Селевкидов — но, как и Филиппа V, его заставили отослать старшего сына и наследника в Рим в качестве заложника.

Ганнибал, лишенный покровительства, бежал. Плутарх сообщает, что он поселился в уединенном маленьком городке на берегу Черного моря, а от его дома на «значительные расстояния» во всех направлениях были прорыты семь подземных туннелей, по которым он мог уйти от римских убийц.

Но в 182 году, когда Ганнибалу было шестьдесят пять лет, его узнал римский сенатор, который случайно посетил местного царя. Сенатор пригрозил царю гневом Рима, если

Ганнибалу позволят спастись. Поэтому, хоть и неохотно, царь послал личных охранников заблокировать все семь проходов и убить старого полководца. Чтобы не дать взять себя живым, Ганнибал выпил яд. Его последними словами, записывает Плутарх, были: «Давайте освободим римлян от их постоянного страха»?

Ослабление угрозы вторжения Селевкидов дало бактрийцам на востоке шанс расширить собственную территорию. Их царь на тот момент, греческий бактриец по имени Деметрий I, направил взгляд на юго-восток — на Индию, которая со дней Александра Великого оставалась миражом богатства, ожидающего, чтобы его завоевали.

В Индии не оказалось сильного царя, который смог бы сопротивляться вторжению. После смерти Ашоки его сыновья — унаследовавшие занятия отца философией — потеряли власть над его землями. Примерно за пятьдесят лет или около того после смерти Ашоки в 240 году до н. э., ко времени вторжения Деметрия I, семь царей, потомков Маурьев, последовательно правили все уменьшающейся территорией.

Последним из этих царей Маурьев был Брхадрата, чья репутация преданного буддиста сохранилась в священных текстах, которые описывают его тысячедневное паломничество для поисков правды. Говорят, на время этих тысячи дней он оставил на троне старшего сына.[7] Это предполагает, что власть царя ослабела; и действительно, Брхадрата примерно в 185 году потерял свое царство — власть в нем захватил командующий его армией, убив при этом царя. Этот командующий, набожный индуист по имени Пушьямитра Шунга, восстановил контроль над остатками империи. Отзыв о его репутации тоже сохранился в буддистских текстах; говорят, он ввел гонение на буддистов, пытаясь восстановить ортодоксальный индуизм. Так как семь ступ («stupa» — священный буддийский монумент) датируются его правлением, это может быть и неправдой. Все, что мы можем сказать наверняка — это то, что Пушьямитра основал династию и начал расширять старое царство Магадха. В отличие от предшественников, он хотел бороться за свою власть.

Как раз в это время Деметрий I направился через Хайбер-ский перевал в Пенджаб. Нет письменных свидетельств о последствиях его вторжения; чтобы реконструировать завоевания греко-бактрийских царей, нам придется идти по следам монет, которые они оставили за собой: каждый царь чеканил собственные монеты со своим портретом, и в результате мы, хотя практически ничего не знаем об этих царях, по крайней мере, имеем некоторое представление о том, как они выглядели.

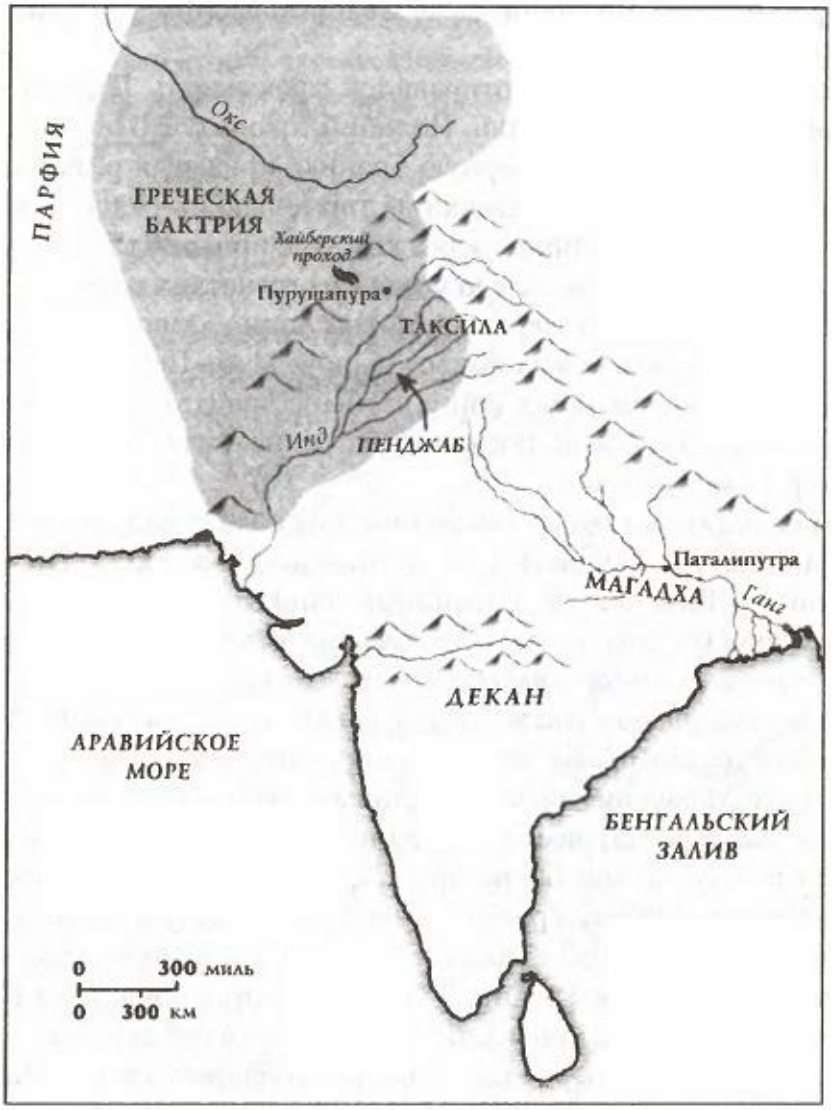
Насколько можно предполагать, первыми городами, с которыми схватился Деметрий I, были Пурушапура и Таксила, они какое-то время были независимыми от Маурьев и еще не были захвачены Пушьямитрой. Он взял оба города и, очевидно, к 175 году сражался в Пенджабе.

Тем временем Шунга, царь Пушьямитра, распространил свои завоевания на восток и юго-запад. Два индийских царства граничили бок о бок друг с другом, с греками и с местными княжествами.

А тем временем в Македонию из Рима вернулся заложник, сын Филиппа V, также по имени Деметрий. Он с радостью приветствовался македонцами, и этого оказалось достаточно, чтобы скривился нос младшего брата. Этот молодой человек, Персей, был несомненным наследником, пока Деметрий оставался пленником — теперь же появилась угроза его шансам получить трон.[8] Он начал забрасывать Филиппа V всяческими намеками на то, что освобожденному Деметрию римляне промыли мозги и намереваются посадить его на македонский трон как римскую марионетку. «У нас на груди, — говорил он с показной досадой, — не говорю, что предатель,

но, по крайней мереу шпион. Римляне отдали нам его тело$_y$ но они удержали его сердце».[9] В 181 году до н. э. Филипп сдался. Ливий говорит, что он приказал положить яд в чашу Деметрия, и молодой человек, почувствовав первую боль, понял, что случилось. Он умирал, крича о жестокости отца.

Филипп скончался двумя годами позже, и царем Македонии стал Персей. Он посылал в Рим заверения в дружбе, но они были ложными — новый царь готовил Македонию к вторжению в Грецию.

Бактрия и Индия

Намерения Персея стали ясны, когда он женился на одной из дочерей Селевка IV. Но он не смог получить помощь последнего в борьбе с Римом: Селевк IV был убит своим премьер-министром сразу же после свадьбы, и большое персидское сражение за наследование прервалось. Младший брат Селевка IV, Антиох IV (известный позднее как Антиох Епифан), захватил пост регента при младенце-сыне Селевка, а затем убил своего подопечного.

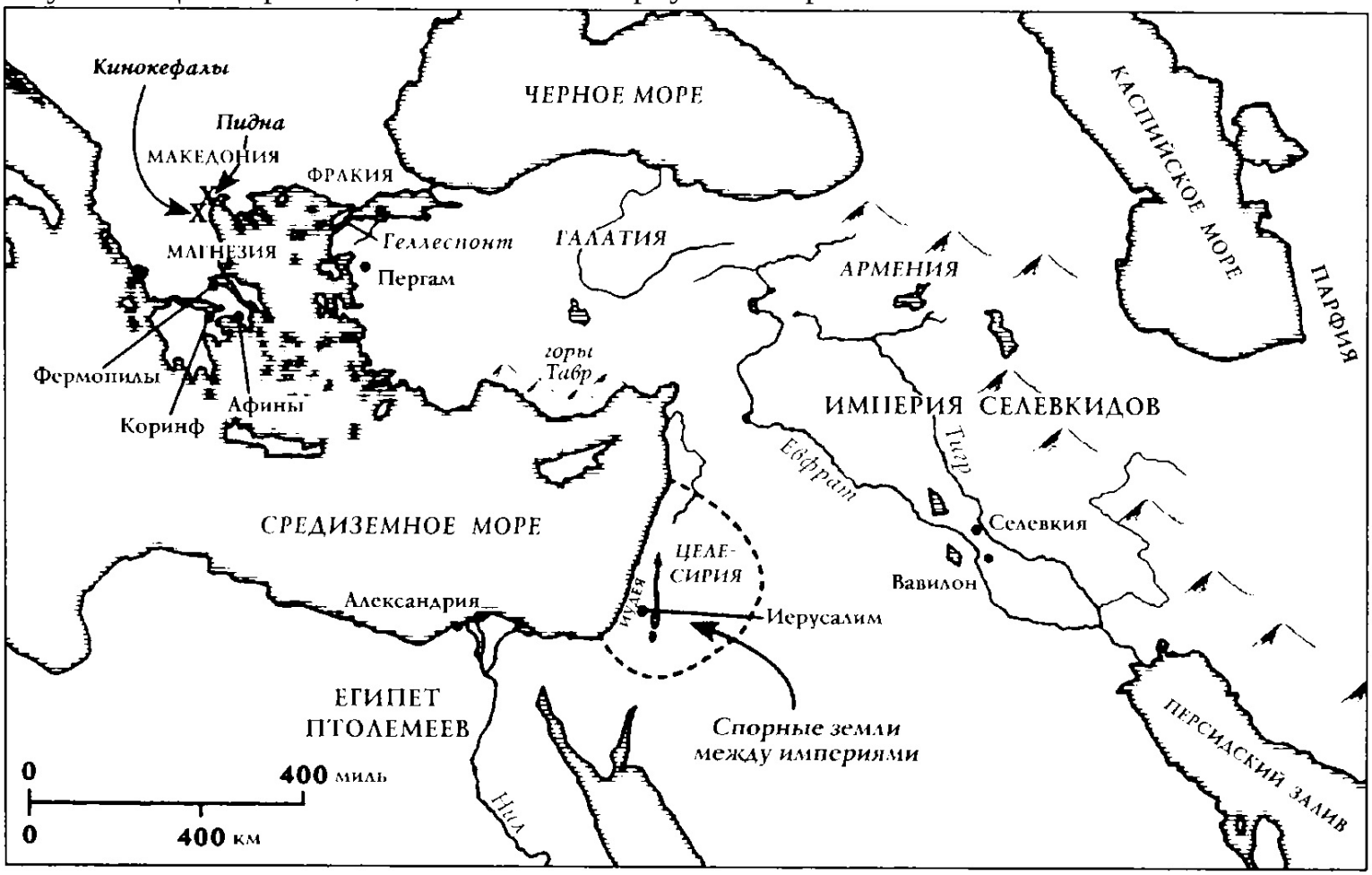
Персей тем временем отправился завоевывать Грецию, не вызвав подозрений у римлян. Полибий говорит, что он прошел сквозь центральную и северную Грецию, призывая различные города «приобретать уверенность», тщательно стараясь не «нанести урона» территориям, через которые проходил.[10] Это продолжалось три года, прежде чем один из греческих царей — Эвмен, правитель города Пергам в Малой Азии — лично не отправился в Рим, чтобы пожаловаться на поведение Персея. Персей послал вслед за Эвменом убийцу, чтобы заставить его замолчать. Это оказалось ошибкой, так как убийство не состоялось, а лишь подтвердило обвинение.

В 171 году семнадцать тысяч римских солдат направились в Македонию, так началась Третья Македонская война. Персей отправил в Рим послов, спрашивая обиженным тоном, почему римляне беспокоят его. «Возвращайтесь и скажите своему царю, что если он действительно хочет получить ответ, то должен поговорить с консулом, который вскоре прибудет в Македонию вместе с армией», — так ответили послам.[11]

Третья Македонская война длилась около трех лет, как и Вторая; как и тогда, римляне в конце концов сокрушили македонцев в масштабной битве при Пидне. В отличие от Второй Македонской войны, Третья положила конец существованию Македонии. Римляне были сыты по горло мелкими неприятными войнами на севере Греции. В 168 году Персея привезли в Рим в качестве пленника, а римский консул проследил за разделением Македонии на четыре отдельные подчиненные страны. Македонская монархия, которая породила Александра, завершилась.

Римские послы явились ко двору Антиоха Епифана, чтобы спросить его, намерен ли он поддерживать войну Персея с Римом; Антиох Епифан смог уверить их, абсолютно правдиво, что не имеет намерения объединяться с Персеем против Рима.[12]

На деле он планировал вторжение в Египет. Молодой египетский царь Птолемей VI под руководством своих регентов потребовал, чтобы империя Селевкидов вернула земли восточных семитов: старые царства Израиль, Иудею, Сирию и некоторые из окружающих земель, которые Антиох Великий захватил у династии Птолемеев. Они все были составлены в сатрапию, известную как Целесирия [259], и Египет хотел вернуть их обратно.

Спорные сатрапии

Вместо Рима Антиох Епифан повел свою армию вниз и осадил Александрию, пока Рим был отвлечен в Македонии. Но он переоценил занятость римлян Персеем. Сенат не остался слепым

к вопиющим претензиям соседа увеличить свою территорию; в лагере Антиоха появился римский посол с письмом, требующим, чтобы Антиох ушел и оставил Египет Птолемеям. Антиох предложил обсудить дело со своими советниками, но посол (по Ливию) «обвел вокруг царя посохом, который всегда носил, круг, и сказал: „Прежде чем ты выйдешь из этого круга, дай мне ответ, чтобы представить его Сенату ”. Несколько минут тот колебался, пораженный таким безоговорочным приказом, и> наконец, ответил:,,Я сделаю то, что Сенат посчитает правильным”»}[3] Антиох не был готов принять на себя всю тяжесть римского гнева.

Он отступил назад по берегу и выплеснул свое раздражение на сатрапию Целесирия, начав уничтожение всех, кто выказывал сочувствие египтянам. Сюда же относилось множество жителей Иерусалима: «В то же самое время, когда Антиох, которого называли Епифаном, поссорился с шестым Птолемеем по поводу права на всю страну Сирия, — говорит Иосиф Флавий в своей книге «Иудейские войны», — [он] пришел к иудеям с огромной армией, взял их: город силой и убил огромное количество тех, кто благоволил Птолемею, и... осквернил Храм»}[A]

Разграбление храма было вызвано исключительной необходимостью: Антиох был разбит и нуждался в священных сокровищах. Проходя через Иудею, он не только растащил храмовые сокровища и убил неимоверное количество жителей Иерусалима, но также оставил в Иерусалиме гарнизон, чтобы гарантировать лояльность иудеев.[15]

Гарнизон был стандартной мерой для завоевателя — но план Антиоха Епифана по удержанию верности оказался ужасающе ошибочным. Он ничего не знал об иудейской религии; его план о более тесном включении иудеев в состав державы Селевкидов (и удержания их вне сферы влияния Птолемеев) включал смену храмовой культуры, чтобы Яхве стал идентичен Зевсу. Этому главному богу затем стали бы поклоняться, как и его собственной личности: имя Епифан происходило от «epiphany» — «богоявление» или откровение Зевса-Яхве на земле.[16]

Это было в известной степени стандартной смесью греческого пантеона с персидскими идеями о божественности царя — а чего же еще можно было ожидать от греческого правителя древнего персидского царства? Для иудеев, которые, в отличие от большинства людей античности, верили не только в единого бога, но и в отличие сути этого Бога от человека, такой подход был страшным богохульством. Антиох хотел, чтобы они приносили жертвы Зевсу в храме и праздновали день рождения царя как религиозный праздник.

Иудеи Иерусалима начали прятаться, избегая выполнения указа. Антиох, обозленный их упрямством, объявил их религию вне закона. Каждый, кто отказывался есть свинину, когда требовалось (а это противоречило иудейской религии) или был застигнут с иудейской священной книгой, приговаривался к смерти. «Привели двух женщин, которые хотели совершить обрезание своим детям, — фиксирует книга Маккавеев[260]. — Эти женщины были публично проведены по всему городу с детьми у груди, а затем сброшены головой вниз со стены»}[1]

Зверства продолжались около года, а затем среди иудеев вспыхнул мятеж. Его предводителями были пять братьев — членов одной семьи, происходившей из древнего рода священников. Самый старший брат, Иуда, возглавил сопротивление, он прошел по стране, собирая возмущенных, пока не набрал шесть тысяч мужчин, желавших присоединиться к нему в грядущей партизанской войне против оккупантов-селевкидов. «Приходя без предупреждения, — говорит Вторая книга Маккавеев, — он приносил огонь в города и деревни. Он захватывал стратегические посты и заставил бежать немало врагов. Удачнее всего при таких нападениях он сражался ночью, и разговоры о его доблести распространились повсюду»}[8] Он заработал себе свободу — и боевое прозвище Иуда Маккавей — то есть «Молот», а восстание стало известно под названием войны Маккавеев.

Ярость иудеев и собственные трудности Антиоха в других областях (ему пришлось отослать войска на север, чтобы отразить вторжение парфян) продлили срок мятежа. Этому же способствовал и другой фактор: Иуда Маккавей создал «лигу дружбы с римлянами», как представляет это Иосиф; а Рим жаждал продолжить проверку мощи Селевкидов.[19]

Иудейско-римский альянс не продержался долго, но он помог Иерусалиму вырваться из рук Антиоха на целых четыре года.[261] К концу этого времени Антиох Епифан умер, и в империи началась обычная внутренняя борьба за наследование. Ни у кого не хватило сил послать дополнительные войска в Иерусалим, и Иуда объявил себя царем города, первым из династии Хасмонеев в Иерусалиме. В конце концов племянник Антиоха, Деметрий I (которого не смущало существование греко-бактрийского и македонского Деметриев), смог объявить себя царем империи Селевкидов. Когда корона твердо села ему на голову, он послал армию на юг, чтобы снова покорить Иерусалим. Иуда Маккавей был убит в бою, и Иерусалим снова стал частью Келесирии под властью Селевкидов. Но Деметрий I, учтя ошибки своего покойного дяди, предоставил брату Иуды Ионафану достаточное количество свободы, чтобы управлять иудеями по своему усмотрению, пока он будет оставаться верным наместником империи. Ионафан, как пишет Иосиф, «вел себя с большой осмотрительностью» — он был политиком, а не борцом за свободу с горячей головой, как его старший брат.[20] Он платил вежливым уважением чиновникам Селевкидов и смог оставаться у власти в Иерусалиме почти двадцать лет.

Рим же тем временем процветал.

Нечто необычное случилось в 180 году: город Кумы в Кампании попросил разрешения изменить свой официальный язык со старого осканского диалекта на латынь.

Люди в Кумах уже имели привилегию «civitas sine suffra-gio» — гражданства без права голоса, это было больше похоже на союз, чем на что-либо другое, и не предусматривало суверенитета подобных городов.[21] Теперь население города Кумы просило о новом уровне «ассимиляции» с Римом. Они не становились полностью римлянами, и не совсем прекращали говорить на оскане. Не отрекаясь от себя как от куманцев, они добровольно устанавливали идентичность не просто с римской политикой, а с римской культурой.

Грекам никогда не приходилось осуществлять такого формального внешнего заверения в единстве, так как они все говорили по-гречески. Может быть, именно их общий язык сохранил их как нацию, не позволив пан-эллинской самоидентификации превзойти их идентичность как спартанцев, коринфян, фиванцев. Но официальный статус латинского языка позволил Кумам остаться куманцами. Латинский не стал их единственным языком, но он использовался в торговле и в администрации, связывая Кумы с другими городами и людьми, которые сохраняли местное своеобразие, но наводил на него специфический глянец.

Рим просьбу удовлетворил. Кумы получили право использовать латынь в качестве своего официального языка и в этом смысле быть римлянами. Римляне пока не ощущали нужды в дальнейшем стирании старой идентификации подчиненных им городов, в замене старых обычаев римскими, старых связей на исключительную верность Риму, старых богов — римскими богами.

Но дар самоидентификации с римлянами шел лишь до этого предела. Завоеванные народы вливались в Рим, и в результате свободные иностранцы постепенно стали представлять опасность для империи, так как их количество превысило количество свободных уроженцев Рима. В 168 году цензор Семпроний Гракх начал регистрировать всех свободных иностранцев как отдельное племя. Они могли стать римлянами, как куман-цы. Они могли даже получить

право голоса. Но, вне зависимости от того, как много их явилось в Рим, они никогда не могли забаллотировать урожденного римлянина.

Сравнительная хронология к главе 74

Рим	Преемники Александра		
	Египет	Селевкиды	Фракия
	Птолемей III(246 год до н. э.)		
		Селевк II	Деметрий II
		Антиох Великий	
	Птолемей IV(222 год до н. э.)		Филипп V
Вторая Пуническая война (218 год до н. э.)			
Битва при Каннах			
Битва при Заме (202 год до н. э.)	Птолемей V(204 год до н. э.)		Фойникскиймир
Вторая Македонская война		Битва при Па-ниуме (198 год до н. э.)	
		СелевкIV(187 год до н. э.)	
Кумы меняют свой язык на латынь	Птолемей VI(180 год до н. э.)		Персей

Антиох Епифан Третья Македонская война Битва при Пид-не (168 год до н. э.) Антиох V Деметрий I

Глава семьдесят пятая
Между Востоком и Западом

Между 200 и 110 годом до н. э. династия Хань открывает Шелковый Путь

Гао Цзу, первый император империи Хань,[262] был рожден крестьянином; теперь он правил Китаем, в котором после жесткого порядка Цинь начали поднимать голову старые знатные семьи государств. Старая проблема с единством не исчезла.

С другой стороны, китайские государства устали от войны, и Гао Цзу смог удерживать империю удачным сочетанием твердой руки с обещаниями автономии. Он направлял армию против любого князя, который выказывал признаки мятежа — но также объявил всеобщую амнистию по всей империи, подразумевая, что все знатные семейства, которые не планируют восстания, могут жить без страха случайного ареста и казни. Тем, кто помогал ему устанавливать власть, он даровал свободу от налогов и службы. В одном восставшем городе, который он держал в осаде больше месяца, был обещано полное прощение каждому, сражавшемуся против него; только те, ко проклял его, подлежали смерти.[1] Императоры Цинь сжимали свой имперский кулак крепче и крепче; царь же Хань распрямлял пальцы и давал в

качестве награды свободу от надзора.

Его самые крупные битвы были проведены против чужеземцев. Китай, в отличие от западных цивилизаций, не стоял перед угрозой постоянного вторжения других организованных армий, но кочевники веками суетились вдоль северных рубежей. Стены, выстроенные по этому краю страны и теперь увязанные вместе в одну Великую Стену, впервые сыграли роль защиты от набегов кочевников, которых китайские государства считали варварами, то есть стоящими вне границ истинно цивилизованного общества.

Эти кочевники не были такими уж варварами, какими их хотели считать китайцы. На деле ближайшие кочевые племена начали организовываться в свободную племенную ассоциацию, некое подобие нации — сюнну.[263] Эта ассоциация племен, каждое со своим предводителем, попала под власть человека, назначенного царем или шань-юем. В действительности конфедерация сюнну была создана как подобие китайской системы власти на юге.[2]

Эти племена, вероятно, произошли от ди, жунов и прочих «варваров», которые упоминаются в более ранних китайских хрониках.[3] Они не особо отличались от людей «китайского» типа, как нечаянно свидетельствует Сыма Цянь, когда замечает, что сюнну произошли от одного из представителей династии Ся.[4] Но то была похожесть, которую большинство китайцев игнорировало, о чем Цянь также свидетельствует, когда быстро добавляет, что они, конечно, нечто чуть меньшее, чем просто люди.

В течение самых ранних лет династии Хань шань-юем сюнну был военачальник по имени Мао-дунь — один из нескольких предводителей кочевников, чье имя сохранилось. Он настолько качественно организовал свою конфедерацию, что у них даже имелось место, где происходили ежегодные сборы (где-то во Внешней Монголии), и нечто похожее на систему голосования.[5] Гао Цзу собрал огромную армию из трехсот тысяч человек и направился на север, чтобы встретиться с Мао-дунем. Кочевники, как и скифы сто лет тому назад, воспользовались своей мобильностью. Они отступали до тех пор, пока император с личной охраной не вырвался вперед, оторвавшись от основного ядра армии, и тогда развернулись — 400 тысяч вооруженных всадников — и атаковали. Гао Цзу потребовалось семь дней боя, чтобы выйти из окружения.[6]

Тогда правитель Хань решил, что лучше заключить мир. Его империя была переполнена полководцами, которые вели войну с Цинь и которые не оставили мысли о троне; он не хотел начинать параллельную войну против внешних сил, когда они оставались у него за спиной. Он послал сюнну денежные подарки, чтобы успокоить их. Более того, он признал силу Мао-дуня, отослав также одну из своих дочерей в невесты царю-воину.

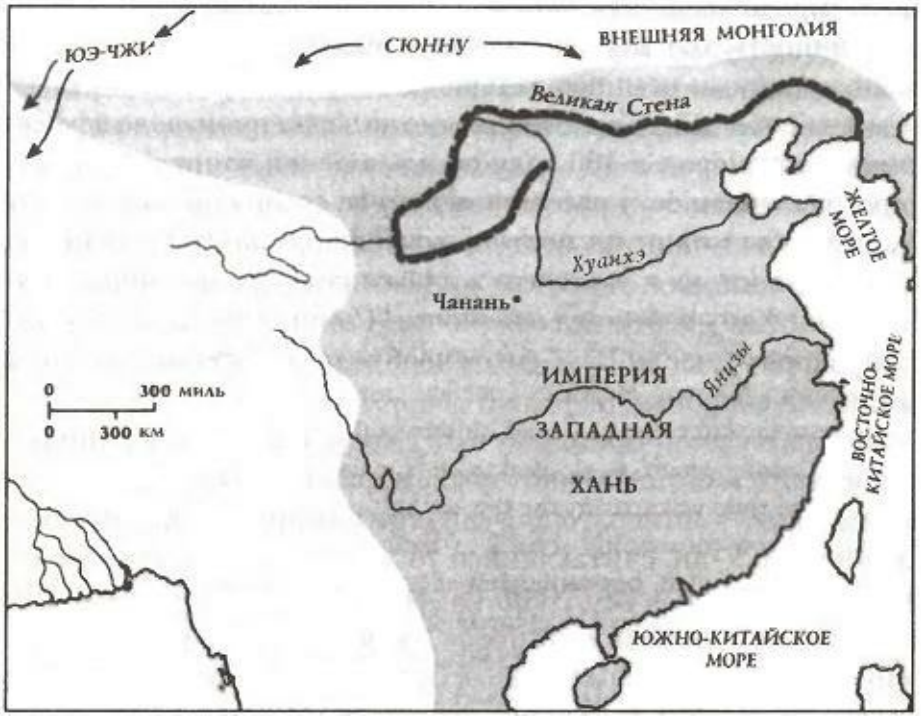
В ранние годы Хань вопрос преемственности стоял особо остро. Гао Цзу умер в 195 году до н. э., после всего семи лет правления. Ему наследовал его младший сын Гуй-ди. Но реальной властью при дворе Хань располагала вдова Гао Цзу — Као-хоу, которая правила в качестве вдовствующей императрицы и регентши при сыне.

Као-хоу была не единственной женой Гао (он также имел целое созвездие сыновей, рожденных знатными женщинами, которые стали его женами и наложницами после того, как он принял титул императора) — но она была его женой в те дни, «когда он был еще простым человеком». Као-хоу была «женщиной с очень сильной волей», а ее сын Гуй-ди оказался «по природе слабым и мягкосердечным».[7] Будучи чрезвычайно жестокой, императрица отравила и приговорила к смерти множество царских сыновей и жен, что вызывало отвращение у ее сына: «Император Гуй каждый день позволял себе пить, — говорит Сыма Цянь — и больше не принимал участия в делах государства».[8] В двадцать три года он умер, чем вовсе не разбил сердце своей матери. «Был объявлен траур, и вдовствующая императрица голосила, — пишет

Цянь, — но ни одна слезинка не упала из ее глаз».[9]

На деле смерть сына позволила ей назначить различных братьев, сестер и кузенов из ее собственной семьи военачальниками, министрами, секретарями и князьями, что укрепило ее личное положение. В сговоре с вдовой Гуй-ди, она представила придворным ребенка, которого объявила бесспорным наследником трона; дворцовые слухи говорили, что на самом деле ребенок был сыном фрейлины (Гуй, очевидно, был постоянно слишком пьян, чтобы завести собственного сына). Новый император был провозглашен правителем, но по мере взросления он начал задавать неуместные и неудобные вопросы о своих родителях. Тогда вдовствующая императрица убила его и назначила на его место другого мнимого сына Гуй-ди.[10]

Этот мнимый наследник позволил ей удержаться у власти еще девять лет, но ко времени, когда в 179 году она умерла, она стала настолько непопулярной, что придворные восстали и убили всех родственников Као-хоу, до которых смогли дотянуться. Устранение ее семьи оставило трон и множество государственных постов открытыми, но династия Хань — в отличие от Цинь — пережила этот кризис. Вопреки хаосу при дворе, дворец не стал потакать жесткому управлению мелких людишек, которые сделали семью Первого Императора настолько непопулярной. «Простые люди преуспели, помня страдания века Воюющих Царств, — суммирует великий историк, — и правитель, и подданные одинаково считали наступившее затишье отдыхом... Наказания назначались редко... так как люди занимались сельскохозяйственными работами, пища и одежда появились в изобилии»}[1] Трон смог не пустить в страну варваров и оставить людей жить своей жизнью — и в результате такой политики невмешательства Китай стал процветающим. Богатые люди не имели больше намерений устраивать смуты; когда непопулярная семья Као-оу была ликвидирована, императором был объявлен другой сын умершего Гао Цзу от одной из наложниц.

Ханьский Китай

Этот молодой человек, Вэнь-ди,[264] унаследовал империю, которая все еще не имела внешних имперских атрибутов — ничего, что удерживало бы ее, кроме памяти о прежних непопулярных и жестоких правителях. И не было никакой причины для подданных, которая склоняла бы людей быть на стороне Вэнь-ди, как царя — противника Цинь. Удержание им власти на протяжении более двадцати лет, до его естественной смерти (он правил с 179 до 159

год до н. э.), указывает на большую долю личных качеств. Как и его отец, он извлекал пользу из отрицательных качеств предшественников и держал руки подальше от местных дел, насколько это было возможно.

Как и его отец, он также стоял перед угрозой вторжения. Кочевники, жившие еще севернее, — не часть конфедерации сюн-ну, а называвшиеся китайцами юэ-чжи — начали продвигаться к югу, на территорию сюнну. Их вел, как и кельтские племена в Европе, комплекс из голода, перенаселенности и амбиций, а их целью было пройти на юг, вторгнувшись непосредственно в Китай.

Но сюнну отогнали их прочь, оттеснив к западу: «Сюнну убили царя юэ-чжи> — рассказывает Сыма Цянь, — и сделали из его черепа сосуд для питья»}[2] (Это предполагает если и не идентичность, то явную культурную связь с кочевниками-ски-фами, жившими немного дальше на западе и имевшими такой же милый обычай.) Такое движение на запад произвело эффект домино: примерно в 160 году до н. э. юэ-чжи вторглись в Бак-трию, завоевали ее и расселились по ее северу, до самой реки Оке. Это был один из первых длительных контактов между людьми с востока и теми, кто жил ближе к Средиземноморью. Династия Хань избежала опасности. Сюнну умели отбиваться от варваров и спасли Вэнь-ди от необходимости сбора большой армии для обороны.

Когда он умер примерно в 157 году, корона без инцидентов досталась его сыну, который, в свою очередь, передал ее своему сыну — императору У-ди, который начал править около 140 года. У-ди, считающийся то ли шестым, то ли седьмым императором династии Хань (в зависимости от того, сколько младенцев вы включите в список), начал свое пятидесятитрехлетнее правление с кампании, отбросившей вторгшихся сюнну немного назад. Это был конец традиции мирного урегулирования, начатой Гао Цзу. Трон Хань оказался теперь достаточно силен, чтобы выносить тяготы войны.

Оттеснение сюнну стало последним деянием У-ди. Он получил несколько относительно мирных десятилетий благодаря мощи Хань за плечами. Подавление Цинь осталось уже довольно далеко в прошлом, так что император наконец смог приложить руки к землям собственной страны в течение достаточного времени, чтобы сформировать нечто более похожее на империю. Снова были введены налоги; У-ди начал контролировать торговлю железом, солью и алкоголем, сделав их правительственной монополией; он урезонил местных чиновников, которые использовали преимущества политики невмешательства центральной власти для собственного обогащения.[13] Он начал перестраивать бюрократическую машину, впервые включив в закон требование, чтобы государственные чиновники проходили квалификационный экзамен.[14]

Вскоре после прихода к власти — вероятно, около 139 года до н. э., — он также отправил посла по имени Чжан Цянь узнать, что лежит за его западной границей. Мы не знаем точно, что побудило его сделать это, но какая-то тонкая струйка товаров и сведений с запада должна была проложить свой путь через границу Хань. Сыма Цянь пишет о любопытстве, проявленном обеими сторонами: «Все варвары далекого Запада вытянули шеи к востоку и жаждали бросить взгляд на Китай», — пишет он.[15]

Путешествие Чжан Цяня сначала шло не особенно гладко: сюнну захватили его и отвезли к шань-юю. Убивать его они не стали, но удерживали в плену и даже предоставили ему жену. После того, как Чжан прожил у сюнну десять лет, за ним «стали менее тщательно следить, чем вначале», что дало ему возможность бежать. Потом он путешествовал по Западу, посетил Бактрию и Парфию и наблюдал за передвижениями кочевников юэ-чжи вдоль северного края Ойкумены. Когда в 126 году он к огромной радости императора, вернулся, то смог доложить об обоих царствах.

Бактрия, рассказал он императору, была землей, населенной земледельцами, но не имела

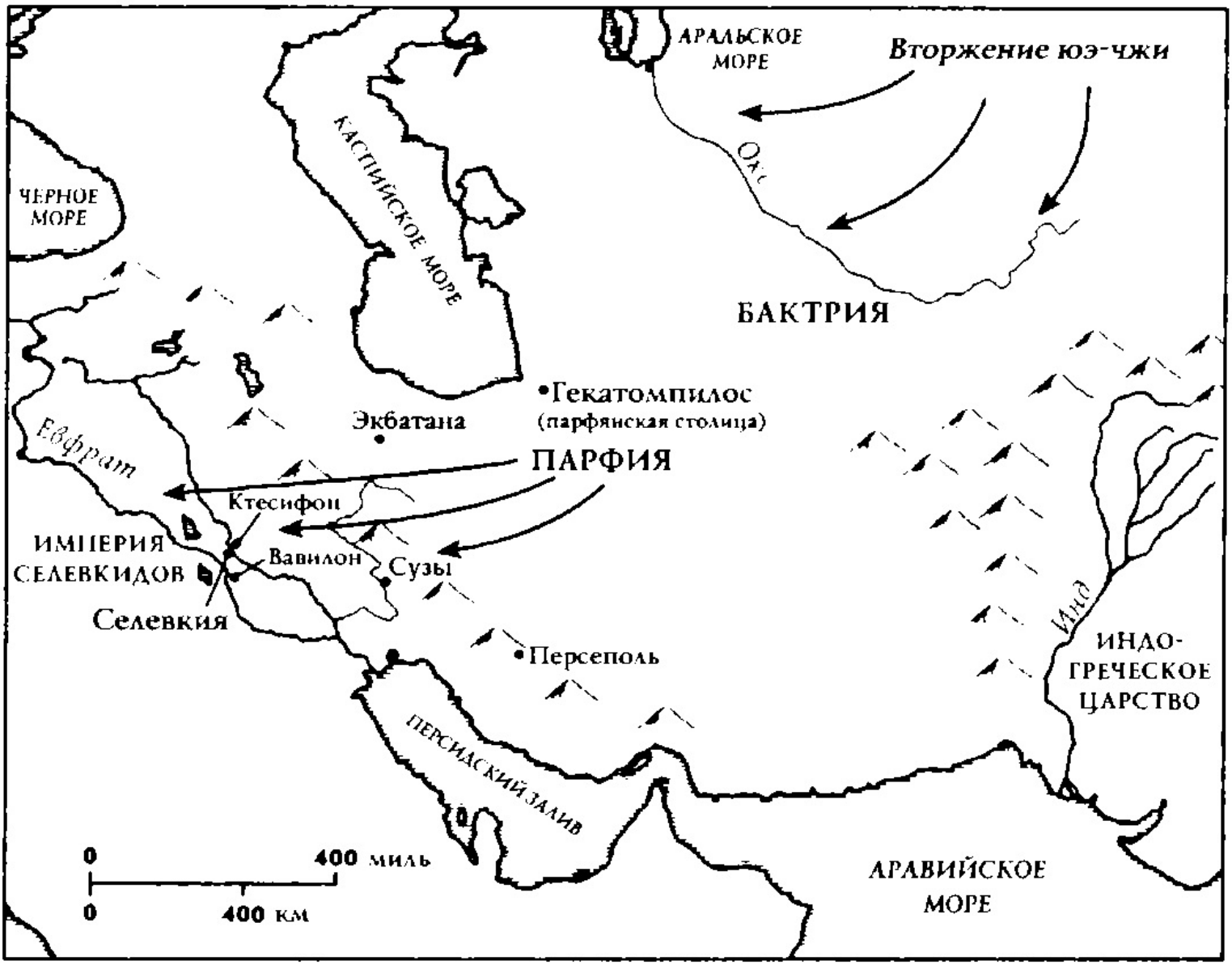
царя, «только несколько мелких вождей, правящих отдельными городами».[16] В действительности сохранившиеся монеты показывают, что последним бактрий-ским царем греческого происхождения был человек по имени Гелиоклес, правление которого пришло к концу около 130 года до н. э., после вторжения юэ-чжи. Чжан Цянь прибыл в Бактрию как раз тогда, когда вторгшиеся кочевники захватывали страну.

Очень похоже на то, что правящая верхушка при появлении кочевников просто ушла на юг, в Индию: Чжан Цянь докладывает также, что бактрийцы рассказали ему о стране, которую они называли Шен-ту, лежащей в «нескольких тысячах ли на юго-востоке», где люди «обрабатывают землю». «Место, по их словам, жаркое и влажное», — говорит он, и идентифицирует их с «жителями, ездящими на слонах, когда идут в битву, а царство их расположено на великой реке». Уход бактрийских греков через горы в Индию разбил Бактрийское царство на два: изначальные греко-бактрийцы, завоеванные теперь юэ-чжи, и «индо-греческое» царство дальше на юге.

Через десятилетия эти «индо-греки» стали гораздо больше индийцами, чем греками. Их самым известным царем был Менандр I, который пришел к власти около 150 года до н. э. Монеты изображают его в греческих доспехах, надписи на них сделаны по-гречески, но он упомянут в священном буддийском тексте, названном по его имени «Милинда Панха» за его приверженность буддизму. «Никто не равен Милинде во всей Индии, — такими словами начинается текст, — могущественному, богатому и процветающему, и количество его вооруженного воинства не знает предела». Несмотря на это, у него возникали нескончаемые вопросы о природе собственной власти и о мире, в котором он сражался за нее. Однажды, после смотра своего «бесчисленного воинства» из «слонов, кавалерии, лучников и солдат-пехотинцев», он попросил о беседе с ученым, который мог бы помочь ему разрешить его трудности, и в последовавшем разговоре был ознакомлен с принципами буддизма.[17]

Согласно тексту, отречение от прежней веры проводилось ультимативно для царя, после чего он становился пилигримом: «Впоследствии, получая радость от познания мудрости Старшего, — заключает повествование, — он передал царство старшему сыну и, покинув домашнюю жизнь, сильно вырос в способности к проницательности».[18] Это возможно, но не слишком похоже на правду; Менандра помнят не только за его обращение в буддизм, но также за расширение границ греческой Индии почти до Паталипутры, а эта кампания должна была занять годы и годы сражений. Более поздняя бактрийская священная книга «Гарги-Самхита» подтверждает это, говоря, что «яванас» («Yavanas»), то есть греки, достигли «больших глиняных крепостей у Паталипутры, все провинции... в беспорядке».

Оставил ли Менандр военные действия или не оставил, его завоевания отодвинули царство Хинду на юг, и он распространил буддизм, что и сохранило его величие в буддистских текстах. Когда он умер в 130 году, его останки были уложены в священные монументы, известные как ступы: «Священные нагромождения, — как называет их Милинда Панха, — под чьим массивным куполом лежат кости великого умершего».

Парфяне

Отчет Чжан Цяня затрагивал и земли дальше на запад, в Парфии, где трон уже очень долгое время занимал один и тот же царь. Антиох Епифан был вынужден отбивать атаки парфян, и три царя Селевкидов, которые наследовали ему, оказались перед лицом все той же опасности. Парфяне не особенно отличались по происхождению от сюнну; они были кочевыми всадниками, стойкими и упорными в битве. Они начали все дальше и дальше вторгаться на границу селевкидов, продвигая ее ближе к Сирии. Ко времени правления третьего царя после Антиоха Епифана — Деметрия II, которого называли также Никатор, — они прошли уже сердце старых ассирийских земель между Тигром и Евфратом. Эта земля теперь находилась под довольно твердым контролем парфян, они строили себе там защитные стены, возведенные из огромных кусков камня. Камни для постройки брались отовсюду вокруг; монументы Ашшурнаяирапала были разобраны и пущены в дело, чтобы охранять его старые владения от захвата Селевкидами.

В 139 году до н. э. парфянский царь Митридат I пленил Деметрия Никатора во время сражения и привез его в Парфию. С Деметрием Никатором обращались хорошо, держали в комфортб-ном заключении, но он провел десять лет пленником Парфии, что было ужасным унижением для царя когда-то великих Селевкидов. Иосиф Флавий заявляет, что он умер, все еще находясь в плену: «Деметрия отослали к Митридату, — пишет он, — и царь Парфии содержал его в большом почете, пока Деметрий не закончил свою жизнь от болезни».™ Другие

рассказы сообщают, что Деметрий бежал и умер позднее — после того, как ему наследовал один его сын (убитый менее чем через год), а затем другой.

Тем временем парфяне подходили ближе и ближе к Вавилону, они возвели лагерь в Ктесифоне, который могли использовать как базу для проникновения еще глубже в земли Селевкидов. Эта растущая мощь парфян отражена в отчете Чжана Цяня своему царю. Парфяне, сообщил он, производят глубокое впечатление и, на его взгляд, являются высоко организованной цивилизацией: «Они обносят города стенами, — рассказал он, — и у них есть несколько сотен городов различной величины». Парфянские земледельцы выращивали рис, пшеницу, виноград на вино; их купцы путешествовали далеко, чтобы торговать с дальними странами. И поэтому их империя протянулась до самых земель, которые Чжан Цянь назвал Тяо-чжи, где «жарко и сыро», и обитают «большие птицы, откладывающие яйца, огромные, как горшки», а также «очень много людей, и ими правят мелкие вожди», но при этом «все вожди ценят царя Парфии, который отдает им приказания и считает их своими вассалами».[20] Это описание месопотамской равнины. Селевкидов вытеснили с земель между реками, теперь они больше не были империей, которая волновала бы римлян.

Их место заняли сами парфяне. Долгое и выдающееся правление У-ди частично совпало с эрой величайшего парфянского царя — Митридата II Великого. Он взошел на трон Парфии в 123 году до н. э. и вскоре начал бепсокоить римские власти в Малой Азии. Один из чиновников, Луций Корнелий Сул-ла, чью биографию записал Плутарх, был послан наблюдать за «безустанными движениями Митридата, который постепенно набирал огромную, вновь приобретаемую власть и господство».[21] Сулла добрался до Евфрата и там встретил посла, которого Митридат выслал ему навстречу: «До того, — говорит Плутарх, — между двумя народами не существовало переписки»; Сулла был «первым римлянином, которому парфяне произнесли речь о союзе и дружбе».

Митридат также отправил купцов и послов на восток. «Когда послы Хань впервые посетили царство Ань-си [то есть Пар-фию], — говорит Сыма Цянь, — ... царь Ань-си отправил своих послов вместе с ними, и после того, как последние посетили Китай и доложили о его огромных размерах и могуществе, царь послал несколько яиц громадных птиц$_y$ которые жили в его местности... ко двору Хань в качестве подарка».

В то же самое время послы с востока ехали на запад. После исследований Чжан Цяня от ханьского двора по его пути были посланы другие люди. «После того, как Чжан Цяню был оказан почет и дарована должность за открытие путей в земли на западе, — сообщает Сыма Цянь, — все чиновники и солдаты, которые сопровождали его$_y$ стали соперничать друг с другом в представлении отчетов императору... прося сделать их послами».[22]

Эти походы на запад включали и сражения, так как войска Хань подавляли сопротивление различных местных племен, через земли которых торились новые торговые пути. Но к 110 году до н. э. торговый путь с запада на восток был окончательно проложен. Аванпосты с китайскими гарнизонами вдоль дороги защищали торговлю от разбойников. Парфяне покупали у Китая товары, в основном шелк и лак, которые не изготовляли сами. Китайская империя покупала парфянских лошадей, ценимых из-за их быстроты и красоты. Все больше и больше иностранных гостей появлялось при дворе Хань, и император провозил их вдоль берега моря, чтобы показать размеры и богатство царства. А в Парфии Митридат II, который появляется и у Плутарха, и у Сыма Цяня, стал мостом между двумя великими и растущими империями Запада и Востока.

Сравнительная хронология к главе 75

Преемники Александра Китай Египет Империя Селевкидов Фракия-Македония Падение Чжоу (256 год до н. э.) ПтолемейIII (246 год до н. э.) Чжуан-сян из Циня Селевк II Деметрий

Ш Чжэн из Циня Антиох Великий ПтолемейIV (222 год до н. э.) Филипп V Династия Цинь (221 год до н. э.) Ши Хуан-ди (ранее Чжэн) Второй Император(209 год до н. э.) Птолемей V(204 год до н. э.) Финикийский мир Династия Хань (202 год до н. э.) Битва при Паниуме (198 год до н. э.) Гао Цзу, Мао-дун из сюнну Селевк IV(187 год до н. э.) Гуй-ди (195 год до н. э.) ПтолемейVI (180 год до н. э.) Персей Као-хоу (188 год до н. э.) АнтиохЕпифан Вэнь-ди (179 год до н. э.) Битва при Пидне (168 год до н. э.) Антиох V Деметрий I Деметрий II У-ди (140) Митридат II из Парфии(123 год до н. э.) Экспедиция на запад Чжан Цяня

Глава семьдесят шестая
Крушение системы

Между 157 и 121 годами до н. э. римляне разрушают Карфаген, подавляют восстание рабов и наносят смертельный удар по Республике

Рим возобновил торговлю с Карфагеном. Северо-африканский город был хорошим источником золота и серебра, вина и фиг. Итак, два города поддерживали нелегкий, но взаимовыгодный мир.[1]

Однако Карфаген был в опасности. Договор, завершивший Вторую Пуническую войну, лишил Карфаген большей части армии и флота, что делало город уязвимым для желавших напасть на него. Самыми опасными были африканцы Нумидии, царства, которое лежало на северо-африканском берегу южнее Карфагена. Царь Нумидии, Масинисса, был союзником Рима; он отправлял солдат к Сципиону Африканскому сражаться против Карфагена, а Рим помогал ему увеличивать его владения. Масинисса также донес на карфагенян, когда они принимали посланцев от Персея из Македонии во время попытки Персея отыскать поддержку, чтобы выгнать римлян. С окончанием Второй Пунической войны он осуществлял вооруженные набеги на участки карфагенской территории и объявлял их своими. «Легкое дело для человека, который не имеет совести», — замечает Ливий, так как согласно римскому договору карфагенянам было запрещено использовать оружие против любого союзника Рима.[2]

В 157 году до н. э. римское посольство под руководством престарелого государственного чиновника Марка Катона прибыло в Северную Африку, чтобы приказать нумидийцам оставить Карфаген в покое. Но Катон, всегда бывший одним из самых неистовых противников карфагенян в Сенате, оказался поражен тем, что увидел в Карфагене. Город был не в «истощенном и плохом состоянии», как предполагали римляне, а (по словам Плутарха) «густо заселенным, полным богатств, различного оружия и снаряжения». Катон спешно вернулся в Рим и предупредил Сенат, что «они сами могут оказаться в опасности, если не найдут способа следить за таким быстрым новым ростом давнего римского непримиримого врага»?

Не все сенаторы были убеждены, что римским войскам нужно немедленно отправляться в Карфаген; некоторым казалось, что Катон, почти восьмидесятилетний, просто повторяет прошлые страхи. Когда ему возразили, он начал докучать сенаторам, заканчивая каждую свою речь, независимо от темы, словами: «И в заключение, я считаю, что Карфаген должен быть полностью разрушен».[4]

Мучимый таким образом, Сенат делал постоянные запросы в Карфаген, чтобы удостовериться в его лояльности. Наконец, Рим потребовал, чтобы карфагеняне покинули свой город и построили новый, по крайней мере, в десяти милях от берега. Карфагеняне с возмущением отказались. В 149 году до н. э. римские корабли отплыли к северо-африканскому

берегу под командой Сципиона Эмилиана, внука великого Сципиона Африканского, и началась трехлетняя осада. Это была исключительно карательная экспедиция, иногда ее называют «Третьей Пунической войной».[5] Как только осада началась, Катон умер от старости; его эпитафией в устах многих римлян звучали слова, что «Катон развязал третью и последнюю войну против карфагенян».[6]

Карфаген не был единственной неприятностью на повестке дня сенаторов. В Греции проблему создавала Спарта.

Она не была больше доминирующим городом в Ахейской Лиге, своей старой ассоциации — теперь ее контролировали другие города Лиги. Обиженная Спарта объявила о своем намерении обратиться напрямую к Риму (теперь молчаливо признаваемому реальной силой на Греческом полуострове). Другие города Лиги немедленно провели закон, устанавливающий, что только организация в целом может обращаться к Риму.

Спартанцы отреагировали на это так, как реагировали веками, — вооружились и стали угрожать войной. Негодующие письма последовали в Рим от спорящих с обеих сторон. Римский посол, находившийся в Македонии по другим делам, отправил распоряжение остановить конфликт, пока римские официальные лица не прибудут, чтобы помочь разобраться в деле. Но оказалось слишком поздно. К 148 году мечи уже были вытащены.

На следующий год римские дипломаты прибыли в Грецию, чтобы посредничать в споре. Свои обсуждения они проводили в городе Коринф и пришли к заключению, благоприятному для Спарты. Это оказалось не самым умным решением; коринфяне, раздосадованные до ярости, взорвались и начали жестоко избивать каждого, кто был похож на спартанца. Римские чиновники, оказавшиеся в мятежном городе, также пострадали.

Возмущенные римляне вернулись в Рим и расписали инцидент в наихудшем свете: «Они заявили, — говорит Полибий, — что с трудом спаслись, едва не погибнув... они представили неистовство, с которым столкнулись, не как результат внезапного взрыва, а как умышленное намерение части ахейцев нанести им сознательное оскорбление».'

В ответ римский флот отправился в Грецию, где войско из двадцати шести тысяч солдат и тридцати пяти сотен кавалерии под командованием консула Мумия разбило лагерь на Коринфском перешейке. Некоторые города Ахейской Лиги попытались сопротивляться, объединив свои силы под командованием коринфского военачальника. Но вскоре греческая армия развалилась, коринфский командующий бежал, а затем отравился; разбитые войска Ахейской Лиги отступили в Коринф и укрылись в городе. Мумий предал город огню, и римляне опустошили его.

В результате Рим полностью поглотил Грецию.

Если верить Полибию, греческие города сами навлекли на себя беду: «Карфагеняне, во всяком случае, оставляли что-либо для потомков, чтобы заявить о себе, — пишет он, — но ошибки греков так бросались в глаза, что для тех, кто хотел поддержать их и сделать что-либо, это становилось невозможным». То же самое он мог бы сказать и о Македонии, которая продолжала разыгрывать из себя гостеприимную хозяйку для людей, заявляющих о своей принадлежности к македонской царской линии, пока римляне не захватили ее и не превратили в провинцию, отобрав даже мелкие свободы, которые до того республика ей предоставляла.

Тем временем Карфаген, который «оставлял хоть что-то для потомков, чтобы заявить о себе», был в огне. В тот же год Сципион Эмилиан со своими людьми в конце концов покончил с городом. Римские солдаты бегали по улицам, поджигая дома. Потребовалось две недели, чтобы сжечь Карфаген дотла. Полибий был там сам, стоя рядом со Сципионом Эмилианом, когда Карфаген исчезал:

«При виде города, целиком погибающего в пламени, Сципион разрыдался... И на мой прямой

вопрос (так как я был его учителем), что это значит... он резко обернулся, схватил меня за руку и произнес: „О, Полибий, это великое дело, но не знаю почему, я испытываю ужас и страх, что кто-нибудь однажды отдаст такой же приказ по поводу моего родного города ”».[8]

Земля, где когда-то находился Карфаген, стала теперь римской провинцией Северная Африка. Рим завоевал все древние державы, которые лежали поблизости. Парфия, Египет и то, что осталось от Селевкидского царства, находились пока вне досягаемости.

До проведения дальнейших кампаний Рим должен был решить «домашние» проблемы. Успех римских войн до этого момента превратил тысячи и тысячи иностранных пленных из новых римских провинций в рабов. Они были собственностью своих хозяев, их можно было при желании бить, насиловать, морить голодом — но как только римский хозяин освобождал своего раба, этот раб становился римским гражданином со всеми гражданскими правами. Это, как указывает историк М. И. Финли, делало римский институт рабства очень странным явлением. Единым актом живая собственность становилась человеческим существом, и так как римские рабы были всех цветов кожи (в отличие от рабов американского Юга, которые, даже освободившись, напоминали цветом кожи, что когда-то принадлежали к классу рабов), они «растворялись в общем населении в течение одного, максимум двух поколений»[265].[9]

На практике рабы, как бы с ними не обращались, прекрасно знали, как близко они по существу находятся к хозяевам. К 136 году до н. э. уже тысячи таких рабов находились на Сицилии, которая преуспевала после своего освобождения от владычества карфагенян. Как пишет Диодор Сицилийский:

«Сицилийцы обращались с ними при помощи тяжелой руки на службе и очень мало о них заботились, давая самый минимум пищи и одежды... Рабы, страдающие от лишений и частых надругательств, избиваемые без всякой причины, не могли терпеть такое обращение. Собираясь вместе, когда позволяли обстоятельства, они обсуждали возможность мятежа, пока наконец не привели свои планы в действие».[10]

Первое восстание разразилось в городе Энна, где четыреста рабов собрались в отряд, чтобы убить рабовладельца, известного своей жестокостью. Они вырезали всех в его доме, даже детей, сделав единственное исключение для его дочери, которая выказывала доброту к рабам своего отца. Затем они назначили своим царем и лидером харизматического раба по имени Эвн, который, по слухам, обладал магической силой. Конечно, он умел гладко и убедительно говорить и показал себя неплохим стратегом. Опять дадим слово Диодору:

«В три дня Эвн собрал более шести тысяч человек, вооруженных чем было возможно... Затем, так как он продолжал набирать бессчетное количество рабов, он отважился на сражение с римскими полководцами, и, вступая в бой, несколько раз победил их, просто задавливая числом, так как теперь у него было более десяти тысяч солдат».[11]

К инициативе Эвна вскоре присоединились другие лидеры рабов, которые действовали как офицеры под его командованием. В конечном счете от семидесяти до двухсот тысяч примкнули к его восстанию, которое стало известно как Первая война рабов. Под влиянием этих событий мятежи вспыхнули в Риме, а затем в нескольких греческих городах. Они были подавлены, но военные действия на Сицилии продолжались.

Первая война рабов длилась три года — частично потому, что положение сицилийских рабовладельцев не вызывало жалости у сицилийского трудящегося люда. «Когда эти многочисленные проблемы обрушились на сицилийских хозяев, — пишет Диодор Сицилийский, — простой народ не только не симпатизировал им, но даже тайно злорадствовал по поводу их положения, что было вызвано завистью из-за неравенства в различных сферах». Многие крестьяне пользовались возможностью поджечь усадьбу богача и обвинить в разорении

восставших рабов.[12] Они ничего не предпринимали, чтобы восстановить старый порядок, потому что сами страдали от него.

И в этом Сицилия была не одинока. Не только римские провинции, но и сам Рим страдал от растущего разрыва между богатыми и бедными. Постоянные военные действия Рима означали, что сотни тысяч римских пехотинцев уходили на войну и возвращались, со скудными средствами, иногда искалеченные, к неухоженным хозяйствам, обваливающимся домам и неоплаченным долгам.[13] Тем временем купцы пользовались преимуществами новых открывающихся торговых путей, чтобы развивать бизнес, а общественные деятели получали все большие и большие доходы от новых облагаемых налогами земель. Управление Римом завоеванными территориями также было не особенно успешным. Римский историк Аппиан, примерно через двести лет написавший книгу «Гражданские войны», описывает общую ситуацию для местности, захваченной на Италийском полуострове:

«Когда римляне покорили военными действиями одно за другим италийские племена, они захватили часть земель... Так как у них не было времени [продать или сдать] часть, разоренную войной, а это обычно была большая часть территории, они огласили призыв, что в настоящее время любой, кто хочет обрабатывать землю, может делать это за долю животного продукта... Богатый, взявший большую часть ничейных земель... и добавивший к своим владениям часть земли через покупку, а часть силой, за счет мелких хозяйств своих бедных соседей начинал обрабатывать большие территории вместо одного поместья».[14]

Чтобы обрабатывать эти большие земельные пространства, землевладельцам требовалось много рабочей силы — но по римским законам наемный работник, если он был свободным человеком, мог быть привлечен на военную службу. Поэтому богатые землевладельцы покупали все больше и больше рабов, которые были освобождены от призыва. «Таким образом, — отмечает Аппиан, — влиятельные граждане немедленно становились богатыми, а класс рабов по всей стране умножался». Все простые работники оказались задавленым «бедностью, налогами и военной службой».

Самую громкую оппозицию этой системе составил трибун по имени Тиберий Семпроний Гракх, сын консула. Он служил у Сципиона Эмилиана во время кампании против Карфагена, где приобрел славу первого человека, взобравшегося на вражескую стену. [15] Служа за границей, он видел земли римских провинций, захваченные богатыми, где пастухи и крестьяне были выдворены со своих участков. Он вернулся в Рим и вступил на политическую стезю, намереваясь провести реформу. В своих публичных речах он говорил, что римские военачальники приказывают солдатам сражаться за свой домашний очаг, когда те же самые солдаты находятся на грани потери своих домов: «Он говорил им, — рассказывает Плутарх, — что в действительности они сражались и рисковали жизнью лишь затем, чтобы умножить роскошь и богатство других людей. Их уничтожали хозяева мира, они не получали ни клочка земли, которую могли бы назвать своей собственной».[16]

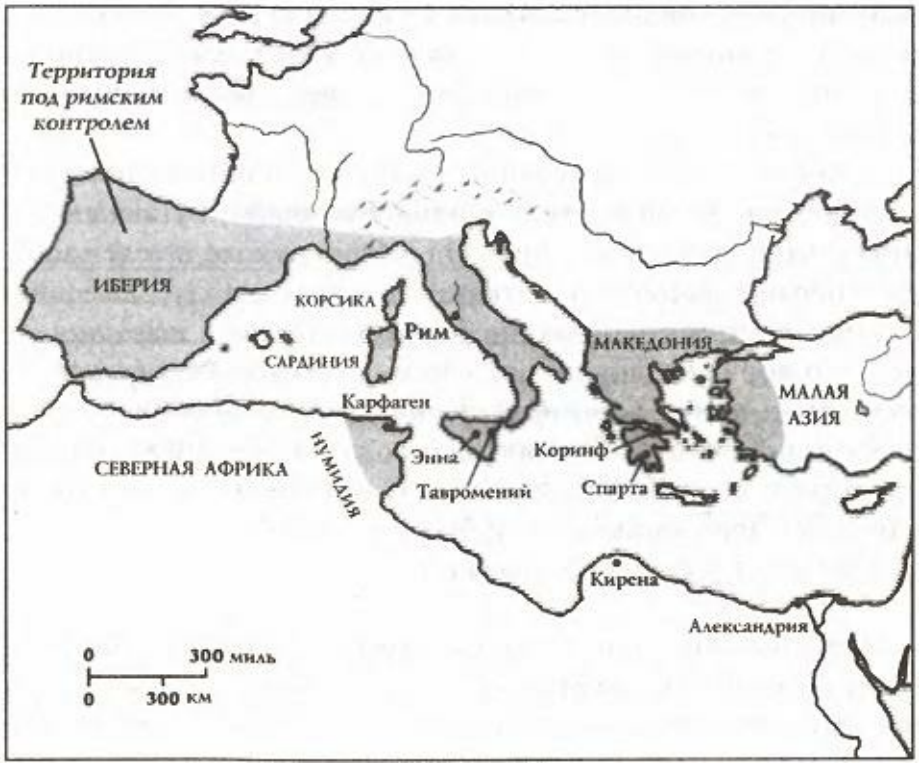
Реформы Тиберия Гракха предлагали то, что могло помешать дальнейшему росту богатых поместий, и были, естественно, непопулярны среди зажиточных римлян. Эти римляне убедили его коллег-трибунов наложить вето на законопроект Тиберия. Это было вполне законно: каждый трибун имел право наложить вето на любой закон, предложенный другим. Так как Тиберий заподозрил, что не обошлось без взяток, он решил действовать с нарушением римской конституции. С помощью своих сторонников он заблокировал целый ряд общественных служб и объявил, что они не начнут работать снова, пока его закон не будет представлен на публичное голосование.

Это было нарушением закона ради блага граждан — но данное действие восстановило

римских законодателей против Тиберия Гракха. Не важно, каковы были его намерения, но он дал опасный прецедент, использовав личную популярность у масс для утверждения своей политики вне Сената.

Эти страхи не исчезли, когда закон все-таки был принят, а Тиберий назначил себя, своего тестя и своего младшего брата для наблюдения за его воплощением в жизнь. Все больше людей начало протестовать — не только законодатели, но и простолюдины, которые всегда были на стороне Тиберия. Он обошел своих товарищей-трибунов, а предполагалось, что институт трибунов служит защитой для простого народа. Были те, кто желал, чтобы его реформы прошли — но многие беспокоились из-за его методов.

В 132 году до н. э. подозрения, которые окружили Тиберия Гракха, вылились во взрыв, когда на перевыборах он выдвинул себя на должность трибуна. Он в тот день находился на Капитолии, когда по толпе поползли слухи: богачи не позволят подсчитать голоса за него; объявились убийцы, посланные, чтобы убрать его. Люди вокруг все больше воодушевлялись. А в центре всей этой суматохи Тиберий поднял руку к голове. Согласно Аппиану, это был знак его сторонникам, что пора перейти к силе, дабы предоставить ему власть. По словам Плутарха, стоящие вокруг него подумали, будто он попросил короновать его (что абсолютно не было на него похоже). Замелькали дубинки и палки, кто-то нанес первый удар, затем прорвалась вся толпа. Сенаторы ломали скамьи и использовали их обломки как оружие. Согласно Плутарху, первым, кто ударил самого Тиберия, был один из трибунов, вооруженный ножкой стула. Тиберий упал и был забит до смерти вместе с тремя сотнями других жертв беспорядка. Ему едва исполнился тридцать один год.

Восстания рабов

Все тела, включая труп Тиберия Гракха, были сброшены в Тибр без проведения традиционной церемонии погребения. «Это, — говорит Плутарх, — стало первым предостережением для римлян со времен отмены царского правления, которое утонуло в крови»}[1] До этого Сенат и простолюдины умудрялись разрешать свои противоречия в рамках, установленных римской конституцией; но убийство Тиберия Гракха нарушило эти границы, и они никогда больше полностью не восстановились. Позднее сами римляне воспринимали удар,

который погубил его, как фатальный шаг в эволюции Республики. Но на деле

Тиберий Гракх первым нанес ей удар, когда решил обойти то-варищей-трибунов в пользу бедняков. «Он лишился жизни, — заключает Аппиан, — потому что следовал прекрасному плану чересчур незаконным путем»}[8]

В том же году Первая война рабов на Сицилии наконец-то завершилась, когда консул Публий Рупилий с пугающей жестокостью подавил восстание. Он осадил руководителей мятежа в городе Тавромений и отказался снять блокаду, даже когда условия внутри стали неописуемыми. «Начав с поедания детей, — говорит Диодор, — осажденные перешли на женщин и не удержались от поедания друг друга»}[9] Когда Тавромений сдался, Рупилий пытал рабов внутри города, а затем сбросил их, все еще живых, со скал. Затем по всей Сицилии он начал охоту на раба-царя Эвна, поймал его и бросил в тюрьму, где «его плоть превратилась в кишащую вшами массу».[20]

Через восемь лет после смерти Тиберия Гракха его брат Гай Гракх (бывший на девять лет моложе Тиберия) также выставил свою кандидатуру для избрания трибуном. Он был, как пишет Плутарх, честным и страстным там, где Тиберий был спокойным и сдержанным, и вспыльчивым и ревнивым там, где его брат был осторожным и точным в речи. Он набрал достаточно голосов, чтобы стать младшим трибуном, и вскоре показал, что намерен использовать смерть брата в своих целях. Его реформы были даже еще более радикальны, чем реформы Тиберия; он предложил, чтобы все общественные земли были поделены между бедными, чтобы солдат-пехотинцев одевало государство, чтобы всем жителям Италии было дано право голоса как часть их гражданских прав, и с полдюжины других крупных перемен в римской практике. Консулы сделали все от них зависящее, чтобы заблокировать его нововведения. Разочаровавшись, Гай поднял своих сторонников «противостоять консулам силой», и когда две партии столкнулись лицом к лицу, еще один мятеж превратился в кровопролитие.[21]

Гай Гракх был убит в бою. Ему отрубили голову и привезли ее одному из консулов в качестве трофея. Три тысячи римлян также пало в этом конфликте. Снова тела сбросили в Тибр, который на этот раз чуть не забили трупами.

Тиберий Гракх умер в драке дубинками и палками, а в мятеже, когда погиб Гай Гракх, использовались уже мечи. Обе стороны вооружились для стычки заранее.

Сравнительная хронология к главе 76

Китай Рим Династия Цинь (221 год до н. э.) Ши Хуан-ди (ранее Чжэн) Вторая Пуническая война (218 год до н. э.) Битва при Каннах Второй Император (209 год до н. э.) Династия Хань (202 год до н. э.) Битва при Заме (201 год до н. э.) Гао Цзу Вторая Македонская война Гуй-ди (195 год до н. э.) Као-хоу (188 год до н. э.) Кумы меняют свой язык на латинский Вэнь-ди (179 год до н. э.) Третья Македонская война \ (171 год до н. э.) Третья Пуническая война (149 год до н. э.) У-ди (140 год до н. э.) Разрушение Карфагена (146 год до н. э.) Путешествие Чжан Цяня на запад Первая война рабов (135 год до н. э.) Смерть Тиберия Гракха Смерть Гая Гракха

Глава семьдесят седьмая
Проблемы процветания

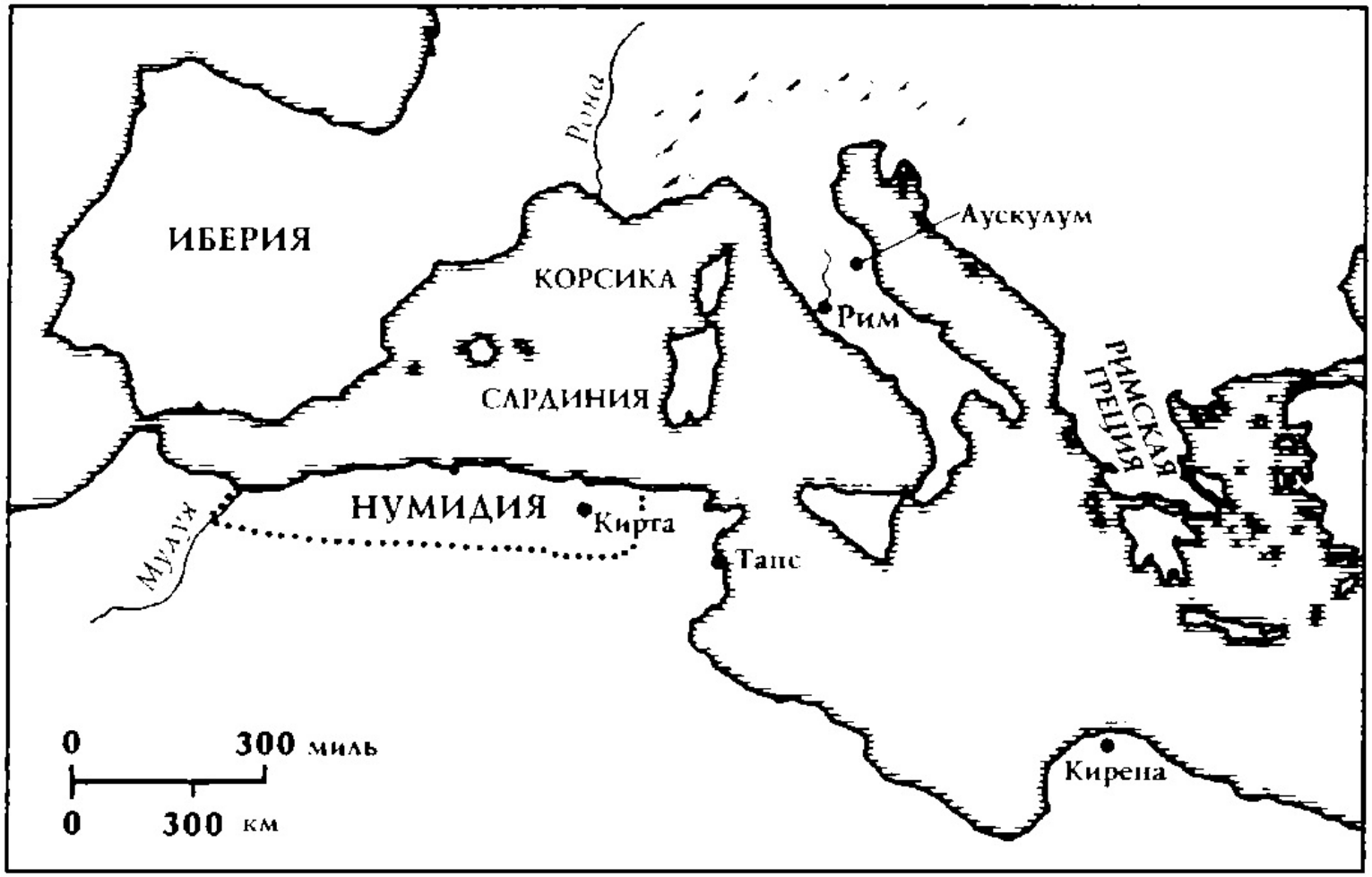
Между 118 и 73 годами до н. э. союзники Рима требуют гражданства, династия Хань тратит слишком много средств на завоевания, а Сулла и Марий борются за власть в Риме

После поражения Гракхов стало ясно, что новые законы не принесут решения проблем,

растущих между феодалами и безземельными слоями населения. Ни римская конституция, ни выборная система трибунов и консулов, ни сенаторы и судьи, ни проверки и балансы не гарантировали справедливости. Воля богатых или обаяние популярной личности всегда может это разрушить. Новые законы не помогали и теперь. Почти каждый римский оратор оглядывался с тоской на золотой век «до разрушения Карфагена», когда Республика еще была здоровой. «Вплоть до разрушения Карфагена, — писал римский историк Саллюстий несколькими годами позднее, вторя стенаниям времени, — население и Сенат мирно и с должным самообладанием делили места в правительстве, и противники не соревновались за славу и власть; страх перед врагами сохранял высокий моральный дух в государстве

То, что подобного времени не было никогда, находилось вне обсуждения: римлянам требовалось тосковать по воображаемому «золотому веку», чтобы справляться с настоящим. Рим был когда-то незапятнанным, а теперь пропитан жадностью, коррупцией, гордыней, общим упадком и другими продуктами процветания, оценка которых лишь подтверждалась бедой, получившей название Югуртинской войны.

Южнее, в Северной Африке, царь Масинисса из Нумидии передал трон своему сыну Мисипсе. Этот сын, теперь уже человек в летах, имел двух сыновей и племянника по имени Югур-та. Племянник не являлся наследником, поэтому Мисипса планировал для него военную карьеру и отослал его командовать нумидийскими войсками, сражаться вместе со Сципионом Эмилианом. Тут Югурта подружился с римскими офицерами, которые заверили его (как пишет Саллюстий), что он может подкупить римское правительство, чтобы оно посадило его на трон дяди: «За деньги в Риме можно купить все, что угодно».[2]

Нумидия

Когда Мисипса в 118 году умер, Югурта отобрал трон силой; его приспешники убили одного из кузенов, другому же, Адгерба-лу, удалось бежать из страны. Чтобы быть уверенным,

что римляне не примут сторону законного наследника, Югурта «направил в Рим послов с золотом и серебром» для подкупа сенаторов. Это сработало: «Их резкое негодование по поводу Югурты сменилось любезностью и расположением», — замечает Саллюстий.[3]

Адгербал явился в Рим с просьбой о помощи — но обнаружил, что деньги Югурты уже утвердили того на троне. Сенат отдал распоряжение, чтобы царство разделили между ними обоими. Когда они оба оказались в Нумидии, Югурта начал против Адгербала войну, заманил его в свою столицу и замучил там до смерти.

Народное возмущение не оставило Сенату возможности игнорировать произошедшее. Bill году в Нумидию послали консула с армией, чтобы наказать Югурту. Но, как и многие другие римские официальные лица, консул был открыт для коррупции. «Югурта заслал агентов, которые посулили консулу деньги», — говорит Саллюстий, и тот «быстро поддался», подвергнув Югурту символическому штрафу, а затем вернулся домой. [4] Тогда было отправлено другое официальное лицо, чтобы доставить Югурту в Рим для ответа перед судом — но, оказавшись в Риме, он заплатил трибуну, чтобы тот остановил разбирательство. Сенат отослал Югурту домой. Проходя через городские ворота, он, как говорят, оглянулся и произнес: «Вот город, выставленный на продажу, и если он найдет покупателя, его дни будут сочтены!»[5]

Этот парад подкупов разозлил римскую публику, которая узрела в нем все, что сама ненавидела в собственном коррумпированном правительстве. Но лишь в 109 году до н. э. на сцене появился некий римский офицер, приобретший в деле Югурты репутацию честного человека. Его звали Гай Марий, и он был «новым человеком», то есть выходцем из семьи, не имевшей ни политической власти, ни денег. Он уловил настроение римлян, что сослужило ему хорошую службу. Два года он провел, честно сражаясь в Северной Африке, а в 107 году его избрали консулом.[266]

После этого он провел еще три года в лагерях, сражаясь против Югурты. Наконец с помощью своего старшего офицера Луция Корнелия Суллы (тот самый Сулла, который встречался с Митридатом II, устанавливая контакт между римлянами и парфянами около пятнадцати лет тому назад), Марий смог заманить Югурту в ловушку и взять его в плен.

Югурта в цепях был препровожден в Рим, став символом не просто римской победы, а триумфа честности простолюдина над коррупцией аристократии. Самого Мария приветствовали как победителя. Впоследствии его избирали консулом еще пять раз подряд.

В действительности это противоречило римской конституции, которая не позволяла служить консулом год за годом (и приобретать все больше и больше власти). Но Марий стал народным любимцем. К тому же, конституция не помешала забыть закон ради богатых и могущественных или ради прежних борцов за простой люд, братьев Гракхов, — так почему бы она должна быть против теперь?

Впрочем, самого Мария, одарившего гражданством тысячи италийских союзников Рима за их помощь в битве, все же обвинили в нарушении конституции: «Простите, — ответил он на это, — но шум битвы помешал мне расслышать требование закона»?

После шести консульств Марий — понимая, что вероятность победить в седьмой раз мала, — взял самоотвод, выйдя в отставку. Рим не вел настоящих войн со времени взятия в плен Югурты, а Марий (как пишет Плутарх) «не имел склонности к мирной жизни в качестве простого гражданина».[7]

Однако настоящая война не заставила себя долго ждать. Италийские города на полуострове, все — римские подданные — много лет просили сделать их полноценными римскими гражданами с правом голоса. Но эту привилегию Сенат предоставлял весьма скупо. Общее

ощущение, что простой люд Рима попирается ногами, выплеснулось наружу, и на окружающих итальянцев также. Они осознали, что мало внимания уделяется их постоянным просьбам: «Тиберий Гракхбыл настойчив при поддержке граждан, — заметит Цицерон позднее, — но отрицал права и договоренности с союзниками и латинянами»? Теперь союзники и латиняне хотели участвовать в делах Рима[267] — и быть, по словам древнего историка Юстина, не просто гражданами, но партнерами в могуществе Рима.[9]

Когда Сенат отказался поделиться своей властью, поднялась волна антиримских настроений. Сначала это приняло форму отрицания римских обычаев и латинского языка в пользу старых языков Италии; историк Э. Т. Салмон говорит, что надписи, найденные в италийских городах этого периода содержат необычное количество архаичных слов. [10] За этим последовало объединение ряда италийских городов в новую ассоциацию, которую они назвали Италия. В 91 году возмущенные италийцы в городе Аскулум убили римского офицера, и борьба началась по-настоящему.

Эта так называемая «Союзническая война» была странным явлением — чем-то средним между гражданской войной и вторичным покорением местных племен. Рим медленно, силой и уговорами заставлял италийские города возвращаться в свой загон. Консул 90 года до н. э., член аристократического, но бедного клана Юлий Цезарь принял стратегию, которую успешно использовал Гао Цзу век тому назад: он предложил гражданство всем италийским союзникам, которые откажутся от мятежа. Римские армии выступили против городов, оставшихся враждебными. Марий, теперь уже почти семидесятилетний, вернулся из отставки, чтобы возглавить кампанию против северных городов, но его амбиции оказались крепче, чем его тело. Продвигался он медленно, его решения были нечеткими; в конце концов, говорит Плутарх, «он почувствовал, что совсем не способен продолжать воевать из-за плохого здоровья», и ушел в отставку вторично.[11]

Бывший помощник Мария, Луций Корнелий Сулла, лучше показал себя в Союзнической войне. Он возглавил кампанию на юге; двадцать лет в подчинении Мария сделали его способным выносить суровость лагерной жизни. Он одерживал победу за победой. «Сулла добился столь замечательных успехов, — говорит Плутарх, — что его сограждане стали считать его великим полководцем»}[2]

К 88 году до н. э. Союзническая война окончилась. Рим снова стал хозяином полуострова, а италийские города завоевали полноправное римское гражданство. Сулла выдвинул себя в консулы и был избран на эту должность благодаря своей репутации великого военачальника. Он ожидал, что ему дадут лакомый кусочек военной работы на этот год, чтобы повести римские легионы в Малую Азию против создающего проблемы тамошнего царя, Евпатора Дионисия из Понта[268], северо-западного царства, которое угрожало поглотить дополнительные территории Малой Азии.

Победоносная война против Евпатора Дионисия, безусловно, стала бы тропой к славе, и Сулла был очевидным кандидатом для этой работы. По существу, он уже находился в сельской местности с тридцатью пятью тысячами солдат, готовя их к грядущей кампании. Но Марий все сильнее ревновал к своему старому помощнику. Хотя он и был теперь пожилым человеком, часто болел и располнел, однако попросил Сенат доверить кампанию против Евпатора Дионисия ему.

Многие римляне посчитали это решение странным. («Они предполагали, — говорит Плутарх, — что Марию, напротив, следует перебраться в теплые места и понежиться там, так как он уже утомлен летами и походами».[13]) Однако Марий не без пользы десятилетиями жил возле римских политиков. Он подкупил одного из трибунов, чтобы тот поддержал его

притязания на место главнокомандующего. Трибун, некто Суль-пиций, собрал группу вооруженных людей, которых он называл «противниками Сената», и смог, слегка угрожая мечами, добыть для Мария нужное назначение. Он послал также двух трибунов, чтобы те взяли на себя командование армией Суллы и отвели ее к Марию.

Когда трибуны прибыли к войскам, армия их забила до смерти камнями.

«В течение многих лет под поверхностью Рима существовал гнойник, — говорит Плутарх, — и сложившаяся ситуация про-рвала его».[14] Разразилась полномасштабная гражданская война. Внутри Рима Марий и Сульпиций со своими вооруженными головорезами «начали убивать друзей Суллы». Сенаторы, испугавшись за свои жизни, дополнительно отправили Сулле нерешительный приказ сдать командование. Вместо этого тот собрал легионы и предложил им пойти на Рим.

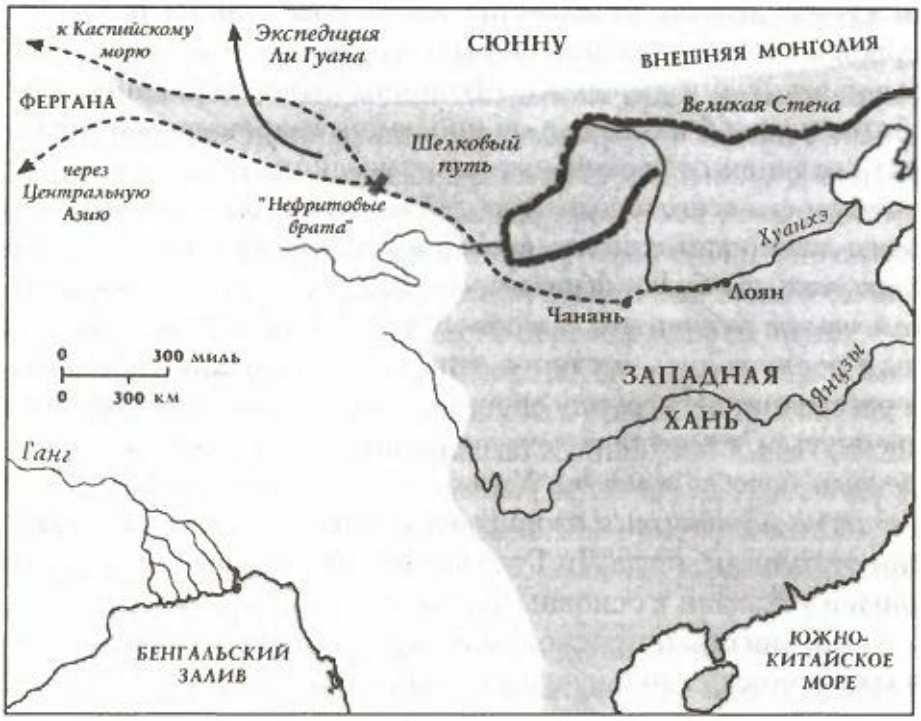
Это было грубое нарушение римской конституции: ни один консул, которому доверили военные силы, не имел права использовать их в помериуме — пространстве, отделяющем римские стены от внешнего мира. Внутри город целиком был сферой деятельности Сената. Но раз дело касалось Суллы, Марий нарушил это ограничение и задействовал людей Суль-пиция. Ему тоже пришлось нарушить конституцию, чтобы обороняться.

Некоторые офицеры Суллы отказались вторгаться в поме-риум. Сулла, зная, на какое серьезное нарушение закона он собирается идти, даже не уговаривал их; он просто ушел без них. Когда он подступил к городу, Сенат попросил его остановиться вне стен, чтобы дать им время разобраться в сложившейся ситуации. Полководец отказался, ворвался сквозь ворота с факелом в руке, крича, чтобы его люди поджигали дома его врагов. «В пылу воодушевления моментом он позволил гневу диктовать свои поступк», — говорит Плутарх. — Все, кого он видел, были врагами, а он... использовал пламя как способ своего возвращения в Рим, — пламя, которое не различало виноватых и невиновных»}[5]

Марий бежал в Северную Африку. Сульпиция взяли в плен, и Сенат, созванный Суллой (и его вооруженными людьми), покорно приговорил Сульпиция к смерти (а также заочно вынес смертный приговор Марию). Сулла, идя по тонкой линии между восстановлением порядка и действиями в стиле военного диктатора, немного отступил и позволил провести свободные выборы консула. Человеком, которого избрали, оказался Луций Цинна, который не был другом Суллы. Но он поклялся быть лояльным к своему коллеге-консулу и слушаться Сената.

Сулла, который пока так и не заработал себе славы в Малой Азии, оставил город в руках Цинны и Сената и снова собрал армию вне стен города. Затем он отправился на восток, направляясь к Понту и войне.

* [269] *

Шелковый путь

Другая великая империя на другом конце мира также страдала от нарастающих внутренних проблем. Пока Рим погряз в Союзнической войне, император У-ди — правивший вот уже пятьдесят четыре года — заканчивал десятилетнюю кампанию против соседнего народа сюнну. Последний все еще пытался угрожать территориям Хань и землям на западе вдоль нового торгового тракта — Шелкового Пути.

К 101 году ханьский генерал Ли Гуан был назначен командовать самой дорогостоящей кампанией в китайской истории: завоеванием северо-западных земель — Ферганы* или Тай-юань.[16]

Ли Гуан сражался за империю Хань более тридцати лет; его первой военной экспедицией было отражение вторжения сюнну в далекие дни императора Вэнь-ди. Сыма Цянь пишет, что в более поздней кампании он продемонстрировал свой интеллект, спасшись от нескольких тысяч всадников сюнну, которые отрезали его всего с сотней людей от основных сил. Он велел своим всадникам сойти с лошадей и снять седла: «Они ожидают, что мы будем убегать, — сказал он, — а если мы покажем, что не собираемся бежать, они заподозрят неладное». Его люди послушались, и сюнну, заподозрив ловушку, держались на расстоянии. На группу спускалась темнота, и Ли Гуан велел завернуться в одеяла и лечь под конями. Сюнну, увидев это, «решили, что командиры Хань, должно быть, замаскировали солдат на местности и планируют напасть на них в темноте». Они отступили, тогда Ли Гуан со своими людьми вскочили на коней и ускакали к основным силам.[17]

Такой тип стратегического мышления все еще мало применялся среди римских командиров, которые, похоже, при сокрушении врага гораздо больше полагались на массу войск. Ли Гуан находился в хорошем тонусе все четыре года кампании в Фергане. Он был теперь весьма пожилым человеком — но, в отличие от Мария, все еще оставался крепким, активным и полностью способным руководить трудным вторжением на дикую территорию.

Сюнну восприняли это вторжение как прямой вызов их силе и ворвались в Фергану с другой стороны, чтобы остановить армии Хань. Первый поход Ли Гуана на Фергану оказался неудачным. Ему пришлось отойти на север через область, известную как Соленая Топь, которая была почти так же гостеприимна, как звучало ее название. Единственным источником пищи и

воды здесь были обнесенные стенами города, лежащие вдоль главного пути, но при виде армии Хань большинство их крепко запирало ворота и отказывалось от боя в поле. У Ли Гуана был выбор — остановиться и осаждать их, может быть, истратив при этом больше припасов, чем армия получит в случае удачной осады, или предложить торговлю. Сыма Цянь говорит нам, что он принял промежуточный путь: если город не сдавался после пары дней, армия оставляла его и продолжала путь. Ко времени, когда Ли Гуан достиг своей главной цели, крупного города Ю-чэн, у него осталось «не более нескольких тысяч солдат, причем все они были голодны и измотаны».[18]

Но он не хотел забираться так далеко просто так, поэтому окружил Ю-чэн и попытался его осадить. Но войска Ли Гуа-на были отброшены от города в рекордно короткий срок, и Ли понял, что у него нет иного выхода, кроме как возвращаться домой. Развернувшись, он направился к землям Хань по своим следам. Вся бесплодная экспедиция заняла два года, и домой вернулось лишь менее пятой части первоначальной армии.

Император У-ди, получив известие, что армия находится на пути домой, впал в ярость и послал приказ остановиться у прохода, который вел из Ферганы на территорию Хань — Ведьминых ворот. «Каждый, кто пройдет через проход, будет зарублен на месте», — заявляло послание. Ли Гуан остановился он не мог ни идти домой, ни повернуть назад. Целое лето он ждал, забытый, с остатками своей армии.

У-ди считал, что репутация его империи в опасности, и теперь, когда пути на запад были открыты, он не мог позволить себе потерять лицо. «Другие земли стали бы презирать Хань, — пишет Сыма Цянь, — и Китай превратился бы в посмешище». Поэтому он опустошил царскую сокровищницу, чтобы нанять солдат и закупить припасы для них, собрал дань воинами со своих союзников и освободил всех преступников из тюрем, чтобы отправить их сражаться в Фергану.

Ли Гуан, получивший новую армию из осужденных и наемников, не пришел в особый восторг, однако извлек урок из предыдущей кампании. Он вновь отправился к Ю-чэну. На этот раз первый же укрепленный город, который отказался поставить провиант для проходящих солдат, был осажден, взят и разграблен, а все население истреблено.[19] «После этого, — замечает Сыма Цянь, — его продвижение вперед стало беспрепятственным».

Ю-чэн пал. Вскоре то же произошло и с Эр-ши, столицей ферганского правящего князя. Сюнну не смогли остановить продвижение ханьского войска. Через четыре года после начала первой кампании под контроль Хань перешла вся Фергана.

Это было великое достижение; оно продемонстрировало превосходство Хань над сюнну, а также показало государствам на западе вдоль Шелкового пути, что им лучше уступать войскам Хань: «Все государства Запада были шокированы и напуганы», — говорит один рассказ.[20] Император Хань необыкновенно эффективно защитил претензии своей империи — ее право торговать на западе.

Однако престиж — дорогое удовольствие. Когда У-ди умер в 87 году до н. э. тогдам же, когда Сулла отправился в Малую Азию во главе своих легионов), Шелковый путь оставался открытым. Но сокровища Хань растаяли, армия была истощена. Следующие два императора династии Хань, Чжао-ди и Сюань-ди, мало что смогли сделать для расширения империи.

Как только Сулла благополучно покинул Италийский полуостров, второй консул выслал Цинну из города и запер ворота. Цинна, кипящий от злости за стенами, начал собирать себе армию, намереваясь с боем ворваться внутрь. Получив в Северной Африке эти новости, Марий немедленно вернулся, встретившись с Цинной возле города.

Марий доставил себе удовольствие небольшим театральным действием. Плутарх говорит, что он, одетый в лохмотья и заросший, так как отказывался подстригать волосы до возвращения

в Рим, медленно хромая, встретился с Цинной, как гонимый пожилой проситель. Сведения об этом смирении наверняка дошли в Рим, где оставшийся консул быстро становился непопулярным (трудно было оставаться хорошим для всех в Риме первого века до нашей эры). Возможно, взятки попали в нужные руки — во всяком случае, Сенат послал извещения, приглашая обоих, и Цинну, и Мария, вернуться в Рим.

Марий, хоть и облаченный в лохмотья, сохранил значительное личное состояние и использовал его, чтобы собрать большую армию североафриканских наемников. Они с Цинной подошли к Риму во главе этой внушительной силы и прошли через ворота.

По поведению Мария позднейшие источники предполагают, что к тому времени он уже плохо соображал. Его личный телохранитель убивал без вопросов любого, на кого он указывал, пусть даже поначалу этот «любой» бывал другом Суллы. Кровавая баня вскоре разрослась. «Если кто-либо приветствовал Мария, но не получал ни слова приветствия в ответ, — говорит

Плутарх, — это само по себе оказывалось сигналом к убийству прямо тут же, на улице; в конце концов даже его друзья начали впадать в ужас всякий раз, когда подходили к Марию поздороваться».[21] Даже Цинна начал посматривать на союзника с беспокойством.

Тем временем Сулла покрывал себя славой (или позором, в зависимости от принадлежности описывающего его действия историка к римлянам или грекам), отвоевывал назад Малую Азию, а затем один за другим брал восставшие греческие города, приводя их к послушанию. Когда известие о том, что происходит в Риме, дошло до него, он развернул армию на путь к дому.

«Сулла идет\» — пишет Плутарх. Это звучало как избавление для римлян, и такие новости еще больше лишали Мария рассудка. Он начал безостановочно пьянствовать, подхватил плеврит и периодически бредил, воображая, что командует легионами, которые отправились захватывать Понт. Иногда Марий выкрикивал боевые приказы в самые странные моменты. 17 января 86 года до н. э. он умер в своем доме.

На самом деле Сулла не был настолько близко, как это представлялось Марию. Он не появлялся в Италии до 83 года до н. э. А тем временем все больше и больше выдающихся римлян бежало от «беззаконного удушья» Цинны и отправлялось навстречу Сулле, пока тот не стал «окружен кругом, который по своим намерениям и целям являлся сенатом»}[2] Цинна собрал армию и лично вышел навстречу Сулле, но его люди восстали и убили его, так что далеко уйти ему не удалось.

Очевидно, по мере того, как Цинна и Марий становились все более жестокими, мнение римлян все больше и больше принимало сторону Суллы. Но даже при этом Сулле приходилось с боями прокладывать себе путь в Рим, чтобы наконец появиться в городе. Сын Мария во главе старых сторонников отца организовал яростное сопротивление. Но Сулле помогли два способных молодых офицера по имени Помпей и Красс, и под командованием этой троицы армия Суллы проложила себе путь в город.

Заняв Рим, Сулла захватил шесть тысяч пленных — всех, кто сражался против него при его приближении к Риму. Их согнали в Цирк, а тем временем Сулла лично отправился с обращением в Сенат. В середине его речи из Цирка послышались все нарастающие крики. Выяснилось, что он приказал заколоть шесть тысяч защитников города. «Сулла продолжал говорить с тем же неподвижным, спокойным выражением лица, как и прежде, — сообщает Плутарх, — и приказал сенаторам... не обращать внимания на происходящее снаружи, так как это по его приказу наказывают преступников. В результате даже самый недалекий человек в Риме понял, что они просто сменили одного тирана на другого».[22]

И это оказалось правдой. Рана, нанесенная Республике смертью Тиберия Гракха, расширилась и загноилась. Немногие люди, достаточно решительные, чтобы бороться с

тиранией, сами быстро оказывались частью ее; и Сулла, встав во главе Рима (в 81 году до н. э. он был назначен диктатором, несмотря на тот факт, что на горизонте не было явного кризиса), тоже начал репрессии. «Я объявляю вне закона каждого, о ком могу плохо подумать, — сказал он в одной из публичных речей, — но если я забыл кого-нибудь, то объявлю их вне закона позднее». Друзья и родственники Мария и Цинны умерли или бежали из города; зять Цинны, молодой человек по имени Юлий Цезарь, был одним из тех счастливчиков, которым удалось спастись. Официальные убийства вскоре распространились за пределы политики, начался террор по личным мотивам: «Множество людей было убито за их имущество, — пишет Плутарх, — и даже экзекуторы отдавали себе отчет, что этот человек был убит за его большой дом, а этот — за его сад, в то время как тот — за его горячие источники».[24]

Двое ближайших помощников Суллы пользовались не большей популярностью, чем сам диктатор. Помпей получил работу по выявлению бывших союзников Мария, которые покинули Италийский полуостров. Он выслеживал мятежников на Сицилии и в Северной Африке, и так успешно расправлялся с ними, что потребовал парада победы в свою честь, когда вернулся в Рим.[25] А Красс в это время помогал сжигать в Риме дома, на которые претендовали они с Суллой. Он имел также на довольствии группу пожарных и агентов по продаже недвижимости. Как только дом начинал гореть, появлялся агент и предлагал купить собственность за бросовую цену; владелец дома соглашался, чтобы дом не стал полной потерей. Тут откуда ни возьмись появлялись пожарные и тушили огонь.[26]

Взяв от Рима все, что мог, Сулла в 80 году до н. э. ушел в отставку и удалился в деревню. Тут он снова женился и взял себе в любовники мальчика — все это более-менее одновременно. Несмотря на всю активность, у него было слабое здоровье — вероятно, он страдал циррозом печени. Как сообщает Плутарх:

«Долгое время он не обращал внимания, что его кишечник портится, пока, наконец, гноящуюся плоть не поразили вши. С ними боролось много людей, день и ночь, но объем работы рос буквально под их руками; вскоре не только одежда, ванны, раковины, но само его тело было заражено этой напастью, в таких количествах они появлялись».

В таком отвратительном состоянии Сулла провел последние свои годы — как и Республика, смертельно больная, но все еще могущественная и мнящая себя здоровой.

Сравнительная хронология к главе 77

Китай	Рим
Династия Цинь (221 год до н. э.)	
Ши Хуан-ди (ранее Чжэн)	Вторая Пуническая война (218 год до н. э.)
	Битва при Каннах
Второй Император (209 год до н. э.)	
Династия Хань (202 год до н. э.)	Битва при Заме (201 год до н. э.)
Гао Цзу	Вторая Македонская война
Гуй-ди (195 год до н. э.)	
Као-хоу (188 год до н. э.)	Кумы меняют свой язык на латинский
Вэнь-ди (179 год до н. э.)	
	Третья Македонская война (171 год до н. э.)
Третья Пуническая война (149 год до н. э.) У-ди (140 год до н. э.	Разрушение Карфагена (146

год до н. э.) Путешествие Чжан Цяня на запад Первая война рабов (135 год до н. э.) Смерть Тиберия Гракха Смерть Гая Гракха Югуртинская война (112 год до н. э.) Консульство Гая Мария Союзническая война (91 год до н. э.) Чжао-ди (87 год до н. э.) Консульство Луция Суллы Сюань-ди (73 год до н. э.)

Глава семьдесят восьмая
Новый человек

Между 78 и 44 годами до н. э. Спартак возглавляет мятеж, а Юлий Цезарь заключает союз с Помпеем и Крассом

В 78 году до н. э. Сулла умер в своем загородном имении. Он женился пять раз и произвел двадцать три ребенка; последний, Постум Корнелий Сулла, родился уже после его смерти.

Отзвук соперничества между Суллой и Марием все еще громыхал. Правая рука Суллы, человек по имени Помпей, повел армию на Иберийский полуостров, чтобы сражаться против одного из союзников Мария. Другая армия двинулась на восток, пытаясь завершить войну против понтийского царя, которую Сулла оставил незаконченной, вернувшись в Рим. Учитывая эти две войны и бесконечную войну римлян с пиратами в Средиземном море, большая часть римской армии находилась вне Италийского полуострова.

Отсутствие у Рима в метрополии вооруженных сил армии подтолкнуло другую группу рабов поднять мятеж. На этот раз это были опытные бойцы, тренированные для участия в публичных римских играх: гладиаторы.

Сражения, проводимые рабами для развлечения зрителей, устраивались со времен этрусков. С III века до н. э. на римских общественных праздниках все чаще наслаждались гладиаторскими боями.[270]

Зарубежные войны Рима давали все больше и больше рабов, пригодных для подобных игр — пленных солдат из Галлии, с Иберийского полуострова, из Фракии, Сирии и Греции.[1] Успешный гладиатор мог заработать свою долю популярности и становился объектоом восхищения («Мужчины отдают им свои души, женщины — свои тела». — писал римский богослов Тер-туллиан), но он оставался презираемым членом римского общества. «[Римляне] и превозносят, и растаптывают, унижают их, — заключал Тертуллиан, — и это правда, они открыто приговаривают их к позору и потере гражданских прав... Они принижают тех, кому поклоняются: искусство они возвеличивают, артиста — унижают».[2]

Одна из самых печально известных обучающих школ для гладиаторов находилась в городе Капуя, к югу от Рима, где хозяин гладиаторов держал взаперти целую группу рабов. «Большинство было галлами и фракийцами, — пишет Плутарх. — Они не делали ничего плохого, но лишь из-за жестокости хозяина их держали в закрытых камерах, пока не подходило время принимать участие в бою»? В 73 году до н. э. семьдесят восемь этих гладиаторов смогли вырваться из своих казарм. Они напали на ближайшую лавку мясника, чтобы раздобыть ножи и шампуры, а затем бежали из города. Когда за ними прибыли войска из Капуи, гладиаторы разбили их и забрали их оружие.

Это стало началом войны, которая длилась около двух лет и получила название Гладиаторской.[271] Гладиаторы выбрали себе в вожди, человека по имени Спартак. Плутарх говорит, что он был фракийцем «из кочевых племен», но «весьма образованным и культурным, и казался скорее греком, чем фракийцем» (это являлось неким родом комплимента.) Спартак оказался блестящим стратегом. Против гладиаторов было послано три тысячи римских солдат;

повстанцев загнали в горы, откуда оставалось лишь два пути спасения: через проход, охраняемый римлянами, и вниз по крутой скале с другой стороны. Но скала была покрыта дикой виноградной лозой. Под руководством Спартака пойманные в ловушку гладиаторы срезали лозы и сплели лестницы, по которым затем незаметно спустились вниз к подножию скалы. Потом они обошли скалу, подойдя к месту, где стояли лагерем ничего не ожидавшие римляне, атаковали их и захватили весь лагерь.[4]

После этого повстанцы разгромили еще несколько римских отрядов, высланных против них, и начали приобретать все более высокое представление о собственных силах. Согласно Аппиану, армия Спартака выросла до 75 тысяч человек, и римлянам пришлось полностью изменить свое мнение о сопернике. «Нелепая и презираемая вначале война, — говорит Аппиан, — стала грозной для Рима».[5]

Спартак, видимо, хотел лишь вернуться домой — он попытался уговорить товарищей повернуться спиной к Риму и уйти через Альпы, где затем они могли бы рассеяться в родных землях Фракии и Греции. Но бойцы не послушали его. «Они были сильны своей численностью, — говорит Плутарх, — и полны самонадеянности, и они пошли по Италии, опустошая все на своем пути».[6]

Это обеспокоило Сенат до такой степени, что против гладиаторской армии были посланы оба консула. Когда оба потерпели поражение, Сенат назначил руководителем подавления мятежа Красса, одного из офицеров Суллы. Его первое столкновение с войском Спартака закончилось постыдным отступлением римлян. После этого Красс проявил жестокость, какая характеризовала всех товарищей Суллы: он вывел вперед пятьсот пехотинцев, находившихся на переднем крае сражения, и по жребию приговорил пятьдесят из них к смерти, причем остальная армия наблюдала за казнью жертв. Это действие стало известно как «децимация».

Этот шаг возымел ожидаемый эффект, укрепив решимость солдат к следующему столкновению. Спартак был оттеснен к берегу, где он договорился с флотом пиратов, согласившихся перевезти его армию на Сицилию. Однако пираты просто взяли у него деньги и уплыли, оставив его стоять на берегу в Регии, на самом кончике италийского «сапога».

Это означало, что армия рабов сосредоточилась на крохотном полуострове, и Красс приказал своим людям построить стену через перешеек полуострова с пятнадцатифутовым рвом перед нею. Спартак оказался в ловушке, но ненадолго; когда на обе армии обрушилась метель, он завалил часть рва грязью, бревнами и ветками, вывел большую часть армии из ловушки и увел прочь.

После этого в Риме решили, что Крассу нужна помощь. Аппи-ан говорит, что Сенат «приказал армии Помпея, которая только что прибыла из Испании, стать подкреплением»? Красс удвоил свои усилия, отчаянно надеясь закончить войну до того, как его коллега (и соперник) Помпей прибудет, чтобы украсть часть его славы. «Некоторые люди уже громогласно заявляли, что победа в этой войне принадлежит Помпею, — пишет Плутарх, — ему только осталось прийти и сразиться, говорили они, и война за-кончится»? Красс готовился к последнему штурму, когда люди Спартака, которых испортил успех (они были настолько самоуверенны, что больше не обращали внимания на своего предводителя), провели неверную по времени и плохо спланированную атаку на римские позиции. Римские войска теперь наконец-то оказались способны отбить эту атаку. Большинство гладиаторов разбежалось; Спартак, атаковавший непосредственно Красса, был брошен своими товарищами и убит в бою.

К несчастью для Красса, только что прибыл Помпей. Он выловил и убил множество бежавших рабов. Шесть тысяч, захваченных живыми, были распяты вдоль всего пути от Капуи до Рима; кресты протянулись почти на всю длину Аппиевой дороги.[9] Большинство увидело в этом заслугу Помпея, а не Красса, которого сам Помпей поддержал, послав в Сенат письмо со

словами, что в битве, конечно, победил Красс, а он «выдрал корни войны».[10]

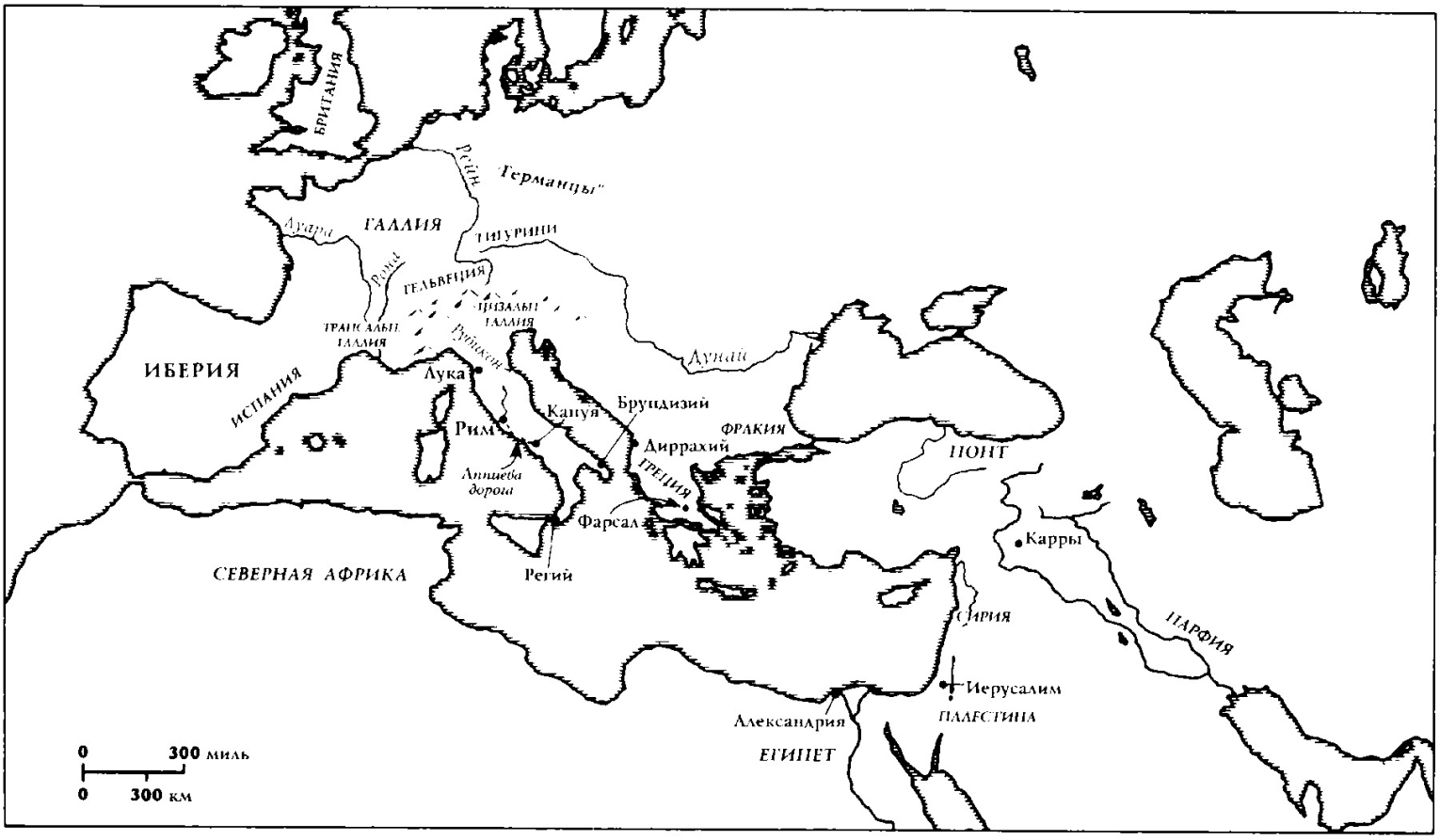
На следующий, 70 год до н. э., оба, и Красс, и Помпей, были выбраны консулами. Плутарх говорит, что они все время спорили и ничего не делали, но создавали себе популярность у людей, раздавая зерно.[11] В них все больше видели защитников простых людей; на короткое время римским избирателям показалось, будто власть аристократии и коррупция, которая изъязвила Рим, убывают. Самым большим пороком Помпея оставалось пристрастие ставить себе в заслугу чужие достижения. А молодой политик Цицерон усердно повел кампанию против коррупции сенаторов; в 70-м году до н. э. он возбудил иск и осудил аристократа Верреса за коррупцию, и тот не смог отвертеться.

Поэтому, когда пираты в Средиземном море стали серьезной проблемой, трибуны, представлявшие римский народ, сочли разумным поручить их уничтожение Помпею. Ему следовало предоставить временное командование огромной военной силой, которая включала не только все римские корабли в Средиземном море, но также сто тысяч римских солдат, что позволило бы быстро разрешить проблему.[12] Сенат, который не хотел, чтобы столь большая сила сконцентрировалась в руках одного человека, возразил; но Ассамблея проголосовала за назначение Помпея.

Его успех был решительным и огромным, сделав Помпея необычайно популярным в народе. Его семья быстро поднималась и вскоре стала одной из самых могущественных в Риме — настолько, что Юлий Цезарь (который вернулся в Рим после смерти Суллы) попросил разрешения жениться на его дочери Помпее. Помпей согласился на свадьбу и немедленно снова отправился в кампанию. После триумфальной победы над пиратами его наградили правом командовать все еще длящимся сражением против Понтийского царства на востоке.

В 66 году до н. э. Помпей быстро довел до конца эту войну, а затем двинулся вдоль берега Средиземного моря и завоевал Сирию — владение тающей империи Селевкидов. В Иерусалиме он вошел в храм, где внимательно осмотрелся, даже сунул голову в Ковчег Завета. Это шокировало священников, но они смирились с новой властью, когда Помпей отдал им контроль над городом. При новом устройстве Иерусалим становился частью римской провинции Палестина и не имел больше над собой хасмонейского царя. Вместо этого Помпей назначил священнослужителя по имени Гиркан (известного как Гиркан II) быть «первосвященником и этнархом[272]», соединив таким образом религиозную и светскую власть. Священники должны были править Палестиной, подчиняться Риму и отчитываться перед римским представительством, которое управляло всей Сирией, новым римским приобретением.

Затем, покрытый славой, Помпей направился домой.

Войны Помпея и Цезаря

А тем временем в Риме на политический небосклон всходили Цезарь и Цицерон. Цицерон был избран консулом в 63 году до н. э. при поразительном пренебрежении традициями; прошло тридцать лет с тех пор, как новый человек {homo novus— т.е. из семьи, где ни один человек ранее не был консулом) был назначен на эту должность. Юлий Цезарь тоже был выбран на два высоких общественных поста: он стал финансовым чиновником, эдилом, в 65 году до н. э., а в 63 году сделался понтификом максимом, то есть государственным первосвященником.[273] К несчастью, он так глубоко влез в долги во время кампании, что к концу пребывания понтификом оказался в опасности быть арестованным за неоплаченные счета. Ему нужно было покинуть Рим и найти деньги. Он смог устроить так, чтобы его назначили управляющим Испанией, римской провинцией на Иберийском полуострове, но кредиторы поймали его в порту и попытались конфисковать багаж.

Красс, который был хорошим дельцом — он владел серебряными рудниками, громадными пространствами земли и достаточным количеством рабов, чтобы всю ее обрабатывать — объявил себя гарантом долгов Цезаря, и кредиторы согласились отпустить того.[13] Красс отлично разбирался в людях. В Испании Цезарь собрал достаточно денег, чтобы заплатить кредиторам, и смог вернуться в Рим. Оказавшись там, он собрал вместе Помпея (прославленного полководца) и Красса (богатого дельца) и предложил им тайный сговор. Если они обеспечат ему достаточную общественную поддержку и дадут денег, чтобы выиграть пост консула 59 года, то, как только он окажется у власти, он протолкнет любой нужный им закон.

Помпей согласился — он хотел добиться дополнительных пенсий для ветеранов своей армии. Труднее было уговорить Красса. Он все еще злился на Помпея за Гладиаторскую войну и теперь не верил ему. (Когда он впервые услышал прозвище «Помпей Великий», то фыркнул и сказал: «Велик — как что?»)[14] Однако Красс видел преимущества использования влияния Цезаря для установления новых финансовых правил, которые помогут в его делах. В конце

концов три политика согласились на сотрудничество. Цезарь также разорвал помолвку своей дочери и предложил ее в жены Помпею, который был почти на четверть века старше девушки и уже трижды женат. Помпей согласился, и свадьба скрепила этот альянс.[274]

Запланированное удалась, и Цезарь стал консулом. Он немедленно организовал кампанию по перераспределению земель в пользу бедных. Это сделало его чрезвычайно непопулярным у второго консула, Бибула, и у Сената, которому не нравилось, когда консул ведет себя, как трибун, и борется за интересы плебса. («Это было унижением для его великого поста», — сетует Плутарх.) Однако народные массы были довольны; Ассамблея одобрила меры Цезаря, и Помпей послал вооруженных людей на Форум, чтобы быть уверенным, что сенаторы не вмешаются. Бибулу, когда он поднимался на Форум, чтобы возразить Цезарю, кто-то вывалил на голову корзину навоза. После этого, как говорит Плутарх, он «заперся в своем доме и оставался там весь остаток своего консульства»}[5]

Когда год его консульства закончился, Цезарь (с помощью вооруженных людей Помпея) добился своего назначения правителем Трансальпийской Галлии — западной части провинции по другую сторону Альп (восточная ее часть была известна как Цизальпийская Галлия). Здесь он приступил к созданию себе репутации такого завоевателя, которому впору соперничать с самим Помпеем. Сначала он выдавил кельтские племена из Гельвеции и Тигурини — те пытались вторгнуться в Трансальпийскую Галлию; затем он перенес войну на территорию врага, к реке Рейн, потеснив племена, известные как германцы. Переняв урок Помпея, он тоже старался, чтобы римляне дома получали информацию о каждой победе — он отсылал бесконечные рапорты о том, как хорошо он все делает, всегда излагая их в таком стиле, чтобы любое событие выглядело приобретениями для Республики. «По получении донесений в Риме, — писал он в собственноручно написанной истории своих Галльских войн, — народный благодарственный молебен по декрету читался пятнадцать дней, чтобы отпраздновать [мои]достижения — большая честь, чем оказывалась ранее кому бы то ни было»[275]16

Тем временем Цезарь внимательно следил и за делами дома. Прибыв в Италию, к реке Рубикон, которая считалась северной границей италийских владений Рима, он разбил свой лагерь у города Лука. Тут, говорит Плутарх, он «занимал все свое время политическими интригами» и раздавал множество взяток: «Много людей приезжало навестить его... каждый оставлял ему что-то в руке в качестве подарка и надежду получить больше в будущем»}[1]

В 56 году до н. э. двумя из таких путешественников стали Красс и Помпей, которые приехали чтобы разработать следующую ступень их трехстороннего союза. Они решили, что Цезарь и Помпей будут бороться за то, чтобы стать консулами в 55 году; когда они окажутся у власти, они наградят Цезаря еще пятью годами в Галлии, чтобы он смог расширить свою власть там. Затем, когда срок консулата закончится, Цезарь станет командующим экспедиции на восток, против парфян — теперь самой большой силы на другой стороне Средиземного моря. Это дало бы ему шанс преумножить военную славу упорно ускользающую от него. Помпей, уже в полной мере обладающий такой славой, взял бы себе управление Испанией и, как Цезарь, получал бы там доход.

Договорившись, Помпей с Крассом направились в Рим. Римский народ все еще подозревал их обоих — но ни один не выказал намерения оставить выборы на волю справедливости. После ряда подкупов голосов, объем которых превысил любые раздаваемые в Риме до того взятки, они оба были назначены консулатми во второй раз, через пятнадцать лет после первого консулата. Сенат в должное время проголосовал за продление пребывания Цезаря на командном посту: «Го был вопрос принуждения, — замечает Плутарх, — и сенат стонал по поводу декретов, за которые сам проголосовал»}[8]

Но люди все еще были на стороне Цезаря: Цезаря сострадательного, Цезаря всепобеждающего. Триумвират снова имел успех. Триумвиры уравновешивали друг друга, пока выступали вместе, на острие славы и богатства, превышающих их самые смелые мечты.

Как только два консула заняли свои посты, Цезарь провел новое наступление на совсем новой границе. В 55 году до н. э. он впервые высадился на юго-восточном берегу Британии для рекогносцировки.

Жителями этой части Британии были племена проживающие тут, вероятно, еще со времен, когда Британия была полуостровом, а не островом. Жили здесь и кельты, которые пришли с Европейского континента через пролив. В Британии этим племенам не было места для кочевья; они осели, образовав сеть мелких племенных царств. То, что мы знаем о них, почерпнуто из рассказов Цезаря и, в искаженной форме, из много более поздней «Истории королей Британии» Гальфрида Монмутского, соединившей в себе римские и средневековые источники с уэльскими легендами — тонкая нить фактов, сильно приправленная патриотизмом («Британия, самый лучший остров, расположена в западном море, между Галлией и Гиберией», — начинает автор, демонстрируя свою проримские симпатии).[19]

История эта начинается с весьма невероятной легенды о пра-правнуке гомеровского Энея, Бруте, отправившегося в экспедицию и наткнувшегося на остров, который он назвал в честь себя Британией. Эта обязательная увязка британской истории с древним мифом используется Гальфридом при изложении истории самых ранних царей Британии.[276] Выдающейся личностью среди них предстает некто Кассивелаун[277], которого Гальфрид Монмутский называет «царем бриттов», но который появляется в изложении Юлия Цезаря как солдат-негодяй, узурпировавший трон кельтского племени тринованто

КАЛЕДОНЦЫ
БРИГАНТЫ
ИЦЕНЫ
ТРИНОВАНТЫ
Камулодун
КАТУВЕЛАУНЫ
Темза
Лундрес
КЕНТ
КАНАЛ

Британия

Монмаунт и Цезарь предполагают, что царь тринованто в — Луд, смог сделать свой народ одним из самых могущественных племен юга Британии; его имя стало широко известно благодаря экспансии, а также строительству стены вокруг стоящей на реке Темзе столицы, которая в его честь стала называться Лундрес. Когда Луд умер, его брат Кассивелаун захватил трон через голову сына Луда. Свергнутый принц, Мандубрасий, бежал через пролив в ставку Цезаря в Галлии и попросил римлян помочь ему получить царство назад. Как и большинство царей, которые прибегали к помощи римлян, позднее он об этом пожалел.

При первом визите Цезарь лишь оценил обстановку: «Все бритты красят свои тела растительным красителем, который дает синий цвет, — написал он по возвращении, — и бреют все тело кроме головы и верхней губы».[20] В следующем, 54 году до н. э., он вернулся с целью захвата этих земель.

Кассивелаун вышел навстречу войску Цезаря со своими колесницами. Сражение против колесниц потребовало быстрого изменения тактики: «Стало очевидно, что наши солдаты слишком тяжело нагружены своим вооружением, чтобы иметь дело с таким врагом», — замечает Цезарь. Бритты могли соскакивать с колесниц, сражаться на земле, а затем быстро отступать с помощью своего транспорта: «Они могли бежать рядом с дышлом колесницы, стоять на хомуте и, как молния, исчезать в колеснице».[21] Цезарь ввел в бой свою кавалерию и смог оттеснить Кассивелауна назад к Темзе, которая была защищена заостренными кольями, вбитыми в дно реки.

Тут римляне остановились — но соседние племена уже посылали своих послов, чтобы сдаться римским силам. Римские войска смогли также найти и разгромить базы Кассивелауна, они убили весь скот в округе и создали большой недостаток в пище. Наконец, Кассивелаун тоже послал письмо, предлагая условия сдачи. Цезарь, учитывая приближение зимы, согласился на мир, если Мандубрасий будет возвращен на трон, управлять тринованами в качестве вассального Риму правителя; он заставил Кассивелауна передать власть новому царю, и лишь тогда вернулся в Галлию.

Теперь слава Цезаря не имела себе равной. Но его ждало ужасное известие: его любимая дочь Юлия, жена Помпея, умерла при родах.

Вскоре Красс потерпел неудачу в войне, которую он вел против Парфии. В 53 году до н. э., через год после триумфа Цезаря в Галлии, он пришел к реке Евфрат (которая теперь была парфянской границей) примерно с семьюдесятью тысячами пехоты и четырьмя тысячами кавалерии. Римляне встретили парфянскую армию у города Карры — старого Харрана, где родился Набонид и где умер Терах, отец Авраама. Почти сразу же они попали в трудное положение — лучники парфян, стреляя с дальнего расстояния, легко пробивали римские доспехи. Как сообщает нам Плутарх:

«В них попадали и убивали», умирали они не быстрой и легкой смертью, а с ужасными болями и конвульсиями; корчась на остриях в теле, они ломали их в ранах, а когда с силой выдергивали колючие наконечники, то цепляли вены и рвали их, терзая себя еще больше. Многие умерли таким образом, а те, которые остались живы, не могли больше воевать... Их руки оказывались прибиты к щитам, ноги пригвождены к земле, так что они не могли ни сражаться, ни убежать».[22]

Красс отправил в передовые линии своего сына, который прибыл с ним в качестве второго командующего. Парфяне отступили, увлекая за собой силы Публия, а затем развернулись и окружили их. Почти все войско Публия пало в сражении. Публий, видя, что поражение неизбежно, покончил с собой. Парфяне отрубили ему голову, надели на копье и размахивали ею

перед отцом, когда изматывали оставшихся римлян.

Через два дня Красс тоже был убит, погибли почти все его люди. Парфянский полководец Сурен привез голову Красса Ороду, царю Парфии, который (по свидетельству римского историка Диона Кассия) использовал ее для поддержания победного духа.

Восточная граница Римской империи была отодвинута, хотя римляне удержали свои основные позиции в Сирии. Римские гарнизоны выдержали атаки парфян, еще не имевших опыта проведения осад. Царь Ород правил теперь Парфией, раскинувшейся по большей части территории старого государства Селевкидов, от Евфрата и почти до границ Китая.

А римский триумвират уменьшился до двух человек. На следующий год после победы парфян Цезарь, подавив серьезный мятеж в Галлии, приготовился вернуться в Рим. Теперь он был богаче Помпея, и к тому же имел за своими плечами большие победы.

Сенат с ужасом отнесся к этому плану: блестящая репутация Цезаря, его богатство и его армия — все вместе указывало на диктатора. Но армия Помпея больше не принуждала сенаторов принимать желания Цезаря. Смерти Юлии и Красса ослабили связь между двумя лидерами, а сам Помпей все больше ревновал к победам Цезаря. «Помпей начал бояться Цезаря, — говорит Плутарх. — До этого времени он презирал его».[п]

Вместе Помпей и Сенат, отправили на север послание: Цезарю не дозволяется вступать на римскую территорию, пока он не сдаст командование армией.

Цезарь предложил несколько компромиссов, включая позволение войти в город всего с несколькими легионами, но Помпей уговорил Сенат отказаться. Цезарь знал, что если он придет в Рим незащищенным, его карьера может окончиться быстрым убийством. Он, как и Сулла перед ним, решил, что войдет в Рим со всей своей армией, как триумфатор. И двинул свои войска из Галлии на север Италии.

Плутарх говорит, что Цезарь прекрасно знал, что это развяжет кровавую гражданскую войну, поэтому остановился, не доходя до реки Рубикон, где обдумал ситуацию снова. Но, наконец, «в порыве страсти, будто отбросив в сторону расчеты», он прокричал: «Alea iacta est!»> что было традиционным возгласом азартных игроков: «Бросаем кости!» Он пересек реку, и «широкие ворота войны оказались распахнуты».[24]

Немедленно Италию захлестнула паника. Мужчины и женщины убегали с одного берега на другой, пытаясь уйти с пути неизбежного столкновения. В Рим летели непрерывные сообщения, что Цезарь уже на горизонте. Помпей, тоже запаниковав, оставил город и предложил Сенату идти с ним; безусловно, он боялся, что население Рима откроет Цезарю ворота. Он сбежал на юг, в Брундизий, на восточное побережье полуострова, основал там второе правительство, а затем переправил свою армию для реорганизации через море в греческий город Диррахий.

Цезарь решил, что это продемонстрировало слабость Помпея; Цицерон позднее тоже счел это решение весьма плохим. Но отсрочка дала Помпею достаточно времени, чтобы собрать громадную армию с очень сильным флотом, так как Цезарь, вместо того, чтобы прогнать соперника из Италии, повернул назад — к Риму. Как и Сулла много лет тому назад, Помпей вскоре обнаружил, что к нему присоединились сотни выдающихся римлян, включая Цицерона.

Оказавшись снова в Италии, Цезарь вошел в Рим и «нашел город в более спокойном состоянии, чем ожидал», с доброй частью Сената, оставшейся в своей резиденции с намерением утихомирить великого завоевателя.[25] Он не начал, как Марий и Сулла, чистку, а просто установил контроль над городом и добился спокойствия одной силой своей личности. Когда оставшийся трибун возразил против опустошения Цезарем сокровищницы для подготовки войны против Помпея, Цезарь заметил: «Молодой человек, если вы не перестанете вмегииваться_у я могу легко убить вас. Поверьте: говорить это мне не нравится гораздо больше,

чем делать это». Трибун, по словам Плутарха, «вышел в испуге», и всю войну Цезарь имел столько денег, сколько ему было нужно.

Ему потребовалось два года, чтобы подавить эмигрантов в Греции. Месяцы «бессистемных сражений», как определяет эту кампанию Плутарх, наконец закончились в 48 году до н. э. громадным столкновением на равнине у города Фарсал. Пехота Цезаря, получившая опыт в сражениях против бриттов, успешно противостояла кавалерии Помпея: солдаты подбегали к лошадям и швыряли дротики в лица всадников. Кавалерия была совершенно не знакома с таким приемом и в конце концов обратилась в паническое бегство. Сопротивление рухнуло. Помпей, увидевший, что его армия распадается на части, ушел в свою палатку и сидел там до тех пор, пока не услышал шум боя в своем лагере; затем он переоделся в старую одежду и выскользнул незамеченным.

При известии о победе Сенат объявил Цезаря первым диктатором, а затем, через одиннадцать дней, сменил эту должность на консула. Помощник Цезаря, Марк Антоний, который возглавлял один из флангов его армии во время битвы при Фарсале, теперь управлял городом в качестве его заместителя; Цезарь узнал, что Помпея видели направляющимся в Египет, и он решил преследовать своего врага дальше.[26]

Какие бы личные причины не имел Цезарь для преследования Помпея, его погоня имела и политический смысл. Египет, потеряв свое былое величие, все еще был богатым и потенциально опасным противником, но им правил слабый и молодой царь — Птолемей XIII, дальнего потомка самого Птолемея Великого.

Весь последний век Птолемеи следовали друг за другом в склочной, сварливой, но более или менее нерушимой последовательности, так как мы видели Птолемея VI, ссорящимся с Селевкией за Целесирию. И сейчас Птолемей XIII находился в центре скандала со своей сестрой, Клеопатрой VII, по поводу того, кто займет трон. Когда Помпей прибыл к египетским берегам, Клеопатра была в Александрии, а молодой Птолемей находился с армией в Пелузии, готовясь атаковать сестру.[27]

Птолемей, говорит Плутарх, был «очень молодым человеком», и большинство его решений принимали за него его советники. Они решили, что раз Цезарь уже отправился к Египту, лучше самим покончить с Помпеем — тогда Цезарь будет испытывать благодарность за услугу. Поэтому официальная делегация египтян отбыла встречать приближающийся корабль Помпея. Ему отсалютовали как «императору» и пригласили к себе на борт, чтобы перевезти на берег. Когда корабль уже подходил к берегу и Помпей начал вставать, чтобы перейти в лодку, один из людей Птолемея заколол его сзади; затем еще двое отрезали ему голову и выбросили тело в воду. Помпею было шестьдесят лет; он только что, 28 сентября, за день до убийства, отпраздновал свой день рождения.[28]

Когда прибыл Цезарь, египетские официальные лица принесли ему в корзине голову Помпея. Как сообщают историки, Цезарь был в ярости: он намеревался унизить своего старого союзника, а вовсе не убивать его. Но это обеспечило ему прекрасный повод, чтобы взять под свой контроль Египет — якобы в качестве наказания. Он приказал Клеопатре и Птолемею XIII прибыть в Александрию, где он выберет одного из них в качестве законного правителя Египта (и своего вассала).[278]

Его выбор оказался не слишком объективным. Цезарь был поражен красотой Клеопатры и приказал ее брату уступить трон в ее пользу. В итоге Птолемей XIII погиб, сражаясь против римских войск, которые прибыли, чтобы подкрепить решение Цезаря. Клеопатра была коронована и церемониально выдана замуж за младшего брата — египетский обычай, которому Птолемеи некоторое время следовали.

Тем временем Цезарь завел роман с Клеопатрой, задержавший его в бездействии (по крайней мере, политическом) в Александрии на несколько месяцев. Когда он, наконец, смог оторваться, оставив царицу беременной, то совершил военный поход по краю римских владений — на север от Египта, где разбил армии Понта; и на юг, вдоль африканской границы, затем через Иберийский полуостров и назад к Риму.

Во время своих передвижений он был четыре раза переизбран консулом, сохраняя внешнюю законность власти. В 46 году сторонники Цезаря (и римляне, которые боялись их) согласились устроить ему в Риме триумф — церемонию, бывшую отзвуком древних этрусских обычаев. Статуи расставили по всему городу бок о бок со статуями древних царей. Ему позволили носить пурпурную мантию, его приветствовали церемониальным титулом Император; триумфальное шествие открывалось надписью, гласящей «Veni, vidi, иici!» («Пришел, увидел, победил!»)[29]

После триумфа Цезарь принялся за работу по назначению магистратов, по созданию новых законов и по объединению органов власти, в результате которого Сенат, трибуны, Ассамблея и Совет были соединены в одно целое. Конечно же, это происходило при поддержке армии, которая была к нему лояльна (он дал всем, кто сражался в галльских войнах, римское гражданство), и людей, которые все еще видели в нем своего благожелательного опекуна. Он даже изменил календарь, введя в него лишний день каждые четыре года — система високосных лет, которую мы используем сейчас. 46 год до н. э., год его величайшего общественного триумфа, был длиной 445 дней.

Вероятно, Сенат боялся как армии, так и общественного сопротивления. В 44 году он согласился назначить Цезаря пожизненным диктатором. Но это звание вовсе не равнялось царскому, а теперь стало ясно, что когда-то в молодости Цезарь позволил идее воцарения укорениться в его сознании.

15 февраля 44 года до н.э Марк Антоний подал судебный запрос о возложении короны на голову Цезаря. В качестве участника религиозного празднования Антоний нес на голове связанные диадему и лавровый венок. Он предложил его Цезарю, но толпа ответила лишь жидкими аплодисментами. Цезарь, учитывая настроение присутствующих, несколько раз оттолкнул убор, что вызвало взрыв веселья.

Римляне дали ясно понять, что они не хотят, чтобы Цезарь становился настоящим царем. Вероятно, слово царь[279] слишком сильно ассоциировалось с парфянами на востоке. Судя по всему, давнишняя идея о том, что Риму следует быть городом талантливых профессионалов, вела к отторжению римлянами идеи монархического наследования власти. Вдобавок Цезарь не имел законных сыновей (хотя Клеопатра родила от него сына, Птолемея XV Цезариона) — и в своем завещании назвал законным наследником восемнадцатилетнего племянника Ок-тавиана, сына дочери своей сестры. Вскоре Сенат согласился, что Цезарь может носить корону — но только когда он вне Рима, сражается против Парфии. Дело в том, что существующее предание гласило: Парфию может завоевать только царь.

Вероятно, это была последняя соломинка для тех сенаторов, которые все больше беспокоились, что Республика потеряет даже свою полумифическую реальность. Эти враждебно настроенные сенаторы, к которым принадлежал даже двоюродный брат Цезаря Марк Брут (один из его наследников, названный в завещании), разработали план убийства пожизненного диктатора, когда он придет в Сенат в следующий раз, 15 марта 44 года до н. э.: на Мартовские иды. Все знали, что правая рука Цезаря Марк Антоний не присоединится к замышляемому убийству, и поэтому постарались задержать его в дверях, пока все свершится.

В биографии наследника Цезаря, Октавиана, греческий писатель Николай из Дамаска описывает это убийство максимально подробно и детализированно:

«Когда он вошел, и Сенат увидел его, есе уважительно поднялись. Те, кто собрался приложить к нему руки, оказались вокруг него. Первым, кто подошел к нему, был Туллий Цимбер, брата которого Цезарь выслал, он выступил вперед, будто хотел срочно обратиться с мольбой по поводу брата, схватил Цезаря за тогу, действуя на вид весьма смело для просителя, но не давая аш/ таким образом встать и использовать руки, если бы тот захотел. Цезарь страшно рассердился, но человек выполнял свою задачу: тут все внезапно обнажили свои кинжалы и бросились на Цезаря. Первым ударил его Сервилий Каска по левому плечу, немного выше ключицы, в которую он целилсяу но промахнулся из-за того, что нервничал. Цезарь подскочил, чтобы защититься от него, тогда Каска позвал своего брата, перейдя в возбужденном состоянии на греческий. Последний послушался и направил свой меч в бок Цезарю. За момент до того Кассий [Лонгин] ударил его косо по лицу. Децим Брут ударил его в бедро. Кассий Лонгин энергично нанес еще один удар, но промахнулся и попал Марку Бруту по руке. Минуций тоже сделал выпад в сторону Цезаря, но ударил в бедро Рубрия. Выглядело все так, будто они над Цезарем сражаются друг с другом. Цезарь от множества ран упал перед статуей Помпея, и некоторые нанесли по удару, когда он г/же не подавал признаков жизни } дабы продемонстрировать, что каждый участвует в совершаемом деянии. Так ему было нанесено тридцать пять ран, пока он не испустил последнего вздоха».[30]

Плутарх говорит, что Цезарь умирал, взывая о помощи; несколько греков рассказывают, что он по-гречески обратился к Бруту: «Даже ты, мой сын?»[280] А Светоний говорит, что когда Цезаря ударили первый раз, он воскликнул, страшно удивленный: «Но это же насилие!»[31]

Убийство Цезаря знаменовало логический финал процесса, который начался при Гракхах сто лет тому назад. Ни конституция, ни баланс сил не могли сдержать властных амбиций; сам Цезарь продемонстрировал это, а теперь он пал под действием тех же методов, которые использовал сам. Но его свержение показывает, что идея Республики все еще владела умами римлян. Официальным названием Республики, начертанным на штандартах легионов и на зданиях Рима, было SPOR: Senatus Populusque Romani, Сенат и Народ Рима.

«Рим — это место, где люди имеют силу». Это не было правдой уже многие десятилетия, но у римлян не было ни другого способа думать о себе, ни другого выражения для определения своей коллективной идентичности. То была могущественная ложь, и даже диктатор мог все еще быть ошеломлен, когда эта фальшь выявлялась перед его глазами.

Сравнительная хронология к главе 78

Парфия	Египет	Британия	Рим
			Первая война рабов (135 год ло н. э.)
Митридат II			Смерть Тиберия Гракха
			Война Югурты (112 год до н. э.)
			консульство Гая Мария
			Союзническая война (91 год до н. э.)
			консульство Луция Суллы
			консульство Луция Цинны
			Гладиаторская война (73 год до н. э.)
			консульство Красса
			консульство Помпея

Глава семьдесят девятая
Империя

Между 44 годом до н. э. и 14 годом н. э. Октавиан становится Первым Гражданином, парфяне отвергают римские обычаи, а вся империя делает вид, что Рим все еще Республика

Тело Цезаря все еще лежало на полу Сената, когда Марк Антоний смог пробиться в помещение. Он пришел слишком поздно, чтобы помочь Цезарю — но не дал заговорщикам выбросить тело Цезаря в Тибр, как они планировали. Вместо этого они покинули Сенат и организованно направились к Капитолию, все еще с вытащенными мечами, крича, чтобы люди присоединялись к ним и «вернули свою свободу». Они были в критическом положении — люди на улицах могли спонтанно объединиться против них. Несколько наиболее известных горожан Рима пошли маршировать с ними, и вскоре ситуация перевалила за опасную точку. Тем временем три раба из дома Цезаря пришли забрать тело из пустого зала, а затем принесли его домой.[1]

Марк Антоний, не уверенный в том, какое настроение будет у народа, спрятался в доме друга, презирая себя как раба, и как можно скорее покинул город. Брут и Кассий, с другой стороны, продолжали произносить речи об убийстве Цезаря, как о трагической необходимости. На следующий день они снова собрали Сенат и предложили, чтобы Цезарю устроили почетные похороны, а также чтобы его причислили к лику святых — теперь, мертвый, он уже был безопасен мертв. Сенат согласился. Это сохранило спокойствие в Риме и подтолкнуло Марка Антония, который еще не ушел далеко, вернуться назад; было ясно, что никаких чисток приближенных Цезаря новая власть начинать не собираются.

Но в следующие дни спокойствие рухнуло, когда народу было объявлено завещание Цезаря, и стало известно, что он разделил свое огромное личное имущество между горожанами и Римом. Его тело провезли по улицам — Брут и Кассий согласились на это как на необходимую часть почетных похорон. Но когда граждане, для которых он был таким щедрым, увидели изувеченное тело, начал сам собой зреть мятеж.

Марк Антоний, который явился на Форум, чтобы произнести речь на похоронах Цезаря, поддержал вспышку. Он привел с собой вооруженную охрану, которую возглавил один из его сторонников: Марк Эмилий Лепид, назначенный еще Цезарем управлять провинциями Галлия и Ближняя Испания. Лепид не успел еще отбыть к новому месту своего назначения, он собирал в Риме войска, чтобы взять их с собой. Теперь он окружил ими Марка Антония. Оказавшись в безопасности, Марк Антоний завершил свою похоронную речь публичной демонстрацией: он поднял разорванную и залитую кровью тогу Цезаря и расправил ее, чтобы все могли видеть, как много раз Цезарь был пронзен.

Вид тоги Цезаря был последним толчком, необходимым, чтобы вывести людей на улицы. Горожане бежали по улицам, размахивая факелами и выкрикивая имена Брута и Кассия — их хотели найти и разорвать на куски. Но никто не смог найти их. Они умудрились покинуть город в первые же часы мятежа и теперь находились на пути в Антиум. Марк Антоний взял контроль над правительством и, в благодарность за поддержку назначил Ле-пида понтификом максимом, первосвященником Рима.

Но власть Марка Антония была очень шаткой. В том, что касалось Сената, он оказался

Цезарем Младшим — таким же тираном, но без харизмы Цезаря, помогавшей тому склонить любого на свою сторону.

В то же самое время Брут уговаривал ссыльных в Антиуме и одновременно посылал в Рим деньги на общественные праздники, надеясь купить назад доброе расположение граждан. Один из его союзников в Сенате, оратор Цицерон, помогал ему, произнося бесконечные речи о его щедрости и желании бороться с тиранией. «К этому времени, — говорит Плутарх, — люди начали разочаровываться в Антонии, который, как они чувствовали, устанавливает некий род монархии для себя; они жаждали возвращения Брута»?

Брут мог бы вернуться как герой уже через несколько недель, если бы не один фактор: Октавиан, приемный сын Цезаря, теперь уже восемнадцатилетний, был направлен из Италии на войну — но как только он услышал об убийстве дяди, бросился домой.

Когда Октавиан прибыл, Цицерон (который считал Марка Антония дураком по сути и тираном по форме) увидел в молодом человеке наилучший возможный для себя союз против власти Антония. Это, естественно, помешало ему поддержать Брута, убийцу. Плутарх пишет, что Брут тяжело это воспринял и «в письмах обращался к нему очень грубо».[3] Это не вернуло Цицерона на его сторону, и Брут на время оставил политику и покинул Италию, отбыв в Афины к своему другу.

Антоний, который действовал как верный друг Цезаря, не мог выступить против его племянника. Но он верно углядел в прибытии Октавиана угрозу собственной власти. Он обращался с молодым человеком терпеливо, спросил его, действительно ли тот считает, что подходит задаче управления империей Цезаря, посмеялся над его серьезностью и попытался помешать его появлению на трибуне.

Противостоя Антонию, Октавиан начал заводить дружбу со всеми, кто оговаривал Антония и был его противником. Со временем до Антония дошли слухи, что Октавиан планирует убить его. Молодой человек отрицал это — но одного подозрения было достаточно, чтобы превратить людей из политических соперников в настоящих врагов. «Каждый торопился путем щедрых обещаний собрать по всей Италии старых солдат, которые разбросанно жили на своих хуторах, — говорит Плутарх, — и стать первым, кто нейтрализует войска, остававшиеся не уволенными».[4] Серебряный язык Цицерона помог склонить весы на сторону Октавиана: он уговорил Сенат объявить Антония общественным врагом римлян, это означало, что римские войска могли выдворить его из Италии.

Антоний отступил на север с армией, которую смог собрать, а Октавиан преследовал его с войсками и обоими консулами. В 43 году до н. э. армии встретились в битве при Модене. Но хотя фронт Антония в конце концов был прорван и его солдаты обратились в бегство, оба консула были убиты, как и множество солдат Октавиана. Это была не радостная для римлян победа.

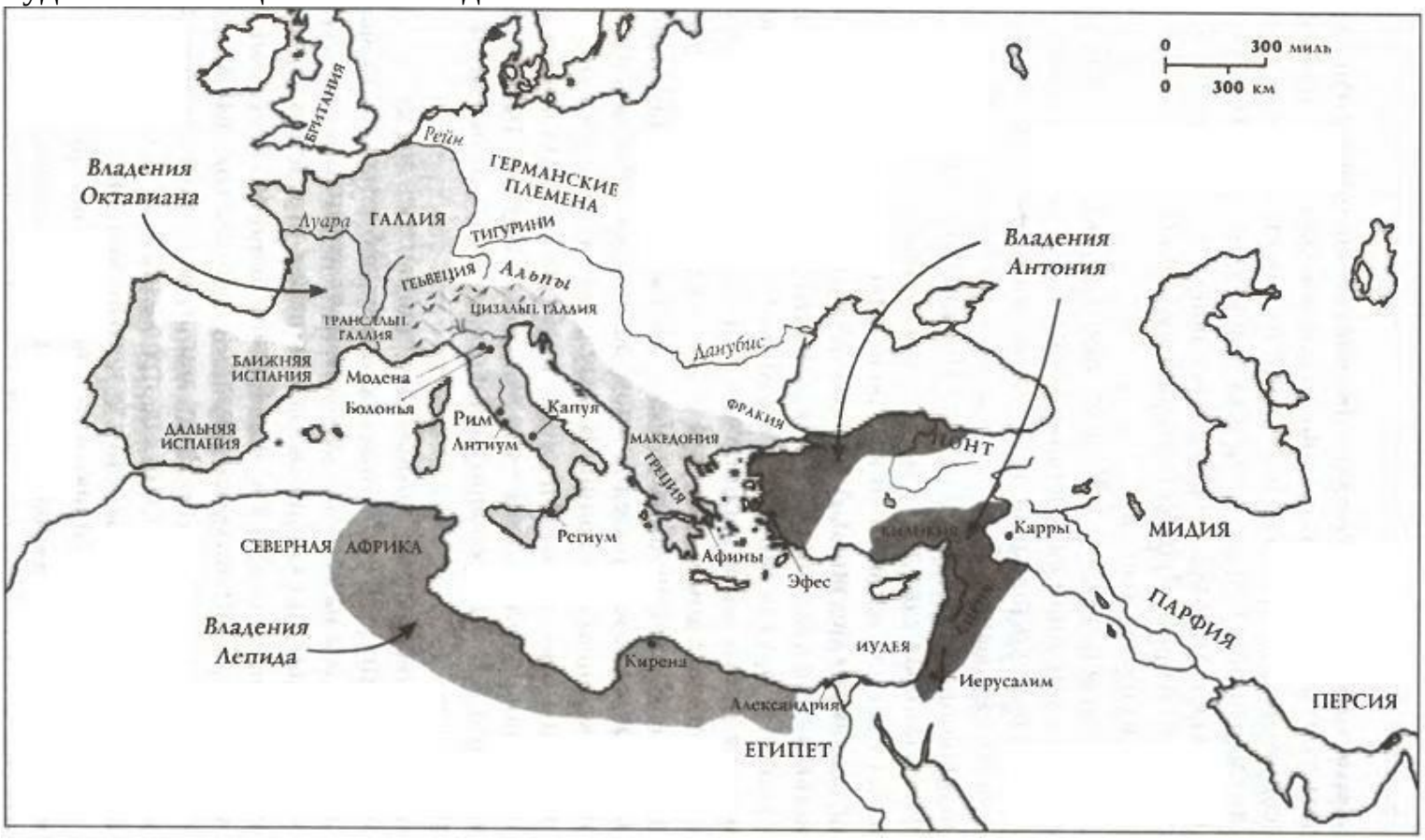
Антоний перевалил через Альпы и склонил на свою сторону войска, стоявшие в Галлии. Они служили с ним прежде, они уважали его командирские способности — к тому же, судя по всему, кризис вызывал наружу все лучшее в Октавиане: «Именно во время бедствий его характер был лучше, чем в любое другое время, — говорит Плутарх. — Напротив, Антоний при неудачах становился почти добродетельным человеком»?

Судя по всему, именно в это время Октавиан пересмотрел свою позицию. Пока Цицерон и Сенат будут надеяться на возвращение Республики, они никогда не пойдут за ним; их очевидная поддержка была оказана только затем, чтобы выдворить из Рима Антония. Но Октавиан вовсе не желал возвращения Республики. Он хотел всей полноты власти своего великого дяди — а Цицерон явно не был намерен помогать ему в этом: «Сознавая, что желания Цицерона сводились к свободе, — замечает Плутарх, — он перестал обращать на него внимание»?

Итак, следуя примеру Цезаря, Октавиан решил заключить со своим соперником союз, чтобы усилить собственное положение. Вместо того, чтобы воевать с Антонием, он лучше отправит к нему друзей с посланием: у него есть предложение, если Антоний согласится встретиться с ним.

В ноябре 43 года они встретились в частном доме в Болонье, и три дня обсуждали возможное партнерство. Они решили образовать триумвират, как это сделали их предшественники. В качестве третьего члена в триумвират включили союзника Марка Антония — Лепида; в конце концов он был понтификом максимом и он командовал большой армией в качестве правителя провинций Галлия и Ближняя Испания.

Этот триумвират не являлся неформальным образованием: был создан письменный договор о союзе. «По поводу империи решили, — говорит Плутарх, — что она будет поделена среди них, будто она их отцовское наследство».

Рим под Триумвиратом

Затем каждый составил список римлян, которых хотел бы видеть убитыми при вступлении во власть. Это уже слишком далеко выходило за рамки претензий на законность. Всего на листе смертников набралось триста человек, включая Цицерона (в списке Антония), собственного дядю Антония (в списке Октавиана) и брата Лепида (который публично выступал против него) в списке Лепида.

Триумвиры вернулись в Рим во главе единого войска и безжалостно выполнили намеченные планы. После этого они поделили империю. Октавиан получил запад, Антоний — восток, Лепид, которому выпало быть последним в триумвирате, потерял свои провинции Галлия и Ближняя Испания, а взамен получил Африку, которая едва ли была лакомым кусочком. Но его успокоили, отдав под временный контроль город Рим. Пока Лепид приглядывал за столицей, Антоний с Октавианом отправились с частью армии в Грецию, чтобы добраться до Кассия и Брута.

Кассий и Брут остановились в Македонии, разделив свою армию на две части и расположив

войска в двух различных местах. Это заставило Антония и Октавиана разделить свои силы тоже. Октавиан должен был атаковать Брута, но в день битвы неожиданно заболел — «почувствовал слабость и дурноту», как пишет Светоний. В результате его войска были разбиты и отброшены.[7] Антоний, наоборот, разбил Кассия, который покончил с собой — не ведая, что Брут одержал победу. Затем Антоний развернулся и покончил с Брутом за Октавиана.

Октавиан направился домой. Ему становилось все хуже, он уже боялся, что умрет до того, как успеет добраться до Рима. Антоний остался на востоке, чтобы помочь защищать границу. Римская провинция Сирия оказалась перед угрозой возможного вторжения — парфяне под командованием своего царя Орода II собирались на своей западной границе, готовые вторгнуться на принадлежащие Риму земли. Антипатра, римский наместник Сирии, только что был отравлен, его место занял его сын Ирод, однако такая работа для него была внове.

Антоний прибыл в Сирию, но его внимание вскоре было отвлечено от грядущей кампании. В 41 году до н. э., следующем за поражением Брута и Кассия, он познакомился с Клеопатрой — которая, стремясь привлечь его внимание специально приплыла на Сицилию для встречи с ним *«на а/дне с позолоченной кормой и распущенными пурпурными парусами, с посеребренными веслами, отбивающими темп под музыку флейт, дудок и арф. Она возлежала одна под балдахином из золотой ткани, одетая как Венера на картине, а прекрасные юноши, будто нарисованные Купидоны, стояли по обеим сторонам и обмахивали ее веерами. Служанки были одеты как морские нимфы и грации, некоторые стояли на руле, некоторые работали на канатах. Запах духов несся с судна на берег, который усыпала толпа — некоторые жители уже следовали за галерой вдоль реки по обоим берегам, а другие бежали из города, чтобы поглазеть на зрелище».*[8]

Вместо того, чтобы оставаться в Сирии и защищать провинцию, влюбленный Антоний последовал за Клеопатрой в Александрию.

Атака парфян последовала в 40 году — всего через несколько месяцев. Парфяне прошли через Сирию в Палестину, намереваясь убить римского вассала Ирода. Тот сбежал в Рим, вместо него парфяне схватили Гиркана (который был первосвященником и этнархом Иудеи, подчиняясь непосредственно Ироду) и отрезали ему уши. Это не позволило ему больше служить первосвященником, так как иудейский закон диктовал, что первосвященник обязан быть не искалеченным.

Сразу же после этого успеха Ород был убит собственным сыном Фраатом IV, который, чтобы уничтожить соперников, также убил других братьев и своего старшего сына. Это было уже слишком даже по парфянским стандартам. Антоний нашел в себе силы покинуть Клеопатру и вернулся в Рим, чтобы посовещаться с Октавианом — который, как ни странно, оправился от своей болезни. Со свежей армией (в которой находился и беглец Ирод) Антоний снова отправился на восток.

Парфяне под командой Фраата IV попытались отстоять сирийские владения, но Антоний смог выгнать их от Палестины. В 37 году он вновь поставил Ирода вассальным царем Рима — светским владыкой иудеев, одновременно выполняющим и обязанности верховного жреца.

Тем временем немного далее к западу, Октавиан устранил Лепида. Лепид необычайно устал от положения «третьего лишнего» в этом раскладе. Он отбыл со своими войсками на Сицилию, которую объявил своей собственностью. Это было ясным заявлением, что он хочет большей власти в триумвирате.

Однако Октавиан высадился в Сицилии и призвал солдат Лепида не оказывать ему сопротивления: они могут спасти Рим от гражданской войны, если просто покинут Лепида. Войска так и сделали, легион за легионом; похоже, у Лепида не было личной харизмы, чтобы пересилить призывы Октавиана. В конце концов он сам вынужден был вслед за своими

солдатами явиться в лагерь Октавиана, сдаться и просить пощады. Октавиан сохранил ему жизнь, но отобрал провинции, солдат и титул триумвира.[9] Он также посадил его под домашний арест, под которым Лепид и провел весь остаток жизни.

Теперь Октавиан и Антоний делили власть между собою. Но положение Антония становилось все более слабым. После первоначального успеха его кампания против Парфии обернулась жестоким поражением. Он попытался пробиться в Мидию, но был вынужден отступить, причем во время отхода погибло двадцать тысяч пехотинцев и четыре тысячи кавалеристов.[10]

К 34 году Антоний оставил армию и вернулся в Египет к Клеопатре. Это дезертирство предоставило Октавиану возможность, в которой он так нуждался — объявить Антонию войну как врагу Рима.

Но для этого требовалось сначала перетянуть на свою сторону сторонников Антония в Сенате. В 32 году до н. э. Октавиан вслух зачитал Сенату завещание Антония. Это было незаконно, но когда сенаторы услыхали, что Антоний оставил большую часть своих денег египетским детям, которых родила ему Клеопатра (это были близнецы, мальчик и девочка), а также попросил похоронить его в Египте, они согласились на официальное объявление Антонию войны, как будто бы он стал вра-гом-иностранцем.[11] Октавиан съязвил, что, Антоний настолько околдован Клеопатрой, что кампания против него не вызовет никаких осложнений — его полководцами станут стилисты, создающие красоту Клеопатры, да один-два египетских евнуха.

Антоний, услышав о таком заявлении, начал собирать себе армию и флот на Евфрате. Силы собрались значительные — Плутарх говорит про пятьсот кораблей, сто тысяч пехоты и нескольких союзных царей, одним из которых был Ирод, царь Иудеи.

Октавиан явился с флотом и наземными силами. После серии предварительных стычек два флота встретились возле мыса Акций у северного побережья Греции. Октавиан одержал победу; потеряв триста кораблей, Антоний с Клеопатрой покинули место боя и бежали в Египет. Большинство их соратников сменили сторону и присоединились к Октавиану, который явно одержал победу.

Октавиан решил, что будет более разумным не оставлять Антония в Египте, где он мог бы планировать дальнейшие действия против Рима. Он переждал зиму и на следующий год направился в Египет.

Когда Антоний услышал о приближении войска Октавиана, он ударил себя мечом в живот и умер, медленно истекая кровью. Клеопатра тоже покончила самоубийством — хотя на ее теле не осталось следов, а рядом не было найдено никакого кинжала рядом; позднее слуги предположили, что она позволила ядовитой змее укусить себя, предпочитая смерть жизни в качестве пленницы Октавиана.

Октавиан приказал также казнить сына Клеопатры от Цезаря. Шел 30 год до н. э., теперь он остался полновластным правителем всех римских территорий.

В 29 году до н. э. Октавиан вернулся в Рим, к людям, уставшим от войны.

Он устроил себе триумф и раздавал деньги горожанам. Он приказал также, чтобы закрыли двери в храм Януса — демонстрируя, что Рим вошел в новое, мирное время. Победа Октавиана при мысе Акций была, по его собственной версии событий, новым началом. Не: Римская Республика закончилась, Римская Империя началась (как это будут расценивать более поздние историки), а скорее: Республика обрела новое дыхание.

Чтобы сохранять эту иллюзию, он не распустил Сенат — ведь это бы отменило половину официального названия Рима. Сенат тоже оказался в деликатном положении. Октавиан только что закончил сражаться против римлян, и только что приговорил к смерти единственного сына

Цезаря. Оба эти действия были автократическими, и если он будет действовать как царь, поднимется протест, который невозможно будет игнорировать. Если, с другой стороны, Сенат заставит его сложить с себя всю полноту власти, снова разразится гражданская война. Если что-то и прояснилось за последние годы, то лишь одно — первичная форма республики не может долго удерживать в городе мир.

Компромисс между Сенатом и Октавианом был, как и его собственная версия победы при Акции, обеспечен терминологическим трюком. В 27 году до н. э. Октавиан явился на январское заседание Сената и формально объявил о снятии с себя всех полномочий, которые были даны ему за годы кризиса: это показывало, что сенаторы — все еще необычайно могущественные, а не обычные люди, и что Республика находится в полной силе.

Октавиан излагает этот шаг в своем труде «Res Gestae», его слова выгравированы на медной пластине, которую позднее поставили перед его мавзолеем: «После того, как я положил конец гражданской войне, — говорится там, — достигнув высшей власти по общему согласию, я передал государство из-под своей личной власти под контроль Сената и народа Рима»}[2]

А раз Октавиан продемонстрировал, что уважает Республику, Республика вернула ему свое расположение. Октавиан остался консулом (республиканский институт), а Сенат отдал ему под контроль окружающие провинции. Поскольку большинство солдат было расквартировано именно там, а не в Риме, это обеспечивало ему контроль над армией. Октавиану было позволено также иметь крупный контингент телохранителей, находящийся в самой Италии — так называемых преторианцев. По сути это была его личная армия, что нарушало римскую традицию не держать армию рядом с домом.[13]

Он также сохранил титул императора, который носил с 29 года. Этот титул каждый год присваивался наиболее успешному полководцу, но теперь он стал постоянным. То же произошло и с именем «Август». Это слово означало «освященный» и являлось знаком особого отличия — а вот теперь стало частью имени, утратив политический смысл, и могло принимать любой оттенок значения, который придавал ему сам Октавиан.[14] Октавиан же видел в титуле Августа (который стал его основным именем) награду за добродетель, Сенат даровал ему этот титул в знак признательности за отказ удерживать власть. Так сам Октавиан утверждает в своем «Res Gestae», где перечисляет все свои достижения: «Ярасширил границы всех провинций римского народа, который имел соседями расы, не подчинявшиеся нашей империи... Я восстановил мир в провинциях от Галлии и Испании до Германии... Я добавил Египет к империи римлян» — и так далее.[15] Но вовсе не это стало основой его авторитета. Скорее, он заслуживал быть Августом потому, что *«после того, как я погасил гражданские войны, и с общего согласия мне доверили полнейшее владение всей империей, я передал республику из своих рук под свободный контроль римского Сената и народа. За эту службу я получил по декрету Сената имя Август... С того времени я стоял по достоинству выше всех остальных, но фактическая власть, которой я обладал, была не больше, чем у моих коллег».*[16]

Конечно, это соответствовало истине с точностью до наоборот: Август имел действительную власть императора, но не титул. Даже для некоторых своих современников (таких как географ Страбон) это так называемое «Первое Урегулирование» выглядело глупо.

Следующие десятилетия Август совмещал деятельность императора без титула с постоянными переговорами с Сенатом по поводу того, какие формальные привилегии он может еще получить. В 23 году до н. э. он отклонил предложение выбрать его снова консулом, которым успешно был последние девять лет. Точная мотивация этого поступка не совсем ясна. Может быть, он понял, что если будет избираться консулом каждый год, многие сенаторы, не получат шанса попасть на должность, которая для многих была верхом мечты всей жизни. Это

могло вызвать появление недовольства.[17] Кроме того, в 23 году его поразила серьезная болезнь; Светоний сообщает, что у него был стригущий лишай, камни в мочевом пузыре и пятна по всему телу.[18] Возможно, ему не хотелось показываться на публике во время выборов в таком неприглядном виде.

В любом случае, оставление консулата не было жертвой, потому что Октавиан все равно оставался выше консулов во властной структуре. Сенат согласился сделать его пожизненно проконсулом — это означало, что он не только мог законно вмешиваться в дела сената и консулата, когда захочет, но мог манипулировать военной силой — imperium — внутри города. Это было важной привилегией, в особенности потому, что теперь он имел постоянную армию внутри границ Рима.

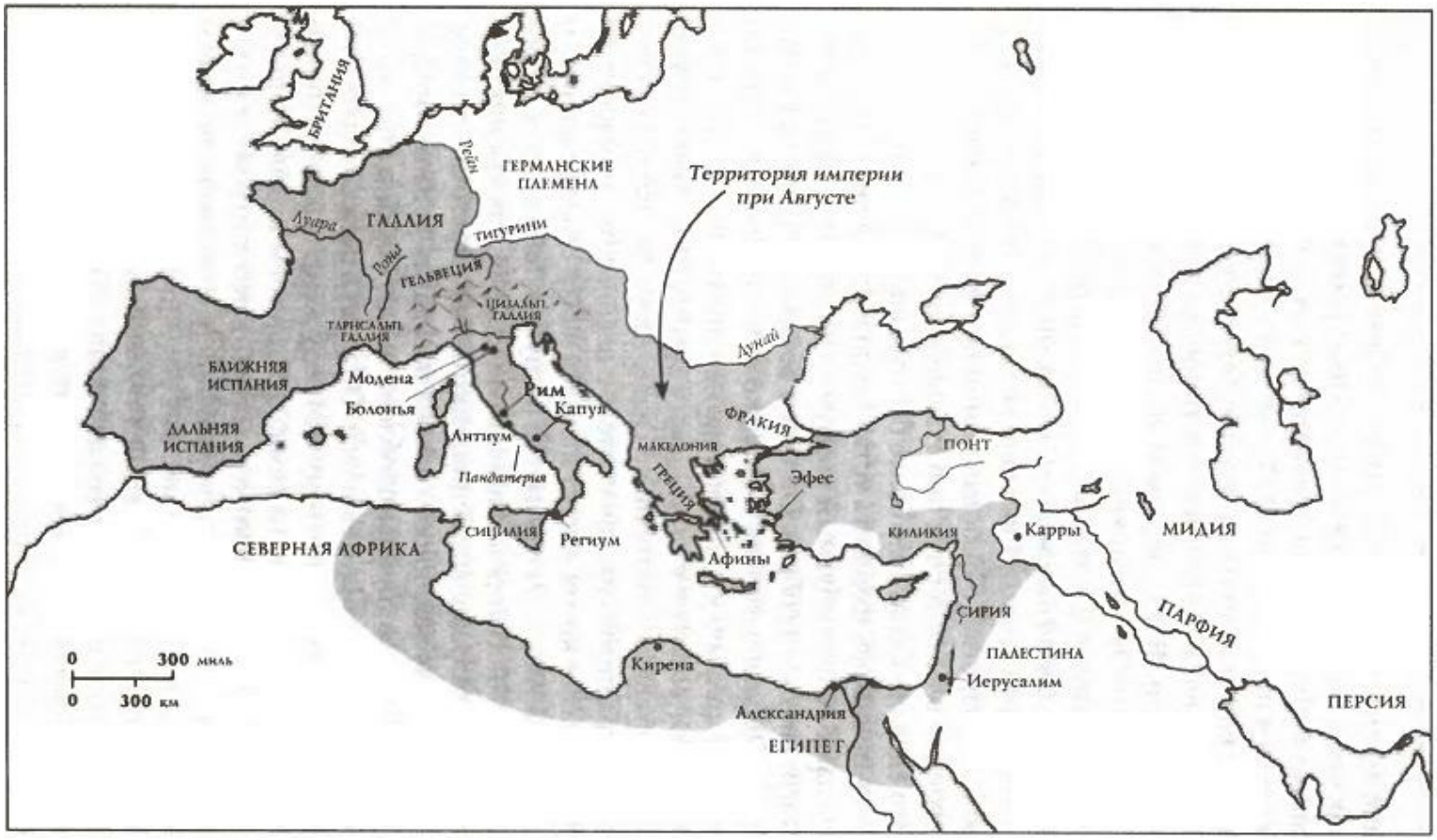
На деле Октавиан еще обладал всей полнотой царской власти — он не имел законных средств, позволяющих заставить город сделать все, что он хочет. И он все еще избегал титула император. Авіуст, пишет Тацит, встал во главе своей империи с титулом принцепс (fessa nominee principis sub imperium accepit). В более поздних переводах этот термин давался как «князь» («prince»), но сам Август называл себя просто Первым Гражданином.[19]

В 20-м году до н. э. Август смог договориться об условиях мира с парфянским царем Фраатом IV. Поражение Антония стало большой удачей для Августа, но неудачей для Рима. Парфяне взяли на войне римских пленных и захватили римские штандарты; Августу нужно было вернуть их.

Фраат IV согласился вернуть пленных и штандарты. Что он получил от Рима, не очень ясно. Август передал Фраату девуш-ку-рабыню, которая вскоре стала его любовницей, но должны были существовать еще какие-нибудь другие мотивы.

Фраат IV действительно отослал всех четырех своих сыновей в Рим в качестве заложников — этот шаг обычно указывал на слабость.[20] Но при существовавших в парфянских царских семьях интригах, это могло быть и услугой Рима Парфии — она давала Фраату IV возможность еще несколько лет не следить за тем, что у него за спиной и не нюхать каждую чашку. А римлянам это давало шанс научить римскому образу жизни парфян (прием, который они давным-давно испробовали на египетских принцах). Продление мира с парфянами было важно для процветания Рима. Это означало, что торговый путь в Индию и дальше на восток был теперь доступен, а не заблокирован сплошной стеной вражды.

Рим, может быть, и процветал — но Август, который столь нуждался в сохранении республиканских форм, чтобы удерживать свою империю, встретился с новыми проблемами. Сенаторы начали являться в Сенат все позднее и позднее; это было понятно, так как в основном они тратили свое время впустую, вообще не занимаясь законами. Однако Август хотел, чтобы Рим видел: дела ведутся по-прежнему. В 17 году до н. э. он даже объявил, что сенаторы, которые приходят поздно, будут платить штраф.

Рим эпохи Августа

Тем временем Август концентрировал в своих руках все больше власти. В 13 году умер Лепид, все еще находясь под арестом. Тогда Октавиан «принял на себя положение первосвященника, — пишет Светоний, — чего он никогда не предполагал делать, пока Лепид был жив».[2x] Это значило, что управляющий политическими делами Рима теперь также стал и религиозным главой государства, образовав комбинацию, значительно усилившую его власть, и с тех пор ставшей нормой.

Это сделало Сенат еще более бесполезным. К 11 году до н. э. Августу пришлось изменить устав Сената, чтобы дела могли вестись, даже если требуемый кворум в четыреста сенаторов (из шестисот) не будет собран. Он также объявил, что члены Сената не будут больше говорить в порядке старшинства, так как они приобрели привычку подниматься по одному друг за другом и говорить: «Я согласен с предыдущим оратором». Вместо этого, пытаясь заставить сенаторов не спать, Август начал наугад вызывать и опрашивать их, как учитель в невнимательном классе.[22]

В то же самое время Август пытался найти себе наследника и создать династию — абсолютно не республиканская идея. Впрочем, Сенат симпатизировал идее наследования, так как никто не хотел, чтобы разразилась война, как только умрет Август. Увы, для него не было законного способа назначить кого-то императором Рима. Более личная проблема заключалась в том, что у Антония вообще не было сыновей. Он рассчитывал сделать своим преемником зятя, и поэтому в 24 году женил свою четырнадцатилетнюю дочь Юлию на семнадцатилетнем кузене Марцел-лле. Но Марцелл умер всего через год. После этого Август выдал Юлию замуж за одного из своих офицеров, человека по имени Агриппа; но Агриппа тоже умер в 12 году до н. э.

Вместо того чтобы оставить бедную женщину в покое, Август выдает ее замуж за последнего кандидата — Тиберия, сына своей жены от предыдущего брака. Тиберий не выглядел удачным выбором. Он вел себя холодно и отстраненно, обычно хранил молчание, у него были странные привычки — он неуклюже ходил и постоянно жестикулировал пальцами во

время разговора.[23] В качестве наследника Августа Тиберий просто занимал промежуточное место. Император надеялся, что один из сыновей Юлии станет достаточно взрослым, чтобы его можно было назначить преемником вместо Тиберия. Ну а пока он создал для дочери несчастную семейную жизнь. Юлия ненавидела Тиберия, и их жизнь была настолько плохой, что он уехал на Родос, в то время как она все больше погружалась в пьянство и разврат. Ее поведение стало настолько скандальным, что в конце концов Август поселил ее на Пандатерии, острове-тюрьме.

Его семейные проблемы ненадолго отвлекли его от дел по управлению империей. В 4 году до н. э. умер Ирод Великий — вассальный правитель, посаженный Марком Антонием на трон Иудеи. Он оставил трех сыновей и громадный перестроенный храм. Ирод использовал свою власть, чтобы превратить обветшавший Второй Храм в строение, демонстрирующее его собственное величие, хотя бы и под римским надзором. Место, на котором тот стоял, плоская вершина Храмовой Горы, было слишком невелико для крупного строения, поэтому Ирод раскопал все вокруг и построил огромные подземные залы, послужившие основанием для большего по площади пола.

Теперь Ирод Великий умер. Но, не желая выбирать в наследники одного из трех сыновей Ирода, Август разделил Палестину на три части — видимо размер Храма продемонстрировал ему амбиции этого семейства, которые необходимо было пресечь. Во всяком случае, Ирод Антиппа получил Галилею у Галилейского моря; Архелай получил Самарию и Иудею; а третий брат Филипп, получил север. Ирод Антиппа и Филипп правили без особых инцидентов; но Архелай оказался таким жестоким, что в 6 году н. э. Август сместил его с трона и посадил на его место римского чиновника — прокуратора, в обязанности которого входило следить за управлением областью. Прокуратор имел последнее слово во всех решениях, особенно в серьезных законодательных и судебных вопросах — например, таких как казнь. Но пока Ирод Антип и Филипп вели себя нормально, римляне их не трогали.

Немного дальше на востоке парфяне мучились антирим-скими настроениями.

Во 2 году н. э. жизнь семьи Фраата IV снова претерпела поворот. Подаренная ему Августом рабыня родила ему сына, и когда этот сын подрос, он убил своего отца, сам заняв трон как Фраат V. Монеты времен его правления изображают возле него мать. Возможно, она была соправительнецей, но выглядит скорее как его супруга, и в Парфии существовала традиция (хотя и не слишком афишируемая) браков с собственной матерью. К тому же следует учесть, что мать была старше него всего на пятнадцать лет.[24] Их совместное правление сделало их крайне непопулярными, и после неполных четырех лет парфяне отправили правителей в ссылку.

После этого на трон взошел один из воспитанных в Риме сыновей Фраата IV, принявший царское имя Вонон I. Это было как раз то влияние на Парфию, на которое рассчитывали римляне. Правление Вонона I было для них таким же удачным, как и в Палестине. К несчастью длилось оно недолго. Портреты Вонона на монетах изображают его с прической в западном стиле, без сомнения, приобретенной в дни нахождения в Риме. Но проримское поведение Вонона раздражало парфян при его дворе. Римские слова в устах парфянина, римская одежда, римские привычки — все это становилось более и более непопулярным у консервативной части парфянского общества. В мирное время казалось очень важным оставаться преданным родной культуре; эта преданность не была необходима в военное время, когда враждебность действует как естественная проверка культурного обмена.

Венон I смог продержался лишь порядка четырех лет, после чего парфянский патриот Артабан сверг его (и выслал либо убил), сам объявив себя царем. Парфия осталась в мире с Римом, но то был непрочный мир, Парфия постоянно сопротивлялась римскому влиянию и

держалась отчужденно на другом берегу Евфрата.[281]

К 4 году н. э. Август оставил поиски наследника по крови. Два внука Юлии умерли молодыми. Третий, Агриппа Постум, вырос таким злым, что о нем повсюду говорили как о ненормальном; Август тоже выслал его на тюремный остров Панда-терия. Он еще больше сблизился с Тиберием, формально принимая зятя как своего подопечного и члена ближайшего семейного круга.

Это не сделало Тиберия его наследником, так как наследное правление все еще оставалось невозможным. Но Тиберий получал все больше и больше контроля над римской армией, а так как поддержка римских легионов являлась самой главной опорой имперской власти, это играло почти такую же роль, как и передача Тиберию короны. ВІЗ году н. э. Сенат утвердил Тиберия проконсулом и принцепсом вместе с Августом, что сняло срочность проблемы наследственной передачи власти.

Этот акт был совершен весьма вовремя. В августе 14 года н. э. Август и Тиберий путешествовали вместе, когда у семидесятипятилетнего императора началась диарея. Он быстро слабел, пока не смог уже подниматься с постели.

Однажды Август попросил зеркало, чтобы привести в порядок волосы, будто готовясь к приему. «Когда собрались все его друзья, которых он вызвал, — пишет Светоний, — он потребовал от них сказать, что они думают, хорошо ли он сыграл свою роль в комедии жизни». Когда они ответили положительно, он процитировал (почти как свои последние слова) две строчки из популярной драмы:

> Ведь пьеса была такой хорошей, так хлопайте
> И отпустите нас под свои аплодисменты.[25]

В последние моменты своей жизни он смог, наконец, признать правду, которую не осмеливался высказать никто в Риме: его роль защитника Республики была лишь игрой, и его отказ принять титул императора являлся всего лишь притворством. Все делалось на публику.

Сравнительная хронология к главе 79

Парфия	Рим
	Союзническая война (91 год до н. э.)
Консульство Луция Суллы	Гладиаторская война (73 год до н. э.)
Консульство Красса	
Консульство Помпея	
Консульство Цицерона	
Ород II	
Консульство Юлия Цезаря	
Битва при Фарсале (48 год до н. э.)	
Фраат IV	
Убийство Цезаря (44 год до н. э.)	
Консульство Октавиана	
Битва при Акции (31 год до н. э.)	
Первое Урегулирование (27 год до н. э.)	
Второе Урегулирование (23 год до н. э.)	
Октавиан становится понтификом максимом	
ФраатУ	
Вонон I	
Артабан II	
Смерть Октавиана (14 год н. э.)	

Глава восьмидесятая
Закат и возрождение

В Китае, между 33 годом до н. э. и 75 годом н. э. династия Хань постепенно угасает из-за плохих предзнаменований, а затем возрождается по той же причине

Китай под правлением династии Хань разросся в империю, со своими многочисленными провинциями очень похожую на Римскую. Хроники Сымы Цяня рассказывают завоеваниях племени за племенем на западных границах Китая. И, так же, как правящие семейства на другом конце Евразии, китайский царский клан страдал из-за своих личных дрязг, которые ослабляли границы империи.

В 33 году до н. э., когда Октавиан еще выстраивал свою власть, умер ханьский император Юан-ди. Он унаследовал трон от своего отца Сюань-ди и теперь передал его своему сыну Чжэн-ди[282].

Чжэн-ди было восемнадцать лет, что по китайской традиции было слишком мало для полностью независимого правления. Его мать Чжэн-чжун стала вдовствующей императрицей с правами, похожими на регентство. Когда она предложила, чтобы Чжэн-ди отдал ее родственникам из клана Ван важные правительственные посты, Чжэн-ди послушно подчинился. Ее старший брат стал главнокомандующим, остальным членам семейства Ван были предоставлены другие посты, пока правительство Хань не переполнилось ими.[1]

Чжэн-ди умер в 7 году н. э., процарствовав два десятилетия, но не имея своего сына. Ему наследовал его племянник Ай-ди. После него время нахождения у власти правителей стало подозрительно коротким. Ай-ди умер всего после шести лет, также бездетным; его восьмилетний кузен Пин, который сел после него на трон, умер в 6 году н. э., после семи лет правления, также бездетным.

Вдовствующая императрица все еще была жива; она пережила уже четырех монархов династии Хань. Теперь на трон взошел еще один ребенок — дальний отпрыск семейства Хань по имени Жу-цзи, который мог считаться пра-пра-правнуком прежнего императора Сюань-ди. Регентом при нем она назначила своего племянника Ван Мана, уважаемого и образованного человека, служившего уже в течение многих лет министром. Его биограф, историк Бань Гу, заметил, что он смог выстроить лояльность по отношению к себе, «распределяя экипажи, лошадей, халаты и меха» своим «ученым слугам», и мало оставляя себе; другими словами, он был искусен в коррупции.[2]

Знать, которая сопротивлялась власти Вана, запротестовала; кто-то настаивал, что Ван Ман отравил, по крайней мере, одного из предыдущих царей; другой возглавил краткое вооруженное восстание. Но Ван Ман пообещал, что передаст корону младенцу царю как только тот станет достаточно взрослым. Это давало ему не менее десяти лет отсрочки.

Ему потребовалось три года, чтобы убедить жителей столицы, что необыкновенно плохая судьба наследников Хань демонстрирует волю Неба, которое отвернулось от династии, и что отсутствие взрослого императора на троне поощряет разбой, убийства и прочие преступления. Когда же слова Ван Мана начали подтверждать предсказания (к примеру, белый камень, найденный на дне колодца, сообщал: «Скажите Ван Ману, что он должен стать Императором!»), он заявил, что государство Хань закончилось и что он станет теперь императором Китая. «Я потомок Желтого Императора, — объявил он, — мне дан Мандат для продолжения наследования. Предсказания дали ясные указания духов, вверив мне людей империи»?

Династия Хань уже просуществовала 197 лет, что являлось немалым достижением. На следующие полтора десятилетия после 9 года н. э. ее сменила основанная Ван Маном династия Синь — «Новая династия».

Вдовствующая императрица, которая все-таки умерла в 13 году н. э., после того, как пережила правление шести императоров Китая, не увидела конца этой истории. Но результаты перемены династии стали очевидны еще до ее смерти. Ван Ман не был жестоким человеком; он

отослал маленького принца расти где-то вдали, но пощадил его жизнь (хотя ходили слухи, будто маленького Жу-цзи так тщательно охраняли, что увидев цыпленка, он не понял, что это такое). Но решения Ван Мана были гибельными. Он провозгласил возрождение старых славных дней и попытался отказаться от всех перемен, сделанных государством Хань, чтобы разорвать старые узы аристократических привилегий. Он разозлил крестьян тем, что вернул знатным семьям часть их старой феодальной власти; он раздражал аристократов тем, что оживил древнюю традицию, когда весь Китай считался принадлежавшим императору — и даже больше, довел эту идею до конца, объявив некоторые из феодальных владений своими.[4] Его политическая деятельность оказалась такой многогранной и такой внезапной, что страна была отброшена в хаос и неразбериху. Его биограф Бань Гу мообщает:

«Люди не могли двинуть рукой без нарушения какого-нибудь запрета...

Богатый не имел способа защитить себя, а у бедного не было возможности остаться в живых. Они поднялись и стали ворами и бандитами, наводнив холмы и болота».[5]

Ван Ману не повезло также с погодой. К засухе и голоду присоединилось жестокое наводнение на большей части столичного региона; в 11 году н. э. плотины на реке Хуанхэ прорвало и тысячи людей утонули. Предзнаменования, которые, как рассчитывал Ван Манн, укрепят его во власть, обернулись против него. «Свирепствовали голод и бубновая чума, — говорит Бань Гу, — и люди ели друг друга, так что пока в конце концов Ван Ман не был наказан [потерей трона], половина населения империи умерла».

В ответ на эту комбинацию политических перемен и природных бед образовалось одно из первых тайных обществ в китайской истории — Красные Брови. Эта организация была создана, чтобы бороться против солдат, направленных в сельскую местность для проведения в жизнь декретов Ван Мана. В этот период еще не существовало униформы, и повстанцы мазали лбы красной краской, чтобы во время сражения отличить друга от врага.[6]

В 23 году н. э. Ван Ман бросил трон и бежал из столицы. После него осталась масса представителей семейства Хань, из которых никто не имел однозначного права на трон. Борьба между ними тянулась два года, прежде чем один из них, Лю Сю, набрал достаточно сторонников, чтобы захватить власть.

Лю Сю, более известный под своим императорским имени Гуан У-ди, стал восстанавливать все, что разрушил Ван Ман. Но он провел некую грань между своим правлением ранним периодом правления династии Хань (которая в конце концов рухнула от беспорядков), перенеся свою столицу из Чанъани в Лоян, расположенный на двести миль восточнее. Поэтому вторую половину эпохи Хань часто называют Восточная Хань, чтобы отличать его от более раннего правления династии Хань.

Кроме того, он не восстановил ханьский обычай раздавать все важные посты членам царской семьи, благодаря которому во власть и попал Ван Ман. Вместо этого он разделил старую территорию Хань на новые провинции и отдал большинство правительственных постов менее знатным семьям. Кроме того, в порядке борьбы с влиянием старой знати он построил сто школ для будущих бюрократов, в которых оплачиваемые правительством учителя давали знания, необходимые правительственным чиновникам для правильного управления империей. Он также создал систему экзаменов; кандидаты, прошедшие такой экзамен, могли получить государственный пост независимо от семейного происхождения. Это была власть профессионалов, основанная на конфуцианских идеях порядка, и она стала системой, которая продлится многие века.[7]

Но жителей, которыми эти новые администраторы стали бы руководить, было гораздо меньше, чем раньше; голод, гражданская война и наводнение уничтожили множество китайцев. Судя по имеющимся цифрам переписей, в Западном Хань за последние годы его существования,

а также за годы Новой Династии умерло десять миллионов человек.[8]

Гуан У-ди правил тридцать два долгих и благополучных года, а затем передал власть своему сыну Мин-ди.

Мин-ди первоначально не был наследником императора. Гуан У-ди не до конца отверг старую практику построения структуры власти через союзы со старыми владетельными семьями; его первый брак был заключен со знатной женщиной с севера и обеспечил ему стратегические связи с северными кланами, которые могли проложить императору дорогу к трону. Именно ее сын был провозглашен наследником престола. Но почти через двадцать лет правления Гуан У-ди начал тяготиться жестким контролем с севера и обратил свои взоры на юг. Он отодвинул первую жену и взял в качестве официальной супруги вторую, южанку. Когда родился ее сын Мин-ди, Гуан У-ди объявил его своим наследником, лишив старшего этого титула.

Мин-ди было 29 лет, когда он взошел на трон. Он решил проблему сопротивления севера, послав на север своего генерала Бань Чао, который провел кампанию против нарастающей угрозы сюнну. Благодарность северян, избавленных от нападений извне, убедила императора в лояльности севера. Кроме того, кампании Бань Чао не только привели сюнну к повиновению, но позволили также завоевать на западе область Таримского бассейна — так называемый Оазис; это открыло восточный конец пути между двумя краями Евразии, который уже был расчищен с запада парфяно-римским договором.[9]

Согласно более поздним биографам, Мин-ди имел мечту: он увидел на небе золотого бога, который просил, чтобы ему оказали честь. Его советники сказали ему, что это был Будда, бог, о котором они слышали из Индии. Судя по всему, это поэтическое выражение отражает реальность установления тесных связей с Индией: и купцы, и миссионеры с Индостана начали регулярно путешествовать в Китай.

Мин-ди послал людей в Индию, чтобы те узнали больше о Будде. Согласно китайской традиции, они вернулись с «Сутрой в сорока двух разделах», которая являлась сборником буддистских афоризмов, представленных в манере, очень похожей на «Литературный сборник» Конфуция.[10] Мин-ди, довольный полученной «Суртой», начал внедрять ее учение при своем дворе.

Вероятно, это весьма упрощенное представление о более постепенном восприятии буддистских принципов правящей китайской элитой, но все же изложенная история показывает, что буддизм проложил свой путь в Китай — и что он распространялся там путем, полностью отличным от конфуцианства.

Конфуцианство, заложенное теперь в структуру бюрократии Хань школами Гуан У-ди, закреплялось среди людей и распространялось по самым корням, в самой основе китайского общества, давая обычным мужчинам и женщинам принципы, которые будут вести их по жизни день за днем. Это была республиканская этика. А буддизм пришел в Китай по верхушкам социального дерева: сначала он был принят царем, и от него распространился вниз. В Китае он был религией образованных, могущественных и процветающих.

Сравнительная хронология к главе 80

Рим	Китай
Битва при Фарсале (48 год до н. э.)	Юан-ди
Убийство Цезаря (44 год до н. э.)	

Консульство Октавиана	
Битва при Акции (31 год до н. э.)	Чжэн-ди
Первое Урегулирование (27 год до н. э.)	
Второе Урегулирование (23 год до н. э.)	
Октавиан становится Понтификом Максимом	
	Ай-ди
	Пин
	Жу-цзи
	Династия Синь (9 год н. э.)
Смерть Октавиана (14 год н. э.)	Ван Ман
	Династия Восточная Хань (25 год н. э.)
	Гуан У-ди
	Мин-ди

Глава восемьдесят первая
Проблемы наследования

Между 14 и 69 годами н. э. римские императоры все больше сходят сума$_у$ город горит, в нем начинается преследование христиан

Со смертью Августа Тиберий, которому к тому времени было уже пятьдесят четыре года, получает всю полноту власти принцепса.

Тиберий понимал, что жители Рима не собираются автоматически провозглашать его следующим Августом; большинство из них знало, что Август выбрал его «скорее по необходимости, чем по предпочтению», как пишет Светоний.[1] Сенат тоже мог легко отвернуться от него, в особенности, если он проявит слишком большое желание власти. Поэтому, выйдя к сенаторам через месяц после смерти Августа, чтобы быть официально признанным как глава государства, Тиберий попытался следовать стратегии Августа. Он с видимым смирением предложил сложить с себя власть, чтобы ему охотно ее возвратили. Но он не смог особо хорошо разыграть это смирение. Когда Сенат попытался вернуть ему власть, он продолжил вроде бы отказывать им уклончивыми ответами, пока они совсем не расстроились и кто-то из них не выкрикнул: «Или делай дело, или покончим с этим!»[2] Наконец он смог-таки утвердиться преемником Августа — но так никогда и не получил ни титула Императора, ни нового титула Август.

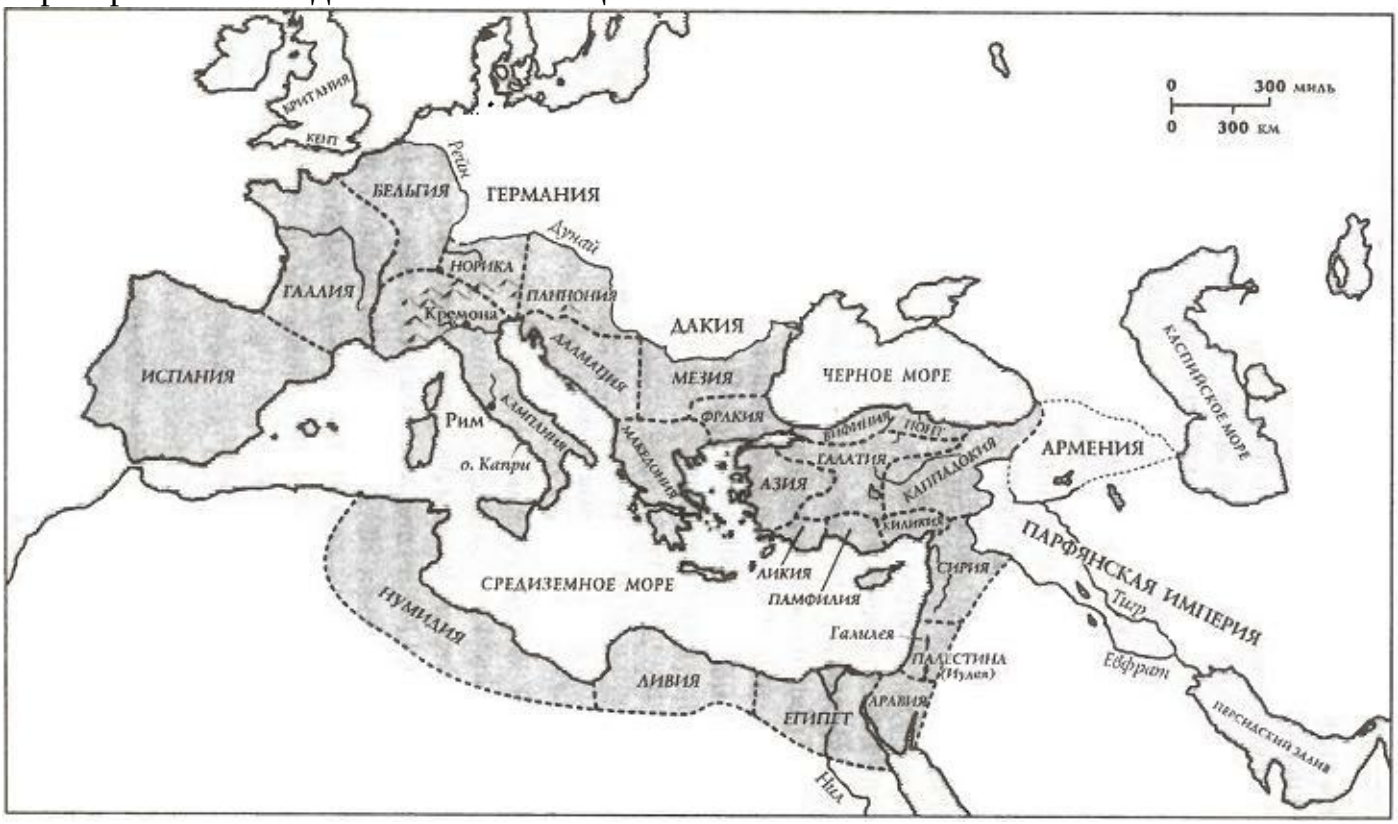
Он назначил себе наследника еще даже до смерти Августа — своего племянника Германика, который командовал римскими легионами на Рейне (римляне знали эту провинцию как Германию, а кельтские племена, которые кочевали по ней — как германцев). Теперь он призвал Германика назад в Рим и организовал его выборы в консулы, а затем послал его управлять провинцией Сирия.

Вскоре по прибытии в Сирию Германик умер, оставив жену и юного сына Калигулу. Люди в Риме начали шептаться, что Тиберий приказал убить его. Так как именно Тиберий организовал возвышение Германика (предпочтя его собственному сыну Друзу, который не был ни красив, ни популярен), это обвинение не походило на правду. Но у него имелись свои корни. Тиберий был угрюмым, непривлекательным человеком и не умел говорить; человек, который

получил власть императора во всем, кроме обладания титулом, явно нуждался в личном магнетизме, чтобы скрывать трещину между видимостью республики и реальностью существующей империи. Тиберий не имел того прославленного обаяния, которое отличало Цезаря.

Друз, который тоже не обладал им, теперь стал и консулом, и очевидным наследником. Но в 23 году н. э. он также умер — видимо, от желудочных проблем. При этом, Тиберий, похоже, потерял веру в себя. Не прошло и три года, как он оставил Рим и отправился сначала в Кампанию, а затем на Капри. Тут он и оставался, руководя римскими делами на расстоянии и никогда не приезжая в город.

Эта далекая царская рука была совсем не тем, о чем договаривался Сенат. Сенаторы поступились собственной властью, чтобы одна авторитетная персона могла предотвращать гражданскую войну и мятеж. Но Тиберий находился на Капри, купаясь в прибое с шумной толпой голых мальчишек, которых он называл своей «мелюзгой». Он все больше и больше демонстрировал намерение проводить свои дни в удовольствиях, а так как теперь он был императором (во всем, кроме титула), у него были средства делать эти удовольствия крайне экстраординарными. Он строил по всему своему острову маленькие пещеры и гроты и нанимал мальчиков и девочек, чтобы те одевались нимфами и Панами; гроты он называл «убежищами Венеры» и проводил в них время в точности так, как предполагало их название. Он купил знаменитый порнографический трактат и хранил его в своей библиотеке, «чтобы иллюстрация требуемой позиции всегда была под рукой, если кому-нибудь потребуется руководство для совершенствования исполнения»? Местные жители называли его «этот старый козел». Он был третьим римским принцепсом и первым, кто позволял себе удовольствие безоговорочного исполнения всех своих желаний. Не требовалось долгого времени, чтобы эта исключительная власть развратила всех должностных лиц.

Рим времен Тиберия. Границы крупнейших римских провинций

Тем временем Сенат работал по поддержанию жизни города. А впереди, похоже, уже маячила гражданская война. Луций Элий Сеян, новый командир преторианской гвардии (она

уже официально являлась личной армией принцепса) готовил почву к захвату власти, как только Тиберий умрет.

Но в 31 году Тиберий обнаружил (как именно — Тацит умалчивает), что Сеян не только стал любовником жены его умершего сына Друза, но эти двое замышляли отравить Друза. Он приказал арестовать и допросить Сеяна. Тот был признан виновным, далее последовала чистка, которая уничтожила сотни горожан Рима, включая собственных меленьких детей Тиберия и даже сына мертвого Германика, который умер от голода в тюрьме. С этого времени потакание своим слабостям у Тиберия начало превращаться в жестокость: «Он не пропускал ни одной пытки, ни одной казни», — пишет Светоний.

Пока Тиберий беспокоил римлян дома, в далекой Галилее бродячий пророк Иисус все более нервировал большую и могущественную группу священников в Иерусалиме, оспаривая их право контролировать религиозную жизнь иудеев.[283] Со времени упразднения института первосвященника и этнарха иудейские священники не имели больше никакой политической власти, и поэтому были особенно чувствительны к ограничениям власти религиозной, которая у них осталась.

Но, чтобы заставить замолчать Иисуса, им нужна была помощь римлян. Им пришлось обвинить его в политических оскорблениях перед Иродом Антиппой, который отрапортовал обо всем в Рим. Обвинение заключалось в том, что Иисус называл себя «Царем иудеев», что должно было разозлить Ирода.

Но Ирод, который, вероятно, слышал о чистках, идущих в Риме, не был совершать каких-либо действий, пахнущих независимостью — во всяком случае, не тогда, когда Тиберий был занят искоренением сопротивления. Он отослал Иисуса прямо к римскому прокуратору, который заменил его брата Архелая, с сообщением, что пусть лучше римляне, а не он, сделают что-нибудь с этим пророком.

Этот прокуратор, Понтий Пилат, на деле был уверен в собственной безопасности не больше, чем Ирод. Он тоже не хотел, чтобы его подозревали в совершении чего-то, что может показаться заговором против далекого, злого и непредсказуемого принцепса. Беспорядки в Палестине, находящейся под его контролем, не могли принести ему ничего хорошего. Поэтому Пилат согласился казнить Иисуса, который не возразил ему, когда Пилат спросил, действительно ли он объявлял себя царем иудеев. Выбранный способ, распятие, был стандартным римским наказанием для мятежников — сторонники Спартака были казнены точно так же.

Пилат скорее следовал политике: лучше обезопаситься сразу, чем сожалеть потом. Несколько позднее, уже в 36 году н. э. он попал в похожую не слишком острую, но потенциально опасную ситуацию из-за группы мятежников-самаритян — и, не раздумывая, казнил их всех. Это вызвало отрицательную реакцию населения и подъем антиримских настроений в Палестине. Римский правитель Сирии, прямой начальник Пилата, снял его с должности и отослал с позором обратно в Рим.

В 37 году Тиберий умер от болезни; он долго промучился перед тем, как испустил последний вздох — похоже, в конце концов его кто-то задушил. Когда Рим узнал, что принцепс умер, люди выбежали на улицы с криками: «Тиберия — в Тибр!»[4]

Ни Тиберий, ни Август не взяли себе царский титул, но передача власти становилась похожей на царскую. Тиберий выбрал своим наследником одного из сыновей умершего Германика, юного Калигулу,[284] но не побеспокоился провести церемонию, официально делавшую Калигулу совместным проконсулом. Четыре года тому назад Калигуле была дарована

должность квестора — финансового чиновника, но он не получил никакого титула. Сенат наградил его титулом принцепса, властью понтифика максима и военной императорской властью без переименования его сначала пожизненным членом совместного проконсулата, а также без формальной церемонии сдачи его прежних постов.

Калигула начал с того, что рассеял мрачные подозрения, под которыми все еще жило так много римлян после чисток Тиберия. Он освободил всех заключенных, пригласил высланных вернуться в город и провел несколько налоговых реформ, которые помогли наиболее бедным римлянам.

Но хорошее начало оказалось обманчивым. Описания современников разделяют царствование Калигулы на два этапа. Одни говорят, что он был злобным с самого начала, но достаточно долго скрывал это, чтобы усилить свою власть (Светоний пишет даже, что именно его рука задушила Тиберия); другие заявляют, что в начале своего правления Калигула переболел серьезной болезнью и вышел из нее другим человеком. Все рассказы перечисляют шокирующие преступления: он убил своего кузена, свою бабушку и своего тестя; он спал со всеми тремя своими сестрами, с проститутками мужского и женского пола, а также с чужими женами; он разорвал на куски сенатора и протащил эти останки по всем улицам; он заставил своих телохранителей играть с ним в войну и убил их, когда они заколебались, можно ли ударить его; он поднял налоги и затем бешено тратил деньги. Ходили слухи, что он намеревался сделать консулом своего коня, и наверняка он не уважал римские институты. В 39 году он уволил обоих консулов и силой разогнал Сенат.

Менее чем за век Рим прошел очень длинный путь. Ранее сенаторы здесь могли убить человека лишь потому что тот мог захотеть стать императором. Теперь Рим терпеливо сносил неслыханную автократию. Проблема с распадом личности Калигулы заключалась в том, что она причиняла неудобства не всем одинаково: он щедро раздавал деньги и привилегии тем, кто мог оставаться на его стороне. Поэтому всегда находились языки, готовые донести о государственной измене принцепсу, а наказания Калигулы были такими изобретательно жестокими, что мало кто хотел рисковать.

Это не спасло его, хотя на время он удерживал на себе взгляды Рима, ожидавшего следующего оскорбления. Но жизнь империи не прекратилась, когда центральная фигура империи кончила плохо.

На римской восточной границе парфянский царь Артабан III, сын того самого патриота, который отобрал трон у прорим-ского Вонона I, правил Парфией и постепенно восстанавливал национальное самосознание. Его профиль был отчеканен на монетах (много их найдено в Экбатане) с подстриженной по древнеперсидской моде бородой, и его традиционализм был отмечен попытками снова установить сильный контроль над парфянскими городами. Он посадил своих родичей, теперь принцев царской семьи, на троны малых царств, чтобы те правили от его имени и докладывали лично ему: система, скопированная со старых персидских сатрапий.

Плиний пишет, что в Парфии существовало восемнадцать таких малых царств, и Артабан III положил глаз на Армению, чтобы сделать ее девятнадцатым. Армения, которая когда-то принадлежала империи селевкидов, теперь стала буферным государством между Парфией и Римом. Она не была полностью независимой, и со времени правления Августа благозвучно именовалась «римским протекторатом» — это означало, что римские войска поддерживали правление симпатизирующего Риму царя. Артабан планировал посадить на армянский трон своего сына Арсаса и сделать из нее вместо римского парфянский протекторат.

Примерно в тридцатых годах I века н. э. он напал на Армению с севера с помощью нанятых скифских войск. Сражение в столице закончилось гибелью Арсаса. Артабан, не желая

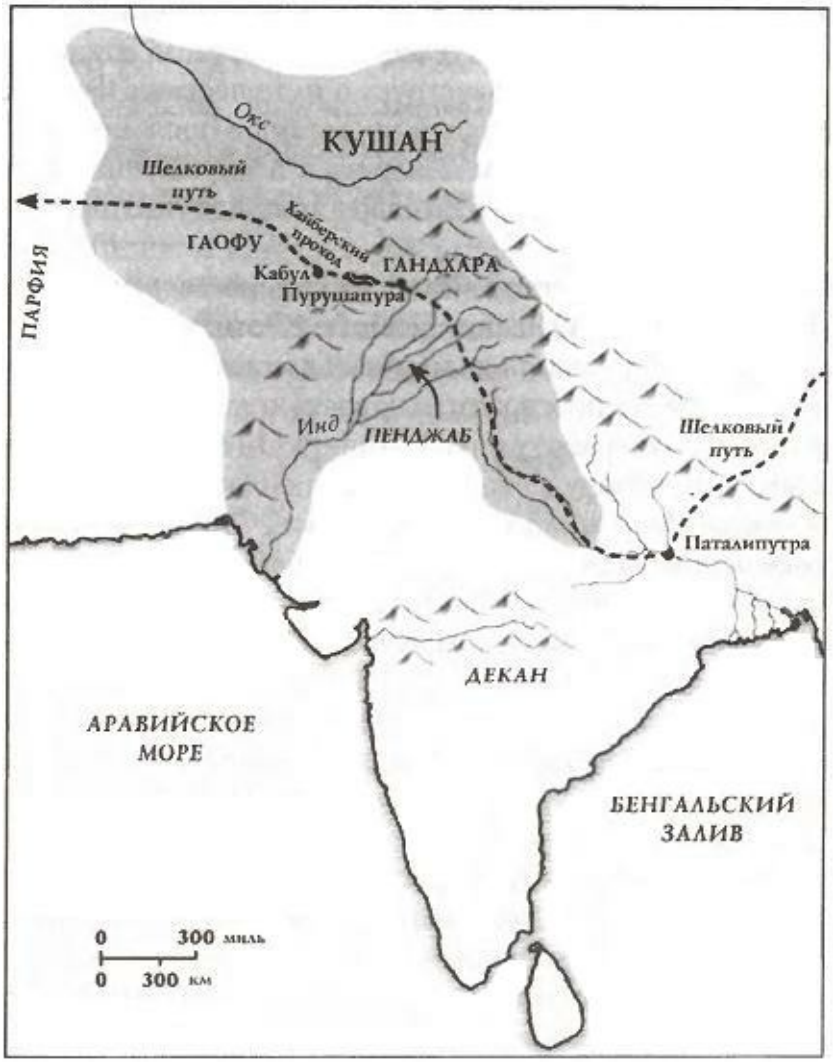
отступать, судя по всему, организовал еще одно нападение, собираясь посадить на армянский трон другого своего сына.

Видимо, командующий римским контингентом не хотел начинать большую войну так близко к восточным границам Рима. Он предложил Парфии мирные переговоры. В 37 году н. э. Артабан согласился встретиться с римским дипломатом на римско-парфянской границе — посередине Евфрата. Оба, не желая ставить ногу на территорию другого, вошли на соединяющий берега мост, и провели переговоры прямо в его центре. В конце концов и парфянские, и римские войска были частично отведены; Армения осталась буферным государством с определенной долей зыбкой независимости.

Артабан III хотел войны с Римом так же мало, как и римская сторона — войны с Парфией. В то же время Парфия на своей восточной границе оказалась перед лицом другого врага — царства Кушан.

Население Кушана первоначально составляли кочевники юэ-чжи[285]. После того, как юэ-чжи вторглись в развалившуюся греческую Бактрию, одно из их племен на юге распространило свое влияние на соседние кланы, и медленно разрослось в отдельную страну. Кушаны принадлежали к азиатской расе, но на своих монетах они использовали греческий алфавит, который освоили во время продвижения на юг через греческую Бактрию. На одной стороне монеты изображался Зевс, а на другой — сидящая со скрещенными ногами фигура, которая могла быть Буддой. Кушан, который вскоре распространился вниз до Гандхары, был соткан из влияний как Запада, так и Юга.

Около 30 года н. э. Кушанское царство попало под правление амбициозного человека по имени Куюла Кадфис. О нем известно немногое — лишь то, что он продержался на троне почти пятьдесят лет, и что за это время Кушан разросся на запад достаточно далеко, чтобы начать теснить восточную границу Парфии Арта-бана III. Древняя китайская хроника говорит, что он «вторгся в Анкси» (Парфию); это «вторжение» было более похоже на захват восточных территорий, которые не были полноценной частью системы Парфянского государства. Одной из них была земля Га-офу, где теперь расположен Кабул. Кушан, добавляет китайская хроника «Хоу Хань-ши»[286], становится «очень богатым».

Кушанское царство

Рост Кушана под властью Куюлы Кадфиса был грубо остановлен, когда из тени появился другой воин, завоевавший область Пенджаб (до того она находилась под контролем Кушана), и расширил собственное царство аж до современной долины Кабула. Его звали Гондоферн.

Мы знаем о нем в основном из хроники, созданной как минимум на сто лет позднее. Это «Деяния Фомы», текст, написанный учеными, принадлежавшими к теологической ветви ортодоксального христианства, именуемой гностицизмом. Эта история берет начало в Сирии и повествует о путешествии Фомы Ди-дима, ученика Иисуса, который упомянут в посланиях Нового Завета в связи с отказом поверить в воскрешение, пока не увидит Иисуса во плоти — благодаря чему получил прозвание Фомы Неверующего.

История о путешествии Фомы вплоть до встречи с Гондо-ферном начинается, согласно «Деяниям Фомы», в Иерусалиме. Иисус после воскрешения из мертвых явился своим ученикам, дав им задание распространить новость о нем по всему миру. Фома взял на себя работу идти в Индию. Он не испытывал восторга по этому поводу, пока не получил видения: «Ночью перед ним появился Иисус и сказал ему: Не бойся, Фома, иди в Индию и проповедуй там слово, потому что с тобой мое благословение». Вскоре Фома неожиданно встретился с купцом, «пришедшим из Индиу по имени Аббан, который был послан от царя Гондо-ферна».[5]

Купец согласился быть его проводником в Индию. Со временем до самого Гондоферна доходят слухи о прибытии Фомы, так как различные чудеса окружают его. Он требует Фому к себе и просит его, как святого, благословить его дочь и ее новоиспеченного мужа; они только что отпраздновали свою свадьбу. Фома соглашается помолиться за царственных невесту и жениха, после чего им двоим в их спальне является Иисус и говорит, что если они откажутся от

радостей плоти, («воздержатся от этих непотребных сношений») и не будут иметь детей, они найдут озарение (основа гностической теологии). Оба поддаются убеждению и становятся новообращенными в гностическую ветвь христианства Фомы. Однако когда Гондоферн узнал, что двое решили жить в целомудренной гармонии (что означало «без наследника»),

«Он разорвал свои одежды и сказал тем, кто стоял подле него: ууБыстро отправляйтесь, обойдите весь городу найдите и приведите мне этого человека, который чародей, который по несчастливой судьбе попал в этот город; которого я своими собственными руками привел в этот дом ”».[6]

Фома смог улизнуть, и после ряда различных приключений помирился с царем — которого, вероятно, тоже удалось обратить и крестить.

Многие века эту историю исключали, как абсолютно мифологическую. Но найденные монеты Гондоферна продемонстрировали, что он действительно существовал, и что он правил на севере Индии. А приведенный выше рассказ предполагает, что это царство имело крепкие связи с землями на западе.

Действительно ли Гондоферн стал христианином, неизвестно — но само христианство в I веке нашей эры начало приобретать видоизмененную форму, как и новое понятие идентичности. Иудейский пророк Павел, римский гражданин, писал о смерти и воскрешении Иисуса как о процессе, который повторялся в жизни верующих христиан. Обращение, говорит он в письме, написанном христианам Рима, приносит смерть старой испорченной сути, а сила Христа поднимает дух снова, восстановленным и обновленным. «Почитайте себя мертвыми для греха, — утверждает Павел, — живыми же для Бога. Представьте себя Богу, как оживших из мертвых»? Распространение культа христианства дает своим приверженцам взамен старой совершенно новую идентичность.

Но старая идентичность, пусть даже и трансформированная, исчезает не совершенно. В другом письме, к христианам Галатии, Павел пишет: «Нет уже иудея, ни язычника, нет раба, ни свободного; нет ни мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе». И все же, в другом месте своих писем он совершенно ясно отмечает, что христиане остаются иудеями и язычниками, рабами и свободными, не говоря уже о мужчинах и женщинах. Христианин ощущал свою внутреннюю идентичность, как последователь Иисуса Христа — но при этом не отказывался ни от своей национальной принадлежности, ни от своего пола или места в социальной иерархии.

В конце концов, христианство возникло на подчиненной территории — в Иудее, где было позволено сохранять свою идентичность, лишь одновременно натягивая на себя другую. Обитатели Иудейского царства являлись иудеями, не римлянами — но они также были подданными Рима, и некоторые из них даже стали жителями Рима.

Все жители римских провинций сталкивались с проблемой разграничения двух разных идентичностей, которыми обладали одновременно, но для иудеев проблема была особенно острой. Не было ничего изначально несовместимого между ощущением себя римлянином и христианином или римлянином и язычником, либо даже римлянином и египтянином. Но Калигула собирался сделать невозможным — быть одновременно и римлянином, и иудеем.

К 40-му году н. э. Калигула решил, что он святой. Он указал установить для поклонения свои статуи: «Он хотел, чтобы его считали богом, — пишет историк Иосиф Флавий, — и чтобы его приветствовали как такового»? Декрет Калигулы разошелся по всем римским владениям. Но в Иерусалиме иудеи, которым их собственными законами было запрещено поклоняться образу, стали умолять местного римского военачальника не заставлять их оказывать почести статуе Калигулы.

Военачальник, разумный человек по имени Петроний, согласился послать в Рим письмо,

спрашивая, действительно ли необходимо поклонение статуям. Но ответ, пришедший из столицы, оказался неожиданным — Калигула мертв, преторианская гвардия наконец-то убила его. Он пробыл принцепсом три года и десять месяцев.

Через двадцать семь дней после того, как прибыло известие о смерти Калигулы, пришло другое сообщение: от мертвого Калигулы. Оно угрожало казнить Петрония, если статуи не будут установлены. Корабль, который вез это письмо, обогнал в море другой, несший известие о кончине сумасшедшего принцепса.

Теперь Сенат решил вообще покончить с институтом прин-цепсов и разделить власть, которая временно была объединена в руках принцепса, вернувшись к старой республиканской системе. Но против выступили две силы. Клавдий, дядя Калигулы и брат умершего Германика, сам вознамерился занять должность принцепса. Он подкупил преторианскую гвардию, и она оказала ему поддержку. Эти элитные солдаты оказывали теперь на римскую политику больше влияния, чем любые военные когда-либо раньше, и вероятно, восстановление Республики было возможно только после роспуска гвардии. При республике они потеряли бы свой статус и самое соблазнительное — свою власть.

В течение нескольких дней Клавдий сосредоточил в своих руках всю власть принцепса, понтифика максима и императора; он заплатил гвардии, приказал убить убийц Калигулы (все им были благодарны — но если оставлять их в живых, создался бы дурной прецедент) и распланировал следующие свои действия.

Очевидно, он решил вести политику кнута и пряника, чтобы создать себе положение и авторитет. Он вернул земли, конфискованные Калигулой, и простил всех, кого Калигула подозревал в предательстве. Его либерализм выразился также в форме амнистии тем, кого Калигула осудил, при этом были сожжены записи об их предательствах.

Однако либерализм распространялся лишь до той точки, где Клавдий начал бояться за собственную жизнь. Между 41 и 42 годами он без разбора казнил сенаторов и римских аристократов, если считал, что может оказаться в опасности. В этом его поддерживала его жена Мессалина, прославившаяся стремлением добиться осуждения и казни врагов мужа.

Самых больших достижений Клавдий добился в Британии, где царь по имени Каратак бросил вызов власти римлян. Некоторое время легионы в Британии были заняты тем, что помогали мелким племенам на юго-востоке отбиваться от покорения их Каратаком. Это не помогло римлянам завоевать весь остров, но сдержало королевство Каратака и не дало ему обрести такую силу, при которой подобное завоевание стало бы невозможным.

К 43 году Каратак объединил все территории юга Британии и поставил под угрозу римский контроль над Английским Каналом. Поэтому, чтобы отогнать бриттов от берега, Клавдий отправил через Канал четыре легиона, собранных в самой Галлии.

Когда легионы высадились в Кенте, люди Каратака, которые никогда прежде не видели такого многочисленного войска, были поражены. Легионы с боем проложили себе путь вперед и обеспечили римскую границу на юго-востоке Британии. После того, как район Темзы была уже в безопасности, сюда прибыл сам Клавдий. В течение шестнадцати дней он лично командовал продвижением вперед — необычный поступок для человека, который очень мало сражался лично во время своего правления. Тем временем Второй легион под командованием Веспасиана, доверенного военачальника Клавдия, продвигался далее на запад. Укрепление римской власти в Британии[287] было огромным политическим достижением времен правления Клавдия.

Но вскоре Клавдий погрузился в домашние проблемы. Его жена Мессалина обвенчалась со своим любовником — совершив дерзкий, вызывающий поступок, который мог быть первой ступенью в попытке свергнуть самого Клавдия. Но эта попытка провалилась, и Клавдий казнил

обоих. После смерти Мессалины он женился на младшей сестре Калигулы, своей племяннице Агриппе (это потребовало специального разрешения от Сената). У нее был сын от предыдущего брака, маленький мальчик по имени Луций Домиций. Клавдий усыновил его, дав ему семейное имя Нерон.

В 51 году он объявил Нерона своим наследником. Как только он это сделал, Агриппа начала предпринимать шаги, чтобы обеспечить свою безопасность. Она вполне обосновано ожидала, что император устанет от нее; Тацит сообщает, что она «особенно испугалась», когда услышала, как Клавдий в пьяной откровенности заметил, что «это его судьба сначала терпеть злодеяния своих жен, а затем наказывать их». [9] Естественно, Агриппа желала, чтобы Клавдия не стало и ее сын оказался на троне еще до того, как муж окончательно отвернется от них обоих.

Тацит говорит, что она тщательно выбирала яд: что-то, что дало бы видимость изматывающей болезни, а не выглядело внезапным резким ухудшением самочувствия, которое выдало бы ее преступление. В 54 году н. э. она положила яд в грибы, приготовленные для Клавдия. Когда Клавдий почти уже спасся благодаря мощному поносу, который вывел большую часть яда из его организма, Агриппа приказала доктору вызвать у него рвоту — якобы для того, чтобы спасти его. Доктор был участником заговора и добавил немного яда на перо, которое вставлял Клавдию в горло.

Вот таким образом в шестнадцать лет Нерон стал принцеп-сом. Он был слишком молод, чтобы принять этот пост; нельзя было даже сказать, что он имеет какой-то опыт благодаря предыдущей службе в правительстве. Форма правления в Риме становилась все больше и больше походила на монархию.

Нерон начал свое правление, как и Клавдий, заплатив преторианской гвардии, чтобы добиться ее лояльности. Он также пообещал сенаторам (в речи, написанной его учителем Сенекой), что вернет им некоторые из их властных полномочий, как обещал Август. Это был экстраординарный шаг, который предполагает, что Нерон (или Сенека) прекрасно понимал, как далеко ушел Рим от первоначальной Республики. То был рискованный шаг, и решение Нерона следовать подсказке Сенеки показало и его отвагу, и его бесстрашие.

Но он также прибегнул для своей защиты и к тактике Клавдия. Родной сын Клавдия, Британик (рожденный от опозоренной Мессалины) умер от «эпилептического удара» всего четыре месяца спустя. Нерон приказал также распустить телохранителей своей матери и выслал ее из царской резиденции: она уже устранила одного принцепса, чтобы обезопасить свое положение, а он тоже хотел оставаться в безопасности.

После этого первые пять лет правления Нерона были демонстративно добродетельными; позднее римляне дали ему имя Нерон Пятилетний. Возможно, его учитель Сенека мог влиять на него в его молодые годы, или же поначалу в нем не проявлялся семейный порок — прогрессирующее расстройство психики. Но с двадцати лет поведение Нерона сначала начало делаться все более эгоистичным, а затем стало склоняться к безумию. В 58 году он влюбился в Поппею, жену своего друга Отона. Нерон отослал Отона в далекую провинцию и пригласил Поппею остаться во дворце; он вообще-то был уже женат, но игнорировал протесты своей жены.

В 59 году он решил избавиться от матери окончательно. Он построил разваливающуюся лодку, которая должна была развалиться на воде вместе с ней на борту, и собрался отправить мать в путешествие по реке. Нерон еще не был настолько не в себе, чтобы не понимать, как будут видеться эти события другим людям. Но к его ужасу мать спаслась и добралась до берега; согласно одному рассказу, Нерон приказал слуге убить ее, как только она ступит на землю. Затем он развелся с женой, а потом убил ее, и ее голова была принесена Поппее в качестве подарка. После этого Нерон объявил о разводе Поппеи с ее мужем Отоном и женился на ней сам.

Тем временем римские солдаты в Британии, пользовались попустительством своего командующего, вели себя так, будто не знали никаких ограничений. На руинах старой столицы Каратака был построен новый город — Камулодун, он был целиком заселен ветеранами римской армии.[10] В качестве рабочей силы использовались пленные из покоренного ближайшего племени тринованто в, у них отобрали землю, а их самих обратили в рабство.

В 60 году умер вождь обитавшего неподалеку еще меньшего племени иценов; он оставил после себя вдову Боадицею[288] и двух дочерей. Так как у него не было сына, римский правитель в Британии решил просто присоединить территорию иценов к римской провинции. Римские войска вторглись на территорию иценов, солдаты изнасиловали обеих девочек и избили Боадицею.

Оскорбленная и обесчещенная Боадицея, видя, что ее страна исчезает у нее на глазах, организовала мятеж, и тринованты присоединились к ней. Они решили напасть на недостроенный город Камулодун. Согласно последующим римским рассказам, этой атаке предшествовали предзнаменования: упала статуя Победы, в недостроенных домах были слышны крики и пронзительные визги, море приняло цвет крови, а отлив оставил на песке «что-то вроде человеческих трупов».

Однако не нужно было предзнаменований, чтобы увидеть, что надвигается беда. Новый город имел для своей защиты лишь крохотный гарнизон, и лавина взбунтовавшихся бриттов без труда смяла его. Девятый легион, который располагался здесь, был вырезан почти до единого человека; его командир бежал в Галлию.

Римский наместник Паулин спас положение, возглавив жестокое подавление мятежа. Правильно организованная атака в боевом строю смогла сломить сопротивление неорганизованного войска бриттов.[11] Боадицея спаслась бегством, а затем приняла яд.

Следующий наместник более осмотрительно обращался с бриттами и заставил римских солдат в Британии соблюдать дисциплину и вести себя более воздержанно. Но не было никого, кто мог бы добиться столь же воздержанного поведения от Нерона. Он проводил время в оргиях и пьянках, поднял налоги в провинциях, чтобы оплачивать свои прихоти, а также снова начал организовывать суды за государственную измену, как это делал Калигула.

В 64 году н. э. в Риме случился пожар, который быстро распространился по более бедным районам города. Ветер подхватывал огонь и раздувал его. Город был застроен деревянными домами, они стояли стена к стене, и огонь разгорелся так, как никогда прежде. «Беду, в которую попал город, нельзя было сравнить даже с вторжением галлов, — пишет Дион Кассий. — Весь Палатинский холм, театр Тавра [289] и почти две трети остального города сгорели. Бессчетное количество людей погибло»}[2]

Нерона в это время в городе не было, но его жестокость убедила римлян, что он способен на все. Немедленно поползли слухи: Нерон инициировал пожар, чтобы очистить землю для своего нового дворца... или, что еще хуже, просто для развлечения.

В действительности сознание Нерона еще не полностью погасло. Он вернулся в город и развил деятельность по оказанию помощи, пострадавшим. Увы, он пришел на помощь не в первую ночь по возвращении, когда его так захватил величественный вид пламени, мечущегося над Римом, что он взобрался на скалу и целиком пропел балладу «Взятие Трои». После этого его репутация была потеряна навсегда. Как замечает Тацит: «Все усилия людейу все щедрые подарки [Нерона]... не вытеснили злого мнения, что страшный пожар стал результатом приказа».[13]

Все вместе, пожар, безумие, суды над предателями побудили сенаторов в апреле 65 года спланировать убийство императора. В такое отчаяние Сенат не приходил со времен смерти

Цезаря более ста лет тому назад. Но заговор был раскрыт, конспираторов приговорили к смерти, а Нерон еще глубже погрузился в свою паранойю. Его старый учитель Сенека, узнав, что его подозревают в предательстве, убил себя и жену в собственном доме, чтобы избежать пыток и казни.

Примерно в это время начались гонения на христиан. Нерону, приговаривающему к смерти всех подозреваемых в заговоре против него, нужно было как-то отвлечь внимание от своих злодеяний. Христиане оказались для него удобным козлом отпущения, отвлекающим заодно и от пожара. Но, похоже, его также питала и искренняя ненависть. Хроника Сульпиция Севера повествует:

«Нерон не мог, как бы ни старался, избавиться от обвинения, что город был подожжен по его приказу. Поэтому он развернул обвинение против христиан, и к невинным были применены самые жестокие пытки. Мало того, были изобретены новые способы умерщвления: например, завернутые в шкуры диких животных у они умирали, разорванные собаками, а многие были распяты или погибали на костре, и немало их приберегалось для этой цели, потому что когда заканчивался день, их использовали для ночного освещения... В это время Павел и [его ученик] Петр были приговорены к смерти, первому отрубили мечом голову, а второй был казнен через распятие».[14]

Павел, римский еврей, стал христианином, и смог в письменной форме дать самое ясное выражение той идеи, что одна самоидентификация может сосуществовать в людях разных национальностей и связывать их в единое целое. Но сейчас именно в ней виделась опасность для империи.

В 66 году Нерон принял решение, подтолкнувшее его на путь поражения: он оставил Армению. Теперешний царь Парфии, Вологаз I, отказался признавать соглашение, заключенное посередине Евфрата в дни Калигулы, и послал парфянские войска в Армению, чтобы захватить ее. Римские войска втянулись в эту кампанию еще в 53 году н. э., за год до смерти Клавдия, и постепенно борьба превратилась в нерешительную вялотекущую войну, которая длилась почти четырнадцать лет. Но в римских владениях тоже происходили волнения; провинции были неспокойны под бременем слишком высоких налогов, и армии не хватало, чтобы обеспечить повиновение везде.

Нерон решил, что лучше будет заключить с Парфией мир. Поэтому он согласился признать царем Армении Тирида-та, брата Вологаза. Три тысячи парфян явились с Тиридатом в Рим, чтобы наблюдать за церемонией передачи Нероном армянской короны. Вероятно, Нерон считал, что это станет блестящей демонстрацией римского величия — он приказал закрыть двери храма Януса, показывая, что теперь во всей империи царит мир. Но для наблюдавших за действом римлян наличие тысяч победоносных парфян на их улицах, должно быть, выглядело поражением.

Кроме того, поведение Нерона становилось, как ни трудно в это поверить, все хуже и хуже. Он в ярости забил до смерти свою беременную жену, а затем приказал кастрировать маленького мальчика по имени Спор, который был похож на его мертвую жену, чтобы он не мог жениться, а вдобавок устроил из этого публичную церемонию.

Через два года после сдачи Армении командир преторианской гвардии заявил, что гвардия поддержит наместника Испании, опытного солдата (и бывшего консула) по имени Гальба, если тот захочет претендовать на верховную власть — то есть пожелает стать главнокомандующим всех римских военных сил. Гальба опирался на полную поддержку своих войск в Испании, а также заручился поддержкой правителя соседней провинции: им случайно оказался Отон, чью жену Нерон украл, а затем убил. Отон был рад предоставить свою армию в распоряжение

Гальбы.

Нерон, поняв, что утрата опоры на преторианскую гвардию означает потерю трона, бежал в порт Остия и приказал снарядить себе корабль. Гвардейцы следовали за ним по пятам, и никто из капитанов в порту не пустил его на борт. Нерон бросился в город — но гвардейцы обложили его в одном из домов на окраине. Традиционным жестом в такой ситуации было самоубийство. Нерону помогли — один из его помощников держал его руку и направлял кинжал. «Последовало такая публичная радость, — пишет Светоний, — что люди напялили колпаки, символы Республики, и бегали в них по всему городу»}[5]

Гальбе было уже далеко за семьдесят, он с трудом двигался из-за артрита и не имел никаких родственных связей ни с одним предыдущим принцепсом Рима. Но становилось все яснее, что реальная власть принцепса заключена не в его власти как проконсула, или понтифика максима, или главы трибунов, или любого гражданского института, который заключался бы в титуле Первого Гражданина. Реальная власть принцепса находилась в руках главнокомандующего армией. И чтобы сохранить империю, правитель Рима нуждался в поддержке преторианской гвардии. Республика стала империей, а империя управлялась теперь чем-то вроде тайной хунты: группы могущественных солдат, которые могли поставить или убрать номинального правителя, но реальную власть держали в руках сами.

Гальба оказался плохим номинальным лицом. Он пришел в Рим во главе своих войск и с Отоном. Но, оказавшись в городе, он отказался распускать поддержавших его солдат, как делали императоры до него.[16] Вскоре начали появляться предзнаменования о том, что он не будет править долго; наиболее серьезное проявилось тогда, когда жертвенные цыплята сбежали от него во время жертвоприношения.[17]

Вероятно, предзнаменования организовали недовольные члены преторианской гвардии, которые решили перенести свою лояльность с Гальбы на Отона. Через семь месяцев после взятия власти императора Гальба приносил жертвы в храме

Аполлона, когда преторианская гвардия объявила императором Отона вместо него. Гальба услышал новость и бросился на Форум, чтобы противостоять мятежникам. Там он был убит, тело его выбросили на дорогу, а голову насадили на шест.

Сенат со скрипом согласился утвердить Отона императором и принцепсом. Тем временем армия, стоявшая на реке Рейн, объявила, что она хочет вместо него видеть императором Вителлия, командующего силами в Германии. Теперь в Римской империи стало два императора, один утвержденный Сенатом в должности принцепса и предложенный преторианской гвардией, другой — не утвержденный, но с громадной армией за спиной.

Вителлий двинулся к Италии, где его люди построили мост через По и встретились с меньшими силами Отона в битве при Кремоне. Армия Отона была разбита, сам он с редким смирением решил, что ни ему, ни Риму не будет никакой пользы от полномасштабной войны. Он привел свои дела в порядок, сжег бумаги, раздарил свои вещи, хорошо выспался ночью и утром заколол себя. То был поступок человека с ясным сознанием и необычайным мужеством — именно такой император был бы нужен Риму.

Взамен Рим получил Вителлия, практичного и беспринципного. Он направился к столице, где показал свою власть, распустив старую преторианскую гвардию и создав ее вновь из собственных лояльных войск. Но другим римским легионам не понравилось предпочтение, оказанное солдатам из немецкой провинции. Вскоре войска, располагавшиеся в восточной части империи, объявили, что они будут поддерживать своего кандидата, Веспасиана — римского полководцы, который уже проявил себя во время войн против Британии, и который был награжден назначением на пост правителя Сирии.

Веспасиана не было вблизи от Рима; он находился в своей провинции, подавляя мятеж в Палестине. Со времен угроз Ка-лигугы поставить свою статую в храме, иудейское сопротивление римскому правлению росло. Статуи удалось избежать, но иудеи чувствовали, что рано или поздно от них потребуют сделать что-либо действительно ужасное. В 66 году группа повстанцев, называемых зелотами, напала на римский гарнизон, стоявший в Иерусалиме. Местный правитель прислал войска, но и они потерпели поражение. Ситуация становилась достаточно серьезной для самого Веспасиана, опытного генерала — он должен был вмешаться и устранить проблему. С помощью своего сына Тита, тоже видного полководца, Веспасиан смог загнать мятежников назад в Иерусалим и взять город в осаду.[290]

А в Риме Вителлий объедался, пьянствовал и доставлял себе прочие удовольствия, пока его солдаты готовились защищать его власть. Римские войска, которые поддерживали Веспасиана, двинулись в метрополию. Армии встретились у Кремоны, где состоялось генеральное сражение, длившееся четыре дня. Судя по всему, войска Веспасиана одержали победу — вскоре они оказались в самом Риме, где попытались атаковать Капитолий, занятый солдатами Виттелия. В разыгравшейся новой битве и сами строения Капитолия, и огромный храм Юпитера Оптим Максим сгорели дотла. В декабре 69 года солдаты Веспасиана ворвались в лагерь Вителлия, убили его и распорядились его телом традиционным образом: выбросили в Тибр.

Веспасиан очень желал занять свое место, но не хотел лично возвращаться в Рим, прежде чем завершит осаду Иерусалима. Поэтому Сенат, который отчаянно стремился успокоить его буйных сторонников прежде чем они спалят что-нибудь еще, объявил Веспасиана принцепсом — как Августа, Тиберия и Калигулу до него. Таким образом, титул ему был дан еще до вступления в Рим.

Декрет даже не перечислял имена Калигулы, Нерона, Гальбы, Отона или Вителлия: их стерли из записей, damnatio memoria. В предыдущем году четыре правителя получали титул принцепса, и было ясно, что номинальная власть, которой награждал Сенат, с точки зрения людей была чистым обманом. Власть в Риме принадлежала тому, кто покажет себя наиболее сильным лидером и заручится наибольшей вооруженной поддержкой. Но, упоминая имена людей, которые разбивали эту иллюзию, Сенат подрывал свой статус и смысл самого своего существования. Игра, которая характеризовала правление Августа, все еще оставалась в самом центре римской политики.

Сравнительная хронология к главе 81

Рим Китай Парфия Второе Урегулирование (23 год н. э.) Октавиан, Понтифик Максим Ай-ди Пин Фраат V Жу-цзи Вонон I Династия Синь (9 год н. э.) Смерть Октавиана (14 год н. э.) Ван Ман Артабан III Тиберий, принцепс Династия Восточная Хань (25 год н. э.) Смерть Иисуса из Назарета Гуан У-ди Калигула, принцепс (41 год н. э.) Вологаз I Нерон, принцепс (54 год н. э.) Мин-ди Гальба, принцепс (68 год н. э.) Веспасиан, принцепс (69 год н. э.)

Глава восемьдесят вторая
Границы Римского мира

Между 70 и 132 годами нашей эры Рима терпит катастрофические неудачи, но в итоге на его трон восходит целая плеяда здравомыслящих императоров

К сентябрю 70 года стены Иерусалима были разрушены, а город сожжен. Второй Храм также исчез в огне. Армия восставших иудеев не была полностью разбита, но победа Веспасиана оказалась достаточно убедительной, чтобы он смог покинуть этот регион. В

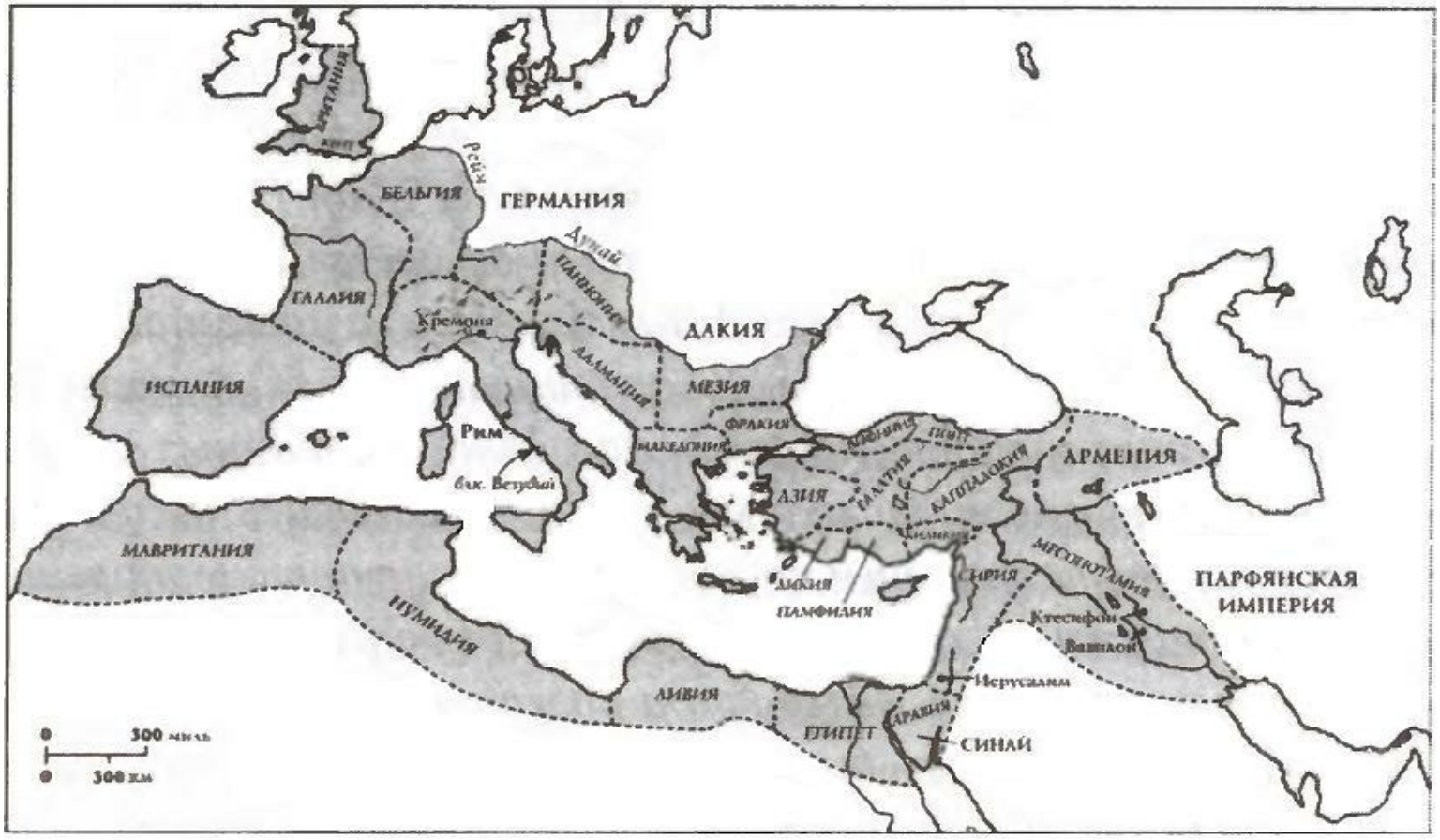
сентябре 70 года он наконец-то отбыл в Рим после девяти месяцев заочного пребывания принцепсом.

Веспасиан был опытным солдатом; он понимал, как мыслят солдаты и не недооценивал силу армии, дающей ему власть или же способной отобрать ее. Его первым поступком в Риме стало переназначение командиров и переформирование войск, необходимое, чтобы разрушить систему старой лояльности.

Его десятилетнее правление было спокойным, методичным и отличалось хорошим администрированием: как и надеялся Сенат, оно стало возвратом к дням действий Августа. Состоялось несколько войн на границах империи: кампания в Британии, последняя завоеванная Римом провинция и устрашающий финал борьбы за Иерусалим. В 73 году остатки иудейских повстанцев, осажденные в своей крепости Масада, убили своих детей, а потом себя, предпочтя смерть окончательной сдаче римлянам. Последняя иудейская твердыня пала, как и остатки старого народа Израиля; Палестина стала частью провинции Сирия.

Но по существу Рим жил в мире; Веспасиан избегал судов за предательство и снизил налоги. И то, и другое повысило его популярность, а Рим сделало более спокойным.

В 79 году в возрасте семидесяти лет Веспасиан умер — вероятно, от гриппа.[1] Сенат, несколько тревожась, утвердил его сына Тита в качестве наследника. Во время правления Веспасиана Тит заработал репутацию безжалостного и часто жестокого командира, а его поведение в Иерусалиме было особенно диким. Но, получив титул принцепса, он стал следовать образу действий своего отца, беря с него достойный пример.

Римская империя и границы крупнейших римских провинций в 114 году

Однако у Рима уже не оставалось шанса сделать глубокий вдох. На Тита одно за другим свалились три несчастья. Первым оказалось извержение горы Везувий, случившееся всего через два месяца после начала его правления. Гора Везувий находится на юго-западном берегу Италии, недалеко от Неаполитанского залива, и она громыхала столько, сколько помнили себя римляне. Люди, жившие в городе Помпеи у ее подножия, привыкли к землетрясениям, и, хотя те

и усилились, никто не встревожился; никто не знал, что сильная тряска — это первая стадия извержения.

Римский писатель Плиний Младший был в Помпее 23 августа 79 года, за день до извержения. Как написал он в письме другу,

«Все тряслось и до того много дней — обычное дело в Кампанье, и не было причины для паники. Но той ночью тряска резко усилилась, люди решили, что это уже сдвиг, а не просто дрожь... Но вот начался день, с неуверенной, ленивой зарей. Все здания вокруг нас тряслись. Мы на улице, но пространство совсем маленькое, и мы боимся, почти уверены, грядет крах. Наконец, мы решили покинуть город; Ошеломленная толпа следует за нами, предпочтя наш план собственному (вот что считается мудростью во время паники). Их число так велико, что отход замедляется, а затем они несутся мимо нас. Один раз мы останавливаемся, но только когда здания остаются позади нас. Много странных вещей происходило с нами там, и мы много чего боялись. Тележки, которые доставили нам по заказу, ползли в противоположном направлении, хотя земля была абсолютно плоской, они не стояли на месте, даже когда колеса заложили камнями. Кроме того, казалось, будто море высохло, будто трясущаяся земля оттолкнула его назад. Линия берега отодвинулась назад, и много морских обитателей осталось на песке. Позади нас сгустились пугающие темные облака, разрываемые крутящимися и мечущимися молниями, открывая громадные фигуры пламени, Они были похожи на молнии, но больше... Вскоре облака расползлись до края земли и покрыли море...

Теперь появилась пыль, пока не густая. Я оглянулся: позади нас грозно разрасталось плотное облако, следуя за нами, как несется волна наводнения по земле.„Давайте свернем в сторону, пока можем еще что-то видеть, чтобы нас не сбила на улице и не раздавила толпа наших сопровождающих". Мы едва успели присесть, когда навалилась темнота, похожая на безлунную или облачную ночь, но еще больше похожая на темноту закрытых и не освещенных комнат. Слышны были стоны женщин, дети плакали, мужчины кричали. Некоторые звали родителей, другие детей или супруга; узнать друг друга можно было только по голосам...

Посветлело, хотя было не похоже на возвращение дня, то был отсвет приближающегося пламени. Сам огонь остановился на некотором расстоянии, но темень и пепел навалились снова с огромной тяжестью. Мы вскочили и снова, и снова отряхивали пепел, иначе нас бы покрыло им целиком и раздавило бы его весом. Я мог бы похвастаться, что не издал ни стона в такой опасной ситуации, ни одного трусливого слова, я считал, что погибаю со всем миром, и мир погибает вместе со мной».[2]

Те, кто не покинул город, были погребены под двадцатью пятью футами пепла или задохнулись от жара и газов. Более двух тысяч человек погибло в одну ночь.

Тит послал из Рима помощь пострадавшим и сам посетил место, как только исчезла опасность. Он находился в Помпеях второй раз, проверяя, что еще можно сделать для облегчения положения, когда в Риме начался маленький пожар и в результате сгорел огромный район города. А по пятам огня пришла эпидемия, которая очистила перенаселенные хижины вокруг бывшего города, убивая людей десятками.

В 81 году, все еще борясь с последствиями бед, Тит слег с лихорадкой и умер в возрасте сорока двух лет. Он был принцепсом Рима менее трех лет, и все три года были ужасными. Вероятно, лихорадка стала для него освобождением.

По смерти Тита его брат Домициан был объявлен преторианской гвардией императором — и неизбежно утвержден Сенатом как принцепс двадцатью четырьмя часами позднее. Домициан никогда не был любимцем отца; какие бы внутренние сомнения в нем это не вызывало, он сразу же начал действовать как император по отношению к Риму, абсолютно не считаясь с Сенатом.

Это не обязательно было плохо. Светоний говорит, что его жестокость в основном

проявлялась в интересах закона и порядка.

«Он скрупулезно и сознательно администрировал справедливость. Он убирал присяжных, которые принимали взятки, вместе со всеми их коллегами... Он так старался сдерживать городских чиновников и правителей провинций, что они скоро стали более честными и справедливыми».

Домициан также строго следил за общественной моралью: «Он изгнал бывшего квестора из Сената, потому что тот предавался игре и танцам»> — замечает Светоний. Он сделал для проституток незаконным получение наследства, а когда обнаружил, что одна из девственниц-весталок на деле имела многочисленные любовные связи, то объявил, что будет назначено традиционное наказание. Ее закопали живой, а ее любовников публично «забили насмерть прутьями».[3]

Все это было совершенно законно, хотя и жестоко. Домициан не был склонен выказывать милосердие; он действительно воспринимал свою власть очень серьезно. Вскоре после вступления во власть он принял титул dominus et dues, что примерно значит «господин и бог», и приказал, чтобы все официальные письма имели шапку: «Наш Господин и наш Бог велит, чтобы было сделано...». «И отсюда потел обычай, — добавляет Светоний, — впредь адресоваться к нему так же и в письменной форме, и в разговорной».[4]

В отличие от Калигулы Домициан имел вполне здравый рассудок и не апеллировал к своей божественности, чтобы нарушать закон. Это скрупулезное следование законам охраняла властителя от народной ярости, которая ранее убила злоупотреблявших властью принцепсов. Сенат не устраивал никаких длительных дискуссий; преторианская гвардия тоже не проявляла недовольства.

Но, оглядываясь назад, мы видим, что именно с принятием этого титула, dominus et dues, приятная всем маска республиканского правления была сброшена окончательно. Даже самый наихудший принцепс утверждался Сенатом, пусть и неохотно. Но невозможно утверждать, что правитель, называвшийся «господин и бог», нуждается в какого либо рода санкции от народа, чтобы править государством. Домициан был не первым римским правителем, который обладал подобной властью — но он был первым, кто сказал это. Первый Гражданин стал в конце концов императором.[291]

Заявления Домициана об абсолютной власти и его стремление жестко соблюдать все законы создали такую же нервную обстановку, какая возникла в Китае, когда награды выдавались за сообщение о преступлениях других людей, какая раздражала Спарту, где каждый человек навязывал мораль своему брату. Атмосфера в Риме стала настолько душной, что Тацит выразил радость от того, что его горячо любимый отец Агрикола, по которому он очень тосковал, умер до правления Домициана:

«Домициан не оставил больше щели и места для дыхания... Под властью Домициана больше половины наших несчастий заключалось в наблюдении и нахождении под наблюдением когда даже сами наши вздохи засчитывались против нас... Счастливым был ты, Агрикола, в своей славной жизни, но не менее счастлив в своей своевременной смерти».[5]

Неумолимое наказание преступников вело к недовольству, недовольство — к ропоту, ропот — к замыслу, замысел — к подозрению, подозрение — к осуждению, осуждение — к неумолимому наказанию, и так по нескончаемому кругу ужаса.

Домициан, как Тит и Веспасиан, знал источник своей силы; он увеличил оплату армии, чтобы быть уверенным в ее лояльности. Его домашние ценились меньше. В 96 году его жена, его домашние слуги, его племянница (мужа которой он приговорил к смерти за атеизм), и командиры преторианской гвардии, сговорившись, забили Домициана насмерть в его

собственной спальне.[6] Сенат немедленно объявил императором одного из своих членов, шестидесятиоднолетнего консула Нерву.

Это обрадовало жителей Рима, но не армию. В 97 году преторианская гвардия (которая не вся принимала участие в заговоре против Домициана и разделяла лояльность армии к нему), заперла Нерву в его дворце, схватила слугу, который впустил убийц в комнаты Домициана, отрезала ему гениталии, заткнула их ему в рот, а затем перерезала ему горло.[7] Немедленно после этого Нерва заявил, что его наследником будет генерал Траян, любимец армии, стоявший теперь у реки Рейн. Ему, вероятно, сообщили, что это единственная возможность избежать смерти — но подробности переговоров нам неизвестны. Всего несколькими месяцами позднее Нерва умер от лихорадки. Это для него было, наверное, удачным избавлением от гораздо более отвратительного конца.

Траян, получив известие, что он теперь император, выждал некоторое время, чтобы удостовериться, что может покинуть армию, после чего направился в Рим. Он проехал по границе вдоль Рейна и Дуная, чтобы увидеть, что она в безопасности, и только затем повернул на юг. Прошло уже почти восемнадцать месяцев после смерти Нервы, когда он прибыл в столицу.

Все это время город оставался спокойным, что демонстрировало прекрасное соответствие Траяна должности. Армия уважала его опыт, а население Рима, ценя избавление от Домициана и отсутствие гражданской войны, которая могла разразиться после смерти Нервы, радостно приветствовала нового императора.

Римские историки почти единодушны в похвалах Траяну. Он чинил дороги и порты, строил библиотеки, проводил каналы, строил канализацию и дал «клятву, что не будет проливать кровь». Все это нравилось народу.[8] Его кампании удовлетворяли армию; к 106 году он присоединил к Римской империи Синай и земли севернее дуная. Он вел кампании сам, и возвращался в Рим с триумфом и пышным празднеством. В честь его побед повествование о войнах севернее Дуная было выбито в виде комикса на колонне, которая все еще стоит в Риме — Колонне Траяна.

Репутация Траяна как хорошего императора основывалась на его принципиальной справедливости, отсутствии у него паранойи, на честной администрации столицы и его желании вести войны во имя большей славы Рима. Но она также обеспечивалась пунктуальностью, с которой он соблюдал пустые формальности в общении с Сенатом. «Он обращался с сенаторами с достоинством», — говорит «История Августа», созданная в V веке,[292] и он был пунктуален при исполнении сенатских постановлений.

Взаимоотношения между Сенатом и императором были таковы, что их не замечали десятилетиями. В такой атмосфере были сделаны разумные попытки отнестись справедливо к власти императора над народом, само название которого отрицало такую возможность. Философия стоицизма процветала в Риме веками; она была основанием римской идеи добродетели. Над стоиком не довлели его склонности. Он был способен отрешиться и от удовольствия, и от боли, чтобы объективно решить, каков курс действий наиболее хорош.

Теперь философ по имени Эпиктет повернул приложение принципов стоицизма к императору. Само слово римский, писал он, означает теперь «условие повиновения императору», но нет причины, чтобы это стало несовместимо с истинной свободой. Даже люди, которые законно, конституционно свободны, борются с принуждением, грозящим поработить их:

«Разве вами не командовала та, которую вы любите, заставляя делать то, что вы не хотите? Разве вы никогда не льстили своему драгоценному мальчику-рабу? Разве вы никогда не

целовали его ноги? Но если кто-либо заставит вас целовать ноги Цезаря, вы посчитаете это оскорблением, самым крайним проявлением тирании... Разве вы никогда не выходили вечером, когда вам не хотелось, и не тратили больше, чем хотели, испуская слова жалобы и стоны... Так почему вы все еще называете себя свободным»?[9]

Эпиктет сам был рабом из Малой Азии; он знал, что значит жить в подчинении. Его стоицизм делает свободу состоянием души, а не тела. «Тот человек свободен, — пишет он, — кто живет, как хочет... кто получает то, что хочет получить, и избегает то, чего хочет избежать». Существование императора не нарушало стройности этой системы, римлянам следовало просто переопределить понятие «свободы».

В последние годы правления Траяна империю тревожило явление, с которым не знали, что делать: рост числа христиан. Консул Плиний, который отбыл наместником в Малую Азию, был так обеспокоен из-за этих людей, что написал Траяну, спрашивая, что с ними делать. Христиане говорили о принадлежности к царству без земных правителей — это напоминало об иудеях, которые сначала отказались поклоняться императору, а затем превратились в серьезную военную проблему.

На деле христиане, которые действительно мечтали о царстве, которым будет править Бог, а не Траян, существенно отличались от иудеев. Со времени Авраама поклонение иудеев своему богу было связано с особым местом на земле; бог обещал им землю Израиля — а это означало, что их вера должна была иметь политическое измерение. Отказ иудеев поклоняться римским императорам был основан их на теологии (бог сказал: «Ты не будешь иметь других богов, кроме меня»), но отсюда также следовало, что римляне не имели права управлять Израилем, и в особенности Иерусалимом. Он принадлежал богу.

С другой стороны, христиане никогда не имели собственной страны: царство, о котором они говорили, было царством духа, существующем в другом измерении, параллельно царствам земных народов. Это был город без фундаментов, строителем которого являлся сам бог — как изложили это авторы книг Нового Завета. Само определение христианин подразумевало их ощущение общей идентичности как последователей бога-че-ловека, который был распят в Палестине — а не как жителей определенного места.

Императоры и правители Рима никогда не понимали этого. Письма Плиния были и осторожными, и озадаченными: следует ли преследовать христиан, если они не демонстрируют себя? Следует ли позволить им проводить странные ритуалы своей веры на публике? Как на это отвечать?

Траян предложил политику «не спрашивают — не отвечай»; Плинию следует препятствовать служителям христианства, но ему не следует поднимать шум по их поводу или выискивать христиан для их убийства. Если они ведут себя мирно, их нужно оставить в покое.

Император не был чрезмерно озабочен этой проблемой — отчасти потому, что стремился направить свое внимание вовне, планируя новые кампании. При Траяне Римская империя достигла максимальных размеров. Он отодвинул границы на севере и на юге; его последняя кампания велась против Парфии, которой теперь правил царь Вологаз III. В 113 году Траян лично повел римские войска на восток через Армению, которая пала перед Римом и стала римской провинцией, напрямую в парфянские земли через реку Евфрат. Парфяне вынуждены были отступить; римляне заняли Вавилон и захватили парфянскую столицу Ктесифон.

Это было великой победой — но Месопотамская пустыня давно была известна как место, крайне трудное для удержания. Она куда лучше подходила для партизанской войны, чем для занятия ее большой армией. До 117 года Траян оставался в Месопотамии, сражаясь против постоянного сопротивления парфян, но так никогда и не смог полностью подавить его.

В то же время римские владения беспокоили и другие гражданские беспорядки. В 115 году иудейские общины, разбросанные по империи от самого Египта до северных границ, воспользовались занятостью римлян войной с Парфией, чтобы опять поднять знамя мятежа. Масада все еще была жива в их памяти; иудеи хотели вернуть назад землю, данную им богом. Это восстание разрасталось и становилось все более серьезным, пока Траян не дал разрешения не-евреям в восставшем районе убивать своих еврейских соседей. Эта резня временно сняла проблему.

Но все же Траян решил, что лучше приостановить операции в Парфии до более благоприятного времени. Он собрал свои войска и двинулся к дому — но дошел только до Малой Азии. В Киликии у него случился удар, и он умер почти сразу же, 9 августа 117 года. Ему было шестьдесят четыре года.

Далее последовало некоторое замешательство, вызванное отсутствием наследника — Траян не оставил на этот счет недвусмысленных указаний. Его законный воспитанник Адриан, теперь правитель Сирии, заявил, что Траян намечал его в следующие императоры, хотя некоторые друзья Траяна говорили, что он намеревался выбрать кого-то другого, или что он намеренно не остановил выбор ни на ком, чтобы победил наилучший кандидат. Так как не было четко определенного кандидата, способного противостоять Адриану (который сразу же двинулся к Риму), Сенат в итоге утвердил его. Оказавшись в Риме, Адриан закрепил выбор своей персоны обычными большими выплатами преторианской гвардии: «Солдаты любили его за его огромный интерес к армии, — заключает „История Августа”, — и кроме того, за его подачки им».

За двадцать один год своего правления Адриан показал себя предусмотрительным и консервативным человеком, умеренным лидером, не сильно любимым, но и не вызывающим особый страх. Его самая крупная война произошла не из-за агрессии, а из-за политической ошибки: он попытался построить себе новую столицу на руинах Иерусалима и запланировал даже поставить храм Юпитеру на месте Второго Храма.

Это привело к возникновению еще одного иудейского восстания, которое было (по словам Диона Кассия) «войной немалой важности и немалой длительности».[10] Лидером иудейского сопротивления был Симон Бар-Кохба, человек, которого церковный историк Евсевий описывает как обладателя «характера разбойника и убийцы» — но который, тем не менее, пообещал иудеям, что «принесет им свет во мгле их бед».[11]

КАЛЕДОНИЯ
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
ПИКТЫ
Стена Адриана
БРИГАНТЫ
ИРЛАНДСКОЕ МОРЕ
[ИРЛАНДИЯ]
РИМСКАЯ БРИТАНИЯ
ИЦЕНЫ
ТРИНОВАНТЫ
КАТУВЕЛАУНЫ
Темза
КАНАЛ

Стена Адриана

Адриан послал на подавление мятежа своих самых опытных генералов. Они вели войну против иудейских партизанских отрядов путем малых операций по всей стране: «перехватывая мелкие группы... отрезая их от пищи и изолируя их». Эта стратегия привела к полному разорению дарованной богом земли. Как пишет Евсевий,

«Пятьдесят самых крупных лагерей и 985 самых больших деревень были снесены с лица земли, 580 000 человек было убито в различных рейдах и сражениях, а число тех, кто умер от голода, болезней и пожаров было невозможно определить. Так почти вся Иудея была превращена в безлюдную местность».[12]

Это была самая крупная победа Адриана, но это была оборонительная акция. Он не делал больше попыток отобрать парфянские земли, на которые посягал Траян. Он хотел закрепить римские границы там, где они были. Это отношение ко империи воплотилось в его действиях в Британии, когда он решил построить стену поперек всего острова.

Строительство Стены Адриана началось в 122 году. За десять лет вал был почти полностью закончен. Он возвышался на двадцать футов в высоту и протянулся вдоль склонов холмов, причем землю с обратной стороны убирали, еще более увеличив этим его высоту. Вал протянулся от Северного до Ирландского моря, перепоясав Британию посередине, длина его составила семьдесят пять миль. Он смог удержать кельтские племена севера (в основном воинственных пиктов) от набегов на римскую провинцию Британия, которая теперь охватывала южную часть острова. Но он был большим, чем просто граница — вал стал рукотворным разделом, проходившим не по реке или какому-нибудь иному природному барьеру. Он как бы заявлял: «Тут, с одной стороны стены, Рим; там, на другой стороне — нет». В середине не было ни буферной зоны, ни перехода.

Как и оккупация Армении, построение вала показало, что римляне все меньше и меньше хотели расширять свою идентичность. Подданные императора все были подданными Рима, а остальные были его врагами. Время зависимых государств прошло: они либо вливались в империю как поглощенные провинции, или же их разрушали.

Сравнительная хронология к главе 82

Рим	Парфия	Иудея
Калигула, принцепс (41 год)		
	Вологаз I	
Нерон, принцепс(54 год)		
Гальба, принцепс (68 год)		
Веспасиан, принцепс (69 год)		
		Разрушение Второго Храма
Тит, принцепс (79 год)		Осада Масады
Домициан, император (81 год)		
Нерва, император (96 год)		
Траян, император (98 год)		
	Вологаз III	

Глава восемьдесят третья
Дети на троне

В Китае с 88 по 182 год н. э. ряд детей наследует власть династии Хань, дворцовые евнухи приобретают огромное влияние, поднимается восстание Желтых Повязок

К 88 году, последнему году правления Чжан-ди, сына Минди, династия Хань вернула себе большую часть прежнего могущества. Земли на западе были завоеваны почти до парфянской границы, торговля вдоль Шелкового пути создала империи процветание. Даже отсутствие зрелого царя, могущего занял место Чжан-ди (когда он умер, его наследнику Хэ-ди было только девять лет), не казалось катастрофой, как это было в ранние времена правления Хань. Китаю везло на хороших регентов: Бань Чао, старый солдат, служивший при дворе еще при отце Чжан-ди, знал об управлении столько же, сколько и любой император.

В 91 году в возрасте двенадцати лет Хэ-ди приказал дворцовым евнухам убить родичей своей матери, которые пытались использовать его молодость, чтобы добиться важных постов в правительстве. Возможно, этот акт следует отнести к жестокости старого Бань Чао, который воспитывал своего юного подопечного и хорошо помнил, что династия Хань однажды была уже свергнута родственниками вдовствующей императрицы.

В любом случае это было первым появлением на сцене новой группы игроков во власть: дворцовых евнухов. Использование евнухов в качестве ближайших слуг царской семьи должно было гарантировать их лояльность: так как они были кастрированы, то — теоретически — не имели амбиций и не должны были стремиться к захвату земли, богатства или власти для того, чтобы оставить их по наследству своим детям или своему семейству. По некоторым оценкам при ханьском дворе имелось две тысячи евнухов, и они пользовались доверием императора.[1]

Хэ-ди умер в 105 году, не достигнув тридцати лет и не оставив законного наследника — ни одна из его жен не забеременела. Лишь одна из дворцовых наложниц нянчила трехмесячного сына императора, но и этот младенец Шан-ди умер до того, как ему исполнился год. Самым близким из оставшихся родственников императора оказался племянник Хэ-ди, Ан-ди, которому было двенадцать лет, когда он взошел на трон в 106 году. Но, в отличие от своего дяди, ему не повезло на осторожного наставника. Бань Чао умер в 102 году, прожив жизнь, проведенную в постоянных войнах на Западе, в которых дошел до самого Каспийского моря.[2]

Опять за сценой начали передвигаться могущественные родственники. Хотя Ан-ди был еще ребенком, его женили на дочери амбициозного чиновника, после чего принудили передать полномочия по принятию всех политических решений семье жены.

До 146 года вся преемственность власти юных правителей заключалась в предоставлении трона как ширмы для прикрытия власти, передающейся от одной амбициозной знатной семьи к другой. Сын Ан-ди — Шунь-ди — был коронован в 125 году в возрасте десяти лет; его сын — Чун-ди — был коронован, когда ему едва исполнился год, и умер, не дожив до трех лет. За ним следовал его троюродный брат, семилетний Чжи-ди, которого отравили, когда ему исполнилось восемь лет, заменив на другого кузена — четырнадцатилетнего Хуань-ди.

Все эти годы ханьский Китай управлялся дядями, двоюродными братьями, тетками и любым, кто смог поучаствовать в этом деле. Политические вопросы за Хуань-ди решал старший брат его жены, амбициозный Лян Цзы, который уже несколько лет управлял столичным городом Лоян. Лишенный власти, Хуань-ди замкнулся в своем дворце, устранившись от политических решений, отказываясь спать со своей женой и — как выяснилось — тесно сдружившись с

дворцовыми евнухами.

Эти евнухи становились все более могущественными благодаря постепенным изменениям в своем официальном статусе. Уже был случай, когда царский евнух усыновил мальчика, который был самым обычным ребенком. Но когда евнух умер, он оставил принадлежащую ему землю приемному сыну. И сыну позволили владеть ею. Через два десятилетия другому евнуху уже позволили передать приемному сыну придворный титул.[3]

Это были крайне важные перемены. Они позволяли евнухам создавать собственные семьи, образованные через усыновление, а не через браки, но, тем не менее, уже составляющие клан. И, как любой клан, дворцовые евнухи начали накапливать богатство, поместья и амбиции.

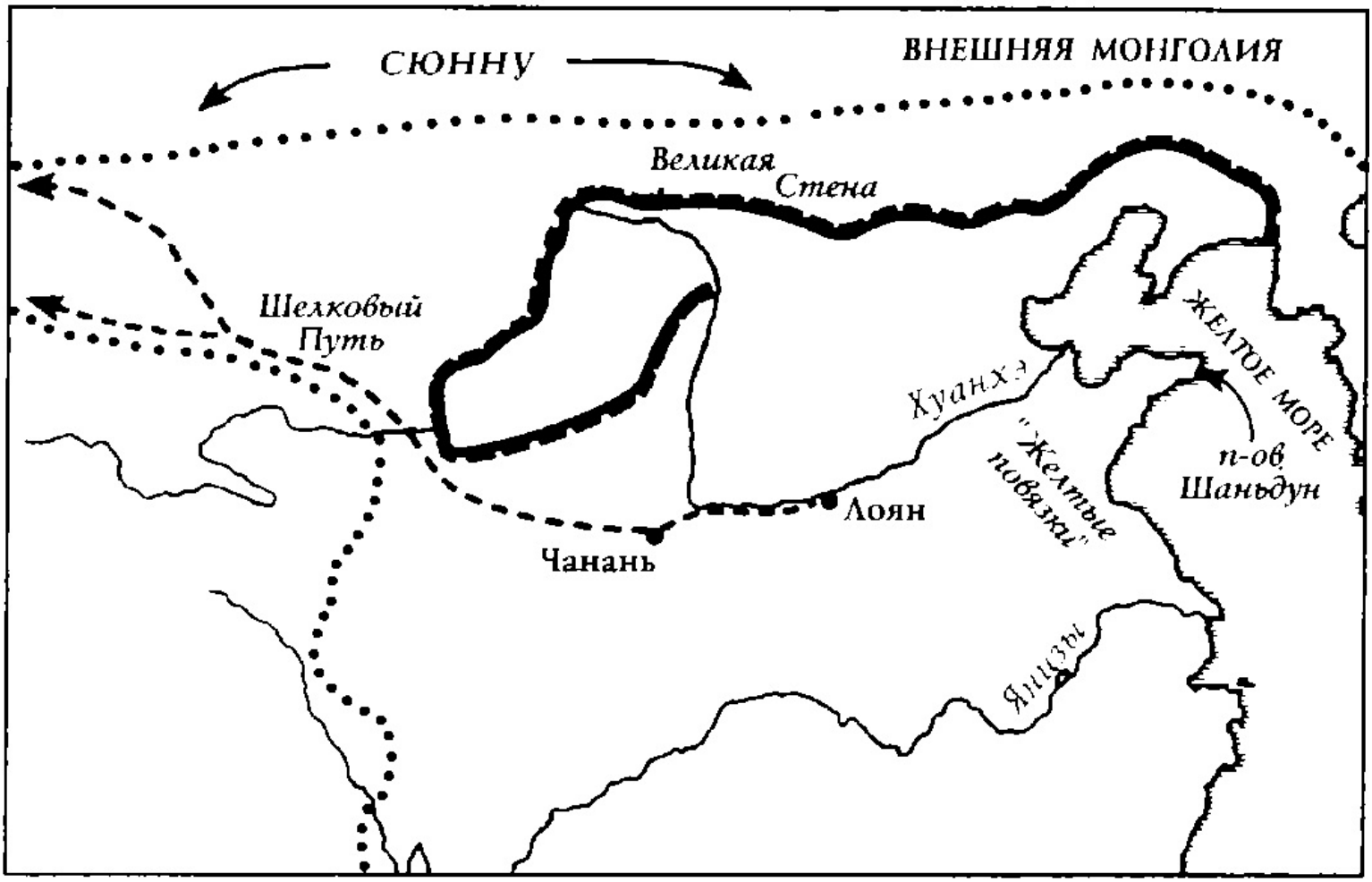
В 159 году Хуань-ди поручил пяти евнухам, на чью лояльность рассчитывал, важное задание: они должны были убить его шурина. За это император обещал наградить их титулами и землей. Его жена только что умерла, его кровная связь с Лян Цзы оборвалась, и он хотел вернуть себе трон.

Пять евнухов мобилизовали дворцовую стражу и окружили дом Лян Цзы. Он убил себя сам до того, как враги смогли ворваться внутрь и добраться до него, но остальные члены его семьи были перебиты. Чистка распространилась на весь клан.

Но возвращение Хуань-ди к власти произошло слишком поздно. За многие десятилетия, пока в Китае распоряжались регенты, никто не обращал особого внимания на состояние страны в целом. Достойная система, установленная Гуан У-ди, без присмотра начала давать обратный результат. Она отдала управление провинциями Китая в руки умелых и способных людей, заменив ими аристократов. Но эти способные люди оказались чересчур амбициозными. Многие из них постепенно захватывали землю тех, кто не мог заплатить налогов — но при этом позволили должникам продолжать обрабатывать ее.[4]

Все происходило совершенно законно и даже более гуманно (и более эффективно), чем было бы, если бы должников бросали в тюрьму. Но в результате правительственные чиновники сосредоточили в своих руках огромное количество земли, обрабатываемой должниками, которые стали новым видом крепостных крестьян. Естественно, эти земли начали передаваться по наследству, сыновьям и внукам. На месте прежней феодальной аристократии постепенно образовалась новая сеть семейств могущественных землевладельцев. Их имена отличались от имен великих семейств прежней эпохи, но суть была та же: богатые землевладельцы управляли огромными поместьями, а бедные земледельцы, которые обрабатывали землю, работали на них за гроши, не имея возможности защитить свои интересы. Землевладельцы начали даже нанимать охрану, чтобы обеспечивать безопасность своих громадных поместий — и эта охрана все больше и больше походила на частные армии.[5]

В то же время с открытием пути на запад все больше и больше развивалась торговля. Купцы (которые в начале эпохи Хань презирались как посредники-паразиты) смогли теперь накапливать огромные состояния.[6] Это было явление, на которое сетовал ученый Ван Фу (умерший около 165 года) в своей книге «Цянь-фу Лунь» или «Критика скрытого человека». В главе «Об избыточной роскоши» он жалуется, что торговля вытеснила сельское хозяйство как самое доходное из занятий. Вдобавок торговля была построена на спинах бедных трудящихся земледельцев — ведь те вынуждены были платить все большие и большие налоги, чтобы можно было поддерживать весь Шелковый путь, протянувшийся до запада, обеспечивая его гарнизонами, охранявшими караваны купцов от бандитов. Но труды Ван Фу не обрели особого признания у официальных лиц.

Движение желтых повязок

Хуань-ди мало что делал, чтобы решить эти проблемы. Он умер в 168 году, оставив трон династии Хань со всеми проблемами своему двенадцатилетнему сыну Лин-ди.

Мать Лин-ди, вдовствующая императрица Доу, была третьей женой Хуань-ди. Она стала регентом при своем сыне, а поскольку Лин-ди был еще очень мал, могла рассчитывать продержаться на этом посту достаточно большое время. Ее самую большую тревогу вызывала власть евнухов при дворце — в годы правления Хуань-ди они забирали в свои руки все большие и большие влияния и богатства. Действительно, группа дворцовых евнухов образовала что-то вроде клана, имевшего черты тайного общества: этот клан назывался «Десять постоянных служителей», и его члены совместно вымогали для себя у императора как можно больше денег и власти.

Один из советников императрицы, ученый-конфуцианец Чэнь Фань, предположил, что самым безопасным для империи было бы просто убрать всех евнухов. Слова этого совета дошли до евнухов. «Десять постоянных служителей» и их союзники напали на дворец, посадили вдовствующую императрицу под арест и заявили юному Лин-ди, что пришли освободить его от влияния матери и будут дальше охранять его сами.

Вдовствующая императрица оставалась под арестом четыре года. Когда она умерла в 172 году, широко разошлись слухи о том, что она была убита Цао Цзе, лидером «Десяти постоянных служителей». Тем временем, Лин-ди уже так верил этим «Десяти», что назвал одного из них, ненавистного всем Чжан Жана, почетным титулом «Воспитывающий меня отец».

В итоге государственная власть постепенно слабела, а вскоре к его экономическим проблемам Хань присоединились и природные бедствия. После широко распространившейся эпидемии 172 года последовало сначала наводнение, а затем нашествие саранчи. В 177 году военная кампания против варваров закончилась поражением. Двумя годами позднее, в 179 году,

по стране прокатилась еще одна эпидемия.

Это все были предзнаменования, которые привели новую династию Ван Мана к концу. В его дни Красные Брови сражались против всевластия богатеев; теперь цикл насилия начался снова. Опять новые группы повстанцев, так называемые Желтые Повязки, подхватили знамя бедных и угнетенных.

Желтые Повязки были гораздо большим, чем просто группа мятежников — это была давно существовавшая секта, ждущая прихода Золотого Века. Миллионы китайцев, которые жили невыразимо тяжелой и мрачной жизнью, ожидали не просто политических изменений, а немедленного и кардинального улучшения жизни.Желтые Повязки предложили людям именно это. Их вождь, даосский проповедник по имени Чжан Чжуэо заявил, что обладает магической силой. Он объявил, что может излечивать болезни — прекрасное обещание людям, которые только что страдали от вселяющей ужас эпидемии. Он пообещал, что если они будут принимать его средства, то станут неуязвимы для ран и смогут без страха сражаться в битвах — такое же прекрасное обещание для тех, кто уязвим, плохо вооружен и слаб от голода.

К 182 году организация Желтых Повязок имела лишь немногим более трех сотен членов, но сражаться за нее были готовы пятьдесят тысяч бедных, доведенных до отчаяния безземельных китайцев. В 184 году наконец-то вспыхнуло пламя восстания против притеснителей..

Сравнительная хронология к главе 83

Рим	Китай
Нерон, принцепс (54 год)	
	Мин-ди
Гальба, принцепс (68 год)	
Веспасиан, принцепс (69 год)	
Тит, принцепс (79 год)	Чжан-ди
Домициан, император (81 год)	
	Хэ-ди
Нерва, император (96 год)	
Траян, император (98 год)	
	Ан-ди
Адриан, император (117 год)	
	Шунь-ди
	Чун-ди
	Чжи-ди
	Хуань-ди
	Лин-ди (168 год)
	Восстание Желтых Повязок

Глава восемьдесят четвертая
Порок наследственной власти

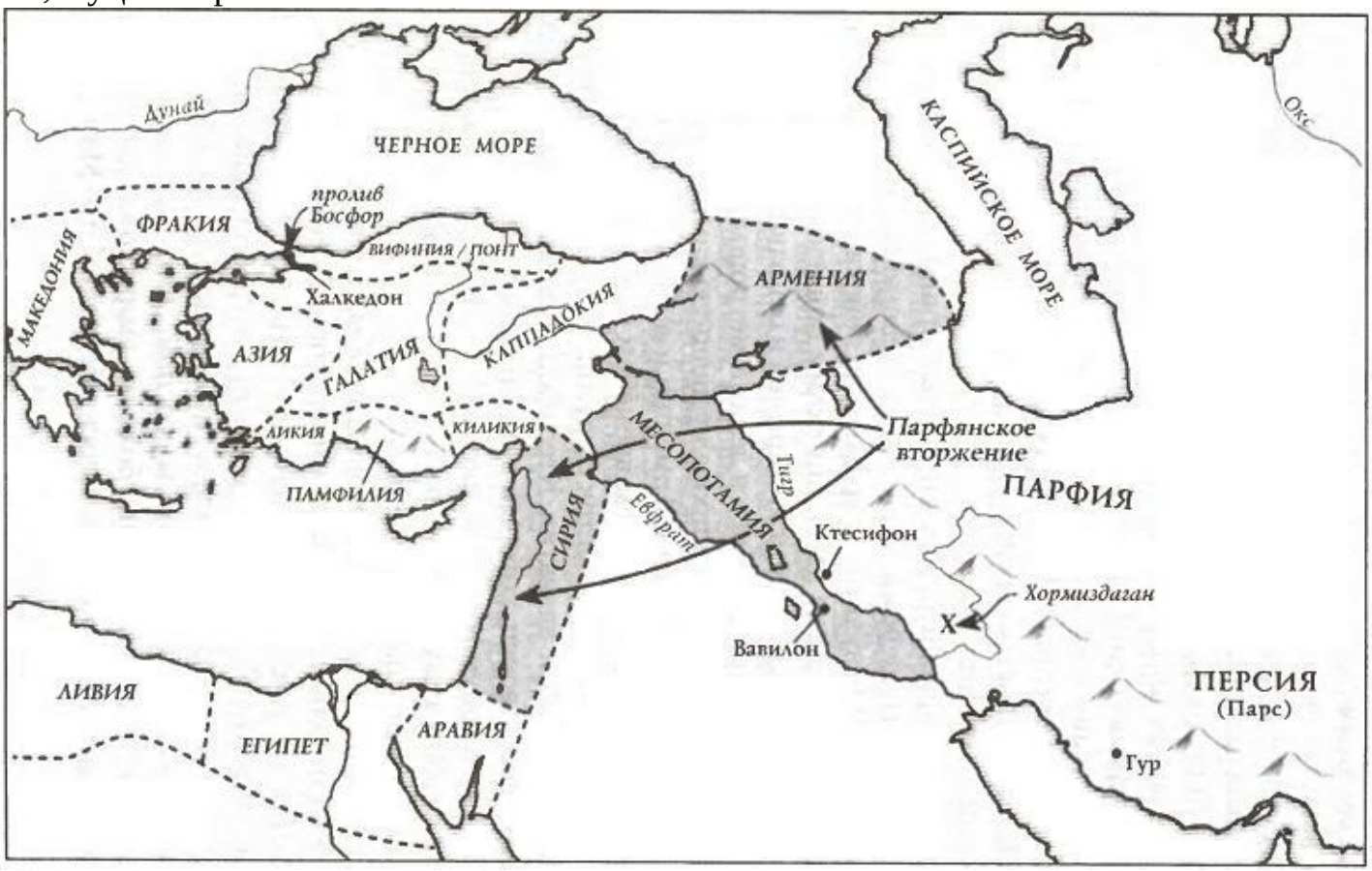
Между 138 и 222 годами Марк Аврелий разрушает традицию наследственной

преемственности, а династия Хань приходит к своему концу

За спокойным правлением Адриана последовало еще одно такое же царствование. В 138 году император усыновил и сделал своим наследником Антонина Пия, опытного политика, который служил и консулом, и наместником. Пию было сорок два года, а его приемному отцу — шестьдесят два.

Таким же образом Август усыновил своего зятя Тиберия, а Клавдий — Нерона. Подобный тип усыновления не имел ничего общего с воспитанием. Он создавал «кровное родство» по закону — такую же связь, какую евнухи династии Хань использовали, чтобы создавать свои «семьи». Для римских императоров это был эффективный метод, позволяющий сочетать огромные преимущества наследования от отца к сыну (всегда четко было ясно, кому положено быть следующим императором) с великим республиканским принципом передачи власти самому достойному. Усыновление позволяло каждому императору передать свой трон не своему кровному сыну, а человеку, которого он считал наиболее пригодным для продолжения своего дела.

Как и Адриан, Антонин Пий правил разумно, долго и без приключений. Самым волнующим событием за все двадцать три года его принципата стал большой праздник в 148 году, когда отмечали 900-летие основания Рима.[1] Сам Пий официально усыновил не одного, а двух наследников: своего племянника Марка Аврелия и еще одного мальчика на девять лет моложе, Луция Вера.[293]

Вторжение парфян

Когда в 161 году Пий умер, его старшему наследнику Марку Аврелию было сорок лет. Он уже был известным общественным деятелем, в течение года занимал пост консула, но политику он не любил. Он был по природе явным интровертом и обладал научным складом ума — «История Августа», написанная в IV веке, сообщает нам, что Марк Аврелий уже в 12 лет

«проявлял страстный интерес к философии».[2] Он вовсе не рвался стать императором Рима. Принять предназначенные ему пост Марка Аврелия фактически принудил Сенат, и он ответил тем же, сделав со-императором своего младшего сводного брата Луция Вера, который также уже отслужил консулом.[3]

Немедленно обоим пришлось воевать. Парфия сова оказалась на подъеме: царь Вологаз IV, по-видимому, вдохновленный безмятежностью предыдущих двух императоров, захватил Армению и вторгся в Сирию.

В Сирии парфяне встретили теплый прием — в основном от иудеев, которые пережили резню, последовавшую за мятежом Бара Кохбы. В результате парфянские войска смогли нанести поражение стоявшему здесь римскому гарнизону. Луций Вер принял командование римской армией и отправился на восток, пока Марк Аврелий занимался делами метрополии. К 162 году Луций прибыл в Сирию и провел успешную кампанию против парфян. Он тоже вторгся в Армению и добился здесь победы, отбив захватчиков назад. Тем временем один из его командиров отправился на юго-восток с другой частью войска, вторгся в Месопотамию и захватил Ктесифон. Вологаз IV отступил, потеряв свой дворец, который римляне разрушили.

Войска с триумфом вернулись в Рим в 166 году — но и принесли с собой чуму. Болезнь расползлась по городу уже ко времени окончания парада победы.

Греческий врач Гален, который прибыл в Рим в 168 году в ответ на отчаянные призывы императоров, записал свои впечатления от увиденного в научном трактате под названием «Methodus Medendi».[294] Он описывает, что заболевшие страдали от лихорадки, боли в горле и гнойных пустул: по всем приметам эта «Антониева чума» была оспой. Эпидемия продолжалась целых три года, на пике болезни умирало по две тысячи человек в день. В городе скопилось так трупов, что Марк Аврелий объявил вне закона строительство новых склепов, чтобы заставить римлян увозить своих мертвецов из Рима.[4] Болезнь свирепствовала здесь еще многие годы.

В разгар этих событий, когда римская армия была также ослаблена эпидемией, племена вдоль Дуная воспользовались столь удобным случаем, чтобы атаковать римскую границу. Оба императора отбыли навстречу угрозе, но она была отражена еще до их прибытия. Катастрофа случилась на дороге домой, когда у Луция Вера внезапно начался приступ, и он умер, прежде чем его успели доставить в Рим.

Марк Аврелий вернулся домой в город с телом своего названного брата и со-правителя, и проследил, чтобы его похоронили самым достойным образом. Затем он вернулся на Дунай. Почти весть остаток своего правления (кроме необходимых поездок в Рим для занятия имперскими делами, а также одного путешествия на восточную границу для разрешения вопроса о якобы возникшем мятеже) он провел в Германской провинции, сражаясь с вторжениями, которые участились и усилились.

Отсутствие императора в столице не способствовало его популярности, но Марк Аврелий заработал себе репутацию тем, что охранял безопасность империи и тем, что мягко обращался с людьми. Когда государственная казна опустела из-за постоянных войн на севере, он распродал мебель, золотые блюда и ювелирные украшения из императорского дворца, предпочтя не повышать налоги; это сделало его еще более уважаемым. «История Августа» говорит, что он продал даже «шелковые и вышитые золотом платья своей жены» — что, вероятно, не очень-то понравилось его семье.[5]

Жизнь в армейской палатке, вдали от столицы, полной болтливых сенаторов и шумных римлян, была по душе Аврелию. За годы, проведенные на германском фронте, он смог позволить себе выкроить время для занятий философией, его философские заметки «Рассуждения о само себе» стали классикой стоицизма. Они представляют собой размышления

человека, пойманного собственным долгом, несущем груз империи и становящимся счастливым только тогда, когда он оказывается от нее как можно дальше. «Пусть для вас не будет разницы, холодно или тепло, — пишет он, — если вы выполняете свой долг, хотите ли вы спать или выспались, плохо о вас говорят или хвалят, умираете или делаете что-то»?

«Старайтесь не строить из себя Цезаря, — добавляет он немного дальше, — не запачкаться такой краской, потому что это случается. Будьте простым, добрым, чистым, серьезным, свободным от пристрастий, будьте другом справедливости»?

Он никогда сам не хотел быть Цезарем — что, вероятно, и объясняет его стремление как можно раньше продвинуть к власти своего сына Коммода. Марк Аврелий был отцом четырнадцати детей — ходили слухи, что далеко не один из них был зачат женой в его отсутствие; «История Августа» замечает, что однажды он застал жену за завтраком с ночным гостем и сделал вид, что не заметил этого;[8] однако Коммод был единственным его сыном, который не умер до четырех лет. Аврелий назначил Ком-мода своим наследником, когда мальчику было всего пять лет, а в 176 году, когда Коммоду исполнилось пятнадцать, он объявил его со-императором.

Марку Аврелию оставалось жить недолго. Некоторое время он мучился болями — возможно, страдая от рака. Дион Кассий пишет, что император привык регулярно принимать наркотик, который ослаблял боль, это позволяет предполагать, что он пристрастился к опиуму. [9] В 180 году, после недели жестокой болезни, Марк Аврелий умер на германском пограничье.

Коммод, став императором в девятнадцать лет, сразу же заключил с германцами мир, остановил кампанию на границе и отправился домой. Он был первым со времени Домициана настоящим сыном, унаследовавшим трон — и, увы, прежний порядок подходил Риму лучше. Система, когда императоры усыновляли наследников, позволяла избегать самых худших проблем наследственного правления; раз уж на троне находился мудрый и опытный правитель, он стремился назначить наследника с такими же качествами.

Но Марк Аврелий прервал эту систему. Назначение Коммода императором стало самым большим несчастьем для Рима в этом веке — и главной ошибкой отца, который был слишком занят, чтобы обращать внимание на личности вокруг себя. Замкнутый по природе, считающий близкую дружбу утомительной, Марк Аврелий не нашел никого, кто бы заменил его; он вынес решение в пользу наследника по крови, что было гораздо проще.

Поведение Коммода было вызывающим почти с момента его назначения наследником. Во время процессии возвращения в Рим он вез в своей колеснице мальчика-любовника и целовал его в течение всего парада. Гомосексуализм не был, конечно, неизвестен в Риме, но он считался греческим явлением, то есть признаком женоподобности. Можно было иметь мальчика своим любовником — но не следовало демонстрировать это на виду у всей римской публики.

Его эскапады после этого случая стали поводом для создания легенд. Он собрал гарем из равного количества любовников разного пола — трехсот женщин и трехсот мальчиков; он участвовал в гладиаторских боях, сам одетый как гладиатор; он убил одну из своих сестер, а другую заставил спать с ним; он расхаживал по Риму, нося «женскую одежду и львиную шкуру», раздавая горожанам удары дубинкой.[10] Но если Коммод и сошел с ума, то отнюдь не потерял ощущения реальности: «Он сам опалял себе волосы на голове и бороду из страха перед цирюльником», — рассказывает нам «История Августа». Очевидно, император прекрасно понимал, что за его поведение его могут убить.[11]

Римляне были уверены, что Коммод — должно быть, продукт одного из приключений его матери с каким-то гладиатором; он просто не мог быть родственником по крови безгрешному Марку Аврелию. Это сняло проблему убийства истинного императора. В 192 году придворный и один из его наложников подали ему яд. Когда он не умер достаточно быстро, они вернулись и

привели с собой борца, чтобы тот задушил императора.

После смерти Коммода разразилась гражданская война. Между 192 и 193 годами четыре человека пытались заручиться поддержкой преторианской гвардии. Победителем оказался полководец, возглавлявший войска на все той же тревожной дунайской границе — Септимий Север, маленький, но энергичный человек, который родился в Северной Африке и был сенатором при правлении Марка Аврелия.

Септимий Север направился со своей армией к Риму, но еще до того, как он туда прибыл, Сенат объявил его императором. Он вошел в римские ворота 10 июня и немедленно предпринял шаги по обеспечению безопасности своего положения. Он собрал преторианскую гвардию на церемониальный парад (это означало, что они придут без оружия), а затем дал сигнал своим, закаленным в Германии солдатам, окружить гвардейцев. От всех, кто подозревался в предпочтении другого кандидата, потребовали покинуть город. На место каждого уходящего Септимий Север назначал лояльного ему человека.

После этого его правление пошло обычным путем — с дежурными кампаниями против парфян, стандартным походами в Британию для кампаний против шотландцев и прочими подобными же действиями по защите границ. Увы, Септимий Север не извлек ничего из драмы, разыгравшейся перед его глазами. В 198 году он назначил своего старшего сына Каракаллу своим наследником.

В 209 году, за два года до смерти, он также назначил своего младшего сына Гету быть со-императором старшему брату. Вероятно, это была попытка примириться с первым выбором, который начал казаться ему ошибочным. Каракалла, опытный солдат, уже грозил убить свою жену, совершил убийство своего тестя и попытался убить собственного отца. Несмотря на это, он оставался первым выбором отца в качестве наследника.

Марк Аврелий имел дело с империей, получившей почти смертельное ранение. Республика умерла, но появилась империя и заменила ее, как удочеренная кузина, сохранявшая легкие черты семейного сходства. Империя заболела, будучи под управлением Калигулы и последовавших за ним императоров — но, как ни странно, поправилась. Римляне смогли соединить имперское правление с внешними республиканскими атрибутами, и избежать при этом неизбежных проблем династического наследования, ставших явными еще с тех пор, когда китайцы впервые столкнулись с ними в долине реки Хуанхэ три тысячи лет тому назад. Но теперь принцип наследственной передачи власти подрывал саму суть империи.

В 184 году вспыхнул давно подготавливаемый мятеж Желтых Повязок.

Восстание возглавили три брата семьи Чжан: Цзяо (или Цзюэ), Бао и Лян. В одном из классических китайских литературных произведений, романе «Троецарствие», они описаны как люди, которые соединили в себе тысячелетнюю традицию учений о справедливости с неким прото-марксизмом; их лозунгом было «Хань погибла, мятеж поднимется; пусть в мире будет процветание!» и они надеялись отобрать землю у богатых и поделить ее поровну среди всех китайцев.

Но самый полный рассказ о мятеже Желтых Повязок и его последствиях дан в исторической хронике «Цзы-чжи Тун-цзянь»[295], написанной ученым и государственным деятелем Сыма Гуаном в середине XI века. Много времени утекло после события, но Сыма Гуан подробно исследовал официальные записи, которые создавались в давние века.

Борьба началась южнее долины Хуанхэ, возле Шаньдун-ского полуострова. Первые отряды Желтых Повязок были разбиты правительственными солдатами, и чиновники Хань, уверенные, что борьба вскоре закончится, дали 184 году радостное название «Мир достигнут».[12] Но

революционеры вскоре снова собрались и снова пошли в наступление. К 189 году сражения приблизились к самой столице Лоян.

В мае того же года император Лин-ди умер. Он не назвал наследника, оставив решение этого вопроса своей вдове и дворцовому евнуху Цзянь Ши. До этого он также отдал под контроль Цзянь Ши все войска в Лояне, что сделало евнуха одним из самых могущественных людей в стране.

Эти двое решили, что трон перейдет к пятнадцатилетнему старшему сыну Лин-ди — Шао-ди. Теперь, держа власть над Лояном твердо в своих руках, евнух Цзянь Ши тоже составил план тайной чистки: он намеревался убить главного полководца Хань, дабы усилить собственную власть.

Полководец обнаружил это и сам начал планировать полномасштабное истребление всех дворцовых евнухов. И этот замысел в свою очередь дошел до ушей евнухов. Дворец начал делиться на подозревающие друг друга группировки, причем обе были вооружены. Наконец, евнухи сделали первый шаг: они схватили и обезглавили главного полководца, после чего один из офицеров приказал запереть ворота дворца и убить всех евнухов. «Всего погибло около двух тысяч человек, — говорит Сыма Гуан, — включая нескольких мужчин, у которых просто не было бород, и которые были убиты по ошибке».[13]

Другой ханьский генерал, который находился вне дворца, Дун Чжо, увидел для себя в происходящих событиях возможность захватить власть. Он оставил кампанию против Желтых Повязок и направился в столицу, взяв контроль над творящимся хаосом. Он приказал заключить в тюрьму вдовствующую императрицу и начал назначать министрами верных людей, используя армию для подкрепления своих приказов.

В действительности, он блефовал, так как у него просто не хватало сил для установления полного контроля над столицей. Но каждую ночь он приказывал отряду выскользнуть из Лояна в темноте, а затем возвращаться громко на следующее утро с развевающимися флагами и гремящими барабанами. Выглядело так, будто все больше и больше солдат присоединяется к нему во дворце.

Пятнадцатилетний император и его младший брат бежали из дворца, боясь за свою жизнь, — но не смогли найти безопасного места, крова и очага. Доведенные до отчаяния голодом, они вернулись во дворец и попросили убежища. Дун Чжо предоставил им его. Он объявил младшего брата новым императором, находящимся под его защитой. Но пятнадцатилетний Шао-ди был уже достаточно взрослым, чтобы оказаться опасным. Дун Чжо нарушил свое обещание дать убежище и убил юношу.

Однако Дун Чжо был не единственным генералом, мечтавшим о власти. Желтые Повязки еще не были разбиты, а уже разгорелись сражения между их противниками. Дун Чжо вынужден был отступить из Лояна, взяв с собой юного брата Шао-ди — Сянь-ди. Однако это ему не помогло: он был загнан в Саньян, разгромлен и убит там другим генералом, опытным военачальником по имени Цао, унаследовавшем титул и поместье в качестве приемного сына одного из евнухов.[14]

Затем Цао предложил свою защиту юному Сянь-ди, у которого просто не было выбора: если он не примет покровительства Цао, то окажется мертвецом. Юноша согласился. Цао быстро женил юного императора на своей дочери и снова отправился завоевывать север Китая — теперь для своего нового зятя.

Сражения против Желтых Повязок продолжались. Наконец, в 205 году Цао смог разбить последних бойцов Желтых Повязок. Однако многолетняя война, наряду с кризисом государственного управления и повальной коррупцией, уже разрушила страну. Сянь-ди вернулся в Лоян и сел на трон Хань. Но он так же не имел власти и влияния, как и император

Чжоу к концу правления династии. По всей территории империи разгорелись войны между местными правителями. Цао смог вернуть под власть императора север страны, но у него не оказалось союзников в попытках воссоединить земли Хань — слишком много соперничавших генералов не хотели, чтобы Лоян снова стал могущественным.

В 208 году армия Цао встретилась с войсками двух своих самых крупных соперников на реке Янцзы, в месте, называемом Красные Скалы. Армии много дней стояли на противоположных берегах реки — обе стороны были измотаны бесконечными сражениями последних лет и не решались атаковать.[15] Когда Цао решился, наконец, на атаку, он обнаружил, что удача ему изменила. Военачальники противника использовали возникшую возможность применить против другого берега неожиданное оружие. Сначала они послали Цао письмо с предложением сдаться; а затем они (по словам Сымы Гуана) «взяли десять военных кораблей, заполнили их палубы сухой травой и высушенным деревом, облили маслом, затем укрыли тканью и подняли флаги». Эти фальшивые корабли были отправлены через реку к лагерю самого Цао и его стоящим на якоре кораблям. Когда корабли почти достигли противоположного берега, солдаты, шедшие в легких лодках позади, подожгли их. «Огонь был яростный, и ветер был сильный, и корабли неслись, как стрелы, — говорит Сыма Гуан. — Весь северный флот сгорел, огонь дошел до лагерей на берегу. За очень короткое время дым и пламя заволокли все небо, и множество людей и лошадей сгорело, утонуло или умерло».[16] Люди Цао, убегая, обнаружили, что дороги стали непроходимыми от слякоти. Они попытались засыпать дороги травой, чтобы создать твердую поверхность, но трава тонула под копытами лошадей, и еще много людей и животных погибло в этой жиже.

Поход погубил надежды Цао на объединение Китая. Он отступил. Теперь царю Хань остался только север, и хотя война продолжалась, он больше не бросал решающего вызова своим соперникам.

Сам Сянь-ди, судя по всему, прекрасно знал, что его императорская власть является фиктивной. Когда в 220 году Цао умер, Сянь-ди отрекся от престола, передав власть его сыну — хотя формально государство Хань завершило свое существование лишь после 426 года.

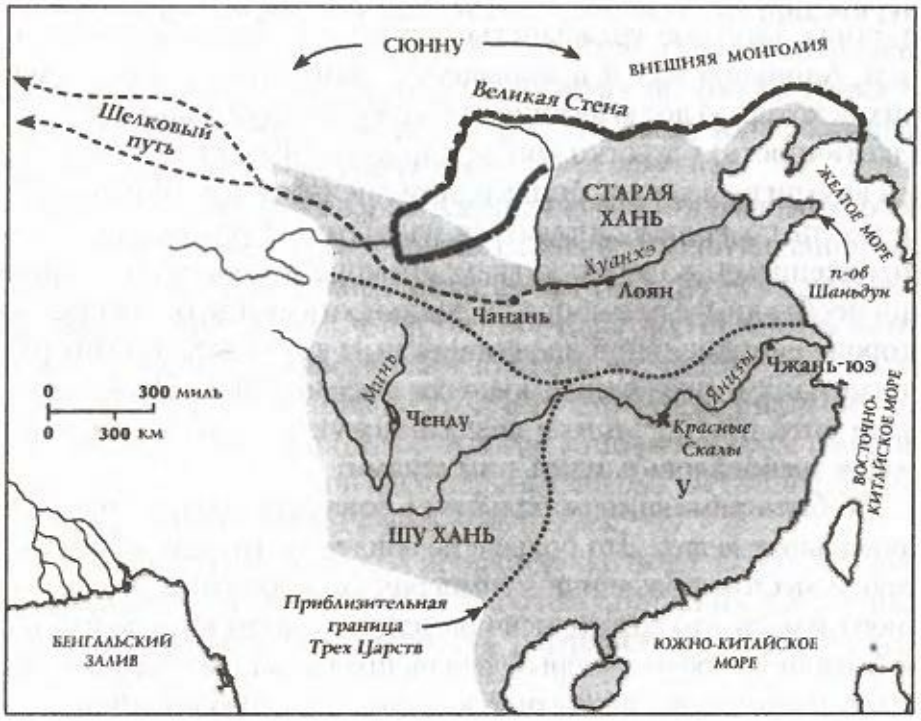
Теперь Китай был расколот на враждующие царства. Сын Цао, Цао Пэй, контролировал старые земли Хань на севере. На юге двумя противниками Цао в битве при Красных Скалах были созданы две соперничающих династии. Сунь Чжуань в долине реки Янцзы объявил о создании династии У и основал новую столицу в Чжань-юэ — в районе современного Нанкина. Лю Бэй правил юго-западом из своей столицы Чэнду на реке Мин, объявив себя первым царем династии Шу Хань.[17] Три царства сменили династию Хань, исчезла даже возможность мира. Следующие три века в Китае шли непрерывные войны.

На западе Септимий Север умер, и два брата, Каракалла и Гета, оказались заперты вместе в одном дворце. Они никогда не были добрыми друзьями, и в этом совместном правлении жертвой стал Гета: Каракалла убил его в императорских помещениях и приказал сжечь тело.

«История Августа» предполагает, что Каракалла затем попытался заручиться поддержкой преторианской гвардии:

«После смерти отца он пошел в лагерь [преторианской] гвардии и пожаловался солдатам, что... его брат приготовил для него яд, и что он не уважал их мать, и он публично воздал благодарность тем, кто убил [Гету]. И он выдал им дополнительную оплату за то, что они лояльны по отношению к нему. Некоторые солдаты восприняли убийство Геты очень плохо, и заявили, что обещали верность двум сыновьям Севера, и что они должны сохранять ее обоим. Ворота [лагеря] были закрыты, и долгое время императора не впускали. Солдаты успокоились только когда на душе у них полегчало, и не из-за жалоб и обвинений, которые тот выливал на

Гету, а из-за огромной выплаты денег».[18]

Три царства

Затем Каракалла начал чистку среди тех, кто мог возмутиться убийством Геты. «В течение тех дней было убито бесконечное число тех, кто поддерживал его брата, — говорит «История Августа». — Резня шла повсюду. Убийства совершали даже в ванной, а некоторых убили во время обеда»}[9] Дион Кассий добавляет, что Каракалла упразднил даже соблюдение дня рождения Геты.

Потом он объявил новый закон: все свободные люди в империи становились римскими гражданами.

Триста лет тому назад Рим начинал войну в ответ лишь на требование кого-нибудь из италийских городов дать ему римское гражданство. Теперь закон прошел без долгих дебатов и обсуждений, без всякого общественного протеста.

С одной стороны, присвоение римского гражданства всем жителям империи стало большим достижением: Рим больше не был республикой, поэтому быть римлянином больше не обозначало получение права голоса (бывшее главной причиной конфликта, вызвавшего Союзническую войну). Но с другой стороны, римское гражданство отнюдь не было бессмысленным. Адрианов вал и превращение зависимых царств (имевших некоторую долю автономии и собственную национальную идентичность) в жестко контролируемые провинции вели людей внутри римских границ к одному неизбежному финалу. Им не могли позволить оставаться набором стран «под римским управлением», подобно кускам мрамора в стеклянной банке; при необходимости выбора их лояльность всегда оставалась на стороне национальной идентичности, и как только кризис разбивал банку, мраморные кусочки рассыпались. Необходимо было уйти от прошлого и создать новую идентичность. Этих людей требовалось сделать римлянами.

Но быть римлянином больше не означало иметь голос в национальных делах. Это больше не означало, что город Рим был вашим местом рождения — империя распространилась на так много земель, что сотни тысяч римских граждан на деле некогда не бывали в городе, который теперь предлагал им свое имя. Это не означало, что вы знаете римский способ потреблять пищу, любите поэзию Сенеки или хотя бы говорите на латинском языке.

В руках Каракаллы римская идентичность означала три момента. Во-первых, как заметил Эпиктет несколькими десятилетиями ранее, она подразумевала послушание императору. Это означало, что, как все римские граждане, вы имеете определенные права: если вас приговаривали к смерти за преступление, вы могли апеллировать к Риму (конечно, если вам не случилось попасть в чистку), ваш брак и другие контракты могли считаться легальными в римских судах, вашим детям гарантировалось получение наследства по вашему завещанию. И все это означало, что вы должны платить налоги. А Каракалла оказался на мели. Его подарки, необходимые для укрепления власти, опустошили казну, и ему требовалось как можно большее количество граждан, чтобы собирать с них деньги для пополнения казны.

Короче, римское гражданство было компромиссом. В обмен на защиту со стороны римского закона свободный человек внутри римских границ платил деньги. Это было не такой уж невыгодной сделкой (во всяком случае, пока налоги еще не начали кусаться) — но потенциально грозило проблемами. Гражданство уже не подразумевало ничего похожего на призыв Перикла к афинянам с просьбой предать себя идее Афин, или на убеждение иудеев, что их господь обещал потомкам Авраама собственную землю. А ведь именно это были идеи, которые связывали людей в единое целое.

В 212 году, тогда же, когда Каракалла объявил о новом гражданстве, некий вассал парфянского царя по имени Ардашир аккуратно проводил мелкие кампании против других вассальных государств вокруг себя. Собственное царство Ардашира находилось в Парсе — парфянской провинции, где все еще жили парфяне; его столицей был Гур, и его семья была одним из последних осколков старой персидской империи. Более поздние предания говорят, что он был дальним потомком самого Дария, но правда ли это — установить уже нельзя.[20]

Тихо, постепенно, чтобы не насторожить далекого парфянского царя, он уговаривал или запугивал ближних вассальных царей переменить свою верность парфянскому царю на верность ему.

Вероятно, Ардашира не замечали так долго потому, что парфянский царь Артабан V был вынужден распутывать собственные неприятности. Один из его родственников стал претендовать на корону; после ужасной гражданской войны он смог занять Ктесифон и взять под контроль нижнюю часть месопотамской долины. Артабан был вынужден оставить собственную столицу и устроился не слишком удобным лагерем западнее нее, в северной части равнины между Тигром и Евфратом. Он не обращал особого внимания на то, что происходило восточнее Ктесифона.

Каракалла, видя процесс отпадения парфянских вассалов, послал изгнанному Артабану V предложение о помощи в обмен на брачный союз с дочерью Артабана. Артабан, понимая, что это не искренний союз, а попытка подчинения, отказался. Тогда Каракалла двинулся на восток с армией и в конце 216 года атаковал западную парфянскую границу. Он вел кампанию до зимы, а затем встал зимним лагерем, чтобы переждать холодное время и возобновить наступление весной.

В начале апреля 217 года, как раз перед возобновлением запланированной кампании, Каракаллу стало мучить расстройство желудка. Он ехал верхом с одним из телохранителей, когда его скрутили желудочные колики. Каракалла спрыгнул с лошади и спустил штаны. Телохранитель воспользовался моментом и убил его, пока обе руки у того были заняты.

Тут подскакали конные солдаты, ехавшие немного позади и копьями убили убийцу. Как и убийцы Калигулы, солдат сделал империи одолжение ценой собственной жизни. Тело Каракал - лы было кремировано, пепел отослан в Рим. Он правил шесть лет и умер в возрасте двадцати девяти лет.

Восточные легионы, оставшись без императора, объявили новым императором своего

командира Макрина. Поздней весной 217 года Макрин снова двинул войска через парфянскую границу. Но Артабан V за зиму уже успел подготовиться к войне, и после тяжелого боя римляне отступили, не одержав победы. Макрин, не желая снова атаковать, предпочел откупиться и передал парфянам поразительно огромную сумму денег.

Это взбесило многих из его солдат. Император, который получил свою власть только за свои военные способности, не достоин титула, раз начал проигрывать битвы. Кроме того, прямо под рукой имелся другой кандидат на место императора. Это был однажды отодвинутый в тень двоюродный брат Каракаллы (внук сестры его матери) — высокий и симпатичный, четырнадцатилетний юноша по имени Элагабал, который был немного похож на Каракаллу (тайно поговаривали, что он его незаконный сын).

16 мая, через несколько месяцев после поражения, группа солдат объявила Элагабала императором вместо Макрина. Макрин обнаружил, что все большее и большее число сторонников покидают его, чтобы присоединиться к новому императору. Наконец он бежал, но преследовавшие солдаты через месяц нашли его в Халкедоне, откуда он пытался пересечь Босфорский пролив, чтобы попасть во Фракию.[21] Он был взят под стражу и вскоре убит в заключении.

Элагабал оказался глупцом, потворствующим своим слабостям и эксцентричным прихотям; если даже половина описаний, изложенных в «Истории Августа», соответствует действительности, он стал совсем ненормальным вскоре после своего возведения на престол. Большинство подробностей сведено в едком замечании, где сказано, что солдаты вскоре возненавидели «принцепса, который был губкой, впитывающей сластолюбие каждой клеточкой своего тела».[22] Кроме того, он доставлял себе удовольствие странными религиозными ритуалами — один из которых включал в себя поклонение найденному им камню, который Элагабал объявил богом, а другой привел к попытке сделать себе обрезание (очевидно, вместо этого он частично кастрировал себя).

К 222 году преторианская гвардия выдвинула другого кандидата в императоры, и войска отправились искать Элагабала. Он услышал их приближение и спрятался в общественной уборной, но солдаты вытащили его, убили, а затем окунули тело в сточную канаву, протащили вокруг ипподрома, и наконец сбросили в Тибр с привязанным камнем. Его кровное родство с предыдущим императором обеспечило ему трон, но не спасло его.

Сравнительная хронология к главе 84

Рим	Китай	Парфия
Траян, император (98 год)	Ань-ди	
		Вологаз III
Адриан, император (117 год)		
	Шунъ-ди	Вологаз IV
Антонин Пий, император (138 год)		
	Чун-ди	
	Чжи-ди	
	Хуань-ди	
Марк Аврелий и Луций Вер, со-императоры		
Марк Аврелий, император (169 год)	Лин-ди (168 год)	

Глава восемьдесят пятая
Спаситель империи

Между 222 и 312 годами Парфия сдается Персии, а Диоклетиан пытается спасти Римскую империю, оставив Константина завершать работу

В 232 году, когда был убит Элагабал, парфянский царь Артабан V смог победить своего соперника и отбить назад Ктесифон.

Но он продержался в своей столице только два года. Ардашир смог переманить на свою сторону старые города Мидии, Персии и их союзников, и теперь серьезно укрепился в своем родном городе Гур. В 224 году он со свой армией двинулся вперед, чтобы встретиться с парфянскими полчищами на равнине Хормиздаган.

Артабан V был убит в этом сражении. Парфянская империя пала; теперь Ардашир перебрался в царский дворец в Ктесифо-не и объявил себя по старому персидскому обычаю Ардаширом I, Царем Царей. Его новая династия стала называться Сасани-дами — по его родному персидскому клану.

Парфянская империя, расширившись после покорения кочевников, представляла собой комплекс вассальных царств, которые подчинялись общему царю. Это, как Ардашир знал по своему опыту, давало бунтующим царям слишком много свободы для мятежа. Вместо этого он реорганизовал свою новую империю по старому персидскому образцу. Он разделил ее на провинции (или сатрапии), каждая находилась под управлением военного правителя. Границы провинций были сознательно проведены поперек старых границ царства, чтобы нарушить старые неформальные связи и предотвратить любые союзы, которые могли бы возникнуть в случае кризиса центральной власти Артабана V. Правители, рекрутированные из царского клана Са-санидов, стали именоваться почетным персидским титулом шах.

Для римлян, озабоченных целой чередой никуда не годных императоров, персидское возрождение должно было показаться возвращением монстра из старой сказки. Ардашир I, первый Великий царь, вновь восстановивший персидское господство, правил до 241 года, а затем передал хорошо организованную, подготовленную к экспансии империю своему сыну Шапуру.

Монеты конца его правления изображают Ардашира глядящим на молодого принца; похоже, он уже при жизни сам короновал своего сына соправителем. Арабский историк IX века Абу аль-Масуди, который, как Геродот, путешествовал по миру и собирал древние легенды, чтобы вплести их в свои рассказы, говорит, что Ардашир собственными руками надел свою корону на голову Шапура, а затем отошел в сторону, чтобы Шапур мог править самостоятельно.[1] Это показывает человека, думающего о будущем — чего, увы, не наблюдалось у римских императоров несколько последних десятилетий.

Шапур I начал свое царствование призывом к великому богу Ахурамазде поддержать его восшествие на трон. Оба, и Ардашир I, и Шапур I, были зороастрийцами — приверженцами

мистической религии, первым пророком которой был Зороастр (он же Заратустра), живший в дни Дария I. Зороастризм имел сложную теологию и еще более сложные ритуалы, но ко времени Шапура I основой его концепции было разделение Вселенной на две равно могущественные противоположные силы: добро и зло. Добро исходило из сущности великого бога Ахурамазды; зло пребывало в противодействующем божестве [296] — Аримане.[2] Этот дуализм означал, что добро и зло находятся в вечном конфликте, и что последователи Зороастра обречены на бесконечную битву против сил зла, представленных демоническими духами, называемыми дэвами. Древний символ веры, приписываемый самому Заратустре, начинался так:

«Я проклинаю дэвов. Я заявляю, что поклоняюсь Мазде, я отношу все хорошее к Ахурамазде. Я хочу свободы передвижения и свободы проживания для всех сельских жителей, для тех, кто живет на земле со скотом... Из всех религий, которые существуют или появятся, [эта] самая великая, самая лучшая и самая прекрасная»?

Шапур не колебался, используя поддержку Ахурамазды для подкрепления своего священного права управлять, у него не возникало даже мысли о мнении на этот счет его народа. Как царь Персии, он был законодателем добродетели. Ардашир объявил зороастризм государственной религией своей новой империи, и это объединило его подданных в священное сообщество, спаянное единой целью. Каждый подданный Шапура выступал солдатом в войне против дэвов; лояльность каждого мужчины и каждой женщины Персии была также обязательством постоянной борьбы со злом. Таким образом, официальная религия, кроме всего прочего, стала необычайно мощным организатором нации.

Первые вооруженные завоевания Шапура были направлены на римского гиганта. Он смог разгромить римский гарнизон в Месопотамии, а затем направился в Сирию, чтобы встретиться там с основными римскими силами на Ближнем Востоке. Этот первый удар персов по Риму провалился — армия Шапура была разбита сирийскими легионами, и персов заставили отступить.[297] Но, несмотря на подобный успех, победа далась дорогой ценой и продемонстрировала падение боевой силы римлян. К тому же, Рим стоял перед фактом появления нового врага на севере.

Вторжение готов

Во II веке нашей эры племена, долго жившие на северных землях, которые мы знаем теперь

как Скандинавия, пересекли в лодках пролив и высадились на берег Европы. Писатель VI века Иордан[298], наш лучший источник по истории готов, начинает свою историю так:

«В арктических землях существует огромный остров по имени Скандза, от которого моя повесть (с Божьей милостью) берет свое начало. Потому что раса, о чьем происхождении вы хотите знать, налетела, как рой пчел с центра этого острова и двинулась на земли Европы».[4]

Эти пришельцы были известны римлянам как готы. Иордан называет их «много и разные», и перечисляет целый набор племен, которые попали под одно наименование готов: скререфенны, финниаты, финны, дани, граннии и многие другие. Они были крепкими и неунывающими людьми, добавляет он, «как ни одна другая раса в своих страданиях и при благоденствии, потому что в свои более длинные дни они видят, как солнце возврагцается на восток вдоль края горизонта, а в более короткие дни этого не видно».[5] Привычные к двадцатичетырехчасовым дням и ночам, готы нормально чувствовали себя в самых экстремальных условиях.

В Европе они прокладывали себе путь сквозь германские племена к Дунаю, а некоторые двинулись на восток, к старым скифским территориям. По Иордану так они разделились на две группы: визиготы или «готы западных стран» и остроготы, восточные готы. Визиготы, выйдя к Дунаю, теперь угрожали римским территориям, в то время как остроготы заняли старые земли Фракии и Македонии.

К 249 году угроза вторжения с севера стала настолько острой, что армия взяла дело в свои руки. Император того времени, забытый Филип,[299] попытался откупиться от готов данью — но опоздал с уплатой очередного взноса, в ответ на что визиготы пересекли Дунай и опустошили местность южнее него. Возмущенные войска возле Дуная провозгласили своего генерала Де-ция императором вместо Филиппа; некоторые из солдат, говорит Иордан, просто дезертировали и перешли на сторону готов.

Деций продержался ровно два года. Побывав в Риме для официальной коронации, он вернулся, чтобы снова бороться с вторжениями готов. В 251 году был убит в бою на Дунае. Он был первым римским императором, который пал, сражаясь против внешней угрозы — остальных убирали соотечественники.

Когда в 252 году Шапур I начал новое наступление на сирийской границе, римские легионы были заняты, защищая как восточные границы от давления персов, так и северную границу от атак готов. Восток рухнул первым. Шапур I разгромил сирийские гарнизоны и захватил всю Сирию. В 253 году он занял большой восточный город Антиохию и разграбил его. В том же году в Риме появился император, который смог удержаться на троне всего месяц или два.

Валериан служил консулом и военачальником; ему было почти шестьдесят, но несколько лет подряд казалось, что он способен вернуть Риму удачу. Он назначил своего сына Галлиена командовать легионами на западе, и пока тот отбивал вторжения племен на Рейне, Валериан начал одерживать победы на востоке.

Отчеканенная в 257 году монета называет его «Восстановитель Мира» — это, даже оставляя место для некоторого преувеличения, предполагает значительный успех. Но в 260 году по армии Валериана проползла чума, существенно ослабив ее. Когда персы атаковали римлян у Эдессы, он вынужден был отступить, и в конце концов просить переговоров.

Шапур I согласился — при условии, что император встретится с ним лишь в сопровождении маленькой группы солдат. Валериан прибыл на место переговоров с несколькими телохранителями, Шапур I перебил его свиту и взял в плен его самого.

Позднее церковные историки, которые были самыми полными хроникерами жизни Валериана, но не любили его, потому что он ненавидел христиан, увидели в этом возмездие.

Как говорит Лактанций,

«Бог наказал его новым и неожиданным способом — [Шапур,] царь персидский, который сделал его пленником, что бы ни собирался сделать, сесть в экипаж или сесть верхом на лошадь, приказывал римлянину сгибаться и подставлять спину; и тогда, ставя ногу на плечи Валериана, он с улыбкой говорил, упрекая: „Это правда, а не то, что римляне изображают на доске или штукатурке”.[6] *В плену Валериан прожил еще многие годы, перенося вполне заслуженные оскорбления от своего победителя; так что это римское имя надолго осталось у варваров предметом издевок и осмеяния».*

Римский император, находящийся в плену у персидского варвара, служащий ему подставкой для ног, стал таким оскорблением, какое нельзя было даже вообразить. Это имело, безусловно, большое значение для Шапура, который вырезал на своей гробнице свой портрет в виде огромной верховой фигуры, которая тащит за руку Валериана. Предыдущий император Филипп смиренно стоит на коленях перед лошадью; еще один император растянулся под ее копытами.

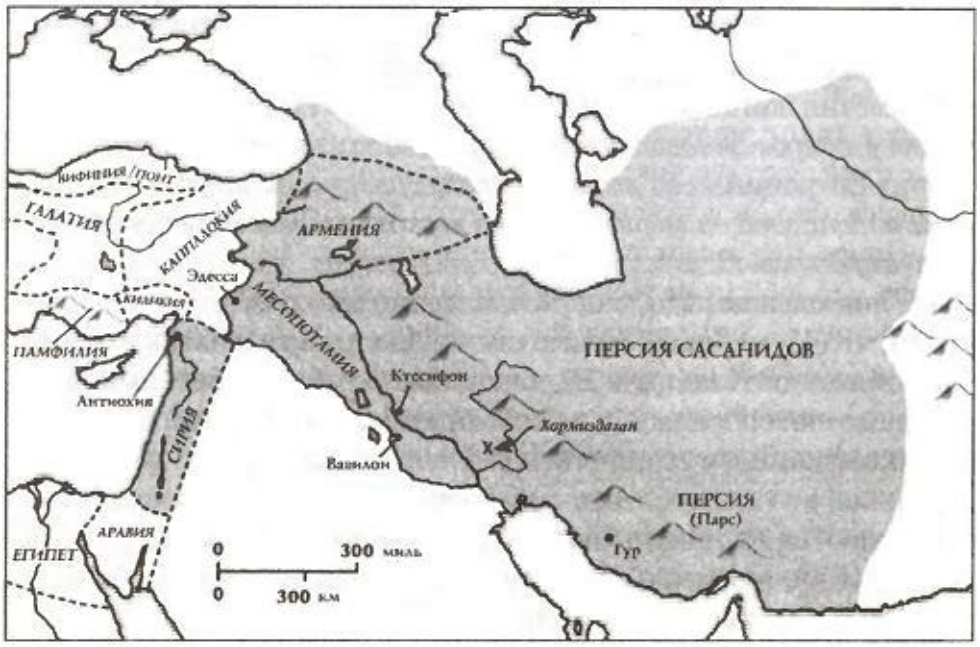
Рим внезапно стал менее воинственным, менее всепобеждающим. В провинциях начались мятежи. Собирать армию для борьбы с восстаниями и продолжающимися вторжениями с севера удавалось уже с большим трудом: германское племя але-маннов вторгалось в саму Италию, франки (тоже германцы по происхождению) опустошали римские провинции на Иберийском полуострове, а галлы и объявили себя отдельным царством.

Валериан все еще находился в плену, но при этом оставался императором, его сын Галлиен за отсутствием отца исполнял его обязанности. Он был опытным военным, но растущий хаос превосходил возможности любого человека. Галлиен тоже мог оставаться во власти, только пока проявлял свои способности полководца, и он видел, что его дни ограничены. Он заставил своих врагов есть с ним вместе, пытаясь избежать отравления; он все время держал вокруг себя маленький круг солдат, которым верил; но в 268 году именно один из этих солдат и убил его.

Его отец Валериан тоже умер в плену. Шапур поступил с его телом, как с трофеем: Как рассказывает Лактанций,

«С него содрали кожу, выкрасили ее киноварью и поместили в храм варварских богов, чтобы так увековечить память о триумфеу и чтобы она всегда оставалась выставленной для наших послов, как предостережение для римлян. Глядя на оболочку своего плененного императора в персидском храме, они не могли придавать уж слишком большого значения своей мощи».[7]

После убийства Галлиена в 268 году Римская империя существовала лишь формально. К 271 году вторгшиеся варвары смогли проложить путь в самую середину полуострова. Но поставленный солдатами император Аврелиан, которого историк IV века Евтропий называет «умелым на войне человеком... сильно склонным к жестокости»,[8] собрал войско, провел серию хорошо распланированных кампаний и почти восстановил старые границы. Распад временно был остановлен, и это сделало Аврелиана уважаемым. «Он действительно был жестоким и кровожадным, — продолжает Евтропий, — то есть императором, необходимым для своего времени, а не добродушным человеком... Однако он смог восстановить военную дисциплину и ликвидировать распущенность манер».[9]

Новая Персидская империя

Но просто приведение армии в форму не могло разрешить римские трудности. Аврелиан осознал это, когда построил стену вокруг города. Триста лет Рим не имел стен; его горожане хвастали, что город защищен мощью армий Рима.[10] Теперь на эту защиту полагаться больше было нельзя. Лояльность армий, на которую опиралась власть императора, тоже стала слишком переменчивой. Аврелиан протянул только пять лет — до того как преторианская гвардия убила его прямо посередине дороги.[11]

Сенат отдал власть в руки императора, император опирался на силу армии, а Рим имел слишком много армий на слишком многих фронтах, чтобы поддерживалась хоть какая-то стабильность. За девять лет после Аврелиана шесть человек получали титул императора, и все они были убиты.

Некоторым исключением был четвертый — император Кар. Его люди сообщили, что в него ударила молния, когда он находился в лагере на берегах Тигра.[12] Это было вполне правдоподобно. С другой стороны, когда Кара «ударила молния», командир его телохранителей Диоклетиан был в лагере. Сын Кара Нумериан, который стал императором после него, таинственно умер, передвигаясь с армией. У него болели глаза и он ехал в крытых носилках, чтобы защититься от прямых солнечных лучей; никто не заметил, когда он умер в этих носилках. «О его смерти... солдатам, сопровождавшим его, сообщил запах мертвого тела, — говорит Евтропий, — их резанул запахи, открыв занавески носилок, они нагили, что он мертв — через несколько дней после того, как: это случилось»}[2]

Удивительно, что «сопровождавшие его солдаты» не заметили, что Нумериан безвылазно находится за занавесками уже несколько дней подряд. Впрочем, вскоре убийца был выявлен: когда армия собралась, чтобы выбрать наметить нового лидера, Диоклетиан возмущенно выкрикнул, что знает, кто убил Ну-мериана: это его собственный тесть, командир преторианской гвардии. Переполненный праведным гневом, он выхватил свой меч и убил человека «на виду у всей армии», что освободило остальных от необходимости расследования обвинения.[14]

Затем другой сын Кара был объявлен императором друзьями своего отца. Амбиции Диоклетиана стали очевидны. Он двинул своих сторонников против войск нового императора и убил своего противника в сражении.

Это поставило Диоклетиана во главе Римской империи. Лактанций называет этого

человека не иначе как «автором зла и устроителем несчастий».[15] Как и его предшественники, Диоклетиан дурно поступал с христианами — он сразу же выпустил эдикт об их преследовании. Лактанций обвиняет его в коррупции, жестокости, завышении налогов, похищениях и еще во множестве иных преступлений, и в финале объявляет, что он почти разрушил Рим:

«Этот человек, частично из-за своей алчности, частично из-за робости консулов уничтожил Римскую империю. Потому что он выбрал еще троих, чтобы те делили правление с ним; и таким образом империя была поделена, армии увеличились, и каждый из четырех принцепсов старался создать гораздо большие вооруженные силы, чем создавал любой другой император в прошлом».[16]

Но в действительности, это разделение империи спасло ее. Диоклетиан, без сомнения, был амбициозным человеком — но его амбиции были более сложными, чем приписывает ему Лактанций. Он не хватал что-то просто для того, чтобы это иметь. Он хотел разрешить проблему империи, и он нашел решение, отдав большую часть своей власти.

Через год после провозглашения императором Диоклетиан выбрал себе правую руку — такого же армейского офицера по имени Максимиан, которого хорошо знал. Он дал Максимиану имперский титул Августа и предложил ему быть со-императором: впервые с горестных дней Каракаллы и Геты, когда два императора разделили этот титул.

Диоклетиан пришел к заключению, что самая большая проблема империи — ее размеры. Никто не в состоянии удерживать руку на всех регионах без автократической тирании, а подобная тирания рано или поздно ведет к смерти. В любом случае даже самый автократический император не может оставаться любимцем всех войск, разбросанных от Галлии до Евфрата. Легионы доверяют человеку, который находится ближе остальных к ним; Диоклетиан отдал половину империи прин-цепсу, который мог оставаться рядом.

Мощь армии продолжала беспокоить Диоклетиана В 291 году он совершил дальнейший шаг, направленный на то, чтобы оградить армию от вовлечения ее в борьбу за власть. Он назначил двух младших «императоров» — двух чиновников, которым был дан титул Цезарей (обычное имя, которое император давалсвоему преемнику). Эти два Цезаря, Констанций и Галерий, были также связаны с императорами личным образом: Галерий женился на дочери Диоклетиана, а Констанций — на дочери Максимиана. («Оба вынуждены были развестись с женами, которых имели прежде», — замечает Евтропий.[17] За стабильность пришлось платить.)

В 305 году Диоклетиан сделал такое, чего еще не пытался сделать ни один император. Он ушел на покой, отрекшись в пользу одного из Цезарей — и настаивал, чтобы Максимиан сделал то же самое. Он старел и слабел, и вместо того, чтобы цепляться за власть до последнего вздоха, предпочел проследить за ее передачей следующему поколению. Максимиан подчинился, хоть и с огромной неохотой, и они провели церемонию отречения в один и тот же день, на противоположных концах империи: оба приняли участие в параде победы и затем, в его конце, церемониально сняли свои имперские мантии и надели гражданские одежды.[18]

Диоклетиан сделал еще одну попытку усовершенствовать сомнительный образ римлянина. Вместо повиновения императору от римлян теперь требовалось подчиняться идее имперской власти. Эта смена декораций была много большим, чем просто публичный обряд. Диоклетиан попытался продемонстрировать, что император олицетворяет собой сам Рим, но само это олицетворение является большим, чем просто личность человека, который выполняет эту задачу.

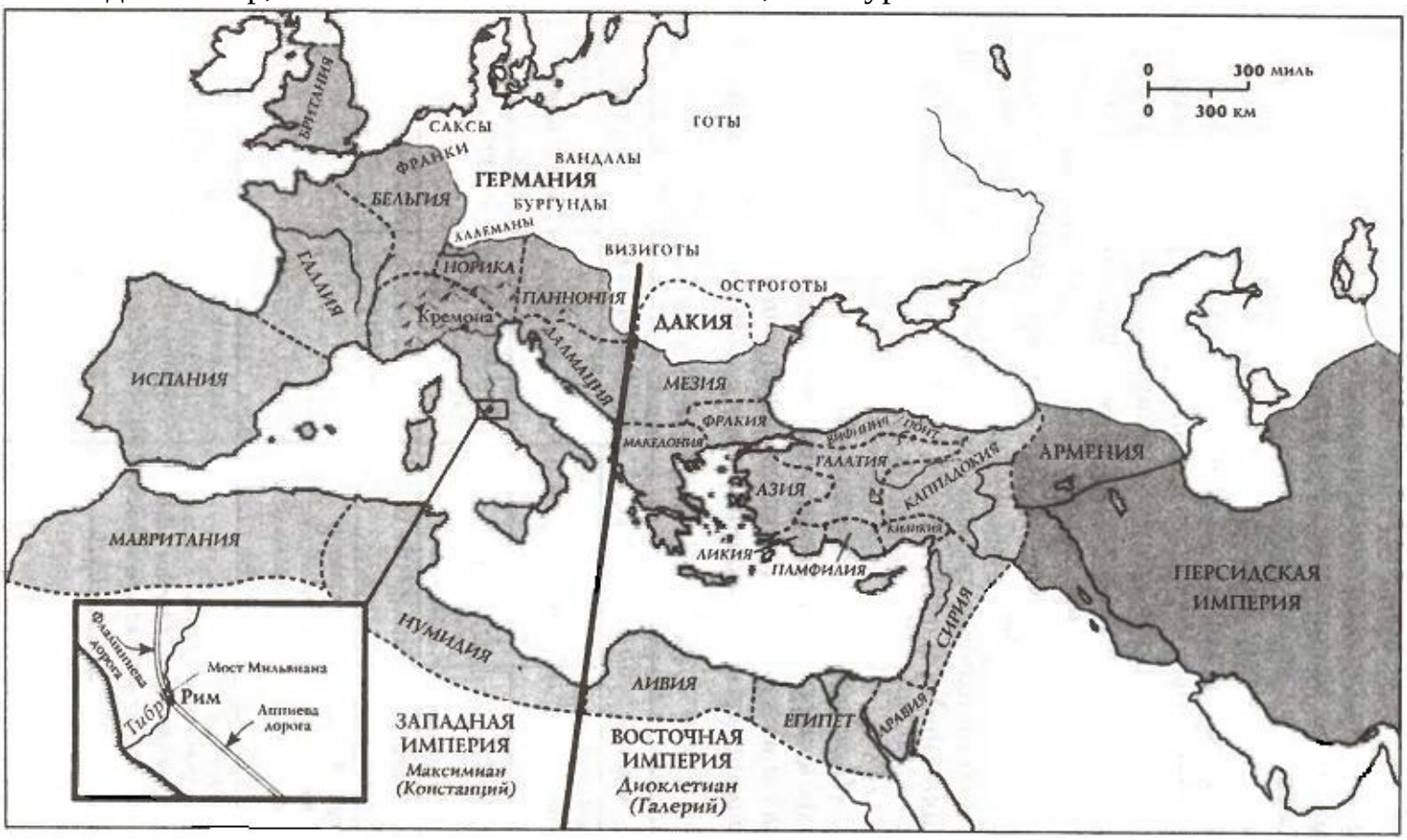
И это сработало. Констанций стал императором Галлии, Италии и Африки; Галерий стал править на Востоке; а оба Цезаря были избраны их младшими коллегами. Но в 306 году Констанций умер, всего через год после своего восшествия, после чего армия вернула институт

наследования. Войска не поддержали тонкое диоклетианово определение имперской власти, к тому же Констанций был чрезвычайно популярен в армии на Западе. Теперь войска потребовали, чтобы молодой Константин, его сын от предыдущего брака, унаследовал его власть.

Иррациональное желание, чтобы сын царя унаследовал его власть вне зависимости от черт его характера, существовало в человеческой расе с давних дней Этана в Шумере. И оно все еще оставалось сильным три тысячи лет спустя.

Произошло именно то, чего Диоклетиан надеялся избежать — старые традиции столкнулись с новым институтом. Восточный император Галерий настаивал, чтобы младший коллега Констанция, Север, стал императором Запада, как и планировалось ранее. Но стремление к власти, существовавшее как минимум со времен Гильгамеша, победило. Максимиан, который на самом деле вовсе не стремился уходить в отставку, снова забросил в кольцо свою шляпу. Он пошел войной на несчастного Севера — и с помощью Константина, который был соперником Севера в управлении западом, и разбил его.

Теперь империя попала в еще более сложное положение, чем когда-либо прежде. Единственным человеком, имевшим законные права на императорский престол, являлся Галерий; Север был мертв, а Максимиан, как считали, ушел на пенсию. Константин поддерживал возвращение Максимиана к власти, и к тому же женился на дочери Максимиана — это означало, что его приемный отец стал также его тестем. А сын Максимиана, Максенций, видел теперь, что если его отец станет полноценным императором, он будет следующим в цепочке — до тех пор, пока не вмешается Константин, его шурин.

Раздел Римской империи

Разразилась неразбериха борьбы, власть переходила от одного человека к другому, с Востока на Запад, а жители империи, прикрыв головы, ждали исхода. К 312 году несколько разнонаправленных конфликтов слились в единый, принявший угрожающие размеры. Константин с армией расположился к северу от Рима, планируя решающую атаку на

Максенция, который контролировал Рим. Максимиан покончил самоубийством за два года до того, униженный неспособностью вернуть собственный трон.

Константин начал свой поход на Риму в октябре 312 года. Согласно описаниям церковного историка Евсевия, чьим источником информации, похоже, был сам Константин, он оправдывал свое наступление обычным образом:

«Царский город Римской империи склонился под грузом тиранического давления... [и] он говорит, что жизнь ему будет не в радость, пока он видит имперский город таким страдающим, и он приготовился к сбрасыванию тирании».[19]

Смена власти в Римской империи

Западная Римская империя		Восточная Римская империя	
Август (император)	Цезарь(младший правитель)	Август(со-император)	Цезарь(младший правитель)
Максимиан(286–305) отец Максенция	Констанцийотец Константина	Диоклетиан(284–305)	Галерий
Констанций(305–306)	Север	Галерий(305–310)	Максимин Дайя
Север(306–07) (признан Галери-ем императором)	Константин(объявлен императором армией в 306 году)		
Максенций (306–312)(Стал императором вместо Константина после победы над Севером. Максимиан пытается и не может победить своего сына)		Максимин Дайя(310–313)	
Константин (312–337)(становится императором, победив Максенция)			

Но давно прошли дни, когда простое заявление о своем либерализме привлекало людей и служило цели объединения империи. Римляне в столице видели слишком много таких либералов, которые несли лишь различные виды тирании. Константину требовался несколько более весомый флаг, под которым можно было бы выступить.

Евсевий сам, похоже, чувствует неловкость, от того, что случилось потом. Константин задумался, не стоит ли сделать своим покровителем какого-нибудь из существующих в Риме богов — нечто похожее сделал в Персии Шапур I, и это сработало. В конце концов Константин получил видение:

«Самый прекрасный знак явился ему с небес, в рассказ об этом с трудом верилось бы, если бы он принадлежал другой личности. Но так как победоносный император сам много времени спустя поведал о событии записавшему эту историю, когда тот удостоился чести познакомиться с императором и быть в его обществе, и к тому же подтвердил свое заявление клятвой — кто может сомневаться и не доверять его рассказу?.. Он сказал, что после полудня, когда солнце повернуло к закату, собственными глазами узрел в небе над солнцем световой крест с надписью на нем „Победи с ним”. При виде этого зрелища его поразило изумление... Пока он продолжал обдумывать и осмысливать значение этого знамения, внезапно наступил вечер; а затем в его сне перед ним появился Иисус от Бога с тем же знаком, какой он уже

видел в небесах, и приказал ему сделать подобие этого знака, который он видел на небе, и использовать его как оберег во всех делах с врагами».[20]

Осторожный рассказ Евсевия может отражать сомнение в последней части этого видения, так как христианская теология обычно не слишком одобрительно относится к магическим проявлениям. Но Константин действовал согласно увиденному им знаку, выгравировав на своем шлеме первые две греческие буквы имени Христа, chi и rho, и поместив их же на свой штандарт.

При приближении Константина Максенций с армией вышел из города, его войска прошли вдоль Фламиниевой дороги и пересекли Тибр, чтобы встать перед мостом Мильвиана. Константину нужно было прорваться сквозь их строй, чтобы захватить мост и попасть в город.

Армия Максенция численно превосходила армию Константина, но Евсевий упоминает, что в городе был голод; возможно, римские солдаты были не в лучшей форме. Атака Константина отбросила их к Тибру. Мост Мильвиана был слишком узким, чтобы пропустить всех отступавших, поэтому бегущие солдаты попытались построить рядом временный понтонный мост. Но перегруженные лодки тонули, погубив сотни солдат. Среди утонувших оказался и Максенций, которого увлекла ко дну тяжесть доспехов. Константин стал хозяином города, а вскоре и всей империи.

Евсевий, рассказывая о конце Максенция, не может удержаться от цитирования слов, произнесенных победившими израильтянами, когда они вышли из Красного моря, а египтяне утонули позади них: «Так победители могут сказать: Давайте воспоем Господу, так как он сбросил и лошадь и колесницу в море».[2X] Но эти слова принадлежат людям, судьба которых была связана с их политическим существованием как нации — чего у христиан не было никогда. Однако Константин увидел в христианстве некую надежду на будущее собственной нации. За три века преследований эта христианская идентичность — ставшая абсолютной для тех, кто ее придерживался, и все-таки не стершая в своих адептах другие, более ранние идентичности — Доказала, что она сильнее, чем любая другая.

Римская империя очертила вокруг себя линию, сделала подданными своих союзников и потребовала подчинения сначала императору, а затем некой идее императорского авторитета Но империя становилась все более и более разорванной и вздорной. Тем временем христиане выдержали кровавую бойню и распространились На значительную часть Ойкумены. Христианство сделало то, чего Рим так никогда и не смог оно распространилось от земли, где Возникло, от крохотного ростка в виде маргинального иудейского Культа, и стало идентификацией, которая стянула в единое целое Иудеев, язычников, фракийцев, греков, сирийцев и римлян.

Объединив себя с христианским богом на Мильвианском Мосту, Константин развернул империю во что-то новое. Он отбросил бесплодные попытки найти древнее начало, коренившееся в городе Риме, он смог переступить через него. Вместо этого он выбрал на это место нечто другое. Когда он пошел Вперед, в бой, с именем Христа на штандарте, он поставил свое будущее на кон, обозначив, что именно это станет ключом, цементом для удержания людей вместе.

Это стало концом старого Рима. Но это был шаг к возникновению чего-то гораздо более могущественного — как в добре, так и во зле.

Сравнительная хронология к главе 85

Рим Китай Парфия Персия Септимий Север, император (193 год) Шао ди Каракалла, император (211 год) Битва у Красных Скал (208 год) Макрин, император (217 год) Артабан V Элагабал, император (218 год) Троецарствие (230 год) Ардашир I(226 год) Деций, император (249 год) Шапур I(241 год) Галлиен, император (260 год) Аврелиан, император (270 год) Кар, император (284 год) Нумериан, император (284 год) Диаклетиан,

император (285 год) Диаклетиан и Максимиан,со-императоры (286 год) Константин и Галерий,со-императоры (308 год) Константин, император (312 год)

Примечания

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. Из коллекции публикаций в: Archives royales de Man, vol. X, 123; translated and quoted by Bertrand Lafont in «The Women of the Palace at Mari», in Everyday Life in Ancient Mesopotamia by Jean Bottero (2001), pp. 129–134. Я весьма благодарен мистеру Лафонту за подведение итогов борьбы между Кирум и Шиматум.

2. Bottero, p. 130.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

1. Translated by Samuel Kramer, as Appendix E of The Sumerians: Their History, Culture, and Character (1963), p. 328.

2. See, for example, Charles Pellegrino, Return to Sodom and Gomorrah (1994), p. 155 ff.

3. In M. E. L. Mallowan, Early Mesopotamia and Iran (1965), p. 7.

4. Translated by Gwendolyn Leick in Mesopotamia: The Invention of the City (2001), p. 1.

5. Translated by Diane Wolkstein and Samuel Noah Kramer in Inanna, Queen of Heaven and Earth: Her Stones and Hymns from Sumer (1983), p. 33.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

1. Мое переложение с прозаического перевода: N. K. Sandars, The Epic of Gilgamesh (1972), p. 110.

2. Мое переложение с перевода, предложенного в: Bottero, p. 69.

3. Quoted in William Ryan and Walter Pitman, Noah’s Flood: The New Scientific Discoveries about the Event that Changed History (2000), p. 54. Я благодарна мистеру Райану и мистеру Питману за их убедительное резюме своей академической теории потопа.

4. Ryan and Pitman, p. 57.

5. Эта версия, к примеру, разделяется Чарльзом Пеллегрино в: Return to Sodom and Gomorrah.

6. Quoted in John Keay, India: A History (2000), pp. 1–2.

7. See Peter James and Nick Thorpe, Ancient Mysteries (1999), p. 13.

8. Sandars, p. 112.

9. Quoted in Ryan and Pitman, p. 50.

10. Origin de los Indias, quoted by Lewis Spence in The Myths of Mexico and Peru (1994), p. 108.

11. Translated by Samuel Kramer and quoted in Bottero, p. 19.

12. Richard J. Mouw, «„Some Poor Sailor, Tempest Tossed”: Nautical Rescue Themes in Evangelical Hymnody», in Wonderful Words of Life: Hymns in American Protestant History and Theology, ed. Richard J. Mouw and Mark A. Noll (2004), p. 249.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПОЯВЛЕНИЕ АРИСТОКРАТИИ

1. Michael Rice, Egypt's Making: The Origins of Ancient Egypt 5000–2000 BC (2003), p. 73.

2. Stephanie Dailey, ed. and trans., Myths from Mesopotamia (2000), p. 196.

3. Ibid., pp. 198–199.

4. Pellegrino, p. 39.

5. Harriet Crawford, Sumer and the Sumerians (1991), p. 23.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. СОЗДАНИЕ ИМПЕРИИ

1. Rice, p. 11.

2. David P. Silverman, general ed., Ancient Egypt (2003), p. 107.

3. A. Rosalie David, Religion and Magic in Ancient Egypt (2002), p. 46.

4. Gerald P. Verbrugghe and John M. Wickersham, Berossos and Manetho, Introduced and Translated: Native Traditions in Ancient Mesopotamia and Egypt (1996), p. 131.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

1. Stanley Wolpert, A New History of India (2004), p. 11.

2. Keay, p. 2.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ЦАРЬ-ФИЛОСОФ

1. J. A. G. Roberts, The Complete History of China (2003), p. 3.

2. Anne Birrell, Chinese Mythology: An Introduction (1993), p. 46.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ПЕРВЫЕ ЗАПИСИ СОБЫТИЙ

1. Steven Roger Fischer, A History of Writing (2001), pp. 25–26. Фишер указывает на Шманд-Бессера как на «ведущего сторонника этой теории» — но оговаривается, что эта теория (подобно большинству иных теорий на начальном этапе их существования) по-прежнему остается спорной.

2. Quoted in W. V. Davies, Egyptian Hieroglyphs: Reading the Past (1987), p. 47.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ ХРОНИКИ

1. «Enmerkar and the Lord of Aratta», translated by J. A. Black, et al., in The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature at http://www.etcsl.orient.ox.ac.uk/ (1998—); hereafter abbreviated as FTC.

2. Translated by Sandars, p. 61.

3. Sandars, p. 71. Я очень обязана Н. К. Сандарс, обеспечившей дополнительные краски для моего повествования вводным эссе к своим переводам, где она анализирует различные исторические варианты, могущие лежать в основе описания северного путешествия Гильгамеша.

4. Версию списка, на которой я основываюсь, см.: Kramer, The Sumerians, pp. 78–80. Доктор Крамер также сравнивает этот документ с «Царским списком», чтобы показать ход конфликта между двумя городами.

5. «Gilgamesh and Agga of Kish», in ETC.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ПЕРВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

1. Herodotus, The Histories, translated by Robin Waterfield (1998), 2.99.

2. Ian Shaw, ed., The Oxford History of Ancient Egypt (2002), pp. 68–69.

3. Rudolf Anthes, «Egyptian Theology in the Third Millennium B.C.», Journal of Near Eastern Studies 18:3 (1959), p. 171.

4. Ibid.

5. Ian Cunnison, The Luapula Peoples of Northern Rhodesia (1959), p. 98.

6. Edmund Leach, «The Mother’s Brother in Ancient Egypt», RAIN[Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland] 15 (1976), p. 20.

7. Shaw, p. 9.

8. William Flinders Petrie, Researches in Sinai (1906), p. 41.

9. Rice, p. 14.

10. Peter A. Clayton, Chronicle of the Pharaohs: The Reign-by-Reign Record of the Rulers and Dynasties of Ancient Egypt (1994), p. 28.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ПЕРВЫЙ ЭПИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ

1. Dailey, p. 42 ff.

2. Сам «Эпос о Гильгамеше» так или иначе являются источником. Я основывалась на его структуре, данной в переводе Н. К. Сандарс, но слегка сократила цитируемый текст, убрала из него наиболее трудные слова и частично изменила его на основании поправок от следующих лиц: Сэмюэль Крамер, Морин Гэллери Ковакс и Стефани Дэлли.

3. Практически полностью взято из перевода Сандарс: pp. 118–119.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ПЕРВАЯ ПОБЕДА НАД СМЕРТЬЮ

1. Clayton, p. 33.
2. Richard L. Zettler and Lee Home, Treasures from the Royal Tombs of Ur(1998), p. 29.
3. This is J. M. Roberts's suggestion in The Penguin History of the World (1997), p. 71.
4. Herodotus, 2.12.
5. Paul Jordan, Riddles of the Sphinx (1998), p. 73.
6. Clayton, p. 45.
7. Herodotus, 2124. -
8. Herodotus 2126.
9. Bruce G. Trigger, «Monumental Architecture: A Thermodynamic Explanation of Symbolic Behavior», World Archaeology 22:2 (1990), p. 119.
10. Dean Hardy and Maijorie Killick, Pyramid Energy: The Philosophy of God, the Science of Man (1994), p. 169.
11. Peter Tompkins, Secrets of the Great Pyramid (1971), p. xiv.
12. James and Thorpe, p. 208.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ПЕРВЫЙ РЕФОРМАТОР

1. Translated by Samuel Kramer, The Sumerians, p. 51.
2. Ibid., p. 313.
3. John Winthrop Hackett, ed., Warfare in the Ancient World (1989), p. 4.
4. Leick, Mesopotamia, p. 149.
5.1. M. Diakonoff, ed., Early Antiquity (1991), p. 82.
6. Translated by Samuel Kramer, From the Tablets of Sumer (1956), p. 48.
7. Diakonoff, p. 82.
8. J. S. Cooper, Sumerian and Akkadian Royal Inscriptions, vol. 1, Pi esargomc Inscriptions (1986), p. 78.
9. Nels Bailkey, «Early Mesopotamian Constitutional Development», American Historical Review 72:4 (1967), p. 1222.
10. Translated by Kramer, The Sumerians, pp. 323–324.
11. Leick, Mesopotamia, p. 150.
12. Translated by Kramer, The Sumerians, pp. 322–323.
13. Cooper, p. 95.
14. Crawford, p. 25.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ПЕРВЫЙ ВОЕННЫЙ ДИКТАТОР

1. Пересказ, основанный на переводе, представленном в: James B. Pritchard, ed., in The Ancient Near East: An Anthology of Texts and Pictures (1958), pp. 85–86, с очисткой для лучшего понимания от некоторых терминов, предложенной в: Gwendolyn Leick in Mesopotamia, p. 94.
2. J. M. Roberts, p. 51.
3. Translated by Kramer, The Sumerians, p. 330.
4. Xenophon, The Education of Cyrus, translated by Wayne Ambler (2001), 1.3.8–9.
5. «The Sargon Legend, Segment B», in ETC.
6. Translated by Kramer, The Sumerians, p. 324.
7. Diakonoff, p. 85.
8. Ibid.
9. Translated by Kramer, The Sumerians, p. 324.
10. H. W. F. Saggs, The Might That Was Assyria (1984), p. 19.
11. Adapted from Benjamin R. Foster, Before the Muses: An Anthology of Akkadian Literature,

vol.

1 (1996), p. 254.

12. Michael Roaf, Cultural Atlas of Mesopotamia and the Ancient Near East (1996), p. 97.

13. A. Leo Oppenheim, Ancient Mesopotamia: Portrait of a Dead Civilization (1977), p. 154.

14. Diakonoff, p. 86.

15. Bailkey, p. 1225. Примечания Бейкли содержат полную библиографию древних вавилонских надписей, так называемых «Текстов Предзнаменования», содержащих записи о восстании.

16. Leick, Mesopotamia, p. 99.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ПЕРВЫЕ РАСПЛАНИРОВАННЫЕ ГОРОДА

1. Keay, p. 6.

2. Wolpert, pp. 14–15.

3. Fischer, p. 61.

4. Wolpert, p. 18.

5. Keay, p. 13.

6. Hermann Kulke and Dietmar Rothermund, A History of India (1998), p. 23.

7. Ibid., pp. 22–23.

8. Терминология и размерения взяты из: Kulke and Rothermund, p. 23, and Keay, pp. 8–9.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. ПЕРВЫЙ РАСПАД ИМПЕРИИ

1. Herodotus, 2127–128.

2. Jordan, p. 80.

3. Ibid., p. XVII.

4. Herodotus, 2129.

5. Herodotus, 2133.

6. Herodotus, 2131.

7. Clayton, p. 60.

8. A. Rosalie David, The Egyptian Kingdoms (1988), p. 16.

9. Абзац 217 дан в переводе из: J. H. Breasted in Development of Religion and Thought in Ancient Egypt (University of Chicago Press, 1912); далее абзац 309 взят в переводе: R. O. Faulkner in The Ancient Pyramid Texts (Clarendon Press, 1969); оба процитированы: Jon E. Lewis, ed., Ancient Egypt (2003), pp. 27–29.

10. Clayton, p. 64.

11. Quoted in Clayton, p. 67.

12. Colin McEvedy, The New Penguin Atlas of Ancient History (2002), p. 36.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. ПЕРВЫЕ ВТОРЖЕНИЯ ВАРВАРОВ

1. Kramer, The Sumerians, p. 61.

2. Roaf, p. 98.

3. Впервые отмечено: Hugo Radau, Early Babylonian History Down to the End of the Fourth Dynasty of Ur (1899), p. 307.

4. David Willis McCullough, ed., Chronicles of the Barbarians (1998), p. 8.

5. Oppenheim, Ancient Mesopotamia, p. 62.

6. «The Cursing of Agade», in ETC.

I. Ibid.

8. Kramer, The Sumerians, p. 330.

9. «A tigi to Bau for Gudea», in ETC.

10. «The Victory of Utu-hegal», in ETC.

II. Kramer, The Sumerians, p. 325.

12. «Ur-Namma the canal-digger», in ETC.
13. «A praise poem of Ur-Namma» in ETC.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. ПЕРВЫЙ ПРИВЕРЖЕНЕЦ МОНОТЕИЗМА

1. Gen. 10:11–24.
2. Victor P. Hamilton, The Book of Genesis: Chapters 1–17 (1990), p. 363.
3. Adapted from «The death of Ur-Namma (Ur-Namma A)», in ETC.
4. Jonathan N. Tubb, Canaanites: Peoples of the Past(1998), p. 15.
5. J. M. Roberts, p. 41.
6. Tubb, p. 39.
7. Donald B. Redford Egypt, Canaan, and Israel in Ancient Times (1992), pp. 63–64.
8. Aidan Dodson and Dyan Hilton, The Complete Royal Families of Ancient Egypt (2004), p. 80.
9. Quoted in Redford, Egypt, pp. 67–68.
10. Qur'an 2144-150.
11. Roaf, p. 101.
12. Quoted in Leick, Mesopotamia, pp. 132–133.
13. Leick, Mesopotamia. p. 126.
14. Roaf, p. 102.
15. Tubb, p. 38.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. ПЕРВОЕ НЕСЧАСТЬЕ В СРЕДЕ ОБИТАНИЯ

1. John Perlin, Forest Journey: The Role of Wood in the Development of Civilization (1991), p. 43.
2. Thorkild Jacobsen, Salinity and Irrigation Agriculture in Antiquity (1982), p. 468.
3. D. Bruce Dickson, «Circumscription by Anthropogenic Environmental Destruction: An Expansion of Cameiro's (1970) Theory of the Origin of the State», American Antiquity 52:4 (1987), p. 713.
4. Kramer, The Sumerians, pp. 333–334, adapted.
5. Ibid., pp. 334–335, adapted.
6. Несколько адаптировано из: «The Lament for Urim», in ETC.
7. Ibid.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. БИТВА ЗА ОБЪЕДИНЕНИЕ

1. Verbrugghe and Wickersham, p. 137.
2. Stephan Seidlmayer, «The First Intermediate Period», in The Oxford History of Ancient Egypt, ed. Ian Shaw (2002), pp. 128–129.
3. Verbrugghe and Wickersham, p. 194.
4. Clayton, p. 72.
5. «Instructions for Merikare», in Miriam Lichtheim, Ancient Egyptian Literature, vol. 1 (1975), p. 70.
6. Shaw, p. 161.
7. Ibid., p. 151.
8. Dodson and Hilton, p. 87.
9. Ibid., p. 90.
10. «The Prophecy of Nerferti», quoted in Shaw, p. 158.
11. Clayton, p. 79.
12. Shaw, p. 160.
13. Silverman, p. 79.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. МЕСОПОТАМСКИЙ КОТЕЛ

1. Reconstruction of «Ishbi-Erra and Kindattu», segments A, B, D, and E in ETC.

2. Roaf, p. no.

3. Saggs, Assyria, pp. 28–30.

4. Reconstructed from the somewhat fragmented «Letter from Nann-ki-ag to Lipit-Estar about Gungunum's troops» and «Letter from Lipit-Estar to Nann-ki-ag about driving away the enemy», both in ETC.

5. «An adab to Nanna for Gungunum (Gungunum A)», in ETC.

6. L. W. King, The Letters and Inscriptions of Hammurabi, vol. 3 (1976), p. 213, translation of «Reign of Sumu-abu».

7. Translated by A. K. Grayson, Assyrian and Babylonian Chronicles {1975), p. 155.

8. Assyrian king list quoted in Saggs, Assyria, p. 25.

9. Daniel David Luckenbill, Ancient Records of Assyria and Babylon, Volume /. Historical Records of Assyria from the Earliest Times to Sargon (1926), p. 16.

10. Saggs, Assyria, p. 37. n. Roaf, p. 116.

12. Saggs, Assyria, p. 25.

13. Gwendolyn Leick, The Babylonians: An Introduction (2003), p. 33.

14. Oppenheim, Ancient Mesopotamia, p. 156.

15. H. W. F. Saggs, Babylonians (1995), p. 98.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. ПАДЕНИЕ СЯ

1. Ssu-ma Ch'ien, The Grand Scribe's Records, vol. 1, ed. William H. Nienhauser, Jr., translated by Tsai-fa Cheng et al. (1994), p. 21.

2. Ibid., p. 22.

3. Ibid., p. 32.

4. John King Fairbank and Merle Goldman, China: A New History (2002), p. 37.

5. Li Liu and Xingcan Chen, State Formation in Early China (2003), p. 35.

6. Ibid., p. 35.

7. Ch'ien, p. 37.

8. Ibid., p. 38.

9. J. A. G. Roberts, p. 5.

10. Ch'ien, p. 38; the exact quote is «I regret failing to kill T'ang in Hsia-t'ai; that is what has brought me to this».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. ИМПЕРИЯ ХАММУРАПИ

1. Jorgen Laessoe, People of Ancient Assyria: Their Inscriptions and Correspondence (1963), p. 47.

2. Перефразировано для лучшего понимания из: Laessoe, p. 50.

3. Laessoe, pp. 68–69.

4. Ibid., p. 76.

5. Ibid., p. 78.

6. Реконструкция Андре Парро из надписей Мари, приведено в: Jack M. Sasson, «The King and I: A Mari King in Changing Perceptions», Journal of the American Oriental Society 118:4 (1998), p. 454.

7. King, vol. 2, p. 176.

8. Pritchard, p. 142.

9. Norman Yoffee, «The Decline and Rise of Mesopotamian Civilization: An Ethnoarchaeological Perspective on the Evolution of Social Complexity», American Antiquity 44:1 (1979), p. 12.

10. Saggs, Babylonians, p. 101.

11. King, vol 1, p. xxxvii.

12. Roaf, p. 121.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. ЕГИПЕТ ЗАХВАТЫВАЮТ ГИКСОСЫ

1. Shaw, p. 169.
2. Clayton, p. 93.
3. Josephus, Against Apion, 1.14.74–77, in The Works ojjosephus (1987).
4. Ibid., 1.14.85.
5. Redford, Egypt, p. 126.
6. George Steindorff and Keith C. Steele, When Egypt Ruled the East (1957), p. 29.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ЦАРЬ МИНОС НА КРИТЕ

1. J. Lesley Fitton, Minoans (2002), p. 67.
2. Ibid., pp. 104–105.
3. Ibid., p. 138.
4. Apollodorus, The Library (1921), 3.1.3–4 and 3.15.8.
5. Cyrus H. Gordon, The Common Background of Greek and Hebrew Civilizations (1965), pp. 51–52.
6. Thucydides, The Landmark Thucydides: A Comprehensive Guide to the Peloponnesian War, translated by Richard Crawley (1998), 1.4–5.
7. Herodotus, 1171.
8. Thucydides, 1.8.
9. Rodney Castleden, Minoans: Life in Bronze Age Crete (1990), p. 148.
10. Fitton, p. 166.
11. Christos G. Doumas, Them, Pompeii of the Ancient Aegean (1983),
12. Ibid., pp. 134–135.
13. Ibid., p. 139.
14. Ibid., p. 147.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ. РАСПАД ХАРАППЫ

1. Wolpert, p. 21.
2. G. F. Dales, «The Mythical Massacre at Mohenjo Daro», in Ancient Cities of the Indus, ed. G. L. Possehl (1979), p. 291.
3. Gregory L. Possehl, «The Mohenjo-daro Floods: A Reply», American Anthropologist 69:1 (1967), p. 32.
4. Ibid., p. 35.
5. Romila Thapar, Early India: From the Origins to AD 1300 (2002), p. 87.
6. Julian Reade, «Assyrian King-Lists, the Royal Tombs of Ur, and Indus Origins >,Journal of Near Eastern Studies 60:1 (2001), p. 27.
7. Wolpert, p. 27.
8. Ibid., p. 24.
9. Keay, p. 20.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ. ВОЗВЫШЕНИЕ ХЕТТОВ

1. Robert S. Hardy, «The Old Hittite Kingdom: A Political History», American Journal of Semitic Languages and Literatures 58:2 (1941), p. 180.
2. Trevor Bryce, Life and Society in the Hittite World (2002), pp. 116–117.
3. G. G. Giorgadze, «The Hittite Kingdom», in Early Antiquity, ed. I. M. Diakanoff, trans. Alexander Kiijanov (1991), p. 271.
4. Bryce, p. 230.
5. Robert S. Hardy, p. 181.
6. Giorgadze, p. 272.

7. Robert S. Hardy, p. 194.
8. Хеттское «Завещание», более подробно см. в: Bryce, p. 11.
9. Bryce, p. 31.
10. Redford, Egypt, p. 134.
11. Leick, The Babylonians, p. 42.
12. Robert S. Hardy, p. 206.
13. Bryce, p. 107.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. ЯХМЕС ИЗГОНЯЕТ ГИКСОСОВ

1. Слегка перефразировано из: Steindotff and Steele, p. 31.
2. Silverman, p. 30.
3. Clayton, p. 102.
4. Josephus, Against Apion, 1.14.
5. Lewis, p. 98.
6. Shaw, p. 216.
7. Redford, Egypt, p. 129.
8. Eliezer D. Oren, «The 'Kingdom of Sharuhen' and the Hyksos Kingdom», in The Hyksos: New Historical and Archaeological Perspectives, ed. Eliezer D. Oren (1997), p. 253.
9. Lewis, p. 98.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ. УЗУРПАЦИЯ И РЕВАНШ

1. Dodson and Hilton, p. 127.
2. Clayton, p. 105.
3. Edward F. Wente, «Some Graffiti from the Reign of Hatshepsut», Journal of Near Eastern Studies 43:1 (1984), pp. 52–53. Венте указывает, что надписи на стенах могут иметь и дополнительные истолкования.
4. E. P. Uphill, «A Joint Sed-Festival of Thutmose III and Queen Hatshepsut», Journal of Near Eastern Studies 20:4 (1961), pp. 249- 251.
5.1. V. Vinogradov, «The New Kingdom of Egypt», in Early Antiquity, ed. I. M. Diakonoff, trans. Alexander Kirjanov (1991), p. 178.
6. Ibid.
7. Ibid., p. 180.
8. Steindorfif and Steele, p. 58.
9. Ibid., p. 57.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. ТРЕХСТОРОННЕЕ СОПЕРНИЧЕСТВО

1. Laessoe, p. 83.
2. Ibid., p. 87.
3. Steindorff and Steele, p. 63.
4. Robert S. Hardy, p. 206.
5. Ibid., p. 208.
6. Bryce, pp. 28–29.
7. Laessoe, p. 89.
8. Redford, Egypt, p. 164.
9. Ibid., p. 167.
10. Alan R. Schulman, «Diplomatic Marriage in the Egyptian New Kingdom», Journal of Near Eastern Studies 38:3 (1979), p. 83.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ. ПЕРЕМЕЩАЮЩИЕСЯ СТОЛИЦЫ ШАН

1. Ch'ien, p. 43.
2. Kwang-Chih Chang, Shang Civilization (1980), p. 11.

3. Ch’ien, p. 45.
4. Arthur Cotterell, China: A Cultural History (1988), p. 16.
5. Chang, p. 10.
6. Quoted in Chang, p. 11.
7. Ch’ien, p. 47.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ. МИКЕНЦЫ В ГРЕЦИИ

1. Lord William Taylour, The Mycenaeans (1983), p. 18.
2. Plutarch, Plutarch's Lives, vol. 1, The Dryden Translation (2001), p. 10.
3. Taylour, p. 41.
4. Ibid., p. 147; Robert Morkot, The Penguin Historical Atlas of Ancient Greece (1996), p. 29.
5. Taylour, p. 137.
6. John Chadwick, Linear B and Related Scripts (1987), pp. 44–49.
7. Herodotus, 3122.
8. Taylour, p. 156.
9. Fitton, p. 179.
10. J. T. Hooker, «Homer and Late Minoan Cret t* Journal of Hellenic Studies 89 (1969), p. 60.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ. БИТВЫ БОГОВ

1. Clayton, p. 116.
2. David O’Connor and Eric H. Cline, Amenhotep III: Perspectives on His Reign (1998), p. 13.
3. Ibid., p. 11.
4. Tacitus, The Annals of Imperial Rome (1996), p. 111.
5. Details found in Ernest A. Wallis Budge, Tutankhamen: Amenism, Atenism, and Egyptian Monotheism (1923), p. 68, см. также: Clayton, p. 117.
6. Donald B. Redford, Akhenaten: The Heretic King (1984), pp. 36–37.
7. Clayton, p. 116.
8. O’Connor and Cline, p. 20.
9. Laessoe, p. 90.
10. O’Connor and Cline, p. 243.
11. William L. Moran, ed. and trans., The Amama Letters (1992), p. 1.
12. Ibid., pp. 1–2.
13. Ibid., p. 8.
14. O’Connor and Cline, pp. 2–3.
15. Redford, Akhenaten, p. 162.
16. Dodson and Hilton, p. 142.
17. Redford, Akhenaten, p. 52.
18. Cyril Aldred, Akhenaten, King of Egypt (1988), p. 278.
19. Ibid., pp. 241–243.
20. Redford, Akhenaten, p. 141.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. ВОЙНЫ И БРАКИ

1. Парафраз надписи из Эль-Амарны (далее EA), обозначенной археологами как 20-я, приведена в: Moran, p. 48.
2. Redford, Akhenaten, p 195.
3. EA41, in Moran, p. 114.
4. EA 16, in Moran, p. 16.
5. Redford, Akhenaten, p. 197.
6. Laessoe, p. 90.
7. EA 9, in Moran, p. 18.

8. Saggs, Babylonians, pp. 118–119.
9. Clayton, p. 134.
10. Nicholas Reeves, The Complete Tutankhamun: The King, The Tomb, The Royal Treasure (1995), p. 23.
11. Clayton, p. 135.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ВЕЛИЧАЙШАЯ БИТВА ДРЕВНОСТИ

1. Clayton, p. 138.
2. Ibid., p. 146.
3. Bryce, p. in.
4. Shaw, p. 298.
5. Diakonoff, p. 189.
6. Shaw, p. 298.
7. Clayton, p. 151.
8. Письмо переведено и процитировано у: Bryce, p. 172.
9. Luckenbill, Ancient Records, vol. 1, p. 27.10. Bryce, p. 108.
11. Luckenbill, Ancient Records, vol. 1, p. 40.
12. Redford, Egypt, p. 188.
13. Clayton, p. 153.
14. Ibid., p. 155.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ. БИТВА ЗА ТРОЮ

10. Barbara W. Tuchman, The March of Folly: From Troy to Vietnam (1984), p. 43.1. Taylour, p. 159.
2. Homer, The Iliad, Book 3; this translation is E. V. Rieu’s (1950).
3. Virgil, TheAeneid, 2.13–20, translated by C. Day Lewis (1950).
4. Ibid., 2265-267,327.
5. E. V. Rieu, «Introduction», in Homer, The Iliad (1950), p. xiv.
6. Chadwick, p. 36.
7. Clayton, p. 162.
8. Herodotus, 1.4.
9. Herodotus, 1.5.
11. Thucydides, 1.11.1.
12. Homer, The Odyssey, Book 3, Samuel Butler translation (1898).
13. Thucydides, 1.12.2.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ. ПЕРВЫЙ ЦАРЬ В КИТАЕ

1. J. Legge and C. Waltham translation, quoted by Chang, p. 12.
2. Fairbank and Goldman, p. 34.
3. J. A. G. Roberts, p. 67.
4. Ibid., p. 8.
5. Chang, pp. 32–35.
6. A. Waley translation, quoted in Chang, p. 13.
7. Cotterell, China, p. 24.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. РИГВЕДА

1.Keay, p. 26.
2. Ranbir Vohra, The Making of India: A Historical Survey (2001), pp. 3–4.
3. Keay, p. 29. Мандола может также означать нечто округлое.
4. The Rig Veda, translated by Franklin Edgerton in The Beginnings of Indian Philosophy (1965), pp. 52–56.

5. Kulke and Rothermand, p. 35.
6. Thapar, Early India, p. 114.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ. КОЛЕСО ПОВОРАЧИВАЕТСЯ ВНОВЬ

1. Redfbrd, Egypt, p. 247.
2. Clayton, p. 157.
3. Bryce, p. 94.
4. Ibid., p. 22.
5. K. A. Kitchen, trans., Ramesside Inscriptions, Historical and Biographical, vol. 4 (1969), 5.3.
6. Bryce, p. 95.
7. Ibid., p. 109.
8. Ibid., p. 26.
9. Ibid., p. 234.
10. Redfbrd, Egypt, p. 245.
11. Переделано из надписи, обозначенной как RS 34, взятой из: Sylvie Lackenbacher, Le rot bdtisseur. Les recks de construction assyriens des origins a Tegftitphalasar III (1982).
12. Itamar Singer, «New Evidence on the End of the Hittite Empire», in The Sea Peoples and Their World: A Reassessment, ed. Eliezer D. Oren (2000), p. 22.
13. Laessoe, p. 98.
14. Leick, Mesopotamia, p. 209.
15. Chronicle P, quoted in Saggs, Babylonians, p. 119.
16. Quoted in Roaf, p. 148.
17. Luckenbill, Ancient Records, vol. 1, p. 49.
18. Saggs, Assyria, p. 52.
19. Luckenbill, Ancient Records, vol. 1, p. 49.
20. Leick, Mesopotamia, p. 251.
21. Saggs, Babylonians, p. 120.
22. Большой папирус Харриса[300], цит. по A. Malamat in «Cushan Rishathaim and the Decline of the Near East around 1200 BC» Journal of Near Eastern Studies 13:4 (1954), p. 234.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. КОНЕЦ НОВОГО ЦАРСТВА

1. Clayton, p. 160.
2. Несколько сжатый вариант из перевода Льюиса: Lewis, p. 219.
3. Jacobus van Dijk, «The Amama Period and the Later New Kingdom», in The Oxford History of Ancient Egypt, ed. Ian Shaw (2000), pp. 304–305.
4. Несколько сжатый вариант из перевода Редфорда: Redford, Egypt, p. 251.
5. Redford, Egypt, p. 252.
6. Lewis, p. 245.
7. David O'Connor, «The Sea Peoples and the Egyptian Sources», in The Sea Peoples and Their World: A Reassessment, ed. Eliezer D. Oren (2000), p. 95.
8. Ibid., p. 85.
9. Lewis, pp. 245–246.
10. van Dijk, p. 306.
11. Lewis, p. 247.
12. Ibid., p. 252.
13. Ibid., p. 254.
14. Clayton, p. 168.
15. See van Dijk, p. 308, а также: Lewis, p. 265.
16. Clayton, p. 171.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ. ТЕМНЫЕ ВЕКА ГРЕЦИИ

1. Taylour, p. 159.

2. Morkot, p. 46.

3. Herodotus, 5.76.

4. Konon, Narratives, Sec. 26, in The Narratives of Konon: Text Translation and Commentary of the Diegesis by Malcolm Brown (2003).

5. Thucydides, 1.12.2–4.

6. Taylour, p. 161.

7. E. Watson Williams, «The End of an Epoch», Greece & Rome, 2d series, 9:2 (1962), pp. 119–120.

8. Philip P. Betancourt, «The Aegean and the Origin of the Sea Peoples», in The Sea Peoples and Their World: A Reassessment, ed. Eliezer D. Oren (2000), p. 300.

9. Homer, The Iliad, 1.12–14, translated by Robert Fitzgerald (1974).

10. Williams, p. 117.

11. Quoted in Williams, p. 112.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ. ТЕМНЫЕ ВЕКА МЕСОПОТАМИИ

1. Translated by H. Otten in the journal Mitteilungen des deutschen Orientgesellschaft 94 (1963), p.

21, and quoted in Redford, Egypt, p. 254.

2. Roaf, p. 149.

3. A. T. Olmstead, «Tiglath-Pileser I and His WarsJournal of the American Oriental Society 37 (1917), p. 170.

4. J. N. Postgate, «The Land of Assur and the Yoke of Assur», World Archaeology 23:3 (1992), p. 255.

5. Luckenbill, Ancient Records, vol. 1, p. 83.

6. Olmstead, «Tiglath-Pileser I and His Wars», p. 186.

7. Leick, Mesopotamia, p. 212.

8. Olmstead, «Tiglath-Pileser I and His Wars», p. 180.

9. W. G. Lambert, «Studies in Marduk», Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London 47:1 (1984), p. 4.

10. Postgate, p. 249.

11. J. A. Brinkman, «Foreign Relations of Babylonia from 1600 to 625 BC: The Documentary Evidence», American Journal of Archaeology 76:3 (1972), p. 276.

12. Quoted in Leick, Mesopotamia, p. 254.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ. ПАДЕНИЕ ШАН

1. J. A. G. Roberts, p. 10.

2. Ch’ien, p. 51.

3. Mencius, Mencius, translated by D. C. Lau (1970), p. 172.

4. Ibid., p. 26.

5. J. A. G. Roberts, p. 13.

6. Cotterell, China, p. 28.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ. МАНДАТ НЕБА

1. Tsui Chi, A Short History of Chinese Civilisation (1942), p. 47.

2. Ch’ien, p. 64.

3. Cotterell, China, p. 42.

4. Claudio Cioffi-Revilla and David Lai, «War and Politics in Ancient China, 2700 BC to 722 BC: Measurement and Comparative Analysis»./ottraa/ of Conflict Resolution 39:3 (1995), p. 473.

5. Constance A. Cook, «Wealth and the Western Zhou», Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London 60:2 (1997), pp. 254–275.

6. Ch'ien, p. 63.

7. Ibid., p. 62.

8. Li Xueqin, Eastern Zhou and Qin Civilizations (1985), p. 16.

9. Sarah Allan, «Drought, Human Sacrifice and the Mandate of Heaven in a Lost Text from the 'Shang Shu', «Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London 47:3 (1984), p. 533.

10. Edward L. Shaughnessy, «Western Zhou History», in The Cambridge History of Ancient China: From the Origins of Civilization to 221BC, ed. Michael Loewe and Edward L. Shaughnessy (1999), p. 311; а также: Xueqin, p. 16.

11. Об этом рассказано в «Шань-шу»; см. Shaughnessy, «Western Zhou History», p. 314.

12. Цит. no: Shaughnessy, «Western Zhou History», p. 322.

13. Ibid.

14. Ch'ien, p. 66.

15. Слегка перефразировано из: Ch'ien, p. 68.

16. Ibid.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ. ВОЙНА БХАРАТЫ

1. Kulke and Rothermund, p. 36.

2. Keay, p. 40.

3. Wolpert, p. 37.

4. Keay, pp. 3–4.

5. Chakravarthi V. Narasimhan, trans., The Mahabharata: An English Version Based on Selected Verses (1998), pp. 14–15.

6. Wolpert, p. 30.

7. Narasimhan, p. 34.

8. Kulke and Rothermund, p. 44.

9. Keay, p. 43.

10. Narasimhan, p. 44.

11. Ibid., p. 47.

12. Wolpert, p. 30.

13. Keay, p. 41.

14. Wolpert, p. 36.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ. СЫН ДАВИДА

1. Josh. 1:4, New International Version (hereafter NIV).

2. Pellegrino, p. 256.

3. Josh. 13:2–4, NIV.

4. Judg. 15:11, NIV

5.Judg. 16:30, NIV.

6.1 Sam. 8:11–18, NIV.

7.1 Sam. 13:19–21, NIV.

8.1 Sam. 17:51–52, NIV.

9. Dimitri Baramki, Phoenicia and the Phoenicians (1961), p. 25.

10.1 Kings 4:22–26, NIV.

11. E. W. Heaton, Solomon's New Men: The Emergence of Ancient Israel as a National State (1974), p. 34.

12.1 Kings 10:1–2,13, NIV.

13. Robert G. Hoyland, Arabia and the Arabs: From the Bronze Age to the Coming of Islam (2001), p. 13.

14. Ibid., p. 38.

15.1 Kings 9:11, NIV.

16. Homer, The Iliad, Book 9, 460–469, translated by Samuel Butler (1898).

17. Clayton, p. 184.

18.1 Kings 14:25–27, NIV.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ. ОТ ЗАПАДНОГО К ВОСТОЧНОМУ ЧЖОУ

1. Shaughnessy, «Western Zhou History», p. 324.

2. Constance A. Cook, «Wealth and the Western Zhou», p. 283.

3. Shaughnessy, «Western Zhou History», p. 326.

4. Ch'ien, p. 70.

5. Fairbank and Goldman, p. 18.

6. Shaugnessy, «Western Zhou History», p. 329.

7. Ch'ien, p. 71.

8. The Greater Odes 3.7, Ezra Pound, in trans., The Confucian Odes: The Classic Anthology Defined by Confucius {1954), p. 180

9. Constance A. Cook, «Wealth and the Western Zhou», p. 288.

10. Ch'ien, p. 71.

11. Ibid., p. 72.

12. Edward L. Shaughnessy, «Historical Perspectives <^n the Introduction of the Chariot into China», HarvardJournal of Asiatic Studies 48:1 (1988), p. 223.

13. Edward Kaplan, An Introduction to East Asian Civilizations: The Political History of China, Japan, Korea and Mongolia from an Economic and Social History Perspective (1997), sec. 12.3.

14. Shaughnessy, «Western Zhou History», p. 347.

15. Ch'ien, p. 73.

16. Ibid., p. 74.

17. Chi, p. 48.

18. Ibid., pp. 48–49.

19. Quoted in Cotterell, China, p. 39.

20. Chi, p. 49.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ. АССИРИЙСКИЙ РЕНЕССАНС

I.2 Sam. 8:5–6, NIV.

2. Saggs, Assyria, p. 70.

3. Joan Oates, Babylon (1979), p. 106.

4. Saggs, Assyria, p. 72.

5. Luckenbill, Ancient Records, vol. 1, pp. 158,171.

6. Laessoe, p. 102.

7. Ibid., p. 104.

8. Luckenbill, Ancient Records, vol. l,pp. 164–166.

9. 1 Kings 16:21-25, NIV.

10. John Rogerson, Chronicle of the Old Testament Kings (1999), p. 102.

II. A. T. Olmstead, History of Assyria (1923), p. 87-88.

12. Luckenbill, Ancient Records, vol. 1, p. 147.

13. Ibid., p. 201.

14. Charles F. Pfeiffer, Old Testament History (1973), p. 314.

15. Olmstead, History of Assyria, p. 136.

16. 1 Kings 22:7 ff,, NIV.

17. 2 Kings 10:32, NIV.

18. Michael C. Astour, «841 B.C.: The First Assyrian Invasion of IsraelJournal of the American Oriental Society 91:3 (1971), p. 386.

19. Pfeiffer, p. 318.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ. НОВЫЕ НАРОДЫ

1. Luckenbill, Ancient Records, vol. 1, pp. 202-203, 264.

2. Oates, pp. 109-110.

3. Alan R. Millard, «Chaldeans», entry in Dictionary of the Ancient Near East, ed. Piotr Bienkowski and Alan Millard (2000), p. 70.

4. Brinkman, «Foreign Relations of Babylonia», p. 279.

5. Olmstead, History of Assyria, p. 144.

6. Saggs, Assyria, p. 77.

7. Luckenbill, Ancient Records, vol. 1, p. 254.

8. Olmstead, History of Assyria, p. 156.

9. R. W. Rogers, A History of Babylonia and Assyria, vol. 2 (1971), p. 95.

10. Luckenbill, Ancient Records, vol. 1, p. 259.

11. J. A. Brinkman, A Political History of Post-Kassite Babylon, 1158-722 BC (1968), pp. 169-170.

12. Brinkman, «Foreign Relations of Babylonia», p. 279.

13. Saggs, Assyria, p. 79.

14. Terry Buckley, Aspects of Greek History, 750—323 BC: A Source-Based Approach (1996), p. 35.

15. Donald Larimer, «The Iliad: An Unpredictable Classic», in Robert Fowler, ed., The Cambridge Companion to Homer (2004), p. 18.

16. Ken Dowden, «The Epic Tradition in Greece», in Fowler, p. 190.

17. Robin Osborne, «Homer’s Society», in Fowler, p. 206.

18. Ibid., p. 218.

19. Robert Fowler, «Introduction», in Fowler, p. 5.

20. Sarah B. Pomeroy et al., Ancient Greece: A Political, Social, and Cultural History (1999), p. 79.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ. ТОРГОВЫЕ ПОСТЫ И КОЛОНИИ

1. Homer, The Iliad, Book 2, translated by Alexander Pope (1713).

2. T. J. Cornell, The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000-264 BC) (1995), pp. 31-33.

3. David Ridgway, Italy Before the Romans: The Iron Age (1979), pp. 24-25.

4. Cornell, pp. 35-36.

5. H. H. Scullard, A History of the Roman World, 753 to 146 BC (2003), p. 39.

6. Buckley, p. 36.

7. Judith Swaddling, The Ancient Olympic Games (1999), pp. 10-11.

8. Livy, 1.4, from The Early History of Rome, Books I- V of The History of Rome from Its Foundation, translated by Aubrey de Selincourt (1971), pp. 37-38.

9. Plutarch, Romulus, in Plutarch's lives, vol. 1: The Dryden Translation, p. 27.

10. Livy 1.6, Early History of Rome, p. 39.

11. Ibid., p. 40.

12. Livy, 1.1, Early History of Rome, p. 33.

13. R. M. Ogilvie, «Introduction: Livy», in Livy, Early History of Rome, p. 17.

14. Livy, 1.7-9, Early History of Rome, pp. 42-43.
15. Livy, 1.9, Early History of Rome, p. 43.
16. Livy, 1.13-14, Early History of Rome, pp. 48-49.
17. Buckley, p. 39.
18. Hesiod, Works and Days, 11. 37-40, in Theogony, Works and Days, Shield (2004), p. 66.
19. Ibid., 11. 220-221, p. 70.
20. Ibid., 11.230-235, p. 71.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ. СТАРЫЕ ВРАГИ

1. Saggs, Assyria, p. 81.
2. 2 Kings 14:25-28.
3. Luckenbill, Ancient Records, vol. 1, p. 114.
4. Saggs, Assyria, p. 80.
5. Ibid., p. 83.
6. Ibid.
7. Olmstead, History of Assyria, p. 124.
8. Oates, p. 112.
9. Hayim Tadmor, The Inscriptions of Tiglath-Pileserlll, King of Assyria (1994), p. 45.
10. Ibid.
11. Oates, p. 114.
12. Saggs, Assyria, p. 88.
13. Luckenbill, Ancient Records, vol. 1, p. 273.
14. Ernest A. Fredricksmeyer, «Alexander, Midas, and the Oracle at Gordium», Classical Philology 56:3(1961), p. 160.
15. Herodotus, 1.14.
16. 2 Kings 15-16.
17. Реконструкция по фрагментарному переводу, предложенному в: Oates, p. 114, а также Brevard S. Childs в Isaiah and the Assyrian Crisis (1967), p. 81.
18. Olmstead, History of Assyria, p. 179.
19. Luckenbill, Ancient Records, vol. 1, p. 285.
20. Daniel David Luckenbill, «The First Inscription of Shalmaneser V», American Journal of Semitic Languages and Literatures 41:3 (1925), p. 164.
21. Luckenbill, Ancient Records, vol. 1, p. 283.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ. ЦАРИ АССИРИИ И ВАВИЛОНА

1. Josephus, Antiquities of the Jews, 9.14, in The Works ofJosephus (1987), pp. 264-265.
2. 2 Kings 17:4, NIV.
3. Clayton, p. 189; Jan Assmann, The Mind of Egypt. History and Meaning in the Time of the Pharaohs (2002), p. 312.
4. Assmann, pp. 317-319.
5. Quoted in Assmann, p. 320.
6. Saggs, Assyria, p. 92.
7. Daniel David Luckenbill, Ancient Records of Assyria and Babylon, Volume II: Historical Records of Assyria from Sargon to the End (1927), p. 71.
8. Ibid., p. 2; 2 Kings 17:6.
9. Luckenbill, Ancient Records, vol. 2, p. 2.
10. Ibid., p. 3.
11. A. Leo Oppenheim, «The City of Assur in 714 B.C.* , Journal of Near Eastern Studies 19:2 (1960), pp. 142,147.

12. Paul Zimansky, «Urartian Geography and Sargon's Eighth Campaign», Journal of Near Eastern Studies 49:1 (1990), p. 2.

13. Translated in Saggs, Assyria, p. 93.

14. Ibid., p. 94.

15. Oppenheim, «The City of Assur in 714 B.C.», p. 134.

16. Luckenbill, Ancient Records, vol. 2, p. 10.

17. Zimansky, p. 3.

18. Laessoe, p. 113; Hoyland, p. 19.

19. J. A. Brinkman, «Elamite Military Aid to Merodach-Baladan»,/оыгия/ of Near Eastern Studies 24:3 (1965), pp. 161-162.

20. Oates, p. 116.

21. Сжатый пересказ из анналов Саргона в переводе из: Brinkman, «Elamite Military Aid», p. 163.

22. Luckenbill, Ancient Records, vol. 2, p. 15.

23. Oates, p. 116.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ. ВПЕЧАТЛЯЮЩЕЕ ПОРАЖЕНИЕ

1. Isa. 14:29, NIV.

2. Daniel David Luckenbill, The Annals of Sennacherib (1924), p. 9.

3. Ibid., p. 10.

4. Grant Frame, Rulers of Babylonia from the Second Dynasty oflsin to the End of Assyrian Domination (1157-612 BC) (1995), p. 137.

5. Luckenbill, Annals, pp. 10-11.

6. Assmann, p. 335.

7. This quote and following from 2 Kings 20:12 ff„ NIV.

8. This quote and following from 2 Kings 18:1 ff., NIV.

9. Luckenbill, Annals, p. 10.

10. Сжатый и несколько модифицированный вариант текста из: Luckenbill, Annals, p. 10.

11. Herodotus, 2.14.

12. The Nebi Yunus Inscription (H4), translated in Luckenbill, Annals, p. 85.

13. Luckenbill, Annals, p. 15.

14. Ibid., p. 16.

15. Ibid., p. 17.

16. Emil G. Kraeling, «The Death of Sennacherib», Journal of the American Oriental Society 53:4 (1933), p. 338.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ. ПАДЕНИЕ ПРАВИТЕЛЯ

1. Xueqin, p. 16.

2. Ch'ien, p. 74.

3. Fairbank and Goldman, p. 49.

4. Xueqin, p. 37.

5. Ch'ien, p. 75.

6. G. W. Ally Rickett, trans., Guanzi, vol. 1 (1985), p. 5.

7. Ibid., p. 6.

8. Ch'ien, p. 75.

9. Ibid.

10. Tso chuan, quoted by Nicola Di Cosmo in Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History (2002), pp. 98-99.

11. Ch'ien, p. 76.

12. Ibid., p. 77.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ. АССИРИЙЦЫ В ЕГИПТЕ

1. Isa. 37:38, NIV.

2. Адаптация перевода Р. Ч. Томпсона, приведенного в: Kraeling, pp. 338-340.

3. Olmstead, History of Assyria, p. 343.

4. Frame, p. 164.

5. Olmstead, History of Assyria, p. 351.

6. Адаптация пересказа Дж. А. Бринкманом (J. A. Brinkman) различных версий надписей Ас-сархадона в: «Through a Glass Darkly: Esarhaddon's Retrospects on the Downfall of Babylon», Journal of the American Oriental Society 103:1 (1983), p. 39.

7. Brinkman, «Through a Glass Darkly», p. 41.

8. Frame, 167.

9. Francis Reynolds, ed., State Archives of Assyria, vol. 18: The Babylonian Correspondence of Esarhad-don and Letters to Assurbartipal and Sin-saru-iskun from Northern md Central Babylonia (2003), p. 4.

10. E. D. Phillips, «The Scythian Domination in Western Asia: Its Record in History, Scripture, and Archaeology», WorldArchaeology 4:2 (1972), p. 131.

11. Слегка перефразированный для лучшего понимания перевод из: Ivan Starr, State Archives of Assyria, vol. 4, Queries to the Sungod: Divination and Politics in Sargonid Assyria (1990), Queries 18,20, 24, and 43, pp. 22,24-25,30,48.

12. C. H. Emilie Haspels, The Highlands of Phrygia: Sites and Monuments, vol. 1, The 7ert (1971).

13. Strabo, The Geography of Strabo in Eight Volumes (1928), 1.3.21.

14. Luckenbill, Ancient Records, vol. 2, pp. 516,530,533,546.

15. Starr, Query 84, p. 98.

16. Несколько сокращенный текст из: Laessoe, p. 114.

17. Clayton, p. 193.

18. Shaw, p. 358.

19. Несколько сокращенный текст из: Frame, p. 194.

20. Clayton, p. 195.

21. Стела Гебель Барка, перевод из: Assmann, pp. 336-337, язык несколько осовременен.

22. Herodotus, 2.151; also Redford, Egypt, p. 431.

23. Assmann, p. 337.

24. James Henry Breasted, A History of Egypt (1967), p. 468.

25. Nah. 3:8-10.

26. Olmstead, History of Assyria, p. 417.

27. Ibid., p. 422.

28. Стела Нитикрет, несколько перефразированный вариант перевода из: Shaw, p. 376.

29. Olmstead, History of Assyria, p. 423.

30. Phillips, «The Scythian Domination in Western Asia», p. 132.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ. МИДИЙЦЫ И ПЕРСЫ

1. Konstantinos Staikos, The Great Libraries: From Antiquity to the Renaissance (3000 BC to AD 1600) (2000), p. 13.

2. Condensed slightly from Benjamin R. Foster, Before the Muses: An Anthology of Akkadian Literature, vol. 2 (1996), p. 714.

3. Frame, p. 255.

4. Ibid., p. 258.

5. Хронологически размещенные эпиграфы из John Malcom Russell, The Writing on the Wall: Studies in the Architectural Context of Late Assyrian Palace Inscriptions (1999), p. 159.

6. Herodotus, 1.98.

7. A. T. Olmstead, History of the Persian Empire (1959), p. 30.

8. Starr, pp. 267-270.

9. Saggs, Babylonians, p. 161.10. Frame, p. 260. n. Saggs, Babylonians, p. 114.

12. Ezra 4:9-10, NIV.

13. P. Calmeyer, «Greek Historiography and Acheamenid Reliefs», in Achaemenid History II: The Greek Sources, ed. Heleen Sancisi-Weerdenburg and Amelie Kuhrt (1987), p. 11.

14. David Frankel, The Ancient Kingdom of Urartu (1979), p. 19.

15. Phillips, p. 135.

16. 2 Kings 23.

17. Herodotus, 1.105.

18. Ibid., 1.106.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ. ПОКОРЕНИЕ И ТИРАНИЯ

1. Buckley, p. 37.

2. Phaedo 109b, quoted in Robin Waterfield, Athens (2004), p. 41.

3. Pomeroy et al., p. 92.

4. Herodotus, 4.156-157.

5. Ibid., 4.159.

6. Fragment 5, quoted in Buckley, p. 66.

7. Fragment 6, quoted in Buckley, p. 67.

8. Herodotus 6.52.

9. Luckenbill, Ancient Records, vol. 2, pp. 291-292.

10. Herodotus, 6.57.

11. Lycurgus 15, in Plutarch, Greek Lives, translated by Robin Waterfield (1998), p. 24.

12. Lycurgus 12-14, in Plutarch, Greek Lives, pp. 18-22.

13. Lycurgus 10, in Plutarch, Greek Lives, p. 18.

14. Herodotus, 7.104.

15. Waterfield, p 39.

16. Eusebius, Chronicle, in A. Schoene and H. Petermann, trans. Armeniam versionem Latine factam AD libros manuscriptos recensuit H. Petermann (1875), pp. 182-183.

17. Waterfield, p. 43.

18. Eusebius, Chronicle, p. 198.

19. Thucydides, 1.125.

20. Thucydides, 1.126.

21. Solon 12, in Plutarch, Greek Lives, p. 55.

22. Athenian Constitution, translated by H. Rackham, 2.1-3, in Aristotle in 23 Volumes, vol. 20.

23. Solon 17, in Plutarch, Greek Lives, p. 61.

24. Lycurgus 15, in Plutarch, Greek Lives, p. 25.

25. Michael Gagarin, Drakon and Early Athenian Homicide Law (1981), pp. 19-21.

26. Solon 1, in Plutarch, Greek Lives, p. 46.

27. Solon 14, in Plutarch, Greek Lives, p. 57.

28. Buckley, pp. 91-92.

29. Solon 6, in Plutarch, Greek Lives, p. 50.

30. Herodotus, 1.29.

31. Solon 25, in Plutarch, Greek Lives, pp. 69-70.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ. НАЧАЛО И КОНЕЦ ИМПЕРИИ

1. Livy, 1.15, Early History of Rome, p. 50.
2. R. M. Ogilvie, «Introduction: Livy», in Livy, Eariy History of Rome, p. 18.
3. Livy, 1.1-1.2, Early History of Rome, pp. 34-36.
4. Livy, 1.15, Early History of Rome, p. 50.
5. Livy, 1.16, Early History of Rome, p. 51.
6. Livy, 1.19, Early History of Rome, p. 54.
7. Dionysius of Halicarnassus, Roman Antiquities, vol. 1, Books I-II (1937), 2.62.
8. Livy, 1.33, Early History of Rome, p. 72.
9. Dionysius of Halicarnassus, Roman Antiquities, vol. 2, Books III-IV (1939), 3.45.
10. Gary Forsythe, A Critical History of Eariy Rome: From Prehistory to the First Punic War (2005), pp. 39-40.
11. Salvatore Settis, ed., The Land of the Etruscans: From Prehistory to the Middle Ages (1985), p. 30.
12. Jacques Heurgon, Daily Life of the Etruscans (1964), p. 136.
13. Christopher S. Mackay, Ancient Rome: A Military and Political History (2004), p. 12.
14. Dionysius of Halicarnassus, Roman Antiquities, vol. 2,3.61-62.
15. Ray Kamoo, Ancient and Modem Chaldean History: A Comprehensive Bibliography of Sources (1999), p. XXXI.
16. Luckenbill, Ancient Records, vol. 2, p. 417.
17. Kamoo, p. xxxiii; Luckenbill, Ancient Records, vol. 2, p. 419.
18. Herodotus, 1.103.
19. Christopher Johnston, «The Fall ofNineveh», Journal of the American Oriental Society 22 (1901), p. 21.
20. Diodorus Siculus, Bibliotheca Historica, vol. 1 (1956), p. 171; Paul Haupt, «Xenophon's Account of the Fall of Nineveh», in Journal of the American Oriental Society 28 (1907), p. 101.
21. Luckenbill, Ancient Records, vol. 2, p. 420.
22. Nah. 2:6-10, 3:3, 3:19, NIV.
23. Assmann, p. 338.
24. 2 Kings 23:29, NIV.
25. 2 Chron. 35:21, NIV.
26. Luckenbill, Ancient Records, vol. 2, p. 421.
27. 2 Kings 23:31-35.
28. Verbrugghe and Wickersham, p. 58.
29. Jer. 46:2-6, NIV
30. Donald B. Redford, From Slave to Pharaoh: The Black Experience of Ancient Egypt (2004), p. 146.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ. НЕДОЛГОВЕЧНАЯ ИМПЕРИЯ

1. Josephus, The Antiquities of the Jews, 10.6.1.
2. Jer. 36.
3. Quoted in Ronald H. Sack, Images of Nebuchadnezzar: The Emergence of a Legend (2004), p. 49. Я крайне благодарна мистеру Саку за сделанную им тематическую организацию древних и классических источников по царствованиям Навуходоносора и Набонида.
4. Herodotus, 2.158.
5. Clayton, p. 196.
6. Herodotus, 4.42; Shaw, p. 381; Redford, Egypt, p. 452.

7. Herodotus, 4.42.
8. Josephus, Antiquities of the Jews, 10.6.2.
9. Sack, p. 49.
10. 2 Kings 24; Rogerson, p. 151.
11. Josephus, Antiquities of the Jews, 10.7.3.
12. The Wadi-Brisa Inscription, in Sack, p. 16.
13. Verbrugghe and Wickersham, p. 58.
14. Saggs, Babylonians, p. 167.
15. Слегка сокращенный парафраз из Диодора Сицилийского: Diodorus Siculus, pp. 149-150.
16. Verbrugghe and Wickersham, p. 59.
17. Saggs, Babylonians, p. 166.
18. Verbrugghe and Wickersham, p. 58.
19. Politics 3.1276, in H. Rackham, trans., Aristotle in 23 Volumes, vol. 21 (1944).
20. Redford, Egypt, p. 461.
21. Redford, From Slave to Pharaoh, p. 146.
22. Clayton, p. 196.
23. Redford, Egypt, p. 463.
24. Josephus, Antiquities of the Jews, 10.7.3.
25. Jer. 37:7-10, NIV.
26. Jer. 38:4; also Josephus, Antiquities of the Jews, 10.7.3.
27. Letter 4, quoted in Rogerson, p. 153.
28.2 Kings 25:4-6, NIV.
29. Josephus, Antiquities of the Jews, 10.8.4.
30. Raymond Philip Dougherty, Nabonidus and Bekhazzar: A Study of the Closing Events of the Neo-Babylonian Empire (1929), p. 33; Herodotus, 1.74.
31. Herodotus 1.74.
32. Dan. 4:33, NIV.
33. Quoted in Sack, p. 44.
34. Matthias Henze, The Madness of King Nebuchadnezzar: The Ancient Near Eastern Origins and Early History of Interpretation of Daniel 4 (1999), pp. 96-99.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ. КИР ВЕЛИКИЙ

1. Herodotus, 1.107.
2. Нижеследующее взято из Геродота: Herodotus, 1.108-119.
3. Herodotus, 1.119.
4. 2 Kings 25:27-29.
5. The Chronicle of Jerachmeel, quoted in Sack, pp. 58-59.
6. Verbrugghe and Wickersham, p. 60.
7. Quoted in Sack, p. 22. Работа Мегасфена утрачена, но она цитируется у Евсевия.
8. Leick, The Babylonians, p. 64.
9. Dougherty, p. 24.
10. Quoted in Oates, p. 132.
11. Quoted in Dougherty, pp. 72-73.
12. Diodorus Siculus, 2.32.2-3.
13. Herodotus, 1.123-126.
14. Ibid., 1.129-130.
15. Ibid., 1.75-87.
16. Ibid., 1.88-90.

17. Xenophon, The Education of Cyrus (2001), 8.2.1.
18. Ibid., 1.1.2.
19. Ibid., 1.1.5.
20. Ibid., 8.2.8-Э.
21. Ibid., 8.2.11-12.
22. Pierre Briant, From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire (2002), pp. 38-40.
23. The Verse Account of Nabonidus, quoted in Sack, p. 17.
24. Харранская надпись Набонида, перевод Оппенгейма (Oppenheim), цит. в: Henze, pp. 59-60.
25. The Verse Account of Nabonidus, quoted in Sack, p. 18.
26. Gene R. Garthwaite, The Persians (2005), p. 29.
27. Herodotus, 1.189.
28. Xenophon, Education of Cyrus, 8.5.13.
29. Колонна Кира, насколько сжатый вариант перевода из: Dougherty, pp. 176-168.
30. Ezra 1:1-3, NIV.
31. Ezra 3:12-13, NIV.

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ. РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА

1. Herodotus 1.164-165.
2. A. Trevor Hodge, Ancient Greek France (1998), p. 19.
3. Barry Cunliffe, The Extraordinary Voyage of Pytheas the Greek: The Man Who Discovered Britain (2002), p. 16.
4. Daithi O'Hogain, The Celts: A History (2002), p. 1.
5. Ibid., p. 2.
6. Hodge, pp. 5,190-193.
7. Heurgon, p. 13.
8. David Soren et. al., Carthage: Uncovering the Mysteries and Splendors of Ancient Tunisia (1990),
9. Politics, 3.1280, Rackham, Aristotle in 2} Volumes, vol. 21.
10. Heurgon, p. 13.
11. Amaldo Momigliano, «An Interim Report on the Origins of Коте», Journal of Roman Studies 53:1-2 (1960), pp. 108-109.
12. Livy, Early History of Rome, 1.41-43.
13. Ibid., 1.47.
14. This quote and the following from Livy, Early History of Rome, 2.10.
15. Thomas Babington Macaulay, «Horatius: A Lay Made About the Year of the City CCCLX*, строфа 27.
16. Polybius, The Rise of the Roman Empire (1979), 3.22.
17. Livy, Eariy History of Rome, 5.34.
18. O'Hogain, p. 2; Bernhard Maier, The Celts: A History from Earliest Times to the Present (2003), pp. 44-45.
19. Polybius, Rise of the Roman Empire, 2.17.
20. Maier, p. 24; O'Hogain, p. 7.
21. Cunliffe, pp. 19-20.
22. Epitome of the Philippic History, quoted in Maier, p. 38.
23. Mackay, pp. 26-28.
24. Livy, Early History of Rome, 2.17-19.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ. ЦАРСТВА И РЕФОРМАТОРЫ

1. Edgerton, p. 54.
2. Thapar, Early India, p. 152.
3. The Laws of Manu, translated by Georg Buhler (1970), 1.93-100.
4. Jan Y. Fenton et al., Religions of Asia (1993), pp. 46-48.
5. Thapar, Early India, pp. 146-148.
6. Rig Veda 10.90, in Edgerton, p. 68.
7. Wolpert, p. 39.
8. Thapar, Early India, p. 149.
9. Fenton et al., p. 90.
10. Из введения к: J a taka, 1.54, translated by Henry Clarke Warren in Buddhism in Translation (1896), pp. 56-61.
11. Quoted in Michael Carrithers, Buddha: A Very Short Introduction (2001), p. 46.
12. Ibid., p. 62.
13. Karen Armstrong, Buddha (2004), p. 9.
14. Ibid., p. xi.
15. A. L. Basham, The Wonder That Was India (1963), p. 47.
16. Thapar, Early India, p. 152.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ.

МОГУЩЕСТВО ДОЛГА И ИСКУССТВО войны

1. Xueqin, p. 5.
2. Gai Shiqi, ZuozhuanJishibenmuo, vol. 45 (1979), quoted in Xueqin, p. 170.
3. Ch'ien, p. 77.
4. Cho-yun Hsu, Ancient China in Transition: An Analysis of Social Mobility, 722-222 BC (1965), pp. 59-60.
5. Jonathan Clements, Confucius: A Biography (2004), pp. 10-15. Я благодарна мистеру Клементсу за сведение беспорядочных подробностей жизни Конфуция в единый хронологический список.
6. Clements, pp. 21-22.
7. James Legge, trans., The Sacred Books of the East, vol. 27: The Texts of Confucianism, Li Ki, 1-X (1968), 17.9.6.
8. Ibid., 2.1.7.
9. Ibid., 3.2.1,12.
10. James Legge, trans., Confucian Analects, The Great Learning, and the Doctrine of the Mean (1971),
7.19.
11. Ibid., 1.1.
12. Ibid., 3.1,3.
13. Clements, p. 39.
14. Ch'ien, p. 787.
15. Jaroslav Prusek, Chinese Statelets and the Northern Barbarians in the Period 1400-300 BC (1971), p. 187.
16. Hsu, p. 69.
17. Sun-Tzu, The Art of War, translated by Lionel Giles (2002), 2.6.
18. Ibid., 3.2.
19. Ibid., 2.2-4.
20. Ibid., 1.18-19.
21. Ibid., 9.24, 26.

22. Quoted in Xueqin, p. 7.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ. РАСШИРЕНИЕ ПЕРСИДСКОЙ ИМПЕРИИ

1. Herodotus, 1.216.
2. Ibid., 1.214.
3. Ibid., 4.159.
4. Ibid., 2.161.
5. James Henry Breasted, Ancient Records of Egypt: Historical Documents from the Earliest Times to the Persian Conquest (1906-1907), 4.1000, pp. 510-511.
6. Herodotus, 2.162.
7. Breasted, Ancient Records, 4.1003, p. 511.
8. Ibid., 4.1005, p. 512.
9. J. M. Cook, The Persian Empire (1983), p. 46.
10. Briant, p. 57.
11. Herodotus, 3.64-66.
12. J. M. Cook, Persian Empire, p. 50.
13. Herodotus, 3.72.
14. Maria Brosius, trans, and ed., The Persian Empire from Cyrus II to Artaxerxes I (2000), p. 21.
15. Ibid., p. 48.
16. Ibid., p. 23.
17. J. M. Cook, Persian Empire, p. 53.
18. Brosius, pp. 32-33.
19. Ezra 5:3-9, NIV.
20. Basham, p. 47.
21. Thapar, Early India, p. 154.
22. Keay, p. 67.
23. Ibid.
24. Thapar, Early India, p. 155.
25. Herodotus, 4.44.
26. Olmstead, History of the Persian Empire, p. 145; Herodotus, 3.94 and 4.44; Brosius, p. 40.
27. Olmstead, History of the Persian Empire, p. 145.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ. ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ

1. Herodotus, 4.127.
2. Ibid., 4.64-65, 73-75.
3. Ibid., 4.89.
4. The Persians, in Aeschylus, The Complete Plays, vol. 2, translated by Carl R. Mueller (2002), p. 12
5. Herodotus, 4.126,131.
6. Briant, p. 144.
7. Herodotus, 5.3.
8. Morkot, p. 65.
9. Peter Green, Alexander of Macedon, 356-323 BC: A Historical Biography (1991), pp. 1-2.
10. Herodotus, 5.18.
11. Waterfield, p. 51.
12. Solon 29, in Plutarch, Greek Lives, p. 73; Athenian Constitution, in Rackhain, Aristotle in 23 Volumes, vol. 20, sees. 13-14.
13. Solon 29, in Plutarch, Grer Lives, p. 74.
14. Herodotus, 1.61.

15. Athenian Constitution, in Rackham, Aristotle in 23 Volumes, vol. 20, sec. 15.
16. Ibid., sec. 16.
17. Ibid., sec. 19
18. Lycurgus 16, in Plutarch, Greek Lives, p. 26.
19. Pomeroy et al., p. 152.
20. Herodotus, 5.73.
21. Athenian Constitution, in Rackham, Aristotle in 23 Volumes, vol. 20, sec. 21.
22. Politics, in Rackham, Aristotle in 23 Volumes, vol. 21,1302b; Buckley, p. 145.
23. Herodotus, 5.97.
24. Ibid., 5.96.
25. Ibid., 5.99.
26. Buckley, pp. 161-162.
27. H. T. Wallinga, «The Ancient Persian Navy and its Predecessors», in Achaemenid History I: Sources, Structures, and Synthesis, ed. Heleen Sancisi-Weerdenburg (1987), p. 69.
28. Herodotus, 5.102.
29. Herodotus, 5.103.
30. H. T. Wallinga, in Sancisi-Weerdenburg, p. 69.
31. Herodotus, 6.17.
32. Herodotus, 6.19.
33. Herodotus, 6.112.
34. John Curtis, Ancient Persia (1990), p. 41.
35. Garthwaite, p. 36; Briant, p. 547.
36. H. T. Wallinga, in Sancisi- Weerdenburg, p. 43; Shaw, p. 384.
37. M. Jameson, in Peter Green, Xerxes ofSalamis (Praeger, 1970), p. 98, quoted in Pomeroy et al., p. 194.
38. Pomeroy et al., p. 195.
39. Plutarch, Themistocles, sec. 9, in Plutarch's Lives, vol. 1, The Dryden Translation.
40. Aeschylus, The Complete Plays, pp. 139-140.
41. Ibid., p. 140.
42. Ibid., p. 142.
43. Plutarch, Themistocles, sec. 16, in Plutarch's Lives, vol. 1, The Dryden Translation.
44. Herodotus, 9.84.
45. H. T. Wallinga, in Sancisi-Weerdenburg, p. 74.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ. ПЕЛОПОНЕССКИЕ ВОЙНЫ

1. Aeschylus, Persians (1981), pp. 67-68.
2. Herodotus, 9.106.
3. Waterfield, p. 72.
4. Thucydides. 1.90.2.
5. Ibid., 1.93.2.
6. Ibid., 1.133-134.
7. Plutarch, Themistocles, sees. 19-21, in Plutarch’s Lives, vol. 1, The Dryden Translation.
8. Plutarch, Themistocles, sec. 22, in Plutarch’s Lives, vol. 1, The Dryden Translation.
9. Plutarch, Themistocles, sec. 29, in Plutarch’s Lives, vol. 1, The Dryden Translation.
10. Thucydides, 1.138.4; Plutarch, Themistocles, sec. 31, in Plutarch’s Lives, vol. 1, The Dryden Translation.
11. Esther 2:12-16.
12. Herodotus, 9.585.

13. Brosius, p. 54.
14. Diodorus Siculus, 11.69.2-6.
15. J. M. Cook, Persian Empire, p. 127.
16. Thucydides, 1.103.2.
17. Ibid., 1.99.4.
18. Ibid., 1.99.1-2.
19. Pericles 13, Plutarch, in Greek Lives, p. 156.
20. Thucydides, 1.108.4.
21. Pomeroy et al., p. 251.
22. Thucydides, 1.45.3.
23. Ibid., 1.50.2.
24. Ibid., 2.7.1.
25. Ibid., 2.43.1.
26. Ibid., 2.49.2-8.
27. Thucydides, 2.4.
28. Thucydides, 2.52.2-3.
29. J. M. Cook, Persian Empire, p. 129.
30. Alcibiades 1 -3, in Plutarch, Greek Lives.
31. Pomeroy et al., p. 306.
32. Buckley, p. 388.
33. Pomeroy et al., p. 309.
34. Thucydides, 7.51.1.
35. Ibid., 7.84.2-5,85.1.
36. Aristophanes, Lysistrata (1912), p. 1.
37. Alcibiades 24, in Plutarch, Greek Lives.
38. Thucydides, 8.78.
39. Alcibiades 35, in Plutarch, Greek Lives.
40. Alcibiades 37, in Plutarch, Greek Lives.
41. Xenophon, Hellenica, 2.2.10, translated by Peter Krentz.
42. Waterfield, p. 209; Xenophon, Hellenica, 2.2.23; Victor Davis Hanson, in Thucydides, p. 549.
43. Waterfield, p. 210.
44. Athenian Constitution, in Rackham, Aristotle in 23 Volumes, vol. 20, p. 35.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ. ПЕРВОЕ РАЗГРАБЛЕНИЕ РИМА

1. Livy, Early History of Rome, 2.21.
2. Ibid., 2.24.
3. Mackay, p. 34.
4. Livy, Early History of Rome, 2.23.
5. Ibid., 2.32.
6. Ibid., 2.32.
7. Ibid., 3.35.
8. Ibid., 3-333.
9. Частично основано на: Oliver J. Thatcher, ed., The Library of Original Sources, vol. 3: 7Tie Roman World (1901), pp. 9-11.
10. Livy, Eariy History of Rome, 5.21.
11. Ibid., 5.32.
12. Ibid., 5.36.
13. Ibid., 5.38.

14. Ibid., 5.41.
15. Ibid., 5.47.
16. Cunliffe, pp. 21-22.
17. Livy, Early History of Rome, 5.55.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ. ВОЗВЫШЕНИЕ ЦИНЬ

1. Ch’ien, p. 79.
2. Fairbank and Goldman, p. 54.
3. J. J. L. Duyvendak, trans., in his introduction to The Book of Lord Shang.A Classic of the Chinese School of Law (1928), p. 1.
4. Ch’ien, p. 108.
5. Cotterell, China, p. 53.
6. Shih chi 68, translated in Duyvendak, p. 14.
7. Ibid., p. 15.
8. Ibid., p. 16.
9. Shih chi 68, translated in Cotterell, China, p. 55.
10. Shu-Ching Lee, «Agrarianism and Social Upheaval in China», American Journal of Sociology 56:6 (1951), p. 513.
11. The Book of Lord Shang, translated by Duyvendak, p. 180.
12. Shih chi 68, in Duyvendak, p. 16.
13. Shih chi 68, in Cotterell, China, p. 57.
14. Shih chi 69, in Duyvendak, pp. 16-17.
15. Ibid., p. 17.
16. Ch’ien, p. 79.
17. Franz Michael, China Through the Ages: History of a Civilization (1986), p. 48.
18. Mencius, I.A.7.
19. Fairbank and Goldman, pp. 53-54.
20. Quoted in Michael, pp. 49-50.
21. «Giving Away a Throne», in The Complete Works ofChuang Tzu, translated by Burton Watson (1968), n.p.
22. «Discussion on Making All Things Equal», in Watson, The Complete Works ofChuang Tzu.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ. МАКЕДОНСКИЕ ЗАВОЕВАТЕЛИ

1. Pomeroy et al., pp. 327-328.
2. Scene 1, in Aristophanes, The Birds and Other Plays, translated by David Barrett and Alan H. Sommerstein (2003), p. 221.
3. Scene 3, Ibid., p. 257.
4. J. M. Cook, Persian Empire, p. 212.
5. Plutarch, Artaxerxes, in Plutarch’s Lives, vol. 2, The Dryden Translation.
6. Xenophon, The Persian Expedition (also known as Anabasis) 1.1, translated by Rex Warner (1972), p. 56.
7. Эти подробности о Ктесии использованы Диодором Сицилийским, см. введение Джорджа Коквелла (George Cawkwell) к уорнеровскому переводу Ксенофонта: Xenophon, The Persian Expedition, p. 40.
8. Plutarch, Artaxerxes, in Plutarch’s Lives, vol. 2, The Dryden Translation, p. 646.
9. Xenophon, The Persian Expedition, 1.4.
10. Ibid., pp. 86-87.
11. Ibid., 4.5.
12. Ibid., 4.7.

13. Plutarch, Artaxerxes, in Plutarch's Lives, vol. 2, The Dryden Translation, p. 658.
14. Clayton, pp. 201-202.
15. HeUenica, 5.19, in The Works of Xenophon, vol. 2, translated by H. G. Dakyns (1892).
16. Ibid., 5.23. '
17. Clayton, p. 203.
18. J. M. Cook, Persian Empire, p. 48.
19. Panegyricus 50, in Isocrates, Isocrates II, translated by Terry L. Papillon (2004), p. 40.
20. Panegyricus 166, in Isocrates, p. 68.
21. Green, p. 14.
22. Ibid., p. 22.
23. Justin, The History, 7.5, in William Stearns Davis, ed., Readings in Ancient History, vol. 1 (Allyn and Bacon, 1912).
24. Green, pp. 23-24.
25. Alexander^, in Plutarch, Greek Lives. 16. Alexander 3, in Plutarch, Greek Lives.
27. To Philip 15-16, Isocrates, p. 78.
28. Diodorus Siculus, 16.14.
29. Pomeroy et al., p. 389.
30. Justin, History, 8.8.
31. Alexander 10, in Plutarch, Greek Lives.
32. Частично эта история пересказана Диодором Сицилийским, а также Аристотелем в его «Политике» (перевод Рекхэма); см. также Guy MacLean Rogers, Alexander: The Ambiguity of Greatness (2004), pp. 31-34.
33. Alexander n, in Plutarch, Greek Lives.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ. РИМ УСИЛИВАЕТ ХВАТКУ

1. Livy, Rome and Ltaly: Books VI-X of The History of Rome from Its Foundation, 6.42, translated by Betty Radice (1982), p. 95.
2. Ibid., 6.42.
3. Edward T. Salmon, The Making of Roman Italy (1982), p. 5.
4. Polybius, Rise of the Roman Empire 3.24.
5. Mary T. Boatwright et al,. The Romans: From Village to Empire (2004), p. 79.
6. Livy, Rome and Italy, 7.29, p. 135.
7. Ibid., 7.30, pp. 136-137.
8. Ibid., 8.6, pp. 164-165.
9. Ibid., 8.10-11, pp. 171-173.
10. Salmon, p. 40.
11. Livy, Rome and Italy, 8.14, p. 178.
12. Boarwright et al., p. 82.
13. Ibid., p. 84.
14. Diodorus Siculus, 9.9.
15. Soren et al., p. 91.
16. Ibid., pp. 90-91,128-130.
17. Diodorus Siculus, 20.6-7.
18. Soren et al., p. 92.
19. Livy, Rome and Italy, 10.13,304-305.
20. Ibid., 10.28, pp. 327-328.

ГЛАВА СЕМИДЕСЯТАЯ. АЛЕКСАНДР И ВОЙНЫ ДИАДОХОВ

1. Green, p. 114.

2. Plutarch, The Life of Alexander the Great, translated by John Dryden (2004), p. 13
3. Green, p. 118; Plutarch, Alexander the Great, p. 13.
4. Diodorus, Siculus, 17.5-6.
5. Ibid., 17.17.
6. Quintus Curtius Rufus, The History of Alexander (позднее сведена Джоном Ярдли), translated by John Yardley (2001), p. 23; также Arrian, The Campaigns of Alexander, 1.12, translated by Aubrey de Selincourt (1971).
7. Arrian, 1.15, p. 73.
8. Didodoms Siculus, 17.20; Arrian, 1.16.
9. Arrian, 1.17.
10. Rufus, 3.15-18, p. 27.
11. Arrian, 2.8.
12. Rufus, 3.12, p. 42.
13. Arrian, 2.15, p. 128.
14. Alexander 29, in Plutarch, Greek Lives, p. 339.
15. G. M. Rogers, pp. 124-145.
16. Arrian, 3.23.
17. G. M. Rogers, p. 135.
18. Arrian, 4.9.
19. Ibid., 5.4, p. 259.
20. Ibid., 5.9, p. 267.
21. Alexander 63, in Plutarch, Greek Lives, p. 369.
22. Rufus, 9.19.
23. Plutarch, Alexander the Great, p. 64.
24. Ibid., p. 67.
25. Rufus, 10.3.14.
26. Plutarch, Alexander the Great, p. 71.
27. Rufus, 10.6.13.
28. Plutarch, Alexander the Great, p. 72; also Diodorus Siculus, 18 and 19.
29. Rufus, 10.9.1.
30. Ibid., 10.10.7-8.
31. Sarvepalli Radhakrishnan and Charles A. Moore, eds. A Soureebook in Indian Philosophy (1957), p. 198.
32. Vohra, p. 25.
33. Plutarch, Pyrrhus, in Plutarch's Lives, vol. 1, The Dryden Translation, p. 520.
34. Plutarch, Demetrius, in Plutarch's Lives, vol. 2, The Dryden Translation, p. 480.
35. Plutarch, Pyrrhus, in Plutarch's Lives, vol. 1, The Dryden Translation, p. 537.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ. РЕЛИГИЯ ГОСУДАРСТВА МАУРЬЕВ

1. Keay, p. 88.
2. Thapar, Early India, p. 5.
3. Wolpert, p. 57.
4. Keay, p. 90.
5. Ibid., p. 91.
6. Thapar, Early India, p. 180.
7. Translated by Romila Thapar in Asoka and the Decline of the Mauryas (1998), p. 255.
8. Ibid., pp. 255-256.
9. Ibid., p. 256 and Keay, pp. 91-92.

10. Keay, p. 95.

11. Wolpert, p. 64. История Махинды основана на: Dipavamsa 7, 28-31; см. введение Макса Миллера к: Sacred Books of the East, vol. 10: The Dhammapada (1981).

12. Vohra, p. 25.

13. Ibid.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ. ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОР, ВТОРАЯ ДИНАСТИЯ

1. Charles O. Hucker, China's Imperial Past: An Lntroduction to Chinese History and Culture (1975), p. 40.

2. Ibid., p. 41.

3. Ch'ien, p. 83.

4. Ibid., p. 123.

5. Ibid., p. 130.

6. Ibid., p. 123.

7. Fairbank and Goldman, p. 56.

8. Hucker, pp. 43-44.

9. Ch'ien, p. 140.

10. Ibid., p. 147.

11. Sima Qian, «The Biography of the Chief Minister of Qin». in Historical Records, translated by Raymond Dawson (1994), p. 31.

12. Sima Qian, «The Annals of Qin», in Historical Records, p. 69.

13. Jorge Luis Borges, «The Wall and the Books», in Daniel Schwartz, The Great Wall of China (2001), p. 10.

14. Ann Paludan, Chronicle of the Chinese Emperors: The Reign-by-Reign Record of the Rulers of Imperial China (1998), pp. 18-19.

15. Ch'ien, p. 155.

16. Arthur Cotterell, The First Emperor of China (1981), p. 28.

17. Ch'ien, p. 156.

18. Ibid., pp. 161-162.

19. Denis Twitchett and Michael Loewe, eds., The Cambridge History of China, Volume I: The Ch 'in and Han Empires, 221 BC-AD 220(1986), p. 113.

20. Ibid., p. 117.

21. Sima Qian, Records of the Grand Historian: Han Dynasty I, translated by Burton Watson (1993), pp. 74-75.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ. ВОЙНЫ СЫНОВЕЙ

1. Plutarch, Demetrius, in Plutarch's Lives, vol. 2, The Dryden Translation, p. 465.

2. Diodorus Siculus, 21.12.

3. Plutarch, Pyrrbus, in Plutarch's Lives, vol. I, The Dryden Translation, pp. 540-541, and Polybius, Rise of the Roman Empire, 2.43.

4. Polybius, Rise of the Roman Empire, 1.5, p. 45.

5. Ibid., 1.7-12.

6. Ibid., 1.20, p. 62.

7. J. H. Thiel, A History of Roman Sea-power before the Second Punic War (1954), p. 63.

8. Polybius, Rise of the Roman Empire, 1.21, p. 64.

9. Polybius, The Histories, 1.75, translated by Evelyn Shuckburgh (1889), pp. 83,85.

10. Polybius, Rise of the Roman Empire, 1.58, p. 105.

11. Livy, The War With Hannibal: Books XXI-XXX of The History of Rome from Its Foundation, 21.41, translated by Aubrey de Selincourt (1965), p. 66.

12. Polybius, Rise of the Roman Empire, 1. 63, p. 109.
13. Plutarch, Cleomenes, in Plutarch's Lives, vol. 2, The Dryden Translation, p. 351.
14. Polybius, Rise of the Roman Empire, 5.34, p. 291.
15. Clayton, p. 211.
16. Polybius, Rise of the Roman Empire, 5.34, p. 292.
17. Ibid., 15.33, p. 491.
18. Josephus, Antiquities of the Jews, 12.3.3.
19. Polybius, Rise of the Roman Empire, 3.11, p. 189.
20. Polybius, Rise of the Roman Empire, 2.1, pp. 11-12.
21. Soren et al., p. 102.
22. Polybius, Rise of the Roman Empire, 3.20-21.
23. Livy, The War with Hannibal, 21.1, p. 23.
24. Polybius, Rise of the Roman Empire, 3.33, p. 209.
25. Ibid., 3.49.
26. Livy, The War with Hannibal, 21.32, p. 56.
27. Ibid., 21.47, p. 72.
28. Polybius, Rise of the Roman Empire, 3.68, p. 237.
29. Livy, The War with Hannibal, 11.57, p. 83.
30. Ibid., 22.7, p. 102.
31. Polybius, Rise of the Roman Empire, 3.90, p. 257.
32. Ibid., 3.118, p. 275.
33. Livy, The War With Hannibal, 27.48. p. 493.
34. Ibid., 27.51.
35. Ibid., 30.20, p. 644.
36. Ibid., 30.36, p. 664.
37. Leonard Cottrell, Hannibal: Enemy of Rome (1992), p. 242.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ. РИМСКИЕ ОСВОБОДИТЕЛИ И ЗАВОЕВАНИЯ СЕЛЕВКИДОВ

1. Livy, The Dawn of the Roman Empire: Books 31 -40 [of The History of Rome from Its Foundation1,
33.19, translated byj. C. Yardley (2000), pp. 112-113.
2. Polybius, Rise of the Roman Empire, 18.45, p. 514.
3. Ibid., 18.46, p. 516.
4. Ibid., 3.11, p. 189.
5. Livy, Dawn of the Roman Empire, 36.17, p. 268.
6. Plutarch, Flamininus, in Plutarch's Lives, vol. 1, The Dryden Translation, p. 515.
7. Этот сюжет, помимо других источнико, основан на «Майтрейо-панишаде» из «Сама-Веды».
8. Polybius, Histories, 23.7.
9. Livy, Dawn of the Roman Empire, 40.5, p. 486.
10. Polybius, Histories, 27.1.
11. Livy, The History of Rome, vol. 6, translated by E. Roberts (1912), 42.36.
12. Ibid., 42.26.
13. Ibid., 45.12.
14. Josephus, Wars of the Jews, 1.1, in The Works ofJosephus, p. 546.
15. John Bright, A History of Israel (1974), pp. 424-425.
16. Ibid., p. 424.

17.2 Mace. 6:10, Revised Standard Version.
18. 2 Mace. 8:1,7-9.
19. Josephus, Wars of the Jews, 1.4.
20. Ibid.
21. A. N. Sherwin-White, The Roman Citizenship (1973), p. 42.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ. МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

1. Sima Qian, Records of the Grand Historian, p. 77,84.
2. Di Cosmo, Ancient China and Its Enemies, p. 157.
3. Ibid., p. 165.
4. Burton Watson, trans., Records of the Grand Historian of China: Translated from the Shih chi of Ssu-ma Ch'ien, vol. 2 (1968), p. 129.
5. Twitchett and Loewe, p. 384.
6. Ibid., p. 386.
7. Sima Qian, Shih chi 9: The Basic Annals of the Empress Lu, in Records of the Grand Historian, p. 267.
8. Sima Qian, Records of the Grand Historian, p. 269.
9. Ibid., p. 270.
10. Ibid., pp. 273-274.
11. Ibid., p. 284.
12. Sima Qian, Shih chi 123, in Watson, Records, vol. 2, p. 264.
13. Hucker, pp. 123-125.
14. Hucker, p. 128.
15. Sima Qian, Shih chi 123, in Watson, Records, vol. 2, p. 264.
16. Ibid., p. 269.
17. T. W. Rhys Davids, trans., The Questions of King Milinda (\963), Book 1, p. 7.
18. Ibid., Book 7, p. 374.
19. Josephus, Antiquities of the Jews, 13.14.
20. Sima Qian, Shih chi 123, Watson, Records, vol. 2, p. 268.
21. Plutarch, Sylla, in Plutarch's Lives, vol. 1, The Dryden Translation, p. 610.
22. Shih chi 123, in Watson, Records, vol. 2, p. 276.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ. КРУШЕНИЕ СИСТЕМЫ

1. Soren et al., p. 115.
2. Livy, The History of Rome, 6.42.23.
3. Plutarch, Marcus Cato, in Plutarch's Lives, vol. 1, The Dryden Translation, p. 478.
4. Ibid., p. 478.
5. Philip Matyszak, Chronicle of the Roman Republic (2003), p. 120.
6. Plutarch, Marcus Cato, in Plutarch's Lives, vol. 1, The Dryden Translation, p. 479.
7. Polybius, Histories, 38.3-11.
8. Ibid. 39, p. 530.
9. M. I. Finley, Ancient Slavery and Modem Ideology (1980), p. 97.
10. Diodorus Siculus, 34.1-4.
11. Ibid., 34.16.
12. Ibid., 34.48.
13. Finley Hooper, Roman Realities (1979), p. 155.
14. Appian, The Civil Wars, 1.1, translated by Oliver J. Thatcher in The Library of Original Sources, vol. 3: The Roman World (1901).
15. Plutarch, Tiberius Gracchus, in Plutarch's Lives, vol. 2, The Dryden Translation, pp. 357-358.

16. Ibid., p. 361.
17. Ibid., p. 369.
18. Appian, Civil Wars, 1.2.
19. Diodorus Siculus, 34.21.
20. Ibid., 34.23.
21. Plutarch, Caius Gracchus, in Plutarch's Lives, vol. 2, The Dryden Translation, pp. 381-383.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ. ПРОБЛЕМЫ ПРОЦВЕТАНИЯ

1. TheJugurthine War 41, in Sallust, The Jugurthine War/The Conspiracy of Cataline, translated by
S. A. Handford (1963), p. 77.
2. The Jugurthine War 8, in Sallust, p. 41.
3. The Jugurthine War 14, in Sallust, p. 47.
4. The Jugurthine War 28, in Sallust, p. 64.
5. The Jugurthine War 37, in Sallust, p. 73.
6. Marius 28, in Plutarch, Greek Lives, p. 148.
7. Marius 32 in Plutarch, Greek Lives, p. 152.
8. Cicero, On the Commonwealth, 3.41, in On the Commonwealth and On the Laws, translated and edited by James E. G. Zetzel (1999), p. 74.
9. Justin 38.4.13, quoted in Salmon, p. 128.
10. Salmon, p. 129.
11. Marius 33 in Plutarch, Greek Lives, p. 153.
12. Sulla 6 in Plutarch, Greek Lives, p. 179.
13. Marius 34 in Plutarch, Greek Lives, pp. 153-154.
14. Marius 35 in Plutarch, Greek Lives, p. 154.
15. Sulla 9, in Plutarch, Greek Lives, p. 185.
16. Twitchett and Loewe, p. 410.
17. Shi chi iop, in Watson, Records, vol. II, pp. 142-143.
18. Shi chi 123, in Watson, Records, vol. 2, p. 282.
19. Ibid., 123, p. 284.
20. Han shu 96, quoted in Twitchett and Loewe, p. 410.
21. Marius 43, in Plutarch, Greek Lives, p. 164.
22. Sulla 22 in Plutarch, Greek Lives, p. 199.
23. Sulla 30, in Plutarch, Greek Lives, p. 208.
24. Sulla 3f, in Plutarch, Greek Lives, p. 210.
25. Hooper, p. 215.
26. Ibid., p. 223.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ. НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

1. Carlin A. Barton, «The Scandal of the Arena», Representations 27 (1989), p. 2.
2. Tertullian, De spectaculis 22, in Barton, p. 1.
3. Crassus 8, in Plutarch, Fall of the Roman Republic: Six Lives by Plutarch, translated by Rex Warner (1972), p. 122.
4. Crassus 9, in Plutarch, Fall of the Roman Republic, p. 123.
5. Appian, Civil Wars, 1.118.
6. Crassus 9, in Plutarch, Fall of the Roman Republic, p. 124.
7. Appian, Civil Wars, 1.119.
8. Crassus n, in Plutarch, Fall of the Roman Republic, p. 127.
9. Appian, Civil Wars, 1.121.

10. Crassus 11, in Plutarch, Fall of the Roman Republic, p. 127.
11. Crassus 12, in Plutarch, Fall of the Roman Republic, p. 128.
12. Hooper, p. 226.
13. Ibid., p. 121.
14. Ibid., p. 120.
15. Pompey 48 and Caesar 14, in Plutarch, Fall of the Roman Republic, pp. 207, 257.
16. Caesar, The Conquest of Gaul, 2.35, translated by S. A. Handford, revised by Jane F. Gardner (1982), p. 73.
17. Caesar 20, in Plutarch, Fall of the Roman Republic, p. 263.
18. Caesar 21, in Plutarch, Fall of the Roman Republic, p. 265.
19. Acton Griscom, The Historia Regum Britannia of Geoffrey of Monmouth (1929), p. 221.
20. Caesar, Conquest of Gaul, 5.14, p. in.
21. Ibid., 4.36, p. 103.
22. Plutarch, quoted in Hooper, p. 273.
23. Caesar 28, in Plutarch, Fall of the Roman Republic, p. 271.
24. Caesar 32-33, in Plutarch, Fall of the Roman Republic, p. 276.
25. Caesar 35, in Plutarch, Fall of the Roman Republic, p. 279.
26. Plutarch, Antony, in Plutarch's Lives, vol. 2, The Dryden Translation, p. 487.
27. Clayton, p. 216.
28. Pompey 79-80, Plutarch, Fall of the Roman Republic, pp. 240-241.
29. Harriet I. Flower, ed., The Cambridge Companion to the Roman Republic (2004), p. 328.
30. Nicolaus of Damascus, Life of Augustus, translated by Clayton M. Hall (1923).
31. Suetonius, The Deified Julius Caesar 82, in Lives of the Caesars, translated by Catharine Edwards (2000), p. 39.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ. ИМПЕРИЯ

1. Suetonius, The DeifiedJulius Caesar 83, in Lives of the Caesars, p. 39.
2. Plutarch, Marcus Brutus, in Plutarch’s Lives, vol. 2, The Dryden Translation, p. 586.
3. Ibid., p. 587.
4. Plutarch, Antony, in Plutarch's Lives, vol. 2, The Dryden Translation, pp. 490-491.
5. Ibid., p. 491.
6. Ibid., p. 492.
7. Suetonius, The Deified Augustus 16, in Lives of the Caesars, p. 49.
8. Plutarch, Antony, in Plutarch’s Lives, vol. 2, The Dryden Translation, p. 496.
9. Suetonius, The Deified Augustus 16, in Lives of the Caesars, p. 50.
10. Hooper, p. 305.
11. Chris Scarre, Chronicle of the Roman Emperors (1995), p. 18.
12. Hooper, p. 331.
13. Mackay, p. 184.
14. Hooper, pp. 332-333; Mackay, p. 185.
15. Res Gestae, 11.38-41, 58, in The Monumentum Ancyranum, translated by E. G. Hardy (1923).
16. Ibid., H.74-80,85-87.
17. Mackay, p. 185.
18. Suetonius, The Deified Augustus 79, in Lives of the Caesars, p. 84.
19. Tacitus, Annals of Imperial Rome, 1.1.
20. Garthwaite, p. 80.
21. Suetonius, Augustus 31, in The New Testament Background: Selected Documents, edited by C. K. Barrett, p. 5.

22. Hooper, p. 334.
23. Suetonius, Tiberius, in Lives of the Caesars, p. 131.
24. Garthwaite, p. 80.
25. Suetonius, The Deified Augustus 98, in Lives of the Caesars, p. 95.

ГЛАВА ВОСЬМИДЕСЯТАЯ. ЗАКАТ И ВОЗРОЖДЕНИЕ

1. Twitchett and Loewe, p. 225.
2. Clyde Bailey Sargent, trans. Wang Mang: A Translation of the Official Account of His Rise to Power (1977), p. 55.
3. Ibid., p. 178.
4. Hucker, p. 129.
5. Бань Гу, историк эпохи Хань, цит. в: J. A. G. Roberts, p. 57.
6. J. A. G. Roberts, p. 57.
7. Paludan, p. 45.
8. J. A. G. Roberts, p. 59.
9. Michael, p. 82.10. Fenton, p. 141.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ. ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ

1. Suetonius, Tiberius 25, in Lives of the Caesars, p. 111.
2. Ibid.
3. Suetonius, Tiberius 43, in Lives of the Caesars, p. 119.
4. Suetonius, Tiberius 75, in Lives of the Caesars, p. 134.
5. Acts of Thomas, 2.4.
6. Ibid., 1.16.
7. Rom. 6:8-14, NIV.
8. Josephus, Wars of the Jews, H.184-203.
9. Tacitus, Annals of Imperial Rome, 12.62, 280.
10.1. A. Richmond, Roman Britain (1978), p. 30.
11. Ibid., p. 33.
12. Dio Cassius, Roman History (1916), 62.16-1.
13. Tacitus, Annals of Imperial Rome, 15.44.
14. Sulpicius Severus, «The Sacred History of Sulpicius Severus», in Nicene and Post-Nicene Fathers, Second Series, vol. 11, edited by Philip Schaff and Henry Wace (1974), book 2, chapter 29.
15. Suetonius, Nero 57, in Lives of the Caesars, p. 227.
16. Suetonius, Galba, in Lives of the Caesars, pp. 236-237.
17. Hooper, p. 393.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ. ГРАНИЦЫ РИМСКОГО МИРА

1. Hooper, p. 403.
2. Pliny, Letter 6.20 in The Letters of the Younger Pliny (1963).
3. De Vita Caesarum: Domitianus, in Suetonius, edited byj. C. Rolfe (1914), vol. 2,339-385.
4. Domitian 13, in Suetonius, Lives of the Caesars, sec. 13, p. 289.
5. Tacitus, «Life of Cnaeus Julius Agricola», in Complete Works of Tacitus, translated by Alfred John Church and William Jackson Brodribb (1964), pp. 707-708.
6. Scarre, p. 83.
7. Scarre, p. 88.
8. Trajan, in Anthony Birley, Lives of the Later Caesars (1976), p. 44.
9. Epictetus, «Discourses 4», in Discourses, Books 3 and 4, translated by P. E. Matheson (2004), 1.128-131.
10. Dio Cassius, Roman History, p. Ixix.

11. Eusebius, Ecclesiastical History, translated by A. C. McGiffert, 1890.
12. Ibid.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ. ДЕТИ НА ТРОНЕ

1. J. A. G. Roberts, p. 60.
2. Hucker, p. 131.
3. J. A. G. Roberts, p. 60.
4. Fairbank and Goldman, p. 60.
5. Hucker, p. 131.
6. Michael, p. 84.
7. Ibid.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ. ПОРОК НАСЛЕДСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

1. Scarre, p. 110.
2. Marcus Antoninus 2, in Birley, p. 110.
3. Birley, Marcus Antoninus 7, in Birley, p. 115.
4. Birley, Marcus Antoninus 12, in Birley, p. 122.
5. Birley, Marcus Antoninus 17, in Birley, p. 125.
6. Marcus Aurelius, The Meditations of Marcus Aurelius, translated by George Long (1909), 6.2.
7. Ibid., 30.
8. Marcus Antoninus 28, in Birley, p. 136.
9. Scarre, p. 122.
10. Commodus 9, in Birley, p. 170.
11. Commodus 16, in Birley, p. 175.
12. Rafe de Crespigny, trans., To Establish Peace, vol. 1 (1996), p. xi.
13. Ibid., p. 17.
14. Michael, p. 133; Paludan, p. 55.
15. de Crespigny, vol. 1, p. xxxviii.
16. Ibid., vol. 2, p. 396.
17. Hucker, p. 133.
18. Caracallus 2, in Birley, p. 251.
19. Caracallus 4, in Birley, p. 253.
20. Darab Dastur Peshotan Sanjana. The Kamame i Artakhshiri Papakan, Being the Oldest Surviving Records of the Zomastrian Emperor Ardashir Babakan, the Founder of the Sasanian Dynasty in Iran (1896), 1.6.
21. Scarre, p. 147.
22. Birley, Heliogabalus 5, in Birley, p. 293.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ. СПАСИТЕЛЬ ИМПЕРИИ

1. al-Mas’udi, El Masudi's Encyclopedia, Entitled «Meadows of Gold and Mines of Gems>, Book 2 (1841).
2. Curris, p. 61.
3. «Yasna 12: The Zoroastrian Creed», translated by Joseph H. Peterson (electronic text at www. avesta.org, 1997), sections 1,3,9.
4. Jordanes, The Origin, and Deeds of the Goths, translated by Charles C. Mierow (1908) 1.9
5. Jordanes, 2.20.
6. Lactantius, «Of the Manner in Which the Persecutors Died», in The Anti-Nicene Fathers, vol
7. Fathers of the Third and Fourth Centuries, edited by Alexander Roberts and James Donaldson (1974)
7. Ibid.

8. Eutropius, Abridgement of Roman History, translated by John Selby Watson (Bohn, 1853) 9.13.

9. Ibid., 9.14. *

10. Scarre, p. 193.

11. Eusebius, «The Oration of the Emperor Constantine», 24, in Nicene and Post-Nicene Fathers Second Series, Vol. I, edited by Philip Schaff and Henry Wace (1974).

12. Eutropius, 9.18.

13. Ibid., 9.18.

14. Ibid., 9.20.

15. Lactantius, «On the Manner in Which the Persecutors Died»

16. Ibid.

17. Eutropius, 9.23.

18. Ibid., 9.27.

19. Eusebius, «Life of Constantine», in Nicene and Post Nicene Fathers, Second Series, vol. I, edited by Philip Schaff and Henry Wace (1974), 26.

20. Ibid., 28, 29.

21. Ibid.. 38.

Литература

Aeschylus. Persians. Trans. Janet Lembke and C. J. Herington. New York: Oxford University Press, 1981.

-----. The Complete Plays. Vol. 2. Trans. Carl R. Mueller. Hanover, N.H.: Smith and Kraus, 2002.

Aldred, Cyril. Akhenaten, King of Egypt. London: Thames & Hudson, 1988.

Allan, Sarah. «Drought, Human Sacrifice and the Mandate of Heaven in a Lost Text from the 'Shangshu', Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, Vol. 47, no. 3(1984), pp. 523-539.

al-Mas'udi, Abu. El MasudVs Historical Encyclopedia, Entitled «Meadows of Gold and Mines of Gems*. London: Oriental Translation Fund, 1841.

Anthes, Rudolf. «Egyptian Theology in the Third Millennium B.C.» Journal of Near Eastern Studies, Vol. 18, no. 3 (Jul. 1959), pp. 169-212.

Apollodorus. The Library. Trans. Sir James George Frazer. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1921.

Appian. The Civil Wars. Trans. Oliver J. Thatcher. In The Library of Original Sources, vol. 3: The Roman World, ed. Oliver J. Thatcher. New York: University Research Extension Co., 1901. Aristophanes. Lysistrata. (Trans, anonymous.) London: Athenian Society, 1912.

-----. The Birds and Other Plays. Trans. David Barrett and Alan H. Sommerstein. New York: Penguin Books, 2003.

Armstrong, Karen. Buddha. New York: Penguin Books, 2004.

Arrian. The Campaigns of Alexander. Trans. Aubrey de Selincourt. New York: Penguin Books, 1971. Assmann, Jan. The Mind of Egypt: History and Meaning in the Time of the Pharaohs. Trans. Andrew Jenkins. New York: Henry Holt and Company, 2002.

Astour, Michael C. «841 B.C.: The First Assyrian Invasion of Israel». Journal of the American Oriental Society, Vol. 91, no. 3 (Jul. — Sep. 1971), pp. 383-389.

Bailkey, Nels. «Early Mesopotamian Constitutional Development». American Historical Review, Vol. 72, no. 4 Oul. 1967), pp. 1211-1236.

Batamki, Dimitri. Phoenicia and the Phoenicians. Beirut: Khayats, 1961.

Barrett, C. K., ed. The New Testament Background: Selected Documents. Revised and expanded ed. San Francisco: HarperSanFrancisco, 1989.

Barton, Carlin A. «The Scandal of the Arena». Representations 27 (Summer 1989), pp. 1-36. Basham, A. L:The Wonder That Was India. New York: Hawthorn Books, 1963.

Bauer, Susan Wise. The Well-Educated Mind: A Guide to the Classical Education You Never Need. New York: W. W. Norton, 2003.

Betancourt, Philip P. «The Aegean and the Origin of the Sea Peoples». Pp. 297-301 in The Sea Peoples and Their World: A Reassessment, ed. Eliezer D. Oren. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum, 2000.

Biblia Hebraica Stuttgartensia. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1984.

Bienkowski, Piotr, and Alan Millard, eds. Dictionary of the Ancient Near East. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2000.

Birley, Anthony, trans. Lives of the Later Caesars: The First Part of the Augustan History, with Newly Compiled Lives of Nerva and Trajan. New York: Penguin Books, 1976.

Birrell, Anne. Chinese Mythology: An Introduction. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 1993/

Black, J. A., G. Cunningham, J. Ebeling, E. Fliickiger-Hawker, E. Robson, J. Taylor, and G.

Zolyomi. The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature. Oxford: Oriental Institute, University of Oxford, 1998-. http://www-etcsl.orient.ox.ac.uk/.

Boatwright, Mary T., Daniel J. Gargola, and Richard J. A. Talbert. The Romans: From Village to Empire. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Bottero, Jean. Everyday Life in Ancient Mesopotamia. Trans. Antonia Nevill. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 2001.

Breasted, James Henry. Ancient Records of Egypt: Historical Documents from the Earliest Times to the Persian Conquest. Vols. 1-4. Chicago: University of Chicago Press, 1906-1907.

-----. A History of Egypt. New York: Bantam Books, 1967.

Briant, Pierre. From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire. Trans. Peter T. Daniels. Winona Lake, Ind.: Eisenbrauns, 2002.

Bright, John. A History of Israel, id ed. Philadelphia: Westminster Press, 1974.

Brinkman, J. A. «Elamite Military Aid to Merodach-Baladan*.Journal of Near Eastern Studies, Vol. 24, no. 3, Oul-1965), pp. 161-166.

-----. A Political History of Post-Kassite Babylonia, 1158-722 BC. Rome: Pontificium Institutum Biblicum, 1968.

-----. «Foreign Relations of Babylonia from 1600 to 625 BC: The Documentary Evidence». American Journal of Archaeology, Vol. 76, no. 3 (Jul. 1972), pp. 271-281.

-----. «Through a Glass Darkly: Esarhaddon's Retrospects on the Downfall of Babylon». Journal of the American Oriental Society, Vol. 103, no. 1 (Jan.-Mar. 1983), pp. 35-42.

Brosius, Maria, trans, and ed. The Persian Empire from Cyrus II to Artaxerxes I (LACTOR 16). Kingston upon Thames: London Association of Classical Teachers-Original Records, 2000.

Bryce, Trevor. Life and Society in the Hittite World. New York: Oxford University Press, 2002.

Buckley, Terry. Aspects of Greek History, 750-323 BC: A Source-Based Approach. New York: Routledge, 1996. •

Budge, Ernest A. Wallis. Tutankhamen: Amenism, Atenism, and Egyptian Monotheism. London: Martin Hopkinson and Co., 1923.

Buhler, Georg, trans. The Laws of Manu: Sacred Books of the East. Vol. 25. Ed. E Maxmuller. 1886. Reprint, Delhi: Banarsidass, 1970.

Caesar. The Conquest of Gaul. Trans. S. A Handford. Revised and updated by Jane Gardner. New York: Penguin Books, 1982.

Carneiro, R. L. «A Theory of the Origin of the State». In Science, Vol. 169 (1970), pp. 733-738.

Carrithers, Michael. Buddha: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Castleden, Rodney. Minoans: Life in Bronze Age Crete. London: Routledge, 1990.

Chadwick, John. Linear B and Related Scripts. Berkeley: University of California Press, 1987.

Chang, Kwang-Chih. Shang Civilization. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1980.

Chi, Tsui. A Short History of Chinese Civilisation. London: Victor Gollancz Ltd., 1942.

Ch'ien, Ssu-ma. The Grand Scribe's Records, Vol. 1: The Basic Annals of Pre-Han China. Ed. William H. Nienhauser, Jr. Trans. Tsai-fa Cheng, Zongli Lu, William H. Nienhauser, Jr., and Robert Reynolds. Bloomington: Indiana University Press, 1994.

Childs, Brevard S. Isaiah and the Assyrian Crisis. London: SCM Press, 1967.

Cicero. On the Commonwealth and On the Laws. Trans, and ed. James E. G. Zetzel. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Cioffi-Revilla, Claudio, and David Lai. «War and Politics in Ancient China, 2700 BC to 722 BC: Measurement and Comparative Ana\ysis* Joumal of Conflict Resolution, Vol. 39, no.3 (Sep. 1995), pp. 467-494.

Clayton, Peter A. Chronicle of the Pharaohs: The Reign-by-Reign Record of the Rulers and

Dynasties of Ancient Egypt. London: Thames & Hudson, 1994.

Clements, Jonathan. Confucius: A Biography. Phoenix Mill, U.K.: Sutton Publishing, 2004.

Cline, Eric. Jerusalem Besieged: From Ancient Canaan to Modem Israel. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2004.

Cook, Constance A. «Wealth and the Western Zhou». Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, Vol. 60, no. 2 (1997), pp. 253-294.

Cook, J. M. The Persian Empire. New York: Schocken Books, 1983.

Cooper, J. S. Sumerian and Akkadian Royal Inscriptions. Vol. I, Presargonic Inscriptions. New Haven, Conn.: American Oriental Society, 1986.

Cornell, T. J. The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000-264 BC). New York: Routledge, 1995.

Cotterell, Arthur. The First Emperor of China. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1981.

-----. China: A Cultural History. New York: New American Library, 1988.

Cottrell, Leonard. Hannibal: Enemy of Rome. New York: Da Capo Press, 1992.

Crawford, Harriet. Sumer and the Sumerians. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Cunliffe, Barry. The Extraordinary Voyage of Pytheas the Greek: The Man Who Discovered Britain. London: Penguin Books, 2002.

Cunnison, Ian. The Luapula Peoples of Northern Rhodesia. Manchester Manchester University Press, 1959.

Curtis, John. Ancient Persia. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990.

Dales, G. F. «The Mythical Massacre at Mohenjo Daro». In Ancient Cities of the Indus, ed. G. L. Possehl. New Delhi: Vikas, 1979.

Dailey, Stephanie, ed. and trans. Myths from Mesopotamia. Rev. ed. New York: Oxford University Press, 2000.

David, A. Rosalie. The Egyptian Kingdoms. New York: Peter Bedrick Books, 1988.

-----. Religion and Magic in Ancient Egypt. New York: Penguin Books, 2002.

Davies, W. V. Egyptian Hieroglyphs: Reading the Past. Berkeley: University of California Press, 1987. De Crespigny, Rafe, trans. To Establish Peace: Being the Chronicle of Later Han for the Years 189220 AD as Recorded in Chapters 59 to 69 of the Zizhi Tongjian of Sima Guang. Vol. 1: Chapters 59-63, 189-200 AD. Canberra: Australian National University, 1996.

-----. To Establish Peace: Being the Chronicle of Later Han for the Years 189-220 AD as Recorded in Chapters 59 to 69 of the Zizhi Tongjian of Sima Guang. Vol. 2: Chapters 64-69,201-220 AD. Canberra: Australian National University, 1996.

Diakonoff, I. M., ed. Early Antiquity, trans. Alexander Kirjanov. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

Diamond, Jared. Gum, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies. New York: W. W. Norton, 1997. Dickson, D. Bruce. «Circumscription by Anthropogenic Environmental Destruction: An Expansion of Cameiro's (1970) Theory of the Origin of the State». American Antiquity, Vol. 52, no. 4 (Oct. 1987), pp. 709-716.

Di Cosmo, Nicola. Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Dio Cassius. Roman History. Loeb Classical Library. Trans. Earnest Cary. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1916.

Diodorus Siculus. Bibliotheca Historica. Trans. John Skelton. Ed. F. M. Salter and H. L. R. Edwards. London: Early English Text Society, 1956.

Dionysius of Halicarnassus. Roman Antiquities. Vol. 1, Books /-//. Trans. Earnest Cary. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1937.

-----. Roman Antiquities. Vol. 2, Books III-IV. Trans. Earnest Cary. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1939.

Dodson, Aidan and Dyan Hilton. The Complete Royal Families of Ancient Egypt. London: Thames & Hudson, 2004.

Dougherty, Raymond Philip. Nabonidus and Belshazzar: A Study of the Closing Events of the NeoBaby bnian Empire. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1929.

Doumas, Christos G. Thera, Pompeii of the Ancient Aegean: Excavations at Akrotiri 1967-79. London: Thames & Hudson, 1983.

Dundas, Paul. TheJains. 2d ed. New York: Routledge, 2002.

Duyvendak, J. J. L., trans. The Book of Lord Shang. A Classic of the Chinese School of Law. London: Arthur Probsthain, 1928.

Edgerton, Franklin, ed. and trans. The Beginnings of Indian Philosophy: Selections from the Rig Veda, Atharva Ved, Upanisads, and Mahabharata. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1965. Epictetus. «Discourses 4». In Discourses, Books3 and4, trans. P. E. Matheson. New York: Dover, 2004. Eusebius. Ecclesiastical History. Trans. A. C. McGiffert. New York: Select Library of Nicene and Post-Nicene Fathers, 1890.

-----. «Life of Constantine». In Nicene and Post Nicene Fathers, Second Series, vol. I, ed. Philip Schaffand Henry Wace. Reprint, Grand Rapids, Mich.: W. B. Eerdmans, 1974.

-----. «The Oration of the Emperor Constantine». In Nicene and Post-Nicene Fathers, Second Series, vol. 1, ed. Philip Schaffand Henry Wace. Reprint, Grand Rapids, Mich.: W. B. Eerdmans, 1974.

Eutropius. Abridgement of Roman History. Trans. John Selby Watson. London: Henry G. Bohn, 1853.

Fairbank, John King, and Merle Goldman. China: A New History. Enlarged ed. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002.

Fenton, John Y, Norvin Hine, Frank E Reynolds, Alan L. Miller, Niels C. Nielson, Jr., Grace G. Burford, and Robert K. C. Forman, Religions of Asia, third edition. New York: St. Martin’s Press, 1993. Finley, M. I. Ancient Slavery and Modem Ideology. New York: Viking Press, 1980.

Fischer, Steven Roger. A History of Writing. London: Reaktion Books, 2001.

Fitton, J. Lesley. Minoans. London: British Museum Press, 2002.

Flower, Harriet I., ed. The Cambridge Companion to the Roman Republic. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Forsythe, Gary. A Critical History of Early Rome: From Prehistory to the First Punic War. Berkeley: University of California Press, 2005.

Foster, Benjamin R. Before the Muses: An Anthology of Akkadian Literature. Vol. 1, Archaic, Classical, Mature. 2d edition. Bethesda, Md.: CDL Press, 1996.

-----. Before the Muses: An Anthology of Akkadian Literature. Vol. 2m Mature, Late. 2d ed. Bethesda, Md.: CDL Press, 1996.

Fowler, Robert, ed. The Cambridge Companion to Homer. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Frame, Grant. Rulers of Babylonia from the Second Dynasty oflsin to the End of Assyrian Domination (1157-612 BC). Toronto: University of Toronto Press, 1995.

Frankel, David. The Ancient Kingdom of Urartu. London: British Museum Publications, 1979. Fredricksmeyer, Ernest A. «Alexander, Midas, and the Oracle at Goridum». Classical Philology, Vol. 56, no. 3 (Jul 1961), pp. 160-168.

Gagarin, Michael. Drakon and Early Athenian Homicide Law. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1981.

Garthwaite, Gene R. The Persians. London: Blackwell Publishing, 2005.

Gimbutas, Marija. «European Prehistory: Neolithic to the Iron Age». Biennial Review of Anthropology, Vol. 3 (1963), pp. 69-106.

Giorgadze, G. G. «The Hittite Kingdom». Pp. 266-285 in Early Antiquity, ed. I. M. Diakonoff, trans. Alexander Kiijanov. Chicago: University of Chicago Press, 1991, pp. 266-285.

Gordon, Cyrus H. The Common Background of Greek and Hebrew Civilizations. New York: W. W. Norton, 1965.

Gosden, Chris. Prehistory: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2003. Grayson, A. K. Assyrian and Babylonian Chronicles (texts from Cuneiform Sources, vol. 5). Locust Valley, N.Y.: J. J. Augustin, 1975.

Green, Peter. Alexander of Macedon, 356-323 BC: A Historical Biography. Berkeley: University of California Press, 1991.

Griscom, Acton. The Historia Regum Britannia of Geoffrey of Monmouth. New York: Longmans, Green and Co., 1929.

Hackett, John Winthrop, ed. Warfare in the Ancient World. London: Sidgwick & Jackson, 1989. Hamilton, Victor P. The Book of Genesis: Chapters 1-17. Grand Rapids, Mich.: W. B. Eerdmans, 1990. Hardy, Dean, and Maijorie Killick. Pyramid Energy: The Philosophy of God, the Science of Man. Hagerstown, Md.: Tri-State Printing, 1994.

Hardy, E. G., ed. The Monumentum Ancyranum. Oxford: Clarendon Press, 1923.

Hardy, Robert S. «The Old Hittite Kingdom: A Political History». American Journal of Semitic Languages and Literatures, Vol. 58, no. 2 (Apr. 1941), pp. 177-216.

Harvey, Peter. An Introduction to Buddhism: Teachings, History, and Practices. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Haspels, C. H. Emilie. The Highlands of Phrygia: Sites and Monuments. Vol. 1: The Text. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1971.

Haupt, Paul. «Xenophon's Account of the Fall ofNineveh». Journal of the American Oriental Society, Vol. 28 (1907), pp. 99-107.

Heaton, E. W. Solomon's New Men: The Emergence of Ancient Israel as a National State. New York: Pica Press, 1974.

Henze, Matthias. The Madness of King Nebuchadnezzar: The Ancient Near Eastern Origins and Early History of Interpretation of Daniel 4. Leiden: Koninklijke Brill, 1999.

Herodotus. The Histories. Trans. Robin Waterfield. New York: Oxford University Press, 1998. Hesiod. Theogony, Works and Days, Shield. Trans. Apostolos N. Athanassakis. Baltimore, Md: Johns Hopkins University Press, 2004.

Heurgon, Jacques. Daily Life of the Etruscans. Trans. James Kirkup. New York: Macmillan Company, 1964.

Hodge, A. Trevor. Ancient Greek France. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1998. Homer. The Iliad. Trans. Alexander Pope. 1713. Online text available at Project Gutenberg, www. gutenberg.org/etext/6130.

-----. The Iliad. Trans. Samuel Butler. 1898. Online text available at Project Gutenberg, www.gutenberg.org/etext/2199.

-----. The Odyssey. Trans. Samuel Butler. 1898. Online text available at Project Gutenberg, www.gutenberg.org/etext/1727.

-----. The Iliad. Trans. E. V. Rieu. New York: Penguin Books, 1950.

-----. The Iliad. Trans. Robert Fitzgerald. New York: Doubleday, Hooker, J. T. «Homer and Late Minoan Crete*. Journal of Hellenic Studies, Vol. 89 (1969), pp. 60-71.

Hooper, Finley. Roman Realities. Detroit, Mich.: Wayne State University Press, 1979.

Hoy land, Robert G. Arabia and the Arabs: From the Bronze Age to the Coming of Islam. New

York: Routledge, 2001.

Hsu, Cho-yun. Ancient China in Transition: An Analysis of Social Mobility, 722-222 BC. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1965.

Hucker, Charles O. China's Imperial Past: An Introduction to Chinese History and Culture. London: Duckworth & Co., 1975.

Isocrates. Isocrates II, trans. Terry L. Papillon. Austin: University of Texas Press, 2004.

Jacobsen, Thorkild. Salinity and Irrigation Agriculture in Antiquity: Diayala Basin Archaeological Report on Essential Results, 1957-58 (Bibliotheca Mesopotamia, no. 14). Lancaster, Calif: Undena Publications, 1982.

James, M. R. The Apocryphal New Testament. Oxford: Clarendon Press, 1924. James, Peter, and Nick Thorpe. Ancient Mysteries. New York: Ballantine Books, 1999.

Johnston, Christopher. «The Fall ofNineveh». Journal ofthe American Oriental Society, Vol. 22 (1901), pp. 20-22.

Jordan, Paul. Riddles of the Sphinx. Photographs by John Ross. New York: New York University Press, 1998.

Jordanes. The Origin and Deeds of the Goths. Trans. Charles C. Mierow. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1908.

Josephus. The Works ofjosephus. Trans. William Whiston. Peabody, Mass.: Hendrickson Publishers, 1987.

Justin. The History. In William Steams Davis, ed., Readings in Ancient History, vol. 2, Greece and the East. Boston: Allyn and Bacon, 1912.

Kamoo, Ray. Ancient and Modem Chaldean History: A Comprehensive Bibliography of Sources. Lanham, Md.: Scarecrow Press, 1999.

Kaplan, Edward. An Introduction to East Asian Ciznlizations: The Political History of China, Japan, Korea and Mongolia from an Economic and Social History Perspective. Bellingham: Western Washington University, 1997.

Keay, John. India: A History. New York: Grove Press, 2000.

Khantipalo, Bhikkhu. Lay Buddhist Practice: The Shrine Room, Uposatha Day, Rains Residence. Kandy: Buddhist Publication Society, 1982.

King, L. W The Letters and Inscriptions of Hammurabi, Vols. 1-3.1900, Luzac & Co. Reprint, New York: AMS Press, 1976.

Kister, M. J. «...and He Was Bom Circumcised...: Some Notes on Circumcision in Hadith». Oriens, Vol. 34 (1994), pp. 10-30.

Kitchen, K. A., trans. Ramesside Inscriptions, Historical and Biographical. Vol. 4. Oxford: Oxford University Press, 1969.

Knott, Kim. Hinduism: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Konon. Narratives. In Malcolm Brown, The Narratives of Konon: Text, Translation and Commentary of the Diegesis. Munich: K. G. Saur Verlag, 2003.

Kovacs, Maureen Gallery. The Epic of Gilgamesh. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1989.

Kraeling, Emil G. «The Death of Sennacherib». Journal of the American Oriental Society, Vol. 53, no. 4 (Dec. 1933), pp. 335-345.

Kramer, Samuel Noah. From the Tablets of Sumer: Twenty-Five Firsts in Man's Recorded History. Indian Hills, Colo.: Falcon's Wing Press, 1956.

-----. The Sumerians: Their History, Culture, and Character. Chicago: University of Chicago Press, 1963.

-----. History Begins at Sumer: Thirty-Nine Firsts in Mom's Recorded History. 3rd rev. ed.

Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.

Kristensen, Anne Katrine Gade. Who Were the Cimmerians, and Where Did They Come From? Trans. Jorgen Laessoe. Copenhagen: Det kongelige Danske videnskabemes selskab, 1988.

Kulke, Hermann, and Dietmar Rothermund. A History of India. 3rd ed. New York: Routledge, 1998.

Lackenbacher, Silvie. Le roi bdtisseur. Les recits de construction assyriens des origins a Teglatphala-sarlll. Paris: Etudes assyriologiques, 1982.

Lactantius. «Of the Manner in Which the Persecutors Died». In The Anti-Nicene Fathers, vol. 7: Fathers of the Third and Fourth Centuries, ed. Alexander Roberts and James Donaldson. Reprint, Grand Rapids, Mich.: W. B. Eerdmans, 1974.

Laessoe, Jorgen. People of Ancient Assyria: Their Inscriptions and Correspondence. Trans. F. S. Leigh-Browne. London: Routledge & Kegan Paul, 1963.

Lambert, W. G. «Studies in Marduk». Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, Vol. 47, no. 1 (1984), pp. 1-9.

Leach, Edmund. «The Mother's Brother in Ancient Egypt». RAIN [Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland], no. 15. (Aug. 1976), pp. 19-21.

Lee, Shu-Ching. «Agrarianism and Social Upheaval in China». The American Journal of Sociology, Vol. 56, no. 6 (May 1951), pp. 511-518.

Legge, James, trans. The Sacred Books of the East. Vol. 27, The Texts of Confucianism, Li Ki, 1-X. Reprint of the original Oxford University Press ed. Delhi: Motilal Banarsidass, 1968.

-----. Confucian Analects, The Great Learning, and the Doctrine of the Mean. Reprint of the original Clarendon Press 2d rev. ed. (vol. 1 in The Chinese Classics series). New York: Dover, 1971. Leick, Gwendolyn. Mesopotamia: The Invention of the City. New York: Penguin Books, 2001.

-----. The Babylonians: An Introduction. New York: Routledge, 2003.

Lewis, Jon E., ed. Ancient Egypt. New York: Carroll & Graf, 2003.

Lichtheim, Miriam. Ancient Egyptian Literature. Vol. 1. Berkeley: University of California Press, 1975. Liu, Li, and Xingcan Chen. State Formation in Early China. London: Gerald Duckworth & Co., 2003. Livy. The History of Rome. Vol. 6 (Books 40-45 of The History of Rome from Its Foundation). Trans. E. Roberts. New York: J. M. Dent and Sons, 1912.

-----. The War With Hannibal: Books XXI-XXX of The History of Rome from Its Foundation. Trans. Aubrey de Selincourt. New York: Penguin Books, 1965.

-----. The Early History of Rome, Books I- V of The History of Rome from Its Foundation. Trans. Aubrey de Selincourt. New York: Penguin Books, 1971.

-----. Rome and Italy, Books VI-X of The History of Rome from Its Foundation. Trans. Betty Radice. New York: Penguin Books, 1982. *

-----. Ancient Records of Assyria and Babylon, Volume II: Historical Records of Assyria from Sargon to the End. Chicago: University of Chicago Press, 1927.

Luckenbill, Daniel David. The Annals of Sennacherib. Chicago: University of Chicago Press, 1924.

-----. «The First Inscription of Shalmaneser V». American Journal of Semitic Languages and Literatures, Vol. 41, no. 3 (Apr. 1925), pp. 162-164.

-----. The Dawn of the Roman Empire, Books 31-40 [of The History of Rome from Its Foundation). Trans. J. C. Yardley. Oxford: Oxford University Press, 2000.

------. Ancient Records of Assyria and Babylon, Volume I: Historical Records of Assyria from the Earliest Times to Sargon. Chicago: University of Chicago Press, 1926.

Macaulay, Thomas Babington. «Horatius: A Lay Made About the Year of the City CCCLX». In Lays of Ancient Rome. London: Longman, Brown, Green & Longmans, 1842.

Mackay, Christopher S. Ancient Rome: A Military and Political History, Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Maier, Bernhard. The Celts: A History from Earliest Times to the Present, Trans. Kevin Windle. Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press, 2003.

Malamat, A. «Cushan Rishathaim and the Decline of the Near East around 1200 ЂС*. Journal of Near Eastern Studies, Vol. 13, no. 4 (Oct. 1954), pp. 231-242.

Mallowan, M. E. L. Early Mesopotamia and Iran. New York: McGraw-Hill, 1965. Macqueen, J. G. The Hittites and their Contemporaries in Asia Minor. London: Thames and Hudson, 1996.

Marcus Aurelius. The Meditations of Marcus Aurelius. Trans. George Long. Vol. 2 of The Harvard Classics. Ed. Charles W. Eliot. New York: P. F. Collier & Sons, 1909.

Matyszak, Philip. Chronicle of the Roman Republic, London: Thames & Hudson, 2003. McCullough, David Willis, ed. Chronicles of the Barbarians: Eyewitness Accounts ofPilage and Conquest from the Ancient World to the Fall of Constantinople. New York: History Book Club, 1998. McEvedy, Colin. The New Penguin Atlas of Ancient History. New York: Penguin Books, 2002. Mencius. Mencius. Trans. D. C. Lau. New York: Penguin Books, 1970.

Michael, Franz. China Througjt the Ages: History of a Civilization. Boulder, Colo.: Westview Press, 1986. Momigliano, Amaldo. «An Interim Report on the Origins of Rome p. Journal of Roman Studies, Vol. 53, Pts. 1-2 (1963), pp. 95-121.

Moran, William L., ed. and trans. TheAmama Letters. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 1992.

Morkot, Robert. The Penguin Historical Atlas of Ancient Greece. London: Penguin Books, 1996. Mouw, Richard J., and Mark A. Noll, eds. Wonderful Words of Life: Hymns in American Protestant History and Theology. Grand Rapids, Mich.: W. B. Eerdmans, 2004.

Muller, F. Max, trans. The Sacred Books of the East. Vol. 10, The Dhammapada. Oxford: Clarendon Press, 1991.

Narasimhan, Chakravarthi V, trans. The Mahabharata: An English Version Based on Selected Verses. New York: Columbia University Press, 1998.

Narayanan, Vasudha. Hinduism: Origins, Beliefs, Practices, Holy Texts, Sacred Places. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Nicolaus of Damascus. Life of Augustus. Trans. Clayton M. Hall. Menasha, Wise: George Banta Pub. Co., 1923.

Oates, Joan. Babylon. London: Thames & Hudson, 1979.

O'Connor, David. «The Sea Peoples and the Egyptian Sources». Pp. 85-102 in The Sea Peoples and Their World: A Reassessment, ed. Eliezer D. Oren. Philadelphia: The University of Pennsylvania Museum, 2000.

O'Connor, David, and Eric H. Cline. Amenhotep III: Perspectives on His Reign. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998.

Ogilvie, R. M. «Introduction: Livy». In Livy, The Early History of Rome, Books I-Vof The History of Rome from Its Foundation, trans. Aubrey de Selincourt. New York: Penguin Books, 1971. O'Hogain, Daithi. The Celts: A History. Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 2002.

Olmstead, A. T. «Tiglath-Pileser I and His Wats*. Journal of the American Oriental Society, Vol. 37(1917), pp. 169-185.

-----. History of Assyria. New York: Charles Scribner's Sons, 1923.

-----. History of the Persian Empire. Chicago: University of Chicago Press, 1959.

Oppenheim, A. Leo. «The City of Assur in 714 B.C> Journal of Near Eastern Studies, Vol. 19, no. 2 (Apr. 1960), pp. 133-147

------. Ancient Mesopotamia: Portrait of a Dead Civilization. Rev. ed. Chicago: University of

Chicago Press, 1977.

Oren, Eliezer D., ed. The Hyksos: New Historical and Archaeological Perspectives. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum, 1997.

Paludan, Ann. Chronicle of the Chinese Emperors: The Reign-by-Reign Record of the Rulers of Imperial China. London: Thames & Hudson, 1998.

Pellegrino, Charles. Return to Sodom and Gomorrah. New York: Avon Books, 1994.

Perlin, John. Forest Journey: The Role of Wood in the Development of Civilization. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991.

Peterson, Joseph H., trans. «Yasna 12: The Zoroastrian Creed». Electronic text at www.avesta. org, 1997.

Petrie, William Flinders. Researches in Sinai. New York: E. P. Dutton & Co., 1906.

Pfeiffer, Charles F. Old Testament History. Washington, D.C.: Canon Press, 1973.

Phillips, E. D. «The Scythian Domination in Western Asia: Its Record in History, Scripture, and Archaeology*. World Archaeology, Vol. 4, no. 2 (Oct. 1972), pp. 129-138.

Pliny the Younger. The Letters of the Younger Pliny. Trans. Betty Radice. New York: Penguin Books, 1963.

Plutarch. Fall of the Roman Republic: Six Lives by Plutarch. T rans. Rex Warner. New York: Penguin Books, 1972.

-----. Greek Lives. Trans. Robin Waterfield. Oxford: Oxford University Press, 1998.

-----. Plutarch's Lives. Vols. 1 and 2: The Dryden Translation. Ed. Arthur Hugh Clough. New York: Modem Library, 2001.

-----. The Life of Alexander the Great. Trans. John Dryden. New York: Modem Library, 2004.

Polybius. The Histories. Trans. Evelyn S. Shuckburgh. New York: Macmillan, 1889.

-----. The Rise of the Roman Empire. Trans. Ian Scott-Kilvert. Ed. F. W. Walbank. New York: Penguin Books, 1979.

Pomeroy, Sarah B., Stanley M. Burstein, Walter Donlan, and Jennifer Tolbert Roberts. Ancient Greece: A Political, Social, and Cultural History. New York: Oxford University Press, 1999.

Possehl, Gregory L. «The Mohenjo-daro Floods: A Reply». American Anthropologist, New Series, Vol., 69, no. 1 (Feb. 1967), pp. 32-40.

Possehl, Gregory L., ed. Ancient Cities of the Indus. New Delhi: Vikas, 1979.

Postgate, J. N. «The Land of Assur and the Yoke of Assur». World Archaeology, Vol. 23, no. 3 (Feb. 1992), pp. 247-263.

Pound, Ezra, trans. The Confucian Odes: The Classic Anthology Defined by Confucius. New York: New Directions, 1954. Pritchard, James B., ed. The Ancient Near East: An Anthology of Texts and Pictures. Princeton, N.J.:

Princeton University Press, 1958. Prusek, Jaroslav. Chinese Statelets and the Northern Barbarians in the Period 1400-300 Be. New York: Humanities Press, 1971.

Qian, Sima. Records of the Grand Historian, Han Dynasty I. Rev. ed. Trans. Burton Watson. New York: Columbia University Press, 1993.

-----. Historical Records. Trans. Raymond Dawson. Oxford: Oxford University Press, 1994.

The Quran. Trans. Abdullah Yusuf Ali. Hertfordshire, England: Wordsworth Editions Ltd., 2000.

Rackham, H., trans. Aristotle in 23 Volumes, Vol. 21. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1944.

-----. Aristotle in 23 Volumes, Vol. 20. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1952.

Radau, Hugo. Early Babylonian History Down to the End of the Fourth Dynasty of Ur. New York: Oxford University Press, 1899.

Radhakrishnan, Sarvepalli, and Charles A. Moore, eds. A Sourcebook in Indian Philosophy.

Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1957.

Reade, Julian. «Assyrian King-Lists, the Royal Tombs of Ur, and Indus Origins». Journal of Near Eastern Studies, Vol. 60, no. 1 (Jan. 2001), pp. 1-29.

Redford, Donald B. Akhenaten: The Heretic King. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1984.

-----. Egypt, Canaan, and Israel in Ancient Times. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1992.

-----. From Slave to Pharaoh: The Black Experience of Ancient Egypt. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 2004.

Redmount, Carol A. «The Wadi Tumilat and the 'Canal of the Pharoahs'. * Journal of 'Near Eastern Studies, Vol. 54, no. 2 (Apr. 1995), pp. 127-135.

Reeves, Nicholas. The Complete Tutankhamun: The King, The Tomb, The Royal Treasures. London: Thames & Hudson, 1995.

Reynolds, Francis, ed. State Archives of Assyria. Vol. 18, The Babylonian Correspondence ofEsar-haddon and Letters to Assurbanipal and Sin-saru-iskun from Northern and Central Babylonia. Helsinki: Helsinki University Press, 2003.

Rhys Davids, T. W., trans. The Questions of King Milinda. Originally printed in 1890 and 1894 as vols. 35 and 36 of the Sacred Books of the East. Reprint, New York: Dover, 1963.

Rice, Michael. Egypt's Making: The Origins of Ancient Egypt 5000-2000 BC. 2d ed. New York: Routledge, 2003.

Richmond, I. A. Roman Britain, xd ed. New York: Viking Press, 1978. Rickett, W. Allyn, trans. Guanzi: Political Economic, and Philosophical Essays from Eariy China, vol. 1. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1985.

Ridgway, David. Italy Before the Romans: The Iron Age. San Diego, Calif: Academic Press, 1979.

Roaf, Michael. Cultural Atlas of Mesopotamia and the Ancient Near East. New York: Facts On File, 1996.

Roberts, J. A. G. The Complete History of China. Gloucestershire, U.K.: Sutton Publishing, 2003. Roberts, J. M. The Penguin History of the World. New York: Penguin Books, 1997.

Rogers, Guy MacLean. Alexander: The Ambiguity of Greatness. New York: Random House, 2004. Rogers, R. W. A History of Babylonia and Assyria. Vol. 1. Freeport, N.Y.: Books for Libraries Press, 1971. Rogerson, John. Chronicle of the Old Testament Kings. London: Thames & Hudson, 1999.

Rolfe, J. C, ed. Suetonius. 2 vols. Loeb Classical Library. New York: Macmillan Co., 1914.

Rufus, Quintus Curtius. The History of Alexander. Trans. John Yardley. New York: Penguin Books, 2001. Russell, John Malcolm. The Writing on the Wall: Studies in the Architectural Context of Late Assyrian Palace Inscriptions. Winona Lake, Ind.: Eisenbrauns, 1999.

Ryan, William, and Walter Pitman. Noah's Mood: The New Scientific Discoveries about the Event That Changed History. New York: Touchstone, 2000.

Sack, Ronald H. Images of Nebuchadnezzar: The Emergence of a Legend, 2d revised and expanded ed. Selinsgrove, Penn.: Susquehanna University Press, 2004.

Saggs, H. W. F. The Might That Was Assyria. London: Sidgwick & Jackson, 1984.

-----. Babylonians. Norman: University of Oklahoma Press, 1995.

Sallust. TheJugurthine War/The Conspiracy of Cataline. Trans. S. A. Handford. New York: Penguin Books, 1963.

Salmon, Edward T. The Making of Roman Italy. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1982. Sancisi-Weerdenburg, Heleen, ed. Achaemenid History I: Sources, Structures and Synthesis. Leiden:

Nederlands Instituut Voor Het Nabije Oosten, 1987.

Sancisi-Weerdenburg, Heleen, and Amelie Kuhrt, eds. Achaemenid History II: The Greek Sources. Leiden: Nederlands Instituut Voor Het Nabije Oosten, 1987.

Sandars, N. K., trans. The Epic ofGilgamesh. New York: Penguin Books, 1972.

Sanjana, Darab Dastur Peshotan. The Kamame i Artakhshir i Papakan, Being the Oldest Surviving Records of the Zoroastrian Emperor Ardashir Babakan, the Founder of the Sasanian Dynasty in Iran. Bombay: Steam Press, 1896.

Sargent, Clyde Bailey, trans. WangMang.A Translation of the Official Account of his Rise to Power. Reprint, Westport, Conn.: Hyperion Press, 1977.

Sasson, Jack M. «The King and I: A Mari King in Changing Perceptions». Journal of the American Oriental Society, vol. 118, no. 4 (1998), pp. 453-470.

-----. Hebrew Origins: Historiography, History, Faith of Ancient Israel. Hong Kong: Theology Division, Chung Chi College, 2002.

Scarre, Chris. Chronicle of the Roman Emperors. London: Thames & Hudson, 1995. Schoene, A., and H. Petermann, trans, Armeniam versionem Latine factam ad libros manuscriptos recensuit H. Petermann. Graeca fragmenta collegit et recognovit, appendices chronographicas sex adiecit A. Schoene (vol. 1). Berlin [publisher unknown], 1875.

Schulman, Alan R. «Diplomatic Marriage in the Egyptian New Kingdom». Journal of Near Eastern Studies, Vol. 38, no. 3 (Jul. 1979), pp. 177-193.

Schwartz, Daniel. The Great Wall of China. London: Thames & Hudson, 2001.

Scullard, H. H. A History of the Roman World, 753 to 146 Be. 5th edition. New York: Routledge, 2003. Seidlmayer, Stephan. «The First Intermediate Period». Pp. 118-147 in The Oxford History of Ancient Egypt, ed. Ian Shaw. New York: Oxford University Press, 2002.

Settis, Salvatore, ed. The Land of the Etruscans: From Prehistory to the Middle Ages. Florence, Italy: Scala Books, 1985.

Shah, Bharat S. An Introduction toJainism. 2d U.S. ed. Great Neck, N.Y.: Setubandh Publications, 2002. Shaughnessy, Edward L. «Historical Perspectives on the Introduction of the Chariot into China». HarvardJournal of Asiatic Studies, Vol. 48, no. 1 (Jun. 1988), pp. 189-237.

-----. «Western Zhou History». Pp. 292-351 in The Cambridge Historu of Ancient China: From the Origins of Civilization to 221 B.C., ed. Michael Loewe and Edward L. Shaughnessy. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Shaw, Ian, ed. The Oxford History of Ancient Egypt. New York: Oxford University Press, 2002. Sherwin-White, A. N. The Roman Citizenship, xd ed. Oxford: Clarendon Press, 1973.

Silverman, David P., general ed. Ancient Egypt. New York: Oxford University Press, 2003.

Singer, Itamar. «New Evidence on the End of the Hittite Empire». In The Sea Peoples and Their World: A Reassessment, ed. Eliezer D. Oren. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum, 2000.

Smith, Mark S. The Early History of God: Yahweh and the Other Deities in Ancient Israel. 2d edition. Grand Rapids, Mich.: W. B. Eerdmans, 2002.

Soren, David, Aicha Ben Abed Ben Khader, and Hedi Slim. Carthage: Uncovering the Mysteries and Splendors of Ancient Tunisia. New York: Simon and Schuster, 1990.

Spence, Lewis. The Myths of Mexico and Peru. London: George G. Harrop, 1913. Reprint, New York: Dover, 1994.

Staikos, Konstantinos. The Great Libraries: From Antiquity to the Renaissance (3000 BC to AD 1600). New Castle, Del.: Oak Knoll Press, 2000.

Starr, Ivan. State Archives of Assyria, Vol. 4, Queries to the Sungod: Divination and Politics in Sargonid Assyria. Helsinki: Helsinki University Press, 1990.

Steindorff, George, and Keith C. Steele. When Egypt Ruled the East, id ed. (revised by Keith C.

Steele). Chicago: University of Chicago Press, 1957.

Strabo. The Geography of Strabo in Eight Volumes. Trans. Horace L. Jones. London: William Heinemann, 1928.

Suetonius. Lives of the Caesars. Trans. Catharine Edwards. Oxford: Oxford University Press, 2000. Sulpicius Severus. «The Sacred History of Sulpicius Severus». In Nicene and Post-Nicene Fathers, Second Series, vol. 11, ed. Philip Schaff and Henry Wace. Reprint, Grand Rapids, Mich.: W. B. Eerdmans, 1974.

Sun-Tzu. The Art of War. Trans. Lionel Giles. Australia, Deodand Publishing, 2002.

Swaddling, Judith. The Ancient Olympic Games. 2d ed. Austin: University of Texas Press, 1999.

Tacitus. «Life of Cnaeus Julius Agricola». In Complete Works of Tacitus. Trans. Alfred Church and William Brodribb. New York: McGraw-Hill, 1964.

-----. The Annals of Tacitus. Trans. Alfred Church and William Brodribb. Franklin Center Penn.: Franklin Library, 1982.

-----. The Annals of Imperial Rome. Trans. Michael Grant. Rev. ed. with new bibliography.

New York: Penguin Books, 1996.

Tadmor, Hayim. The Inscriptions of Tiglath-Pileser III, King of Assyria. Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities, 1994.

Taylour, Lord William. The Mycenaeans. Rev. ed. London: Thames & Hudson, 1983.

Thapar, Romila. Asoka and the Decline of the Mauryas. 3d rev. ed. Oxford: Oxford University Press, 1998.

-----. Early India: From the Origins to AD 1300. Berkeley: University of California Press, 2002.

Thatcher, Oliver J., ed. The Library of Original Sources, Vol. 3, The Roman World. New York: University Research Extension Co., 1901.

Thiel, J. H. A History of Roman Sea-power before the Second Punic War. Amsterdam: North Holland Publishing Co., 1954.

Thucydides. The Landmark Thucydides: A Comprehensive Guide to the Peloponnesian War. Trans. Richard Crawley. Ed. Robert B. Strassler. New York: Touchstone, 1998.

Tompkins, Peter. Secrets of the Great Pyramids. New York: Harper and Row, 1971.

Trigger, Bruce G. «Monumental Architecture: A Thermodynamic Explanation of Symbolic Behavior». World Archaeology, Vol. 22, No. 2 (Oct. 1990), 119-132.

Tubb, Jonathan N. Canaanites: Peoples of the Past. Norman: University of Oklahoma Press, 1998. Tuchman, Barbara W The March of Folly: From Troy to Vietnam. New York: Ballantine Books, 1984. Twitchett, Denis, and Michael Loewe, eds. The Cambridge History of China, Volume I: The Ch'in and Han Empires, 221 B.C. — A.D. 220. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Uphill, E. P. «A Joint Sed-Festival of Thutmose III and Queen Hatshepsut». Journal of Near Eastern Studies, Vol. 20, no. 4 (Oct. 1961), pp. 248-251.

Van Dijk, Jacobus. «The Amarna Period and the Later New Kingdom». Pp. 272-313 in The Oxford History of Ancient Egypt, ed. Ian Shaw (New York: Oxford University Press, 2002). Verbrugghe, Gerald P. and John M. Wickersham. Berossos and Manetho, Introduced and Translated: Native Traditions in Ancient Mesopotamia and Egypt. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. *

Vinogradov, I. V. «The New Kingdom of Egypt». Pp. 172-192 in Early Antiquity, ed. I. M. Diako-noff, trans. Alexander Kiijanov. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

Virgil. TheAeneid. Trans. C. Day Lewis. New York: Doubleday, 1953.

Vohra, Ranbir. The Making of India: A Historical Survey. London: M. E. Sharpe, 2001.

Walker, C. B. F. Cuneiform: Readingthe Past. London: British Museum Publications, 1987. Warren, Henry Clarke. Buddhism in Translation. Vol. 3, Harvard Oriental Series. Cambridge, Mass.:

Harvard University Press, 1896.

Waterfield, Robin. Athens: A History, from Ancient Ideal to Modem City. New York: Basic Books, 2004. Watson, Burton, trans. Records of the Grand Historian of China: Translated from the Shih chi of Ssuma Ch'ien. Vol. 2: The Age of Emperor Wu, 140 to Circa 100 BC. New York: Columbia University Press, 1961.

-----. The Complete Works ofChuang Tzu. New York: Columbia University Press, 1968.

Wente, Edward F. «Some Graffiti from the Reign ofhatshepsut*. Journal of Near Eastern Studies, Vol. 43, no. 1 Gan. 1984), pp. 47-54.

Werner, E. T. C. Myths and Legends of China. London: George G. Harrop, 1922. Reprint, New York: Dover, 1994.

Williams, E. Watson. «The End of an Epoch». In Greece & Rome, 2d series, Vol. 9, no. 2 (Oct. 1962), pp. 109-125.

Wolkstein, Diane, and Samuel Noah Kramer. Inanna, Queen of Heaven and Earth: Her Stories and Hymns from Sumer. New York: Harper and Row, 1983.

Woolley, C. L. The Royal Cemetery, Ur Excavations. Vol. 2. London: Trustees of the British Museum and Museum of the University of Pennsylvania, 1934.

Wolpert, Stanley. A New History of India. 7th ed. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Wylie, J. A. H., and H. W Stubbs. «The Plague of Athens, 430-428 BC: Epidemic and Epizootic». Classical Quarterly, New Series, Vol. 33, no. 1 (1983), pp. 6-11.

Xenophon. The Persian Expedition. Trans. Rex Warner. New York: Penguin Books, 1972.

-----. The Education of Cyrus. Trans, and annotated by Wayne Ambler. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2001.

-----. Hellenika I-II.3.10. Trans, and ed. Peter Krentz. Warminster, England: Aris & Phillips Ltd., 1989.

Xueqin, Li. Eastern Zhou and Qin Civilizations. Trans. K. C. Chang. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1985.

Yoffee, Norman. «The Decline and Rise of Mesopotamian Civilization: An Ethnoarchaeological Perspective on the Evolution of Social Complexity». American Antiquity, Vol. 44, no. 1 (Jan. 1979), pp. 5-35.

Zettler, Richard L., and Lee Home. Treasures from the Royal Tombs of Ur. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum, 1998.

Zimansky, Paul. «Urartian Geography and Sargon's Eighth Campaign». Journal of Near Eastern Studies, Vol. 49, no. 1 (Jan. 1990), pp. 1-21.

---

notes

1

В отечественной историографии таких проблем не существует, поскольку аббревиатура AD (Anno Domini — Лето Господне) у нас давно и прочно заменилась обозначением «нашей эры» (н.э., т.е. CE), которое мы и будем использовать в дальнейшем. Соответственно, аналогом аббревиатур BC/BCE у нас будет обозначение «до н. э.». (Прим. ред.)

2

Есть и другие проблемы со списком царей, включая отсутствие тех частей, где таблички оказались разбиты, а также явное отсутствие правителей, которые находились у власти согласно другим надписям и прочим независимым свидетельствам. И все-таки этот список — лучший из имеющихся у нас сводных первоисточников о далеком прошлом шумеров. (Прим. авт.)

3

Во многих учебниках истории эти деревни теперь называют «шумерскими». Историки используют это название для культурных поселений, которые занимали Месопотамскую равнину примерно с 3200 года до н. э. и далее — поскольку в течение многих лет все свидетельства говорили о том, что хотя самые ранние деревни действительно существовали примерно с 4500 до н. э., именно шумеры были сформировавшейся национальной группой, которая вторглась сюда с севера и обосновалась на этих землях примерно с 3500 года до н. э. Однако более поздние раскопки с использованием современных технологий (в том числе подводные исследования с помощью эхолота) показывают, что Шумер был заселен задолго до 4500 до н. э. Более пристальные исследования остатков, которые доступны археологам, показывают, что вторжение чужаков не навязало новой культуры «туземцам Месопотамии»: более ранние деревни имеют такую же схему построения домов, структуру поселений, вид украшений и т.д., как и более поздние «шумерские» деревни. Очень похоже, что более ранние деревни были созданы людьми, пришедшими с севера, юга и востока не в ходе одного массового вторжения, но путем постоянного просачивания новых людей. Несмотря на это, старые названия для самых древних шумерских поселений сохранились; цивилизация нижней Месопотамской равнины именуется Убайдской в период 5000-4000 годов до н. э. и Урукской в период 4000-3200 годов до н. э. Следующий период, названный Джемдат Наср, датируется 3200-2900 годами до н. э. — хотя эти цифры могут немного плавать. Культуры до 5000 года называются по разному — Самарра, Хассуна и Халаф. Эти эры, частично определяемые по новациям в гончарном стиле, обозначаются по археологическим местам, где впервые были найдены наиболее типичные предметы данного периода. Лингвисты используют другой набор обозначений — видимо, лишь для того, чтобы затуманить предмет спора; например, убайды у них стали «прото-евфратианцами». Мне кажется, что проще — и более точно — использовать всюду наименование «шумеры». (Прим. авт.)

4

Существует и другое объяснение возникновения бюрократии — из необходимости контролировать работу масштабных ирригационных систем. Но, как указывает Джаред Даймонд в книге «Ружья, микробы и сталь» (Jared Diamond, Guns, Germs and Steel), централизованная городская бюрократия обычно уже существовала и до появления комплекса ирригационных систем, а «в плодородных районах производство продуктов питания и общественная жизнь деревни сформировалась вначале на возвышенностях и в горах, а не в низинах у рек» (p. 23). Образование бюрократии было необходимо до того, как эти системы правильно построили и стали использовать; и тот факт, что «цивилизация» получила свое начало на возвышенностях, которые были гораздо менее гостеприимными, чем долины рек, подтверждает мою точку зрения. (Прим. авт.)

5

Думузи (шум. «Истинный сын») — полулегендарный правитель шумерского города Урука а XXVII веке до н. э., третий царь Первой династии Урука. По другой версии, изначально был рыбаком. (Прим. ред.)

6

Инанна немного позже стала известна среди семитов Месопотамии как Иштар; она эволюционировала в богиню любви и войны — комбинацию, вполне обычную в древние времена. (Прим. авт.)

7

В некоторых версиях легенды шумерского Ноя звали Зиусудра. (Прим. авт.)

8

Когда рассказ о шумерском наводнении был впервые переведен в Европе, большинство историков решили, что Книга Бытия произошла от него; дальнейшее изучение существенных различий между двумя рассказами показывает, что гораздо вероятнее независимое появление повествований об одном и том же изначальном явлении. (Прим. авт.)

9

Такой взгляд на Вселенную появился благодаря доказательству, что неповторяемые катастрофы действительно оставляют след на земле и очень часто меняют климат или уничтожают целые живые виды: например, считается, что конец Мелового периода знаменовался падением астероида. По поводу мнения неспециалистов о древних глобальных бедствиях см.: Питер Джеймс и Ник Торп, «Древние тайны» (Peter James and Nick Torp, Ancient Mysteries). (Прим. авт.)

10

Нинхурсаг (букв. «Владычица лесистой горы») — в шумеро-аккадской мифологии богиня земли, с которой был первоначально неотъемлемо связан верховный бог неба Ану, и от которой он породил бога воздуха — Энлиля, отделившего небо от земли. (Прим. ред.)

11

Здесь ошибка автора: Этана был десятым правителем после потопа. (Прим. ред.)

12

Из четырех рек, упомянутых в «Книге Бытия» (Фисон, Тихон, Хиддекель и Перат) Фисон и Тихон, похоже, исчезли, а Хиддекель стала известна как Идиглат, позднее Тигр, в то время как Перат («Великая река») превратилась в Урутти, а позднее стала Евфратом. Современный английский перевод «Книги Бытия» имеет тенденцию к упрощению и сразу переводит Хиддекель как «Тигрис», а Перат — как «Евфратес». (Прим. авт.)

13

Как и ранняя история Шумера, история Египта примерно до 3000 года до н. э. («додинастический Египет») делится на археологические периоды, каждый из которых определялся стилем гончарных изделий и назывался по городам, где были найдены образцы типичной керамики. Самые ранние поселения, примерно 5000-4000 годов до н. э., именуются Бадарианскими. Период между 4000 и 3000 годами до н. э. известен как период Накада и когда-то делился на три фазы: амратскую, которая длилась с 4000 до 3500 года до н. э., герзеанскую, с 3500 до 3200 года до н. э., и окончательную до-династическую, с 3200 до 3000 года до н. э. Некоторые египтологи делят На-каду на два периода: Накада I (кончается около 3400 года) и II (3400-3200 года или около того). Другие обозначают 4000-3500 годы как Накада I, 3500-3100 — как Накада II, убирая амратский и герзеанский периоды и вводя еще и третий период — Накада III, с 3100 по 3000 год. Последний век называют иногда «Нулевой династией». Так как едва ли разумно считать, что египетская культура никак не связана с более ранними поселениями долины Нила, я использую всюду название «египетская». Когда-то считалось, что египетская культура пришла извне долины Нила, то есть была привнесена на эту землю вторгшимися сюда народами около 3400 года — но дальнейшие раскопки не подтвердили эту теорию. (Прим. авт.)

14

Некоторые источники о додинастическом Египте упоминают двух царей Скорпионов; тот, о котором идет здесь речь — Скорпион II, первый строитель империи. Более ранний царь Скорпион I, вероятно, правил на юге, но явно не делал попыток объединить страну; быть может, он похоронен в гробнице в городе Абидос. (Прим. авт.)

15

В переводе с древнеегипетского Мена значит «Прочный», «Крепкий», «Вечностоящий». Согласно античным авторам, это был первый земной правитель Древнего Египта, основоположник Первой династии, живший приблизительно в XXXII-XXX веках до н. э. (более распространена датировка ок. 3050 до н.э). (Прим. ред.)

16

Естественно, на эту тему идут нескончаемые дебаты. Начиная с 1500 года до н. э. надписи именуют объединителя Египта «Мени». Это может быть «Менее» (он же Мането), «Нармер» с таблички или же последний царь по имени Аха. Существует предположение, которое вообще скомкает определение объединителя Египта — «Мени» может быть просто грамматической формой, означающей «Тот, кто пришел». Кем бы это ни был, именно он начал объединение двух царств. (Прим. авт.)

17

Египетский жрец Мането (греки называли его Манефон) в III веке до нашей эры составил обширную и пользовавшуюся широким признанием в античном мире историю Египта. В ней он привел подробный список царей династического периода. (Прим. ред.)

18

Туринский папирус (Туринский Царский канон) представляет из себя папирус длиной 1700 мм и высотой 410 мм, написанный иератическим письмом. Название дано по месту хранения — Египетскому музею (Museo Egizio) в Турине. Иногда «Туринским папирусом» называют и Туринский порнографический папирус, а также Туринскую папирусную карту — которая, возможно, является самой древней из известных карт. (Прим. ред.)

19

Многие царские списки, найденные в гробницах или на стенах дворцов, явно написаны, чтобы поддержать репутацию того или иного фараона; Туринский канон, созданный около 1250 года до н. э., представляет собой довольно независимый перечень, который, похоже, передает гораздо более древнюю устную традицию. (Прим. авт.)

20

Единой и общепринятой периодизации истории Древнего Египта не существует вообще, поэтому мы можем опираться лишь на отдельные авторитеты. Для сравнения — английский ученый Дэвид Рол дает такой вариант:

Бадарианский (культура эпохи неолита) — ок. 4500-3250 годы до н. э.

Накадский I (иначе именуемый Амратианский) — ок. 3250 -3050 годы до н. э.

Накадский II (иначе именуемый Герцеанский) — ок. 3050-2850 годы до н. э.

Накадский III (иначе именуемый Нулевой династией) — ок. 2850-2781 годы до н. э.

I династия (согласно Новой Хронологии) — ок. 2781-2669 годы до н. э. (Прим. ред.)

21

Хайберский перевал — проход в горном хребте Сафедкох, расположен на границе между Афганистаном и Пакистаном. Длина прохода составляет 53 км, ширина от 15 до 130 м. (Прим. ред.)

По Фаренгейту, 10 градусов по Цельсию. (Прим. ред.)

23

Манвантара, «период Ману» — мера времени в индуизме, эпоха богов — дэвов. Согласно Пуранам равняется 306 720 000 солнечных лет. Также термином манвантара обозначается период правления Ману. (Прим. ред.)

24

Здесь автор несколько запутался в периодизации. Культура Ян-шао существовала в четвертом-третьем тысячелетиях до н. э. в Северном Китае (среднее течение реки Хуанхэ). Ее сменила Луншань — группа неолитических культур в Северном Китае (первая половина второго тысячелетия до н. э.). Вначале она охватывала среднюю часть бассейна Хуанхэ, а затем распространилась и на восток (провинция Шаньдун).

За ней следовала культура Хунань. Все эти культуры территориально подразделяются на более мелкие, часть из которых перечислены: Давэнькоу (5000-3000 годы до н. э.) — на юг от Яншао

Мацзябан и Хэмуду (5000-3500 годы до н. э.) — нижнее течение Янцзы (южная часть провинции Цзянсу).

Цинляньган (4500-3000 годы до н. э.) — Восточный Китай (провинция Цзянсу). Цюйцзялин и Даси (5000-3000 годы до н. э.) — среднее течение Янцзы. Дапенкен (5000-2500 до н. э.) — далеко на юге, Тайвань. (Прим. ред.)

25

«Книга истории» или «Книга документов» — одна из китайских классических книг, входящая в состав конфуцианского «Пятикнижия». Она содержит документы по древнейшей истории Китая (с 2357 по 627 год до н. э.); редакция ее приписывается Конфуцию, который привел в порядок дошедшие до него документы, некоторые из них считаются древнейшим пластом китайской истории и мифологии. Признана аутентичным документом VI века до н. э. (Прим. ред.)

26

В древних китайских записях нет согласия относительно такого расположении — три божественных царя и следом три мудрых царя. В некоторых изложениях за тремя царями-полубогами — Фу-Си, Шэнь-нунем и Кан Пао — следовали пять императоров, это Хуан-ди, Ди Ку (изобретатель музыкальных инструментов), Яо, Шунь и Ю, который основал полулегендарную династию Ся. За династией Ся в 1776 году до н. э. возникла династия Шан — первая, о которой существуют серьезные исторические записи. (Прим. авт.)

27

Здесь речь идет о предании, гласящем, что Хуан-ди был искусен во владении копьем и щитом и собирался покарать всех правителей, не явившихся к нему с данью. Однако, узнав о его намерениях, Ъсе пришли с дарами. Один только правитель юга — бог солнца Янь-ди (по некоторым версиям, брат Хуан-ди) не пожелал подчиниться. Тогда Хуан-ди. собрал тигров, барсов, медведей и других хищных зверей и сразился с Янь-ди у селения Баньцюань. Хуан-ди вышел победителем. Непокоренным остался лишь один Чи-ю, потомок Янь-ди, которого Хуан-ди победил в битве при Чжолу и казнил. (Прим. ред.)

28

Согласно легенде, Яо изобрел игру вэй-чи («облавные шашки»), чтобы просветить своего нерадивого сына. Однако сын так и не проявил интереса ни к чему, кроме вэй-чи. Поэтому, когда пришло время избрать преемника, Яо указал не на собственного сына, а на Шуня, отдав за него замуж двух своих дочерей. Сына же он изгнал в отдаленную провинцию. (Прим. ред.)

29

Любой западный рассказ о китайской истории осложняется тем фактом, что не существует универсальной и общепринятой системы транскрипции китайских знаков латинским алфавитом. Система Уэйда-Джайлса, разработанная между 1850 и 1912 годами двумя кембриджскими учеными (не удивительно, что их звали Уэйд и Джайлс), широко использовалась до 1970 года, когда правительство Китайской Народной Республики официально выбрало систему пиньинь («китайский фонетический алфавит»), дабы попытаться стандартизировать написание китайских имен в других языках. Пиньинь не полностью отвечает поставленной цели. Многие западные исследователи находят эту транскрипцию дезориентирующей (например, Iching [«И-цзин» — Ред.] в ней становится Yi jing; река Yangtze превращается в Chang Jiang) — частично из-за наличия латинской транскрипции Уэйда-Джайлса, которая получила широкое распространение в Европе, а частично потому, что многие китайские имена и названия стали привычными для не-китайцев в форме, которая не принадлежит ни Уэйду-Джайлсу, ни системе пиньинь. Например, северо-восточный район Китая соответственно называется Tung-pey в транскрипции Уэйда-Джайлса и Dongbey в системе пиньинь, но большинство историков готово оставить споры и просто называть его по имени, известному с XVI века — Манчжурия. Так как система пиньинь (насколько я могу судить) выглядит все же наиболее точной из всех систем, я попыталась там, где это возможно, использовать ее. Однако когда другая версия имени кажется настолько более знакомой, что вариант пиньинь может вызвать недоумение, я перехожу к более известному написанию (как в случае с рекой Yangtze — Янцзы). (Прим. авт.)

Главная проблема транскрипции китайских слов заключается в том, что в разных регионах Китая произношение одних и тех же иероглифов может кардинально различаться — причем на слух европейца эти различия будут иными, чем на слух китайца. Транскрипция пиньинь ориентируется на столичное произношение, что выглядит достаточно осмысленным. Транскрипция Уэйда-Джайлса опирается в основном на южные диалекты, в то время как традиционная русская транскрипция — на северные. Вдобавок традиционное для русскоязычной литературы написание многих китайских имен и названий происходит от неверной расшифровки западной транскрипции. Следует заметить, что при написании китайских имен автор не просто смешивает две существующие системы (что создает серьезные трудности для адекватной передачи) — то же имя Фу Си она в соседних абзацах приводит в двух вариантах: Fu Xi (пиньинь) и Fu Hsi (Уэйд-Джайлс). (Прим. ред.)

30

История развития письменности — это предмет, которому посвящено множество томов фундаментальных исследований; эта глава является только попыткой вставить данный предмет в описываемый нами исторический контекст. Более детальное изложение, написанное настоящим экспертом по лингвистике, можно найти у Стивена Роджера Фишера в «Истории письменности» (Steven Roger Fisher, «A History of Writing»); более популярное изложение представлений о самых ранних системах письменности и ее развитии дано в работе К. Б. Ф. Уолкера «Клинопись: читая прошлое» (C. B. F. Walker, «Cuneiform: Reading the Past»), а также во втором томе серии «Египетские иероглифы: читая прошлое» У.В. Дэвиса (W. V. Davies, «Egyptian Hieroglyphs: Reading the Past»). (Прим. авт.)

31

Синайское, или протосинайское письмо — один из древних видов письменности; датируется вторым тысячелетием до н. э. Первые ее образцы были обнаружены Питри Флиндерсом во время его экспедиции по Синайскому полуострову зимой 1904-1905 годов. Он датировал эти тексты XV веком до н. э. Это письмо представляет собой нечто среднее между рисуночным письмом иероглифов и буквенным письмом семитских алфавитов. В 1916 году английский египтолог Алан Гардинер выдвинул гипотезу, согласно которой синайское письмо было изобретено семитскими племенами, обитавшими на Синае и работавшими на рудниках фараонов. Эту гипотезу поддержал Олбрайт (1948) и другие видные специалисты. Расшифровка синайского письма до сих пор не завершена. Если датировка надписей правильна, можно предположить, что Моисей пользовался именно этим письмом. (Прим. ред.)

32

Археологи называют этот период шумерской истории, который длился примерно с 4000 до 3200 года до н. э., Урукским. Это название относится скорее к определенному типу гончарного производства этих лет, чем непосредственно к самому городу Урук. Раннединастический период (РД) обычно относят к 2900-2350 годам. Его часто подразделяют на три части: РД I (2900-2800), РД II (2800-2600) и РД III (2600-2350). (Прим. авт.)

33

Во время правления Мескиаггашера небольшая статуя Инанны стояла в комплексе Эанна, вероятно, на алтаре. Голова статуи, известная как маска Варка, была найдена при раскопках в 1938 году. Она была украдена из иракского Национального музея в апреле 2004 года во время грабежа, имевшего место при вторжении США. Преступник, выданный позднее своим соседом, признался иракской полиции, что голова Инанны закопана на его заднем дворе; в сентябре того же года полиция выкопала ее и вернула министерству культуры. (Прим. авт.)

34

Это высказывание — скорее аллегория. Голову царя Шумера венчала корона — «кидарис»; делали ее из тонкого белого войлока и сверху украшали золотыми чеканными пластинками. В некоторых случаях царь мог надевать невысокую круглую золотую шапку с украшениями наподобие рогов. Так что традиционных драгоценных камней в такой короне не было и быть не могло. (Прим. ред.)

35

Другими словами, Шумер уже какое-то время находился в медном, а не в каменном веке. Эти особые определения, как переходящие праздники, меняются от цивилизации к цивилизации. Так, медный век Шумера длился примерно с 5500 до 3000 года или около того; за это время кузнецы научились изготавливать бронзу, и Месопотамия перешла в бронзовый век. Для североевропейцев, которые гораздо позже открыли, как превращать мягкую медь в инструменты и оружие, каменный век длился дольше, а медный век тянулся до 2250 года до н. э. Таким образом, европейский бронзовый век начался на семьсот лет позже, чем в Шумере. (Прим. авт.)

36

Скульптуры шумерских богов, хранящиеся в храмах того времени, были скромных масштабов (до полуметра) — поэтому Гильгамешу совершенно не было необходимости сооружать грандиозный монумент. Сам он объясняет свое путешествие следующим образом: «Я слышал, что где-то у моря в лесу кедровом живет свирепый Хумбаба, леса хранитель. Если его уничтожить, все зло мы из мира изгоним», предлагает он своему другу Энкиду. (Прим. ред.)

37

Энмебарагеси — первый шумерский царь, чье правление может быть датировано более-менее точно: он взошел на трон около 2700 года до н. э., что позволяет нам также определить годы жизни Гильгамеша. Подробнее см. главу третью.

38

Месаннепадда (ок. 2700 до н. э.) — первый царь Шумера из Первой династии Ура. Правил 80 лет. (Прим. ред.)

39

Традиционно восемь царей Первой династии — это Нармер, Хор-Аха, Джер, Джет (иногда его называют Вадж), Ден, Аджиб, Семерхет и Каа. Хор-Аха был, вероятно, сыном Нармера, фараоном, известным Мането как Атотис. Отсутствие ясности в определении, кто же такой Нармер, оставляет возможным идентифицировать Менеса скорее с Хор-Аха, чем с Нармером (в этом случае Атотис Мането должен стать Джером).

По причине этих разногласий некоторые источники считают Нармера принадлежащим к некоей отдельной династии — Нулевой (вместе с царем Скорпионом). Я поддерживаю идентификацию Нармера с Менесом, поэтому не касаюсь тут вопросов, связанных с Нулевой династией. Царь Скорпион не начал царской линии, поэтому должен остаться в додинастическом Египте, которому он и принадлежит. Датировка древних династий Египта — вообще ненадежное занятие. Я, как правило, использую датировку, применяемую Питером Клейтоном в его «Хронике фараонов хотя и не признаю учитываемую им «Нулевую династию». (Прим. авт.)

40

Некоторые египтологи считают, что древних фараонов закапывали на Саггаре в почетных гробницах, одновременно возводимых и в Абидосе, чтобы властители могли покоиться и на севере, и на юге. Сейчас преобладает мнение, что Абидос — единственное место захоронения для Первой династии. (Прим. авт.)

41

Рассматривая египетскую теологию, полезно помнить замечание Рудольфа Антеса, что «египетская религия... абсолютно свободна от той логики, которая уничтожает одну из противоречащих друг другу концепций» («Египетская теология в третьем тысячелетии до н. э.»). (Прим. авт.)

42

Да, я понимаю, что в действительности это невозможно — именно поэтому и привожу такую аналогию. (Прим. авт.)

43

Мак-Бетад (Mac Bethad), владетель (маормэр) шотландской области Морей, в 1040 году убил своего двоюродного брата, короля Дункана I, в битве при Питгэвени (Pitgaveny, по другим данным — при Ботнаговане, Bothnagovan) и стал новым королем Шотландии. Шекспир использовал этот сюжет в своей пьесе «Макбет» — но в ней злодей Макбет (Macbeth) зарезал Дункана в постели. В 1057 году исторический Мак-Бетад погиб в сражении при Лумфанане против Малькольма, сына Дункана. Автор настоящей работы приводит иное написание имени персонажа (Macbeda) и превращает его титул в имя (Маогтог). (Прим. ред.)

44

Шумерский Мир мертвых был весьма неприятным местом. Насколько мы можем судить, загробная жизнь шумера проходила в некоем подземном царстве без настоящего света, но и не в полной темноте, без тепла, но и не совершенно холодном, пища там была безвкусной, а питье — жидким; все обитатели этого места (согласно одной шумерской поэме) бродили абсолютно голыми. Это было место, куда добирались через реку, которая пожирала плоть — мир, настолько далекий, что Гильгамеш отказывался отпустить туда Энкиду целую неделю после смерти последнего, пока потребность в захоронении не превратилась в настоятельную.

Энкиду, друг мой...

Шесть дней и семь ночей рыдал я над ним,

Не позволяя похоронить,

— пока черви не поползли уже из его носа.

(Таблица X «Эпоса о Гильгамеше» в переводе Стефании Дейли, «Мифы Месопотамии», с. 106)

Судя по всему, вечное пребывание в этой серой и безрадостной местности было ужасной перспективой для любого шумера. (Прим. авт.)

45

Кроме Джосера, другие цари Третьей династии неизвестны — так же, как цари Второй династии. (Прим. авт.)

46

Хнум — в древнеегипетской мифологии бог плодородия, сын Нуна; демиург, создавший мир на гончарном круге; его священное животное — баран, с головой которого он изображался. (Прим. ред.)

47

Во время войны 1980-1988 годов между Ираном и Ираком Саддам Хусейн использовал самый крупный зиккурат в У ре — Ур-Намму — как основание для размещения зенитной батареи; он был выше, чем любое другое место или сооружение в этом районе. (Прим. авт.)

Господа. Можно предположить, что попытка Соломона построить храм была не совсем чисто теологической; см. главу 45. (Прим. авт.)

49

Весткарский папирус хранится в Берлинском музее. Он датируется эпохой Нового царства — но, судя по всему, является списком с некого оригинала времен Пятой династии, поскольку повествует о начале царствования этой династии. (Прим. ред.)

50

Дахшур или Дашур — некрополь египетских фараонов Древнего и Среднего царств, расположенный в пустыне в 26 км к югу от Каира, на западном берегу Нила. (Прим. ред.)

51

Геродот называет Хуфу греческим именем Хеопс. (Прим. авт.)

52

Сатаран (более правильно — Иштаран) — бог неизвестного (вероятно, эламского) происхождения в вавилонской мифологии. Сатаран являлся покровителем города Дёр в пограничной с Эламом области. В месопотамских источниках встречается уже в личных теофорных именах текстов из Фары (26 в. до н. э.). В старовавилонское время встречалось определение «Иштаран-врач», что позволяет видеть в нем бога-це-лителя. Его послом был змееподобный бог Нирах. (Прим. ред.)

53

Как только ученые-шумерологи предложили такую интерпретацию клинописного знака, сам знак немедленно был принят как логотип «Фондом Свободы» (Liberty Fund) — доказав, что ни одна хорошая социальная реформа не уходит неиспользованной. (Прим. авт.)

54

Эта строка литературно говорит: «Моим городом был Азупирану», но Азупирану — не реальный город, как объясняет археолог Гвендолин Лейк, специалист по Ассирии; речь идет о гористой местности на севере, где росли ароматические травы (азупирану). См. книгу Лейк «Месопотамия: изобретение городов» (Gwendolyn Leick, Mesopotamia: The Invention of the City, p. 94). (Прим. авт.)

55

Имя Шаррум-кен, произносимое как Шаркен, пишется на иврите Саргон; оно появляется у Исайи в гл. 20:1 (относясь к Саргону II, который принял имя своего великого предка пятнадцатью столетиями позднее, примерно в 700 году до н. э.), и ивритский вариант стал наиболее известной версией этого имени. (Прим. авт.)

56

Успех Саргона относят примерно к 2334 году — эта дата получается из отсчета назад на семьсот лет от правления вавилонского царя Аммисадуги; она может расходиться с реальностью на пару сотен лет. Однако она стала традиционной разделительной чертой в истории Месопотамии между периодом Древней династии (2900-2334) и Аккадским периодом (2334-2100). (Прим. авт.)

57

Основной наш источник, 10:10, особо ссылается на Вавилон, Урук и «Аккад, в Шинаре». (Прим. авт.)

58

Город-государство третьего-второго тысячелетий до н. э. на севере современной Сирии, в бассейне среднего Евфрата и реки Оронт. (Прим. ред.)

59

Ни одно из этих названий не родилось во время Хараппанской цивилизации. «Хаара» — это более позднее имя Шивы, божества, которое могли чтить, а могли еще и не знать в те далекие времена, а «Мохен-джо-Даро» означает «Страна Мертвых» — название, данное развалинам города землекопами. (Прим. авт.)

60

Для читателей, которые слишком молоды или слишком образованы, чтобы понимать эту ссылку: Борги — фантастическая цивилизация, оставившая самый глубокий шрам из всех, угроза для человечества в различных эпизодах сериала «Стар Трек: Следующее поколение». Борги являлись культурой киборгов, объединенных в единый коллектив, с массовой идентичностью — столь сильной, что они не могли использовать слово «я». Они вторгались в среду людей, преобразуя все культуры в единую коллективную, и делали Боргами всех, заявляя: «Мы Борги. Сопротивление бесполезно. Вы будете ассимилированы». Борги были неостановимы — пока сценаристы восьмой серии фильма «Звездный путь», очевидно, по ошибке не дали коллективу Боргов индивидуальность, после чего команда «Энтер-прайза» разделалась с ними («Стар Трек: Первый контакт»). За объяснением, почему эти построения имеют интеллектуальную ценность, обратитесь к работе «Хорошо образованный разум», стр. 186-187. (Прим. авт.)

61

Это современная транслитерация египетских иероглифов (у автора она пишется как Khafre, в литературе чаще встречается Chaefre), однако традиционно этот фараон именуется греческим именем — Хефрен (Chephren). Имя его означает «Воплощение Ра», причем есть предположение, что последний слог должен читаться первым, то есть наиболее правильным произношением будет «Рахаф». (Прим. ред.)

Мането дает Хафре имя Суфис II; Геродот называет его Хефре-ном. (Прим. авт.)

63

Лев и сокол соединялись в одно существо в додинастической резьбе, но это существо выглядело совершенно иначе и стало известно как грифон. (Прим. авт.)

64

Геродот называет Менкауре греческим именем Микеринос. Он также составляет генеалогическое древо, обозначая Хафре («Хефрен») братом Хуфу («Хеопса»), и затем определяет Менкауре сыном Хуфу, а не его внуком. (Прим. авт.)

Близкородственное скрещивание. (Прим. ред.)

66

Надписи «текстов пирамид» в конце концов перекочевали наверх, на внешние стороны гробниц, и стали «текстами гробниц»; оттуда они перешли на папирус и превратились в широко известную «Книгу Мертвых», которая описывает в подробностях судьбу души после смерти. Однако описанная эволюция завершилось уже после наступления Нового Царства, почти на тысячу лет позже. (Прим. авт.)

67

Греки называли этих правителей номархи, а их провинции — номами, и эти анахронические названия стали традиционными. (Прим. авт.)

Кутии — древние обитатели Западного Ирана. (Прим. ред.)

69

Палестинским аналогом может считаться город Иерихон, который пал под атакой израильтян и находился под тяжестью проклятия, наложенного на него Иисусом Навином, предводителем израильтян (Иисус Навин, 6:26). Похоже, из-за своей репутации проклятого города, Иерихон, один из древнейших городов мира, пустовал несколько веков, прежде чем его снова заселили. Библейское повествование считает возрождение Иерихона, которое имело место в правление нечестивого Ахава Иерихонского, дополнительным знаком развращенности этих времен; видимо, строитель приносил человеческие жертвы, дабы гарантировать, что стены, построенные на проклятом месте, не рухнут (см. I Царств, 16:34). (Прим. авт.)

70

Традиционно время жизни Авраама определяется как 2166-1991 годы до н. э., это основано на буквальном прочтении канонического текста. Естественно, по этому поводу среди исследователей нет согласия. Сам текст делает возможными разночтения; Книга Бытия — это теологическая история, а не политическая хроника, она не дает точной хронологии. Никакие археологические свидетельства не указывают безоговорочно на Авраама; ученые, сравнивая мир Книги Бытия 14 с условиями древней Месопотамии, приходят к датам рождения от 2166 до 1500 года или даже спорят, что он не существовал вовсе. Придерживаясь собственной практики в этом вопросе, я оставляю традиционное датирование, но его нужно принимать очень приблизительно.. Однако приключения Авраама хорошо вписываются в мир 2100 года до н. э., как станет ясно из этой главы. (Прим. авт.)

Знакомое всем нам «Иегова» — это не имя. Имя бог дает себе, когда говорит Аврааму, что он YHWH (см. например Кн.Бытия 15:7); Это слово, позднее известное в Греции как «Тетраграмматон», считается некоторыми лингвистами относящимся к ивритскому глаголу, который выражает существование (см. например, работу Джека М. Сассона «Происхождение иврита: Историография, История, судьба Древнего Израиля», стр. 81). Имя просто составлено из четырех согласных. Исходный текст Книги Бытия не имеет гласных — предполагалось, что читающий подставит их сам. Гласные были добавлены в ивритский текст много позднее, чтобы помочь зафиксировать его значение; в это время имя получило форму Yahweh — то есть Яхве. Однако чтобы избежать нечестивого пользования именем, многие читатели заменяли его именем «Элохим (Elohim — родовое «мой господин»). Примерно с 1100 года и далее писцы, не знакомые с ивритом, начали все чаще вставлять гласные ELOHIM в согласные YHWH, получая бессмысленное YEHOWIH, которое в конце концов перешло в английский язык (через латынь) какJehovah (Иегова). (Прим. авт.)

6 История Древнего мира

72

Это название дано религиозным ученым Марком Смитом, который предлагает использовать его, так как оно не так ужасно анахронично, как любое другое, используемое для древних обитателей этого района. (См. «Ранняя история бога: Яхве и другие божества древнего Израиля», стр. 19). (Прим. авт.)

73

«Ханаанская» культура после доисторических времен разделяется (на основании стиля гончарных изделий) на Ранний бронзовый период I, 3300-2850 годы до н. э.; Ранний бронзовый период II/III, 2850-2400 годы до н. э.; и Ранний бронзовый период IV, 2400-2000 годы до н. э. (Прим. авт.)

74

Существовала теория, что амореи подняли вооруженное восстание, которое привело к такой резкой перемене в их образе жизни; но это сомнительно, так как нет никаких признаков изменений в культуре региона. (Прим. авт.)

75

См. главу 48 по поводу прихода «халдеев» в ассирийскую и вавилонскую историю. (Прим. авт.)

76

Мусульмане все еще практикуют обрезание мужчин или khitan эта традиция тянется корнями к Аврааму. Традиция говорит, что Пророк родился обрезанным — но мусульманские ученые не согласны со значимостью этого чуда. Так как Коран не содержит безусловного требования делать обрезание, эта практика в исламе соблюдается менее жестко, чем в иудаизме: ученые не имеют одного мнения, то ли обрезание обязательно (вахиб), то ли это просто обычай {сунна). См. М. Дж. Кистер: «„...и Он был рожден обрезанным”: Записи об обрезании в Хадисе», в Oriens 34 (1994), стр. 10-30. (Прим. авт.)

77

Технически засоление земли включает в себя не только накопление солей, но также химическую реакцию, которая изменяет содержание минералов в почве; это «прогресс, при котором растворимые химические соли накапливаются в почве и изменяют свою химическую композицию» (Д. Диксон, «Ограничения, возникающие из-за разрушения антропогенной окружающей среды» в «.American Antiquity», 52:4 [1987], стр.11). Диксон указывает, что воды Тигра и Евфрата также богаты кальцием, магнием и натрием, которые склонны осаждать растворимые соли почвы. (Прим. авт.)

Ср. с кочующими народами, которые позднее заняли Североамериканский континент — они могли передвигаться практически по неограниченным пространствам плодородных земель (Р. Л. Карниро, «Теория происхождения государства», «Science», 169 [1970], стр. 734-735).

79

Даже сегодня возделывается лишь около 60% ранее плодородных земель Ирака (страны, которая теперь занимает большую часть Месопотамии) — из-за вековых отложений соли и других химических веществ. (Прим. авт.)

80

Время от падения Ура и примерно до 1600 года до н. э. обычно называют Ранним Вавилонским периодом — что является крайне неточным определением, так как Вавилон не являлся важным городом до прихода к власти Хаммурапи в 1792 году до н. э., и даже после этого он не доминировал на всей Месопотамской равнине еще лет тридцать или около того. (Прим. авт.)

81

Традиционно начало правления Шамши-Адада относят к 1813 году до н. э.; это может быть не совсем верно, но такая дата служит одной из основных отметок древней истории. (Прим. авт.)

82

Использование название «Китай» является анахронизмом, так же, как и использование названия «Иран» для территории Элама, поэтому я пытаюсь избегать этих обозначений. Во втором тысячелетии до н. э. государства, располагавшиеся в восточной части Азиатского континента, назывались по родовым именам их правителей. Однако гораздо легче извинить использование названия «Китай», нежели применение слова «Иран» для обозначения земель эламитов, так как современный Китай почти совпадает с землями, где очень долго располагалось древнее государство Ся — но это совершенно не так относительно современного Ирана, границы которого были определены только в XX веке и не совпадают с границами какой-либо древней страны, занимавшей эту территорию. (Прим. авт.)

83

В отличие от разбивки месопотамской истории, традиционная разбивка археологами китайской истории весьма упрощена: за культурой Ян-шао (5000-3000 годы до н. э.) следует культура Луншань (3000-2200 годы до н. э.), затем Бронзовый Век (2200-500 годы до н. э.), а затем уже Железный Век. (Прим. авт.)

До этих раскопок, проведенных в конце 1950-х годов, многие историки считали, что династия Ся была лишь легендой; археология продемонстрировала, что в традиционные времена Ся на Хуанхэ реке, действительно существовало царство. Взаимоотношения между Эрлитоу и династией Ся все еще являются предметом споров, хотя об их связи впервые подняли вопрос именно западные историки и археологи. См.: Li Liu and Xingcan Chen, State Formation in Early China (Ли Лиу и Синкань Чэнь, «Образование государства в Раннем Китае»), p. 26-27). (Прим. авт.)

85

Культура Эрлитоу — урбанистическая археологическая культура раннего бронзового века, существовавшая на территории Китая в период 2100-1800 (1500?) годы до н. э. (Прим. ред.)

86

Предыдущей династией была Симаш, названная так по первому царю, Эпарти; его именовали также Суккалма или «Великий регент». Возможно, династия называлась так из-за эламитского царя, правящего с помощью регента, чья преемственность определялась невероятно сложными правилами. (Прим. авт.)

87

Оригинальный труд Мането потерян, но еврейский историк Иосиф Флавий сохранил изначальный текст, слово в слово скопировав его в свой труд «Против Апиона». (Прим. авт.)

Флавий фактически переводит слово, использованное Мането, как «пастырь». Он делает неверное заключение о том, что термин «гиксосы» происходит от египетского «hyk» или «взятый в плен», и таким образом связывает гиксосов с пленением израильтян в Египте. На деле этот термин относится не к вторгшейся расе, а тесно связан с военачальниками, которые потребовали себе власти над Египтом; понятие «вождь» или «владыка страны холмов» ближе по смыслу к этому слову. (Прим. авт.)

89

Ранняя история Крита обычно разделена на Додворцовый Период (3200-2000 годы до н. э.), до того, как начали строить дворцы; Протод-ворцовый или Период Первого дворца (2000-1720 годы до н. э.), Новодворцовый или Период Второго дворца (1720-1550 годы до н. э.; он продлевается до 1450 года., если извержение на острове Тира относить к 1520, а не к 1628 году [см. примечание далее]; и Позднедворцовый Период (1550[1450]—1350 годы до н. э.). (Прим. авт.)

90

«Библиотеку» обычно приписывают Апполодору, греческому историку, который жил в Афинах около 140 года до н. э.; но возможно, это произведение и не его. (Прим. авт.)

91

Дата извержения Тиры остается предметом крупных споров. Радиоуглеродный анализ вулканической золы дает нам приблизительно 1628 год до н. э. Это очевидно также из колец на деревьях в различных местах северного полушария, которые показывают прекращение роста около 1628 года — возможно, ставшее результатом сильного извержения, могущего иметь место на острове Тира. Однако нет точного способа наверняка связать все это с извержением Тиры. Археологи возражают, что извержение не могло произойти в 1628 году до н. э., потому что археологический период (основанный на стилях глиняных изделий), во время которого имело место извержение, закончился примерно через тридцать лет после извержения; если Тира извергалась в 1628 году, этот культурный период (названный LM IA) должен был закончиться около 1600 года до н. э. Но схожесть гончарных изделий времени LM IA и других культур, которые торговали с Критом, предполагает, что LM IA длился примерно до 1500 года до н. э. Это условие, выдвинутое Дж. Фит-тоном, вызвало острую полемику между приверженцами двух дат 1628 и 1500 годов; см. обзор Фиттона «Минойцы» (J. Lesley Fitton, Minoans), стр. 25-36. Недавнее обозрение всех существующих теорий (гораздо более подробное, чем требуется нам) см. Поль Ребака и Джон Г. Янгер, «Обзор Эгейской предыстории VII: Новодворцовый, Позднедворцовый и Последворцовый Крит» в «Американ Джорнал оф Археолоджи», 102:1 (1998), стр. 91-173. (Прим. авт.)

92

Невозможно сделать более уверенное утверждение из-за того, что существуют как минимум четыре различных версии даты извержения Тиры; кроме того, археологи не согласны с датами падения минойской цивилизации. Дискуссия сильно осложняется из-за количества различных специалистов, которые присоединились к этому споров: историков, археологов и океанографов, причем все они использовали различные методы, каждый из которых дает свой итоговый результат. (Прим. авт.)

93

Было написано очень много трудов, серьезных и не очень, о возможности того, что извержение Тиры и затопление центра острова явились для Платона источником вдохновения в его описании таинственного острова Атлантида, затонувшего в море после страшного землетрясения и наводнения. Платон называет Атлантиду самой мощной морской силой в регионе — что действительно может быть намеком на минойскую цивилизацию. Такого рода предположения в самом деле завораживают — но к несчастью, в данной работе нам просто не хватит места, чтобы описывать в деталях даже многие реалънж цивилизации, не говоря уже об исследовании воображаемых. (Прим. авт.)

94

Теория начала XX века, говорящая, что арии полностью завоевали хараппанские города, относилась больше к политике, чем к фактам; европейские ученые стремились найти доказательства, что арии с их европейскими корнями во всем превосходили местное население Индийского субконтинента. Эта мотивация окрашивает также английское понимание слова арий, которое (хотя и относится к отдельной группе людей) первоначально, вероятно, не несло смысла «чистокровный». Как указывает историк Стюарт Пигготт, очень похоже, что оно подразумевает «знатный» (в противоположность классу «служащих»); вторгавшиеся арии, расселяясь как завоеватели, становились правящим классом в землях, где они селились. (Прим. авт.)

Эта группа людей часто называется «индоевропейской» — не очень-то помогающим именем, которое означает, что они не были семитами, эламитами или египтянами. «Индоевропеец» — это первичный лингвистический термин, относящийся к наличию общности в языках, на которых говорили в Европе и в Индии, и которой не было с семитским, египетским или эламитским языками. Между прочим, минойцы все еще являются белым пятном в этом четырехстороннем разделении: они, вероятно, являются индоевропейцами, которые иммигрировали из Малой Азии через Крит — но, возможно, представляют собою пятую, отличную от других, языковую группу. Языки Дальнего Востока попадают в абсолютно отдельную категорию. (Прим. авт.)

96

Стандартная месопотамская хронология ставит после Древнего Вавилонского периода (правление династии Хаммурапи 1800-1600 годы до н. э.) эру касситов (1600-1150 годы до н. э.) (Прим. авт.).

97

Положение Камеса в семье не совсем ясно; он мог быть братом Секен-не-Ра, так как существует значительный разрыв в возрасте между Камесом и Яхмесом, который приходит следующим. См.: Aidan Dodson and Dyan Hilton, The Complete Royal Families of Ancient Egypt (Айдан Додсон и Дайен Хилтон, «Все щрекие семьи Древнего Египта»), p. 126. (Прим. авт.)

98

Эти четыре мумии, а также еще пятьдесят две, дошли до нас в хорошем состоянии, потому что египетские жрецы собрали и спрятали их двумя партиями примерно в 1000 году до н. э.; клирики надеялись защитить мертвецов от нарастающей волны ограблений гробниц. Первая партия была найдена в 1881 году, вторая — в 1898 году. (Прим. авт.)

99

Тутмос I был, вполне вероятно, первым фараоном, который использовал Долину Царей — но его мумия так и не была идентифицирована, а его имя выбито на двух различных саркофагах Долины. Некоторые ученые считают, что он вообще был похоронен где-то в другом месте. (Прим. авт.)

100

Историк Джеймс Генри Бристед был первым, кто назвал Тутмоса «Наполеоном Древнего Египта», и этот титул пристал к нему. (Прим. авт.)

101

Это первое упоминание в истории города Мегиддо. Он существовал здесь со времен Авраама и контролировал стратегически важный узел дорог. Благодаря своему расположению Мегиддо стал местом ряда важных битв мировой истории, последнее крупное сражение произошло здесь в XX веке. В греческом тексте Библии Мегиддо именуется Армагеддоном, здесь должно будет произойти величайшее сражение перед концом света. (Прим. авт.)

102

Не было найдено никаких архивов Митанни — это означает, что у нас нет списка царей, нет корреспонденции, на основе которой можно было бы рассуждать, поэтому невозможно создать точный свод правителей; все конструкции по последовательности царей Митанни остаются открытыми для обсуждения. (Прим. авт.)

103

И Инь (Yi Yin) также известный как Хэн, был министром в начале эпохи Шан и являлся одним из самых почитаемых должностных лиц ранней династии. (Прим. ред.)

104

Термин «Greek» — это анахронизм. Классическая греческая (Greece) цивилизация началась гораздо позднее; но Греческий — удобное название для полуострова, который, как и Китай, является очень четко определенным географическим пространством. Существует также связь, пусть слабая и мифологическая, между городами Микен и культурой классической Греции; наиболее вероятно, что микенцы — это народ, который Гомер называет ахейцами (или данайцами, или аргивянами — по именам самых первых греческих героев). По поводу пространной дискуссии о происхождении греков и хронологии микенской культуры см. работу Уильяма Тейлора «Микенцы» (Lord William Tay-lour, The Mycenaeans). (Прим. авт.)

105

Точное соответствие между гомеровскими эпосами («Илиада» и «Одиссея») и ранними культурами на Греческом полуострове не вполне ясно. И так как все ученые — археологи, историки и литераторы — имеют собственные теории, основанные на различных материалах, проблема не становится яснее. Тем не менее, кажется наиболее логичным принять, что такие эпосы, как «Сказание о Гильгамеше» и китайские рассказы, устно прошли через множество поколений и отражают, хоть и слабо, гораздо более ранние времена. (Прим. авт.)

106

Об этом идут нескончаемые дебаты. Мать Аменхетепа III, Мутем-вай, не может быть наверняка идентифицирована с дочерью Артадамы, но существуют сильные аргументы в ее пользу (один из них — то, что она не была главной женой Тутмоса IV). (Прим. авт.)

107

См. главу 15. (Прим. авт.)

108

См. главу 28. (Прим. авт.)

109

Эта дата, 1446 год, основана на прямом прочтении главы Первой Книги Царей 6:1. Глава сообщает, что прошло 480 лет между Исходом и строительством храма Соломона (ок. 966 года до н. э.). Другие версии о фараоне, при котором произошел Исход, указывают на Рамсеса II (глава 34), чьи крупные строительные планы хорошо подходят для задач, данных израильтянам в рабстве, и его преемника Мернептахо (глава 38), который является первым фараоном, сделавшим явное признание израильского народа как такового; его победная стела 1207 года до н. э. говорит: «Израиль разорен, в нем нет больше семени, Палестина стала вдовой для Египта» (процитировано у Питера Клейтона в «Хронике фараонов» (Peter A. Clayton, Chronicle of the Pharaohs: The Reign-by-Reign Record of the Rulers and Dynasties of Ancient Egypt, p. 157). В действительности трудно понять, как эта цитата соотносится с массовым исходом израильтян из Египта — хотя она и свидетельствует о более раннем существовании израильтян как отдельно выделяемого народа. (Прим. авт.)

110

С этого момента историки начинают отсчитывать ассирийское Среднее Царство. (Прим. авт.)

111

Уничтожение было таким полным, что только с великим трудом (и заметной долей неопределенности) мы можем реконструировать правление Эхнатона, поэтому детали его описаний варьируются от историка к историку. (Прим. авт.)

112

Удивительно, почему, учитывая двойное прерывание линии по крови после Тутанхамона (и возможное перед ним, так как его родословная вовсе не ясна), Мането не начал новую династию или с Эйе, или с Хоремхеба. Ответ на это заключается в том, что общий хаос в конце Восемнадцатой династии внес неразбериху не только в само наследование, но и в позднейшие записи. Эйе принял некоторые памятники Тутанхамона как свои собственные; Хоремхеб сделал то же самое с памятниками Эйе; два наиболее известных варианта египетского царского списка перескакивают через Тутанхамона и Эйе и переходят прямо к Хоремхебу. Он появляется как последний фараон Восемнадцатой династии — прежде всего из-за того, что заявил, будто его жена была сестрой главной жены Эхнатона, что (едва ли) квалифицировало его как наследника по женской линии; и из-за того, что он делал все от него зависящее, чтобы стереть все следы Эхнатона, Тутанхамона и Эйе, добавляя их годы правления к своим собственным, так что царский список, написанный под его контролем, переходит напрямую от Аменхетепа III к Хоремхебу, позднее, однако, его иногда указывают как фараона, основавшего Девятнадцатую династию, а не последнего царя Восемнадцатой. (Прим. авт.)

это место было покинуто и оставалось незаселенным четыреста лет. Греки построили на этом месте город примерно в 700 году до н. э., много позже возникновения эпических легенд о Троянской войне, и назвали город Илион; археологи называют Илион Троей VIII. Римляне захватили греческий город в первом веке до н. э. (Троя IX — последнее большое заселение города). (Прим. авт.)

114

Дж. Лесли Фиттон замечает: «Множество литературных работ относится к дате окончательного уничтожения Кносса, но консенсус до сих пор не достигнут» (Минойцы, стр. 181). Однако при любых расчетах Кносс перестал быть могущественным центром примерно в 1450 году и никогда больше не достиг прежнего важного положения.

115

Исследователь Дж. А. Г. Роберт указывает, что жертвы часто увеличивались на десять: это, вероятно, подходит к моей теории, упомянутой в главе 15, что число десять могло служить как усилитель качества. (Прим. авт.)

116

Сложные лингвистические расчеты привели большинство ученых к соглашению, что гимны «Ригведы», впервые записанные около 600 года до н. э., завершили процесс устного творчества, шедшего примерно между 1400 и 1100 годами до н. э. (для краткости объяснения см. главу Стэнли Уолпер-та «Век ариев» в книге «Новая история Индии» (Stanley Wolpert. A New History of India.). Давая эту дату, отметим, что даже самые ранние из легенд в «Ригведе» ничего не говорят о жизни, которую эти племена предположительно вели в пустынях Центральной Азии, севернее гор; это должно означать большой зазор времени между расселением вдоль Инда и первыми устными рассказами, сохранившимися для нас в «Ригведе». (Прим. авт.)

117

То есть «Тот, кого возлюбил Птах». (Прим. ред.)

118

Со времени пра-прадеда Тукульти-Нинурты ассирийские цари начали вести детальные записи всех военных кампаний за все годы их правления; это дало нам массу информации о завоеваниях ассирийцев в то время. Другие подробности поступили из писем, найденных в Ниневии и находящихся теперь в Британском музее; см. Йорген Лэссое, «Народы древней Ассирии» (Jorgen Laessoe, People of Ancient Assyria: Their Inscriptions and Correspondence), стр. 94-96, для получения более полной информации о природе материалов из источников. (Прим. авт.)

119

Хронологию этих событий восстановить достаточно затруднительно, но вероятно, Тукульти-Нинурта является царем Нимродом из Книги Бытия 10:10 — могучим охотником и воином, чье царство включало Вавилон, Эрех, Аккад и Ниневию (то же пространство, на которое притязал Тукульти-Нинурта для Ассирии). Удивительно, что эта иудейская версия имени великого ассирийского царя стала в английском языке синонимом для глупого и слабого человека (« What a nimrod/» — «Ну и нимрод!»). Единственное объяснение происхождению этого оборота, какое я смогла найти: однажды Багз Банни, известный специалист по Библии, назвал Элмера Фудда «бедным маленьким Нимродом» — продемонстрировав иронию по отношению к «могучему охотнику». По-видимому, субботняя утренняя телевизионная аудитория, плохо помня всю генеалогию библейских персонажей, восприняла эту иронию как общее оскорбление и приложила ее ко всем заикам и вообще людям, похожим на Фудда. Таким образом, искаженное эхо об умениях Тукульти-Нинурты отскочило, как мяч от руки плохого игрока, в словарь XX века. (Прим. авт.)

120

Техника «подсчета по кистям» раз или два изменялась в более ранних битвах, когда солдаты, очевидно, решали отрезать взамен пенисы и приносить их для подсчета (видно по одному особенно интересному барельефу, на котором писцы сравнивают подсчет по рукам с подсчетом по пенисам, чтобы проверить, совпадает ли счет). (Прим. авт.)

121

Кажется, что большая часть китайской и индийской истории, которую мы рассмотрели до настоящего момента, также погружена в темные времена. Но данный термин обычно используется в том случае, когда имелась зафиксированная документами письменная история, а затем ее след вновь теряется — не для времени до того, как широко стали пользоваться записями о событиях. (Прим. авт.)

122

Этот Навуходоносор I менее известен, чем его тезка Навуходоносор II. Последний, живший около 605-561 годов до н. э., захватил Иерусалим, отстроил заново Вавилон и (согласно преданию) построил Висячие Сады Вавилона для своей тоскующей по родине жены. (Прим. авт.)

Русский перевод см.: http://www.vekperevoda.com/1930/vyakobson. htm. (Прим. ред.)

Более известен как Чжоу Синь или Ди Синь. (Прим. ред.)

125

Вэнь и Ву появляются как Вэнь-ван и Ву-ван в системе пиньин: «Ван» или «царь» становится суффиксом всех царских имен Чжоу. Но я предпочитаю использовать обозначения «царь Вэнь» и «царь Ву». (Прим. авт.)

126

Хроники древнего Китая смешивают историю и философию до такой степени, что становится трудно использовать их как источники традиционной исторической хронологии. Вероятно, самым древним китайским текстом является философски ориентированная «Книга Перемен» — «И Цзин» («I ching», в транскрипции пиньин — «Yt jing»). Большая ее часть традиционно приписывается основателю династии Шан; ценные комментарии были добавлены к ней эпоху Воюющих Царств (475-221 годы до н. э.). Продолжение китайских текстов, дошедших до нас, пришло от времени Конфуция (551-479 годы до н. э.). Классическая «Книга Песен» («Ши Цзин») содержит 305 стихотворений, собранных (согласно традиции) Конфуцием, которому приписывают также первую хронологию истории Китая — «Вёсны и Осени» («Чунь-цю»); эта история отражает события от 722 года до н. э. и почти до конца жизни Конфуция. Примерно между 475 и 221 годами до н. э. анонимный комментатор добавил к «Чунь-цю» свои заметки, известные как «Цзо Чжуань». В IV веке до н. э. появилась «Шу Цзин», известная также как «Шан Шу» или «Официальная История» — это была компиляция, покрывающая исторический период с дней Совершенномудрых Царей до конца периода Западного Чжоу. В 124 году до н. э. эти «Пять классических работ» («И Цзин», «Ши Цзин», «Шу Цзин» и «Чунь-цю» плюс текст об обрядах и ритуалах под названием «Ли Цзин») были объединены вместе как основная программа для обучения китайских ученых и стали известны все вместе под названием «У Цзин». Сыма Цянь, писавший между 145 и 85 годами до н. э., пользовался всеми ими в качестве источников.

Другие полезные источники по древней китайской истории включают в себя так называемые «Бамбуковые Анналы» {«Цзу Шу Цзи-ниань»), копии хроник Восточного Чжоу с 770 до 256 год до н. э.; и «Гуань-цзи» (Guanzi), сборник анонимных исторических эссе, написанных (вероятно) между 450 и 100 годами, до н. э. и собранных вместе в одну книгу ученым Лю Сяном в 26 году до н. э. Наконец, исторические материалы могут быть найдены в «Четырехкнижии» («Си Шу») опубликованное около 1190 года н. э. Это сборник, который включает в себя две главы из «Ли Цзин», опубликованные отдельно и приписываемые самому Конфуцию, работы Мэн-Цзы, самого известного последователя Конфуция, и собрание высказываний Конфуция, названное «Лунь Юй». (Прим. авт.)

127

Эпоха Чжоу обычно разделяется на две. Первая — период, когда столица Чжоу находилась в западной части царства, которая известна как Западное Чжоу, оно существовало примерно с 1100 до 771 год до н. э. (Прим. авт.)

128

Исследователь Ли Сюэ-цинь указывает, что Конфуций называет весь город Чэнчжоу именем, которое также время от времени и используют другие историки. Чэнчжоу было названием мегаполиса, состоявшего из городов-близнецов Лоян и Ванчен; последний был «царским городом», западной частью города, куда позднее переместился царь Пин со своими наследниками. См.: Ли Сюэ-цинь, «Восточное Чжоу и цивилизации Цинь» (Li Xueqin, Eastern Zhou and Qin Civilizations) стр. 16-17. Ради простоты я решила всюду использовать название Лоян. (Прим. авт.)

129

Поскольку мы не знаем, какой транскрипцией пользовался в данном случае автор (точнее, его источник), то использовали систему пи-ньин. В системе Уэйда-Джайлза имя Chuan-Jung будет читаться как Чжуань Жун. (Прим. ред.)

130

«Махабхарата» — крупное произведение, самая длинная из всех известных эпических поэм на любом языке; ее самая краткая версия имеет восемьдесят восемь тысяч стихов. Она охватывает долгий период времени и существует в нескольких вариантах. Кроме того, она содержит много мифов, домыслов и философских отступлений, которые не имеют отношения к основному повествованию. Для этой истории я использовала

свободный перевод, сделанный Чакраварти В. Нарасимханом в качестве 71-го тома проекта «Рассказы о цивилизациях: источники и анализ»; он подготовлен и опубликован отдельно издательством Колумбийского университета в виде работы «Махабхарата: Английская версия, собранная из отдельных стихов». (Narasimhan, Chakravarthi V, trans. The Ma-habharata: An English Version Based on Selected Verses.) Другие переводы могут отличаться в передаче деталей рассказа. (Прим. авт.)

131

Эта легенда подана в «Махабхарате» следующим образом. У царицы-матери есть секрет: Вьяса на самом деле ее сын, рожденный еще до ее встречи с царем Куру и затем тайно отосланный прочь. По ходу повествования раскрываются обстоятельства его рождения: когда будущая царица была еще молоденькой девушкой, один мудрец схватил ее, когда она переправлялась через реку на лодке, и «овладел ею», обещав, что она останется девственницей — полезная деталь, доступная, к несчастью, только для волшебников. Царица-мать также добавляет, между прочим: «До того мое тело издавало отвратительный запах рыбы, но святой рассеял его и одарил меня ароматом, которым я теперь обладаю», — подробность, которую мы лучше оставим неизученной. (Прим. авт.)

132

Хотя детали войны могут быть и мифологическими, существуют археологические доказательства распространении власти одного клана или правящей группы на другие. Около 900 года до н. э. (это общепринятая дата великой войны) простое гончарное производство, которое, судя по всему, было свойственно для Хастинапутры и окружающих областей, внезапно сменилось гораздо более утонченной продукцией: так называемыми «раскрашенными серыми изделиями» (РСИ), сформированными на гончарном круге и раскрашенными орнаментом и цветами. Чуть позже появились похожие, но все же несколько отличающиеся гончарные изделия, называемые «северными черными полированными изделиями» (СЧПИ), область их распространения перекрывала центр области распространения РСИ, распространяясь дальше на юг и гораздо дальше на восток. См. Джон Киай, «Индия: История» (John Keay. India: A History), стр. 42-43, а также Герман Кульке и Ротермунд Дитмар, «История Индии» (Hermann Kulke and Rothermund Dietmar. A History of India), стр. 363. Эти гончарные изделия заставляют предположить, что две родственные, но различные группы переселенцев пришли извне и поселились среди местного населения, а затем одна из групп захватила территорию, которая принадлежала другой. Это не намного отличается от легенды, рассказанной Махабхаратой. (Прим. авт.)

133

На самом деле родоначальников израильских племен, сыновей Иакова и правнуков Авраама, было тринадцать: Рувим, Симеон, Левий, Иуда, Иссахар, Завулон, Ефрем, Манассия, Вениамин, Дан, Асир, Гад и Неффа-лим. Однако Рувим потерял свое положение первородства, так как переспал с наложницей отца Валлой, матерью его сводных братьев Дана и Неф-фалинна. Взамен его отец Иаков решил признать двух сыновей Иосифа, Ефрема и Манассию в качестве лидеров кланов; таким образом, его благословение на смертном одре коснулось двенадцати сыновей и их семей. Несмотря на это, клан Рувима сохранил свое положение иудейского племени. Число двенадцать поддерживается по двум различным причинам: когда племена назывались с целью набора солдат или при распределении земли, племя Левия оставалось в стороне, так как его люди все должны были становиться священниками, поэтому ни один не мог быть солдатом или владеть землей. Когда же все племена подсчитывались по предкам, Левий включался, но племена Ефрема и Манассии считались как полу-племена, «потомки сынов Иосифа» (см. Числа, 1:20-53.). (Прим. авт.)

Имеется в виду Иисус Навин. (Прим. ред.)

135

Израиль, название, под которым иудейская нация стала известна, когда осела в Ханаане, было новым названием, данным Иакову ангелом Господним, когда они боролись в потоке Пенуэль; оно означает «7от, кто сражается с Богом в сердце». (Прим. авт.)

136

Как и Исходу, Завоеванию приписывался широкий спектр различных датировок, различающихся на сотни лет. Подобно Исходу, Завоевание тоже полностью отвергалось некоторыми учеными — теми, которые предпочитают интерпретировать археологические данные как свидетельство постепенного проникновения в эти земли, проводимого различными мелкими группами иудеев. Так как существующие доказательства этой теории неубедительны, дискуссия продолжается. Повествование в Книге Иисуса — самое четкое из имеющихся у нас описаний, посвященных созданию Израильского царства в Ханаане. (Прим. авт.)

137

1000 год до н. э. — примерное время подъема Давида, общепринятое начало Железного века на древнем Ближнем Востоке. Антропологи предполагают, что знания об обработке железа распространились на восток из Микен по морским путям во время вторжения дорийцев. Колин Мак-Эведи замечает, что это «совместимо с... библейским рассказом о попытке филистимлян держать израильтян в положении военной подчиненности, запретив им производить любой железный инструмент». См.: Colin McEvedy, The New Penguin Atlas of Ancient History («Новый Пенгвиновский атлас древней истории»), p. 48. (Прим. авт.)

138

Самым высоким человеком в истории был Роберт Уодлоу, который достигал восьми футов одиннадцати дюймов. Что касается нашего времени, то самый высокий из ныне живущих людей — это Леонид Стадник из Украины, который имеет рост восемь футов четыре дюйма и все еще растет (из-за неполадок с гипофизом). Девять футов — это неправдоподобная высота, но она может быть приблизительной и несколько преувеличенной. Впрочем, в те дни, когда средний израильтянин был примерно пяти с половиной футов, семь футов должны были восприниматься как потрясающий рост. (Прим. авт.)

139

В риторических высказываниях политиков Ближнего Востока идентичность иевуситов стала предметом спора. Ясир Арафат, глава Палестинской автономии, заявил о происхождении арабов от иевуситов (определяемых как люди, пришедшие из Аравии) и настаивал, что Давид, первый великий иудейский царь, силой отнял город у его жителей, законных владельцев. Заявление Арафата задокументировано Эриком Клайном в книге «Иерусалим осажденный: от древнего Ханаана до современного Израиля» (Eric C\ine. Jerusalem Besieged: From Ancient Canaan to Modem Israel), а также в других источниках. Израильские политики ответили на это, проведя празднование основания Иерусалима царем Давидом (Клайн, стр. 11-12). (Прим. авт.)

140

Племена, родственные хунну или их предкам — русский перевод «Книги Песен» («Ши Цзин») называет их попросту гуннами. Позднее, уже при династии Хань, они стали называться сюнну. (Прим. ред.)

141

Историки датируют «Новую Ассирийскую империю» как последнее, и самое мощное, возрождение в правление Ашшурнасирапала II. (Прим. авт.)

142

Как показывают последующие события, Ахав пользовался достаточной поддержкой у своих подданных, чтобы без проблем разгромить войско Дамаска, а затем остановить Салманасара. Конфликт со жрецами Яхве был в первую очередь отражением его противостояния с верхами израильской аристократии — которые явно не пользовались популярностью в народе. (Прим. ред.)

143

Как раз во время убийства Иезавели царю Тира, внучатому племяннику Иезавели, пришлось отбиваться от различных вызовов, бросаемых его трону. Он одержал верх, обезопасив царскую семью от всех возможных соперников. Согласно традиции записывать событие много позже имевшего место факта, греческий историк Тимей (ок. 270 года до н. э.) сообщает, что одной из жертв чистки был его зять; его сестра, внучатая племянница Иезавели Элисса, смогла спастись от убийц брата и сбежала через Средиземное море с группой верных сторонников. Они высадились на берегу Северной Африки в 814 году и основали там финикийскую колонию, город Карфаген. Элисса, под греческой версией своего имени — Дидона — позднее стала центральной фигурой в эпическом повествовании Вергилия «Энеида». Хотя большая часть этой истории, по-видимому, миф, она отражает некоторые весьма современные реалии: неурядицы в царской семье Тира могли быть связан со смертью Иезавели, либо иметь отношение к тени угрозы со стороны наследника Салманасара III на востоке; история о Иегуды показывает, что подобные «чистки» в царских семьях были обычным делом во дворцах древнего Ближнего Востока. (Прим. авт.)

Меньшими племенами были бит-шаалли и бит-шилани. На древневавилонском (халдейском) языке, использование которого в то время не задокументировано, бит по-видимому означало «семья»; вторая часть названия каждого племени относилась к предку, от которого племя происходило. См.: Х.У.Ф. Саггс, «Вавилоняне» (H.W.F. Saggs. Babylonians), стр. 134. Это показывает общее с израильтанами наследие западных семитов, и по организации племени, и по языку; ивритское слово «семья» звучало как бет. (Прим. авт.)

145

Работы Ктесия, который был врачом и изучал строение тела человека, дошли до нас только из вторых рук. Подлинники их утрачены, но позднее греческий историк Диодор пересказал большое количество рассказов Ктесия, так как верил им. Диодору приписывается много фантазий, и трудно определить, насколько его «изложение» трудов Ктесия действительно можно приписать этому древнему писателю. (Прим. авт.)

146

Историки обычно делят греческую историю на Темные века (1150750 годы до н. э.), Архаичный период (750-490 годы до н. э.), Классический период (490-323 годы до н. э.) и Эллинский период (325-300 годы до н. э.). Археологи, которые основывают свою очень древнюю хронологию на изменении стилей искусства и глиняных изделий, а не на записи событий, используют несколько иное деление. Ранние годы Темных веков у них известны как Субмикенский период (1125-1050 годы до н. э.), а более поздние — как Протогеометрический период (1050-900 годы до н. э.); выход из Темных веков называется Геометрическим периодом (по стилю рисунков на глиняных изделиях) и разделен на Ранний (900-850 годы до н. э.), Средний (850-750 годы до н. э.) и Поздний Геометрические (750-700 годы до н. э.) периоды. Эта хронология может быть найдена в ряде стандартных референтских работ, включая труд Сары Б. Помрой и др. «Древняя Греция: политическая, социальная и культурная история» (Sarah B Pomeroy, Stanley M. Burstein, Walter Donlan and Jennifer Tolbert Roberts. Ancient Greece: A Political, Social, and Cultural History). (Прим. авт.)

147

Так как я пишу скорее исторический, нежели литературоведческий труд, то не буду касаться здесь более глубокого анализа вопроса об авторстве Гомера, а также структуры эпических поэм: их языка, упора на героизм, описания поклонения ранних греков богам и т. д. Это вопросы, которые могут составить не одну книгу, а много. Так как это уже сделано, я воздержусь о углубления в данную тему. (Прим. авт.)

148

Италия не являлась единой страной до 1861 года, поэтому называть полуостров «Италийским» на этом этапе истории — более чем натяжка. Однако, как и Китай, Италийский полуостров объединялся одними и теми же культурой и предками с очень древних времен, поэтому для удобства я буду использовать данный термин. В XIX веке, когда Итальянские государства управлялись Австрией, австрийский государственный деятель Клеменс фон Меттерних заметил, что «Италия — это просто географическое понятие» — и ему немедленно доказали, что он ошибается, так как почти незамедлительно после этих слов в Италии развернулось революционное движение, объединенное сознанием национальной тождественности. (Прим. авт.)

149

В истории Италийского полуострова археологи относят 2000-900 годы до н. э. к Бронзовому веку; соответственно, период греческих Темных Веков (1200-900 гг до н. э.) приписывает к Позднему Бронзовому Веку. Железный Век здесь начинается примерно в 900 г. до н. э. (Прим. авт.)

150

Идентификация этих языков, многие из которых известны только по одному-двум фрагментам надписей, а также их взаимосвязь друг с другом являются одним из средств различения италийских культур в Железном веке. Но это очень специфическое поле работы со своей собственной фразеологией, поэтому пусть оно останется вне рамок данной книги. Т.Дж. Корнелл сделал очень сжатое, но полезное введение в предмет в своей работе «Начало Рима» (T.J. Cornell. The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000-264 BC)), стр. 41-44. (Прим. авт.)

151

Изучение греческого пантеона находится вне темы этой книги; я только упомяну, что, хотя посвященная богам культурная деятельность шла веками, «Илиада» и «Одиссея» являются самыми ранними греческими текстами, которые показывают нам личности богов и мотивации Зевса и компании. Отсюда следует, что к 800 году до н. э. греческий пантеон подвергся довольно сильному изменению, ритуалы эволюционировали и закрепились в традиции. (Прим. авт.)

152

Джудит Суодлинг, куратор отдела греческой и римской античности в Британском музее, сокрушается, что нет современного диалога Олимпии. Американцы предпочитают оставаться в стороне: только представьте себе профессиональный футбол, матч которого открывается с молитвой и посвящается богу, да еще проводится с обращением к алтарю в середине игры. Добавьте сюда образ кандидата в президенты, подбрасывающего монетку, и вы получите все три элемента древних игр: религию, спорт и политику. (Прим. авт.)

153

Классицист Р.М. Огилви указывает, что два сына греческого бога Посейдона точно так же были брошены в реку Энипей, а затем были найдены и воспитаны животными; прыжки Рема через стену Рима похожи на легенды об Ойнее и Токсее или о Поимандре и Левкиппе. (Прим. авт.)

154

Тиглатпаласар I правил около 1115-1077 годов до н. э. Тиглатпаласар II правил с 966 по 935 год до н. э. — во время хаоса в ассирийских записях и как раз перед тем, как Ашшурбанипал II начал вытеснять арамеев из страны. См. подробнее главу 47. (Прим. авт.)

155

Точный рассказ о завоеваниях Тиглатпаласара затруднен очень плохим состоянием его записей, многие из которых являлись рельефами и были разбиты более поздними царями — в частности, для использования кусков камня в качестве строительного материала. «Сохранившиеся записи, — пишет Х.В.Ф. Саггс, — так фрагментарны, что возможны различные реконструкции, и академики все еще продолжают рвать друг другу глотки ...» (H.W.F. Saggs, The Might That Was Assyria, p. 88). Я привожу здесь одну из возможных реконструкций событий. (Прим. авт.)

156

Узел, как многие читатели уже догадались, назывался Гордиевым; похоже, он получил свое название благодаря другому преданию, которое говорит, что погонщиком был не сам Мидас, а его отец Гордий. Однако, как указывает Эрнст Фредериксмейер, историк Арриан сажает в телегу Мидаса; в этом ему вторит Плутарх и другие, да и сам Александр верил такой версии событий. См.: Ernest A. Fredricksmeyer, «Alexander, Midas, and the Oracle at Gordium» («Александр, Мидас и оракул в Гордиуме»), Classical Philology 56:3 (1961), p. 160-168. (Прим. авт.)

157

Студенты, изучающие современную историю, возможно, вспомнят здесь ряд не особенно приятных событий из Новой истории — в частности, движение, приверженцы которого называли себя «британскими израильтянами», которое в XIX веке проявило обновленный интерес к национальной идентичности. Практически не основываясь на какой-либо исторической или географической базе, «британские израильтяне» предположили, что эти десять племен прошли через Кавказские горы и осели в Британии, что делало белых христиан Британии потомками «истинного Израиля». Это послужило возникновению ответных действий антисемитов, в результате которых тогдашние евреи получили ярлык лжецов. Вся эта теория полностью нелепа с политической точки зрения, так как Саргон II никогда бы не позволил никакого массового исхода израильтян: его целью было лишь уничтожить их идентичность как нации. Десять племен Израиля не были «потеряны» — хотя они были целиком перемещены, но их можно было найти. Они были очень умело стерты из истории и с политической карты. (Прим. авт.)

Это, вероятнее всего, реконструкция, заданная рассказом и надписями самого Саргона, но точные действия ассирийских армий в любое конкретное время весьма умозрительны: «Различие географических реконструкций, появившееся из рассказов [о кампании], — пишет ассиро-лог Пауль Зимански, — это дань ассирологической изобретательности и ассирийской невнятности». См.: Paul Zimansky, «Urartian Geography and Sargon's Eighth Campaign» («География Урарту и восьмая кампания Саргона») $_{y}$ Journal of Near Eastern Studies 49:1 (1990), p. 1. (Прим. авт.)

159

Семитское имя Меродах-баладана использовано в библейских притчах как имя царя Вавилона. Меродах-баладан взял себе имя Мар-дук-апла-иддин II. Иногда он появляется в историях о Вавилонии под составным именем — как Меродах-баладан II. (Прим. авт.)

160

Это царское вавилонское имя Меродах-баладана.

161

Кампания 701 года описана в хрониках Синаххериба, во Второй Книге Царств и у Исайи, 36-37; она также описана Геродотом и Иосифом. Некоторые неассирийские хроники упоминают также вторую кампанию против Иерусалима в конце правления Синаххериба (она не описана нигде больше). Ни один из этих источников не дает полную и ясную картину хода событий, поэтому наше описание — лишь реконструкция возможных действий. (Прим. авт.)

162

Стихотворение Байрона «Поражение Синаххериба», три четверостишия из шести, даны в переводе Алексея Толстого. (Прим. перев.)

163

Период Восточного Чжоу (771-221 годы до н. э.) далее делится на две части. Годы с 771-го по 481-й известны как период «Вёсны и Осени» — по хронике, составленной Конфуцием; он охватывает исторические события от начала Восточного Чжоу и далее через все годы жизни самого Конфуция и назван анналами Вёсен и Осеней (Ch’un-ch’iu, или на пиньин Chun-qiu). Вторая половина периода Восточного Чжоу, 403-221 годы до н. э., известна как период Воюющих царств. Годы 481-403 полностью поглощены хаосом (см. главу 62). Такое разделение широко, но не повсеместно, используется историками. (Прим. авт.)

Существует множество вариантов названий этих государств. В попытке уменьшить уровень неразберихи я решила использовать традиционное написание для всех основных игроков и не пытаться придерживаться единой системы перевода. Прочие историки (и исторические карты) чаще пользуются следующими версиями: Ки — Qi (Ch’i); Шу, Чу — Chu (Ch’u); Шин, Чин — Ch’in (Qin); Цзин, Чжин — Jin (Chin, Tsin); Йен — Yen (Yan); Лю — Lu (нет варианта); Вэй — Wey (Wei, We); Ченг, Чен — Cheng (Zheng); Сунг, Сун — Sung (Song); Ву — Wu (нет варианта); и Чжоу — Zhou (Chou). (Прим. авт.)

165

Князь Ци, который был современником царя Си, имеет то же имя, что и дед Си, царь Хуань; я называю его просто князь Ци, чтобы избежать недоразумений. (Прим. авт.)

Идентификация этих событий до сих пор остается загадкой. Книга Исаии (37:38), говорит: « Однажды, когда он поклонялся в храме бога Нисроха, сыновья его, Адрамелех и Шарецер, убили его мечом». Возможно, Адрамелех и Шарецер были сыновьями Синаххериба Арди-Нин-лилем и Набу-шар-усуром — но нет возможности выяснить это точно. Вавилонская хроника говорит просто: «Его сын убил Синаххериба, царя Ассирии, восстав». Асархадцон никогда не называл виновных в убийстве отца, и так как надписи Синаххериба определенно перечисляют не всех его сыновей, мы в результате остаемся в неведении. (Прим. авт.)

Вероятно, поэтому фантаст Роберт Э. Говард взял их имя в 1930-х годах для таинственного воинственного племени, которое жило в мистически далеком прошлом Земли — по-видимому, в эпоху между уходом под воду Атлантиды и появлением первых фараонов в Египте. Их победитель, Конан-киммериец, благодаря его киновоплощению больше известен как Конан-варвар. Его самое знаменитое замечание (в ответ на вопрос «Что самое хорошее в жизни?» он нараспев отвечает: «Крушить врагов, видеть, как их гонят перед тобой, и слышать плач женщин») излагает немного более кровожадную точку зрения, чем произнес бы обычный исторический киммериец. С другой стороны, реальные киммерийцы действительно прокладывали свой путь через мир, убирая врагов перед собой. Их точное происхождение неизвестно — хотя, вероятнее всего, они пришли не с северного побережья Черного моря, как считал Геродот. Подробнее см.: Anne Katrine Gade Kristensen. Who Were the Cimmerians, and Where Did They Come From? (Анне Катрин Гаде Кристенсен, «Кто такие киммерийцы и откуда они пришли?»), p. 7-11). (Прим. авт.)

168

Точное родство между Набопаласаром и Меродах-баладаном не ясно; внучатый племянник — самый вероятный вариант, но прямого доказательства нет. (Прим. авт.)

169

См. главу 41. (Прим. авт.)

170

Старший сын первого близнеца, Эвристена, был назван Агисом, поэтому линия царей, идущая от Эвристена называлась Агиады. Младшему близнецу, Проклу, наследовал его старший сын Эврифон, поэтому младшая линия царей стала известна как Эврипонтиды. Агиады и Эврипонтиды совместно правили Спартой до 192 года до н. э. (Прим. авт.)

171

Описание Плутархом жизни Спарты происходит от его изучения жизни Ликурга — легендарного спартанского принца (брата одного царя и дяди следующего), который самостоятельно создал свод законов и затем отошел от общественной деятельности и заморил себя голодом до смерти, дабы показать, что не жаждет власти. Плутарх говорит, что нет никаких доказательств существования Ликурга, и, вероятно, он абсолютно мифическое лицо; рамки приписываемых ему законов и культурные установления, которые он якобы создал единолично, а также другие его деяния (ему приписывают сбор фрагментов поэмы Гомера в единое повествование, что маловероятно) просто не мог совершить один человек. Но интересно, что спартанская традиция находит необходимым приписать происхождение системы спартанских законов конкретному человеку, благородство которого не вызывает сомнений — это предполагает, что спартанцы понимали, что существующие законы не красят их как нацию. (Прим. авт.)

172

Евсевий использовал вторичный источник, датируемый примерно 200 годом до н. э. Этот источник был потерян, как и оригинальная хроника самого Евсевия. Ее текст сохранилась лишь в латинском переводе, сделанном римским клириком святым Иеронимом примерно в 365 году н. э., и в армянском переводе с документа VI века (оба сохранили изначальный текст, но различные его части). Но все-таки это самый прямой рассказ, который мы имеем о ранних Афинах. (Прим. авт.)

По-английский «drastic». (Прим. ред.)

174

Закон Дракона об убийстве — единственный, который непосредственно сохранился до нашего времени, но даже он известен лишь во фрагментах. Однако другие законы из его свода часто упоминаются греческими авторами и могут быть довольно точно реконструированы по этим упоминаниям, поэтому мы имеем довольно точное представление об их содержании. (Прим. авт.)

175

Обычно этрусская история разделяется на пять периодов: виллано-ванский (900-700 годы до н. э.); восточный (700-600 годы), названный так из-за того, что этрусская культура брала многое от греков на востоке; архаический (600-480 годы), вершина этрусской цивилизации; классический (480-300 годы), начало упадка могущества этрусков; и римский (300-100 годы до н. э.) — во время которого римляне стали полностью доминировать и в политике, и в культуре. (Прим. авт.)

176

Фараоны Двадцать шестой династии известны и под греческими, и под египетскими именами. Я использовала греческие имена, так как они известны больше. Египетские имена — это Псамтик I (Псамметих I), Нехао (Нехо И), Псамтик II (Псамметих II), Вахибри (Априй), Яхмес II (Амасис) и Псамтик III (Псамметих III). (Прим. авт.)

177

См. главу 41. (Прим. авт.)

178

Книга Иеремии, которая является одним из наших основных источников по египетско-иудейско-вавилонской конфронтации, группирует предсказания Иеремии скорее по судьбоносной тематике, а не хронологически. Данное предсказание поставлено после рассказа о смерти Иеремии и воцарения Седекии, но сравнение событий во Второй Книге Царств и во Второй Книге Паралипоменон относит его к периоду до воцарения Седекии. Ср. Иеремия, 37, Вторая Книга Царств 24:7 (где говорится, что царь Египта не выходил из Египта снова после правления Иоакима) и Вторая Книга Паралипоменон 36:5-7. Тем не менее взаимоотношение между хронологиями царей, Книгой Паралипоменон и Иеремией остается нерешенной проблемой. (Прим. авт.)

179

Геродот сообщает также, что Нехо бросил копать канал из-за плохого предсказания, и его канал был завершен Дарием; это маловероятно, поскольку он же добавляет, что Нехо построил флот морских судов, который едва ли мог подходить для прочих его каналов. Вероятно, Дарий лишь прочистил канал, а затем использовал его в качестве одной из своих стратегических коммуникаций — что, собственно, и сделало его великим Царем не только по делам, но и по репутации. Аристотель, Диодор Сицилийский, Страбон, Плиний Старший, Птоломей и другие античные историки — все упоминают этот канал, хотя и расходятся в вопросе о том, кто начал его постройку, кто его завершил и где точно он проходил. Вероятно, канал периодически мелел, заполняясь илом (или песком) и требовал постоянного углубления. Обзор сведений о канале найден нами в работе Кэрол Редмаунт: Carol A. Redmount. «The Wadi Tumilat and the „Canal of the PharoahsV/оштш/ of ‘Near Eastern Studies, Vol. 54, no. 2 (Apr. 1995) («Вади-Тумулат и Канал фараонов» // Журнал ближневосточных исследований, № 54:2, апрель 1995 года), p. 127-135). (Прим. авт.)

180

Дорога процессий Мардука и Врата Иштар были украшены глазурованными плитками с исполненными в технике майолики изображениями не только львов, но также быков и драконов Мардука. (Прим. ред.)

181

Великие пирамиды комплекса в Гизе (см. главу 11) и Висячие сады Вавилона — первые два из семи чудес света, список которых был дан (среди прочего) архитектором Иоганном Бернгардом Фишером фон Эрлахом в его работе 1721 года «Эскиз одного архитектурного сооружения». Фишер следовал указаниям северо-африканского библиотекаря Каллимаха, который примерно в 260 году до н. э. составил список великих чудес мира — мы не знаем, что было в нем, так как список пропал, когда сгорела Александрийская библиотека (см. главу 78). Так как сады ко времени фон Эрлаха давно уже исчезли, он явно работал по описаниям Бероса и Диодора. (Прим. авт.)

182

См. главу 18. (Прим. авт.)

183

История Древнего мира

184

Иудейские хроники называют Априя «Хофра». Отрывки, которые могут иметь к нему отношение, находятся в Книге Иеремии — 44:30, 46:25, 47:26, а также у Иезекииля — 29 и 30:21-26. (Прим. авт.)

185

Иудейское имя Эвил-Меродах означает то же, что и вавилонское Амель-Мардук. Это показывает, что старый Меродах-баладан также поклонялся Мардуку Вавилонскому. (Прим. авт.)

186

Греческие историки, и прежде всего Геродот, являются нашим самым полным источником информации по истории Персии и Мидии. Однако про причине долгой враждебности между Грецией и Персией (что привело к нескольким войнам и вызвало трудности у Александра Великого) греки почти неизбежно изображали персов ленивыми, ищущими лишь удовольствия и коррумпированными; все хорошее в персидской культуре они относили к влиянию Мидии. Это позволяло им восхвалять (к примеру) Кира Великого, даже несмотря на то, что он был персом, поскольку образование он получил под руководством деда мидянина. Эта предубежденность, несомненно, делает греческие рассказы гораздо менее надежными. Более поздние попытки написать персидскую историю дополняют греческие источники аккуратным изучением структуры Персидской империи на основании монет, надписей и административных документов, оставленных самими персами. Тем не менее персы не оставили за собой записанной истории, поэтому греки являются нашим единственным источником информации о действиях, предпринимаемых персами как народом — в противопоставление форме империи, в которой они жили. (См. предисловие Хелеен Санциси-Вирденбург к первому тому «Истории Ахеменидов» (Achaemenid History I: Sources, Structures, and Synthesis, ed. Heleen Sancisi-Weerdenburg, 1987), p. XII-XIII. (Прим. авт.)

187

Есть предположение, что отсутствие Набонида во дворце — это источник для предания о сумасшествии Навуходоносора. Действительно, этим события весьма схожи, но между ними существуют и значительные различия. (Прим. авт.)

188

Традиционные пятидесятивесельные суда с квадратным основным парусом. (Прим. авт.)

1250 годы), Поздний Бронзовый век (1250-750 годы) и Железный век (750-400 годы). См., например, Gimbutas, Marija. «European Prehistory: Neolithic to the Iron Age». Biennial Review of Anthropology, Vol. 3 (1963), (Мария Гимбутас, «Европейская предыстория: от неолита до Железного века»), pp. 79-92. На севере Альп культуре Халыытатт предшествовали поселения раннего Бронзового века; археологи разделяют эти индоевропейские культуры Бронзового века на курганную (характеризуется громадными земляными курганами или могильными холмами, которые люди строили для своих умерших), и урновую (там, где люди кремировали своих мертвецов и укладывали кости в урны, не отличаясь этим от вилланованов и латинских племен, живших дальше к югу; см. главу 49). Развитие этих культур в использовавших железо племенах, которое совпало с подъемом к власти этрусков и колонизацией Италии Грецией, породило Халыптаттскую культуру. См. Дейти О'Хоуган (Daithi O'Hogain), «Кельты», глава I, и Гимбутас, стр. 92-93. (Прим. авт.)

190

Возможно, карфагеняне имели свои счеты с фокейцами; раскопки в Марселе показали, что финикийские поселенцы построили свою традиционную факторию в Массалии еще до прибытия фокейцев, и те вытесняли более старую торговую колонию. (Прим. авт.)

191

Общепринятая дата изгнания Тарквиния Гордого, основанная на рассказе Ливия — 509 год до н. э., хотя освобождение Рима от этрусского правления датируется 455 годом до н. э. Детальное обсуждение эволюции римского правительства после 509 года до н. э. лежит вне задач этой работы, но заинтересовавшиеся читатели могут проконсультироваться у Гэри Форсайта в «Переломной истории раннего Рима» (Gary Forsythe, A Critical History of Early Rome: From Prehistory to the First Punic War (2005)), глава 6, «Начало Римской Республики», и у Х.Х. Скалларда в «Истории Римского мира, 753-146 гг. до н. э.» (H. H. Scullard. A History of the Roman World, 753 to 146 BE. 5th edition. New York: Routledge, 2003), глава 3, «Новая Республика и борьба с чужаками». (Прим. авт.)

192

Две тысячи лет спустя мыс Фаир опять оказался на линии противостояния между двумя армиями. В 1943 году силы Оси в Северной Африке под командованием генерала фон Арнима также были вынуждены сдаться на мысе Бон — по сообщению «Гардиан» от 13 мая 1943 года, «на самом кончике полуострова». Двумя днями ранее войска союзников «отрезали мыс Бон от материка и заперли гарнизон врага в гористой местности полуострова без дорог», в то время как морские и воздушные силы союзников блокировали все попытки эвакуировать мыс Бон морем — стратегия, которую Э.А. Монтегю, военный корреспондент «Гардиан», назвал «несостоявшимся немецким Дюнкерком», сравнив его с эвакуации войск союзников из оккупированной Франции перед лицом немецкого наступления в 1940 году. (См.: «Конец организованного сопротивления в Северной Африке: фон Арним взят в плен на мысе Бон» // «Гардиан», 13 мая 1943 года.). (Прим. авт.)

193

Общее мнение историков таково, что древнее население Британии попало на остров еще до смены климата, положившей конец Ледниковому периоду, а затем было изолировано исчезновением перешейка земли между Британией и материковой Европой, что произошло к 6000 г. до н. э. (то же самое изменение уровня Мирового океана, которое продвинуло оконечность Персидского залива на север в дни древних шумерских городов). См. главу 1. Что эти жители Британии делали за тысячелетия их изоляции до прибытия кельтов, нам совершенно не ясно. (Прим. авт.)

Наш лучший источник по наиболее ранней истории шестнадцати государств — это «Пали-Канон» (называемый также «Трипитака»), огромная коллекция буддистских священных книг, передававшихся устно и записанных в течение I века до н. э. «Пали-Канон» разделяется на три раздела: «Винайя Питака» (Vinaya Pitaka), который предписывает поведение монахам и монахиням, живущим в религиозных коммунах; «Сутра Питака» (Sutta Pitaka), который состоит из сотен поучений, приписываемых Будде («sutta» — это рассуждение или поучение) и сам разделен на пять частей, называемых никайщ и «Абхидхамма Питака» (Abhidhamma Pitaka), который является систематической теологией, основанной на поучениях в «Сутра Питака». «Пали-Канон» используется всеми четырьмя основными школами буддизма (Теравада, Махасангхика, Сарвастивада и Самма-тия) и является единственной священной книгой для буддизма школы Теравада. Тексты «Пали-Канон» касаются духовных практик, а не политики; история, которую мы можем почерпнуть из них, собирается из сопутствующих ремарок или из историй, рассказываемых для иллюстрации того или иного источника буддистской практики. (Прим. авт.)

195

Самый полный список найден в сутре (поучении Будды), названной «Висакхупосатха Сутра» (Visakhuposatha Sutta). Шестнадцать государств и их меняющиеся названия — это Камбоджа, Гандхар (Гандхара), Куру (Кура, Куре), Панкала (Панчала), Малла (царство, которое также входило в союз из восьми кланов, называемый конфедерация Ваджьи или Вриджьи), Ватса (Ватсия, Ванса), Кошал (Кошала), Матсия (Мак-кха), Сурасена (Схурасена), Чеди (Сети), Аванти, Ашуака (Ассака), Каши (Каси), Магадха, Анга и Ванга. См. «Anguttara Nikaya», VIIII.43, в «Bhikkhu Khantipalo», пер., «Основы буддистской практики», в: Ро-мила Тапар, «Древняя Индия от возникновения до 1300 г. н. э.» (Romila Thapar. Early India: From the Origins to ad 1300), стр. 118; и Джон Кей, «Индия: история» (John Keay. India: A History), стр. 45. (Прим. авт.)

196

К 600 году до н. э. «Ригведа» — древнейшая коллекция гимнов со времен ариев — была соединена с тремя другими собраниями гимнов: «Самаведа» (подборка гимнов «Ригведы», собранная особым образом для использования певцами во время церемоний), «Аюрведа» (комбинация гимнов «Ригведы» плюс более новые тексты, использовавшиеся «адхварами», специалистами-священниками, которые проводили особые акты во время религиозных церемоний), и «Атхарваведа» (собрание не только гимнов, но также заклинаний и ритуалов для использования в каждодневной жизни). См.: Jan Y. Fenton et al., Religions of Asia (Ян Ю. Фентон и др., «Религии Азии»), p. 27-28. (Прим. авт.)

197

Слово «каста» было изобретением португальцев XVI века. Более вероятно, что древние индийцы использовали для разделения слово санскрита джати («рождение»). (Прим. авт.)

В VI веке до н. э. индуизм снова подвергся интенсивному развитию (не в отрыве от политических поворотов) и дал ветви в трех различных направлениях. «Путь действия» стал индуизмом, насаждаемым в особенности жрецами, которые подчеркивали, что роль каждого мужчины и каждой женщины — выполнять обязанности касты, в которой он или она рождены. «Путь познания» фокусировался не на действии, а на достижении высокой просвещенности через изучение «Упанишад» — нового учения, записанного примерно во время Шестнадцати царств. «Путь поклонения» определялся как центр добродетельной жизни, вместо почитания высших святых индийского пантеона (Шивы или Вишну). Все три традиции предлагали переход в лучшее человеческое или (возможно) в небесное существование в виде награды для тех, кто выделился в действии, или в просвещенности, или в религиозном рвении.

Это очень упрощенное изложение чрезвычайно развитой и сложной религиозной традиции. «Религии Азии» Яна Фентона и др. — это стандартное введение, которое дает чуть более детализированное объяснение развития индуизма. «Индуизм: кратчайшее введение» Кима Нота (Kim Knott. Hinduism: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press,

2000) — еще один хороший обзор. Более детализированный (и академический, хотя все-таки читабельный) источник — это «Индуизм: происхождение, верования, практика, священные тексты, святые места» Васудхи Нараянаны (Narayanan, Vasudha. Hinduism: Origins, Beliefs, Practices, Holy Texts, Sacred Places. Oxford: Oxford University Press, 2004). (Прим. авт.)

199

Я даю здесь крайне упрощенное изложение. Для получения большего попытайтесь ознакомиться с основополагающей работой «Введение в джайнизм» Бхарата С. Шаха (Bharat S. Shah. An Introduction to Jainism) или более научной — «Джайны» Поля Дандаса (Paul Dundas. The Jains). Самый известный современный последователь принципов джайнизма — это Ганди, который сделал ахисму центром своей кампании за ненасильственные перемены. Сам Ганди не был джайном, но вырос в городе, где проживало большое количество людей этой веры. (Прим. авт.)

200

Общепринятые даты рождения и смерти: Махавиры — 599-527 годы до н. э., и Будды — 563-483 годы до н. э. Эти даты были раскритикованы в недавней научной работе как сдвинутые на сто лет раньше, что передвигает обоих в следующий век. Это подтверждение более поздних дат принимается учеными Индии (хотя и не всеми), но неясность все же остается. Я решила использовать традиционные даты в целях соблюдения согласованности источников. (Прим. авт.)

201

В качестве дополнительной информации я рекомендую работы «Будда» Карена Армстронга (Karen Armstrong, Buddha (2004)) и «Будда: Очень короткое введение» Микаэля Карритерса (Michael Carrith-ers. Buddha: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press,

2001). Более объемное изучение буддизма можно найти во «Введении в буддизм: изучение, история и практики» Питера Харви (Peter Harvey. An Introduction to Buddhism: Teachings, History, and Practices. Cambridge: Cambridge University Press, 1990). (Прим. авт.)

202

См. главу 41. (Прим. авт.)

203

То есть «Книга церемоний». (Прим. ред.)

204

«Конфуций: биография» Джонатана Клементса (Jonathan Clements. Confucius: A Biography. Phoenix Mill, U.K.: Sutton Publishing, 2004) — хорошее руководство для начинающего философа; «Литературный сборник» доступен и для неспециалиста в переводе Артура Уоли 1938 года (Vintage, 1989) или в более позднем переводе Симона Лиза (B. B. Norton, 1997); «Введение в конфуцианство» Синжона Яао (Xinzhong Yao, Cambridge University Press, 2000) является более детальным и академическим руководством. (Прим. авт.)

205

Общепринятые даты жизни Сунь-цзы оспариваются некоторыми учеными. Его трактат «Искусство войны» напрямую упоминает государство Юэ на юго-востоке, которое стремится разместиться там в период после заявления У о первенстве и возражениях Юэ: «Хотя согласно моей оценке, количество солдат Юэ численно превосходит наших, — пишет он, — это не дает им преимущества для одержания победы». (Прим. авт.)

Ныне Аму-дарья. (Прим. ред.)

207

Разные изложения называют этого человека Смердис или Гаума-та; также не совсем ясно, кто был автором идеи захвата власти: он сам (то есть лже-Бардия) или его старший брат, которого иногда называют магом, так как он выполнял при дворе обязанности жреца. (Прим. авт.)

208

Согласно другим рассказам, Бимбисара уехал из царства (которое он передал сыну) и отказался от еды. Однако количество проблем, сопровождавших воцарение Аджаташатру, предполагает, что более точен более жестокий рассказ. (Прим. авт.)

Дарданеллы. (Прим. ред.)

210

Братья Македон и Магнес являлись (согласно генеалогической схеме, найденной во фрагментарном «Каталоге женщин» Гесиода) сыновьями Зевса; они «радовались лошадям» и «жили возле Олимпа», оба были характерными македонцами. Они являлись двоюроднымир братьями греков, так как их мать, Фирья, была сестрой Геллена, отца трех легендарных греческих героев: Дора (предка дорийцев), Ксута (ионийцев) и Эола (эолийцев). Прометей родил Девкалиона, от того произошли Фирья и Геллен, первая (в союзе с Зевсом) дала Магнеса и Македона, второй — Дора, Ксута и Эола.

Родство с македонцами принималось греками без великой радости. Они считали македонцев грубыми полуварварами. Даже царская семья, которая, похоже, больше принадлежала к греческой нации, чем к какому-то македонскому клану, должна была доказывать принадлежность к грекам. Когда Александр I, сын македонского царя, правившего во времена похода Дария, пришел в Олимпию для участия в олимпийских соревнованиях по бегу, его соперники пожаловались, что его нельзя допускать к участию, так как игры проводят только для греков. Александр представил свою генеалогию — и в конце концов чиновники Олимпиады заявили, что его следует считать греком. Он победил в беге, и это дает основание предполагать, что мотивацией его соперников было нечто другое, а не расовые предрассудки. (Геродот, т. 22.). (Прим. авт.)

211

Так у автора (Assembly). В действительности афинское народное собрание называлось эклесией, участие в нем было единственным политическим правом наиболее многочисленного класса безземельных граждан. (Прим. ред.)

212

Точные даты событий в Персии и Греции между 520 и 500 годами неясны; это мог быть 510 год или даже немного раньше. (Прим. авт.)

За этим предложением стоит целый ряд сложных событий. С уходом Гиппия лидер аристократической стороны (Исагор) и лидер демократической стороны (Клисфен) начали борьбу за власть. Исагор обратился к Клеомену, который вернулся, чтобы оказать поддержку Исагору, и изгнал семьсот афинских кланов. Тогда поднялись афинские массы, которые прогнали и спартанцев, и Исагора, и провозгласили лидером Клисфена.

Подобные извилистые перипетии политики внутри греческих городов-государств и между ними постоянно обнаруживается при изучении эволюции греческих форм правления — но если бы я продолжила перечисление всех этих внутренних неурядиц, моя история стала бы невозможно длинной. С этого момента кризисы, которые не отразились на сцене более широкого мира, будут излагаться предельно кратко, а не расписываться в деталях. Читателям, ищущим более подробный рассказ о политической истории Греции, я рекомендую обратиться к «Истории» Геродота, «Политике Афин» Аристотеля или какой-либо классической истории Греции, такой, как «Древняя Греция: политическая, социальная и культурная история» Сары Б. Помрой и др. (Sarah B. Pomeroy, Stanley M. Burstein, Walter Donlan, and Jennifer Tolbert Roberts. Ancient Greece: A Political, Social, and Cultural History. New York: Oxford University Press, 1999.) (Прим. авт.)

214

Афинским политиком, проведшим эти реформы, был Клисфен; он сам был аристократом по рождению и принадлежал к той группе афинян, которая явилась в Дельфы и добились расположения оракула, построив храм; но Аристотель говорит, что он защищал интересы народа. (Прим. авт.)

215

Это был случай бега на т.н. «марафонскую дистанцию». Плутарх, который жил несколькими веками позднее, говорит, что победа афинян над персами породила другой случай: некто Терсиппом или Эвкл (источники расходятся) пробежал от поля боя до Афин с известием о победе и умер от ран, как только передал сообщение. Эта история может оказаться как правдой, так и мифом, отталкивающимся от первого пробега Фидиппида (которому иногда приписывают, вероятно, ошибочно, и бег после победы). Кто бы первоначально ни пробежал (и какое бы расстояние), этот подвиг выносливости все еще помнят — в честь него названа самая длинная дистанцуия бега в современной олимпийской системе. (Прим. авт.)

То есть около 40 метров в длину и порядка 5 в ширину. (Прим. ред.)

217

«Афинской империи» никогда не существовало, но многие историки считают, что с 454 года во всех практических вопросах Делосская Лига перестала функционировать как «лига» (ассоциация ряда городов) и стала чем-то более похожим на империю, поддерживаемую мощью афинской армии. (Прим. авт.)

218

Пелопоннесская война д лилась с 431 по 405 год до н. э. Некоторые историки называют противостояние между Спартой и Афинами до Тридцатилетнего мира «Первой Пелопоннесской войной», а кампании между 431 и 405 годами — «Второй Пелопоннесской войной». Но так как большинство прямых сражений между двумя армиями имело место во второй фазе, я решила назвать настоящей войной только одну из этих фаз. (Прим. авт.)

219

До сих пор идут споры, что на деле представляла собой чума в Афинах. Фукидид не упоминает о бубонах, которые обычно описываются в рассказах о бубонной чуме. Возможно, это был тиф, но Фукидид говорит, что животные страдали так же, как и люди; это означает, что эпидемия могла быть болезнью животных, которая перекинулась на хозяев в жарких условиях афинского лета 430 года. Джон Уайли и Хью Стаббс убежденно называют болезнь туляремией — бактериальной инфекцией, которая обычно не передается от человека человеку, но могла видоизмениться со времени ее первого появления в 430 г. до н. э. Эта загадка до сих пор остается нерешенной. Подробный перечень различных гипотез см. в: J.A.H. Wylie and H.W. Stubbs, «The Plague of Athens, 430-428 BC. Epidemic and Epizootic» (Дж.А.Х. Уайли и Х.В. Стаббс, «Чума в Афинах 430-428 годов до н. э.: эпидемическая и эпизоотическая»), Classical Quartedy, New Series, Vol. 33, no. 1 (1983), pp. 6-11. (Прим. авт.)

220

Среди ученых существуют разногласия о точной дате нападения кельтов, описанного Ливием. (Прим. авт.)

221

Мы знаем подробности жизни Шан Яна из краткой биографии, данной Сыма Цянем в 68 главе «Ши Цзи». (Прим. авт.)

222

Точное расположение Кунакса неизвестно. Плутарх говорит, что он располагался в «пятистах форлонгах» (то есть около 100 км) от Вавилона, а описания битвы предполагают, что место находилось на берегах Евфрата. (Прим. авт.)

223

Ксенофонт, Ктесий и Плутарх предлагают различные версии этого столкновения. Тем не менее все они заканчиваются смертью Кира; Артаксеркс II остался жив, но был ранен. (Прим. авт.)

Возникает закономерный вопрос — а надо ли это было персам? Небольшой отряд греков не представлял угрозы: он стремился покинуть пределы Персии, испытывал трудности и нес потери без всякого персидского участия. Не видно никакой необходимости выделять силы для боя с ним, неся при этом неизбежные потери в схватке с опытными бойцами. Позволив отряду Ксенофонта уйти, Артаксеркс поступил наиболее разумно — хотя это и дало грекам возможность восславить свой героизм. (Прим. ред.)

225

У нас это растение принято называть в греческой традиции — цикута. (Прим. ред.)

Естественно, это не было концом борьбы: в 366 году сатрапы Малой Азии объединились с Афинами, Спартой и Египтом, чтобы оказать сопротивление Артаксерксу II, но союзники не смогли договориться о стратегии, и мятеж затих прежде, чем Артаксеркс успел предпринять по его поводу что-нибудь существенное. Греческий историк Диодор Сицилийский называет это действие «Великий мятеж сатрапов», и хотя он в самом деле был обширным, финал мятежа оказался таков, будто восстания и вовсе не было (Диодор Сицилийский, XV.90). (Прим. авт.)

227

«Панегирик празднику» («собирание вместе») было другим названием для общеэллинского фестиваля. (Прим. авт.)

Этот договор стал известен как «foedus Cassianum» или «договор Кассия». (Прим. авт.)

229

Греческое имя финикийского бога Ваала. (Прим. авт.)

230

Карфагенский обычай приносить в жертву детей до десяти лет описан у ряда классических авторов, включая Плутарха, Квинта Курция Руфа (историк I века, который использовал более ранние, ныне утерянные источники) и Цицерона. Ханаанские (финикийские) корни этой практики упомянуты в библейских преданиях (таких, как Второзаконие 12:31), которые рассказывают нам, что израильтяне не приносят в жертву своих сыновей и дочерей в огне, как делают «народы вокруг», потому что это мерзко для Авраамова Бога. Раскопки возле древних портов Карфагена вскрыли останки жертв, хотя статуя, упомянутая Диодором, найдена не была. См. работу Дэвида Сорена и др. «Карфаген» (David Soren, Aicha Ben Abed Ben Khader and Hedi Slim. Carthage) с описанием археологических и литературных свидетельств. (Прим. авт.)

231

Аппий Клавдий — римской политический деятель и писатель, консул в 307 и 296 годах до н. э. Занимал высшую административную должность цензора, знаменит постройкой государственной дороги и первого римского водопровода, получивших его имя, а также возведением храма Беллоны. Автор ряда крылатых латинских изречений, известен также своей речью против переговоров со вторгшимся в Италию эпирским царем Пирром. В своей деятельности противостоял Сенату и опирался на плебеев. Прозвище «Цекус» («Слепой») получил в глубокой старости, когда ослеп — то есть не мог носить его во время строительства Аппиевой дороги. (Прим. ред.)

232

Кизил — Cornus sanguinea («европейский кизил») — все еще используется для луков, потому что сгибается, не ломаясь. (Прим. авт.)

233

Каждая стадия битвы, помимо других историков, детально описана Аррианом {«Походы Александра», книга II) и Квинтом Курцием Руфом («История Александра», книга III), Я не буду давать подробных описаний битв Александра, но заинтересованный читатель для получения более полного представления может использовать весьма неплохие переводы обеих упомянутых книг, сделанные для издательства «Пенгвин» Обри де Селинкуром и Джоном Ярдли соответственно. (Прим. авт.)

234

Согласно Арриану, девичьим именем супруги Александра было Барсида; имя Статира она приняла после свадьбы, в честь матери. Считается, что к этому моменту ей был 21 год. (Прим. ред.)

235

Верьте, не верьте, но я еще сильно упрощаю. На сцене были и прочие, более мелкие игроки: Лаомедон в Сирии, Филота в Киликии, Пифон в Мидии, Менандр в Лидии, Эвмен в Каппадокии, Полиперхон в южной Греции и целая горсть других. Даже упрощенной версии довольно, чтобы у любого закружилась голова, а полная история Войн диадохов требует отслеживания событий по таблицам. Здесь я пытаюсь следовать некому среднему курсу между изложением всех деталей этой войны (совершенно непостижимых для неспециалиста и бессмысленных для такого рода повествования, так как в конечном результате все второстепенные игроки исчезли со сцены) и обычной книжной традицией, кратко сообщающей, что империя Александра была разделена на три части. Последнее действительно правда, но оставляет слишком много недосказанного. (Прим. авт.)

На то, чтобы «без труда» разгромить Деметрия, у Селевка ушло два года (287-285). Деметрий умер в качестве почетного пленника Селевка в 203 году до н. э., в возрасте примерно 53 лет. Автор книги явно несправедлива к нему: это был один из ярчайших персонажей своего времени, человек больших талантов и энциклопедических познаний, получивший прозвище Полиоркет, что значит «градоосаждатель», а в более конкретном наполнении — «знаток осадных механизмов». (Прим. ред.)

237

Пирр потерял в этом сражении в полтора-два раза меньше людей, чем противник (разные источники называют от 3,5 до 5 тысяч человек против 6-10 тысяч погибших у римлян). Однако римская армия насчитывала от 40 до 70 тысяч человек, тогда как армия Пирра — всего 25 тысяч. Пирр решил, что борьба против Рима, способного (и готового) завалить противника пушечным мясом, не стоит свеч, и отбыл на Сицилию, куда его призвали для борьбы против Карфагена. (Прим. ред.)

Точнее, так получается, если верно предположение ученого Роми-лы Тапара и «два моря» — это Аравийское море и Бенгальский залив. См.: Romila Thapar. Asoka and the Decline of the Maury as. («Ашока и закат Маурьев») 3d rev. ed. Oxford: Oxford University Press, 1998. (Прим. авт.)

239

Вопрос об отношениях между языками юга, которые были названы лингвистами XIX века «дравидскими», и языками севера (так называемые индоарийские языки), был сильно запутан политиками с тех пор, как более поздняя борьба за власть в Индии стала изображаться конфликтом между «туземцами» й «завоевателями». Истинные взаимоотношения доныне остаются абсолютно неясными. (Прим. авт.)

Заметим, что здесь автор вновь использует транскрипцию пи-ньинь — хотя только что она давала имена царей по более традиционной системе Уэйда-Джайлса. По Уэйду и Джайлсу указанное слово пишется как tzun. Судя по всему, автор просто копирует написание из тех источников, которыми пользуется, не особо вдаваясь в нюансы произношения слов. (Прим. ред.)

241

«Третий Император» многими древними источниками не признается истинным китайским императором. (Прим. авт.)

242

Это положило конец периоду династии Цинь (221-202 годы до н. э.) и начало периоду династии Хань (202 год до н. э. — 220 год н. э.) Источники, которые не признают законности Третьего императора, датируют эти периоды 221-206 годами и 206 год до н. э. — 220 год н. э. (Прим. авт.)

243

Птолемеев различают по именам и по номерам; в целях упрощения я использовала только цифры. Имена Птолемеев в этой главе такие: Птолемей Сотер; Птолемей II Филадельф; Птолемей III Эвергет, Птолемей IV Филопатор; Птолемей V Епифан. Старший сын Птолемея I, Птолемей Керавн, никогда не имел номера, так как никогда не правил в Египте, поэтому я оставила его имя. (Прим. авт.)

244

Эта история позднее была утеряна, но один из моих источников, «Походы Александра» Арриана, опирается на нее; поэтому голос Птолемея все еще слышен, даже в этой книге. (Прим. авт.)

245

Точная дата смерти Птолемея Керавна неизвестна. (Прим. авт.)

246

Римская история обычно разделяется на Царство (753-509 годы до н. э.), Республику (509-531 годы до н. э.) и Империю (31 год до н. э. — 476 год н. э.). Республика часто подразделяется на периоды Ранней Республики (509-264), Средней Республики (264-133) и Поздней Республики (133-31). У исследователей существует огромное количество вариаций по поводу точных дат, когда эти периоды начинаются и когда заканчиваются. (Прим. авт.)

247

Всего было тринадцать царей Селевкидов по имени Антиох. Из них первые пять это Антиох I Сотер («Спаситель» — вероятно потому, что он отогнал галлов), Антиох II Теос, Антиох III Великий, Антиох IV Епифан и Антиох V Евпатор. (Прим. авт.)

248

Бесконечные неурядицы на границе постоянно упоминаются в библейской книге Даниила, которая говорит, что «Царь Севера» и «Царь Юга» ходят друг на друга снова и снова, со все с большими и большими армиями (Дан. 11.2-29). (Прим. авт.)

249

Во время вторжения Антиоха III Парфией правил Арсас И, сын первого царя восставшей Парфии; Бактрия была отобрана у наследников Диодора узурпатором по имени Евфидем. (Прим. авт.)

250

В римском написании Коркира, нынешний остров Корфу. (Прим. ред.)

Ныне испанская Картахена. (Прим. ред.)

252

На самом деле Ганно (Ганнон Старший, не путать с Ганноном Великим — карфагенским наместником Ливии) был не братом, а племянником Ганнибала. Он (вместе с братом Ганнибалла Магоном) сопровождал полководца в походе в Италию и при Каннах командовал левым флангом карфагенского войска. Правителем Иберии был оставлен другой брат Ганнибалла — упоминаемый ниже Гасдрубал. (Прим. ред.)

253

Это примерная оценка; источники сильно расходятся в оценке размеров армии Ганнибала, когда он прибыл в Италию. (Прим. авт.)

Консул Тиберий Семпроний, прозванный Лонг, то есть «Длинный». (Прим. ред.)

255

Книги XXI-XXX труда Ливия «История Рима от его основания» (в переводе Обри де Селинкура), опубликованы отдельно издательством «Пенгвин Букс» как «Война с Ганнибалом», и дают детальное, год за годом, описание основных событий Второй Пунической войны. (Прим. авт.)

256

Подписан Филиппом V и римским проконсулом Публием Семпро-нием в городе Фойника. (Прим. ред.)

Это была ненависть к Риму как целому, а не ненависть к отдельным римлянам. Будучи отправлен из Карфагена в ссылку, Ганнибал оказался в том же городе, что и Сципион Африканский, который попросил встречи с ним. Они приятно провели время, обсуждая военную стратегию, и Ганнибал сделал Сципиону комплимент, похвалив его способности полководца — хотя при этом и заметил, что сам он еще лучший полководец. (Прим. авт.)

258

Это был Луций Корнелий Сципион, брат Сципиона Африканского. Последний некоторое время спустя также присоединился к кампании в качестве легата и командовал римскими войсками при Магнезии. Однако титул Сципиона Азиатского получил именно Луций, а не Публий. Увы, политическая карьера Публия Корнелия Сципиона сложилась неудачно, и уже в 185 году до н. э. он вынужден был бежать из Рима туда же, куда и Ганнибал — в Сирию, к Антиоху Великому. К тому времени Ганнибал перебрался из Сирии в Армению, где-то между этими землями и произошла знаменательная встреча полководцев-изгнанников, упомянутая автором чуть выше. (Прим. ред.)

Coelesyria, то есть «Полая Сирия». Так именовалась долина между горными хребтами Ливан и Антиливан (нынешняя долина Бекаа), а позднее — вся Южная Сирия вместе с Палестиной. (Прим. ред.)

260

Книги 1 и 2 Маккавеев — это исторические рассказы в апокрифических песнопениях, набор библейских книг, которые располагаются между Старым и Новым Заветами в христианской Библии. Эти книги не были безоговорочно приняты отцами ранней церкви как священное писание, и дебаты об их месте в каноне продолжались до XVI века. В 1546 году католический собор в Тренте объявил апокрифические песнопения «священными и канонизированными», но протестанты обычно эти книги отвергают. (Прим. авт.)

261

В 165 году до н. э. Иуда Маккавей смог вернуть храм под контроль иудеев и провел его ритуальное очищение (алтарь был осквернен поклонением Зевсу, принесением на нем в жертву свиней). Согласно I книге Маккавея, 4, очищение было окончено и храм переосвящен в декабре 164 года до н. э. — это событие празднуется позднейшими иудеями как Ханука. По Талмуду (сборник записанных комментариев к священным текстам иудаизма), у Маккавеев не оказалось достаточного количества чистого оливкового масла для ритуала очищения, но всего одна бутыль, которую они использовали, волшебным образом горела восемь дней. (Прим. авт.)

262

Период с 206 года до н. э. по 9 год н. э. историки относят к династии Западная (или Ранняя) Хань, короткий перерыв между 9 и 25 годами н. э. отделяет этот период от династии Восточная (или Поздняя) Хань (25-220 годы н. э.). (Прим. авт.)

263

В транскрипции пиньин — Xiongnu; многие историки еще используют написание Hsiung-nu в транскрипции Уэйда-Джайлза. (Прим. авт.)

«Вэнь-ди» означает «Царь Вэн»; последний слог — это царское обозначение. Я даю для большинства монархов династии Хань написание в транскрипции пиньин, так как легко перепутать их имена с названиями китайских государств. (Прим. авт.)

265

Финли указывает, что это резко отличалось от греческой системы, в которой освободившиеся рабы становились «свободными гражданами, но оставались чужестранцами в политической сфере». См.: M.I. Finley, Ancient Slavery and Modem Ideology. New York: Viking Press, 1980 («Древнее рабство и современная идеология»), p. 97. (Прим. авт.)

266

Первоначально Марий служил в Северной Африке помощником консула Метелла; Марий счел, что Метелл не способен быстро завершить войну, и провел год в лагерях, чтобы быть назначенным на место командующего. (Прим. авт.)

267

«Тиберием Гракхом» у союзников был трибун по имени Друс, который предложил, чтобы Рим давал гражданство всем италийцам, а также потребовал, чтобы земля была роздана бедным. Его реформы были заблокированы консулом Филиппом, который затем организовал убийство Друса. (Прим. авт.)

268

Евпатор Дионисий Понтийский (132-63 до н. э.) больше известен как Митридат VI, римские источники часто называют его Митридат Великий. Я решила использовать его менее известное имя, чтобы избежать совпадения с парфянским царем Митридатом II (123-88), который также был известен как «Великий» и чье правление частично перекрывало правление Митридата VI Понтийского. (Прим. авт.)

В отечественной традиции он именуется Митридатом Евпатором, царем Боспорским; Понт — это название не государства, а местности (Черное море). (Прим. ред.)

269

Имеется в виду оазис Ферганской долины — а не сам город Фергана, основанный в 1876 году генералом Скобелевым как Новый Марге-лан. (Прим. ред.)

270

Считается, что первый римский гладиаторский бой имел место в 264 году до н. э., когда рабов заставили состязаться друг с другом в ходе неофициальной похоронной церемонии. (Прим. авт.)

271

Она была также известна как Третья война рабов. Вторая война рабов велась против восстания на Сицилии в 104 году; мятеж был подавлен менее чем за год. (Прим. авт.)

272

Этнарх — титул правителя провинции в Древней Греции и Древнем Риме. Власть этнарха распространялась прежде всего на этническую или религиозную группу, и лишь как следствие — на территорию этой и других этнических групп. (Прим. ред.)

273

Должности консула и трибуна были связаны целой массой обязанностей. Преторианцы были ассистентами консулов и помогали им выполнять свои обязанности, квесторы ведали государственными финансами, эдилы отвечали за поддержание состояния общественных зданий и организацию празднований, губернаторы управляли римскими провинциями, а цензоры наблюдали за поведением граждан и соблюдением общественных норм (отсюда английское слово «censorious» — строгий). Так как римской религией управляло государство, религиозные должности тоже совмещались с мирскими обязанностями. Понтифик максим был первосвященником, который следил за менее высокими религиозными чинами (такими, как фламинии, ведающие поклонением отдельным святым, и за жрицами-девственницами — весталками), а также хранил римские государственные летописи. (Прим. авт.)

Эти люди и так уже находились в родстве, в огромном и чисто фолкнеровском переплетении браков. Тетка Цезаря была замужем за Мари-ем. Первой женой Цезаря была дочь Цинны, а второй — внучка Помпея Сулла (чья мать была дочерью Суллы и чьим отцом был кузен Помпея). Вторая жена Помпея была падчерицей Суллы, а его четвертой женой была дочь Цезаря Юлия. Когда Цезарь разорвал помолвку Юлии, Помпей предложил отвергнутому жениху собственную дочь, хотя она уже была помолвлена с сыном Суллы. Красс женился на вдове своего брата и в этом браке оставался, хотя ходили слухи, что у него связь с одной из весталок. (Прим. авт.)

2Я1стория Древнего мира

275

Первые слова «Bella Gallico», «Записок о Галльской войне» — «От-nis Gallia est divisa in trespartes», то есть «Вся Галлия разделена на три части». Эта фраза стала одним из самых известных латинских выражений в англоязычном мире, так как поколения студентов латинистов должны были переводить Цезаря в качестве своего первого «настоящего» задания по латыни. (Прим. авт.)

276

Гальфрид Монмунтский говорит, что одним из самых ранних царей Британии был человек с уэльским именем Ллюр, который имел трех дочерей по имени Коронилла, Ррагав и Корделия. Чтобы выяснить, которая из его дочерей заслужила большую часть его царства, он спросил, которая любит его сильнее. Корделия ответила: «Я буду любить тебя так, как должна дочь любить своего отца» — и этот ответ чрезвычайно рассердил Ллюра. Конечно, здесь виден источник шекспировского «Короля Лира». (Прим. авт.)

277

Кассивелаун (лат. Cassivelaunus) — вождь бриттов, сражавшийся против Юлия Цезаря во время его второго похода в Британию в 54 до н. э. Также в различных источниках встречается под именами Кассибе-лаун и Кассиваллан.

Он владел землями к северу от Темзы и постоянно вел войны с соседними народами, но во время нашествия римлян был выбран общим военачальником. Побежденный Цезарем, Кассивелаун стал платить дань и предоставил заложников. (Прим. ред.)

278

Во время вторжения Цезаря в Александрию его войска подожгли в различных местах город: несколько древних авторов говорят, что огромная Александрийская библиотека, величайшая коллекция текстов в древнем мире, сгорела именно тогда. (Прим. авт.)

В оригинале — «король». (Прим. ред.)

В любом случае, он не произносил знаменитой латинской фразы «Et tu, Brute?», которая была изобретена Шекспиром, через пятнадцать столетий. (Прим. авт.)

281

Внутренняя парфянская политика совершенно не ясна, и все реконструкции неопределенны: это лишь вероятный ход событий. (Прим. авт.)

Чэн-ди — двенадцатый император династии Хань в Китае, правил с 33 года до н. э. по 7 год до н. э. Сын императора Юань-ди и императрицы Ван. (Прим. ред.)

283

Жрецы в Иерусалиме разделились на две группы, фарисеев и саддукеев. Различия между ними были по большей части, теологическими (в основном по поводу того, состоится или нет физическое воскрешение из мертвых), но они образовывали четкие партии во внутренней политике Иудеи и Галилеи. Фарисеи были основными врагами Иисуса. (Прим. авт.)

284

В своем завещании Тиберий упоминает Калигулу совместным наследником с Тиберием Гемеллом, одним из сыновей умершего Друза — но Калигула сначала заявил, что завещание не имеет юридической силы, а затем убил Гемелла. (Прим. авт.)

285

Юэ-чжи (кит.), Ятии (у греков) или Яду (у индийцев) — восточно-иранский народ в Центральной Азии (с первого тысячелетия н. э.), говоривший на восточно-иранских диалектах северной подгруппы. Его также иногда называют восточными сарматами из-за близкого сходства этих культур. (Прим. ред.)

286

«Хоу Хань-ши» («История династии Поздняя Хань») — продолжение исторической хроники «Хань-шу», охватывающее период с 25 по 200 год н. э. Вместе с «Хань-шу», «Ши Цзи» и «Саньго-чжи» входит в состав исторического канона «Эршисы Ши». Составил хронику в V веке историк Фань Е. (Прим. ред.)

287

Каратака отбросили назад, но не разбили. Рим так и не избавился от него до 49 года н. э., когда царица племени бригантов, Картиманда согласилась поймать и выдать его в обмен на поддержку римлян. (Прим. авт.)

288

Правильна — Боудика, жена вождя Прасутага, правившего землями в районе современного Норфолка. Прасутаг пользовался покровительством Рима и широкой автономией — но в обмен на это вынужден был признать своим сонаследником римского императора. Однако поскольку у него не было сыновей, а римские законы не признавали наследования по женской линии, то не оставалось даже формальной возможности передать власть другим наследникам. Попытка Боадицеи объявить наследницами дочерей вызвала жесткую реакцию римского наместника Гая Светония Паулина — тем более что Прасутаг за свою лояльность получал от Рима ренту. (Прим. ред.)

289

Имеется в виду старейший римский амфитеатр Статия Тавра, построенный в 30 году до н. э. (Прим. ред.)

290

Римская армия подготовилась к осаде Иерусалима, собравшись в стратегически расположенном городе Мегиддо (известен как «Армагеддон» в книге Апокалипсиса). Осада по-видимому закончилась разрушением Иерусалима, что придало Мегиддо в воображении иудеев особую, апокалипсическую важность. (Прим. авт.)

На самом деле город Ар-Мегиддо стал символом гораздо раньше — со времен сражения между египтянами и ханаанянами в 1457 году до н. э. (Прим. ред.)

291

В латинском языке нет слова «император» как такового; английское слово emperor произошло от латинского imperator . Историки Тацит и Светоний используют слово princeps, которое часто переводится как «император», даже когда оно относится к Антонию или другому более раннему правителю Империи. Например, в «Анналах» Тацита (1.7) говорится, что после смерти Августа римляне старались «пе laeti excessu principis пей tristiores primordio, lacrimas gaudium, questus adulationem miscebant». В классическом английском переводе, сделанном Черчем и Бродриббом, эта фраза звучит так: «не выдавай своей радости при болезни одного императора и печали при восхождении другого». Это выражение стремится затушевать переходный период, в который республиканские идеи медленно хоронились, а правитель Рима превращался из Первого гражданина в Господина и даже Бога. Я избрала для обозначения должности правителя термин принцепс до Домициана и император после него, так как мне кажется, что именно это правление было заключительной переходной точкой от одного способа мышления к другому. (Прим. авт.)

292

«История Августа» — это сборник биографий римских императоров, которые правили после 117 года. Хотя эти биографии приписываются шести определенным авторам, многие работы в сборнике написаны, вероятно, совсем другими людьми, и невозможно узнать, какие были использованы источники. Эта книга не очень надежна, но по некоторым императорам она является единственным источником биографических данных. (Прим. авт.)

293

Римские императоры имели два ряда имен: имена, данные при рождении, и имена, которые они выбирали, когда их усыновляли в качестве наследников. Новые имена добавлялись, когда они принимали имперскую власть. Антонин Пий имел первоначальное имя Тит Аврелий Фулв Бойон Арий Антонин; когда он был усыновлен, он стал Титом Элием Цезарем Антонином; «Пий» было добавлено к его имени после восхождения на престол. Марк Аврелий был при рождении наречен Марком Аннием Вером, он стал Марком Элием Аврелием Вером при усыновлении, а по восшествии на трон сделался императором Цезарем Марком Аврелием Антонином Августом. Луций Вер сначала был Луцием Сионием Коммо-дом, стал Луцием Элием Аврелием Коммодом при усыновлении, а затем сделался императором Цезарем Луцием Аврелием Вером. Пытаясь сохранить читабельность, я сократила имя каждого до наиболее известного обозначения, а не стала разворачивать их полностью. (Прим. авт.)

То есть «Средства медицины». (Прим. ред.)

295

«Всеобщее зерцало, помогающее управлению». Этот труд был создан при участии ученых Лю Шу, Лю Биня и Фань Цзуя и представляет собой хронику Китая с 403 года до н. э. по 960 год н. э., поданную в утилитарно-назидательном ключе. Стал образцом для всех последующих конфуцианских историков и мыслителей. (Прим. ред.)

296

Я даю лишь предельно краткое определение зороастризма. Хорошее историческое обозрение развития этой религии сделано в книге Мэри Бойс «Зороастрийцы: их религиозные верования и практика» (Mary Boyce. Zoroastrians: Their Religious Beliefs and Practices, revised ed. Routledge, 2001). Менее академическое описание этой религии и ее взаимоотношения с окружающим миром — «2? поисках Заратустры: Через Иран и Центральную Азию, чтобы найти мир Первого проповедника» Пола Криваче-ка (Paul Kriwaczek. In Search of Zarathustra: Across Iran and Central Asia to Find the World's First Prophet. Vintage, 2004). Зороастризм обычно считают первым общемировым религиозным вероучением. (Прим. авт.)

297

Рассказы, оставленные римскими историками и собственными надписями Шапура, столь противоречивы, что любая реконструкция событий неточна. (Прим. авт.)

298

Иордан — готский христианский историк, работавший в Италии во времена Юстиниана (по некоторым данным был епископом Кротоне в Калабрии), автор труда «О происхождении и деяниях готов» (De origine actibusque Getarum), иногда именуемого просто «Гетика» (Getica), повествующем об истории этого народа до захвата Византией государства италийских остготов. (Прим. ред.)

299

После смерти Элагабала в 222 году в Риме сменилось восемь императоров, четверо из них правили лишь по несколько месяцев. Имена всех восьми: Александр Север (222-235), Максимин Траке (235-238), Гордиан I (238); Гордиан II (238), Пупин Максим (238), Балбин (238), Гордиан III (238-244) и Филипп (244-249). (Прим. авт.)

300

Большой папирус Харриса (он же «Харрис-500» или «Папирус № 9999») — хранящийся в Британском музее в Лондоне древний свиток времен Двадцатой династии (царствование Рамзеса III и Рамзеса IV). Назван так по имени британского коллекционера Энтони Чарльза Харриса. Имеет в длину более 41 метра, несет около полутора тысяч строк. Содержит краткий обзор царствования Рамзеса И. (Прим. ред.)